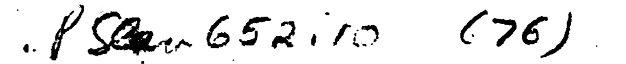

P Slav 652.10 (76)

VE RI
TAS

СОВРЕМЕННИКЪ

СОВРЕМЕННИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И (СЪ 1859 ГОДА) ПОЛИТИЧЕСКІЙ

издаваемый съ 1847 года

И. ПАНАЕВЫМЪ и Н. НЕКРАСОВЫМЪ

ТОМЪ LXXVI

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА ВУЛЬФА

1859

СОВРЕМЕННИКЪ

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ. Іюля 1 дня 1859 года.

Ценсоръ *К. Обертъ*.

ОЧЕРКИ КАВКАЗСКОЙ ВОЕННОЙ ЖИЗНИ.

I.

СТАРЫЙ ЮРТЪ.

Старый Юртъ станица на лѣвомъ крылѣ Кавказа; въ ней есть сѣрно-нефтяныя минеральныя воды, куда нашего брата военныхъ, неимѣющихъ большихъ средствъ и незнакомыхъ хорошо съ докторами, отправляютъ изъ каждаго уголка кавказскаго лѣваго крыла, цѣлыми десятками. Обыкновенный курсъ тамъ начинается съ пятнадцатаго мая. Но всё-таки, чтобы попасть въ Старый Юртъ, вы должны лечь въ госпиталь съ перваго апрѣля, конечно, серьёзно захворавъ. Я отправлялся изъ госпиталя. Скучно было дожидаться въ госпиталѣ болѣе мѣсяца отъѣзда на воды, а еще вдвое скучнѣе дожидаться этого отъѣзда весной, когда весна на Кавказѣ такъ хороша. Но вотъ вожделѣнный день наступилъ, вамъ выдаютъ прогоны и вы, пробѣгавъ цѣлый день въ полковую канцелярію за подорожной, наконецъ получите ее, и счастливые мыслью о завтрешнемъ отъѣздѣ, ложитесь въ постель, постоянно тревожась какъ бы не проспать оказію. Оказія — великая вещь. Барабаны бьютъ, рога трубятъ, ротные пѣсенники съ тулумбасами и бубнами кричатъ — проспать почти уже никакъ нельзя; но горе, если вы проспите. Цѣлую недѣлю вы должны бѣгать по квар-

тирамъ товарищей въ ожиданіи слѣдующей оказіи, терзаясь отчаяніемъ и стыдомъ — слѣдствіемъ своей оплошности. Но если вы не проспали,—вы цѣлый часъ уже послѣ сбора дожидаетесь выѣзда начальника конвоя оказіи къ воротамъ крѣпости, — дожидаетесь какого нибудь ротнаго командира, проведшаго большую часть ночи на пиру съ друзьями, — дожидаетесь до такой степени нестерпимо долго, что даже баба, подрядившаяся довезти васъ до линіи и возсѣдающая рядомъ съ вами на какой нибудь трехколесной тележкѣ, отъ скуки начинаетъ перемигиваться съ ефрейторомъ на гауптвахтѣ при воротахъ. А унтеръ-офицеръ этой гауптвахты, видя это, непремѣнно придерется къ ней, приказываетъ ей стать дальше отъ воротъ, что дескать ротному командиру проѣхать негдѣ будетъ. Баба, разумѣется, энергически отвѣчаетъ, начинается перебранка, и все это шумитъ, кричитъ, вслѣдствіе ласки, оказанной ефрейтору. Вы конечно на все это тупо смотрите, и на душѣ у васъ между тѣмъ нехорошо. Вамъ чудится дорога по линіи съ ея частыми и длинными станицами; воображаніе рисуетъ вамъ въ какой нибудь станицѣ прохладную квартиру и молоденькую казачку въ живописномъ костюмѣ (т. е. просто въ рубашкѣ), подающую вамъ мирскую (не старовѣрческую) чашку молока. Вы любезничаете съ этой казачкой, хотите ее обнять и даете невольный толчокъ вашей сосѣдкѣ; она къ вамъ быстро оборачивается, а въ это время какой нибудь знакомый голосъ, крикнувшій «здравствуйте» надъ самымъ вашимъ ухомъ, разбиваетъ въ пухъ всѣ ваши мечты, и вы уже любуетесь на заслуженную, красную личность какого нибудь капитана Н.

— Ахъ, капитанъ, мое почтеніе! спѣшите вы произнести, почтительно отвѣчая на его рукопожатіе: — развѣ вы конвоируете оказію?

— Я; да, кажется, еще не всѣ повозки выѣхали, — рано пріѣхалъ, отвѣчаетъ капитанъ зѣвая.

— Помилуйте, возражаете вы, придя въ полное самосознаніе, — рота ваша давно за воротами и повозки всѣ туда поѣхали; я не знаю, зачѣмъ это я здѣсь остался... Поѣзжай пожалуйста, тетка, скорѣе! обращаетесь вы къ бабѣ, краснѣя отъ непривычки говорить съ прекраснымъ поломъ.

Тетка подбираетъ вожжи и, бросивъ послѣдніе взгляды — значительный на унтеръ-офицера и нѣжный на ефрейтора, шажкомъ выѣзжаетъ за ворота.

Вотъ вы и за крѣпостью, вы въ полѣ. Оказія растянулась длинная, длинная, вамъ пришлось ѣхать на самомъ концѣ. Пыль, поднятая сотнями ногъ людей, лошадей и быковъ, ложится на ваше платье, лѣзетъ къ вамъ въ ротъ, въ глаза, и вы, еще разсчитывая съ прошедшаго вечера любоваться майской природой, теперь принуждены свернуться клубкомъ на своей повозкѣ и любоваться чрезчуръ развитой спинной костью своего прекраснаго кучера.

Но такое неестественное положеніе и однообразное созерцаніе вамъ надоѣдаютъ, вы спрыгиваете съ повозки и бодро маршируете къ пѣсенникамъ, поющимъ:

«Въ сорокъ во шестомъ году,
Собиралъ Шамиль орду»....

Около пѣсенниковъ, разумѣется, ѣдетъ вашъ знакомый капитанъ, и вы, чувствуя къ нему невольное почтеніе, робко пробираетесь сзади его лошади и стараетесь получше и поближе всмотрѣться — какъ это барабанщикъ такъ ловко выбиваетъ дробь въ тактъ пѣсенъ. Наконецъ вы оцѣнили всю художественность ловкаго барабанщика. Вамъ чувствуется потребность съ кѣмъ нибудь поговорить и вы, прокашливаясь и по обчистясь сколько возможно, стараетесь обратить на себя вниманіе вашего высокаго знакомца. Наконецъ вы замѣчены и даже капитанъ, въ знакъ своего расположенія къ вамъ, удостоилъ подмигнуть вамъ, энергично качнувъ головой на пѣсенниковъ, и вы, вслѣдствіе такихъ любезностей, начинаете разговаривать съ нимъ сначала объ отличныхъ пѣсенникахъ его примѣрной роты, о славныхъ усахъ его лихаго запѣвалы, а потомъ разговоръ уже можетъ перейти къ болѣе серьёзнымъ предметамъ, напримѣръ: о погодѣ, объ отличной собакѣ у к. N., о подпоручикѣ Н., который въ припадкѣ веселаго расположенія духа пропѣлъ, прищелкивая пальцами, какую-то бравурную арію (изъ волчьей погибели, какъ капитанъ непремѣнно назоветъ ее) подъ самымъ носомъ своего баталіоннаго командира М. Г., и такъ далѣе, и такъ далѣе... Но всему на свѣтѣ есть конецъ, и поучительнымъ разговоромъ вы все-таки кое-какъ убили время, и впереди уже виднѣется линія.

Садясь опять рядомъ съ своей возницей, вы просите ее обогнать мелкой рысцой оказію, т. е. достигнуть какими бы то ни было средствами обѣтованнаго мѣста около пѣсенниковъ, но бли-

же къ капитану; а тамъ, разсчитывая на его добродушіе, вслѣдствіе бывшаго любознательнаго между вами разговора, проситесь у него впередъ отъ оказіи и, получа позволеніе, мчитесь какъ вихрь, т. е. въ часъ версту, къ виднѣющейся впереди васъ станицѣ, на прохладную квартиру и къ знакомой вамъ казачкѣ въ живописномъ костюмѣ.

Вотъ общая картина всѣхъ ѣдущихъ изъ крѣпостей до линіи; но на линіи дѣло начинается совсѣмъ другаго рода, тамъ дѣло вкуса и кармана.

Но какъ бы то ни было, я, проѣзжая линію съ быстротой черепахи, всегда невольно спрашиваю себя, — на что я больше долженъ любоваться, на природу ли такую роскошную, богатую, или на станицы, такія большія, такія славныя и такія заманчивыя? Отчетъ во впечатлѣніи по пріѣздѣ съ линіи дѣйствительно очень труденъ; всегда природа и станицы, станицы и природа, перепутываются въ вашихъ воспоминаніяхъ.

Вы проѣхали старую линію и доѣзжаете до новой, только-что передѣланной изъ крѣпостей, до казаковъ, только-что переименованныхъ изъ солдатъ, и тутъ уже совсѣмъ не то. Здѣсь ужь будетъ похуже, да и природа какъ-то смотритъ не такъ. Первая станица новой линіи—это Старый Юртъ. Мѣстоположеніе Стараго Юрта, или иначе Горячеводскаго, очень незавидное. Стоитъ онъ въ какомъ-то оврагѣ, на разныхъ глупѣйшихъ буграхъ, по которымъ очень трудно ходить; спереди гора, у подошвы которой огромный постоянный паръ, виднѣющійся еще издалека, заставляетъ сейчасъ же предположить, что тутъ-то и есть благодѣтельныя ванны, омывающія, но очень рѣдко изцѣляющія недужные члены человѣчества. Сзади аулъ, съ праваго боку тоже гора, съ лѣваго боку тоже какая-то гора, однимъ словомъ не хорошо. При въѣздѣ въ станицу, васъ невольно поразитъ какая-то пустота: нѣтъ той жизни, какъ на старой линіи, а встрѣчающіеся вамъ больные такъ закутаны и перекутаны, во время майской кавказской жары, такъ жалобно смотрятъ на васъ изъ-за своихъ теплыхъ кашне и шарфовъ, что не знаете, куда дѣваться отъ нихъ, и нарядчику (десятскому) обрадуетесь.... какъ прежней вашей старо-линейской хозяйкѣ.

Но вотъ вы на квартирѣ.

Квартирка, несмотря на высокую цѣну, очень незавидна; и вы сейчасъ же по ней узнаете, что значитъ съѣздъ большой,

или предвидится большой, и что вамъ въ знакомствахъ не будетъ недостатка, только развѣ доктора вздорожаютъ.

Поустроившись и пооправившись кое-какъ, вы отправляетесь къ главному доктору явиться и предъявить свои документы на званіе старо-юртовскаго паціента. Главный докторъ, непремѣнно сѣдой старичокъ и непремѣнно въ какихъ нибудь синихъ, зеленыхъ, голубыхъ очкахъ, прежде всего обязательно спроситъ вашъ образъ жизни, долго ли сидите по вечерамъ и за какимъ дѣломъ, какъ-то особенно хитро вывѣдаетъ у васъ — не имѣете ли вы пристрастія подвизаться за зеленымъ столомъ и, если имѣете, то посовѣтуетъ въ гигіеническомъ отношеніи какъ можно меньше спать и сейчасъ же предложитъ свои услуги къ излѣченію васъ отъ всевозможныхъ болѣзней, бывшихъ и будущихъ. Если же вы не играете въ карты, то сейчасъ же посовѣтуетъ отрекомендоваться кому нибудь изъ своихъ, а ихъ практикующихъ по службѣ и практикующихъ не по службѣ, только изъ одной любви къ искусству, безчисленное множество.

Мнѣ отрекомендовали Б., я его зналъ немного прежде.

Войдя въ комнату къ этому Б., я засталъ тамъ кружокъ офицеровъ и между ними двухъ или трехъ моихъ старыхъ знакомыхъ. Пошли разговоры на обыкновенную тему «скука» и я только черезъ часъ успѣлъ получить особенную аудіенцію. Совѣты къ излѣченію моей болѣзни были совершенно общіе, то есть такіе, которые даются каждому, именно: безчисленное множество ваннъ и безчисленное множество стклянокъ теплаго декокта. Оставалось только потѣть и купаться, купаться и потѣть.

Выходя на улицу, я столкнулся въ дверяхъ докторской квартиры съ однимъ моимъ старымъ, престарымъ знакомымъ — съ поручикомъ Зерновымъ. По своей близорукости совершенно не узнавъ его, я хотѣлъ-было пройти мимо, надвинувъ отъ солнца еще больше на глаза фуражку, но онъ, схвативъ меня за руку, крикнулъ своимъ могучимъ голосомъ:

— Солдатъ, стой! Что̀ отзывъ?

Такой грозный вопросъ поразилъ меня какъ громомъ, я думалъ, что передо мной сумасшедшій. Громкій хохотъ, послѣдовавшій при видѣ моего недоумѣнія, заставилъ меня получше всмотрѣться въ страннаго господина, и между кучей волосъ на щекахъ и губѣ я увидѣлъ знакомый мнѣ носъ и глаза — словомъ, я узналъ Зернова.

— Ахъ ты, слѣпая тетеря, что же ты не хочешь признавать меня? забасилъ Зерновъ, таща меня за руку на средину улицы.— Да я тебя вылѣчу! я тебя вылѣчу!

— Помилуй, Зерновъ, отвѣчалъ я смиренно: — я невиноватъ, что глаза мои такіе скверные, да наконецъ, я никакъ не могъ предположить, чтобы ты изъ Дагестана могъ пріѣхать въ Старый Юртъ; вѣдь отъ васъ отправляютъ въ Пятигорскъ.

— Ну да, отправляютъ, но меня не отправили; чтобы черти побрали этихъ докторовъ! проговорилъ смягчаясь Зерновъ. — Но пойдемъ ко мнѣ, моя квартира вотъ тутъ, недалеко; а, братъ, какое у меня чудное и, говорятъ, совершенно новое лѣкарство! его мнѣ въ утѣшеніе и въ окончательное излѣченіе отъ всѣхъ недуговъ выписалъ, дай Богъ ему здоровья, главный докторъ и сказалъ, чтобы я принималъ больше, потому что, говоритъ, усиленные пріемы этого лѣкарства чрезвычайно какъ полезны для очищенія крови; она, говоритъ, видишь ты, какъ-то сильнѣе парализируется. Это, знаешь, братецъ, какое лѣкарство, — вотъ я тебѣ непремѣнно совѣтую его принимать, да и доктора тоже совѣтуютъ, а что всего важнѣе всѣ, кому я ни совѣтовалъ, удивительно быстро поправляются, и какъ, братецъ, благодарятъ меня за него, это.... это.... фу, ты, чортъ! продолжалъ Зерновъ, шаря по косяку двери: — проклятый Сенька опять запропастилъ куда-то ключъ; приходится по вчерашнему лѣзть въ окно; ты подожди у дверей, я окно отопру, а тамъ мы оба какъ нибудь....

Видя рѣшительное намѣреніе Зернова проникнуть въ комнату, не окончивъ своей тирады, я немного придержалъ его за полу.

— Да постой же, что жь это за лѣкарство-то? ты вѣдь мнѣ не сказалъ.

— Будто? Это, братецъ, видишь ли, сассапареллъ, настоенный на чистѣйшемъ спиртѣ, принимать по желанію и по возможности.

И Зерновъ самодовольно посмотрѣлъ на меня.

Я уже хотѣлъ-было проститься съ Зерновымъ, но на мое несчастье, нечесаный Сенька, вынырнувшій откуда-то изъ-за угла, попался на глаза барину.

— Ахъ ты, чучело безобразное! гдѣ это шляешься, шельма ты этакая! Вѣдь ты знаешь, что здѣсь не Шура, что баринъ твой — больной человѣкъ; ему нужно лѣкарство принимать каждый

часъ, а онъ шляется себѣ изъ угла въ уголъ. Вотъ, изволите видѣть, продолжалъ Зерновъ, оборачиваясь ко мнѣ съ жалующимся видомъ, что при его мужественной натурѣ и при его способѣ лѣченья было до крайности смѣшно.

Я расхохотался.

— Тебѣ смѣшно, продолжалъ Зерновъ: — а меня этотъ шельма уморить хочетъ.

— Помилуйте, баринъ, ваше благородіе, отозвался Сенька, втыкая ключъ въ замокъ: — вѣдь и я тоже живой человѣкъ, мнѣ тоже нужно полѣчиться: ходилъ въ ванну-съ.

Комната, въ которую ввелъ меня Зерновъ, была точь-въ-точь какъ моя: таже деревянная старая кровать, покрытая постелью, тотъ же некрашеный столъ, пара стульевъ съ надломанными ножками, два окна, завѣшенныя какими-то грязными занавѣсками; одного только у меня не было — огромной бутыли, наполненной какой-то темной жидкостью и красовавшейся на окнѣ противъ солнца. Я сейчасъ же понялъ, что это-то и есть лѣкарство.

— Вотъ, братецъ, вотъ! сказалъ восторженно Зерновъ, показывая на бутыль: — вотъ гдѣ жизненный элексиръ! Сенька, подай яицъ! Видишь ты, братецъ мой, доктора совѣтуютъ при этомъ лѣкарствѣ ѣсть одни только жидкіе яйца; а если можете, говорятъ, такъ лучше пить совсѣмъ безъ яицъ; я такъ и лѣчусь, у меня ужь такая манера: лѣчиться такъ лѣчиться; а вотъ ты, такъ я знаю тебя, ты при каждомъ глоткѣ лѣкарства, бывало, весь полъ оплюешь, а вѣдь согласись самъ, чѣмъ противнѣе лѣкарство, тѣмъ, значитъ, оно полезнѣе.

Я согласился, но объявилъ Зернову, что не стану пользоваться его лѣкарствомъ покрайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, покуда буду принимать ванны.

— Э, вздоръ! передъ ваннами-то и нужно разслабленіе, убѣждалъ меня Зерновъ: — разслабься, братецъ, разслабься.

Слыша такіе убѣдительные доводы и зная, что ничѣмъ не отдѣлаешься отъ разслабленія, я выпилъ полрюмки живительнаго элексира.

— Ну, теперь прощай, Зерновъ; мнѣ ей-Богу некогда, говорилъ я, взявшись за фуражку и подвигаясь къ двери.

— Куда? куда? развѣ больные такъ лѣчатся? Принялъ тамъ какую-то столовую ложку да и вонъ.

— Мнѣ нужно привести въ порядокъ квартиру, да наконецъ и спать пора: теперь девять часовъ.

— Э, баба! ну, прощай; завтра я къ тебѣ приду.

Вырвавшись отъ Зернова, я пошелъ домой.

Майскіе сумерки были очаровательны: въ воздухѣ слышался запахъ сѣры отъ близости ключа, больные мрачными тѣнями прогуливались по большой улицѣ, кой-гдѣ хорошенькая казачька перебѣжитъ дорогу съ ведрами па плечахъ....

Я возвратился домой. Ѳедоръ мой уже распорядился, самоваръ былъ готовъ и я, выпивъ наскоро стакана два чаю, завернулся въ одѣяло и заснулъ.

Часа въ четыре утра, я былъ разбуженъ страшнымъ скрипомъ колесъ около моего окна. Потягиваясь и разглаживая заспанные глаза, я увидалъ въ открытомъ окнѣ скалящую зубы и кивающую мнѣ какую-то татарскую морду въ папахѣ на затылкѣ; эта морда своимъ ломанымъ языкомъ объяснила мнѣ, что пора уже въ ванну и что *пикомъ* (экипажъ) давно готовъ.

Одѣвшись, какъ въ русскіе крещенскіе морозы, и вышедши на дворъ, я увидѣлъ, что дѣйствительно старая татарская арба дожидалась меня у дверей. Помѣстившись очень комфортабельно въ этомъ плетеномъ ящикѣ, только безъ крышки, я приказалъ везти себя къ паровой ваннѣ.

Паровая ванна сдѣлана на образецъ русской бани; полъ этой бани надъ началомъ одного изъ ключей сѣрно-нефтянаго свойства; въ полу прорублено нѣсколько закрывающихся отверстій, такъ что когда войдешь въ эту баню и откроешь люка два-три, то не только вспотѣть, можно задохнуться отъ силы пара, который ворвется въ эти люки. Просидѣть тутъ болѣе десяти минутъ — невозможно; но я слышалъ, что есть такія русскія натуры, которыя заберутся въ баню, откроютъ всѣ люки, а ихъ кажется штукъ пять, возьмутъ съ собой вѣникъ, да и парятся съ полчаса.

По выходѣ изъ бани, васъ сейчасъ же обтираютъ простыней, укутываютъ такъ плотно въ пальто, шарфы и шубы, что только вашъ носъ, чувствуя себя еще на свободѣ, самодовольно вдыхаетъ въ себя свѣжій воздухъ; подводятъ къ вашей колесницѣ и вы, разслабленные, торжественнымъ шагомъ возвращаетесь домой.

На слѣдующее утро та же колесница, съ тѣмъ же татариномъ, везетъ васъ мимо паровой ванны къ водянымъ ваннамъ,

сдѣланнымъ изъ камня и покрытымъ досчатыми баранами. Водяныхъ ваннъ числомъ до десятка. Нѣкоторыя изъ нихъ отведены для извѣстнаго рода болѣзней, въ остальныхъ же купаются нижніе чины, офицеры и семейства пріѣзжія не издалека. Офицерскія ванны и ванны для пріѣзжихъ — одни и тѣ же. Онѣ отдѣланы лучше солдатскихъ, т. е. въ нихъ всегда есть какой нибудь диванъ, покрытый простыней, резервуаръ для воды гораздо меньше, нежели въ солдатскихъ, и отдѣланъ чище и красивѣе. Водяную ванну принимаютъ по градусамъ, отъ 20 до 35; но все-таки, несмотря на гораздо меньшую способность разслаблять, сравнительно съ паровой ванной, водяную нельзя выдержать болѣе 15 минутъ. Очень скоро чувствуется тоже головокруженіе и таже слабость во всѣхъ членахъ. По выходѣ изъ водяной ванны, съ вами совершаютъ точно такую же операцію вытиранія, закутыванія и отправленія домой. Путешествія по ваннамъ совершаются однообразно каждый день, въ одинъ и тотъ же часъ.

Образъ жизни на водахъ страшно однообразенъ; при этомъ, съ каждымъ днемъ увеличивается разслабленіе тѣла. Съ самаго ранняго утра и до поздняго вечера вы потѣете и потѣете. Вечеромъ часовъ въ семь, когда спадетъ немного денной жаръ и когда дѣйствіе ваннъ и декокта ослабѣетъ, вы, все-таки закутавшись, выходите на бульваръ.

На бульварѣ ровнымъ счетомъ пятнадцать липъ, посаженныхъ одна отъ другой на разстояніи сажени; онѣ не только не даютъ днемъ никакой тѣни, но даже какъ-то мало покрываются зеленью. Дѣйствіе ли это сѣрнаго воздуха (бульваръ расположенъ около ваннъ), или ужъ такъ для симметріи съ окружающей мѣстностью, только липы здѣсь не зеленѣютъ. Но все-таки каждый вечеръ вы увидите на этомъ бульварѣ разгуливающую публику. Въ концѣ бульвара послѣ какой нибудь самой тощей [illegible] пронзительно фальшиво наигрываетъ шарманка. —

Я не разъ задавалъ себѣ вопросъ, что привело сюда бѣдную женщину съ шарманкой изъ Иркутска? Надежда ли на выгоды по такія выхода въ Старомъ Юртѣ? Одинъ Зерновъ каждый вечеръ приглашаетъ шарманку къ себѣ; но отъ него доходы немного.

Однажды вечеромъ, въ концѣ іюня, выйдя въ самомъ желчномъ расположеніи духа на бульваръ, я встрѣтилъ Зернова съ какимъ-то маленькимъ, хорошо одѣтымъ мальчикомъ и на по-

просъ мой: — что это за мальчикъ? Зерновъ принялся разсказывать мнѣ о семействѣ какого-то казанскаго полковника, началъ разсказъ съ его бабушки и кончилъ гувернанткой, о красотѣ которой говорилъ съ жаромъ и увлеченіемъ.

— А давно они пріѣхали? спросилъ я.

— Да всего два дни, отвѣчалъ Зерновъ: — а какъ поетъ, братъ! Вотъ если бы ты послушалъ, просто ангелъ!

— А гдѣ они живутъ? спросилъ я.

— Они остановились у главнаго доктора; хочешь познакомиться?

— Нѣтъ, спасибо, я съ докторомъ незнакомъ.

— Напрасно, братъ, я тебѣ ужь тысячу разъ говорилъ, — напрасно! разгорячаясь продолжалъ Зерновъ. — Ты думаешь, этотъ докторъ, какъ всѣ; нѣтъ, братъ, это совершенно особенной закваски; ты не умѣешь отличать ихъ; ты возьми то въ соображеніе, что всѣ доктора, играя въ карты съ своими паціентами, любятъ, чтобы имъ проигрывали; а этотъ совершенно наоборотъ, чѣмъ больше паціентъ его обыгрываетъ, тѣмъ больше онъ къ нему привязывается, просто, братецъ, удивленье! Я ужь тутъ подговаривалъ, чтобы ему монументъ поставить около бульвара; ей-Богу, братецъ, познакомься, а гувернаночка-то, братецъ, просто прелесть, ты....

— Да ты чтожь, волочишься что ли за ней? перебилъ я Зернова, видя, что онъ никакъ не можетъ переварить мысль о красотѣ гувернантки.

— Волочиться! Да за ней нельзя волочиться, продолжалъ Зерновъ, — это не то, что какая нибудь гризетка, жена титулярнаго совѣтника; это, братецъ, богиня, просто богиня, у ней нужно ножки цаловать.

— О, о! Да ты ужь, кажется, влюбленъ.

— Влюбленъ! продолжалъ Зерновъ, съ сентиментальнымъ выраженіемъ, — да если бы мнѣ можно было въ нее влюбиться, такъ я бы дѣйствительно былъ въ нее влюбленъ. Она, братъ, [illegible] познакомься; я тебѣ совѣтую: ты въ послѣднее время сталъ что-то ужь черезчуръ хандрить, авось она тебя вылѣчитъ.

— Да не успѣетъ, я черезъ недѣлю отсюда уѣзжаю.

— Потому-то и нужно познакомиться, уговаривалъ Зерновъ: — что за удовольствіе ѣхать больнымъ въ полкъ.

Я улыбнулся.

— Ну полно, пойдемъ завтра къ доктору съ визитомъ, — постановилъ Зерновъ; — кстати же воскресенье; а какъ поетъ-то, ахъ, шельмовство, какъ поетъ-то!...

— Да когда же ты успѣлъ ее слышать? вѣдь ты самъ говорилъ, что она пріѣхала назадъ тому два дня?

— Да видишь, въ четвергъ она пріѣхала, а въ пятницу мы дали слово собраться къ доктору на ералашъ; только я, ты знаешь, я всегда нетерпѣливъ, пришелъ къ доктору прежде всѣхъ. Проходя залу, я слышу въ гостиной перебираютъ клавиши, словно чья-то бойкая рука; думаю, кто бы это могъ быть? И только было хотѣлъ тихонько подкрасться, какъ вдругъ отличнѣйшій женскій голосъ какъ хватитъ какую-то руладу, я такъ и остолбенѣлъ... какъ пошла, какъ пошла, я просто стою среди залы, какъ шальной. Спасибо, докторъ меня вывелъ изъ этой летаргіи.
— Что, говоритъ, съ вами? А я и рта разинуть не могу, только шепчу ему: тише! тише! такъ что тотъ даже засмѣялся.

— Ну что же? перебилъ я.

— Что же? Ну, разумѣется, я сейчасъ же доктора за бока: кто? что? какъ? онъ отвѣчалъ, ну а я его началъ просить представить меня, — и представился.

— Что же она пѣла?

— А такъ что-то такое.... знаешь... и Зерновъ выразительно махнулъ рукой.

— Ну пойдемъ, сказалъ я: — я радъ увидѣть твою красавицу.

— Да, да, пойдемъ, братецъ, непремѣнно пойдемъ; а теперь прощай, нужно отвести Петю. Я завтра за тобой зайду.

Въ воскресенье въ 9 часовъ утра, Зерновъ, при шашкѣ и при эполетахъ, стоялъ уже около моей постели. Заспавшись (а по праздникамъ какъ-то особенно долго спится), я хотѣлъ было отказаться отъ визита; но Зерновъ началъ представлять мнѣ такіе убѣдительные доводы, что я поневолѣ долженъ былъ одѣваться.

Доктора мы не застали дома; приняла насъ его жена, и Зерновъ съ особенной развязностью, свойственной, какъ справедливо замѣтилъ Гоголь, одному только военному, представилъ меня ей, какъ одного изъ своихъ друзей и паціентовъ ея мужа.

Не знаю, любезность ли Зернова, или слова *паціентъ ея мужа* до такой степени расположили жену доктора въ мою пользу, что она съ особенной заботливостью расспрашивала меня о здоровьѣ, какъ подѣйствовали на меня капли и проч., даже вошла въ подробности хода болѣзни.

Разговаривая такимъ пріятнымъ образомъ и находя, что очень выгодно пользоваться расположеніемъ madame N, подъ фирмой паціента ея мужа, я нисколько не думалъ выводить ее изъ этого пріятнаго заблужденія.

При входѣ въ гостинную мы увидѣли семейство полковника и, при взглядѣ на Зернова, я сейчасъ же понялъ, что гувернантки тутъ не было.

Послѣ обычныхъ представленій и привѣтствій, разговоръ завертѣлся на томъ: о жаркой погодѣ, о пользѣ старо-юртовскихъ минеральныхъ водъ, о скукѣ и тому подобное. Просидѣвъ, какъ слѣдуетъ, съ четверть часа, мы начали откланиваться.

При выходѣ на улицу мы встрѣтились съ докторомъ. Докторъ любезный старичекъ, послѣ рекомендаціи Зернова (въ которой однакожъ не было, что я его паціентъ) сейчасъ же пригласилъ меня къ себѣ на вечеръ на преферансъ, совершенно забывъ должно быть, что я еще при первомъ визитѣ объявилъ, что не играю. Мнѣ хотѣлось однако увидѣть гувернантку, и я принялъ приглашеніе.

Вечеромъ часовъ въ 8-мь Зерновъ, раздушенный, разпомаженный, явился за мной.

Подходя къ дому доктора, мы увидали большое общество мужчинъ на балконѣ дома съ стаканами чаю и папиросами.

Докторъ, увидѣвъ насъ, съ балкона закричалъ, чтобы мы шли къ нимъ прямо черезъ садикъ. Предполагаемыя партіи въ преферансъ уже составились, недоставало только къ третьей одного и я съ удовольствіемъ увидѣлъ, какъ коммиссаръ госпиталя, пользовавшійся огромной популярностью на водахъ и такимъ уваженіемъ у всѣхъ офицеровъ, что даже Зерновъ, этотъ жаркій противникъ всего, что только заискиваетъ, кланялся ему чуть ли не за пять шаговъ, — вручилъ Зернову карточку. Однажды я спросилъ своего пріятеля, что это за особенное у него уваженіе къ коммиссару? онъ пренаивно отвѣчалъ:

— Нельзя, братецъ, я на водахъ профинтился, а онъ человѣкъ денежный, такъ того....

Докторъ, видя, что я остался безъ игры, утѣшилъ меня, сказавъ, что можетъ быть еще подойдутъ картежники и тогда я не останусь въ накладѣ. Картежники не приходили и я былъ очень радъ.

Покуда готовили столы въ залѣ, а публика дѣлала кейфъ за чаемъ, я отъ нечего дѣлать принялся разсматривать играющихъ.

Тутъ былъ капитанъ, съ великолѣпными бакенбардами, возбуждавшими ужасъ, съ типическимъ грузинскимъ лицомъ и носомъ. Навѣрно онъ долженъ былъ называться Наджановъ, или Баджановъ, или въ родѣ этого, пожалуй, съ окончаніемъ на *дзе*. Тутъ былъ молоденькій прапорщикъ, вѣчно смѣющійся дискантомъ и страшный охотникъ потанцовать, такъ что я бывало съ особеннымъ наслажденіемъ слѣдилъ, какъ онъ изъ самой станицы до ваннъ шелъ пѣшій, танцуя по дорогѣ какую-то *grande*-польку. Тутъ былъ и рыжій съ синимъ носомъ инженеръ, не тотъ инженеръ, который спеціально изучилъ свой предметъ, а инженеръ доморощенный, сдѣланный инженеромъ изъ простаго смертнаго какимъ нибудь хлопотуномъ, вслѣдствіе тонкихъ соображеній о его практической наружности. Наружность у этого импровизированнаго инженера была дѣйствительно практическая. Тутъ былъ еще какой-то господинъ, который, вмѣсто обыкновеннаго слова *говорю*, всегда говорилъ *докладываю*. Тутъ былъ и маіоръ съ руками изстрѣленными и перестрѣлянными до того, что когда нужно было сдавать карты, такъ онъ долженъ былъ всѣ повязки ослабить, иначе отъ натуги они могли бы лопнуть. Тутъ былъ еще маіоръ маленькаго роста, толстенькій, но ходившій какъ-то особенно, козыремъ. Да мало ли кого тамъ не было.

Папироски выкурены, чай отпитъ и докторъ пригласилъ насъ въ комнаты.

— Ну, а вы ужь того, пожалуйте къ дамамъ, сказалъ онъ мнѣ, дружески ударивъ меня по плечу.

Я, разумѣется, не заставилъ повторять приглашенія и отправился въ гостиную.

Въ гостиной жена доктора и все семейство полковника сидѣло чинно за столомъ, уставленнымъ чашками и стаканами, за самоваромъ. При моемъ входѣ жена доктора, очень милая дама, видя напряженность моихъ глазъ для того, чтобы узнать хозяйку, любезно встала съ своего предсѣдательскаго мѣста и дружески приняла меня.

— А вы еще незнакомы съ M-lle Щ? сказала мнѣ она, кивнувъ головой къ окну гостиной.

Посмотрѣвъ по направленію кивка, я увидѣлъ у окна, совершенно въ тѣни отъ свѣчей, дѣвушку, какъ мнѣ показалось, высокаго роста.

— Нѣтъ-съ, отвѣчалъ я.

— M-lle Щ., вотъ M-r C., сказала хозяйка дѣвушкѣ, подводя меня къ ней. — Гувернантка полковника, — объяснила мнѣ хозяйка, причемъ дѣвушка слегка вздрогнула.

M-lle Щ. приподнялась съ своего стула медленно и наклонила свою головку.

Всмотрѣться въ лицо дѣвушки въ минуту представленія и разговориться съ ней послѣ такого холоднаго пріема не было возможности. Я отошелъ съ хозяйкой къ столу.

Изъ залы доносился до насъ шумный говоръ, хозяйка мучила меня разсказами о какихъ-то новостяхъ, а я упорно смотрѣлъ къ окну, желая выбрать минуту, чтобы втянуть въ разговоръ гордую гувернантку.

M-lle Щ. долго сидѣла недвижно, наконецъ разговоръ зашелъ о портретѣ Юліи Пастрано.

— Да вотъ M-lle Щ. говоритъ, что видѣла ее за границей, сказала мнѣ хозяйка.

— Да, я видѣла ее, отвѣчала она.

— Съ моей стороны было бы большой оплошностью пропустить такой случай и я сейчасъ же спросилъ:

— Ну, что она, такъ ли безобразна, какъ объ ней пишутъ?

— Гдѣ вы ее видѣли?...

— Я ее видѣла въ Берлинѣ, отвѣчала она:—когда она только что пріѣхала изъ Америки, незадолго до нашего отъѣзда съ графиней Л* въ Россію.

«Мы были заграницей, да еще съ графиней, подумалъ я, садясь около ней, — вотъ откуда этотъ гордый тонъ!»

— Вы сказали, продолжалъ я, — что были съ графиней въ Берлинѣ? Съ какой графиней? спросилъ я, вглядываясь въ нее.

— Съ графиней Л*, отвѣчала она мнѣ, также пытливо посмотрѣвъ на меня своими чорными глазами.

— А изъ Петербурга вы давно?

— Мѣсяцъ.

Она произнесла это такъ не-хотя, что я невольно замолчалъ и началъ разсматривать ея хорошенькія ручки и по близорукости, должно быть, такъ невѣжливо пристально всматривался въ нихъ, что она встала.

Я тоже всталъ.

— Какъ у меня голова болитъ! сказала она какъ бы про себя и вышла изъ гостиной.

Заключить изъ этого разговора что нибудь положительное о M-lle Щ. не было никакой возможности, и я отправился къ женѣ полковника. Въ разговорѣ съ нею я спросилъ ее:

— Скажите, пожалуйста, давно у васъ эта гувернантка?

— Нѣтъ, не больше мѣсяца.

— Откуда вы ее выписали?

— Да по газетамъ.

— Она, говорятъ, хорошая пѣвица?

— Да, если захочетъ. Вообще она, кажется, немножко капризна, добавила хозяйка дома.

— Ну, а съ дѣтьми хорошо занимается?

— Да, довольно старательна; но очень разсѣянна.

Продолжать разговоръ было не о чемъ и я послѣ нѣкотораго молчанія началъ раскланиваться.

— Пожалуйста, заходите къ намъ, сказала мнѣ хозяйка на прощаньи.

Проходя залу, я къ моему великому удовольствію не обратилъ на себя ничьего вниманія: всѣ были заняты разсчетами и счетами, только стукъ картъ по столу преслѣдовалъ меня до самой двери.

— Что это за женщина? спрашивалъ я самого себя, когда добрался до своей квартиры.

Лицо у ней не дюжинное, очень умное лицо. И какъ она попала отъ графини Л* изъ Петербурга на Кавказъ въ гувернантки къ казацкому полковнику? Въ ея лицѣ рѣзче всего бросается насмѣшливое выраженіе ея большихъ чорныхъ глазъ, а глаза у нея сухіе, болѣзненные такъ и горятъ, такъ и горятъ! И уже, кажется, не первой молодости, лѣтъ двадцать пять есть....

Дѣла мои относительно отъѣзда изъ Стараго Юрта шли довольно успѣшно. Б. объявилъ меня положительно здоровымъ и я подумывалъ о скоромъ свиданіи съ Старой линіей. Наканунѣ отъѣзда дѣлая прощальные визиты, начиная, разумѣется, съ Зернова, я зашелъ и къ старичку главному доктору. Еще при входѣ въ залъ мнѣ послышался поющій женскій голосъ. Вспомнивъ слова Зернова, что гувернантка поетъ, какъ ангелъ, я невольно сталъ подкрадываться къ дверямъ гостиной, боясь спугнуть этого ангела. Чистый, громкій, удивительно-отчетливый *soprano* пѣлъ извѣстную арію изъ Соннамбулы.

Ah, non credea mirarti....

Мысль этой аріи и дѣйствительно прекрасное исполненіе поразили меня такъ, что я подобно Зернову остановился среди комнаты, простоялъ съ минуту и, не дождавшись доктора, вышелъ, ни съ кѣмъ не простясь.

На другой день въ 7 часовъ утра я скакалъ уже на почтовой тройкѣ къ моей милой, знакомой Старой линіи.

II.

УКРѢПЛЕНІЕ.

— А, а, а! сказалъ батальонный командиръ съ крикомъ гагары, принимая меня, когда я представлялъ свою выздоровѣвшую личность по пріѣздѣ изъ Стараго Юрта, въ своемъ домѣ, одномъ изъ лучшихъ въ укрѣпленіи.

— Что вы выздоровѣли?

— Выздоровѣлъ, г. майоръ.

— Ну, что жь тамъ курсъ былъ большой?

— Нѣтъ, небольшой.

— А барышни были? и при этомъ лицо майора умилительно осклабилось; майоръ былъ вдовецъ.

— Были.

— Хэ, хэ, хэ! — и майоръ началъ потирать руками: онъ не могъ равнодушно слышать слово *барышни*.

— Приходите-ка ко мнѣ обѣдать, пораскажете что нибудь. Вѣроятно были интрижки?—Тутъ майоръ приставилъ свое правое ухо къ самому моему рту, боясь проронить какое нибудь драгоцѣнное слово.

— Нѣтъ, интрижки не было....

— Ну, ну, неправда, вы такъ только скромничаете, сказалъ съ какимъ-то упрямымъ подозрѣніемъ майоръ: — а вотъ приходите-ка, мы васъ расшевелимъ.

Видя, что ничѣмъ не отдѣлаешься отъ майорскаго обѣда, я по необходимости долженъ былъ со смиреніемъ поблагодарить за честь и обѣщался придти.

Отъ майорскаго дома до моей квартиры нужно было пройти по самой многолюдной улицѣ, такъ называемой — офицерской.

И улица эта вполнѣ стоила своего названія. Дома, сдѣланные изъ соломы и навозу, и сдѣланные на скорую руку по рус-

ко-кавказскому обычаю, чтобы скорѣе брать деньги, представляли удивительно-странную архитектуру: одинъ домъ цѣлымъ угломъ какъ-то выдвигался впередъ, какъ будто стоялъ въ полъоборота; другой на цѣлыхъ два аршина ушелъ назадъ точно по командѣ: назадъ равняйсь! третій чуть не заѣхалъ на самую середину улицы съ явнымъ намѣреніемъ наблюсти порядокъ и строй; четвертый стоялъ такъ плачевно, съ такимъ распущеннымъ, потеряннымъ видомъ, — какъ будто его только-что отбарабанили палками. По улицѣ, какъ и слѣдуетъ, или пыль, или грязь по колѣни.

Въ этихъ домахъ, разбросанныхъ на разстояніи полверсты, живутъ и веселятся офицеры.

На каждомъ окнѣ дома вы непремѣнно увидите картонный ящикъ отъ эполетъ, стеариновую свѣчку въ нечищенномъ мѣдномъ подсвѣчникѣ, банку помады, головную щеточку и зеркало. Трубокъ не курятъ на Кавказѣ, здѣсь все папиросы.

Почти изъ каждаго дома слышатся какіе нибудь воинственные или чувствительные напѣвы, въ родѣ:

Скучно намъ въ Табассаранѣ
Было, братцы, тамъ зимой.

или:

Дѣва прекрасная, дѣва жестокая,
Идолъ напрасныхъ — и проч....

сопровождаемые какъ и слѣдуетъ акомпаниментомъ гитары.

Кой-гдѣ изъ воротъ выйдетъ офицеръ, или въ полной парадной формѣ, это значитъ по начальству пошелъ; или въ пальто на рубашку, это значитъ по гостямъ пошелъ, или если дома сидитъ, то освѣжается.

— А! э! о! закричала мнѣ кучка офицеровъ, окруженная собаками, выходя изъ воротъ какого-то дома:—давно ли, у кого остановился, отъ чего не у меня? не привезъ ли кого нибудь?

— А ты знаешь, говоритъ прапорщикъ Барсуковъ, новый полковой командиръ, говорятъ, скоро пріѣдетъ; парламентъ распускается, портфели министровъ переходятъ, говорятъ, въ другія руки.

— Какой парламентъ? какіе министры? сказалъ я недоумѣвая, что за отношенія между новымъ полковымъ командиромъ и какимъ-то парламентомъ и министрами.

— Э, да что ты его слушаешь, говоритъ подпоручикъ Васильскій: — ты видишь, что онъ газетъ начитался въ прошлую оказію; парламентомъ онъ называетъ, знаешь, тѣхъ.... тутъ подпоручикъ какъ-то таинственно оглянулся,—ну тѣхъ, которые любятъ кстати поговорить съ командиромъ о нашемъ братѣ; а министрами называетъ всѣхъ штабныхъ,—и подпоручикъ расхохотался:—видишь какой острякъ!

— Да, конечно.... развѣ не похоже? ну скажи, развѣ не похоже? твердилъ Барсуковъ, подступая ко мнѣ.

Я сказалъ, что похоже.

— Нѣтъ, да ты вообрази, какой, братецъ ты мой, ударъ сдѣлался съ министромъ финансовъ, когда онъ услыхалъ эту новость, кричалъ Барсуковъ:—просто, братецъ, похудѣлъ даже, вотъ что значитъ разставаться съ тою-то частью, не дай Богъ этого испытанія! Что я буду теперь дѣлать? новый командиръ, говоритъ, человѣкъ какой-то модный, современный! Да, братецъ, времена тяжелыя пришли для нашихъ министровъ, добавилъ какъ-то уныло Барсуковъ.

— Э, да что казначей!... а вотъ полковой адъютантъ... вмѣшался поручикъ Николевъ: — такъ его, кажется, жаль будетъ; онъ....

— Да что адъютантъ, перебилъ Барсуковъ: — этотъ министръ, братецъ ты мой, всегда пробьетъ дорожку къ сердечку начальника; ты вѣдь вотъ не знаешь, какъ онъ передъ начальствомъ держитъ себя; ты смотришь, какъ онъ ходитъ павлиномъ въ клубѣ; нѣтъ, ты посмотри, какъ онъ ходитъ за приказаніемъ къ генералу, — а я насмотрѣлся! Разъ, братецъ ты мой, какъ-то меня оставили за квартирмейстра: вотъ я, братецъ ты мой, иду къ приказанію да и думаю: вотъ гдѣ увижу все во всемъ великолѣпіи; ну-съ, вхожу въ залъ, тамъ, знаешь, все это чиновничество расхаживаетъ такъ важно; ну, думаю себѣ, я и самъ чиновникъ; сталъ рядомъ съ ними, адъютантъ замѣтилъ меня, прежде онъ никогда не замѣчалъ, а тутъ, братецъ, палецъ протянулъ; я конечно пожалъ этотъ палецъ чуть ли не обѣими ладонями,—человѣкъ важный, думаю себѣ; вотъ ординарецъ выглянулъ изъ гостиной — генералъ идетъ! Мы всѣ такъ и осѣли. Такъ повѣришь ли, братецъ ты мой, адъютантъ слова внятно не можетъ выговорить генералу въ рапортѣ, точно громомъ пришибло; а руки-то чуть не вытянулъ до пятъ. Одинъ только Ска-

ковъ держалъ себя молодцомъ, ну да вѣдь тотъ изъ университета.

— Да что ты расхрабрился? сказалъ сѣдой капитанъ Хвастуновъ:—ты думаешь, передъ генераломъ говорить, какъ передъ Ѳеськой? Нѣтъ, братъ, тутъ каждый язычекъ-то прикуситъ. А адъютанта именно жаль, если его смѣнятъ, вѣдь онъ человѣкъ семейный....

— Да я, Михайло Петровичъ, говорю, что полковаго адъютанта не смѣнятъ, онъ человѣкъ-то исправный-съ.

— Ну, да полно вамъ разтабарывать про политику; пойдемъ къ Пруткову, сдѣлаемъ его именинникомъ, сказалъ поручикъ Сочинскій, поворачиваясь направо.

— Нѣтъ, господа, прощайте, мнѣ нужно идти домой раздѣться, сказалъ я.

— Вздоръ, вздоръ, заголосилъ хоръ: — шарфъ положи въ карманъ, а шашку я прикажу отнести, сказалъ Сочинскій, повертываясь къ воротамъ.... Ванька! возьми у нихъ шашку и отнеси, куда прикажутъ.

Ванька, грязный малый, съ глупой улыбкой подбѣжалъ ко мнѣ, схватился за шашку и спросилъ: пожалуйте-съ, куда прикажете?

— Да вотъ еще, господа, я все-таки съ вами не могу идти: Чулкинъ звалъ меня обѣдать.

— Ха, ха, ха, разразился Барсуковъ:—да онъ самъ-то обѣдаетъ только по воскресеньямъ; ужь не привезъ ли ты ему какую нибудь дульцинею?

— Нѣтъ, не привезъ; но онъ, кажется, дѣйствительно что нибудь думаетъ въ этомъ родѣ, сказалъ я улыбаясь.

— Да не ходи, ну его къ чорту!

— Нѣтъ, нельзя, господа, вѣдь обѣдъ у начальника—тоже служба.

— Ну такъ еще успѣешь, пойдемъ пройдемся, а тамъ и уйдешь: и Сочинскій, должно быть для большей симпатіи къ прогулкѣ, взялъ меня подъ руку. Дѣлать нечего я отдалъ шашку и пошелъ.

Подвигаясь медленнымъ шагомъ по улицѣ къ Пруткову, мы встрѣтили еще кучку офицеровъ.

— Куда? Стой!

— Идемъ къ Пруткову.

— Зачѣмъ?

— Да онъ сегодня именинникъ.

— Ха, ха, ха, какой именинникъ! у Пруткова были именины на прошлой недѣлѣ, мы ужь съ нимъ давно порѣшили.

— Чортъ знаетъ, а мы разсчитывали на него.

— Нѣтъ, у него теперь ничего нѣтъ, да онъ и самъ не въ духѣ.

— Отчего?

— Проигралъ этому эскулапу.... вотъ, что завѣдываетъ палатой выздоравливающихъ... какъ его.... Бонескриптовъ, что ли?... Богъ его знаетъ, какая-то семинарская фамилія. —

— А ужь дѣйствительно, только и есть, что фамилія-то классическая, а играетъ такъ, что чортъ его знаетъ! Вчера у Абдулки, да у какого-то Мирзы изъ Андреевскаго аула, такъ просто, кажется, нижнее бѣлье все выигралъ.

— Ну, да и ему братъ достается, я помню прошлый годъ, такъ онъ цѣлый мѣсяцъ спалъ на рогожкѣ; все продулъ....

— Да куда идти въ самомъ дѣлѣ, господа?

— Пойдемъ къ квартирмейстру.

— Да онъ теперь занятъ.

— Чѣмъ?

— Да какъ же! приготовляетъ отчеты новому полковому командиру, да какъ, братецъ ты мой, трудится!...

— Да куда же бы идти?

— Да развѣ къ Смольникову.

— Ну идемъ; къ Смольникову такъ къ Смольникову.

— А вы С. давно пріѣхали? спросилъ меня капитанъ Петровъ, отставая со мной шага на два отъ компаніи.

— Вчера, Василій Васильичъ.

— Ну, что, привезли ли новостей?

— Какія новости въ Старомъ Юртѣ.

— Не слышали ли тамъ про нашего новаго полковаго командира?

— Нѣтъ, я первый разъ только здѣсь слышу.

— Да, батюшка, человѣкъ, говорятъ, очень строгій, просто — огонь; вчера комендантъ разсказывалъ, что теперь, говоритъ, чортъ его побери, меня долекутъ эти арестанты, прямо, говоритъ, полѣзутъ ему жаловаться, а тутъ, говоритъ, поди ты, мрутъ да и только.

— Что жь, онъ можетъ быть будетъ строгъ, но справедливъ.

— Да что такъ справедливъ! хороша справедливость, если нашего брата заслуженнаго будетъ турить вонъ!

— Да какъ же это можно, Василій Васильичъ, вѣдь вы подпора полка?

— Подпора! подпора!... Чортъ ли въ этихъ подпорахъ, когда молокососы смѣются надъ каждымъ нашимъ шагомъ, да пропадай они совсѣмъ, я и самъ, кажется, уйду. Вѣдь вы вотъ не повѣрите С., а я вамъ разскажу одинъ случай, гдѣ меня этотъ.... какъ бишь его.... ну вотъ, что вышелъ изъ этого заведенія.... эхъ какъ его.... Лицей, что ли.... да! Смирцовъ! ну такъ вотъ онъ.... Разъ собрались мы у штабсъ-капитана Чюкина, рѣчи шли объ томъ, объ сёмъ, наконецъ я и говорю: эхѣ, вотъ я если бы былъ комендантомъ, такъ просто бы роты не надо, да что роты, безъ жалованья бы служилъ; а онъ и спроси меня, да такъ тихо.... отъ чего же, говоритъ, развѣ очень хорошо? а я ему, знаешь, по-товарищески.... да такъ хорошо, что просто чудо. Что же это за чудо? говоритъ. А вотъ видите, я говорю: теперь примѣрно въ укрѣпленіи у насъ откупъ; ну-съ, извѣстное дѣло—откупъ и госпиталь.... А онъ какъ покраснѣетъ, какъ примется мнѣ доказывать, что я не оправдываю порученій правительства, какъ начнетъ меня распекать, меня.... капитана!... прапорщикъ-то!... я просто посоловѣлъ. Хорошо, что тутъ заступился за меня Ефимъ Ефимычъ Вороновъ,—чай, знаете капитана Воронова, — ну такъ онъ все это оборотилъ въ шутку, да надъ нимъ же посмѣялся,—какъ онъ философствуетъ, а на дѣлѣ былъ бы точно также, какъ и всѣ. Такъ вотъ я вамъ говорю С., какъ нашему брату туго; да туго не отъ того, что будто бы мы одни можемъ это сдѣлать,—я вѣдь знаю, что и онъ не отказался бы отъ сотенной, а такъ, знаешь, чтобы форсъ показать.

— Что же, Василій Васильичъ, пусть показываетъ.

— Какъ, пусть показываетъ! да вѣдь вы возьмите, что онъ нашего брата дуракомъ дѣлаетъ, а вѣдь мы, слава Богу, прослужили, — не ему чета. Да и скажите пожалуйста, что онъ выиграетъ этимъ, всѣ его чуждаются, а ужь на счетъ.... порученій и не думай... Вотъ Подживскій, тотъ тоже, кажется, изъ ученыхъ, а подите-ка, его и за пріемкой годовыхъ вещей послали, а отъ чего? отъ того, что умѣетъ со всякимъ ужиться, и завтракомъ кстати угостить, и въ картишки перекинетъ, да все...

— А, а, Смольниковъ, Смольниковъ!

— Куда ты? а мы къ тебѣ.

Смольниковъ, высокій плечистый малый, въ пальто на рубашку, съ папиросой въ зубахъ, показавшійся изъ-за интереснаго угла, гдѣ красуется вывѣска полковаго маркитанта, сиплю сказалъ, что онъ очень радъ и что деньги теперь у него есть.

— А ты не замѣтилъ, сказалъ Василій Васильичъ: — С. пріѣхалъ; мы къ тебѣ его тоже тащимъ.

— Здравствуйте С., сказалъ улыбаясь Смольниковъ: — да что его замѣчать-то, Василій Васильичъ; вѣдь вы знаете, что онъ тоже изъ либераловъ; смотрите, какъ бы онъ вамъ жука не запустилъ.

Я смѣясь сказалъ Смольникову, что жука запускать не умѣю.

— Ну, ну, посмотримъ, отвѣтилъ Смольниковъ.

Квартирка Смольникова была почти на самомъ концѣ офицерской улицы. Обстановка наружная была въ ней таже самая, какъ и во всѣхъ, о которыхъ я говорилъ: ящикъ отъ эполетъ, свѣчка въ подсвѣчникѣ, помада, щетка и прочее.

Размѣстившись кой-какъ, кто на стульяхъ по угламъ, кто на сундукѣ, кто на постелѣ, а кто просто на окнахъ, отодвинувъ оконныя украшенія къ сторонкѣ, мы принялись за папиросы и съ умиленіемъ посматривали на единственный столъ въ комнатѣ.

— Ну чтожъ, господа, закусить, я думаю, пора, а? какъ вы думаете? сказалъ Смольниковъ, обращаясь къ сѣдому капитану Хватову.

Хватовъ испустилъ какое-то многозначительное мычаніе.

— Да такъ, я думаю, что пора, продолжалъ Смольниковъ.

— Да что же вы, Аристархъ Петровичъ, дадите закусить? отозвался капитанъ Петровъ какимъ-то плачевнымъ голосомъ: — этотъ шельма маркитантъ всѣ продукты перегноилъ, просто мерзость смотрѣть.

— Да кто же виноватъ, Василій Васильичъ? сказалъ смѣясь Смольниковъ: — вѣдь виноватъ комендантъ, а вы сами были комендантомъ.

— Ну я, Аристархъ Петровичъ.... при мнѣ онъ продуктовъ не гноилъ, отвѣтилъ какъ-то сконфузившись Петровъ.

Общій хохотъ привѣтствовалъ это возраженіе.

— Не безпокойтесь, господа, продолжалъ Смольниковъ: — я вамъ маркитантокой ветчины не предложу на закуску. Эй, Сидоръ! водки и сейчасъ сдѣлать яичницу.

— А! яичницу? встрепенувшись заговорилъ Барсуковъ: — да ты должно быть Смольниковъ при деньгахъ?

— Да, братъ, мнѣ сегодня повезло: выигралъ таки у этого жида Бенескриптова пятьдесятъ монетъ.

— А! поздравляемъ, поздравляемъ, заговорило нѣсколько голосовъ: — можетъ и портеръ будетъ?

— Отчего же не быть? можетъ и будетъ.

Принесли водки, яичница живо поспѣла, и публика потянулась со всѣхъ сторонъ къ столу.

— А вы чтожь, внутренняго тулупа-то?.. (водка). Отвѣдайте, прошу васъ, — сказалъ мнѣ Смольниковъ.

И я тоже отвѣдалъ внутренняго тулупа.

— Ну ты, братъ, Никиташа, сказалъ Смольниковъ, обращаясь къ одному пожилому подпоручику:—хоть бы что нибудь сыгралъ намъ на гитарѣ, да и спѣлъ бы про генеральчика-то.

— Пожалуй, гдѣ у тебя гитара? сказалъ Никиташа.

— Да вонъ должно быть за койкой.

Никиташа вытащилъ изъ-за койки гитару, сдулъ пыль, подстроилъ и, сдѣлавъ какую-то нѣжную мину, запѣлъ:

Ахъ кума, кума, что ты варила?
Генералъ ѣлъ курочку,
А маіоръ индюшечку,
А подпоручикъ....

Но я не дослушалъ, что ѣлъ подпоручикъ, и, пользуясь общимъ вниманіемъ къ пѣвцу, ушелъ никѣмъ незамѣченный отъ Смольникова.

Придя на свою крартиру, я увидѣлъ по хозяйскимъ часамъ (я стоялъ у женатаго фельдфебеля), что до маіорскаго обѣда осталось неболѣе полчаса.

Маіоръ обѣдалъ по штабъ-офицерски—въ два часа. Умывшись, принарядившись, какъ подъ вѣнецъ, я отправился вкусить штабъ-офицерскихъ блюдъ.

— А вотъ и ёрникъ пришелъ, сказалъ мнѣ маіоръ Кашкинъ, младшій штабъ-офицеръ въ баталіонѣ, встрѣчая меня въ залѣ у Чулкина.

— Ну, что ты, вылѣчился? Смотри, братъ, опять не попадись! Почтенный маіоръ Кашкинъ имѣлъ обыкновеніе говорить оберъ-офицерамъ всегда *ты*, вѣроятно, давая чувствовать, что дескать я лицо важное и, если говорю, тебѣ *ты*, такъ значитъ хочу быть съ тобой покороче.

— Покорнѣйше васъ благодарю, Аввакумъ Петровичъ, сказалъ я: — кажется, теперь совсѣмъ выздоровѣлъ.

— Ну то-то же; войдемъ-ка въ гостиную, — Трифонъ Трифонычъ ожидаетъ.

Чулкина звали Трифонъ Трифонычъ.

Въ гостиной у Чулкина, около столика съ закуской, сидѣлъ его адъютантъ, шепелявшій на каждомъ словѣ и говорившій всегда такъ, какъ будто бы онъ боится потревожить какую нибудь нервную даму. Сидѣлъ еще юнкеръ, кажется, братъ его покойной жены, вскакивавшій при каждомъ словѣ Чулкина и смотрѣвшій на него такъ, какъ будто бы на Чулкинѣ сидѣлъ чортъ.

— А вы немножко заставляете ждать себя С., сказалъ Трифонъ Трифонычъ: — должно быть попзмѣнились на водахъ.

— Виноватъ-съ, Трифонъ Трифонычъ, Смольниковъ задержалъ.

— Да, да, Смольниковъ; смотрите, не задержала ли какая нибудь старо-юртовская.

— Нѣтъ-съ Трифонъ Трифонычъ, я въ Старомъ-Юртѣ и знакомъ почти не былъ ни съ кѣмъ.

— Да, да, толкуйте, смѣясь сказалъ Чулкинъ; — знаемъ васъ скромниковъ!

— Да вотъ мы его подпоимъ, Трифонъ Трифонычъ, такъ онъ откроетъ намъ всѣ свои дѣлишки, сказалъ Кашкинъ. — Маршъ къ водкѣ!

Я подошелъ къ столу, налилъ рюмку и выпилъ.

— А вотъ Трифонъ Трифонычъ говоритъ, что вы, господинъ С., въ Старомъ Юртѣ проказничали, — сказалъ баталіонный адъютантъ.

— Ну, гдѣ ужь намъ, Иванъ Иванычъ! Развѣ я, какъ вы? вѣдь я и обходиться-то съ прекраснымъ поломъ не умѣю.

— А ужь именно, С., этотъ злодѣй Ванька Ванычъ просто здѣсь надъ всѣми бабами командуетъ, сказалъ Кашкинъ.

— Ха, ха, ха, разразился Трифонъ Трифонычъ.

Адъютантъ немного сконфузился и не зная, чѣмъ отвѣтить Кашкину, счелъ за лучшее проглотить рюмку водки.

— Кушать готово, прогнусилъ въ дверяхъ гостиной долговязый малый въ казакинѣ изъ солдатскаго сукна.

— Пойдемте-ка, господа, сказалъ Чулкинъ, поднимаясь важно съ креселъ.

Столъ былъ накрытъ въ залѣ, мнѣ пришлось сѣсть рядомъ съ Иваномъ Иванычемъ.

— Ну те-ка С., хэ, хэ, хэ, сказалъ Чулкинъ, прихлебывая жиденькій супъ: — разскажите-ка, что вы тамъ подѣлывали, въ Старомъ-то Юртѣ?...

— Лѣчился, Трифонъ Трифонычъ.

— Да вѣдь не все же вы тамъ лѣчились: вѣроятно подъ конецъ были и здоровы; а вѣдь тамъ станица.

— Да чтожь что станица, — станица-то некрасивая.

— Какъ некрасивая? вѣдь тамъ есть, чай, и дѣвочки, ну и барышни были на курсу, э? хэ, хэ, хэ! а проѣздъ-то по Старой-то линіи вы ни во что не считаете? и Чулкинъ прищурилъ лѣвый глазъ удивительно лукаво.

— Да что вы его спрашиваете, Трифонъ Трифонычъ! вѣдь вы знаете, какой онъ мѣшокъ, да и мѣшокъ-то въ добавокъ слѣпой: онъ и здѣсь ни съ одной барыней незнакомъ; такъ, какая-то рыба; сказалъ Кашкинъ, лукаво подмигнувъ Чулкину, вѣроятно, съ цѣлію задѣть мое самолюбіе:—это совсѣмъ не по его части, а вотъ давай-ка лучше мы съ тобой выпьемъ водочки, оборотясь ко мнѣ продолжалъ Кашкинъ:—Ванька Ванычъ намъ повинстуетъ.

— Нѣтъ, ужь покорнѣйше благодарю-съ, Аввакумъ Петровичъ, я ужь довольно, того.... отозвался Иванъ Иванычъ.

Я тоже отказался отъ предложенія Аввакума Петровича.

— Да какъ же это, неужели и по Старой-то линіи вы ничего не сдѣлали хорошаго? спросилъ немного озлобясь Чулкинъ.

— Ничего, Трифонъ Трифонычъ, туда я ѣхалъ больнымъ, а оттуда только что выздоровѣвшимъ, значитъ слабымъ, — такъ не хотѣлось больше разслаблять себя.

Чулкинъ засопѣлъ и залпомъ выпилъ двѣ рюмки водки.

— Господи! что это нынѣ за молодежь стала такая, воскликнулъ Кашкинъ:—просто ни къ чорту негодится! Помните, мы съ вами, Трифонъ Трифонычъ, какъ въ нижнихъ чинахъ кучивали; бывало, умираешь, ну просто умираешь, а придетъ какая нибудь хорошенькая, ну и того... воскресаешь.

— Да вѣдь онъ притворяется, сказалъ сквозь сонъ Трифонъ Трифонычъ:—либо не хочетъ, чтобы знали его любовныя похожденія, добавилъ онъ, скрививъ ротъ на сторону.

— Да помилуйте, Трифонъ Трифонычъ, сказалъ я жалобно, видя гнѣвъ своего баталіоннаго командира: — серьёзно любовныхъ похожденій не было.

Трифонъ Трифонычъ сопѣлъ и сопѣлъ; разговоръ прекратился.

За вторымъ и послѣднимъ блюдомъ, жаркимъ, Чулкинъ, порядочно разкраснѣвшись, обратился къ Ивану Иванычу.

— А скажите, пожалуйста, Иванъ Иванычъ, я и забылъ было, что вы сдѣлали съ этими солдатами, которые, помните, когда мы шли къ казначею, не сняли мнѣ шапку; да и даже, представьте, какая дерзость! обратился онъ къ Кашкину, — не посторонились съ дороги; просто какіе-то пьяницы! а еще моего баталіона.... оправдывались тѣмъ, что несли на плечахъ ушатъ съ борщемъ.

— Я приказалъ, какъ вы мнѣ изволили приказать, фельдфебелю, чтобы онъ взыскалъ съ нихъ.

— Да помилуйте, батюшка, что вы приказали? Я приказалъ вамъ самому, кричалъ разгорячившись Чулкинъ: — вы приказали.... вы приказали.... Нѣтъ, сударь, обязанность младшаго слушаться старшаго; а старшій приказалъ самимъ вамъ распорядиться....

— Да помилуйте, Трифонъ Трифонычъ, фельдфебель тоже распорядится.

— Да что фельдфебель? что вы мнѣ говорите—фельдфебель!.. Я вамъ приказалъ самимъ, ну и распоряжайтесь сами.... Что такое фельдфебель? Вы мой адъютантъ, ну и слушайтесь меня. А то что вы на фельдфебеля,—фельфебель самъ по себѣ, а вы сами по себѣ.... продолжалъ кричать Чулкинъ, вставая изъ-за стола.

Юнкеръ, озадаченный такимъ сильнымъ начальническимъ распоряженіемъ, вскочилъ изъ-за стола вслѣдъ за Чулкинымъ, какъ оглашенный, и подошелъ къ нему къ ручкѣ.

— Извините, Трифонъ Трифонычъ, плачевнымъ голосомъ сказалъ адъютантъ: — я всегда ваши приказанія исполняю; а что касается до этихъ солдатъ, то ей-Богу простите, Трифонъ Трифонычъ, я должно быть вашего приказанія не разслышалъ.

Трифонъ Трифонычъ смягчился и сказалъ:

— Ну хорошо, Иванъ Иванычъ, смотрите же, взыщите съ нихъ.

Мы начали откланиваться.

— Куда вы, Аввакумъ Петровичъ, сказалъ Чулкинъ:— останьтесь, мы съ вами поговоримъ. Прощайте, Иванъ Иванычъ! Прощайте, С., сказалъ мнѣ особенно гордо Чулкинъ, не протянувъ даже и руки.

— Экъ вы, С., сказалъ мнѣ Иванъ Иванычъ, когда мы сходили съ крыльца маіорскаго дома:—ну, что бы вамъ разсказать какую нибудь любовную исторію, тогда бы Трифонъ Трифонычъ не разсердились бы такъ.

— Да почемъ же я зналъ, Иванъ Иванычъ, да наконецъ какую же я бы и разсказалъ исторію, когда дѣйствительно такой занимательной для него исторіи у меня не было (вѣдь не говорить же ему о полковнической гувернанткѣ, подумалъ я).

— Да хоть бы выдумали.

— Это мнѣ въ голову не пришло.

— Прощайте, вы куда?

— Домой конечно, а вы?

— Тоже домой, а потомъ пойду въ садъ.

А что, не пойти ли и мнѣ въ садъ, думалъ я, возвращаясь на свою квартиру. Прикажу теперь поставить самоваръ, отдохну немножко послѣ такого сытнаго обѣда.... да и пойду какъ нибудь добивать день. Непремѣнно пойду въ садъ, вѣроятно тамъ музыка будетъ играть, барыни гулять, вечеръ пройдетъ незамѣтно, а тамъ глядишь и 11 часовъ, пора будетъ спать. Непремѣнно пойду.

— Ѳедоръ, поставька пожалуйста самоваръ, сказалъ я, входя въ комнату.

— Да помилуйте, Николай Николаичъ, всего 4 часа.

— Ничего, братецъ, ты ставь помедленнѣе, а я покуда полежу.

— Слушаю-съ.

А вѣдь давно я не былъ въ саду, думалъ я лежа на постелѣ:— увижу тамъ вѣроятно Олиньку С, погляжу на нее побольше, полюбуюсь ея грустными карими глазками, пожалѣю — что она достанется какому нибудь Бенескриптову, да и пойду себѣ никѣмъ незамѣченный домой. Грустно, какъ подумаешь, жить въ такомъ маленькомъ чинѣ.... То ли дѣло—капитанъ! сейчасъ бы папаша Олиньки пригласилъ меня къ себѣ. Смотрѣлъ бы на меня, какъ на выгоднаго жениха для своей дочери; Олинька вѣроятно дѣлала бы мнѣ глазки, въ надеждѣ скоро сдѣлаться капитаншей; а я.... я просто бы купался какъ сыръ въ маслѣ.

Нѣтъ, нужно сдѣлаться скорѣе капитаномъ.... хоть Петровымъ, я и на то бы былъ согласенъ, все-таки капитанъ!... А садъ-то порядочно, чай, теперь разросся. Шутка ли, цѣлый годъ не видалъ его. То по походамъ, то по госпиталямъ, просто отъ людей отбился. А дѣйствительно садъ, это самое лучшее мѣсто для гулянья въ укрѣпленіи.... Зелень, цвѣты.... барышни....

— Николай Николаичъ!

— А что?

— Пора, сударь, вставать: самоваръ готовъ, да ужь и солнце садится.

— Ахъ, это ты, Өедоръ? сказалъ я, протирая глаза и садясь на постель: — неужели такъ поздно?

— Да ужь часъ восьмой есть, извольте чай кушать.

Напившись чаю, промывъ заспанные глаза и одѣвшись, какъ слѣдуетъ, я отправился въ садъ.

Садъ расположенъ въ концѣ укрѣпленія, занимаетъ довольно большое пространство земли и разсаженъ порядочно. Когда я подходилъ къ нему, солнце почти уже сѣло; въ воздухѣ была та влажная кавказская теплота, которая такъ располагаетъ къ лихорадкамъ. Миріады мушекъ и комаровъ носились около моей головы. При входѣ въ калитку сада, слышался сдержанный шумный говоръ; и въ этомъ говорѣ отчетливо носился по воздуху, должно быть ничѣмъ не удержимый, женскій смѣхъ фистулой.

— С. С!.. А мы тебя, братецъ, ищемъ, наткнувшись на меня прокричалъ Барсуковъ: — представь, что сдѣлалъ Смольниковъ; объигралъ чисто-на-чисто этого доктора Бенескриптова, поставилъ дюжину шампанскаго, да пригласилъ еще на ужинъ.

— Ну, такъ чтоже, я очень радъ.

— Ну да, мы тоже ради, да представь, братецъ, какое счастье этому Смольникову! вѣдь ты, чай, помнишь, какъ этотъ докторишка пришелъ да говоритъ: — ну-те-ка, Смольниковъ, вы выиграли у меня пятьдесятъ рублей, теперь я принесъ полтораста, не угодно ли?.. Да берегите ваши вещи, говоритъ, а самъ такъ насмѣшливо посмотрѣлъ на окошко... Смольниковъ, разумѣется, сейчасъ же пальто долой, карты въ руки, и пошла.... и пошла.... да такъ, братецъ, облапошилъ этого жидёнка, что онъ чай и теперь бока чешетъ.

— Такъ чтоже, дай Богъ Смольникову, только я этого не видѣлъ.

— Какъ не видѣлъ, гдѣ ты тамъ былъ?

— Нѣтъ я ушелъ, у меня голова болѣла.

— А....

— Пойдемъ же къ нашимъ, продолжалъ Барсуковъ. Они тамъ около пруда.

— Я сейчасъ приду, только немного пройдусь по этой аллеѣ.

— А, ты хочешь на барынь посмотрѣть?

— Да вѣдь я ихъ не видалъ цѣлый годъ,

— Ха, ха, ха! да чтоже ты увидишь, вѣдь теперь темно, а ты и безъ того слѣпой.

— Да покрайней мѣрѣ хоть пройдусь около женскихъ платьевъ, все веселѣе.

— О, о, о! Ну, смотри же, приходи, мы ждемъ.

— Конечно приду, да постой-ка, Барсуковъ, что, музыка здѣсь?

— Здѣсь, здѣсь, да ты приходи скорѣе.

— Приду, приду, дожидайся, думалъ я, толкаясь между кучей мундировъ и женскихъ платьевъ всевозможныхъ цвѣтовъ, начиная отъ зеленаго, по-дѣтски сшитаго сарафана, надѣтаго на какую-то пожилую женщину, до самаго глубочайшаго траура съ шляпой на головѣ à la mousquetaire: — какъ же, дожидайся, чтобы послѣ вашего ужина у меня завтра цѣлый день звонило въ ушахъ; нѣтъ, ужь покорнѣйше благодарю!

С.! С.! заговорилъ мнѣ кто-то особенно ласково со стороны; я оглянулся, передо мной былъ Василій Васильичъ.

— Куда вы, батюшка, такъ спѣшите?

— Да такъ, гуляю, Василій Васильичъ.

— Да какъ же гуляю.... Вы идете себѣ и никому не кланяетесь...

— Да темно ужъ теперь; плохо вижу, не узнаю.

— А вы слышали какъ Смольниковъ обчистилъ Бенескриптова, я признаться ушелъ. Представьте, началъ мнѣ тыкать въ глаза — зачѣмъ не кормитъ рота его лошадь; онъ у меня субалтеромъ; вы, говоритъ, не думаете о своемъ субалтерѣ; онъ по вашему, говоритъ, хоть издыхай вмѣстѣ съ лошадью; я, говоритъ, командиру полка пожалуюсь; а согласитесь сами, С., ну что я могу сдѣлать, когда рота не хочетъ сама кормить; — вѣдь это ея добро, насильно милъ не будешь.... Переходите-ка вы, С.

ко мнѣ въ роту, я полковому адъютанту скажу, чтобъ отчислили отъ меня Смольникова, ну его!

— Покорнѣйше васъ благодарю, Василій Васильичъ, я думаю ѣхать въ отпускъ; а тамъ, можетъ быть, и совсѣмъ оставлю службу.

— Напрасно, молодой человѣкъ, напрасно, уговаривалъ меня Василій Васильичъ: — начальство васъ любитъ, вы на хорошемъ счету, вамъ....

Но въ это время нестройная музыка заиграла польку.

— Василій Васильичъ! Василій Васильичъ! закричалъ кто-то очень громко и, мнѣ показалось, что то былъ голосъ Трифона Трифоныча.

Сама богиня мудрости — Минерва, олицетворенная въ образѣ очень пожилаго и лысаго прапорщика Щеткина, стояла у входа въ палатку, покуривая, съ достойной удивленія важностію, какую-то трехъ-копѣечную сигару. Щеткинъ со всѣхъ сторонъ былъ окруженъ толпой офицеровъ и между ними рѣзче всѣхъ выказывался какой-то маленькій толстый подпоручикъ съ костылемъ въ рукѣ.

— Да, говорилъ толстый подпоручикъ, размахивая костылемъ; — ты вотъ посмотри, Щеткинъ, какъ въ *** полку служатъ. По вакансіи въ нынѣшнемъ году у нихъ произведено 13 офицеровъ, за отличіе въ дѣлахъ произведено 10, итого двадцать три; а у насъ всего трое, да и то одинъ еще изъ нихъ получилъ орденъ!

— Ну, тебѣ еще мало, отозвался иронически Щеткинъ. Годъ прослужилъ прапорщикомъ, а на другой схватилъ подпоручика, говорятъ, за рану....

Публика засмѣялась.

— А развѣ я не раненъ? развѣ я не раненъ? нѣтъ, ты посмотри, развѣ я не опасно раненъ? говорилъ разгорячась подпоручикъ; на, посмотри, вотъ тебѣ.... и подпоручикъ для доказательства засучивалъ правую половину брюкъ.

— Да чего теперь смотрѣть? я и безъ смотра знаю, что ты раненъ....

Мы оглянулись и увидѣли раскраснѣвшееся личико молоденькаго прапорщика, старающагося добраться до Щеткина.

— Господинъ Щеткинъ, сдѣлайте же милость, позвольте взять книгу.

— Да какую я вамъ дамъ книгу? Развѣ вы не знаете клубнаго положенія, что книги выдаются только утромъ? — не дамъ я вамъ теперь книги.

— Будьте такъ добры, г. Щеткинъ, я утромъ не могъ придти — былъ на службѣ.

— А мнѣ какое дѣло, что вы были на службѣ? ну, завтра приходите.

— Да что же я вечеромъ-то буду дѣлать? жалобно сказалъ прапорщикъ.

— Спать.... что дѣлать?...

— Да мнѣ хочется скорѣе дочитать 2-ю часть Филиппа II.

— Ну, еще хотите, чтобы я для васъ рылся вечеромъ въ историческомъ шкафѣ; не дамъ, сказано — не дамъ....

Молоденькій прапорщикъ грустно отошелъ въ сторону.

— Господа, позвольте! Э.... э.... Щеткинъ, какъ бы вы мнѣ одолжили книгу? сказалъ небрежно полковой адъютантъ, разталкивая насъ направо и налѣво.

— Сейчасъ-съ, какую прикажете? Для васъ, Петръ Петровичъ? засуетившись отвѣчалъ Щеткинъ.

— Нѣтъ, не для меня, у меня и безъ того голова кругомъ идетъ отъ работы; для жены.

— Романчикъ Дюма прикажете?

— Ну васъ съ Дюмой; все Дюма, да Дюма; ей хочется взять какой нибудь журналъ, хоть переводъ иностранныхъ романовъ.

— Сейчасъ-съ.

Мы всѣ раздались предъ этимъ знаменитымъ труженикомъ; а подпоручикъ съ костылемъ исчезъ куда-то совсѣмъ изъ виду.

Музыка играла унылый вальсъ, а я, идя отъ палатки по направленію къ выходу изъ сада, думалъ: бѣдный прапорщикъ, какъ онъ, я думаю, огорченъ, что не получилъ на вечеръ книги; а если онъ еще замѣтилъ, что Щеткинъ адъютанту готовъ былъ отдать всю библіотеку.... А жаль прапорщика: онъ, кажется, малый не глупый. И какъ это я его не зналъ до этихъ поръ, а все походы.... да и болѣзнь впрочемъ. Просто половину офицеровъ въ полку не знаю; вотъ этого толстаго подпоручика съ костылемъ совсѣмъ не знаю; а должно быть человѣкъ энергическій, за доказательствами въ карманъ не полѣзъ.

— Спать пора, почтеннѣйшій, сказалъ мнѣ кто-то сзади, догоняя меня.

Я обернулся, ко мнѣ катился кубаремъ толстый казначей.

— Что вы такъ задумались? Чай о суетѣ мірской? Охъ вы, мечтатели!

— Какое о суетѣ мірской! вотъ не знаю, Иванъ Сидорычъ, какъ добраться въ такую темь до дому, далеко.

— А вы гдѣ стоите? Здравствуйте, сказалъ казначей, доща-тываясь, наконецъ до меня и протягивая мнѣ свою широкую ладонь.

— Тамъ, на самомъ концѣ, къ старой крѣпости, отвѣчалъ я, почтительно сжимая казначейскую руку.

— Ну, пойдемъ вмѣстѣ, мнѣ тоже туда идти, нужно сходить въ канцелярію.

— Зачѣмъ такъ поздно въ канцелярію, Иванъ Сидорычъ?

— Э, братецъ, тутъ просто бѣда. Весь день какъ на кодулряхъ, такъ и бѣгаешь, такъ и бѣгаешь, ажь животикъ заболѣлъ. Вотъ-вотъ на дняхъ пріѣдетъ новый командиръ, а тутъ ничего не убрано, просто таки ничего не сдѣлано. Вѣдь ловкій командиръ, пойдетъ все сейчасъ повѣрять самъ, даже и подметки въ цейхгаузѣ....

— Неужели полковой командиръ самъ пойдетъ въ цейхгаузъ? спросилъ я какимъ-то недовѣрчивымъ тономъ.

— О, батюшка! это, говорятъ, такой дока, что просто ужасъ! не теперешнему чета.

— А этотъ очень хорошъ былъ для васъ?

— Да просто такъ хорошъ, что вѣкъ бы съ нимъ служилъ.

— Можетъ и этотъ будетъ хорошъ.

— Куды хорошъ, онъ еще не пріѣхалъ, а ужъ о немъ въ трубу трубятъ; значитъ будетъ хорошъ. Нѣтъ, нужно пріискивать поскорѣе мѣстечко, добавилъ казначей со вздохомъ.

— А можетъ быть вы и при новомъ останетесь казначеемъ?

— Нѣтъ, ужь я знаю, что не останусь; а вѣдь, сами посудите, непріятно по карауламъ, да по оказіямъ таскаться.

— Это правда.

— Дааа.... промычалъ казначей.

— Однако прощайте, Иванъ Сидорычъ, вотъ и моя квартира.

— Прощайте, покойной ночи. И мы пожали другъ другу руки.

На другой день часу въ седьмомъ утра, Ѳедоръ началъ тащить меня за ногу съ постели.

— Что̀ такое? Что̀ случилось? Мнѣ въ караулъ? говорилъ я съ просонья, садясь на постели.

— Никакъ нѣтъ-съ, тамъ на дворѣ какой-то офицеръ приказалъ васъ разбудить, говоритъ—экстренное дѣло.

— Какой офицеръ? Зачѣмъ?

— Не могу знать-съ, они играютъ на дворѣ съ хозяйкой.

— Это ужасъ, ну попроси.... Зачѣмъ бы это?

— С., ну, какъ тебѣ не стыдно: ты спишь, какъ сибаритъ, говорилъ, входя, запыхавшись Барсуковъ.

— Ну, что тебѣ?... сказалъ я недовольнымъ тономъ.

— Да помилуй, у тебя такая хорошенькая хозяйка, а ты спишь; и какъ она тебя не разбудитъ. Ахъ, чортъ, она меня измучила, отдуваясь продолжалъ Барсуковъ.

— Такъ ты только за этимъ и пришелъ? сказалъ я, снова закутываясь въ одѣяло.

— Вовсе не за этимъ, да ты ужь не хочешь ли опять спать? нѣтъ, ужь извини, спать-то я тебѣ не дамъ!

— Да что же я буду дѣлать съ этихъ поръ? вѣдь теперь еще рано.

— А первое то, что изволь мнѣ объяснить, отчего ты не пришелъ вчера къ пруду? а второе — изволь сейчасъ же одѣваться и идти.

— Куда?

— На имянины.

— Нѣтъ, покорно благодарю, я нездоровъ.

— Знаю, знаю я твое нездоровье, ты просто, братецъ, не хочешь быть товарищемъ: вчера не хотѣлъ съ нами видѣться, а сегодня не хочешь идти.

— Да вчера казначей утащилъ меня изъ сада.

— А, казначей, такъ ты стало быть предпочитаешь насъ казначею: ужь не хочешь ли у него снять должность? продолжалъ Барсуковъ насмѣшливо.

— Ты очень хорошо знаешь, что я къ казначейской должности неспособенъ.

— А если неспособенъ, такъ докажи сейчасъ—иди....

— Нѣтъ, не пойду.

— Отчего же наконецъ, чортъ побери?

— Голова болитъ.

— Вздоръ, если ты сейчасъ же не станешь одѣваться, такъ я тебя окачу холодной водой.

— Боже мой! подумалъ я; кажется, мнѣ не суждено имѣть покоя отъ Барсукова.

— Ну, такъ что же? Я сейчасъ начну тебя окачивать.

— Погоди, я встаю. Өедоръ! одѣваться.

— Да куда же мы пойдемъ, сказалъ я, надѣвая сюртукъ; вѣдь я еще, какъ ты видишь, не пилъ чаю.

— Выпей водки вмѣсто чаю; да не бойся, добавилъ Барсуковъ, видя мое недовольное лицо:—мы, братъ, хорошо выпьемъ у него....

— У кого?

— У есаула Мирошина; вѣдь нынче онъ дѣйствительный именинникъ.

— Да я его почти не знаю, сказалъ я.

— Да онъ-то тебя знаетъ, и какъ еще просилъ меня пригласить тебя; я, говоритъ, имъ очень доволенъ, онъ меня, говоритъ, изъ-подъ суда выпуталъ.

— А мнѣ ей-Богу туда не хочется идти.

— Вздоръ, идемъ, идемъ!

Нечего дѣлать, нужно было идти.

Есаулъ Мирошинъ стоялъ въ улицѣ, такъ называемой «Вшивой овражекъ», въ царствѣ кабаковъ и грязи, даже среди лѣта. Воздухъ около квартирки Мирошина былъ пропитанъ навозомъ, потому что этотъ «Вшивой овражекъ» былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ казачьими конюшнями. Когда мы подошли ближе къ квартирѣ Мирошина, до насъ очень явственно стали доноситься звуки неизбѣжной гитары и крики нѣсколькихъ голосовъ.

— А, благодѣтели, благодѣтели! закричалъ мнѣ еще въ окошко Мирошинъ въ красной рубахѣ съ растегнутой грудью.

— Небойсь, тащу къ тебѣ благодѣтеля, подхватилъ Барсуковъ.

Въ комнатѣ насъ встрѣтила та самая компанія, которая васъ встрѣтитъ у офицера на какихъ угодно именинахъ, дѣйствительныхъ или недѣйствительныхъ. Тутъ были и казаки съ растегнутыми чекменями, съ раскраснѣвшимися лицами, и пѣхотинцы въ кителяхъ на распашку и съ фуражкой на затылкѣ.

— Я къ тебѣ заходилъ, да не засталъ въ домѣ, сказалъ мнѣ нѣмецъ-пѣхотинецъ, встрѣчая меня первый.

— Да, я вчера былъ въ саду.

— Ну, ну садись, усаживалъ меня Мирошинъ.

— Закусите-ка, попотчивалъ меня какой-то хорунжій, наливая себѣ рюмку водки.

— Нѣтъ, благодарю васъ, еще очень рано, я чаю не пилъ.

— Да, да, представь, братецъ Мирошевъ, подхватилъ Барсуковъ:—я его къ тебѣ прямо привелъ съ постели.

— Спасибо, спасибо, во..., какое спасибо, и Мирошевъ поклонился мнѣ въ поясъ. Да только ужь извини, братъ, храбрые козаки не пьютъ чаю, это бабье дѣло, продолжалъ онъ:—а вотъ портеръ сейчасъ принесутъ, такъ мы и спрыснемъ мои имянины.

— Ну, что же вы, господа, валяй! обратился ко всѣмъ гостямъ Мирошевъ, показывая глазами на столъ.

И гости принялись по возможности валять.

— А, пирогъ несутъ, пирогъ несутъ! заболталъ восторженно Барсуковъ, подбѣгая къ козаку, показавшемуся въ дверяхъ съ пирогомъ въ рукахъ.

— А, а, ну вотъ и ладно, сказалъ Мирошевъ.

Гости принялись за пирогъ.

— Да скоро ли портеръ будетъ? спросилъ Мирошевъ у вѣстоваго.

— Принесли-съ.

— Такъ давай скорѣй, раскупоривай!

— Не нужно, не нужно, я самъ раскупорю, заговорилъ Барсуковъ.

— Ну, вы хоть портерцу-то отвѣдайте, С., нельзя же, обратился ко мнѣ Мирошевъ.

Я налилъ полстакана и выпилъ за здоровье хозяина.

— Ну-ка братъ, Өедя, сказалъ Мирошевъ хорунжему, подчивавшему меня водкой: — спой-ка казацкую пѣсенку.

Өедя взялъ гитару и запѣлъ въ носъ:

Веселитеся, храбрые козаки!
Мы докажемъ супостату,
Какъ на полѣ воевать.

Козакъ съ пикою служить умѣетъ;
Кавалерья—она съ ружей бьётъ;
Пѣхота на штыки валяетъ;
Артиллерья—она дула ждетъ.

— Да что такъ пѣть-то на сухорядку, Максимъ Максимычъ, обратясь къ Мирошеву, заговорилъ Өедя: — позвольте мнѣ для васъ поставить въ честь ангела полдюжины, аль дюжинку нашего донскаго.

— Изволь, извольте, братъ, для чего не поставить? отозвался Мирошевъ, — у тебя деньги копъ (много, татарское слово).

— А что, развѣ этотъ Ѳедя хорошей донской фамиліи? богатый человѣкъ? спросилъ я у Барсукова, видя къ нему маленькое уваженіе Мирошева.

— Какой хорошей фамиліи! отвѣчалъ Барсуковъ, смѣясь громко: — онъ просто изъ писарей, да денегъ у него много.... такъ вотъ и кутитъ.

Я посмотрѣлъ на Ѳедю, онъ на эту громкую и, по нашему, шутливую выходку только засмѣялся.

— Да какъ же онъ могъ нажить писаремъ деньги? спросилъ опять я Барсукова.

— Да вотъ, гляди-ка, онъ былъ на Дону окружнымъ писаремъ.... Ну.... ну.. .

— А что, господа, не сыграть ли въ картишки? спросилъ одинъ пѣхотинецъ съ армянскимъ лицемъ.

— Пожалуй, отвѣчалъ не совсѣмъ связно Мирошевъ: — только вѣдь вы денегъ-то не платите.

— Да какъ же я не плачу, отозвался обиженнымъ тономъ пѣхотинецъ: — не я не плачу, а мнѣ не платятъ.... свои кровныя денежки проигрываешь, и то платишь, а тебѣ не платятъ. Вчера еще Васильскій проигралъ мнѣ двадцать рублей, да и говоритъ, точно милостыню проситъ: За мной-съ.

— Прощайте, Максимъ Максимычъ! сказалъ я, вставая со стула.

— Куда? куда? Нѣтъ, братъ, обѣдать будемъ вмѣстѣ.

— Нѣтъ, покорно васъ благодарю, я приглашенъ обѣдать; а теперь пора, одиннадцать часовъ.

— Ну, ну, какъ хотите, а въ картишки?

— Я не играю.

— Э, франтъ, проговорилъ мнѣ вслѣдъ Барсуковъ.

— Господи! сказалъ я, придя въ свою квартиру и въ изнеможеніи опускаясь на стулъ: Неужели мнѣ суждено цѣлую жизнь прожить съ этими Барсуковыми, съ этими Трифонами Трифонычами, Васильями Васильичами, Мирошевыми? и проч. и проч. А вѣдь всю молодость я убилъ около нихъ.... И не встрѣтить въ своей жизни ни одного лица, ни одной даже собаки, къ которой бы можно было отъ души привязаться!

— А знаете ли, что Николай Николаичъ? фельдфебель говорилъ, что завтра въ набѣгъ нужно приготовиться, проговорилъ Ѳедоръ, входя въ мою комнату.

— Дѣлай, что хочешь, я нездоровъ, — сказалъ я сердито Ѳедору.

Ѳедоръ въ недоумѣніи посмотрѣлъ на меня и вышелъ.

III.

ДВИЖЕНІЕ.

«О моя юность, о моя свѣжесть!» говорю я вслѣдъ за Гоголемъ. И дѣйствительно: помню я, мнѣ было 18 лѣтъ, когда пріѣхалъ я на Кавказъ, пріѣхалъ изъ родной семьи, отъ всевозможной нѣги, прямо въ зимній отрядъ, въ солдатскую палатку. И какъ меня занимала тогда эта солдатская палатка! Съ какимъ любопытствомъ я всматривался въ окружающія меня усатыя лица! Мнѣ такъ и хотѣлось прочесть на нихъ непрерывную борьбу жизни съ смертью. Какъ я былъ радъ, когда получилъ солдатское ружье! Сколько геройскихъ мыслей мелькнуло у меня въ головѣ при словахъ ефрейтора: «берегите его пуще глазу.» Съ какимъ волненіемъ я выслушалъ этого ефрейтора, когда онъ на вопросъ мой: отчего мнѣ не дали новаго ружья? съ покровительствующей улыбкой стараго солдата объяснилъ мнѣ, что въ отрядѣ новыхъ ружей нѣтъ.... Съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ я разсматривалъ — достаточно ли остеръ штыкъ, хорошо ли дѣйствуетъ курокъ! А вечерняя зоря, первый разъ услышанная мной въ лагерѣ, въ настоящемъ лагерѣ, въ виду непріятеля! А передача приказаній ефрейтора послѣ зори—такая воинственная, такая грозная! Толки въ палаткѣ сейчасъ же послѣ этихъ приказаній. Какъ все тогда и радовало, и пугало меня! А первый мой выходъ на рубку непріятельскаго лѣса!

Помню, что на третій день, послѣ моего пріѣзда въ лагерь, отдано было вечеромъ приказаніе выступить съ разсвѣтомъ на рубку.

— Топоры принимать! топоры принимать! кричали ефрейторы по линейкѣ и солдатики съ шутками повысыпали изъ палатокъ.

— Вы, сударь, завтрешній день будете въ моемъ взводѣ, сказалъ мнѣ капральный: — да не отходите отъ меня ни на шагъ.

— А что, Софронычъ, развѣ дѣло будетъ? сказалъ я съ волненіемъ, подвигая свои руки ближе къ огню.

— Извѣстно, будетъ: *онъ* (непріятель) каждый разъ насъ домой провожаетъ.

— А въ лѣсу, Софронычъ, онъ тоже дерется?

— И въ лѣсу дерется, отвѣчалъ Софронычъ, раздвигая полы своего полушубка; да въ лѣсу онъ мало дерется, больше антилеріей допекаетъ, добавилъ онъ съ важностью, внушающей къ себѣ невольное почтеніе отъ рекрутовъ.

— А у него много пушекъ, Софронычъ?

— Да будетъ таки, вотъ завтра пересчитаете; а теперь идите-ка спать; не забудьте, вѣдь завтра въ 4 часа утра нужно на ногахъ быть.

Я послушался Софроныча и, благодаря его нѣжнымъ попеченіямъ къ питомцу (онъ былъ мой дядька), улегся на соломѣ.

Всю ночь мнѣ грезился батальонный огонь изъ пушекъ и ружей, а къ утру только что я было съ Софронычемъ собрался идти въ штыки, какъ почувствовалъ легкое прикосновеніе къ моему плечу.

— Вставайте сударь, вставайте, кашицу принесли, будилъ меня Сафронычъ.

— Ахъ, Софронычъ, какъ мнѣ спать хочется... я теперь не могу ѣсть, рано.

— Мало ли что бы хотѣлось, да пора вставать; а ѣсть нужно, нельзя не ѣсть, въ лѣсу будемъ до вечера.

— Нѣтъ, я ѣсть ни зачто не буду, (запахъ солдатской кашицы непріятно поразилъ мое еще непривыкшее обоняніе), я лучше полежу немного.

— Нельзя, сударь, вставайте, мы сейчасъ уходимъ.

Скорчась и гримасничая, я вылѣзалъ изъ-подъ теплой шубы.

Но вотъ роты выстроились, поздоровались съ начальниками и пошли для распредѣленія впередъ отъ лагеря.

Свѣтать еще не начинало, и мы двигались направо и налѣво по мановенію какого нибудь волшебника-адъютанта. Артиллерія шумно въѣзжала въ наши ряды, опять уѣзжала, слышался шумъ, споръ, смѣхъ, вопросы адъютантовъ и отвѣты солдатъ на эти вопросы, отвѣты очень остроумные, высказанные для по-

тѣни товарищей. На горахъ забрезжился разсвѣтъ и по рядамъ пронесся говоръ — генералъ ѣдетъ, смирно!

Генералъ съ многочисленной свитой проѣхалъ молча по колоннамъ и намъ приказано было повернуть направо и идти.

Когда мы подошли къ лѣсу, солнце начало только-что восходить; день обѣщалъ быть прекраснымъ, въ лѣсу и въ воздухѣ была такая тишина, что при осторожныхъ шагахъ солдатъ и при передаваемыхъ въ полголоса командныхъ словахъ, она казалась мнѣ чѣмъ-то ужасающимъ. Наша рота шла въ цѣпи первая, Софронычъ шелъ съ боку первой пары, а я шелъ за Софронычемъ.

— Мотри, ребята, взглядывайся, твердилъ Софронычъ своему полу-взводу: — говорятъ, онъ завалы понастроилъ.

И солдатики, вытягивая свои уставшія ноги, всматривались въ каждый кустикъ, въ каждое бревно, лѣжащее на дорогѣ.

Но вотъ мы благополучно прошли назначенное разстояніе; цѣпи остановились, рабочіе потребованы къ середкѣ и резервы принялись за раскладку огней.

— Ну, а чтожь, Софронычъ, скоро мы отступимъ? спросилъ я, сидя около огонька, съ цѣлью узнать — скоро ли начнется дѣло.

— Погодите маленечко, сударь, отвѣчалъ Софронычъ, поправляя большимъ ногтемъ уголь на трубкѣ: — мы еще хозяевъ не видали.

— Какихъ хозяевъ?

— А вотъ полѣсныхъ; они вѣдь тоже придутъ посмотрѣть, какъ мы работаемъ.

— Ты говоришь про татаръ, Софронычъ?

— А то про кого же? отвѣчалъ видимо довольный своей остротой Софронычъ.

— Да скоро ли же они придутъ? сказалъ я не совсѣмъ терпѣливо.

— Эка какой вы, сударь, шустрый! видно, вамъ быть енараломъ, отвѣчалъ Сафронычъ и засмѣялся; солдатики, которые окружали нашъ огонекъ, тоже захихикали.

Мое еще дѣтское самолюбіе было этимъ смѣхомъ не много уколото и я съ маленькой досадой всталъ отъ огонька и пошелъ къ играющей и хохочущей кучкѣ солдатъ.

Около 11 часовъ утра мой пустой желудокъ напомнилъ о себѣ и я, съ заискивающимъ видомъ, подошелъ къ Софронычу.

— Софронычъ, а мнѣ ѣсть хочется.

— Вотъ то-то, сударь, ѣсть, а чего утромъ не кушали?.. сказалъ Софронычъ съ капризнымъ видомъ:—ну, да ужь такъ и быть, на первый разъ побалую васъ, извольте вотъ хлѣбца,—продолжалъ Софронычъ, вытаскивая изъ-за пазухи бѣлый хлѣбъ, завернутый въ салфетку:—нарочно для васъ захватилъ, а въ другой разъ, если не будете утромъ кушать, нарочно проморю голодомъ.

Я улыбнулся и началъ развертывать салфетку.

Не успѣлъ еще я прожевать первый кусокъ, какъ съ лѣвой стороны лѣса, гдѣ-то очень далеко раздался не ясный гулъ и вслѣдъ за нимъ крикъ нѣсколькихъ сотенъ голосовъ затянулъ унылую, монотонную пѣсню.

Я остолбенѣлъ отъ изумленія.

— Татары Богу молятся, заговорили около меня солдаты:— сейчасъ начнутъ изъ орудій пушпать.

— Вотъ, сударь, и хозяева пришли; слышите, какъ воютъ? сказалъ мнѣ Софронычъ.

Я не могъ слова выговорить отъ волненія и съ кускомъ хлѣба въ одной рукѣ, съ вытянутой шеей, прислушивался къ этой унылой пѣснѣ.

— Въ ружье, закричали офицеры: — смотри тамъ цѣпь!

Солдаты въ цѣпи удвоили вниманіе къ чащѣ лѣса, и по возможности прятались сами за деревья. Я тоже спряталъ хлѣбъ въ карманъ, взялъ ружье и подошелъ къ первой цѣпной парѣ.

Софронычъ мой суетился, бѣгая по своему полу-взводу, а я съ напряженнымъ любопытствомъ всматривался въ лѣсную чащу.

— Уйдите, сударь, что вы выставились на показъ, сказалъ мнѣ парный солдатикъ.

— А что?

— Да вы и не замѣтите, какъ они подползутъ къ цѣпи, а вы стоите, какъ мишень.

— Да куда же мнѣ идти?

— Да станьте вотъ за это дерево и смотрите.

Солдатикъ указалъ мнѣ около себя кустъ.

Вотъ въ концѣ нашей цѣпи послышался выстрѣлъ, другой; впереди какъ будто нашей первой пары раздался громовой ударъ и ядро, свистя и шипя, ударилось около резервовъ.

— Одна, сказалъ солдатикъ, который указалъ мнѣ кустъ.

— Будетъ и другая, отвѣчалъ второй.

Свистъ перваго ядра какъ-то болѣзненно потрясъ мои нервы и энергія, которой я даже и не предполагалъ въ себѣ, вдругъ обнаружилась и въ какомъ-то розовомъ цвѣтѣ показалось мнѣ окружавшее меня.

Ружейные и пушечные выстрѣлы раздавались чаще и чаще; я постоянно прикладывался, но не видѣлъ ни одного непріятеля.

— Послать рабочихъ! кто-то крикнулъ около меня; я обернулся и увидѣлъ Софроныча, подбѣжавшаго къ первой парѣ и съ участіемъ подымающаго солдатика, который показалъ мнѣ кусть.

— Займите, сударь, пока его мѣсто, сказалъ мнѣ Софронычъ: — а я вытребую изъ резервовъ.

Перескочивъ въ одно мгновеніе изъ-за куста къ дереву, за которымъ стояла первая пара, я принялъ самую геройскую позу, кажется взялъ ружье на руку.

— Сторонись, сторонись! закричало нѣсколько голосовъ; я обернулся и увидѣлъ съ противоположной стороны прыгающее прямо на меня ядро.

Въ одно мгновеніе я перебѣжалъ на другую сторону дерева лицомъ къ чащѣ.

Въ это время, какъ я былъ совершенно открытъ, какая-то злодѣйская, должно быть давно подстерегающая — татарская пуля ударилась въ дерево, задѣвъ конецъ моего папаха.

Въ одну секунду, я опять очутился за деревомъ.

— Раздайсь! раздайсь! картечь!

Нѣсколько нашихъ орудій на маршъ-маршѣ прискакало къ цѣпи.

— Раздайсь! раздайсь! закричали артиллеристы, суетясь около орудій.

— Ги! ги! ги! послышалось самымъ рѣзкимъ крикомъ въ чащѣ.

— Пли! крикнулъ басъ около орудій и картечь, звѣня и свистя, поскакала по деревьямъ.

— Пли! повторилъ опять басъ.

— Пли! закричалъ почти надъ самымъ моимъ ухомъ ротный командиръ.

Я вскочилъ изъ-за дерева, вскинулъ ружье къ плечу и выстрѣлилъ.... конечно на счастье....

Наши пушечные выстрѣлы картечью, совершенно очистили чащу, по крайней мѣрѣ оттуда не стало слышно ни одного выстрѣла.

— Ну, теперь мы ихъ, кажется, угомонили, сказалъ Софронычъ, подходя ко мнѣ.

— Какъ, развѣ ужь дѣло кончено? спросилъ я Софроныча.

Софронычъ какъ-то странно посмотрѣлъ на меня и отвернулся.

— Эхъ, жаль Иванова, продолжалъ Софронычъ, смотря въ противоположную отъ меня сторону: — бѣдный раненъ въ грудь.

— Онъ умеръ, Софронычъ? спросилъ я жалобнымъ тономъ.

— Нѣтъ, еще дышетъ, отвѣчалъ Софронычъ, медленно повертываясь ко мнѣ.

— Не нужно ли чего ему теперь?

— Чего ему теперь нужно? отозвался Софронычъ ласково: — а вотъ развѣ въ лагерѣ, такъ можетъ чайку....

— Пожалуйста, Софронычъ, ты пошли ему отъ меня...

— Да вотъ вы, сударь, что вы все высовываетесь: не видали, что ли, они васъ?

— Какое, Софронычъ, я высовываюсь, я все за деревомъ стоялъ.

— Ну, то-то же, смотрите; а какъ начнутъ отступать, вы идите со мной.

— А скоро будетъ отступленіе?

— Да должно скоро.

— *Онъ* провожать насъ будетъ?

Софронычъ опять странно посмотрѣлъ на меня и проворчалъ сквозь зубы: — должно быть будетъ, пошелъ по цѣпи.

Непріятельская артиллерія не переставала стрѣлять; то противъ нашей цѣпи раздавался выстрѣлъ, то съ боку, то сзади, къ счастью не задѣвая около меня никого.

— Ишь изъ четырехъ орудій только пужаетъ, говорили солдаты.

— Погоди, къ отступленію привезетъ еще четыре, отвѣчали другіе.

Но вотъ по цѣпи проскакалъ батальйонный адъютантъ, ища нашего ротнаго командира; солдатики встрепенулись и запасныя сумки съ сухарями начали надѣваться на плечи.

— Софроновъ! крикнулъ голосъ изъ резервовъ.

— Послать Софронова къ капитану! раздалось около меня. Черезъ двѣ минуты Софронычъ, запыхавшись, подбѣжалъ къ цѣпи.

— Мотри, ребята, отступленіе будетъ безъ сигнала, сказалъ Софронычъ, обращаясь къ цѣпи: — приготовиться!

— Ишь, должно подлая татарва всѣ старые завалы позанала, сказалъ, очищая грязь съ приклада, солдатикъ, который былъ со мной въ парѣ: — чего добраго, опять штурмовать придется, добавилъ онъ въ раздумьи.

— Забирай дрова! забирай дрова! раздалось въ резервахъ.

— Цѣпь налѣво.... Маршъ.... говорилъ въ полголоса ротный командиръ, обскакивая цѣпь.

Солдатики потянулись налѣво самымъ тихимъ, осторожнымъ шагомъ.

Обозъ и рабочіе шли по серединѣ каре; наша рота занимала лѣвый уголъ у аріергарда.

Половину лѣса мы прошли безъ выстрѣла, орудія и непріятельскія и наши совершенно замолкли, какъ будто желая собраться съ новыми силами. Къ концу лѣса, когда мы подвигались къ первому, давно взятому, но еще не совершенно разработанному завалу, въ сторонѣ къ авангарду, послышались отрывистые винтовочные выстрѣлы.

— Сигналъ, сигналъ шельмы даютъ, заговорили около меня солдаты. — Увидали, проклятые!

Въ это время залпъ изъ пяти или шести орудій съ непріятельской стороны разомъ обсыпалъ аріергардъ и нашу лѣвую цѣпь — ядрами и гранатами.

— Ги! ги! снова послышался рѣзкій крикъ въ лѣсу, и свистъ пуль и ядеръ смѣшался съ нашимъ батальнымъ огнемъ.

— Ложись! ложись! закричали сзади насъ.

Я обернулся, наши артиллеристы уже прикладывали пальники къ орудіямъ.

Свернувшись клубкомъ на грязи, я думалъ: «да гдѣ же непріятель? пули и ядра летаютъ, слышенъ крикъ, а я хоть бы одну татарскую рожу подсмотрѣлъ».

Непріятельское ядро съ непріятнымъ, рѣзкимъ свистомъ ударилось около меня во что-то мягкое, вслѣдъ за этимъ послышался глухой, протяжный стонъ.

— Кажется, кого-то убили, сказалъ я приставая на колѣняхъ.

— Рабочихъ! рабочихъ! послышался голосъ Сафроныча; и я въ первой разъ увидѣлъ около себя ужасную, обезображенную массу человѣческаго мяса.

— Вставай! маршъ! раздалась команда.

Я вскочилъ и съ какимъ-то тупымъ ужасомъ смотрѣлъ, какъ укладывали на носилки убитаго въ животъ солдатика.

— Отстрѣливайся, отстрѣливайся! кричали офицеры въ цѣпи.

Но ружейные выстрѣлы усиливались и усиливались, наша артиллерія отъѣхала отъ цѣпи, у ней почти всѣ лошади были перебиты.

— Хоть бы на «ура» позволили, говорили солдатики, перепрыгивая отъ куста къ кусту: — просто могуты нѣтъ.

Но вотъ гдѣ-то далеко за лѣсомъ раздалось «ура» и батальонный командиръ, довольно толстый господинъ, съ обнаженной шашкой подбѣжалъ къ цѣпи.

— Впередъ, ребята, «ура!»

— «Ура!» «ура!» «ра-а-а-а!» и мы бросились въ чащу.

— Куда вы, сударь, лѣзете, бѣгите сзади, сказалъ Сафронычъ, придерживая меня за полу.

— Да вѣдь тамъ наши; мы ихъ должно быть окружили, сказалъ я вырываясь отъ Сафроныча.

— Какое наши, это должно кавалерья только дѣлаетъ отводъ, чтобы прогнать ихъ изъ лѣсу.

И дѣйствительно, пробѣжавъ шаговъ двадцать, намъ приказано было повернуть налѣво кругомъ и на полныхъ рысяхъ пробѣжать разстояніе до завала.

За заваломъ была приготовлена уже другая цѣпь для нашего прикрытія при переходѣ черезъ мостикъ глубокой канавы и мы, подъ сильнымъ огнемъ нашихъ и непріятелей, благополучно перебѣжали это опасное мѣсто.

— Ну, слава Богу, лѣсокъ прошли, сказалъ мнѣ Сафронычъ, отирая потъ съ лица полой своего полушубка.

— А теперь?

— Теперь уже все не то будетъ.

Горнисты заиграли отступленіе.

— Мотри, мотри, ребята! Джо-Муратъ (Хаджи-Амуратъ) опять свою пушку вывозитъ, заговорили солдаты.

Я посмотрѣлъ по направленію ихъ рукъ и увидѣлъ шестерку отличныхъ бѣлыхъ лошадей въ нашей упряжью, везущую мелкою рысью орудіе изъ опушки лѣса къ только что пройден-

ному нами завалу; впереди ѣхалъ на бѣломъ конѣ человѣкъ въ черной черкескѣ, сзади орудія въ разсыпномъ строѣ скакали десятка два татаръ.

— Эхъ, вотъ бы гранатой, заговорили солдаты.

— Что, гранатой, картечью бы, да не достанетъ, чай.

Залпъ изъ нашихъ орудій привѣтствовалъ этотъ торжественный выѣздъ Хаджи-Амурата.

— Вишь, проклятые, што хошь съ ними дѣлай: увертываются да и шабашъ, говорили солдаты: — вотъ третій разъ по чисту полю насъ провожаютъ.

— Да отчего же кавалерію не пошлютъ? сказалъ я.

— Эхъ, сударь, да развѣ можно ихъ догнать? отвѣчали мнѣ:— какъ кавалерія носъ покажетъ, а они въ опушку, а тамъ, чай, ихъ видимо-невидимо, и подъ деревьями, и на деревьяхъ.

— Мотри, мотри, повернулъ къ ихней батареѣ; отчего это енаралъ не сжегъ этотъ чертовъ фашинникъ?

Бѣлый дымокъ изъ-за старой непріятельской батареи показалъ намъ, что въ насъ пущенъ снарядъ.

— Берегись, берегись! смѣясь закричали солдаты: — ну, такъ.... Эта не наша, продолжали они, когда услыхали пролетѣвшее надъ головами ядро.

— Маршъ! маршъ! прибавь шагу, закричали намъ.

Наша рота повернулась и съ удвоенными силами, вслѣдствіе вниманія Хаджи-Амурата къ аріергарду, зашагала къ лагерю.

Второй и третій завалы мы прошли безъ выстрѣла; должно быть наша кавалерія напугала-таки непріятеля; одинъ только Хаджи-Амуратъ преслѣдовалъ насъ своими ядрами почти до лагеря.

Въ лагерь мы пришли часа въ четыре, и я сейчасъ же получилъ приглашеніе отъ моего знакомаго капитана Бородина придти къ нему на чай.

— Ну, что, С*, каковъ былъ первый вашъ дебютъ? спросилъ меня Бородинъ.

— Хорошъ, капитанъ; я собой, кажется, остался доволенъ.

— А боялись сначала?

— Полагалъ, что буду бояться.

— Ну, и ничего?

— Ничего, отвѣчалъ я смѣясь.

— А порядочное-таки было дѣло, надо правду сказать; впрочемъ, они теперь будутъ драться, отрядъ еще первый разъ въ Чечнѣ.

И дѣйствительно, они дрались и дрались; черезъ каждые два дни Софронычъ будилъ меня рано утромъ, каждый разъ предлагалъ мнѣ позавтракать кашицей и каждый разъ я отказывался, за что и получалъ очень строгіе выговоры отъ него въ лѣсу.

Теперь, благодаря энергіи одного умнаго кавказскаго генерала, Чечня почти вся покорена; непріятель, видя свои труды совершенно безплодными, пересталъ защищаться; развѣ какой нибудь байгушъ (нищій) мюридъ, остаткомъ своего нелѣпаго фанатизма, подберетъ себѣ шайку человѣкъ изъ двадцати, такихъ же нищихъ, какъ онъ, съ цѣлью гдѣ нибудь поживиться на русской границѣ: но на такую шайку русскіе мало обращаютъ вниманія какъ на простыхъ воровъ, а не какъ на непріятеля и, если ходятъ въ отряды, такъ съ самой положительной, практической цѣлью.

Зная все это, я всталъ, послѣ убѣдительныхъ мѣръ Ѳедора, съ сильнымъ нерасположеніемъ духа въ тотъ день, когда объявлено было движеніе.

— Ну, что, Ѳедоръ, самоваръ готовъ? спросилъ я, надѣвая походные сапоги.

— Готовъ-съ; прикажете чай подавать или умываться.

— Дай прежде чаю. А лошадь почистили?

— Какъ же-съ, ужь осѣдлана.

— Да развѣ теперь такъ поздно?

— Никакъ нѣтъ-съ; да вѣдь выступаютъ въ шесть часовъ, а теперь пять.

— А вещи отправилъ на повозку?

— Отправилъ-съ; да вотъ прапорщикъ Барсуковъ прислали чемоданчикъ, говоритъ, нельзя ли вмѣстѣ съ нашими вещами положить на повозку.

— Отчего же онъ на свою не положилъ?

— Да у нихъ нѣтъ, а ротный командиръ на ротныя повозки не приказалъ класть....

— Да неужели для этого чемоданчика не нашлось бы мѣста на ротной повозкѣ?... онъ бы попросилъ фельдфебеля.

— Да деньщикъ говорилъ, что ужь просили, да фельдфебель отказалъ, говоритъ, хоть сами посмотрите: на всѣхъ повозкахъ просто верхомъ накладено вещей, либо капитанскихъ, либо майорскихъ, либо адъютантскихъ.

— Да вѣдь Барсуковъ въ девятой ротѣ числится?

— Точно такъ-съ.

— Такъ какъ же они, неужели своему офицеру откажутъ?

— Отказали–съ, извѣстно.... то начальство вышнее-съ.

— Ну, нечего дѣлать: отнеси на нашу повозку; да хорошо ли накормленъ сивка?

— Хорошо-съ.

Ѳедоръ взялъ чемоданъ и вышелъ.

«А должно быть вчера у Мирошева была порядочная игра», подумалъ я, допивая чай: «а все этотъ эксъ-адъютантъ соблазнилъ... И къ чему этотъ Барсуковъ играетъ? вѣдь знаетъ, что, кромѣ жалованья, ни откуда не получитъ, — нѣтъ тянетъ....»

— Роты выступаютъ, сказалъ Ѳедоръ, входя въ комнату.

Вдали послышался звукъ наигрывающаго кларнета, и вотъ мимо моихъ оконъ потянулась первая рота. Впереди ѣхалъ Василій Васильичъ на какомъ-то маленькомъ мышастомъ конькѣ; сзади лошади Василья Васильича скакалъ и присвистывалъ ложечникъ, а сзади ложечника кучка пѣсенниковъ съ крикомъ и съ свистомъ отхватывала:

Молодушка моя, молодая,
Молодушка моя, молодая.
Э... э... эхъ, молодая!
Э... э... эхъ, молодая!

— С*, С*! закричалъ голосъ подъ моимъ окномъ.

Я выглянулъ, передо мной красовался на гнѣдой лошади Смольниковъ.

— Что жь ты не выѣзжаешь? Твоя рота сейчасъ идетъ....

— Я сейчасъ и выѣду, какъ рота пойдетъ.

— Фу, какая жара, продолжалъ Смольниковъ, разстегивая пальто: — нѣтъ ли у тебя чѣмъ освѣжиться?

— Да чѣмъ же тебѣ освѣжиться?

— Разумѣется, чѣмъ, продолжалъ смѣясь Смольниковъ: — не водой....

— Нѣтъ, я еще этимъ не запасся.

— Ну, такъ выѣзжай скорѣе, да догоняй меня; у меня славный запасъ.

И Смольниковъ уѣхалъ....

А вотъ потянулся и нашъ батальонъ.

Впереди ѣхалъ маленькій, коренастый Трифонъ Трифонычъ; за нимъ нѣжный батальонный адъютантъ; за адъютантомъ капитанъ Хватовъ, а уже за Хватовымъ потянулись солдатики съ непремѣнными пѣсенниками и пѣснями, тоже въ родѣ «Молодушка молодая». По бокамъ растянутаго батальона ѣхали субалтернъ-офицеры.

— Прикажете подавать лошадь? спросилъ меня Өедоръ.

— Да, давай, отвѣтилъ я, съ ожесточеніемъ докуривая папиросу.

Пристроившись къ боку своей роты, я отдалъ салютъ моему ротному командиру, капитану Степену Степанычу Воронову 2-му.

— Ну, что, — вы выспались, С*? спросилъ меня Степанъ Степанычъ.

— Да, Степанъ Степанычъ, вѣдь теперь нерано.

— Оно конечно-что нерано, да я все-таки не выспался.

— Отчего же, Степанъ Степанычъ? спросилъ я смѣясь: — вѣрно гдѣ нибудь жуировали?

— Помилуйте, батенька, что такое зажуировалъ; вѣдь вы, я думаю, могли меня хоть немножко узнать, я терпѣть не могу самъ жуировать, да и не люблю тѣхъ, кто жуируетъ.

И Степанъ Степанычъ грозно посмотрѣлъ на меня.

— Отчего же вы не могли уснуть, вѣрно были нездоровы? спросилъ я уже серьёзно.

— Нѣтъ, слава Богу, здоровъ, а просто-таки мнѣ хотѣлось побольше заняться *Тактикой* Медема.

— Вѣрно приготовлялись къ движенію?

— Конечно, все можетъ случиться; можетъ, у насъ будутъ и дѣла.

— Да, быть можетъ.

— Да нѣтъ, впрочемъ, врядъ ли; этотъ *** просто и самъ не дерется, да и другимъ не приказываетъ; вѣдь сдѣлалъ же онъ, говорятъ, за прошлое движеніе нашему генералу выговоръ за то, что тотъ хотѣлъ атаковать непріятельское орудіе.

— Да помилуйте, Степанъ Степанычъ, какъ же можно было тогда вести кавалерію въ атаку, когда,—вѣдь вы сами знаете, на

какое разстояніе было отъ насъ непріятельское орудіе и сколько нужно было перепрыгнуть овраговъ и заваловъ; просто, мнѣ кажется, тогда атака была невозможна, а тѣмъ болѣе атака съ фронта.

— Толкуйте вы: невозможна! Ужь, повѣрьте, если генералъ хотѣлъ сдѣлать атаку, такъ значитъ возможна; вѣдь онъ академикъ, да и занимается постоянно; а вы что! я думаю и тактики-то никогда въ руки не брали....

И Степанъ Степанычъ засмѣялся.

Я сознался, что дѣйствительно «Тактику» Медема не читалъ.

— Ну, то-то же, а туда же... говорите... И какъ вамъ не совѣстно, военному человѣку, не читать тактики?

Степанъ Степанычъ съ укоризной посмотрѣлъ на меня.

— Да я не нахожу этого нужнымъ, Степанъ Степанычъ, отвѣчалъ я смѣясь: — вѣдь тактика учитъ правильному взгляду на мѣстность и возможности получить хорошія и скорыя выгоды отъ мѣстности, а вѣдь еще неизвѣстно: глаза ли тактика могутъ имѣть правильный взглядъ, или мои; тактикъ ли можетъ лучше посовѣтовать употребить въ свою пользу мѣстность, или я.

— Ну, ну, пошелъ.... зафилософствовался.

И Степанъ Степанычъ закрылъ уши.

— А вотъ вы лучше скажите, Степанъ Степанычъ, куда мы идемъ?

— А кто ихъ знаетъ; мнѣ Скоковъ (народный адъютантъ) говорилъ, что тамъ гдѣ-то (Степанъ Степанычъ указалъ по направленію къ востоку) будемъ подчищать просѣку.

— Ну, такъ если мы будемъ тамъ чистить просѣку, такъ, повѣрьте, ваша тактика осталась безъ употребленія: дѣлъ не будетъ.

— Много знаете вы; генералъ не такой человѣкъ, чтобы отступить безъ выстрѣла, да и татары-то какъ-то его особенно любятъ; посмотрите, сколько ихъ съѣдется, да и дай Богъ.... авось будетъ и представленіе.

— Какъ же, дожидайтесь; вы знаете, какъ *** не любитъ безъ толку дѣла.

— Да какъ же безъ толку?... съ азартомъ, обернувшись ко мнѣ, заговорилъ Степанъ Степанычъ: — какой же нуженъ вамъ еще толкъ, когда будутъ битые и раненые?

— Здравствуй, С*! крикнулъ сзади меня голосъ. — Мое почтеніе-съ, Степанъ Степанычъ, добавилъ этотъ голосъ, когда мы съ Степаномъ Степанычемъ обернулись назадъ.

— А, здравствуй, Сальпинъ, сказалъ я красивому высокому мужчинѣ.

Степанъ Степанычъ взялся только за козырекъ.

— Что ты, — вѣроятно, ѣдешь съ гармоніей ?

— Разумѣется, еще съ новой; все будетъ намъ веселѣе.

— Конечно, конечно.

— А ты не видалъ, гдѣ Прутковъ?

— Нѣтъ.

— Должно быть впереди, нужно догнать его.

И Сальпинъ мелкой рысцой поскакалъ къ первому батальону.

— А вы не видали, С*, моего новаго субалтернъ-офицера? онъ недавно пріѣхалъ къ намъ въ полкъ, такой молоденькій, хорошенькій.

— Прапорщикъ?

— Да.

— А какъ фамилія?

— Киневъ; должно быть недавно изъ корпуса; онъ сегодня ко мнѣ утромъ являлся.... не успѣлъ разспросить....

— Я очень радъ буду съ нимъ познакомиться. Вѣдь мы съ нимъ будемъ одноротцы; можетъ, придется жить въ одной палаткѣ.

— Да кажется, что такъ; я хочу стать съ батальоннымъ адъютантомъ,

— Ну, вотъ видите. — Степанъ Степанычъ во время экспедиціи имѣлъ привычку всегда жить хоть съ маленькимъ, да штабнымъ. — Да гдѣ же этотъ Киневъ?

— А Богъ его знаетъ; онъ все хлопоталъ около своихъ вещей; должно быть въ обозѣ.

— Такъ вы его распеките, — зачѣмъ онъ не при ротѣ.

— Э, Богъ съ нимъ, вѣдь вотъ васъ каждый бы день нужно распекать ужь за одну философію.... да по добротѣ сердца прощаешь.

Степанъ Степанычъ разсмѣялся.

— Бба-тальонъ стой! крикнулъ Трифонъ Трифонычъ, гарцуя на сивомъ конькѣ, когда мы вышли за укрѣпленіе.

— Въ ротныя колонны стройся! повторилъ онъ.

— Должно быть, мы будемъ дожидаться генерала, сказалъ я Степанъ Степанычу.

— Да, будемъ; да гдѣ же это въ самомъ дѣлѣ Киневъ?

— Вотъ то-то и есть, Степанъ Степанычъ, сказалъ я смѣясь:— ваша доброта когда нибудь подведетъ васъ подъ отвѣтственность; ну, если генералъ спроситъ — гдѣ у васъ второй субалтернъ-офицеръ?

— Да что̀ же будешь дѣлать съ вашимъ братомъ? ни за что, ни про что нагоняй получишь.

— Конечно; еще генералъ, можетъ быть, не замѣтитъ; а вотъ Чулкинъ такъ распечетъ.

— Да, да, послать фельдфебеля!

Фельдфебель съ вытянутыми руками предсталъ предъ Степаномъ Степанычемъ.

— Сходи-ка въ обозъ, посмотри, нѣтъ ли тамъ прапорщика Кинева, и попроси его къ ротѣ.

— Слушаю-съ.

Степанъ Степанычъ и я, отъ нечего дѣлать, начали ходить по фронту.

— Экой шельма этотъ Ивановъ! Смотрите-ка, опять напился пьянъ; какъ только движеніе, такъ и пьянъ.

— Да почему вы это знаете?

— Да развѣ не видите, какъ онъ стоитъ? — Глаза Степана Степанычазасверкали... Безъ ружья, безъ сумы, чортъ знаетъ, что это такое.... Унтеръ-офицеромъ былъ порядочный, а какъ только выдержалъ экзаменъ, такъ и пьяница. — Ивановъ, поди сюда!...

Съ лѣваго фланга втораго взвода отдѣлилась красная, заросшая волосами личность и, немного пошатываясь, подошла къ намъ.

— Гдѣ у тебя ружье?

— Отдалъ племяшу-съ.

— А торба?

— У племяша-съ.

— Отчего жь ты не несешь самъ?

(Степанъ Степанычъ загнулъ крѣпкое словцо).

— Нездоровъ немного, ваше благородіе.

— Ты пьянъ? у какой нибудь кумы былъ?

— Былъ немного, ваше благородіе; да что̀ жь кума, кума ничего; а вотъ плечи заболѣли, такъ я племяшу-съ и отдалъ.

— Взять сейчасъ, и скажи племяшу, чтобы онъ отдалъ тебѣ и свою торбу.

— Вотъ оно, какъ дослуживаютъ пенсіоны эти кандидаты! обратился ко мнѣ Степанъ Степанычъ.—Сычовъ! сказалъ онъ

фланговому унтеръ-офицеру,—взять его подъ караулъ! Пойду, скажу Трифону Трифонычу.

Степанъ Степанычъ зашагалъ къ авангарду.

— Вотъ, ваше благородіе, а вѣдь я своему царю выслужилъ двадцать пять лѣтъ, — отнесся ко мнѣ слезливымъ тономъ Ивановъ.

— Зачѣмъ же ты пьешь?

— Да какъ же, ваше благородіе, не выпить, когда кума подноситъ?

— Отвести его въ арестантскую, на гауптвахту, — подбѣжавъ, закричалъ Степанъ Степанычъ.

— Честь имѣю явиться, Степанъ Степанычъ, заговорилъ около насъ звучный голосокъ. Мы обернулись, — молоденькій прапорщикъ, котораго я видѣлъ въ саду, стоялъ передъ нами, приложивъ руку къ козырьку.

— Что̀ это вы, батюшка Киневъ, не при ротѣ? сказалъ съ неудовольствіемъ Степанъ Степанычъ.

— Зачѣмъ вы все сердитесь, Степанъ Степанычъ, полноте, сказалъ я смѣясь, лучше познакомьте насъ. Это я виноватъ, М-r Киневъ, что за вами посылали: мнѣ такъ хотѣлось познакомиться....

— Ничего-съ, я очень радъ, отвѣчалъ краснѣя Киневъ, слегка пожимая мнѣ руку.

— Что, вы вещи свои поклали? спросилъ Степанъ Степанычъ.

— Да-съ, съ большимъ трудомъ, едва взяли.

— Я вамъ говорилъ, что на ротныхъ повозкахъ нельзя....

— Смирно! закричали въ аріергардѣ.

— Ваше благородіе! ваше благородіе! енаралъ ѣдетъ, взволнованнымъ тономъ заговорилъ фельдфебель.

— А? что? гдѣ? засуетившись, бормоталъ Степанъ Степанычъ: — смотри тамъ! выровняться! продолжалъ онъ:—гдѣ же Трифонъ Трифонычъ?...

Чулкинъ, переваливаясь съ боку на бокъ, какъ уточка, мелкой рысцой подбѣжалъ къ правому флангу нашей роты, отдалъ нѣсколько энергическихъ приказаній ротѣ и побѣжалъ къ Хватову. Сзади послышался гулъ здоровающихся ротъ, и мы съ нетерпѣливымъ ожиданіемъ, съ вытянутыми къ фуражкѣ двумя пальцами, ожидали проѣзда его превосходительства.

Ждать пришлось недолго: генеральскій голосъ раздался за нашей ротой, вслѣдъ за генеральскимъ голосомъ раздалось

обыкновенное — ство.... и мимо насъ промчался прежде предвѣстникъ важности—значокъ, за значкомъ полдюжины татаръ, а за татарами галопировалъ окруженный штабомъ генералъ. За штабомъ, составляя какъ бы особый аріергардъ—ѣхали штукъ пять офицеровъ, съ вставленными въ глаза лорнетами.

— Bonjour, заговорилъ около меня французскій голосъ: — что, ты послѣ водъ да и въ походъ?

Я обернулся, около меня, едва сдерживая лошадь, стоялъ Скаковъ.

— А, здравствуй.... Что жь дѣлать? нужно же истреблять враговъ отечества.

— Ха, ха, ха, вотъ такъ джигитъ (*); отечество тебѣ постарается быть благодарнымъ.

— Разумѣется... Да что это съ тобой сдѣлалось: ты отчаянно французишь....

— Привыкъ, братецъ мой; въ штабѣ всѣ эти интимныя бесѣды иначе не говорятся, какъ по-французски; да и расположеніе-то того.... какъ-то поддерживается.... добавилъ Скаковъ по-русски; однакожь прощай, пора ѣхать.

— Ма-ршъ, послышалось изъ авангарда.

— Маршъ, маршъ, маршъ! заголосили ротные командиры.

Тулумбасы ударили, бубны зазвенѣли, запѣвалы подтянулись, и опять пошла въ ходъ «Молодушка молодая....»

— Позвольте васъ спросить, г. С., далеко мы идемъ? спросилъ меня Киневъ, плетясь около меня на тощемъ конькѣ.

— Не знаю; не думаю, чтобы далеко: войска мало, а кавалеріи почти совсѣмъ нѣтъ; вѣроятно перейдемъ только М.....

— И дѣла конечно будутъ? спросилъ оживленнымъ тономъ Киневъ, смотря на меня свѣтленькими, сѣренькими глазками.

— Врядъ-ли, сказалъ я улыбаясь и невольно засматриваясь на это молоденькое, дѣтски-оживленное личико.

— Какъ же это.... сказалъ наивно въ раздумьи Киневъ:— вѣдь мы идемъ въ горы?

— Нѣтъ, еще до горъ будетъ далеко; мы идемъ только, кажется, очищать отъ молодаго кустарника старую дорогу.

Киневъ повѣсилъ голову.

— А вы давно пріѣхали на Кавказъ? спросилъ я Кинева, чтобы прервать его раздумье.

(*) Молодецъ, наѣздникъ.

— Мѣсяцъ съ нѣсколькими днями, отвѣтилъ грустно Киневъ.

— Откуда?

— Изъ Москвы.

— Москва — родина ваша?

— Да, я тамъ родился и тамъ воспитывался въ корпусѣ.

— Такъ мы съ вами земляки.

— Въ самомъ дѣлѣ? Вы тоже изъ московскаго корпуса вышли?... радостно взглянувъ на меня своими хорошенькими глазками, спросилъ Киневъ.

— Нѣтъ, я въ московскомъ корпусѣ не былъ.

— Изъ какого же корпуса вы вышли?

— Я ни въ какомъ корпусѣ не былъ, я былъ въ гимназіи, а....

— Но все-таки московской?

— Да, — отвѣтилъ я, съ удовольствіемъ прислушиваясь къ этому звонкому, радостному голоску.

— Ахъ, я очень радъ, очень радъ, что мы съ вами земляки,— и Киневъ, бросивъ поводъ своей лошадки, протянулъ мнѣ обѣ руки.

— А въ отрядѣ, какъ.... вы не знаете, какъ тамъ мнѣ можно устроиться? спросилъ послѣ довольно продолжительной паузы Киневъ.

— Очень просто: намъ дадутъ палатку, и мы, какъ однеротцы, помѣстимся въ ней.

— А капитанъ тоже съ нами будетъ?

— Нѣтъ, мы будемъ жить только двое.

— Ахъ, какъ это хорошо, какъ это будетъ весело!—и ямочки на щечкахъ Кинева еще ярче обозначились.

— Мы весь день такъ пройдемъ? помолчавъ, спросилъ Киневъ.

— Нѣтъ, будетъ отдыхъ; еще верстъ пять осталось до отдыха: видите, впереди насъ на горѣ аулъ?

— Вижу; это горскій аулъ?

— Нѣтъ, отвѣтилъ я, невольно улыбнувшись, — горскому аулу тутъ не позволятъ быть; это мирный аулъ, у него будетъ намъ отдыхъ.

— А, а....

— С.! С.! да какой же чортъ.... тебя не сыщешь, подъѣхавъ ко мнѣ, затараторилъ Барсуковъ: — а.... Киненочекъ, Киненочекъ... и вы здѣсь? Ты когда это успѣлъ, злодѣй, познакомиться?—

оборотясь ко мнѣ, продолжалъ Барсуковъ,—небойсь, знаешь.... Эта нахальная невѣжливость меня взбѣсила: я грубо спросилъ Барсукова: — что ему нужно?

— А, что мнѣ нужно?... Мнѣ нужно, братъ, многое: 1) скажи ты мнѣ—положилъ ли мой чемоданъ на свою повозку; а 2) сейчасъ же маршъ за мной въ обозъ — къ Смольникову... и Киненочка захватишь....

— Чемоданъ я твой положилъ, а къ Смольникову не поѣду.

— А... знаемъ, знаемъ; нѣтъ, ужь извини, если ты не поѣдешь, такъ я утащу Кинева.

— Отчего же не ѣхать? поѣдемте!... ласково сказалъ мнѣ Киневъ.

— Развѣ вы пьете водку? Вѣдь эти господа будутъ подчивать васъ водкой.

— Отчего же бы и не выпить ему водки, позволь тебя спросить? подбоченясь спросилъ меня Барсуковъ.

— Нѣтъ-съ, благодарю васъ, отвѣтилъ робко Киневъ: — я не пью водки.

— Ну, такъ и не пейте; кто васъ приневолитъ?

— Послушай, сказалъ я Барсукову тихо: — я поѣду, только оставь здѣсь Кинева.

— Э, э, э! сказалъ, заливаясь смѣхомъ, Барсуковъ: — ни за что, ишь какая маменька! Поѣдемте, Киневъ, непремѣнно поѣдемте, приставалъ къ нему Барсуковъ.

— Что жь, я, пожалуй, поѣду.

— Да, нужно же ему въ самомъ дѣлѣ узнать кавказскую жизнь, какъ она есть, подумалъ я и грустно поѣхалъ за Барсуковымъ.

— Тащу, тащу, господа! закричалъ Барсуковъ, подъѣзжая къ кучкѣ офицеровъ, суетившихся около повозки, да еще не одного, а....

— Барсуковъ, ради Бога не остри, прошу тебя, иначе твой чемоданъ полетитъ къ чорту съ моей повозки, — сказалъ я рѣшительнымъ тономъ, зная, что это средство заставитъ замолчать Барсукова.

Дѣйствительно, Барсуковъ проглотилъ какое-то слово и залился рѣзкимъ хохотомъ.

— Здравствуйте, батенька С., сказалъ мнѣ, улыбаясь и пережовывая что-то во рту, Василій Васильичъ: — перекусите-ка до привала.

— Здравствуй, отрывисто сказалъ Смольниковъ:—ишь, какъ паритъ, нà-ка.... и рука Смольникова съ фляжкой потянулась ко мнѣ.

— Здравствуй, здравствуй, здравствуй! раздалоcь со всѣхъ сторонъ.

— А это что за офицеръ, батенька, съ вами? шепнулъ мнѣ на ухо Василій Васильичъ.

— Прапорщикъ Киневъ, недавно пріѣхалъ въ полкъ.

— То-то я не знаю; какой хорошенькій!

— А вамъ, не прикажете ли закусить? отнесся Смольниковъ къ Киневу: — выкушайте прежде водочки; Барсуковъ, гдѣ фляжка?

— Да что его подчивать, Смольниковъ? сказалъ улыбаясь Барсуковъ:—вѣдь онъ малютка, не пьетъ водки.

— Ммм.... промычалъ Хватовъ.

— Какъ малютка? что ты врешь? подай сюда фляжку! Не прикажете ли? сказалъ Смольниковъ Киневу, протягивая руку съ фляжкой.

— Нѣтъ-съ, очень благодаренъ, я не пью водки.

— Да хоть попробуйте, нельзя не пить, иначе вы заболѣете отъ жары лихорадкой; вѣдь на Кавказѣ того и гляди, что схватишь лихорадку; вотъ спросите капитана, онъ старый служака... Смольниковъ указалъ на Хватова. — Не правда ли, капитанъ?

— Ммм.... дда.... выпейте, я совѣтую,—сквозь зубы проговорилъ Хватовъ.

— Выпейте, выпейте, выпейте! раздалось кругомъ Кинева; какой же вы послѣ этого кавказецъ!

Я видѣлъ, какъ Киневъ вопросительно посмотрѣлъ на меня; но чтобы не подать повода къ насмѣшкамъ—я отвернулся.

Барсуковъ насмѣшливо посмотрѣлъ на меня, а черезъ минуту общій голосъ—«молодецъ, молодецъ!» заставилъ его расхохотаться.

— Баста! сказалъ мнѣ Барсуковъ, опека твоя кончается; теперь мы съ Божіею помощію пріучимъ его, какъ съ людьми жить.

Я отвернулся отъ Барсукова.

— Ну, до привала довольно, господа, сказалъ Смольниковъ: — теперь маршъ; а на привалѣ опять ко мнѣ милости просимъ.

— Что вы такъ задумались? подъѣхавъ ко мнѣ, заговорилъ Киневъ:—ахъ, какъ жарко.... и онъ началъ разстегивать сюртукъ.

Я посмотрѣлъ на Кинева: его свѣженькое личико горѣло, глаза прищуривались, а дѣтская рука постоянно подхлестывала лошадь.

— Зачѣмъ разстегнулись? Можно простудиться, и тогда отъ лихорадки уже не спасетъ васъ водка, сказалъ я насильно разсмѣявшись.

— Ничего, отвѣтилъ, улыбаясь, Киневъ.

Аулъ былъ отъ насъ близко; нѣсколько офицеровъ изъ аріергарда, съ татарскимъ гиканьемъ (признакъ, что нѣтъ главнаго начальника въ колоннѣ), понеслись къ воротамъ.

Подойдя къ самому аулу, подполковникъ Шишковскій, оставшись старшимъ по отъѣздѣ генерала впередъ съ кавалеріей, приказалъ батальонамъ остановиться, составить ружья и отдохнуть.

— .....аго батальона гг. офицеры сюда! закричалъ хриплый голосъ Смольникова.

— Вы пойдете, С.? спросилъ меня Киневъ, слѣзая съ лошади.

— Нѣтъ, а вы?

— Я тоже не пойду. Киневъ сѣлъ подлѣ меня на траву.

— Ха, ха, ха! вотъ пара голубковъ, ихъ никакъ и не разлучишь, — сказалъ, подходя къ намъ, Барсуковъ.

Этотъ человѣкъ, кажется, далъ себѣ слово бѣсить меня.

— Ну, что жь вы, пойдемте на закуску.

— Не пойду, отозвался я.

— А вы, Киневъ?

— Мнѣ тоже нехочется.

— Вздоръ, вздоръ! пойдемте.—Барсуковъ поднялъ съ травы за руку Кинева.—Посмотрите, какъ только вы тронетесь, такъ и С. за вами поплетется.

Киневъ улыбнулся.—Пойдемте, сказалъ онъ.

— Нѣтъ, я не пойду, мнѣ хочется уснуть.

— Да пусть себѣ онъ спитъ; пойдемте вы, Киневъ, — и Барсуковъ взялъ его подъ руку.

Долго ли былъ у Смольникова Киневъ и что онъ тамъ дѣлалъ, не знаю; барабанъ разбудилъ меня отъ дремоты и я приказалъ подавать лошадь.

Отъѣхавъ версты двѣ отъ аула, я увидѣлъ Кинева, ѣдущаго рядомъ съ Шишковскимъ, объ чемъ-то жарко разсуждающаго и разстегнутаго на всѣ пуговицы. Шишковскій громко смѣялся....

Часа черезъ два мы перешли лѣсистый хребетъ и примкнули къ кавалеріи, расположившейся съ генераломъ на отдыхъ.

Намъ приказано было остановиться, отдохнуть немного и приготовиться вступить въ непріятельскія владѣнія.

Покуда солдатики оправлялись, я поѣхалъ на курганъ къ казачьему пикету посмотрѣть на мѣстность.

Мѣстность была великолѣпная.

Сзади насъ и по бокамъ тянулся лѣсистый хребетъ, впереди лежала широкая долина, покрытая частымъ орѣшникомъ; эта долина доходила до скалистыхъ горъ, которыя, пересѣкаясь вдоль и поперегъ чернѣющимися огромными пропастями, принимали отъ заходящаго солнца оттѣнки разныхъ цвѣтовъ.

— Quel tableau! сказалъ около меня тихій, хриповатый голосъ.

Я обернулся; — почти рядомъ со мной стоялъ генералъ и въ пол-глаза съ какимъ-то любопытствомъ посматривалъ на меня.

— Magnifique! superbe! charmant!... завопили около меня штабные офицеры, привставая на цыпочки и смотря въ лорнеты не на мѣстность, а прямо въ лицо генералу.

— Oui, mon général, отвѣчалъ я, приложивъ руку къ козырьку и, чтобы дать мѣсто штабнымъ, сошелъ съ кургана.

Вечеромъ мы переправлялись черезъ рѣчку.

Во время переправы, Киневъ, застегнутый, съ заспанными глазами, подъѣхалъ ко мнѣ.

— Ахъ, какъ я хорошо уснулъ на этомъ отдыхѣ!... сказалъ онъ мнѣ, какъ-то конфузясь.

— А вотъ мы сейчасъ придемъ на мѣсто, и тогда отдохнете, сколько угодно, сказалъ я недовольнымъ тономъ.

Киневъ посмотрѣлъ на меня и замолчалъ.

Едва только мы перешли рѣчку, какъ насъ построили въ каре и приказали разбивать палатки.

— Мы здѣсь помѣстимся? сказалъ мнѣ заискивающимъ тономъ Киневъ, указывая на ставившуюся палатку.

— Да.

— А лошади?

— А вотъ отдайте моему человѣку, онъ ее поставитъ, куда слѣдуетъ.

— Я бы теперь выпилъ чаю, сказалъ Киневъ, немного гримасничая.

— Сейчасъ подадутъ, сказалъ я, смягчаясь при этихъ дѣтскихъ гримасахъ: — идите въ палатку, и я сейчасъ приду.

— А теперь куда вы?

— Нужно посмотрѣть наше хозяйство.

— Ну, ну... да вы поскорѣе.

Киневъ выпилъ на-скоро стаканъ чаю, закурилъ папироску и только-что хотѣлъ было пить другой, какъ его жмурившіеся глаза заставили оставить и стаканъ, и папироску. Едва онъ прилегъ на постель, сейчасъ же заснулъ, какъ убитый.

На этой позиціи мы простояли девять дней: каждый день или я, или Киневъ — долженъ былъ встать съ утренней зарей и идти съ ротными рабочими чистить дорогу. На работѣ мы были почти цѣлый день, въ 7-мъ часу вечера возвращались домой усталые, изжаренные солнцемъ — въ полномъ смыслѣ этого слова. Что дѣлалъ Киневъ, когда оставался безъ меня дома — незнаю, да я его и не распрашивалъ; я ему былъ очень благодаренъ за любезность: когда я съ пересохшимъ горломъ входилъ въ палатку, то былъ увѣренъ, что самоваръ готовъ и что дѣтскія ручки сейчасъ нальютъ мнѣ чай. Послѣ чая, выкуривъ съ полдюжины папиросъ, каждый изъ насъ обыкновенно заваливался въ постель и до сна разговоръ вертѣлся на томъ, что дескать вотъ вчера лазутчики приходили, — говорятъ, партія большая въ сборѣ... Киневъ отъ этого по обыкновенію волновался, а я увѣрялъ его, что лазутчики приходили за четвертакомъ и что партія никогда не сберется. Но вотъ работы кончены, черезъ день сказано отступать.

Въ девятый день, такъ какъ работъ уже не было, я съ Киневымъ встали по-барски, часу въ 10-мъ утра. Не успѣли намъ подать самоваръ, какъ Барсуковъ, въ какомъ-то восторгѣ, вбѣжалъ въ нашу палатку.

— Насилу-то встали, сказалъ онъ, отирая потъ съ лица: — просто спятъ.... спятъ, — какъ молодые, — добавилъ онъ насмѣшливо.

Къ этому человѣку я чувствовалъ такую антипатію, что мнѣ даже не хотѣлось съ нимъ и говорить.

Киневъ тоже молчалъ и старался склеить папиросу.

— Что же вы молчите?

— Что же говорить? сказалъ я.

— А вотъ что: нынче въ пять часовъ вечера извольте быть въ палаткѣ Смольникова; гг. офицеры даютъ прощальный балъ этому движенію.

— Что же это, по подпискѣ? спросилъ я.

— Разумѣется; да развѣ тебѣ жаль бросить какихъ нибудь рубля три; что же касается меня, такъ я готовъ послѣднюю рубашку отдать съ радости, что такое движеніе кончено.

— Киневъ! будьте добры, позвольте со стола мнѣ кошелекъ.... Чѣмъ же тутъ движеніе-то виновато? спросилъ я Барсукова, отдавая ему деньги.

Киневъ также отдалъ деньги.

— Какъ чѣмъ?... За весь походъ ни одного выстрѣла; чортъ знаетъ, эти татары должно быть перебѣсились; вотъ теперь и дожидайся представленья, и такъ ужь семь лѣтъ прапорщикъ.

Мы молчали.

— Ну, такъ вы значитъ придете? спросилъ Барсуковъ, вставая съ походнаго стула.

— Постараемся, отвѣчалъ я.

Барсуковъ ушелъ.

— Что же, тамъ и генералъ будетъ? спросилъ меня Киневъ, пуская струйку табачнаго дыму.

— Нѣтъ, не думаю, отвѣчалъ я смѣясь: — большіе начальники на эти балы не ходятъ.

— Значитъ тамъ будутъ одни товарищи,—ахъ, какъ это хорошо!...

— Да, это очень хорошо, а въ особенности весело, сказалъ я, насмѣшливо смотря на Кинева.

— А что?

— А вотъ увидите!

Въ шестомъ часу вечера, Киневъ и я пошли къ Смольникову. Къ обыкновенной офицерской палаткѣ Смольникова была приставлена еще солдатская, такъ что приподнятые бока палатокъ сходились; отъ этого образовалась одна довольно большая палатка. Когда мы вошли, гости уже попивали глинтвейнъ, непремѣнное начало походнаго кутежа—въ большихъ размѣрахъ.

— А, а, а, С* вѣчно опоздаетъ! сказалъ Смольниковъ, отнимая отъ губъ стаканъ.

— Экой ты чудакъ, отвѣтилъ Барсуковъ, копаясь на полу съ чайникомъ: — развѣ ты не видишь, что у него на рукахъ обуза?

— Ха, ха, ха, подхватилъ старшій братъ красиваго Сальпина — низенькій, кривоногій подпоручикъ. — Чу, слышишь С*, что про тебя говорятъ.

— Что хотятъ, то и говорятъ, сказалъ я.

— Ну, полно вамъ, безсовѣстные, сказалъ Василій Васильичъ. Подите, батенька Киневъ, ко мнѣ, не слушайте ихъ.

— Хэ, хэ, закашлявшись, засмѣялся Хватовъ.

— О, о, о! вы, Василій Васильичъ, должно быть, тоже любите хорошенькихъ, отозвался съ какимъ-то нахальствомъ красивый Сальпинъ, покручивая усъ.

— Чортъ знаетъ, что вы говорите, господа, сказалъ брюзгливымъ тономъ Степанъ Степанычъ.

Киневъ попеременно краснѣлъ и блѣднѣлъ.

Наконецъ таки его усадили между Васильемъ Васильичемъ и Хватовымъ, дали ему въ руки стаканъ и съ любопытствомъ посматривали на него, — какъ онъ начнетъ.

— Ну, ну, да пейте же, раздавалось около него.

Киневъ гримасничалъ; видно было, что ему и не хотѣлось пить, и не хотѣлось навлечь на себя неудовольствіе старшихъ.

— Да полно, вотъ барышня! Пейте! твердили ему.

Разумѣется, убѣдительныя мѣры подѣйствовали, и онъ пилъ.

— А чтожъ пѣсенники? послышался голосъ изъ кружка.

— А въ самомъ дѣлѣ, отчего же нѣтъ пѣсенниковъ?

— Послать пѣсенниковъ! послать пѣсенниковъ!

Черезъ минуту, «Вспомнимъ, вспомнимъ мы, ребята, какъ стояли въ зеленахъ», раздалось за палаткой.

Кутежъ принималъ размѣры все больше и больше; въ палаткѣ подъ напѣвы пѣсенниковъ послышались и другіе, неуступающіе въ своей гармоніи пѣсенникамъ.

— Эка какой ты, Смольниковъ, что̀ бы тебѣ привезти гитару?

— Привезъ.

— О! тащи сюда, — я съиграю.

— Сальпинъ, а гдѣжь гармонія?

— Здѣсь, братъ.

— Чтожь, играй!

— Да, да, а я буду плясать, отозвался низенькій Сальпинъ.

— Ну, ну, камаринскую! захрипѣлъ Хватовъ, притопывая заранѣе ногой.

Камаринская раздалась и публика, недовольствуясь палаткой, выскочила вонъ.

— Вотъ такъ.... такъ, ходи лебедь, ходи гусь, — твердили плясуны, выписывая вензеля ногами.

— А вы славно пляшете, Сальпинъ, сказалъ я низенькому Сальпину.

— Да, братъ, запыхавшись отвѣчалъ онъ: — какъ выгонять въ отставку, — будетъ чѣмъ прокормиться.

— Любезный братецъ, не унывай! отозвался красивый Сальниковъ. Какъ только намъ предложатъ въ отставку, купимъ козу, и будемъ ходить по деревнямъ; у насъ съ тобой такіе таланты...

— Ха, ха, ха, отозвалась вся компанія.

— Господа! Шишковскій съ Чулкинымъ идутъ! закричалъ кто-то изъ толпы.

Компанія немного притихла, и съ радостными лицами ожидала своихъ ближайшихъ начальниковъ.

— Ну-те, ну-те, господа, какъ у васъ тутъ весело! заговорилъ Шишковскій, подходя къ намъ подъ руку съ Чулкинымъ и, судя по чрезвычайно масляннымъ глазамъ и лакированному носу Шишковскаго, можно было подумать, что онъ къ такому удовольствію уже приготовился.

— Полковникъ.... Трифонъ Трифонычъ.... какъ мы рады, какъ мы рады, заговорила публика. — Мы вамъ все покажемъ сначала. Смольниковъ! давай начинать опять съ глинтвейна.

— Хэ, хэ, хэ, засмѣялся Трифонъ Трифонычъ, потирая руками.

Но я не имѣлъ терпѣнія ждать конца этого и счелъ за лучшее идти спать. Киневъ остался.

Долго до моей палатки доносились голоса пѣсенниковъ; слышно было нѣсколько разъ хриплое ура, и я, ворочаясь съ боку на бокъ на своей постелѣ, никакъ не могъ выбросить изъ головы мысль о Киневѣ. Наконецъ всѣ эти пѣсенники, «ура», Киневъ и друзья слились во что-то безсвязное—одно, и я задремалъ.

Часу въ третьемъ мой безпокойный сонъ былъ прерванъ какимъ-то огромнымъ свѣтомъ, рѣзко бросившимся мнѣ въ глаза. Протирая глаза, я увидѣлъ, что моя палатка вся освѣщена и сначала мнѣ представилось, — ужь не пожаръ ли? Но, приходя въ сознаніе и лучше всматриваясь, я увидѣлъ окруженнаго свѣчами Кинева; его держали подъ руки, и мой Ѳедоръ объ чемъ-то просилъ его.

— Нѣтъ, не лягу, сказано не лягу, говорилъ безсвязно съ плачевнымъ видомъ Киневъ:—я хочу разбудить С*, чтобы онъ полюбовался на меня; видишь ты, какой молодецъ! сказалъ онъ Ѳедору, притопывая ногой.

Думая лучше подѣйствовать на Кинева, я приподнялся съ постели и съ улыбкой попросилъ его лечь.

— С*, вы встали, вы встали, смотрите-ка,—я каковъ!—Ахъ, какъ тамъ было весело! лепеталъ Киневъ, порываясь къ моей постели.

— Ложитесь лучше, Киневъ; вѣдь завтра рано пойдутъ, не успѣете уснуть.

— Я не хочу спать, я хочу разсказать вамъ, что я тамъ дѣлалъ....

— Успѣете завтра....

— Нѣтъ, нѣтъ.... Какъ я васъ тамъ защищалъ, если бы вы знали.... Объ васъ говорятъ, что вы гордецъ, дурной товарищъ, а я сказалъ—неправда, неправда!.. закричалъ Киневъ:—а Шишковскій молодецъ.... видно, что корпусный.... поцаловалъ меня, что я защищалъ васъ... —И Киневъ, слабо поддерживаемый во время этой тирады, повалился на землю.

Мнѣ стало тяжело смотрѣть на Кинева, и я, сдѣлавъ знакъ Өедору, чтобы онъ положилъ его на постель, вышелъ изъ палатки....

V.

ПРІѢЗДЪ НОВАГО КОМАНДИРА ПОЛКА.

Позднимъ вечеромъ, на третій день, я читалъ въ словесномъ приказаніи, отданномъ по полку, слѣдующее:

«Завтрешняго числа, по случаю прибытія новаго господина командира полка, его превосходительство проситъ господъ штабъ и оберъ-офицеровъ, не занятыхъ службою, въ двѣнадцать часовъ утра, послѣ игры сбора горнистомъ, пожаловать къ дому его превосходительства для личнаго представленія его....

— Такъ онъ завтра непремѣнно пріѣдетъ? спросилъ я фельдфебеля, дожидавшагося у дверей моей комнаты отдачи приказаній.

— Точно такъ-съ, лошади ужь посланы.

— Хорошо, ступай. Да вотъ еще, Сидоровъ,—пришли пожалуйста солдатика, когда будутъ офицеры сбираться, а то, пожалуй, здѣсь горниста и не услышишь.

— Слушаю-съ.

«Ну, вотъ и новое начальство завтра пожалуетъ», подумалъ я: «новые порядки, вѣроятно, пойдутъ, все-таки время пойдетъ немного разнообразнѣе; а то, право, я совсѣмъ заплесневѣлъ отъ

этой вялой, сонной, однообразной жизни.... Впрочемъ, что же это я,—нужно спросить, все ли у меня въ порядкѣ; а то, пожалуй, какъ разъ попадешь подъ невыгодное мнѣніе.

— Ѳедоръ!

— Сейча-асъ, послышался лѣнивый голосъ изъ кухни.

— Скажи пожалуйста, — кàкова у насъ парадная форма?

— Хорошая-съ, отвѣчалъ Ѳедоръ, держась одной рукой за дверь моей комнаты, а другою протирая заспанные глаза.

— Да какъ хорошая.... взойди-ка сюда. Эполеты новы?

— А какъ же-съ, извѣстно новы.

— А шашка?

— И шашка ничего-съ.

— Перчатки бѣлыя есть?

— Ну, вотъ перчатокъ-то нѣтъ-съ.

— Такъ завтра нужно взять.

— Да у кого взять-то, у маркитанта-то онѣ больно плохи, нельзя и разу помыть.

— Что же дѣлать. Ну, поищи, нѣтъ ли у жидовъ?

— Нѣшто у жидовъ....

— Да и почисти мундиръ поутру хорошенько.

— Слушаю.

— Ступай!

Сколько, я думаю, теперь бьется сердецъ послѣ такого формальнаго увѣдомленія о завтрешнемъ пріѣздѣ командира; сколько пламенныхъ надеждъ и впослѣдствіи — увы! — горькихъ разочарованій!... Да впрочемъ мнѣ-то что тутъ за дѣло, какъ будто я могу что нибудь измѣнить? Лучше, гораздо лучше будетъ, если я этакъ немножко того.... сосну.

На другой день въ двѣнадцать часовъ дня, блескъ эполетъ и.... вообще золота и серебра пріятно отсвѣчивался при полуденномъ солнцѣ около генеральскаго дома. Офицеры группами расхаживали по пыльной дорогѣ, или, собираясь кучками, толковали, что вотъ, дескать, теперь-то и нужно ловить случай попасть подъ крылышко новому командиру; о имянинахъ, конечно, не было и помину; всѣ съ вытянутыми, выбритыми до ссадинъ лицами, только покашливали, да призадумывались. Молоденькіе прапорщики и вмѣстѣ съ ними пожилые, но вновь испеченные майоры, — какъ привыкли называть недавно получившихъ чинъ майорскій, съ самодовольнымъ видомъ обдергивали сюртучки и посматривали на свои вздернутые эполетики и эпо-

летищи. Иностранцы-офицеры, составя свой особенный кружокъ, вставя въ глаза лорнеты и стоя съ гордымъ видомъ въ родѣ журавлей, презрительно посматривали на толкующую и озабоченную публику; они, вѣроятно, думали: «Почтеннѣйшіе! какъ вы ни хлопочите, какъ вы ни приводите въ благоприличное состояніе ваши физіономіи, вамъ все-таки не удастся попасть съ нами на одну доску предъ командиромъ; у васъ, дескать, и русскія фамиліи, да и по французски-то изъ васъ очень немногіе знаютъ». Адъютанты поминутно выбѣгали на крыльцо, покровительственно кивали на почтительные поклоны, осматривали зоркимъ глазомъ, всѣ ли собрались, и скрывались опять въ таинственные чертоги. Казначей, съ огромной папкой бумагъ подъ мышкой, вышелъ изъ командирскаго дома, и, судя по его самодовольному лицу, можно было положительно сказать, что, слава Богу, дѣла отлично покончены; а по его усталому виду и колыхавшемуся животу, — что, дескать, много трудовъ и силъ нужно было, чтобы все это блистательно новершить. Квартирмейстеръ, отойдя къ сторонкѣ, что-то таинственно нашептывалъ фурштатскому офицеру. Воинскій начальникъ (комендантъ) маленькій, плѣшивый человѣчекъ, большой охотникъ до циническихъ шуточекъ, отдавалъ энергическія приказанія базарнымъ, чтобы укрѣпленіе сейчасъ было на такую ногу, что какъ только взглянетъ новый командиръ, такъ счелъ бы за крайнюю необходимость имѣть всегда такого примѣрнаго блюстителя чистоты и порядка. Полковые священники разхаживали въ сторонкѣ, раздумывая, не произнести ли какого нибудь слова по случаю пріѣзда его превосходительства? Полковой и батальонные лѣкаря заботливо разспрашивали у вѣсовыхъ людей, какъ здоровье ихъ супругъ; а если таковыхъ у другаго не имѣлось, то скромно спрашивали о его здоровьи и здоровьи семейства.... которое, къ счастію лѣкарей, имѣлось почти у каждаго. Для дополненія всей этой величественной картины, нѣсколько жидовъ, — грошовыхъ негоціантовъ укрѣпленія, — изъ-за каждаго уголка съ какимъ-то боязливымъ любопытствомъ посматривали на эту блестящую толпу; они, вѣроятно, подумывали: «каковъ-то будетъ этотъ? тотъ, дай Богъ здоровья, всегда приказывалъ вычитать долги съ офицеровъ.»

Наконецъ запыхавшійся солдатикъ прибѣжалъ отъ крѣпостныхъ воротъ.

«Ѣдетъ! ѣдетъ!» раздалось по кучкамъ.

Задумчивыя, небрежныя, гордыя и трусливыя лица начали сглаживаться, и изъ всѣхъ этихъ разнохарактерныхъ лицъ образовалось одно, съ заискивающей, сладенькой улыбкой. Раздался неестественный кашель, поправленіе папахъ, сметаніе пыли съ мундировъ и звонъ откидывающихся шашекъ и шпоръ,—все это показывало, что ловкій штабъ уже приготовляется къ торжественной встрѣчѣ.

Показавшіеся издали экипажи и пыль возвѣщали, что страшная минута наступаетъ.

Первый экипажъ, не доѣзжая до насъ шаговъ двадцати, остановился; изъ него выскочилъ молодой человѣкъ и почти бѣглымъ шагомъ подбѣжалъ къ намъ.

— Здравствуйте, господа, здравствуйте! весело заговорилъ молодой человѣкъ: — мнѣ очень пріятно будетъ съ вами послужить.

Господинъ, такъ дружески поздоровавшійся съ нами, хотя и былъ довольно молодъ, но, судя по его немного покровительственному голосу и по блестящимъ полковничьимъ эполетамъ, можно было догадаться, что это-то и есть нашъ новый полковой командиръ.

Разумѣется, его сейчасъ окружили, и каждый старался прежде всѣхъ показать свои не совсѣмъ чистые зубы.

— Владиміръ Иванычъ! милости просимъ, а я васъ просто заждался, говорилъ генералъ, проталкиваясь черезъ кружокъ.

— Ахъ, ваше превосходительство, извините, простите, что я немного опоздалъ; приказъ былъ отданъ давно, но я имѣлъ кой-какія дѣла....

И Владиміръ Иванычъ съ генераломъ пошелъ въ домъ.

— Господа, пожалуйте! раздался съ крыльца генеральскій голосъ.

Мы гуськомъ потянулись за начальниками.

— Вотъ подполковникъ Шишковскій, сказалъ генералъ, начиная насъ представлять по старшинству: — вотъ майоръ Чулкинъ. Вотъ капитанъ.... вотъ поручикъ.... прапорщикъ....

Владиміръ Иванычъ, какъ и слѣдуетъ, пожалъ штабъ-офицерамъ руки, а намъ любезно поклонился.

Послѣ этого торжественнаго обряда, мы въ такомъ же строѣ, какъ и вошли, вышли на улицу.

— Ну, что? каковъ? какъ показался? заговорило разомъ, относясь другъ къ другу, нѣсколько голосовъ.

— А что, господа, нужно ему балъ сдѣлать, заговорили вѣсовые люди.

— Разумѣется, разумѣется, отвѣчали хоромъ всѣ.

— Да вѣдь прежде нужно сдѣлать прощальный балъ генералу, а потомъ ужь можно и новому.... запищалъ маленькій аудиторикъ, какъ будто выскочившій вдругъ у кого-то изъ кармана, потому что до этихъ поръ нигдѣ его не было видно.

— Да, не худо бы, послышался не совсѣмъ дружный отвѣтъ.

— Такъ давайте дѣлать подписку.

— Хорошо, давайте.

— Прежде старому?

— Старому.

— Когда балъ?

— Не худо бы завтра, или послѣ-завтра.

— Нѣтъ, нельзя: пусть прежде сдастъ полкъ.

— Ну, хорошо; а пригласить все-таки нужно завтра.

— Ладно, ладно.

Мы разошлись.

Три дня были смотры и парады.

Командныя слова, барабанные бои и музыка оглушили совсѣмъ. Наконецъ все это было покончено, полкъ сданъ и на слѣдующій день былъ объявленъ, вслѣдствіе проводовъ стараго командира, балъ въ клубѣ.

Какъ подумаешь, куда только не проникла цивилизація! Въ горахъ, въ глуши, въ дряннѣйшемъ и скучнѣйшемъ изъ всѣхъ кавказскихъ укрѣпленій, все-таки позаботились о разведеніи сада и о постройкѣ флигелей для женатыхъ офицеровъ вокругъ этого сада. Одинъ изъ этихъ флигелей было отданъ подъ клубъ и библіотеку. Конечно, это была мысль великая и очень похвальная: библіотека занимаетъ одну, очень небольшую комнату, она вся состоитъ изъ романовъ, изъ забористыхъ, какъ выражается комендантъ. Помню я, назадъ тому лѣтъ семь, полковой командиръ, отличный человѣкъ, но какъ истый кавказецъ, вовсе не любитель чтенія, выслушавъ разъ докладъ квартирмейстера о состояніи полковаго хозяйства, изволилъ выразиться такъ:

„ — Завтрешній день извольте сказать К*, Б*, Р*, К*, чтобы они сходили на полковой дворъ и осмотрѣли старыхъ лошадей,

и которые изъ нихъ къ ѣздѣ негодны будутъ, такъ чтобы представили объ нихъ списокъ.

— Слушаю-съ, отвѣчалъ, разумѣется, квартирмейстръ.

— Кажется, они знаютъ толкъ въ лошадяхъ, а? спросилъ полковой командиръ.

— Точно такъ-съ, они почти-что всѣ произведены изъ фурштатскихъ фельдфебелей.

— Ну, то-то, такъ скажите имъ, ступайте....

— А, постойте, закричалъ полковникъ уходившему квартирмейстеру: — помнится мнѣ (тутъ полковникъ приложилъ палецъ къ лбу), что.... библіотекарь говорилъ о выпискѣ новыхъ книгъ, такъ ужь кстати, пусть эти господа выпишутъ, что̀ имъ нужно. Да только — чтобы отчетность въ суммѣ была, — понимаете?...

Такъ вотъ, изволите видѣть, библіотека до этихъ поръ была забористая, и публика конечно не жаловалась, нѣтъ.... книги эти какъ нельзя болѣе приходились по вкусу. Остальныя три комнаты флигеля заняты были клубомъ.

Первая комната — карточная (передней я не считаю). Вторая — залъ, гдѣ молодежъ на кривомъ и щелистомъ полу выкидываетъ разные *па*. Третья комната занята была бильярдомъ; въ ней, т. е. въ бильярдной, и въ клубный день, и не въ клубный, всегда можно застать нѣсколько офицеровъ съ засученными рукавами и съ кіями въ рукахъ; тутъ разсказываются (по возможности) занимательные анекдоты, крѣпостныя сплетни и маленькіе офицерскіе скандалики; однимъ словомъ — эта комната считается самой *веселой* и, какъ кажется, вполнѣ заслуживаетъ это названіе....

Такъ на слѣдующій день, какъ я уже говорилъ, былъ объявленъ, по случаю проводовъ генерала, въ клубѣ балъ.

Въ этотъ торжественный день, (не подумайте, что я называю этотъ день торжественнымъ, вслѣдствіе отъѣзда генерала, — нѣтъ, у насъ день этотъ былъ самъ по себѣ очень торжественъ, потому что, къ несчастію кавказскихъ фешёнебльныхъ дамъ, балы въ укрѣпленіяхъ очень рѣдки).... такъ въ этотъ торжественный день, отборные офицеры — человѣка два-три, конечно изъ самыхъ ловкихъ, всегда батальонные адъютанты, потому что шпоры удивительно какъ развиваютъ ловкость, — были наряжены обществомъ съ самаго ранняго утра объѣздить всѣхъ дамъ въ укрѣпленіи и, конечно, дѣлая имъ отъ лица цѣлаго общества

форменные визиты, пригласить ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ на балъ. Порученіе это со стороны выборныхъ счастливцевъ исполняется всегда отчетливо и буквально.

Въ полдень этого торжественнаго дня, вы, проходя по жидовской улицѣ, увидите дамъ, съ озабоченными лицами спѣшащихъ купить что нибудь нужное у Гершки; офицеровъ съ раскраснѣвшимися лицами, выходящихъ изъ лавокъ и любующихся на свои новенькія перчатки, у которыхъ, вслѣдствіе искусной кройки, образовалось на концахъ пальцевъ что-то въ родѣ птичьихъ когтей; горничныхъ, снующихъ по улицѣ съ картонками и платьями; солдатъ попарно, важно несущихъ на шестѣ съ полдюжины накрахмаленныхъ юбокъ какому нибудь счастливому и плодородному семейству, и такъ далѣе. Къ вечеру наконецъ вся эта суматоха утихаетъ, и какъ будто даже въ воздухѣ чувствуется что-то такое располагающее къ нетерпѣливому ожиданію будущаго веселья. Въ 8 часовъ начинаютъ съѣзжаться барыни.

При входѣ въ переднюю, мои глаза поражены грудами пальто и салоповъ, перемѣшанныхъ и перепутанныхъ самымъ живописнымъ образомъ. Надъ всѣми этими разнохарактерными кучами, на самомъ видномъ мѣстѣ и на особой вѣшалкѣ, виситъ генеральское пальто....

При входѣ въ карточную, меня поражаетъ веселье и жизнь, въ полномъ смыслѣ этого слова. Тутъ, за этими столами, самые разнохарактерные типы.

Вотъ на самомъ видномъ мѣстѣ, около дивана, кругомъ новенькаго столика, играютъ въ преферансъ штабъ-офицеры. По наморщеннымъ лбамъ и сверкающимъ глазамъ видно, что игра идетъ нешуточная, не то, что у мелкихъ людей, по полкопѣйкѣ фишка; тутъ, я думаю, по цѣлой, а пожалуй кутнули и по двѣ; бываетъ, что около нихъ соберутся и ихъ супруги и съ живѣйшимъ участіемъ слѣдятъ за счастіемъ своихъ дорогихъ супруговъ. Вотъ партія докторовъ, съ очками на носу, глубокомысленно задумалась надъ процессомъ игры ералаша. Вотъ гдѣ нибудь въ уголку, около окошечка, партія молодежи, съ шумомъ и гвалтомъ, выходя изъ себя, стараются обыграть другъ друга въ преферансикъ по полкопѣечкѣ. А вотъ тутъ, уже въ самомъ уединенномъ уголку, около печки, собралась партія отчаянныхъ игроковъ, такъ сказать аматёровъ карточнаго искусства. У этихъ аматёровъ, разумѣется, начинается игра всегда съ пре-

ферансаі но это только такъ, это отводъ, а самая-то сущность игры пойдетъ именно послѣ преферанса, когда другіе, наигравшись до сыта, позѣвывая и выразительно подмигивая своимъ супругамъ, отправляются на боковую. За этимъ особеннымъ столомъ всегда предсѣдательствуетъ и руководитъ игрой тотъ, кто въ послѣднее время былъ счастливъ въ выигрышѣ и кто чувствуетъ въ себѣ достаточно силъ заложить банчишка, да не только заложить, но и поддержать его во все продолженіе вечера.

Около этого стола постоянно бываетъ кружокъ офицеровъ, даже и тогда, когда только идетъ преферансъ. Тутъ слышатся шутки, остроты, вызовы на предполагаемый карточный бой.

На лицахъ окружающихъ вы увидите желаніе попробовать счастья и затаенную зависть къ какому нибудь счастливцу. Но бываютъ видны и поразительно-унылыя выраженія. Этими выраженіями отличаются господа, у которыхъ нѣтъ ни копѣйки до будущей трети, ни даже лошади, ничего; имъ остается одно — ходить каждый день на имянины.

— Что, не хочешь ли и ты примазаться? сказалъ мнѣ Сальниковъ, когда я подошелъ къ этому интересному уголку.

— А вотъ сейчасъ, сейчасъ, господа, сказалъ извѣстный коноводъ по этому дѣлу Хлѣбопековъ. — Сейчасъ, вотъ только докончимъ.

— Съ какой теперь шерсти ходить? сказалъ въ раздумьи Прутковъ. А? С*, не знаешь ли ты?

Я сказалъ улыбаясь Пруткову, пользующемуся огромной славой остряка, что не знаю.

— Ха, ха, ха! Ну, ходи, ходи съ какой хочешь шерсти, все останешься безъ двухъ, сказалъ Хлѣбопековъ. — Вы не замѣчаете, С*, что онъ теперь, вмѣсто масти, говоритъ шерсти? Просто потѣшный, варваръ эдакой!

— Э, давай пойду съ попадьи! — и Прутковъ выбросилъ червонную даму.

— А мы попадью по усамъ, сказалъ басомъ какой-то бакенбардистъ артиллеристъ.

— Зачѣмъ вы ходили съ этой масти, Трифонъ Трифонычъ? послышался голосъ съ штабъ-офицерскаго стола. Вамъ бы лучше ходить съ пикъ!

— Ничего, вы вотъ посмотрите-ка, какой онъ поставитъ ремизъ. — Хэ, хэ, хэ... Что, козырьки-то всѣ должно быть?

— Да чѣмъ ты тамъ покрылъ? Слышь, Коноплинъ, — чѣмъ ты покрылъ? открой взятку! Я хочу посмотрѣть, чѣмъ ты покрылъ. Вѣдь я тебя знаю, — раздается со стола, гдѣ сидитъ молодежь.

— Ну, Петръ Петровичъ, намъ теперь приходится съ вами играть; смотрите же, замѣчайте масть у противниковъ, говорятъ доктора.

Полюбовавшись и наслушавшись всевозможныхъ возгласовъ, выражающихъ то участіе, то отчаяніе, то сожалѣніе, то ярость, я съ нѣжнѣйшимъ замираніемъ сердца вхожу въ залъ.

Въ залѣ, при громѣ бальной музыки, изъ которой отчетливѣе всего и чуть ли не лучше выдается страшный громъ турецкаго барабана, замелькали передъ моими глазами пары за парами. Черные мундиры, обвивши съ обворожительною нѣжностію затянутыя и перетянутыя цвѣтныя таліи дамъ, носились въ бѣшеномъ, быстромъ галопѣ.

А галопъ былъ дѣйствительно бѣшеный!

Ловкіе танцоры, пробѣжавши до половины зала, останавливались, топали обѣими ногами, съ особеннымъ искусствомъ какъ-то откидывали назадъ правую ногу и опять пускались въ перегонку.

Нѣжныя дамы, грустно склонивъ головку къ эполету своего кавалера, въ то время, когда кавалеръ на серединѣ зала приходилъ въ ярость, энергически поднимали эту головку, дѣлали какое-то восхитительное *па* и, зажмуривъ глазки, съ очаровательной улыбкой неслись съ своимъ ловкимъ танцоромъ.

Но вотъ галопъ съигранъ, дамы усѣлись вдоль стѣнокъ, а молодежь, отирая платками потъ съ своихъ разкраснѣвшихся лицъ, небрежно стала за стульями своихъ красавицъ и старалась занимать ихъ.

— Какъ вы восхитительно танцуете, Наталья Петровна, говорилъ молоденькій батальонный адъютантъ своей дамѣ, одѣтой въ совершенно красное платье и имѣющей на видъ лѣтъ сорокъ.—Просто прелесть, какъ вы танцуете. Я околдованъ вами.

И батальонный адъютантъ, должно быть отъ волненія, закашлялся.

— Ахъ, полноте вы.... уродъ этакой.... ха, ха, ха!... отвѣчала въ восторгѣ дама своему юному кавалеру.

— Нѣтъ-съ, вотъ я вамъ разскажу анекдотъ, говоритъ одинъ штабсъ-капитанъ, слывущій львомъ въ укрѣпленіи, своей

дамѣ въ какомъ-то вишневомъ костюмѣ, въ родѣ сарафана. — Вотъ слушайте! Да только, впрочемъ, предупреждаю васъ, событіе было очень страшно (улыбка на устахъ). Вотъ видите ли.... (приложенъ къ кончику носа палецъ) въ одной станицѣ молодой казакъ лилъ дробь, знаете дробь.... Это, что птицъ стрѣляютъ.

— Какъ же-съ, знаю, отвѣчаетъ пискливо дама.

— Ну, вотъ, такъ казакъ лилъ дробь, а къ нему и подбѣги молоденькая, лѣтъ шестнадцати, сестра, а сестра-то, я вамъ скажу, была прехорошенькая! Ну-съ, она, то есть сестра-то, и спрашиваетъ брата: что это ты, братецъ, дѣлаешь? Братъ говоритъ, что дробь лью. А на что? спрашиваетъ сестра. А на то, чтобы татаръ бить. Какъ же она будетъ бить? А вотъ видишь, я возьму одну дробинку, да и брошу въ татарина, она и убьетъ; и при этомъ братъ поднялъ руку, собираясь какъ будто бросить дробинку въ сестру. А если, говоритъ сестра, эта дробинка попадетъ мнѣ въ ротъ, и я проглочу? Все равно — умрешь, отвѣчаетъ братъ. Вотъ она, сестра-то, это и запомнила. Разъ случилось за обѣдомъ ѣсть ей фазана, она взяла ножку, да какъ куснетъ! анъ тамъ дробинка была, а она ее не видала, да такъ и проглотила; какъ вскрикнетъ: ай, умру! ей-Богу, умру! (штабсъ-капитанъ схватился за свой животъ) такъ, повѣрите ли, насилу уговорили ее, что она не умретъ.

— Ха, ха, ха! раздались пискливые голоса и вишневаго сарафана, и сосѣдокъ. — Ну, что̀ вы не выдумаете! вѣдь какой, право, забавникъ!

— Нѣтъ, вы послушайте, сударыня, говоритъ одинъ грузинъ капитанъ: — вотъ-съ, когда я былъ въ образцовомъ полку, такъ-съ тамъ, я вамъ скажу, бываютъ такіе балы.... такіе балы.... это.... это....

И рука капитана замахала въ воздухѣ.

— Ахъ, какъ можно сравнить, отвѣчаетъ юная барышня, застѣнчиво перебирая складки своего бѣленькаго платьица. — Я думаю, тамъ восхищеніе!..

— Ддда-съ, именно восхищеніе! восклицаетъ капитанъ, выразительно покручивая усъ.—Но только насчетъ-съ барышенъ, нѣтъ-съ.... здѣсь будетъ почище....

И злодѣй капитанъ бросаетъ юпитеровскій взглядъ на свою даму.

— Полноте! что вы?.. стыдливо шепчетъ барышня.

— Пермете муа ву зангаже пуръ юнь туръ вальцъ, говоритъ длинноногій, ловкій квартермистръ, щолкнувъ шпорами и граціозно протягивая свою аршинную ладонь молоденькой женѣ одного майора, твердившей каждому, что она воспитывалась въ ставропольскомъ пансіонѣ для благородныхъ дѣвицъ.

— Же сюи фатиге, кокетничая говоритъ майорша.

— Ничего-съ, одинъ только турикъ, пожалуйста, турикъ, упрашиваетъ уже порусски квартермистръ.

И дама, услышавъ заманчивые звуки Штрауса, съ шумомъ приподнимается съ своего мѣста.

Но вотъ оконченъ и вальсъ, музыканты звучно сморкаются,— признакъ, что они намѣреваются отдыхать; и кавалеры, съ вытянутыми по швамъ руками, какъ и слѣдуетъ образованнымъ военнымъ джентльменамъ, потянулись черезъ залъ въ бильярдную.

За ними пошелъ и я.

Около бильярда столпился огромный кругъ. Задняя линія этого круга, привставая на цыпочки и смотря черезъ плечи переднихъ, съ живѣйшимъ участіемъ слѣдила за перекатываніемъ жолтаго и красныхъ. У каждаго па лицѣ такъ и было написано—то восторгъ, то сожалѣніе, то удивленіе. И не мудрено: на бильярдѣ играли двѣ звѣзды— новый и старый....

Штабные, судя по ихъ пріятнѣйшимъ улыбкамъ при ударѣ новаго и по ихъ кликамъ: quelle justesse de.... de.... une boule comme une balle... можно было предположить, что они въ числѣ полковаго хозяйства, поступили всѣ сполна въ сдачу. Обыкновенные смертные, зная, что первое впечатлѣніе—самое сильное, тоже всѣми мѣрами старались подвернуться подъ благосклонную улыбку новаго.

— Вотъ шарикъ-съ, такъ шарикъ-съ, говоритъ Василій Васильичъ, доставая изъ лузы краснаго, котораго слишкомъ энергическій ударъ полковника съ трескомъ всадилъ въ лузу. — Рѣдкостный шарикъ-съ.

— Ваше превосходительство, отчего же вы не изволили играть жолтаго? сладкимъ голосомъ говоритъ Хватовъ, и злобно посматриваетъ на счастливаго Василья Васильича.

— Ахъ, какъ вѣрно-съ, просто удивленіе-съ, говоритъ издалека робкій голосъ прапорщика.

— Восхитительно! очаровательно! восклицаетъ только-что произведенный изъ разжалованныхъ, котораго называютъ Пастрана въ мужскомъ платьѣ.

— Господинъ полковникъ! господинъ полковникъ! играйте жолтаго! вы его непремѣнно положите! Вы такъ превосходно играете!.... подхватываетъ хоръ.

— А щобъ оробить успѣхъ шаривъ, говоритъ помалороссійски извѣстнѣйшій шутникъ и такъ называемый добрый малый:—оттобъ гарно було....

И съ лукавой улыбкой посматриваетъ на полковника.

— Хи, хи, хи! раздается писклывый смѣхъ его сосѣда, молоденькаго прапорщика.

Партія наконецъ сыграна, старый проигралъ, а новый, съ самодовольной улыбкой посматривая на своихъ подчиненныхъ, съ длиннымъ хвостомъ ищущихъ счастья вошелъ въ залъ.

— Votre excellence! Est ce que vous partirez demain, sans ajournement? спросилъ генерала одинъ изъ штабныхъ (котораго, вслѣдствіе очень горделиваго вида, всегда звали принцъ), сдѣлавъ жалкую мину.

— Je crois, отвѣтилъ генералъ, понюхивая табакъ.

— C'est dommage! Nous sommes si devoués à vous, votre départ nous fera beaucoup de douleur.... заголосили другіе, составляя около генерала умирающій кружокъ.

— С*, васъ просятъ въ библіотеку, таинственно подходя ко мнѣ, шепнулъ Иванъ Иванычъ. — Тамъ и комендантъ, и Трифонъ Трифонычъ, и всѣ...

— Да что имъ нужно? спросилъ я, досадуя, что меня отрываютъ отъ такой прекрасной и чувствительной сцены.

— Не знаю, они васъ просятъ сейчасъ же придти.

— Ну, пойдемте.

Въ библіотекѣ собрался кругъ офицеровъ, что называется *сокъ полка*, то есть людей, славящихся обширнѣйшимъ умомъ и геніальностью во всякаго рода изобрѣтеніяхъ и распоряженіяхъ, касательно житейской премудрости.

Тутъ былъ комендантъ, былъ казначей, былъ Трифонъ Трифонычъ, былъ Скаковъ, былъ Прутковъ, былъ майоръ Александръ Васильичъ, который завѣдуетъ полковыми стрѣлками, для большаго эффекта, — *шику*, какъ онъ постоянно выражается, — при каждомъ обыкновенномъ разговорѣ старающійся ввернуть слова: траекторія, математическая точность полёта, вліяніе атмосферы направильный выстрѣлъ и проч. и проч., и который, вслѣдствіе сильныхъ ранъ, по его словамъ, имѣетъ на обоихъ рукахъ почтенныя перевязки, и вслѣдствіе всѣхъ этихъ матема-

тическихъ точностей, считается первымъ въ полку дѣльнымъ офицеромъ, шагающимъ въ генералы; — натурально, теперь онъ предсѣдательствовалъ на этомъ важномъ совѣтѣ.

— Вотъ пришли и С*, сказалъ Иванъ Иванычъ, совершенно стушовываясь передъ такими знаменитыми личностями.

— А, а, вотъ, братъ, С*, тебя-то намъ и нужно, сказалъ смѣясь Скаковъ, подмигивая мнѣ. — Видишь, братецъ мой, мы тутъ думаемъ, какъ украсить залу къ балу для новаго полковаго командира. Александръ Васильичъ проситъ у меня совѣта на счетъ математической точности въ разстановкѣ столбовъ и тому, знаешь.... эдакихъ украшеній. Ну, а я какъ не математикъ, такъ вотъ и рекомендовалъ тебя.

— Помилуй! сказалъ я сердито Скакову: — я хуже тебя знаю математику.

— Ну, полноте, полноте, С*, ну, какъ хуже?... вѣдь мы знаемъ, что вы знаете, заголосилъ совѣтъ. — Пожалуйста, пособите!

— Пожалуйста, побудь съ ними немного, они мнѣ надоѣли до-смерти.... а потомъ я тебя выручу.... сказалъ пофранцузски Скаковъ, проходя мимо меня.

— Господа! сказалъ я: — я серьёзно не знаю математики, и хотѣлъ уйти вслѣдъ за Скаковымъ.

— Ну, нѣтъ, я тебя не пущу, ишь ты какой! Что же ты не хочешь намъ помочь! сказалъ комендантъ, держа меня за мундиръ.

Дѣлать нечего; я скрѣпя сердце остался, но далъ слово отомстить Скакову.

— Вотъ видите ли, С*, въ чемъ дѣло, сказалъ Александръ Васильичъ. — Мы не знаемъ, гдѣ поставить столбы изъ стволовъ. Думаемъ, что по угламъ зала.

— Да, по угламъ зала будетъ хорошо.

— Ну, а гдѣ вензель? какъ вы думаете?

— Ей-Богу, не знаю; какъ вамъ кажется?

— Мы хотимъ на окнѣ, а сзади — свѣчки.

— Нѣтъ, зачѣмъ на окнѣ? лучше надъ портретомъ государя, заговорилъ комендантъ.

— А вы что скажете? спросилъ Александръ Васильичъ.

— Хорошо и на окнѣ и надъ портретомъ.

— Ну, а перуанское солнце гдѣ поставить?

— Какое перуанское солнце?..

— А вотъ изъ тесаковъ.

— Ей-Богу я не знаю, господа, я никогда не видалъ, гдѣ перуанское солнце ставятъ.

— А волшебное зеркало?

— Какое зеркало?..

— Волшебное, изъ шомполовъ. Онъ и этого не знаетъ.... смѣясь продолжалъ Александръ Васильичъ.

— Гдѣ лучше, тамъ и поставьте.

— Да что же вы, батюшка, вмѣшался Трифонъ Трифонычъ, гдѣ лучше.... гдѣ лучше.... Вы намъ подайте мнѣніе свое: учились же, чай, чему нибудь?..

— Вы намъ скажите, С., только на счетъ симметріи.... симметріи-то эдакъ, знаете, математической.... продолжалъ Александръ Васильичъ.

— Да тутъ, мнѣ кажется, математика ненужна, Александръ Васильичъ: тутъ нуженъ вкусъ, а вамъ его не занимать стать, сказалъ я.

— Да такъ-то такъ, вкусъ-то вкусъ; ну, да все, знаете, того.... вѣдь *онъ* (полковникъ) можетъ ученый?

— Что же, что ученый, онъ все-таки оцѣнитъ вашъ трудъ.

— Да, я на это надѣюсь, надѣюсь.

— Нѣтъ, да ты самъ скажи, что ты думаешь? спросилъ комендантъ.

— Я думаю точно такъ же, какъ вотъ и Александръ Васильичъ.

— Да у него, должно быть, фазанья косточка застряла въ горлѣ, оттого онъ не хочетъ и говорить,—сказалъ Прутковъ.

Совѣтъ засмѣялся.

— Да какъ же мы вотъ не рѣшили—гдѣ поставить вензель-то.... сказалъ комендантъ.

— Да на окнѣ, сказалъ Александръ Васильичъ.

— Ну, нѣтъ, я того мнѣнія, что лучше поставить вензель надъ портретомъ государя,—отозвался Трифонъ Трифонычъ.

— Да тамъ не будетъ его хорошо видно?

— Нѣтъ, будетъ...

— Да какъ будетъ, помилуйте, свѣчи-то гдѣ же вы поставите?

— А сзади, тамъ....

Въ это время новый полковой командиръ, сопровождаемый огромнымъ хвостомъ ищущихъ милостей, съ шумомъ вошелъ въ библіотеку. Всѣ вскочили, а я, благодаря судьбу за такое неожиданное избавленіе, выбѣжалъ вонъ.

Проходя карточную, я увидѣлъ, что генералъ на штабъ-офицерскомъ столикѣ игралъ въ пикетъ съ *принцемъ*.

Возлѣ нихъ стоялъ Скаковъ.

— Ну что, улизнулъ? сказалъ Скаковъ.

— Спасибо.

Потолкавшись немного по залу между услужливыми кавалерами, разносящими аршадъ и лимонадъ своимъ дамамъ, и посмотрѣвши на очаровательныя улыбки и глотки прекрасныхъ губокъ, я не дождался прощальнаго ужина и отправился домой.

На другой день въ словесномъ приказаніи значилось:

«По случаю торжественнаго бала и ужина, даваемаго господами офицерами господину новому командиру полка полковнику и кавалеру Берестину, господа офицеры по этому торжественному случаю должны быть одѣты въ полную парадную форму. Балъ начинается съ 8 часовъ.»

— Ѳедоръ!

— Сейча-асъ, послышалось по обыкновенію изъ кухни.

— Приготовь къ завтрему парадную форму!

— Да вы ее, Николай Николаичъ, что-то оченно часто таскаете; гляди къ слѣдующей трети новую нужно дѣлать.

— Что же дѣлать? нужно.

— Слушаю-съ.

— Ступай!

Вечеромъ въ день бала, по обыкновенію — часовъ въ 11, я пробирался черезъ переднюю, карточную, и дошелъ наконецъ до зала. Едва я вступилъ на порогъ этого зала, какъ глаза мои были поражены великолѣпной картиной! Прежде всего мнѣ бросилась въ глаза огромнѣйшая люстра, сдѣланная, казалось, изъ нѣсколькихъ сотенъ штыковъ. Въ каждомъ штыкѣ была вставлена свѣчка, — освѣщеніе было поразительное! Потомъ, начиная вглядываться и въ прочія украшенія, я замѣтилъ, что на самомъ видномъ мѣстѣ, надъ портретомъ государя, было сдѣлано и персіанское солнце. Солнце было дѣйствительно какъ солнце: оно блестѣло почти такъ, какъ и натуральное, потому что съ боковъ было все обставлено воткнутыми, тоже въ штыки, свѣчами. Потомъ, ниже портрета государя, красовался вензель Владиміра Иваныча Берестина,—«значитъ Трифонъ Трифонычъ съ комендантомъ пересилили,» подумалъ я. За этимъ вензелемъ были поставлены тоже свѣчи, отчего начальныя

буквы виновника этого вензеля, подойдя на два шага, легко можно было разобрать.

На противоположной сторонѣ, какъ разъ противъ вензеля, сдѣлано было и волшебное зеркало; и оно было дѣйствительно волшебно, потому что въ немъ, когда я смотрѣлся, не было ничего видно. По угламъ зала были дѣйствительно поставлены столбы изъ стволовъ и въ нихъ тоже, — свѣчи и свѣчи.

Однимъ словомъ—освѣщеніе было великолѣпное!

Полюбовавшись на обстановку, я посмотрѣлъ и на счастливцевъ, выплясывающихъ при этой очаровательной обстановкѣ. Кавалеры и дамы, вѣроятно только-что оттанцовавшіе какую нибудь польку, не садились, а все прохаживались, и немножко странно прохаживались, какъ-то бокомъ, избѣгая середины пола, надъ которой висѣла люстра. Желая узнать причину этого, я спросилъ Сальпина, подвернувшагося какъ-то къ двери,—что это значитъ?

— Да что, братецъ мой, грустно отвѣчалъ Сальпинъ: — нельзя нигдѣ сѣсть, вездѣ свѣчи капаютъ, а къ люстрѣ хоть и не подходи.

— Да какъ же танцуютъ? спросилъ я.

— Да такъ, по бокамъ залы.

Я улыбнулся.

— Да впрочемъ я радъ, продолжалъ Сальпинъ:—ужинъ скорѣе подадутъ....

Въ это время музыканты заиграли какую-то польку, и танцовавшая публика, дѣйствительно только державшаяся по бокамъ зала, постоянно сталкивалась между собою.

— Нужно бы пройдти какъ нибудь въ бильярдную, сказалъ я.

— А вотъ они, вѣроятно, сейчасъ перестанутъ танцовать, тогда будетъ можно.

— Да что жь Александръ Васильичъ не похлопоталъ, чтобы свѣчи лучше были вставлены?

— Не знаю, эта люстра плохо должно быть связана, пожалуй еще упадетъ.

— Такъ лучше бы ее снять.

— Да онъ не хочетъ, говоритъ—свѣту больше.

— А гдѣ онъ самъ?

— Да тамъ.... Сальпинъ указалъ на садъ, хлопочетъ съ Барсуковымъ на счетъ съѣдомаго.

— А гдѣ полковой командиръ?

— Въ бильярдной.

— Играетъ?

— Играетъ, и все съ штабными, озлобленно отвѣтилъ Сальнинъ.

— Да что же Барсуковъ... помогаетъ?

— Да онъ, братъ, отличный помощникъ; говоритъ — не бось, на счетъ эдакихъ водчишекъ не обездолю товарищей. — Мнѣ обѣщалъ лишнюю бутылку портеру подать; садись-ка съ нами.

— Благодарю.

— Ну, теперь иди въ бильярдную, а то опять помѣшаютъ...

— Да, нужно... сказалъ я, почти пробѣгая залъ.—Въ бильярдной была старая сцена. Кружокъ офицеровъ съ общимъ, очень интересующимся выраженіемъ лицъ, окружалъ игроковъ. Въ этомъ кружкѣ были только два лица совершенно противоположныя другимъ, да и между собой — выраженіемъ: Киневъ и Смирцовъ. Киневъ, сколько можно было судить по его засыпающимъ, масляннымъ глазамъ и по неестественному желанію бодриться, должно быть очень коротко успѣлъ сойтись съ Барсуковымъ, и по праву короткаго знакомства съ помощникомъ распорядителя бала, успѣлъ проникнуть до ужина въ буфетъ. Смирцовъ, противъ всякаго приказанія безъ эполетъ, съ азіатской шашкой, стоялъ на задней линіи кружка и что-то съ насмѣшливой миной говорилъ Василью Васильичу, отчего тотъ затыкалъ уши и съ ужасомъ посматривалъ на новаго полковаго командира.

Я подошелъ къ Смирцову,

— Сергѣй Павлычъ, я васъ давно не видалъ, сказалъ я.

Смирцовъ быстро обернулся.

— А, а! здравствуйте, сказалъ онъ подавая мнѣ руку: — а вы намъ немножко помѣшали, продолжалъ онъ смѣясь:—я только что давалъ урокъ Василью Васильичу, какъ лучше попасть въ милость новому начальнику, да только онъ какой-то непонятливый....

— Да нечего понимать-то-съ, батенька, отозвался Василій Васильичъ. — Вы на себя-то посмотрите, развѣ такъ нужно показаться въ первый разъ передъ начальникомъ, — это что-съ?... продолжалъ онъ, тряся азіатскую шашку Смирцова.

— Да мнѣ не для чего рядиться, вѣдь я перевожусь, отвѣтилъ смѣясь Смирцовъ:—да и дѣло-то не въ нарядѣ, а въ словахъ, какъ я вамъ уже и говорилъ.

— Подите вы съ вашими словами, еще на гауптвахту попадешь и за то, что слушаешь васъ.—И Василій Васильичъ съ недовольнымъ видомъ отвернулся отъ Смирцова.—Молодъ больно совѣты-то давать, вотъ что!... пробормоталъ онъ, отходя отъ насъ.

— Что вы это ему за совѣты давали? спросилъ я смѣясь Смирцова.

— Что совѣты? разумѣется вздоръ! сказалъ онъ, проведя рукой по блѣдному лицу. Да что же вы прикажете говорить съ ними, продолжалъ немного озлобленно Смирцовъ, обводя глазами комнату. Хороша ли капуста у него въ ротѣ? или сколько на лицо штыковъ? А вѣдь только объ этомъ и можно съ ними говорить, продолжалъ Смирцовъ, взявъ меня подъ руку и подходя къ стульямъ.—Вотъ я и старался ихъ побѣсить немного, чтобы они больше походили на людей.—Нѣтъ, зажился я здѣсь, вотъ что!... прибавилъ онъ задумчиво.

— Какъ зажились? вѣдь вы здѣсь не больше двухъ лѣтъ.

— Что жь изъ этого? Этихъ людей,—Смирцовъ кивнулъ на кружокъ,— можно узнать и въ двѣ недѣли.

— Да зачѣмъ же вамъ люди, здѣсь есть еще развлеченія, кромѣ ихъ, — книги.

— Книги, книги; да вѣдь съ книгами не будешь же вѣчно возиться, нужна же и жизнь.

— А развѣ здѣсь нѣтъ жизни? напримѣръ — жизнь татаръ, да и солдатская-то жизнь очень интересна.

— Гмъ, жизнь татаръ.... вонъ видите этого офицера? Смирцовъ показалъ на одного въ кружкѣ офицера изъ татаръ,—видите? ну, вотъ придите къ нему въ квартиру, поговорите съ нимъ часа два,—пожалуй, если станетъ терпѣнія, отобѣдайте у него, и вы получите самое ясное понятіе о жизни богачей татаръ, а между тѣмъ этотъ еще немного образованъ, былъ въ корпусѣ. На счетъ же образчика жизни бѣдныхъ татаръ, адресуйтесь въ любую саклю въ мирномъ аулѣ, и повѣрьте, въ другой разъ вы уже не сдѣлаете визита, какъ бы ни были любопытны.

Я засмѣялся.

— Ну, а жизнь солдата?

— Жизнь солдата действительно интересна, да только грустно интересна, расстроиваетъ нервы, смѣясь сказалъ Смирцовъ, посматривая на меня.

— Нѣтъ, да вы все-таки не совсѣмъ справедливы, Смирцовъ; вѣдь и между офицерами есть интересныя личности.

— Есть; да только къ нимъ что-то привилось уже особенное, отзывается какимъ-то кавказскимъ молодечествомъ. Вотъ вамъ примѣръ.... сказалъ Смирцовъ, кивнувъ на подходившаго ко мнѣ Кинева.

— С.!.С.! что вы это ко мнѣ никогда не заглянете? проговорилъ шага за два отъ меня Киневъ, молодецки подпираясь одной рукой въ бокъ: — ну, какъ вамъ не совѣстно! — Смирцовъ всталъ и хотѣлъ отойдти; но я попросилъ его подождать меня, и онъ усѣлся опять.

— Я не виноватъ, Киневъ, сказалъ я подавая ему руку: — не знаю вашей квартиры.

— Какъ не знаете; вѣдь вы бывали у Смольникова: ну, я тамъ и стою, вмѣстѣ съ нимъ. Смольниковъ, видите, со мной въ одной ротѣ теперь; ну, такъ знаете, чтобы легче лошадей содержать, я съ нимъ и сталъ.—Киневъ стоялъ передо мной все еще подпираясь одной рукой въ бокъ.

— Ну, вотъ теперь я буду знать вашу квартиру и когда нибудь зайду! А вы какъ поправились, Киневъ, пополнѣли...

— Да все закусываю пирожками... Барсуковъ пріучилъ... а Мосейка — знаете Мосейку жида? — вѣдь отлично дѣлаетъ пирожки; ну вотъ мы все и закусываемъ, да ужь конечно и запиваемъ, — и Киневъ молодецки улыбнулся.

Я молчалъ.

— Да вотъ теперь пробираюсь тоже къ Барсукову, продолжалъ Киневъ, — посмотрю, какъ онъ тамъ хлопочетъ: звалъ пирожное отвѣдать, — не хотите ли со мной?

— Нѣтъ, благодарю васъ, я приду послѣ.

— Ну, какъ хотите, а я пойду, и Киневъ вышелъ изъ билльярдной.

— Вотъ вамъ, видите, сказалъ желчно Смирцовъ:—мальчикъ, у котораго еще пушка нѣтъ, а ужь посмотрите, какъ окавказился.

— Ахъ, Смирцовъ, зачѣмъ вы нападаете такъ на слово окавказился? вѣдь здѣсь дѣйствительно иногда нельзя и не позволить себѣ....

— Да, иногда; но вы посмотрите, что за нравственное чучело будетъ изъ него лѣтъ чрезъ 10-ть, посмотрите на всѣхъ этихъ господъ.

— Ну, полноте, полноте, Смирцовъ, вы не совсѣмъ справедливы, лучше скажите мнѣ, куда вы переводитесь.

— Хочу послужить въ Грузіи.

— Что же это за разсчетъ служить въ Грузіи? Мнѣ кажется, если уже служить въ военной службѣ, такъ служить въ дѣйствующихъ полкахъ.

— Въ томъ-то и дѣло, что у меня натура-то какая-то странная; гдѣ я былъ, тамъ ужь мнѣ не хочется быть; а здѣсь я во всѣхъ крѣпостяхъ былъ, да наконецъ и сходство-то между ними поразительное.

— А вы думаете въ Грузіи не тоже самое? Повѣрьте, ужь если вы ищете разнообразія, такъ вамъ нужно перемѣнить не мѣсто служенія, а самую службу.

Смирцовъ задумался.

— Вы говорите—перемѣнить службу, сказалъ онъ:—оно такъ бы и слѣдовало; но видите ли вы, въ пять лѣтъ я такъ свыкся съ военной службой, что, ей-Богу, откровенно говоря, не знаю, буду ли способенъ къ постоянному труду.

— Не говорите, сказалъ разгорячаясь Смирцовъ, видя, что я хочу говорить: — я знаю, что вы хотите сказать — «жиденькая натура!» Да, это правда, но у кого же она не сдѣлается жиденькой за пять лѣтъ? Пять лѣтъ не имѣть никакого постояннаго труда, кромѣ моціона, — это, какъ хотите, ослабитъ хоть какую волю; Вотъ и пугаешься, какъ школьникъ, глядя въ даль; вотъ и стараешься держаться, знаете чего?... насущнаго хлѣба.

— За чѣмъ же вы сначала шли въ военную службу? Вѣдь вы уже были тогда довольно развиты?

— Молодъ былъ, чувствовалъ призваніе; да оно, если хотите, и теперь у меня есть, и теперь еще хочется послужить, но только досадно, когда видишь, что ни способности, ни желаніе сдѣлать пользу...

— Да вѣдь все-таки по возможности можно дѣлать много полезнаго.

— Кто говоритъ,—дѣлаютъ, но только по возможности; а что вы прикажете дѣлать, если видишь возможность сдѣлать больше, а не можешь?

— Ограничиться возможнымъ.

— Ха, ха, ограничиться возможнымъ! вотъ это-то «ограничиться» и заставляетъ забываться. Вы вотъ не повѣрите, а я вамъ признаюсь откровенно, что — побудь я здѣсь еще лѣтъ пять, я бы пожалуй дошелъ до уровня съ Барсуковымъ.

— Объ чемъ вы это толкуете? Охъ, умныя головы!.. сказалъ своимъ національнымъ выговоромъ, подходя къ намъ, офицеръ грузинъ Чабановъ.

— Такъ, объ кашѣ, сказалъ Смирцовъ, вставая и выходя изъ бильярдной.

Я засмѣялся.

— Объ чемъ это ты толковалъ съ Смирцовымъ? смѣясь говорилъ мнѣ Чабановъ:—чортъ знаетъ, что онъ за человѣкъ,—пренепріятный, хуже здѣшняго вина. Деретъ голову, что онъ ученый.

— А вино развѣ здѣсь худо? спросилъ я смѣясь Чабанова.

— Прекрасное! меня сейчасъ Барсуковъ подчивалъ, это не то, что кахетинское.

— Да, я думаю, кахетинское славное вино.

— Э, братъ, это такое вино! сказалъ Чачановъ, приходя въ паеосъ:—такое—ну чѣмъ больше пьешь, тѣмъ больше хочется.

— И пьяное? спросилъ я вставая.

— Да ужь такое, что послѣ бутылочки пожалуй и ногъ не подымешь. Да куда же ты? сказалъ Чабановъ, придерживая меня за полу: — постой, сыграемъ на бильярдѣ.

— Я вечеромъ плохо вижу.

— Ахъ да, въ самомъ дѣлѣ, я и забылъ, что ты слѣпая курица.

— Господа, посторонитесь, посторонитесь, заговорилъ около насъ торопливый голосъ; мы обернулись и увидѣли краснаго, какъ ракъ, Барсукова.

— Посторонитесь, посторонитесь, продолжалъ Барсуковъ:— ужинъ подается, иду приглашать полковника. А., С., вишь ты какой! сказалъ Барсуковъ, увидя меня: — отчего это ты ко мнѣ не заглянулъ въ буфетъ? а ужь какъ бы я тебя тамъ накатилъ... я ужь прочихъ другихъ понакачивалъ.

— Я сейчасъ только пришелъ, сказалъ я Барсукову.

— Знаю, знаю,—ты франтъ! Чабановъ, держи его! садись съ нимъ! да возьми Сальпина, и я сяду съ вами. — И Барсуковъ началъ проталкиваться къ бильярду.

Ну, попался я, подумалъ я.

— Пойдемъ-ка въ самомъ дѣлѣ, сказалъ Чабановъ:—засядемъ попрежде.

— Еще рано, мнѣ нужно бы сходить въ библіотеку.

— Ну, нѣтъ, братъ, знаю я тебя, ты изъ библіотеки улизнешь домой: не пущу, не даромъ Барсуковъ приказалъ держать тебя.

Дѣлать нечего, нужно было идти съ Чабановымъ. Войдя въ залъ, гдѣ накрытъ былъ столъ, я замѣтилъ, что люстра и половина свѣчей были сняты и публика самодовольно похаживала вокругъ стола. Около дамъ толпились танцоры, съ цѣлью очаровывать ихъ и во время ужина.

Къ дамамъ подошелъ и Александръ Васильичъ.

— Mesdames, сказалъ онъ, показывая на карточную:—милости просимъ ужинать.

— Господа, сказалъ онъ обращаясь къ кавалерамъ:—будьте любезны! — и засмѣялся.

— Полковникъ! полковникъ! раздался пугливый шопотъ около насъ.

Мы раздвинулись, и между нами прошелъ съ величавой осанкой Берестинъ, а за нимъ, нѣжно усмѣхаясь, шелъ Барсуковъ.

Застучали стулья, послышался кашель, и мы разсѣлись по мѣстамъ.

Первые два блюда прошли очень скромно и тихо; за третьимъ, около мѣста Берестина, послышалась нѣжная просьба и вслѣдъ за этимъ раздался голосъ Александра Васильича:

— Господа, за здоровье новаго полковаго командира!

— Ура! ура-а!... закричала публика, музыканты заиграли тушъ.

— Господа! раздался голосъ Берестина, когда все умолкло:— благодарю васъ за пріемъ, и желаю съ вами выслужить то, чего достигли прежніе ваши командиры.

— Не красно, но сильно, раздался около меня насмѣшливый голосъ; я обернулся,—слѣва рядомъ со мной сидѣлъ Смирновъ.

— Ура, ура-а!...

— Чабановъ! чтожь ты не подчуешь С.? смотри-ка, онъ ничего не пьетъ, послышался за нами голосъ Барсукова:—наливай ему, чего ты смотришь!

— Да помилуй, Барсуковъ, я пью.

— Наливай! наливай!...

Послѣ нѣжнаго объясненія Берестина съ подчиненными, ужинъ пошелъ быстрѣе; бутылки опоражнивались, а при-

носились порывы, раздавались тосты; а когда со стола убрали все (кромѣ бутылокъ) и положили папиросы, комендантъ съ Трифономъ Трифонычемъ переглянулись, пошептались, и съ самыми нѣжными ужимками подошли къ Берестину.

— Ахъ, господа, зачѣмъ... послышался голосъ Берестина.

— Нѣтъ, ужь позвольте, позвольте, отзывался комендантъ.

И вотъ чрезъ минуту Берестинъ уже покачивался на рукахъ при извѣстномъ припѣвѣ:

«Будь ты начальникомъ вѣчно,
Мы тебя любимъ сердечно.»

Когда проводили дамъ и Берестина, вечеръ окончился, какъ и слѣдуетъ, національной пляской, и публика, вполнѣ довольная, разбрелась по домамъ...

И опять пошла эта несносная, длинная, однообразная жизнь. И опять полились въ уши слова: «ахъ, какъ я вчера урѣзалъ! Вотъ Чеботаревъ — такъ молодецъ! насъ было у него человѣкъ пять и мы выпили у него четыре дюжины портеру! а? каково? да еще время-то какъ провели—съ маму-чками.»

И при этомъ обыкновенно лицо разсказчика дѣлается до приторности сладкимъ, и онъ въ порывѣ восторга цалуетъ свои грязные пальцы. И опять послышалось: «куда бы идти? а?—кто нынѣ имянинникъ, ты не знаешь?» «Боже мой, какая скука! Ты не знаешь, когда походъ?»

И пошло опять обиваніе грушъ, какъ выразился одинъ доморощенный острякъ, шатаясь уъъ угла въ уголъ по укрѣпленію. И ничѣмъ особеннымъ не отличился пріѣздъ новаго командира, формально-таки ничѣмъ: министры тѣже, одинъ только казначей (предчувствовало его сердце!) долженъ былъ сдать должность.

И долго бы мнѣ пришлось заснуть въ укрѣпленіи, если бы на мое счастье не выпало мнѣ назначенія съѣздить за раціонами.

— Значитъ, я поѣду черезъ линію? спросилъ я радостно писаря, когда онъ принесъ мнѣ приказъ отъ полковника.

— Да-съ, отвѣтилъ писарь, и улыбнулся; онъ зналъ, злодѣй, что линія для кавказскихъ офицеровъ — рай.

— А долго ли я тамъ могу пробыть?

— Этого-съ не могу доложить-съ, примѣрно отвѣчалъ писарь. Раціоны нужны-съ въ полку.

— Но все-таки недѣльку можно?

— Недѣльку можно-съ, съ пріятнѣйшей улыбкой замѣтилъ писарь.

Я далъ писарю цѣлковый и сейчасъ же велѣлъ Ѳедору приготовляться къ отъѣзду....

О линія! слабое мое перо въ состояніи ли описать всю прелесть жизни твоей? Могу ли я выразить хоть частичку того, что перечувствуешь при одномъ взглядѣ на старолинѣйскую станицу? Какъ хороши сады твои! Какъ крѣпко и сладко вино твое! А женщины? твои женщины? Для описанія красоты ихъ нуженъ поэтъ... А я не имѣю поэтическаго дара и потому лучше ничего не буду говорить о женщинахъ.

— Ахъ ты купый ты бѣсъ, ты опять попался въ нашу станицу! Я баила Ѳеклушкѣ, что ты пріѣдешь послѣ горячихъ-то, ишь повадился супостатъ эдакой... Ѳеклушка! Ѳеклушка! восклицала моя старая хозяйка, призывая дочь и встрѣчая меня при входѣ на крыльцо своего дома.

Стройная Ѳеклушка, въ живописномъ бешметѣ, съ ожерельемъ изъ полтинниковъ на шеѣ, выбѣжала на зовъ старухи и, увидя меня, опустила свои черные глазки и зарумянилась.

— Смотри-ка-сь, Ѳеклушка, купый-то бѣсъ Николаша опять здѣсь, сказала лукаво старуха, показывая на меня.

— Що-жъ, мамынька, что онъ здѣсь, потупясь отвѣчала Ѳеклушка: — я думала, что ты зачѣмъ меня зовешь?... и какъ птичка, порхнула и исчезла.

— Бабушка, а ты, чѣмъ морить-то меня на крыльцѣ, лучше бы принесла мнѣ съ дороги чихирька, да знаешь того..., что для себя-то, говорю я старухѣ и стараюсь отстранить ее отъ входа въ Ѳеклушину горницу.

— А вотъ сейчасъ, сейчасъ, да только смотри чортовъ-то табачище не кури у меня, говоритъ старуха, шаркая къ погребу.

— Нѣтъ, нѣтъ, кричу я въ дверяхъ Ѳеклушиной комнатки.

И вотъ, покуда Ѳедоръ вноситъ мои вещи, я разсыпаюсь передъ Ѳеклушей, говорю ей, что она похорошѣла, что я ей подарокъ привезъ, и одинъ ея глазочекъ съ любопытствомъ подымается на меня, она слегка лукаво улыбается...

Въ дивизіонномъ штабѣ, гдѣ мнѣ пришлось получать раціоны, я встрѣтился съ Зерновымъ.

— А, а, а! кой чортъ тебя занесъ сюда? закричалъ мнѣ Зерновъ, хватая меня за руку на серединѣ улицы. Вотъ ужъ не ожидалъ-то!

— Дѣла, братецъ, отвѣчалъ я:—а ты скажи, какъ самъ-то попалъ сюда?

— Э, братецъ ты мой, хлопочу о свидѣтельствѣ на счетъ раны, грустно отвѣтилъ Зерновъ; да что ты прикажешь дѣлать съ этими докторами? здоровъ — говорятъ, да и баста.

— Да ты, братъ, по виду-то дѣйствительно не кажешься страждущимъ, сказалъ я смѣясь Зернову: — немудрено, что тебѣ и откажутъ въ свидѣтельствѣ.

— Нельзя судить по виду-то: вѣдь я раненъ въ бокъ, у меня чахотка, сказалъ недовольнымъ тономъ Зерновъ и кашлянулъ.

— Какъ чахотка? у тебя?

— Ну, да, чтожь тутъ удивительнаго видишь? и Зерновъ еще два раза кашлянулъ.

— Не похоже что-то, сказалъ я смѣясь.

— Вотъ то-то и есть, что ты ни аза въ глаза медицины не знаешь, сказалъ Зерновъ.

— Нечего смѣяться-то! Чѣмъ бы угостить при встрѣчѣ, а онъ хохочетъ!

— Да чѣмъ же тебя угощать?

— Чѣмъ? еще спрашиваетъ — чѣмъ? вотъ кондитерская, ну и пойдемъ въ нее, а ужь тамъ я найду чѣмъ...

— Ну, пойдемъ, пойдемъ, да вѣдь тамъ сассапарелевки нѣтъ? спросилъ я Зернова.

— На кой чертъ мнѣ сассапарелевка?

Въ кандитерской Зерновъ былъ, какъ дома. Спросивъ у мадамы графинчикъ очищенной и пирожковъ, онъ меня потянулъ куда-то налѣво, въ особую комнатку. Мы усѣлись.

— Такъ-то братъ, Коля, сказалъ онъ мнѣ, потирая рученки, кажется, уже послѣ третьей. Такъ Богъ опять свелъ насъ?... [illegible].

— Да.

— Ну, а помнишь-ли ты нашъ Старый-то Юртъ? вотъ, братъ, весело-то жилось, — не правда ли?

— Нашелъ веселье!

— Какъ, нашелъ веселье? передразнилъ меня Зерновъ. Чего-жъ тебѣ еще: деньги были, барышни были; а въ заключеніе еще и свадьбу съиграли.

— Какую свадьбу?

— Вотъ... (Зерновъ употребилъ не совсѣмъ приличное выраженіе) не помнитъ какая свадьба! а душка-то, гувернаночка-

то, вѣдь она вышла за Стародубскаго-то, инженернаго капитана.

— Неужели?

— Да, а чтожь тутъ удивительнаго? протяжно произнесъ Зерновъ. — Тутъ, братъ, ничего нѣтъ удивительнаго, вѣдь она краля, просто краля! Да развѣ ты не зналъ объ этой свадьбѣ? Развѣ не при тебѣ?

— Нѣтъ; вѣдь я рано уѣхалъ изъ Стараго Юрта.

— Да, да, да, ахъ я оселъ, я и забылъ! сказалъ Зерновъ вставая и шлепнувъ себя ладонью по лбу. Вотъ, братъ, оселъ-то! вспомнилъ, вспомнилъ... медленно проговорилъ Зерновъ, опять усаживаясь на стулъ: — но скажи-ка ты мнѣ, братецъ, продолжалъ онъ лукаво, чѣмъ ты это такъ заинтересовалъ ее?

— Кого?

— Гувернаночку-то.

— Какъ заинтересовалъ? спросилъ я съ удивленіемъ.

— Да такъ, братецъ мой, она все потомъ разспрашивала — гдѣ ты? да что ты!...

— Въ самомъ дѣлѣ? но какъ же это Стародубскій-то женился на ней? вѣдь вѣроятно у ней ничего нѣтъ?

— Разумѣется, ничего, отвѣчалъ Зерновъ, глотая кусокъ пирога. Да развѣ здѣсь на Кавказѣ первый разъ женятся на бѣдныхъ? Здѣсь, братъ, не нужно ничего, было бы сердчишко да личико смазливенькое, а тамъ ужь ни о чемъ не спрашиваютъ.

— А гдѣ живутъ теперь Стародубскіе?

— У насъ въ Шурѣ. Онъ переведенъ изъ Грозной къ намъ.

— А-а! Ну, прощай.

— Прощай, а ты гдѣ остановился?

Мнѣ не хотѣлось отвѣчать Зернову на этотъ вопросъ... Я притворился, что не слыхалъ, и поспѣшно отправился на свою квартиру...

Н. С—ВЪ.

ВО СНѢ.

Клонитъ сонъ—стихи прощайте!
Погасай моя свѣча!
Сплю и слышу, будто гдѣ-то
Ходитъ маятникъ стуча....

Ходитъ маятникъ, и сонный,
Чтобъ догнать его скорѣй,
Какъ по воздуху иду я
Вдоль, за тридевять полей....

И хочу я въ тридесятомъ
Государствѣ кончить путь,
Чтобъ ужь тамъ подъ балдахиномъ
На подушкахъ отдохнуть.

Въ тридесятомъ государствѣ
Мрачный вижу я покой,
Гдѣ подсолнечнаго царства
Царь бесѣдуетъ съ женой;

Шевелитъ сѣдою бровью,
Бородою шевелитъ,
Обо мнѣ съ большимъ участьемъ,
Какъ объ сынѣ, говоритъ:

— Сокрушилъ меня царевичъ;
Кто мнѣ что ни говори,
А любя стихи да риѳмы,
Не годится онъ въ цари.

Я лишу его наслѣдства. —
А жена ему въ отвѣтъ:
— Будетъ, бѣдненькій, по царству
Онъ скитаться, какъ поэтъ.

— Но, сказалъ отецъ, дозволимъ
Мы за это, такъ и быть, —
Нашей фрейлинѣ съ безумцемъ
Одиночество дѣлить:

У нея въ лицѣ любовью
Дышетъ каждая черта, —
У него въ стихахъ не даромъ
Все *любовь* да *красота*.

— Но, отвѣтила царица, —
Наша фрейлина горда,
И отвергнутаго нами
Не полюбитъ никогда.

Ахъ! — кричу я имъ — лишите
Вы меня всего... всего...
Все-то ваше царство врядъ ли
Стоитъ сердца моего!...

Но уже ль она, чьи очи
Свѣтятъ раемъ, — такъ горда,
Что отвергнутаго счастьемъ
Не полюбитъ никогда?...

Я. ПОЛОНСКІЙ.

ЖЕНЩИНѢ.

Когда душа во мнѣ кипѣла,
Когда она, презрѣвъ судьбу,
Рвалась изъ тѣснаго предѣла
На свѣтъ, на волю, на борьбу; —
Зачѣмъ тогда не укротила
Ты духъ мой пылкій и слѣпой,
Чтобъ даромъ не погибла сила
Въ борьбѣ безплодной и пустой?

Когда тоскливый, безпокойный
Безъ цѣли, вдаль отъ суеты —
То м .ался я по степи знойной,
То лѣзъ на снѣжные хребты; —
Зачѣмъ звѣздою путеводной
Ты не сіяла предо мной?
Быть можетъ, гордый и свободный,
Нашелъ бы я мой путь прямой....

Когда отъ жизни уставая,
Въ нетрезвомъ полузабытьи,
Я говорилъ. «о жизнь пустая!
О силы прежнія мои!» —
Зачѣмъ отрадно-благодатный
Меня тогда не разбудилъ
Твой голосъ, сердцу вѣчно внятный,
И падшихъ силъ не освѣжилъ?

Когда лампаду трудовую,
Какъ рабъ нужды, зажегъ я вновь

И проклиналъ страну родную,
Безъ вѣры въ славу и любовь; —
Зачѣмъ, когда лампада гасла,
Не ты пришла, и въ поздній часъ,
Какъ другъ, спасительнаго масла
Не ты влила, чтобъ свѣтъ не гасъ?

Когда, по слякоти шагая
Въ туманъ, я отличалъ едва
Себя отъ грязи, — такъ больная
Была туманна голова! —
Зачѣмъ отъ этого ненастья
Ты разумъ мой не сберегла
И отъ постыднаго участья
Своимъ участьемъ не спасла?...

Но кто же ты? — къ кому упреки? —
Тебя я съ раннихъ лѣтъ не зналъ;
Не ты давала мнѣ уроки,
Когда я по складамъ читалъ;
Не ты любить меня учила,
Когда безумно я любилъ;
Не ты меня благословила
Бороться до утраты силъ....

Шли годы. Съ упованьемъ тайнымъ
Разстался я, — къ чему жь теперь
Видѣньемъ свѣтлымъ, но случайнымъ
Ты къ старику стучишься въ дверь?
И слезы позднія роняя
Мнѣ шепчешь: — «о! какъ ты грѣшилъ,
Какъ низко падалъ!» — Но, святая,
Гдѣ ты была, когда я жилъ?...

Я. ПОЛОНСКІЙ.

МЫСЛИ

О ВОЗМОЖНОСТИ УЛУЧШИТЬ БЫТЪ И НРАВСТВЕННОСТЬ НИЗШАГО СОСЛОВІЯ РОССІИ ПОСРЕДСТВОМЪ УНИЧТОЖЕНІЯ ВИНОКУРЕНІЯ ИЗЪ ХЛѢБА (*).

Въ нашей литературѣ господствуетъ теперь усиленная дѣятельность по обзору переворота, производимаго уничтоженіемъ крѣпостнаго права. Вмѣстѣ съ тѣмъ, часто встрѣчаются указанія на недостатки и злоупотребленія по нѣкоторымъ частямъ управленія и разсужденія о способахъ ихъ исправленія и пресѣченія. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ винокуреніе и откупная система. Большинство писателей полагаетъ, что устраненіе всякихъ стѣсненій и ограниченій по винокуренію изъ хлѣба и повсемѣстная, свободная продажа вина, по возможно-низкимъ цѣнамъ, будутъ содѣйствовать къ улучшенію земледѣлія и народнаго благосостоянія.

Разсматривая предметъ съ другой точки зрѣнія, я рѣшаюсь изложить мнѣніе, составленное мною изъ долговременнаго и непосредственнаго моего сношенія съ многочисленнѣйшимъ сословіемъ потребителей хлѣбнаго вина—нашими поселянами, изъ наблюденій надъ ихъ бытомъ, средствами къ жизни, понятіями и обычаями, и начну съ самыхъ простыхъ вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ, кажется, не должно бы подлежать разномыслію.

(*) Мнѣніе г. Халютина объ уничтоженіи винокуренія изъ хлѣба—конечно утопическое; но мы помѣщаемъ эту статью, какъ доказательство, какая горечь накипаетъ въ людяхъ, близко видящихъ зло откуповъ, и къ какимъ крайнимъ мыслямъ приводитъ страстное желаніе уничтожить это зло. Независимо отъ главной мысли, въ статьѣ г. Халютина есть нѣсколько практическихъ замѣчаній и чертъ нашего народа, которыя даютъ ей право на вниманіе читателей. *Редакц.*

Думаю, что бытъ поселянъ не можетъ улучшаться, если образованность ихъ не подвигается впередъ и не распространяется.

Кажется, безошибочно можно полагать, что общая причина настоящей неудовлетворительной степени образованности не только большинства поселянъ всѣхъ наименованій, но и класса ремесленниковъ, мѣщанъ, приказно-служителей и очень многихъ людей изъ другихъ сословій — есть бѣдность. Если отецъ семейства находится въ затрудненіи пропитывать свою семью, то можетъ ли онъ думать, какъ бы учить своихъ дѣтей хотя бы грамотѣ? А грамотность—единственная дверь, чрезъ которую только и можетъ проникать просвѣщеніе въ массу народа.

Одна изъ причинъ этой бѣдности — неумѣренное употребленіе водки, которому споспѣшествуютъ самые обычаи. Родины, крестины, помолвки, свадьбы, имянины, заговѣнье, розговѣнье, погребеніе, дни общаго и частнаго поминовенія усопшихъ, всѣ храмовые и церковью установленные праздники и преимущественно дни сырной недѣли, не могутъ обойтись безъ употребленія вина. Всякую покупку, продажу, мѣну, сдѣлку, договоръ, сходку по мірскому дѣлу, сопровождаетъ вино. Вездѣ неизбѣжны спрыски, магарычи, пропои, наводки.

Кто станетъ отрицать, что неумѣренное употребленіе вина разрушаетъ физическія и нравственныя силы человѣка, разстроиваетъ его бытъ и ввергаетъ въ безвыходную нищету, пораждаетъ раздоры въ семейной и общественной жизни и всѣ гнуснѣйшіе пороки и преступленія?

Статистика можетъ указать намъ количество преступленій и *гласныхъ* проступковъ, совершенныхъ въ пьяномъ видѣ, и число скоропостижно умершихъ отъ вина. Это число всегда бываетъ въ нѣсколько разъ болѣе числа лишившихся жизни отъ всѣхъ другихъ случаевъ, взятыхъ вмѣстѣ, хотя очень многіе изъ нихъ произошли также отъ послѣдствій пьянства. Но статистика не можетъ выразить даже приблизительными цифрами числа умершихъ не скоропостижно, а отъ болѣзней пораждаемыхъ пьянствомъ, отъ болѣзней, получаемыхъ валяющимися безъ чувствъ въ грязи и снѣгу, отъ послѣдствій дракъ и увѣчья въ пьяномъ видѣ; числа калекъ отъ ознобленія пьяными членовъ; числа одержимыхъ ужасною и отвратительною болѣзнію, извѣстною подъ названіемъ запоя; причиняемыхъ пьяными пожаровъ, порчи рабочаго скота и другихъ безчисленныхъ потерь, убытковъ, упущеній по ремесламъ, хозяйствамъ и особенно земледѣлію. *Но главнѣе всего,—кто съ состояніи опредѣлить мѣру зла отъ наслѣдственной передачи невоздержными родителями своимъ дѣтямъ дурныхъ нравственныхъ и физическихъ свойствъ?*

Въ сѣверной и средней полосѣ Россіи лѣто коротко, а потому спѣшныхъ полевыхъ работъ много. Въ сельскомъ хозяйствѣ составляетъ большую важность—во время вспахать землю, посѣять, сжать, скосить, убрать. Въ періодъ этихъ работъ мы имѣемъ довольно праздниковъ, въ которые работать не полагается. Кромѣ того, по народнымъ обычаямъ, считается грѣхомъ въ нѣкоторые дни работать на лошадяхъ, въ другіе косить, въ третіе жать, (въ пятницу, напримѣръ, прясть!). Въ рабочую пору случается неблагопріятная погода, болѣзни же посѣщаютъ насъ во всякое время. Но если при всемъ этомъ земледѣлецъ еще пропьянствуетъ нѣсколько рабочихъ дней, потомъ пролежитъ отъ боли головы съ похмѣлья, то въ сборѣ произведеній со своей нивы онъ многаго недочтется. Къ несчастію, это случается слишкомъ часто и съ очень многими земледѣльцами, и постепенно доводитъ ихъ съ семействами до нищеты и отчаянія.

Человѣкъ родится на свѣтъ со слабостями; хлѣбное же наше вино содержитъ въ себѣ какую-то непонятную притягательную силу, противиться которой не въ состояніи большинство тѣхъ, кто однажды ознакомился съ его вкусомъ. Эта сила въ нѣкоторомъ отношеніи могущественнѣе той естественной силы, которая влечетъ одинъ полъ къ другому. Для послѣдней сама природа полагаетъ періоды и предѣлы по возрастамъ: ослабленіе, пресыщеніе и наконецъ прекращеніе. Первая же ничему такому не подчиняется. Когда человѣкъ началъ пить, то чѣмъ болѣе онъ пьетъ, тѣмъ болѣе хочетъ пить и такимъ образомъ пьетъ до самой могилы. Исключенія случаются чрезвычайно рѣдко. Простонародная наша поговорка очень вѣрно выражаетъ свойство нашего вина: первая чарка идетъ коломъ, вторая соколомъ, а третья мелкою пташкой.

Съ другой стороны представляется обстоятельство чрезвычайной важности: хлѣбное вино составляетъ у насъ источникъ главной части государственныхъ доходовъ. Но если какая нибудь отрасль этихъ доходовъ, какъ бы она значительна ни была, основывается на источникѣ физической и нравственной порчи народа и подрываетъ его благосостояніе, то полагаю, что для замѣны такой статьи слѣдуетъ изыскивать другіе безвредные, или покрайней мѣрѣ менѣе вредные источники. Пристрастіе къ пьянству составляетъ главную нравственную болѣзнь нашего народа. Думаю, что въ этомъ случаѣ должно слѣдовать примѣру того врача, который, встрѣчая въ человѣкѣ сложныя болѣзни, прилагаетъ все свое стараніе — приличными лѣкарствами сначала излѣчить главную изъ нихъ, а потомъ уже съ меньшими затрудненіями уничтожаетъ второстепенныя.

Мнѣ неоднократно случалось обращаться къ отличающимся своимъ умомъ поселянамъ, любившимъ пить вино, и даже ко многимъ

горькимъ пьяницамъ, — когда они были въ трезвомъ состоянiи, — съ вопросомъ, каково было бы жить на свѣтѣ, если бы совсѣмъ не было вина? Разными словами, но единодушно отвѣчали всѣ, что тогда бы на землѣ былъ рай. На послѣдующiй мой вопросъ: а каково бы было, если бы при этомъ пришлось платить податей болѣе противъ теперешняго? Отвѣтъ былъ такой, что и тогда былъ бы рай. Эти простыя слова поселянъ, заключающiя въ себѣ глубокiй смыслъ, послужили мнѣ поводомъ къ напечатанiю этой статьи.

Законъ запрещаетъ и преслѣдуетъ азартныя карточныя игры, потому что онѣ разрушаютъ благосостоянiе,—конечно только невоздержныхъ въ игрѣ. Во сколько же разъ губительнѣе хлѣбное вино для невоздержныхъ къ нему и въ какомъ огромномъ размѣрѣ число ихъ превышаетъ число первыхъ?

Другой законъ опредѣляетъ, какъ обращаться съ необходимыми для мануфактуръ, ремеслъ, художествъ и лѣкарствъ сильно-дѣйствующими и вредными для народнаго здравiя веществами. Выдѣлка ихъ, храненiе и продажа подчинены особеннымъ предохранительнымъ правиламъ. А какъ хлѣбное вино не причисляется къ ихъ разряду, то уставы, до него относящiеся, и дѣйствiя администрацiи направлены въ финансовыхъ видахъ къ тому, чтобы расширить потребленiе его въ народѣ, какъ источникъ государственныхъ доходовъ.

Не знаю, что болѣе наноситъ вреда человѣку—опiумъ или хлѣбное вино? Дѣйствiе перваго, какъ говорятъ, чаще приводитъ его въ какое-то мечтательное, но спокойное и для другихъ безвредное состоянiе. Хлѣбное вино часто тихаго и кроткаго человѣка превращаетъ въ свирѣпаго звѣря, наносящаго въ своемъ искуственномъ бѣшенствѣ вредъ не только самому себѣ, но и всѣму его окружающему, одушевленному и неодушевленному.

Если принять въ соображенiе — склонность къ злу и слабости, свойственныя человѣку по природѣ, притягательную силу нашего хлѣбнаго вина, безуспѣшность всѣхъ мѣръ къ удержанiю народа отъ пьянства, его обычаи, споспѣшествующiе этому пороку, и то, что на всякомъ пунктѣ, къ которому только могутъ приводить поселянина его житейскiя потребности, на всякой торговой площади, при въѣздахъ въ города, на перекресткахъ улицъ и дорогъ, въ приходскiй праздникъ неподалеку отъ храма Божiя и въ чистомъ полѣ, его караулятъ искусители: питейные дома, ведерныя и штофныя лавочки и выставки, — то можно ли не опасаться, чтобы, при такомъ положенiи и обстановкѣ, всеобщее въ Россiи благодушное стремленiе къ улучшенiю быта крѣпостныхъ людей не встрѣтило существенныхъ препятствiй въ достиженiи свой цѣли?

Простой нашъ народъ одаренъ отъ природы многими прекрасными качествами и способностями, но они подавляются пристрас-

тіемъ большинства къ хлѣбному вину; отъ этого онъ коснѣетъ въ невѣжествѣ и бѣдности. Если ничто не въ силахъ извлечь его изъ этого печальнаго положенія, то кажется остается одно: истребить причину зла.

Я полагаю, что для возстановленія и упроченія благосостоянія въ нашемъ низшемъ сословіи, а частію и въ другихъ, есть только одна возможная мѣра: уничтожить во всемъ государствѣ винокуреніе изъ хлѣба и картофеля и продажу хлѣбнаго вина. Продажу виннаго спирта предоставить аптекамъ по рецептамъ врачей, а для ремеслъ и мануфактуръ изъ особыхъ складовъ на томъ же или еще строжайшемъ положеніи, какое существуетъ для вредныхъ народному здравію и сильно-дѣйствующихъ веществъ. Для вознагражденія же ущерба отъ того государственныхъ доходовъ, установить соразмѣрный прямой налогъ на всѣ сословія безъ исключенія, сообразно имуществу каждаго.

Тогда-то исчезнутъ съ лица Русской земли тѣ отвратительныя оргіи, унижающія достоинство человѣка, которыя ежеминутно совершаются вездѣ и особенно въ питейныхъ заведеніяхъ. Тогда-то, по выраженію крестьянъ, настанетъ на землѣ рай.

Генрихъ IV говаривалъ, что онъ будетъ почитать себя счастливымъ только тогда, когда каждый земледѣлецъ въ его государствѣ будетъ имѣть возможность съ своею семьею ѣсть по воскресеньямъ курицу. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что чрезъ непродолжительное время, послѣ уничтоженія у насъ хлѣбнаго вина, всѣ наши поселяне получатъ возможность, не только по воскресеньямъ, но и въ будніе скоромные дни, ѣсть куръ, поросятъ, баранину, свинину и часто говядину. Уменьшится между ними естественная и случайная смертность. Самая порода людей, замѣтно теперь мельчающая и слабѣющая, непремѣнно начнетъ улучшаться въ физическомъ отношеніи, особенно когда будетъ продолжаться возможность для государства не отрывать для военной службы изъ среды семейной жизни слишкомъ большаго числа здоровѣйшихъ, сильнѣйшихъ и красивѣйшихъ людей, и тѣмъ сократится поводъ къ развратной жизни для оставляемыхъ ими молодыхъ женъ. Цифра преступленій и проступковъ получитъ самое утѣшительное измѣненіе. Дѣйствія и наставленія сельскаго духовенства и наружная обстановка религіозныхъ обрядовъ примутъ тѣ формы, которыя имъ приличны. Упразднится надобность въ законѣ, воспрещающемъ прихожанамъ угощать въ своихъ домахъ священно и церковно-служителей, когда они ходятъ по приходу со святынею. Простонародный языкъ постепенно станетъ очищаться отъ сквернословія, не сдерживаемаго теперь ни присутствіемъ женщинъ, ни взрослыхъ дочерей, ни начинающихъ смыслить дѣтей. Государственныя подати, — какъ бы онѣ,

для уравненія государственнаго дохода съ прежде бывшимъ, увеличены ни были, — и другія повинности будутъ уплачиваться своевременно, безъ всякихъ понудительныхъ мѣръ. Грамотность станетъ распространяться; книги, написанныя для народа даровитыми и благонамѣренными людьми, начнутъ проникать въ его массу и постепенно распространять въ немъ полезныя знанія и добрую нравственность. Поселяне наши перестанутъ тогда жить въ своихъ жалкихъ курныхъ избахъ, вмѣстѣ съ овцами, телятами, а часто и съ больными крупными животными, въ удушливой атмосферѣ, отвратительной нечистотѣ и сырости, отъ которой сами они старѣются преждевременно; изъ раждающихся у нихъ дѣтей не будутъ умирать въ первые годы дѣтства цѣлыя двѣ трети. Настоящее поколѣніе поселянъ, безъ всякаго ропота и волненій, въ самое короткое время забудетъ о горько-сладкомъ для него хлѣбномъ винѣ; а новое поколѣніе будетъ знать только по преданіямъ, что нѣкогда существовалъ этотъ напитокъ, приносившій неисчислимый вредъ его предкамъ. Тогда только у помѣщичьихъ поселянъ будутъ средства для выкупа необходимой для нихъ земли (*).

Искоренить зло совершенно мы, конечно, не можемъ. Для человѣка достаточно и того, чтобы по мѣрѣ возможности уничтожать причину зла и стѣснять кругъ его дѣйствій. Напримѣръ, мы имѣемъ законъ, запрещающій продажу спиртныхъ напитковъ сибирскимъ инородцамъ, на томъ основаніи, что чѣмъ менѣе люди образованы, тѣмъ болѣе они склонны къ губительному пьянству; но эти инородцы, какъ говорятъ, сами приготовляютъ и употребляютъ какой-то одуряющій напитокъ изъ мухоморовъ. Самъ я зналъ двухъ горькихъ пьяницъ, которые при неимѣніи столько денегъ, чтобы напиться до-пьяна виномъ, покупали на нѣсколько копѣекъ хмѣля, жевали его и переходили всѣ періоды опьяненія до безчувственности. Зналъ и такихъ, которые напивались пьяны гофманскими каплями и одеколономъ.

(*) Всѣхъ, просящихъ милостыни въ Москвѣ, полиція забираетъ и отправляетъ въ рабочій домъ. Въ числѣ ихъ бываютъ иногда отставные чиновники, впавшіе въ нищету отъ пьянства; ихъ занимаютъ тамъ перепискою бумагъ за умѣренную плату, для каждаго, кто имѣетъ въ этомъ нужду. Будучи въ Москвѣ, я отдалъ одному изъ такихъ чиновниковъ переписать эту мою рукопись. Чиновникъ тотъ благовидной наружности и не молодыхъ уже лѣтъ, отдавая мнѣ рукопись, когда я за нею пріѣхалъ, началъ безъ всякаго съ моей стороны повода, говорить съ видимымъ глубокимъ чувствомъ, что въ рукописи изложены такія мысли, которыя могли бы принести величайшую всеобщую пользу, и что это не только возможно, но даже необходимо для народнаго блага. Этотъ случайный голосъ лица, испытывающаго самыя горькія послѣдствія отъ недостатка силъ бороться съ притягательнымъ свойствомъ нашего вина, я рѣшился внести въ мою статью.

Слѣдовательно и послѣ уничтоженія хлѣбнаго вина будутъ люди порочные и бѣдняки. Утопія на дѣлѣ существовать не можетъ. Но исчезаетъ одна изъ главнѣйшихъ общихъ причинъ зла, производимая искусствомъ и волею человѣка.

Въ «безвинномъ» положеніи государства, для услажденія нашихъ поселянъ и другихъ сословій послѣ трудовъ, осталется брага домашняго приготовленія, пиво, непремѣнно съ законными ограниченіями въ способѣ варки и продажи, меды, сбитень и чай, для зажиточныхъ русское и иностранное виноградное вино и выдѣлываемые изъ него спиртные напитки, продаваемые только на выносъ, а не для распитія на мѣстѣ. Отъ нихъ наши труженики будутъ веселѣе, но не могутъ такъ ошалѣвать, какъ теперь отъ хлѣбнаго вина.

Нѣкоторые утверждаютъ, что, по географическому положенію нашего государства, хлѣбное вино нужно для поддержанія здоровья и бодрости нашего народа. Это можно примѣнить только къ нѣкоторымъ случаямъ, встрѣчающимся мореходцамъ и войскамъ въ военное время; для чего и можетъ быть допущено исключеніе въ видѣ безплатной раздачи лѣкарства. А что относится до всего народонаселенія, то есть между нимъ, хотя впрочемъ очень немногіе, которые совсѣмъ не пьютъ никакихъ горячительныхъ напитковъ и пользуются лучшимъ благосостояніемъ противъ пьющихъ своихъ сосѣдей, несмотря на то, что по народнымъ обычаямъ и они не избѣгаютъ необходимости имѣть въ своихъ домахъ для угощенія другихъ то вино, котораго сами не пьютъ.

Не касаясь религіозныхъ заблужденій раскольниковъ, можно указать на нѣкоторыя ихъ секты, по усвоенному ихъ предками убѣжденію совсѣмъ не пьющія вина. По одному этому, благосостояніе ихъ рѣзко отличается отъ грязнаго и скуднаго быта ихъ пьющихъ сосѣдей, въ одной и той же мѣстности и при одинакихъ средствахъ къ жизни. Это можно видѣть не въ частныхъ и малыхъ примѣрахъ, но въ цѣлыхъ селеніяхъ самой большой величины, разсѣянныхъ по всему государству.

Въ доказательство того, что, даже при отсутствіи всякихъ другихъ причинъ къ бѣдности, прямо только одно пристрастіе къ водкѣ губитъ благосостояніе множества людей, укажу на заведенія извѣстнаго серебряныхъ дѣлъ фабриканта-художника Сазикова, находящіяся въ обѣихъ столицахъ. Искуснѣйшіе изъ его мастеровъ получаютъ на всемъ хозяйскомъ содержаніи очень большое жалованье, но почти всѣ не имѣютъ даже одежды крѣпкой и обуви, потому что пропиваютъ всѣ выработанныя деньги и всегда остаются въ долгу у хозяина значительными суммами. Въ Сибири употребляютъ въ работу на золотыхъ промыслахъ по найму тамошнихъ ссыльныхъ поселенцовъ. На пріискахъ нѣтъ продажи вина и рабочіе не

имѣютъ возможности напиваться пьяными, работаютъ прилежно, сохраняютъ бодрость и ведутъ себя хорошо. По окончаніи работъ осенью отправляются въ обратный путь каждый съ сотнями рублей. Но лишь только дойдутъ до перваго питейнаго дома, то начинаютъ пьянствовать, и эти несчастные опять дѣлаются готовыми на всѣ тѣ преступленія, за которыя они по закону лишены правъ состоянія и сосланы въ Сибирь; пропиваютъ всѣ выработанныя деньги и даже одежду; и чтобы какъ-нибудь потомъ достигнуть до мѣста своего жительства, тутъ же нанимаются у прикащиковъ въ работу на пріиски на слѣдующее лѣто и берутъ задатки. Это процессъ обыкновенный, и прикащики пользуются имъ, чтобы нанимать рабочихъ за дешевую плату.

Послѣдніе торги на винные откупа на текущее четырехлѣтіе дали изумительный результатъ. Откупная сумма возвышена вдвое противъ прежней! Откупщики — очень опытные люди въ своемъ дѣлѣ. Нельзя предположить, чтобы всѣ они подвергались на торгахъ одной общей маніи, подъ вліяніемъ которой рѣшились бы платить такія суммы за откупа, какихъ выручить сами не предвидятъ возможности. Положимъ, что нѣкоторые изъ нихъ впали въ эту ошибку по увлеченію или неразсчетливости; но нельзя допустить, чтобы это могло случиться со всѣми ими въ одно и тоже время. Они надѣются выручить за вино отъ нашего народа огромнѣйшую сумму, которую они обязались внести въ казну и, несмотря на дорого имъ стоящее управленіе откупами и интересы на залоги и оборотные капиталы, получить значительную для себя пользу.

Если въ какой либо мѣстности, при неизмѣнившемся числѣ народонаселенія, увеличивается потребленіе вина, то, по моему мнѣнію, это не составляетъ признака, возрастающаго тамъ народнаго благосостоянія, а напротивъ означаетъ, что тамъ развивается пьянство съ его неразлучною послѣдовательницею, бѣдностію. Однимъ изъ доказательствъ этого могутъ служить бывавшіе прежде частые рекрутскіе наборы, во время производства которыхъ откупныя дѣла всегда процвѣтали.

Многіе утверждали, и, какъ оказалось, не безъ основанія, что прежде изъ всей суммы, платимой народомъ за вино, меньшая только часть поступала въ доходъ государства, а бо́льшая составляла пользу дѣятелей этой операціи. Въ настоящее время откупная сумма удвоена. До какой же высокой цифры достигаютъ эти суммы въ сложности, съ приложеніемъ къ нимъ стоимости выпитаго вина, по заготовительной его цѣнѣ, и суммы, издерживаемой откупщиками на жалованье служащимъ, наемъ помѣщеній для питейныхъ заведеній и вообще на управленіе откупами и многіе другіе ихъ расходы, учетъ которыхъ невозможенъ! Надѣюсь, что громадность этой

цифры защитить меня отъ нареканія, что я преувеличиваю пристрастіе моихъ соотечественниковъ къ хлѣбному вину. Наконецъ каждый можетъ сдѣлать выводъ: сколько бы прибавилось матеріальныхъ благъ въ быту народа, если бы, за неимѣніемъ вина въ продажѣ, онъ сохранилъ эти деньги въ своихъ домахъ и употребилъ ихъ на улучшеніе горькаго теперь своего существованія, отдѣливъ только изъ нихъ нѣкоторую часть на платежъ новаго необходимаго налога. Да еще если бы прекратились тѣ безчисленные убытки и траты, причинами которыхъ бываютъ дѣйствія въ пьяномъ видѣ!

Кто можетъ сказать, что онъ не испыталъ или не испытываетъ теперь огорченій и непріятностей, или потерь и убытковъ—отъ пьянства прислуги, мастеровыхъ, поселянъ, извощиковъ, подрядчиковъ, новѣренныхъ, подчиненныхъ, начальниковъ, и проч. и проч.,— наконецъ — нѣкоторыхъ изъ людей, связанныхъ съ нимъ родственными узами, пріязнію и общественными условіями? Если почти все это вдругъ исчезнетъ изъ нашего житейскаго быта, вмѣстѣ съ хлѣбнымъ виномъ, то ужели это не заслуживаетъ общей жертвы и притомъ не малой? Если за достиженіе такого общаго благополучнаго положенія надобно будетъ платить новый налогъ, или увеличится платимый имъ теперь съ души, земли, за право производить ремесло, торговлю и проч., то при всѣхъ удобствахъ и выгодахъ отъ того, что не будемъ встрѣчаться и имѣть дѣла въ убытокъ для себя съ пьяными людьми, балансъ расходовъ и доходовъ каждаго непремѣнно будетъ въ его пользу, потому что новый налогъ все-таки будетъ гораздо менѣе той суммы, которую каждый издерживаетъ теперь на хлѣбное вино добровольно или по необходимости, слѣдуя вкоренившимся обычаямъ (*).

Въ облегченіе этого налога останутся акцизы на хлѣбно-винный спиртъ, пиво, виноградныя вина и выдѣлываемые изъ нихъ спиртные напитки, уничтожится значительный расходъ казны по управленію въ государствѣ винными откупами; притомъ вѣроятно откроются новые финансовые источники, нѣкоторые сами собою, какъ напримѣръ отъ пошлинъ на иностранныя виноградныя вина и чай, ввозъ которыхъ непремѣнно увеличится, а нѣкоторые, безвредные и справедливые, будутъ изысканы.

Вотъ, напримѣръ, игральныя карты: игра ихъ, или двѣ колоды перваго разбора, — продаются по 60 к. Эта цѣна, покрывая расходы

(*) Уничтоженіе продажи хлѣбнаго вина будетъ, — надобно полагать, встрѣчено самимъ народомъ не только безъ неудовольствія, но прямо съ одобреніемъ. Распространеніе повсюду въ Россіи крестьянскихъ обществъ трезвости служитъ въ томъ порукою.

на изготовленіе картъ, развозъ ихъ по государству и плату коммиссіонерамъ, доставляетъ сверхъ того значительную пользу воспитательному дому и приказамъ общественнаго призрѣнія. За эту же самую игру картъ игроки платятъ всегда 1 руб. 50 коп., т. е. 90 к. дороже ихъ стоимости. Тотъ, кто купивши карты въ ближайшей лавочкѣ, приноситъ ихъ въ домъ и кладетъ на столъ, наклеенный зеленымъ сукномъ, получаетъ чрезъ нѣсколько часовъ пользы на оборотный свой капиталъ 150 %, безъ риска на потерю или убытокъ. Эта польза поступаетъ частію въ кассы разныхъ клубовъ и собраній, а частію, и едва ли не бо́льшею, въ руки прислуги, а отъ ней, конечно съ немногими исключеніями, въ кассы питейныхъ заведеній. По существующему обычаю, за карты платятъ игроки изъ выигрышей и, сколько мнѣ случалось замѣчать, безъ признаковъ отягощенія. Почему бы, напримѣръ, не возвысить продажную цѣну картъ на 100 или даже болѣе процентовъ и этотъ надбавокъ обратить на покрытіе части того ущерба государственныхъ доходовъ, который послѣдуетъ отъ уничтоженія винной операціи? Подобныхъ статей наберется не мало.

Я хотя и не любитель винограднаго вина и выдѣлываемыхъ изъ него спиртныхъ напитковъ, но держу ихъ сторону на основаніи того убѣжденія, что они не могутъ перейти во всеобщее употребленіе нашего народа. Изъ двухъ неизбѣжныхъ золъ, конечно, слѣдуетъ выбирать меньшее. Притомъ кажется, что виноградные напитки не имѣютъ такой высокой степени притягательнаго свойства, какое содержитъ въ себѣ наше хлѣбное вино. Я много разъ замѣчалъ, что даже зажиточные люди, начавшіе пьянствовать дорогими винами, постепенно погружаясь глубже въ этотъ порокъ, оканчивали свое земное поприще при одномъ хлѣбномъ винѣ, не по нуждѣ, а по особенному какому-то его предпочтенію.

Неумѣренное употребленіе винограднаго вина, также какъ и хлѣбнаго, бываетъ причиною жестокихъ болѣзней и множества разныхъ другихъ бѣдствій; но вѣдь неумѣренное употребленіе даже воды и хлѣба, необходимыхъ для существованія человѣка, непремѣнно породитъ какую нибудь болѣзнь. Неумѣренность, въ чемъ бы то ни было, не остается безнаказанною. Если бы найдено было вѣрное средство для удержанія нашего народа отъ неумѣреннаго употребленія хлѣбнаго вина, безъ уничтоженія его выдѣлки и продажи, то я съ радостію отказался бы отъ выраженнаго мною теперь мнѣнія; но для этого, кажется, нужно измѣнить человѣческую натуру и свойство нашего вина.

Л. ХАЛЮТИНЪ.

ДВѢ ЖЕНЫ.

СЦЕНЫ.

А судьи кто?
Грибоѣдовъ.

ЛИЦА:

КНЯЗЬ, занимаетъ видное мѣсто въ губерніи; охотникъ до женщинъ. Отъ роду 60 лѣтъ,

МАРЬЯ ОСИПОВНА ПАРОВОЗОВА, 28 лѣтъ. Жоржъ Зандъ, передѣланный на русскіе провинціальные нравы. Фаворитка князя.

ПАРОВОЗОВЪ, ея мужъ.

АННА ГРИГОРЬЕВНА БОБЕРКИНА, 70 лѣтъ; принадлежитъ къ категоріи тѣхъ нѣжныхъ матерей, которыя въ своихъ Яшенькахъ, Петинькахъ и Васинькахъ видятъ, ни болѣе, ни менѣе, какъ геніевъ, хотя въ то же время и неблагодарныхъ сыновей. — Желчная старуха.

ЯКОВЪ ПЕТРОВИЧЪ БОБЕРКИНЪ, ея сынъ, 28 лѣтъ; чиновникъ при князѣ; сонливъ, лѣнивъ и апатиченъ до всего, что касается служебной карьеры.

КАТЕРИНА ЛЬВОВНА, его жена, молодая и хорошенькая женщина.

КУКУШКИНА, вдова генеральша, изъ купчихъ, очень богата; губернская женщина-амфибія.

АВРОРИНЪ, губернскій левъ, полковникъ; носитъ узкіе шаровары и произноситъ слова въ носъ. Слыветъ за сердцеѣда.

АФАНАСЬЕВЪ, молодой человѣкъ.

КОЗЛИКОВЪ (отецъ), добрякъ, души не чаетъ въ сынѣ.

КОЗЛИКОВЪ (сынъ), то, что называется *малый-дрянь!*

ЗАѢЗЖІЙ ГОСПОДИНЪ, не то туристъ, не то литераторъ; не служитъ; желчнаго характера.

ПАЛАГЕЯ, горничная Боберкиныхъ.

СЛУГА Паровозовой.

ЧИНОВНИКЪ при князѣ.

(Дѣйствіе происходитъ въ губернскомъ городѣ).

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Чайная въ домѣ Боберкиной. — Направо дверь въ спальню старухи, налѣво — въ кабинетъ сына, средняя — въ гостиную. — Посрединѣ комнаты стоитъ небольшой, круглый столъ, съ чайнымъ приборомъ. — Палагея приготовляетъ чай. — Боберкина входитъ.

ЯВЛЕНІЕ 1.

БОБЕРКИНА и ПАЛАГЕЯ.

Боберкина (*садясь въ кресло, за столъ*). Что твоя барыня? не встала еще?

Палагея. Встаютъ-съ!

Боберк. Долго вы нѣжитесь, съ вашей барыней-принцессой! Тоже модничаетъ: въ постелѣ до десятаго часу. (*Задумывается*). Составилъ себѣ партію, нечего сказать, — на дворянкѣ голопятой женился!... Ни кола, ни двора, ни роду, ни племени. Охъ, по грѣхамъ нашимъ Господь крестъ посылаетъ. Никогда материнскихъ словъ не слушался; все своимъ умомъ жить хотѣлъ.... вотъ и дожилъ до сраму.... О ней, что̀ и говорить. Ея козелъ посватай, — она и за него бы пошла, только бы чепчикъ поскорѣе надѣть; — а Яша-то мой! Сердце онъ мнѣ прострѣлилъ этой женитьбой. (*Палагеѣ сердито*). Ну, что стоишь? неси самоваръ! (*Палагея уходитъ*). Этакаго стариннаго рода.... Покойный дѣдъ, царство небесное, именитый былъ человѣкъ. Самъ свѣтлѣйшій милостивъ былъ къ нему, и къ ручкѣ своей подпускалъ. Отецъ тоже генераломъ былъ.... двумя губерніями управлялъ.... изъ своихъ рукъ исправниковъ сѣкъ, — и то за честь считали. Одного молила, — чтобъ черезъ холоповъ своихъ не наказывалъ; и то случалось. Охо-хо-хо. Вотъ, думала — и Яша порадуетъ меня на старости лѣтъ: большихъ чиновъ дослужится, генераломъ будетъ. Хоть бы штатскимъ-то Богъ привелъ. Нѣтъ! не дошла материнская молитва до Господа; прогнѣвила, видно, я его! (*Палагея входитъ съ самоваромъ и ставитъ его на столъ, Боберкина сердится*). Ты смотри, не съ угаромъ ли принесла; а то я тебѣ всѣ уголья на голову высыплю. Охъ-хо-хо!

И что за притча такая — ума не приложу. Образованіе получилъ модное. Гордости, благодаря Создателя, довольно имѣетъ. Хочется ему почестей; дворянская кровь говоритъ свое; а между тѣмъ ни съ мѣста. Другой изъ грязи вылѣзетъ, а глядишь—подъ старость и почетомъ пользуется и дѣтямъ предоставитъ. А Яша и всѣмъ взялъ, а насилу у князя пріютился! Да и то, что я наплакалась съ нимъ.... сколько униженій перенесла! У какой нибудь, прости Господи, мерзавки Паровозовой, — цѣлую недѣлю на посылкахъ состояла. (*Задумывается и потомъ вдругъ говоритъ еще съ большею горячностію*). И вѣдь нельзя сказать, чтобъ онъ безчувственнымъ былъ, какъ другіе. Вижу, что сосетъ его сердце, какъ другіе отличаются.... злобствуетъ на товарищей.... перегнали они его. Не лишенъ благородства, грѣхъ сказать, — не лишенъ. А между тѣмъ ни съ мѣста. А все эта женитьба.... Влюбиться вздумалъ, да и женился. Благо, что жена хоть хорошенькая... Другой изъ этого извлекъ бы выгоду. Какихъ дѣлъ черезъ женщинъ не дѣлается? Такъ его и на это-то не хватаетъ. Глупъ онъ, что ли, Богъ ему судья! Пускай бы любилъ ее, ревность бы въ немъ говорила; а то... знаю я его. Охолодѣлъ онъ къ ней, совсѣмъ охолодѣлъ. Афанасьевъ каждый день шляется, шуры-муры у нихъ.... ему и горя мало. И она-то хороша,— нашла кому на шею повѣситься. Аврöринъ такой почтенный человѣкъ, любимецъ князя.... вліяніе на него большое имѣетъ.... въ гвардіи служитъ, кажется.... какъ увивался за ней, какъ ухаживалъ; она, дура, и вниманія не обращаетъ. Охъ-хо-хо. А онъ многое бы могъ сдѣлать для Яши.... (*Съ сильной злостью*). Эхъ! самъ Яша виноватъ: отказалъ бы Афанасьеву отъ дому, другіе бы порядки пошли. Да вѣдь какъ же можно.... старые пріятели.... вмѣстѣ на школьной скамейкѣ сидѣли.... не сдѣлаетъ подлости.... И вѣдь вретъ, вретъ, вретъ! Ей-Богу вретъ. Характеру нѣтъ, отъ того и молчитъ, — и видитъ все, да молчитъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

БОБЕРКИНА и ЯКОВЪ ПЕТРОВИЧЪ (въ рукахъ у него газеты).

Яковъ Петровичъ. А! вы уже за чаемъ! (*Подходитъ къ Боберкиной и цалуетъ у ней руку*).

Боберкина (*сухо*). Вѣчно съ газетами! Что новаго вычиталъ?

Як. Петров. (*съ неудовольствіемъ*). Карпову чинъ дали.

Боберк. (*подпрыгнувъ на стулѣ*). Какъ? Да онъ давно ли получилъ?...

Як. Петров. Въ прошломъ году.

Боберк. (*тяжело вздыхая*). Охъ-хо-хо! Все-то людямъ, а не намъ.

Як. Петров. Счастье такое, дурацкое!

Боберк. (*со злостью*). Ошибаешься, мой любезный. Не дурацкое счастье, а умъ. Дураки себѣ карьеры не дѣлаютъ. Дураки сложа руки сидятъ, да завидуютъ умнымъ. Въ будущемъ году онъ опять получитъ чинъ; а мы съ тобой, умники, въ газетахъ объ этомъ прочтемъ. Мы вѣдь охотники газеты читать. На что другое насъ не хватитъ, а на это — грѣхъ жаловаться.

Як. Петров. Не удивительно, что и въ будущемъ году получитъ. Это такой проныра.

Боберк. (*съ сдерженной злостью*). Проныра! Гмъ.... проныра!.. Ругаться мы съ тобой мастера. На самихъ-то посмотрѣть... ой, ой, какъ умны, да хороши. Ну, за что ты его бранишь? а? за что? За то, что онъ себѣ карьеру дѣлаетъ, дорогу прокладываетъ? Это доказываетъ только то, что онъ умный человѣкъ, а не мы съ тобой. У него жена, дѣти... Надобно ихъ обезпечить.

Як. Петров. Жена сама о себѣ думаетъ. Онъ и карьерой обязанъ единственно только ей.

Боберк. Что же, по твоему это дурно? а? Нечего, мой милый, въ чужой огородъ камешки бросать; на себя лучше оглянуться. По моему: если жена моя и не безукоризненной добродѣтели, да умѣетъ вести себя съ толкомъ, — такъ это не большой грѣхъ. Покрайней мѣрѣ видно, что мужа любитъ и о карьерѣ его заботится. Я думаю, это лучше, чѣмъ каждому встрѣчному на шею вѣшаться... только мужа компрометировать.

Як. Петров. Оставимте этихъ женъ: намъ до нихъ дѣла нѣтъ.

Боберк. (*съ жолчной ироніей*). Какъ? такъ намъ ужь и дѣла нѣтъ! Отлично, безподобно! Этого только недоставало. Наши жены... вѣтрены, а мы и рукой махнули. Ха, ха, ха! Прелесть!

Як. Петров. (*выведенный изъ терпѣнія*). Скажите пожалуйста, — изъ-за чего вы сердитесь?

Боберк. (*насильственно хохочетъ*). Ха, ха, ха! Какъ наивно! — Неужели вы не догадываетесь, что меня сердитъ?... Неблагодарная я... мать... Столько радостей, столько утѣшеній отъ роднаго сына, а я сержусь, бѣшусь... Неблагодарная я... желчная старуха... изъ ума выживать начала (*вдругъ мѣняя тонъ на искренній, съ азартомъ*). Послушай, развѣ ты не мой сынъ?— Не я тебя... восемь мѣсяцевъ подъ сердцемъ носила? Каково же мнѣ видѣть все это, — а? — У меня душа кровью обливается. Всѣ люди, какъ люди; всѣ.... живутъ... дѣйствуютъ.... карьеру себѣ устроиваютъ: кто — самъ собой, кто — черезъ протекцію. Всѣ хлопочутъ. По крайней мѣрѣ видно, что живутъ... по заповѣди Божіей, — что у нихъ чувства человѣческія есть... не даромъ на свѣтъ родились. Одинъ ты, какъ тюлень какой, ни для себя, ни для другихъ... а? Развѣ это не больно видѣть. Думаю, вотъ, на старости лѣтъ, сынъ утѣхою будетъ: отблагодаритъ за всѣ попеченія... Какія надежды возлагала... и что же?... (*тяжело вздыхая*) Охъ, подкрѣпи меня, Творецъ Всемогущій!

Як. Петров. (*съ досадой*). Каждый день сцены!

Боберк. (*съ искуственнымъ спокойствіемъ*). Не безпокойся! Скоро, скоро онѣ прекратятся. Избавитесь меня... Скоро я буду тамъ (*указывая на потолокъ*)... у роднаго моего... (*Яковъ Петровичъ быстро ходитъ по комнатѣ, заложивъ руки за спиной. — Молчаніе*).

Бобер. Что твоя барыня, не вставала еще?

Як. Петров. Она не совсѣмъ здорова. Да вотъ и она!

ЯВЛЕНІЕ III.

ЯКОВЪ ПЕТРОВИЧЪ, БОБЕРКИНА и КАТЕРИНА ЛЬВОВНА (подходитъ къ Боберкиной и цалуетъ у ней руку).

Боберк. Долго изволите спать! —Титулярной совѣтницѣ не грѣхъ бы и раньше вставать. Впрочемъ, вы благоразумно дѣлаете... Не велика бѣда, что старуха мать... лишній часъ за чаемъ просидитъ... Она привыкла къ этому... Возьмите вашу чашку... (*Катерина Львовна беретъ чашку, отходитъ къ рабочему столу и пьетъ чай, развернувъ книгу. — Боберкина сыну, какъ будто продолжая начатый разговоръ*). Я тебя, да и вообще васъ мужчинъ не виню. Весь грѣхъ падаетъ на женъ... Умная жена, если за-

хочетъ, всегда съумѣетъ поддержать энергію въ мужѣ. — Это ея святой долгъ... Она знаетъ, что мужъ силъ не щадитъ, пробивая себѣ дорогу... Все это дѣлается для жены и дѣтей... Только нынче благодарности мало на свѣтѣ. Другую—мужъ изъ грязи вытащилъ, имя свое далъ, а она въ благодарность — первому встрѣчному на шею повѣсится... А посмотрѣть... такъ ангелочкомъ смотритъ... водой не замутитъ... (*искоса взглядываетъ на Катерину Львовну*)... Все мужья-тюлени виноваты. (*Катеринѣ Львовнѣ*). Вы что читаете? — Жака? Кто вамъ его принесъ?

Катер. Львов. Афанасьевъ.

Боберк. Ахъ, да! Я и забыла, что онъ у васъ вчера за полночь сидѣлъ. (*Якову Петровичу*). Ты читалъ Жака?

Як. Петр. Читалъ.

Боберк. (*насмѣшливо*). Нравится.... Вижу по глазамъ, что нравится. — Охъ-хо-ко. Подкрѣпи меня, Всемогущій Боже!

Як. Петров. (*желая перемѣнить разговоръ, Катеринѣ Львовнѣ*). Ѣдешь сегодня въ собраніе?

Катер. Львов. (*съ небольшимъ дрожаніемъ въ голосѣ*). Нѣтъ, — нездоровится что-то.

Боберк. (*кротко, на манеръ ласкающейся собаки, когда она собирается укусить*). И прекрасно дѣлаешь, мой другъ. — Что за охота толкаться не въ своемъ обществѣ? — Тамъ больше или меньше все люди порядочные.

Як. Петров. (*вспыхнувъ*). — Ну-съ въ порядочности ихъ позвольте усумниться. Кто эти порядочныя женщины? Ужъ не Кукушкина-ли съ Паровозовой?

Боберк. Я не совѣтовала бы вамъ такъ отзываться объ нихъ. Помните, вы чиновникъ при князѣ.... Это не совсѣмъ деликатно. — Кукушкина вездѣ принята, а Паровозова пользуется расположеніемъ князя. Одно это ставитъ ее выше всякихъ нареканій.—Я удивляюсь, что онѣ такъ оскорбляютъ ваше нравственное чувство. Если за ними и есть грѣшки, такъ онѣ по крайнѣй мѣрѣ не корчатъ изъ себя весталокъ, какъ дѣлаютъ другія.—Я бы тебѣ совѣтовала надѣть очки. Ты совсѣмъ ослѣпъ, мой милый.

Слуга (*входя*). Лошадь подана! (*Боберкина быстро встаетъ и уходитъ въ дверь направо*).

Як. Петров. (*быстро ходитъ по комнатѣ*). Что-жь дѣлать? Не выгнать же мать изъ дому. — Остается одно: не с[illegible]-

щать вниманія.... (*помолчавъ, подходитъ къ Катеринѣ Львовнѣ*). Конечно, если взглянуть серьёзно, она отчасти права.... Всѣ дѣлаютъ себѣ карьеру.... одинъ я только....

Катер. Львов. (*пристально посмотрѣвъ на него*). Кто же тебѣ мѣшаетъ?

Як. Петров. (*съ досадой*). Кто мѣшаетъ?—Гмъ.... многое. Тутъ мало одного старанія и способностей.—Ты знаешь князя,— знаешь, какъ управляется губернія. Все дѣлается черезъ женщинъ.... Онѣ и къ чинамъ представляютъ.... и мѣста раздаютъ.

Катер. Львов. (*значительно*). Понимаю.... я виновата.

Як. Петров. (*сконфуженный*). Я.... я не говорю этого; но дѣйствительно — ты очень перемѣнилась.... Богъ тебя знаетъ! Прежде ты выѣзжала въ общество, была мила, любезна; князь ухаживалъ за тобой, со мной былъ очень ласковъ. — А теперь я не знаю, что съ тобой сдѣлалось: какъ монашенка живешь! Конечно, я не хочу, чтобъ ты.... (*болѣе и болѣе конфузясь*) Но одна любезность, одно кокетство хорошенькой женщины... много можетъ помочь мужу. — Это непредосудительно.... тутъ нѣтъ грѣха. — Напримѣръ, Аврорииъ... очень любезенъ съ тобой; а ты вниманія на него не обращаешь. — Знаю, что онъ глупъ, что съ нимъ скучно; но онъ имѣетъ большое вліяніе на князя. Онъ мнѣ нуженъ.... Нѣсколько кокетливыхъ словъ.... маленькое расположеніе—не бѣда. Конечно, я не желаю, чтобъ... потому что я люблю тебя. (*Катерина Львовна такъ на него взглядываетъ, что онъ, совершенно растерявшись, быстро уходитъ*).

Катер. Львов. Каждый день одно и тоже — это тиранство! — И чего они хотятъ отъ меня? — Матушкѣ я прощаю,— она меня и въ дѣвушкахъ не любила. Въ ея глазахъ я виновна уже тѣмъ, что ея Яша до сихъ поръ не генераломъ. Но мой мужъ.... странный онъ человѣкъ!... Ему хочется, чтобъ я выѣзжала, производила эффектъ, была окружена постоянно обожателями.... Это льститъ его самолюбію. Впрочемъ, тутъ не самолюбіе, а служебныя выгоды, карьера! Такой интересанъ! такіе низкіе разсчеты! (*задумывается*). Я упрекаю ихъ, — а сама-то? Они догадываются, если еще не знаютъ... Господи, это ужасно!... Любить одного, обманывать другаго!... Чѣмъ все это кончится? (*закрываетъ лицо руками*).

СЦЕНА ВТОРАЯ.

(Гостиная въ домѣ Паровозовой, богато меблированная. — Паровозова въ роскошномъ капотѣ, полулежитъ на диванѣ. Кукушкина возлѣ нея въ креслахъ. — Она въ шляпѣ, боа на шеѣ; въ рукахъ муфта. Одѣта богато и не безъ вкуса, но слишкомъ молодо).

ЯВЛЕНІЕ IV.

ПАРОВОЗОВА и КУКУШКИНА.

Паровозова (*зѣвая*). Скучны всѣ, моя милая, страхъ— скучны.

Кукуш. Да гдѣ же веселыхъ-то набрать, Марья Осиповна? Хорошо, что и такіе есть... А что ни говорите, — Лисичкинъ просто душка!... амурчикъ!... Всего конфузится, точно 12-лѣтняя дѣвочка.... Такъ бы и разцаловала его,—такой интересный!

Паровозова. Надоѣли мнѣ эти господа! (*Вдругъ одушевляясь*). Я люблю мужчинъ, ихъ общество; но будь все это исполненно жизни, поэзіи.... будь идея! (*закатываетъ глаза подъ лобъ*).

Кукушкина. Немного толку въ этихъ поэтахъ! Сначала они какъ будто и ничего: и о поэзіи, и о любви къ женщинѣ говорятъ; а какъ дойдетъ до дѣла, такъ и пасъ!... Соловья баснями не кормятъ (*хохочетъ*). Да и надѣяться нечего: всѣ эти поэты.... какіе-то субтильные, кости да кожа. — Нѣтъ, признаюсь, я люблю больше военныхъ, особливо кирасировъ,— прелесть! шарме!

Паровозова (*кусаетъ губы, чтобъ не засмѣяться*). Кажется, Лисичкинъ не похожъ на кирасира?

Кукушкина. Ахъ, не говорите, Марья Осиповна. Это совсѣмъ другое дѣло. Онъ еще ничего не понимаетъ... всего боится. Ахъ, какъ я его вчера сконфузила! (*шепчетъ ей на ухо*). Такъ весь и вспыхнулъ — такой душка!

Паровозова. Ненравятся мнѣ эти господа!... Какъ они непохожи на тѣхъ мужчинъ, которыхъ я встрѣчала у графи[illegible]

Анастази. Графиня Анастази близкая моя родственница. Сколько жизни, сколько молодости было въ нихъ! А эти чудные аѳинскіе вечера.... живыя картины изъ миѳологіи! Анастази иногда стихи свои читала. Конечно для такихъ случаевъ она выбирала самые ... (*прибирая выраженіе*) самые сильные.... печатать ихъ она никогда не рѣшалась, хоть мы и очень просили.... Чудное было время, а здѣсь — фи!

Кукуш. (*добродушно*). Это точно-съ: для петербургской дамы какія удовольствія можетъ представлять губернія!

Паров. (*нѣсколько напыщенно*). Этого и требовать нельзя; да я, признаюсь, и большой бѣды въ этомъ не вижу. Одно убійственно, — это дикость провинціальныхъ обществъ. Здѣсь шагу нельзя сдѣлать, чтобъ объ васъ не закричали на всѣхъ перекресткахъ. Здѣсь не съумѣютъ оправдать проступка женщины страстностью ея натуры. Провинція еще не доросла до такихъ пониманій. Вотъ почему мы долго еще не дождемся своего Жоржъ-Зандъ,—мы его не стòимъ!

Кукуш. Это дѣйствительно.... никакихъ удовольствій въ губерніи.

Паров. (*не слушая ея*). Высокія женскія натуры—миѳъ въ провинціи. Женщина развитая,—*femme tout-à-fait emancipée*, въ ихъ глазахъ тоже, что *femme galante*. Вотъ вамъ наши провинціальныя общества.... ха, ха, ха!

Кукуш. Это что и говорить. При вашемъ умѣ для васъ какая жизнь у насъ! Это мы — грѣшныя попривыкли, намъ и весело бываетъ.

Паров. Я завидую вамъ. Вы нетребовательны.... Ахъ, *à propos*, — вчера я имѣла объ васъ большой разговоръ съ княгиней.

Кукуш. (*сильно встревожившись*). Съ ея сіятельствомъ? Объ чемъ-съ.... скажите, пожалуйста.

Паров. Признаюсь, я была очень удивлена. Вчера княгиня говоритъ мнѣ, конечно съ гримасами, съ нервными зѣвотами,— она иначе не умѣетъ говорить.... Вы, говоритъ, кажется знакомы съ *madame* Кукушкиной: правда ли, что она женщина немного легкомысленная?

Кукуш. (*сильно встревоженная*). Скажите пожалуйста! Ахъ, Боже мой! Я вамъ скажу, Марья Осиповна, — это штуки Саловицкой. Я знаю, — она злится на меня. Думаетъ, что я пере манила отъ нея Дехтерева, а я и не думала. Надоѣла она ему—

онъ самъ и бросилъ ее. Вотъ она и мститъ мнѣ. Такая интриганка! Ахъ ты, Боже мой! что я теперь буду дѣлать?

Паров. Не тревожьтесь, я разувѣрила княгиню. (*Значительно и шутливо смѣется*). Я имѣю на нее маленькое вліяніе.

Кукуш. (*заискивающимъ голосомъ*). Еще бы и васъ не послушала княгиня! Вы у насъ первая по образованію дама. Благодарю, Марья Осиповна! Сердечно благодарю.... по гробъ не забуду. Ахъ ты, Боже мой! Ну, постой, милая, постараюсь и я для тебя: будешь каяться, да поздно!

Паров. Можетъ быть, и не она.

Кукуш. Она, она,—головой отвѣчаю, что она! За Дехтерева мститъ. Она и вчера со мной большую непріятность сдѣлала. Я нарочно пріѣхала къ вамъ заступничества вашего просить. Совсѣмъ окомпрометировала меня передъ княгиней,—такое горе! Несчастье за несчастьемъ,—голова идетъ кругомъ.

Паров. Да что̀ такое?

Кукуш. Пренепріятная исторія. Что̀ обо мнѣ подумаетъ княгиня?... Видите ли, Марья Осиповна, заѣхала я вчера къ этой Саловицкой. И на какихъ радостяхъ я къ ней полетѣла, сама не знаю. Не въ первый разъ она про меня сплетни распускаетъ, а я все прощаю.... все доброта глупая. Захотѣла бы я разсказывать про нее, такъ такія бы исторіи услышали, что уши вянуть станутъ. Вы знаете, что̀ она сдѣлала съ Фильбасовымъ?

Паров. Нѣтъ, не знаю. Да вы вчерашнее разскажите.

Кукуш. (*разсказываетъ въ волненіи*). Ну-съ! Пріѣхала я вчера къ ней. Любезность такая: руки мнѣ жметъ, благодаритъ.... Одно слово: радость такая, какъ будто мать родную съ того свѣта дождалась. Упросили меня остаться кофею напиться, а каретѣ велѣла во дворъ въѣхать, и согласія моего не спросила. Понятно, я и сама не подозрѣвала тутъ интриги. Сидимъ мы съ ней, разговариваемъ, пьемъ кофе, вдругъ княгиня пріѣзжаетъ. Нечего вамъ и говорить, что у Саловицкой отъ радости и ушки разгорѣлись, сама себя не помнитъ.... чуть ручки не цалуетъ у княгини. А для княгини, я думаю, ужасно какъ интересно знакомство съ Саловицкой какой нибудь. Я думаю, больше изъ снисхожденія визитъ сдѣлала. Та у ней всѣ пороги обила; надобно же было заплатить... (*помолчавъ*) Ну-съ, посидѣла княгиня недолго, уѣзжаетъ. Очень любезно простилась со мною. Мы, разумѣется, вышли на крылечко ее проводить. Тутъ только я замѣтила, какую интригу мнѣ устроила Саловиц-

кая. Представьте себѣ, Марья Осиповна: вѣдь моей кареты не было у подъѣзда, Саловицкая велѣла ей во дворъ въѣхать.... а? какъ вамъ это покажется? Княгиня непремѣнно это замѣтила, этого нельзя не замѣтить. Что она должна обо мнѣ думать, какими глазами она теперь на меня смотритъ?... а? Что̀ вы скажете? Это ужасно! Вотъ, скажетъ, хороша аристократка: вѣрно пѣшечкомъ съ визитами отшлепываетъ. Это ужасно!... Ну-съ, и отблагодарила я за это Саловицкую: все ей пропѣла, все припомнила, и Дехтерева, и Фильбасовскую исторію,—все, все припомнила! И вѣдь какая хитрая бабенка: слушаетъ меня, да только глазами хлопаетъ, какъ будто ничего не понимаетъ. А я ей и говорю: «не безпокойтесь, вамъ не удастся выставить меня въ черномъ свѣтѣ передъ княгиней. Я найду, къ кому обратиться.... меня оправдаютъ. У меня есть защита. Я Марью Осиповну буду просить....

Паров. (*кусая губы, чтобъ не расхохотаться*). Будьте покойны, надѣйтесь на меня. (*Вдругъ какъ будто что-то вспомнивъ*). Ахъ, да! вы вчера писали ко мнѣ записку. Если деньги вамъ дѣйствительно нужны, я сегодня пришлю.

Кукуш. (*съ маленькимъ подобострастіемъ*). Ахъ, нѣтъ, зачѣмъ вамъ безпокоиться! Вчера мнѣ дѣйствительно были нужны, оттого я и осмѣлилась безпокоить васъ, а сегодня, право, нѣтъ надобности. (*Про себя*). Придется проститься съ денежками. Ничего не сдѣлаетъ даромъ, такая интересантка!

Паров. (*любезно*). Вы пожалуйста не церемоньтесь: если онѣ вамъ нужны, я достану.

Кукуш. (*поспѣшно*). Ахъ, нѣтъ же, право, нѣтъ, Марья Осиповна. (*Встаетъ и прощается*). Прощайте, мнѣ еще кое-куда. Надѣюсь, заступитесь за меня передъ княгиней, по гробъ буду обязана. А этой Саловицкой я носъ утру. Прощайте.... А насчетъ денегъ пожалуйста не безпокойтесь: когда будутъ, тогда и отдадите.

Паров. (*съ достоинствомъ*). Будьте покойны. (*Прощаются, Кукушкина уходитъ*).

Паров. (*одна*). Признаюсь, милая барыня. И это наше лучшее общество? Хорошо, что у нея хоть настолько деликатности было, что отъ денегъ отказалась. (*Задумывается*). И куда у меня деньги идутъ, не понимаю. Давно ли князь пакетикъ прислалъ.... удивительно! Нѣтъ сомнѣнія, мужъ въ шкатулку лазитъ. Мало ему того, что отъ князя и отъ меня беретъ.... на

воровство пустился. Гм... Гдѣ бы денегъ достать? Старика совѣстно просить, не знаю, какъ и придумать. Гм! Хотѣлось бы вазу купить у Кошкина.... очень мнѣ нравится.

ЯВЛЕНІЕ V.

ПАРОВОЗОВА и ЛАКЕЙ (входятъ).

Слуга. Г. Козликовъ.

Паров. (*удивленная*). Козликовъ? Что̀ ему вздумалось? Я его только по праздникамъ вижу у себя. Развѣ просьба къ князю? Да нѣтъ, быть не можетъ: онъ не служитъ.

Слуга. Г. Козликовъ! Прикажете отказать?

Паров. (*немного подумавъ*). Проси. (*Слуга уходитъ*). Прекрасная мысль! У него денегъ много,—наворовалъ на службѣ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ПАРОВОЗОВА и КОЗЛИКОВЪ (входитъ съ смѣшными ужимками; прикладываетъ руку къ лѣвому боку и отвѣшиваетъ низкій поклонъ).

Козл. Марья Осиповна! Осмѣливаюсь предстать съ моимъ глубочайшимъ почтеніемъ.

Паров. Здравствуйте. (*показываетъ глазами на кресло*).

Козл. (*садясь на кончикъ кресла и придерживая обѣими руками шляпу*). Не смѣлъ бы безпокоить васъ, если бы не зналъ доброты вашей души: всѣ сироты и убогіе за васъ, и за ихъ сіятельство.... молитвы возсылаютъ къ Творцу. Черезъ ваши щедроты, многіе, осмѣлюсь сказать, образъ человѣческій получили.

Паров. (*не можетъ скрыть своего волненія*). Какъ,—неужели вы нуждаетесь?

Козл. (*съ сильными ужимками*). Неимущъ, неимущъ!... не деньгами-съ, а протекціею и заступничествомъ сильныхъ. Не хочу Господа нашего гнѣвить и скаредомъ прикидываться. Средствами Богъ не обидѣлъ; станетъ ребятишкамъ на молочишко. Долголѣтнимъ трудомъ и службой царю и отечеству предоставилъ себѣ... Я-съ не на счетъ вспомоществованія... Другіе точно,

есть такіе, что и средства имѣютъ, а все о вспомоществованіи просятъ, только начальство безпокоятъ.

Паров. О чемъ же вы просите?

Козл. (*сначала нерѣшительно, потомъ съ замѣтнымъ одушевленіемъ*). Сынъ у меня есть. — Единородный онъ у меня. На него, осмѣливаюсь сказать, всякія надежды возлагаю. На прошлой недѣлѣ, по милости монаршей, чинъ онъ получилъ. Изъ юнкеровъ-съ онъ. Человѣкъ молодой. Такъ я къ вамъ-съ. Примите его подъ свое покровительство. Заставьте отца вѣчно Богу молить:—теплыя молитвы стану возсылать.

Паров. Д-да́!

Козл. Не оставьте своею милостію. Лестно ему аристократическія общества посѣщать. Вотъ ужь пятый денекъ будетъ: проходу онъ мнѣ не даетъ.—«Предоставьте, говоритъ, папенька, мнѣ протекцію. Я черезъ это княжескую милость заслужу и карьеру себѣ сдѣлаю». — Что прикажете дѣлать: своя плоть,— грѣхъ не побаловать. Не оставьте! (*видя, что Паровозова молчитъ*). Вамъ, можетъ, конфузно кажется, что въ свое деликатное общество его примете. Смѣю завѣрить, — не то, чтобъ какъ отецъ, а по-Божески смѣю завѣрить: — онъ у меня по модному воспитанъ, не осрамитъ себя. Другіе офицеры, точно, есть такіе, что больше одиночествомъ занимаются, али съ лягавой собакой больше удовольствія находятъ, чѣмъ съ благородными дамами. Онъ у меня не такой-съ! Всѣ эти полечки, кадрили англійскіе, какъ слѣдуетъ образованному человѣку, отчетливо исполняетъ. По-французски тоже мало-мало маракуетъ; даже стишками отъ скуки занимается. — Онъ у меня на это изобрѣтательный, ей-Богу-съ!—Одно слово,—какъ слѣдуетъ быть офицеру. (*Убѣдительно*). Не откажите, позвольте представить къ вамъ.

Паров. (*что-то обдумывая*). Хорошо! я очень рада!

Козл. (*бросаясь къ ней и цалуя руку*). По гробъ обязали.

Паров. Полноте, не за что.... (*помолчавъ*). Я сама къ вамъ просительницей. Какъ васъ зовутъ?

Козл. Меркулъ Петровичъ.

Паров. Итакъ, Меркулъ Иванычъ.... (*Козликовъ волнуется и хочетъ поправить ея ошибку; но она, не обращая вниманія, продолжаетъ*). Дѣло вотъ въ чемъ.... У васъ вѣрно есть много знакомыхъ, которые даютъ деньги за проценты.... Не можете ли найдти.... Я нуждаюсь теперь....

Козл. (*легко перекосивъ губы*). За честь почту! Если не побрезгуете, изъ своего достоянія осмѣлюсь предложить.... Вамъ сколько угодно?

Паров. (*небрежно*). Бездѣлица!... (*подумавъ*).... Тысячу рублей!

Козл. (*вздрогнувъ*). На ассигнаціи-съ?

Паров. Полноте, кто нынче на *ассигнаціи* считаетъ.... (*полушутливо*).... Но у васъ я.... какъ васъ?

Козл. Меркулъ Петровичъ!

Паров. Да, Меркулъ Петровичъ.... У васъ я не возьму.... Мнѣ, право, совѣстно.... Какъ будто я беру.... какъ это называется?... да, да!... взятку! (*Наивно*). Такъ вѣдь, кажется, у васъ называется, когда за какую нибудь услугу берутъ деньги.... а?... Помнится, мужъ говорилъ что-то такое.... кажется, такъ?...

Козл. Это точно-съ,—есть такіе... Но они терпимы на службѣ быть не могутъ и всегда съ замараннымъ формуляромъ отставку получаютъ.

Паров. (*разсѣянно*). Ну, да! кажется, это... А дѣло вотъ въ чемъ.... Вы сдѣлайте тамъ, какъ знаете, — а лично у васъ я не беру.... Сыну вашему я готова помочь, безъ всякихъ услугъ съ вашей стороны.... Я хорошо понимаю, какъ много значитъ для молодаго человѣка порядочное общество.... Вся его будущая карьера зависитъ отъ перваго шага. Благодарю, что вы искренно обратились ко мнѣ. Богъ не привелъ мнѣ быть матерью, но я понимаю чувства отца.

Козл. Истинную правду изволите говорить.... свое дѣтище! (*нерѣшительно*). Позвольте теперь къ вамъ сынка прислать. Онъ и денежки привезетъ.

Паров. (*быстро*). Нѣтъ, зачѣмъ же его безпокоить.... мнѣ, право, совѣстно.

Козл. Помилуйте, какое тутъ безпокойство.... для этакой дамы?... За честь почтетъ.

Паров. (*смущенно*). Нѣтъ, зачѣмъ же? Онъ молодъ.... Ему такъ дорога его свобода; зачѣмъ его стѣснять.... (*вздыхаетъ*). Ахъ, я сама знаю цѣну молодости!... Вы лучше пришлите мнѣ деньги въ конвертикѣ, а сына пришлите завтра вечеромъ... У меня будутъ мои знакомые.... Я его представлю.

Козл. (*низко кланяясь*). Чувствительно благодаренъ!... (*нерѣшительно*).... Позвольте и мнѣ соприсутствовать.

Паров. (*про себя*). Вотъ навязался! (*Козликову*). Очень рада.... Но знаете, это можетъ стѣснить молодаго человѣка.... Онъ будетъ женироваться при васъ....

Козл. (*съ грустью*). Какъ прикажете.... А мнѣ лестно было бы посмотрѣть, какъ онъ будетъ отличаться въ такомъ первѣйшемъ обществѣ.

Паров. Пріѣзжайте!... я рада!... (*зѣваетъ*).

Козл. (*соскочивъ со стула*). Пожелавъ всякихъ благъ и здоровья, честь имѣю прощенія просить.

Паров. (*любезно*). Прощайте, почтеннѣйшій, Меркулъ Иванычъ.

Козл. (*поспѣшно*). Петровичъ!

Паров. Ахъ, да!.. Петровичъ... такая дурная память... Прощайте!... не забудьте же!

Козл. Конвертикъ-съ?... Не безпокойтесь; въ моментъ доставлю.

Паров. Нѣтъ!... Не забудьте сына завтра прислать, — конвертъ что.... (*Козликовъ отвѣшиваетъ низкій поклонъ и уходитъ*).

Паров. (*одна*). Уморительный старикашка!... Воображаю, какой болванъ мой будущій protegé.... (*зѣваетъ*). Какъ хорошо я сдѣлала, что попросила денегъ.

Слуга (*входя*). Г-нъ Авроринъ! (*Паровозова слегка киваетъ головой; слуга уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

ПАРОВОЗОВА и АВРОРИНЪ.

Паров. (*ласково*). Bonjour.... Вы отъ князя?

Авроринъ (*садясь въ кресло*). Былъ да не засталъ дома.... Теперь отъ Боберкиныхъ....

Паров. (*шутливо*). Что-то вы часто ихъ навѣщаете. Ужь не прострѣлила ли она ваше сердечко... О?... попались вѣрно?... Будетъ вамъ съ ума женщинъ сводить... Настало и ваше время.

Авроринъ (*шутливо*). Попался!

Паров. Она очень милая женщина, только чудачка большая. Такая молоденькая, а затворницей живетъ. Мнѣ кажется, у нея, бѣдненькой, мужъ страшный ревнивецъ.

Аврорипъ. Нѣтъ, не говорите этого.... Но она дѣйствительно очень странная женщина (*впадая въ тонъ искренности*). Марья Осиповна! я вамъ скажу по совѣсти: наша дружба мнѣ позволяетъ, у насъ не было секретовъ.... Я.... Эта женщина дѣйствительно меня съ ума свела!

Паров. (*удивленная*). Какъ?.. Такъ я не ошиблась... вы попались.... браво! (*хлопаетъ въ ладоши*).

Аврорипъ. Да-съ, именно попался!... Мнѣ кажется, чего бы я не далъ, чтобъ назвать ее своею.... Божусь вамъ.... Въ первый разъ я такъ люблю.... Сказать откровенно: можетъ быть, страсть оттого такъ сильна, что до сихъ поръ я ни отъ одной женщины не встрѣчалъ сопротивленія, а она рѣшительно недоступна.... Это Кронштадтъ! Ей-Богу-съ! Я всегда былъ счастливъ въ женщинахъ.... Не говорю уже здѣсь, а и въ Петербургѣ, когда я былъ въ полку, многія петербургскія дамы интересовались мной.... да-съ!

Паров. (*съ весьма тонкой ироніей*). Что̀ и говорить.... Вы сердцеѣдъ!

Аврорипъ. Божусь вамъ, мнѣ это очень обидно. Согласитесь, что я не кто нибудь: занимаю такой постъ, въ милости у князя! (*самодовольно охорашиваясь*). Наконецъ меня уродомъ назвать нельзя. Каждая женщина за счастье бы считала нравиться мнѣ и дорожила бы моей любовью.... А тутъ—пасъ! Мнѣ иногда кажется, что она.... глупа!... Право такъ: предпочесть мнѣ чортъ знаетъ кого.... дрянь какую-то!

Паров. Какъ?—Я ничего не слышала.

Авроринъ. Какъ же.... У нихъ день и ночь сидитъ этотъ господинъ.... какъ его? Афанасьевъ. Удивительно! Объясните послѣ этого женскій вкусъ.

Паров. (*шутливо*). Любовь.

Авроринъ (*горячась*). Полноте, какая тутъ любовь!... Можетъ ли порядочная женщина любить его? Человѣкъ не имѣетъ ни имени, ни положенія въ свѣтѣ, одна фамилія говоритъ за него. Афанасьевъ! ха, ха, ха.... Афанасьевъ, c'est horreur! Скажите пожалуйста, есть ли такой городъ, въ которомъ бы не было по-крайней мѣрѣ двоихъ Афанасьевыхъ?... Пусть бы онъ еще былъ богатъ; — тогда понятно!... можно было бы оправдать ее, а то — только что не нищій.... Просто прихоть.... и прихоть непростительная порядочной женщинѣ.

Паров. (*поддразнивая его*). Вѣрно очень уменъ.

Аврорин. Воображаю себѣ, какъ уменъ!... Нѣтъ-съ, если бы былъ уменъ, старался бы сойтись съ порядочными людьми, а я его никогда не видалъ въ нашемъ обществѣ.... Богъ знаетъ, съ кѣмъ водится.... Встрѣчалъ я его пріятелей (*значительно*): безъ перчатокъ ходятъ.... Божусь вамъ, какъ честный человѣкъ: — безъ перчатокъ!... Что вы на это скажете? Вотъ вамъ и доказательство, какъ онъ уменъ.... Зубоскальства въ немъ много, это правда.... Жаль, что онъ не у меня служитъ: я бы вышколилъ его.... Закусилъ бы онъ язычекъ, пересталъ бы дерзко отзываться о князѣ.... Впрочемъ, это ему и безъ того не пройдетъ: я доложу князю.

Паров. Э! да какой же вы ревнивецъ, — я этого не знала.

Аврорин (*обидѣвшись*). Вовсе не ревнивецъ.... Помилуйте, вы меня оскорбляете.... Стану я при моемъ чинѣ — ревновать Богъ знаетъ къ кому.... Мнѣ просто досадно, что меня, штабъ-офицера, полковника, предпочитаютъ какому-то мальчишкѣ.

Паров. Вы сами виноваты.... (*Аврорин хочетъ перебить ее; она продолжаетъ*). Не спорьте.... Вы избалованы легкими побѣдами, вы хотите скорой побѣды.... а такія женщины, какъ Боберкина, не легко сдаются. Надобно умно вести свое дѣло.... Не сердитесь, я вамъ говорю, какъ другъ (*молчаніе*). Жаль мнѣ васъ, бѣдненькаго; не знаю, какъ горю помочь.

Аврорин. Не поможете! (*рисуясь*). Тутъ никакая тактика и стратегія не помогутъ. Остается одно: или очертя голову идти на приступъ, или отретироваться.

Паров. (*подумала*). Знаете ли, дѣло не проиграно. Надобно ее прежде увѣрить, что вы ее дѣйствительно любите.... Понятно, что она не вѣритъ вамъ. Ваша вѣтренность скоро въ пословицу войдетъ (*Аврорин самодовольно охорашивается и улыбается*). Надобно, чтобъ кто нибудь постарался за васъ.... Хотите, я устрою.... Пари, что вы успѣете.

Аврорин (*обрадовавшись*). Душевно радъ: только плохо вѣрится.

Паров. Я вамъ говорю: пари!

Аврорин. Какое прикажете?

Паров. Вы мнѣ должны купить малахитовую вазу у Кошкина: она мнѣ очень нравится.... За нее просятъ 150 рублей.

Аврорин (*горячась*). Помилуйте, она не стоитъ полутораста рублей.... Это разбой — такъ запрашивать: за нее больше

ста никто не дастъ.... Съ ними надо торговаться, а то они рады въ три-дорога взять....

Паров. (*кусаетъ губы, чтобъ не расхохотаться*). Можетъ быть, это ваше дѣло.... Идетъ пари?

Аврорин. Съ радостью! (*занятый своею мыслью*). Гмъ.... полтораста рублей. Такіе мошенники.... Да нѣтъ, онъ уступитъ, за восемьдесятъ уступитъ.... Кто у него здѣсь купитъ ее?

Голосъ князя. Дома?

Авроринъ. Къ вамъ князь.... Adieu! (*встаетъ и раскланивается*).

Паров. Прощайте! (*грозя ему пальцемъ*). Помните, да пріѣзжайте завтра въ часъ, я буду дома.... Проиграете!

Авроринъ (*вздохнувъ*). Если бы!... (*уходитъ*).

Паров. (*одна*). Ахъ, какъ бы мнѣ хотѣлось выиграть вазу! Она молода.... На нее можно подѣйствовать.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ПАРОВОЗОВА и КНЯЗЬ.

Князь (*медленно идетъ къ ней и качаетъ головой съ видомъ упрека, шутливо*). Хороши! Хороши! Когда ни пріѣдешь, все съ молодыми людьми. Ай, ай, ай! вотъ какъ вы (*серьёзно*). Ну, какъ твое здоровье, mon amie! (*цалуетъ у ней руку и садится на диванъ*).

Паров Какъ всегда: — ни да, ни нѣтъ!

Князь. Не хорошо! А гдѣ мужъ? давно уѣхалъ?

Паров. Со вчерашняго вечера.

Князь. (*удивленный*). Какъ?

Паров. (*съ неудовольствіемъ*). По обыкновенію: дни и ночи у актрисъ просиживаетъ.

Князь. Гмъ! — Признаюсь, это меня очень огорчаетъ. Человѣкъ занимаетъ такое мѣсто.... на виду у всѣхъ.... обласканъ мною.... и вдругъ.... Гмъ! безнравственно! Притомъ женатый человѣкъ... (*горячо*) Въ высшей степени безнравственно.

Паров. Я на это смотрю другими глазами. Упрекать его въ невѣрности я не хочу, да и менѣе всякой другой имѣю на это права. Это тебѣ хорошо извѣстно.... Я врагъ всякаго деспотизма въ супружествѣ — этой мой принципъ!

Князь (*разнѣжась, хватаетъ руку и цалуетъ*). Охъ, вы, — министръ мой!

Паров. (*съ увлеченіемъ*). То возмутительно, что онъ на этихъ скверныхъ актрисъ тратитъ деньги, а женѣ не въ чемъ на балъ выѣхать.... Я безъ копѣйки сижу.

Князь (*лукаво, грозя ей пальцемъ*). У, хитрая! И думать не смѣйте.... Я безъ васъ умру на этомъ балѣ. Для кого я его даю?

Паров. (*улыбаясь*). Для княгини.... (*Князь смѣется и грозитъ ей пальцемъ*).

Паров. (*серьёзно*). Безъ шутокъ, — у меня ни копѣйки (*замѣтивъ удивленіе князя*). Твоимъ подаркомъ я расплатилась съ долгами.

Князь. И вѣрить не хочу, и слушать не хочу.... вы должны быть на балѣ (*разнѣжась*). А?... будете?... (*приближается къ ней и обнимаетъ*). У! милочка моя, какая ты хорошенькая, у! Послушай, если ты не будешь, я плакать стану (*приближается къ ней*).

Паров. (*теребя его за баки*). Шалунъ!

Князь (*серьёзно*). А мужа твоего я все-таки распеку. У него ни капли благодарности. Если бы не ты, я бы его въ переднюю къ себѣ не пускалъ — до того онъ мнѣ гадокъ. Человѣкъ всѣмъ мнѣ обязанъ.... И чѣмъ же онъ за всѣ мои благодѣянія платитъ? а? (*разнѣжившись вдругъ*). Милочку мою обижаетъ (*привлекаетъ ее къ себѣ на колѣни. Паровозова полунехотя исполняетъ его прихоть. Князь совершенно растаялъ*). У! у! Вотъ возьму, да и продержу такъ.... всю.... жизнь.... (*крѣпко ее обнимаетъ*). У, ангелъ!

Паров. (*шутливо*). Да ты что̀?...

Князь. Что?

Паров. Да то̀! (*оба хохочутъ*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ПРЕЖНІЕ и ПАРОВОЗОВЪ (Паровозовъ, увидавъ ихъ, бросается въ уголъ дивана и закрываетъ лицо руками. Князь совершенно потерялся, качаетъ головой и издаетъ какое-то неопредѣленное мычаніе. Паровозовъ тоже искренно сконфуженъ. — Молчаніе.)

Князь (*скоро оправившись, вдругъ вспыхнувъ, встаетъ и подходитъ къ Паровозову*). Вы за чѣмъ пришли?... Мало я вамъ

даю!.. (*выразительно*) Неблагодарное животное!.. (*быстро уходитъ разсерженный*).

Пароов. (*совершенно сконфуженный, почти плача*). Чего онъ накинулся?... развѣ я нарочно?..

Паровозова. (*вдругъ вскакиваетъ съ дивана, подходитъ къ мужу, долго смотритъ на него, кивая головой, съ выраженіемъ явнаго призрѣнія. Въ полголоса, но выразительно*) Дуракъ! (*быстро уходитъ*).

ПАРОВОЗОВЪ (все еще непришедшій въ себя, стоитъ неподвижно).

Картинка!

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Гостиная вь домѣ Боберкиныхъ.

ЯВЛЕНІЕ IX.

ПАРОВОЗОВА и КАТЕРИНА ЛЬВОВНА (обѣ на диванѣ).

Паровозова. Не шутя, онъ безъ памяти влюбленъ въ васъ. Признаюсь, я ему прежде не вѣрила, зная его привычку—на недѣлѣ пять разъ влюбляться... Но теперь я убѣдилась. Смотрѣть жалко на него,—такая горячая привязанность. Счастливица вы: какого человѣка съ ума свели! Это должно льстить вашему самолюбію.

Катер. Львовна. (*Съ тонкой ироніей*) Еще бы... очень!..

Паровозова. Вы все отшучиваетесь! (*Помолчавъ*). А какъ на васъ всѣ наши барыни злы,—я и словъ не нахожу выразить... Понятно, каждой было бы пріятно имѣть своимъ поклонникомъ такого человѣка. Сами волочатся за нимъ! Божусь вамъ. Только онъ вниманія не обращаетъ. Онъ теперь на себя не похожъ. Совершенно потерянный. Вчера князь сказалъ ему, что онъ получитъ генерала; такъ онъ въ разсѣянности не поблагодарилъ. Это очень огорчило князя. Такой молодой и—генераломъ будетъ. Къ нему, я думаю, очень будетъ идти генеральскій мундиръ. Воображаю, что̀ съ нашими дамами сдѣлается... перестрѣляются изъ-за него (*хохочетъ*).

Катер. Львовна. (*тономъ шутки, но губы ея дрожатъ*). Пожалуй, несмотря на то, что онъ... глупъ!

Паровозова. Кто глупъ?.. Авроринъ?.. Вы находите?.. Князь говоритъ, что онъ необыкновенно уменъ. Необыкновенно... Que c'est un homme de génie. Онъ недавно представилъ удивительный проэктъ. Князь безъ ума отъ него.

Катер. Львовна. (*Серьёзно*). Да, помню. Мужъ говорилъ что-то. Кажется, о какихъ-то кантикахъ.

Паровозова. (*Съ увлеченіемъ*). Ну, да, ну, да!... (*вдругъ опомнившись*) Нѣтъ,—онъ и другіе представилъ проэкты.... Какая вы насмѣшница: вамъ весело мучить, а каково ему бѣдному! (*Послѣ небольшаго молчанія говоритъ не совсѣмъ смѣло*) Послушайте, я хочу поговорить съ вами серьёзно... вы мнѣ позволите. Онъ имѣетъ на князя большое вліяніе. Если бы вы были къ нему немножко благосклоны, онъ многое бы могъ сдѣлать для вашего мужа. Онъ умѣетъ любить. Онъ мнѣ на колѣняхъ признался, что для любимой женщины онъ готовъ всѣмъ пожертвовать. Малѣйшая прихоть была бы для него закономъ.... (*увѣренно*) И это такъ. Нѣтъ сомнѣнія, онъ можетъ это сдѣлать... Онъ очень богатъ.

Катер. Львовна. (*неровнымъ голосомъ, въ которомъ слышны слезы*). Вы нездоровы, кажется. Съ вами бредъ.

Паровозова. Я?.. (*кусаетъ губы отъ злости*).

ЯВЛЕНІЕ X.

ПРЕЖНІЕ и АФАНАСЬЕВЪ.

Афанасьевъ. Катерина Львовна! (*жметъ ей руку, слегка киваетъ головой Паровозовой. Катеринѣ Львовнѣ*). Вы нездоровы?

Паровозова. (*съ ироніей*). Видите ли, больная вы, а не я... Прощайте, мой другъ, мнѣ пора... (*Дружески жметъ руку Катеринѣ Львовнѣ и уходитъ*).

Афанасьевъ. (*Пристально смотря на Катерину Львовну*). Что съ вами? Вы такъ разстроены.

Катер. Львовна. (*Стараясь скрыть сильное волненіе*). Я... ничего.

Афанасьевъ. (*долго глядитъ на нее, потомъ пожимаетъ плечами и начинаетъ скоро ходить по комнатѣ, вдругъ останавливается и подходитъ къ ней*). Что съ тобой? скажи ради Бога.

Катер. Львовна. (*съ трудомъ удерживаясь, чтобъ не заплакать*). Н... ни...чего!

Афанасьевъ. (*сильно встревожившись, садится возлѣ нея и беретъ ее за руку*). Успокойся ради Бога! Успокойся, вдругъ Яковъ Петровичъ войдетъ. Катя, милая моя!

Катер. Львовна. (*Съ трудомъ удерживаясь отъ слезъ*). Я спокойна... (*вдругъ начинаетъ громко и сильно рыдать*).

Афанасьевъ. Да полно же! Ты доведешь до того, что я самъ заплачу (*старается улыбнуться*). Вотъ будетъ сюрпризъ, если кто войдетъ (*Катерина Львовна не слушаетъ его. Глаза ея лихорадочно смотрятъ въ уголъ комнаты*). Катя, успокойся, мой другъ! (*со злостью*). И вѣрно эта проклятая барыня разстроила.

Катер. Львовна. (*Съ отчаяніемъ*). Она права... Я... Я... потерянная женщина!

Афанасьевъ. (*Съ досадой*). Опять за старое! Когда тебя перестанутъ мучить призраки? Право, какая ты странная! Можетъ ли быть преступно то чувство, источникъ котораго чистъ? Виноваты ли мы, что полюбили другъ друга? Откуда взялось это чувство? Вѣдь не выдумали мы его съ тобою. Откуда жь оно?

Катер. Львовна. (*Пристально смотритъ ему въ глаза, какъ будто хочетъ увѣриться, искренно ли онъ говоритъ*). Когда ты со мною... я всему вѣрю...

Слуга. (*Входитъ*). Господинъ Авроринъ.

Катер. Львовна. (*Вспыхнула; немного успокоившись, говоритъ твердымъ голосомъ*). Проси! (*Афанасьевъ смотритъ на нее съ удивленіемъ, смѣшаннымъ съ замѣтнымъ безпокойствомъ*).

Катер. Львовна. Мнѣ нужно ему сказать два слова. (*умоляющимъ голосомъ*) Нужно, Сержъ, повѣрь мнѣ.

Афанасьевъ. (*Пожимаетъ плечами*). Я побуду въ кабинетѣ. (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XI.

КАТЕРИНА ЛЬВОВНА и АВРОРИНЪ.

Авроринъ. (*Замѣтно навеселѣ*). Ваше драгоцѣнное здоровье? Я, какъ сумасшедшій, къ вамъ скакалъ; такъ только отъ долговъ бѣгаютъ. Узналъ, что вы дома.

Катер. Львовна (*стараясь принять спокойный видъ*). Отъ кого вы?

Авроринъ. Отъ M-me Паровозовой.—Послушайте,—неужели я не могу имѣть никакой надежды? M-me Паровозова, впрочемъ, подала мнѣ маленькую.

Катер. Львовна. Какую? на что?

Авроринъ (*замѣтно болѣе и болѣе пьянѣетъ*). Гмъ!... Вы не бойтесь... Мы съ вашимъ мужемъ сейчасъ кутнули. Я его шампанскимъ угостилъ. Онъ ничего, — молодецъ. Современныя понятія о женщинахъ и о супружествѣ.... ей-богу, современныя! Я, знаете, думалъ, что онъ Рауль-Синяя Борода, а онъ.... ничего.... Онъ, знаете, *bon-vivant*. Съ этой стороны вы можете быть спокойны.

Катер. Львовна. (*болѣе и болѣе блѣднѣетъ*). Послушайте, я приняла васъ за тѣмъ, чтобъ попросить не бывать больше.

Авроринъ (*совершенно оторопѣвъ и не понявъ*). Какъ не бывать?

Катер. Львовна. У насъ въ домѣ.... Прощайте! (*Хочетъ уйдти.*)

Авроринъ (*у котораго зашумѣло въ головѣ*). По... послушайте! Вы — душ-шка, когда разсердитесь, — прелесть! (*Хочетъ обнять.*)

ЯВЛЕНІЕ XII.

ПРЕЖНІЕ и АФАНАСЬЕВЪ. (Онъ блѣденъ. Быстро подходитъ къ Аврорину, крѣпко беретъ его за руку и ведетъ въ переднюю. Авроринъ, совершенно истерзанный, слѣдуетъ за нимъ. Во все время слѣдующей сцены Катерина Львовна стоитъ, какъ статуя.)

Голосъ Афанасьева. Вонъ! Петръ, выпроводи этого господина.

Голосъ Аврорина. Я оскорбленъ.... я.... жаловаться князю буду.... я.... я.... отомщу.... я жаловаться буду.

Голосъ Афанасьева. Можете. Я не откажусь. Петръ! помни, — этотъ господинъ получилъ пощечину.

(*Слышенъ шумъ. Черезъ нѣсколько минутъ Афанасьевъ входитъ блѣдный и сильно разстроенный.*)

Афанасьевъ. (*Катеринѣ Львовнѣ*) Успокойтесь, сядьте. (*насильно доводитъ ее до дивана; она садится.*) Кажется, Яковъ Петровичъ пріѣхалъ.

(*Въ продолженіе слѣдующей сцены Катерина Львовна сидитъ на диванѣ, какъ убитая, смутно понимая, что вокругъ нея происходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ПРЕЖНІЕ и ЯКОВЪ ПЕТРОВИЧЪ (онъ разсерженъ).

Яковъ Петровичъ. Послушайте! Неужели это правда? Мнѣ Петръ сказалъ.

Афанасьевъ (*глухо*). Да, правда!

Яковъ Петровичъ (*растерявшись*). Какъ!... Но послушайте, что вы надѣлали?... Вы знаете, какъ князь его любитъ. Онъ можетъ....

Афанасьевъ (*внушительно*). Онъ оскорбилъ вашу жену.

Яковъ Петровичъ (*ломая руки*). Ахъ ты, Боже мой? Что вы надѣлали? Вотъ напасть-то! А я сегодня съ нимъ такъ сошелся. Просилъ его объ одномъ дѣлѣ,—онъ обѣщалъ. (*Въ сильномъ гнѣвѣ.*) И вдругъ такая исторія въ моемъ домѣ! Кто васъ просилъ?

Афанасьевъ (*вспыхнувъ*). Вы, кажется, не понимаете меня. Я говорю вамъ, что онъ оскорбилъ Катерину Львовну.

Яковъ Петровичъ. Знаю, слышалъ. Мнѣ отъ этого не легче. Все вашъ характеръ, вашъ характеръ бѣшеный.

ЯВЛЕНІЕ XIV.

ПРЕЖНІЕ и БОБЕРКИНА (старуха).

Боберкина. Что такое случилось?

Яковъ Петровичъ (*Боберкиной поспѣшно*). Слышали, а? Павелъ Григорьичъ Аврорина прогналъ... и далъ пощечину.... Здѣсь, у меня! Ей-богу правда! А? Что князь-то скажетъ теперь? — Господи, Господи!

Боберкина (*сначала удивленная, потомъ падаетъ въ кресла и начинаетъ охать*). Не раздражайте меня, ради Бога! Дайте мнѣ умереть спокойно. Вы меня въ гробъ сведете! (*съ желчью*) Чему же тутъ удивляться? Пріятель и поступилъ по пріятельски: скандалъ на весь городъ сдѣлалъ. (*Съ отчаяніемъ*) Господи! подкрѣпи меня! За что ты меня такъ наказуешь, Господи?

ЯВЛЕНІЕ XV.

ПРЕЖНІЕ и ЧИНОВНИКЪ КНЯЗЯ.

Чин. князя. Я къ вамъ, Яковъ Петровичъ, отъ князя. Позвольте наединѣ поговорить.

Яковъ Петровичъ (*съ отчаяніемъ*). Все равно, говорите! Что, князь знаетъ? — а? знаетъ?

Чин. князя. Да! Аврорииъ сейчасъ жаловался. Князь проситъ васъ оставить службу.... Княгиня очень огорчена, много плакала, такъ что въ постель слегла. Прощайте, Яковъ Петровичъ! (*Уходитъ*)

Яковъ Петровичъ (*въ бѣшенствѣ ко всѣмъ*). Слышали? слышали? (*хватаетъ за руку Афанасьева*). Попріятельски поступили! ха, ха, ха! (*хватается за голову и бросается въ кресло*). Господи! изъ-за какихъ пустяковъ вся карьера испорчена!

Боберкина. Охъ, умираю! (*Съ ней дѣлается обморокъ*).

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

(Гостиная въ домѣ Паровозовой. — Вечеръ).

ЯВЛЕНІЕ XVI.

КНЯЗЬ и ПАРОВОЗОВА (на диванѣ, въ разныхъ углахъ); КУКУШКИНА (въ креслахъ). АВРОРИНЪ, ЗАѢЗЖІЙ ГОСПОДИНЪ.—КОЗЛИКОВЪ (сынъ). Послѣдній робокъ. — Ловитъ каждое чужое слово, съ наслажденіемъ....

Паровозова. Грустная исторія!... Я никогда не смѣла думать, чтобъ Боберкина была способна.... на.... какую нибудь

интрижку..... (*съ негодованіемъ*). Помилуйте, такая исторія пятно на все общество. Это скандалъ! На насъ скоро пальцами станутъ указывать.... И если бы не князь, который былъ такъ милъ....

Князь (*съ увлеченіемъ*). Это — мой святой долгъ!... Я.... я обязанъ.... Если бы я смотрѣлъ сквозь пальцы, — что̀ послѣ того нравственность?... Ходячая фраза—не больше!... Признаюсь, мнѣ было очень, очень горько.—О княгинѣ я и не говорю: она—какъ ребенокъ плакала,—въ постель слегла.... Это не могло ея не поразить.... Эта женщина.... Эта женщина.... идеалъ нравственности!

Кукушкина. Пренепріятная исторія.... Я воображаю, какъ ихъ сіятельство разстроены.... У нихъ слабые нервы.

Князь. Ну, да, очень слабые.... Она женщина... о!.. очень чувствительная.... У ней слабые нервы!

Заѣзжій господинъ (*съ ироніей*). Понятно!... Возмутительная исторія!.. Боберкина кругомъ виновата.—Такая неосторожность!... Это непростительно. Вѣдь многія барыни интрижки имѣютъ, да по крайней мѣрѣ умѣютъ концы прятать.... А эта, какъ дѣвочка поступила.... гм.... Влюбиться вздумалось, — это непростительная глупость... Можно имѣть интрижку, за деньги.... ну, положимъ, изъ другихъ видовъ. Но влюбиться!... Помилуйте.... Это оскорбляетъ.... какъ, это, князь, что̀ оскорбляетъ? Вы какъ-то объ этомъ особенно хорошо говорите.

Князь (*наивно съ увлеченіемъ*). Народную нравственность оскорбляетъ!.. Вы, какъ человѣкъ современный и образованный, понимаете меня. (*Паровозова отъ злости кусаетъ губы*).

Заѣзжій господинъ (*тѣмъ же тономъ*). Другое дѣло, выбрать въ любовники.... старика богатаго и знатнаго. По крайней мѣрѣ защита сильна.... безопасно. (*Князь краснѣетъ. Аврорину*). Послушайте, monsieur Аврорипъ, чѣмъ вы кончили? пугнули вашего соперника?

Авроринъ. (*Сконфузившись*). Онъ... онъ мѣста лишенъ. Князь былъ такъ милостивъ....

Заѣзж. господ. (*Все тономъ ироніи*). А! Вы жаловались! Это мило, очень мило! Дѣлаетъ честь вашему уму и сердцу. Вы очень благоразумно поступили. Я думалъ было, что вы дрались; но вѣдь это было бы глупо. Могло случиться, что онъ убилъ бы

васъ. Ну, пріятно ли пощечину получить и потомъ быть еще убитымъ?.. Ха, ха, ха.

Авроринъ. (*Краснѣя*). Это... дѣйствительно... Я себѣ не позволю драться съ нимъ... При моемъ чинѣ... и драться съ мальчишкой — это было бы неприлично!

Заѣзж. господ. Ну, конечно! Притомъ, дуэль при современныхъ понятіяхъ о чести....

Князь. Само собой разумѣется. Передъ вами блестящее будущее. Ваши таланты за это ручаются. Вы нужны для Россіи! Вы поступили прекрасно. Надобно быть прежде гражданиномъ, а потомъ человѣкомъ. Я самъ такъ дѣйствовалъ въ молодости. Я самъ сносилъ оскорбленія.

Заѣзж. господ. (*Стараясь придать своимъ словамъ тонъ наивности*). Неужели съ вами, князь, случались подобныя исторіи?

Князь. (*Сконфузившись*). Нѣтъ, со мной не случались... Не могло случиться...

Паровозова. (*Желая замять разговоръ*). Ахъ, какъ мнѣ жаль старушку Боберкину... Воображаю, какъ она убита, бѣдная... Объ немъ я и не говорю... Жаль... онъ добрый человѣкъ. (*Со грустью*). Какъ часто жены портятъ жизнь своихъ мужей, вмѣсто того, чтобъ поддержать ихъ... это грустно!

Козликовъ (сынъ). (*Нерѣшительно дрожащимъ голосомъ*). Осмѣливаюсь сказать, женщина, которая не дорожитъ своей репутаціей, должна потерять благосклонность публики.

Князь. Конечно, должна! У васъ благородныя понятія, молодой человѣкъ... очень благородныя...

Козликовъ (отецъ). (*Съ восторгомъ*). Онъ у меня, ваше сіятельство, ей-богу-съ!... Онъ на все изобрѣтательный! (*сыну*) Вася! ты это изъ какой книжечки почерпнулъ? (*Князю*) Онъ, ваше сіятельство, все разныя книжечки читаетъ... очень на это старательный.

Князь. (*Поощрительно*). Учись, учись, молодой человѣкъ. Помните, что сказалъ нашъ безсмертный Ломоносовъ:

Науки юношей питаютъ.

Козликовъ (отецъ). Это точно-съ, ваше сіятельство. Справедливо они замѣтили.

Козликовъ (сынъ). (*Дѣлаетъ гримасу, потомъ обращается къ князю съ собачьей угодливостью*). Я, ваше сіятельство, осмѣли-

ваюсь выразить свое мнѣніе. По моему-съ... это... безнравственно!

Князь. Что безнравственно?

Козликовъ (сынъ). (*Струсивъ*). Да... это-съ... поступокъ ихній-съ.

Князь. Ну, конечно безнравственно. Скверный поступокъ! Однимъ словомъ: — нравственность глубоко оскорблена!

С. ФЕДОРОВЪ.

ВЗГЛЯДЪ

НА РУССКОЕ СУДОУСТРОЙСТВО И СУДОПРОИЗВОДСТВО.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ.

> Мы одно любимъ, одного желаемъ: любимъ отечество; желаемъ ему благоденствія еще болѣе, нежели славы....
>
> *Карамзинъ.*

ГЛАВА XI.

ГРАЖДАНСКОЕ ДѢЛОПРОИЗВОДСТВО ВЪ 1–ХЪ СТЕПЕНЯХЪ СУДА.

1) *По общимъ законамъ.*

По воинскому уставу о процессахъ, изданному Петромъ Великимъ, тяжущіяся стороны могли подавать только по два прошенія, по одному и тому же дѣлу; указомъ, отъ 10 апрѣля 1716 года, повелѣно это правило распространить и на всѣ гражданскія дѣла. Но оно вступило въ дѣйствіе гораздо позднѣе, — такъ въ Высочайшемъ указѣ, отъ 10–го іюля 1762 года, сказано: «что Ея Императорское Величество, въ присутствіи своемъ въ сенатѣ усмотрѣть соизволила, какія въ дѣлахъ происходятъ трудности отъ умноженія излишняго и непринадлежащаго письма, такъ что по общему дѣлу и отъ одной персоны о той же самой матеріи, о чемъ прежде челобитье было, пода-

ваны многія прошенія, которыя въ выпискахъ по просьбѣ челобитчиковъ неминуемо включены бываютъ.» Это замѣчаніе Екатерины Великой осталось безъ всякихъ послѣдствій, что видно изъ «Наказа», даннаго въ 1767 году вотчинною коллегіею депутату своему, засѣдавшему въ коммиссіи о сочиненіи проэкта новаго уложенія (1).

Можно утвердительно сказать, что только съ изданіемъ въ 1832 году Свода Законовъ правила воинскихъ процессовъ Петра Великаго окончательно вступили въ законную силу по дѣламъ гражданскимъ, въ слѣдующемъ видѣ: (2) по явкѣ въ судъ отвѣтчика или его уполномоченнаго, сообщается ему списокъ съ прошенія и назначается срокъ, на который онъ обязанъ представить объясненіе. По представленіи отвѣтчикомъ въ судъ объясненія, судъ назначаетъ истцу срокъ для представленія опроверженія; получивъ эту бумагу, судъ сообщаетъ ее отвѣтчику, который въ назначенный срокъ представляетъ свое доказательство (3). Къ этому порядку подходятъ не только вотчинныя, но и всѣхъ родовъ исковыя дѣла, только съ небольшимъ исключеніемъ, а именно: въ дѣлахъ объ обидахъ, убыткахъ, ущербахъ и самовольномъ завладѣніи еще присовокупляется иногда производство судомъ слѣдствія чрезъ полицію (4); дѣла же исковыя по закладнымъ, крѣпостнымъ и заемнымъ письмамъ, хотя повелѣно рѣшать безъ формальнаго суда (5), но подъ этимъ должно подразумѣвать, что они должны слушаться судомъ по однимъ выпискамъ (6), безъ вызова тяжущихся къ рукоприкладству. Если же буквально понимать приведенный мною законъ, то онъ противорѣчилъ бы: 1) ст. 2739, т. X, которая повелѣваетъ по этимъ дѣламъ принимать всѣ судебныя доказательства; 2) ст. 2741, т. X, гдѣ сказано, что споры по обязательствамъ по рѣшенію суда разбираются формою суда.

Разсматривая всѣ эти постановленія въ практическомъ ихъ примѣненіи, мы находимъ ихъ во многомъ недостаточными. Хотя съ перваго виду кажется, что тяжущіяся стороны обязываются къ сроку доставлять свои объясненія, опроверженія и доказательства, но форма передаванія объясненія истцу и опроверженія — отвѣтчику есть главная причина медленности производства дѣлъ: 1) эти бумаги неиначе передаются тяжущимся, какъ по опредѣленію суда; 2) вру-

---

(1) См. прим. къ ст. 2304 т. X.

(2) Т. X, ст. 2299, 2303, 2304.

(3) Всѣ эти бумаги называются въ законѣ *объясненіями*; но на практикѣ они называются тѣми именами, которыми я ихъ обозначаю.

(4) Т. X. ст. 2760.

(5) Т. X. ст. 2737.

(6) Т. X. ст, 2738.

ченіе ихъ истцу и отвѣтчику чрезъ полицію протягиваетъ на безконечныя времена дѣло: съ одной стороны полиціи медлятъ передачею ихъ, съ другой стороны тяжущіеся отлучками и проволочками въ ихъ пріемѣ увеличиваютъ эту медленность теченія процесса. Поэтому, если законъ находитъ необходимымъ подобное дѣлопроизводство, то по крайней мѣрѣ передача объясненій и опроверженій могла бы производиться непосредственно судомъ. Для этой цѣли истецъ и отвѣтчикъ въ семидневные сроки должны были бы являться въ судъ для пріема бумагъ; при такомъ порядкѣ истецъ, по принятіи отвѣтчикомъ исковаго прошенія, обязанъ былъ бы явиться въ судъ для принятія его объясненія и обратно: спустя 7 дней, послѣ этого, отвѣтчикъ вновь долженъ былъ бы явиться въ судъ для принятія опроверженія отвѣтчика; такимъ образомъ со дня явки отвѣтчика въ судъ до представленія имъ доказательствъ, т. е. представленія послѣдней бумаги, протекло бы только 3 недѣли. Въ настоящее же время по этому предмету проходятъ цѣлые годы, въ ущербъ тяжущимся и въ обремененіе полицій перепискою. Когда же, кромѣ этого процесснаго порядка, по дѣламъ объ обидахъ, ущербахъ и убыткахъ, по самовольномъ завладѣніи, суды обращаютъ дѣла для производства слѣдствій въ полиціи, то окончаніе ихъ еще болѣе замедляется.

Кромѣ этихъ причинъ проволочки процесса, собираніе разныхъ справокъ служитъ средствомъ протянуть дѣло на очень продолжительное время. Хотя запрещено производить справки, служащія только въ проволочкѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ судъ обязанъ: «приготовляемое къ слушанію дѣло объяснить всѣми потребными къ тому обстоятельствами и приступать къ рѣшенію не иначе, какъ по учиненіи надлежащихъ справокъ какъ о подлинности документовъ, представленныхъ тяжущимися, такъ и о подлинности показаній, ими учиненныхъ. Справки, необходимыя къ дѣлу, отъ постороннихъ мѣстъ и лицъ требуются не иначе, какъ по резолюціи присутствія (*).

Казалось бы, зачѣмъ суду собирать справки и хлопотать о собираніи доказательствъ для тяжущихся? Каждый истецъ, желая начать процессъ, долженъ къ нему приготовиться и собрать всѣ необходимые къ тому документы, свѣдѣнія и доказательства; точно такъ и отвѣтчикъ, призванный къ отвѣту, обязанъ собрать всѣ потребныя статьи для опроверженія своего противника. Для истца и отвѣтчика собираніе доказательствъ могло бы быть открыто во всѣхъ судебныхъ и административныхъ мѣстахъ; поэтому каж-

(*) Т. II, ст. 116; т. X, ст. 2,442 и 2,443.

дому лицу можно бы предоставить право полученія изъ каждаго присутственнаго мѣста тѣхъ свѣдѣній (*), которыя ему потребны для опроверженія противника, или для защиты своего дѣла. Въ настоящее время можно изъ присутственнаго мѣста просить сообщенія себѣ копіи съ документа, представленнаго непосредственно нами, или нашимъ отвѣтчикомъ въ судъ; другихъ же документовъ, даже изъ того же самаго суда по другому дѣлу, къ которому прикосновенъ одинъ только отвѣтчикъ или одинъ истецъ, тяжущіеся не имѣютъ права требовать; судъ обязанъ непосредственно собирать справки; другіе же суды и административныя мѣста выдаютъ копіи изъ самыхъ документовъ только по требованію присутственныхъ мѣстъ.

Такимъ образомъ, когда уже много лѣтъ прошло отъ начатія иска или тяжбы и они пополняются всѣми законными и незаконными прошеніями и справками, судъ не приступаетъ долгое время къ составленію доклада на слѣдующихъ основаніяхъ: дѣла исковыя и тяжебныя приготовляются къ слушанію въ слѣдующемъ порядкѣ: «1) дѣла по Высочайшимъ именнымъ указамъ; 2) дѣла, защищаемыя на правѣ казенномъ; 3) дѣла частныхъ лицъ; придокладѣ этихъ послѣднихъ наблюдается старшинство вступленія, такъ что если съ которой стороны хожденія не было, то, не отлагая очереди, по достиженіи оной, предлагается дѣло къ слушанію (**)».

Послѣднія слова закона не исполняются большею частію присутственныхъ мѣстъ, — и правила объ очереди слушанія дѣла отдаютъ окончательно судьбу дѣла усмотрѣнію суда. При нашемъ порядкѣ пополненія дѣла объясненіями, опроверженіями, доказательствами и справками, промедляющими дѣло на нѣсколько лѣтъ, въ судъ могутъ вступить тысячи дѣлъ по Высочайшимъ указамъ, столько же защищаемыхъ на правѣ казенномъ; кромѣ того иски по закладнымъ, крѣпостнымъ и заемнымъ письмамъ, иски отыскивающихъ свободу и споры о лѣсныхъ дачахъ, которые велѣно рѣшать скоро окончательнымъ образомъ; наконецъ, если принять въ соображеніе дѣла арестантскія, о производствѣ и рѣшеніи которыхъ настаиваютъ всѣ возможныя власти, судебныя и административныя, при чемъ обыкновенно отъ судовъ требуются объясненія: на чемъ дѣло остановилось,—то изъ этого вы можете себѣ составить понятіе: сколько ваше дѣло можетъ пролежать въ судѣ, если судьямъ благоугодно будетъ отложить его въ долгій ящикъ. Да и ревизія дѣлъ, при настоящемъ порядкѣ, почти невозможна, — развѣ разсмотрѣть всѣ

(*) Ком. суды по этимъ предметамъ выдаютъ свидѣтельства.
(**) Т. X, ст. 2463 и 2464.

дѣла суда; но для этого нужно открыть новое присутственное мѣсто. Вотъ почему ревизоры ограничиваются всегда ревизіею внѣшняго порядка суда: разсмотрѣніемъ реэстровъ, журналовъ и книгъ; вотъ что только для нихъ и доступно. За какое дѣло вы ни возьметесь въ судѣ, одно остановилось за неполученіемъ справокъ, другое за неполученіемъ опроверженій или доказательствъ отъ истца и отвѣтчика; и если вы найдете какое нибудь дѣло, спящее непробуднымъ сномъ, несмотря на свою полноту, то вамъ укажутъ на арестантскія дѣла, о которыхъ есть настоянія отъ всѣхъ возможныхъ властей, или на дѣла казенныя, или, по неимѣнію и этихъ, на процессы по закладнымъ, крѣпостнымъ и долговымъ заемнымъ письмамъ....

Да, медленность дѣлопроизводства — хроническая болѣзнь нашихъ судебныхъ мѣстъ, и лѣкарства противъ нея, предлагаемыя закономъ, въ видѣ частныхъ жалобъ на суды 1-ой инстанціи губернскимъ правленіемъ, имѣютъ большею частію исходомъ — взысканія съ жалующагося за гербовую бумагу, вмѣсто простой, употребляемой въ правленіи по этому *дѣлу*.... Но всему есть конецъ: и судъ когда нибудь да приступаетъ къ составленію доклада; въ этомъ случаѣ, какъ и относительно медленности дѣлопроизводства, законъ установилъ не совсѣмъ дѣйствительную гарантію — такъ называемое *рукоприкладство*.

«Наличнымъ тяжущимся назначается, для явки къ рукоприкладству, семидневный срокъ; находящимся въ уѣздѣ того судебнаго мѣста, гдѣ производится судъ, тотъ же срокъ *со дня дѣйствительнаго имъ объявленія о томъ съ подпискою чрезъ полицію;* отсутствующимъ же, которые вызываются чрезъ вѣдомости, назначается 2-хъ-мѣсячный срокъ. Вызовы къ рукоприкладству въ судебныхъ мѣстахъ, когда мѣстопребыванія отвѣтчика извѣстно и когда онъ находится въ уѣздѣ, производится преимущественно чрезъ полицію (*). Каждый изъ тяжущихся, если усмотритъ въ выпискѣ что либо изъ дѣла и законовъ упущеннымъ или неправильно выписаннымъ, можетъ просить пополненія, описывая въ рукоприкладствѣ, какія именно обстоятельства дѣла и законы должны быть приняты въ соображеніе, ссылаясь на документы, при дѣлѣ состоящіе» (**).

Сроки на рукоприкладство не были бы зломъ для тяжущихся, если бы вызовъ къ этому обряду производился не чрезъ полицію, которая обыкновенно медлитъ по этимъ дѣламъ, какъ вообще по всѣмъ судебнымъ порученіямъ, въ особенности если отвѣтчику желательно протянуть дѣло. Если же судъ въ подобномъ случаѣ желаетъ по

(*) Ст. 2,447, 2,448, 2,450, т. X.
(**) Ст. 2,460, т. X.

какимъ либо обстоятельствамъ ускорить рѣшеніе дѣла, то онъ, не получая отзыва полиціи, вызываетъ отвѣтчика чрезъ публичныя вѣдомости; но это неправильно: онъ бы долженъ былъ обжаловать губернскому правленію дѣйствія полиціи и ждать отъ нея цѣлый годъ отвѣта: «что она предписала полиціи или земскому суду — не медлить врученіемъ отвѣтчику вызова....» И сколько дѣлъ идутъ ежегодно изъ высшихъ инстанцій на новое производство въ низшія часто единственно потому, что, не дожидаясь отзыва полиціи о томъ, сдѣланъ ли вызовъ отвѣтчику къ рукоприкладству, судъ приступилъ къ рѣшенію дѣла. Послѣ этого, трудно осуществить постановленіе, «что составленіе записокъ по справкамъ и все прочее канцелярское производство, по всѣмъ вообще дѣламъ, должно быть оканчиваемо сколь возможно скорѣе и никакъ не далѣе шести мѣсяцевъ со вступленія дѣла» (*).

Но положимъ даже, что въ этотъ 6-ти мѣсячный срокъ дѣло пополнилось, записка составлена и рукоприкладство, по канцелярскому выраженію — учинено; и дѣлу конецъ, думаете вы: судъ тотчасъ приступитъ къ его рѣшенію.... Подождите еще: «во время *сочиненія рѣшительнаго* опредѣленія, дѣлается отъ суда наличнымъ тяжущимся предварительная повѣстка, *чрезъ полицію*, съ подпискою о явкѣ къ выслушанію рѣшенія въ назначенный къ подписанію опредѣленный день».

Но вмѣшательство полиціи вездѣ замедляетъ дѣло. Полиція препятствуетъ скорому окончанію взаимныхъ опроверженій тяжущимися; она мѣшаетъ имъ быстро оканчивать рукоприкладство; наконецъ — когда уже дѣлу конецъ, она снова явилась и заставляетъ иногда бѣдныхъ судей *сочинять рѣшительное опредѣленіе* годъ или два (**); но вмѣсто такого долгаго сочиненія, судьи предпочитаютъ — подписать опредѣленіе и терпѣливо ждать, пока полиція не увѣдомитъ ихъ, что она повѣстку вручила отвѣтчику. Рѣшенія же низшихъ судебныхъ мѣстъ, въ томъ случаѣ, когда пребываніе тяжущагося удалено болѣе 300 верстъ и цѣна тяжбы не свыше 150

(*) Ст. 129. Т. 2. Об. Учр. Губерн.

(**) Замѣчаніе сочинителя противорѣчитъ 481 и 482 ст. т. X, ч. II Св. Зак Гр., изъ которыхъ видно, что рѣшеніе во всякомъ случаѣ подписывается въ назначенный въ повѣсткѣ день, и что тяжущіеся, которымъ вызовъ къ слушанію рѣшенія объявленъ полиціей и подписка ихъ въ томъ представлена въ судъ до подписанія рѣшенія, считаются во всякомъ случаѣ выслушавшими рѣшеніе въ день его подписанія; тяжущіеся же, которыхъ подписка о явкѣ въ судъ для выслушанія рѣшенія не будетъ представлена въ судъ ко дню подписанія рѣшенія, считаются отсутствующими и вызываются чрезъ вѣдомости и рѣшеніе считается объявленнымъ имъ со дня припечатанія вызова въ вѣдомостяхъ. *Прим. ред.*

руб. сер., объявляются ему въ мѣсто его жительства (чрезъ полицію), если оно во время рѣшенія тяжбы извѣстно суду....

Непосвященному въ *таинства* нашего судопроизводства кажется рѣшительно невѣроятнымъ,—какимъ образомъ процессы могутъ тянуться у насъ такъ долго; всѣ разсказы по этому предмету считаемъ преувеличенными недоброжелательствомъ къ судебнымъ мѣстамъ и неблагонамѣренностью людей съ свободнымъ духомъ... Вотъ почему мнѣ доводилось не разъ слышать изустно и печатно, что факты судебные, сообщаемые Гоголемъ, Щедринымъ и всею нынѣшнею литературою, утрированы: «Нѣтъ, батюшка, говорятъ обыкновенно эти невѣрующіе Ѳомы: — какъ хотите: это пересолено; *прежде*, правда, бывали такія дѣла; но теперь, при *нашемъ просвѣщеніи*, при гуманномъ направленіи нашего общества, — этого быть не можетъ. Типы Гоголя и Щедрина отжиты давно нашимъ обществомъ».

Пріятное заблужденіе, напоминающее мнѣ анекдотъ про одного цыгана: въ сильную морозную ночь, на берегу моря, рыбакъ-цыганъ спрятался отъ стужи въ сѣти; но вѣтеръ продувалъ сквозь ея скважины, и кровь рыбака сильно охладѣвала: онъ началъ коченѣть и почти замерзалъ. Присутствіе духа покинуло цыгана: высунувъ палецъ въ дырочку сѣти, онъ въ утѣшеніе себя восклицалъ: «ахъ! какъ *тамъ* холодно....» Въ такомъ положеніи товарищи застали рыбака и насилу спасли его отъ смерти.... Мнѣ кажется, если бы цыганъ былъ посмышленнѣе, то вмѣсто утѣшительныхъ восклицаній онъ бы не укрылся въ сѣти, а отправился бы въ теплую избу. Къ чему намъ заблуждаться и видѣть себя совершенными? Не голословно, а фактически я доказываю вамъ, что показанія Гоголя и Щедрина, — горьчайшая истина.... Отношенія даннаго законодательства къ обществу, въ которомъ оно господствуетъ, доказываютъ самую тѣсную между ними связь: въ какой степени обычаи и нравы народа входятъ въ его законы, въ такой же степени послѣдніе обращаются въ обычаи. Вотъ почему и испорченность нашихъ нравовъ, казнокрадство и лихоимство могутъ имѣть причиною несовершенство охранительныхъ законовъ судоустройства: негодяй на каждомъ шагу находитъ себѣ поблажку, а невинный страждетъ и въ утѣшеніе свое только можетъ твердить: «до Бога высоко, до царя — далеко». Еслибы теперешній порядокъ въ судахъ былъ такъ хорошъ, какъ многіе мечтаютъ, то не существовало бы приведенной мною пословицы....

Выше я сказалъ, что когда тяжущіеся вызываются къ слушанію рѣшительнаго опредѣленія, то полиціи медлятъ врученіемъ повѣстокъ или по нерадѣнію, или по множеству дѣлъ, а иногда злоумышленно; слѣдовательно, одна только публикація въ этомъ случаѣ дѣй-

ствительна; но она относится только къ отсутствующимъ тяжущимся. По объявленіи же тяжущимся рѣшенія, когда они являются для его выслушанія въ судъ, имъ въ семидневный срокъ предоставляется подписать свое неудовольствіе и совершить обрядъ апелляціоннаго переноса; тутъ, мнѣ кажется, этотъ семидневный срокъ, назначенный для пустаго обряда, заключающагося единственно во вносѣ апелляціонныхъ денегъ (*), излишенъ: тяжущійся, отправляясь въ судъ для выслушанія рѣшенія, можетъ уже быть готовъ къ подписанію удовольствія или неудовольствія; поэтому онъ можетъ приготовиться и собраться съ средствами. По совершеніи этого обряда, если тяжущійся желаетъ удержать исполненіе рѣшенія, то, находясь на лицо, обязанъ послать апелляціонную жалобу въ мѣсячный срокъ со дня выдачи ему апелляціоннаго свидѣтельства; а если судъ, гдѣ производится дѣло, отстоитъ отъ жалующагося на мѣсячный путь, считая по 4 дня въ мѣсяцъ, то ему дается еще двойной поверстный срокъ; отсутствующій же тяжущійся имѣетъ 4-хъ мѣсячный срокъ. По пропущеніи этихъ сроковъ рѣшеніе приводится въ исполненіе, а тяжущійся, если онъ въ Россіи, сохраняетъ право въ теченіе года, со дня объявленія ему рѣшенія, послать апелляцію; находящемуся же за границею дается двухъ-годовой срокъ. Здѣсь могутъ быть два случая: или дѣло рѣшается въ пользу истца, или въ пользу отвѣтчика. Въ первомъ случаѣ отвѣтчикъ находится вынужденнымъ послать апелляціонную жалобу въ мѣсячный срокъ, иначе рѣшеніе противъ него приведется въ исполненіе; во второмъ же случаѣ, т. е. когда отвѣтчикъ выигрываетъ дѣло, истецъ можетъ медлить посылкою апелляціи, потому что нечего приводить въ исполненіе рѣшенія. Такимъ образомъ мѣсячный срокъ есть орудіе только противъ отвѣтчика, не касаясь истца, который, пропуская этотъ срокъ и имѣя впереди еще 11 мѣсяцевъ, а находясь за границею 2 года, стѣсняетъ между тѣмъ отвѣтчика закономъ объ обезпеченіи. Поэтому, вмѣсто двухъ сроковъ, можно бы установить одинъ, чтобы уравнить обѣ стороны.

2) Дѣлопроизводство судомъ по формѣ.

Существенное отличіе дѣлопроизводства суда по формѣ отъ обыкновеннаго исковаго и вотчиннаго порядка заключается въ *судоговореніи*: «по наступленіи судоговоренія изготовляются двѣ тетради: въ одну изъ нихъ записывается отвѣтъ отвѣтчика, а въ дру-

(*) Всего 7 р. 50 к. — деньги небольшія; неимущіе, представляющіе объ этомъ свидѣтельство, ничего не платятъ.

гую улики истца отъ слова до слова. Судоговореніе начинается прочтеніемъ перваго пункта прошенія; по прочтеніи его, отвѣтчикъ представляетъ свой отвѣтъ. Отвѣтъ этотъ долженъ быть словесный и притомъ содержать одно объясненіе по предложенному пункту и не заключать въ себѣ ничего къ дѣлу неподлежащаго, или относящагося къ другимъ пуктамъ прошенія. Отвѣтчикъ на представленное истцомъ въ улику его обвиненіе можетъ учинить вторичный отвѣтъ такимъ же образомъ.»

Такъ происходитъ съ каждымъ пунктомъ прошенія. Этотъ способъ защиты и опроверженія дѣла очень неопредѣленъ: онъ еще болѣе *пунктовъ* прошенія ставитъ тяжущихся въ затрудненія, самыя неестественныя: о предметѣ можно и судить и говорить только въ томъ случаѣ, когда онъ весь, со всѣми частностями, предъ нашими глазами; когда мы, по собственному усмотрѣнію, сообразно естественному способу мышленія, усвоенному нашимъ умомъ, можемъ обнять предметъ и подвергнуть его критическому анализу: при такихъ только условіяхъ можно ожидать стройной рѣчи, основательныхъ доводовъ, естественнато теченія мысли. Судныя же рѣчи заставляютъ отвѣтчика подчиняться иногда безсмысленному раздѣлу исковаго прошенія на пункты, которые могутъ иногда не только не заключать въ себѣ опредѣленной мысли, но даже и вовсе не относиться къ дѣлу. Такъ мнѣ случилось читать одно исковое прошеніе по вотчинному дѣлу какого-то фразистаго одесскаго адвоката; первый пунктъ этого прошенія заключался въ слѣдующемъ приступѣ:

«Кто въ прекрасный майскій день, когда солнце своими теплыми лучами обновляетъ природу, когда душистая сирень, распустивъ свой роскошный цвѣтъ, наполняетъ атмосферу благоуханіемъ, когда въ зеркальныя морскія воды, на здѣшнемъ рейдѣ, такъ кокетливо глядятся суда, на которыхъ весело поютъ матросы,—кто, повторяю снова, въ такую чудную погоду, прогуливаясь по приморскому бульвару, невольно не останавливался близъ большаго зданія, новѣйшаго стиля, и не спрашивалъ проходящаго: кому принадлежитъ этотъ домъ?... И вѣроятно каждый получалъ въ отвѣтъ—отъ стараго и молодаго, отъ знатнаго и убогаго, что этотъ домъ принадлежитъ почетному гражданину такому-то».

Какъ прикажете опровергать такое цвѣтистое краснорѣчіе, такіе сильные юридическіе доводы?... Отвѣчать молчаніемъ? Но за молчаніе *судъ по формѣ* повелѣваетъ васъ посадить подъ арестъ и держать подъ стражей цѣлую недѣлю; а по истеченіи этого срока, если вы все-таки упорно молчите, то васъ обвиняютъ въ искѣ (*).

(*) Т. X, ст. 3152.

Слѣдовательно вамъ остается уличить вашего противника: но чѣмъ вы ему докажете, что онъ говоритъ ложь: что ни знатный ни убогій, ни старый ни молодой не говаривали прохожему, въ прекрасный майскій день, что домъ такой-то принадлежитъ такому-то. Сказать же господину адвокату за его краснорѣчіе, что онъ глупъ, — и неприлично, и страшно, потому что васъ оштрафуютъ, несмотря на то, что существуютъ двѣ очень сильныя пословицы, на авторитетъ которыхъ можно сослаться, «что для дураковъ законовъ не писанъ» и что «дураковъ и въ церкви бьютъ». Но прекратимъ *не дѣльные споры*, а то судъ по формѣ поступитъ съ нами, какъ съ ябедниками.... (*).

И такъ форма судоговоренія, еслибы она была предоставлена своему естественному ходу, могла бы достигнуть цѣли: сначала истецъ или его адвокатъ изложилъ бы свои основанія; потомъ противъ него возражалъ бы отвѣтчикъ; и если бы каждой сторонѣ предоставлено было говорить два раза, а судьямъ предоставлено право, для разъясненія темныхъ мѣстъ, требовать отъ нихъ объясненія, то судъ по формѣ обратился бы въ словесное судопроизводство. Въ настоящемъ же его видѣ, судъ по формѣ не можетъ имѣть основательнаго значенія: отвѣты и возраженія по пунктамъ такъ смѣшиваютъ въ судныхъ рѣчахъ разные предметы и понятія, что очень часто ихъ трудно и даже невозможно разобрать. Послѣ этого, какъ на такихъ данныхъ рѣшать дѣло? А вѣдь послѣ судоговоренія воспрещено принимать какія нибудь дополненія и разъясненія отъ тяжущихся (**). Но между тѣмъ, въ ст. 3170 и 3171 повелѣно: «если истцы и отвѣтчики единственно основываются на судебныхъ рѣчахъ, то рѣшать дѣло на этихъ данныхъ; но когда въ судъ поданы или объявлены какія либо крѣпости, или другія письменные документы, неоспоренные соперникомъ, то существо рѣшенія должно состоять въ опредѣленіи того, что изъ той крѣпости или другаго письменнаго документа усматривается». Но въ такомъ случаѣ нѣсколько часовъ, занятыхъ реторическимъ изложеніемъ, приличнымъ случаю слогомъ, *дѣльныхъ споровъ* потеряны напрасно. Не лучше ли бы было, еслибы вы безмолвно передали суду крѣпости и прочіе документы, изъ которыхъ судъ извлекъ бы все, что ему благоугодно, — и дѣло съ концомъ?

Такія особенности, въ совокупленіи съ требованіемъ отъ истца обезпеченія всей суммы, имъ искомой, съ правомъ отвѣтчика свои

(*) Т. X, ст. 3164.
(**) Т. X, ст. 3165.

судныя рѣчи подтвердить присягою ([1]), — не даютъ суду по формѣ практическаго примѣненія, тѣмъ болѣе, что по статьѣ 3174, т. X, «порядокъ составленія докладныхъ записокъ, слушанія и рукоприкладства, составленія рѣшенія и исполненія, опредѣляется по дѣламъ, производимымъ судомъ по формѣ, на основаніи общихъ правилъ».

3) *Дѣлопроизводство по Торговому Уставу.*

Разсматривая Торговый Уставъ, мы находимъ, что въ немъ допускается и словесная и письменная расправа по всѣмъ дѣламъ; судъ, говоритъ законъ ([2]), не можетъ воспретить письменнаго производства по желанію истца; но по требованію отвѣтчика допускаетъ эту форму, когда онъ имѣетъ достаточныя причины; вообще та или другая форма предоставлена выбору и усмотрѣнію суда. Эта неопредѣленность — существенная причина того, что большая часть дѣлъ коммерческихъ судовъ, вмѣсто словеснаго разбирательства, переходятъ въ письменное дѣлопроизводство, имѣющее черты общія съ обыкновеннымъ судебнымъ порядкомъ. Легко же переходитъ словесное судопроизводство въ письменное по слѣдующимъ причинамъ: 1) «Ни истецъ, ни отвѣтчикъ, до рѣшенія дѣла въ коммерческомъ судѣ, не могутъ безъ дозволенія суда отлучаться изъ города; *но судъ даетъ сіе дозволеніе безъ малѣйшаго удержанія, если истецъ представитъ повѣреннаго, а отвѣтчикъ обезпечитъ искъ залогомъ или поручительствомъ*» ([3]). Такимъ образомъ отвѣтчикъ, обезпечивъ искъ, можетъ, не давши объясненія по иску, отлучиться изъ города и въ подобномъ случаѣ судъ—или долженъ ждать его возвращенія, или обязанъ послать во временное его мѣстожительство тѣ бумаги истца, по которымъ требуется объясненіе. 2) «Когда одна или обѣ тяжущіяся стороны не имѣютъ въ томъ городѣ ([4]) постояннаго жительства, то, по явкѣ въ судъ, если по дѣлу не послѣдуетъ въ первомъ засѣданіи окончательнаго рѣшенія, они обязаны назначить мѣсто, гдѣ ихъ сыскать можно, записать о томъ у пристава суда и о всякой перемѣнѣ жительства давать оному знать» ([5]); поэтому законъ, что судъ имѣетъ право требовать на лицо тяжущихся, относится только къ наличнымъ.

([1]) Т. X, ст. 3173.
([2]) Т. XI, ст. 1210, 1211.
([3]) Т. XI, ст. Торг. Уст. 1397.
([4]) Гдѣ судъ находится.
([5]) Т. XI, Уст. Торг., ст. 1396, 1536.

При такомъ порядкѣ расправа никакъ не можетъ быть словесною: дѣло въ одинъ день, въ рѣдкихъ случаяхъ, можетъ быть сразу окончено, потому что отвѣтчикъ можетъ сослаться или на свидѣтелей, часто отсутствующихъ, или на документы, для полученія которыхъ потребно время и отсрочка. Допуская, чтобы отвѣтчикъ отлучался, и предоставляя его произволу перемѣну мѣстожительства, съ тѣмъ, что онъ только, для свѣдѣнія суда, увѣдомляетъ его о каждой перемѣнѣ, законъ отдаетъ совершенно во власть отвѣтчиковъ ходъ и теченіе процесса: переѣзжая изъ города въ городъ и не принимая отъ полицій въ свое время бумагъ, къ нимъ для объясненія препровожденныхъ судомъ (*), отвѣтчики проволакиваютъ производство подобныхъ дѣлъ по нѣскольку лѣтъ. Коммерческіе же суды по этимъ причинамъ вынуждены не только посылать къ полиціямъ повторенія, но жаловаться губернаторамъ, губернскимъ правленіямъ и даже сенату; отъ этого у нихъ увеличивается излишняя переписка, которая обременяетъ лишнимъ дѣлопроизводствомъ и другія присутственныя мѣста.

Вслѣдствіе этихъ данныхъ, одни дѣла коммерческихъ судовъ быстро рѣшаются, другія въ своемъ теченіи не уступаютъ общимъ судебнымъ дѣламъ. Самая же расправа въ коммерческихъ судахъ далеко превосходитъ общій судебный порядокъ дѣлопроизводства, хотя имѣетъ и свои недостатки. «Судъ выслушиваетъ и лично отбираетъ показанія обѣихъ тяжущихся сторонъ въ присутствіи. При отобраніи показаній судъ обращаетъ вниманіе на всѣ главныя и побочныя обстоятельства, могущія служить къ приведенію дѣла въ ясность. Если въ этихъ показаніяхъ обнаруживаются какія либо несообразности, противорѣчія, или теряется связь дѣла, то судъ дѣлаетъ сторонамъ о томъ замѣчаніе и внушаетъ обязанность говорить предъ судомъ правду, подъ опасеніемъ взысканій, закономъ опредѣленныхъ. При отобраніи объясненій отъ людей безграмотныхъ, или неопытныхъ въ судныхъ дѣлахъ, судъ обязанъ наблюдать, чтобы они, по простотѣ, недоразумѣнію, или по невѣдѣнію о законныхъ послѣдствіяхъ судебнаго признанія, не вводили въ дѣло такихъ показаній, въ истинѣ коихъ они не увѣрены, также,—чтобы въ ихъ объясненіяхъ, по неправильности выраженій, не вкрались такія ошибки и двусмысленности, которыя впослѣдствіи, противъ намѣренія ихъ, могли бы обратиться противъ нихъ самихъ» (**).

Насколько судоговореніе судомъ по формѣ отзывается приказнымъ духомъ, настолько Торговый Уставъ обнаруживаетъ въ

(*) Т. XI, Уст. Торг. ст. 1534.
(**) Ст, 1411 — 1414, Т. XI. Уст. Торговый.

приведенныхъ мною законахъ правосудіе, милосердіе и истинное братолюбіе. Зная всѣ послѣдствія личнаго признанія въ судѣ и всю важность судныхъ рѣчей, законъ повелѣваетъ не ловить тяжущихся на неясномъ выраженіи, на неосторожномъ словѣ, и повелѣваетъ суду принимать не безсознательные отвѣты и показанія, а только ясно сознаваемыя тяжущимися слова и выраженія. Этотъ законъ долженъ быть принятъ для всѣхъ судовъ, при введеніи словесной расправы: только въ немъ вполнѣ выражается безпристрастіе и нелицепріятіе судебной власти; поэтому, какъ на фундаментѣ, на немъ должна основываться вся словесная расправа. Но основанные на этомъ фундаментѣ законы о порядкѣ дѣлопроизводства коммерческихъ судовъ не совсѣмъ ясны и точны.

«Когда (*) отвѣтчикъ явится въ судъ и отводовъ не представитъ, или отводы его не будутъ судомъ уважены, то онъ въ тоже время долженъ дать отвѣтъ по содержанію просьбы. Истцу предоставляется на волю опровергать показанія своего соперника и представлять свои объясненія въ томъ же засѣданіи или отложить *до другаго*. Если истецъ опровергнетъ показанія отвѣтчика въ томъ же засѣданіи, а отвѣтчикъ въ тоже время не представитъ противъ нихъ оправданій, то судъ приступаетъ въ томъ же засѣданіи къ окончательному рѣшенію дѣла; но когда отвѣтчикъ объявитъ, что онъ имѣетъ представить на вторичное объясненіе истца съ своей стороны вторичные отвѣты, тогда на представленіе ихъ судъ даетъ ему отсрочку. Послѣ двукратныхъ отъ той и другой стороны объясненій (**), судъ никакихъ дальнѣйшихъ возраженій и опроверженій не допускаетъ, развѣ бы въ теченіе этого времени (***) открылось особенное и новое обстоятельство, требующее разсмотрѣнія. Во время словесной расправы, когда по взаимнымъ объясненіямъ тяжущихся сторонъ дѣло уже подробно суду извѣстно, но та или другая изъ нихъ слишкомъ распространяется въ изложеніи частныхъ обстоятельствъ, или впадаетъ въ излишнія повторенія, судъ требуетъ, чтобы они ограничивались возможною краткостью; въ противномъ случаѣ предсѣдатель можетъ обращать объясненія въ вопросы и требовать отъ нихъ въ краткихъ словахъ отвѣтовъ. Въ дѣлахъ, производимыхъ письменнымъ порядкомъ, взаимныя объясненія тяжущихся сторонъ сообщаются имъ въ спискахъ съ бумагъ, представляемыхъ отъ той или другой стороны».

(*) Т. XI, Уст. Торг. ст. 1522, 1526, 1527, 1531, 1533, 1534.

(**) Здѣсь предполагается «письменныхъ».

(***) Т. е., во время промежутка окончанія дѣлопроизводства и рѣшенія дѣла.

Недостатки этого дѣлопроизводства, какъ словеснаго, такъ и письменнаго, заключаются, мнѣ кажется, въ слѣдующемъ:

1) При словесной и письменной расправѣ истецъ и отвѣтчикъ могутъ откладывать свои опроверженія и объясненія на многія засѣданія; поэтому судъ никакъ не можетъ разомъ выслушать вполнѣ дѣло и высказать свое мнѣніе объ немъ. Вслѣдствіе этого законъ о томъ, что судъ немедленно, по выслушаніи сторонъ, обязанъ приступить къ рѣшенію дѣла, — часто не можетъ имѣть практическаго примѣненія (*). И этого трудно требовать отъ суда, когда подачи объясненій и возраженій могутъ быть въ разныя засѣданія: въ такомъ случаѣ судъ не можетъ удержать въ памяти своей сущность дѣла, связь его частей, обвиненія истца, оправданія и доказательства отвѣтчика. Поэтому на практикѣ принято, что коммерческіе суды по дѣламъ составляютъ, какъ и въ общихъ судахъ, доклады, и дѣла рѣшаются на общемъ основаніи по этому предмету.

2) Тотъ недостатокъ, относительно многочисленнаго и безконечнаго увеличенія дѣла многими прошеніями, который въ общемъ судопроизводствѣ устраненъ обозначеніемъ, — что тяжущіеся имѣютъ право подавать только по два прошенія по одному дѣлу, — въ Торговомъ Уставѣ не устраняется, потому что правило это принято Торговымъ Уставомъ небезусловно: отчего по произволу коммерческаго суда дѣла могутъ обогащаться даже большимъ количествомъ прошеній, нежели въ общихъ судахъ.

3) Постановленіемъ, что въ дѣлахъ, производимыхъ письменнымъ порядкомъ, взаимныя объясненія тяжущихся сторонъ сообщаются имъ въ спискахъ съ бумагъ, представляемыхъ отъ той или другой стороны, — законъ усвоилъ Торговому Уставу недостатки общаго судопроизводства, которые, съ присовокупленіемъ права тяжущихся отсутствовать отъ мѣстонахожденія суда, иногда превосходятъ даже недостатки общаго судопроизводства.

4) *Порядокъ постановленій рѣшенія судами и приведеніе ихъ въ исполненіе.*

По общимъ законамъ, тяжущіеся во время доклада дѣла суду могутъ присутствовать и обращать вниманіе судей на тѣ обстоятельства процесса, которыя служатъ въ ихъ пользу; но дѣло въ томъ, что этотъ законъ часто не имѣетъ практическаго примѣненія, потому что тяжущимся неизвѣстно, когда судьямъ благоугодно будетъ приступить къ слушанію иска. Притомъ у насъ большею частію никакого слушанія дѣла нѣтъ: или члены суда безусловно подписы-

(*) Т. XI, ст. 1600.

ваютъ приготовленные столоначальниками или секретарями проекты опредѣленій, или же кто нибудь изъ членовъ возьметъ къ себѣ докладъ и составитъ опредѣленіе, подписываемое потомъ прочими членами. Если же дѣло особенной важности, то есть, когда тяжущіеся — сильныя лица и въ нихъ принимаютъ участіе разные члены, тогда дѣйствительно — или дѣло прочитывается присутствію, или каждый изъ нихъ возьметъ къ себѣ на домъ дѣло и, прочитавъ его, потомъ высказываетъ суду свое мнѣніе. Тоже самое дѣлается и въ коммерческихъ судахъ: по дѣламъ составляются обыкновенные доклады, которые читаются и слушаются на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ общихъ судахъ.

Выше, говоря о порядкѣ объявленія рѣшеній въ общихъ судебныхъ мѣстахъ, я показалъ, въ чемъ именно заключается недостатокъ его, а именно, что только для безвѣстно-отсутствующаго или находящагося въ другомъ уѣздѣ или губерніи тяжущагося установленъ положительный срокъ, съ котораго рѣшеніе должно считаться вступившимъ въ законную силу, и что наличные тяжущіеся могутъ уклоняться отъ врученія имъ полиціями повѣстокъ на явку въ суды для выслушанія ими рѣшеній; этого недостатка въ Торговомъ Уставѣ нѣтъ, зато онъ имѣетъ другіе, какъ это мы ниже увидимъ. «Если въ присутствіи тяжущихся состоится рѣшительное опредѣленіе, то оно имъ тутъ же объявляется; въ противномъ же случаѣ копіи съ нихъ посылаются къ нимъ на домъ чрезъ пристава или присяжнаго. Когда опредѣленіе послѣдовало въ отсутствіи отвѣтчика, который, по первому призыву къ отвѣту, ни самъ не явился, ни повѣреннаго отъ себя не прислалъ, то для объявленія ему этого опредѣленія посылается съ него копія, при указѣ, въ городскую или земскую полицію, для объясненія на мѣстѣ его жительства. Отвѣтчикъ безвѣстно-отсутствующій извѣщается объ опредѣленіи чрезъ троекратное припечатаніе въ вѣдомостяхъ губернскихъ (*). Въ случаѣ отсутствія изъ города одной стороны безъ вѣдома и дозволенія суда, опредѣленіе считается ей объявленнымъ со дня означеннаго въ повѣсткѣ, при которой послана копія съ него.»

Изъ этихъ постановленій мы видимъ, что для наличныхъ тяжущихся законодательство, относительно объявленія рѣшеній, очень опредѣлительно; тоже самое можно сказать и о томъ случаѣ, когда тяжущіеся находятся въ безвѣстномъ отсутствіи. Когда же они проживаютъ въ другомъ уѣздѣ или другой губерніи, тогда объявленія рѣшеній подвергаются той участи проволочекъ, какой обыкновенно подвержены гражданскія дѣла. Зато сроки относительно права

(*) Т. XI., ст. 1582 — 1586.

переноса и постановленія относительно исполненія рѣшеній по Торговому Уставу вполнѣ удовлетворительны (*).

«Сторона, которая недовольна рѣшительнымъ опредѣленіемъ коммерческаго суда и желаетъ перенести дѣло въ сенатъ по апелляціи, должна объявить о томъ въ судѣ въ теченіе восьмидневнаго, а по дѣламъ фрактовымъ, вексельнымъ и конкурснымъ въ теченіе трехъдневнаго срока. Срокъ на подачу апелляціоннаго прошенія въ коммерческій судъ—двухъ-мѣсячный, со дня объявленія опредѣленія, и для отсутствующихъ — со дня послѣдняго припечатанія въ вѣдомостяхъ. По дѣламъ же фрахтовымъ, вексельнымъ и конкурснымъ— мѣсячный. По принятіи объявленія о намѣреваемомъ переносѣ дѣла на апелляцію, судъ пріостанавливаетъ исполненіе. Но когда противная сторона потребуетъ, чтобы рѣшеніе суда было приведено въ исполненіе, несмотря на переносъ дѣла, то должны подать о томъ въ судъ письменное прошеніе и при ономъ представить благонадежный залогъ въ обезпеченіе иска, на случай переверщенія дѣла. Въ недостаткѣ залога, пріемлется и поручительство.»

Итакъ, для того, чтобы недовольная сторона, желающая подать апелляцію, могла собрать средства для вноса въ залогъ правой апелляціи 60 р. сер., что составляетъ уже значительную сумму, ей дается на это срокъ отъ 3 до 8 дней, смотря по дѣлу. На подачу же самой жалобы установленъ только одинъ срокъ: одномѣсячный, или двухъ-мѣсячный, смотря по роду дѣла, безъ всякаго ограниченія къ мѣстопребыванію отвѣтчика. По желанію истца, несмотря на апелляцію, рѣшеніе приводится въ исполненіе, принимая во вниманіе то, что хотя отвѣтчику предоставлено право апеллировать, но съ утвержденіемъ судомъ правъ истца, впредь до перевершенія дѣла, эти права за нимъ узаконены. Для того же, чтобы отвѣтчикъ въ случаѣ перевершенія дѣла былъ обезпеченъ, рѣшеніе неиначе приводится въ исполненіе, какъ по полученіи залога или поручительства отъ истца. По общимъ же законамъ при исполненіи рѣшенія принимаются обезпечительныя мѣры только по вотчиннымъ дѣламъ, а не по исковымъ. Сроки коммерческаго суда имѣютъ то правильное основаніе, что каждый, имѣющій процессъ, обязанъ слѣдить за нимъ или лично, или чрезъ повѣреннаго; въ подобномъ по-

(*) По французскому законодательству, (см. *Code de procédure civile*, *art. 443, 445, 446, 475*), общія аппелляціонные сроки слѣдующіе: 3 мѣсяца для проживающихъ во Франціи; къ этому сроку присовокупляется еще: *для* пребывающихъ въ Корсикѣ, на Эльбѣ, въ Англіи и пограничныхъ съ Франціею государствахъ—2 мѣсяца; *для* пребывающихъ не въ смежныхъ съ Франціею государствахъ — 4 мѣсяца; *для* живущихъ внѣ Европы — 6 мѣсяцевъ; *для* состоящихъ въ государственной службѣ и находящихся внѣ Европы — одинъ годъ.

рядкѣ можно надѣяться, что процессы не будутъ тянуться безконечно, что истцы и отвѣтчики не будутъ ссылаться то на отсутствіе изъ города, то на выѣздъ за границу.

По апелляціоннымъ дѣламъ такъ называемыя справочныя опредѣленія и всѣ частныя жалобы по нимъ могли бы быть уничтожены; Торговый Уставъ по этому предмету основательно говоритъ: «на частныя опредѣленія жалоба не пріемлется прежде опредѣленій рѣшительныхъ (*).» И дѣйствительно, при существованіи справочныхъ опредѣленій и частныхъ жалобъ по нимъ, 2-ыя инстанціи иногда парализируютъ дѣйствія низшихъ мѣстъ: отчего въ сенатѣ и возникаютъ излишнія дѣлопроизводства, а тяжущіеся между тѣмъ теряютъ время.

Притомъ, по смыслу ст. 2,494, пун. 2, т. X, частныя опредѣленія по прошествіи 3 мѣсяцевъ, со дня ихъ объявленія тяжущимся, или по истеченіи 6 мѣсяцевъ, со дня ихъ привода въ исполненіе, должны считаться вступившими въ законную силу; а между тѣмъ рѣшительныя опредѣленія могутъ ихъ отмѣнить. Если частныя опредѣленія считать обязательными, то слѣдуетъ придавать имъ такой смыслъ и относительно судовъ; и если судамъ предоставляется право отмѣнять свои частныя опредѣленія, то кажется, можно бы не заводить объ нихъ въ высшихъ инстанціяхъ особеннаго дѣлопроизводства, принимая во вниманіе то, что недовольный распоряженіемъ суда тяжущійся незнаетъ еще объ окончательномъ исходѣ дѣла, а потому его жалоба несвоевременна. По этой причинѣ частныя жалобы могли бы допускаться только по слѣдующимъ дѣламъ: 1) когда они приносятся на отказъ въ правосудіи, т. е. когда судъ не пріемлетъ спора къ своему разсмотрѣнію, считая вѣдомству его неподлежащимъ; 2) когда жалоба приносится на то, что предъявленный отъ стороны отводъ суда или судьи судомъ не уваженъ; 3) когда судъ медлитъ производствомъ дѣла; 4) когда онъ неправильно исполняетъ рѣшеніе высшей инстанціи.

Я считаю излишнимъ допущеніе частной жалобы на ком. суды, когда она приносится на то, что судъ, принявъ искъ безъ доказательствъ, ему свойственныхъ и закономъ установленныхъ, допускаетъ или требуетъ такихъ доказательствъ, которыя въ этомъ родѣ дѣлъ воспрещены закономъ. Разсмотрѣніе вопроса о томъ, правильно ли принялъ судъ доказательства или нѣтъ, относится къ существу дѣла и при апелляціонномъ порядкѣ само собою разумѣется высшею инстанціею; поэтому преждевременныя жалобы замедляютъ только ходъ дѣла. Удобнѣе всего по предметамъ, разрѣшаемымъ

(*) Т. XI. Уст. Торг., ст. 1898.

нынѣ справочными опредѣленіями въ тяжебныхъ исковыхъ дѣлахъ установить: или резолюцію предсѣдателя, или же порядокъ докладныхъ реестровъ, безъ составленія журнала, съ необходимымъ просмотромъ стряпчихъ; этимъ сократилось бы дѣлопроизводство, отчего выигрывали бы и канцеляріи судовъ, и тяжущіеся.

5) О порядкѣ поданія жалобъ во 2-ю степень суда и препровожденія туда дѣлъ 1-й степени.

Порядокъ подачи жалобъ апелляціонныхъ и частныхъ — совершеннѣе по Торговому Уставу, нежели по общимъ законамъ: тяжущіеся обязаны представлять свои жалобы въ правительствующій сенатъ чрезъ коммерческіе суды; этимъ облегчается дѣлопроизводство тѣхъ и другихъ, и выигрывается время для тяжущихся. По частнымъ жалобамъ, сенатъ избѣгаетъ опредѣленій, объ истребованіи отъ ком. судовъ объясненій по существу жалобы; но мнѣ кажется, что ком. суды, вмѣсто того, чтобы по такимъ жалобамъ прописывать все дѣло въ объяснительномъ рапортѣ и чтобы составлять опредѣленіе по этому предмету, просто, по резолюціи предсѣдателя отправляли бы подлинное дѣло, при краткомъ донесеніи въ сенатъ, тѣмъ болѣе, что при подачѣ частной жалобы велѣно ком. судамъ останавливаться дѣлопроизводствомъ. Если тяжущіеся принесутъ частную жалобу на такіе предметы, по которымъ онѣ допускаются, то предоставить суду право возвращать ихъ по надписи; причемъ, если тяжущіеся останутся недовольны, то могутъ жаловаться непосредственно въ сенатъ, который, найдя ихъ жалобы основательными, обязанъ положить взысканіе за неосновательный отказъ; но подобныя дѣлопроизводства должны рѣшаться въ сенатѣ безъ требованія объясненія отъ суда, во вниманіе къ тому, что по содержанію жалобы и по надписи, сдѣланной на ней, дѣло можетъ быть рѣшено. По жалобамъ же на медленность дѣйствій суда или на несправедливость исполненія имъ рѣшеній высшихъ инстанцій, объяснительные рапорты по резолюціямъ предсѣдателей вкратцѣ должны излагать — въ первомъ случаѣ, ходъ дѣла, касаясь только одного историческаго его теченія; во второмъ—излагая только свои дѣйствія, потому что сущность рѣшенія высшему суду извѣстна. Въ объяснительныхъ рапортахъ не должно быть также изложено содержаніе жалобы, такъ какъ она подлинникомъ посылается въ высшій судъ. Этотъ порядокъ могъ бы быть установленъ и для общихъ судовъ, какъ самый удобный.

По апелляціоннымъ дѣламъ, общіе суды отправляютъ въ сроки отъ 3 до 8 дней все дѣло въ высшіе суды; тутъ—то неудобство, что допустивши сроки мѣсячный, поверстный и четырехъ-мѣсячный,

установленный для удержанія исполненія рѣшенія, законъ заставляетъ 2-ю степень суда, при пропущеніи этихъ сроковъ, заслушивать дѣло и предписывать нижнимъ инстанціямъ привести въ исполненіе свое рѣшеніе; итакъ какъ опредѣленія имѣютъ свои формальности и заслушиваніе дѣла во 2-й степени иногда происходитъ спустя нѣсколько мѣсяцевъ и даже болѣе послѣ дѣйствительнаго срока, то исполненіе рѣшеній нижними судами отъ этого замедляется. Между тѣмъ, если бы апелляціонныя жалобы подавались, какъ въ коммерческихъ судахъ, чрезъ тотъ судъ, на который она принесена, то 2-я степени суда освободились бы отъ излишней переписки; а нижнія могли бы своевременно привести въ исполненіе свои опредѣленія. Съ установленіемъ одного срока и съ предоставленіемъ истцамъ права привода въ исполненіе рѣшеній, — отсылка дѣла, еще до апелляціи, окажется совершенно ненужною.

6) *О способѣ исполненій рѣшеній.*

Рѣшенія приводятся у насъ въ исполненіе полицейскими мѣстами; этотъ порядокъ обременяетъ присутственныя мѣста излишними дѣлами и возбуждаетъ особаго рода дѣлопроизводства, о медленности и неправильномъ исполненіи полиціями рѣшеній. Самая совершенная форма по этому предмету есть та, когда судъ приводитъ непосредственно въ исполненіе свои опредѣленія; въ подобномъ случаѣ: 1) судъ, зная настоящій смыслъ своего опредѣленія, буквально его исполнитъ, и сами собою прекратятся всѣ дѣлопроизводства по этому предмету; 2) судъ можетъ немедленно, по объявленіи тяжущимся опредѣленія, приступить къ его исполненію.

Для этой цѣли могъ бы при каждомъ судѣ состоять приставъ, такъ какъ въ ком. судахъ, и опредѣленное число присяжныхъ служителей; обязанности ихъ и права должны бы быть въ точности опредѣлены, согласно ихъ назначенію.

7) *Заключеніе.*

Послѣ всего сказаннаго мною о порядкѣ дѣлопроизводства въ общихъ и коммерческихъ судахъ, о способахъ объявленій и исполненій рѣшеній, мы приходимъ къ тому убѣжденію, что во избѣжаніе всѣхъ злоупотребленій, по всѣмъ означеннымъ предметамъ, могли бы быть установлены слѣдующія основныя правила для хода процесса:

1) Судопроизводство словесное и гласное.

2) Тяжущіеся должны быть на лицо въ судѣ или прислать повѣренныхъ; въ противномъ же случаѣ истцу отказывается, а отвѣтчикъ обвиняется въ искѣ.

3) Истецъ, принося исковую жалобу, (словесно или письменно, по своему усмотрѣнію), въ тоже время, если его доказательства основаны на показаніи свидѣтелей, долженъ указать ихъ мѣстожительство, чтобы судъ могъ наличныхъ свидѣтелей вызвать къ дню явки отвѣтчика.

4) Отвѣтчикъ обязанъ явиться въ судъ со всѣми доказательствами; но въ представленіи ихъ ему дается отсрочка, когда судъ усмотритъ, что они должны быть истребованы изъ присутственнаго мѣста или отъ даннаго отсутствующаго лица. Но эта отсрочка не можетъ простираться далѣе 2 мѣсяцевъ; если же присутственное мѣсто или данное лицо находятся на разстояніи болѣе 1,000 верстъ отъ суда, то отвѣтчику предоставляется еще поверстный срокъ. По окончаніи этихъ сроковъ дѣло рѣшается даже и въ такомъ случаѣ, если доказательства отвѣтчикомъ не получены и не представлены имъ въ судъ.

5) Если отвѣтчикъ опровергаетъ истца наличными свидѣтельскими показаніями, то онъ обязанъ, за два дня до истеченія 7-дневнаго срока, предъявить объ этомъ въ судъ, для того, чтобы свидѣтели могли быть вызваны къ сроку.

6) Свидѣтели, находящіеся въ другомъ уѣздѣ или другой губерніи, допрашиваются мѣстнымъ судомъ въ 7-дневный срокъ отъ полученія этимъ послѣднимъ затребованія того суда, который производитъ данное дѣло.

7) Если истецъ при явкѣ отвѣтчика и при производствѣ дѣла сошлется на отсутствующихъ свидѣтелей и второй икъ не отведетъ, то судъ, не приступая, по окончаніи судныхъ рѣчей, къ рѣшенію дѣла, посылаетъ въ тотъ же день затребованія къ мѣстному суду, гдѣ проживаютъ свидѣтели, о снятіи съ нихъ присяжныхъ показаній — по предметамъ, требуемымъ въ дѣлѣ; тяжущимся же, согласно тому времени, къ которому, по разчисленію, можно ожидать отвѣта, судъ даетъ новый срокъ на явку для выслушанія присяжныхъ свидѣтельскихъ показаній и самого судебнаго рѣшенія.

8) Точно такъ же судъ долженъ поступить и въ томъ случаѣ, когда отвѣтчикъ сошлется на отсутствующихъ свидѣтелей.

9) Если въ день, назначенный для явки къ суду отвѣтчика, обѣ стороны явятся со всѣми доказательствами, то судъ обязанъ въ тоже засѣданіе приступить къ слушанію и рѣшенію дѣла; но если бы множество дѣлъ стеклось къ одному дню, то соблюдать очередь по старшинству вступленія дѣлъ; поэтому въ исковыхъ жалобахъ должны быть обозначены даже часы дня, когда они поданы и приняты судомъ.

10) Тяжба, не выслушанная въ одно засѣданіе, должна слушаться въ слѣдующіе за тѣмъ присутственные дни и рѣшиться въ то засѣданіе, когда дѣлопроизводство окончится.

11) Если истецъ въ назначенный для явки отвѣтчика день не можетъ представить въ судъ всѣхъ доказательствъ, или когда его свидѣтели въ отсутствіи, и на этихъ основаніяхъ онъ потребуетъ отсрочки, то онъ лишается права требовать отъ отвѣтчика обезпеченія до рѣшенія дѣла, во уваженіе къ тому, что дѣло протянулось не отъ вины послѣдняго.

12) Когда же отсрочка слушанія и рѣшенія дѣла произошли отъ вины отвѣтчика, хотя по уважительнымъ причинамъ, тогда должны быть приняты слѣдующія мѣры обезпеченія: 1) относительно недвижимости должно поступать, какъ указано мною въ главѣ X; 2) спорныя движимыя и движущіяся вещи должны быть взяты подъ секвестръ; 3) въ прочихъ исковыхъ дѣлахъ долженъ требоваться или залогъ или поручительство; но относительно перваго должно соблюдать, что если отвѣтчикъ представитъ предлагаемую мною *запретительную книжку* объ его недвижимости и судъ усмотритъ изъ нея, что за отвѣтчикомъ состоитъ достаточное къ обезпеченію иска имущество, то онъ ограничивается только отмѣткою въ этой книжкѣ о запрещеніи, налагаемомъ на имущество собственника по иску, и затѣмъ болѣе никакого залога не требуетъ. Если же отвѣтчикъ желаетъ обезпечить искъ поручительствомъ, то въ этомъ случаѣ поступать, какъ по этому предмету поступаютъ коммерческіе суды. Судамъ предоставляется право не требовать обезпеченія иска, когда имъ отвѣтчикъ извѣстенъ; но въ этомъ случаѣ они отвѣчаютъ за него на общемъ законѣ о поручительствѣ.

13) По выслушаніи судомъ дѣла, онъ немедленно его рѣшаетъ и объявляетъ о резолюціи своей тяжущимся; въ то же засѣданіе судъ передаетъ свою резолюцію на исполненіе приставу, и тогда оно должно воспослѣдовать, несмотря на апелляцію.

14) Дѣло рѣшается безъ докладной записки и вся справка должна заключаться въ выпискѣ по данному дѣлу приличныхъ ему законовъ.

15) Тяжущіеся и адвокаты, кромѣ словесной защиты, имѣютъ право, по окончаніи судныхъ рѣчей, подавать мемуары и записки судьямъ, для соображенія дѣла, при его рѣшеніи.

16) Всѣ документы, также записки и мемуары, тяжущіеся должны представлять съ двойными копіями: подлинные документы возвращаются тяжущимся, а одинъ экземпляръ копіи остается въ судѣ, другой же вручается противной сторонѣ.

17) Рѣшенія, выдаваемыя тяжущимся, должны заключаться въ краткомъ изложеніи дѣла и всей резолюціи суда, во вниманіе къ тому, что для опроверженія рѣшенія недовольная сторона имѣетъ въ своихъ рукахъ всѣ документы противника и его основанія, изложенныя въ запискѣ; высшія же инстанціи при апелляціи могутъ имѣть въ подлинникѣ все дѣло.

18) Относительно исполненія рѣшеній постановить, что въ этомъ случаѣ въ руководство должны быть приняты законы коммерческихъ судовъ по этому предмету.

Подвергая анализу предлагаемыя мною основанія дѣлопроизводства судовъ, мы находимъ, что они могутъ удовлетворить требованіямъ науки и справедливости:

1) Когда истецъ и отвѣтчикъ явятся въ судъ, въ назначенный имъ срокъ, то судъ немедленно приступитъ къ слушанію и рѣшенію процесса, что̀ дастъ возможность быстро вести дѣла.

2) Для того, чтобы со стороны истца и отвѣтчика не было подъ разными предлогами промедленія въ дѣлопроизводствѣ, *первый* въ случаѣ проволочекъ дѣла лишается права требовать обезпеченія иска, *второй* же подвергается неудобствамъ этого обезпеченія. При предлагаемомъ мною способѣ судопроизводства, обезпеченіе иска не становится безусловнымъ зломъ ни для одной стороны: обѣ онѣ имѣютъ одинаковыя права, совершенно соразмѣрныя ихъ взаимнымъ отношеніямъ.

3) Съ упрощеніемъ формы составленія рѣшительнаго опредѣленія безъ докладной записки суды получатъ возможность рѣшить дѣло въ тоже засѣданіе, когда процессъ весь выслушается, что не мало будетъ споспѣшествовать къ быстрому отправленію правосудія.

4) Съ предоставленіемъ права судамъ—приводить непосредственно въ исполненіе свои опредѣленія, — уничтожатся всѣ проволочки и недоразумѣнія полиціи по этому предмету.

5) Сроки на жалобы и образъ исполненія рѣшеній коммерческихъ судовъ вполнѣ удовлетворительны по теоріи и въ практическомъ примѣненіи.

ГЛАВА XII.

О ГРАЖДАНСКИХЪ ПАЛАТАХЪ.

Въ главѣ IV настоящей статьи я показалъ, что власть гражданскихъ палатъ и коммерческихъ судовъ — оканчивать, безъапелля-

ціонно; дѣла на 600 р., 1500 и 3000 р. — дѣлаетъ правосудіе какъ бы привиллегіею богатыхъ людей. Каждый гражданинъ имѣетъ безусловное право на правосудіе и можетъ желать, чтобы его апелляція приносилась высшей инстанціи, которая бы по своему внутреннему устройству стояла выше первой степени суда. Чѣмъ отличается у насъ палата отъ уѣзднаго суда?... Однимъ только названіемъ и степенью власти; внутренній же ея составъ можетъ даже далеко отстоять отъ 1-ой степени: въ уѣздномъ судѣ могутъ засѣдать по выбору сановники и люди ученые, а въ палатѣ могутъ быть выбраны люди съ меньшимъ вѣсомъ и даже познаніями, такъ какъ законъ не поставилъ преградъ ни тѣмъ, ни другимъ.

Послѣ этого, апелляція, принесенная такому суду, никакъ не можетъ пользоваться довѣріемъ тяжущихся, и авторитетъ палаты не имѣетъ большаго значенія въ обществѣ: каждый глядитъ на этотъ судъ, какъ на переходный, чрезъ который дѣло должно непремѣнно пройдти, чтобы попасть въ сенатъ, куда обращены всегда глаза тяжущихся съ упованіемъ найдти тамъ правосудіе. Общественное положеніе сенаторовъ исключаетъ всякую мысль о пристрастіи. Палата же, ничѣмъ не отличаясь во внутреннемъ составѣ отъ 1-ой степени, отнимаетъ только время у тяжущихся, да и какая польза отъ этой инстанціи?... Защитники ея въ доказательство необходимости ея существованія приводятъ слѣдующіе доводы:

1) Что чрезъ степень власти палатъ правительствующій сенатъ освобождается отъ множества мелкихъ дѣлъ.

2) Что многія дѣла, подлежащія апелляціи въ сенатъ, ... упущеніи тяжущимися апелляціонныхъ сроковъ, оканчиваются палатскими рѣшеніями.

3) Что палаты, какъ мѣстные центральные суды, наблюдаютъ за правильностью дѣйствій 1-хъ степеней.

Первое основаніе не совсѣмъ справедливо по своему принципу: ради сокращенія переписки сената нельзя дѣлать правосудія привиллегіею богатыхъ людей.

Второе основаніе хотя справедливо, но эта польза далеко отстоитъ отъ того зла, которое приноситъ палата тяжущимся и сенату: первые теряютъ нѣсколько лѣтъ времени чрезъ этотъ проходъ; а правительствующій сенатъ въ дѣлахъ апелляціонныхъ, ревизіонныхъ и частныхъ, обязанъ вносить въ свои записки все дѣлопроизводство 2-хъ инстанцій, отчего дѣла утроиваются въ своемъ объемѣ. Объясню это наглядно: если бы у насъ существовали только двѣ инстанціи, т. е., уѣздный судъ и сенатъ; въ записку послѣдняго вошли бы только слѣдующіе документы: дѣло-

производство уѣзднаго суда и апелляціонная жалоба. Нынѣ же въ сенатъ вступаютъ: дѣлопроизводство уѣзднаго суда, апелляція въ палату, дѣлопроизводство этой послѣдней, иногда по одному и тому же дѣлу по двѣ и болѣе апелляціонныхъ жалобъ на палату, да къ тому присовокупите, что въ сенатъ вступаетъ иногда нѣсколько частныхъ жалобъ, то на медленность, то на неправильность дѣйствій палатъ, — изъ этого вы можете заключить, что ея польза чисто мечтательная: мѣшая быстрому отправленію правосудія, она обременяетъ сенатъ, заставляя его ревизовать дѣлопроизводство.

Третье основаніе, — что палаты наблюдаютъ за правильностью дѣйствій 1-хъ степеней, — болѣе говоритъ противъ палатъ, нежели за нихъ: 1) это наблюденіе парализируетъ дѣйствія 1-хъ степеней; 2) порождаетъ такъ называемыя частныя или справочныя дѣлопроизводства, неимѣющія, по своей сущности, твердаго основанія: каждое судебное мѣсто имѣетъ полное право отмѣнить свои частныя опредѣленія *рѣшительными*, т. е., окончательными; слѣдовательно жалобы на частныя дѣйствія судовъ по тяжебному дѣлу несвоевременны, потому что тяжущимся неизвѣстенъ исходъ дѣла: можетъ быть судъ самъ собою отмѣнитъ въ рѣшительномъ опредѣленіи свои частныя постановленія? 3) Частныя дѣлопроизводства влекутъ за собою то зло, что иногда тяжущіеся должны домогаться какого нибудь дѣйствія со стороны 1-ой степени не иначе, какъ жалобами, восходящими даже до общаго собранія сената. Такъ напримѣръ, уѣздный судъ принимаетъ у меня какой нибудь искъ; соперникъ мой жалуется палатѣ, что судъ неправильно его вызвалъ къ суду. Палата уничтожаетъ мой искъ. Я жалуюсь въ департаментъ сената и получаю отказъ; я переношу посредствомъ коммиссіи у принятія прошеній дѣло въ общее собраніе, которое *возстановляетъ мои права на искъ*. Всѣ эти переходы дѣлъ мнѣ кажутся излишни: вѣдь за неправильное начинаніе иска я облагаюсь штрафомъ?... А между тѣмъ сколько золотаго времени теряется чрезъ это! Нѣтъ, намъ нуженъ судъ не наблюдательный, судъ апелляціонный, судъ, котораго авторитетъ основывался бы на внутреннемъ его значеніи и на лицахъ, въ немъ засѣдающихъ. Назначьте пятьсотъ инстанцій; но если они, по составу своему, будутъ однородны, то они не получатъ значенія: только тѣ апелляціонные суды могутъ имѣть авторитетъ, съ понятіемъ которыхъ соединяется идея чего-то высшаго. Такимъ образомъ мы убѣждаемся, что палаты могли бы быть уничтожены. Но тогда родится вопросъ: куда обратить дѣла ей подвѣдомственныя, какъ-то:

1) Дѣла по опекамъ (*).

(*) Т. X, ст. 264 и 272.

2) Совершеніе крѣпостныхъ и явочныхъ актовъ на всякую сумму ([1]).

3) Взысканіе по закладнымъ ([2]).

4) Выдачи свидѣтельствъ о свободности имѣнія для представленія въ залогъ ([3]).

5) Распоряженіе о вводѣ во владѣніе имѣніемъ ([4]).

Но всѣ эти предметы, если бы палаты даже остались, могли бы быть отъ нея отняты:

1) По дѣламъ опеки палаты не приносятъ существенной пользы: состоя изъ чиновниковъ, незнающихъ мѣстныхъ отношеній опекуновъ къ имѣніямъ, они не могутъ и ревизовать ихъ отчетовъ. Да и эта ревизія мнѣ кажется излишнею: центральное мѣсто въ дѣлахъ опеки должно имѣть характеръ только апелляціонный, а не ревизіонный: оно должно быть посредникомъ между жалующимся и опекою; потому что опекаемый, придя въ совершеннолѣтіе, имѣетъ право искать и съ опекуновъ формальнымъ судомъ всѣ свои убытки, понесенные имъ отъ ихъ неправильныхъ дѣйствій. Поэтому по дѣламъ опеки должны бы быть усовершенствованы дворянскія опеки и сиротскіе суды, и вся отвѣтственность должна бы быть возложена на нихъ; если же закону угодно устроить надъ ними наблюдательное мѣсто, то скорѣе можно бы ихъ подчинить мѣстнымъ судамъ. Но это будетъ апелляція изъ первой степени въ первую же степень; поэтому, мнѣ кажется, лучше всего подчинить ее самостоятельному центральному мѣсту, которое бы находилось подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства. Палаты же потому ужь не могутъ въ настоящее время имѣть полнаго значенія въ дѣлахъ опеки, что члены палаты, въ рѣдкихъ случаяхъ, рѣшаются противодѣйствовать предводителю дворянства, предсѣдателю дворянской опеки, который бываетъ и знатнѣе и значительнѣе, по своему общественному положенію, нежели члены палаты.

2) Крѣпостные акты на недвижимость могутъ быть совершаемы въ уѣздныхъ судахъ только на сумму не свыше 300 р.; акты, превышающіе эту сумму, должны совершаться въ гражданскихъ палатахъ или коммерческихъ судахъ. Явочные же акты могутъ быть свидѣтельствуемы въ уѣздныхъ судахъ на всякую сумму, безъ ограниченія. Но съ того времени, какъ недвижимость стала опредѣляться цѣнностью денегъ, она потеряла свое отличіе отъ послѣднихъ: какъ то, такъ и другое стало именоваться имуществомъ, и первая въ на-

([1]) Тамъ-же, ст. 595—600, 638, 639, 650, 835, 836, 915.

([2]) Тамъ-же, ст. 234 и 235.

([3]) Тамъ-же, ст. 3794 и 3800.

([4]) Тамъ-же, ст. 752.

стоящее время безъ переложенія на деньги теряетъ свое внутреннее достоинство. Такъ напримѣръ, земли, неудобныя и неприносящія никакого дохода, не имѣютъ никакого значенія, потому что не могутъ быть переложены на ходячую монету, по существующему курсу. Вотъ почему въ настоящее время недвижимость и движимость отличаются единственно своею внѣшностью, а не внутреннею цѣнностью; почему же первымъ судебнымъ степенямъ ввѣряется совершеніе актовъ денежныхъ и на движимость — безъ ограниченія суммы, а на недвижимость — только на 300 р. сер.? Между тѣмъ, по своей сущности, эта мѣра крайне стѣснительна. 1) Желающій совершить актъ свыше, нежели на 300 руб., обязанъ ѣхать въ губернскій городъ, который иногда отстоитъ на нѣсколько сотъ верстъ отъ его мѣстожительства; а съ этимъ сопряжены потеря времени и расходы, которые должны поглотить значительную часть стоимости недвижимости. 2) Онъ обязанъ ѣхать въ губернскій городъ не въ праздничные дни, а въ будни, т. е. оторваться отъ своихъ работъ и отъ трудовой копѣйки."

Эти причины влекутъ за собою слѣдующія неудобства: а) Казна теряетъ слѣдующіе ей проценты (4%), потому что уѣздные жители, для того, чтобы не ѣхать въ губернскій городъ, совершая въ уѣздномъ судѣ актъ, не показываютъ настоящей стоимости имущества. б) Покупщики вынуждены на одно и тоже имущество совершать по два и по три акта въ уѣздномъ судѣ, или ограничиваться заключеніемъ съ продавцами предварительныхъ запродажныхъ записей; и по этимъ-то документамъ у насъ возникаютъ множество процессовъ; поэтому съ уничтоженіемъ причины сами собою прекратятся послѣдствія, отъ нея проистекающія.

3). Гражданскія палаты взыскиваютъ по просроченнымъ закладнымъ. Существенное отличіе заклада отъ простаго займа заключается въ томъ, что въ займѣ простомъ извѣстная сумма ввѣряется кредиту даннаго лица; въ закладѣ же занятыя деньги ввѣряются имуществу должника, которое ихъ обезпечиваетъ: поэтому въ закладѣ взысканіе прямо обращается на заложенное имущество. Но эта разность на практикѣ совершенно исчезаетъ: и по заемному письму къ личности должника тогда лишь обращаются, когда у него нѣтъ имущества. Вслѣдствіе этого, взысканія — какъ по закладнымъ, такъ и по другимъ заемнымъ обязательствамъ, — совершенно однородны, только съ тѣмъ ограниченіемъ, что недвижимое имѣніе, описанное и назначенное въ продажу по заемнымъ обязательствамъ, берется въ опеку; а имѣніе заложенное — отдается кредитору во временное его владѣніе, для пользованія съ него доходами, вмѣсто процентовъ; движимости же берутся во всѣхъ данныхъ случаяхъ подъ секвестръ. Эта незначительная разность, мнѣ кажется, не можетъ слу-

видимъ достаточными поводами къ тому, чтобы взысканіе по закладнымъ было ввѣрено палатамъ, тѣмъ болѣе, что на ея обязанности не лежитъ опись или оцѣнка имѣній, ни даже вводъ во владѣніе недвижимостью. Опись и оцѣнку производятъ полиціи; вводъ же во владѣніе недвижимостью предоставленъ въ уѣздахъ — уѣзднымъ судамъ, а въ городахъ — магистратамъ. Слѣдовательно, если для закладныхъ должно существовать исключеніе изъ общаго порядка взысканій, то эти дѣла можно бы предоставить первымъ степенямъ, по двумъ причинамъ: 1) Въ настоящее время имѣющій закладную, представляя ее ко взысканію, изъ уѣзда обязанъ ѣхать въ губернскій городъ, чтобы ходатайствовать тамъ объ ускореніи дѣла: а съ этимъ сопряжены потеря времени и денегъ. 2) Бываютъ случаи, что палаты не принимаютъ споровъ, предъявленныхъ закладчиками, и продаютъ заложенное имущество; между тѣмъ впослѣдствіи времени закладчикъ начинаетъ судомъ по формѣ дѣло съ своимъ кредиторомъ, и оказывается по суду, что второй ужь удовлетворенъ; послѣдній же, въ промежуткѣ времени, пока производилась тяжба, могъ промотать полученныя имъ деньги или разориться.

4) Выдача свидѣтельствъ о свободности имѣній, для представленія въ залогъ, принадлежитъ палатамъ; но дѣло въ томъ, что, не имѣя свѣдѣній объ имѣніяхъ, состоящихъ въ губерніи, палата очень часто вводится въ ошибочныя дѣйствія по этому предмету и никакъ не можетъ ревизовать описи и оцѣнки предполагаемыхъ къ залогу имѣній. Поэтому, мнѣ кажется, выдачу залоговыхъ свидѣтельствъ можно бы передать уѣзднымъ судамъ и магистратамъ или думамъ; послѣднія по откупамъ и теперь выдаютъ залоговыя свидѣтельства.

5) Когда недвижимое имущество, состоитъ въ разныхъ уѣздахъ одной и той же губерніи, то актъ принадлежности его данному лицу долженъ быть предъявленъ въ гражданскую палату той губерніи, которая и дѣлаетъ распоряженіе о вводѣ собственно во владѣніе. Законъ этотъ имѣетъ то основаніе, что еслибы одинъ и тотъ же документъ пришлось предъявлять въ разныя судебныя мѣста, то собственники теряли бы время; при представленіи же акта въ палату, эта послѣдняя единовременно дѣлаетъ распоряженіе о вводѣ во владѣніе даннаго лица по всѣмъ требуемымъ уѣздамъ. Съ уничтоженіемъ палатъ, если недвижимость находится въ разныхъ уѣздахъ, а актъ одинъ, можно вводъ во владѣніе устроить слѣдующимъ образомъ: собственникъ обязанъ предъявить подлинникъ съ копіею въ одно какое нибудь данное присутственное мѣсто, которое обязано, заявивъ подлинникъ, возвратить его владѣльцу для представленія въ

другой судъ; а само оно должно сдѣлать по копіи распоряженіе о вводѣ собственника во владѣніе его недвижимостью.

6) О дѣлахъ же, принадлежащихъ палатамъ, какъ 1-й степени суда, я говорилъ уже выше (*).

ГЛАВА XIII.

О ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМЪ СЕНАТѢ И ГУБЕРНСКИХЪ ПРАВЛЕНІЯХЪ.

Франція гордится тѣмъ, что революція конца прошлаго вѣка даровала ей кассаціонные суды; мы тоже имѣемъ право гордиться, что почти за цѣлый вѣкъ впередъ геній Петра Великаго даровалъ намъ кассаціонный судъ въ лицѣ правительствующаго сената. Это верховное судебное мѣсто, по внутреннему составу своему, устраняетъ всякое пристрастіе въ рѣшеніи дѣла. Для большаго же обезпеченія тяжущихся, законъ придаетъ обязательную силу только единогласному рѣшенію процесса въ департаментахъ сената; въ противномъ случаѣ дѣло идетъ въ общее собраніе нѣсколькихъ соединенныхъ департаментовъ, гдѣ оно рѣшается окончательно только при составленіи двухъ третей голосовъ за или *противъ* иска; если же это большинство не составляется, то дѣло идетъ въ государственный совѣтъ. При единогласномъ же рѣшеніи дѣла въ департаментахъ сената, апелляція не принимается; но тяжущимся предоставляется право, чрезъ коммиссію у принятія на Высочайшее имя прошеній, просить переноса дѣла въ общее собраніе соединенныхъ департаментовъ, которое окончательно рѣшаетъ дѣло. Пересмотръ рѣшенія послѣднихъ въ государственномъ совѣтѣ допускается только въ трехъ случахъ: 1) когда дѣло состоитъ въ отысканіи правъ дворянскаго состоянія; 2) въ огражденіи правъ малолѣтныхъ или умалишенныхъ; 3) въ огражденіи правъ свободнаго состоянія отъ крѣпостнаго владѣнія.

При такомъ огромномъ своемъ значеніи, къ прискорбію, правительствующій сенатъ имѣетъ два недостатка: 1) что мѣстопребываніе его ограничивается столицами; 2) что дѣлопроизводство его — письменное и секретное.

1) Петръ Великій, назначивъ мѣстопребываніе сената въ Петербургѣ, имѣлъ цѣлью: а) непосредственно наблюдать за его дѣйствіями; б) сосредоточить всѣ дѣла въ Петербургѣ, чтобы сдѣлать

(*) См. выше главу IV.

его центромъ интересовъ всего государства. Это было естественно въ то время, по слабому развитію промышленности и торговли; да и самыя тяжбы и иски, по неразвитости и необразованности народонаселенія и общественной жизни, были не такъ многочисленны. в) Назначивъ въ него лучшихъ своихъ сотрудниковъ и предоставивъ имъ огромную власть и права, Петръ надѣялся, что на случай его смерти они поддержатъ и продолжатъ начатыя имъ преобразованія. Эту мысль яснѣе всего онъ выразилъ въ своемъ повелѣніи, данномъ сенату изъ-подъ Прута, когда онъ рѣшился не подписать постыднаго мира. «Если я погибну, писалъ онъ, — то выберите изъ среды своей государя, достойнѣе меня».

Въ настоящее же время первый департаментъ сената есть верховное исполнительное и распорядительное мѣсто, наблюдающее за дѣйствіями административныхъ мѣстъ и за точнымъ исполненіемъ существующихъ законовъ; остальные же департаменты сената суть не что иное, какъ гражданскіе и уголовные апелляціонные суды. Поэтому присутствіе ихъ въ Петербургѣ и Москвѣ не оказывается необходимымъ: оно не имѣетъ государственнаго значенія, а между тѣмъ тяжущіеся обязаны ѣхать въ столицы для ходатайства по дѣламъ своимъ, иногда за нѣсколько тысячъ верстъ. Съ уничтоженіемъ гражданскихъ и уголовныхъ палатъ, также губернскихъ правленій, правительство могло бы увеличить число департаментовъ сената и распредѣлить ихъ въ центральныхъ мѣстахъ, такъ: для Малороссіи — въ Харьковѣ, для Новороссійскаго Края — въ Одессѣ и т. д. Въ каждомъ департаментѣ сената могло бы быть два отдѣленія: одно гражданское, другое уголовное; оба въ совокупности составляли бы общее собраніе. При каждомъ департаментѣ сената могъ бы быть генералъ-прокуроръ, въ подчиненіи министру юстиціи; при отдѣленіяхъ могли бы состоять оберъ-прокуроры, замѣняющіе французскихъ substituts; губернскіе прокуроры и уголовныхъ дѣлъ стряпчіе могли бы быть замѣнены назначеніями въ каждый уѣздъ по прокурору, съ правами губернскихъ прокуроровъ.

2) Въ гражданскихъ дѣлахъ докладъ дѣла въ правительствующемъ сенатѣ могъ бы быть публичный, при чемъ адвокаты тяжущихся имѣли бы право защищать тяжбу (*). Единогласное рѣшеніе дѣла въ департаментахъ сената могло бы быть окончательнымъ и переносу въ общее собраніе неподлежащимъ; послѣднее же должно бы только слушать дѣла, по которымъ въ департаментахъ не со-

---

(*) Это не будетъ противорѣчить и теперешнему порядку: тяжущимся или ихъ повѣреннымъ разрѣшено присутствовать при докладѣ дѣла въ сенатѣ.

стоится единогласіе. Излишество инстанцій, вмѣсто обезпеченія правосудія, нарушаетъ его; и самые судьи, имѣя въ производствѣ въ теченіе многихъ годовъ однѣ и тѣ же тяжбы; чрезъ это скопляютъ огромное количество дѣлъ, отъ чего такъ медленно у насъ и идутъ процесы. Къ этому присоедините еще забираніе судами по процессамъ разныхъ справокъ, составленіе докладныхъ записокъ и потомъ сочиненіе рѣшительнаго опредѣленія, въ составъ котораго должна войти вся докладная записка, — и изъ всего этого вы придете къ заключенію, что сенаторамъ физически невозможно одновременно-быстро разрѣшать дѣла и основательно ихъ обсуживать. Поэтому — одно изъ двухъ: или у нихъ процессы залеживаются и правильно рѣшаются, или же быстро выходятъ изъ сената, съ не совсѣмъ основательными рѣшеніями. Всю пользу переноса департаментовъ сената въ центральныя мѣста и преобразованіе ихъ дѣлопроизводства предвидѣть можно: еще выше и величественнѣе установится въ государствѣ идея о сенатѣ, какъ о верховной гражданской судебной власти.

Составъ правительствующаго сената могъ бы образоваться слѣдующимъ образомъ:

1) Члены сената должны выбираться каждые 4 года.

2) Участвовать въ выборахъ имѣютъ право всѣ сословія чрезъ своихъ депутатовъ; поэтому каждый городъ и уѣздъ долженъ отправлять въ центральное мѣсто двухъ депутатовъ, по сословіямъ: дворяне, купцы, мѣщане, сельскіе обыватели, чиновники, ученыя и учебныя сословія, общества и компаніи, — депутаты всѣхъ этихъ сословій открываютъ выборы подъ предсѣдательствомъ первоприсутствующаго общаго собранія сената.

3) Члены сената выбираютъ сами изъ среды своей первоприсутствующихъ въ отдѣленія и въ общее собраніе.

4) Право быть выбраннымъ въ сенаторы могло бы принадлежать генераламъ, губернаторамъ, губернаторамъ, градоначальникамъ; губернскимъ и уѣзднымъ предводителямъ дворянства, директорамъ департаментовъ министерствъ и равнымъ имъ лицамъ, предсѣдателямъ коммерческихъ судовъ, уголовныхъ и гражданскихъ палатъ, пробывшимъ въ своихъ должностяхъ два трехлѣтія по выбору или по назначенію правительства; докторамъ правъ, прослужившимъ въ коронной службѣ; предсѣдателямъ предлагаемаго мною общества присяжныхъ стряпчихъ, пробывшихъ два трехлѣтія въ своей должности.

Предлагаемая мною система выборовъ имѣла бы ту выгоду, что чрезъ депутатовъ сдѣлалось бы возможнымъ участіе въ выборахъ нѣсколькихъ губерній, чѣмъ выразится относительно членовъ сената общественное мнѣніе: suffrage universel можетъ существо-

вать у насъ всего скорѣе въ такомъ видѣ, по необразованности массы народонаселенія. Правительство же при выборахъ членовъ сената сниметъ съ себя трудную обязанность слѣдить за нравственными качествами судей и подвергать ихъ дѣйствія контролю. Избранные же сенаторы съ своей стороны, чтобы быть выбранными на будущее время, будутъ стараться поддерживать свое достоинство.

Указывая на средства увеличенія числа департаментовъ сената, я сказалъ, что съ уничтоженіемъ палатъ гражданской и уголовной, равно какъ и губернскаго правленія, правительство могло бы осуществить мои предложенія: о пользѣ уничтоженія гражданской палаты я говорилъ выше; объ уголовной будетъ говорено мною въ своемъ мѣстѣ; теперь же разсмотримъ мѣсто, занимаемое у насъ губернскимъ правленіемъ.

«Присутствіе губернскаго или областнаго правленія, за исключеніемъ губерній и областей, имѣющихъ особыя учрежденія, состоитъ подъ предсѣдательствомъ главнаго начальника губерній, а въ небытность его — подъ предсѣдательствомъ гражданскаго губернатора или правителя области, — изъ штатнаго числа совѣтниковъ, изъ числа которыхъ старшій называется вице-губернаторомъ» (*).

Въ правленіи производятся слѣдующія дѣла:

1) *По общему управленію губерніи.*

а) «Обнародованіе въ губерніи законовъ, указовъ Высочайшихъ и сенатскихъ, и снабженіе по этому предмету городскихъ и земскихъ полицій печатными экземплярами».

Губернскія Вѣдомости, существующія въ настоящее время, могутъ быть въ программѣ своей распространены: и теперь всѣ узаконенія входятъ въ ихъ составъ.... Посредствомъ этой газеты гражданскій губернаторъ могъ бы дѣлать свои циркулярныя распоряженія и публикаціи; редакція этихъ вѣдомостей можетъ въ этомъ случаѣ замѣнить губернатору труды по этому предмету губернскихъ правленій.

б) Опредѣленія и увольненія канцелярскихъ чиновниковъ и служителей въ губернскихъ и уѣздныхъ мѣстахъ.

Опредѣленіе чиновниковъ въ судебныя мѣста, съ учрежденіемъ званія генералъ-прокурора, могло бы быть передано его вѣдѣнію; опредѣленіе же и увольненіе чиновниковъ земской и го-

---

(*) Т. II, Учр. Мѣстъ Губер., ст. 648—649, 663—665.

родской полиціи и другихъ мѣстъ можно бы быть на личной отвѣтственности начальниковъ губерніи.

в) «Надзоръ за повсемѣстнымъ исполненіемъ законовъ; прекращеніе противныхъ онымъ дѣйствій; наблюденіе за безостановочнымъ и правильнымъ движеніемъ дѣлъ во всѣхъ мѣстахъ и управленіяхъ, въ порядкѣ ихъ подчиненности; свѣдѣнія о числѣ дѣлъ рѣшенныхъ и нерѣшенныхъ, о времени вступленія и о причинахъ, по которымъ послѣднія остаются неоконченными.»

По этимъ предметамъ губернскія правленія не приносятъ существенной пользы: они увеличиваютъ еще переписку, и всѣ указы правленія по этому предмету часто не имѣютъ вѣса ни въ земскихъ, ни въ городскихъ полиціяхъ, ни въ судахъ.

г) «Разсмотрѣніе сомнѣній, возникающихъ въ низшихъ присутственныхъ мѣстахъ — въ порядкѣ производства, въ подсудности и въ понятіи закона; а по управленіямъ полицейскимъ — и въ самомъ образѣ дѣйствія и исполненія.»

Споры о подсудности могли бы разсматриваться высшими судебными инстанціями, какъ это дѣлается въ подобномъ случаѣ въ коммерческихъ судахъ; разъясненіе же закона могло бы принадлежать прокурорамъ, потому что по ст. 656, т. II, прокуроры обязаны при выходѣ новаго закона, въ заключеніи своемъ объяснить его.

д) Разсмотрѣніе дѣлъ по жалобамъ и протестамъ прокуроровъ и стряпчихъ могло бы быть отнято отъ правленія, какъ мною показано ниже.

е) «Дѣла о сыскѣ разныхъ людей; представленія въ правительствующій сенатъ о публикаціяхъ въ вѣдомостяхъ по надобности подчиненныхъ мѣстъ или самого правленія; всѣ извѣщенія къ общенародному свѣдѣнію, и тому подобное.»

Публикаціи разнаго рода и теперь производятся чрезъ губернскія вѣдомости и могли бы лежать на отвѣтственности редактора. Централизація же всѣхъ публикацій, которыя по закону должны входить въ сенатскія вѣдомости, могла бы быть уничтожена: каждое присутственное мѣсто, въ случаѣ надобности, могло бы непосредственно обращаться въ сенатскую типографію.

ж) Сношенія съ дворянскимъ депутатскимъ собраніемъ, по свидѣтельствамъ о дворянствѣ и по составленію родословныхъ книгъ, обременяютъ правленіе дѣлами, не принося существенной пользы: правильность причисленія даннаго лица къ дворянскому сословію могла бы ревизоваться департаментомъ герольдіи.

з) Правленія приводятъ къ присягѣ иностранцевъ, принимающихъ русское подданство. Для иностранцевъ этотъ законъ очень стѣснителенъ: онъ вынуждаетъ ихъ отправляться въ губернскій

городъ. Дѣла эти можно бы передать думамъ и ремесленнымъ управамъ; иностранцы по большей части непосредственно за принятіемъ подданства поступаютъ или въ купечество, или въ мѣщанское или ремесленное сословіе; тѣ же иностранцы, которые съ принятіемъ подданства, вступятъ въ дѣйствительную государственную службу, могли бы выполнить присягу въ присутствіи будущаго своего начальства.

і) Дѣла по жалобамъ на думы и ратуши, по ввѣренному имъ управленію, принадлежатъ правленіямъ. Въ градоначальствахъ и военныхъ губернаторствахъ эти предметы принадлежатъ градоначальникамъ и военнымъ губернаторамъ; это постановленіе правильнѣе перваго: когда отвѣтственность лежитъ на одномъ лицѣ, оно внимательнѣе вникаетъ въ дѣло и городское хозяйство, зная, что каждое противозаконное дѣйствіе обрушится на собственную его голову. При коллегіальномъ устройствѣ мѣстъ, наблюдающихъ за думами и ратушами, по управляемому ими хозяйству, проистекаетъ то, что если какое нибудь правленіе и усматриваетъ злоупотребленія, возникшія вслѣдствіе предшествовавшихъ дѣйствій того же правленія, то оно невправѣ ихъ отмѣнить или поправить, потому что по закону одно и тоже присутственное мѣсто невправѣ отмѣнять свои распоряженія. Вотъ почему въ дѣйствіяхъ правленій вы найдете оченьчасто такія распоряженія, которыя не могутъ оправдываться никакимъ закономъ и основаніе которыхъ лежитъ единственно въ принятіи правленіемъ въ былыя времена такого направленія. Другое будетъ, если дѣла хозяйственныя пойдутъ административнымъ порядкомъ: губернаторъ, усмотрѣвъ, что предшественникъ его дѣйствовалъ противозаконно, можетъ опираться на авторитетъ закона и будетъ чистъ предъ нимъ и предъ совѣстью; это не будетъ отмѣненіе распоряженія своего предмѣстника, а только осуществленіе закона, который не можетъ быть нарушенъ ни коллегіальными властями, ни администраторами.

2) *Дѣла по охраненію безопасности и общественнаго спокойствія.*

Эти предметы принадлежатъ судебной полиціи болѣе, нежели правленію, и могли бы подлежать вѣдѣнію прокуроровъ, которымъ полиціи и обязаны былибы по этимъ предметамъ подчиняться. Относимая же по законамъ къ этимъ предметамъ: 1) выдача паспортовъ—могла бы быть возложена на губернаторовъ, какъ это нынѣ дѣлается въ градоначальствахъ. Сюда же относится 2) попеченіе о прекращеніи нищенства и бродяжничества; принятіе мѣръ къ поимкѣ

и разсылкѣ по принадлежности бѣглыхъ. По первымъ предметамъ правленія рѣдко что нибудь дѣлаютъ, и если имъ подъ руки попадется нищій, то они взыщутъ съ него за всѣ грѣхи его собратій; но, мнѣ кажется, что каждый городъ или уѣздъ могъ бы имѣть свой человѣколюбивый комитетъ, который бы изыскивалъ мѣры къ прекращенію нищенства не полицейскими, а христіанскими способами, давай неимущимъ работу, а въ случаѣ неспособности ихъ къ труду — пріютъ и кусокъ хлѣба. Дѣйствія этихъ комитетовъ могли бы повѣряться центральнымъ губернскимъ комитетомъ, подъ предсѣдательствомъ губернатора. Поимки же и разсылки бродягъ лежатъ на обязанности полиціи, и дѣйствія ея должны контролироваться настолько же губернаторомъ, насколько высшею судебною полиціею. 3) Возвращеніе спасенныхъ кораблей и поклажъ хозяевамъ можетъ быть возложено на личную отвѣтственность полиціи, и споръ противъ ихъ дѣйствій можетъ быть предъявленъ въ судебныхъ мѣстахъ. Относительно же удовлетворенія спасавшихъ наградою, такъ какъ эти дѣла немногочисленны, то они могутъ быть переданы непосредственно губернатору.

3) *Дѣла по охраненію народнаго здравія.*

Эти предметы требуютъ быстрыхъ и рѣшительныхъ мѣръ и соображеній; поэтому они не вполнѣ соотвѣтствуютъ коллегіальному устройству правленій. Главный и первый распорядитель въ этихъ дѣлахъ губернаторъ; отъ правленій по этимъ предметамъ иногда не добьешься отвѣта и въ нѣсколько мѣсяцевъ, иногда даже возвращаютъ прошеніе по надписи за то, что оно подписано не по пунктамъ и т. п.

4) *Дѣла по полиціи хозяйственной.*

Сюда относятся въ губернскихъ правленіяхъ:

1) Собраніе свѣдѣній о народонаселеніи, торговлѣ, промышленности, фабрикахъ, заводахъ и т. д., другими словами — собраніе статистическихъ свѣдѣній. По этимъ предметамъ, для достиженія полнаго успѣха, можно бы при губернаторахъ имѣть особаго спеціальнаго ученаго чиновника; а то статистическія данныя собираются слѣдующимъ образомъ: губернскія правленія предписываютъ земскимъ судамъ собрать такія-то и такія-то свѣдѣнія; судъ въ свою очередь предписываетъ объ этомъ становымъ; если послѣдніе добросовѣстны, то они дѣлаютъ запросъ по этому пред-

шету всѣмъ помѣщикамъ ихъ стана (*). По полученіи требуемыхъ свѣдѣній, становые даже не удостоиваютъ ихъ прочтеніемъ и отправляютъ въ земскіе суды; отсюда они отправляются въ губернское правленіе, которое, не сортируя и не разбирая матерьяловъ, поручаетъ какому нибудь столоначальнику составить вѣдомость. Изъ этого можете заключить, какъ должны быть правильны и вѣрны наши статистическія данныя; въ особенности если становой или его помощникъ полѣнится написать къ помѣщикамъ циркуляръ о доставленіи ему свѣдѣній и поставитъ цифры, какія набредутъ ему въ голову.

2) Правленіе принимаетъ мѣры по повѣркѣ ревизіи, т. е. другими словами—отправляетъ по этому предмету чиновниковъ, состоящихъ въ его штатѣ, которые объѣзжаютъ помѣщиковъ и сельскія общества, гдѣ, иногда поживившись *малой толикой*, по выраженію канцелярскихъ чиновниковъ, возвращаются домой, очень довольные ревизіею. Я полагаю, что повѣрки ревизій могли бы быть возложены на мѣстную полицію: ей по крайней мѣрѣ по закону ближе всего должны быть извѣстны всѣ обыватели, состоящіе на лицо.

3), а) Надзоръ за почтовыми станціями можетъ быть отнятъ отъ вѣдѣнія не только правленія, но даже губернатора: ихъ можно передать въ непосредственное вѣдѣніе почтоваго начальства, которое обязано было бы отвѣтствовать за ихъ исправность. Оттого-то почтовыя станціи часто и въ неисправности, что имѣютъ много дядекъ, которые другъ на друга сваливаютъ всегда вину. б) Наблюденіе же за дорогами, мостами и перевозами есть дѣло полиціи, которая по этимъ предметамъ можетъ подчиняться Дорожной Коммиссіи; эта же послѣдняя можетъ непосредственно подчиняться министру внутреннихъ дѣлъ. в) Надзоръ за исправностью мѣръ и вѣсовъ въ городахъ лежитъ на обязанности думъ и ратушъ, и въ случаѣ злоупотребленій по этому предмету нарушители должны чрезъ прокуроровъ быть предаваемы ими суду; въ уѣздахъ эти дѣла должны быть возложены на полицію, которая въ случаѣ обмѣра или обвѣса должна поступать точно такъ, какъ первыя. г) Дѣла по учрежденію ярмарокъ, какъ немногочисленныя, нисколько не обременятъ губернатора, если будутъ ему переданы. д) Распоряженія о вызовахъ къ торгамъ и подрядамъ всѣ присутственныя мѣста

(*) Кстати, только что привесли мнѣ изъ стана отношеніе, въ которомъ становой, согласно предписанію губернатора, спрашиваетъ меня: «состоятъ ли въ такомъ-то селеніи сумасшедшіе, страждущіе *меланхтоніею* и *бѣшенствомъ мыта*»... Разберите, чего онъ хочетъ!... Вѣроятно, здѣсь рѣчь идетъ объ акушерскомъ терминѣ.

могли бы дѣлать непосредственно чрезъ редакцію губернскихъ вѣдомостей.

5) *Дѣла строительныя.*

Правленію принадлежитъ пріемъ и разсмотрѣніе просьбъ отъ лицъ или обществъ, предпринимающихъ строеніе иновѣрныхъ церквей, сношенія объ этомъ съ епархіальными начальствами и представленіе такихъ дѣлъ на окончательное разрѣшеніе министру внутреннихъ дѣлъ.

Эти дѣла такъ немногочисленны, что могутъ быть переданы губернаторамъ.

6) *Дѣла по части казеннаго управленія.*

1) Центральное мѣсто, наблюдающее за правильнымъ исполненіемъ обществами разныхъ государственныхъ сборовъ, податей, и отправленіемъ повинностей, есть казенная палата; внутренняя же раскладка всѣхъ податей лежитъ на обязанности и отвѣтственности обществъ и помѣщиковъ. Потому наблюденіе за этими предметами со стороны губернскихъ правленій можетъ быть отмѣнено: казенныя палаты, по спеціальному составу своему, и по степени власти, сами вправѣ чрезъ мѣстныя полиціи побуждать общество къ правильному отбытію податей и повинностей. Итакъ, какъ я сказалъ выше, казенная палата самостоятельно и непосредственно можетъ дѣйствовать чрезъ мѣстныя полиціи по ея предметамъ; если же она найдетъ со стороны обществъ или полицій какія нибудь нарушенія и отступленія отъ правилъ финансоваго устава, то, какъ эти нарушенія составляютъ ужь предметъ юстиціи, она можетъ передать ихъ чрезъ прокуроровъ ся вѣдомству.

2) Въ вѣдѣніи правленія состоятъ представленія правительствующему сенату о заключеніи контрактовъ на счетъ казны или городскихъ доходовъ, какъ въ самомъ правленіи, такъ и въ подчиненныхъ мѣстахъ, если контракты превышаютъ ту сумму, на какую мѣстное начальство заключать ихъ уполномочено.

Всѣ дѣла казеннаго управленія, гдѣ казна заключаетъ контракты съ подрядчиками, поставщиками и оброкосодержателями могутъ быть въ непосредственномъ вѣдѣніи губернатора, какъ главнаго хозяина ввѣренной ему губерніи, съ полною отвѣтственностію за всѣ упущенія и злоупотребленія по этому предмету.

3) Составленіе краткихъ правилъ для сельскихъ управленій, указывающихъ всѣ обязанности поселянъ, въ отношеніи къ сборамъ,

податямъ и повинностямъ, печатанье и разсылка этихъ правилъ, какъ мѣры финансовыя, могутъ принадлежать казеннымъ палатамъ, тѣмъ болѣе, что законъ обязываетъ правленія сноситься съ ними по этимъ предметамъ; слѣдовательно и въ настоящее время эти дѣла не чужды палатамъ.

4) Доставленіе же свѣдѣній въ министерство государственныхъ имуществъ о смерти чиновниковъ, пользовавшихся арендами и не оставившихъ ни вдовъ, ни дѣтей, ни потомства въ прямой нисходящей линіи, какъ предметъ немногосложный и встрѣчающійся въ рѣдкихъ случаяхъ, можетъ быть передано губернатору.

7) *Дѣла по судебному управленію.*

Дѣла по судебному управленію составляютъ главную массу дѣлопроизводства правленій; всѣ сенатскія рѣшенія по дѣламъ уголовнымъ и гражданскимъ, хотя бы мѣстопребываніе просителей и было извѣстно, идутъ или на исполненіе правленій, или для ихъ объявленія подсудимымъ и тяжущимся.

Въ правленія вступаютъ также всѣ требованія судовъ и административныхъ мѣстъ другихъ губерній, когда требуется объявленіе рѣшенія лицу, вызовъ его къ суду и т. д. Такимъ образомъ правленіе становится для всѣхъ присутственныхъ мѣстъ и лицъ другихъ губерній передаточнымъ мѣстомъ: но они всѣ могутъ — или непосредственно обратиться къ даннымъ лицамъ по почтѣ, или чрезъ мѣстныя полиціи.

Кромѣ наплыва этихъ внѣшнихъ дѣлъ, правленіе въ вѣдѣніи своемъ имѣетъ еще слѣдующія дѣла, принадлежащія судебному управленію той губерніи, которою оно управляетъ:

1) Въ правленіе вступаютъ двоякаго рода безспорныя дѣла: одни какъ въ первую инстанцію;—другія какъ во вторую. а) «Крѣпостныя и дѣловыя заемныя письма, безъ заклада, и счеты, подписанные должникомъ, если заимодавецъ въ отсутствіи и обязанъ службою, должны быть представлены ко взысканію въ губернское правленіе; сюда же относятся всѣ взысканія, простирающіяся на имѣнія, находящіяся въ разныхъ городахъ» (*). Этотъ проходъ безспорныхъ обязательствъ чрезъ губернскія правленія, кромѣ неудобствъ, изложенныхъ мною въ предъидущей статьѣ, заключаетъ въ себѣ еще слѣдующій недостатокъ: жалобы на неправильныя дѣйствія губернскихъ правленій идутъ въ правительствую-

(*) Т. X, ст. 2037 и 2039.

цій спорать, между тѣмъ какъ онѣ должны бы идти въ судебныя мѣста. Правленію, не принимая основательнаго спора, ставитъ отвѣтчика въ самое затруднительное положеніе: если бы дѣло производилось въ полиціи и она бы не приняла его спора, онъ бы предъявилъ его въ судебное мѣсто, которое могло бы остановить дѣйствія полиціи; но въ правѣ ли судъ отмѣнить распоряженія правленія? 6) Тоже самое можно сказать о ревизіи правленіями дѣйствій полиціи по дѣламъ безспорнымъ: правленіе можетъ утвердить ихъ, а судъ можетъ отвергнуть. Вообще по этимъ дѣламъ часто встрѣчаются недоумѣнія, отъ совмѣстнаго существованія слѣдующихъ двухъ законовъ: «1) если споръ не послѣдуетъ, то въ случаѣ медленности и проволочекъ въ производствѣ дѣлъ безспорныхъ полиціями, или ихъ неправильныхъ *распоряженій*, недовольные должны жаловаться въ *губернскія правленія;* 2) въ дѣлахъ, начавшихся въ самой полиціи и не предоставленныхъ окончательному ея удовлетворенію, недовольному рѣшеніемъ предоставляется, по объявленіи своего неудовольствія, подавать прошеніе *въ судъ* первой степени, по принадлежности».

Эти-то два закона ставятъ очень часто въ столкновеніе и разнорѣчіе судебную власть съ губернскими правленіями. Но кромѣ этого недостатка производства безспорныхъ дѣлъ, мы на практикѣ находимъ, что жалобы по этимъ дѣламъ наводняютъ канцеляріи губернаторовъ, генералъ-губернаторовъ и министерство внутреннихъ дѣлъ; словомъ, безспорные иски у насъ—самыя спорныя дѣла, единственно потому, что имѣютъ безсчетное число наблюдателей. Чтобы прекратить это зло, мнѣ кажется, возможно было бы изъять эти дѣла изъ вѣдомства 1-го департамента сената и министерства внутреннихъ дѣлъ и передать всѣ жалобы на дѣйствія полицій—судебнымъ мѣстамъ. Противозаконныя дѣйствія и медленность распоряженій полиціи суть нарушенія должности, и полицейскіе чиновники должны за нихъ подлежать общей отвѣтственности предъ закономъ и судомъ. Поэтому судъ, по разсмотрѣніи такихъ дѣлъ, усмотрѣвъ дѣйствительное упущеніе или произведеніе дѣла ничѣмъ неоправданное, могъ бы оштрафовать чиновниковъ полиціи. Во всѣхъ же недоразумѣніяхъ по дѣламъ полицейскія мѣста и лица могли бы испрашивать разрѣшенія отъ прокурора, который въ сомнительныхъ случаяхъ обязанъ былъ бы входить съ представленіемъ къ генералъ-прокурору, испрашивая его разрѣшенія.

2) Правленіямъ принадлежитъ разсмотрѣніе и рѣшеніе дѣлъ о неправильномъ укрѣпленіи людей, о передержателяхъ бѣглыхъ и дезертировъ. Но эти дѣла производятся нынѣ и въ судахъ: первыя потому, что дѣла объ отъисканіи крѣпостныхъ изъ чужаго владѣнія

отнесены къ дѣламъ вотчиннымъ; а вторыя отнесены всѣ, безъ исключенія, къ уголовнымъ.

3) Утвержденіе описей, назначеніе сроковъ къ продажамъ имѣній по долгамъ и взысканіямъ и надзоръ за производствами продажи.

Ревизія описей можетъ быть передана прокурорамъ, и недовольные его распоряженіями могутъ жаловаться генералъ-прокурору. Самая же продажа недвижимости можетъ производиться въ опекахъ, въ присутствіи прокурора, и если бы здѣсь она не состоялась, то можетъ быть перенесена въ правительствующій сенатъ.

4) Дѣла конкурсныя могутъ сосредоточиться, вмѣсто губернскаго правленія, въ общихъ судебныхъ мѣстахъ, какъ это показано мною въ 1-й статьѣ.

5) Наблюденіе за дѣйствіями опекъ возложено нынѣ и на правленія и на палаты: выше я уже говорилъ объ этомъ предметѣ.

6) Правленію принадлежитъ: «составленіе свѣдѣній о всѣхъ содержащихся въ губерніи арестантахъ и о преступленіи каждаго изъ нихъ; надзоръ за тюремною полиціей, какъ въ городахъ, такъ и въ селеніяхъ, и распоряженія о продовольствіи содержащихся подъ стражею; распоряженія о ссылкѣ преступниковъ по приговорамъ судебныхъ мѣстъ; свидѣтельство ихъ; заготовленіе надлежащихъ для этого документовъ; снабженіе одеждою и кормовыми деньгами и отсылка ихъ въ ближайшую по дорогѣ губернію.»

Въ уѣздахъ хозяйственная часть тюремъ можетъ быть ввѣрена попечительнымъ комитетамъ, которые обязаны подчиняться и контролироваться губернскимъ комитетомъ; коронные же смотрители или инспекторы тюремъ могутъ подчиняться прокурору и генералъ-прокурору; на послѣднемъ могла бы лежать также обязанность распоряженія о высылкѣ преступниковъ къ мѣсту ихъ назначенія.

Такимъ образомъ, съ отнятіемъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ предметовъ юстиціи, сами собою прекратятся тѣ недоразумѣнія, которыя нынѣ встрѣчаются. Загляните въ любое дѣло, гдѣ сталкивается судебная власть съ полиціями, и вы найдете въ немъ тысячи противорѣчій и изворотовъ: каждое присутственное мѣсто хлопочетъ не о законѣ, не о правотѣ, а только о томъ, чтобы отписать бумагу, *спихнуть* дѣло; это замѣчалъ оффиціально полиціямъ и правленіямъ господинъ министръ внутреннихъ дѣлъ въ распубликованныхъ циркулярахъ. И какъ упростятся сами собою дѣла, при предлагаемомъ мною отнятіи отъ министерства внутреннихъ дѣлъ предметовъ, подлежащихъ юстиціи: всѣ дѣлопроизводства пойдутъ правильно и стройно, безъ всякихъ извилинъ и препонъ, встрѣчающихся нынѣ; присутственныя мѣста перестанутъ ссылаться

другъ на друга или пересылаться дѣлами; не будутъ мѣшать и замедлять дѣлопроизводство и парализировать этимъ свои и чужія дѣйствія; установится болѣе твердый порядокъ... Съ уничтоженіемъ губернскихъ правленій и отвѣтственность губернаторовъ будетъ значительнѣе: по закону правленіе обязано принять къ разсмотрѣнію всѣ дѣла, которыя будутъ ему предложены губернаторомъ (*); поэтому губернаторъ можетъ предложить разрѣшенію правленія всякое дѣло, и въ подобномъ случаѣ, если жалоба и приносится, то она идетъ не къ министру, а въ сенатъ. Это и дѣлается тѣми губернаторами, которые пренебрегаютъ службой, или когда, по свидѣтельству Гоголя, они заняты государственными дѣлами — въ родѣ *вышиванья по канвѣ*: всѣ дѣла тогда передаются правленіямъ, и ихъ превосходительства подъ этой защитой изволятъ мирно наслаждаться всѣми возможными общественными и частными дѣлами.

(*) Т. II, губ. учр. ст. 664.

М. ФИЛИППОВЪ.

ПАРИЗИНА.

ПОЭМА БАЙРОНА.

(ПОСВЯЩАЕТСЯ Н. А. НЕКРАСОВУ).

I.

То часъ, когда изъ-за вѣтвей
Трель соловья дрожитъ звончѣй;
То часъ, — когда такъ звучно-тихъ
Влюбленный шопотъ устъ младыхъ;
И тихій вѣтръ, и плескъ волны
Для слуха чуткаго полны
Какой-то музыки живой,
И каждый цвѣтъ блеститъ росой,
И въ небѣ звѣздъ сверкаетъ рой,
И синева воды темнѣй,
И гуще мракъ въ сѣни вѣтвей,
И дымкой сводъ небесъ одѣтъ.
То — полумракъ, то — полусвѣтъ....
То часъ, какъ подъ закатъ дневной,
Прозрачной мглою заревой
Все будто флёромъ обвито:
То часъ, пока еще луной
Мерцанье сумерекъ не вовсе залито!

II.

Но не затѣмъ, чтобъ слушать водопадъ
Прокралась Паризина изъ палатъ;
Не съ тѣмъ, чтобы глядѣть на сводъ ночной
Синьйора бродитъ въ тишинѣ нѣмой,
И, въ княжеской бесѣдкѣ Эстовъ, — врядъ
Она цвѣтовъ въ себя вдыхаетъ ароматъ.
И жадно слушаетъ не соловья она,
Хоть трепетнаго вся вниманія полна,
Какъ будто сказкѣ слухомъ отдана....
Вотъ шумъ шаговъ за чащею вѣтвей:
Блѣднѣютъ щеки... сердца стукъ слышнѣй...
Вотъ въ шелестѣ листовъ рѣчь ясно раздалась...
Кровь снова прилила и грудь приподнялась!
Еще минута... близокъ срокъ...
Прошла — и *онъ* у милыхъ ногъ.

III.

И что̀ для нихъ весь міръ кругомъ
Съ его движеньемъ, ночью, днемъ?
Вся жизнь и неба и земли
Для нихъ ничто въ блаженный мигъ;
И чужды, будто въ гробъ сошли,
Они всему: вблизи, вдали
Кругомъ... какъ будто кромѣ ихъ
Нѣтъ на землѣ другихъ живыхъ.
И дышатъ, и живутъ они
Одинъ другимъ — за всѣхъ одни!
Ихъ вздохи самые такимъ
Полны блаженствомъ, что разбить
Оно безуміемъ своимъ
Въ груди могло бы сердце имъ,
Когда бъ не краткій длилось мигъ.
Опасность, страхъ, позоръ, вина....
Ничто не возмущаетъ ихъ
Тревожно-сладостнаго сна.

И кто жь изъ насъ, кто страсти зналъ, —
Иль медлилъ, или трепеталъ
Въ подобный мигъ, иль думать могъ
О томъ, что краткокъ счастья срокъ?
Увы! и такъ оно пройдетъ
Скорѣй, чѣмъ мысль родится въ насъ
Что быстротеченъ счастья часъ,
Что свѣтлый сонъ ужь не придетъ.

IV.

И медленъ и тоскливъ ихъ взглядъ:
Они спѣшатъ и не спѣшатъ
Преступныхъ радостей пріютъ
Покинуть. Тщетны клятвы ихъ
И обѣщанья встрѣчъ другихъ:
Грызетъ ихъ мука, словно тутъ,
Теперь — разлуки вѣчной мигъ!
Объятья, вздохи безъ конца....
Хотятъ, какъ будто навсегда
Сковавшись, замереть уста....
Ея прекраснаго лица
Прозрачный очеркъ весь облитъ
Сіяньемъ неба заревымъ:
И небо — Паризина мнитъ —
Грѣха ихъ не отпуститъ имъ.
А съ неба строго такъ глядитъ
Судьею каждая звѣзда!
Объятья, вздохи безъ конца
Ихъ приковали бъ навсегда
Къ свиданья мѣсту.... но давно
Ждетъ Паризину сѣнь дворца....
Урочный часъ — и суждено
Разстаться имъ: въ груди съ тоской,
Съ боязнью мрачно-ледяной,
Со всѣмъ, что слѣдовать должно
За грѣшнымъ дѣломъ, за виной.

V.

Уходитъ Уго, чтобъ искать
На ложѣ одинокомъ сна,
И по чужой женѣ сгарать
Грѣховнымъ жаромъ; а она,
Главу преступную должна
Къ груди супруга приклонить....
Но сонъ ея — горячки сонъ,
Грѣховныхъ чувствъ исполненъ онъ:
Ихъ обличаетъ жаръ ланитъ.
Она въ забвеньи страстныхъ грезъ
Лепечетъ громко имя то,
Котораго бы ни за что
И шопотомъ не произнесъ
Ея языкъ при свѣтѣ дня.
Супруга жметъ къ груди она,
Полна мятежнаго огня....
А онъ, объятьемъ пробужденъ,
Блаженъ мечтою, — грезы сна,
И страстный вздохъ, и нѣги стонъ
Душой готовъ благословить
И слезы умиленья лить
О томъ, что и во снѣ жена
Ему такъ страстно предана.

VI.

Онъ къ сердцу спящую прижалъ
И ловитъ смутный шопотъ словъ,
И слышитъ.... Чтожь затрепеталъ
Князь Адзо, будто услыхалъ
Архангела послѣдній зовъ?
И правъ онъ.... Приговоръ страшнѣй
Ему едва ли прозвучитъ
И надъ могилой, какъ изъ ней
Гласъ судіи ему велитъ
Возстать, чтобъ вѣкъ уже не спать

И передъ вѣчный тронъ предстать.
Да, правъ онъ.... Миръ его земной
Единымъ звукомъ весь разбитъ:
Невнятный лепетъ рѣчи той —
Ея вина и Адзо стыдъ!
И чье же имя?...
Раздалось
Оно въ ушахъ, какъ страшный стонъ
Волны, которою разбитъ
Челнокъ, и путникъ, на утесъ
Заброшенный, вновь погруженъ
Навѣки въ хлябь морскихъ валовъ
И не воротится... Таковъ
Ударъ, который нанесенъ
Тѣмъ именемъ душѣ его....
И чье же имя?
Про кого
Не могъ бы грезить даже онъ!
То имя — Уго.... сына *той*....
Любимой прежде.... Сынъ родной,
Плодъ страсти, плодъ мятежныхъ лѣтъ,
Минувшаго живой упрекъ,
Грѣхъ юныхъ дней, когда увлекъ
Онъ сердце Бьянки и обѣтъ
Безжалостно нарушить могъ,
Обѣтъ, когда-то данный ей, —
Довѣрчивой въ любви своей.

VII.

Кинжалъ извлекъ онъ изъ ножонъ,
Но трепетно въ ножны опять
Сталь хладная опущена....
Ее убить не въ силахъ онъ!
Пусть недостойна жить она,
Но — такъ прекрасна!... И притомъ,
Она съ улыбкой, тихимъ сномъ
Забылась. Онъ не разбудилъ
Ее.... а только устремилъ
На спящую онъ взглядъ такой,

Что еслибъ, пробудясь отъ сна,
Взглядъ этотъ встрѣтила она,
Ее оледенилъ бы онъ
На вѣчный, безпробудный сонъ.
У князя по челу течетъ,
Густыми каплями блестя
При свѣтѣ лампы, хладный потъ....
Она-жь — замолкла. Но хотя
Теперь безпечно спитъ она,
А жизнь ея изочтена!

VIII.

Заутра же — допросъ. Вины
Клятвопреступницы-жены
Улики хочетъ онъ собрать,
И отъ придворныхъ слышитъ самъ
Все, что страшился онъ узнать:
Свой несомнѣнно-явный срамъ....
Себя однѣхъ хотятъ спасать
Ея сообщницы. Боязнь
Велитъ имъ все—вину, и казнь,
И стыдъ—лишь на нее слагать.
Утаекъ нѣтъ. До мелочей
Раскрыто все, чтобъ былъ вѣрнѣй
Разсказъ; и больше ничего
Душѣ измученной его
И слуху не осталось ждать,
И чувствовать, и узнавать....

IX.

Онъ не изъ тѣхъ, перенести
Чтобъ могъ отсрочку мщенья.... Вотъ
Въ совѣта залѣ, посреди
Вельможъ, возсѣвъ на тронъ, зоветъ
Чету преступную на судъ
Владыка рода Эстовъ. Ихъ
Обоихъ скованныхъ влекутъ.

Такъ оба юны; такъ изъ сихъ
Виновныхъ дивно хороша
Одна.... и какъ, Спаситель мой, —
Какой судьбой,
Въ цѣпяхъ и тяжело дыша,
Передъ отцомъ здѣсь сынъ родной
Стоитъ, какъ предъ судьей?
Предъ властелиномъ Уго здѣсь;
И гнѣвъ его извѣдать весь,
И слышать приговоръ
Изъ устъ отцовскихъ долженъ онъ....
Но пусть защиты онъ лишенъ
И пусть въ цѣпяхъ.... До этихъ поръ
Его языкъ былъ нѣмъ, а взоръ
Лишь гордый выражалъ укоръ.

X.

Тиха, безмолвна и блѣдна
Передъ судомъ стоитъ она....
Какъ взглядъ очей ея живыхъ,
То говорливыхъ, то нѣмыхъ
И нѣги полныхъ, вдругъ поблекъ!...
Еще вчера, горя огнемъ,
Своихъ лучей блестящій токъ
Онъ разливалъ на все кругомъ.
Еще вчера свое копье
Готовъ былъ каждый за нее
Изъ знатныхъ рыцарей сломать,
Когда бъ лишь взоромъ повела......
Еще вчера перенимать
Ея улыбки, тонъ рѣчей
Готова каждая была
Красавица, чтобъ подражать
Владычицѣ своей.
Когда бъ въ очахъ ея печаль
Туманной влагой разлилась,
Навѣрно не одна бы сталь
Для отомщенья извлеклась

Тому, кто взоръ ея въ тѣ дни
Могъ омрачить хотя на мигъ.
А нынѣ, кто она для нихъ,
Кто нынѣ для нея они?
Теперь — властна ль она велѣть?
Возможно ль имъ на зовъ летѣть?
И равнодушны, и молчатъ
Они, и клонятъ долу взоръ,
Сложивши руки, иль таятъ
Вражду, презрѣнье и укоръ
Въ движеньи губъ, въ усмѣшкѣ злой....
О, Паризина! вотъ твой дворъ!
А онъ, а тотъ.... избранникъ твой,
Чей мечъ недавно ждалъ однихъ
Полу-велѣній глазъ твоихъ....
Онъ, кто, — свободенъ будь на мигъ, —
Твою свободу бъ искупилъ
Иль въ битвѣ голову сложилъ?...
Жены отца любовникъ, онъ, —
Такъ, какъ и ты, обремененъ
Цѣпями тяжкими, — не зритъ,
Какъ влага слезъ твой взоръ мутитъ, —
Слезъ, проливаемыхъ тобой
За жребій друга, не за свой....
И вѣки нѣжные твои,
По коимъ тонкіе ручьи —
Извивы жилокъ разлились
Всей темной синевою струй,
Маня уста на поцалуй,
Какъ будто налиты свинцомъ,
Не осѣняютъ — давятъ взглядъ:
Подъ ними слезы лишь кипятъ
И накипая — бьютъ ключемъ.

XI.

И онъ.... онъ плакалъ бы о ней,
Безъ этихъ сотенъ глазъ людскихъ,
Слѣдящихъ зорко ихъ двоихъ....

Но тутъ, передъ толпой людей,
Его печаль,—какъ ни была
Тяжка,—какъ будто замерла!
И сердца Уго тайныхъ мукъ
Не выдалъ ни единый звукъ....
Лишь на нее одну взглянуть
Боится онъ, чтобъ не вздрогнуть.
Воспоминанья прожитыхъ
Мгновеній.... преступленье ихъ....
Любовь ихъ.... правый гнѣвъ отца,
Проклятье всѣхъ людей честныхъ....
Казнь здѣсь — и въ небѣ судъ Творца....
Ея погибель и позоръ!...

На смертно-блѣдное чело
Подруги хоть единый взоръ
Какъ могъ бы нынѣ кинуть онъ?
За все имъ сдѣланное зло
Въ немъ грозно поднялся бъ укоръ
И вылился въ ужасный стонъ.

XII.

И началъ князь:
«Еще вчера
Былъ гордъ я сыномъ и женой;
Сегодня, съ утренней зарей
Мой сонъ разсѣянъ. До утра,
До завтра не пройдетъ,— ни той
И ни другаго у меня
Не будетъ. Жизнь свою до дня
Кончины, буду я влачить
Одинъ.... Да будетъ, такъ и быть!
Здѣсь никого, — увѣренъ въ томъ, —
Нѣтъ, кто бъ иначе поступить
На мѣстѣ могъ моемъ.
Союзъ разорванъ.... и не мной....
Опять скажу я: такъ и быть!
Внемлите жь судъ правдивый мой:
Тебя священникъ, Уго, ждетъ;—
Затѣмъ — за грѣхъ разсчетъ.

Ступай, молися небесамъ!
Быть можетъ, и прощаютъ тамъ;
Но мѣста нѣтъ обоимъ намъ
Здѣсь на земли,
Гдѣ бъ вмѣстѣ двое мы могли
Хотя единый часъ дышать....
Прощай же.... Не увижу я,
Какъ будешь умирать....
Но ты, коварная змѣя,
Ты будешь зрѣть — клянуся въ томъ —
Его главу подъ топоромъ!
Иди, развратная жена!
Не я, но ты, лишь ты вина
Убійства. Мучься жь, а потомъ
Живи, коль можешь пережить....
Тебя я не хочу казнить!»

XIII.

И тутъ суровый князь закрылъ
Лицо, затѣмъ, что вдоль чела
Пошли слѣды столь рѣзкихъ жилъ,
Какъ будто къ мозгу прилила
Вся кровь. И онъ, угрюмъ и нѣмъ,
Склонился на руки главой,
Чтобы не выдать предъ толпой
Своихъ мученій. Между тѣмъ,
Окованныя приподнялъ
Преступникъ руки — и просилъ
Онъ слова краткаго. Молчалъ
Князь Аццо, но не воспретилъ,—
И Уго такъ заговорилъ:

«Смерть не страшитъ меня. Видалъ
Не разъ ты, какъ летя на бой,
Врывался вмѣстѣ я съ тобой,
Въ ряды безчисленныхъ враговъ....
И попрекнуть мечъ добрый мой,
Который у меня отъятъ

Усердіемъ твоихъ рабовъ,
Нельзя въ бездѣйствіи. Наврядъ
Сѣкирѣ палача пролить
Такъ много крови, какъ моей
Рукой, на службѣ бывъ твоей,
Крови враговъ твоихъ пролить
Я успѣвалъ въ единый бой.

«Тобой дана—и пусть тобой
Возьмется нынѣ жизнь моя, —
Даръ, за который много я
Не въ силахъ благодарнымъ быть....
Я никогда не могъ забыть
Позора матери, стыда,
И смерти.... Помнилъ я всегда
И срамъ рожденья.... И однимъ
Наслѣдьемъ было то моимъ....
Давно она въ могилѣ спитъ....
Я, сынъ ея, соперникъ твой,
Твой сынъ, — туда же на покой
Сойду за ней; но обличитъ
Ея безрадостный конецъ,
Глава, на плахѣ нынѣ мной
Сложенная, — какъ нѣженъ былъ
Любовникъ, какъ любилъ отецъ!

«Пускай тебя я оскорбилъ,
Но — зло за зло.... Увы! она,
Твоя законная жена, —
Та жертва новая страстей
Твоихъ и гордости твоей, —
Ты помнишь, — мнѣ обручена
Была давно... Ты это зналъ!
Ея красы ты возжелалъ....
Своимъ же собственнымъ грѣхомъ,
Рожденья моего пятномъ
Меня унизилъ ты предъ ней,
Какъ недостойнаго назвать
Ее невѣстою своей....
Затѣмъ, что имя я не могъ

Носить твое и возсѣдать
На тронѣ Эстовъ!... Но когда бъ
Еще прожить судилъ мнѣ Богъ,
Блескъ славы Эстовъ былъ бы слабъ
Предъ блескомъ тѣмъ, который самъ
Стяжалъ бы я....
Я мечъ имѣлъ: душа моя
Была способна къ небесамъ
Вершину древа моего
Поднять и Эстовъ родъ затмить
Величьемъ царственнымъ его....
Чтобъ шпоры рыцаря носить
Достойно — знатнымъ мало быть....
Мои же шпоры въ смертный бой
Предъ всей вельможною толпой
Стремили моего коня,
И мчалъ ретивый конь меня
И громко несся по полямъ
Мой кличъ: «Домъ Эстовъ — смерть врагамъ!»

«Я преступленье не ищу
Оправдывать, и не хочу
Пощаду вымолить себѣ,
И не прошу, чтобы судьбѣ
Самой оставилъ ты скосить
Остатокъ,—бѣдный, можетъ быть, —
Мнѣ предназначенныхъ годовъ.
Да и зачѣмъ? Безумныхъ словъ
Не повторить, не возвратить!
Но пусть и низокъ родомъ я,
Пускай позоръ на мнѣ лежитъ,
Пусть родовая спесь твоя
Меня признать сочла бъ за стыдъ.....
Въ моихъ чертахъ легко узнать
Отца черты — твою печать.
И все твое въ душѣ моей:
Твоя неукротимость въ ней,
Твои.... но чтожь трепещешь ты
Во мнѣ узнать свои черты?...
Твои они — моя рука,

Которая, какъ сталь, крѣпка,
Моя душа — вся изъ огня....
Ты мнѣ не жизнь лишь подарилъ, —
Себя ты перелилъ въ меня!
Смотри жь на плодъ грѣховный свой
И казнись тѣмъ, что породилъ
Ты сына, сходнаго съ тобой!...
Не выкидышъ по духу я:
Душѣ подобная твоей,
Не терпитъ узъ душа моя.
А жизнь, а даръ мгновенный сей,
Который нынѣ ты судилъ
Отнять, — ты знаешь, — я цѣнилъ
Не больше, чѣмъ цѣнилъ ты самъ,
Когда бывало, свой шеломъ
Надвинешь ты, и, конь съ конемъ,
По мертвымъ вражескимъ тѣламъ
Мы мчимся съ дерзостнымъ челомъ.

«И пусть что̀ было — то прошло,
И пусть грядущее могло
Лишь прошлому подобно быть....
А все мнѣ жаль, что жизни нить
Судьба не порвала тогда!
Хоть матери моей стыда
Виновникъ — ты; хотя всѣхъ золъ
Причина — ты; хоть подъ вѣнецъ
Мою невѣсту ты повелъ, —
Я чувствую: ты мой отецъ!
И приговоръ суровый твой, —
Онъ правъ, хоть изреченъ тобой.
Зачатъ въ грѣхѣ, позорно я
Умру на плахѣ: жизнь моя
Окончится, какъ началась....
Грѣшилъ отецъ — и сынъ грѣшилъ!
Во мнѣ одномъ обоихъ насъ
Ты нынѣ право осудилъ.
Мой грѣхъ въ глазахъ толпы людской
Тяжеле: Божій судъ — иной!»

XIV.

Окончилъ — и спокойно сталъ,
На грудь сложивши руки онъ;
И какъ-то страшно прозвучалъ
Цѣпей тяжелыхъ рѣзкій звонъ.
И не было ни одного
Изъ окружавшихъ тронъ вождей,
До сердца бъ не проникъ чьего
Глухой и мрачный звонъ цѣпей....
На роковую красоту
Жены-преступницы, на ту
Причину казни и вины,
Вновь взоры всѣхъ устремлены!
Какъ приметъ — каждый знать желалъ —
Казнь совиновника она....
Она же, зла всего вина,
Межъ тѣмъ стояла, я сказалъ,
Тиха, безмолвна и блѣдна....
А взглядъ ея недвиженъ былъ,
Но былъ открытъ. Ни разу онъ,
Казалось, не былъ обращенъ
На что нибудь — и не бродилъ
По сторонамъ; и вѣки глазъ
Ея прелестныхъ хоть бы разъ
Сомкнулись, — тѣнію своей
Хоть разъ прикрыли бъ блескъ очей!
Нѣтъ! обвивали, какъ кружки,
Своею страшной бѣлизной
Они лазурные зрачки.
Стеклянно-хладенъ, нѣмъ и дикъ
Былъ взглядъ ея передъ толпой.
Казалось, будто ледъ проникъ
Въ ея свернувшуюся кровь.
Слеза являлась лишь порой....
И, медленно скопившись, вновь
Изъ-подъ каймы рѣсницъ густыхъ
Катилась крупная слеза.
Лишь тотъ, кто видѣлъ, тотъ постигъ,

Что̀ это было.... Слезъ такихъ
Людскіе на землѣ глаза,
Казалось всѣмъ, не могутъ лить.
Хотѣла что-то говорить
Она..... Глухой, неясный звукъ
Гортань сухая издала....
И въ звукѣ томъ слышна была
Вся тягость безконечныхъ мукъ.
Замолкъ онъ.... Что̀-то ей опять
Хотѣлося потомъ сказать, —
И голосъ слышался, но онъ
Излился только въ долгій стонъ....
И пала на землю она,
Какъ тяжкій камень, какъ порой
Съ подножья мраморъ — ликъ живой.
Увы, не Адзо то жена,
Сей трупъ бездушный и нѣмой:
Надгробный памятникъ скорѣй,
Надгробный памятникъ надъ ней,
Надъ ней, кого, какъ жало, страсть
Язвила и къ грѣху влекла, —
Надъ ней, которая упасть
До преступленія могла
И посрамленья не снесла!...
А все жива еще она.
И къ тяжкимъ мукамъ бытія
Вновь слишкомъ скоро призвана
Отъ полусмерти забытья....
Но бѣдный разумъ.... Напряглись
Въ ней фибры чувствъ и порвались....
И въ помутившемся отъ мукъ
Мозгу все въ хаосѣ слилось!
Какъ отъ дождя размокшій лукъ,
Который стрѣлы мечетъ вкось,
Безсвязно дикія, какъ сонъ,
Раждать лишь можетъ мысли онъ.
Пустое, бѣлое пятно—
Для ней прошедшее; черно
Грядущее: едва видна
Стезя въ немъ, да и та темна,

Какъ путнику, что въ часъ ночной
Тропинки вынужденъ искать,
Чуть освѣщаемой грозой.
Она боялась.... Понимать
Могла, что ей на душу зло
Теперь какое-то легло,
Какъ камень, хладно, тяжело.
Что былъ тутъ грѣхъ, и срамъ тутъ былъ,
Что кто-то скоро тутъ умретъ....
Но — кто?... забыла.... Приходилъ
Вопросъ ей: что̀, она живетъ,
Иль нѣтъ? Земля ли подъ стопой?
Надъ нею небо ли?... Кругомъ
То люди ль собрались толпой?
Иль демоновъ проклятыхъ рой,
Съ какимъ-то злобнымъ торжествомъ,
Глядитъ на ту, которой взоръ
Привыкъ доселѣ встрѣчать кругомъ
Сочувствіе, а не укоръ?
И все подобно стало тьмѣ
Въ ея блуждающемъ умѣ.
Боязнь, надежды — все слилось
Въ непроницаемый хаосъ....
То смѣхъ, то слезы — и равно
Во всемъ безуміе одно!
Въ тяжелый, судорожный сонъ
Ея разсудокъ погруженъ....
Его на помощь тщетно звать,
И пробужденья долго ждать!

XV.

Монастыря колокола
        Гудятъ, звонятъ,
Сливаясь въ гулъ глухой;
На старой башнѣ, прямой какъ стрѣла,
Медленно, тяжко, впередъ и назадъ
Качаясь, ревутъ, какъ жалобный вой.
Тоску на сердце наводитъ ихъ звонъ....

Но, чу! раздался и гимнъ похоронъ
 Торжественно-мраченъ, унылъ...
Поминки по томъ, кто на свѣтѣ отжилъ
 Иль скоро отжить осужденъ....

 За душу грѣшника летятъ
 Молитвы къ небесамъ....
Колокола всѣмъ зѣвомъ гудятъ,
 Курится еиміамъ....
Для грѣшной души настаетъ
 Тяжелый мигъ конца....
Чье сердце отъ жалости здѣсь не дрогнетъ?...
Къ ногамъ монаха, святаго отца,
Онъ на землю сырую колѣни склонилъ.
И плаха предъ нимъ, и стража дворца
 Кругомъ обступила ее....
И палачъ рукава засучилъ,
 Чтобъ вѣрнѣе ударъ его былъ,
И смотритъ: остро ль топора лезвіе....
И пробуя, машетъ своимъ топоромъ....
И безмолвной и тѣсной толпою народъ,
Стекается видѣть, какъ сынъ умретъ,
 Роднымъ казнимый отцомъ.

XVI.

А вечеръ нѣгой напоенъ,
Кругомъ все блещетъ и цвѣтетъ;
И покидая небосклонъ,
Какъ бы въ насмѣшку солнце льетъ
Струи роскошнѣйшихъ лучей
На этотъ мрачный день скорбей.
Вечернимъ свѣтомъ облило
Оно преступника чело,
Въ тотъ мигъ, когда склонясь во прахъ
Смиренно предъ отцемъ святымъ,
Онъ въ сокрушеньи передъ нимъ
Кончаетъ исповѣдь въ грѣхахъ;
Лобзаетъ крестъ — святой символъ —

И отпущенія глаголъ,
Могущій душу, — сколь она
Грѣхомъ ни будь осквернена, —
Отъ смертныхъ пятенъ всѣхъ омыть
И паче снѣга убѣлить,
Глаголъ прощенья, неба зовъ
Благоговѣйно внять готовъ.
Играетъ солнце въ этотъ мигъ
Всѣмъ золотомъ лучей своихъ —
И на главѣ, склоненной въ прахъ,
И на каштановыхъ кудряхъ,
На шею падающихъ; но
Особенно блеститъ оно
Зловѣще-яркой полосой
На глади топора стальной....
Ужасенъ смертнымъ смерти мигъ!
И въ души зрителей проникъ
Смертельный хладъ.... Пусть каждый зналъ,
Что грѣхъ ужасный совершенъ,
Что правъ карающій законъ, —
Но всякъ невольно задрожалъ....

XVII.

Мольбы послѣднія скончалъ
Преступный сынъ, жены отца
Любовникъ дерзкій; досказалъ
Грѣхи, какіе только зналъ,
И пробилъ часъ его конца,
И настаетъ послѣдній мигъ!
Снимаютъ плащъ съ него долой.
И прядь кудрей его густыхъ
Палачъ презрѣнною рукой
Уже схватилъ... Еще одна
Минута — пала въ прахъ она!
Въ гробъ не возьметъ онъ ничего:
Ни тѣхъ убранствъ, въ какія онъ
Былъ такъ роскошно облеченъ,
Ни даже шарфа своего,

Что Паризиной подаренъ...
Съ него одежда сорвана...
Повязка взоръ закрыть должна...
Но нѣтъ! Его ли гордый взоръ
Подобный вынесетъ позоръ?
И чувства, что казались въ немъ
Затихшими, — проснулись вновь;
И закипѣла въ немъ вся кровь
Негодованія огнемъ,
Когда глаза ему платкомъ
Палачъ собрался повязать; —
Какъ будто бъ съ смертью незнакомъ
Онъ былъ, и прямо ей взирать
Въ лицо издавна не привыкъ!...
«Нѣтъ! пусть цѣпями связанъ я,
Пусть вамъ и жизнь и кровь моя
Обречены, — послѣдній мигъ
Съ открытымъ взоромъ встрѣчу я.
Рази»! И лишь проговорилъ, —
На плаху самъ главу склонилъ...
И были Уго то слова
Послѣднія: «Рази!»... Взмахнулъ
Палачъ рукой, топоръ сверкнулъ —
И покатилась голова.
И рухнувъ, трупъ кровавый палъ
На землю тяжко; побѣжалъ
Изъ туловища крови токъ
И напоилъ, какъ дождь, песокъ...
Мигнули судорожно разъ
И два — но быстро — вѣки глазъ;
На мигъ раскрылися уста
И затворились навсегда...
Онъ умеръ такъ, какъ умирать
Всѣмъ грѣшнымъ надо пожелать:
Безъ шума и безъ хвастовства!
Онъ покаянныя слова
Читалъ смиренно; врачевства
Духовнаго не отвергалъ,
Не впалъ въ отчаянія грѣхъ:
У ногъ пріора преклоненъ,

Вполнѣ былъ сердцемъ отрѣшенъ
Онъ отъ земныхъ желаній всѣхъ!...
Отецъ разгнѣванный, она,
Его любовь — грѣха вина...
Что было тутъ ему до нихъ?
Ни стоновъ ропота глухихъ
На тяжкій приговоръ судьбы,
Ни помысловъ о чемъ иномъ,
Какъ лишь о мірѣ неземномъ, —
Ни слова, — кромѣ словъ мольбы
Да тѣхъ невольныхъ, краткихъ словъ,
Когда спокойно былъ готовъ
Онъ топора ударъ принять —
Словъ, чтобы дали умирать
Ему съ открытымъ взоромъ, — сихъ
Прощальныхъ словъ его однихъ!...

XVIII.

Какъ смертью сжатыя уста, —
Грудь каждаго въ толпѣ нѣмой
Была для вздоховъ заперта...
Но электрической струей
Холодной дрожи токъ по всей
Толпѣ сплотнившейся людей
Перебѣжалъ,
Когда ударъ смертельный палъ
И порѣшило лезвіе
На вѣкъ любовь и бытіе
Того, кто отжилъ въ этотъ мигъ...
Поднялся вздохъ, но подавленъ
Въ груди насильно каждымъ, онъ,
Едва родившійся, затихъ.
Не слышалось ни шумъ, ни стонъ;
Лишь топора о плаху стукъ
Зловѣще-глухо раздался.
Но больше — ничего...
Лишь звукъ
Еще... онъ рѣзко разлился

Въ безмолвномъ воздухѣ, — какъ крикъ
Пронзителенъ, безумно дикъ,
Какъ матери ужасный стонъ
Надъ пораженнымъ смертью вдругъ
Дитей, — прорѣзалъ воздухъ онъ,
Сей дикій вопль нездѣшнихъ мукъ:
Онъ изъ рѣшетчатыхъ оконъ
Дворца — нѣмую тишь проникъ
И къ небу поднялся, тотъ крикъ
Отчаянный.... И обратилъ
Невольно каждый взоръ туда,
Но тщетно.... Стихло... Только, былъ
То женскій крикъ — и никогда
Изъ груди мукъ душевныхъ боль
Не вырывала вопля столь
Безумнаго. Кто услыхалъ
Сей стонъ, — тотъ вѣрно пожелалъ
Изъ состраданья, чтобы онъ
Былъ смертный — этотъ страшный стонъ!.

XIX.

Палъ Уго, и съ минуты сей
Его печальнаго конца, —
Ни въ залахъ мраморныхъ дворца,
Ни въ темной зелени аллей
Не видно Паризины. Слѣдъ
Ея пропалъ — и слуху нѣтъ
Нигдѣ ужь болѣе о ней...
И даже имя то ни чей
Языкъ промолвить не дерзалъ,
Какъ бы одно изъ словъ такихъ,
Какія изъ бесѣдъ людскихъ
Навѣки — или страхъ изгналъ,
Иль чувство изгнало стыда.
Отъ князя жь Адзо никогда
Никто ни разу не слыхалъ
Ни сына, ни жены именъ.
Никто не зналъ гробницы ихъ.

Былъ за оградой мѣстъ святыхъ
Ихъ праху уголъ отведенъ.
По крайней мѣрѣ такъ зарытъ
Былъ рыцарь. Паризины рокъ
Глубокой тайною покрытъ,
Какъ прахъ доскою гробовой...
Стяжала ль тягостнымъ путемъ,
Слезами, бдѣньями, постомъ
Она въ обители святой
Прощенье неба?.. Ножъ иль ядъ
Пресѣкли дни ея?.. Молчатъ
Преданія. Иль, можетъ быть,
Безъ долгихъ пытокъ жизни нить
Ея мгновенно порвалась,
И грудь отъ мукъ разорвалась
При взмахѣ топора, — едва
Скатилась Уго голова...
Но какова бы ни была
Ея кончина, — умерла
Она печально, какъ жила!

XX.

И князь женился на другой,
И окруженъ подъ старость былъ
Онъ добрыхъ сыновей толпой;
Но не былъ ни одинъ изъ сихъ
Сыновъ столь доблестенъ и милъ,
Какъ тотъ, кто тлѣлъ въ землѣ сырой;
Иль если были — доблесть ихъ
Холодный взоръ не примѣчалъ:
А примѣчалъ, такъ подавлялъ
Родитель вздохъ въ груди своей....
Но слезъ у князя никогда
Не вырывалось изъ очей.
И никогда его уста
Не озарялись ужь потомъ
Улыбки радостнымъ лучемъ.
Его высокое чело

Изрыли тяжкихъ думъ слѣды —
Морщины.... Горе провело
До срока эти борозды
Горячимъ плугомъ. Для всего
Онъ отжилъ навсегда; равно
Для радостей и для скорбей.
Ему въ грядущемъ ничего
Не оставалося давно, —
Лишь развѣ длинный рядъ ночей
Безъ сна и рядъ тяжелыхъ дней,
Да равнодушіе одно
Къ хвалѣ или хулѣ людской....
Его душа давно бѣжать
Хотѣла бъ отъ себя самой,
Но покориться не могла
Судьбѣ своей, — а забывать
Способна не была;
Она всегда, въ тотъ даже мигъ,
Когда, казалось, тишина
Въ ней водворялася, — полна
Была обычныхъ думъ своихъ,
Думъ напряженныхъ, мрачныхъ, злыхъ....
Такъ льда густой и твердый слой
Покроетъ лишь поверхность водъ, —
Неудержимо токъ живой
Подъ хладною корой течетъ
И течь не можетъ перестать...
Духъ Адзо такъ же волновать
Не преставалъ обычный токъ
Печальныхъ думъ: источникъ ихъ
Былъ слишкомъ силенъ и глубокъ,
Чтобы, какъ память дней былыхъ,
Изсякнуть. Тщетно мы хотимъ
Разливъ сердечныхъ волнъ унять;
Вовѣки не изсякнуть имъ —
И возвращаются опять
Потоки слезъ непролитыхъ
Къ источнику — и тамъ на днѣ
Кипятъ въ душевной глубинѣ....
И пусть никто не видитъ ихъ,

Тѣхъ слезъ непролитыхъ, — онѣ,
На сердце падая, опять
Скопляются и тѣмъ сильнѣй,
Чѣмъ болѣе въ груди своей
Мы силимся ихъ подавлять....
Истерзанъ внутренней тоской,
Воспоминаньями о тѣхъ,
Кого казнилъ за тяжкій грѣхъ,
Страдая сердца пустотой,
Ненаполнимой ни на мигъ,
И безъ надежды встрѣтить ихъ
Хоть за предѣлами земли;
При всемъ сознаніи, что онъ
Свершилъ свой судъ, какъ самъ законъ,
Что сами гибель навлекли
Они на голову себѣ —
Былъ князь подъ старость обреченъ
Тоскѣ, мученьямъ и борьбѣ....
Могучій дубъ, когда порой
Суки испорченныхъ вѣтвей
Подрѣжетъ опытной рукой
Садовникъ бережно, — сильнѣй
Раскинется подъ небеса....
Но если въ бѣшенствѣ гроза
Нежданно вѣтви опалитъ,—
Нѣмой развалиной стоитъ
И сохнетъ сумраченъ и голъ
Вѣтвей навѣкъ лишенный стволъ.

АП. ГРИГОРЬЕВЪ.

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ СЛУЧАЙ.

БЫЛЬ.

I.

Въ темный осенній вечеръ, по грязи старой большой дороги въ одной пограничной губерніи, пробиралась рогожная кибитка. Измученныя лошади едва тащили эту кибитку, въ которой при ударахъ огнива въ кремень у мужика, сидѣвшаго на козлахъ, можно было разсмотрѣть двѣ человѣческія фигуры, завернутыя въ теплые плащи. Оба проѣзжіе молчали, несмотря на то, что дождь хлесталъ имъ въ лицо, плохо защищенное рогожною цыновкою, на половину спущенною съ волчка кибитки, и рѣзкій вѣтеръ, упрямо подымавшій края этой цыновки, которою путешественники хотѣли укрыть себя, пронизывалъ повозку съ какимъ-то свистомъ, похожимъ на вопль младенца. Долго тянулись они по этой грязи, которою съ такимъ избыткомъ надѣлены нѣкоторыя губерніи нашей необъятной родины; было близко къ полуночи, когда привѣтливые огоньки селенія блеснули передъ глазами путешественниковъ. Они какъ будто ожили... заговорили... Но разговоръ этотъ былъ все-таки вялъ, немногосложенъ и ограничивался нѣсколькими отрывистыми вопросами и такими же отвѣтами.

Возница ихъ — мужикъ, полу-русскій, полу-литвинъ, не нашелъ нужнымъ спрашивать ихъ — куда везти; онъ пря-

мо поворотилъ къ одному двору попросторнѣе другихъ и болѣе другихъ освѣщенному, въ назначеніи котораго ошибиться было нельзя: это былъ постоялый, или лучше сказать,— заѣзжій домъ. Тамъ, только когда они вошли въ грязную комнату этого дома, можно было разсмотрѣть путешественниковъ и по наружности опредѣлить, къ какому классу людей они принадлежали. Мужчина былъ человѣкъ средняго роста, довольно худощавый, съ черными волосами и широкимъ лбомъ, довольно пріятными манерами и привлекательными чертами лица. Одѣтъ онъ былъ просто, но чисто, и носилъ на себѣ явный отпечатокъ того, что у насъ называется *чиновникомъ*. Вообще говоря, вся наружность его не представляла ничего особеннаго, кромѣ глазъ чернаго, блестящаго цвѣта, которые какъ-то странно и тревожно бѣгали отъ предмета къ предмету. Какая-то, казалось, безпокойная мысль владѣла имъ. Несмотря однако на это, онъ глядѣлъ рѣшительно и прямо, и на лицѣ его выражалась, если не сильная воля, то по крайней мѣрѣ отчаяніе рѣшимости. Въ обращеніи его съ женщиною, которая съ нимъ пріѣхала, былъ тонъ превосходства, даже нѣкотораго деспотизма, несмотря на то, что онъ не хотѣлъ обнаруживать этого и обращался съ изысканною внимательностію и какъ будто нарочно пріискивая слова для того, чтобы смягчать свои мысли.

Женщина эта была почти однихъ лѣтъ съ нимъ (ему могло быть лѣтъ около 25, а ей—22 или 23). Одѣта она была очень просто и имѣла видъ неизлѣчимой больной. Она была недурна собою, но въ тонкихъ чертахъ ея худощаваго лица было что-то забитое, робкое, что-то такое, что располагало къ ней невольно. Было замѣтно, что отношенія ея къ молодому человѣку были для нея тягостны. Надобно было, чтобъ онъ сказалъ ей два раза, (несмотря на ласковые эпитеты, которые онъ прилагалъ къ ея имени), чтобъ она сѣла, прежде, нежели она рѣшилась помѣститься на полуразвалившійся диванъ, составлявшій почти единственную меблировку комнаты. Ясно было, что въ отношеніяхъ этихъ двухъ лицъ есть что-то необыкновенное, рѣзко противорѣчащее съ тономъ дружеской фамильярности, какую молодой человѣкъ старался, особенно при людяхъ, сохранить съ нею и которую она скорѣе не умѣла, нежели не хотѣла поддерживать.

По русскому обычаю, они потребовали неизбѣжный самоваръ, и послѣ чаю принялись укладываться на ночлегъ. Молодой

человѣкъ велѣлъ принести сѣна, заботливо накрылъ его полостью и такимъ образомъ устроилъ сносное спанье для больной своей подруги.

Усталость отъ дороги сильно подѣйствовала на больную. Она вздыхала, стонала по временамъ, какъ ни старалась скрыть свои страданія. Молодой человѣкъ между тѣмъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ въ замѣтной тревогѣ, то потирая себѣ лобъ, то неподвижно устремляя глаза на больную.

Ночью бѣдной женщинѣ сдѣлалось плохо. Молодой человѣкъ всполошилъ весь домъ, кричалъ, что жена его умираетъ, требовалъ медика, бѣгалъ, какъ сумасшедшій, изъ угла въ уголъ, и когда ему объявили, что лѣкаря, кромѣ городскаго, нѣтъ на разстояніи 40 верстъ, онъ видимо упалъ духомъ. Больная была въ безпамятствѣ. Нашелся однако какой-то отставной ветеринаръ, служившій лѣтъ 25 тому назадъ въ кавалерійскомъ полку и на этомъ основывавшій свое право лѣчить отъ всякихъ болѣзней, право, которому безусловно вѣрили и подчинялись всѣ окрестные жители. Этотъ медикъ рѣшилъ прежде всего, что больной надо «отворить кровь.» — При этомъ словѣ молодой человѣкъ задумался. Глаза его блеснули какъ-то странно,—онъ хотѣлъ заплакать, но слезъ не оказалось. Тѣмъ не менѣе онъ поднесъ платокъ къ глазамъ, сильно горѣвшимъ.

Хозяинъ заѣзжаго дома и коновалъ-медикъ разсказывали потомъ своимъ бабамъ, *что молодая барыня добре плоха* и что *хозяинъ-то ея шибко убивается.*

Чрезъ нѣсколько времени совѣтъ врача-коновала былъ принятъ. Больная все еще не приходила въ себя.

Кровь ей отворили тѣмъ же шпиперомъ, какимъ пускалась кровь лошадямъ. Такое кровопусканіе конечно было бы въ пору для лошади, но для молодой женщины оказалось ужь слишкомъ сильно: къ утру она была въ бреду и на волосокъ отъ смерти.

Заботливость мужа въ отношеніи къ больной была выше всѣхъ похвалъ: онъ то поправлялъ ея подушку, то поддергивалъ одѣяло, то наклонялся къ ней и цаловалъ ее въ лобъ. Лицо больной становилось все блѣднѣе; около глазъ ея образовались темные кружки, на щекахъ время отъ времени вспыхивалъ тотъ яркій румянецъ, какой такъ часто бываетъ передъ смертью у чахоточныхъ; по всему было видно, что часъ ея пробилъ.

Когда она опамятовалась, она была такъ слаба, что не могла уже болѣе говорить; молодой человѣкъ потребовалъ священника. Ее исповѣдывали глухою исповѣдью; но когда священникъ сталъ давать ей дары, она какъ будто оживилась, — глаза ея заговорили; видно было, что ее давило что-то, что она хотѣла что-то высказать; но языкъ не повиновался усиліямъ ея воли, и она въ безсильномъ отчаяніи должна была ограничиться одними несвязными, непонятными звуками.... Послѣ этихъ усилій, съ ней сдѣлались страшныя судороги; лицо ея мгновенно исказилось, и она даже какъ будто оттолкнула отъ себя старика-священника.

Скоро послѣ этого она умерла, но такъ тихо и незамѣтно, что даже стоявшій подлѣ нея молодой человѣкъ, съ какимъ-то сухимъ, горячимъ взоромъ слѣдившій за всѣми движеніями ея, не замѣтилъ этого... Когда онъ увѣрился, что жизнь ея отошла, лицо его мгновенно освѣжилось худо скрытою радостью, что̀ не укрылось отъ взоровъ священника.

Когда закрыли ей глаза, молодой человѣкъ тотчасъ заговорилъ объ отъѣздѣ, — съ поспѣшностію, въ которой выражалось что-то тревожное. Онъ сталъ толковать священнику о своихъ дѣлахъ, требующихъ немедленнаго и личнаго его присутствія въ томъ городѣ, куда онъ ѣхалъ, о необходимости скорѣе похоронить умершую, и кончилъ просьбою о выдачѣ ему свидѣтельства о смерти жены и о томъ, что она похоронена тамъ-то.

Отказать молодому человѣку въ выдачѣ свидѣтельства священникъ не могъ; но, какъ бы желая снять съ себя отвѣтственность, онъ началъ представлять о необходимости повести это дѣло черезъ земскую полицію, дать знать становому и проч. Это видимо раздражало молодаго человѣка.... Онъ началъ уговаривать старика не прибѣгать къ этимъ безполезнымъ мѣрамъ, какъ будто бы отъ скорѣйшаго его отъѣзда зависѣло счастіе его жизни. Старикъ однако остался неумолимъ. Онъ похоронилъ умершую, но свидѣтельства не выдалъ, пока не пріѣхалъ становой, за которымъ посланъ былъ нарочный.

Хотя старикъ-священникъ и сообщилъ становому свои подозрѣнія, становой однако не счелъ себя въ правѣ останавливать выдачу свидѣтельства. Изъ представленнаго молодымъ человѣкомъ документа видно было, что онъ дѣйствительно женатъ, что жену его зовутъ такъ-то, что ей столько-то лѣтъ отъ роду,

и все это было такъ сходно съ дѣйствительностью, что ничто не давало повода заключать о какомъ нибудь обманѣ, о чемъ нибудь нечистомъ, или какой нибудь недоброй цѣли.

Свидѣтельство было выдано.

Когда молодой человѣкъ, — мы назовемъ его Бряницкимъ, клалъ свидѣтельство въ карманъ, глаза его такъ сверкнули, что священникъ съ становымъ переглянулись. Черезъ часъ онъ уже летѣлъ во всю конскую прыть по большой дорогѣ.

II.

Еслибъ мы вздумали теперь отыскивать Бряницкаго на пространствѣ нашей обширной Россіи, мы встрѣтили бы его верстъ за 300 отъ того мѣста, гдѣ похоронилъ онъ жену, въ уѣздномъ городкѣ песчаной губерніи, въ маленькомъ домикѣ о пяти окошечкахъ. Зеркала въ этомъ домѣ были обернуты холстомъ; онъ и сестра его — дѣвушка лѣтъ двадцати, были въ глубокомъ траурѣ. Обстановка домика, въ которомъ жилъ Бряницкій, была бѣдна; но это не лишало его нѣкоторой щеголеватости, которая бываетъ только тамъ, гдѣ женщина занимается хозяйствомъ и домомъ. Дѣвушка, которую Бряницкій называлъ своею сестрою, болѣе походила на гостью, чѣмъ на хозяйку, и была не совсѣмъ ловка въ своей роли. Порядокъ и хозяйство были явно остатки прежняго. Бряницкій переходилъ тоскливо изъ комнаты въ комнату, и въ этомъ безпрестанномъ кочеваніи, въ его угрюмости, въ сухой неподвижности его глазъ, видно было, что душа его находится подъ вліяніемъ тяжелыхъ ощущеній. Въ углу гостиной стоялъ небольшой столикъ, покрытый чистою скатертью, и на немъ лежала кучка восковыхъ свѣчъ,—стоялъ прислоненный къ книгамъ образъ и коробочка съ ладономъ. По всему видно было, что ожидали какого-то церковнаго служенія.

Сестра Бряницкаго хлопотала о приведеніи всего въ порядокъ, — переставливала мебель, передвигала столикъ, перекладывала съ мѣста на мѣсто свѣчи, однимъ словомъ—была въ той мелкой тревогѣ, какую обыкновенно испытываютъ всѣ, когда ежедневныя привычки жизни нарушены чѣмъ нибудь такимъ, что случается не часто. Русая головка ея, съ густыми прядями волосъ, была привлекательна болѣе миловидностію, чѣмъ красо-

тою; въ ея кроткихъ чертахъ свѣтилась простая, любящая душа. Она была такъ же задумчива, какъ и ея братъ.

Когда пришелъ священникъ и началась панихида, дѣвушка упала на колѣни, едва только первыя слова молитвы объ усопшей коснулись ея слуха. Сколько ни крѣпилась она, рыданіе однако вырвалось изъ ея груди и слезы градомъ полились изъ глазъ. Видно было, что она много любила усопшую, что съ нею она похоронила всѣ дружескія упованія свои и что сердце ея чувствовало незамѣнимость этой утраты.

Братъ ея, тоже стоявшій на колѣняхъ, смотрѣлъ на сестру съ напряженнымъ любопытствомъ, смѣшаннымъ съ сожалѣніемъ. Видно было, что онъ не столько принималъ участія въ общей молитвѣ, сколько всматривался въ черты лица сестры, какъ бы стараясь понять и опредѣлить характеръ этой грусти, узнать, до какой степени искренне ея чувство. По временамъ, когда рыданія ея раздавались сильнѣе, какъ будто чувство истиннаго сожалѣнія, даже скорби, выражалось въ чертахъ его лица; замѣтно было, что онъ хотѣлъ бы броситься къ ней и сказать ей слово утѣшенія, но чрезъ минуту взглядъ его вдругъ охладѣвалъ, и онъ смотрѣлъ на нее скорѣе съ любопытствомъ, нежели съ участіемъ. Пытливое, дерзкое, даже что-то насмѣшливое появлялось мгновенно въ чертахъ лица его; добро и зло, раскаяніе и сожалѣніе, любопытство и участіе,—казалось, боролись въ его душѣ.

Когда панихида кончилась, священникъ ушелъ и все въ домикѣ пришло въ нормальное положеніе. Молодой человѣкъ подошелъ къ сестрѣ и обнялъ ее съ горячностью. Она посмотрѣла на него съ удивленіемъ, но на холодномъ лицѣ это человѣка не было ничего такого, что̀ бы могло изобличить внутреннее состояніе души его. Оба они молчали, и потомъ принялись каждый за обычныя свои занятія. Видно было, что какая-то тайна легла между ними.

Вскорѣ послѣ того въ домикѣ о пяти окошечкахъ стало часто появляться новое лицо, — а въ городѣ начали ходить слухи, что молодой человѣкъ вступаетъ въ новый бракъ.

Новое лицо это была дочь одного уѣзднаго чиновника, скопившаго разными служебными и неслужебными изворотами порядочное состояніе. Дѣвушка эта была замѣчательно дурна. Притомъ въ ней сосредоточилась вся пошлость уѣздной городской жизни, гдѣ царитъ бездѣйствіе, сплетни, отсутствіе всякой внутренней жизни и даже внѣшнихъ интересовъ. Имѣлъ ли

Брянецкий намѣреніе жениться на ней, этого покуда мы не знаемъ сами; знаемъ только, что съ нѣкотораго времени она часто посѣщала сестру молодаго человѣка, и онъ, постоянно мрачный, съ ея появленіемъ становился какъ будто веселѣе, и давно небывалая улыбка стала появляться время отъ времени на его лицѣ. Думать, что онъ забылъ объ умершей женѣ своей для того, чтобъ полюбить Викулину (фамилія дѣвушки), было невозможно; но дѣвушка эта была богата. Въ продолженіе своего служебнаго поприща, отецъ ея, господинъ съ широкимъ и краснымъ носомъ и толстымъ брюхомъ, успѣлъ сколотить себѣ малую толику и наконецъ, выгнанный изъ службы, переселился изъ губернскаго города въ свой родной уѣздный, гдѣ мирно и безмятежно проживалъ остатокъ своей многотрудной, какъ онъ выражался, жизни, наполняя дни свои мелкими пріобрѣтеніями, — крохами, по словамъ его, падающими со стола богатыхъ. Крохи эти были не что иное, какъ проценты—пять, восемь, а иногда и десять въ мѣсяцъ.. Впрочемъ онъ снабжалъ деньгами только по знакомству, или по особому какому нибудь расположенію, да и то лишь купеческихъ сынковъ такихъ отцовъ, въ которыхъ онъ былъ увѣренъ, или дворянскихъ барченковъ, у которыхъ денегъ было хотя и немного, да за то много гонору.... Прослужа цѣлый вѣкъ свой — сперва крѣпостныхъ дѣлъ писцомъ, а потомъ надсмотрщикомъ гражданской палаты, этотъ пожилой господинъ пріобрѣлъ то необходимое знаніе свѣта и людей, безъ котораго нажить деньги невозможно, а главное—пріобрѣлъ основательное познаніе состояній всѣхъ помѣщиковъ и купцовъ не только своей, но даже и сосѣдственныхъ губерній. Познаніе это было необходимо для того, чтобъ наконецъ опредѣлить количество «благодарности», взимаемой за совершеніе какого бы то ни было акта.. А при совершеніи ихъ надсмотрщикъ играетъ, какъ извѣстно, самую важную роль, и не пассивную, какъ напримѣръ секретарь, но активную, потому что можетъ пропустить межъ пальцевъ какое нибудь запрещеньице, мѣшающее окончанію акта и до котораго потомъ можетъ дойти дѣло развѣ при внукѣ дающаго актъ,—и всѣ чиновники успѣютъ отойти съ миромъ прежде, нежели возникнетъ по этому запрещенію дѣло. Тутъ обойти законъ—убытку нѣтъ никому, а прибыль явная для трехъ: дающему актъ—самая большая, потому что онъ получаетъ деньги и отдаетъ имѣніе, на которомъ есть запрещеніе; получающему актъ, потому что кончаетъ дѣло, которое обыкновенно

начинаетъ всякому надоѣдать къ концу такъ, что становится, по пословицѣ, хуже горькой рѣдки; и наконецъ — чиновнику, совершающему актъ, потому что съ этого акта приходится обыкновенно столько, что на это можно купить, положимъ, хоть ржаной муки на весь круглый годъ.... Но такъ какъ мука на круглый годъ покупается только одинъ разъ въ годъ, а акты совершаются всегда—и поздно зимой, и рано лѣтомъ, и во время водополья, и во время осеннихъ разливовъ,—то благостыня, отъ нихъ возникающая, копилась сперва въ мѣстномъ приказѣ, а потомъ въ опекунскомъ совѣтѣ, и накопилась до кругленькой цифры. Бряницкій зналъ все это и смотрѣлъ съ пріятностью на дочь отставнаго приказнаго. Ухаживанье Бряницкаго дѣвица Викулина принимала съ особымъ удовольствіемъ. Городничій,—старый холостякъ,—и становой,—молодой холостякъ,— шибко косились на Бряницкаго, встрѣтивъ въ немъ неожиданнаго соперника. Бряницкій былъ малый ловкій; онъ тотчасъ овладѣлъ позиціею—и не болѣе, какъ черезъ недѣлю, Викулина была въ его рукахъ.

Чрезъ нее онъ сталъ узнавать о количествѣ приданаго и, какъ опытный боецъ, пожелалъ видѣть все на бумагѣ. У стараго надсмотрщика, тоже доки въ своемъ родѣ, не входило въ разсчетъ такъ положительно обязываться въ количествѣ приданаго: смотря по обстоятельствамъ онъ готовъ былъ и прижать къ ногтю какую нибудь часть; а ежелибъ зятекъ попался поплоше, то пожалуй и вовсе провести на бобахъ. Бряницкій повелъ свое дѣло мастерски. Дѣвица Викулина готова была для него на все, а онъ представилъ ей въ пріятныхъ формахъ необходимость быть обезпеченнымъ въ жизни и просилъ ее достать отъ папеньки формальное письмо о количествѣ даваемыхъ за нею въ приданое денегъ. Въ мірѣ чиновничьемъ такія требованія — вещь обыкновенная; но Викулинъ съ перваго раза не хотѣлъ и слышать объ этомъ. Дочь такъ долго рюмила и хныкала, что старику это надоѣло, и онъ, изломаннымъ впрочемъ почеркомъ, для того, чтобъ—въ случаѣ чего—можно было и отказаться отъ своей руки, написалъ цифру приданаго и съ своей стороны тоже потребовалъ, чтобъ писана была рядная и чтобъ эта рядная была засвидѣтельствована въ палатѣ у крѣпостныхъ дѣлъ, «какъ слѣдуетъ по закону.»

— Не ровенъ часъ, говорилъ онъ:—мы всѣ подъ Богомъ ходимъ; сохрани Богъ, свернется Агнитинька (дочь звали Агнеей),—

не подарить же мнѣ тогда денежки всякому щелкоперу, который ей приглянется. Я тоже копилъ ихъ чуть ли не цѣлую жизнь! Деньга моя трудовая!

— И какая вамъ это охота говорить такія вещи? осмѣлилась замѣтить ему его супруга, обыкновенно молчавшая въ присутствіи строгаго надсмотрщика и только позволявшая себѣ промолвить что нибудь по части хозяйства, и то въ тѣ минуты, когда, бывало, хлебнетъ цѣлебной изъ большой бутылки, стоявшей въ темномъ уголкѣ.

— Ну, что врешь-то, возразилъ надсмотрщикъ. Развѣ отъ словъ что подѣется?... Вѣстимо — всѣ подъ Богомъ ходимъ... развѣ узнаешь, что ждетъ тебя... Можетъ, вотъ сейчасъ живъ, а черезъ минуточку какую нибудь смотри и — ножки протянулъ...

— А все объ родномъ дѣтищѣ говорить такъ не хорошо бы было! пролепетала расплакавшаяся супруга, вѣроятно уже хватившая цѣлебной.

— Что съ тобой толковать-то! Вѣдь ты дура, вотъ и все, отвѣчалъ надсмотрщикъ, уже не въ духѣ и вставая съ кожанаго кресла, на которомъ онъ постоянно сидѣлъ 30 лѣтъ сряду.

Когда такимъ образомъ вопросъ о рядной былъ рѣшенъ и ратификованъ обѣими сторонами, необходимо возникъ вопросъ о цифрѣ. Оказалось, что будущій тесть съ будущимъ зятемъ ни какъ не могли сговорить; явилась необходимость въ третьемъ посредствующемъ лицѣ, которое бы могло своимъ вліяніемъ сбавить слишкомъ большія требованія одного и прибавить къ разсчетливой и подозрительной скупости другаго. Пригласили было для этого *отставнаго титулярнаго совѣтника Ханжина;* но онъ оказался неспособнымъ уладить дѣло, ибо, увѣряя будущаго зятя, что для его пользы будетъ всячески тянуть въ его сторону и склонить противную не жадничать, выговаривая впрочемъ себѣ полпроцентика со всего капитала и процентикъ съ каждаго прибавленнаго его вліяніемъ рубля, — онъ въ тоже время божился будущему тестю, что для его пользы готовъ обобрать молокососа и ужь умаслить его на какой цифрѣ захочетъ, только бы старикъ не пожалѣлъ полпроцентика за труды. На бѣду его какъ-то случилось, что будущіе тесть съ затемъ за рюмкой водки проговорились другъ другу о продѣлкѣ *Ханжина.* Разумѣется, его со срамомъ выгнали, а на его мѣсто пригласили купеческую 2-й гильдіи вдову Перетычкину, которой маклерить такого рода дѣла было не учиться стать.

Эта повела дѣло—какъ по маслу, выговоривъ себѣ, разумѣется, предварительно съ каждой стороны по извѣстному кушу, и приступила къ дѣлу вотъ какъ.

Посадила она одного въ гостиной, другаго въ залѣ, растворила двери настежъ, чтобъ каждый могъ слышать, что она будетъ говорить въ другой комнатѣ, а сама пошла переходить отъ одного къ другому.

— Вы, батюшка Никтополіонъ Савельичъ, что за дочкой-то награжденія даете? спросила она сперва у старика.

Старикъ вспыхнулъ, хотѣлъ было маклершѣ бока отломать, но когда разсудилъ, что она дѣло ведетъ не-то-чтобъ тайкомъ, значитъ необдыжно, смирился; не могъ однако не сказать, хоть и зналъ, что его слышитъ будущій зять:...

— Ты никакъ, Максимовна, съ ума сошла? Развѣ такіе вопросы задаютъ при публикѣ? Это толька келейно дѣлается, — а ты такъ на весь свѣтъ и орешь. Еще бы на площади мѣйя нойъмада, да начала голосить: что дескать за дочкой даешь... Дура! больше ничего.

— Ты, сударикъ мой, ругайся, какъ знаешь, отвѣчала Максимовна: — брань на вороту не виснетъ; а выбралъ меня дѣльцо свое поустроить, такъ и слушайся... А не хочешь тѣшить моего обычая, такъ я — поклонъ да и вонъ! — и безъ тебя, сударикъ, проживу... Не ты одинъ на бѣломъ свѣту-то... и почище тебя видала, да не такія дѣла ломала, а все спасибо говорили, да штофы, да бархаты сулили...

— Начала причитать, старая карга!

— Карга или не карга,—это ужь, сударикъ мой, наше дѣло; а ты говори, о чемъ тебя спрашиваю-то.

— Да что мнѣ говорить-то?... Развѣ я не говорилъ, что ли? Вѣдь сказано, что пять десятковъ даю...

— Ну, вотъ такъ-то бы и сказалъ давно... пять десятковъ. Это, сударикъ мой, дѣло любовное; захотятъ взять пять десятковъ, такъ возьмутъ, а не захотятъ, такъ пожалуй и прибавишь.

— Ну, ужь это шалишь! Прибавлять-то я не очень охотникъ... Пришла дѣвка по праву, такъ бери такъ, а нечего тутъ зубы-то скалить. Сказалъ пять десятковъ, пусть такъ и будетъ, а больше ни копѣйки.

Максимовна между тѣмъ стояла ужь у Брянщкаго и тѣмъ же самымъ голосомъ, какимъ говорила съ бывшимъ надсмотрщикомъ, сказала:

— Пятьдесятъ тысячь, сударикъ мой, за Агнѣей Никтополіоновной даютъ — какъ повелишь? Дѣвица вамъ извѣстная, хорошая, доброта ангельская... Красоты Богъ не далъ, такъ чтожь такое; за то смиренная, кроткая, мужу послушлива будетъ; дѣвка небалованная, степенная, — такъ какъ прикажешь, сударикъ?

— Я меньше 75,000 не возьму! отвѣчалъ Бряницкій. Знаю, что Агнѣя Никтополіоновна — дѣвица стоящая, и хорошая жена будетъ, только безъ денегъ жить невозможно. Угодно родителю наградить ее 75,000, — радъ въ такое богобоязненное семейство вступить, хоть сейчасъ по рукамъ.

Тогда Максимовна перебѣжала къ надсмотрщику.

— 75,000, сударикъ мой, требуютъ — какъ прикажешь?

— Нѣтъ у меня 75,000: такъ и скажи.

Максимовна опять перебѣжала къ Бряницкому.

— Нѣтъ у тятеньки 75,000, говоритъ; все стоитъ на 50.

— А нѣтъ у него 75, — такъ и говорить нечего; видно не мужъ я Агнѣѣ Никтополіоновнѣ. Значитъ — и толковать нечего.

Максимовна опять перебѣжала къ старику.

— Не хочетъ жениться на 50, все 75 требуетъ. Ужь не погуби дѣвку-то, разступись, сударикъ, — родная вѣдь она тебѣ; пожалѣй кровь-то свою, прикинь что нибудь.

Передернуло старика, однако укрѣпился, не сказалъ ничего ругательнаго, а только прибавилъ:

— Была не была, жаль дочери; вижу, что дура-то съ ума сходитъ; куда не шло — даю 55, только чтобы не заикался о прибавкѣ. И отъ дочери откажусь; пусть она тамъ—куда хочетъ дѣвается, хоть въ проруби топится, а нѣтъ ей больше 55.

Перенесла Максимовна отвѣтъ; Бряницкій сказалъ:

— Ни копѣйки меньше не возьму. Сказалъ 75, — такъ 75 и давай. Не чужая же она ему въ самомъ дѣлѣ. Куда ему беречь-то? Не въ гробъ же въ самомъ дѣлѣ возьметъ. Хочетъ 75, — такъ по рукамъ.

Максимовна съ этими словами къ старику.

— Не хочетъ брать меньше 75. — Дай ужь, полно скупиться-то. Зато какой у тебя зять-то будетъ: изъ-подъ ручки посмотрѣть — умёнъ, хорошъ, ловокъ... король, словомъ сказать. Эй, не поскупись, Никтополіонъ Савельичъ! Каяться послѣ будешь, особливо какъ дочь-то твоя щепка щепкой станетъ. И те-

перь она, прости Господи, словно изъ гроба встала; куда, тоща, куда тѣло-то ея все дѣвалось....

Старикъ плюнулъ, услышавъ это, ругнулся такъ, что Максимовна даже перекрестилась, примолвя:

— Что ты, батюшка, въ умѣ, что ли,—такъ ругаться? Али у васъ въ палатѣ-то это за обычай?

Тогда старикъ не выдержалъ.

— Убирайся ты къ чорту, ягà ты эдакая! Обирать, что ли, въ самомъ дѣлѣ меня вы собрались сюда? Нѣтъ ему ничего, коли не хочетъ 55. Что, въ самомъ дѣлѣ, привязался я къ нему, аль изъ золота вылитъ? Небось такой же, какъ и всѣ. Что рожицей-то посмазливѣе, такъ ужь думаетъ, что ему и чортъ не братъ... Не хочу его въ зятья... за мужика отдамъ, а ужь не прибавлю...

Пошла Максимовна говорить Бряницкому.

— Баринъ хорошій, спусти что нибудь! Инъ его изнимать какъ начало... Смотри, погонишься за большимъ, — и малаго не не возьмешь. Эй спусти!...

Подумалъ — подумалъ Бряницкій, и говоритъ:

— Такъ ужь и быть, беру 70; только смотри — съ меньшимъ ужь и не ходи ко мнѣ. Какова есть копѣйка, и той не сбавлю. Иди, говори, что беру 70. Такъ ужь и быть.

Съ бранью всякаго рода, почти въ лицо старикъ надбавилъ 60,000. На этомъ, можетъ быть, и оборвалось бы сватовство, еслибъ Максимовна, видя, что дѣло плохо и что оба «крѣпонькі», не кликнула тайкомъ Агнѣю... Какъ та взвизгнула, да какъ бросилась на отца съ крикомъ, воплемъ и слезами, такъ тотъ даже струсилъ. Хотѣлъ было прикрикнуть на нее, — куда! Дѣвка была не изъ слабонервныхъ, — упряма съ дѣтства; какъ чего захочетъ, бывало, такъ ты у ней хоть колъ на головѣ теши, все свое будетъ пѣть. Такъ ужь тутъ ли при такомъ важномъ обстоятельствѣ жизни могла она уступить? — Бряницкій же видно ужь принялъ свои мѣры. Дѣвка готова была для него на ножъ. — Кончилось тѣмъ, что всѣми неправдами уломали старика, — далъ 65. На этомъ и порѣшили.

Разсказывать, какова была сватьба, нечего. Въ провинціяхъ всѣ онѣ на одинъ ладъ. Ѣдятъ много, еще больше пьютъ. Нравственное чувство молодой оскорбляется ежеминутно, если она развита до того, что можетъ оскорбляться. Всѣ самыя завѣтныя тайны, всѣ благородныя ощущенія человѣка тутъ поруганы

и унижены; скромность и стыдливость принесены въ жертву минутной прихоти пьянаго общества родныхъ и знакомыхъ, полагающихъ свою славу и самое великое удовольствіе въ томъ, чтобъ топтать въ грязь эту скромность, насмѣхаться надъ этой стыдливостью. Къ счастію, уѣздныя женщины извѣстнаго круга привыкли къ этому: онѣ не страдаютъ, ихъ нравственное чувство не оскорбляется; онѣ только ухмыляются.... Если о просвѣщеніи государства судить по степени уваженія къ женщинѣ, то нашей Россіи выпадетъ незавидная доля.

Получивши деньги, Брянцкій пересчиталъ ихъ и тогда только поѣхалъ въ церковь. Агнѣя Никтополіоновна явилась туда вдвойнѣ блистающая — тятенькиными брильянтами, находившимися у него въ залогѣ, и счастіемъ, котораго она не могла скрыть, несмотря на всѣ напоминанія и совѣты маменьки, тетушекъ, бабушекъ, кумушекъ, сватьюшекъ, золовокъ, снохъ и tutti quanti—о томъ, что невѣстѣ неприлично быть веселой, что невѣста непремѣнно должна убиваться и плакать, или по крайней мѣрѣ показывать видъ, что идетъ замужъ какъ изъ-подъ палки.

Разсказывать подробно, какъ происходила сватьба, мы не будемъ, хотя и нельзя сказать, чтобъ это лишено было интереса, тѣмъ болѣе, что обряды эти утрачиваются со дня на день, и черезъ пятьдесятъ какихъ нибудь лѣтъ никто не будетъ вѣрить, чтобъ все это могло существовать. Сватьба была поутру сейчасъ послѣ обѣдни, — слѣдственно какъ пріѣхали изъ церкви, такъ и сѣли за столъ. За обѣдомъ, какъ извѣстно, въ провинціяхъ еще и въ чиновническомъ быту идетъ страшная попойка; пьютъ здоровье всѣхъ: отца, матери, братьевъ, сестеръ, тестя, тещи, ихъ дѣтей, тетокъ, дядей, бабушекъ, дѣдушекъ, внучекъ, племянниковъ, племянницъ, сватьевъ, зятьевъ, кузеновъ, кузинъ, наконецъ близко знакомыхъ, а тамъ далеко знакомыхъ, а въ довершеніе—всѣхъ присутствующихъ по именамъ, чинамъ, званію и положенію въ обществѣ, и потомъ, когда всѣ перепьются до положеніяризъ, продолжаютъ давно уже начатые скандалезные разговоры — еще скандалезнѣе и гаже, находя при всякой рюмкѣ, что вино *горько* и что его надо *подсластить*, то есть, заставлять молодыхъ цаловаться такое количество разъ, какое пьяный гость потребуетъ. Иногда количество это доходитъ до страшной цифры. Пишущему эти строки случилось одинъ разъ видѣть, что на такой сватьбѣ пьяный гость потре-

бовалъ подсластить вино свое девятью стами поцалуями — и девятьсотъ разъ были отсчитаны. Посмотрѣли бы вы тогда на бѣдную молодую!

Когда обѣдъ кончился, часовъ около четырехъ, молодыхъ повели въ опочивальню. За ними послѣдовали всѣ близкіе молодые родственники, и тамъ, пожелавъ имъ съ значительною улыбкою пріятнаго сна, выпили еще изъ башмаковъ молодой.

Часовъ около семи молодые, возставшіе отъ сна, снова явились въ кругъ пирующихъ гостей и начали раскланиваться во всѣ стороны, встрѣчая въ гостяхъ лукавые взоры, улыбки и очень недвусмысленные намеки. Началась снова попойка, еще ожесточеннѣе, нежели прежде, хотя, собственно говоря, она и не прекращалась.

III.

Не далѣе, какъ на другой день послѣ сватьбы, Бряницкій, сдѣлавшійся попрежнему серьёзнымъ и скрытнымъ, началъ дѣйствовать, позабывъ и о молодой женѣ и о медовомъ мѣсяцѣ. Такъ какъ деньги получены были имъ лично, въ его собственныя руки, то онъ и не находилъ нужнымъ спрашивать у супруги согласія на ихъ употребленіе. Онъ въ тотъ же день началъ пріискивать себѣ домъ въ городѣ, болѣе приличный его теперешнему состоянію. По какой-то непостижимой прихоти, онъ хотѣлъ пріобрѣсти домъ съ большимъ стариннымъ садомъ; садъ этотъ въ его глазахъ составлялъ до такой степени необходимое условіе дома, что онъ готовъ былъ скорѣе купить садъ безъ дома, нежели домъ безъ сада. Въ уѣздныхъ городкахъ такіе сады рѣдки. Тамъ если и есть сады, то фруктовые, не для гулянья. Населеніе маленькихъ городовъ, состоящее, какъ извѣстно, изъ купечества и чиновниковъ, не чувствуетъ большой необходимости въ гуляньи. Они предпочитаютъ полезное пріятному и находятъ, что кустъ смородины или крыжовника гораздо нужнѣе самаго красиваго развѣсистаго дуба. Такъ какъ въ уѣздномъ городѣ такого сада не нашлось, а подошла къ городу роща одного помѣщика, то Бряницкій и купилъ ее съ нѣкоторымъ количествомъ земли, и вопреки всѣмъ толкамъ и пересудамъ—заплатилъ за нее дорого. Она ему очень понрави-

лась. Съ деньгами у насъ въ Россіи дѣла дѣлаются быстро. Черезъ какую нибудь недѣлю земля съ лѣсомъ была собственностью Браницкаго, а черезъ другую недѣлю на этой землѣ, уже огороженной заборомъ и прилегавшей къ самому городскому валу, возвышались кучи бревенъ, досокъ, кирпича и всякаго другаго строительнаго матеріала. Дѣло пошло необыкновенно быстро. Браницкій былъ неутомимъ: съ ранняго утра до поздней ночи наблюдалъ онъ надъ рабочими, и черезъ какой нибудь мѣсяцъ—на томъ мѣстѣ, гдѣ росла крапива, пырей и клеверъ, красовался чистенькій, уютненькій домикъ съ принадлежностями; а роща имѣла видъ англійскаго сада, въ самомъ уединенномъ, тайномъ мѣстѣ котораго возвышался красивый павильонъ, съ нѣсколькими комнатками. Павильонъ этотъ прилегалъ къ самой глухой сторонѣ лѣса, тянувшагося далеко за пріобрѣтенною Браницкимъ землею.

Устроившись такимъ образомъ, Браницкій не замедлилъ перейти въ свой новый домъ, оказавшійся, впрочемъ, съ перваго же раза нѣсколько тѣснымъ, такъ что онъ поневолѣ долженъ былъ сознаться, что ошибся планомъ и что въ новомъ домѣ нѣтъ ему комнаты для кабинета. Не понимая самъ, какъ могъ онъ сдѣлать такой непростительный промахъ, онъ говорилъ, что этотъ промахъ еще не великъ и что ничего не значитъ пристроить къ дому лишнюю комнату со временемъ; теперь же покуда онъ можетъ устроить свой кабинетъ въ павильонѣ. Тамъ же въ лѣсу и въ тишинѣ заниматься хорошо. Къ тому жъ, чувствуя себя послѣ потери первой жены все еще нѣсколько разстроеннымъ, онъ находилъ необходимымъ, принявъ на себя новыя семейныя обязанности, позаботиться о своемъ здоровьѣ, и для этого вознамѣрился пить минеральныя воды, послѣ которыхъ, какъ извѣстно, нужно сильное движеніе, очень пріятное рано поутру, и особенно въ такомъ саду, какъ у него. Отстранивъ себя отъ своей супруги, онъ устроилъ, однако, ея помѣщеніе не только покойно и удобно, но даже роскошно. Агнѣя Никтополіоновна, жившая доселѣ у тятеньки въ грязной, полутемной и полной тараканами комнатѣ, почувствовала себя какъ на небесахъ, въ свѣтлыхъ, уютныхъ, опрятныхъ комнатахъ мужнина дома. Ей даже и въ голову не приходило возстать противъ помѣщенія кабинета въ павильонѣ: въ домѣ тятеньки привыкнувъ къ деспотическому обращенію съ ней, она не смѣла теперь и подумать о противодѣйствіи. Мысль свою Браницкій тотчасъ

привелъ въ исполненіе; и павильонъ былъ окончательно меблированъ.

Съ ранняго утра отправлялся туда Брянницкій и проводилъ тамъ почти цѣлое утро; послѣ обѣда опять уходилъ туда—спать, и возвращался только въ сумерки; остальное время дня павильонъ былъ постоянно запертъ, такъ что ни жена, ни сестра его не имѣли туда ни малѣйшаго доступа. Онъ даже неохотно говорилъ объ этомъ павильонѣ, когда его спрашивали, доволенъ ли онъ тамошнимъ помѣщеніемъ, и рѣшительно отказалъ женѣ и сестрѣ въ просьбѣ посмотрѣть его.

Со времени полнаго устройства, мрачное расположеніе духа Брянницкаго замѣтно исчезло; улыбка, такъ рѣдко или даже никогда не появлявшаяся на губахъ его прежде, стала показываться снова изрѣдка, а потомъ чаще и чаще; о прежнихъ вспышкахъ бѣшенства не было даже и помину; характеръ его сдѣлался ровенъ, мягокъ, общителенъ. Сестра не узнавала его; она находила, что онъ сталъ какъ будто моложе,— таковъ, какимъ былъ до первой своей женитьбы, и радовалась такому превращенію. Въ ея кроткое, нѣжно любящее сердце не могло закрасться никакое подозрѣніе, никакая черная мысль...

Что же дѣлала Агнѣя Никтополіоновна? Была ли она счастлива ласками своего мужа въ тѣ немногіе часы, которые онъ посвящалъ ей? Желала ли она чего нибудь большаго? Безропотно ли переносила она то, что мужъ дѣйствовалъ такъ самобытно и независимо отъ нея, какъ будто бы ея не было на свѣтѣ?... Натура, хотя инстинктивно и добрая, но грубая и неразвитая,—она была совершенно довольна своимъ состояніемъ. Комфортъ, даже роскошь, какою окружилъ ее Брянницкій, совершенно удовлетворяли ее. Она могла ѣсть и спать, сколько хотѣла, могла наряжаться, какъ вздумается, а главное — могла цѣлый день ничего не дѣлать, что, какъ извѣстно, для нѣкотораго класса людей, и въ особенности женщинъ—составляетъ самое замечательное въ жизни. Повидимому всѣ были довольны; и можетъ быть это довольство продолжалось бы, еслибъ внезапная катастрофа,—вѣроятно неожиданная для всѣхъ лицъ этого разсказа,—не разрушила мгновенно всей благодати настоящаго и всѣхъ надеждъ будущаго.

IV.

Занималось теплое августовское утро. Лѣниво выходило солнце изъ-за легкихъ облаковъ, одѣвая окрестности мягкимъ, прозрачнымъ свѣтомъ. Несмотря на то, что едва занялось утро, Брянацкій уже прошелъ въ павильонъ свой. Поступь его была легка, поспѣшна и осторожна.... видно было, что онъ спѣшилъ къ своей обычной работѣ, что работа эта была не трудъ, а наслажденіе. Черты лица его дышали довольствомъ, глаза смотрѣли весело. Онъ такъ свѣтло улыбался. Онъ былъ одѣтъ въ легкій, нѣсколько кокетливый, утренній нарядъ.

Войдя въ павильонъ, онъ тотчасъ защелкнулъ замокъ; открытое наверху окно затворилось въ ту же минуту; опустилась штора и потомъ все смолкло, все умерло, какъ будто ни въ павильонѣ, ни въ саду вокругъ него не было живой души.

Почти въ тоже время, какъ въ павильонѣ опустилась штора, въ одномъ окнѣ домика съ зелеными ставнями штора поднялась. Вслѣдъ за этимъ открылось окно; свѣжая, миловидная русая головка выглянула оттуда и съ наслажденіемъ потянула въ себя свѣжій воздухъ утра.

Сестра Брянацкаго (это была она) скоро потомъ вышла въ садъ. Зелень аллей, путающихся и пересѣкающихъ другъ друга, завлекала ее далѣе и далѣе. Утро было такое чудесное; сердце бѣдной дѣвушки въ эту минуту такъ было полно неизъяснимыхъ желаній, тайныхъ тревогъ.... Она должна была остановиться на мгновеніе, чтобъ отдохнуть, хотя сердце и мысль жадно тянули ее все впередъ, все дальше и дальше.

Вдругъ, при поворотѣ аллеи, въ темной листвѣ липы и дуба, мелькнуло бѣлое платье.... и затѣмъ знакомый ей, близкій образъ....

Она замерла. Тѣнь набѣжала на ея личико. Она провела рукою по лицу, какъ будто для того, чтобъ увѣриться, что не спитъ. Она робко оглянулась кругомъ, какъ бы спрашивая, что̀ все это значитъ? не сошла ли она съ ума?... Зелень, ее окружающая, солнце, небесная глубина, пѣніе птицъ, — все, все увѣряло ее, что это не сонъ, что все это совершается наяву и что то, что̀ она видѣла, не могло быть призракомъ.

Да развѣ призраки появляются при солнцѣ, при яркомъ сіяніи дня?

И между тѣмъ она видѣла.... она видѣла такъ ясно, что сомнѣваться было невозможно, видѣла.... но развѣ мертвые встаютъ изъ гробовъ?

Тщетно разсудокъ ей говорилъ, что этого быть не можетъ; глаза ея увѣряли ее въ противномъ; она такъ хорошо видѣла, что ошибиться было невозможно: образъ покойной такъ глубоко врѣзался въ ея память, что она, къ несчастію, не смѣла даже и подумать, что ошиблась.

Послѣ долгихъ колебаній, она рѣшилась идти къ брату и повѣрить ему свою тайну: ближе его не было для нея никого въ цѣломъ мірѣ.

Дожидаться, когда онъ кончитъ занятія свои и возвратится въ домъ, ей показалось невозможнымъ.

Долго стучалась она у запертыхъ дверей павильона, прежде, нежели ей отперли.... Братъ встрѣтилъ ее сухо и холодно. Онъ такъ серьёзно спросилъ ее — «что ей надобно?» что у бѣдной дѣвушки замерли слова на языкѣ и она пробормотала что-то такое, что почти не имѣло смысла.

Бряницкій посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ. Онъ былъ очень озадаченъ ея внезапнымъ появленіемъ.

Прошло нѣсколько минутъ прежде, нежели она могла высказать ему то, что привело ее сюда. Открытіе сестры онъ принялъ больше, нежели холодно; онъ сталъ почти укорять ее за то, что она позволяетъ овладѣвать собою до такой степени несбыточнымъ фантазіямъ, — за то, что она позволяетъ себѣ быть рабою призраковъ; онъ говорилъ такъ умно и краснорѣчиво, что бѣдной дѣвушкѣ стало стыдно себя самой до того, что она готова была теперь пожалуй смѣяться надъ собой, надъ тѣмъ, что могла такъ ребячески поддаться воображенію.

Кончилось тѣмъ, что братъ увѣрилъ ее окончательно, что она не видала ничего, и, прибавивъ наставительнымъ тономъ, — что не надо давать надъ собою такой воли фантазіи, — вслѣдъ за этимъ выпроводилъ ее изъ павильона.

IV.

Происшествіе это передано было однако ею за тайну женѣ Брянцкаго, и въ тотъ же день весь городъ говорилъ объ этомъ: не было лачуги, гдѣ бы о немъ не толковали, и не было старухи, которая бы чего нибудь не прибавила. Разсказывали, что сестрѣ Брянцкаго явилось привидѣніе, ростомъ чуть не до облаковъ, все въ огнѣ, съ углями вмѣсто глазъ, съ запахомъ сѣры кругомъ, все окровавленное, и говорило, что весь городъ ихъ провалится въ геенну огненную за то, что одному юродивому страннику отказали въ кускѣ хлѣба на постояломъ дворѣ у Ивана Еремѣича. Когда эти слухи стали такъ громки, что дошли до ушей городничаго, онъ всполошился, боясь, чтобъ объ этомъ какъ нибудь не узналъ начальникъ губерніи и не задалъ ему трезвону за то, что онъ не унимаетъ распространителей ложныхъ слуховъ.... Подхвативъ разсыльнаго, замѣнявшаго будочника, городничій бросился на постоялый дворъ къ Ивану Еремѣичу, велѣлъ его взять, сдѣлать у него внезапный обыскъ. По обыску, какъ доносилъ квартальный, не оказалось ничего подозрительнаго. Но Еремѣичъ между тѣмъ часовъ 7 или 8 просидѣлъ въ трубной, а въ заключеніе привели его къ городничему.

— Какого ты тамъ чорта странника не накормилъ, а? закричалъ грозно блюститель порядка и истребитель ложныхъ слуховъ, когда къ нему привели Еремѣича, трясшагося всѣмъ тѣломъ.

Еремѣичъ, человѣкъ лѣтъ 60-ти и глухой до-нельзя, не слыша вопроса, глядѣлъ на городничаго во всѣ глаза.

— Что ты, не слышишь, что ли, что тебѣ говорятъ? Али упорство вздумалъ оказывать? Такъ я съ тебя шкуру спущу и кафтаны изъ нея надѣлаю: ты это знай, разбестія ты эдакая!

Городничій, какъ извѣстно, былъ изъ военныхъ и не находилъ лучшаго средства управлять городомъ, какъ посредствомъ страха.... Ненавидя или, лучше сказать, презирая все, что не носило мундира, онъ считалъ обязанностью всякому приходившему или приводимому къ нему задать окрикъ, или «озадачить его», увѣренный, что человѣкъ запуганный скорѣе всего сознается, если виноватъ, а если и невиноватъ, то

вынесетъ убѣжденіе, что «съ городничимъ шутить нельзя», что какъ извѣстно, всегда очень полезно....

Еремѣичъ, какъ я уже замѣтилъ, совсѣмъ глухой, ничего не слыхалъ ни о привидѣніи съ угольями вмѣсто глазъ, ни о взводимомъ на него преступленіи, а потому стоялъ выпуча глаза и ничего не понимая: ни — за что его посадили въ трубную, ни — за чѣмъ его привели сюда, ни — чего отъ него хотятъ.... Но видя, что городничій за что-то сердится, и предполагая, что вѣрно на улицѣ противъ его двора замѣчена какая нибудь неисправность, то есть—выкинута мертвая кошка или что нибудь подобное, за лучшее счелъ прекратить дѣло въ началѣ, и потому полѣзъ было въ карманъ за кошелькомъ изъ сыромятной кожи, въ которомъ и золото, и серебро, и бумажки, и мѣдь перемѣшаны были въ безпорядкѣ.... Городничій, увидя это движеніе и признавая въ немъ сознаніе въ преступленіи, которое онъ хочетъ закупить, взбѣсился и зарычалъ. Счастье для Еремѣича, что онъ былъ глухъ и не слыхалъ всѣхъ обѣщаній каторги, острога, тюрьмы, плетей и розогъ, которые ему насулилъ городничій и отъ которыхъ, вѣроятно, душа бы его ушла въ пятки, какъ выражался городничій, говоря о томъ, какъ онъ «озадачивалъ» имѣющаго до него дѣло.

И долго бы можетъ быть продолжались эти обѣщанія съ одной и выпучиваніе глазъ съ другой стороны, еслибъ бабы Еремѣича, (такъ онъ всегда называлъ жену свою и дочерей) видя, что отца и мужа долго нѣтъ, не пришли освѣдомиться объ его участи, принеся блинковъ, если онъ куда нибудь посаженъ, и не объяснили разсыльному, что старикъ-то «добре глухъ» и что пожалуй съ глухоты-то и Богъ вѣсть что на себя наклеплетъ. Разсыльный, какъ человѣкъ расторопный, видя, что городничій выходитъ изъ себя, рѣшился взять на свою отвѣтственность доложить его высокоблагородію о глухотѣ старика. Тогда городничій набросился на разсыльнаго,—и давай его честить, на чемъ свѣтъ стоитъ, что онъ и службы своей не знаетъ и обязанностей своихъ не исправляетъ, какъ надо, и что онъ ему такую вытрепку задастъ, что чертямъ будетъ тошно.

Разсыльный зналъ городничаго не первый день, и потому далъ ему «прокричаться»; потомъ, когда тому надоѣло драть горло, очень тихо спросилъ: что съ старикомъ прикажетъ его высокоблагородіе дѣлать?

Такъ какъ городничій сорвалъ ужъ первый гнѣвъ, то и утишился, и принялся давать Еремѣичу свои вопросы, а потомъ, когда надоѣло надсажаться самому, заставилъ это дѣлать разсыльнаго. Вотъ въ какихъ словахъ происходилъ этотъ поучительный разговоръ:

— Что за странникъ такой былъ у тебя, котораго ты не накормилъ?

— Какой странникъ? спросилъ въ свою очередь очень наивно Еремѣичъ.

— А чортъ же тебя знаетъ какой! Я почемъ знаю?

— Никакого странника я, ваше высокоблагородіе, не знаю. Былъ съ недѣлю какой-то съ книжкой изъ пустыни, только это не странникъ; мои бабы его признали; онъ всякій годъ ходитъ....

— Не объ томъ толкъ, а объ странникѣ какомъ-то. Ты его не накормилъ, а онъ, видишь ты, бѣду на городъ накликать хочетъ.

— Кто жь это сказалъ?

— Почемъ я знаю. Въ городѣ говорятъ. А какъ я, по обязанности своей, долженъ всячески преслѣдовать распространителей ложныхъ слуховъ, какъ въ законѣ написано, то я и позвалъ тебя. Говори, что знаешь; а не скажешь — запорю въ острогѣ.

— Ничего я, батюшка ваше высокоблагородіе, не знаю; ничего ни о какомъ странникѣ не слыхалъ; никакой такой у меня не былъ и никому не грозилъ; а дѣлать со мной — что хотите дѣлайте, воля ваша; я не противникъ какой; всякое начальство уважаю, только я ни душой, ни тѣломъ не виноватъ.

Видитъ городничій, что ошибся; напустился на частнаго, зачѣмъ онъ ему нанесъ такого вздора. Частный отговаривался тѣмъ, что по обязанности своей долженъ доносить обо всемъ, что услышитъ, и что не его же вина, если въ городѣ говорятъ всякой вздоръ; а что Еремѣичъ человѣкъ тихій и непротивный власти, и что если на него вздоръ какой выдумали, то опять не его въ этомъ вина....

— Да откуда жь всѣ эти сплетни вышли?

— Этого ужъ навѣрное доложить вамъ не могу. Кажется, что первые слухи объ этомъ возникли въ трактирѣ Горячаго, а ужъ оттуда приказные изъ судовъ по городу разнесли.

— Разузнай, смотри, ты объ этомъ хорошенько..... Сохрани Богъ, дойдетъ до его превосходительства прежде, нежели я ему объ этомъ донесу. У насъ—ты знаешь, какое зелье... Чтобъ только выслужиться, онъ готовъ не то что меня, отца роднаго продать.... Такъ и надо, прежде нежели писнетъ кто нибудь, чтобъ успѣло донесеніе придти отъ меня. Да знаешь ли что? Забѣги-ка на почту, да попроси почтмейстера, коли будутъ какія бумаги отъ стряпчаго къ прокурору али къ губернатору, чтобъ онъ ихъ позадержалъ до слѣдующей почты. А ежели будетъ упираться да отнѣкиваться, то скажи: городничій, молъ, велѣлъ вамъ сказать, что ужь много больно лѣсу на площадь навозили, базаръ постѣснили этимъ; что, дескать, для себя кому нуженъ лѣсъ, можно его сложить на улицѣ, а для торговли нельзя же площадь всю завалить, и что, дескать, приказалъ городничій попросить васъ лѣсъ убрать, неравно, дескать, какое начальство пріѣдетъ, такъ пожалуй еще достанется....

— Слушаю-съ.

— Смотри жь, Ахвердовъ, ты мнѣ дѣльце обработай. Разузнай, отъ кого эти слухи вышли, и почтмейстера подтяни, чтобъ онъ не думалъ о себѣ тамъ что нибудь. Я ему позволилъ на площади одну только стопку лѣсу положить, а онъ обрадовался, да всю площадь завалилъ. Не лѣсной же, въ самомъ дѣлѣ, рядъ у насъ торговая площадь: надо и честь знать.

Къ вечеру того же дня частный приставъ явился къ городничему съ донесеніемъ, что слухи эти вышли изъ дома Бряницкаго; что ихъ разсказывалъ лакей его, бывшій въ трактирѣ, и что привидѣніе видѣла барышня, сестра Бряницкаго.

На другой день съ утра городничій былъ уже въ полной формѣ, чтобъ отправиться къ Бряницкому съ визитомъ, который онъ дѣлалъ по службѣ и которому хотѣлъ придать какъ можно больше торжественности, для того, чтобъ видѣли, какъ строго исполняетъ онъ свою обязанность. Это было часовъ въ 8,—время, которое, какъ мы знаемъ, Бряницкій посвящалъ занятіямъ въ павильонѣ, гдѣ вообще не любилъ, чтобъ ему мѣшали. Но городничій въ уѣздномъ городѣ не такое лицо, чтобъ ему можно было отказать, особенно въ такое время, когда небытіемъ дома отговориться нельзя, и потому волей-неволей Бряницкій долженъ былъ принять его. Нельзя однако не замѣтить, что городничему пришлось подождать, потому что Бряницкій, запиравшійся въ павильонѣ, не скоро еще далъ къ себѣ достучаться и войти въ

свою комнату. Городничій, хотя и побаивался нѣсколько Бряницкаго, потому что онъ имѣлъ знакомство въ губернскомъ городѣ и могъ при случаѣ довести до свѣдѣнія кого слѣдуетъ о кой-какихъ несправедливыхъ его поступкахъ, все-таки нѣсколько обидѣлся тѣмъ, что его заставили ждать, и потому, когда Бряницкій вошелъ въ гостиную, довольно грубо повелъ рѣчь и безъ всякихъ приготовленій объявилъ ему о томъ, что изъ его дома выходятъ такіе слухи, которые нарушаютъ спокойствіе города. Бряницкій, никакъ не ожидавшій, чтобъ изъ пустяковъ, которые пришли въ голову его сестрѣ, могло выдти дѣло, въ которое вмѣшивается полиція, далъ замѣтить городничему, что происшествіе это, имѣющее основаніемъ разстроенное воображеніе молодой дѣвушки, не должно бы, кажется, быть даже и предметомъ занятія какихъ бы то ни было властей, которымъ нѣтъ и надобности мѣшаться въ то, что происходитъ въ семействѣ.

Городничій съ своей стороны стоялъ на своемъ, то есть на томъ, на что настроилъ его письмоводитель,—что онъ обязанъ наблюдать, чтобъ не было распространяемо зловредныхъ и ложныхъ слуховъ о чудесахъ и тому подобномъ. Ясно, что они не понимали другъ друга. Когда же городничій заговорилъ о юродивомъ странникѣ, о дворникѣ Еремѣичѣ и о прочемъ, Бряницкій вытаращилъ глаза, услыхавъ всю эту нелѣпицу, и разсмѣялся поневолѣ. Эта усмѣшка взорвала городничаго. Онъ объявилъ, что желаетъ знать, какъ все происходило, и прибавилъ, что если Бряницкій не объяснитъ ему всѣхъ подробностей, онъ заберетъ всѣхъ его людей въ полицію, волей и неволей доберется до правды, а въ случаѣ надобности потребуетъ даже и его сестрицу, потому что, обязанный присягою наблюдать за тишиною и безопасностію города, онъ не упуститъ ничего для открытія истины и преслѣдованія виновныхъ по всей строгости законовъ, ежели таковые окажутся.

Бряницкій, видя, что нашъ городничій, чѣмъ-то раздосадованный и взмостившійся на служебнаго конька, начинаетъ говорить громкія слова присяги, чести и проч., что обыкновенно говорится въ тѣхъ случаяхъ, когда надо сдѣлать какую нибудь мерзость, понялъ, что лучше всего, не допуская до разспросовъ людей, которые то же въ свою очередь могутъ наболтать и невѣсть какихъ небывальщинъ, разсказать все, какъ было. Вслѣдствіе этого, распространившись о той сердечной

дружбѣ, которая соединяла сестру его съ первою женою, онъ окончилъ тѣмъ, что сестра его,—дѣвушка мечтательная, восторженная, начиненная романическими бреднями, — представила вдругъ себѣ, что видѣла его покойную жену, и это не ночью и не въ какомъ нибудь темномъ углу, а днемъ, въ саду, въ аллеѣ, чего разумѣется и быть не могло. Вслѣдствіе этого онъ просилъ городничаго не выводить изъ этихъ пустяковъ чего нибудь важнаго и оставить старымъ бабамъ толковать обо всемъ этомъ, потому что мужчинамъ, и еще служащимъ, заниматься такими вздорами неприлично. Поданный завтракъ со *слезою* разгладилъ морщины гнѣва на лицѣ городничаго.... Для вида онъ попросилъ, чтобъ дѣвушка сама разсказала ему о происшествіи, и когда та, предувѣдомленная братомъ, повторила слово въ слово то, что разсказывалъ Бряницкій, городничій развеселился, послалъ къ чорту сплетниковъ и обѣщалъ выпороть на обѣ корки перваго, кто будетъ толковать объ этой исторіи. Дѣвушку же, какъ честный офицеръ, просилъ успокоиться, не читать этихъ вздоровъ, которые называются романами, и какъ отличное средство противъ всякихъ подобныхъ искушеній дьявола, которому онъ приписывалъ всѣ эти штуки, предложилъ чтеніе назидательныхъ книгъ, говоря, что это совѣтовалъ, въ полку, гдѣ онъ служилъ, одному изъ его товарищей, дошедшему отъ пьянства до бѣлой горячки, которому всегда представлялось, что у него на носу сидитъ муха и играетъ на скрипкѣ, полковой аудиторъ, человѣкъ очень умный и начитанный.

Разговоръ этотъ не имѣлъ дальнѣйшихъ послѣдствій, кромѣ того, что Бряницкій, намѣревавшійся сдѣлать къ павильону нѣкоторыя пристройки, отложилъ ихъ до будущаго лѣта.

V.

Какъ ни ничтожно само по себѣ было разсказанное нами происшествіе, оно все-таки оставило нѣкоторое впечатлѣніе въ умахъ жителей городка. Правда, боясь городничаго, который не на шутку объявилъ, что запоретъ на смерть каждаго, кто будетъ разсказывать это событіе не такъ, какъ оно было, — жители толковали объ этомъ шопотомъ въ своихъ семьяхъ; но тѣмъ не менѣе на сестру Бряницкаго, когда она проѣзжала къ обѣднѣ, смотрѣли какъ-то особенно, качали головами, шептались; а домъ

Бряницкаго получилъ таинственный характеръ, такъ что ночью или вечеромъ не рѣшались ходить мимо него. Страшные слухи особенно усилились, когда узнали, что Бряницкій намѣревался дѣлать пристройки къ павильону; начали поговаривать, что вѣроятно онъ колдунъ, знается съ чертями, и что вѣроятно запирается-то въ павильонѣ для того, чтобъ заниматься тамъ чернокнижіемъ, вызываніемъ духовъ, и что покойная жена его является потому, что заклинаніемъ да колдовствомъ онъ тревожитъ ея кости. Кухарка, вставшая однажды раньше обыкновеннаго, вдругъ ни съ того, ни съ сего увидѣла, что въ павильонѣ окно завѣшено клѣтчатымъ платкомъ, а горничная, оставшаяся еще отъ прежней барыни, принялась утверждать, что клѣтчатый платокъ былъ у покойной и что тутъ что нибудь да не просто. Конечно, когда возбужденная этими разсказами остальная прислуга Бряницкаго пошла на открытіе, то никакого клѣтчатаго платка въ окнѣ не замѣтила; но тѣмъ не менѣе этотъ платокъ сдѣлался новою пищею для праздныхъ языковъ и охотницъ до всякаго рода страшныхъ приключеній. Стали припоминать всѣ прежнія обстоятельства; припомнили, что Бряницкій очень любилъ свою первую жену, что онъ, какъ говорили, надышаться на нее не могъ, что просто чуть самъ въ могилу не сошелъ, когда она умерла, и завершили тѣмъ, что вѣроятно онъ до того соскучился по ней, что продалъ душу свою дьяволу для того, чтобъ вызывать ее изъ могилы. Другіе, напротивъ того, утверждали, что Бряницкій занимался дѣланіемъ фальшивой монеты и что по ночамъ въ той сторонѣ, гдѣ стоитъ павильонъ, изъ города видны какія-то огненныя полосы, красный дымъ и искры, какъ въ кузницѣ. Третьи увѣряли, что они за вѣрное слышали, что въ павильонъ летаетъ каждую ночь огненный змѣй, который потомъ превращается въ покойницу и проводитъ ночи съ тѣмъ, кто былъ на землѣ ея мужемъ. Нашлись еще и такіе, которые чуть не съ клятвой утверждали, что они слышатъ очень часто, какъ собаки на дворѣ у Бряницкаго лаютъ цѣлыя ночи напролетъ, какъ за языкъ повѣшенныя, и что вѣрно это ходитъ тѣнь его жены, невидимая для людскаго глаза, которую собаки чуютъ только чутьемъ, и воютъ, и съ цѣпи рвутся....

Всѣ эти разсказы доходили до Бряницкаго и заставляли его задумываться. Конечно, многіе изъ нихъ были такъ нелѣпы, что на нихъ и вниманія обращать бы не стоило; но тѣмъ не менѣе видѣть себя предметомъ разговоровъ, толковъ и сужденій какихъ

бы то ни было, вообще непріятно. Онъ сдѣлался задумчивъ, мраченъ, меньше, нежели прежде, сталъ появляться дома, и проводилъ большую часть дня въ своемъ павильонѣ; замѣтно сблизился съ городничимъ, для того, вѣроятно, чтобъ парализировать вліяніемъ своимъ и частымъ появленіемъ на глаза къ нему—всѣ пересуды о немъ и всѣ заключенія о его образѣ жизни и занятіяхъ.... Потомъ вдругъ, безъ всякой видимой причины, поѣхалъ въ губернскій городъ, пробылъ тамъ нѣсколько дней и по возвращеніи сдѣлался замѣтно спокойнѣе.

Всѣ эти замѣчанія дѣлала сестра его, наблюдавшая за нимъ со всею сердечною привязанностью: жена же, совершенно довольная тѣмъ, что могла лежать и жевать, сколько душѣ угодно, — ничего не замѣчала, ничего не видала, а если правду сказать,—ни о чемъ и не думала. По возвращеніи изъ губернскаго города, въ Брянницкомъ замѣтили не только сестра, но даже и домашніе что-то суетливое, продолжавшееся нѣсколько дней; онъ не сидѣлъ запершись въ павильонѣ, какъ прежде, но ходилъ взадъ и впередъ изъ дома въ павильонъ и изъ павильона въ домъ.

Кончилось все это тѣмъ, что въ одинъ прекрасный день онъ исчезъ вовсе. Тщетно ждали его къ чаю, къ обѣду, къ вечернему чаю,—его не было. Сестра пришла въ отчаяніе. Несмотря на строгій запретъ ходить въ павильонъ, она бросилась туда, велѣла разломать замокъ, — тамъ пусто: — все прибрано, ни гдѣ ни бумажки, ни малѣйшаго слѣда, чтобъ тутъ когда нибудь жилъ человѣкъ.

Едва окончился этотъ обзоръ, какъ бѣдной дѣвушкѣ подали письмо, принесенное неизвѣстнымъ человѣкомъ, тотчасъ впрочемъ скрывшимся. Письмо это было такого содержанія:

«Не удивляйся моей отлучкѣ. Она необходима. Не тоскуй и не плачь; все дѣлается къ лучшему въ этомъ мірѣ. Скоро ты обо мнѣ услышишь. Жизнь наша тогда пойдетъ обыкновеннымъ порядкомъ—покойно и счастливо. Я не думаю, чтобъ жена моя стала очень тосковать объ моемъ отсутствіи; можешь поклониться ей и сказать, что въ непродолжительномъ времени я буду писать къ ней. Деньги на содержаніе вамъ найдешь въ павильонѣ въ секретномъ ящикѣ, въ стѣнѣ подъ тѣмъ окномъ, которое выходитъ на Царицыну лужайку. Подави мѣдную пуговку, которая сейчасъ подъ подоконницей, ящикъ тотчасъ откроется.

Повторяю, — не грусти и не плачь. Дѣло идетъ хорошо и ты будешь мною довольна.

Искренно любящій тебя.... и прочее.»

Это посланіе немного успокоило дѣвушку.

VI.

Въ лѣсахъ, протянувшихся широкою и длинною полосою вдоль нашей границы съ Пруссіей, живетъ какое-то странное племя: смѣсь поляковъ, жидовъ, чухонъ, жмуди. Среди этого оборваннаго, полуголоднаго, почти полудикаго племени, выдаются болѣе всего жиды, такъ же оборванные, такъ же полуголодные, но изворотливые и ловкіе. Корчмы, разбросанныя здѣсь повсюду, служатъ пристанищемъ контрабандистамъ; закрытыя тѣнью почти непроходимыхъ лѣсовъ, гдѣ даже и сообщенія трудны, онѣ представляютъ всѣ удобства для этого рода торговли, и тутъ-то за ничтожную плату можно всегда найти молодцевъ, готовыхъ на все, въ чемъ надо дѣйствовать хитростью и обманомъ, — только не открытою силою.

Въ одинъ осенній вечеръ, когда сумерки начали уже надвигаться на землю, къ одной такой корчмѣ, въ польской длинной таратайкѣ, подъѣхали два человѣка. Въ такихъ корчмахъ объ особыхъ комнатахъ нечего и думать; и путешественники наши должны были удовольствоваться одною общею комнатою, въ которой шумѣло два-три запоздалыхъ контрабандиста, въ углу храпѣлъ какой-то полунѣмецъ-полуполякъ, а еврейка, въ красномъ платкѣ на головѣ, тараторила и суетилась, то награждая толчками грязныхъ дѣтей, то подавая вино гостямъ. Корчма эта, какъ и всѣ почти заведенія подобнаго рода въ томъ краю, состояла изъ длиннаго, очень низкаго строенія, окна котораго лежали почти на землѣ, съ превысокой крышей, покрытой маленькими кусочками тонкой драни, съ земляным полом и этой особой, нестерпимой для непривычнаго носа, атмосферой, какая бываетъ обыкновенно въ еврейскихъ жилищахъ. Хозяинъ, въ черной бархатной ермолкѣ, на которой нашито было какое-то жидовское изображеніе, съ длинными пейсиками, въ изодранномъ, черномъ демикотоновомъ балахонѣ, въ туфляхъ безъ задниковъ, шлепавшихъ, когда онъ ходилъ, егозилъ около гостей, подливая имъ вино, и время отъ времени услаждалъ слухъ ихъ музыкою како-

го-то страннаго инструмента, схожаго съ шарманкой. Пріѣздъ нашихъ путешественниковъ не нарушилъ занятій дѣйствующихъ лицъ. Имъ отвели уголъ, гдѣ они и должны были удовольствоваться чѣмъ-то въ родѣ кровати изъ досокъ, съ брошеннымъ на нее грязнымъ матрацомъ.... Молча усѣлись они на это негостепріимное ложе, чтобъ осмотрѣть все окружавшее ихъ; они попросили ѣсть, но съѣстнаго въ харчевнѣ ничего не оказалось, — было только вино.... да и то скверное.

Одинъ изъ путешественниковъ началъ съ жадностью прислушиваться къ разговору пирующихъ. По немногимъ словамъ онъ могъ догадаться, что попойка, происходившая тутъ, не была случайною, что въ эту ночь ждали партію изъ-за границы съ контрабандой и что на эту контрабанду возлагали большія надежды. Пирующіе, несмотря на то, что разговоръ ихъ шелъ о предметахъ не совсѣмъ законныхъ, мало стѣснялись присутствіемъ постороннихъ; конечно, при первомъ появленіи они осмотрѣли ихъ съ ногъ до головы, — и вѣроятно этого обзора было достаточно для того, чтобъ обсудить и понять, что они не могутъ быть опасными.

Часовъ около десяти ночи, когда наши путешественники уже улеглись, но не спали—съ цѣлью, чтобъ не пропустить ничего изъ того, что будетъ происходить, — послышался около корчмы шумъ и шопотъ, и въ комнату вошло человѣкъ шесть людей всякаго возраста, неся на плечахъ большіе мѣшки съ товарами. Это была ожидаемая партія. Ее встрѣтили съ шумными и радостными восклицаніями. Ремесло на эту ночь было опасно: носились слухи, что пограничная стража что-то почуяла и смотрѣла во всѣ глаза.... Но по разсказамъ пришедшихъ, границу они перешли благополучно, даже не видя и тѣни кордонныхъ. Многіе были того мнѣнія, что страхъ кордонныхъ была пустая тревога; тѣ же, которые постарше, говорили, что это просто ловушка, что хотятъ ихъ усыпить для того, чтобъ накрыть разомъ; вслѣдствіе этого совѣтовали поскорѣе убираться дальше отъ границы и поскорѣе распускать по рукамъ товары. Хозяинъ, ужь опытный въ дѣлахъ этого рода и находившій свои разсчеты въ томъ, чтобъ десятка два человѣкъ, усталыхъ и слѣдственно нуждающихся въ подкрѣпленіи, пробыли нѣсколько лишнихъ часовъ въ его корчмѣ, — голосилъ, что всѣ эти слухи вздоръ, что кордонные и заглянуть-то въ его корчму не посмѣютъ, зная, что тутъ можно встрѣтить такихъ

молодцовъ, какъ они, и что бояться всѣхъ пустыхъ слуховъ смѣшно и стыдно. Смотря на то, какъ онъ распрямился, какъ горѣли его глаза, какъ воинственно болтались его песики и какія энергическія движенія онъ дѣлалъ руками, можно было подумать, что это Сампсонъ по силѣ и Баярдъ по неустрашимости....

Противъ того, чтобъ долго оставаться въ корчмѣ, возсталъ плотный, приземистый дѣтина съ сильнымъ польско-нѣмецкимъ акцентомъ, бывшій, какъ замѣтно, начальникомъ экспедиціи. Онъ доказывалъ, что ежели хозяева этого рода промышленности поручили имъ пронести товары черезъ границу, то они должны выполнить это добросовѣстно и доставить въ руки тѣмъ, кому назначено, прибавляя, что ежели честности въ ихъ ремеслѣ не будетъ, оно сдѣлается невозможнымъ и должно прекратиться вовсе; что оставаться долѣе въ корчмѣ,—значитъ подвергать опасности и самихъ себя, и свое занятіе; и потому требовалъ сейчасъ же отправиться далѣе, чтобъ не покрыться позоромъ, за невыполненіе обѣщаннаго. Онъ напоминалъ, что хозяинъ ихъ принялъ вещи на страхъ съ отвѣтственностью, что выдалъ въ пріемѣ вещей квитанцію, и что безчестно поставить его въ обязанность заплатить за вещи, принятыя для доставки на совѣсть. Тѣ, которымъ не хотѣлось разстаться съ водкою корчмаря-еврея, утверждали, что эта торговля—недозволенная, что заводить книги на пріемъ вещей и выдавать на нихъ квитанціи—глупо; что этимъ только ихъ подвергаютъ преслѣдованію и суду, и что требовать правильности и страхованія въ такомъ дѣлѣ, которое зависитъ отъ случая, отъ нечаянной встрѣчи, отъ перваго болтуна, —есть чистое безуміе.

Старшій изъ путешественниковъ слушалъ всѣ эти разговоры съ напряженнымъ вниманіемъ, и видя, что приземистый господинъ сильно упиралъ на исполненіе обѣщаній, называя нарушеніе ихъ дѣломъ безчестнымъ, рѣшился объясниться съ нимъ. Для этого онъ всталъ, далъ рукою знакъ, что хочетъ говорить съ нимъ наединѣ, и вышелъ изъ корчмы.

Разговоръ ихъ продолжался долго. Контрабандистъ, какъ замѣтно, не соглашался на предложеніе его, отговариваясь тѣмъ, что контрабандисты за такія дѣла не берутся, что остановить кого нибудь на дорогѣ силой—грабежъ, и что за это по законамъ въ каторжную присуждаютъ. Путешественникъ въ отвѣтъ на это говорилъ, что тутъ грабежа нѣтъ, когда у человѣка ничего не отнимаютъ изъ имущества, что грабежъ есть не что иное, какъ

воровство съ насиліемъ, — а что когда у человѣка не берутъ ничего, кромѣ какой нибудь ничтожной бумажки, которая можетъ быть всегда замѣнена, — тамъ воровства нѣтъ. Какъ видно, путешественникъ не стоялъ за деньгами, и вѣроятно это было причиною, что онъ сошелся съ контрабандистомъ.... Не далѣе какъ черезъ три-четыре дня послѣ этого былъ остановленъ на дорогѣ экипажъ съ семействомъ, отправлявшійся за границу,— и лица, остановившія его, не требовали отъ путешественниковъ ничего, кромѣ ихъ заграничныхъ паспортовъ, отказываясь даже отъ денегъ, имъ предлагаемыхъ, и даже не дотронувшись до какихъ бы то ни было вещей.

Почти въ тоже самое время кордонъ, объѣзжавшій границу, наткнулся на нѣсколькихъ людей, перебиравшихся черезъ границу глухими тропинками. Еслибъ эти люди, не имѣвшіе при себѣ ни запрещенныхъ товаровъ и ничего, чтобы могло казаться подозрительнымъ, были одѣты такъ, какъ одѣто все низшее сословіе въ этомъ краю, — объѣзжающимъ, разумѣется, не пришло бы и въ голову ихъ останавливать; но такъ какъ двое изъ нихъ были въ городскихъ пальто и говорили на московскомъ нарѣчіи, то по подозрѣнію они были остановлены и приведены въ таможню. Тамъ тотчасъ открылось, что одинъ изъ захваченныхъ оказался особою женскаго пола. Это усилило подозрѣніе еще болѣе.... Отъ захваченныхъ потребовали виды и когда мужчина представилъ свой заграничный паспортъ, оказалось, что паспортъ этотъ былъ взятъ у проѣзжавшаго передъ тѣмъ семейства.... Они оба были отправлены въ земскій судъ; судъ—какъ людей подозрительныхъ, посадилъ ихъ въ острогъ. Началось формальное слѣдствіе.

Первоначальные допросы не повели ни къ чему. Съ перваго раза и мужчина и женщина отвѣчали, что они *непомнящіе родства*; что они заграничный паспортъ нашли на дорогѣ; что они за границу хотѣли перебраться потому, что въ Россіи не имѣютъ никакихъ средствъ къ существованію, и думали попытать счастье въ чужихъ земляхъ.

Хотя тонкое бѣлье и даже нѣсколько изысканная одежда не показывали, чтобъ это были люди нуждающіеся въ способахъ существованія, — они стояли упорно на своемъ.

Приступлено было къ обыску.

Обыскъ еще болѣе подтвердилъ ложность ихъ показаній: на мужчинѣ найденъ былъ поясъ, въ которомъ было иностран-

наго золота почти на 800 рублей и переводное письмо на имя одного изъ извѣстныхъ парижскихъ банкировъ, почти на 50 тысячъ рублей. На женщинѣ брильянты, хотя не очень цѣнные, но все таки довольно дорогіе для бродягъ, непомнящихъ родства.

Всѣ эти обстоятельства, вмѣстѣ взятыя, въ высшей степени заинтересовали всѣ власти уѣзднаго городка, такъ что городничій и исправникъ нашли себя обязанными тотчасъ донести объ этомъ начальнику губерніи, а стряпчій — прокурору....

Начальникъ губерніи, человѣкъ въ высшей степени щепетильный относительно службы, тотчасъ сообщилъ объ этомъ, кому слѣдовало.... Поднялась такая суматоха, что и описать нельзя. Такъ какъ все производилось подъ величайшимъ секретомъ, то черезъ два часа весь губернскій городъ былъ на ногахъ. Мужчины, а особенно барыни — скакали изъ дома въ домъ и разсказывали обо всемъ шопотомъ, разумѣется, съ подобающимъ распространеніемъ и дополненіемъ....

При этихъ разсказахъ, одна изъ аристократокъ города, Анна Сергѣевна Д*, вдругъ вспомнила, что когда она, три дня передъ тѣмъ, заказывала повару кушанье,—онъ вдругъ посмотрѣлъ на нее ужасно странно.... По всѣмъ вѣроятіямъ эти злоумышленники снюхались съ ея Тишкой.

Непремѣнный членъ приказа говорилъ, что онъ давно уже замѣчаетъ что-то необыкновенное. Когда онъ, напримѣръ, приходитъ въ присутствіе, то чиновники съ нѣкотораго времени кланяются ему не такъ низко, какъ прежде; и даже одинъ разъ,—что̀ уже по его мнѣнію составляетъ непреложное доказательство,—одинъ изъ такихъ чиновниковъ мѣнялъ въ табачной лавкѣ 20-франковую монету. Не ясно ли послѣ того, что эти деньги пришли къ нему какимъ нибудь необыкновеннымъ путемъ?... Откуда бы ему взять эти деньги, когда положительно извѣстно, что 20-франковыхъ монетъ во всемъ городѣ три: одна у откупщика, другая у инспектора врачебной управы, собирающаго всѣ необыкновенныя монеты, и третья — у первостатейнаго торговца Туницына.

Слушая всѣ эти разсказы, начальникъ губерніи значительно понюхивалъ табакъ, пославъ между тѣмъ своего чиновника особыхъ порученій, въ сопровожденіи другаго должностнаго лица, произвести строжайшее дознаніе: кто такіе пойманные бродяги, — и съ нарочною эстафетою донести ему о послѣдствіяхъ.

Молодой человѣкъ, посланный губернаторомъ, потиралъ руки отъ удовольствія, что ему поручено такое важное дѣло, и уже въ умѣ заковывалъ въ кандалы и всякими другими средствами тревожилъ пойманныхъ злоумышленниковъ, чтобъ заставить ихъ открыть страшную тайну. Онъ однако не открывалъ своихъ плановъ должностному лицу, съ нимъ ѣхавшему, для того, чтобъ тотъ не перебилъ у него славы открытія и тѣмъ не лишилъ его той награды, которую въ умѣ своемъ онъ уже созерцалъ въ петличкѣ своего фрака, а можетъ быть даже и на шеѣ.

Дѣйствительность, однако, не оправдала ожиданій его, когда онъ увидѣлъ лицомъ къ лицу незнакомца и женщину, съ нимъ бывшую. Разумѣется, она, какъ существо прекраснаго пола, первая сдѣлалась предметомъ наблюденій ревностнаго чиновника. Это было прекрасное, кроткое созданіе, лѣтъ 23, съ свѣтлорусыми волосами, съ глазами сѣрыми, глубокими, съ кроткою, но грустною улыбкой,—одно изъ тѣхъ умиряющихъ, благородныхъ въ простотѣ своей созданій, которыя встрѣчаются такъ рѣдко и которыхъ, увидѣвъ однажды, позабыть нельзя никогда. Но по головкѣ, которую она держала высоко, несмотря на содержаніе въ острогѣ, по строгой и горькой улыбкѣ, часто появлявшейся на губахъ ея, несмотря на кротость,—можно было подозрѣвать въ ней волю сильную и непреклонную, такую волю, которая не согнется ни подъ какими ударами. Она такъ просто, такъ безъискуственно смотрѣла чиновнику въ глаза, называя себя бродягою, непомнящею родства, что тотъ сталъ въ тупикъ.... Онъ вздумалъ запутывать діалектикой, *сбивать*, какъ говорятъ слѣдователи; но она отвѣчала ему такъ односложно и коротко, и вмѣстѣ такъ неопредѣленно, что бѣдный молодой человѣкъ повѣсилъ голову. За мужчину онъ принялся не съ такою охотою, особливо когда тотъ съ перваго раза ему объявилъ, что болѣе того, что̀ онъ сказалъ при первомъ допросѣ, отъ него ничего не узнаютъ. Угрозы тоже не подвинули дѣла ни на волосъ. Тогда молодой человѣкъ поприжалъ язычекъ — и отправился во свояси, то есть въ губернскій городъ. Дѣло шло своимъ чередомъ....

По пріѣздѣ въ губернію, молодой человѣкъ, чтобъ не подать дурнаго мнѣнія о своей проницательности или подозрѣнія, что не занялся дѣломъ, далъ почувствовать косвенно начальнику губерніи, что взятые два арестанта далеко не то, что̀ они про себя говорятъ, и что вѣроятно тутъ скрывается какая ни-

будь страшная тайна. Супруга начальника губернiи, страшная охотница до всякихъ тайнъ вообще, дама экзальтированная, была до такой степени возбуждена разсказами молодаго человѣка, пользовавшагося особенною ея протекцiею, что почти настоятельно потребовала отъ мужа вытребовать арестантовъ въ губернскiй городъ, съ тѣмъ, чтобъ лично удостовѣриться, дѣйствительно ли молодая арестантка такъ хороша, какъ описывалъ ее молодой человѣкъ, и дѣйствительно ли они такiе важные преступники, какъ объ нихъ думаютъ. На этомъ основанiи былъ вытребованъ на ея половину правитель канцелярiи и получилъ приказанiе повидаться съ предсѣдателемъ уголовной палаты и выразить желанiе, чтобъ арестантовъ вытребовали въ губернскiй городъ для подтвердительныхъ допросовъ. Все это было сдѣлано потому, что правитель канцелярiи объявилъ, что еслибъ начальникъ губернiи не былъ въ явной враждѣ съ прокуроромъ, тогда бы можно было вытребовать арестантовъ и просто, написавъ только: по приказанiю его превосходительства. Но такъ какъ прокуроръ былъ въ явной враждѣ съ его превосходительствомъ и забылся даже до того, что черезъ плечо его превосходительства (онъ былъ хромъ и ходилъ съ костылемъ) осмѣлился замахиваться на правителя дѣлъ холернаго комитета, спрятавшагося на корточки за генеральской спиной; то, разумѣется, просто этого теперь сдѣлать было нельзя, и надо было дѣйствовать чрезъ уголовную палату, которая одна имѣетъ право, не выходя изъ закона, заставить арестанта сдѣлать столько верстъ пѣшкомъ и въ цѣпяхъ, сколько ей вздумается.... Правитель канцелярiи, разумѣется, «потщился» исполнить волю ея превосходительства; онъ отправился тотчасъ къ предсѣдателю; и такъ какъ тому было все равно, пройдетъ ли арестантъ лишнюю сотню верстъ пѣшкомъ, то онъ безъ труда согласился на волю ея превосходительства, замѣтивъ только, что исполнить ея волю мгновенно нельзя, потому что дѣло въ палату не поступало. Правитель канцелярiи принялъ на себя хлопоты по этому дѣлу, и въ тотъ же день полетѣло съ нарочнымъ въ уѣздный судъ предложенiе его превосходительства: «донести, въ какомъ положенiи дѣло, и ежели еще не рѣшено, то всемѣрно озаботиться, по его важности, скорѣйшимъ его окончанiемъ....».

Разумѣется, уѣздный судъ, получа такое строгое предписанiе, не заставилъ ждать себя: дѣло было тотчасъ представлено въ палату, а палата, не развернувъ даже его, потребовала двухъ

непомнящихъ родства къ подтвердительнымъ допросамъ. Они были отправлены пѣшкомъ, прикованные къ цѣпи вмѣстѣ съ разбойниками и убійцами....

Желаніе ея превосходительства исполнилось; арестанты прибыли въ губернскій городъ,—они были выставлены на позорище; на нихъ ѣздили смотрѣть, какъ на Пастрану, какъ на Томъ-Пуса, какъ на Сіамскихъ близнецовъ.

Любопытство публики было удовлетворено.

Все, что мы до сихъ поръ разсказывали, случилось въ той самой губерніи, въ которой Бряницкій, въ началѣ нашего разсказа, похоронилъ жену свою. Надобно сказать, что священникъ, ее хоронившій и давшій тогда ея мужу свидѣтельство, находился въ то время по дѣламъ своимъ въ губернскомъ городѣ. Любознательная губернаторша нарочно ѣздила сама въ острогъ для того, чтобъ «поскорбѣть объ участи несчастныхъ», какъ она выражалась, «и полюбопытствовать, такъ ли хороша, какъ говорили, женщина, къ которой она чувствовала нѣкоторую ревность за неумѣренныя похвалы чиновника особыхъ порученій». Такъ какъ молва о страшныхъ людяхъ, пойманныхъ на границѣ и теперь приведенныхъ въ губернскій городъ, проникла и въ низшіе слои губернскаго народонаселенія, то не мудрено, что всякій разъ, какъ нашихъ двухъ *непомнящихъ родства* приводили въ палату, толпы любопытныхъ сбѣгались смотрѣть на нихъ. Священнику, увлеченному толпою, тоже какъ-то случилось видѣть ихъ на пути. Наружность мужчины поразила его.... Онъ сталъ припоминать, гдѣ и когда онъ его видѣлъ, и наконецъ рѣшилъ, что лицо человѣка, называющаго себя непомнящимъ родства, ему знакомо и что это именно тотъ господинъ, жену котораго хоронилъ онъ.

Слыша безпрестанно около себя разсказы о важности этихъ преступниковъ, о тѣхъ страшныхъ замыслахъ, которые имъ приписываются, и наконецъ видя всеобщее любопытство, какимъ они окружены,—онъ счелъ обязанностью своею открыться своему духовному начальству,—а оно тотчасъ дало знать гражданскому, и не далѣе, какъ черезъ два часа у священника въ гостяхъ сидѣлъ полицмейстеръ города съ приказаніемъ начальника губерніи, какъ можно поспѣшнѣе собрать самыя точныя и самыя вѣрныя свѣдѣнія о вредныхъ неизвѣстныхъ людяхъ, именующихъ себя непомнящими родства. Священникъ, разсказавши полицмейстеру все, какъ было, только не могъ

припомнить фамилія вдовца, которому выдано свидѣтельство, и прибавилъ, что объ этомъ можно справиться въ его бумагахъ, что это обстоятельство извѣстно и мѣстному становому приставу. Этого было достаточно для возбужденія неутомимой ревности начальника губерніи. Онъ тотчасъ сдѣлалъ распоряженіе о собраніи всѣхъ нужныхъ свѣдѣній и о вытребованіи становаго въ губернскій городъ. Не далѣе, какъ черезъ три дня, и имя того, кому выдано было свидѣтельство, стало извѣстно, и становой явился къ его превосходительству.

Непомнящій родства былъ, какъ вѣроятно уже догадался читатель, — Брянницкій. Оставалось только уличить его въ ложномъ показаніи и заставить сознаться.

Для этого, по предложенію прокурора, арестанты были вызваны въ палату.

Предсѣдатель, облекшійся для этого казуснаго случая во всѣ регаліи, допрашивалъ ихъ самъ.

— Кто ты такой? спросилъ онъ Брянницкаго, когда того ввели въ присутствіе.

— Я вамъ сказалъ уже, кто я! отвѣчалъ Брянницкій съ замѣтной досадой. Чего вы доискиваетесь, когда законъ прямо и положительно говоритъ, что непомнящіе родства ссылаются въ Сибирь? — Извольте ссылать меня — вотъ ваша обязанность.

Тонъ этотъ оскорбилъ предсѣдателя. Онъ величаво поднялъ голову, съ нѣкоторою гордостью бросилъ взглядъ на свои регаліи и небрежно сказалъ:

— Я призвалъ тебя не для того, чтобы слушать твое наставленіе, а чтобъ уличить тебя во лжи. Богъ, карающій преступленія, не допустилъ совершиться злодѣйскимъ намѣреніямъ твоимъ; — по неисповѣдимымъ судьбамъ своимъ Онъ открываетъ, кто ты такой.

Брянницкій поблѣднѣлъ, руки и ноги у него задрожали....

— Смирись предъ промысломъ! продолжалъ богобоязливый предсѣдатель: — и предъ лицомъ закона, котораго я здѣсь представитель, открой свое имя и званіе, пока мы не изобличимъ сами, и когда ты не будешь уже въ правѣ воспользоваться милосердіемъ закона.

Брянницкій горько улыбнулся, но не сказалъ ни слова.

— Я жду твоего отвѣта, началъ опять предсѣдатель.

Бряницкій хотѣлъ что-то отвѣчать, слово готово было уже сорваться съ языка его, но онъ замѣтно переломилъ себя — и помолчавъ, сказалъ очень тихо:

— Больше того, что вамъ извѣстно, мнѣ сказать нечего.

Тогда предсѣдатель велѣлъ позвать священника и становаго. При видѣ ихъ Бряницкій едва удержался на ногахъ. Онъ бы упалъ, еслибъ его не поддержали. Предсѣдатель видимо торжествовалъ.

— Теперь запираться нечего, продолжалъ онъ: — всякое упорство поведетъ только къ отягченію судьбы твоей. Ваше священство, извольте разсказать все то, что вамъ извѣстно о подсудимомъ.

Священникъ повторилъ все то, что извѣстно читателю. Когда онъ кончилъ, предсѣдатель потребовалъ объясненій становаго. Становой въ свою очередь повторилъ почти тоже, что̀ сказалъ священникъ.

Бряницкій слушалъ показанія эти съ какою-то тупою безчувственностью. Видно было, что внутри его происходила страшная борьба, что онъ терялся въ хаосѣ мыслей и не находилъ изъ нихъ выхода. Онъ вздрагивалъ по временамъ, слушая подробности смерти жены своей, когда священникъ сталъ описывать его нетерпѣніе скорѣе уѣхать и необычайную торопливость на полученіе свидѣтельства.

— Да, я — Бряницкій! сказалъ онъ наконецъ рѣшительно, видя уже, что запирательство ни къ чему не поведетъ: — я хотѣлъ перейти границу съ чужимъ видомъ; извольте наказывать, я готовъ на все!...

— Какимъ образомъ пріобрѣли вы заграничный паспортъ, съ которымъ васъ взяли?

— Я подкупилъ контрабандистовъ, которые захватили его у первыхъ проѣзжающихъ.

— Сами вы участвовали ли въ этомъ грабежѣ, — потому что иначе, какъ грабежемъ, этого назвать нельзя? Нападеніе сдѣлано было вооруженными людьми....

— Самъ я не участвовалъ. Они принесли мнѣ паспортъ въ корчму, гдѣ я ихъ дожидался.

— Много ли вы заплатили имъ за это?

— Тысячу рублей.

— Зачѣмъ хотѣли вы оставить отечество?

— Мнѣ надоѣло жить въ Россіи; мнѣ хотѣлось посмотрѣть другія земли, видѣть другихъ людей.

— Отчего же вы не обратились съ формальною просьбою о выдачѣ вамъ заграничнаго паспорта?

Бряницкій молчалъ нѣсколько минутъ, потомъ сказалъ: это моя тайна.

— И вы не хотите открыть этой тайны?

— Нѣтъ.

— Знаете ли, чему вы подвергаетесь, показавши какую нибудь неискренность въ отвѣтахъ?

— Знаю.

— И все-таки продолжаете упорствовать?

— Я не могу открыть этого.

— Кто такая женщина, которая взята вмѣстѣ съ вами?

Бряницкій вспыхнулъ; но спустя нѣсколько времени, твердымъ голосомъ онъ отвѣчалъ:

— Это сестра моя....

Его втутреннее волненіе не могло не быть замѣченнымъ предстоящими. Думая воспользоваться этимъ минутнымъ движеніемъ, предсѣдатель продолжалъ болѣе настойчиво:

— По обязанности моей и по чувству христіанской любви повторяю вамъ: не отягчайте напрасно судьбы вашей. Вы знаете,—законъ милостивъ къ раскаявающимся, но за то онъ неумолимъ къ упорствующимъ. Вашъ послѣдній отвѣтъ неискрененъ. Говорите откровенно; можетъ быть, это ваша любовница?

Бряницкій вспыхнулъ, быстро поднялъ голову, гордо смѣрялъ предсѣдателя съ ногъ до головы глазами, даже руки его поднялись судорожно и торопливо, какъ бы желая отмстить за оскорбленіе чести женщины. Но взглядъ, брошенный кругомъ, заставилъ его очнуться. Замѣтно было, что предметы окружающіе напомнили ему, кто онъ и гдѣ находится. Онъ удовольствовался только отвѣтомъ:

— Я вамъ уже сказалъ, что это сестра моя....

И въ звукѣ его голоса было столько рѣшительнаго, что предсѣдатель не нашелъ возможнымъ болѣе настаивать. Онъ продолжалъ:

— Намъ извѣстно, что вы имѣете чинъ губернскаго секретаря. Такъ по крайней мѣрѣ написано въ томъ свидѣтельствѣ, которое вамъ выдано по случаю смерти вашей супруги. Скажи-

те намъ теперь, гдѣ вы имѣли доселѣ ваше постоянное мѣстожительство?

Брянацкій взглянулъ на предсѣдателя пытливо, вопросительно, какъ бы желая узнать тайную мысль его, потомъ сказалъ:

— Для чего вамъ это?

— Для того, чтобъ навести нужныя справки о вашемъ происхожденіи, о томъ, не на службѣ ли вы состоите, и наконецъ не сдѣлали ли вы какого нибудь преступленія, вынудившаго васъ бѣжать изъ отечества.

Брянацкій подумалъ, потомъ сказалъ:

— Я уроженецъ Астраханской губерніи и состоялъ на службѣ въ г. Красноярскѣ. Хотѣлъ бѣжать изъ отечества, потому что терпѣлъ нападки отъ своего начальства.

— Это явная ложь, отвѣчалъ предсѣдатель:—но такъ какъ покамѣсть теперешнихъ показаній вашихъ для собранія справокъ достаточно, то вы можете выдти. Допросные пункты будутъ готовы черезъ нѣсколько минутъ.

Онъ позвонилъ, Брянацкаго вывели, окруженнаго густою толпою солдатъ съ примкнутыми штыками.

Когда онъ вышелъ, предсѣдатель снова позвонилъ и приказалъ ввести подсудимую. Она вошла легко и свободно и устремила глаза на предсѣдателя, какъ бы ожидая поясненія, зачѣмъ потребовали ее сюда?

— Кто вы такая? спросилъ ее предсѣдатель. Откройте намъ всю истину. Хотя намъ и извѣстно все, но законъ требуетъ отъ подсудимаго раскаянія и сообразно этому раскаянію соразмѣряетъ наказаніе. Говорите правду, потому что, какъ уже сказалъ я вамъ сейчасъ, намъ все извѣстно.

— А если извѣстно, зачѣмъ же вы спрашиваете? отвѣчала она.

— За тѣмъ, чтобъ облегчить вашу участь.

— Зачѣмъ облегчать ее? Я виновата; я должна быть наказана. Я буду сослана въ Сибирь?

— Да, ежели вы будете упорствовать, что вы непомнящая родства; а можетъ быть и не сошлютъ, ежели откроете, кто вы такая, и ежели не сдѣлали никакого преступленія.

Что-то заботливое, тревожное выразилось въ чертахъ лица молодой женщины. Она сказала:

— Прежде, нежели я буду отвѣчать, кто я такая, я бы желала знать, что сказалъ мужчина, съ которымъ я была вмѣстѣ.

— Этого я вамъ не могу открыть.

— И я не могу его видѣть?

— Ни подъ какимъ видомъ.

— Что же должна отвѣчать я? говорила она, задумавшись.

— Правду! сказалъ предсѣдатель.

Прошло нѣсколько минутъ молчанія. Грудь молодой женщины сильно колыхалась. Глаза, устремленные на предсѣдателя, какъ бы вымаливали снисхожденія.... Прокуроръ, бывшій безмолвнымъ свидѣтелемъ этой сцены, молодой человѣкъ съ очень элегантными манерами, не могъ устоять противу обаянія этой красоты. Сердце его сжалось. Онъ не могъ оставаться равнодушнымъ къ ея страданію.... Онъ счелъ обязанностію своею, какъ человѣка и какъ чиновника, объяснить ей, не выходя изъ своей роли, требованія закона.

— Вы, сказалъ онъ, напрасно такъ тревожите себя. Мужчина, съ вами бывшій, объявилъ уже, кто онъ такой; слѣдственно вамъ нечего опасаться сказать что нибудь, чтò бы могло повредить ему.... Намъ нужно только знать, кто вы такая.

Бѣдная женщина устремила глаза на прокурора съ мольбою сердца. Открытое, честное лицо прокурора успокоило ее. Съ этимъ тактомъ, какой имѣютъ однѣ женщины, она поняла, что Богъ посылаетъ ей неожиданно друга; она посмотрѣла на него съ благодарностью.... Даже предсѣдатель былъ нѣсколько растроганъ.

— Господа, сказала наконецъ незнакомка, рыдая: — пожалѣйте меня.... Ради Бога пожалѣйте. Я бѣдная женщина, не знаю вашихъ законовъ и слѣдственно могу каждымъ неосторожнымъ словомъ погубить и себя, и его.... тогда какъ цѣною жизни хотѣла бы я купить его счастье.... Будьте снисходительны къ бѣдной женщинѣ, дайте ей возможность благословлять ваше имя. У каждаго изъ васъ есть матери, сестры, жены, даже можетъ быть дочери; именемъ ихъ, именемъ ихъ любви къ вамъ заклинаю васъ, — не погубите бѣдную женщину, которая виновата только въ томъ, что любитъ и любила.... Я не преступница, увѣряю васъ въ этомъ; повѣрьте этому моему слову; клянусь вамъ въ этомъ всѣмъ, что только есть святаго на землѣ.

Прокуроръ не выдержалъ; сердце его было такъ полно, что онъ рѣшился подсказать ей, убѣжденный, что передъ судомъ вѣчной справедливости будетъ оправданъ....

— Господинъ Бряницкій сказалъ намъ, что вы сестра ему. Правда ли это?

— Да, я сестра ему, отвѣчала она, онъ сказалъ правду.

— Господинъ Бряницкій сказалъ намъ еще, продолжалъ прокуроръ, что вы изъ Красноярска, Астраханской губерніи; правда ли это?

— Я не знаю.... отвѣчала она нерѣшительно, я право не знаю. Должно быть такъ, ежели онъ сказалъ.... Я не помню ничего. Бѣдная голова моя растеряна; пожалѣйте меня, не спрашивайте больше; Богъ наградитъ васъ за это.

Этимъ окончились допросы.

VII.

Съ первою же послѣ этой сцены почтою послано было къ красноярскому городничему предписаніе изслѣдовать: былъ ли тамъ на жительствѣ губернскій секретарь Бряницкій, не отлучился ли онъ оттуда вмѣстѣ съ сестрою, не сдѣлалъ ли какого преступленія, и проч. и проч. Отвѣтъ былъ таковъ, какого и надо было ожидать: городничій отвѣчалъ, что никогда въ Красноярскѣ никакого Бряницкаго ни на службѣ, ни въ отставкѣ не было.—не только въ настоящее время, но даже и за десять лѣтъ, и что показаніе бродяги ложно.... Вызванный въ присутствіе палаты, Бряницкій отказался отвѣчать и просилъ, какъ милости, осудить его, какъ непомнящаго родства. Уже палата готова была исполнить его желаніе, такъ какъ оно было согласно съ закономъ, какъ вдругъ нечаянный случай разрушилъ всѣ предположенія Бряницкаго и уже написанное опредѣленіе палаты.

Начальникъ газетнаго стола въ губернскомъ правленіи, куда, какъ извѣстно, стекаются губернскія вѣдомости со всѣхъ губерній имперіи, пришедши противъ обыкновенія какъ-то рано и занявшись отъ нечего дѣлать чищеніемъ ногтей, вдругъ ни съ того, ни съ сего, проникся чувствомъ порядка и нашелъ, что газетамъ неприлично валяться по столу и что они должны лежать у мѣста въ шкафѣ. Вслѣдствіе этого и такъ какъ ему дѣлать было больше нечего, онъ принялся распекать помощника

своего за такой безпорядокъ. Помощникъ отговаривался тѣмъ, что газеты только-что получены въ это утро и не могутъ еще быть убраны, потому что не просмотрѣны, нѣтъ ли въ нихъ чего, касающагося до ихъ губерніи.... Начальникъ газетнаго стола, почти по всѣмъ губерніямъ выбираемый изъ барченковъ или мѣстныхъ аристократиковъ, по какому-то странному капризу вдругъ пожелалъ самъ сдѣлать это.... Перелистывая разсѣянно большею частію листы этихъ газетъ, онъ вдругъ въ одной изъ нихъ напалъ на слѣдующее объявленіе:

«Метелинское губернское правленіе по представленію мишурскаго городническаго правленія и вслѣдствіе поданнаго отъ губернской секретарши Агнѣи Никтополіоновой Бряницкой объявленія о внезапномъ исчезнутіи мужа ея губернскаго секретаря Порфирія Евграфова сына Бряницкаго, симъ объявляетъ во всеобщее свѣдѣніе, чтобы тѣ мѣста, гдѣ означенный Бряницкій окажется, объявили ему; что по просроченной закладной на домъ его домъ тотъ назначенъ въ продажу, и торгъ имѣетъ быть 25 будущаго октября съ переторжкою черезъ три дня.»

Фамилія Бряницкаго, надѣлавшая столько шуму въ губернскомъ городѣ, не могла остаться незамѣченной. Хотя и не было никакого основанія думать, чтобы эти два Бряницкихъ были тождественны; тѣмъ не менѣе слово «внезапное исчезнутіе» не могли не обратить на себя вниманія начальника газетнаго стола. Не какъ догадку или сближеніе, но скорѣе какъ новость, довольно странную, онъ передалъ своимъ товарищамъ вечеркомъ за стаканомъ пуншу; эти разнесли завтра по городу и чрезъ какой нибудь день въ цѣломъ городѣ уже заговорили, что содержащійся въ острогѣ бродяга Бряницкій бѣжалъ отъ жены, ограбивши ее предварительно и надѣлавши столько долговъ, что продаютъ съ публичнаго торга домъ его. Конечно, эти слухи низводили Бряницкаго съ пьедестала страшнаго политическаго преступника въ разрядъ обыкновенныхъ плутовъ; но тѣмъ не менѣе это не уняло праздные умы болтать, догадываться, предполагать — до такой степени, что изъ нижнихъ слоевъ они попали въ высшіе и были высказаны въ салонѣ ея превосходительству и дошли до прокурора. Прокуроръ, на котораго фигура женщины, взятой съ Бряницкимъ, произвела глубокое впечатлѣніе, не могъ остаться равнодушнымъ при этомъ извѣстіи. Онъ тотчасъ сообщилъ свѣдѣніе объ этомъ предсѣдателю; потребовали къ себѣ дѣло, сличили имя, написанное въ свидѣтельствѣ

священника, съ тѣмъ именемъ, которое было теперь напечатано въ губернскихъ вѣдомостяхъ, и нашли, что оно одно и тоже. Сомнѣваться больше было нечего: тождественность этого загадочнаго лица была опредѣлена, найдено мѣсто его жительства, а съ этимъ вмѣстѣ и возможность собрать самыя точныя свѣдѣнія о его личности и званіи. Предсѣдатель въ тотъ же день приказалъ подать докладъ; журналъ, исходящіе были изготовлены въ тоже утро, и не далѣе, какъ на другой день, посланъ былъ въ мишурское городническое правленіе указъ о доставленіи самыхъ точныхъ и положительныхъ свѣдѣній, съ описаніемъ даже примѣтъ губернскаго секретаря Порфирія Евграфова Бряницкаго. Отвѣтъ не заставилъ ждать себя. Въ немъ городничій мишурскій, уже намъ извѣстный, не пожалѣлъ краснорѣчія своего, разсказалъ всѣ подробности «исчезнутія» съ математической точностью и добавилъ, что Бряницкій, сколько извѣстно, никакого преступленія не сдѣлалъ, кромѣ развѣ того, что объ немъ ходили слухи, что онъ знается съ нечистой силой.

Когда такимъ образомъ личность Бряницкаго была съ достовѣрностью опредѣлена, оставалось его судить только за пріобрѣтеніе ему не принадлежащаго вида и за покушеніе перейти подъ чужимъ именемъ за границу; женщина же все еще оставалась бродягою непомнящею родства и, слѣдственно, должна была быть подвергнута тому наказанію, какое положено въ законѣ бродягамъ этого рода. Когда Бряницкаго вызвали въ присутствіе палаты и объявили о томъ, что справками подтверждена его личность и откуда онъ, онъ видимо упалъ духомъ; замѣтно хотѣлъ что-то спросить, но боялся изобличить себя.... На вопросъ, не имѣетъ ли онъ чего прибавить къ своему оправданію, онъ отвѣчалъ, что ему прибавлять нечего.

Женщина, съ нимъ взятая, хоть и узнала, что личность и званіе Бряницкаго извѣстны, продолжала утверждать, что она непомнящая родства, и такъ какъ объ ея личности узнать не было возможности, то и нужно было приступить къ рѣшенію.

Бряницкій былъ осужденъ на ссылку въ отдаленную губернію, а бывшая съ нимъ женщина — въ Восточную Сибирь.

Наступилъ день объявленія приговора. По обыкновенію, ихъ вытребовали въ присутствіе палаты, и въ пріемной ея они увидѣлись въ первый разъ послѣ того, какъ были взяты на границѣ.... Когда женщина увидала Бряницкаго, она бросилась къ нему съ воплемъ и прижалась къ нему такъ, что, кажется, никакая

кая сила въ мірѣ не могла бы ее оторвать отъ него.... Видно было, что она хотѣла бы говорить, но слова не сходили съ языка, только слезы лились изъ глазъ ея, и глаза эти высказывали ясно всю полноту любви ея.

А онъ—что дѣлалъ онъ, такъ горячо любимый ею? Онъ обнялъ ее судорожно,—прежде, нежели команда успѣла напомнить ему, что эти изъявленія радости, что эти разговоры прежде объявленія приговора не дозволены,—и слушая, что она говорила, смотрѣлъ на нее съ нѣмымъ восторгомъ. Дверь присутствія распахнулась настежъ; солдаты перекрестили штыки; предсѣдатель подошелъ къ двери,—чтеніе приговора началось.

Бряницкій выслушалъ приговоръ съ покорностію. Онъ зналъ впередъ свою участь, и слѣдственно объявленіе о томъ, что его ожидаетъ, не могло произвести на него большаго впечатлѣнія. Онъ думалъ не о томъ — въ Сибирь, или другое мѣсто сошлютъ его, но о томъ, что будетъ съ бѣдной женщиной, когда она узнаетъ свою участь. Слезы навернулись у него невольно, несмотря на все усиліе скрыть ихъ, когда начали читать приговоръ ей и когда секретарь сказалъ: въ Восточную Сибирь. Это ее поразило; она вопросительно взглянула на Бряницкаго, какъ будто желая поясненія той мысли, которая пришла ей въ голову; онъ былъ не въ состояніи перенести взглядъ этотъ, — онъ потупился невольно: столько скорби и отчаянія было въ душѣ его, что онъ не смѣлъ на нее смотрѣть.

Когда чтеніе кончилось и вопросительный взглядъ, ею брошенный на Бряницкаго, остался безъ отвѣта, она пересилила себя замѣтно и обратилась съ вопросомъ къ предсѣдателю:

— Вѣдь меня въ Сибирь ссылаютъ, не правда ли?

— Да, въ Восточную Сибирь.

— А его? спросила она опять, указывая на Бряницкаго.

— А его въ отдаленныя губерніи, кромѣ сибирскихъ.

— Значитъ—не вмѣстѣ?

— Нѣтъ, не вмѣстѣ.

— Да этого нельзя, г. предсѣдатель! Это невозможно, закричала она такъ, что Бряницкій вздрогнулъ:—слышите ли, это невозможно, ежели вы только люди, а не звѣри! Вы не сдѣлаете, вы не можете сдѣлать этого. Никакая сила въ мірѣ не можетъ меня разлучить съ нимъ, слышите ли?... кричала она въ безумномъ отчаяніи.... Убейте, раздавите меня прежде, нежели успѣете разлучить насъ.... Что Богъ соединилъ, развѣ люди смѣютъ

расторгнуть?... Что вы съ вашими законами передъ моей вѣчной, неизмѣнной любовью?... Я пойду въ Петербургъ, я брошусь къ ногамъ Государя, я скажу ему, что Бряницкій — мой, мой на вѣки, мой нерасторгаемо — и ничто, слышите ли, ничто въ мірѣ не заставитъ меня съ нимъ разлучиться....

Слова ея произносились безъ связи, безъ порядка; глаза горѣли; это было мужество отчаянія, готовое вызвать на борьбу міръ весь, съ увѣренностью побѣды. Тщетно хотѣлъ уговорить ее Бряницкій; она ничего не слушала, ничего не хотѣла знать; она ломала руки съ тѣмъ отчаяннымъ воплемъ, какой бываетъ у матерей, когда отнимаютъ у нихъ дѣтей ихъ; она рвала на себѣ волосы, такъ что предсѣдатель потерялъ голову и, находя неприличнымъ продолженіе этой сцены въ присутствіи, хотѣлъ велѣть вывести осужденную; но даже солдаты какъ бы уклонялись отъ употребленія силы и замѣтно были рады, когда прокуроръ, за которымъ тотчасъ послали, остановилъ ихъ.... Съ этимъ тактомъ порядочнаго человѣка, который скорѣе родится съ человѣкомъ, нежели пріобрѣтается въ обществѣ, онъ, вслушиваясь въ эти слова, въ эти жалобы, въ эти вопли, понялъ, что между Бряницкимъ и этой женщиной должна существовать какая-то таинственная связь,—больше, сильнѣе, крѣпче, нежели связь обыкновенная. Онъ понялъ, что такія слова, какъ напримѣръ, «что Богъ соединилъ, того люди разлучать не могутъ»,—не могутъ не имѣть какого нибудь смысла, который теперь непонятенъ.... Зная, что присутствіе Бряницкаго можетъ придавать ей силу, которую у ней надо отнять для того, чтобъ узнать правду и тѣмъ можетъ быть спасти ее, прокуроръ распорядился удаленіемъ Бряницкаго, а самъ, войдя въ тему ея безсвязной, отрывистой рѣчи, началъ понемногу выпытывать изъ нея то, что ему было нужно. При томъ состояніи, въ какомъ она находилась, это было не трудно. Не высказывая этого прямо и положительно, вслѣдствіе остатка сознанія той роли, которую она на себя приняла, бѣдная женщина довольно ясно высказала, что она жена Бряницкаго.

Это было лучемъ свѣта для прокурора. Видя, что отъ нея самой ничего узнать нельзя прежде, нежели Бряницкій не разрѣшитъ ей это сознаніе, онъ велѣлъ привести Бряницкаго въ отдѣльную комнату, бывшую при канцеляріи, и сказалъ ему:

— Г. Бряницкій! Вы поступаете непростительно. Мало того, что вы хотѣли погубить себя и подвергнуться ссылкѣ подъ име-

немъ непомнящаго родства, — вы хотите погубить еще бѣдную женщину.... За что? Развѣ за то, что она любитъ васъ такъ много....

Брянецкій молчалъ и смотрѣлъ въ землю.

— Я говорю вамъ, что нехорошо и стыдно быть причиною несчастія кого бы то ни было, тѣмъ болѣе человѣка, насъ такъ искренно и такъ благородно любящаго, любящаго до самаго высокаго самоотверженія.... Не понимаю вашихъ цѣлей, но думаю, что онѣ не должны быть благородны, ежели вы жену свою, вашу жену захотѣли подвергнуть ужасамъ ссылки, лишеній и позору.

Брянецкій вздрогнулъ при словѣ «жена»; глаза его вспыхнули зловѣщимъ огнемъ и онъ невольно, безсознательно вскрикнулъ:

— Несчастная! Что она сдѣлала!...

Восклицаніе это удивило прокурора.

— Что сдѣлала? Да развѣ есть какое нибудь преступленіе въ томъ, чтобъ сознаться, что она принадлежитъ вамъ передъ лицомъ Бога и цѣлаго міра?... Развѣ она должна страдать за ваши безумныя намѣренія, которыя мнѣ остаются до сихъ поръ непонятными.... Вы мужчина, г. Брянецкій, и должны знать, какимъ физическимъ и нравственнымъ страданіямъ обрекаете вы ее въ пути, какимъ страшнымъ лишеніямъ подвергаете на мѣстѣ ссылки. Неужели вы не обсудили этого. Стыдитесь! Спѣшите поправить вину вашу передъ нею; спѣшите разрѣшить ей открыть свое настоящее имя, возстановить то, что еще не потеряно; она, какъ это по дѣлу видно, не сдѣлала никакого преступленія, слѣдственно и наказанію никакому не подвергается, и если захочетъ слѣдовать за вами туда, куда вы назначены, никто въ этомъ не можетъ ей воспрепятствовать. До тѣхъ поръ, пока вы ей этого не разрѣшите, она будетъ стоять на томъ, что она — непомнящая родства.

Брянецкій молчалъ; но по высоко вздымающейся груди, по безпрестанно измѣняющемуся лицу, видно было, что въ немъ происходила страшная борьба, что слова прокурора разбудили то, что, можетъ быть, давно терзало его и заставляло его сильно страдать. Сознаніе всего того, что говорилъ прокуроръ, долго и медленно пробивалось наружу, но наконецъ чувство правды превозмогло... лицо замерло, съ судорожнымъ движеніемъ,

изобличающимъ, какихъ тяжкихъ усилій это ему стоило; онъ могъ сказать только:

— Пойдемте...

Когда они вошли въ присутствіе, бѣдная женщина лежала безъ памяти. Тщетно брызгали ей въ лицо, тщетно употребляли всѣ средства, обыкновенно принимаемыя въ этомъ случаѣ. Она лежала блѣдная, безъ движенія до тѣхъ поръ, пока Брянецкій подошелъ. Лишь только онъ взялъ ее за руку, лишь только, нагнувшись къ ней, шепнулъ скорѣе, нежели выговорилъ ея имя, и до слуха ея коснулся любимый голосъ, она какъ будто отъ электрическаго прикосновенія, вздрогнула, открыла глаза, обвила его руками и начала шептать ему несвязныя, полныя неизъяснимаго счастія, слова.

— Антонина! сказалъ онъ ей наконецъ: — видно Богу угодно, чтобъ то, что мы такъ тщательно скрывали, открылось. Смиримся передъ его святымъ промысломъ. Этимъ господамъ извѣстно, что ты жена мнѣ: они добры и человѣколюбивы; они это доказали намъ нынче, обращаясь съ нами — не какъ съ ссыльными, но какъ съ несчастными; разрѣшаю тебѣ разсказать имъ все....

Онъ прибавилъ:

— Будьте столько добры, господа, позвольте мнѣ уйти. Жена моя разскажетъ вамъ все; мнѣ тяжело было бы слышать разсказъ этотъ.

Бѣдная женщина, озадаченная этой внезапной рѣшимостью мужа, не знала, что ей дѣлать. Она смотрѣла на него во всѣ глаза, не зная, вѣрить ли ей въ то, что она слышала, переводя глазами съ него на присутствующихъ, на всю обстановку этой драмы, совершавшейся въ присутствіи судебнаго мѣста, при толпѣ солдатъ съ примкнутыми штыками, при толкахъ чиновниковъ, глядѣвшихъ на эти два лица. Казалось, она не хорошо понимала, почему вдругъ перемѣнилось такъ скоро все.... и она изъ непомнящей родства превратилась въ жену того, кого такъ пламенно любила. Надобно было новое напоминаніе Брянецкаго, нѣсколько ласковыхъ словъ его для того, чтобъ она окончательно пришла въ себя и могла наконецъ говорить. Но такъ какъ ей трудно было начать, то прокуроръ вывелъ ее изъ этого затрудненія.

— Такъ вы сознаётесь, что вы супруга Брянецкаго?...

— Да, сознаюсь, отвѣчала она: — если онъ этого хочетъ. Надо думать, что есть какая нибудь важная причина, если онъ открылъ вамъ, что онъ мужъ мой.... Я лучше бы умерла десять разъ, нежели бы сказала вамъ это....

— Да вѣдь вы не сдѣлали никакого преступленія, сказалъ прокуроръ. — Зачѣмъ же было вамъ скрывать ваше имя? Если вы взяты безъ вида, такъ это еще не такое важное преступленіе: оно можетъ быть оправдано тысячами разныхъ причинъ. Къ тому же вы были съ мужемъ, и это отчасти оправдываетъ васъ.... Если онъ назначенъ теперь въ отдаленную губернію, то вы можете слѣдовать за нимъ; вамъ въ этомъ никто не воспрепятствуетъ.

Бѣдная женщина не ожидала этого... Она бросилась къ прокурору, схватила его за руку и съ худо сдерживаемою радостью, повторяла:

— Право! Такъ я могу быть съ нимъ.... Такъ насъ не разлучатъ теперь?... Что жь такое случилось, скажите мнѣ, что теперь это стало возможно, тогда какъ полчаса назадъ онъ долженъ былъ идти въ отдаленную губернію, а я въ Сибирь?... развѣ измѣнилось что нибудь ?... развѣ получено свѣдѣніе, что его жена на это согласна? Говорите, говорите ради Бога.

Прокуроръ и предсѣдатель переглянулись, услыша эти слова: они думали, что бѣдная женщина сошла съ ума. Но такъ какъ оставить этотъ вопросъ безъ поясненій было невозможно, то прокуроръ спросилъ ее неожиданно:

— Его жена? Какая жена? Да развѣ вы не жена ему? Вѣдь вы сейчасъ говорили, что вы его жена....

Эти слова сбросили бѣдную женщину съ неба на землю. Тутъ только поняла она, что значило мужу рѣшиться позволить ей разсказать все... тутъ только она увидѣла, что роковая минута признанія наступила. Она снова растерялась, хотѣла было отказаться отъ своихъ словъ, увѣрять, что этого нѣтъ, что это сорвалось у ней случайно, что на это не надо обращать вниманія; но слово было сказано и воротить его нельзя. Тутъ только слова объявленія, напечатаннаго въ губернскихъ вѣдомостяхъ, пришли предсѣдателю на память,—слова, на которыя онъ прежде не обратилъ никакого вниманія и которыя теперь становились ясны. Онъ тотчасъ послалъ за нумеромъ газетъ, въ которомъ это объявленіе было напечатано.

Когда онъ былъ принесенъ и показанъ Брянцкой, она увидѣла, что запираться больше нечего, что ей ничего не остается, какъ разсказать все со всевозможной откровенностью и просить этихъ господъ, какъ кажется, принимающихъ участіе въ судьбѣ ихъ, попробовать, если не спасти, то по крайней мѣрѣ облегчить ихъ участь, или хоть посовѣтовать, что имъ дѣлать.

— Не вините его строго, ради Бога не вините; виновата во всемъ я одна,— такъ начала она свой разсказъ:—онъ честенъ и благороденъ; онъ любилъ меня такъ, какъ немногіе любятъ, и онъ послушался меня и погубилъ себя. Вся вина его въ любви ко мнѣ, въ томъ, что онъ хотѣлъ видѣть меня счастливой, что онъ послушался женщины и взялъ себѣ грѣхъ на душу.

Прокуроръ замѣтилъ ей, что для ея же собственной пользы она должна разсказать имъ все подробно съ самаго начала и что только тогда можно будетъ пріискать средства помочь имъ. А для того, чтобъ этотъ разсказъ не могъ быть прерванъ, ее ввели въ присутствіе и затворили двери, такъ что кромѣ товарища председателя и одного изъ засѣдателей, постороннихъ никого не было.

Она сказала :

— Я виновата, виновата кругомъ, и одна бы должна нести на себѣ всю тягость нашего несчастія. Я одна причиной, я вовлекла бѣднаго моего мужа въ преступленіе; суетность моя погубила его, меня и еще другую женщину, которая, не зная ничего, считая его вдовцемъ, сдѣлалась его женою. Мнѣ было 17 лѣтъ, когда я за него вышла. Я любила его такъ, что, кажется, всю душу отдала бы за него, и хотя отецъ мой и представлялъ мнѣ, что у него нѣтъ никакого состоянія и что намъ будетъ жить трудно, — я не послушалась и вышла за него. Онъ тоже любилъ меня, любилъ сильно, — это онъ доказалъ тѣмъ, что за меня теперь долженъ погибнуть. Жили мы бѣдно, потому что у него кромѣ жалованья, самаго ничтожнаго, ничего не было; за мной приданаго тоже не было ничего, а кой-какія деньжонки, которыя собралъ мнѣ мой отецъ, ушли всѣ на сватьбу. Конечно, первое время мы не чувствовали лишеній; родившійся ребенокъ прибавилъ и заботы и расходовъ.... Слава Богу, что онъ умеръ... Все, что было лишняго, было продано; и года черезъ полтора мы стали уже чувствовать нужду; а впослѣдствіи не стало и необходимаго. Долго думали мы, какъ помочь своему положенію. Много было предположеній, даже надеждъ, — всѣ

онѣ лопнули, такъ что впереди насъ ожидала нищета. Къ довершенію несчастія, маленькій капиталецъ, который, польстясь на большіе проценты, мой мужъ отдалъ въ оборотъ купцу, пропалъ у насъ вмѣстѣ съ банкротствомъ этого купца; положеніе наше сдѣлалось невыносимымъ. Не привыкшая къ большимъ лишеніямъ, я стала жаловаться и плакать, дошла даже до того, что начала упрекать мужа. Грустно и тяжело мнѣ сознаться въ этомъ. Но это было такъ.... Я упрекала его, зачѣмъ онъ на мнѣ женился, не имѣя ничего, какъ будто бы сама была права, не думая объ этомъ прежде, даже не послушавъ отца. Я видѣла, что мужъ мой страдалъ; я слышала по ночамъ рыданія его, я замѣчала желаніе скрыть страданія свои... и страдала еще больше. Эта взаимная скрытность поселила нѣкоторую холодность отношеній, отъ которой такъ далеко было сердце.... Я его любила такъ же сильно; но недостатки, но невозможность жить такъ же покойно, какъ жила у отца и какъ жила первое время послѣ нашей сватьбы у себя дома, невозможность имѣть такіе же наряды, какъ прежде, меня мучили.... Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ.... Нравъ мой перемѣнился; я сдѣлалась капризна, прихотлива, взыскательна; я мучила бѣднаго мужа, который видимо таялъ и умеръ бы конечно, если бы мнѣ не пришла въ голову мысль, которая на время спасла насъ, но сдѣлалась причиною нашей теперешней гибели.... Тщетно старалась я отогнать отъ себя эту мысль; тщетно хотѣла заставить умолкнуть это наущеніе дьявола; мысль эта не давала мнѣ покоя; она мучила меня и днемъ и ночью.

«Какъ ни старалась я скрыть тревогу, мужъ мой замѣтилъ, что я не въ себѣ. Онъ пожелалъ узнать причину.... Долго я противилась, долго молчала; наконецъ, когда онъ, любящій, нѣжный, именемъ любви нашей потребовалъ отъ меня открыть ему тайну, которая сдѣлалась мукою моей жизни,—я ему высказала все.

«Надо было видѣть отчаяніе, когда я сообщила ему мои надежды. Въ первый разъ въ жизни онъ оттолкнулъ меня, вышелъ изъ себя и запретилъ напоминать хоть однимъ словомъ объ этомъ несчастномъ предположеніи.

«Запрещеніе его, его гнѣвъ даже, не заставили меня отказаться, однако, отъ пагубной мысли. Она сильнѣе, нежели когда нибудь, стала меня преслѣдовать.... Вслѣдствіе безпрестанной борьбы съ самой собою, я сдѣлалась больна; и когда

однажды бѣдный мужъ мой, поддерживая мою голову, согрѣвая мои холодныя руки, захотѣлъ узнать причину моихъ страданій, я повторила ему то, что уже говорила одинъ разъ.... Помню, что онъ вздрогнулъ, когда я выговорила.

«Я не буду передавать всѣхъ убѣжденій, ласкъ, слезъ, гнѣва, которые я употребила для того, чтобъ заставить его согласиться...

«Столько надеждъ на счастье было у меня впереди! Я цѣловала у него руки, прыгала отъ радости какъ дитя, когда онъ согласился.... Онъ, видно, предчувствовалъ, что его ожидаетъ.... онъ сдѣлался угрюмъ и мрачень; но, давши мнѣ обѣщаніе, не нарушилъ его. Мы начали приготовлять все къ тому, чтобъ привести наше намѣреніе въ исполненіе.

«У одного изъ сосѣднихъ помѣщиковъ пріискали мы дворовую дѣвушку, недурную собою, но больную и чахоточную, которая какъ нельзя лучше способствовала къ осуществленію нашего плана. За хорошую плату наняли мы ее у господъ къ себѣ въ услуженіе; ласками, подарками, снисхожденіемъ всякаго рода старались привлечь ее къ себѣ и наконецъ, когда бѣдная дѣвушка привязалась къ намъ, какъ къ самымъ близкимъ, мы уговорили ее подъ именемъ жены сопровождать мужа въ одно изъ путешествій, которое онъ долженъ сдѣлать, завезя меня къ роднымъ. Бѣдная дѣвушка, не подозрѣвая никакого коварства съ нашей стороны, охотно согласилась. Мы поѣхали.

«Предположеніе наше было отъѣхать какъ можно далѣе отъ родной губерніи для того, чтобъ уничтожить всякіе слѣды нашихъ замысловъ. Мы все ѣхали впередъ, не находя удобнаго мѣста, и только въ сосѣдственной съ здѣшней губерніи нашли возможнымъ, чтобы я осталась какъ будто у родныхъ, а онъ съ Анной могъ бы ѣхать далѣе, называя ее своею женою.

«Разстроенное здоровье дѣвушки, еще болѣе разстроенное продолжительными переѣздами въ холодную и сырую осень, становилось все хуже и хуже. Все способствовало нашимъ намѣреніямъ.... Въ здѣшней губерніи на одномъ изъ постоялыхъ дворовъ она умерла. Мой мужъ взялъ свидѣтельство о вдовствѣ своемъ. Этого намъ только было и нужно. Цѣль наша была достигнута!

«Тогда мы начали думать о нашемъ возвращеніи на родину.... Онъ явился туда вдовцемъ, а я поселилась въ отдаленномъ предмѣстіи, гдѣ онъ навѣщалъ меня каждый день, и я, лучше

сказать, проводилъ со мною цѣлые дни. Ни одинъ человѣкъ не зналъ о моемъ существованіи; меня считали простой мѣщанкой, любовницей моего мужа. Такъ прожили мы до тѣхъ поръ, пока онъ нашелъ себѣ богатую невѣсту, состояніе которой давало намъ возможность жить безбѣдно. Благодаря его наружности, дѣло уладилось скоро; оставалось только придумать, какъ устроить нашу жизнь такъ, чтобъ я, незнаемая людьми, могла жить съ нимъ подъ одною кровлею. Долго думавши объ этомъ, мы наконецъ остановились на одной мысли, которая романтизмомъ своимъ нравилась мнѣ больше другихъ. Мужъ сильно меня отговаривалъ; онъ находилъ болѣе безопаснымъ продолжать жить такимъ образомъ, какъ жили до сихъ поръ, въ предмѣстіи; но я настояла,—мнѣ хотѣлось жить какъ можно ближе къ нему и видѣть его не въ извѣстные только часы въ продолженіе дня, но цѣлые дни. Онъ купилъ домъ почти за городомъ, построилъ тамъ павильонъ, гдѣ я поселилась и гдѣ онъ подъ предлогомъ занятій проводилъ со мною цѣлые дни. Мы жили счастливо и покойно. Нечаянный случай разстроилъ наше счастіе и заставилъ насъ думать о перемѣнѣ.

«Такъ какъ въ продолженіе дня мнѣ нельзя было выходить, то я гуляла рано утромъ, прежде нежели мужъ приходилъ ко мнѣ. Въ одну изъ такихъ прогулокъ я нечаянно встрѣтилась съ его сестрою, которая встала какъ-то рано. Разумѣется, появленіе мертвеца взбудоражило не только весь домъ, даже весь городъ. Стали говорить о Бряницкомъ разныя нелѣпости. Мы видѣли, что намъ оставаться нельзя и что надо искать другаго мѣста. Мы рѣшились отправиться за границу и поселиться въ какомъ нибудь уголкѣ, гдѣ бы жизнь была дешева и мы могли пользоваться ею вполнѣ.

«Случай, наткнувшій насъ на контрабандистовъ, далъ намъ мысль употребить ихъ орудіемъ для полученія паспортовъ. Прежде мы располагали пробраться за границу безъ паспорта, надѣясь, что съ деньгами мы уладимъ это, тѣмъ болѣе, что намъ разсказывали, что есть такія страны, гдѣ паспортовъ не спрашиваютъ вовсе....

«Остальное вы знаете. Вы видите, что виновата во всемъ я одна, что Бряницкій виноватъ только въ томъ, что любилъ меня слишкомъ много. Спасите его, ради Всемогущаго Бога!... Онъ добръ, онъ честенъ, онъ благороденъ.... Неужели онъ долженъ

погибнуть за то только, что любилъ меня такъ сильно?... Неужели ваши законы не извиняютъ этого?»

Какъ ни велико было обаяніе этой женщины, предсѣдатель, какъ человѣкъ болѣе старый, скорѣе пришелъ въ себя.

— Нѣтъ, не извиняютъ, сказалъ онъ.—Развѣ честная мысль руководила васъ въ вашемъ противозаконномъ поступкѣ? Развѣ не четыре преступленія совершилъ мужъ вашъ въ одно и то же время? Двоеженство, воровство, грабежъ и попытку перейти за границу... Гдѣ оправданіе ему?... Корысть—вотъ основа всѣхъ его преступленій!... Оправдывать его любовью къ женщинѣ нельзя; это хорошо въ романахъ, но не на дѣлѣ; любя одну женщину, онъ губилъ другую; это непростительно и низко. Мало того, что онъ губилъ ее—онъ ее ограбилъ. По моему, нѣтъ ему прощенія....

Браницкая обратилась къ прокурору. Онъ смотрѣлъ въ землю и ничего не говорилъ, да и что было ему сказать?... Оправданія Браницкому не было... Это было не увлеченіе, не страсть, не минутный порывъ, но систематическое, обдуманное, со всѣхъ сторонъ предусмотрѣнное преступленіе, потворство которому было бы другимъ преступленіемъ, можетъ быть, еще болѣе тяжкимъ....

И. СЕЛИВАНОВЪ.

ВЗГЛЯДЪ

НА РУССКОЕ СУДОУСТРОЙСТВО И СУДОПРОИЗВОДСТВО.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.
ОКОНЧАНІЕ (*).

> Мы одно любимъ, одного желаемъ: любимъ отечество; желаемъ ему благоденствія еще болѣе, нежели славы....
>
> *Карамзинъ.*

ГЛАВА XIV.

ДѢЛОПРОИЗВОДСТВО ВО ВТОРЫХЪ СТЕПЕНЯХЪ СУДА ПО ДѢЛАМЪ УГОЛОВНЫМЪ.

А. *Ревизіонный и апелляціонный ходъ уголовныхъ дѣлъ.*

«Производство уголовныхъ дѣлъ состоитъ: 1) въ слѣдствіи или изысканіи всѣхъ обстоятельствъ дѣла или происшествія, составляющаго преступленіе, и въ собраніи доказательствъ къ открытію и обличенію виновнаго; 2) въ судѣ, который состоитъ въ повѣркѣ слѣдствія, въ сужденіи, по силѣ доказательствъ и уликъ, о винѣ или невинности подсудимаго и въ постановленіи приговора по закону; 3) въ исполненіи приговора.

(*) См. «Современникъ» 1860 г., №№ I, III, IV и VII.

«Производство слѣдствія и всѣ относящіяся къ нему мѣры принадлежатъ полиціи; но когда слѣдствіе оканчивается, то дѣйствія полиціи пресѣкаются, и дѣло поступаетъ въ судъ» (*).

Въ первой статьѣ моей, разбирая эти основанія, я показалъ пользу отнятія отъ полицій производства формальныхъ слѣдствій и передачи ихъ судебнымъ мѣстамъ. Здѣсь же разсмотримъ вопросъ о томъ: какую роль играютъ въ уголовныхъ дѣлахъ 1-я и 2-я судебныя инстанціи.

«По полученіи слѣдствія (**), судъ 1-й степени немедленно разсматриваетъ: правильно ли оно учинено, не упущены ли какія либо обстоятельства, прямо или не прямо соединенныя съ существомъ дѣла, и въ случаѣ неполнаго или неяснаго слѣдствія дополняетъ его окончательно справками и свѣдѣніями, какія могутъ быть нужны. Въ потребныхъ случаяхъ судъ дѣлаетъ подсудимому вторичные допросы; всѣ свѣдѣнія, предполагающія мѣстное какое либо розысканіе, въ дополненіе слѣдствія, требуются отъ мѣстной полиціи; все же касающееся до письменнаго производства, какъ-то: учиненіе справокъ о званіи, службѣ, заслугахъ, порокахъ и штрафахъ подсудимыхъ, равномѣрно—выписки изъ приличныхъ законовъ, приведеніе въ ясность сомнительнаго какого либо обстоятельства въ документѣ, писанномъ на иностранномъ языкѣ, производится самимъ судомъ и посредствомъ сношеній, въ чемъ нужно, съ другими присутственными мѣстами; при чемъ судъ обязанъ пещись, чтобы эти свѣдѣнія имѣли надлежащую полноту и точность.

«*Приговоры* составляются въ 1-й степени суда по тѣмъ уголовнымъ дѣламъ, по которымъ подсудимые не присуждаются къ лишенію жизни, добраго имени или къ торговой казни; по тѣмъ же дѣламъ, по которымъ они присуждаются къ такимъ наказаніямъ, 1-я степени составляютъ только *мнѣніе*» (***).

(*) Т. XV, изд. 1842 г., ст. 882 — 884.
(**) Тамъ же, ст. 1149 — 1151, 1157.
(***) Т. XV, изд. 1842 г., ст. 1218.

Въ нашемъ законодательствѣ, гражданскомъ и уголовномъ, слѣдовало бы уяснить термины, во избѣжаніе повтореній и разъясненій, увеличивающихъ только объемъ сводовъ:

1) Слово: *«искъ и тяжба»* принимаются у насъ смѣшанно, хотя ст. 557 и 559, т. X, опредѣляетъ, что подъ первымъ подразумѣвается процессъ по неисполненію договоровъ, обязательствъ, по обидамъ, ущербамъ и убыткамъ, а подъ вторымъ — процессъ объ отысканіи своего имущества изъ чужаго владѣнія; но примѣчаніе къ ст. 2474, т. X, говоритъ: хотя тотъ и другой родъ споровъ въ судахъ именуется тяжбами и исками и не всегда въ названіяхъ ихъ, даже въ законахъ, съ точностью различаются; но по Уложенію *ищутся истцовы иски* всегда на комъ либо; а объ имуществѣ производится *тяжба*.

Перваго рода дѣла суть апелляціонныя, вторыя — ревизіонныя; эти два порядка объясняются въ законѣ слѣдующимъ образомъ:

«Какъ всѣ уголовныя дѣла по важнымъ преступленіямъ поступаютъ установленнымъ порядкомъ на ревизію, частію въ палаты уголовнаго суда, частію восходятъ въ правительствующій сенатъ; и какъ посредствомъ этой ревизіи законъ и безъ просьбы подсудимыхъ самъ собою доставляетъ *всѣ нужные способы* къ ихъ защитѣ и оправданію: то жалобы на окончательныя рѣшенія уголовныхъ палатъ въ правительствующій сенатъ по важнымъ преступленіямъ не допускаются».

Но *способы*, представленные закономъ *для* защиты подсудимыхъ, какъ-то: формальное слѣдствіе, производимое полиціею, дополняемое часто по произволу уѣздными судами и магистратами, пресмотры стряпчими и прокурорами журналовъ, съ ихъ протестами, ревизія дѣлъ въ уголовныхъ палатахъ и разсмотрѣніе губернаторами — не составляютъ, мнѣ кажется, достаточной гарантіи *для* подсудимаго. Всѣ эти лица могутъ быть пристрастны, когда подсудимый пользуется большимъ значеніемъ или богатствомъ. Вѣдь палатамъ предоставлена власть, съ малымъ ограниченіемъ, окончательно, безапелляціонно, рѣшать дѣла всѣхъ сословій, кромѣ дво-

---

2) Слова: «*опредѣленіе и рѣшеніе*» принимаются у насъ въ одномъ и томъ же смыслѣ; раздробленія ихъ прибавляются въ словѣ частное или *справочное* и *рѣшительное;* послѣднее въ уголовныхъ дѣлахъ называется еще *приговоромъ*. Во французскомъ законодательствѣ называются опредѣленіе—*l'arrêt*, рѣшеніе — *jugement*; но оба эти понятія употребляются смѣшанно, какъ и въ нашихъ законахъ. Мнѣ кажется, что лучше бы было подъ опредѣленіемъ подразумѣвать— тѣ постановленія суда, которыя относятся къ дѣлопроизводству; а подъ рѣшеніемъ — разсмотрѣніе сущности дѣла.

3) Слова: «*отвѣтчикъ, состоящій подъ слѣдствіемъ*, и *подсудимый*», должны быть въ точности опредѣлены; у насъ нѣтъ также термина, который бы опредѣлялъ то, что, по французскому уголовному праву, называется *la partie civile*. Отвѣтчикъ гражданскій по-французски называется *défenseur*; лицо, состоящее подъ слѣдствіемъ и подъ судомъ исправительной полиціи, называется — *le prévenu*, а состоящій подъ уголовнымъ судомъ — *l'accusé*.

5) У насъ требуютъ еще точнаго разъясненія слова: «*протоколъ, актъ, документъ* и *крѣпость*.»

6) Должно быть въ точности опредѣлено значеніе словъ «*договоръ* и *обязательство*»; они употребляются въ нашихъ законахъ, какъ предметы не одозначущіе.

7) Какая также разница между *ущербомъ* и *убыткомъ*?

Точная терминологія въ законодательствѣ необходима по двумъ причинамъ: 1) слова не требуютъ тогда разъясненій и толкованій; 2) отъ избѣжанія разъясненій сокращается Сводъ Законовъ.

рянъ и чиновниковъ (*)! Но мнѣ кажется, что основаніе, руководившее законодательство при установленіи этихъ правилъ, не слишкомъ твердо. Хотя *по приведеніи приговора* въ исполненіе (**) и разрѣшается людямъ, подлежащимъ тѣлесному наказанію и получившимъ это наказаніе, жаловаться въ сенатъ, который, найдя сентенцію неправильною, штрафуетъ судей, положившихъ это наказаніе, по 60 р. сер. за каждый ударъ, въ пользу подсудимаго; но каждый готовъ — не получать этихъ 60 р. сер. и оставить удары за тѣми, которые ихъ щедро сыпали. Ревизіонный порядокъ не можетъ служить здѣсь единственнымъ основаніемъ, потому что тѣ же формы, только кромѣ заключенія губернатора, существуютъ и по тѣмъ дѣламъ уголовнымъ, по которымъ подсудимые подвергаются слабѣйшимъ наказаніямъ, какъ-то: денежнымъ штрафамъ, содержанію на хлѣбѣ и водѣ, содержанію въ тюрьмѣ, или смирительномъ и рабочемъ домѣ, и тѣлесному наказанію чрезъ полицейскихъ служителей; — а между тѣмъ законъ допустилъ переносить ихъ по апелляціи, въ мѣсячный срокъ, не только изъ первой степени суда во вторую, но даже въ правительствующій сенатъ и Государю Императору, безъ ограниченія сословія, суммы штрафа или взысканія!... (***). Почему же преступнику не имѣть права переносить дѣло въ сенатъ и прибѣгать къ милосердому усмотрѣнію Государя Императора? Законодательство, въ самыхъ либеральныхъ странахъ, какъ напримѣръ въ Англіи, не запрещаетъ никому прибѣгать къ высокому праву монарха миловать преступника. Скорѣе, мнѣ кажется, гражданскія дѣла могли бы получать окончаніе въ разныхъ судебныхъ инстанціяхъ; скорѣе тѣ дѣла уголовныя, за которыя положены мѣры исправительныя, могли бы быть окончательно рѣшены въ палатахъ безъ права ихъ переноса, чѣмъ дѣла за которыя слѣдуютъ тяжкія наказанія. Предоставленіемъ уголовнымъ палатамъ окончательно рѣшать серьёзныя уголовныя дѣла законъ вѣроятно не имѣлъ въ виду, чтобы облегчить дѣлопроизводство правительствующаго сената; если бы это было основаніемъ закона, то скорѣе, мнѣ кажется, гражданскія дѣла могли бы не восходить въ сенатъ, потому что въ нихъ идетъ рѣчь объ имуществѣ, а въ уголовныхъ о чести, свободѣ и самой жизни; да и облегченія для сената, мнѣ кажется, немного въ этомъ порядкѣ: прослѣдите какія угодно стати-

---

(*) Ограниченіе заключается въ слѣдующемъ: когда крѣпостные люди участвуютъ въ преступленіи съ своими помѣщиками; когда преступленіе совершено иновѣрцемъ, принявшимъ христіанство; когда по одному и тему же дѣлу осуждаются болѣе 9 человѣкъ (Т. XI, ст. 1295).

(**) Т. XV, ст. 1338 и 1344).

(***) Т. XV, ст, 1319, 1320, 1322, 1323.

стическія свѣдѣнія, и вы убѣдитесь, что тяжкихъ преступленій менѣе совершается, нежели такихъ дѣлъ, за которыя слѣдуютъ исправительныя наказанія. Не думаю, чтобы законъ имѣлъ въ виду различіе сословій, съ предоставленіемъ уголовнымъ палатамъ права окончательно рѣшать дѣла всѣхъ сословій, кромѣ дворянъ и чиновниковъ; потому что при гражданскихъ дѣлахъ, т. е. менѣе важныхъ, этого различія не существуетъ.... Затѣмъ я задаю себѣ вопросъ: какую же роль играютъ уѣздные суды въ тѣхъ дѣлахъ, которыя идутъ на ревизію и окончательное рѣшеніе палаты? Уѣздный судъ пополняетъ слѣдственное дѣло полиціи и часто, употребивъ на справки цѣлые годы, оканчиваетъ тѣмъ, что палаты находятъ все его дѣлопроизводство или излишнимъ, или неправильнымъ, и давъ ясное направленіе дѣлу, рѣшаютъ его. А между тѣмъ сколько лѣтъ преступникъ содержался въ тюрьмѣ, пересылался съ мѣста на мѣсто, сколько бумагъ исписано было, сколько золотаго, драгоцѣннаго времени присутственными мѣстами потрачено! Точно такую же роль и уѣздные суды и палаты играютъ въ тѣхъ дѣлахъ, которыя идутъ на ревизію въ сенатъ. Но если уголовная палата можетъ переработать все дѣлопроизводство 1-й степени; если рѣшеніе этой послѣдней не имѣетъ окончательнаго значенія, то уголовный процессъ могъ бы, кажется, не подвергаться ея производству. Вы скажете мнѣ на это, что 1-я степень, какъ судъ мѣстный, можетъ разслѣдовать преступленіе со всею его обстановкой въ самомъ его источникѣ, и не подвергаетъ преступника переводамъ съ мѣста на мѣсто; поэтому авторитетъ 1-й степени суда требуется въ каждомъ дѣлѣ. Съ этими доводами я вполнѣ согласенъ; но дѣло въ томъ, что уѣздному суду предоставлено не производство самого слѣдствія, а только дополненіе его, и то посредствомъ полиціи; справки же, которыми разрѣшается суду дополнять дѣло, относятся не къ сущности разслѣдуемаго событія, а къ частностямъ его. Правда, суду разрѣшается также отъ подсудимыхъ принимать и требовать дополнительные отзывы, но по большей части это не разъясняетъ дѣла, а служитъ къ увеличенію массы переписки. При гласномъ и словесномъ судопроизводствѣ и при возложеніи обязанности производить формальныя слѣдствія на суды, мѣстные суды имѣли бы большое значеніе: они лицомъ къ лицу были бы предъ преступленіемъ и преступникомъ, который можетъ быть имъ даже лично извѣстенъ и о жизни котораго они могутъ узнать изъ самыхъ вѣрныхъ источниковъ; поэтому имъ доступнѣе было бы оцѣнить и взвѣсить данное противозаконное дѣяніе и соразмѣрить съ этимъ самое наказаніе. Уголовная же палата, какъ посредническая инстанція между 1-ю и 3-ю степенью, видя одну мертвую букву въ

дѣлѣ, не представила бы и въ такомъ случаѣ значительной пользы: она можетъ своими кабинетными и канцелярскими взглядами и направленіями затемнить дѣло, обременить его излишними, ни къ чему не ведущими подробностями: это съ одной стороны обязуетъ сенатъ къ излишней ревизіи безплодныхъ обстоятельствъ дѣла, съ другой стороны—проходомъ чрезъ палаты дѣла замедляются въ своемъ теченіи на нѣсколько лѣтъ: отчего страждутъ нерѣдко подсудимые, а тюремные замки обременяются излишнимъ количествомъ арестантовъ.

Такимъ образомъ, разсматривая отношенія трехъ судебныхъ инстанцій по дѣламъ уголовнымъ, мы приходимъ къ тому убѣжденію, что одно изъ двухъ: или палаты могли бы быть вовсе уничтожены, и дѣла, какъ по апелляціи, такъ и по ревизіонному порядку, могли бы изъ первыхъ степеней идти прямо въ правительствующій сенатъ; или же, въ случаѣ признанія необходимымъ существованія палатъ, можно бы отнять ревизіонныя дѣла отъ уѣздныхъ судовъ, а апелляціонныя — отъ палатъ. Посредническія инстанціи и въ гражданскихъ и въ уголовныхъ дѣлахъ приносятъ, мнѣ кажется, больше зла, чѣмъ добра: онѣ служатъ только для замедленія дѣла и обременяютъ дѣлопроизводство правительствующаго сената излишнею перепискою; дѣла удвоиваются и утроиваются въ объемѣ чрезъ этотъ проходъ, и потомъ сенатъ обязанъ включать всю эту переписку въ свои доклады....

При нынѣшнемъ порядкѣ производства формальныхъ слѣдствій можно еще допустить отнятіе апелляціонныхъ дѣлъ отъ палатъ, а ревизіонныхъ отъ 1-хъ степеней суда; но при предоставленіи формальныхъ слѣдствій судамъ, безъ 1-й степени суда никакъ нельзя обойтись: преступленіе должно быть изслѣдовано на мѣстѣ его совершенія, и палата вынуждена была бы разъѣзжать съ мѣста на мѣсто и гоняться иногда въ одно и тоже время не за двумя, а за многими зайцами. А потому во всякомъ случаѣ суды первой степени представляются необходимѣе палатъ.

Но въ отвѣтъ на всѣ мои доводы, можетъ быть, многіе возразятъ, что пользу палаты можно доказать фактически, указавъ на множество дѣлъ апелляціонныхъ, получившихъ окончаніе по ихъ приговорамъ, и что изъ тысячи апелляціонныхъ дѣлъ только сотни восходятъ въ сенатъ. Но это, мнѣ кажется, явленія случайныя, проистекающія болѣе отъ необразованности и невѣжества простаго класса, въ которомъ по большей части и возникаютъ эти дѣла: простому человѣку прочтутъ опредѣленіе, и онъ не знаетъ, къ кому обратиться съ просьбою о написаніи жалобы, а тамъ проходитъ мѣсячный апелляціонный срокъ — и дѣлу конецъ; но съ развитіемъ

образованности, съ устройствомъ и организаціею правильнаго общества адвокатовъ и съ допущеніемъ ихъ къ защитѣ дѣлъ въ уголовныхъ судахъ,— вѣроятно ни одно апелляціонное дѣло не остановилось бы на рѣшеніяхъ ни 1-й, ни 2-й, ни даже 3-й инстанціи. Поэтому я нахожу, что оба порядка могли бы быть преобразованы— и ревизіонный, и апелляціонный.

1) Дѣла должны идти на ревизію въ высшую инстанцію въ такомъ лишь случаѣ, когда преступникъ объявитъ неудовольствіе на рѣшеніе 1-й степени суда.

Томительное заключеніе въ душномъ и тѣсномъ казаматѣ въ тысячу разъ страшнѣе преступнику, нежели самое наказаніе. Можно бы и не подвергать этому человѣка, который, побуждаемый угрызеніемъ совѣсти, не только сознаётся въ своемъ преступленіи и раскрываетъ всѣ его обстоятельства, но признаётъ совершенно справедливымъ наказаніе, назначенное ему закономъ и судомъ. Но на это возразятъ мнѣ многіе, что съ предоставленіемъ судебнымъ мѣстамъ права, въ случаѣ подписанія тяжущимся удовольствія, приводить въ исполненіе свои рѣшенія по ревизіоннымъ дѣламъ, нарушатся права дворянства и чиновниковъ: быть лишенными правъ состоянія только верховною судебною властью. Это было бы дѣйствительно такъ, если бы судъ былъ какимъ нибудь особеннымъ учрежденіемъ, разъединеннымъ съ верховною судебною властью; а то судъ есть не что иное, какъ ея органъ, какъ ея учрежденіе, посредствомъ котораго она приводитъ въ исполненіе свои предначертанія и законы. Судитъ и осуждаетъ не судъ, а законъ; поэтому званіе ни дворянъ, ни чиновниковъ нисколько не будетъ унижено, когда съ ихъ согласія будетъ приведена надъ ними въ исполненіе сентенція суда. На практикѣ это постановленіе принесло бы, мнѣ кажется, огромную пользу: сколько есть заблудшихъ людей, которые откровенно признаются предъ судомъ въ своихъ преступленіяхъ; они не томились бы въ заключеніи... И развѣ не случается иногда, что по рѣшенію высшихъ инстанцій они подлежатъ меньшему наказанію, нежели какому они подверглись, содержась нѣсколько лѣтъ въ тюрьмѣ? Сколько также юношей и дѣвицъ, еще не погибшихъ, могли бы чрезъ предлагаемое мною постановленіе, въ цвѣтѣ лѣтъ и силъ, поступить на поселеніе въ Сибирь, гдѣ бы они могли принести пользу обществу. Нынѣ же они часто вступаютъ въ тюрьмы молодыми, а выходятъ оттуда старыми, потерявшими и нравственныя, и физическія силы. Сколько людей, еще не огрубѣлыхъ, — отъ сообщества въ тюрьмѣ съ настоящими негодяями теряютъ остатокъ чувствъ и совѣсти, погружаются въ развратъ.... А душная тюрьма? Развѣ можетъ выдержать самое желѣзное здоровье ея атмосферу и ея об-

становку? Вглядитесь въ уголовныя дѣла и вы увидите, что каждый преступникъ въ началѣ склоняется очень легко на признаніе и что чѣмъ долѣе онъ сидитъ въ тюрьмѣ, тѣмъ грубѣе, упорнѣе и безсовѣстнѣе онъ становится. И какая разница въ тѣхъ показаніяхъ преступника, которыя онъ даетъ полиціи, уѣздному суду и палатѣ. Въ первыхъ вы можете по большей части отыскать истину, а во вторыхъ на каждомъ шагу — оговоры, противорѣчія и ложь. Мнѣ кажется, что послѣ этого нельзя желать, чтобы дѣла непремѣнно шли на ревизію въ высшія инстанціи, несмотря на подписаніе удовольствія преступникомъ. Вѣрьте мнѣ, что раскаявающійся дворянинъ и чиновникъ охотно откажутся отъ своихъ правъ—быть судимыми ревизіоннымъ порядкомъ, лишь бы скорѣе ихъ дѣло пришло къ концу; преступникъ не теряетъ надежды и въ Сибири на поселеніи: вдалекѣ отъ причинъ, сдѣлавшихъ его преступникомъ, онъ надѣется зажить новою жизнью. Но когда человѣкъ видитъ безвыходность своего положенія, когда впереди его многіе годы заключенія и неизвѣстность—когда и чѣмъ дѣло его кончится, а потомъ ожидаетъ его еще наказаніе, — то бодрость духа невольно его покидаетъ: онъ приходитъ или въ апатію или предается своимъ необдуманнымъ страстямъ и пороку; чаще же всего преступникъ, не дождавшись наказанія, умираетъ, изнуренный тюрьмою и безнадежнымъ горемъ.

Если же основаніе ревизіоннаго порядка заключается въ опасеніи, что преступникъ избѣгнетъ заслуженнаго наказанія и что суды могутъ его ослабить, то во-первыхъ, гласное судопроизводство обезпечивало бы правильность слѣдствія и самаго рѣшенія: судъ боялся бы неправильнымъ опредѣленіемъ возбудить противъ себя общественное мнѣніе; во-вторыхъ, въ подобномъ случаѣ можно бы постановить, что прокуроры сохраняютъ право переноса дѣла въ сенатъ, когда они найдутъ рѣшеніе 1-й степени неправильнымъ.

Такимъ образомъ можно, мнѣ кажется, всѣ стороны примирить и дать ревизіоннымъ дѣламъ такой исходъ, какой я предполагаю: только при подписаніи преступниками неудовольствія на сентенцію, дѣло могло бы идти на ревизію въ сенатъ; но при этомъ можно бы не требовать мнѣнія губернатора.

2) Апелляціонный порядокъ уголовныхъ дѣлъ могъ бы быть измѣненъ слѣдующимъ образомъ: дѣла эти могли бы восходить только до правительствующаго сената, гдѣ они получали бы окончательное рѣшеніе, какъ и гражданскія дѣла. Это дастъ верховнымъ мѣстамъ возможность заняться серьёзными дѣлами, относящимися до внутренней и внѣшней безопасности государства.

Б. ***Уголовное судоустройство и судопроизводство по французскому законодательству, въ сравненіи его съ русскимъ.***

Въ видахъ преобразованія нашего уголовнаго судоустройства и судопроизводства мы считаемъ не лишнимъ обратиться къ французскому уголовному законодательству, совершенство котораго во многихъ отношеніяхъ признается всѣми образованными народами: многія государства усвоили себѣ нѣкоторыя его формы, другія цѣликомъ ввели у себя весь «Code d'instruction criminelle». И для насъ не безполезно будетъ подвергнуть его анализу и познакомиться съ главными его основаніями, въ сравненіи съ русскими уголовными постановленіями.

1) О ЛИЦАХЪ И МѢСТАХЪ, ПРОИЗВОДЯЩИХЪ СЛѢДСТВІЯ.

Право производить слѣдствія по дѣламъ уголовнымъ, по нашимъ законамъ, предоставлено генералъ-губернаторамъ, губернаторамъ, губернскимъ правленіямъ; эти лица и мѣста производятъ слѣдствія — или чрезъ чиновниковъ особыхъ порученій, или чрезъ полиціи; кромѣ того, право непосредственно начинать и производить слѣдствія принадлежитъ также губернскимъ прокурорамъ, губернскимъ уголовнымъ, уѣзднымъ и городовымъ стряпчимъ, и полиціямъ.

По французскому законодательству, право производить слѣдствія принадлежитъ:

1) Сельской и лѣсной стражѣ;
2) Полицейскимъ коммиссарамъ;
3) Мерамъ и ихъ помощникамъ (adjoints de maire);
4) Прокурорамъ и ихъ намѣстникамъ (substituts);
5) Мирнымъ судьямъ;
6) Жандармскимъ офицерамъ;
7) Слѣдственному судьѣ (juge d'instruction);
8) Префектамъ, которые могутъ производить слѣдствія лично или чрезъ судебную полицію.

Всѣ эти лица, раскрывъ преступленіе или проступокъ, могутъ ихъ виновника представлять судебной власти; но порядокъ преданія ими подсудимыхъ суду—различный: генералъ-прокуроры и прокуроры, произведя предварительное слѣдствіе, имѣютъ право непосредственно передавать его слѣдственному судьѣ; этотъ послѣдній имѣетъ также право непосредственно начинать слѣдствіе, но

только при поимкѣ преступника съ поличнымъ; остальныя же полицейскія власти обязаны свои предварительныя слѣдствія объ уголовныхъ дѣлахъ представлять на заключеніе генералъ-прокурора, который ужь съ своей стороны предписываетъ слѣдственному судьѣ произвести формальное слѣдствіе.

Права слѣдственнаго судьи и обязанности его во время производства слѣдствія заключаются въ слѣдующемъ:

1) *При поимкѣ преступника на мѣстѣ преступленія и съ поличнымъ*, (flagrant délit), слѣдственный судья можетъ совершать всѣ акты, предоставленные прокурору (*); онъ можетъ также требовать къ слѣдствію этого послѣдняго, но не стѣсняется этимъ въ продолженіи дѣла. Если же прокуроръ составилъ акты о поимкѣ преступника съ поличнымъ и препроводилъ ихъ слѣдственному судьѣ, то этотъ, усмотрѣвъ ихъ неполноту, можетъ ихъ пополнить и передѣлать.

2) *Въ дѣлахъ, же гдѣ нѣтъ поимки съ поличнымъ* (**), слѣдственный судья не совершаетъ ни одного слѣдственнаго акта и ни одного акта о преслѣдованіи кого нибудь, безъ предварительнаго сообщенія о производимомъ слѣдствіи прокурору; также онъ обязанъ послѣднему препровождать дѣла по окончаніи слѣдствія: прокуроръ имѣетъ право въ теченіе трехъ дней удерживать у себя дѣло и давать ему направленіе, по своему усмотрѣнію. Слѣдственный судья можетъ, безъ заключенія прокурора, требовать присылки подсудимаго. Но когда слѣдственный судья хочетъ сдѣлать личный осмотръ или выемку, то ему должны сопутствовать прокуроръ и его протоколистъ.

3) Допросъ свидѣтелей производится слѣдственнымъ судьею подъ присягою въ присутствіи его протоколиста.

Для наблюденія за производствомъ формальнаго слѣдствія наряжается ассизнымъ судомъ совѣщательная палата или коммиссія (la chambre du conseil), состоящая не менѣе какъ изъ 3 судей, включая въ это число и слѣдственнаго судью. Эта коммиссія обязана исполнять всѣ требованія генералъ-прокурора; слѣдственный судья обязанъ коммиссіи еженедѣльно давать отчетъ, и во время производства слѣдствія la chambre du conseil обязана наблюдать слѣдующія правила:

(*) Во всѣхъ случаяхъ, когда, при изложеніи порядка слѣдствія и суда, я буду говорить о генералъ-прокурорѣ, я подразумѣваю того, который состоитъ при *cour impériale;* кассаціоннаго же я буду обозначать названіемъ «генералъ-прокуроръ кассаціоннаго суда.»

(**) *Code d'instruction criminelle. art. 61, 62.*

1) Что преступникъ долженъ быть арестованнымъ, когда по значенію преступленія, въ которомъ онъ обвиняется, онъ долженъ подлежать наказанію тѣлесному или лишенію чести; 2) когда же преступленіе такое, за которое слѣдуетъ наказаніе исправительное, то подсудимый долженъ представить благонадежное поручительство или обезпеченіе, что онъ будетъ являться по всѣмъ требованіямъ— какъ во время слѣдствія, такъ и во время суда и по окончаніи его; 3) но бродяги и претерпѣвшіе ужь разъ наказаніе не освобождаются; 4) коммиссія не иначе освобождаетъ преступниковъ, какъ по заключенію прокурора; 5) прокуроръ и гражданскіе истцы имѣютъ право апеллировать, если находятъ обезпеченіе недостаточнымъ.

По окончаніи слѣдствія la chambre du conseil составляетъ заключеніе: освободить ли отъ преслѣдованія и суда подсудимаго, по недостаточности доказательства, или по роду преступленія передать его въ полицію исправительную. Если прокуроръ и гражданскіе истцы довольны этимъ опредѣленіемъ, то въ 24 часа —или подсудимый освобождается, или дѣло передается въ полицію исправительную. Если же прокуроръ и гражданская сторона не соглашаются съ заключеніемъ коммиссіи, то въ 24 часа отъ объявленія имъ ея заключенія они должны подписать свое неудовольствіе, и коммиссія въ этомъ случаѣ представляетъ дѣло чрезъ прокурора къ генералъ-прокурору. Это же самое должно воспослѣдовать и тогда, когда слѣдственный судья войдетъ съ рапортомъ въ chambre du conseil, въ которомъ объяснитъ, что преступникъ по всѣмъ уликамъ и доказательствамъ подлежитъ тяжкому наказанію за совершенное имъ дѣяніе, и когда одинъ или два члена согласились бы съ его мнѣніемъ.

Генералъ-прокуроръ (*) въ теченіе 5 дней отъ полученія слѣдственнаго дѣла обязанъ привести его въ порядокъ и не позже, какъ въ теченіе 5 дней, долженъ передать его въ cour impériale: президентъ этого присутственнаго мѣста, въ теченіе трехъ дней по полученіи слѣдственнаго дѣла, обязанъ назначить трехъ своихъ членовъ въ совѣщательную палату (chambre du conseil), гдѣ они должны собираться по крайней мѣрѣ разъ въ недѣлю, чтобы спеціально заняться тѣмъ дѣломъ, которое передано ихъ сужденію. Протоколистъ (greffier) обязанъ доложить и прочесть судьямъ все слѣдственное дѣло и подаваемые тяжущимися мемуары; но послѣдніе при докладѣ не присутствуютъ. По окончаніи доклада, генералъ-прокуроръ оставляетъ въ присутствіи скрѣпленное свое заключеніе по обсуждаемому дѣлу, и удаляется оттуда, вмѣстѣ съ протоколистомъ. Судьи тогда приступаютъ къ рѣшенію вопроса: слѣдуетъ ли подсу-

(*) *Code d'instruction criminelle, art. 217—250.*

димаго предать уголовному суду или нѣтъ. При неясности дѣла la cour impériale имѣетъ право въ самые короткіе сроки требовать дополненія слѣдствія, представленія ему документовъ; имѣетъ право непосредственно произвести слѣдствіе даже и въ такомъ случаѣ, когда оно нигдѣ еще не возникало; въ такихъ дѣлахъ одинъ изъ его членовъ исполняетъ обязанности слѣдственнаго судьи; впрочемъ это для суда необязательно. Когда la cour impériale рѣшитъ, что подсудимый не совершилъ никакого преступленія, то онъ немедленно освобождается; въ случаѣ, если подсудимый подлежитъ исправительному наказанію или уголовному, онъ препровождается или въ полицію исправительную, или въ уголовный судъ; также когда la cour impériale утвердитъ дѣйствія 1-й слѣдственной инстанціи, то они приводятся немедленно въ исполненіе. Но несмотря на это, какъ мы ниже увидимъ, когда cour impériale передаетъ дѣло ассизному суду, то генералъ-прокуроръ и подсудимый могутъ жаловаться въ кассаціонный судъ; въ другихъ дѣлахъ и случаяхъ рѣшеніе cour impériale — окончательное. По рѣшенію въ cour impériale, что подсудимый долженъ быть преданъ суду, генералъ-прокуроръ обязанъ составить *обвинительный актъ*, въ которомъ должно быть объяснено: 1) свойство преступленія и основаніе обвиненія; 2) дѣянія и всѣ обстоятельства, которыя могутъ увеличить или уменьшить наказаніе; 3) въ заключеніе въ актѣ должно быть сказано: *вслѣдствіе этого* N.... *обвиняется въ совершеніи такого-то убійства, воровства или другаго преступленія, при такихъ-то и такихъ-то обстоятельствахъ.*

Когда же la cour impérial освобождаетъ подсудимаго отъ суда и слѣдствія, то доносчики и истцы обязаны ему уплатить убытки и всѣ судебныя издержки.

Изъ этихъ главныхъ чертъ производства слѣдствій по французскимъ законамъ читатель можетъ видѣть, что въ одномъ только предметѣ они схожи съ нашимъ порядкомъ: лица, совершившія у насъ преступленіе, по должности ими занимаемой, предаются суду не иначе, какъ по заключенію губернскаго правленія; недовольный его распоряженіемъ можетъ жаловаться въ первый департаментъ правительствующаго сената. Слѣдствія же у насъ производятся или слѣдственными коммиссіями, или такъ называемыми временными отдѣленіями, или чиновниками полиціи, или чиновниками особыхъ порученій, и во всѣхъ этихъ случаяхъ при депутатахъ со стороны состоящихъ подъ слѣдствіемъ. Но какія дѣла должны тѣмъ или другимъ порядкомъ производиться, — у насъ не опредѣлено. Къ тому же во всѣхъ данныхъ случаяхъ, безъ всякаго различія званія, если преступленіе только не относится къ служебнымъ обязанностямъ, то,

даже не обращая вниманія на то — открыто или не открыто преступленіе, дѣло передается въ уголовный судъ на его ревизію. Такимъ образомъ, по нашимъ законамъ, каждое лицо, по самому безтолковому дѣлу и кляузѣ, можетъ попасть подъ уголовный судъ, и если подсудимый дворянинъ или чиновникъ, то ему поставляется въ обязанность слѣдить за дѣломъ до государственнаго совѣта, т. е. въ теченіе многихъ годовъ, иначе онъ предоставитъ участь своего дѣла произволу судовъ. Это съ одной стороны величайшее зло для подсудимыхъ; съ другой — обременяетъ судебныя мѣста ревизіею такихъ дѣлъ, которыя не имѣютъ никакихъ основаній. Просмотрите уголовныя дѣла уѣздныхъ судовъ, магистратовъ и палатъ, и вы увидите, что туда поступаютъ изъ земскихъ судовъ и полицій тысячи такихъ дѣлъ, которыя не стоютъ даже названія уголовнаго дѣла! Не мудро ли, послѣ этого, французское законодательство, когда въ обезпеченіе личности каждаго гражданина оно установило: 1) что судебная полиція обязана свои предварительныя слѣдствія о преступленіяхъ представлять на заключеніе прокурора; 2) что этотъ имѣетъ только право передать дѣло слѣдственному судьѣ; 3) что первая слѣдственная инстанція можетъ приводить въ исполненіе свои заключенія только относительно освобожденія преступника или преданія его исправительному суду, и то если будетъ на то согласіе прокурора и гражданской стороны; 4) что право предаванія уголовному суду предоставлено единственно la cour impériale, и то генералъ-прокуроръ и подсудимый могутъ жаловаться въ кассаціонный судъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, оградивъ такимъ образомъ состоящаго подъ слѣдствіемъ отъ пристрастія слѣдователей, французскій законъ сколько предоставляетъ времени неправильнымъ доносчикамъ, извѣстителямъ и обвинителямъ одуматься: если они сознаютъ неправильность обвиненія и если прокуроръ находитъ ихъ доказательства неосновательными, то они могутъ отказаться отъ иска, уплативъ состоящему подъ слѣдствіемъ только его убытки; если они переносятъ дѣло къ слѣдственному судьѣ и соглашаются на заключеніе первой слѣдственной инстанціи, то также они уплачиваютъ только убытки; но когда они подпишутъ неудовольствіе на заключеніе la chambre du conseil и перенесутъ дѣло въ la cour impériale, и эта послѣдняя предастъ состоящаго подъ слѣдствіемъ суду, и подсудимый оправдается, то доносчики и истцы подвергаются опредѣленному наказанію, постановленному для клеветниковъ (*). Какая въ этихъ постановленіяхъ дана возможность обвинителямъ убѣдиться въ своей

(*) См. *Code Pénal, art.* 367—378.

неправотѣ! Повѣркамъ сколькихъ авторитетовъ подвергается предварительно ихъ убѣжденіе! Но если, несмотря на это, они стоятъ на своемъ, то законъ подвергаетъ ихъ наказанію, когда они проигрываютъ дѣло. Кромѣ этого, обвинители при самомъ слѣдствіи и судѣ имѣютъ тѣже самыя гарантіи безпристрастнаго суда, какъ и обвиненные; имъ предоставляется право доказывать свои обвиненія документами, свидѣтелями и уликами. По нашимъ законамъ, кто подалъ доносъ или жалобу объ уголовномъ дѣлѣ, тотъ или долженъ признаться въ фальшивости своего доноса, чтобы прекратить процессъ, или предоставить дѣло *усмотрѣнію слѣдователей и судовъ*. Да и какъ доносчикъ можетъ знать, что дѣлается по слѣдственному или судебному дѣлу, когда все дѣлопроизводство секретно? Притомъ дѣла, разъ начатыя уголовнымъ порядкомъ, никакъ не прекратишь: а между тѣмъ человѣкъ можетъ иногда обвинить кого нибудь въ гнѣвѣ, по недоразумѣнію или по ошибочному взгляду на дѣло. Сколько есть случаевъ, гдѣ обстановка дѣла прямо указываетъ намъ, что данное лицо виновно, а между тѣмъ онъ можетъ быть совершенно чистъ и невиненъ; слѣдовательно при оправданіи такого лица слѣдствіемъ, подсудимый имѣетъ полное право требовать возмездія за убытки; но его обвинитель не долженъ подвергаться тяжкому уголовному наказанію, такъ какъ его заблужденіе имѣло, хотя неправильныя, но все же основанія. Такимъ образомъ у насъ обѣ стороны—и обвинитель и обвиненный, не имѣютъ достаточныхъ обезпеченій въ законодательствѣ: уголовный процессъ зависитъ отъ слѣдователей или отъ судебныхъ мѣстъ. Судебная власть и ея полиція часто не имѣютъ должнаго значенія; онѣ не находятъ сочувствія въ обществѣ, нарушая законность.... Слѣдствія бываютъ иногда самыя печальныя: лица, преслѣдуемыя судебною властью и полиціею, находятъ убѣжище у своихъ согражданъ, на нихъ глядятъ, какъ на невинныхъ страдальцевъ; самый неимущій прохожій, встрѣтивъ арестантовъ, вынимаетъ изъ своего кошелька послѣднюю денежку и съ охотою отдаетъ имъ: онъ не можетъ ручаться, что онъ и самъ подъ самымъ маловажнымъ предлогомъ не сдѣлается арестантомъ и не будетъ подобно этимъ бѣднякамъ ходить въ тяжелыхъ кандалахъ.... Тогда и ему народъ будетъ кидать денежки....

Монтескьё сказалъ (*): «Философская свобода человѣка заключается въ пользованіи своею волею, или покрайней мѣрѣ въ убѣжденіи, что онъ это дѣлаетъ; политическая же свобода состоитъ въ безопасности или въ убѣжденіи, что мы ее имѣемъ. Эта безопасность ничѣмъ такъ не потрясается, какъ публичными и частными

(*) *De l'ésprit des lois. Tome second, livre XII, chap. 11, Paris. 1803.*

доносами. Оттого-то свобода гражданъ главнѣе всего зависитъ отъ милосердія уголовныхъ законовъ».

Далѣе въ той же главѣ этотъ мыслитель говоритъ: «Пріобрѣтаемыя въ той или другой странѣ свѣдѣнія о правилахъ, обезпечивающихъ уголовный судъ, интересуютъ родъ человѣческій болѣе всего на свѣтѣ; и только на практическомъ примѣненіи этихъ правилъ основывается свобода: въ государствѣ, имѣющемъ совершенные уголовные законы, человѣкъ, который преданъ суду и долженъ быть на другой день повѣшенъ, — все таки болѣе свободенъ, нежели паша въ Турціи».

Это величайшія истины: послѣдній пролетарій Ирландіи въ тысячу разъ свободнѣе перваго министра марокскаго императора; только совершенство гражданскаго и уголовнаго права можетъ поднять человѣка на ту высоту, на которую его личность поставлена христіанствомъ и наукой.

2) О СУДЕБНЫХЪ ЛИЦАХЪ И МѢСТАХЪ.

а) О полицейскихъ трибуналахъ.

1) *Въ вѣдѣніи полиціи* состоятъ дѣянія, за которыя слѣдуетъ наказаніе: или штрафъ не свыше 15 франковъ, или пятидневный арестъ; такія уголовныя дѣла называются противозаконными поступками (contreventions).

2) Вѣдомству мирнаго судьи подлежатъ всѣ противозаконные поступки:

а) Совершенные въ его волости (commune).

б) Совершенные въ другихъ волостяхъ его же округа, когда нарушитель или свидѣтели не имѣютъ постояннаго мѣстопребыванія, или находятся въ отсутствіи изъ той волости, гдѣ живетъ мирный судья.

в) Такія нарушенія, въ которыхъ искъ объ убыткахъ не опредѣленъ, или превосходитъ 15 франковъ.

г) Всѣ противозаконные поступки о самовольной порубкѣ частныхъ лѣсовъ.

д) Дѣла о словесныхъ обидахъ.

е) Всѣ афиши, объявленія, продажа и распространеніе безнравственныхъ картинъ и сочиненій.

ж) Дѣла о гадателяхъ, предвѣщателяхъ и истолкователяхъ сновъ.

При мирномъ судьѣ состоитъ протоколистъ; обязанности юстицъ-чиновника при немъ исполняетъ коммиссаръ полиціи; въ его же отсутствіи — мэръ или его помощникъ.

Въ волостяхъ или коммунахъ, гдѣ находится только одинъ мирный судья, онъ одинъ только завѣдываетъ дѣлами своего трибунала, а находящіеся при немъ протоколистъ (greffier) и экзекуторъ (huissier) исполняютъ обязанности полицейскихъ чиновниковъ.

Вызовы отвѣтчиковъ за нарушенія полицейскія могутъ быть сдѣланы или по требованію юстицъ-чиновника (ministère public) (*), или истцовъ. Повѣстки должны быть подписаны экзекуторомъ и вручены—или лично отвѣтчику, или другому лицу, имѣющему необходимыя качества гражданской отвѣтственности. Вызовъ къ суду отвѣтчика долженъ быть данъ на срокъ, не превышающій 24 часовъ, къ которому должно быть прибавлено по одному дню на каждые три миріаметра (**), во время отсутствія отвѣтчика: въ противномъ случаѣ какъ вызовъ, такъ и рѣшеніе, основанное на неявкѣ отвѣтчика, признаются недѣйствительными. Въ случаяхъ, нетерпящихъ отлагательства, сроки могутъ быть сокращены, и вызываемыя лица могутъ явиться въ тотъ же день, въ назначенный часъ, по личной повѣсткѣ мирнаго судьи. Тяжущіеся могутъ явиться по собственной волѣ, по простому увѣдомленію, безъ формальнаго вызова. За день предъ слушаніемъ дѣла, мирный судья можетъ, по требованію юстицъ-чиновника или гражданской стороны, лично или чрезъ другихъ лицъ разъизслѣдовать убытки; можетъ составлять лично, или поручить кому либо другому составленіе протоколовъ или актовъ, требующихъ поспѣшности. Если требуемое къ суду лицо не явится въ день или часъ ему назначенный, то оно обвиняется безъ суда. Неудовольствіе на подобное рѣшеніе можетъ быть или подписано на самомъ опредѣленіи, или представлено особо въ 3-дневный срокъ отъ дня его составленія; къ этому сроку для отсутствующаго тяжущагося присовокупляется еще по одному дню на 3 миріаметра. Лицо, обвиненное безъ суда, по пропущеніи этихъ сроковъ, теряетъ право жаловаться, развѣ бы дѣло, по важности, под-

---

(*) У насъ естъ прокуроры и стряпчіе; но родоваго названія этихъ лицъ нѣтъ: во французскомъ законодательствѣ всѣ лица, которыя исполняютъ обязанности прокурорскія, хотя бы и не были сами прокуроры, какъ напримѣръ: полицейскіе коммиссары, исполняющіе при мирныхъ судьяхъ эти обязанности, относительно мирнаго судьи называются: *les ministères publics*; вотъ почему я и перевелъ это выраженіе словами юстицъ-чиновникъ, которое заключаетъ въ себѣ родовое понятіе прокуроровъ, стряпчихъ и т. д.

(**) Миріаметръ равняется 9,374 верст.

лежало апелляціонному или кассаціонному суду. Требуемое къ суду лицо можетъ явиться лично или прислать повѣреннаго. Слѣдствіе производится публично, въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) Протоколы прочитываются вслухъ протоколистомъ.

2) Свидѣтели, если ихъ представили юстицъ-чиновникъ или истцы, выслушиваются; затѣмъ истецъ излагаетъ свои доказательства.

3) Отвѣтчикъ излагаетъ свою защиту, и его свидѣтели выслушиваются.

4) Юстицъ-чиновникъ высказываетъ по дѣлу свое мнѣніе.

5) Отвѣтчикъ можетъ его опровергать.

По окончаніи слѣдствія, не выходя изъ присутствія, дѣло рѣшается; въ крайнихъ случаяхъ дозволяется отложить рѣшеніе до слѣдующаго присутствія.

Если дѣяніе не представляетъ ни проступка, ни полицейскаго нарушенія, трибуналъ признаетъ недѣйствительнымъ вызовъ отвѣтчика къ суду, со всѣми его послѣдствіями, и опредѣляетъ мѣру судебныхъ убытковъ. Если дѣяніе есть проступокъ, за который слѣдуетъ исправительное наказаніе или даже болѣе важное, то трибуналъ отсылаетъ прикосновенныя лица къ прокурору. Если подсудимый обвиненъ въ нарушеніи полицейскомъ, трибуналъ опредѣляетъ ему наказаніе и вмѣстѣ съ тѣмъ постановляетъ о возвращеніи по принадлежности вещи и объ уплатѣ судебныхъ убытковъ. Обвиненная сторона присуждается даже къ уплатѣ расходовъ юстицъ-чиновниковъ. Судъ опредѣляетъ въ рѣшеніи мѣру всѣхъ расходовъ. Всѣ рѣшенія должны изложить обстоятельства дѣла и законы, на которыхъ они основаны. Протоколъ опредѣленія (la minute du jugement) долженъ быть подписанъ судьею, открывавшимъ присутствіе, въ теченіе 24 часовъ отъ рѣшенія дѣла: въ противномъ случаѣ протоколистъ уплачиваетъ 25 франковъ штрафа, и обвинители могутъ начать искъ какъ на него, такъ и на судью. Юстицъ-чиновникъ и гражданская сторона сохраняютъ право наблюдать за исполненіемъ рѣшенія,—оба по тому участію, какое они принимаютъ въ дѣлѣ (*).

б) О судопроизводствѣ меровъ, какъ полицейскихъ судей.

Меры коммуніальные, не въ центральныхъ мѣстахъ кантона, имѣютъ въ своемъ вѣдѣніи, совмѣстно съ мирными судьями, всѣ

(*) *Code d'Instruction Criminelle, art.* 137—165.

нарушенія, совершенныя въ предѣлахъ ихъ коммуны лицами, взятыми съ поличнымъ, или лицами проживающими въ коммунѣ, или которыя тамъ временно находятся, или когда свидѣтели живутъ въ коммунѣ, постоянно или временно, и когда убытки истцовъ не опредѣлены или не превосходятъ 15 франковъ. Дѣла же, принадлежащія собственно вѣдѣнію мирнаго судьи неподсудны мерамъ.

Обязанность юстицъ-чиновника при мерѣ исполняетъ его помощникъ; когда же этотъ послѣдній въ отсутствіи или исполняетъ обязанность мера, какъ полицейскаго судьи, тогда обязанность юстицъ-чиновника возлагается на одного изъ членовъ муниципальнаго совѣта, котораго по этому предмету назначаетъ прокуроръ на одинъ годъ.

Обязанности протоколиста при мерѣ, въ дѣлахъ полицейскихъ, исполняетъ одинъ изъ гражданъ, по назначенію мера; онъ даетъ по этому предмету присягу въ трибуналѣ полиціи исправительной. Экзекуторы при мерѣ не полагаются: вызовы къ суду совершаются непосредственно меромъ. Всѣ правила дѣлопроизводства мирнаго судьи исполняются и мерами (*).

3) Объ апелляціи на рѣшенія полиціи.

Рѣшенія по предметамъ полиціи могутъ быть апеллированы, когда они опредѣляютъ сверхъ издержекъ тюремное заключеніе, штрафъ, возвращеніе отнятаго и другія гражданскія вознагражденія, превышающія 5 франковъ. Апелляція пріостанавливаетъ исполненіе рѣшенія. Апелляція на полицейскій судъ приносится въ трибуналъ исправительной полиціи: она должна быть принесена въ теченіе 10 дней отъ объявленія рѣшенія подсудимому, и разсматривается въ томъ же порядкѣ, какъ и апелляціи на мирнаго судью. По требованію прокурора или тяжущихся, свидѣтели могутъ быть вновь допрошены апелляціоннымъ судомъ, и даже новые свидѣтели могутъ быть допущены къ допросу. Весь ходъ процесса, установленный для мирнаго судьи, соблюдается и въ трибуналѣ исправительной полиціи. Юстицъ-чиновникъ и прикосновенныя лица къ дѣлу, въ тѣхъ дѣлахъ, для которыхъ полиція или трибуналы исправительные суть послѣднія инстанціи, могутъ просить переноса дѣла въ кассаціонный судъ. Въ началѣ каждой трети года меры и мирные судьи обязаны представлять прокурору, за протекшую треть, выписки изъ тѣхъ рѣшеній, которыя опредѣляли тюремное заключеніе. Подлинную вѣдо-

---

(*) См. *Code d'Instruction Criminelle, art.* 166—171.

мость прокуроръ передаетъ протоколисту трибунала исправительнаго суда, а сводный отчетъ посылаетъ генералъ-прокурору (*).

4) ОБЪ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХЪ ТРИБУНАЛАХЪ.

Гражданскіе суды 1-й инстанціи (**) называются исправительными трибуналами и занимаются дѣлами о порубкахъ, преслѣдуемыхъ по требованію лѣсничествъ, и всѣми проступками, за которые слѣдуетъ наказаніе, превышающее 5 дней тюремнаго заключенія и 15 франковъ штрафа.

Эти трибуналы могутъ постановить приговоры, имѣя въ наличности трехъ судей.

Если въ самомъ присутствіи трибунала совершается проступокъ, то его президентъ составляетъ о событіи протоколъ, выслушиваетъ подсудимаго и свидѣтелей, и судъ, не выходя изъ присутствія, постановляетъ мѣру наказанія.

Срокъ на явку отвѣтчика въ судъ назначается 3-хъ дневный, а во время его отсутствія—по одному дню на 3 миріаметра.

Въ дѣлахъ, за которыя не слѣдуетъ тюремнаго заключенія, подсудимый можетъ прислать своего повѣреннаго; но, несмотря на это, судъ по своему усмотрѣнію можетъ требовать его на лицо.

Въ случаѣ неявки къ сроку въ судъ, отвѣтчикъ обвиняется въ искѣ.

Это обвиненіе не считается вступившимъ въ законную силу, если въ теченіе 5 дней отъ объявленія его подсудимому, онъ подастъ объ этомъ протестъ юстицъ-чиновнику и гражданской сторонѣ. Но несмотря на это, всѣ расходы, возникшіе отъ этого опредѣленія, лежатъ на отвѣтственности неявившагося подсудимаго.

Всѣ судебныя доказательства и весь ходъ процесса въ исправительныхъ трибуналахъ одинаковы съ теченіемъ процесса у мирнаго судьи.

Если данное дѣяніе не признается ни проступкомъ, ни полицейскимъ нарушеніемъ, то трибуналъ, признавъ недѣйствительнымъ слѣдствіе и вызовъ къ суду, со всѣми его послѣдствіями, освобождаетъ подсудимаго и опредѣляетъ мѣру судебныхъ убытковъ.

Если данное дѣяніе есть нарушеніе полицейское и юстицъ-чиновникъ или гражданская сторона не потребуютъ возвращенія дѣла въ нижнюю степень, то трибуналъ обязанъ опредѣлить наказаніе и

(*) Тамъ же *art.* 172—179.

(**) См. *Code d'Instruction Criminelle, art.* 179—216.

въ потребныхъ случаяхъ — судебные убытки; въ этомъ случаѣ рѣшеніе его считается въ послѣдней инстанціи (en dernier ressort) (*).

Если дѣяніе достойно наказанія тѣлеснаго или позорнаго, то судъ опредѣляетъ только обезпеченіе дѣла и арестъ подсудимаго, котораго и отсылаетъ къ надлежащему слѣдственному судьѣ.

Весь порядокъ постановленія опредѣленія и приведенія его въ исполненіе — такой же, какъ у мирнаго судьи.

Прокуроръ обязанъ въ теченіе 15 дней со дня рѣшенія дѣла отправить къ генералъ-прокурору экстрактъ рѣшенія.

Всѣ рѣшенія, опредѣляющія исправительное наказаніе, подлежатъ апелляціи.

Въ тѣхъ департаментахъ, гдѣ нѣтъ cour impériale, существуютъ апелляціонные суды; поэтому изъ окружныхъ исправительныхъ трибуналовъ апеллируются дѣла въ суды, находящіеся въ центральномъ мѣстѣ (chef-lieu) департамента; изъ исправительныхъ трибуналовъ, находящихся въ chef-lieu, дѣло апеллируется въ апелляціонный судъ сосѣдняго департамента, если оба эти департамента подвѣдомы одному cour impériale; въ тѣхъ же департаментахъ, гдѣ послѣдній имѣетъ свое мѣстопребываніе, тамъ дѣла исправительной полиціи апеллируются къ нему. Cour impériale принадлежатъ также апелляціи изъ тѣхъ исправительныхъ трибуналовъ сосѣднихъ департаментовъ, которые отстоятъ отъ него ближе, нежели chef-lieu ихъ департамента.

Право на апелляцію принадлежитъ слѣдующимъ лицамъ:

1. Подсудимымъ и прикосновеннымъ лицамъ.

2. Гражданской сторонѣ, но только по предметамъ, касающимся до нея.

3. Лѣсной администраціи.

4. Прокурору, который, въ томъ случаѣ, когда онъ не апеллируетъ, обязанъ въ 15-дневный срокъ представить выписку изъ рѣшенія юстицъ-чиновнику апелляціоннаго суда.

5. Юстицъ-чиновнику апелляціоннаго суда или cour impériale, которымъ подлежитъ апелляція.

Приносящій апелляцію долженъ ее подать протоколисту исправительнаго трибунала въ 10-дневный срокъ со дня рѣшенія дѣла; для тѣхъ же, которые обвинены безъ суда, по неявкѣ ихъ, этотъ срокъ считается со дня объявленія имъ рѣшенія.

Въ теченіе этого срока и по подачѣ апелляціи, исполненіе рѣшенія пріостанавливается.

(*) Когда дѣло находится въ послѣдней инстанціи, то на него можно жаловаться только въ кассаціонный судъ, а не въ апелляціонный.

Юстицъ-чиновникъ апелляціоннаго суда обязанъ сообщить о принимаемомъ имъ участіи въ дѣлѣ—подсудимому или подлежащему гражданской отвѣтственности, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, какъ состоялось въ той степени рѣшеніе, или въ теченіе 1 мѣсяца, когда кто нибудь изъ прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ сообщилъ ему это рѣшеніе; въ противномъ случаѣ онъ теряетъ право участія въ дѣлѣ.

Когда апелляціи не подано въ 10-дневный срокъ, подсудимый освобождается.

Жалоба, если она передана протоколисту суда 1 инстанціи, и все дѣло—должны быть отосланы прокуроромъ въ регистратуру апелляціоннаго суда, въ теченіе 14 часовъ отъ подачи жалобы или подписанія неудовольствія.

Если жалующійся находится подъ арестомъ,—въ этотъ же самый срокъ, по приказу прокурора, онъ долженъ быть отправленъ въ тюрьму того города, гдѣ находится апелляціонный судъ.

Пропустившіе апелляціонные сроки могутъ обжаловать возникшее отъ этого постановленіе въ такой же формѣ и въ такіе же сроки, какъ это постановлено относительно рѣшеній 1-й степени, основанныхъ на неявкѣ отвѣтчика къ суду.

Теченіе дѣла въ апелляціонномъ судѣ одинаково съ процессныиъ ходомъ въ 1-й степени.

Если опредѣленіе 1-й степени передѣлано и въ дѣлѣ не открыто ни проступка, ни полицейскаго нарушенія закона, то подсудимый освобождается; если приговоръ уничтожается и дѣяніе найдено или противозаконнымъ, или проступкомъ, и когда юстицъ-чиновникъ или гражданская сторона не требуютъ обращенія дѣла назадъ, то апелляціонный судъ опредѣляетъ мѣру наказанія и судебныхъ убытковъ. Когда же приговоръ признанъ недѣйствительнымъ, потому что за совершонное дѣяніе слѣдуетъ наказаніе тѣлесное или позорное, то апелляціонный судъ въ этомъ случаѣ поступаетъ, какъ 1-я степень.

Гражданская сторона, подсудимый, юстицъ-чиновникъ и лица, подлежащія гражданской отвѣтственности, недовольныя рѣшеніемъ апелляціоннаго суда, могутъ жаловаться въ кассаціонный судъ.

О ходѣ дѣла въ этомъ послѣднемъ судѣ я буду говорить ниже; теперь же разсмотримъ тѣ начала, которыя выше изложены нами по дѣламъ о нарушеніяхъ полицейскихъ и о проступкахъ. Достоинства постановленій французскаго законодательства по этимъ предметамъ заключаются въ слѣдующемъ: 1) все дѣло производится у мирнаго судьи, мера, въ 1-й степени и апелляціонномъ судѣ гласно и словесно; 2) подсудимые могутъ быть защищаемы адвокатами; 3) если въ дѣяніи, которое подверглось разсмотрѣнію этихъ лицъ

и мѣстъ, открылось преступленіе, то они обращаютъ дѣло: мирные судьи и меры—къ прокурорамъ, 1-я и 2-я степень—къ слѣдственному судьѣ, и дѣло принимаетъ ходъ уголовный; 4) переносъ дѣлъ: о полицейскихъ нарушеніяхъ изъ полицейскихъ трибуналовъ въ исправительные, а отсюда въ кассаціонный судъ. Переносъ дѣлъ о проступкахъ изъ исправительныхъ трибуналовъ въ апелляціонный судъ, а отсюда въ кассаціонный, — я нахожу крайне неудобнымъ, и переносъ этотъ ничѣмъ не можетъ быть оправданъ; по этимъ дѣламъ одно изъ двухъ: или апелляціонныхъ судовъ не должно бы было существовать, или кассаціонныхъ. Право переносить дѣло въ этотъ послѣдній дѣлаетъ среднюю инстанцію совершенно излишнею. И странно, — во Франціи дѣла гражданскія имѣютъ только двѣ степени суда: 1-я степень и апелляціонный судъ оканчиваютъ всѣ дѣла гражданскія, и переносу въ кассаціонный судъ подлежатъ изъ нихъ очень немногія (*); уголовныя же дѣла имѣютъ суды ассизный и кассаціонный. Впрочемъ, средніи инстанціи по дѣламъ о полицейскихъ нарушеніяхъ и проступкахъ могутъ во Франціи оправдываться нѣкоторымъ образомъ только слѣдующими причинами: 1) обязанность неправильнаго апеллятора уплачивать судебныя издержки дѣлаетъ переносъ затруднительнымъ и не всѣ подсудимые на это могутъ рѣшиться; 2) территоріальное положеніе Франціи, недальность разстоянія разныхъ пунктовъ государства къ апелляціоннымъ и кассаціоннымъ судамъ дѣлаетъ удобнымъ этотъ переносъ; 3) во Франціи, гдѣ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ юриспруденція находится на степени науки, гдѣ она давно сдѣлалась народнымъ достояніемъ и гдѣ просвѣщеніе находится на довольно высокой степени, судьи могутъ пополняться съ избыткомъ. Въ тѣхъ же государствахъ, гдѣ пространства земли обширны, гдѣ народонаселеніе незначительно, гдѣ просвѣщеніе и законовѣдѣніе находятся еще въ младенчествѣ, тамъ обиліе инстанцій есть зло: суды не могутъ быть пополняемы дѣльными и знающими судьями и переѣзды изъ одной инстанціи въ другую, для ходатайства, чрезвычайно обременительны и даже во большей части невозможны. Взгляните въ наши уѣздные суды, магистраты и палаты — много ли вы тамъ найдете истинно достойныхъ судей, въ смыслѣ европейскомъ? Поэтому лучше, мнѣ кажется, имѣть двѣ хорошо организованныхъ степени суда, нежели три, и даже болѣе, мало удовлетворительныхъ. Обиліе инстанцій влечетъ за собою проволоки, медленность въ отправленіи правосудія, скопленіе и замѣшательство въ дѣлахъ; отдаленное же разстояніе правительствую-

(*) См. *Code de procédure civil, ar.* 504.

щаго сената отъ различныхъ пунктовъ Имперіи дѣлаетъ правосудіе для многихъ недоступнымъ.

Съ установленіемъ мирныхъ судей и съ преобразованіемъ гласныхъ судовъ, первымъ могли бы быть переданы всѣ дѣла, которыя подвѣдомы французскимъ мирнымъ судьямъ; земскіе же суды въ уѣздѣ могли бы составлять 1-ю степень суда полиціи исправительной.

Становые могли бы исполнять обязанности юстицъ-чиновниковъ при мирномъ судьѣ, при которомъ должны состоять секретарь и экзекуторъ. На послѣднемъ могла бы лежать обязанность полицейскаго исполнителя. Порядокъ французскаго судопроизводства могъ бы существовать и у нашего мирнаго судьи, которому могли бы подлежать лица всѣхъ сословій его округа. Становыхъ можно бы уравнить съ французскими мерами. Въ городахъ всѣ дѣла мирнаго судьи могли бы подлежать городскимъ полиціямъ и иски апеллироваться въ уѣздный судъ; дѣла же о проступкахъ, совершенныхъ въ городахъ, могли бы непосредственно начинаться въ уѣздныхъ судахъ. Поэтому земскіе суды въ уѣздѣ, а уѣздные суды въ городахъ, — вправѣ окончательно и безъ апелляціи рѣшать дѣла, первые — подлежащія мирному судьѣ, вторые — городскимъ полиціямъ. Мирные судьи и полиціи, усмотрѣвъ въ данномъ дѣлѣ проступокъ, подлежащій исправительной полиціи, обращали бы дѣло — первый — въ земскій, вторая — въ уѣздный судъ. Если же въ дѣлѣ откроется преступленіе уголовное, то дѣло обращалось бы мирнымъ судьею и городской полиціею къ прокурору; земскій же судъ, въ подобномъ случаѣ, обращалъ бы дѣло непосредственно къ слѣдственному судьѣ.

Уѣздный судъ могъ бы состоять изъ двухъ отдѣленій: въ первомъ дѣла гражданскія и исправительной полиціи; во второмъ — уголовныя дѣла.

При второмъ отдѣленіи могли бы состоять одинъ или два слѣдственныхъ судьи; второе отдѣленіе замѣнило бы la chambre du conseil, куда, въ случаѣ множества дѣлъ, предсѣдатель уѣзднаго суда могъ бы назначать и членовъ земскаго суда. Весь порядокъ дѣйствій французскаго слѣдственнаго судьи могъ бы быть примѣненъ къ нашему; мѣсто cour impériale можетъ у насъ быть занято правительствующимъ сенатомъ, къ которому произведенное слѣдствіе могло бы переходить тѣмъ же порядкомъ, какъ оно во Франціи переходитъ въ cour impériale; право-преданія суду, или, какъ французское законодательство говоритъ: поставить подсудимаго въ состояніе обвиненія (mise en accusation)—могло бы быть предоставлено только сенату. Составъ нашего ассизнаго суда могъ бы быть слѣдующій: 1) изъ об-

щаго присутствія уѣзднаго и земскаго суда подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго судьи; 2) мѣстнаго прокурора; 3) секретаря уголовнаго отдѣленія уѣзднаго суда.

5) О ПРИСЯЖНЫХЪ СВИДѢТЕЛЯХЪ ИЛИ ПОНЯТЫХЪ.

Порядокъ составленія французскаго ассизнаго суда не можетъ быть у насъ принятъ; онъ составляется во Франціи слѣдующимъ образомъ:

Въ департаментѣ, гдѣ находится cour impériale, ассизный судъ (*) составляется изъ пяти его членовъ, изъ которыхъ одинъ предсѣдательствуетъ; генералъ-прокуроръ или одинъ изъ его товарищей (substituts) исполняетъ при немъ обязанности юстицъ-чиновника; протоколистъ cour impériale исполняетъ эту же обязанность и при ассизномъ судѣ.

Въ другихъ департаментахъ ассизный судъ составляется: 1) изъ одного члена cour impériale, который для этой цѣли командируется: онъ занимаетъ при ассизномъ судѣ мѣсто предсѣдателя; 2) изъ четырехъ судей, взятыхъ между предсѣдателями и старшими членами первыхъ инстанцій тѣхъ судовъ, въ вѣдѣніи которыхъ составляется ассизный судъ; 3) изъ прокурора ассизнаго суда или его товарищей; 4) изъ протоколиста того же суда (**).

Какъ я выше сказалъ, если у насъ ассизный судъ будетъ состоять изъ общаго присутствія уѣзднаго и земскаго судовъ, то его составъ будетъ еще полнѣе французскаго; но если у насъ вмѣсто cour impériale будетъ правительствующій сенатъ, то командированіе одного изъ его членовъ для предсѣдательствованія въ ассизномъ судѣ будетъ затруднительно, такъ какъ ассизный судъ будетъ у насъ не въ губернскихъ городахъ, а въ уѣздныхъ. Французскіе департаменты не такъ обширны, какъ наши губерніи; поэтому тамъ въ каждомъ департаментѣ полагается по ассизному суду: по этой же причинѣ уголовный судъ составляется тамъ изъ члена cour impériale и изъ членовъ, выбираемыхъ между предсѣдателями первыхъ степеней и ихъ старшихъ членовъ. Устройство въ Россіи въ губернскихъ городахъ ассизныхъ судовъ поставитъ жителей въ самое затруднительное положеніе: свидѣтели должны будутъ являться туда изъ-за нѣсколькихъ сотъ верстъ; если же допустить въ подобномъ случаѣ допросъ свидѣтелей на мѣстѣ жительства ихъ, то снова не

(*) *Assises* значитъ *засѣданія;* но собственно уголовный судъ первой степени называется во Франціи *la cour d'assises.*

(**) *Code d'instruction criminelle, art.* 251 — 253.

осуществится высокое назначеніе дѣлопроизводства ассизнаго суда. Вслѣдствіе этого я предполагаю, что каждый уѣздъ долженъ имѣть свой ассизный судъ; что присутствіе его должно образоваться изъ членовъ уѣзднаго и земскаго суда, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго судьи. Въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ будетъ находиться правительствующій сенатъ, тамъ ассизный судъ долженъ составляться такъ, какъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ во Франціи находится la cour impériale. Впрочемъ, въ важныхъ случаяхъ правительствующему сенату должно быть предоставлено право командировать своего члена для предсѣдательствованія въ ассизномъ судѣ по данному дѣлу.

Что же касается до порядка слушанія и рѣшенія дѣлъ французскихъ судовъ ассизнаго и кассаціоннаго, то по ихъ совершенству не остается ничего лучшаго желать.

Ассизный судъ состоитъ изъ двухъ частей: 1) изъ присяжныхъ свидѣтелей или понятыхъ, опредѣляющихъ—совершено ли даннымъ лицомъ преступленіе или нѣтъ; слѣдовательно они рѣшаютъ сущность дѣла; 2) изъ судей, которые, на основаніи рѣшенія присяжныхъ, присуждаютъ степень наказанія. Какъ вторые образуются во Франціи, я говорилъ выше; теперь разсмотримъ образованіе присяжныхъ:

1) Въ присяжные (*) могутъ быть назначены только достигшіе 30-лѣтняго возраста и пользующіеся политическими и гражданскими правами; въ противномъ случаѣ ихъ назначеніе недѣйствительно.

2) Присяжные назначаются:

а) Изъ членовъ избирательныхъ коллегій.

б) Самыя почетныя лица, по одному изъ каждыхъ 300 осѣдлыхъ жителей.

в) Изъ императорскихъ чиновниковъ.

г) Изъ докторовъ и лиценціатовъ одного или многихъ факультетовъ, изъ членовъ и корреспондентовъ института и другихъ ученыхъ обществъ, признанныхъ правительствомъ.

д) Изъ нотаріусовъ.

е) Банкировъ, биржевыхъ маклеровъ, негоціантовъ и купцовъ, платящихъ по первой и второй гильдіи (**).

ж) Изъ чиновниковъ, получающихъ не менѣе 4,000 франковъ.

Послѣднее у насъ не можетъ быть принято: ни одинъ чиновникъ уѣздный не получаетъ жалованья, равняющагося 4,000 франковъ,

---

(*) Каждый присяжный называются *juré*; а всѣ 12-ть членовъ въ совокупности *jury*. См. *Code d'instruction criminelle*, *art*. 381 — 406.

(**) У насъ должны быть причислены сюда и состоящіе въ третьей гильдіи, по малочисленности въ уѣздныхъ городахъ купечества первыхъ двухъ гильдій.

да и немногіе изъ губернскихъ чиновниковъ имѣютъ 1000 р. с. содержанія; поэтому у насъ законъ долженъ допускать въ присяжные всѣхъ чиновниковъ, занимающихъ классныя и штатныя мѣста.

3) Никто не можетъ быть присяжнымъ въ томъ дѣлѣ, въ которомъ онъ принялъ обязанность судебнаго полицейскаго чиновника, свидѣтеля, переводчика, эксперта или соучастника.

4) Присяжными не могутъ быть: министры, префекты и подъ префекты, судьи, генералъ-прокуроры и ихъ товарищи; равно священнослужители всѣхъ вѣроисповѣданій.

5) Члены государственнаго совѣта, императорскіе коммиссары при административныхъ мѣстахъ и семидесяти-девяти-лѣтніе старики могутъ быть освобождены отъ исполненія обязанности присяжныхъ.

6) Лица, непричисленныя къ вышеозначеннымъ званіямъ, согласно ихъ прошенію или по личному усмотрѣнію префекта, могутъ быть внесены въ число присяжныхъ, по предварительному сношенію послѣдняго съ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

7) Префекты обязаны составлять списки присяжныхъ, какъ только того потребуютъ президенты ассизныхъ судовъ. Это требованіе должно быть къ нимъ адресовано по крайней мѣрѣ за пятнадцать дней до открытія засѣданія суда. Если судъ раздѣленъ на нѣсколько отдѣленій, то президентъ каждаго отдѣленія можетъ, по ходу дѣлъ, требовать списковъ присяжныхъ для того отдѣленія, въ которомъ онъ предсѣдательствуетъ. Во всякомъ случаѣ списокъ префекта долженъ заключать въ себѣ не менѣе 60 гражданъ и долженъ быть адресованъ къ президенту ассизнаго суда или его отдѣленія. Президентъ изъ числа 60 долженъ выбрать 36 гражданъ и обязанъ въ теченіе 24 часовъ возвратить списокъ префекту.

8) Префектъ сообщаетъ возвращенный списокъ министру юстиціи, первоприсутствующему въ cour impériale, генералъ-прокурору, президенту ассизнаго суда или его отдѣленій, и прокурору ассизнаго суда.

9) За восемь дней до засѣданія ассизнаго суда сообщается каждому изъ гражданъ, включенныхъ въ списокъ присяжныхъ, что онъ выбранъ въ присяжные и что онъ долженъ явиться въ судъ къ назначенному дню, подъ страхомъ наказанія.

10) Списокъ присяжныхъ считается уничтоженнымъ, когда присяжные исполнили свою обязанность по тому дѣлу, по которому они требовались.

11) Присяжный, который былъ включенъ въ одинъ списокъ и исполнилъ свою обязанность, не можетъ быть включенъ въ списки слѣдующихъ 4-хъ судебныхъ засѣданій, развѣ на это будетъ его

согласіе. При посылкѣ списковъ присяжныхъ министру юстиціи, префекты должны увѣдомлять его о томъ, какъ по предшествовавшему списку присяжные исполняли свою обязанность; о неявившихся чиновникахъ, по требованію для составленія суда присяжныхъ,— должны быть особыя донесенія.

12) Лица, имѣющія болѣе 30 лѣтъ, не могутъ быть приняты на службу ни въ административныя, ни въ судебныя мѣста, если не представятъ свидѣтельства отъ юстицъ-чиковника при ассизномъ судѣ, въ вѣдомствѣ котораго они проживаютъ, что они исполняли требованія каждый разъ, какъ были включены въ списокъ присяжныхъ, или что причины ихъ неявки были уважительныя; или что они для суда присяжныхъ еще не требовались. Ни чья просьба безъ такого свидѣтельства не должна быть принята.

13) 12 присяжныхъ необходимы для составленія суда присяжнаго (un jury).

14) Листъ присяжныхъ долженъ быть предъявленъ подсудимому наканунѣ окончательнаго составленія табели объ нихъ: это объявленіе, со всѣми его послѣдствіями, признается недѣйствительнымъ, если оно сдѣлано раньше или позже.

15) Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда къ назначенному дню явится менѣе 30 присяжныхъ, которыхъ освободить нельзя будетъ, президентъ ассизнаго суда долженъ дополнить это число, по жребію, изъ гражданъ той коммуны, гдѣ находится судъ: и для этой надобности префектъ обязанъ ежегодно представлять въ ассизные суды списокъ всѣхъ лицъ его вѣдѣнія.

16) Присяжные, неявляющіеся по повѣсткѣ, присуждаются ассизнымъ судомъ къ уплатѣ штрафа:

за первый	разъ	500	франковъ.
» второй	»	1000	»
» третій	»	1500	»

Въ этотъ послѣдній разъ неявившееся лицо объявляется неспособнымъ исполнять обязанность присяжнаго на будущее время. Рѣшеніе публикуется насчетъ виновнаго и объ немъ сообщается министру юстиціи.

17) Неявка оправдывается только при непреодолимыхъ препятствіяхъ: судъ эти причины обязанъ разсмотрѣть.

18) Присяжные, хотя явившіеся въ судъ, но удалившіеся изъ него прежде исполненія своихъ обязанностей, подвергаются тому же штрафу, какъ и неявившіеся.

19) Въ назначенный день, по каждому дѣлу, въ началѣ засѣданія, въ присутствіи подсудимаго и генералъ-прокурора должна быть

сдѣлана перекличка присяжныхъ: фамилія присяжнаго, отвѣчавшаго на вызовъ, записывается на билетѣ и кладется въ урну.

20) Сначала подсудимый, потомъ генералъ-прокуроръ, могутъ по своему усмотрѣнію, отвести присяжныхъ, по мѣрѣ того, какъ производится изъ урны тиражъ. Ни подсудимый, ни генералъ-прокуроръ не обязаны представлять причинъ отвода. Судъ присяжныхъ считается состоявшимся, когда изъ урны выйдутъ 12 неотведенныхъ фамилій.

21) Отводы прекращаются, когда всѣ вынутыя фамиліи отведены, и въ урнѣ остается только 12 фамилій которыя и составляютъ судъ присяжныхъ (un jury).

22) Подсудимый и генералъ-прокуроръ имѣютъ право отводить одинаковое число присяжныхъ; но когда присяжные составляютъ нечетное число, то подсудимому предоставляется отвести однимъ присяжнымъ больше.

23) Если подсудимыхъ много, то они могутъ отводить присяжныхъ, по взаимному соглашенію, или же отдѣльно; но въ обоихъ случаяхъ они могутъ отвести столько присяжныхъ, какъ въ томъ случаѣ, когда существуетъ одинъ только подсудимый.

24) Если подсудимые не соглашаются вмѣстѣ отводить, то, по жребію, имъ опредѣляется порядокъ отвода.

25) Допросъ подсудимаго начинается непосредственно за составленіемъ табели присяжныхъ.

26) Если, по какимъ нибудь обстоятельствамъ, допросъ подсудимаго о проступкахъ, заключающихся въ документахъ или обвинительныхъ актахъ, откладывается до слѣдующаго засѣданія, то и листъ присяжныхъ признается уничтоженнымъ; и къ слѣдующему засѣданію изготовляется прежнимъ порядкомъ табель присяжныхъ.

6) ОБЯЗАННОСТИ ПРЕЗИДЕНТА АССИЗНАГО СУДА (*).

1) Обязанность президента: допросить подсудимаго въ день прибытія его въ тюрьму, созвать присяжныхъ и бросить жребій въ данныхъ случаяхъ. Онъ можетъ также по этимъ предметамъ уполномочить одного изъ судей.

2) На немъ лично лежитъ обязанность направлять присяжныхъ въ исполненіи ими своихъ обязанностей, изложить имъ предметъ, по которому они должны разсуждать, даже напоминать имъ ихъ долгъ, предсѣдательствовать во время преній и установлять поря-

(*) *Code d'instruction criminelle, art. 266—270.*

докъ защиты. Ему также принадлежитъ полицейскій надзоръ во время засѣданія.

3) Ему предоставлена неограниченная власть, по которой онъ можетъ принять на себя все, что, по его усмотрѣнію, можетъ повести къ открытію истины; и законъ предоставляетъ его чести и совѣсти употреблять всѣ силы къ раскрытію правды.

4) Онъ можетъ, во время засѣданія, всѣхъ лицъ призывать, или требовать ихъ присылки, и выслушивать каждаго; можетъ приказать доставить себѣ новые документы, которые окажутся во время преній необходимыми, по указанію подсудимаго или свидѣтелей, для раскрытія даннаго событія. Свидѣтели, такимъ образомъ призванные, не присягаютъ, и ихъ объясненія принимаются за простыя показанія.

5) Президентъ имѣетъ право устранить все, что только служитъ къ промедленію преній, безъ надежды на успѣхъ результатовъ.

7) ХОДЪ ПРОЦЕССА ВЪ АССИЗНОМЪ СУДѢ (*).

Когда la cour impériale произнесъ приговоръ, что данное лицо ставится въ состояніе обвиненія (mise en-accusation), и если дѣло все должно быть судимо въ мѣстопребываніи cour impériale, то, по повелѣнію генералъ-прокурора, все дѣло должно, въ теченіе 24 часовъ, быть переслано въ регистратуру 1-й инстанціи департамента или въ регистратуру того суда, который будетъ обозначенъ. Во всѣхъ случаяхъ, документы, оставшіеся въ регистратурѣ слѣдственной коммиссіи или находившіеся въ cour impériale, въ этотъ же срокъ должны быть переданы туда, куда поступило все дѣло. Срокъ исчисленія этихъ 24 часовъ начинается со времени объявленія состоящему подъ слѣдствіемъ, что онъ преданъ суду. Подсудимый въ этотъ же срокъ, если онъ находится подъ стражей, отсылается въ тюрьму того мѣста, гдѣ будетъ происходить судъ. Въ теченіе 24 часовъ отъ прибытія дѣла въ ассизный судъ и преступника въ тюрьму, президентъ,—или, по его уполномоченію, судья,—обязанъ преступника допросить. При этомъ онъ долженъ быть спрошенъ: кого онъ принимаетъ себѣ въ защитники? Если онъ никого не выберетъ, то судья обязанъ ему такого назначить. Защитникъ можетъ быть выбранъ подсудимымъ только изъ адвокатовъ и стряпчихъ подвѣдомственныхъ cour impériale, развѣ бы президентъ дозволилъ подсудимому взять въ защитники кого нибудь изъ своихъ друзей или родствен-

(*) *Code d'instruction criminelle, art. 291—380.*

никовъ. Судья обязанъ также предувѣдомить подсудимаго, что если бы онъ хотѣлъ просить объ уничтоженіи какого нибудь судебнаго дѣйствія, то онъ это долженъ сдѣлать въ 5-ти-дневный срокъ, такъ какъ его просьба по истеченіи этого срока не будетъ принята. Исполненіе предшествовавшихъ дѣйствій президента или судьи должно быть изложено въ протоколѣ, подписанномъ президентомъ, протоколистомъ и подсудимымъ; если послѣдній безграмотенъ или отказывается отъ подписи, то это должно быть оговорено. Если подсудимый не былъ увѣдомленъ о 5-ти-дневномъ срокѣ, то по его пропущеніи онъ не теряетъ права на жалобу. Прокуроръ можетъ подать протестъ также только въ теченіе 5 дней отъ допроса.

Жалоба и протестъ могутъ касаться предмета — о преданіи даннаго лица суду, въ слѣдующихъ случаяхъ:

1) Если дѣяніе не признается закономъ за преступленіе.

2) Если не было заключенія юстицъ-чиновника.

3) Если приговоръ постановленъ не надлежащимъ количествомъ судей.

Съ поступленіемъ протеста въ регистратуру, обязанность отсылки рѣшенія возлагается на генералъ-прокурора cour impériale, который отправляетъ его генералъ-прокурору кассаціоннаго суда. Но эта жалоба не пріостанавливаетъ дѣлопроизводства ассизнаго суда.

Защитникъ можетъ быть допущенъ къ подсудимому немедленно послѣ снятія съ него допроса; ему можетъ быть также сообщено дѣло, но только въ регистратурѣ и безъ задержанія дѣлопроизводства. Если требуется допросить другихъ свидѣтелей, находящихся въ отсутствіи, то президентъ или судья, который его замѣняетъ, можетъ сообщить объ этомъ мѣстному слѣдственному судьѣ, гдѣ находятся свидѣтели: слѣдственный судья, снявъ требуемыя показанія, посылаетъ ихъ запечатанными въ регистратуру ассизнаго суда. Свидѣтели, неявившіеся по вызову президента или судьи, и которые не оправдались законными причинами, или которые отказываются давать отвѣты,—могутъ быть присуждены ассизнымъ судомъ къ штрафу до ста франковъ и могутъ быть доставлены въ судъ силою. Защитники подсудимаго могутъ брать на свой счетъ копіи съ тѣхъ документовъ, какіе найдутъ нужными для ихъ защиты.

Подсудимые получаютъ безвозмездно по одной копіи съ протоколовъ объ ихъ проступкѣ и съ свидѣтельскихъ показаній; за исполненіемъ этого правила должны наблюдать президентъ, судья и генералъ-прокуроръ.

Если прокуроръ или подсудимый имѣютъ поводъ просить, чтобы дѣло не было доложено первому собранію присяжныхъ, они представляютъ президенту ассизнаго суда требованіе свое объ отсрочкѣ.

Отъ президента зависитъ дать отсрочку; это самое можетъ онъ сдѣлать и по собственной своей власти (d'office). Когда составлено по одному и тому же проступку множество обвинительныхъ актовъ противъ разныхъ подсудимыхъ лицъ, то генералъ-прокуроръ можетъ требовать соединенія ихъ въ одно дѣло. Когда же обвинительный актъ содержитъ въ себѣ неоднородные проступки, то генералъ-прокуроръ можетъ требовать, чтобы подсудимые подверглись сужденію или за одинъ, или за нѣсколько проступковъ, но не за всѣ разомъ; въ обоихъ этихъ случаяхъ это же самое можетъ президентъ сдѣлать непосредственно по своей власти. Въ назначенный къ открытію засѣданія суда день, двѣнадцать присяжныхъ помѣщаются противъ обвиненнаго, въ порядкѣ, который обозначается жребіемъ, на стульяхъ, отдаленныхъ отъ публики, отъ соучастниковъ дѣла и свидѣтелей.

Подсудимый является въ судъ свободнымъ и только въ сопровожденіи стражи, для воспрепятствованія ему побѣга.

Президентъ спрашиваетъ его имя, возрастъ, занятіе, мѣстожительство и родину; предваряетъ защитника обвиненнаго, что онъ ничего не долженъ говорить противъ совѣсти и противъ закона и что онъ долженъ выражаться благопристойно и вѣжливо. Затѣмъ президентъ, стоя съ непокрытой головой, обращаетъ къ присяжнымъ слѣдующую рѣчь:

«Вы клянетесь и обѣщаете предъ Богомъ и людьми разсмотрѣть съ самымъ тщательнымъ вниманіемъ обвиненія, возводимыя противъ N., не измѣнять интересамъ ни подсудимаго, ни общества, ни обвинителя; не сообщаться ни съ кѣмъ до вашего рѣшенія; не внимать ни ненависти, ни злобѣ, ни боязни, ни уваженію; постановить свое рѣшеніе по обвиненіямъ и доказательствамъ оправданія, по внушенію вашей совѣсти и личнаго убѣжденія, съ безпристрастіемъ и непоколебимостью, свойственными человѣку честному и свободному».

Каждый изъ присяжныхъ, вызываемый поименно президентомъ, отвѣчаетъ, поднявъ руку: «*клянусь!*»

Вслѣдъ за этимъ президентъ предупреждаетъ подсудимаго быть внимательнымъ къ тому, что онъ услышитъ, и приказываетъ протоколисту читать рѣшеніе cour impériale о преданіи обвиненнаго суду и обвинительный актъ.

Протоколистъ прочитываетъ эти документы громко.

Послѣ этого чтенія, президентъ напоминаетъ подсудимому содержаніе обвинительнаго акта и присовокупляетъ:

«Вотъ въ чемъ вы обвинены; теперь вы услышите улики, какія противъ васъ представлены»,

Генералъ прокуроръ излагаетъ предметъ обвиненія; потомъ онъ представляетъ списокъ свидѣтелей, которые должны быть выслушаны по ссылкамъ его, гражданской стороны или подсудимаго. Списокъ этотъ прочитывается вслухъ протоколистомъ. Онъ можетъ заключать въ себѣ только тѣхъ свидѣтелей, которыхъ фамилія, занятія и мѣстожительство были объявлены въ теченіе 24 часовъ до допроса подсудимому прокуроромъ или гражданской стороной. И подсудимый, и генералъ-прокуроръ могутъ отвести свидѣтеля, который не былъ включенъ въ списокъ и неясно обозначенъ въ объявленіи: судъ опредѣляетъ правильность отвода. Президентъ приказываетъ свидѣтелямъ удалиться въ назначенную для нихъ другую комнату; отсюда они выходятъ только для того, чтобы дать показанія. Въ случаѣ надобности, президентъ принимаетъ мѣры, чтобы свидѣтели не сообщались и не разсуждали прежде допроса ни о преступленіи, ни о подсудимомъ. Свидѣтели допрашиваются раздѣльно, въ порядкѣ опредѣляемомъ генералъ-прокуроромъ. Прежде допроса они присягаютъ въ томъ, что будутъ свидѣтельствовать безъ злобы и страха и что будутъ говорить сущую правду и ничего противъ истины.

Затѣмъ президентъ спрашиваетъ ихъ имена, возрастъ, занятія, мѣстожительство, знали ли они подсудимаго прежде его обвиненія, или гражданскую сторону, и въ какой мѣрѣ; онъ спрашиваетъ ихъ также, не были ли они въ услуженіи у кого либо изъ нихъ. Послѣ этого допроса свидѣтели излагаютъ свои показанія словесно.

Президентъ поручаетъ протоколисту записывать всѣ дополненія, измѣненія и уклоненія, какія дѣлаетъ свидѣтель противъ своихъ прежнихъ показаній; этого же самаго имѣютъ право требовать генералъ-прокуроръ и подсудимый.

Послѣ каждаго допроса, президентъ спрашиваетъ свидѣтеля: о настоящемъ ли посудимомъ онъ слышалъ то, что̀ показывалъ? Потомъ онъ спрашиваетъ подсудимаго: не хочетъ ли онъ возражать противъ обвиненія?

Свидѣтель не можетъ быть прерванъ: подсудимый и его защитникъ, послѣ допроса свидѣтеля, могутъ чрезъ президента предлагать ему вопросы и говорить—какъ противъ него самого, такъ и противъ его показаній, все, что̀ они найдутъ полезнымъ для защиты обвиненнаго. Президентъ же имѣетъ право требовать отъ свидѣтеля и подсудимаго всевозможныхъ объясненій, которыя по его усмотрѣнію окажутся необходимыми для открытія истины.

Судьи, генералъ-прокуроръ и присяжные имѣютъ это же самое право; но при этомъ они просятъ у президента позволенія говорить. Гражданская сторона можетъ обращаться къ подсудимому и свидѣ-

телямъ только чрезъ президента. Каждый допрошенный свидѣтель остается въ присутствіи до удаленія присяжныхъ для рѣшенія дѣла, развѣ бы президентъ ему приказалъ противное. Послѣ выслушанія свидѣтелей, представленныхъ прокуроромъ и гражданской стороной, выслушиваются свидѣтели подсудимаго и представленные имъ — или для опроверженія уликъ, находящихся въ обвинительномъ актѣ, или для засвидѣтельствованія того, что онъ человѣкъ честный, прямодушный и безукоризненнаго поведенія. Вызовъ и удовлетвореніе вознагражденіемъ свидѣтелей, если они того требуютъ, дѣлается на счетъ подсудимыхъ, исключая того случая, когда генералъ-прокуроръ будетъ требовать къ слѣдствію свидѣтелей или по своему усмотрѣнію, или по указанію подсудимаго.

Не допускаются къ свидѣтельству:

1) Отецъ, мать, дѣдъ, бабушка, или другіе восходящіе родственники подсудимаго или другихъ лицъ, прикосновенныхъ къ дѣлу.

2) Сынъ, дочь, внукъ, внучка и другіе низходящіе родственники.

3) Братъ и сестра.

4) Свойственники той же степени.

5) Мужъ и жена, даже послѣ развода.

6) Доносчики, которые по закону должны получать за доносы денежное вознагражденіе.

Показаніе этихъ лицъ тогда только недѣйствительно, когда они отведены или генералъ-прокуроромъ, или подсудимымъ, или гражданской стороной. Доносчики, не получающіе денежнаго вознагражденія, допускаются къ свидѣтельству; но при этомъ присяжные должны быть предувѣдомлены о томъ, что это — доносчики.

Свидѣтели, представляемые прокурорами или подсудимымъ, выслушиваются, не обращая вниманія на то, снято ли было предварительно съ нихъ письменное показаніе, или нѣтъ, — и только требуется одно: чтобы они были включены въ списокъ свидѣтелей.

Свидѣтели, кѣмъ бы ни были представлены, не могутъ между собою разговаривать.

Подсудимый можетъ требовать, послѣ снятія каждаго допроса, чтобы свидѣтель удалился изъ присутствія и чтобы одинъ или многіе вновь были вводимы и переспрашиваемы отдѣльно или совокупно. Прокуроръ и президентъ имѣютъ то же самое право.

Президентъ можетъ предъ допросомъ свидѣтеля, или во время допроса, или послѣ допроса какого нибудь свидѣтеля, велѣть удалиться одному или многимъ подсудимымъ и допрашивать свидѣтелей безъ ихъ присутствія по какимъ нибудь обстоятельствамъ процесса; по возвращеніи подсудимыхъ, дальнѣйшее теченіе процесса

не можетъ воспослѣдовать иначе, какъ послѣ объявленія подсудимымъ отъ президента,—что̀ открыто во время ихъ отсутствія.

Во время допроса генералъ-прокуроръ и присяжные могутъ отмѣчать у себя все, что̀ они найдутъ важнымъ въ показаніяхъ свидѣтелей или въ защитѣ подсудимаго; но пренія не должны быть прерываемы. Во время или послѣ допроса, президентъ можетъ представить подсудимому всѣ документы, относящіеся къ преступленію и служащіе уликою; онъ можетъ отъ подсудимаго требовать личныхъ отвѣтовъ, если найдетъ это необходимымъ; документы могутъ быть также показаны свидѣтелямъ, когда это требуется.

Если послѣ преній показаніе какого нибудь свидѣтеля окажется ложнымъ, то по требованію прокурора, или гражданской стороны, или подсудимаго, президентъ по собственной власти можетъ тутъ же велѣть его арестовать. Генералъ-прокуроръ и президентъ или одинъ изъ назначенныхъ имъ судей, исполняютъ относительно такого свидѣтеля, первый — обязанности полиціи судебной, второй — обязанности слѣдственнаго судьи. Слѣдственное дѣло по этому предмету, по его окончаніи, должно быть представлено въ cour impériale, для преданія виновнаго суду. Въ подобномъ случаѣ генералъ-прокуроръ, гражданская сторона, или подсудимый — могутъ непосредственно требовать, чтобы дѣло было разсматриваемо въ ближайшемъ засѣданіи; это же самое cour impériale можетъ сдѣлать и по своей власти. Въ случаѣ, если подсудимый или свидѣтели, или одинъ изъ нихъ — не говорятъ на одномъ и томъ же языкѣ или нарѣчіи, президентъ по собственной власти долженъ истребовать переводчика, имѣющаго не менѣе 21 года; переводчикъ долженъ присягнуть въ томъ, что онъ будетъ взаимно лицамъ, говорящимъ на разныхъ языкахъ, вѣрно переводить ихъ рѣчи. Генералъ-прокуроръ и подсудимый могутъ отвести переводчика, при чемъ они должны привести причины: судъ опредѣляетъ, могутъ ли они быть уважены, или нѣтъ. Переводчикъ не можетъ быть взятъ, даже съ согласія подсудимаго, ни изъ числа судей, ни изъ свидѣтелей, ни изъ присяжныхъ.

Если подсудимый глухо-нѣмой и не умѣетъ писать, то президентъ требуетъ по власти своей такое лицо, которое привыкло съ нимъ объясняться. Тоже самое должно сдѣлать съ свидѣтелемъ глухо-нѣмымъ. Если же глухо-нѣмой умѣетъ писать, то протоколистъ пишетъ ему вопросные пункты и замѣчанія; отвѣты его сообщаются подсудимому и свидѣтелямъ, которые даютъ письменно отзывы и возраженія. Все это потомъ прочитывается вслухъ протоколистомъ.

Президентъ назначаетъ порядокъ: о какомъ подсудимомъ должно начаться преніе; при чемъ прежде обсуживается важнѣйшее преступленіе, потомъ ужь идутъ пренія о другихъ преступникахъ.

Вслѣдъ за допросомъ свидѣтелей и за рѣчами, которыя вызваны ихъ показаніями, выслушивается гражданская сторона или ея адвокатъ и генералъ-прокуроръ, и тѣ улики, какія они приводятъ. Подсудимый и его адвокатъ могутъ возражать. Генералъ-прокуроръ и гражданская сторона могутъ опровергать; но подсудимому и его адвокату предоставляется всегда заканчивать пренія.

Въ этомъ послѣднемъ случаѣ президентъ объявляетъ, что пренія кончились, и повторяетъ вкратцѣ все дѣло.

Онъ обращаетъ вниманіе присяжныхъ на главныя доказательства въ пользу и противъ подсудимаго, и напоминаетъ имъ, въ чемъ заключается ихъ обязанность.

При этомъ онъ предлагаетъ имъ вопросы въ слѣдующемъ видѣ:

1) Если рѣчь идетъ объ обвиненіяхъ, заключающихся въ обвинительномъ актѣ, то вопросъ состоитъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Виновенъ ли подсудимый въ совершеніи такого-то убійства, покражи или такого-то преступленія, съ обстоятельствами, обозначенными въ обвинительномъ актѣ?»

2) Если изъ преній открылись обстоятельства, не обозначенныя въ обвинительномъ актѣ, увеличивающія преступленіе, то президентъ присовокупляетъ слѣдующій вопросъ:

«Подсудимый совершилъ ли преступленіе съ такими-то и такими-то обстоятельствами?»

3) Если подсудимый будетъ оправдываться тѣмъ, что дѣйствіе его допускается закономъ, вопросъ долженъ быть слѣдующій:

«Точно ли это справедливо?»

4) Если подсудимому меньше 16 лѣтъ, то президентъ спрашиваетъ:

«Подсудимый дѣйствовалъ ли съ сознаніемъ?»

Президентъ, опредѣливъ вопросы и утвердивъ ихъ своею подписью, передаетъ ихъ присяжнымъ, въ лицѣ старшаго изъ нихъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ передаетъ имъ обвинительный актъ, протоколы, которые опредѣляютъ преступленіе, документы процесса, за исключеніемъ письменныхъ свидѣтельскихъ показаній. Онъ объявляетъ присяжнымъ, что въ случаѣ объявленія ими подсудимаго виновнымъ большинствомъ голосовъ, они должны это обозначить въ началѣ своего опредѣленія. Послѣ этого онъ приказываетъ подсудимому удалиться изъ присутствія.

Когда присяжнымъ вручены вопросы и все дѣло, тогда они удаляются въ назначенную для нихъ комнату.

Главою или начальникомъ ихъ назначается или тотъ, который вышелъ первымъ по жребію, когда они разсаживались на скамьяхъ, или же тотъ, кого они, съ согласія послѣдняго, выберутъ.

Предъ начатіемъ разсужденій присяжныхъ, ихъ глава напоминаетъ имъ слѣдующую инструкцію, которая еще прежде того прибивается, большимъ шрифтотъ, въ видномъ мѣстѣ ихъ комнаты:

«Законъ не требуетъ отчета отъ присяжныхъ, какими доводами они пришли къ своему опредѣленію; онъ не предписываетъ имъ правилъ, отъ которыхъ бы зависѣли полнота и достаточность доказательствъ; онъ имъ предписываетъ разсуждать между собою тихо и совмѣстно изыскивать въ чистотѣ ихъ совѣсти, какое впечатлѣніе произвели на ихъ разумъ доказательства, приводимыя противъ подсудимаго, и его опроверженія. Законъ не говоритъ имъ: «не считайте за достовѣрное событіе, засвидѣтельствованное такимъ-то и такимъ-то числомъ свидѣтелей». Онъ также не говоритъ: «не считайте недостаточными тѣ доказательства, которыя не облечены въ форму протоколовъ, или документовъ, или показанія свидѣтелей, или въ такіе-то признаки»; законъ дѣлаетъ имъ одинъ только вопросъ, въ которомъ заключается вся сущность ихъ долга: «имѣете ли вы внутреннее убѣжденіе?»

«Но самое главное, — не должно быть присяжными упущено изъ виду, что всѣ ихъ разсужденія должны относиться къ обвинительному акту; что дѣянія, въ немъ изображенныя и въ немъ заключающіяся, должны единственно обратить ихъ вниманіе; и они не исполняютъ перваго своего долга, когда, думая о постановленіяхъ уложенія о наказаніяхъ, разсуждаютъ о послѣдствіяхъ, могущихъ произойти для подсудимаго отъ ихъ опредѣленія. Обязанность присяжныхъ не въ преслѣдованіи или наказаніи преступленія; они призваны единственно для того, чтобы рѣшить: подсудимый виновенъ ли, или нѣтъ — въ преступленіи, на него возводимомъ.»

Присяжные не могутъ оставить своей комнаты, пока они не рѣшатъ дѣла.

Во время ихъ разсужденія входить къ нимъ, по какимъ бы то ни было причинамъ, можно только съ письменнаго разрѣшенія президента.

Президентъ обязанъ начальнику жандармовъ дать предписаніе: охранять выходы ихъ комнаты.

Присяжнаго, нарушившаго правила, судъ можетъ оштрафовать къ уплатѣ до 500 и болѣе франковъ. Всякій изъ нихъ, нарушившій порядокъ или не требовавшій его возстановлянія, можетъ быть наказанъ арестомъ на 24 часа.

Присяжные разсуждають сначала о главномъ событіи и потомъ о всѣхъ обстоятельствахъ, его сопровождавшихъ.

Глава спрашиваетъ каждаго изъ нихъ, согласно утвержденнымъ вопросамъ, и каждый присяжный отвѣчаетъ слѣдующимъ образомъ:

1) Когда присяжный думаетъ, что событіе не достовѣрно и что подсудимый не уличенъ, онъ говоритъ:

«Нѣтъ, подсудимый не преступникъ.»

Въ этомъ случаѣ присяжный не имѣетъ ничего больше сказать.

2) Когда онъ думаетъ, что событіе достовѣрно и что подсудимый уличенъ, онъ говоритъ:

«Да, подсудимый виновенъ въ совершеніи преступленія, со всѣми обстоятельствами, изложенными въ вопросѣ.»

3) Когда онъ думаетъ, что событіе достовѣрно и что подсудимый уличенъ, но доказательства существуютъ только по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, онъ говоритъ:

«Да, подсудимый преступенъ, но не со всѣми обстоятельствами.»

Присяжные рѣшаютъ дѣло по большинству голосовъ; при ихъ равенствѣ перевѣсъ на сторонѣ тѣхъ, которые въ пользу подсудимаго.

По рѣшеніи дѣла присяжные входятъ въ присутствіе и занимаютъ свои мѣста. Президентъ спрашиваетъ ихъ: въ чемъ заключается ихъ рѣшеніе?

Глава присяжныхъ поднимается съ мѣста и, положивъ руку на сердце, говоритъ:

«По чести и совѣсти, предъ Богомъ и людьми, рѣшеніе присяжныхъ состоитъ въ слѣдующемъ: «Да, подсудимый и т. д.», или: «Нѣтъ, подсудимый и т. д.»

Рѣшеніе присяжныхъ должно быть подписано ихъ главою и передано президенту суда, въ присутствіи всѣхъ присяжныхъ; президентъ и протоколистъ скрѣпляютъ его.

Рѣшеніе присяжныхъ передѣлано быть не можетъ. Если бы подсудимый былъ обвиненъ не единогласно всѣми присяжными, а только большинствомъ голосовъ въ главномъ событіи, тогда судьи разсуждаютъ между собою о томъ же самомъ предметѣ, и если мнѣніе меньшинства присяжныхъ принято большинствомъ голосовъ судей, такъ что, совокупивши эти голоса, они будутъ превосходить большинство голосовъ присяжныхъ, вмѣстѣ взятыхъ съ меньшинствомъ голосовъ судей, то принимается это мнѣніе, служащее въ пользу подсудимаго.

Если, сверхъ предшествовавшаго случая, всѣ судьи единогласно убѣждены, что присяжные, увлекшись формальностью доказательствъ, ошиблись въ сущности дѣла, то судъ опредѣляетъ, что

онъ отлагаетъ рѣшеніе дѣла до слѣдующаго засѣданія, пока не устроится новый судъ присяжныхъ, въ которомъ не можетъ участвовать ни одинъ изъ предшествовавшихъ его членовъ. Никто не вправѣ этого требовать отъ суда, и онъ можетъ на подобное рѣшиться только по собственной своей власти и непосредственно за публичнымъ объявленіемъ рѣшенія присяжныхъ, но въ тѣхъ только случаяхъ, когда подсудимый обвиненъ, а не оправданъ. Послѣ опредѣленія втораго суда присяжныхъ, хотя бы оно было одинаково съ опредѣленіемъ перваго, судъ обязанъ непосредственно приступить къ рѣшенію дѣла.

Допросъ и пренія, разъ начатыя, должны безостановочно продолжаться, безъ всякаго сообщенія съ кѣмъ либо, включительно до рѣшенія присяжныхъ.

Президентъ не можетъ ихъ прерывать, развѣ для необходимаго отдыха судьямъ, присяжнымъ, свидѣтелямъ и подсудимымъ.

Если кто нибудь изъ свидѣтелей, внесенныхъ въ списокъ, не явится, то судъ можетъ, по требованію генералъ-прокурора, еще прежде начатія преній и допроса перваго по списку свидѣтеля, отложить дѣло до слѣдующаго засѣданія.

Если чрезъ неявку свидѣтеля дѣло отложено до слѣдующаго засѣданія, то всѣ расходы по вызову, на акты, на поѣздку свидѣтелей и на другіе предметы, необходимые для сужденія дѣла, относятся на счетъ этого свидѣтеля; и по требованію прокурора, тѣмъ же самымъ опредѣленіемъ, которое отсрочило засѣданіе, предписывается, кому слѣдуетъ, неявившагося свидѣтеля доставить въ судъ. Во всѣхъ случаяхъ, когда свидѣтель—или не явится по вызову, или не захочетъ присягать, или упорствуетъ въ дачѣ отвѣта, онъ осуждается къ уплатѣ штрафа въ 100 франковъ. Протестъ противъ такого рѣшенія можетъ быть предъявленъ въ теченіе 10 дней и по одному дню на 5 миріаметровъ со дня объявленія виновному; протестъ принимается въ томъ лишь случаѣ, когда онъ представитъ законныя причины неявки или — что штрафъ на него возложенный, неумѣренъ.

8) ПРИГОВОРЪ И ЕГО ИСПОЛНЕНІЕ.

Послѣ публичнаго объявленія опредѣленія присяжныхъ, президентъ велитъ войти въ присутствіе подсудимому, и протоколистъ читаетъ ему вслухъ это опредѣленіе.

Когда подсудимый объявленъ невиннымъ, президентъ объявляетъ, что онъ освобожденъ отъ обвиненій, и приказываетъ его

освободить, если онъ не долженъ быть задержанъ по другой причинѣ.

Затѣмъ судъ опредѣляетъ судебные убытки, предъявленные сторонами, предварительно выслушавъ ихъ защиты и мнѣніе прокурора.

Впрочемъ, судъ въ подобномъ случаѣ можетъ, если онъ найдетъ удобнымъ, поручить одному изъ судей выслушать прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ, разсмотрѣть самое дѣло и доложить присутствію, куда и всѣ стороны могутъ представить свои опровержeнія и гдѣ снова можетъ быть юстицъ-чиновникъ.

Оправданный подсудимый можетъ требовать вознагражденія судебныхъ убытковъ отъ доносчиковъ, за клевету; но члены установленныхъ властей, доносившихъ по обязанности службы, не могутъ быть преслѣдуемы за свои мнѣнія относительно преступленій, дошедшихъ до ихъ свѣдѣнія: развѣ подсудимый хотѣлъ бы начать на нихъ формальный искъ (prise à partie) (*).

По требованію подсудимаго генералъ-прокуроръ обязанъ объявить ему доносчика.

Просьбы объ убыткахъ, подаваемыя подсудимымъ противъ доносчиковъ или гражданской стороны, и обратно, подлежатъ вѣдѣнію ассизнаго суда. Гражданская сторона обязана предъявить искъ до приговора; послѣ него они не принимаются. Это же самое относится къ подсудимому, когда ему до приговора извѣстенъ былъ доносчикъ.

Въ томъ случаѣ, когда подсудимый узналъ — кто доносчикъ, послѣ приговора, но еще до окончанія засѣданія суда, онъ обязанъ свою просьбу тутъ же предъявить ассизному суду; въ противномъ случаѣ онъ теряетъ право на искъ. Когда же онъ узналъ это по окончаніи засѣданія суда, то искъ объ убыткахъ долженъ быть поданъ въ гражданскій судъ.

Всѣ лица, законно оправданныя, не могутъ быть вновь преданы суду по тому же дѣлу.

Когда, во время преній въ судѣ, на подсудимаго возводится новый проступокъ—или документами, или показаніями свидѣтелей,—то президентъ, послѣ объявленія подсудимаго оправданнымъ въ проступкѣ, за который онъ судимъ, предписываетъ его преслѣдовать по вновь открывающемуся преступленію; вслѣдствіе чего онъ передаетъ дѣло слѣдственному судьѣ того округа, гдѣ находится ассизный судъ, куда онъ велитъ или подсудимому явиться, или его от-

(*) Порядокъ этого преслѣдованія изложенъ въ ст. 483—502, *Code d'instruction criminelle.*

править и даже можетъ поручить личное его задержаніе. Но это послѣднее президентъ можетъ сдѣлать въ томъ лишь случаѣ, когда генералъ-прокуроръ до окончанія преній уклонялся отъ начатія преслѣдованія подсудимаго.

Когда подсудимый признанъ преступнымъ, тогда генералъ-прокуроръ требуетъ отъ суда приложенія къ нему закона. Выслушавъ прокурора, президентъ спрашиваетъ подсудимаго: не имѣетъ ли онъ чего нибудь сказать въ свое оправданіе?

Ни подсудимый, ни его защитникъ не могутъ при этомъ уже болѣе оспоривать достовѣрность дѣянія; они могутъ только доказывать, что оно не запрещено закономъ, или не признано имъ проступкомъ, или что оно не заслуживаетъ того наказанія, которое примѣнилъ къ нему генералъ-прокуроръ, или что подсудимый не обязанъ вознаградить убытки гражданской стороны, или наконецъ,—что эта послѣдняя преувеличила свои убытки. Судъ освобождаетъ отъ наказанія подсудимаго, когда законъ не запретилъ того дѣянія, въ которомъ онъ обвиняется.

Если дѣяніе запрещено закономъ, то судъ присуждаетъ наказанія, даже и въ томъ случаѣ, когда процессомъ открыто, что оно не подлежитъ суду уголовному. Въ случаѣ обвиненія подсудимаго во многихъ преступленіяхъ, онъ приговаривается къ одному большому наказанію.

При освобожденіи подсудимаго отъ наказанія,—не обращая вниманія на то, былъ ли онъ судомъ присяжныхъ оправданъ или обвиненъ, — судъ опредѣляетъ убытки, какъ выше изложено мною, и приказываетъ возвратить по принадлежности спорное имущество; когда же подсудимый приговоренъ къ наказанію, то это послѣднее не иначе можетъ воспослѣдовать, какъ по пропущеніи подсудимымъ сроковъ на переносъ дѣла въ кассаціонный судъ, или по подписаніи имъ удовольствія на рѣшеніе.

Подсудимый или гражданская сторона по ихъ обвиненіи присуждаются къ уплатѣ расходовъ государству и противникамъ. Судьи разсуждаютъ и подаютъ мнѣнія не вслухъ; для этой цѣли они могутъ удалиться въ совѣщательную палату (chambre du conseil); но самое рѣшеніе президентъ обязанъ произнести громко, въ присутствіи публики и подсудимаго. Предъ произнесеніемъ приговора президентъ обязанъ прочесть вслухъ текстъ закона, на которомъ онъ основанъ.

Протоколистъ излагаетъ письменно приговоръ и долженъ означить въ немъ текстъ закона, подъ страхомъ уплаты въ противномъ случаѣ штрафа въ 100 франковъ. Протоколъ приговора долженъ быть подписанъ судьями, которые его составили; при неисполненіи

этого, протоколистъ уплачиваетъ 100 франковъ штрафа и вмѣстѣ съ судьями предается суду: протоколъ долженъ быть подписанъ въ теченіе 24 часовъ съ того времени, какъ приговоръ состоялся.

Послѣ прочтенія приговора, президентъ можетъ увѣщевать подсудимаго, чтобы онъ отдался безропотно Богу, или чтобы онъ исправился. При этомъ онъ объявляетъ ему, что онъ имѣетъ право жаловаться въ кассаціонный судъ и въ какой срокъ можетъ онъ это сдѣлать.

Протоколистъ обязанъ составить актъ о ходѣ засѣданія и о томъ, что всѣ формальности соблюдены. Въ этотъ актъ не включаются ни отвѣты подсудимыхъ, ни содержаніе свидѣтельскихъ показаній, а только встрѣчающіяся въ нихъ измѣненія, противорѣчія и перемѣны. Актъ этотъ подписывается президентомъ и протоколистомъ. За несовершеніе такого акта протоколистъ штрафуется уплатою 500 франковъ.

Подсудимый, со дня объявленія ему приговора въ теченіе трехъ дней, можетъ объявить протоколисту, что онъ проситъ отправленія дѣла на ревизію въ кассаціонный судъ; генералъ-прокуроръ въ этотъ же срокъ сохраняетъ право переноса; гражданская сторона можетъ просить въ этотъ же срокъ переноса, но только въ гражданской части дѣла. Въ теченіе этихъ трехъ дней и потомъ при переносѣ дѣла въ кассаціонный судъ, впредь до полученія рѣшенія этого суда, останавливается исполненіе приговора.

Приговоръ приводится въ исполненіе не позже двадцати четырехъ часовъ отъ пропущенія трехъ-дневнаго срока для апелляціи или отъ полученія отказа на жалобу кассаціоннаго суда.

Приговоръ приводится въ исполненіе по повелѣнію генералъ-прокурора; онъ имѣетъ право непосредственно требовать по этому предмету вооруженную силу.

Если осужденный хочетъ объявить что нибудь, то это объявленіе принимается однимъ изъ судей, въ присутствіи протоколиста, на мѣстѣ исполненія приговора.

Актъ объ исполненіи приговора, подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ штрафа въ 100 франковъ, долженъ быть составленъ протоколистомъ и внесенъ имъ, въ теченіе 24 часовъ, въ концѣ судебнаго протокола. Эта отмѣтка должна быть имъ подписана, равно какъ и всѣ отмѣтки на поляхъ акта, имѣющія одинаковую силу съ самимъ актомъ.

Когда во время преній, предшествовавшихъ приговору, подсудимый будетъ уличенъ документами или показаніями свидѣтелей въ преступленіи, превосходящемъ то, въ которомъ его обвиняютъ, или если соучастники подсудимаго ужъ арестованы, то судъ

предписываетъ его преслѣдовать по новому преступленію. Въ этомъ случаѣ генералъ-прокуроръ пріостанавливаетъ исполненіе перваго рѣшенія впредь до постановленія втораго.

Всѣ протоколы ассизнаго суда должны быть соединены въ одно дѣло и переданы въ регистратуру трибунала 1-ой инстанціи того округа, въ которомъ ассизный судъ находился. Ассизные же суды, находившіеся въ тѣхъ городахъ, гдѣ находится cour impériale, передаютъ дѣла свои этому послѣднему.

9) СЛУЧАИ, ВЪ КОТОРЫЕ МОЖНО ОПРОВЕРГАТЬ ОПРЕДѢЛЕНІЯ И ПРИГОВОРЫ.

Опредѣленія и приговоры, состоявшіеся въ послѣдней инстанціи по дѣлу уголовному, исправительному или полицейскому, равно какъ слѣдствіе и преслѣдованіе, ему предшествовавшее (т. е. предварительное слѣдствіе), могутъ быть уничтожены въ слѣдующихъ случаяхъ:

Когда подсудимый подверженъ осужденію и когда въ опредѣленіи cour impériale, предавшаго его суду, или въ слѣдствіи и дѣлопроизводствѣ этого суда, или въ ассизномъ судѣ, нарушены или упущены какія нибудь формальности, за упущеніе которыхъ законъ признаетъ всѣ дѣйствія суда ничтожными; то это нарушеніе или упущеніе даетъ поводъ сторонѣ осужденной или юстицъ-чиновнику — требовать уничтоженія приговора, со всѣми ему предшествовавшими актами.

Это же самое должно воспослѣдовать и въ томъ случаѣ, когда было упущеніе въ подсудности или отказано подсудимому въ его просьбѣ, а прокурору въ его требованіяхъ, съ которыми законъ связываетъ какія нибудь преимущества и права, — развѣ бы въ законѣ не выговорено было, что съ упущеніемъ данной формальности судами всѣ дѣйствія ихъ будутъ признаны недѣйствительными.

Эти два правила относятся также до проступковъ и простыхъ нарушеній.

Когда подсудимый оправданъ, тогда генералъ-прокуроръ не можетъ требовать отмѣны приговора, но можетъ только апеллировать по предмету *вещественнаго* интереса.

Подсудимый и генералъ-прокуроръ могутъ просить объ уничтоженіи приговора, когда примѣнено къ дѣянію не соотвѣтствующее ему наказаніе. Право требовать уничтоженія приговора принадлежитъ также генералъ-прокурору и въ томъ случаѣ, когда подсуди-

мый освобожденъ отъ наказанія, по поводу несуществованія въ законахъ наказанія за данный поступокъ.

Когда присужденное наказаніе есть тоже самое, которое положено по закону за данное преступленіе, тогда никто не можетъ требовать уничтоженія приговора, подъ предлогомъ, что ссылка на текстъ закона ошибочна; это правило относится также до дѣлъ исправительныхъ и полицейскихъ.

Гражданская сторона не можетъ просить уничтоженія приговора ни оправдывающаго подсудимаго, ни освобождающаго его отъ подсудности; но если бы приговоръ обвинилъ эту сторону въ гражданскомъ отношеніи и это превосходило бы даже требованія ея противника, то она имѣетъ право просить объ уничтоженіи въ этомъ отношеніи приговора.

Во всѣхъ случаяхъ, когда кассаціонный или императорскій судъ (cour impériale) уничтожаютъ слѣдствіе, они могутъ опредѣлить, чтобы расходы на переизслѣдованіе дѣла пали на виновныхъ слѣдователей; однакожь это должно относиться къ тому случаю, когда упущенія въ слѣдствіи будутъ очень серьёзныя.

10) ПРОСЬБЫ ОБЪ УНИЧТОЖЕНІИ ПРИГОВОРА.

Прибѣгнуть къ кассаціонному суду противъ предварительныхъ опредѣленій и слѣдствія, или противъ приговоровъ послѣднихъ инстанцій, можно только послѣ окончательнаго рѣшенія дѣла: добровольное исполненіе опредѣленій и приговоровъ предварительныхъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть принято за отказъ отъ права ихъ обжаловать. Но это правило не распространяется на опредѣленія и приговоры о подсудности.

Объявленіе неудовольствія должно быть сдѣлано стороною обвиненной, у протоколиста, и подписано обоими, и если обвиненный не умѣетъ или не хочетъ подписать, то протоколистъ обязанъ это оговорить.

Объявленіе неудовольствія можетъ быть сдѣлано въ той же формѣ—или адвокатомъ стороны обвиненной, или спеціально имъ для того уполномоченными людьми; въ послѣднемъ случаѣ при объявленіи должна быть приложена довѣренность.

Объявленіе должно быть внесено въ реестръ, для этой цѣли назначенный; этотъ реестръ долженъ быть выставленъ публично, и каждый можетъ сдѣлать изъ него экстрактъ.

Когда принесена жалоба въ кассаціонный судъ противъ опредѣленія или рѣшенія послѣдней инстанціи, по дѣлу уголовному, испра-

вительному или полицейскому,—или гражданской стороной, или юстицъ-чиновникомъ, то ихъ жалобы сообщаются противной сторонѣ въ трехдневный срокъ.

Когда эта сторона находится въ заключеніи, то актъ, въ которомъ заключается жалоба, прочитывается ей протоколистомъ; выслушавшая сторона должна подписать актъ, если же она не умѣетъ или не хочетъ этого сдѣлать, то протоколистъ долженъ это отмѣтить.

Когда противная сторона находится на свободѣ, жалующійся въ кассаціонный судъ долженъ ей сообщить о своей жалобѣ чрезъ оффиціальнаго экзекутора или ему лично, или въ его мѣстожительствѣ: въ подобномъ случаѣ срокъ увеличивается по одному дню на каждые 5 миріаметровъ.

Гражданская сторона, приносящая жалобу въ кассаціонный судъ, обязана при ней приложить засвидѣтельствованную копію рѣшенія, на которое она жалуется. Она обязана также въ залогъ правой апелляціи внести 150 франковъ, или половину этой суммы,—когда рѣшеніе основывалось на неявкѣ ея къ суду или на пропущеніи его срока.

Освобождаются отъ этого штрафа: 1) подсудимые, обвиненные въ уголовныхъ преступленіяхъ; 2) общественные агенты по дѣламъ, относящимся непосредственно къ государственнымъ: администраціи, доходамъ и имуществамъ.

Въ отношеніи другихъ лицъ штрафъ падаетъ на сторону обвиненнаго; взносу этого штрафа не подвергаются только тѣ лица, которыя къ жалобѣ приложатъ: 1) *выписку* изъ податныхъ окладовъ, изъ которой открывается, что они не платятъ податей болѣе 6 франковъ, или *свидѣтельство* отъ сборщика податей ихъ коммуны, изъ котораго видно, что они вовсе освобождены отъ податей, и 2) *свидѣтельство* о бѣдности, выданное имъ меромъ ихъ коммуны или его помощникомъ, засвидѣтельствованное подпрефектомъ и утвержденное префектомъ ихъ департамента.

Осужденные, даже по проступку и полицейскимъ нарушеніямъ, къ тюремному заключенію не могутъ приносить жалобъ въ касcаціонный судъ, если они не находятся въ тюрьмѣ, или не отпущены по поручительству. Поэтому къ жалобѣ должны быть приложены—или свидѣтельство о томъ, что они арестованы, или поручная запись, если они на свободѣ.

Однако когда жалуются по предмету неподсудности, то достаточно представить удостовѣреніе, что жалующійся явился въ тюрьму, гдѣ находится кассаціонный судъ: смотритель этой тюрьмы можетъ его принять по отмѣткѣ, сдѣланной на жалобѣ даннаго лица

генералъ-прокуроромъ кассаціоннаго суда, которому эта жалоба представлена. Подсудимый или гражданская сторона, во время подписанія неудовольствія на рѣшеніе или въ теченіе слѣдующихъ затѣмъ 10 дней, должны представить въ судъ или трибуналъ, постановившій опредѣленіе или приговоръ, жалобу. Протоколистъ, разсмотрѣвъ жалобу, передаетъ ее чиновнику, командированному по этому предмету юстицъ-чиновникомъ. Послѣдній, въ 10-й день отъ подписанія неудовольствія, отправляетъ къ министру юстиціи всѣ документы, дѣла и жалобы сторонъ, если они поданы.

Для этой цѣли протоколистъ трибунала или суда, рѣшившаго дѣло, обязанъ немедля составить опись документамъ и сшить ихъ въ одно дѣло.

По полученіи этихъ документовъ, въ теченіе 24 часовъ, министръ юстиціи обязанъ ихъ отправить съ нарочнымъ чиновникомъ въ кассаціонный судъ.

Обвиненные могутъ также непосредственно представить въ регистратуру кассаціоннаго суда свои жалобы, выписки или копіи опредѣленій и приговоровъ, равно какъ и просьбы о допущеніи ихъ жаловаться кассаціонному суду. Но гражданская сторона не иначе можетъ воспользоваться этимъ правомъ, какъ посредствомъ адвоката, состоящаго при кассаціонномъ судѣ.

Кассаціонный судъ во всѣхъ дѣлахъ уголовныхъ, исправительныхъ и полицейскихъ—не позже одного мѣсяца долженъ рѣшить дѣло. Судъ или отказываетъ въ жалобѣ, или признаетъ недѣйствительнымъ опредѣленіе или приговоръ безъ предварительнаго постановленія о предоставленіи данному лицу права на жалобу. Когда кассаціонный судъ уничтожаетъ опредѣленіе или приговоръ по дѣлу исправительному, или полицейскому,—онъ отсылаетъ процессъ и стороны къ другому суду или трибуналу того же самаго качества, какъ тотъ, который имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи данное дѣло.

Кассаціонный судъ отсылаетъ дѣло:

1) Къ другому cour impériale, а не къ тому, который опредѣлялъ подсудность и предалъ суду подсудимаго.

2) Къ другому ассизному суду, а не къ тому, который при составленіи опредѣленія или приговора сдѣлалъ упущенія, заставляющія законъ признать рѣшеніе суда недѣйствительнымъ.

3) Къ другому суду 1-й инстанціи, а не къ тому, къ которому принадлежалъ слѣдственный судья, если приговоръ и слѣдствіе признаны недѣйствительными только относительно гражданскихъ взысканій.

4) Когда опредѣленіе и дѣлопроизводство уничтожены по предмету неподсудности, то кассаціонный судъ отсылаетъ дѣло въ над-

лежащее судебное мѣсто; но если слѣдственный судья, производившій первое слѣдствіе, принадлежитъ къ этому суду, то дѣло отсылается въ другой судъ 1-й степени.

5) Когда рѣшеніе уничтожено потому, что дѣяніе, за которое подсудимый осужденъ, по закону не есть преступленіе, — тогда гражданская сторона отсылается къ трибуналу 1-й инстанціи, но не къ тому, къ которому принадлежитъ слѣдственный судья; когда же нѣтъ гражданской стороны, то кассаціонный судъ ограничивается однимъ уничтоженіемъ приговора.

6) Во всѣхъ случаяхъ, когда кассаціонный судъ обязанъ опредѣлить, къ какому трибуналу или суду дѣло должно быть отправлено,—этотъ выборъ долженъ быть сдѣланъ по специальной консультаціи относительно этого предмета въ совѣщательной палатѣ непосредственно за рѣшеніемъ дѣла, и этотъ выборъ долженъ быть въ точности обозначенъ въ рѣшеніи.

7) Слѣдственный судья, которому поручается дополненіе слѣдствія, не можетъ быть взятъ изъ числа тѣхъ, которые подвѣдомственны тому суду, рѣшеніе коего уничтожено.

8) Если дѣло отослано въ cour impériale, то онъ обязанъ, пополнивши слѣдствіе въ чемъ надлежитъ, опредѣлить, — какой судъ его вѣдомства долженъ рѣшить дѣло.

9) Когда офицеръ отправленъ въ ассизный судъ и когда находятся соучастники преступленія, которые еще не поставлены въ состояніе обвиненія (mise en accusation), то судъ поручаетъ слѣдственному судьѣ и генералъ-прокурору или одному изъ его намѣстниковъ—исполнить требованіе закона, и по сдѣланіи слѣдствія дѣло обращается въ cour impériale, для преданія виновныхъ суду.

10) Когда рѣшеніе уничтожено по примѣненію къ дѣянію не того наказанія, которое опредѣляется закономъ, тогда ассизный судъ, къ которому дѣло отправлено, рѣшаетъ его на основаніи сдѣланнаго еще прежде опредѣленія суда присяжныхъ.

11) Если рѣшеніе уничтожено по другой причинѣ, то ассизный судъ начинаетъ вновь дѣло.

12) Кассаціонный судъ уничтожаетъ ту только часть приговора, которая противозаконна.

13) Подсудимый, о которомъ приговоръ уничтоженъ, отсылается арестованнымъ, или предписывается его арестовать и отправить въ тотъ ассизный судъ, куда отослано дѣло.

14) Гражданская сторона, которая проиграетъ процессъ уголовный, исправительный или полицейскій, должна быть приговорена къ уплатѣ 150 франковъ и расходовъ той сторонѣ, которая оправдана, освобождена отъ суда или отозвана въ другой судъ; кромѣ этого она

приговаривается къ уплатѣ государству 150 или 75 франковъ, смотря по тому, основывалось ли рѣшеніе на неявкѣ къ суду или на пропущеніи сроковъ.

Казенные администраторы и управители сборовъ и общественные агенты, которые потеряютъ процессъ, присуждаются къ уплатѣ однихъ издержекъ и убытковъ.

Когда опредѣленіе или приговоръ уничтожены, тогда немедленно возвращаются апеллятору внесенныя имъ въ залогъ правой апелляціи деньги, въ какихъ бы терминахъ ни было выражено рѣшеніе кассаціоннаго суда и хотя бы онъ даже упустилъ изъ виду предписать этотъ возвратъ. Когда просьба объ уничтоженіи рѣшенія разъ отвергнута, то проситель ни подъ какимъ предлогомъ не можетъ по тому же самому дѣлу жаловаться вновь.

Опредѣленіе, которое отвергло такую просьбу, должно быть отправлено въ 3-хъ-дневный срокъ къ генералъ-прокурору кассаціоннаго суда, въ простомъ экстрактѣ, подписанномъ протоколистомъ; этотъ экстрактъ послѣднимъ препровождается къ министру юстиціи, а тотъ отсылаетъ его къ юстицъ-чиновнику того суда или трибунала, на рѣшеніе котораго принесена была жалоба.

Когда, по отсылкѣ дѣла кассаціоннымъ судомъ въ другой судъ, на новое рѣшеніе послѣдняго будетъ принесена жалоба въ кассаціонный судъ, тогда дѣло должно быть рѣшено въ общемъ собраніи кассаціоннаго суда, подъ предсѣдательствомъ министра юстиціи.

Когда какой нибудь cour impériale, или ассизный судъ, или трибуналъ исправительный или полицейскій — составили опредѣленіе или приговоръ, подлежащій кассаціонному суду, и противъ нихъ никто не протестовалъ въ узаконенный срокъ, то генералъ-прокуроръ кассаціоннаго суда можетъ, по своей власти, не обращая вниманія на пропущеніе срока, донести объ этомъ кассаціонному суду, который можетъ уничтожить опредѣленіе или приговоръ.

11) ПРОСЬБА О ПЕРЕСМОТРѢ ДѢЛА.

Когда какой нибудь подсудимый осужденъ въ совершеніи преступленія, которое приписывается другимъ рѣшеніемъ другому лицу, и если оба эти рѣшенія противорѣчатъ другъ другу и служатъ доказательствомъ невинности того или другаго, то исполненіе такихъ приговоровъ должно быть пріостановлено, хотя бы обоимъ подсудимымъ было уже отказано въ кассаціонномъ судѣ. Въ подобномъ случаѣ министръ юстиціи—или по своей собственной власти, или по жалобѣ подсудимыхъ, или по протесту генералъ-прокурора, пору-

чаетъ генералъ-прокурору кассаціоннаго суда представить противорѣчащія другъ другу рѣшенія кассаціонному суду. Этотъ судъ, по уголовному отдѣленію, найдя, что дѣйствительно оба рѣшенія несогласны между собою, уничтожаетъ оба приговора и отсылаетъ подсудимыхъ въ другой судъ, а не въ тѣ, которые постановили оба приговора.

Когда послѣ приговора въ смертоубійствѣ, министръ юстиціи представитъ въ кассаціонный судъ, въ уголовное отдѣленіе, документы, представленные послѣ осужденія подсудимаго, изъ которыхъ открываются ясные слѣды того, что предполагаемый убитый находится въ живыхъ, тогда кассаціонный судъ можетъ предварительно предписать cour impériale, чтобы разслѣдовать о существованіи этого лица и объ его тождествѣ съ лицомъ, которое вызвало осужденіе подсудимаго,—предписываетъ удостовѣриться личнымъ допросомъ его, показаніемъ свидѣтелей и всѣми возможными средствами дознать событіе, разрушающее приговоръ.

Cour impériale по этимъ предметамъ разсматриваетъ только вопросъ о тождествѣ или несходствѣ даннаго лица съ предполагаемымъ убитымъ, и по постановленіи по этому предмету опредѣленія, онъ передаетъ его со всѣмъ дѣломъ въ кассаціонный судъ; этотъ же послѣдній по собраннымъ даннымъ можетъ или уничтожить первое осужденіе подсудимаго, или когда требуется отправить дѣло въ другой ассизный судъ.

Когда послѣ состоявшагося приговора, одинъ или нѣсколько свидѣтелей, на показаніи которыхъ онъ основывался, преслѣдуются за лживыя показанія, и если они ужь обвинены въ этомъ и даже сдѣлано распоряженіе объ ихъ арестѣ, тогда исполненіе окончательнаго приговора пріостанавливается, даже и въ томъ случаѣ, когда кассаціонный судъ отказалъ въ жалобѣ подсудимому.

Если впослѣдствіи свидѣтели осуждены за ложное показаніе, то министръ юстиціи, по своей власти или по донесенію объ этомъ генералъ-прокурора, поручаетъ генералъ-прокурору при кассаціонномъ судѣ представить о событіи этому суду.

Кассаціонный судъ, разсмотрѣвъ опредѣленіе суда присяжныхъ, на основаніи котораго состоялся приговоръ о лживыхъ свидѣтеляхъ, уничтожаетъ первый приговоръ, основанный на ихъ лживыхъ показаніяхъ, и подсудимый въ такомъ случаѣ предается другому ассизному суду. Если же свидѣтели оправданы, то приговоръ, основанный на ихъ показаніяхъ, приводится въ исполненіе (*).

(*) *Code d'instruction criminelle, art.* 407—447.

ГЛАВА XV.

НѢСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ, ПО ПОВОДУ ПРЕДШЕСТВУЮЩЕЙ ГЛАВЫ, И ОБЩЕЕ ЗАКЛЮЧЕНІЕ ВСЕЙ СТАТЬИ.

Изъ изложенныхъ мною въ предшествовавшей главѣ началъ французскаго уголовнаго судопроизводства открывается, что оно находится въ прямомъ противорѣчіи и противоположности съ нашимъ:

1) Существенный вопросъ уголовнаго процесса о виновности или невинности даннаго лица рѣшается у насъ судами, а во Франціи обществомъ.

2) Достовѣрность преступнаго дѣянія опредѣляется у насъ формальностью доказательствъ, а во Франціи рѣшеніе дѣла полагается единственно на совѣсть присяжныхъ.

3) Сужденіе о виновности или невинности лица можетъ у насъ быть подвергнуто ревизіи и отмѣненію высшихъ инстанцій; во Франціи опредѣленіе законно составленнаго суда присяжныхъ не можетъ быть отмѣнено.

4) У насъ судебныя рѣшенія основываются на слѣдствіяхъ, произведенныхъ полиціями и слѣдственными коммиссіями; во Франціи формальныя слѣдствія, произведенныя слѣдственнымъ судьею, служатъ только поводомъ къ преданію даннаго лица суду, который публично переизслѣдуетъ дѣло.

5) У насъ дѣла уголовныя, хотя бы подсудимый былъ оправданъ 1-ю степенью, должны идти на ревизію въ высшую степень суда; во Франціи лицо, оправданное ассизнымъ судомъ, немедленно освобождается.

6) У насъ защита подсудимаго предоставляется его собственнымъ силамъ; во Франціи подсудимому дается въ защитники адвокатъ.

Въ этихъ-то шести существенныхъ пунктахъ отличія французскаго законодательства отъ нашего и заключается, мнѣ кажется, превосходство перваго.

1) Какъ бы судъ ни былъ хорошо организованъ, можно предполагать пристрастіе его въ какомъ нибудь данномъ дѣлѣ; тому можетъ быть безчисленное множество причинъ прямыхъ и косвенныхъ, соединенныхъ всегда съ предоставленіемъ даннымъ лицамъ извѣстной степени судебной власти. Вотъ почему французское законодательство и прибѣгаетъ въ уголовныхъ дѣлахъ къ суду присяжныхъ: ихъ авторитетъ есть гласъ народа, мнѣніе общества; тутъ

нѣтъ ни лицепріятія, ни вражды, ни злобы, ни страстей; ихъ судъ есть голосъ чистой совѣсти и чести.

2) Аргументомъ для обвиненія подсудимаго наше законодательство предлагаетъ только формальныя доказательства; но развѣ мы не встрѣчаемъ нерѣдко такихъ дѣлъ, гдѣ виновность даннаго лица такъ осязательно-очевидна, что самый безпристрастный человѣкъ осуждаетъ его, — а между тѣмъ нѣтъ формальныхъ доказательствъ его виновности? Въ подобномъ случаѣ нашъ законъ освобождаетъ подсудимаго отъ справедливаго наказанія, и обратно—иногда можетъ наказывать невиннаго по одной формальности представленныхъ противъ него уликъ. Вообще опредѣленіе свойства и цѣнности доказательствъ и уликъ имѣетъ тотъ существенный недостатокъ, что несмотря на всѣ тонкости ихъ опредѣленія, на тщательную обработку этой статьи судопроизводства, нельзя предвидѣть всѣхъ данныхъ случаевъ; поэтому мы на фактѣ видимъ, что въ рѣдкомъ дѣлѣ не встрѣчаются столкновенія противорѣчащихъ и исключающихъ другъ друга доказательствъ, при чемъ давать преимущество однимъ предъ другими—юридически невозможно: иногда актъ опровергается свидѣтельскими показаніями и во многихъ случаяхъ послѣднія опровергаются актами. Не справедливо ли послѣ этого французское законодательство, говорящее присяжнымъ: «не считайте за достовѣрное событіе, засвидѣтельствованное такимъ-то и такимъ-то числомъ свидѣтелей; не считайте недостаточными тѣ доказательства, которыя не облечены въ форму протоколовъ, или документовъ, или показанія свидѣтелей, или въ такіе-то признаки; я спрашиваю только, имѣете ли вы внутреннее убѣжденіе?» Эти слова на столько же дышутъ милосердіемъ, на сколько имѣютъ юридическую силу и теоретическое оправданіе; при такомъ высокомъ характерѣ уголовнаго суда можетъ скорѣе осуществиться правда и правосудіе, можетъ быть обезпечена личность гражданъ, можетъ быть караемо преступленіе и порокъ. Судъ присяжныхъ почти исключаетъ всякую мысль о пристрастіи, и если, по выраженію всѣхъ націй, считать гласъ народа за гласъ Божій, то судъ присяжныхъ есть одно изъ совершеннѣйшихъ его проявленій. Само собою разумѣется, что такая гарантія не требуетъ ужь ревизіонныхъ порядковъ и нѣсколькихъ инстанцій.

3) Поэтому кассаціонный судъ имѣетъ право только разсмотрѣть слѣдующіе предметы: а) рѣшено ли дѣло въ надлежащемъ вѣдомствѣ? б) соблюдены ли всѣ формальности дѣлопроизводства? в) опредѣлено ли по закону соразмѣрное преступленію наказаніе? Но эти три предмета относятся до внѣшности процесса и заключаются единственно въ разсмотрѣніи вопроса, исполнены ли законы уголовнаго судо-

производства и избрано ли мѣстнымъ судомъ въ уложеніи то наказаніе, которое положено за данное дѣяніе. Этимъ постановленіемъ законъ не ревизуетъ общественнаго мнѣнія; оно не направлено ни противъ присяжныхъ, ни противъ подсудимаго, а противъ суда: ревизіи подвергаются только его дѣйствія, и то въ томъ лишь случаѣ, когда юстицъ-чиновникъ или подсудимый ихъ обжалуютъ. Нашъ же ревизіонный порядокъ, по которому высшія инстанціи могутъ отмѣнять постановленія низшихъ, иногда запутываетъ дѣло, не принося существенной пользы.

4) Во Франціи подсудимый разсматривается, какъ человѣкъ, какъ личность обвиняемая, но еще не обвиненная; питая все уваженіе свое къ личности и зная, что иногда невѣжество, грубость и страхъ могутъ отнять отъ человѣка не только возможность защищаться, но даже опредѣлительно отвѣчать, французскій законъ предписываетъ, что подсудимый долженъ непремѣнно имѣть защитника-адвоката. Этотъ защитникъ допускается къ подсудимому немедленно и можетъ во всякое время видѣться съ подсудимымъ. Этотъ законъ рѣзко отличается отъ нашего уголовнаго порядка.—У насъ не только не допускается адвокатство въ уголовныхъ дѣлахъ, но если обвиненіе серьёзно, то къ подсудимому никто не допускается; — всѣ сношенія его съ обществомъ прекращаются....

5) Самое существенное и важное въ каждомъ уголовномъ процессѣ есть *слѣдствіе;* поэтому правильность его производства обезпечиваетъ правильность самого рѣшенія. Вотъ почему всѣ законодательства стремятся къ тому, чтобы усовершенствовать слѣдственную часть. Наши законы изслѣдованіе даннаго событія предоставляютъ полиціямъ, и все обезпеченіе подсудимаго въ ихъ безпристрастіи заключается въ присутствіи при дѣлопроизводствѣ депутатовъ; но 1) депутаты назначаются не по желанію подсудимыхъ, а по усмотрѣнію начальства; поэтому кто можетъ поручиться въ ихъ безпристрастіи? 2) въ экстренныхъ случаяхъ повелѣно полиціямъ начинать производство дѣла еще до ихъ прибытія. Поэтому, не отвергая безусловно полезности депутатовъ при слѣдствіяхъ, я не допускаю только того, что для постановленій судебной власти должно служить вполнѣ достаточнымъ разслѣдованіе полиціи. Мнѣ кажется, что французское законодательство справедливо, когда оно признаетъ формальное производство слѣдствія судебною полиціею только какъ поводъ преданія даннаго лица уголовному суду, который ужь съ своей стороны переизслѣдуетъ публично во всей подробности и разсудитъ все дѣло. Публичность и судъ присяжныхъ, мнѣ кажется, представляютъ наиболѣе гарантій для подсудимыхъ. Это форма, которой можетъ довѣриться и правительство и нація, — форма,

при которой труднѣе можетъ явиться подложность слѣдственныхъ актовъ, измѣненіе свидѣтельскихъ показаній, злоупотребленіе присяги, повальные обыски и другіе судебные обряды. Эта форма можетъ разширить тѣсную рамку нашихъ судебныхъ доказательствъ, уничтожить ревизіонный порядокъ....

Первое условіе благоденствія народа и благоустройства гражданскаго быта есть совершенство уголовнаго и гражданскаго законодательства: только въ нихъ можетъ гражданинъ отыскать обезпеченіе своей самостоятельность, неприкосновенность и уваженіе къ достоинству человѣка и его личности: поэтому нѣкоторые даже находятъ, что въ древнихъ, даже демократическихъ республикахъ, по несовершенству ихъ законовъ граждане были менѣе свободны, нежели въ настоящихъ монархіяхъ (*).

Я чувствую и сознаю очень хорошо, что въ настоящемъ моемъ сочиненіи многое у меня недосказано. Но судопроизводство гражданское и уголовное есть дѣло народное: здѣсь мнѣніе отдѣльнаго человѣка недостаточно. Намъ нужно создать изъ нашего правовѣдѣнія науку національную, которая бы всосалась, если можно такъ выразиться, въ плоть и кровь общества, и переработанная его опытомъ и сознаніемъ, сдѣлалась бы прямымъ выраженіемъ его характера и потребностей. Эти мысли побудили меня приняться за мой настоящій трудъ, онѣ же руководствовали мною при разборѣ недостатковъ нашего судоустройства. Мнѣ казалось полезнымъ и возможнымъ обратить вниманіе читающей публики на эту сторону нашего общественнаго быта, чтобы разъяснить самыя коренныя причины явленій, такъ ярко обрисованныхъ Гоголемъ, Щедринымъ другими русскими литераторами.... — Какъ исполнилъ я мою программу, предоставляю объ этомъ судить читателямъ; я же буду считать себя счастливымъ, когда, по поводу предложенныхъ мною обществу вопросовъ, будутъ высказаны другими лицами болѣе дѣльныя мысли, чѣмъ мои.

(*) См. *De l'esprit des lois*, T. 2.

М. ФИЛИППОВЪ.

25-го декабря 1858 года.
С. Окнино,
Кіевской губерніи, Звенигородскаго уѣзда.

ТЕМНИКЪ

РАЗСКАЗЪ ПРОѢЗЖАГО.

«Ой ни знаютъ добры люды
«Якъ я бидна плачу:
«За дрибными слезоньками
«И свита не бачу.»
(Украинская пѣсня).

.... На послѣдней станціи передъ городомъ ямщику объяснено было, въ какой именно домъ онъ долженъ завезти меня. Тамъ ожидали меня съ офиціальнымъ нетерпѣніемъ и съ офиціально-пріятною улыбкою, сквозь которую однако проглядывала тайная мысль: «принесла-молъ тебя нелегкая!»

Послѣ тяжелаго и «смачнаго» малороссійскаго обѣда, я сладко дремалъ, летя по гладкой дорогѣ. Рядомъ со мной мой приспѣшникъ, солдатъ Берковичъ, самъ по себѣ наклевывалъ носомъ, всхрапывая по временамъ, и при каждомъ толчкѣ хватался обѣими руками за свою фуражку. Стукъ колесъ о камни и скачки моей перекладной повозки разбудили меня: взглянувъ на сѣрые заборы, плетни и приземистыя мазанки, вытянувшіяся длинной улицей, пересѣкавшей когда-то вымощенную площадь, я опять вздремнулъ, но не надолго: крутой поворотъ въ ворота на широкій, поросшій муравой дворъ, снова заставилъ меня проснуться.

Ямщикъ, желая лихо подкатить къ крыльцу, свиснулъ на тройку: она неслась, встрѣченная сердитымъ лаемъ дворняшки.

«Стой, стой!!» вскрикнулъ, какъ сумасшедшій, Берковичъ, вдругъ привсталъ, схватилъ возжи лѣвой руки и, натянувъ ихъ изо всей силы, такъ круто повернулъ разлетѣвшуюся тройку, что телѣга совсѣмъ накренилась, прокатилась на двухъ правыхъ колесахъ, которыя, мнѣ показалось, переѣхали черезъ взвизгнувшую собаку и какой-то мѣшокъ, валявшійся посереди двора; не знаю, какъ не опрокинулась телѣга,—дышло съ размаху вломилось въ запертыя ворота сарая.

«А, трыста чортывъ!...» успѣлъ воскликнуть ямщикъ, на лету съ козелъ торчмя головой въ дышло,—я очутился на его мѣстѣ, Берковичъ соскочилъ на землю еще до толчка. Притиснутыя къ воротамъ и запутавшіяся въ порванной упряжи лошади такъ оробѣли, что и не пробовали биться, а только дымились паромъ и храпѣли, косясь пугливыми глазами.

Что за оказія! въ этой суматохѣ и визгѣ, позади насъ раздался дѣтскій крикъ; оглянувшись, я увидѣлъ, что изъ-подъ мѣшка, мимо или черезъ который мы промчались, торчитъ дѣтская ручонка; въ тоже мгновеніе отъ крыльца къ этому кричащему мѣшку бѣжала женщина—такъ шибко, что даже платья ея нельзя было бы разглядѣть: «А, сердэнько моё, ластывка моя!» заголосила она, быстро поднявъ ребенка, мигомъ сдернула съ него мѣшокъ и, блѣдная какъ полотно, оглядывала его такими глазами, что у меня занялся духъ. Но ребенокъ уже улыбался, женщина вся покраснѣла; на крыльцѣ между тѣмъ показалась растрепанная старушка, крикливо спрашивая: «що сэ такэ?» Подъ навѣсомъ подлѣ сарая виднѣлась другая фигура: сѣдой, какъ лунь, старикъ, съ бѣлыми усами и давно небритой бородой, съ обручемъ въ одной рукѣ, съ ножомъ въ другой. Онъ вытянулся въ струнку при крикѣ женщины, къ нему прижалась визжащая собака; онъ медленно опустилъ на свой табуретъ деревянный отрубокъ, погладилъ визжавшаго пса и спокойно сталъ достругивать свой обручъ.

Вся эта сцена не продолжалась, можетъ быть, и двухъ минутъ.

Женщина, бросившаяся къ ребенку въ мѣшкѣ, была стройна молода, съ прекраснымъ профилемъ, но запачканымъ лицомъ, и неопрятно одѣта. Послѣ раздирающаго крика, она схватила на одну руку полунагаго мальчишку, звонко шлепнула его на другую руку, перекинула мѣшокъ и, браня съ хохлацкою выразительностью улыбающагося малютку, понесла свою ношу обратно на крыльцо. Старухи тамъ уже не было; въ окнахъ дома, ме-

жду горшками цвѣтовъ, нѣсколько лицъ виднѣлось съ приплюснутыми къ стекламъ носами.

Я не могъ понять этого рѣзкаго перехода отъ отчаянія, вырвавшагося раздирающимъ крикомъ изъ души ея, къ полному равнодушію и даже досадѣ. Какъ этотъ голосъ, въ которомъ за минуту звучали и нѣжность и страданіе, вдругъ перелился въ сухую воркотню, и слова материнской любви смѣнились бранью и шлепкомъ злой мачихи? — Что за переходы! Тутъ что нибудь да не такъ....

Но съ крыльца уже направлялся ко мнѣ навстрѣчу толстый хозяинъ. Я отрекомендовался ему.

— Милости просимъ, сдѣлайте одолженіе! мы всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали васъ еще съ прошлаго мѣсяца!—отвѣчалъ онъ, улыбаясь именно такъ, какъ я,—по смыслу даннаго мнѣ отъ начальства предписанія ожидалъ.

— Мы васъ такъ долго ждали!... продолжалъ хозяинъ, растягивая слова до нѣжнаго упрека, а улыбку — чуть не до ушей, торчавшихъ у него, какъ у лисицы.—Еще вчера за чаемъ жена поперхнулась,—всѣ, знаете, говоримъ: ну, спѣшитъ нашъ дорогой гость! А вотъ наконецъ и....

Но при этихъ словахъ мы уже были въ комнатѣ.

Изъ другой вышла къ намъ дебелая дама.

Хозяинъ познакомилъ насъ такъ ловко, что нельзя было и разобрать, кого и кому онъ представлялъ — меня ли женѣ своей, или жену мнѣ.

— Мы васъ ужь давно ожидаемъ, сказала хозяйка на мой поклонъ. За ней показалась дѣвочка лѣтъ десяти, на которую никто не обращалъ вниманія, а изъ-за дверей послышался усиленный шопотъ: «зроби ныпсу, Глашенька, зроби же ныпсу, ой ныпсу зроби, дурная!» Быстроглазая дѣвочка взялась за юбку матери покосилась на дверь и неохотно присѣла столько разъ, сколько требовалъ шопотъ: это была «ныпса.»

Въ среднемъ кругу чиновнаго и мелкопомѣстнаго общества благословенной Украйны и Западной Россіи, вслѣдъ за гостемъ — въ какое бы время сутокъ ни принесла его нелегкая, — всегда является на столъ подносъ съ разными съѣдобностями и графинчиками. Со стороны можно бы подумать, что гость все это привезъ съ собою.

Подносъ съ выпивкой и закуской внесла та самая красивая и неопрятная женщина, которая только-что изумила меня своей

выходкой съ ребенкомъ. Любопытно было узнать, съ какой стати посреди двора очутился мѣшокъ съ человѣчкомъ, — и я обратился къ хозяину, разсказывая мой неудачный въѣздъ на его дворъ.

— Да это вотъ эта дрянь, съ дозволенія сказать, — Параска никогда не уберетъ своего бахуренка, — началъ было объяснять хозяинъ, но жена перебила его.

— Видите ли, подхватила она: — сынишка ея всегда засыпаетъ на дворѣ, тамъ же, гдѣ ползаетъ и играетъ; кто нибудь прикроетъ его изъ жалости чѣмъ попало, онъ скорчится да такъ и спитъ себѣ, и вообразите — всегда на карачкахъ!

— Неужели на карачкахъ?

— На карачкахъ, отвѣчала хозяйка.

— Благородное слово, — подтвердилъ улыбаясь хозяинъ, — какъ честный человѣкъ — на карачкахъ.

Въ это время вошла съ чемъ-то Параска. Хозяйка сдѣлала ей снисходительный выговоръ за то, что она не убираетъ своего мальчишку.

— А най его мама мордуетъ! — проворчала Параска.

— Да ты, дурень, другихъ-то благородныхъ людей въ непріятность введешь, цыганка ты блудная! Переѣдетъ его кто нибудь! возразилъ хозяинъ. Параска улыбнулась и, слегка покраснѣвъ, пробормотала «а нехай не валяецця!»

— Вотъ-съ, я вамъ доложу, мать-то!... Сущій извергъ, — благородное слово, — хуже тигрицы; это несчастнѣйшій ребенокъ, — какъ честный человѣкъ. Она по крайней мѣрѣ разъ десять въ день его оттрепнетъ! Этакая вѣдьма! просто вѣдьма!

Придавая догматическій тонъ рѣчи своей и приправляя ее «благороднымъ словомъ» и «честнымъ человѣкомъ» такъ щедро, какъ жидъ приправляетъ щуку перцемъ, хозяинъ неожиданно остановилъ послѣдній жестъ руки на графинѣ: «Позвольте васъ просить, съ дороги-съ!» и не дожидая отвѣта, налилъ рюмку, выпилъ по туземному обычаю сперва самъ, сморщился, отставилъ губы и не глотая напитка опять налилъ, поднесъ мнѣ, и только тогда, когда и я выпилъ, — онъ крякнулъ разомъ со мною.

Между тѣмъ хозяйка очень мягко и жеманно продолжала вполголоса увѣщевать Параску; та отвѣчала своими «а нехай его, а най ему!...» и когда прибавила что-то въ оправданіе, то изъ другой комнаты послышался сухой, крикливый, хоть и сдер-

жанный, голосъ: «а брешешь, брешешь, видьмо космата!» Но хозяйка сейчасъ же закашляла, вышла въ другую комнату и тамъ дѣло покончилось увѣщательнымъ шопотомъ.

Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, я попросилъ хозяина указать мнѣ мою «квартиру.» Мнѣ хотѣлось отдохнуть съ дороги.

— Душенька, господинъ майоръ желаютъ отдохнуть.

Хозяйка высунула голову въ пріотворенную дверь и объявила, что меня будутъ ждать на чай. Раскланявшись, я вышелъ съ хозяиномъ. Онъ провелъ меня черезъ дворъ.

Въ приземистомъ флигелѣ, окна котораго выходили на безконечный огородъ, приготовлены были для меня двѣ чистенькія комнатки; Берковичъ уже распорядился по домашнему, — постель была постлана. Хозяинъ, сказавъ кстати еще раза два «благородное слово» и «какъ честный человѣкъ», вышелъ, пріятно улыбаясь мнѣ.

Провыленный насквозь, я разоблачился, умылся и завалился на отдыхъ. Но мнѣ не только не спалось, даже не дремалось, а при сытости и усталости это непріятно до болѣзненности.

По обычаю всѣхъ одержимыхъ безсонницею, я лежалъ глядя въ потолокъ. Утомленные, какъ будто засыпанные горячимъ пескомъ, глаза мои не смыкались. На потолкѣ домовитый паукъ заботливо и съ видимымъ знаніемъ дѣла раскинулъ свои тонкія сѣти; работа его казалась конченною, но онъ пробѣжалъ еще разъ по едва замѣтной нити въ углъ, повернулся тамъ, какъ будто что-то соображая, прикрѣпилъ еще нить и поволокъ ее опять къ центру, къ стратегическому пункту своихъ тонкихъ сооруженій; наконецъ, занявъ обсерваціонную центральную позицію, успокоился и, тихо колыхаясь, отдыхалъ отъ предательскихъ трудовъ и, разумѣется, выжидалъ глупой жертвы.

Въ головѣ безсоннаго человѣка есть тоже какой-то паукъ: чего не наплететъ тамъ безпокойная мысль! Какихъ узоровъ, кружевъ, фигуръ невоспроизводимыхъ никакимъ въ мірѣ искусствомъ, какихъ сѣтей не напутаетъ она, хотя въ эти сѣти не поймаешь иногда и слѣпой мухи!...

Самыя разнообразныя и безполезныя представленія, какъ по небу гонимыя вѣтромъ толпящіяся облака, невоздержно неслись передо мной: не могъ я ни отвернуться, ни отжмуриться отъ нихъ и съ покорнымъ терпѣніемъ выжидалъ конца несноснаго зрѣлища; мнѣ даже стало казаться, что всѣ эти видѣнія со-

вершаются внѣ меня, а я только по долгу службы присутствую при нихъ.

Дерзость призраковъ дошла до того, что наконецъ изъ ихъ хаоса начинали возникать издѣвающіеся, хотя и беззвучные вопросы, относящіеся уже прямо ко мнѣ: «Ну, какой ты майоръ?» жужжалъ мнѣ въ ухо злобный саркастическій духъ: — «на кой чортъ снуешь ты по Россійской имперіи?... какая польза отъ твоихъ нелѣпыхъ прогулокъ?» И я, невольно робѣя, извинялся передъ нимъ довольно пошло. «Я не майоръ»—мысленно отвѣчалъ я придушеннымъ голосомъ: — «я титулярный совѣтникъ! я ѣзжу по предписанію, дѣйствую по инструкціи и смѣю сказать—(мнѣ казалось, что я положилъ руку на сердце) добросовѣстно и не безъ пользы!» Вдругъ неслась ко мнѣ огромная, вся обнаженная, отвратительнѣйшая улыбка. «Не тебѣ, не тебѣ»—слышался изъ-за нея голосъ:—не тебѣ улыбаюсь я, оффиціальная дочь казеннаго интереса,—я знаю весь смыслъ даннаго тебѣ предписанія, и мнѣ смѣшна твоя тощая добросовѣстность!...» И это видѣнье исчезло, но за нимъ снова неслись одинъ за другимъ новые тревожные и нелѣпые призраки и вереницѣ этой не видѣлось конца!... Вотъ появилась несущаяся тройка, летящая женщина, свирѣпый церберъ, дѣтская ручонка.... лай, вопль, младенческій плачъ, сухой крикъ фуріи: «видьмо космата! видьмо!» Испуганные кони храпятъ, переѣханный пёсъ визжитъ, растрепанная женщина схватываетъ ребенка и съ проклятіями уноситъ бѣдняжку.... я бѣгу за ней, но огромнѣйшая улыбка заслоняетъ мнѣ путь: «мы ждемъ васъ на чай, — а не то!...» Улыбающаяся пасть растворилась.... Я не успѣлъ вскрикнуть, какъ передъ глазами моими замерцала свѣча, и Берковичъ повторялъ приглашеніе на чай, — тьфу, какой скверный бредъ!

Я одѣлся и пошелъ къ хозяину.

Когда я вошелъ въ сѣни, въ растворенныхъ дверяхъ кухни, какъ въ черной рамѣ, представилась мнѣ картина горячей кисти: вся обданная потокомъ свѣта, у пылающаго очага стояла Параска, какъ вѣдьма, и варила въ черномъ котлѣ, помѣшивая огромнымъ половникомъ, какое-то снадобье. Надъ ней въ темнотѣ запечья, какъ два огонька, горѣли глаза кошки, заглядывавшей съ карниза очага въ котелъ. На второмъ планѣ, подъ столомъ, ползалъ полунагой мальчишка и силился высвободить запутанную въ какіе-то обрывки свою ножонку. Сѣдой старикъ поодаль сидѣлъ на скамьѣ и, сурово понурясь, строгалъ свой об-

ручъ. Все это выдвигалось ярко на темномъ, глубокомъ фонѣ; въ концѣ кухни чернѣла еще отворенная дверь и оттуда слышался знакомый старушечій крикливый голосъ, опять вопившій нѣчто о косматой вѣдьмѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ эту минуту Параска походила нѣсколько на вѣдьму, хотя на прекрасную вѣдьму: злостно улыбалась она, то помѣшивая въ котлѣ, то пошевеливая горячія головни подъ котломъ, — и красный, яркій свѣтъ колыхался и игралъ на всей ея оживленной фигурѣ; черныя пряди и космы густыхъ волосъ не помѣщались подъ туго-завязаннымъ вкругъ головы платочкомъ; всклокоченныя и перепутанныя на затылкѣ, онѣ сбѣгали легко вьющимися концами на плечи. Грубая сорочка крупными складками, какъ будто неоконченными подъ рѣзцомъ скульптора, облегала красивыя формы плечъ и грудей и подъ шеей застегивалась оловянной запонкой; узкая, заплатанная крашенинная юбка, темная въ складкахъ и до бѣла вытертая на всѣхъ выпуклыхъ формахъ тѣла,—составляли все ея убранство.

Вся она походила на эскизъ, бѣгло набросанный мастерскою кистью: легкость, грація постановки и почти дѣвственная упругость формъ ея ничего не теряли отъ грубой, изношенной и запачканной одежды. Но всего изящнѣе и оконченнѣе была ея головка и свѣжее овальное лицо, хотя и на бѣломъ лбу, и на румяной щекѣ, и около тонкой ноздри, то сажа, то уголь оставили свои слѣды.

При входѣ моемъ Глашеньна, недавно «зробившая ныпсу», торопливо выдернула ручонку свою изъ сахарницы, стоявшей вмѣстѣ съ чайнымъ приборомъ на столѣ, и убѣжала въ другую комнату. Сейчасъ же вышелъ ко мнѣ хозяинъ съ своей неизбѣжной улыбкой; минуту спустя, хозяйка, и наконецъ явился самоваръ, несомый «вѣдьмой» Параской.

— Какъ вы опочивали? спросилъ меня улыбаясь хозяинъ, и я отвѣчалъ ему благодарностію за вниманіе, хотя ни чуть не сомнѣвался въ его радости, еслибъ я опочилъ пожалуй безпробуднымъ сномъ тотчасъ же по пріѣздѣ; разумѣется, не лучше оцѣнена была и моя благодарность. И онъ, и я чувствовали, какъ бы намъ хорошо и ловко было, если бы мы находились подальше другъ отъ друга. Съ другой стороны—чувство «долга» брало свое, и надо было продолжать дружескую бесѣду.

Къ концу вечера натянутость нашего положенія, то есть моего и моихъ хозяевъ, кое-какъ стала исчезать: всѣ вздохнули

свободнѣе, разговоръ нѣсколько оживился. Вскорѣ новыя лица придали еще болѣе разнообразія бесѣдѣ: крикливая, сухощавая, съ черными, неспокойными глазами, старушка вынесла къ намъ тоже крикливаго, но сыраго, аляповатаго и золотушнаго ребенка. «Это — матушка наша, а это — нашъ наслѣдникъ» отрекомендовалъ хозяинъ. И матушка, и наслѣдникъ съ разу завладѣли музыкальнымъ отдѣломъ компаніи и понемногу задали такой концертъ, въ дикихъ акордахъ котораго всякая человѣческая рѣчь тонула безнадежно. При видѣ матери, кипящаго самовара и сверкающей посуды, наслѣдникъ вытягивалъ ручонки, кричалъ и, заливаясь на разные лады, требовалъ родительскихъ утѣшеній, не менѣе шумныхъ: ему звонили самоварной крышкой, хлопали въ ладоши, пускали странную трель губами: — абрр-рр-рръ! Гу-ни!

Бабушка пѣвца вторила ему какъ будто на струнныхъ инструментахъ глухой сурдиной: къ этому упражненію побуждала ее безпрестанно сновавшая изъ разныхъ дверей съ разными ношами грязная Параска и всюду слоняющаяся, все задѣвающая, шаловливая, какъ кошечка, Глаша. «А не рушь, на що то, по малу, хутчей, видьмо лохмата!» безпрестанно слышались шипящіе звуки и, сливаясь съ криками ребенка, съ звяканьемъ, щелканьемъ и припѣвомъ утѣшающихъ его родителей, какъ будто смягчали общій гвалтъ. Мальчишка подростокъ, съ нечесанной головой, точно въ косматой шапкѣ, стоялъ наготовѣ у дверей, по требованію подавалъ то трубку, то огонь, и при этомъ въ дополненіе симфоній производилъ своими неимѣрными коричневыми сапогами двойственный стукъ.

Съ добрый часъ длилось шумное представленіе; у меня начинало позванивать въ ушахъ.

— Вы не женаты, г. майоръ? вамъ можетъ быть непріятно? спросилъ хозяинъ.

— Не женатъ, — отвѣчалъ я: — но понимаю.... Въ эту минуту маленькій пѣвецъ стукнулъ себя ложкой по переносью и, какъ говорится, «залился». Онъ «заливался» нѣсколько разъ, стихалъ чуть-что не по минутѣ и снова взвизгивалъ. Его вынесли и заперли за нимъ двои двери. Въ комнатѣ водворилась тишина и только тогда я замѣтилъ еще двухъ сокрытыхъ музыкантовъ: то были два перекликавшихся сверчка.

Еще поболтали мы кой-о-чемъ, еще покурили, и вечеръ кончился, по обыкновенію требовательныхъ провинціяльныхъ желудковъ, основательной закуской.

Однообразно тянулось пребываніе мое въ Г***: днемъ оффиціальное броженіе по доламъ и лѣсамъ этого уѣзда, иногда ночлеги въ деревнѣ, а по большей части возвращеніе къ вечеру въ городъ; кой-какія занятія вечеромъ у себя и изрѣдка бесѣда у хозяина. Очень скоро ознакомился я со всѣмъ населеніемъ двора и понялъ всѣ нехитрыя и очень невеселыя семейныя отношенія этого дома.

Знакомство мое съ ними совершилось просто: я вставалъ рано и обыкновенно располагался съ стаканомъ чаю на лавкѣ, у дверей моей обители. Всегда первымъ являлся ко мнѣ космачъ, кудлатый пёсъ; еще не зажила его лапа, переѣханная колесомъ телѣги при первомъ въѣздѣ моемъ, а онъ ужь прибѣгалъ ко мнѣ, дружелюбно виляя хвостомъ и улыбаясь выразительно. За нимъ слѣдовалъ постоянный товарищъ его—козелъ Васька, вѣчно жующій и глядящій такъ открыто, вопросительно, какъ будто бы онъ только что предложилъ какое нибудь полезное мнѣніе и ожидаетъ отвѣта. Наконецъ два храбрые и гордые пѣтуха приближались съ своимъ безчисленнымъ гаремомъ. Публика эта толпилась въ ожиданіи подачки какой нибудь крохи, изъ-за которой иногда они дирались между собой довольно забавно. Вскорѣ въ этой толпѣ началъ показываться и Прошка, сынишка Параски; не чувствуя еще своего человѣческаго достоинства, онъ обыкновенно прибывалъ ползкомъ, очень проворно, помѣщался среди животныхъ, которыя не обращали на него никакого вниманія, и если я бралъ его къ себѣ на колѣни и давалъ ему кусокъ булки или сахару, несмотря ни на какія предосторожности, кто нибудь изъ звѣриной компаніи улучалъ минуту и безъ церемоніи вырывалъ подачку изъ рукъ мальчишки. Даже куры обирали его съ замѣчательнымъ нахальствомъ.

Этому мальчишкѣ было немножко больше года. Грязный, но красивый, онъ былъ весь въ маменьку. Сквозь наслоенную на его лицѣ грязь прорывался румянецъ во всю щеку; розовое и твердое тѣло его было покрыто синяками и царапинами, а ляшки и ножонки совсѣмъ ободраны отъ ползанья. Мальчикъ былъ всегда веселъ, плакалъ очень рѣдко и въ мигъ утѣшался, чѣмъ попало: пропорхнувшей мимо его птицей, блестящимъ въ травѣ камешкомъ, перомъ несшимся по вѣтру. На мою ласку онъ улыбался такъ мило, и я готовъ былъ ласкать его долго-долго, чтобы только наслаждаться этой улыбкой.

Прошка день-деньской путешествовалъ по своему способу, ползая то на одномъ, то на другомъ бедрѣ: онъ искрещалъ весь дворъ, очень ловко перелѣзалъ разныя препятствія въ видѣ бревенъ, вязанокъ хворосту, складенныхъ жердей, и когда случалось, что немощная плоть его измѣняла духу предпріимчивости и онъ летѣлъ кубаремъ съ какой нибудь долбни или порога, взвизгивалъ, кричалъ. Но не замѣчая ничьего участія къ своему горю, умолкалъ и пуще прежняго съ какимъ-то задоромъ пускался на новое предпріятіе. Регулярно два раза въ день, по утру и подъ вечеръ мгновенно засыпалъ онъ тамъ же, гдѣ игралъ, чаще всего посреди двора; и казалось, малютка, взглянувъ на приближавшагося, ему одному видимаго, тихаго ангела сна, покорно закрывалъ свои свѣтлые глазенки, съ улыбкой опускался, ёжился и уже спалъ, по странной привычкѣ скорчившись на четвереньках. Почти всегда являлся тотчасъ же и космачъ и съ замѣтнымъ удовольствіемъ ложился тоже на отдыхъ возлѣ спящаго ребенка; чтò его привлекало: кусокъ ли хлѣба, выпадавшій иногда изъ ручонки сонного младенца, инстинктивное ли побужденіе долга охранять спящаго сына часто бросавшей ему кость матери, или просто желаніе пріютиться возлѣ теплаго тѣла? Это уже собачья тайна.

Параска была еще оригинальнѣе своего сына. Она напоминала собою тѣ картины, съ которыми время и обстоятельства распорядились неблагопріятно и которыя невозможно очищать отъ копоти и плѣсени, не испортивъ самой картины. Въ полусвѣтъ сумерекъ, на извѣстномъ разстояніи и на быстромъ ходу она казалась прекрасна: спокойныя и мягкія линіи стройной фигуры ея очерчивались очень изящно, правильныя формы тѣла ея прикрытаго скудной одеждой, обозначаясь во всей полнотѣ, обнаруживали строгую пропорціональность. Всегда босыя ноги и по локоть обнаженныя руки были такъ округлы и стройны.

Всѣ движенія ея, хотя и порывистыя, были исполнены той граціи, которая никогда не пріобрѣтается искусствомъ и никогда не утрачивается окончательно, даже среди самыхъ грубыхъ и постоянныхъ физическихъ трудовъ. Словомъ, силуэтъ Параски былъ удивителенъ.

Но за то въ свѣту, вблизи, пластическая красота ея являлась не совсѣмъ привлекательною. Кожа рукъ и ногъ ея потеряла свой тѣлесный цвѣтъ и походили на потрескавшую юфть; лицо какъ будто нарочно было выпачкано сажей,

пылью, копотью, и только мѣстами яркій румянецъ щеки, бѣлизна около уха или шеи — свѣжимъ пятномъ пробивались сквозь эту грязь. Но прибавьте къ этому тонкія брови, длинныя рѣсницы и бѣлые зубы!...

Съ самаго ранняго утра начиналось безконечное снованіе этой замарашки по всѣмъ закоулкамъ двора и дома, а за ней усиленное ползаніе Прошки, безпрестанные шлепки и крикъ его «мамо, мамо!» Не было, кажется, въ домѣ работы, которая бы не лежала на Параскѣ: она должна была поспѣвать всюду, и въ то время, какъ на кухнѣ, и подъ навѣсомъ, и въ огородѣ, копошилась разная челядь за разнымъ дѣломъ, Параску кликали и на кухню, и подъ навѣсъ, и въ огородъ, и она летала изъ конца въ конецъ, какъ маятникъ, дающій движеніе всей этой хозяйственной машинѣ. И рѣдко имя ея произносилось безъ какого нибудь эпитета: трясьцы, бѣсы, вѣдьмы и разные черти такъ и сыпались на нее.

При всемъ томъ лицо ея, постоянно строгое, озлобленное, какъ-то пасмурно улыбавшееся, иногда такъ просвѣтлялось, что она совсѣмъ не походила на себя; но это бывало на мигъ и этотъ мигъ не легко было подмѣтить. Вставая обыкновенно рано, и молча бродя, гдѣ придется,—я мимоходомъ замѣтилъ, что Параска только при людяхъ принимала на себя озлобленное и понурое выраженіе; но когда была одна и не подозрѣвала, что ее видятъ, — брови ея расправлялись дугами, и подъ часъ, работая на единѣ, она ворковала себѣ подъ носъ пѣсенку. Съ ребенкомъ своимъ она обращалась необыкновенно странно: она еще кормила его грудью и обыкновенно наскоро, гдѣ выпадетъ. Операція эта никогда не обходилась безъ брани и шлепковъ; но ребенокъ и при всемъ этомъ велъ себя, какъ прямой *обоеимъ:* онъ не вдругъ бралъ грудь, игралъ ею и смѣялся, и иногда сквозь слезы; видно было, что тогда только и выступали эти слезы, когда ужь въ самомъ дѣлѣ было больно, слишкомъ ужь горѣло и свербѣло ударенное мѣсто; и въ минуту слезы смѣнялись улыбкой, и мальчикъ смѣялся снова. Разъ только, выглянувъ какъ-то изъ окна моей комнаты на огородъ, увидѣлъ я ласку и поцалуй, которымъ мать надѣлила своего сынишка, расположась на грядѣ кормить его. Она встрѣтила глаза мои и вслѣдъ за тѣмъ раздался обычный шлепокъ и плачъ. Я упрекнулъ ее за такое обхожденіе съ ребенкомъ.

— Або що? спросила она, плутовски улыбаясь.

— Да какъ же тебѣ не стыдно? онъ тебя любитъ и такой славный ребенокъ.

— О сэ, паскуда! най іого дидько бере! и она щолкнула его такъ, что онъ вскрикнулъ.

Я затворилъ окно.

Довольно замѣчательнымъ лицомъ былъ также безмолвный старикъ, постоянно стругавшій обручи подъ навѣсомъ, устроеннымъ въ углу двора. Сѣдой, морщинистый, но еще не дряхлый, въ чоботахъ и обширныхъ полотняныхъ шароварахъ, типъ отживающаго украинскаго казачества,—отъ зари до зари возсѣдалъ онъ на дубовомъ обрубкѣ, посреди разныхъ колодъ, плахтъ, клепокъ, кучъ хворосту и разнаго подѣлочнаго хлама— и пристально строгалъ всегда какой нибудь обручъ. Ни для кого изъ проходящихъ не поднималъ онъ головы, ни на кого не взглядывалъ даже изъ подлобья. Одинъ только Прошка пользовался не только его благосклонностію, но и правомъ во всякое время прекратить его работу: онъ подползалъ подъ самый строгаемый обручъ, хватался за него ручонками и подымалъ свою веселую головку, лепеча «дѣдя, дѣдя!» И дѣдъ упирался рукой, держащей ножъ, въ свое колѣно, позволялъ мальчику завладѣть обручемъ, суровыя черты лица его смягчались, бѣлые усы шевелились привѣтно: «годи, Прошка, годи, ластывка!» произносилъ онъ хриплымъ голосомъ, въ интонаціи котораго все-таки слышалась нѣжность; «годи, мій гарненькій!» а самъ не прикасался къ работѣ, изъ которой ребенокъ сдѣлалъ себѣ игрушку. По-долгу сидѣлъ иногда дѣдъ, увѣщевая напрасно малютку, и старое лицо его все свѣтлѣло, свѣтлѣло, и глаза не отрывались отъ крошечнаго баловня. Сперва никакъ не удавалось мнѣ познакомиться покороче со старикомъ: на всѣ разговоры и вопросы мои онъ отвѣчалъ всегда сухо, отрывисто и неохотливо, и мнѣ совѣстно было настаивать. Но старикъ частенько закуривалъ свою коротенькую «люльку», и это помогло мнѣ сблизиться съ нимъ: замѣтивъ, что онъ куритъ очень ѣдкій табакъ, я предложилъ ему однажды крѣпкую сигару; можетъ быть, не желая обидѣть меня отказомъ, онъ принялъ по настоянію моему, изкрошилъ ее и наколотилъ свою посогрѣйку. «О, сэ добрый тютюнъ»! сказалъ старикъ, покуривая и поплевывая съ видимымъ удовольствіемъ. Всякій день я ему давалъ двѣ-три сигары; старикъ благодарилъ, иногда приговаривая, въ видѣ извиненія себѣ: «бо кто чимъ закусэ, покынути нэ мусэ».

Однажды, заставъ его въ переговорахъ съ Прошкой, я предложилъ ему сигару, а Прошѣ пряниковъ, запасъ которыхъ былъ сдѣланъ у меня собственно для него; я присѣлъ на колоду и понемногу у насъ со старикомъ завязался разговоръ. Было раннее утро, паны еще спали; Параска, Прошка и дѣдъ всегда первые показывались на дворѣ и на этотъ разъ Параска обѣгала разные, хозяйственные пункты—домашняя птица, телята, поросята преслѣдовали ее и толпились у ея ногъ.

Старикъ сидѣлъ противъ меня на своемъ отрубкѣ, съ праздным ножемъ въ рукѣ, съ люлькой въ зубахъ; у нашихъ ногъ, на стружкахъ и щепкахъ, Прошка возился съ остроганнымъ до половины обручемъ; космачъ, вѣроятно позавтракавшій, валялся около ребенка и задиралъ его съ собачьей любезностью и игривостію сытаго животнаго. Дѣдъ, завлеченный моими распросами, ровнымъ голосомъ разсказывалъ про «старое время». Какъ ни тѣсна была рама картины, воспроизводимой блѣдными воспоминаніями старика, но сила правды придавала ей достоинство. Нѣсколько разъ удавалось мнѣ бесѣдовать съ нимъ, и каждая бесѣда приносила не только новое удовольствіе, но и новую черту, новый оттѣнокъ свѣдѣнія о времени «козачества», о прошломъ бытѣ Малороссіи. Я и не подозрѣвалъ найти каѳедру подъ дровянымъ навѣсомъ, но вышло почти такъ: дѣдъ нисколько не выставлялъ свою собственную личность въ своей повѣсти, какъ это обыкновенно случается со всѣми непризваными повѣствователями. Когда-то горячій козакъ, онъ остался прямымъ человѣкомъ и любилъ вести рѣчь только о томъ и гордиться только тѣмъ, что дало ему козачество. Говорилъ онъ о прежнихъ прихатныхъ хуторахъ, тѣнистыхъ садахъ и богатыхъ пасѣкахъ въ гущавникѣ дубовыхъ и липовыхъ урочищъ; «була и у мэнэ така!» примолвилъ дѣдъ къ слову о пасѣкѣ; онъ вздохнулъ не о томъ, что «сгынули симдесятъ колодъ», а глянувъ въ сторону и слегка взмахнулъ рукой, держащей ножъ,—вздохнулъ онъ о томъ, что перевелось уже приволье богатой Украйны и Заднѣпровья, что «нынько гэть-пусто на цилый край, на уси четыре витра! не тыи времена, не тыи звычаи;» что еще хлопцемъ слыхивалъ онъ отъ «батькивъ», какъ, бывало, по ляхамъ и по татарщинѣ, лоскомъ выжженныя и истребленныя села въ пять-шесть лѣтъ опять обстраивались и процвѣтали, и снова «стодолы и шпихлиры» наполнялись «пидъ стриху» всякой благодатью; а теперь не то; и порядки другіе, и народъ «мудрійши» сталъ — да нѣтъ! Словно

земля извелась и не родитъ противъ прежняго, словно люди измельчали и обезсилѣли, и заботы у нихъ все про себя, мелкія, не прежнія: сады, лѣса, пчелы, воды — все истощается, переводится, портится, и словно никому до того и дѣла нѣтъ: «богато панивъ, а на греблю и никому!» заключилъ старикъ, добывая изъ-за голянища полинялый ситцевый «капшукъ» и выколачивая о дубовую плахту золу изъ своей люльки.

Однажды я спросилъ его о Параскѣ, — я слышалъ, что она приводилась ему съ родни,—старикъ отвѣчалъ очень уклончиво.

— Зачѣмъ она такая злая и такъ бьетъ своего мальчишку? спросилъ я.

— Молоде, дурне! отвѣчалъ старикъ и, нагнувшись къ кучѣ лещины, сталъ выбирать годную на обручъ хворостину. Онъ избѣгалъ этихъ распросовъ.

Кромѣ описанныхъ мною лицъ, дворня моего хозяина пополнялась кривой кухаркой, личностью ничѣмъ не выдающейся изъ «толпы»; еще какой-то бабой, вѣчно стирающей или развѣшивающей разное предосудительнаго вида трянье; кучеромъ, проживавшимъ вмѣстѣ съ лошадьми, гдѣ-то «во лузяхъ», и наконецъ—косматымъ чоботоносцемъ, мальчишкой приглуповатымъ, смирнымъ и замѣчательнымъ только никогда нечесаной головой и несоразмѣрно обутыми ногами; все остальное пространство въ немъ между этими полюсами представляло какой-то рядной мѣшокъ съ торчащими изъ него руками. Любое чучело на горохѣ не менѣе походило бы на человѣка, если бы сдвинулось по зову своей тычины. Остальные мужики и бабы показывавшіеся на кухнѣ, на дворѣ и на огородѣ, были временные слуги — «стойчики», то есть нѣчто въ родѣ казенныхъ барщинниковъ.

Настолько же, какъ съ плебеями, ознакомился я и съ «благороднымъ» сословіемъ этого маленькаго и грязненькаго міра: хозяинъ оказался простакомъ, ловко, хоть на-скоро, по русской способности, охохлаченнымъ рязанскимъ полубариномъ, вообще добрымъ малымъ и второстепеннымъ лицомъ въ домѣ; въ его власти было только выпить и закусить, сколько душѣ угодно, въ положенные часы, а при гостяхъ — и сверхъ положенія. Положенные и сверхъ положенія часы эти онъ употреблялъ, видно, ловко, потому что былъ откормленъ для человѣка до нелѣпости. По службѣ онъ былъ ходокъ. Если выжимается что нибудь изъ камня, то состоявшіе въ его участкѣ камни ужь не дали бы ни-

какого соку,—это вѣрно; но такъ какъ чистота совѣсти въ чиновникѣ, завѣдывающемъ чѣмъ бы то ни было казеннымъ, опредѣляется исправнымъ состояніемъ, — т. е. чистотой, — его шнуровыхъ книгъ, то по повѣркѣ послѣднихъ онъ могъ оказаться совершенно безгрѣшнымъ. Правда, что бдѣніе надъ чистотой книгъ и цифръ, да и вся распорядительная служебная часть лежала на какомъ-то миѳическомъ писарѣ, проживавшемъ гдѣ-то на хуторѣ; но мы не видимъ надобности вводить въ нашъ разсказъ еще лицо, тѣмъ болѣе, что въ натурѣ лицо это было подбито.

Супруга почтеннаго хозяина была хорошая женщина, о которой особеннаго сказать нечего. Совершенно довольно замѣтить, что она была здорова, а грудной ребенокъ наслѣдовалъ золотуху, — вѣроятно, отъ отца.

Впрочемъ и то сказать — Глашенька, старшая дочь хозяина, отъ первой жены, — была суха и безъ малѣйшихъ признаковъ золотухи.

Быстрая, хорошенькая дѣвочка эта была въ конецъ испорчена тѣми постоянными невзгодами, которыя такъ часто падаютъ на беззащитныя головы сиротъ, пасынковъ и падчерицъ. Мнѣ почти не случалось иначе видѣть Глашеньку, какъ за какой нибудь шалостью или подъ какимъ нибудь штрафомъ. То она обрывала цвѣты на окошкѣ, кроила чей нибудь носовой платокъ, лазила, какъ мальчикъ, по праслам и плетнямъ, — то стояла въ углу, или на колѣняхъ, заливаясь слезами и выразительно почесываясь, разумѣется, отъ боли. Шила и читала она всегда со слезами на глазахъ, съ краснымъ ухомъ, и такъ егозила на своемъ стулѣ и перебирала ножонками подъ столомъ или пяльцами, что, разумѣется, всегда выводила изъ терпѣнія всю нелюбившую ее семью.

«Глашка — дрянь, паскуда, щобъ тоби лыхо!...» слышалось цѣлый день, на разные тоны и лады и нерѣдко за этимъ раздавался звукъ затрещины.

Но главнымъ Тамерланомъ ея и всего дома была хозяйская «матушка», сухая, злобная, крикливая старушка. Какъ исправный капитанъ корабля, несомаго бурей, поспѣваетъ вездѣ, и вездѣ слышится его правительственный голосъ и команда, такъ точно этотъ неутомимый капитанъ въ юбкѣ, сварливая старуха — не только поспѣвала накричать и накомандовать всюду, но съ самаго утра сама во всѣхъ углахъ дома создавала бурю и ревностно

поддерживала ее до глубокой ночи. Преобладающимъ элементомъ или нравственнымъ атмосферическимъ двигателемъ этихъ шкваловъ была ея ненависть къ тремъ существамъ: Параскѣ, Прошкѣ и Глашѣ; кажется, трудно было бы рѣшить, кого изъ нихъ болѣе она не терпѣла. При жолчной злости старухи, достаточно было ей встрѣтить которое нибудь изъ этихъ трехъ лицъ, — все равно, за какимъ бы занятіемъ она ихъ ни застала, хотя бы за богомольемъ, — она не могла пройти, чтобы не посычать мимоходомъ. Изобрѣтательность же казней за какіе нибудь проступки и всевозможныхъ предохранительныхъ стѣсненій — въ старухѣ была поистинѣ замѣчательна.

Однажды въ сильный дождь, проходя къ хозяевамъ мимо отворенной кухни, увидѣлъ я тамъ Прошку подъ столомъ; я остановился и позвалъ его, — онъ бросился было ко мнѣ съ своей обычной рѣзвостью, но вдругъ упалъ, ударился носомъ въ полъ и закричалъ благимъ матомъ, растянувшись и не вставая. Я подошелъ къ нему и увидѣлъ, что онъ привязанъ за ножонку къ кухонному столу; мнѣ объяснили, что это по приказанію «старой» обыкновенно дѣлается въ дурную погоду, — когда ему нельзя быть на дворѣ, — чтобы онъ, ползая подъ ногами, не мѣшалъ людямъ. Я отвязалъ бѣдняжку, взялъ на руки, унялъ его плачъ и понесъ въ комнату къ хозяевамъ. Трудно представить себѣ злобу старухи, когда она увидѣла его у меня на рукахъ.

— А що то вы робытэ? А якъ же то можно.... таки поганы бахуренокъ!... увѣщевала она меня нараспѣвъ.

— Да вѣдь это ангелъ, отвѣчалъ я старухѣ. Ее всю подернуло злостью; она плюнула. — «О сэ-жь паскуда!» и еще клокатала про себя, приплевывая.

— Вы, какъ я вижу, любите дѣтей! сказалъ улыбаясь хозяинъ. — Вамъ бы надо жениться! — замѣтила улыбаясь хозяйка, но на лицахъ ихъ сквозь улыбку проглядывало выраженіе глубокаго отвращенія. Какъ косой лучъ солнца, ударяя въ тинистую лужу, — вмѣсто того, чтобы заиграть тамъ огонькомъ, только и сдѣлаетъ, что освѣтитъ всю шевелящуюся инфузоріями плѣсень и грязь, — такъ или почти такъ улыбка — этотъ чистый лучъ довольной души, возбужденная насильственно на злобномъ лицѣ — только и освѣтитъ на этомъ лицѣ одно безобразіе злобы. — Но хозяева мои продолжали насильственно улыбаться; старуха выражала невоздержное отвращеніе; Прошка, открывъ губенки, съ удивленіемъ глядѣлъ на зеркало; а Глаша, окинувъ всѣхъ

плутовскимъ взоромъ, съ хитрой улыбкой смотрѣла на злящуюся свою бабушку.

— Пойдемъ-ка, братъ Прошка, до дому! Я вынесъ его; но въ сѣняхъ отняла его отъ меня Параска; еще я не дошелъ до моей квартиры, а ужь доносился до моего слуха крикъ ребенка и учащенное, какъ показалось мнѣ, шлепанье.

— А бо дай вамъ!... — какъ говорятъ малороссы, не договаривая бо дай — чего, — думалъ я, садясь за столъ оканчивать рѣзьбу, начатую на немъ перочиннымъ ножикомъ какимъ-то, вѣроятно празднымъ, искусникомъ.

Задумался я объ этихъ бѣдныхъ людяхъ — о семьѣ моего хозяина. Какую каторгу умѣютъ сочинить себѣ люди! Безъ всякой надобности, по своему произволу и по своимъ безпричиннымъ побужденіямъ, кричатъ, злятся, страдаютъ и, какъ будто упиваясь своимъ же возмущеніемъ, язвятъ сами себя, какъ скорпіоны. И невольно сознавая, чуя свою непотребность, какъ тщательно и какъ напрасно стараются они скрывать свои язвы отъ глазъ постороннихъ! Отчего все это!

Оттого, — думалъ я, — что какъ обществу, такъ и семейству, на какой бы степени умственнаго развитія они ни стояли, для полнаго спокойствія, для счастія, прежде всего необходима — нравственная свобода. Она — солнце нашей нравственной жизни и всѣхъ ея матеріальныхъ проявленій. Не давайте ничего, кромѣ этой свободы, и общество или семейство изъ ничего создастъ и устроитъ свое счастіе; дайте все, кромѣ этой свободы — люди будутъ богаты, пожалуй образованы и даже учены, — но непремѣнно несчастливы. Да и всѣ богатства и благо ихъ, — въ строгомъ смыслѣ невозможныя въ обществѣ, лишенномъ нравственной свободы, — исказятся, выродятся въ зло и станутъ прямой причиной несчастія обладающихъ ими.

Въ семействѣ, конечно такъ же какъ и во всякомъ обществѣ, главная причина непокоя и несчастій всегда одна—нравственный гнетъ, отсутствіе моральной свободы. Неизбѣжный признакъ этой семейной проказы — ложь во всѣхъ ея видахъ и степеняхъ, начиная отъ обольщающаго притворства до циническаго безстыдства, отъ шаловливой хитрости до предательскаго коварства.

И эта нравственная уродливость всегда отражается во всѣхъ аксесуарахъ человѣка: не даромъ каждый стулъ у Собакевича какъ будто говорилъ — «и я тоже Собакевичъ!»

Въ самомъ дѣлѣ,—въ домѣ моего настойчиво-улыбающагося хозяина все носило на себѣ отпечатокъ насилія и заколоченности; даже на бездушныхъ предметахъ выражалась какая-то натяжка: мебель была покрыта такими узкими чехлами, что каждый стулъ походилъ на семинариста, давно выросшаго изъ своей ветхой «фанаберіи». Оконные цвѣты были перевязаны такъ туго, какъ вяжутъ только вѣники, а къ гирямъ стѣнныхъ часовъ нацѣплено столько подковъ, плитокъ и разнаго желѣза, что, глядя на нихъ, невольно раждался сострадательный вопросъ: какъ это они ходятъ? А все, что было одушевленнаго въ домѣ, — безпрестанно либо ругало, либо было ругаемо, либо обругивалось взаимно—то шопотомъ, то, смотря по удобству, во все горло, и только въ крайнихъ случаяхъ одиночества ворчало и роптало себѣ подъ носъ; но довольно было мухѣ пролетѣть мимо — и она тотчасъ обругивалась громогласно.

За то, несмотря на богатство украинской природы, несмотря на изобиліе средствъ и удобствъ жизни,—всѣ жители дома отличались болѣзненными, удрученными физіономіями. Только Параска съ своимъ сыномъ цвѣла, какъ макъ, и безмолвной дѣдъ казался, хотя всегда пасмуренъ, но крѣпокъ и свѣжъ для своихъ преклонныхъ лѣтъ.

Параска была собственностью хозяина и очевидно необходимою въ домѣ. Ея постоянное ожесточеніе и отвратительное обращеніе съ ребенкомъ были невыносимы. До того было больно глядѣть на нихъ, что я иногда отворачивался — не только отъ ней, но и отъ бѣднаго ребенка, и поскорѣе проходилъ мимо ихъ.

Отворивъ какъ-то рано поутру окно моей комнаты, я увидѣлъ подъ окномъ копающуюся въ грядахъ Параску. Я заговорилъ съ ней, выразилъ ей мое соболѣзнованіе о ея трудномъ положеніи, попытался было вразумить ее, объясняя ей несправедливость ея ожесточенія и неминучія послѣдствія такого раздраженнаго состоянія, — я жалѣлъ о ея сынѣ, о ней. Она поглядѣла на меня пристально, горько улыбнулась и — отвѣтивъ: «ой, панэ, — мини и такъ добре!» — скрылась.

Вечеромъ зашелъ ко мнѣ хозяинъ; за чаемъ, болтая кое-о-чемъ, я свелъ разговоръ на Прошку, спросилъ и о Параскѣ.

Хозяинъ началъ объясненіе съ того, что она дрянная женщина, безсердечная, злая.

«Лѣтъ, извольте видѣть, 10 тому назадъ, — разсказывалъ онъ, — досталась мнѣ вся семья эта довольно сходно отъ одного благороднаго дворянина; взялъ я ихъ самъ-четвертъ: отца, мать, сына, а она дочь, извольте видѣть, по уговору должна была дослуживать еще лѣтъ пять у тетеньки этого дворянина; она была отдана туда съ измалолѣтства, — ей теперь я думаю лѣтъ этакъ двадцать. Вотъ-съ и было очень хорошо: отецъ отличный колесникъ, даже брички сооружалъ; ну, былъ изъ него кучеръ тоже; а мать хорошо ткала и варила недурно, могла быть кухаркой, — непышной, а такъ, по нашему положенію. Сынъ, то есть братъ Параски, мальчишка лѣтъ 15, проворный, доложу вамъ, каналья, пріучилъ я его къ себѣ: онъ и ѣздилъ всегда со мной, да года въ два такъ испакостился,—благородное слово,—чортъ знаетъ, что изъ него вышло, — такъ, что я вынужденъ былъ отдать его въ солдаты подъ зачотную квитанцію, за помѣщика одного, еще кумъ мнѣ приходится и отмѣнный человѣкъ, — какъ честный человѣкъ,— душа!... Ну, я, — признаться, — ничего не потерялъ бы; одначе мать, эта кухарка-то, вскорѣ ни съ того, ни съ сего, а можетъ быть и съ холеры — возьми да и умри; отецъ, колесникъ-то, трезвѣйшій сперва былъ, изволите видѣть, человѣкъ,—ни съ того, ни съ этого какъ запилъ, да какъ пошелъ бродить, такъ и по сегодняшній день волочится, и ни сбыть его, ни дома удержать ничѣмъ, благородное слово,—невозможно. Я было и по-отечески, и такъ просто словами, и призапиралъ на денька три-четыре — все пробовано-съ! Это все равно, доложу вамъ, какъ собака: отбилась отъ двора — шабашъ! и не мучьтесь напрасно. А насчетъ Параски, извольте видѣть, шла все время переписка черезъ земскую полицію: все ее отпустить не хотѣли; да я взялъ и попросилъ хорошенько въ земскомъ судѣ, — ее вотъ прошлаго года и представили по этапу-съ ко мнѣ, да гляжу, — и съ бахуренкомъ, былъ еще онъ съ кошку, весь съ кулакъ мальчишка, въ тѣ поры. Это что? спрашиваю.—Сынъ, говоритъ. Откуда, гдѣ твой мужъ, что ли?—Въ Москали пишовъ. — А папиры гдѣ? — Не мае ничего.—Какъ такъ?... Ну, извѣстно — баба глупая, ничего не понимаетъ, но такая, съ дозволенья сказать, шельмоватая, упорная, что самъ чортъ, какъ благородный человѣкъ, не допытается до сю пору отъ нея слова о прежней ея жизни и способѣ по-

веденія-съ. Подлецъ баба, какъ честный человѣкъ, подлецъ! Я было опять въ переписку — пишу разъ, пишу другой, третій, я вамъ скажу, пишу, — а мнѣ по настоящее число — ни гу-гу! никто и не отвѣчаетъ».

— Однако она честная женщина? спросилъ я.

— Да какъ вамъ сказать, — ничего такого особеннаго, изволььте видѣть, не видно; и преповоротливая, да чортъ ли въ томъ, коли дрянь во всѣхъ отношеніяхъ!

— То есть въ какихъ же?

— Да какъ вамъ сказать, вѣдь вы сами могли замѣтить — грубіянство и дрянь! Она, изволььте видѣть, здоровенная, работящая; да чортъ ее знаетъ, никакой нѣтъ этакой привязанности, благодарности, а точно такъ, какъ и всякая этакая.... Да Богъ же съ ней! бываютъ вѣдь люди — препротивная дрянь, я вамъ доложу! — Хозяинъ махнулъ рукой.

— Ужь это, знаете, такъ бываетъ цѣлой семьей, гнѣздомъ: — вотъ хоть дѣдъ ея, онъ не мой, проживаетъ только здѣсь, кормимъ его, можно сказать, изъ жалости; молчитъ, стругаетъ, а самъ каналья у-ухъ какой татаринъ! Запорожецъ! какъ каменъ, шельма! А разъ слышалъ я, какъ толковалъ онъ съ писаремъ про нѣкаго «хвилозофа Вэрныгору» — ого-го! даромъ, что ужь можно сказать, одной ногой въ гробу — это большой сахаръ!... А знаете ли, продолжалъ хозяинъ, выглянувъ въ окно, время хорошее.... Эй, Параска, а Параска! — закричалъ онъ, завидѣвъ ее изъ окна, — а сбигай-же ну хутенько у тэмныкъ, да прынэсы бутылочку, того Мгарскòго, що отъ-ся, въ кути, знаешь? — Попробуемте, обратился онъ ко мнѣ, сливянчку добраго, Мгарскòго, старенькаго!

Я согласился и спросилъ его, что это за теминикъ; уже нѣсколько разъ я слышалъ, что Глашѣ строго запрещаемо было приближаться къ теминику. Я видѣлъ его только издали; въ углу обширнаго огорода, за тинистой засоренной сажалкой или копанкой, густо обросшей зорей и лопухой, возвышалась купа деревъ и кустарника, которую я давно собирался осмотрѣть. Хозяинъ объяснилъ мнѣ, что теминикъ теперь больше ничего, какъ полуобрушившійся холодный погребъ, очень способный для храненія водокъ и наливокъ. А прежде былъ мѣстомъ склада на зиму колодъ, то есть ульевъ пчелиныхъ; обширный огородъ этотъ, по словамъ хозяина, былъ когда-то до половины густымъ листовымъ садомъ, до полутораста ульевъ

стояло здѣсь въ давнее время; но понемногу садъ засорился, деревья посохли, выкорчеваны, и теперь садъ служитъ выгономъ для домашняго скота; часть его отгорожена подъ огородъ, а темникъ подгнилъ, осыпался, и онъ его только кое-какъ поддерживаетъ для погреба. Но въ сохраненной купѣ деревъ въ кустарникѣ, въ сушнякѣ и гнили этой маленькой трущобы, около которой полукругомъ сочилась заросшая сажалка, расплодилось такое множество разныхъ гадовъ, — тарантулъ, ящерицъ, ужей, даже и мѣдянокъ, что никто изъ людей никогда не подходилъ къ темнику, и только одна Параска бѣгала туда — всегда босая — то за водкой, то за сливнякомъ. «Гадина гадинѣ нэ шкодыть!» примолвилъ съ улыбкой хозяинъ, описывая это обстоятельство.

Было уже поздно; Мгарской сливнякъ послѣ нѣсколькихъ стакановъ оказался недуренъ.

Хозяинъ собрался домой, я вышелъ проводить его; едва показались мы на крыльцѣ, какъ послышался голосъ Параски:

— А бо дай ты подавывся, — сси-жь хутко! Она кормила грудью Прошку, сидя на завалинѣ подъ окномъ кухни.

— Вотъ-съ, изволите видѣть, какая это вѣдьма-баба-съ! сказалъ хозяинъ довольнымъ голосомъ.

Понемногу срокъ моего отъѣзда приближался; служебныя дѣла мои кончились, и я только ожидалъ еще почты. Таки-порядочно истомился я въ этихъ «гостяхъ» и не безъ удовольствія думалъ о днѣ отъѣзда.

Съ грустью и сожалѣніемъ встрѣчалъ я по утрамъ у моихъ дверей ползающаго Прошку; *обоешь* этотъ такъ свѣтло улыбался, протягивая свои ручонки, что нельзя было не ласкать его. Бѣдное дитя! Застынетъ и въ тебѣ все то, безъ чего человѣкъ презрѣнъ и что ростетъ въ немъ и развивается только подъ животворною любовью матери!...

Однажды подъ вечеръ, возвратясь съ прогулки, я зашелъ подъ навѣсъ къ дѣду, прилаживавшему обручи; возлѣ него копошился въ стружкахъ и Прошка, а поодаль Параска возилась около лоханки, и извѣстная уже читателямъ тряпичница развѣшивала свои мокрыя знамена по пряcламъ. Предложивъ дѣду сигару, я понемногу завязалъ съ нимъ бесѣду; опять-таки началъ-было я ходатайствовать за Прошку; — я зналъ, что дѣдъ любитъ его, зналъ вліяніе старика на Параску и дивился,

почему онъ не удержитъ эту дерзкую на руку женщину; неужели же, думалось мнѣ, всѣ они такъ привыкли къ щелчкамъ и шлепкамъ, что и не замѣчаютъ ихъ? Но дѣдъ долго не отвѣчалъ мнѣ, молчалъ, стругалъ, курилъ, поплевывалъ и вдругъ, оставя работу и вынувъ изъ зубовъ трубку, взглянулъ на меня какъ-то особенно серьёзно и сказалъ, указывая своей люлькой на Прошку:

— Тожь сырота, добродію, винъ горше витъ сыроты; — або мы видаемъ, що зъ нымъ буде на свити? — нехай же втерпыцця! — И дѣдъ опять взялся за свои инструменты и сталъ наколачивать на дежу обручъ.

Старикъ не сказалъ мнѣ правды. Онъ и не солгалъ, а схитрилъ, какъ поневолѣ хитрятъ честные люди, никогда неизмѣняющіе чужой тайнѣ. А если не было ненависти и оздобленія въ обращеніи Параски съ ребенкомъ, то разумѣется—тутъ была какая нибудь тайна.

Удовлетворившись вынужденнымъ отвѣтомъ дѣда, я постарался навести разговоръ на его любимую колею—на дѣла минувшихъ дней. Понемногу старикъ увлекся, вошелъ во вкусъ, — полилась его спокойная, безъискуственная, но всегда живописная рѣчь; слова, казалось, терялись въ ней, звуки будто исчезали и точно въ дремотѣ, подъ тихое журчаніе, видѣлся мнѣ разнообразный и ясный сонъ: замерещились передо мной подъ его ровный говоръ «довгія списы казацьки», какъ бы несомыя невидимой силой и «якъ лисъ подъ витромъ» колышущіяся въ туманѣ утра надъ густымъ тростникомъ днѣпровскаго побережья, по ярамъ и ложбинамъ, отъ Чигирина «гетъ туда до Умальщизны!...» Это вытечка знаменитаго Нечая съ его безпардонной ватагой на ужасъ и безголовье цвѣтущей золотыми пажитями Подоліи — «гетъ потекла сграя, якъ вужъ темный, — далій, далій, ажь по пидъ Гайсинъ, гдѣ стоявъ колысь-то козацьки мурованы слупъ, съ написомъ: видай, Ляше, покиль наше!»; И разсказалъ дѣдъ богатырскую гибель Нечая, израненнаго, съ переломленной «шаблюгой», несущагося на рьяномъ степнякѣ.

Въ отрывочной повѣсти его быстро мѣнялись картины, то яркія, блестящія всею художественной оконченностью, то бѣгло-набросанныя, тусклыя, какъ будто поволокло ихъ туманомъ забытья и давности. «И о сэ, добродію мій, — продолжалъ онъ, вздохнувши,—взчалась тая нэзапамятна ризьня Уманьска!...»

Въ эту минуту въ домѣ послышался тонкій дѣтскій плачъ и всхлипыванье; два голоса грубые, но сдержанно-злобные, пре-

рывали этотъ плачъ распѣвающей угрозой:—«а почекай же! нэ, нэ, нэ, серденько, топярь на одмо-о-олышься! будэшь памятать тэмныкъ!» плачъ изъ тонкаго вибрующагося дисканта выросталъ все рѣзче и тороплив ѣе — «а ходы—ну!» произнесъ сердитый голосъ и отчаянный крикъ ребенка, крикъ погибающаго, молящаго: —«а бабуня, а ластывка, а таточко ридненькій мій!» раздался раздирающимъ непрерывнымъ воплемъ, и только тупые удары мѣрно отщитывались, заглушаемые безконечнымъ взвизгомъ, крикомъ, плачемъ — вдругъ всѣми звуками, какіе выдавливаетъ изъ груди живаго существа терзающая, безпощадная боль.... Это былъ голосъ Глаши. — Я оглянулся: дѣдъ тихо взялъ обручъ, строгнулъ его дрожащей рукой такъ, что онъ погнулся и отстрогнутая половина его опускалась съ чуть слышнымъ трескомъ; Прошка боязливо взглянулъ на домъ широко открытыми глазенками своими; даже космачъ приподнялъ уши, воркнулъ и снова положилъ морду на свои лапы. А Параска, румяная, разгорѣвшаяся за работой, нагнувшись надъ лоханкой, обернула къ намъ свою голову: она глядѣла на Прошку и бѣлые зубы ея открылись коварной, ядовитой и грустной улыбкой.

Вотъ тебѣ и Уманьска ризьня!... На дворѣ очень тихо; въ небѣ замелькали звѣздочки; сверкнулъ нетопырь въ воздухѣ и сдѣлалъ нѣсколько изломовъ, какъ будто чертя какіе-то іероглифы. Всѣ молчали, — слышался сдерживаемый плачъ и горькое всхлипыванье ребенка; а космачъ лежалъ неподвижно и косясь то на одного, то на другаго изъ насъ, какъ будто хотѣлъ спросить: «а что-молъ, люди!» Я вошелъ къ себѣ въ комнату, вынулъ изъ портфеля подорожную и приказалъ Берковичу идти на почту, потребовать лошадей къ тремъ часамъ утра и сказать ямщику, чтобы подвязалъ колокольчику языкъ. Затѣмъ, заперся и залегъ на кровать. Отчаянный вопль ребенка долго отзывался въ моихъ ушахъ, и я невольно прислушивался: все казалось, что кого-то сѣкутъ....

Въ эти несносныя минуты, въ которыя я ожидалъ возвращенія Берковича, мнѣ все казалось, что я добровольно участвую въ какомъ-то постыдномъ заговорѣ противъ младенческой немощи.... Скорѣе хотѣлось подальше отъ этой юдоли плача. Но припоминая росписаніе ***ской почтовой станціи, въ которомъ значилось всего двѣ тройки, я въ самомъ дѣлѣ трепеталъ: приди «почта», — а мнѣ угрожаетъ еще свиданіе съ хозяиномъ, — и чѣмъ же отвѣчу я на его улыбку? Вѣдь «есть же всему предѣлъ!»

Берковичъ возвратился немножко «веселый», посоловѣлый: лошади будутъ. Я написалъ нѣсколько прощальныхъ словъ моему хозяину и легъ спать. Благоразумный Берковичъ всегда держалъ въ рукахъ свою миѳологію: Бахусъ у него никогда не ссорился съ Морфеемъ, и я еще не успѣлъ хорошенько пріютиться въ ненагрѣтой постели, а онъ ужь храпѣлъ во всю носовую завертку.

Было поздно; погасивъ свѣчу, я глянулъ въ окно: у хозяевъ въ окнахъ темно, всѣ спали. Въ тишинѣ ночи донесся оттуда глухой бой часовъ — пробило полночь. Гдѣ-то близко меня скребла мышь; за печкой отозвался сверчокъ, и его мѣрное стрекотанье точно какъ будто сверлило тишину. Изрѣдка, словно повернутый не своей силой, тяжко вздыхалъ во снѣ Берковичъ, но икнувъ или чихнувъ съ негодующимъ звукомъ, опять захрапывалъ не совсѣмъ трезво, но ровно. Выплывалъ мѣсяцъ и темная комнатка моя все свѣтлѣла тѣмъ мертвымъ свѣтомъ, который видится иногда трусливому путнику, ночью идущему мимо кладбища.... Я задремалъ, забывался, можетъ быть уснулъ, вдругъ дѣтскій вопль раздался такъ близко, какъ будто ребенокъ кричалъ у меня подъ подушкой, — очнувшись, я ничего не услышалъ; только пѣтухъ, а за нимъ другой, пропѣли раза по два, издалека отозвались имъ такіе же голоса — и снова тихо. Видно ужь не уснуть мнѣ эту ночь! Растворивъ окно, я закурилъ сигару и глядѣлъ въ безконечный огородъ.

Понемногу свѣтлѣло; прозрачный розовый отсвѣтъ разливался отъ горизонта, и вдругъ какъ будто искра блеснула въ голубомъ туманѣ, на самой вершинкѣ трепещущаго тополя, стрѣлой выбѣгавшаго изъ густой купы темника,—и какъ медленный огонекъ, перебѣгалъ солнечный лучъ по маковкамъ деревъ, незамѣтно все спускаясь ниже и ниже; подсолнечники, наклоненные къ востоку, раскрывали свои лучеобразные листы, заколыхалась вся зелень, — заря занялась. Я заглянулъ въ переднюю, изъ которой маленькое окошко выходило на дворъ,—Берковичъ храпѣлъ, но вѣроятно воюя во снѣ съ постояннымъ врагомъ своимъ — хмѣлемъ, совсѣмъ съѣхалъ съ своей позиціи — походной постели, и завалилъ собою выходную дверь. На дворѣ было тихо, весь домъ спалъ, почтовыя лошади еще не пришли, — я опять усѣлся у отвореннаго окна; свѣжее утро уже пробудилось, зелень благоухала, и въ густыхъ вѣтвяхъ деревьевъ, надъ темникомъ, весело перекликались птички. Мнѣ захотѣлось вблизи по-

смотрѣть всю эту маленькую трущобу, и я перешагнулъ изъ окна въ огородъ.

Между высокимъ бурьяномъ, лопухой и заглохшими кустарниками бузины, смородины и крыжовника, кругомъ всего огорода была когда-то тропинка, поросшая теперь высокой травой; она тянулась около стѣнъ строеній, поворачивала вдоль частокола и приводила къ темнику съ противоположной стороны дверей его, къ которымъ протоптанъ былъ кратчайшій путь отъ дома.

Я пошелъ по заросшей тропинкѣ, осторожно посматривая въ траву, чтобы не наступить на какую нибудь амфибію; ихъ тамъ было не мало. На дорогѣ попалась мнѣ чрезвычайно красивая букашка: съ каждымъ движеніемъ своимъ принимала она, какъ хамелеонъ, все новые, радужные отливы всевозможныхъ цвѣтовъ; я присѣлъ въ травѣ, чтобъ разсмотрѣть ее; за ней волочился очень проворно предлинный муравей; это было шагахъ во стѣ отъ темника. Шелестъ листовъ заставилъ меня поднять голову: при опушкѣ темника кудрявый листъ калины качалъ своими вѣтвями, какъ будто серна или другой быстрый звѣрекъ только что шмыгнулъ черезъ него. Что-то бѣлѣлось въ гущавникѣ, и чуть слышно доносился оттуда тихій, пѣвучій шопотъ. Наскоро собираясь побороть свое любопытство, я незамѣтно подкрался почти ползкомъ поближе къ темнику: сквозь чащу кустарныхъ и древесныхъ стволовъ, ниже густой листвы, я увидѣлъ на самомъ темникѣ чистую площадку, окруженную кустарникомъ и деревьями. Ничего нельзя вообразить живописнѣе этой роскошной купы самой разнообразной зелени, разросшейся вѣнкомъ на насыпи надъ полуразрушеннымъ подваломъ: внизу по сырой, сочащейся копанкѣ вокругъ темника, какъ гребень длинныхъ перьевъ, зеленѣлъ аиръ, зоря и подъ нимъ стлались круглыя листья лотоса съ своими ярко-желтыми цвѣтками. Выше, по берегамъ въ травѣ блистали кой-гдѣ утренними росинками голубыя незабудки; еще выше разростались самосѣвы тимоѳеевой травы, цикорія, крвавника, дикой ромашки, зубчатаго папоротника, полыни, душистой мяты, — и сотни различныхъ травъ и цвѣтовъ, какъ ковромъ, одѣвали покатые бока темника. Колючая облепиха, сверкая золотистыми ягодами, начинала собой рядъ кустарниковъ; за ней раскидывался орѣшникъ и шиповникъ, сухіе сучья обвивались повиликой и торчали въ кудрявой зелени; ягоды паслена кораллами краснѣли въ желто-зеленыхъ листьяхъ; тернъ, перепутанный дикимъ плющемъ, за нимъ

высокій кустарникъ бѣлой акаціи, сирени, черемухи и надъ этимъ густымъ вѣнкомъ роскошная зелень каштановъ, черешни и наконецъ убѣгающіе къ верху пирамидальные тополи, шепчущіе каждымъ листкомъ своимъ. Тутъ были и цѣлые возы сушняку и гніющихъ вѣтвей, но всюду зелень самая свѣжая, кудрявая такъ окрыла ихъ, такъ роскошно одѣла каждый прутикъ, какъ будто природа въ самомъ дѣлѣ старалась прикрыть свой безпорядокъ передъ строгой и хищной зоркостью попечительнаго человѣка.

Утренній вѣтерокъ разносилъ въ воздухѣ, кажется, цѣлыя струи ароматовъ разныхъ растеній. Заря была въ разгарѣ; прорѣзываясь сквозь гущавникъ вѣтвей, солнечный лучъ падалъ косвенной полосой на желтый песокъ и дернъ площадки; въ золотомъ потокѣ этого луча сверкали разноцвѣтными искорками миріады крошечныхъ летучихъ насѣкомыхъ ; зелено-желтоватая, какъ бронзовая , ящерица проворно перебѣгала по сушняку, останавливаясь, и съ частымъ дыханіемъ устремляла свои насквозь пронзающіе глаза; стрекоза трепетала радужными прозрачными крылышками; въ вѣтвяхъ порхали и посвистывали пташки, какъ будто съ любопытствомъ поглядывая внизъ; я нагнулся впередъ; въ двадцати шагахъ отъ меня, на площадкѣ темника, на пескѣ сидѣла Параска, держа стоящаго на колѣняхъ Прошку. Но какъ мало походили они на себя, какими были еще такъ недавно — вчера только! Чистое, сіяющее лицо прекрасной женщины дышало любовью и счастьемъ; волосы ея, перевитые красной лентой, были собраны такъ, какъ и всегда, на затылкѣ, но не всклокочены, по обыкновенію, а закручены въ богатую косу; бѣлая рубашка прикрывала плечи въ половину и, легко спадая по грудямъ, охватывалась ситцевой юбкой; изэелена-свѣтлый матовый отсвѣтъ падалъ на румяное лицо ея; она улыбалась, ворковала полушопотомъ пѣсни и, то откинувъ голову на свѣтъ и поднявъ надъ собой ребенка, то вдругъ положа его на колѣни, совсѣмъ приникала лицомъ къ его лицу и любовалась смѣющимся мальчишкой. На глазахъ ея виденъ былъ слѣдъ недавно сбѣжавшей дремоты, и тѣмъ ярче горѣли они подъ густыми рѣсницами.

Прошка еще меньше походилъ на ежедневнаго *обоеща* Прошку: точно какъ будто онъ сбросилъ съ себя свою кору и очутился розовымъ, кудрявымъ и свѣтлымъ; тонкая рубашонка едва прикрывала его кругленькіе члены. Что съ ними сдѣлалось — отгадывать было некогда.

«Сердэнько мое, кровиночка моя!» шептала мать, — ребенокъ съ радостнымъ смѣхомъ ловилъ ручонками ея лицо; она подкидывала его на колѣняхъ, припѣвала на разные тоны, переходя безъ всякаго порядка отъ пѣсни къ пѣснѣ; то цаловала его, называя самыми нѣжными именами, то вдругъ сажала на землю, нагибала зеленую вѣтвь, прятала за нее свое лицо: «а тю-тю! Проша!» и малютка отвѣчалъ смѣхомъ, восклицаніями: «мамъ! мамъ!» и, какъ будто разумѣя необходимость тишины, удерживалъ порывы своей дѣтской радости.

Такъ непонятно было для меня это превращеніе, что я считалъ все видѣнное мною — сномъ.

Гибкая, граціозная фигура женщины, роскошныя и упругія ея формы, живой румянецъ, то ярко вспыхивающій съ быстрымъ наклономъ головы, то умѣряющійся въ спокойномъ, на мигъ задумчивомъ положеніи; легкія, прихотливыя движенія безпрестанно мѣняющихся позъ.... То вдругъ съ откинутымъ торсомъ, съ выставленной на полный свѣтъ бѣлой грудью, бѣлыми, до плечъ обнаженными руками держитъ она надъ собой ребенка, тонкое колѣно ея приподнято; въ полусвѣтѣ обрисовался мягко-ступпованный контуръ почти всей ноги, полутоны бѣгутъ въ густую тѣнь.... то, нагнувшись и поджавъ ноги, вдругъ она спрячетъ лицо; золотымъ блескомъ падаетъ лучъ на черную, лоснящуюся косу, блеститъ на мраморномъ плечѣ и локтѣ, и только кончикъ ноги чуть выглядываетъ изъ-подъ складокъ юбки.

Она пропѣла Прошкѣ чуть ли не весь репертуаръ дѣтскихъ пѣсенъ, которыми такъ богата Малороссія; всѣ ребяческія продѣлки, которыми забавляютъ дѣтей, кажется, были повторены ею; лицо ея перепробовало всѣ выраженія радости и нѣсколько разъ въ перемежку останавливалось на немъ мгновенное выраженіе тихой грусти, но счастіе ея тогда казалось еще полнѣе... И, какъ будто утомясь, переполнясь имъ, она вдругъ задумалась, долго глядѣла на ребенка, словно отыскивая и узнавая въ немъ дорогія черты, прижала его къ груди, еще взглянула въ его свѣтлые глазенки; подъ темной рѣсницей ея сверкнула слеза, и чуть слышный, тонкій, дрожащій голосъ запѣлъ грустную мелодію; первыхъ словъ ея я не могъ разслышать, чуть шевелящіяся губы пѣли:

.... «якъ я бидна плачу
«За дрибными слезонками
«И свита не бачу!...
«За дрибны....»

— Ваше высокоблагородіе! а ваше высокоблагородіе! раздался изъ моего окна голосъ Берковича: — гдѣ вы?

Она вздрогнула, притиснула къ груди Прошку и быстро, какъ ужаленная, вскочивъ на одно колѣно, устремила свои черные испуганные глаза по направленію голоса, который продолжалъ какую-то недовольную рѣчь. Я не смѣлъ шевельнуться и совсѣмъ приникъ подъ широкой листвой лопухи. Послышался легкій шелестъ, я поднялъ голову: передо мной стоялъ космачъ, махая своимъ глупымъ хвостомъ, а за темникомъ межъ кустарниковъ и растущаго вдоль досчатаго забора бурьяна виднѣлись надъ зеленью быстро удалявшіяся прижавшіяся другъ къ другу двѣ головки.

Я возвратился къ себѣ въ комнату тѣмъ же путемъ. Берковичъ съ сумкой черезъ плечо, въ шапкѣ, совсѣмъ готовый въ дорогу, упершись руками въ боки и повѣсивъ голову, стоялъ въ раздумьи передъ столомъ, на которомъ съ вечера оставилъ я записку хозяину; слышно было, какъ похрапывали кони передъ крыльцомъ; вещей моихъ въ комнатѣ уже не было.

Заслышавъ движеніе мое, Берковичъ быстро обернулся: «а я спужался, ваше высокоблагородіе, — всталъ, а васъ нѣтъ, и ничего не могъ знать, что̀ тутъ дѣлать!» объяснялъ онъ, подозрительно поглядывая на меня.

— Готово? спросилъ я.

— Все готово, вотъ только щекотулку да эти двѣ бумаги уложить!

«Щекотулку» я велѣлъ отнести въ повозку, бумаги — одна въ почтовую контору «о пересылкѣ какъ казенной, такъ и частной на имя мое корреспонденціи въ Г., В—ской губерніи», а другая — прощальная съ хозяиномъ, оставлена на столѣ.

Богъ съ тобой, мое кочевое жилище! На дворѣ не было ни души, еще всѣ спали, мы сѣли съ Берковичемъ—лошади тронулись! Космачъ скакалъ около телѣги, поглядывая на насъ очень любезно; въ воротахъ тройка стѣснилась. Космачъ прозѣвалъ и попалъ-было въ тѣсное положеніе — между осью и воротнымъ столбомъ, но вывернулся изъ бѣды отчаяннымъ пируэтомъ, произведеннымъ съ танцмейстерскою ловкостію. На улицѣ пусто, всѣ ставни заперты. Проѣхавъ мимо хозяйскихъ слѣпыхъ оконъ, тройка завернула направо, вдоль сѣраго забора, въ концѣ котораго широко выдвинулись на улицу кудрявыя вѣтви каштана «нашего темника.» На заворотѣ стоялъ дѣдъ. «Стой, ямщикъ!»

Крѣпко обнялъ я почтеннаго старца; мы простояли съ нимъ съ минуту и не сказали ни одного внятнаго слова другъ другу; только когда тронулись кони — онъ послалъ за мною христіанское напутствіе. А изъ зелени темника черезъ сѣрый заборъ глядѣла кудрявая головка Прошки: мальчикъ улыбался и вытягивалъ ко мнѣ ручонки; звонкій знакомый голосъ слышался вслѣдъ: «счастлива дорога, пане милостливый!» Ямщикъ стегнулъ лошадей,—«а почекай, москаленокъ!» крикнулъ онъ, грозя плетью розовому мальчишкѣ, и зазвякалъ звонокъ, колотясь подъ дышломъ. Пока мы прощались съ дѣдомъ, ямщикъ успѣлъ освободить ему бренчащій языкъ.

Неслась тройка; мимо летѣли понурыя мазанки, словно еще спящія подъ своими очеретными шапками; кой-гдѣ курился изъ трубы голубой дымокъ. Толкнулась телѣга въ ухабѣ заставы; какая-то рембрантовская мрачная фигура, сидящая у ветхаго логовища въ видѣ будки, съ желѣзной палкой и съ мѣдной бляхой на общирномъ, ободранномъ зипунѣ,—приподняла шапку. Сквозь алею черешенъ направо и налѣво мелькали огороды, поля, луга; полосатая верста словно дремала, вытянувшись и спрятавъ свой нумеръ за раскинувшуюся вѣтвь черешни.... Звонокъ звенѣлъ....

— А не очень хорошіе были тутъ люди! отозвался Берковичъ, но не получивъ отвѣта, зѣвнулъ разъ-другой и, хлопая вѣками, началъ поклевывать носомъ.

Въ быстромъ движеніи глубже пахнуло въ грудь освѣжающей струей воздуха; но головѣ моей было тяжело,— я думалъ о темникѣ. Такъ вотъ она, эта щель, сквозь которую такъ щедро сыплетъ свои золотые, живительные лучи благое солнце,—вотъ гдѣ угнетенное чувство запасается всегда обновляющейся, несокрушимой силой!

— Не сказка же—вѣчно-цвѣтущіе сады, хранимые гадами и чудовищами! И что̀ бы ты дѣлала, прекрасная мать, безъ твоего *темника*, такъ дружелюбно, покровительно осѣняющаго тебя съ твоимъ любимымъ малюткой отъ чернаго глаза раздраженныхъ притѣснителей? А тутъ вся природа, все живущее, копошащееся, цвѣтущее—все вьется около тебя, довѣрчиво, игриво, какъ будто забывая свои жала, свои яды; и дышутъ кругомъ тебя, помавая красивыми головками, всѣ цвѣты, источающіе въ воздухъ—какія есть у нихъ благоуханія.

Тутъ можешь ты, во всей непокровенной красотѣ твоей, со всѣми чарами любящей души—лелѣять, пестовать, нѣжить тво-

его ребенка, и оплакать горячей слезой разъ-навсегда проклятую и навсегда порѣшенную необходимость — угнетать передъ людьми то, что тебѣ такъ мило, угнетать свое родное дитя только для того, чтобы отводить отъ него чужую, холодную, ничѣмъ несдержанную и безжалостную руку! Хоть мигъ одинъ, — но тутъ ты любишь не украдкой, не одной мыслію и бережно скрываемымъ чувствомъ,—а разомъ всѣми прекрасными способностями души, которыми природа щедро надѣлила все живущее на землѣ, для полнаго и чистаго счастія.

Мы въѣхали въ перелѣсокъ; волны звука разбиваясь о стѣны густаго лѣса, не неслись въ даль, сливались въ одну стонущую ноту; звонокъ гудѣлъ какимъ-то укорительнымъ гуломъ; изъ темнаго лѣса вѣялъ еще несогрѣвшійся ночной холодный воздухъ; подсолнечная сторона дороги вся сіяла облитая свѣтомъ.... Какъ хорошо подальше, и что мигъ, то дальше, — нестись отъ непріязненнаго мѣста; но какъ грустно подумать о тѣхъ, которые остались тамъ, которымъ выпала на свѣтѣ горькая доля безъисходнаго страданья!... Грустно — а все думаешь.

По сердцу ползешь ты, безотвязная память людскихъ бѣдъ, какъ змѣя по камню, какъ ржа по желѣзу; и не больно бы — да по слѣдамъ-то твоимъ накипаетъ ядъ и сочатся кровавыя слезы!... Но гдѣ же пути по цвѣтамъ? — Гдѣ лежатъ они, безбѣдные, счастливые отъ колыбели и до могилы? У кого же изъ насъ, друзья, нѣтъ своего дорогаго горя, своего обоеша, роднаго своего Прошки? Развѣ менѣе прекрасно и менѣе горячо любимо родное дитя души человѣческой — мысль, которую лелѣешь, надъ которой плачешь въ иномъ, такъ же никому недоступномъ, такъ же уединенномъ, тоже стерегомомъ темникѣ? — Развѣ не гнетешь и не искажаешь ее передъ глазами людей, съ подавленнымъ страданьемъ въ душѣ, съ поддѣльною злостью на лицѣ? и развѣ не можетъ измять и переѣхать ее колесомъ, какъ этого самаго Прошку, — какая нибудь иная, но еще болѣе нелѣпая, чортъ знаетъ куда несущаяся тройка!... А если, мой добрый читатель, нѣтъ у тебя никакого Прошки, нѣтъ у тебя ничего и никого задушевнѣе и дороже самого себя, то радуйся и веселись: это значитъ — черезъ тебя переѣхало уже колесо и вдавило тебя глубоко, навсегда въ колею блаженнаго ничтожества.

А. НОГОССКІЙ.

ВОСПОМИНАНІЯ О ВОСПИТАНІИ

ВЪ ГОРНОМЪ КАДЕТСКОМЪ КОРПУСѢ, 1815—1822

Кто пишетъ свои воспоминанія, тотъ по необходимости долженъ говорить о самомъ себѣ. Да не поставитъ и мнѣ благосклонный читатель въ вину того, что я, не имѣя права на его сочувствіе къ себѣ, иногда принужденъ буду въ моихъ воспоминаніяхъ выставлять свою личность. Это неизбѣжно. Въ лицѣ моемъ я изображаю только кадета давнопрошедшаго времени, со всею тогдашнею корпусною обстановкою.

Въ 1815 году мнѣ минуло десять лѣтъ. Въ это время я воспитывался, съ восьмилѣтняго возраста, въ извѣстномъ тогда петербургскомъ пансіонѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ѳ. Д. Иванова. Наступилъ іюнь — мѣсяцъ пріятный для всѣхъ вообще, а для питомцевъ учебныхъ заведеній въ особенности. У насъ оканчивались годичные экзамены, а за ними въ очаровательной перспективѣ представлялись намъ и безконечныя каникулы. Однажды, послѣ обѣда, мы сидѣли отдѣльными группами въ нашемъ саду и весело сообщали другъ другу свои предположенія.... Я тоже фантазировалъ: мечталъ о томъ, съ какимъ наслажденіемъ проведу цѣлые два мѣсяца въ любимомъ моемъ Царскомъ Селѣ, гдѣ всегда лѣтомъ жили мои родители. Вдругъ мечты мои мигомъ разлетѣлись, когда принесли мнѣ письмо отъ моего отца, который, по службѣ своей при дворѣ, находился въ то время за границею въ свитѣ Императрицы Елисаветы Алексѣевны. Отецъ мой писалъ ко мнѣ, что государыня удостоила меня назначить своимъ пансіонеромъ для опредѣленія въ

горный кадетскій корпусъ, и что въ скоромъ времени меня потребуютъ туда на экзаменъ. — «Займись какъ можно прилежнѣе на каникулахъ, — писалъ мнѣ отецъ, — приготовься къ строгому испытанію; ты долженъ выдержать экзаменъ такъ, чтобы тебѣ не совѣстно было называться пансіонеромъ Императрицы.»

Прощайте, мои милыя каникулы! Прочь всѣ мои дѣтскія игры и забавы! Въ тотъ же день меня взяли изъ пансіона, а дня чрезъ три явились ко мнѣ учителя разныхъ наукъ и языковъ. Съ утра до вечера просиживалъ я съ моими наставниками за уроками, и хотя отъ десятилѣтняго дитяти, особенно по тогдашнему времени, требовалось очень немного, но меня нагружали сверхъ мѣры такою премудростію, которая впору была бы иному пятнадцатилѣтнему гимназисту. Такая усиленная дрессировка продолжалась до тѣхъ поръ, покуда не вызвали меня въ корпусъ.

Въ памятный для меня день, 5-го августа 1815 года, утромъ пріѣхалъ къ намъ начальникъ моего отца, генералъ М. А. Посниковъ, котораго я очень любилъ за его ласковое со мною обращеніе, и очень боялся его серьёзной, строгой физіономіи.

Генералъ велѣлъ мнѣ одѣться въ лучшее мое платье и ѣхать съ нимъ въ горный корпусъ. Я одѣвался и плакалъ, какъ обыкновенно плачетъ дитя, оставляющее домъ родительскій. Между тѣмъ пришелъ священникъ съ причтомъ и отслужилъ для меня молебенъ. Усердно помолясь Богу и слезно простившись съ своими домашними, я сѣлъ съ генераломъ въ его придворную карету, — и мы поѣхали на Васильевскій Островъ, на самый конецъ его, въ 21-ю линію. Тревожно забилось мое сердце, когда увидѣлъ я огромное зданіе, съ фронтономъ, украшеннымъ чернымъ двуглавымъ орломъ, съ великолѣпнымъ крыльцомъ, съ колоннами и статуями. Вотъ и горный корпусъ, гдѣ мнѣ суждено было провести семь лѣтъ невозвратной весны моей жизни.

На крыльцѣ гуляли кадеты; иные сидѣли на широкихъ ступеняхъ лѣстницы; когда подъѣхала наша карета, — всѣ встали. Къ генералу Посникову подошелъ дежурный офицеръ, который, узнавъ что я—новопоступающій кадетъ, ободрилъ меня привѣтливымъ словомъ и потрепалъ по щекѣ. Мнѣ очень было по сердцу встрѣтить первую ласку, при вступленіи въ корпусъ. Этотъ офицеръ былъ Петръ Богдановичъ Сукин; онъ проводилъ насъ къ командиру корпуса Петру Ѳедоровичу Ильману. Лакей пошелъ докладывать ему о нашемъ прибытіи. Мы остались въ залѣ. Вскорѣ вышелъ къ намъ господинъ невысокаго роста, пожилыхъ лѣтъ въ синемъ фракѣ, съ крестомъ на шеѣ; на полномъ здоровомъ лицѣ его такъ и выражалось: «милости просимъ, добропожаловать, очень радъ.» — Вотъ и начальникъ твой, сказалъ генералъ. Я ожилъ и раскланялся.

Когда, послѣ обычныхъ привѣтствій, командиръ пригласилъ генерала Посникова въ гостиную, а меня обнялъ и, взявъ за руку, повелъ туда же, то и послѣдній мой страхъ разсѣялся. Я смѣло отвѣчалъ на всѣ разспросы моего начальника. — «Ну, теперь надобно приняться за экзаменъ», — сказалъ онъ. Я было опять струхнулъ, но тотчасъ же и успокоился. Командиръ самъ проэкзаменовалъ меня: заставилъ прочитать страничку по-русски, столько же по-французски и по-нѣмецки; написать съ книги нѣсколько строкъ на этихъ языкахъ, спросилъ таблицу умноженія, задалъ изъ немногихъ цифръ дѣленіе, провѣрилъ задачу и объявилъ, что экзаменъ выдержанъ мною, какъ нельзя лучше.

— Я знаю еще катехизисъ, исторію, географію, говорю я командиру, напрашиваясь на продолженіе испытанія.

— И прекрасно, отвѣтилъ онъ: — все это пригодится впередъ, а теперь, для перваго нижняго класса, и этого довольно.

— Для перваго нижняго? Какъ же это такъ?... возразилъ я обиженнымъ тономъ: — да я въ пансіонѣ былъ въ первомъ верхнемъ, и меня за отличіе перевели черезъ классъ, изъ перваго нижняго прямо въ первый верхній, да еще дали въ награду книгу!

Командиръ засмѣялся, а мнѣ было не до смѣха: меня прошибали слезы.

Мнѣ растолковали, что горный корпусъ не пансіонъ, что въ корпусѣ девять классовъ: три нижнихъ, четыре среднихъ и два верхнихъ, и чтобы дойти до перваго верхняго, надобно цѣлыхъ семь лѣтъ прилежно и успѣшно учиться.

Петръ Ѳедоровичъ объяснилъ генералу Посникову, что общій пріемъ въ корпусѣ давно уже конченъ, всѣ вакансіи замѣщены, и я принятъ сверхъ комплекта, по особому распоряженію министра, изъ уваженія къ волѣ Императрицы, и что, по возрасту моему, я не иначе могу поступить, какъ въ самый младшій классъ.

Такое объясненіе не совсѣмъ успокоило меня. Такъ это-то *строгій* экзаменъ, — разсуждалъ я самъ съ собою: — да я всю эту премудрость зналъ уже два года тому назадъ. За что же меня промучили все лѣто? За что же даромъ пропали мои дорогія каникулы?

По случаю праздника Преображенія Господня, командиръ отпустилъ меня домой на два дня.

Неутѣшительное вознагражденіе за потерянные два мѣсяца каникулъ!

На третій день явился я опять въ корпусъ и былъ представленъ командиру, какъ уже настоящій кадетъ, только въ партикулярномъ платьѣ....

Петръ Өеодоровичъ Ильманъ опять обласкалъ меня, далъ наставленіе, какъ вести себя, и затѣмъ повелъ меня въ такъ называющіяся у насъ *комнаты*, кадетскія спальни, бывшія рядомъ съ его квартирою, и поручилъ меня надзору унтеръ-офицера, или старшаго 4-ой комнаты г. Апосова, который назначилъ мнѣ постель и шкапъ для моихъ вещей.

Потомъ, командиръ привелъ меня въ первый нижній классъ, гдѣ въ это время былъ урокъ французскаго языка, отрекомендовалъ меня учителю, г. Планеру, посадилъ за второй столъ и предоставилъ мнѣ самому выбирать себѣ друзей и пріятелей изъ моихъ новыхъ товарищей. И вотъ наконецъ мое формальное вступленіе въ число кадетъ горнаго корпуса!

Сначала я думалъ, что мнѣ въ этомъ классѣ нечего будетъ дѣлать,—такъ я былъ увѣренъ въ своей учености; но не тутъ-то было. Задали мнѣ урокъ изъ катехизиса; смотрю—катехизисъ не тотъ, по которому меня прежде учили; тотъ былъ пространный, а этотъ краткій; даютъ русскую, или, какъ тогда называли, — *россійскую* грамматику — опять не та; французская—не та, нѣмецкая—тоже, ариѳметика — другая, исторія — незнакомая, географія — тоже; однимъ словомъ, всѣ учебныя книги, которыми снабдили меня въ классѣ, были мнѣ совершенно чужды. А такъ какъ мое предыдущее ученье было все разсчитано только на память, а не на разсудокъ, то мнѣ и пришлось учиться снова.

По окончаніи перваго урока, меня окружили новые мои товарищи; тутъ начался обычный обрядъ рукопожатія, и стало завязываться между нами знакомство. Всѣ были очень вѣжливы, услужливы и сообщительны. Такая любезность и обходительность со мною товарищей разогнали мою грусть, которая обыкновенно закрадывается въ сердце новичка.... Мнѣ стало какъ-то весело и легко на душѣ.

Утренніе уроки кончились. Позвонили для выхода изъ классовъ. Кадеты шумно, съ книгами и аспидными досками, побѣжали въ спальныя комнаты — прятать по комодамъ и шкапамъ свои учебныя пособія, и потомъ спѣшили въ умывальную мыть—руки и приводить въ порядокъ свой туалетъ.

Я остался одинъ въ умывальной. Ко мнѣ подошелъ кадетъ изъ чужаго класса, довольно высокаго роста, толстый, плотный, лѣтъ пятнадцати, и спросилъ у меня.

— Какъ ваша фамилія?

Я сказалъ.

— Откуда вы взялись?

— Какъ, откуда?

— Ну, — изъ Перми, изъ Томска, изъ Иркутска, что ли?

— Нѣтъ, я здѣшній, петербургскій.

— А когда вы поступили къ намъ?

— Только сегодня.

— Жаль мнѣ васъ.

— Отчего же вамъ меня жаль?

— Оттого, что вы поступили въ понедѣльникъ.

— Такъ чтожъ?

— Васъ, вѣрно, еще не били?

— Никакъ нѣтъ-съ. А развѣ у васъ бьютъ того, кто поступитъ въ корпусъ въ понедѣльникъ?

— Непремѣнно; вотъ вы увидите, какъ васъ поколотятъ.

— Да за чтоже это? спросилъ я самымъ плачевнымъ голосомъ.

— Ужь это такъ у насъ заведено. А вы еще не смазаны?

— Какъ, не смазанъ?

— Вы и этого не знаете? А вотъ я первый васъ смажу.

И шалунъ взялъ меня одною рукою за воротникъ, а другою провелъ мнѣ по лицу, отъ лба до подбородка включительно.

— Вотъ что значитъ смазка. Понимаете теперь? сказалъ онъ поучительнымъ тономъ.

— Понимаю-съ. Позвольте узнать вашу фамилію....

— Моя фамилія претрудная, вамъ ее и не запомнить.

— У меня хорошая память, не забуду.

— Я Семпоподомичеловересалофитиривериковскій.

Я засмѣялся.

— Что вы смѣетесь?

— Да у васъ такая смѣшная фамилія.

— Какъ вы смѣете называть мою фамилію смѣшною?

— Она ужасно длинная.

— Прошу не называть моей фамиліи длинною. Я шутить не люблю.

— Ну, хорошо, г. Вериковскій, пойдемте обѣдать.

— Какъ вы смѣете сокращать мою фамилію? Помните — понедѣльникъ! съ гнѣвомъ сказалъ неотвязчивый кадетъ, показавъ мнѣ кулакъ.

— Да Богъ васъ знаетъ, настоящая ли это ваша фамилія.

— Такъ я развѣ самъ ее выдумалъ?

— Я думаю — такъ.

— Вы смѣете мнѣ не вѣрить? Развѣ я обманщикъ? За это я отдую васъ....

Тутъ позвонили къ обѣду, и мы оба побѣжали строиться въ свое отдѣленіе.

Въ тотъ же день я узналъ, что г. Семиполоми.... и проч. былъ мой однофамилецъ, и что обычая бить новичковъ, поступившихъ въ корпусъ въ понедѣльникъ, вовсе не существуетъ; одна только *смазка* была дѣйствительно въ употребленіи: ко всякому новичку подходили старые кадеты, — разумѣется, изъ бойкихъ, — и производили надъ лицомъ его испытанное мною дѣйствіе.

Мы построились въ спальняхъ въ два ряда, приготовляясь идти къ обѣду. Я былъ послѣднимъ въ ранжирѣ. Дежурный унтеръ-офицеръ, или старшій, отдѣляя кадетъ по восьми паръ, говорилъ намъ: «помните же, это первый столъ, это второй, это третій» — и такъ далѣе. Кончивъ свой расчетъ, онъ скомандовалъ: «безъ разговоровъ! идти смирно» — и повелъ насъ въ столовую залу. Одинъ изъ кадетъ прочиталъ молитву, послѣ чего мы сѣли за столъ. Намъ подали супъ, потомъ студень и наконецъ пирогъ съ кашей. Эти кушанья мнѣ не понравились: нехорошо были изготовлены. Въ другіе дни обѣдъ былъ лучше, особливо когда подавали намъ вкусныя щи, сытное жаркое изъ говядины, жирную гречневую кашу, пироги съ говядиной, кольца, вышки и другія пирожныя. Помнится мнѣ одно несчастное, отверженное всѣми блюдо за ужиномъ, — это «размазня», которую почти никто никогда не ѣлъ, и служители уносили обратно непочатыя миски съ этимъ кушаньемъ. Несмотря на то, насъ не переставили угощать размазнею нѣсколько лѣтъ сряду по вторникамъ.

Послѣ обѣда — иные кадеты пошли гулять на крыльцо, а другіе отправились въ свои спальни.

Наши спальныя камеры, которыя, какъ я уже сказалъ, у насъ назывались просто *комнатами*, въ мое время составляли два отдѣленія (впослѣдствіи прибавлено третье—для малолѣтнихъ). Первое, или старшее, помѣщалось въ верхнемъ этажѣ, рядомъ съ квартирою директора, а второе отдѣленіе находилось внизу — возлѣ квартиры командира. Первое отдѣленіе назначено было для взрослыхъ кадетъ разныхъ классовъ, а второе для среднихъ и малолѣтнихъ. Комнаты были различной величины, и большія, въ четыре окна, и малыя—въ одно окно, вовсе не приспособленныя къ своему назначенію. Дикаго цвѣта стѣны, желтые крашеные полы, на окнахъ множество горшковъ съ цвѣтами, въ нишахъ оконъ клѣтки съ канарейками, чижами, снигирями и другими птицами, которыя своимъ пѣньемъ часто мѣшали намъ заниматься уроками. По комнатамъ бродили разныхъ породъ собаки, проживавшія въ корпусѣ на иждивеніи кадетъ — любителей псовъ. — Желѣзныя кровати съ двумя тюфяками, одинъ набитый волосомъ, а другой — внизу соломянный; на каждой крова-

ти по двѣ мягкія перяныя подушки; одѣяло зимой полосатое байковое, лѣтомъ выбойчатое или бѣлое тканьевое; постельное бѣлье толстое, но довольно чистое. Кровати стояли безъ всякой приличной дистанціи, а такъ, — какъ ни попало, лишь бы только болѣе могло ихъ помѣститься въ одной комнатѣ. Мебель дозволялось имѣть всякому свою, какую кому угодно, а потому и было удивительное разнообразіе. Стояли и шкапы разныхъ фасоновъ, и комоды и шифоньерки разнаго дерева и цвѣта; изъ-подъ кроватей выглядывали разные сундуки, шкатулки и баулы. Была и казенная мебель въ нашихъ спальняхъ: большіе столы для занятій, шкапики для книгъ и платья, и табуреты; всѣ эти казенныя вещи выкрашены были темнозеленою краскою и представляли рѣзкую дисгармонію съ прочею мебелью краснаго и желтаго дерева.

Ночью спальныя камеры освѣщались какою-то глиняною лампою, съ конопляннымъ масломъ, которую ставили на табуретѣ, посрединѣ комнаты. Отъ этихъ допотопныхъ лампъ была у насъ страшная копоть, нестерпимый смрадъ и вредный для головы чадъ. Потомъ стали освѣщать ночью комнаты сальными свѣчами, опущенными въ длинный жестяной подсвѣчникъ, наполненный водою. Нынѣшнихъ аргентовыхъ лампъ тогда не было еще и въ поминѣ. Случалось, что среди ночи огонь погасалъ, или шалуны нарочно его тушили, и мы оставались въ совершенной темнотѣ. Дежурные офицеры ночью не ходили по нашимъ спальнямъ, а спокойно спали въ своей дежурной комнатѣ на мягкой постели. Дневальные тоже спали сномъ безмятежнымъ. Во всѣхъ спальняхъ поставлены были мышеловки; но несмотря на то, крысы и мыши свободно бѣгали по комнатамъ и нерѣдко портили у насъ одежду и книги.

Вседневная одежда наша въ корпусѣ была очень некрасива и неудобна: однобортный сюртукъ до колѣнъ, изъ самаго толстаго сѣраго сукна, съ чернымъ суконнымъ воротникомъ, съ суконными подъ цвѣтъ сюртука пуговицами; сѣрый жилетъ, черный суконный галстухъ; короткіе сѣрые штаны, завязывавшіеся у колѣнъ черными тесемками; бѣлые нитяные чулки и башмаки, въ родѣ калошъ, безъ ушковъ. Были у насъ и настоящіе башмаки, но ихъ выдавали намъ только для танцовальнаго класса.

Нашу парадную форму, до 1817 года, составляли: синій однобортный мундиръ съ длинными фалдами, съ мѣдными гладкими пуговицами; воротникъ и обшлага черные суконные, съ красною выпушкою; бѣлыя суконныя панталоны; сапоги, далеко не доходившіе до колѣнъ, сверхъ панталонъ; высокая, огромная треугольная шляпа, съ кокардою изъ черной ленты съ ранжевою каймою, вмѣсто по-

узментной петлицы — черный шнурокъ съ пуговицею, кисточки пестрыя гарусныя; длинный тесакъ въ желтыхъ кожаныхъ ножнахъ, въ гарусныхъ темлякомъ; тесакъ носили на широкой бѣлой портупеѣ вокругъ таліи. Шинели хотя и были положены форменныя, сѣрыя, офицерскаго покроя, съ черныхъ воротникомъ, но кадетамъ ихъ не выдавали, да, кажется, и совсѣмъ ихъ не шили, а дозволялось каждому носить свою шинель, какую угодно.

Можно представить себѣ, что за маскарадъ бывалъ у насъ по субботамъ, или вообще — при роспускѣ кадетъ домой. Иные надѣвали, при полной формѣ, гороховую шинель съ множествомъ воротниковъ, другіе были въ синихъ, коричневыхъ, зеленыхъ шинелахъ; въ долгополыхъ сюртукахъ, въ шубахъ, бекешахъ и т. к.

Кто имѣлъ средства, тотъ носилъ свой собственный мундиръ со всѣми принадлежностями. Тутъ уже совсѣмъ отступали отъ установленной формы. Мундиръ шили изъ тонкаго сукна, воротникъ и обшлага дѣлали бархатные, пуговицы имѣли золоченыя; вмѣсто короткихъ сапогъ, надѣвали высокіе ботфорты — генеральскіе или кирасирскіе, всякъ по своему вкусу. Шляпу носили офицерскую съ серебряною кокардою, съ золотою петлицею и серебряными кистями; шинель съ чернымъ бархатнымъ воротникомъ; тесака при этой формѣ не надѣвали. Такой нарядъ былъ очень красивъ и отличался отъ формы горныхъ офицеровъ только тѣмъ, что у нихъ было на воротникѣ и обшлагахъ золотое шитье.

Намъ дозволялось, по произволу, ходить въ шляпѣ или въ фуражкѣ. Шляпы носили — кто по формѣ, кто съ полями, кому какъ нравилось.

Въ 1817 году, при вступленіи въ должность директора Евграфа Ильича Мечникова, произошли большія перемѣны и усовершенствованія по всѣмъ частямъ корпуса; измѣнилась тогда и форма нашего мундира. Съ этого времени кадеты приняли какой-то воинственный видъ въ новой своей формѣ. Тогда принялись за нашу выправку; стали учить, какъ останавливаться во фронтъ; намъ строго приказано было отдавать эту воинскую честь императорской фамиліи, генераламъ, высшимъ гражданскимъ чинамъ, (если мы замѣтимъ у нихъ звѣзды), нашимъ корпуснымъ начальникамъ, дежурнымъ офицерамъ и учителямъ.

Много было хлопотъ и возни съ нами при новой формѣ. Неумѣвшихъ держать себя прилично, по военному, и дѣлать фронта, не отпускали изъ корпуса до тѣхъ поръ, покуда не научились этому, — кажется, не мудреному дѣлу. У иныхъ, привыкшихъ снимать прежнюю шляпу, рука невольно поднималась къ козырьку кивера; другіе, готовясь стать во фронтъ, сѣменили ногами, и остановясь въ

должную позицію, представляли собою жалкую натянутую фигуру. Наконецъ мы мало по малу ко всему привыкли и смотрѣли молодцами.

До преобразованія нашей прежней формы, насъ отпускали изъ корпуса домой съ провожатыми, какіе бы они ни были, если только дѣйствительно присланы отъ родителей или родныхъ и знакомыхъ, и потому многихъ кадетъ сопровождали домой няньки, кухарки и горничныя; но, съ установленіемъ новой формы, начальство распорядилось увольнять насъ изъ корпуса не иначе, какъ только съ *приличнымъ* провожатымъ, и съ этихъ поръ прекрасный полъ изъ низшаго сословія потерялъ право сопровождать насъ на улицахъ.

Какъ бывало намъ обидно и оскорбительно для кадетскаго самолюбія, когда встрѣтившійся съ нами генералъ или гражданскій сановникъ не замѣчалъ нашего фронта предъ ними, или не отвѣчалъ намъ на эту честь, которая стоила многимъ изъ насъ большаго труда и разныхъ лишеній въ корпусѣ. — Помню, какъ огорчилъ меня одинъ суровый, угрюмый генералъ. Лѣтомъ, въ 1817 году, прогуливаясь въ великолѣпномъ царскосельскомъ саду, я встрѣтилъ тамъ артиллерійскаго генерала, невысокаго роста, худощаваго, съ мрачнымъ выраженіемъ въ лицѣ. Я сдѣлалъ ему самый ловкій фронтъ,— а онъ взглянулъ на меня пресердито, исподлобья, нахмурилъ брови, и прошелъ мимо, безъ вниманія ко мнѣ, какъ будто предъ нимъ стояла какая нибудь статуя. Мнѣ досадно стало. Я пошелъ въ другую аллею, и тамъ вскорѣ увидѣлъ Императора Александра Павловича, съ тѣмъ же самымъ генераломъ. Я пошелъ ему на встрѣчу, и за нѣсколько шаговъ остановился во фронтъ, не сводя глазъ съ Государя. Его Величество пристально поглядѣлъ на меня, приложилъ руку къ козырьку своей бѣлой фуражки, слегка поклонился и улыбнулся.

Тотъ непривѣтливый генералъ, какъ я узналъ послѣ, былъ графъ Аракчеевъ.

Наша кадетская жизнь заключалась большею частію въ спальныхъ комнатахъ. Тамъ мы, возставъ отъ сна и отходя ко сну, молились, завтракали, повторяли свои уроки; въ худую погоду, за неимѣніемъ рекреаціонныхъ залъ, бѣгали, играли, гдѣ было попросторнѣе; тамъ мы принимали своихъ родителей, родныхъ и знакомыхъ, навѣщавшихъ насъ; угощали другъ друга, чѣмъ были богаты; тамъ устроивали театры и кадетскіе танцовальные вечера.

Въ спальныхъ комнатахъ втораго отдѣленія, гдѣ находился я, размѣщали кадетъ не по классамъ, не по возрасту и даже не по росту, а такъ, какъ придется. Тутъ были и десятилѣтніе малютки са-

маго младшаго класса и пятнадцатилѣтніе отроки среднихъ классовъ, и наконецъ двадцатилѣтніе юноши, оканчивавшіе курсъ наукъ. Поэтому у насъ было три ранжира: комнатный, отдѣленный и корпусной, или общій. По первому ранжиру мы строились въ своихъ спальняхъ на молитву, для смотра и для полученія завтрака; по второму становились, когда шли въ классы или въ столовый залъ, а по общему ранжиру размѣщали насъ, когда вели въ церковь.

Въ каждой спальной комнатѣ былъ *старшій и подстаршій*. Старшіе назначались изъ унтеръ-офицеровъ высшаго или втораго верхняго класса, а помощники ихъ, или подстаршіе, изъ перваго верхняго, а иногда за большое отличіе и изъ четвертаго средняго класса. Обязанность старшихъ была — смотрѣть за поведеніемъ, нравственностію, опрятностію и прилежаніемъ младшихъ, и вообще наблюдать за порядкомъ и чистотою въ комнатахъ.

Къ старшимъ мы обращались за совѣтами въ разныхъ случаяхъ кадетской жизни; они облегчали нашъ трудъ при занятіяхъ уроками, объясняя намъ то, чего мы не понимали; они разбирали наши жалобы и ссоры, утѣшали въ нашихъ огорченіяхъ, ободряли ласковымъ словомъ прилежныхъ и послушныхъ и взыскивали съ лѣнивыхъ и шалуновъ. Старшіе были для насъ ближними воспитателями и наставниками. Начальство корпуса и дежурные офицеры, рѣдко посѣщая комнаты кадетъ, не могли такъ хорошо знать насъ во всѣхъ отношеніяхъ, какъ старшіе, у которыхъ мы всегда были передъ глазами. Они вели свой журналъ о поведеніи, характерѣ, нравственныхъ качествахъ и прилежаніи своихъ младшихъ братій-кадетъ, и замѣчанія свои представляли каждый мѣсяцъ начальству.

У насъ было нѣчто похожее на самоуправленіе—self-government,—подобное тому, какое существуетъ понынѣ въ англійскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Старшихъ мы любили, уважали и боялись. Когда они подходили къ намъ, мы вставали; при встрѣчѣ съ ними на улицахъ — отдавали имъ честь, какъ своимъ начальникамъ; называли ихъ по имени и отчеству. Унтеръ-офицеры или старшіе дежурили поочередно по своимъ отдѣленіямъ, и въ этомъ случаѣ помогали дежурнымъ офицерамъ. Офиціальный знакъ, по которому можно было узнать дежурнаго старшаго, состоялъ въ томъ, что онъ, при обыкновенной будничной одеждѣ, т. е. при сѣромъ сюртукѣ, имѣлъ трехъ-угольную шляпу. Вообще старшіе въ своей вседневной одеждѣ ничѣмъ не отличались отъ младшихъ кадетъ; только на мундирѣ унтеръ-офицеры имѣли нашивки изъ золотаго галуна на воротникѣ и обшлагахъ.

Но какъ въ семьѣ не безъ урода, такъ и въ нашей большой корпусной семьѣ случалось намъ видѣть, хотя, къ счастію, весьма рѣд-

ко, такихъ старшихъ, которые употребляли во зло дарованныя имъ отличія и власть. Они безнаказанно пользовались правомъ сильнаго, какъ турецкіе паши; безсовѣстно притѣсняли младшихъ братьевъ своихъ, которые принуждены были смягчать каменное сердце своего деспота разными приношеніями.

Эти грозные паши вооружались двухъ-аршинною линейкою, (служившею имъ для черченія плановъ), и за малѣйшую вину кадета отсчитывали ему полновѣсные удары, или, привязавшись къ какой нибудь ничтожной неисправности малолѣтка, оставляли его безъ обѣда или безъ послѣдняго блюда — и сами тѣмъ пользовались.

Несетъ, бывало, кадетикъ мимо такого свирѣпаго деспота стаканъ сбитню къ себѣ въ комнату. — «Стой!» раздается басистый голосъ: «куда? для кого?»

— Для себя-съ, отвѣчаетъ трепещущій кадетъ.

— Вздоръ! тебѣ не нужно, — поставь сюда, — и убирайся!

Нечего дѣлать, надо повиноваться; противорѣчить опасно: въ углу, за кроватью этого хищника выглядываетъ страшное двухъ-аршинное пугало.

— Эй! мальчуганъ! — восклицаетъ гордый властелинъ, обращаясь къ самому смирному, безотвѣтному кадету: — завтра я иду со двора, — вычисти хорошенько мои ботфорты; да смотри у меня, чтобы они, какъ жаръ, горѣли.

— Слушаю-съ.

И вотъ бѣдный мальчуганъ, самъ ростомъ не больше ботфорты, ваксить и полируетъ изо всѣхъ ребячьихъ силъ огромныя сапожищи своего жестокосердаго патрона.

Другому кадету онъ поручаетъ вычистить мѣломъ или кирпичемъ пуговицы на своемъ мундирѣ.

По малому числу служителей въ нашихъ спальныхъ камерахъ, мы сами заботились объ опрятности нашей аммуниціи; но чистку ботфортъ поручали служителямъ, которымъ особо платили за ихъ труды и на покупку ваксы.

Наше время распредѣлялось слѣдующимъ образомъ: въ шесть часовъ утра, (а по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ въ семь часовъ) дневальный служитель ходилъ по спальнямъ съ звонкимъ колокольчикомъ и будилъ насъ. Пробудясь, мы обыкновенно опять засыпали, и дневальный снова трезвонилъ, до тѣхъ поръ, пока всѣ кадеты не встанутъ. Затѣмъ проходилъ по комнатамъ дежурный старшій, и если замѣчалъ спящихъ, то сдергивалъ съ нихъ одѣяло, или оставлялъ такихъ нѣженокъ безъ завтрака. Послѣ умыванья мы строились въ своихъ дортуарахъ; наши старшіе или помощники ихъ осматривали у насъ руки, прическу и одежду. Надобно замѣтить,

что мы носили довольно длинные волосы; многіе даже взбивали себѣ хохлы. — Послѣ смотра приходилъ дежурный офицеръ, въ сопровожденіи служителя съ огромною корзиною, наполненною ситнымъ хлѣбомъ, приказывалъ очередному кадету читать молитву, и потомъ намъ раздавали хлѣбъ. У кого водились деньги; тотъ пилъ молоко, сливки или отправлялся въ швейцарскую къ сбитеньщику — пить сбитень. Тутъ всегда бывала страшная толкотня: всякому хотѣлось скорѣе получить стаканъ горячаго сбитню съ мягкими булками или свѣжими сухарями. Нашъ сбитеньщикъ Силантьичъ, котораго мы звали своимъ кормильцемъ, былъ настоящимъ типомъ русской простонародной красоты: высокій, полный, съ бѣлымъ чистымъ лицомъ, здоровымъ румянцемъ; темнорусые волосы и окладистая борода, большіе, прехитрые и проницательные глаза, которые, казалось, такъ и говорили: «не надуете меня, господа.»

Послѣ приготовленія къ утреннимъ урокамъ, въ восемь часовъ, мы брали свои книги и тетради, строились во всю длину нашихъ комнатъ, по отдѣленному ранжиру, и отправлялись въ классы. Ученіе продолжалось утромъ съ 8 до 12 и послѣ обѣда — съ 2 до 6 часовъ, каждый урокъ по два часа; въ промежуткахъ давали по 10 или 15 минутъ для отдыха. По середамъ и субботамъ ученіе въ классахъ было только до обѣда. Въ эти дни съ 2 до 6 часовъ танцовали, маршировали, учились пѣнію и музыкѣ; по средамъ, сверхъ того, ходили въ баню.

Обѣдали въ половинѣ перваго, ужинали въ восемь часовъ и ложились спать въ десять.

Для свиданія кадетъ съ родственниками и знакомыми, назначена была среда, послѣ обѣда; но для родителей не было опредѣленнаго для того дня: отецъ и мать могли видѣть дѣтей своихъ во всякое время.

По субботамъ, послѣ танцовальнаго класса и вообще наканунѣ праздниковъ, распускали насъ съ 6 часовъ вечера по домамъ. Возвращались мы по воскресеньямъ въ 9 часовъ вечера. Впрочемъ, по разнымъ домашнимъ событіямъ или обстоятельствамъ, дозволялось оставаться дома и позже, и даже до утра слѣдующаго дня послѣ праздника.

Кадеты, остававшіеся въ корпусѣ, ходили ко всенощной, но только по собственному своему желанію. Никого молиться не принуждали, — и несмотря на такую свободу, у всенощной всегда бывало много молельщиковъ — кадетъ. Иной едва лишь успѣетъ выйти изъ танцовальнаго класса и переодѣться—и уже спѣшитъ въ церковь, гдѣ молится усердно или поетъ на клиросѣ. Тутъ нельзя было подозрѣвать въ лицемѣріи, или фарисействѣ: на то была добрая воля.

На первой недѣлѣ великаго поста, насъ отпускали домой говѣть съ нашими родителями или родными, и обязывали каждаго отпускаемаго кадета представить, при возвращеніи въ корпусъ, свидѣтельство въ томъ, что онъ дѣйствительно былъ на исповѣди и пріобщался Святыхъ Таинъ. Неисполнившіе этого постановленія должны были говѣть въ корпусѣ на страстной недѣлѣ.

Въ мое время у насъ было девять классовъ, какъ я уже упомянулъ: 1-й, 2-й и 3-й нижніе, 1-й, 2-й, 3-й и 4-й средніе и 1-й и 2-й верхніе. Въ нижнихъ классахъ было до 40 и болѣе кадетъ, въ среднихъ 30 — 35, а въ верхнихъ 20 — 25. Впослѣдствіи, при увеличившимся числѣ учащихся, нижніе классы подраздѣлены были на отдѣленія. Классы находились въ разныхъ мѣстахъ; высшіе и средніе — въ верхнемъ этажѣ, а младшіе — внизу. Классные столы, съ ящиками или конторками, и скамьи, окрашенныя темнозеленою краскою, были изрѣзаны и испещрены именами кадетъ; грязныя стѣны исписаны кадетскими остротами; на потолкѣ висѣли кораблики, чортики и другія издѣлія досужихъ шалуновъ. Несмотря на то, что ежегодно, во время каникулъ, перекрашивали всѣ стѣны, вандализмъ кадетъ все портилъ: вездѣ на стѣнахъ рисовали разныя фигуры и писали всякій вздоръ. Наказывали за эти шалости, и очень строго, но все-таки шалуны не унимались.

При началѣ учебнаго курса, обыкновенно въ первыхъ числахъ августа, кадетамъ раздавали классныя книги, по одному экземпляру на двухъ и даже на трехъ. Эти книги бо́льшею частію были въ самомъ жалкомъ видѣ: испачканыя, съ вырванными листами и обезображенныя иллюстраціями кадетской работы. Иныя изъ книгъ, судя по исписаннымъ на нихъ фамиліямъ кадетъ, давно уже выпущенныхъ изъ корпуса, служили для употребленія болѣе десяти лѣтъ. По окончаніи годичныхъ экзаменовъ, учебныя пособія у кадетъ отбирали; за потерянныя книги и за другія утраченныя казенныя вещи кадеты должны были расплачиваться при выпускѣ или при увольненіи ихъ изъ корпуса.

Отъ недостатка учебныхъ пособій мы много терпѣли. Кто имѣлъ возможность, тотъ покупалъ книги на свой счетъ; но кто былъ не въ состояніи пользоваться этимъ благомъ, тотъ подвергался большимъ непріятностямъ. Зададутъ урокъ, — начнешь его учить, товарищъ торопитъ—ему также нужна эта самая книга; или примешься съ большимъ усердіемъ за книгу, ищешь въ ней заданнаго урока — и не находишь: страницы вырваны. Учитель спрашиваетъ урокъ, говоришь ему: не по чему было учиться, нѣтъ свободной книги; иной снисходительный наставникъ приметъ это обстоятельство въ уваженіе и отложитъ спрашиваніе до слѣдующаго раза, а

другой, вовсе не снисходительный, знать ничего не хочетъ, записываетъ кадета за лѣность въ свой журналъ, и бѣднякъ, не доставшій книги для повторенія урока, подвергается наказанію!...

Перваго числа каждаго мѣсяца намъ раздавали бумагу, перья, грифеля и проч. Въ нижнихъ классахъ давали бумагу въ тетрадяхъ, а въ среднихъ и верхнихъ — въ листахъ. Бумага была синяя и грубая. Для рисованія выдавались красные карандаши безъ дерева, а для вытиранія промаховъ въ рисовкѣ приносили намъ мягкій бѣлый хлѣбъ, который мы обыкновенно съѣдали. Бумага и перья составляли у насъ предметъ мѣновой кадетской торговли. Мы обмѣнивали ихъ на пироги за обѣдомъ, на булки за завтракомъ.

Начальство корпуса составляли: директоръ (*), командиръ, инспекторъ классовъ и маркшейдеръ, называвшійся прежде гофмейстеромъ, завѣдывавшій воспитательною частію.

Директоромъ въ это время (1815 — 1817 г.) былъ оберъ-бергъ-гауптманъ 4 класса Андрей Ѳедоровичъ Дерябинъ, извѣстный своими заслугами по горной части. Болѣзненное состояніе его часто препятствовало ему посѣщать корпусъ, а потому мы мало его знали. Старые кадеты разсказывали о немъ много добраго и любили его за кроткій нравъ и обходительность.

Командиръ, оберъ-бергъ-гауптманъ 5-го класса (впослѣдствіи 4-го) Петръ Ѳедоровичъ Ильманъ, съ которымъ я уже нѣсколько познакомилъ читателя, завѣдывалъ всѣми частями корпуса. Онъ также пріобрѣлъ извѣстность своими глубокими познаніями въ горномъ дѣлѣ. Петръ Ѳедоровичъ очень любилъ кадетъ и обращался съ ними, какъ строгій отецъ съ своими дѣтьми; входилъ съ горячимъ участіемъ въ наше положеніе, помогалъ намъ въ разныхъ случаяхъ и словомъ и дѣломъ.

Присутствуя однажды у насъ въ классѣ, въ то самое время, какъ я стоялъ у классной доски и ломалъ себѣ голову надъ мудреною ариѳметическою задачею, командиръ замѣтилъ мое затрудненіе и снисходительно началъ объяснять мнѣ, какъ легче и вѣрнѣе рѣшить эту задачу. Математика всегда была для меня камнемъ преткновенія, а тутъ еще, на бѣду, я былъ нѣсколько времени боленъ и отсталъ отъ своихъ товарищей въ ариѳметикѣ. Учитель объяснилъ это обстоятельство Петру Ѳедоровичу, и почтенный начальникъ приказалъ мнѣ приходить къ нему по вечерамъ для занятій съ нимъ, и

(*) Директоры горнаго кадетскаго корпуса, до переименованія этого учебнаго заведенія, въ 1834 году, въ институтъ корпуса горныхъ инженеровъ, всегда были и директорами, или управляющими департаментомъ горныхъ и соляныхъ дѣлъ.

самъ, нерѣдко по цѣлому часу, объяснялъ мнѣ дроби, пропорціи и другія правила ариѳметики. Всегда спокойно и терпѣливо выслушивалъ урокъ мой, иногда не совсѣмъ исправный, и до тѣхъ поръ продолжалъ со мною заниматься, покуда я совершенно не сравнялся въ познаніяхъ съ моими товарищами.

Лаская прилежныхъ и благонравныхъ кадетъ, П. Ѳ. Ильманъ часто приглашалъ ихъ къ себѣ пить чай и угощалъ разными лакомствами; но лѣнивымъ и шалунамъ порядочно отъ него доставалось: больно посѣкалъ ихъ почтеннѣйшій Петръ Ѳедоровичъ. Маленькихъ шалуновъ призывалъ онъ къ себѣ вечеромъ, будто пить чай, а на самомъ дѣлѣ угощалъ ихъ келейно свѣжими розгами. Бывало,—является къ намъ въ спальную комнату длинный, сухощавый лакей командира и громогласно возвѣщаетъ: «его превосходительство приказалъ позвать такого-то господина кадета кушать чай,—пожалуйте». И вотъ такой-то господинъ кадетъ, поименованный лакеемъ, приходитъ въ сильное треволненіе, обдумываетъ, нѣтъ ли за нимъ какихъ грѣшковъ, и, чувствуя себя не совсѣмъ чистымъ, говоритъ сквозь слезы своимъ товарищамъ: «я, братцы, знаю, какой мнѣ тамъ будетъ чай». Потомъ причесывается, оправляется, застегиваетъ сюртукъ на всѣ пуговицы и, перекрестясь, идетъ къ отцу-командиру. Иногда и ошибался струхнувшій гость: его точно приглашали пить чай или звали для свиданія съ его родственниками, пріѣхавшими къ Петру Ѳедоровичу. Возвратившагося отъ него кадета тотчасъ окружали товарищи и спрашивали: «ну, какимъ тебя тамъ чаемъ угощали: китайскимъ или березовымъ?»

Послѣ Петра Ѳедоровича Ильмана командиромъ у насъ былъ Петръ Ивановичъ Медеръ, начальникъ добрѣйшей души, ласковый, обходительный, человѣкъ ученый и превосходно образованный.

Инспекторомъ классовъ, въ мое время, сначала былъ Иванъ Мартыновичъ Штернбергъ, преподававшій намъ въ среднихъ классахъ исторію и географію, а потомъ мѣсто его занялъ извѣстный въ ученомъ мірѣ, краснорѣчивый профессоръ Димитрій Ивановичъ Соколовъ, бывшій впослѣдствіи генералъ-майоромъ корпуса горныхъ инженеровъ.

Должность маркшейдера, или помощника командира по воспитательной части, исправлялъ въ первое время моего пребыванія въ корпусѣ К. Ѳ. Г—ъ, человѣкъ суровый, холодный, неумолимый и безпощадный въ жестокихъ наказаніяхъ. Мы никогда не видали улыбки его, никогда не слыхали ласковаго слова. Гордый видъ, всегдашняя угрюмость, непривѣтливость этого начальника отталкивали насъ отъ него. Въ наказаніяхъ онъ руководствовался, кажется, кровавыми правилами Дракона: за всякую вину, какъ за большую,

такъ и за малую, сѣкъ безъ милосердія. Всѣхъ замѣченныхъ въ теченіе недѣли въ какой либо шалости или въ нерадѣніи Г—ъ приказывалъ вносить въ такъ называемый *субботній списокъ*. Это была самая злая выдумка, приводившая насъ въ трепетъ. Наступала суббота—и дежурный унтеръ-офицеръ вызывалъ записанныхъ въ этотъ роковой списокъ и отводилъ несчастныхъ цѣлыми десятками на квартиру Г—а, гдѣ раздавались крики, стоны, плачъ и скрежетъ зубовъ.

Каково было тому, кто, напримѣръ, провинился въ чемъ нибудь въ понедѣльникъ, ожидать цѣлую недѣлю страшной расправы въ субботу?

Я испыталъ на себѣ такое невыносимое страданіе души. Когда мы ложились спать, то служители отбирали у насъ платье и обувь, требовавшія починки, которую корпусные портные и сапожники исправляли къ утру. Въ одинъ несчастный понедѣльникъ мнѣ дали новые казенные башмаки—калоши; цѣлый день они мучительно жали и рѣзали мнѣ ногу въ самомъ изгибѣ. Чтобы помочь этому неудобству, я хотѣлъ сдѣлать перочиннымъ ножемъ небольшой разрѣзъ посрединѣ башмака и нечаянно разрѣзалъ почти до самаго носка. Видя, что самому поправить этой бѣды нельзя, я отдалъ башмакъ служителю отнести въ мастерскую для починки и, нимало не думая о томъ, что я сдѣлалъ великое преступленіе, какимъ моя неловкость оказалась впослѣдствіи, легъ въ постель и спокойно заснулъ. На другой день мнѣ дали какой-то старый башмакъ, а испорченный мною представили изъ мастерской на «милостивое» благоусмотрѣніе Г—а.

Другой начальникъ, даже самый строгій, но справедливый, за такое неосторожное обращеніе съ казеннымъ башмакомъ сдѣлалъ бы только выговоръ, и много-что поставилъ бы въ уголъ одиннадцатилѣтняго кадета, а г. Г—ъ записалъ меня въ свой неизбѣжный субботній списокъ за *порчу казеннаго имущества*, и только ходатайству дежурныхъ офицеровъ А. Н. Ганнибала и Ѳ. Ѳ. Шубина я обязанъ былъ освобожденіемъ своимъ отъ ужасной субботней расправы. Г—нъ умилостивился, къ удивленію всѣхъ кадетъ, и отдалъ приказаніе не увольнять меня *только* на два воскресенья домой. И эта милость стоила мнѣ много слезъ и дѣтскаго горя, тѣмъ болѣе, что это было первое наказаніе, которому я подвергся со дня поступленія моего въ корпусъ.

Въ одно время съ Г—мъ появился у насъ зубной врачъ Лузгинъ, высокій, толстый, рябой, съ краснымъ широкимъ лицомъ, изрытымъ оспою, съ совиными глазами, огромнымъ ртомъ, — однимъ словомъ—самой страшной наружности, да притомъ еще и съ самыми

грубыми манерами. Каждую субботу онъ осматривалъ у насъ зубы и немилосердо ихъ рвалъ. При появленіи этого террориста насъ била лихорадка. Его всегда сопровождала цѣлая свита: дежурный офицеръ, дежурный унтеръ-офицеръ, комнатный старшій, три фельдшера: одинъ несъ ящикъ съ орудіями зубной пытки, другой шелъ съ мѣднымъ тазомъ въ рукахъ и полотенцемъ на плечѣ, третій съ графиномъ воды и стклянкою уксуса; шествіе заключали два рослые, здоровенные солдата, обязанные крѣпко держать сопротивляющуюся жертву Лузгина. Этотъ дантистъ приводилъ насъ въ такой ужасъ, что многіе, даже съ здоровыми зубами, прятались отъ него подъ кровать.

Суббота была для насъ самымъ тревожнымъ днемъ: инквизиція Г—а, пытка Лузгина.... Многіе изъ моихъ современныхъ однокашниковъ и теперь еще хорошо *помнятъ день субботній*.

Къ счастію нашему, недолго былъ у насъ Г—ъ; мѣсто его заступилъ Григорій Богдановичъ Остермейеръ. Онъ, казалось, рожденъ былъ для важной обязанности воспитателя. Наружностію своею онъ напоминалъ фельдмаршала князя Барклая де-Толли: высокій ростъ, большой лобъ съ лысиною, лицо серьёзное, выражающее умъ и добродушіе. Остермейеръ былъ для всѣхъ доступенъ, мягкосердеченъ, справедливъ, любилъ кадетъ и не оставлялъ безъ вниманія ни малѣйшей ихъ погрѣшности, но взыскивалъ съ большою разборчивостію, смотря по мѣрѣ вины и степени нравственныхъ качествъ виноватаго. Въ крайнихъ случаяхъ употреблялъ тѣлесное наказаніе, но безъ жестокости. Съ поступленіемъ Григорія Богдановича, была уничтожена ненавистная для насъ субботняя расправа. Остермейеръ хорошо зналъ каждаго кадета и ничего не ускользало отъ проницательнаго взгляда этого дѣятельнаго начальника. Выговоры его были невыносимо мучительны; начнетъ бывало дѣлать распеканцію своимъ спокойнымъ, ровнымъ тономъ, — стоишь, стоишь, переминаешься съ ноги на ногу, слушаешь, слушаешь—и конца не видишь его голословію. Кажется, никакихъ бранныхъ словъ тутъ нѣтъ, ни гнѣва не замѣтно, а за душу страшно тянетъ.

Внезапное появленіе его въ нашихъ комнатахъ наводило на насъ какой-то безотчетный, невольный страхъ; довольно было кому нибудь изъ кадетъ вскрикнуть: «Остермейеръ!»—и точно морозъ по кожѣ подеретъ, хоть и не знаешь за собой никакой вины.

Григорій Богдановичъ служилъ въ корпусѣ очень долго, и только при переименованіи въ 1834 году этого заведенія въ институтъ корпуса горныхъ инженеровъ, перешелъ въ горный департаментъ, потомъ вышелъ въ отставку и умеръ, если не ошибаюсь, въ 1854 году.

Разскажу одинъ случай, показывающій, до какой степени Остермейеръ имѣлъ нравственное вліяніе на молодыхъ людей, воспитывавшихся въ горномъ корпусѣ.

Въ одинъ прекрасный вечеръ въ Барнаулѣ (Томской губерніи), собралось нѣсколько горныхъ офицеровъ къ своему товарищу-однокашнику. Поговорили, побесѣдовали, потомъ сѣли за ломберный столъ играть въ вистъ. Игра уже нѣсколько часовъ продолжалась въ совершенной тишинѣ, при глубокомысленномъ обдумываніи и соображеніи ходовъ, какъ вдругъ одинъ офицеръ вбѣжалъ въ комнату и закричалъ: «Остермейеръ идетъ!» И вмигъ всѣ игроки спрятали карты. Итакъ одно имя его поразило паническимъ страхомъ офицеровъ, давно уже вышедшихъ изъ корпуса и находившихся слишкомъ за четыре тысячи верстъ отъ Петербурга.

Дежурные офицеры наши были люди достойные, образованные, и могли бы сдѣлать честь любому учебному заведенію, даже въ нынѣшнее время. Конечно, и они имѣли свои недостатки, но это были общіе недостатки ихъ вѣка, духа того времени.

Изъ нихъ Петръ Богдановичъ Сукин, о которомъ я уже имѣлъ случай говорить, состоялъ въ корпусѣ долѣе всѣхъ прочихъ своихъ сослуживцевъ, такъ что я, поступивъ въ 1829 году въ этотъ же корпусъ дежурнымъ офицеромъ, имѣлъ удовольствіе встрѣтиться съ нимъ на одномъ поприщѣ; впрочемъ, онъ уже тогда былъ, какъ штабъ-офицеръ, начальникомъ старшаго возраста, или отдѣленія. Петръ Богдановичъ и Александръ Егоровичъ Шмидтъ преподавали намъ нѣмецкій языкъ.

Дежурный офицеръ Ѳедотъ Ѳедотовичъ Шубинъ преподавалъ въ среднихъ классахъ французскій языкъ, мастерски рисовалъ, завѣдывалъ корпуснымъ театромъ и самъ участвовалъ въ представленіяхъ вмѣстѣ съ кадетами, такъ же, какъ и другой офицеръ Илья Васильевичъ Капыловъ, который впослѣдствіи, по любви къ драматическому искусству, поступилъ на сцену Императорскаго московскаго театра подъ именемъ *Орлова* и вскорѣ пріобрѣлъ на этомъ поприщѣ любовь публики и громкую извѣстность.

Павелъ Прокофьевичъ Баташевъ былъ въ мое время самый молодой изъ офицеровъ, въ высшей степени вѣжливый и деликатный въ обращеніи съ кадетами; онъ училъ въ младшемъ классѣ русскому языку.

Александръ Исакіевичъ Ганнибалъ, раненый герой богатырскихъ битвъ 1812 и послѣдующихъ годовъ, украшенный знаками отличія на полѣ чести, былъ въ родствѣ Пушкинымъ и имѣлъ даже въ лицѣ фамильное съ нимъ сходство: черные курчавые волосы, черные выразительные глаза, толстыя губы. Ганнибалъ былъ

строгъ, вспыльчивъ, взыскателенъ, но при всемъ томъ привлекалъ къ себѣ всѣхъ добротою сердца и снисходительностію къ слабостямъ и недостаткамъ нашего маленькаго человѣчества. Всѣ, отъ малаго до большаго, его любили и боялись. То бывалъ онъ серьёзенъ и важенъ, особенно на смотру или въ классѣ, то веселъ и любезенъ съ нами во время рекреакцій или прогулокъ. Несмотря на свою раненую руку, онъ бѣгалъ съ нами, игралъ въ лапту, и вообще участвовалъ въ нашихъ забавахъ. За проступки онъ порядочно распекалъ и оканчивалъ свою нотацію щелчкомъ въ лобъ, а нерѣдко, по корпусному обычаю, употреблялъ въ дѣло и розги. За добрыхъ, послушныхъ и прилежныхъ кадетъ Ганнибалъ стоялъ горою предъ начальствомъ; за то ужь доставалось отъ него ослушникамъ и лѣнивцамъ! Онъ преподавалъ въ третьемъ нижнемъ классѣ французскій языкъ. У него всѣ учились прилежно: были, правда, слабые въ языкѣ, но лѣнивыхъ не было. Ганнибалъ умѣлъ заставить и лѣнивыхъ учиться; у него на то были особыя свои манеры, то ласковыя, то грозныя. Онъ терпѣть не могъ, когда у него въ классѣ кадеты разговаривали или сходили съ мѣста.—«У меня сидѣть, какъ вкопанные!» грянетъ бывало Ганнибалъ,—такъ всѣ и окаменѣютъ. У насъ офицеры, въ свободные отъ дежурства дни, ходили въ партикулярномъ платьи, и Ганнибалъ въ черномъ фракѣ, застегнутомъ до верху, украшенный орденами, входитъ бывало медленнымъ, важнымъ шагомъ въ классъ, чуть-чуть кивая головою на привѣтствія кадетъ. Сядетъ за свой столъ, возьметъ списокъ и станетъ вызывать учащихся къ доскѣ, начиная всегда съ слабыхъ или неисправныхъ, которыхъ онъ обыкновенно предупреждаетъ, что спроситъ непремѣнно, и притомъ спроситъ первыми. Если вызванные робѣютъ, Ганнибалъ старается ихъ ободрить, навесть на отвѣтъ разными намеками; если же и послѣ того ему отвѣчаютъ не такъ, или совсѣмъ не отвѣчаютъ, онъ начинаетъ воспламеняться, глаза у него горятъ, брови приходятъ въ движеніе, — и вдругъ разражается онъ гнѣвомъ. — «Лѣнтяй! животное! ты не смотри, что я во фракѣ, сейчасъ велю розогъ подать». Иногда смягчится, дастъ виноватому свой обычный щелчокъ въ лобъ и велитъ къ слѣдующему классу опять повторить невыученный урокъ, а иногда,—не ровенъ бывалъ часъ, — скажетъ неисправному ученику: «ступай, вели подать для себя розогъ». И бѣдняга идетъ въ слезахъ въ инспекторскую, къ унтеръ-шихтмейстеру, завѣдывающему классными припасами, въ томъ числѣ и розгами, и передаетъ ему приказаніе Ганнибала. За симъ слѣдуетъ самое непріятное и весьма чувствительное *положеніе* виноватаго.

Въ классѣ у Ганнибала кадеты сидѣли по достоинству своихъ познаній, и занимавшіе первые два стола, какъ отличные ученики,

очень дорожили своимъ мѣстомъ и крѣпились на немъ изо всѣхъ силъ. Потерять мѣсто было очень легко: стоило только однажды отвѣтить невпопадъ на вопросъ строгаго наставника, — и мѣсто пропало: его занималъ тотъ, кто сидѣлъ ниже и лучше отвѣчалъ.

Вообще ученіе наше, особенно въ нижнихъ, а частію и въ среднихъ классахъ, по тогдашнему повсемѣстному способу преподаванія, состояло всего болѣе въ упражненіи памяти. Ужь какъ же ей бѣдной доставалось! Все учили наизусть. Долбили катехизисъ, ничего не понимая, зубрили по цѣлымъ страницамъ опредѣленія и правила грамматики пофранцузски и понѣмецки, едва умѣя читать на этихъ языкахъ; выучивали длинную вереницу иностранныхъ словъ, скоро вылетавшихъ изъ головы; съ пѣніемъ и хорами затверживали мы таблицу умноженія; громоздили память свою безчисленнымъ множествомъ историческихъ и географическихъ именъ, неоживленныхъ никакимъ интересомъ, и потому скоро забываемыхъ. Даже логику — логику знаменитаго Баумейстера — Богъ ему судья! — и ту усиливались втиснуть въ нашу память. За то логика и производила на насъ какое-то одуряющее дѣйствіе: она представляла намъ въ непроницаемомъ туманѣ даже и тѣ предметы, которые мы безъ этой науки ясно видѣли и понимали.

Обдумывать, разсуждать, соображать и требовать поясненія предмета для насъ непонятнаго—намъ не дозволяли: «это-де не ваше дѣло, на то есть старшіе классы». Итакъ, въ ожиданіи перехода въ вожделѣнные старшіе классы, мы должны были умственныя силы наши оставлять въ неподвижномъ, окаменѣломъ состояніи. Выражать своими словами выученное — тоже воспрещалось, и многіе учители спрашивали урокъ по книгѣ. При такой насильственной дрессировкѣ, мы часто затруднялись отвѣчать на самые обыкновенные вопросы. Если спрашивали насъ, что̀ мы прошли въ теченіе недѣли изъ катехизиса или исторіи, то отвѣчали: «мы выучили отъ средины 26 до 32 страницы такой-той книги». Если иногда пробуждалась въ насъ неудержимая любознательность и мы обращались съ вопросомъ къ нашимъ учителямъ, то отъ иныхъ получали въ отвѣтъ грозное: «молчать! не разговаривать!», отъ другихъ — снисходительное выраженіе: «ваше дѣло слушать и учиться, а не спрашивать», отъ третьихъ—прелюбезный отзывъ: «послѣ, послѣ узнаете». Очень немногіе изъ учителей нижнихъ классовъ удостоивали насъ отвѣтомъ на наши вопросы, за то эти немногіе и были особенно любимы и уважаемы нами.

Обращеніе съ нами нѣкоторыхъ учителей, какъ и вообще въ учебныхъ заведеніяхъ стараго времени, было очень невѣжливое, ди-

ное. Прибить кадета до слезъ, схатить его за волосы, выдрать уши— было дѣломъ обыкновеннымъ.

Жалованье нашимъ учителямъ въ нижнихъ и даже среднихъ классахъ назначалось самое ничтожное. Иные получали по сту рублей ассигнаціями въ годъ за 6—8 часовъ преподаванія въ недѣлю, слѣдовательно менѣе, чѣмъ по 42 копѣйки ассигнаціями за часъ.

При переходѣ нашемъ въ одинъ изъ среднихъ классовъ, мы запаслись отъ предшественниковъ нашихъ записками лекцій, читанныхъ въ минувшемъ году. Во время каникулъ мы ихъ списали. Начался учебный курсъ; мы стали сличать наши записки съ новыми лекціями, и замѣтивъ, что по одному предмету въ тетрадяхъ нашихъ многаго недостаетъ, спросили преподавателя о причинѣ такихъ пропусковъ, и онъ отвѣчалъ намъ: «нынче мнѣ прибавили сто рублей къ моему жалованью, а потому я и преподаю пространнѣе, чѣмъ въ прошломъ году; дадутъ мнѣ одинъ рубль, я на рубль и выучу, дадутъ сто рублей, и вы будете знать на сто рублей».

Сотоварищи мои по корпусу, безъ сомнѣнія, хорошо помнятъ Алексѣя Дмитріевича Маркова. Этотъ старинный учитель *россійской* грамматики былъ большой оригиналъ. Онъ имѣлъ свой неистощимый лексиконъ бранныхъ словъ и выраженій, которыя щедро разсыпалъ при всякомъ случаѣ: ласкалъ ли, хвалилъ ли, или бранилъ кого. Бывало,—отвѣтишь, какъ слѣдуетъ, на его вопросы изъ грамматики, —Марковъ поморгаетъ, помигаетъ, да и скажетъ: «ну, чушка полосатая, хорошо; старайся, хомякъ; старайся, тюлень; я тебѣ, сусликъ, отличную отмѣтку поставлю.»

Если зашумятъ въ классѣ, то Марковъ закричитъ: «тише, вы, егозы, свинопасы; что заорали, буйволы, — безъ каши всѣхъ оставлю!»

Ошибешься въ урокѣ — бѣда! Марковъ забросаетъ своими избранными словами: «ахъ, ты, тюрикъ, тюфякъ, барабанная палка, кашный горшокъ, — что ты тутъ навралъ, пентюхъ, рохля, сивый меринъ, косолапый чортъ, — ступай, дармоѣдъ, повтори, затверди».

Если же кто ничего не могъ ему отвѣчать, того Марковъ разилъ всѣми перунами своего гнѣва: «а, ты молчишь, сиволапый лабазникъ,... а, ты ничего не знаешь, оселъ, байбакъ, сычъ, филя, олухъ; славную же ты задалъ отстойку съ барабаннымъ боемъ! ахъ, ты, сивачъ, толкачъ, моргачъ — маршъ подъ лавку! Провались, окаянный!»

И пораженный громомъ и молніею Маркова — проваливался, то есть, опускался подъ столъ или подъ лавку, гдѣ въ сидячемъ или лежачемъ положеніи оставался до окончанія классовъ.

Съ однимъ изъ такихъ провалившихся случилось самое *трогательное* происшествіе. Командиръ И. Ѳ. Ильманъ, проходя мимо классовъ, въ сопровожденіи дежурнаго офицера, заглянулъ въ стекло на дверяхъ нашего класса и, увидѣвъ растянувшагося подъ столомъ кадета, приказалъ офицеру хорошенько высѣчь такого дерзкаго неуча, осмѣлившагося въ присутствіи учителя лежать подъ столомъ. Дежурный офицеръ позвалъ кадета въ умывальную и, не принимая отъ него никакихъ возраженій, задалъ ему жаркую выпорку.

Потомъ дѣло все объяснилось, но, къ сожалѣнію, поздно. Маркову хотя и сдѣлали выговоръ и запретили употреблять изобрѣтенное имъ эксцентрическое наказаніе—сажать подъ лавку, да бѣдному товарищу нашему, напрасно пострадавшему, не было отъ того легче. Послѣ этого случая Марковъ не долго оставался въ корпусѣ. Онъ былъ человѣкъ ученый и добрый, но съ большими странностями, и притомъ имѣлъ сильное влеченіе къ дарамъ Вакха.

Одинъ изъ моихъ товарищей В—ій постоянно записывалъ всѣ классныя изреченія Маркова, которыя въ продолженіе года составили огромную тетрадь.

Мѣсто Маркова занялъ г. Юрьевичъ, кроткій, терпѣливый и съ самымъ вѣжливымъ обращеніемъ преподаватель, составлявшій совершенную противоположность съ своимъ предмѣстникомъ.

Изъ другихъ преподавателей рельефно выдавался учитель математики, Кондратій Антоновичъ Шелейховскій, опытный и свѣдущій наставникъ, котораго многіе изъ нынѣшняго еще молодаго поколѣнія хорошо знаютъ. Мы видѣли его, когда онъ былъ въ цвѣтущихъ лѣтахъ, исполненный необычайной энергіи и любви къ преподаванію своей науки. Любо было слушать его и смотрѣть, какъ онъ, держа въ одной рукѣ мѣлъ, а въ другой губку, громогласно объяснялъ какую нибудь хитрую математическую задачу. Онъ весь былъ въ движеніи. Углубленный въ изложеніе своего предмета, онъ, казалось, забывалъ тогда все на свѣтѣ и ни на что не обращалъ вниманія; не замѣчалъ ни начальниковъ, ни важныхъ посѣтителей, иногда присутствовавшихъ въ его классѣ. Только громкій звонокъ, возвѣщавшій окончаніе лекціи, прерывалъ энтузіазмъ Шелейховскаго. Весь осыпанный и испачканный мѣломъ, онъ машинально брался за шляпу и готовился уйти изъ класса, но кадеты всегда его удерживали, прося дозволенія почистить его платье.

Кто не зналъ профессора Якима Григорьевича Зембницкаго? Или, по крайней мѣрѣ, кто не слыхалъ о немъ? Онъ преподавалъ у насъ зоологію и ботанику. При глубокой своей учености, Якимъ Гри-

горьевичъ обладалъ большимъ искусствомъ привлекать къ себѣ учащихся и возбуждать въ нихъ любовь къ естествознанію. Мы всѣ охотно учились у него, и — какъ говорятъ институтки, — обожали своего наставника. Въ случаѣ проступковъ нашихъ, онъ, по обыкновенной добротѣ своей, никогда не употреблялъ никакихъ взысканій, но, какъ нѣжный отецъ, умѣлъ дѣлать такія замѣчанія и выговоры, которые мѣтко попадали намъ въ сердце, и виноватый искренно каялся въ своемъ поступкѣ, просилъ прощенія и изо всѣхъ силъ старался загладить свою вину, чтобы заслужить хоть одно ласковое слово своего добраго наставника. Такія кроткія и благоразумныя мѣры исправленія дѣйствуютъ на воспитанниковъ сильнѣе строгихъ и часто необдуманныхъ наказаній. Вся сила въ томъ, чтобъ умѣть, *какъ* и *съ кѣмъ* говорить. Дѣло, конечно, для многихъ трудное, но возможное.

Якимъ Григорьевичъ всякій годъ, лѣтомъ, водилъ насъ на Петровскій островъ, для практическихъ занятій въ ботаникѣ. И бѣдная растительная природа Петровскаго острова, бывшаго въ то время въ страшномъ запустѣніи, занимала нашу любознательность. Съ какимъ наслажденіемъ мы собирали на болотистой почвѣ самые ничтожные, обыкновенные цвѣты и травы и составляли изъ нихъ свой гербарій! Съ какимъ любопытствомъ и напряженнымъ вниманіемъ слушали мы поучительную бесѣду нашего наставника о признакахъ, свойствахъ, употребленіи, пользѣ или вредѣ собранныхъ нами растеній жалкой петербургской флоры. Разбирая какой нибудь цвѣтокъ и показывая намъ лепестки, вѣнчики, пестики и тычинки, Зембницкій всегда умѣлъ придать имъ особенно интересное значеніе въ семействѣ растеній. Богатыя произведенія южной природы Якимъ Григорьевичъ приносилъ намъ изъ ботаническаго сада и оранжерей и по окончаніи своихъ лекцій раздавалъ намъ эти нѣжныя живыя растенія. Мы ставили ихъ въ воду, нѣсколько дней любовались ихъ красотою, ухаживали за ними, и потомъ, когда они отживали свой краткій вѣкъ, мы хоронили ихъ въ своемъ гербаріи.

Нѣсколько разъ въ годъ Зомбницкій водилъ насъ въ кунсткамеру Императорской Академіи Наукъ и, показывая намъ царство животное, заставлялъ насъ самихъ объяснять все то, что мы заимствовали изъ зоологическихъ лекцій нашего почтеннаго наставника. Такіе практическіе уроки надолго остались въ нашей памяти.

Для пріобрѣтенія спеціальныхъ свѣдѣній въ ископаемомъ царствѣ, мы недалеко ходили,—у насъ все было подъ рукою: и примѣрные рудники, и шахты, и богатые музеи съ минералами всѣхъ странъ свѣта, и собраніе моделей по части горнаго дѣла и наконецъ отличная лабораторія. Наставникомъ нашимъ въ минералогіи былъ

извѣстный профессоръ Дмитрій Ивановичъ Соколовъ, долгое время занимавшій въ корпусѣ должность инспектора классовъ.

Говоря о Петровскомъ островѣ, я забылъ сказать, что это мѣсто было также поприщемъ нашей практики въ тригонометріи и геодезіи, съ употребленіемъ астролябіи, подъ руководствомъ К. А. Шелейховскаго. Сначала водили насъ на практику только подъ надзоромъ нашихъ преподавателей, которые, при занятіи своимъ дѣломъ, не могли въ одно и тоже время наблюдать за всѣми вообще кадетами, а потому и случалось, что иные безъ дозволенія уходили купаться, а другіе, отдѣлившись отъ общей группы, удалялись въ уединенныя, сокрытыя мѣста, и тамъ, вынувъ изъ сапога трубку, принимались покуривать табакъ. Впослѣдствіи, для бо̀льшаго порядка, ходили мы на практику въ сопровожденіи дежурныхъ, офицера и унтеръ-офицера, или старшаго.

Физику преподавалъ у насъ Иванъ Николаевичъ Вольгемутъ, бывшій наставникомъ Императора Николая Павловича и Великаго Князя Михаила Павловича. Вольгемутъ былъ веселаго характера и большой острякъ. У него часто теорія не сходилась съ практикою: начнетъ бывало объяснять какой нибудь законъ физики и въ тоже время дѣлать опытъ — и выходитъ совсѣмъ не то; примется объяснять что нибудь другое, опять слѣдуетъ опытъ — и опять неудача. Вольгемутъ однакожь не конфузился: скажетъ какое нибудь острое словцо, и вынырнетъ.

Въ верхнихъ классахъ преподаватели были большею частію спеціально-ученые академики и профессоры; изъ нихъ особенно славились Шубертъ и Шереръ (*).

Пытались-было у насъ ввести англійскій языкъ, но никакъ съ нимъ не сладили. Года два помучились мы съ этимъ языкомъ — и оставили его. На экзаменѣ едва ли кто изъ насъ могъ сносно прочитать нѣсколько строкъ по-англійски, а между тѣмъ мы учили и грамматику, и вокабулы, и разговоры. Чрезъ годъ мы все забыли, не исключая и трудной англійской фамиліи нашего учителя.

(*) Воспоминанія мои не касаются двухъ верхнихъ классовъ, въ которыхъ мнѣ не привелось быть. Утомленный трудностію изученія высшихъ математическихъ наукъ, которыя были мнѣ не по силамъ, и предвидя въ спеціальномъ курсѣ еще болѣе для себя затрудненій въ этихъ предметахъ, я просилъ моего отца дозволить мнѣ кончить мое образованіе въ С.-Петербургскомъ университетѣ, гдѣ бы я могъ избрать факультетъ, соотвѣтствующій моимъ способностямъ. Просьба моя была уважена. Я поступилъ въ университетъ и по окончаніи тамъ курса наукъ, опредѣлился на службу въ тотъ же, любимый мною горный корпусъ.

Такъ же много времени потеряли мы и съ латинскимъ языкомъ: то вводили его, то отмѣняли, усиливая свободные часы французскимъ и нѣмецкимъ языками, которые были несравненно полезнѣе, особенно для спеціалистовъ по горному дѣлу. Учились мы по-латыни весьма неохотно, и очень завидовали тѣмъ счастливымъ товарищамъ нашимъ, которые, по просьбамъ ихъ снисходительныхъ родителей, были освобождены отъ изученія этого языка. При послѣдней реформѣ корпуса, въ 1834 году, латинскій языкъ въ этомъ заведеніи окончательно отмѣненъ.

Изъ искусствъ танцованіе было у насъ въ большой славѣ. Нашъ танцмейстеръ г. Деросси, пріобрѣтшій въ свое время репутацію отличнаго балетмейстера на разныхъ европейскихъ театрахъ, имѣлъ уже около шестидесяти лѣтъ, но сохранилъ еще всю свою бодрость, свѣжесть и живость. Наружность его была самая, по выраженію Гоголя, внушающая: черные волосы съ просѣдью, темные выразительные глаза, густыя брови, большой открытый лобъ, умное лицо, благородная осанка, величавая поступь и громкій, пріятный голосъ. Онъ очень любилъ кадетъ, и его всѣ любили, а вмѣстѣ съ тѣмъ и побаивались. Деросси, при всемъ своемъ добросердечіи, былъ ужасно вспыльчивъ и иногда, въ порывѣ минутнаго гнѣва, не удерживалъ своихъ рукъ. Бывало, подлетитъ къ какому нибудь шалуну-танцору, взглянетъ на него сверкающими глазами, подниметъ руки вверхъ — и закричитъ своимъ громовымъ голосомъ: «ахъ, ты, мамелюкъ, я тебѣ!» У танцора душа уходила въ пятки, за кадета бывало страшно. И счастливъ еще онъ, если отдѣлывался однимъ только страхомъ,—другому на порядкахъ доставалось. Иной собьется съ ноги или не въ тактъ сдѣлаетъ па,—глядитъ, а г. Деросси тутъ какъ тутъ, съ своими распростертыми объятіями. «А гдѣ мюзикъ? (хлопъ) куда ты ушелъ отъ мюзикъ? (хлопъ) ты слюшай, мюзикъ, мамелюкъ, слюшай, слюшай, слюшай», — и пойдетъ мять прическу или румянить уши. И вотъ побитый танцоръ начинаетъ выдѣлывать свои па, проливая горькія слезы. Грозенъ былъ почтенный Деросси. У него нельзя было танцовать какъ нибудь и думать: авось сойдетъ съ рукъ (правильнѣе: съ ногъ).... Нѣтъ, орлиный взглядъ его издалека замѣчаетъ всякую ошибку, которая никому не проходила даромъ. Иные кадеты такъ боялись Деросси, что когда доходила до нихъ очередь танцовать какое нибудь соло, то, бывало, прежде перекрестятся, а потомъ ужь и пойдутъ выплясывать.

Танцоры раздѣлялись на двѣ категоріи: танцоры по охотѣ и танцоры по неволѣ, то есть танцовавшіе по приказанію начальства. Удивительно, что, несмотря на строгость Деросси и на опасное положеніе танцующихъ, любителей танцовать было большое число.

Многіе, даже изъ малолѣтнихъ кадетъ, сами напрашивались, чтобъ ихъ учили разнымъ національнымъ пляскамъ, которыя, какъ извѣстно, гораздо труднѣе бальныхъ танцевъ. Охота пуще неволи.

Танцовальные классы, какъ я уже говорилъ, были по два раза въ недѣлю: по средамъ и субботамъ. Въ среду учились профаны, еще не посвященные во всѣ изгибы танцовальнаго искусства; съ ними, разумѣется, было много хлопотъ и возни господину Деросси. По субботамъ танцовали уже искусившіеся въ этомъ дѣлѣ и прошедшіе, какъ слѣдуетъ, чрезъ руки г. Деросси.

Танцъ-классы по субботамъ представляли совершенное подобіе бала въ лучшемъ кругу общества, только безъ участія прекраснаго пола и безъ всякаго угощенія. Въ этотъ день, тотчасъ послѣ обѣда, начинался бальный кадетскій туалетъ. Танцоры причесывались, помадились, душились, надѣвали мундиръ, чистые бѣлые чулки и легкіе башмаки; у всѣхъ были бѣлыя перчатки и бѣлый носовой платокъ, у многихъ напрысканный духами. Отчаянные франты завивали себѣ хохолъ и виски, которые иногда г. Деросси приводилъ въ явный безпорядокъ.

Въ большой танцовальной залѣ, ярко освѣщенной (зимою) и благоухающей отъ куреній, стоитъ, бывало, въ величественной позѣ нашъ г. Деросси, какъ хозяинъ, ожидающій своихъ гостей — кадетъ. Корпусный оркестръ изъ двадцати музыкантовъ ждетъ только сигнала. Ровно въ три часа отворяются двери въ залъ, и кадеты входятъ попарно, привѣтствуя поклономъ своего танцмейстера, который зорко смотритъ на всѣ маневры кланяющихся, и по мѣрѣ надобности дѣлаетъ свои замѣчанія по-французски. Въ этотъ день въ танцъ-классѣ господствуетъ французскій языкъ. Потомъ всѣ садятся на разставленные около стѣнъ стулья. Нетанцующіе кадеты, которымъ также дозволялось быть въ танцъ-классѣ, но не иначе, какъ въ мундирѣ и башмакахъ, становятся за стульями, какъ незваные-непрошеные гости. Раздается прелюдія полонеза. Всѣ встаютъ, и по сдѣланному уже напередъ распоряженію танцмейстера, старшіе или взрослые кадеты подходятъ къ малорослымъ, танцующимъ за дамъ, кланяются имъ, подаютъ руку и ведутъ ихъ къ своимъ мѣстамъ.

Деросси, взявъ лучшаго танцора, становится съ нимъ въ первой парѣ и даетъ знакъ оркестру. И вотъ гремитъ знаменитый въ свое время, а нынѣ совсѣмъ забытый, полонезъ Козловскаго: «Громъ побѣды раздавайся.» Идетъ пара за парой величаво, стройно, плавно, присѣдая и кланяясь другъ другу въ тактъ, подъ музыку. Потомъ пары расходятся и сходятся, дѣлаютъ шенъ — и все съ такими же граціозными движеніями, наконецъ раскланиваются и садятся.

Такого полонеза нынче нигдѣ не увидишь, развѣ только на сценѣ, какъ, напримѣръ, во второмъ дѣйствіи оперы Глинки «Жизнь за царя»

За полонезомъ слѣдовалъ рядъ разнообразныхъ кадрилей. Нынѣшняго контрданса или французскаго кадриля тогда еще не существовало. Мы танцовали *простой* кадриль съ вальсомъ, *ревельскій* кадриль со *звѣздочкою*, *багратіоновъ* кадриль, *шведскій*, *экосесы* съ безчисленными варіаціями, *мазурку* во всей ея первобытной красѣ, бойкій, живой *краковякъ*, церемоніальный *менюэтъ* съ *гавотомъ* à la reine, *матрадуру*, *манимаскъ*, *тампетъ* — настоящій бурный танецъ, *гроссфатеръ*, *а-ля-грекъ*, *попурри* изъ всѣхъ возможныхъ танцевъ и плясокъ, и вѣнцемъ всего былъ любимый тогда *котильонъ* съ безконечнымъ вальсомъ и разнообразными фигурами.

Для публичнаго или выпускнаго экзамена учили нѣкоторыхъ кадетъ разнохарактернымъ національнымъ танцамъ. У насъ была русская пляска, венгерская, цыганская, казачекъ, матло съ флагами, саботьеръ и другія. Въ этомъ дѣлѣ помогалъ г. Деросси другой учитель танцованія — г. Артемьевъ.

Кадеты вообще любили танцовать, и, недовольствуясь двумя днями въ недѣлю, назначенными для танцъ-класса, выпросили у начальства дозволеніе завести свои танцовальные вечера въ спальняхъ, въ видахъ практическихъ упражненій въ танцовальномъ искусствѣ. Данъ былъ и оркестръ въ распоряженіе старшихъ. И каждую пятницу кадеты начали усердно отплясывать, послѣ ужина, съ 8 до 12 часовъ.

Для этихъ вечеровъ назначалась одна изъ самыхъ большихъ спальныхъ комнатъ, откуда всякій разъ выносили кровати и мебель. Эта комната, замѣнявшая танцовальный залъ, освѣщалась сальными свѣчами въ стѣнныхъ подсвѣчникахъ изъ жести; но какъ отъ казны, для такихъ увеселительныхъ вечеровъ, свѣчъ не отпускалось, то кадеты жертвовали тѣми свѣчами, которыя выдавались для учебныхъ занятій, на каждую спальную камеру отъ 6 до 10 и болѣе свѣчъ, смотря по величинѣ комнатъ и по числу кадетъ. При такихъ средствахъ наша бальная импровизированная зала была всегда освѣщена ярко, но за то всѣ прочіе дортуары оставались въ полумракѣ.

На этихъ вечерахъ кадеты танцовали въ своихъ вседневныхъ сюртукахъ, иные надѣвали бальные башмаки. Начальство тутъ не присутствовало; изрѣдка заходилъ командиръ или заглядывалъ дежурный офицеръ. Весь надзоръ за порядкомъ ограничивался участвовавшими въ танцахъ унтеръ-офицерами и старшими. Вели себя чинно, не было ни шуму, ни шалостей. Но эти вечера имѣли много неудобствъ: кадеты лишались возможности заняться уроками и не могли порядочно выспаться, а потому на другой день были и сон-

ливы и лѣнивы. При новомъ порядкѣ, въ 1817 году, эти вечера были совсѣмъ уничтожены.

По средамъ и субботамъ, у насъ были музыкальные классы. Учили играть на скрипкѣ, віолончели, контрбасѣ, флейтѣ и на кларнетѣ. Фортепьянъ какъ-то не жаловали. Этотъ инструментъ появился у насъ уже въ позднѣйшее время.

Желавшій учиться музыкѣ пріобрѣталъ себѣ на собственный счетъ инструментъ и отправлялся съ нимъ къ учителю г. Самокрасову, который записывалъ охотника въ списокъ своихъ артистовъ и поручалъ, для первоначальной выучки, кому нибудь изъ музыкантовъ корпуснаго оркестра, а самъ капельмейстеръ занимался съ нашими виртуозами.

Занятіе музыкой происходило въ классахъ. Въ одномъ классѣ играли на скрипкѣ начинавшіе съ азбуки; въ другомъ такіе же артисты на флейтѣ; въ третьемъ на віолончели и контрбасѣ; потомъ шелъ рядъ игравшихъ что нибудь и заключался классомъ виртуозовъ, которыхъ впрочемъ у насъ было очень мало, сравнительно съ числомъ наполнявшихъ азбучные классы. Система обученія музыкѣ была очень неудобна, а потому и малоуспѣшна. Сидя въ классахъ смежныхъ между собою, и притомъ еще, для лучшаго надзора, всегда открытыхъ, музыканты-кадеты мѣшали другъ другу, особенно азбучники, игравшіе на разныхъ инструментахъ,—кто въ лѣсъ, кто по дрова. Въ эту консерваторію ни начальства, ни дежурные офицеры никогда не заглядывали, да и войти туда было страшно: такая тамъ была оглушительная разноголосица....

«И шумъ, и гамъ, и стрекотанье разно.»

За то пѣніе шло у насъ превосходно. Г. Кудлай, учившій церковному и вообще хоральному пѣнію, былъ большой мастеръ своего дѣла. Онъ сформировалъ изъ кадетъ всѣхъ возрастовъ отличный хоръ, который можно было слышать только на репетиціяхъ, потому что при отпускѣ кадетъ по субботамъ и наканунѣ праздниковъ, увольняли домой и нашихъ пѣвчихъ. Только въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія, если Нева не прерывала сообщенія зарѣчныхъ частей съ корпусомъ, всѣ пѣвчіе собирались въ корпусную церковь; да еще участвовали въ хорѣ два раза въ годъ: по случаю нашего храмоваго праздника, св. Макарія Египетскаго, 19 января, и въ день ангела директора корпуса. Въ обыкновенные воскресные и прочіе праздничные дни на клиросѣ нашей церкви были пѣвчіе изъ корпусныхъ музыкантовъ и служительскихъ дѣтей.

Фехтованію на рапирахъ и эспадронахъ обучались только унтеръ-офицеры и кадеты трехъ старшихъ классовъ. Эта часть у насъ была

въ отличномъ состояніи, да и не могла иначе быть при такихъ превосходныхъ учителяхъ, какъ гг. Сивербрикъ и Гофманъ; первый не имѣлъ во всей Россіи себѣ соперника въ фехтовальномъ искусствѣ.

Для кадетъ, отличившихся какъ въ наукахъ, такъ и въ искусствахъ, при благородномъ поведеніи, не жалѣли наградъ, которыя были очень разнообразны. Въ двухъ верхнихъ классахъ награждали большими и малыми золотыми и серебряными медалями, учрежденными еще при Екатеринѣ Великой. На одной сторонѣ этихъ медалей изображенъ въ сіяющихъ лучахъ вензель Екатерины II, на который летящій Меркурій указываетъ юношѣ, стоящему на горѣ, окруженной аттрибутами наукъ; наверху надпись: *сія и васъ просвѣщаетъ*, а внизу: *основанъ іюня 29 дня 1774 года.* На другой сторонѣ — Минерва, ведущая юношу въ гору, изъ которой рудокопъ выноситъ руду, на верху надпись: *достойному*, а внизу—*по экзаменѣ* такого-то года, мѣсяца и числа. Малая серебряная медаль назначалась въ рѣдкихъ случаяхъ въ награду кадетамъ и четвертаго средняго класса, когда у такого счастливца были полные баллы, какъ въ поведеніи, такъ и по всѣмъ предметамъ, преподаваемымъ въ томъ классѣ. Унтеръ-офицеры и кадеты, удостоенные такихъ важныхъ отличій, получали, сверхъ того, особыя золотыя или серебряныя медали малой величины на черной лентѣ, съ золотыми или серебряными каймами, съ бантомъ для ношенія на груди; по правомъ носить такую медаль награжденные пользовались только до выпуска своего изъ корпуса. (*)

Въ прочихъ классахъ за отличіе въ наукахъ награждали книгами. За успѣхи въ искусствахъ давали въ награду: за рисованіе эстампы и краски, за каллиграфію — прописи, за музыку и пѣніе — ноты, за фехтованіе — эфесъ надписью на немъ: «за успѣхи въ фехтованіи». Одно танцовальное искусство оставалось безъ награды; да впрочемъ трудно и придумать, что̀ бы такое назначить за успѣхи въ танцахъ.

Медали, рапиры и эспадоны раздавались въ торжественномъ публичномъ собраніи самимъ министромъ финансовъ, какъ главнымъ начальникомъ корпуса; при чемъ гремѣли трубы и литавры. Получившему большую золотую медаль играли тушъ по три раза, малую золотую — по два раза, а за прочія награды трубили по одному разу.

(*) Получившихъ, по окончаніи курса наукъ, большую золотую медаль производили въ горный чинъ гиттенфервальтера 10 класса; малую золотую — бергешворена 12 класса: большую серебряную — шихтмейстера 13 класса. Всѣхъ прочихъ выпускали шихтмейстерами 14 класса.

Чтобы не задерживать долго министра и другихъ почетныхъ посѣтителей на публичномъ актѣ, (*) всѣ прочія награды были вручаемы директоромъ на другой день, въ собраніи всѣхъ чиновъ корпуса и приглашенныхъ по этому случаю родителей тѣхъ кадетъ, которые удостоились наградъ. При этомъ также играла музыка. Въ заключеніе всего, инспекторъ читаетъ списокъ новопожалованныхъ унтеръ-офицеровъ и кадетъ, переведенныхъ въ слѣдующіе классы. Потомъ шли обѣдать въ столовую залу, гдѣ награжденные садились за особый, такъ называемый *медальный*, красиво убранный столъ, за которымъ ихъ хорошо угощали.

Торжественная раздача наградъ, особливо медалей, производила на всѣхъ кадетъ потрясающее дѣйствіе и надолго оставляла въ насъ неизъяснимо-пріятное впечатлѣніе.

Много было у насъ наградъ, а наказаній еще болѣе. У насъ въ корпусѣ не жалѣли ни розогъ, ни виноватаго; розги были въ большомъ изобиліи, да еще не простыя розги, какъ производитъ ихъ природа, — нѣтъ! какой-то добрый человѣкъ ухитрился мочить ихъ въ соляномъ растворѣ. Возлѣ нашей столовой, въ буфетѣ, вмѣстѣ съ разными припасами и принадлежностями для стола, рѣзко бросались въ глаза огромные чаны съ цѣлымъ лѣсомъ розогъ, которыя, до употребленія ихъ въ дѣло, мокли въ водѣ съ солью. Въ умывальной, въ цейхгаузѣ, въ дежурной комнатѣ, въ инспекторской — вездѣ были розги; даже въ лазаретѣ отъ нихъ не было спасенія, — и тамъ задавали выпорку свѣжепросоленными.

Отъ офицера до директора—всѣ имѣли право сѣчь кадетъ; впрочемъ, надобно сказать правду, что хотя у насъ наказывали тѣлесно очень часто, но не доходили, по крайней мѣрѣ въ мое время, до такихъ жестокихъ наказаній, какимъ подвергались тогда кадеты въ другихъ корпусахъ. При мнѣ былъ только одинъ изъ начальниковъ, отличавшійся безчувственностію къ такимъ наказаніямъ. Но худо было въ особенности то, что, при назначеніи тѣлеснаго наказанія, часто не разбирали ни степени вины, ни возраста, ни нравственнаго характера кадета, ни прежняго хорошаго его поведенія. Попался въ какомъ нибудь проступкѣ — и всѣ прежнія добрыя качества его забыты. Тутъ не было никакихъ, извѣстныхъ въ юриспруденціи, смягчающихъ обстоятельствъ.

Изъ другихъ наказаній существовали у насъ: карцеръ — мрачная, тѣсная комната, въ родѣ каземата, гдѣ было очень грязно и

(*) О публичныхъ или торжественныхъ актахъ въ горномъ корпусѣ будетъ изложено ниже.

отъ недостатка воздуха душно. Сюда запирали виновныхъ на нѣсколько часовъ, на цѣлый день, а иногда и на всю ночь.

Оставляли безъ завтрака, безъ обѣда или ужина, лишали послѣдняго блюда, ставили во время обѣда къ стѣнѣ или къ столбу; ставили въ уголъ, на колѣни просто и голыми колѣнями на песокъ; надѣвали сѣрую куртку, дурацкій колпакъ и выставляли въ такомъ видѣ на общее посмѣяніе; не увольняли на праздники домой. Нерѣдко случалось, что за шумъ въ классѣ, во время отсутствія учителя, запирали всѣхъ, безъ исключенія, въ томъ классѣ на всю ночь.

Самымъ тяжелымъ наказаніемъ для кадетъ, у которыхъ еще не притупилось благородное чувство самоуваженія, былъ вышеописанный дурацкій колпакъ и еще — штрафный столъ, отдѣльно стоявшій въ столовой залѣ, безъ скатерти и приличнаго сервиза. На этомъ столѣ поставлены были глиняныя кружки съ водой, положено нѣсколько ломтей хлѣба, посрединѣ стояла черная доска съ бѣлою надписью: «за шалость и лѣность», возлѣ доски лежали неизбѣжныя розги.

За одну небольшую вину иногда подвергали нѣсколькимъ наказаніямъ. Учитель поставитъ кадета за невниманіе или разговоры въ уголъ; увидитъ инспекторъ — велитъ ему стать на колѣни; придетъ командиръ — прикажетъ отвесть виноватаго въ карцеръ; дежурный офицеръ запишетъ его въ журналъ, какъ замѣченнаго учителемъ въ шалости, а маркшейдеръ, по этому журналу, не отпуститъ на воскресенье или на праздникъ домой.

Случалось и такъ: утромъ комнатный старшій оставитъ кадета за худо вымытыя руки безъ завтрака; дежурный офицеръ за разстегнутый сюртукъ лишитъ обѣда, а вечеромъ, по запискѣ учителя за какую нибудь шалость въ классѣ, не дадутъ тому же кадету ужинать. И вотъ бѣдному предстоитъ участь Уголино. Но такихъ несчастныхъ товарищи всегда спасали отъ голодной смерти: иной вынесетъ изъ-за стола хлѣба, другой — кусокъ говядины или пирога, третій дастъ сбитню съ булкой, если случатся у благодѣтеля деньги. Такую помощь оказывали тайно, не для того, чтобы шуйца не вѣдала, что̀ творитъ десница, а затѣмъ, чтобы не свѣдали о томъ набольшіе, отъ которыхъ крѣпко досталось бы благотворителю за его милосердіе.

Когда нельзя было ожидать ни отъ кого помощи, то смѣльчаки, съ дивнымъ самоотверженіемъ, производили партизанскіе набѣги на казенный обѣдъ дежурнаго офицера, подкарауливъ его отсутствіе изъ дежурной комнаты, — или дѣлали нападеніе на буфетъ, гдѣ всегда бывало въ запасѣ что нибудь изъ съѣстнаго. Пойманныхъ пар-

тизановъ, разумѣется, наказывали, но не столько за похищеніе, сколько за дерзкую шалость.

За совершенную неспособность къ наукамъ кадетъ вовсе увольняли изъ корпуса; при чемъ, если они были казеннокоштные, то соотвѣтственно классу, въ которомъ они находились, и смотря по ихъ поведенію, давали имъ гражданскій чинъ 14-го класса или выпускали безъ чина, на горные заводы, съ званіемъ унтеръ-шихтмейстера. За низкіе, предосудительные для благороднаго человѣка поступки или за безнравственное поведеніе, имѣвшее вредное вліяніе на товарищей, исключали изъ корпуса. Иногда, смотря по важности вины, исключаемаго наказывали тѣлесно, при собраніи всѣхъ кадетъ, но такіе случаи бывали очень рѣдки.

Впослѣдствіи наказанія въ корпусѣ были нѣсколько облагорожены и смягчены: сѣрая куртка и дурацкій колпакъ отмѣнены; запрещено ставить на голыя колѣни; остававшимся безъ обѣда или ужина давали первое блюдо и хлѣба въ волю; страшный карцеръ замѣнили чистою, уединенною комнатою.

За чистотою и опрятностію кадетъ у насъ наблюдали строго. Говорятъ, что опрятность въ платьи есть аттестатъ на душевную чистоту. Прекрасно, — а что прикажете дѣлать, когда, напримѣръ, дадутъ кадету старый, отслужившій свой вѣкъ, сюртукъ, съ заплатами, съ пятнами, съ неполнымъ комплектомъ пуговицъ — и велятъ наблюдать опрятность. Чѣмъ тутъ виноватъ кадетъ, а его зовутъ неряхой — и требуютъ исправности въ одеждѣ.

Бѣльемъ мы были богаты: перемѣняли его по два раза въ недѣлю, по средамъ и субботамъ; постельное бѣлье перемѣняли одинъ разъ — по воскресеньямъ. Только бѣда была съ нашими носовыми платками, изъ какой-то толстой, грубой матеріи, синяго цвѣта съ бѣлыми разводами: отъ этихъ платковъ у насъ всегда были синіе носы. Впослѣдствіи намъ дали болѣе приличные бѣлые полотняные платки.

У насъ положено было три дня въ недѣлю говорить по-французски и три дня по-нѣмецки, только по воскресеньямъ и праздникамъ дозволялось разгавливаться русскимъ языкомъ. Старшіе въ комнатахъ и помощники ихъ строго наблюдали за исполненіемъ этого постановленія, хотя сами между собою большею частію разговаривали по-русски. Сверхъ того приняты были и другія мѣры: чтобы заставить кадетъ говорить въ положенные дни на иностранныхъ языкахъ, ввели, по примѣру іезутскихъ школъ, *калькулюсъ*. Это былъ узкій и длинный листъ бумаги, свертывавшійся въ труб-

ку. Говорившій на запрещенномъ языкѣ долженъ былъ собственноручно вписать въ этотъ листъ свою фамилію, съ означеніемъ дня и часа, въ которые онъ нарушилъ установленное правило. Каждый понедѣльникъ, утромъ, послѣ молитвы, дежурные унтеръ-офицеры или комнатные старшіе секретно раздавали очереднымъ кадетамъ эти свитки. Калькулюсы были трехъ разрядовъ: комнатный, отдѣленный и корпусный — названія показываютъ предѣлъ ихъ дѣйствія. Получившій калькулюсъ имѣлъ много хлопотъ: онъ обязанъ былъ въ продолженіе дня непремѣнно поймать кого нибудь, говорившаго по-русски, и отдать ему калькулюсъ; въ противномъ случаѣ, если этотъ листъ оставался у кадета до слѣдующаго утра, то есть въ теченіе 24 часовъ, то онъ самъ подвергался взысканію за свое бездѣйствіе. Пойманный долженъ былъ на мѣстѣ преступленія взять калькулюсъ отъ поимщика, вписать свое имя, и такъ же отправляться на поиски.

Чтобы не продержать при себѣ до утра этого калькулюса и скорѣе сбыть его съ рукъ, кадеты пускались на разныя хитрости и продѣлки. Иногда подойдетъ къ своему товарищу такой пріятель съ самою невинною, простодушною физіогноміею, и станетъ перебирать у него на столѣ книги и тетради, будто чего ищетъ; тутъ невольно, въ забывчивости, товарищъ спроситъ его по-русски: «чего тебѣ надо?» И довольно! Пріятелю только и нужна была эта русская фразочка, — вотъ онъ и подаетъ проговорившемуся свой калькулюсъ, съ полнымъ самодовольствіемъ.

Другой разъ сидишь съ добрымъ товарищемъ возлѣ своей кровати, долго ломаешь языкъ на иностранномъ *діалектѣ*, наконецъ силъ не станетъ, — оглянешься на всѣ четыре стороны, никого не видать, возьмешь—да и скажешь по-русски, а тутъ вдругъ изъ-подъ кровати показывается рука съ роковымъ свиткомъ и слышится подземный голосъ невидимки: «vous parlez russe, prenez le calculus». Нечего дѣлать, улика на лицо, берешь, расписываешься и самъ отправляешься на ловлю.

Иногда, провѣдавъ, у кого скрывается калькулюсъ, кадеты нарочно надъ тѣмъ подшучивали, составляя изъ французскихъ или нѣмецкихъ словъ русскія фразы. «*Вашъ носъ руль*», скажетъ проказникъ имѣющему калькулюсъ; этотъ обрадуется русскому выраженію и подаетъ, по принадлежности, свой залежавшійся въ карманѣ свитокъ, — не тутъ-то было! ему объясняютъ, что это сказано по французски: vache—корова, noce—свадьба, roule—верчу, и бѣдный отойдетъ, не солоно хлебавъ. Другой говоритъ во всеуслышаніе: «тутъ козаки померли, а онъ не умеръ», — вмигъ является калькулюсъ, но сказавшій эту неловкую фразу убѣдительно доказываетъ,

что онъ не произнесъ ни одного русскаго слова, что все сказано имъ на чистѣйшемъ французскомъ языкѣ, и объясняетъ: toutes — всѣ, cause — причина, à—предлогъ, qui — кто, peau—кожа, mère— мать, lit — постель, и такъ далѣе, — и этимъ отдѣлывается отъ калькулюса.

Одинъ взрослый кадетъ легъ на кровать и заснулъ не въ установленное для того время, предъ ужиномъ; другой, малолѣтній, возившійся цѣлый день съ калькулюсомъ, рѣшился хитростію сбыть его съ рукъ. Подходитъ къ спящему, будитъ его и спрашиваетъ самымъ любезнымъ голосомъ: «que faites vous donc, mon cher?» — «Лежу на боку», отвѣчалъ проснувшійся соня; тотъ сунулъ ему калькулюсъ, спавшій не принялъ, утверждая, что онъ выразился по-французски: les joues, говоритъ, значитъ — щеки, n'a — глаголъ avoir съ отрицаніемъ, beaucoup — много, — повернулся да и заснулъ снова.

Наконецъ столько набралось у кадетъ подобныхъ фразъ, что онѣ сдѣлались предметомъ споровъ и жалобъ, а потому и запретили употреблять такой наборъ словъ, съ намѣреніемъ подразнить имѣющихъ калькулюсъ.

Но вотъ вопросъ: какимъ образомъ мы учились говорить на двухъ иностранныхъ языкахъ, не имѣя гувернеровъ? Весьма немногіе кадеты умѣли объясняться по-французски или по-нѣмецки съ дѣтства, большая же часть изъ воспитывавшихся тогда въ корпусѣ пріобрѣтала познанія въ иностранныхъ языкахъ изъ теоретическаго преподаванія ихъ въ классахъ. Необходимость заставила насъ самихъ изыскивать особыя средства къ практическому изученію этихъ языковъ,—и вотъ мы стали заучивать фразы изъ «Разговоровъ Каржавина», начали пріискивать въ лексиконахъ тѣ слова, въ которыхъ предстояла намъ надобность; изъ этихъ словъ мы составляли себѣ, для домашняго обихода, разныя выраженія, которыя сильно отзывались руссицизмами; но мы и не подозрѣвали этого недостатка, тѣмъ болѣе, что, употребляя фразы собственнаго издѣлія, хорошо понимали другъ друга; о правильности же произношенія мы вовсе не заботились. Наши ближайшіе наставники, комнатные старшіе, изъ которыхъ многіе хорошо знали иностранные языки, часто помогали намъ въ этомъ дѣлѣ и выводили насъ изъ затруднительнаго положенія. Но вообще эта система, заставлявшая насъ говорить на иноземныхъ языкахъ безъ постоянныхъ свѣдущихъ руководителей, была болѣе вредна, нежели полезна. Мы усвоивали себѣ грубыя ошибки въ разговорѣ, которыя впослѣдствіи трудно было исправить.

Въ 1817 году, при всеобщей реформѣ въ цѣломъ корпусѣ, по распоряженію директора Евграфа Ильича Мечникова, размѣстили

всѣхъ кадетъ по возрасту и классамъ, и такимъ образомъ составилось вмѣсто двухъ три отдѣленія. Въ малолѣтнее, или третье отдѣленіе, независимо отъ старшихъ и ихъ помощниковъ, назначили шесть гувернеровъ. Эти господа были французы и нѣмцы pur sang: Сіонъ, Віельяръ, Жираръ, Дютертръ, Бахъ и Крейтеръ, которыхъ опредѣлили именно для того, чтобы они, разговаривая съ нами на иностранныхъ языкахъ, поправляли наши промахи, и съ этихъ поръ мы заговорили всѣ на чистомъ русскомъ языкѣ! Гувернеровъ мы не уважали и не боялись, какъ-то были уничтожены, даже наблюденіе за нами замѣтно ослабѣло: старшіе надѣялись на гувернеровъ, гувернеры — на старшихъ; извѣстное дѣло — у семи нянекъ дитя безъ глазъ.

Правда, что изъ этихъ гувернеровъ были двое, умѣвшіе внушить къ себѣ нѣкоторое уваженіе и пріязнь кадетъ, охотно бесѣдовавшихъ съ ними на иностранныхъ языкахъ, но за то прочіе не знали, какъ и подступиться къ кадетамъ. Нелюбимые наши гувернеры обыкновенно расхаживали по комнатамъ въ глубокомъ молчаніи, произнося по временамъ, съ видомъ подавленнаго гнѣва: silence, messieurs! Ne faites point de bruit! — Still, meine Herren! Machen sie keinen Lärm! (Тише, господа, не шумите!) Грустно было смотрѣть наше отчужденіе. Жаль, что они не хотѣли или не умѣли привязать насъ къ себѣ.

Результатомъ опредѣленія къ намъ гувернеровъ было то, что они, не научивъ насъ говорить ни по-французски, ни по-нѣмецки, сами выучились отъ насъ говорить по-русски.

Не только въ наше старое время трудно было добиться до того, чтобы заставить кадетъ поочередно объясняться на иностранныхъ языкахъ, и теперь еще во всѣхъ мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ встрѣчаются въ этомъ отношеніи непреодолимыя препятствія. Въ однихъ только дѣвичьихъ институтахъ эта мысль процвѣтаетъ: тамъ удалось ввести въ общее употребленіе между воспитанницами разговорный французскій языкъ. Но въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, для достиженія этой цѣли, усердно дѣйствуютъ общими силами и сами начальницы, и инспекторы, и классныя дамы, и даже молодыя пепиньерки. Всѣ онѣ прекрасно говорятъ по-французски и, безпрестанно обращаясь въ кругу своихъ воспитанницъ, незамѣтно для нихъ и безъ большихъ усилій для себя, передаютъ имъ свои практическія свѣдѣнія во французскомъ языкѣ.

Жаль, что къ почтенному нѣмецкому языку, въ практическомъ его употребленіи, почти вездѣ очень равнодушны.

Несмотря на заведенную у насъ въ корпусѣ строгую субординацію и безусловную покорность нашу волѣ начальства, мы никакъ не могли ужиться съ нашими гувернерами: съ ними у насъ бывали

безпрестанныя исторіи; жалобамъ ихъ на неповиновеніе кадетъ конца не было. Однажды, въ отсутствіе учителя, назначенъ былъ одинъ изъ нелюбимыхъ нами гувернеровъ въ нашъ классъ, для надзора за порядкомъ. Мы шумѣли, не обращали вниманія на его сердитые возгласы: «silence, messieurs!» Онъ пожаловался дежурному офицеру — и самъ былъ не радъ этому: насъ всѣхъ оставили на воскресенье въ корпусѣ, и гувернеру велѣно было цѣлый день заниматься съ нами. Слѣдовательно и пріятель нашъ, гувернеръ, также былъ наказанъ вмѣстѣ съ нами: у него отняли единственный свободный для него день въ недѣлѣ.

Гувернеровъ у насъ часто перемѣняли, такъ что мы привыкли смотрѣть на нихъ, какъ на временныхъ пришельцевъ, что было очень непріятно для нихъ и весьма невыгодно для насъ.

Съ 1820 года гувернеры начали дежурить поочередно въ малолѣтнемъ отдѣленіи, вмѣсто унтеръ-офицеровъ, или старшихъ, но никакъ замѣнить ихъ не могли: гувернеры не имѣли на насъ такого нравственнаго вліянія, какъ наши старшіе товарищи, которыхъ мы болѣе уважали.

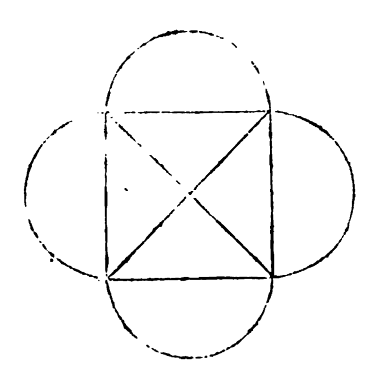
Въ позднѣйшее время былъ въ горномъ корпусѣ гувернеромъ г. Стефенсъ, человѣкъ умный, отлично образованный, съ прекрасными свойствами души и сердца; онъ основательно зналъ нѣсколько языковъ и даже русскій, на которомъ объяснялся правильно и свободно. Такимъ отличнымъ воспитателямъ вездѣ честь и мѣсто.

Долго у насъ въ корпусѣ не обращали вниманія на книги, которыя мы привозили съ собою и читали не только въ свободное время, но даже и въ классахъ, въ присутствіи учителей. Нѣкоторые кадеты, изъ среднихъ классовъ, дѣлали складчину на подписку для чтенія книгъ изъ библіотеки В. А. Плавильщикова, столь извѣстной въ то время, и посылали туда корпусныхъ служителей, иногда по два раза въ недѣлю, за книгами. Никто въ корпусѣ не останавливалъ посланныхъ, чтобы хотя посмотрѣть, что такое они носятъ къ намъ такъ часто, а потому наше неразборчивое чтеніе продолжалось спокойно и свободно. Мы тогда перечитали великое множество нѣмецкихъ, чувствительныхъ, вздорныхъ и страшныхъ романовъ и повѣстей: Радклифъ, Дюкре-Дюмениля, Лафонтена, Коттенъ, Ричардсона, Лесажа, Жанлисъ, Крамера, Пиго-ле-Брюня, Коцебу, Де-ла-Моттъ-Фуке, Шписа и многихъ другихъ писателей, о которыхъ совѣстно упоминать.

Иные изъ насъ любили мистицизмъ. Начитавшись Эккартсгаузена и Юнга-Штиллинга, погружались въ бездну размышленій. Выска-

зывая другъ другу свои мнѣнія и мысли о прочитанныхъ, непроницаемыхъ для насъ тайнахъ, городили страшную чепуху. Безплодно теряли время, пытаясь проникнуть въ сокровенный смыслъ такихъ сочиненій, которыя были недоступны для несозрѣлаго еще ума.

Въ одно время распространился у насъ слухъ, что будто бы англичане назначили огромную сумму,—чуть ли не цѣлую бочку золота, въ награду тому, кто сдѣлаетъ съ одного почерка слѣдующую фигуру.



И вотъ молодежь наша принялась ломать себѣ голову надъ этою задачею. Въ тетрадяхъ, на аспидныхъ и классныхъ доскахъ, даже на стѣнахъ, безпрестанно встрѣчалось это изображеніе. Долго мы бились надъ этой фигурой. Наконецъ одинъ изъ наставниковъ нашихъ сжалился надъ нами и убѣдительно доказалъ намъ, что англичане не такъ глупы, чтобы за такую безполезную задачу давать бочку золота; они очень хорошо знаютъ, что этой фигуры невозможно начертить съ одного почерка; они дурачатъ насъ, а мы имъ вѣримъ, и напрасно теряемъ время, которое еще дороже ихъ золота. Намъ досадно и стыдно стало, что насъ такъ безсовѣстно надули; мы ругнули англичанъ и бросили этотъ вздоръ.

Въ нынѣшнее время, къ сожалѣнію, сильно распространилась въ учебныхъ заведеніяхъ неукротимая страсть къ куренію папиросъ, столь вредныхъ вообще для легкихъ и гибельныхъ въ особенности для груди нѣжной и молодой. Въ наше время папиросъ еще не выдумали, о сигарахъ мы не слыхивали, а покуривали у насъ взрослые кадеты табачокъ: вакштафъ, кнастеръ и турецкій. Но для совершенія опаснаго подвига табакокуренія требовалось великой осторожности и большаго самоотверженія: начальство сильно преслѣдовало курителей, и пойманныхъ въ этомъ дѣлѣ наказывало жестоко; особенно опасно было курить при К. Ѳ. Г—ѣ, который не щадилъ лю-

бителей вакштафа и кластера и, отчеканивъ ихъ розгами, надолго отбивалъ охоту къ куренію.

Многіе изъ взрослыхъ кадетъ нюхали табакъ, да и то украдкою, оглядываясь на всѣ стороны. Было впрочемъ одно время, когда на нюхателей смотрѣли сквозь пальцы, а потому и дошло до того, что изъ подражанія большимъ стали нюхать табакъ и малолѣтніе, сперва тайно, а потомъ и явно. Наконецъ завелись у многихъ прекрасныя табакерки, которыми нюхальщики щеголяли другъ передъ другомъ. Въ классахъ, на лекціяхъ, безъ умолку раздавалось чиханіе, точно у всѣхъ былъ насморкъ или гриппъ. Служители безпрестанно бѣгали въ лавку за табакомъ. Знатоки и аматеры посылали за этимъ зельемъ въ знаменитый тогда табачный магазинъ Анисима Головкина или въ Сарептское общество; потомъ взрослые нюхатели не довольствовались и этимъ табакомъ, а стали уже нюхать настоящій гренадерскій носодеръ, отъ котораго у нихъ сильно кружилась голова. Наконецъ начальство обратило на этотъ предметъ свое вниманіе: велѣно было отобрать у всѣхъ кадетъ табакерки и подвергать нюхавшихъ табакъ взысканію. Помню, что тогда собрали огромную коллекцію табакерокъ, но какое сдѣлали изъ нихъ употребленіе — не знаю.

Несмотря однакожь на всѣ запретительныя мѣры, кадеты продолжали нюхать табакъ, хотя не совсѣмъ явнымъ образомъ. Сами гувернеры, допустившіе съ собою слишкомъ фамильярное обращеніе кадетъ, потворствовали имъ въ этой привычкѣ. Бывало,—подойдетъ какой нибудь 12 — 13-ти лѣтній кадетикъ къ гувернеру, расшаркается предъ нимъ, и скажетъ сладенькимъ голоскомъ: «monsieur B. или D., permettez moi une prise du tabac.»

— Avec plaisir, monsieur, отвѣтитъ гувернеръ, и откроетъ свою табакерку.

Еще была почти у всѣхъ кадетъ привычка, впрочемъ, кажется, не вредная, — жевать сибирскую сѣру; такъ называли привозимую изъ Иркутска и Томска смолу пихты (pinus picca). Эта смола сѣраго цвѣта, пріятнаго запаха, но горьковатаго вкуса. Кадеты очень любили сибирскую сѣру, жевали ее цѣлый день, какъ дикіе жуютъ свой бетель, и даже въ классахъ не оставляли своего лакомства. За кусочекъ сѣры охотно отдавали булки, пироги и другія любимыя кушанья.

Въ свободное время, смотря по погодѣ, водили насъ на большой дворъ, въ родѣ плаца, гдѣ мы рѣзвились, бѣгали, качались на качеляхъ, играли въ лапту, въ воланъ, въ серсо, въ свайку, въ кегли,

Въ корпусномъ саду, гдѣ устроены, насыпныя горы и искуственные рудники, дозволялось гулять только унтеръ-офицерамъ или старшимъ и ихъ помощникамъ. Зимою очищали ледъ на Невѣ у «масляного буяна» и тамъ устроивали намъ катокъ для катанья на конькахъ. Это была самая любимая наша забава, которою однакожь мы не долго пользовались, да и всѣ прочія наши увеселенія скоро одно за другимъ исчезли.

Однажды добрый нашъ товарищъ Филодоровъ катался на конькахъ, неловко поскользнулъ, упалъ и переломилъ себѣ руку. Онъ вытерпѣлъ мучительную операцію и лишился руки. Послѣ этого печальнаго случая катокъ нашъ былъ уничтоженъ.

На другой годъ, послѣ того, лѣтомъ, одинъ кадетъ упалъ, по своей неосторожности, съ качелей, и больно ушибся, — и качели долой.

Играли въ кегли, задѣли шаромъ кому-то по головѣ, ушибли—и кегли прочь.

Забавлялись въ свайку, попали одному кадету въ ногу, сильно повредили ее — и свайка запрещена.

Играли въ лапту, подбили палкой глазъ одному зрителю изъ кадетъ — и лапта въ изгнаніи.

Итакъ, въ самое короткое время поубавили у насъ много забавъ, доставлявшихъ намъ пріятное развлеченіе въ часы досуга.

Лѣтомъ устроивали для насъ на Невѣ, противъ корпуснаго крыльца, большую ванну, гдѣ купались въ одно и тоже время взрослые и малолѣтніе кадеты. Ванна была глубока, что представляло большое удобство только для умѣющихъ плавать. Несвѣдущіе же въ этомъ искусствѣ осторожно сходили по ступенямъ въ воду, держась за протянутую веревку, и окунувшись нѣсколько разъ, выходили, предоставляя такимъ образомъ свое мѣсто другимъ. У насъ строго наблюдали, чтобы непремѣнно всѣ купались. Я всегда страшно боялся воды. Однажды въ жаркій іюньскій день меня привели въ ванну; я сѣлъ на скамью, долго не рѣшаясь раздѣваться, и смотрѣлъ, какъ ловко и искусно плавали мои товарищи. Вдругъ раздался надъ головой моей громкій голосъ дежурнаго офицера: «а ты что сидишь? сейчасъ раздѣвайся.» — Я въ минуту раздѣлся — и все еще не рѣшался идти въ ванну. Опять загремѣло повелѣніе: «бросайся въ воду!» — И я бросился стремглавъ — и пошелъ ко дну. Хочу кричать — нѣтъ силъ, вода захватила духъ, я бился, бился.... далѣе не помню, что со мною было: я лишился чувствъ. Когда я открылъ глаза, то увидѣлъ себя въ лазаретѣ, на постели, окруженной начальниками нашими и лѣкарями. Это меня очень удивило. — Зачѣмъ я тутъ? — спросилъ я доктора Дена, державшаго меня за руку

и щупавшаго мой пульсъ. — Ничего, ничего, слава Богу, будете здоровы, отвѣчалъ врачъ.

Происшествіе со мною въ ваннѣ сперва казалось мнѣ какимъ-то тяжелымъ сновидѣніемъ, потомъ я какъ-то смутно началъ себѣ припоминать, что это былъ не сонъ, что я дѣйствительно тонулъ. Ужасъ прошедшаго и радость настоящаго взволновали меня, и я громко заплакалъ. Докторъ сталъ утѣшать меня, далъ лѣкарство, велѣлъ лежать спокойно и не говорить. Всѣ окружавшіе меня потихоньку разошлись, при мнѣ остался одинъ фельдшеръ, — и я вскорѣ крѣпко заснулъ.

На другой или на третій день я совершенно оправился, — и тогда мнѣ объяснили, что когда я бросился въ воду, то кадеты, бывшіе въ ваннѣ, сначала удивлялись моему искусству такъ долго нырять, а потомъ начали опасаться, не сдѣлалось ли чего со мной въ водѣ; тогда одинъ изъ умѣвшихъ отлично плавать кадетъ Рикъ бросился на дно и вытащилъ меня совершенно безчувственнымъ. Сдѣлалась тревога, — послали за докторомъ, дали знать начальству, перенесли меня въ лазаретъ, гдѣ съ помощію медицинскихъ средствъ — и привели меня въ чувство.

Вошелъ въ больницу командиръ Ильманъ, поздоровался со мной и сказалъ:

— Ну, любезный мой, плохо же ты плаваешь.

— Да я вовсе не умѣю плавать, ваше превосходительство.

— Какъ же ты рѣшился броситься въ воду?

— Такъ приказалъ мнѣ дежурный офицеръ.

— Да ты бы объяснилъ ему, что не умѣешь плавать.

— Я не смѣлъ разсуждать; меня и дома и здѣсь учили повиноваться безъ разсужденія.

Петръ Ѳедоровичъ часто вспоминалъ о моемъ безусловномъ повиновеніи, которое едва не стоило мнѣ жизни.

Кадеты боялись, чтобы, послѣ этого происшествія со мною, не уничтожили ванны, какъ и всѣ наши забавы въ саду; но опасенія ихъ были напрасны; ванна уцѣлѣла, только я съ тѣхъ поръ туда — ни ногой.

Въ спальныхъ комнатахъ у насъ, какъ я уже говорилъ, были и цвѣты, и птицы, и расхаживали красивыя собаки. Скоро лишили насъ и этихъ удовольствій, неудобныхъ впрочемъ ни въ одномъ благоустроенномъ заведеніи. Въ одно несчастное утро цвѣты у насъ убрали; птицъ выпустили на волю, а бѣдныхъ собакъ повели къ Невѣ топить. Грустное было зрѣлище! Всѣ эти прекрасныя лягавыя, борзыя, пудели, шафки, левретки и болонки пошли съ камнемъ на шеѣ въ воду.

Вскорѣ потеряли мы и самый дворъ, гдѣ мы рѣзвились и играли. Туда начали возить матеріалы, для постройки особаго флигеля, и наконецъ дворъ такъ загромоздили, что сдѣлали его для насъ вовсе недоступнымъ, — тогда стали водить насъ гулять на Смоленское поле. Тамъ было гдѣ намъ развернуться, всѣмъ раздолье: для взрослыхъ удалая *лапта*, для малолѣтныхъ рѣзвыя *пятнашки*, игра въ лошадки и другія забавы.

Теперь въ горномъ институтѣ прекрасный садъ для прогулокъ кадетъ, чистый обширный плацъ для игръ и забавъ юности, а мы рады были погулять и порѣзвиться на скучномъ, болотномъ, сыромъ полѣ Смоленскаго кладбища, въ виду Божьей нивы, напоминавшей memento mori, о чемъ, впрочемъ, мы тогда въ счастливомъ, безпечномъ возрастѣ и не помышляли. На Смоленскомъ полѣ у насъ все кипѣло жизнію.

Любимымъ удовольствіемъ кадетъ были театральныя представленія въ корпусѣ. Нѣсколько разъ въ году,— на масляницѣ, на святой недѣлѣ и на святкахъ, — устроивался намъ домашній театръ въ танцовальной или въ столовой залѣ (*). Для сцены дѣлалось возвышеніе, декораціи писали сами кадеты, они же придумывали и механизмъ для постановки и перемѣны кулисъ; костюмы отпускались изъ гардероба императорскихъ театровъ; оркестръ былъ у насъ — казенный; актеры — унтеръ-офицеры и кадеты, при участіи офицеровъ и наставниковъ нашихъ, любившихъ драматическое искусство. Въ зрителяхъ недостатка не было: приглашались гости со стороны директора и другихъ начальниковъ, семейства лицъ, служащихъ въ корпусѣ, родители кадетъ; посѣщали нашъ театръ и многія постороннія почетныя особы. Слѣдовательно все было въ порядкѣ. Наши спектакли славились. Любовь, или лучше сказать—страсть къ театру у насъ господствовала издавна, — и не она ли была причиною тому, что изъ нашего корпуса вышли извѣстные артисты: знаменитый Василій Андреевичъ Каратыгинъ, Иванъ Петровичъ Борецкій (Пустошкинъ), Илья Васильевичъ Орловъ (Капьмовъ), и наконецъ Василій Васильевичъ Самойловъ, составляющій донынѣ украшеніе петербургской сцены.

Изъ унтеръ-офицеровъ и кадетъ, особенно отличавшихся въ мое время на корпусной сценѣ, мнѣ хорошо памятны: П. П. Анесовъ, И. И. Черниговцевъ, И. И. Вейдъ, Г. А. Іосса, превосходно игравшій женскія роли, В. В. Любарскій, В. В. Самойловъ, А. Н. Тас-

(*) При директорѣ Е. В. Карнѣевѣ въ корпусѣ былъ устроенъ постоянный театръ, со всѣми къ нему принадлежностями, даже съ машинами.

князь, который притомъ былъ и отличный танцоръ и хорошій переводчикъ многихъ театральныхъ пьесъ, игранныхъ съ успѣхомъ на петербургскихъ театрахъ въ двадцатыхъ годахъ, — гг. Тепловъ; Патиньоти.

Разыгрывались у насъ бывшія тогда въ большомъ почетѣ комедіи, Крылова: «Модная Лавка», «Урокъ Дочкамъ», Княжнина — «Чудаки», Фонъ-Визина — «Недоросль»; Капниста — «Ябеда»; Грибоѣдова — «Молодые Супруги»; многія пьесы князя Шаховскаго, Загоскина, Хмѣльницкаго, и пр. Давали также разные водевили и многія другія пьесы. Представили однажды съ большимъ успѣхомъ и прекрасный балетъ: «Сибирскій дирюльникъ», поставленный на корпусную сцену г. Деросси. Играли и французскія пьесы, но эти представленія служили болѣе для упражненія кадетъ во французскомъ языкѣ.

Кромѣ этихъ парадныхъ или большихъ спектаклей, кадеты устроивали у себя въ спальняхъ, на собственное свое иждивеніе, театральныя зрѣлища, которыя отличались своею простотою: декораціи дѣлали изъ обоевъ или изъ бумаги, занавѣсъ сшивали изъ казенныхъ простынь, костюмы мастерили изъ своей же кадетской одежды или доставали у своихъ родныхъ и знакомыхъ; на освѣщеніе сальными свѣчами наши антрепренеры не скупились; для оркестра отпускалось, по распоряженію начальства, нѣсколько музыкантовъ. Два или три ряда стульевъ занимали, по приглашенію учредителей театра, начальники, офицеры, учителя и старшіе; на скамьяхъ помѣщались кадеты, платившіе за входъ по десяти копѣекъ мѣди — на театральныя издержки. И эти упрощенные спектакли бывали очень интересны; тутъ актеры-кадеты пробовали свои драматическія способности и отличались непринужденностію и ловкостію своей игры.

Послѣ каникулъ, въ августѣ, а иногда и гораздо позже, происходили у насъ публичные экзамены, по случаю выпуска изъ корпуса кончившихъ курсъ наукъ (*). Эти годичные акты замѣчательны были своею особенною торжественностію. За мѣсяцъ и болѣе до такого важнаго событія, въ корпусѣ все приводили въ лучшій видъ: вездѣ красили, чистили, мыли. Всякій день учили насъ танцовать, маршировать, пѣть, фехтовать; приготовляли увертюры и симфоніи, дѣлали безпрестанныя репетиціи. Выпускные унтеръ-офицеры расхаживали по спальнымъ камерамъ съ озабоченнымъ видомъ; нѣкоторые изъ нихъ учили наизусть рѣчи, сочиненныя ими, для произ-

---

(*) Съ 1824 года публичные экзамены въ горномъ корпусѣ назначались всегда до каникулъ.

поэзія на актѣ. Кадеты-стихотворцы принимались писать прощальные куплеты, которые потомъ нашъ капельмейстеръ Кудлай клалъ на музыку для пѣнія. Изъ корпусныхъ поэтовъ отличался въ этомъ родѣ *Бальдауфъ*.

Наконецъ наступалъ вожделѣнный для насъ день. Въ 11 часу утра собирались въ конференцъ-залъ — высшее духовенство, министры, сенаторы и другія знатныя особы, а также извѣстные писатели и ученые. Карамзинъ, Крыловъ, Жуковскій и другія знаменитости нерѣдко дѣлали намъ честь своимъ присутствіемъ.

Актъ начинался испытаніемъ нѣкоторыхъ, заблаговременно избранныхъ кадетъ, въ Законѣ Божіемъ, горныхъ наукахъ, физикѣ и химіи, при чемъ производились любопытные, большею частію трескучіе опыты. По окончаніи экзамена, продолжавшагося не болѣе трехъ часовъ, посѣтители разсматривали наши произведенія въ рисованіи, черченіи и каллиграфіи. Потомъ обозрѣвали великолѣпный музеумъ и примѣрный рудникъ, въ которомъ всѣ шахты и подземныя галлереи блистательно освѣщались лампами или восковыми свѣчами, а при входѣ ожидали гостей кадеты, въ костюмѣ саксонскихъ рудокоповъ, съ ихъ горными орудіями въ рукахъ и съ фонаремъ на поясѣ. По возвращеніи съ горъ, посѣтители приглашались директоромъ къ роскошному обѣденному столу, во время котораго игралъ оркестръ. По окончаніи обѣда, духовенство разъѣзжалось, а свѣтскія особы снова вступали въ конференцъ-залъ и занимали свои мѣста. Тогда отворялись двери изъ смежной танцовальной залы, раздавался торжественный маршъ, и кадеты, въ полной формѣ, входили тихимъ шагомъ, попарно, — малолѣтніе впереди. Подойдя къ срединѣ ряда креселъ съ почетными особами, расходились, какъ въ полонезѣ, обращая глаза на посѣтителей (тутъ малолѣтніе почти всегда сбивались съ ноги), потомъ опять соединялись въ пары, проходили стройными рядами между колоннъ залы, и, по командѣ, останавливались во фронтъ. Тогда инспекторъ классовъ или помощникъ его читалъ годовой отчетъ о состояніи учебной части въ корпусѣ, потомъ слѣдовала раздача наградъ, какъ я уже частію объяснялъ. Посрединѣ залы, между первыми рядами креселъ, красовался большой столъ, покрытый малиновымъ бархатомъ, съ золотымъ позументомъ; на столѣ въ изящномъ порядкѣ расположены были различныя награды, назначенныя для унтеръ-офицеровъ и кадетъ. Директоръ подносилъ на серебряномъ блюдѣ министру финансовъ золотыя и серебряныя медали; инспекторъ вызывалъ по списку удостоенныхъ, и министръ вручалъ имъ награды, при звукахъ трубъ и литавръ. Потомъ раздавали отличившимся въ фехтованіи золоченые эспадоны и серебряныя рапиры; за этимъ слѣдовали благодарствен-

ныя рѣчи выпускныхъ унтеръ-офицеровъ; послѣ того военная музыка играла скорый маршъ, по которому кадеты, стоявшіе до сихъ поръ въ строю, выходили изъ залы.

Тогда начинался концертъ. Кадеты, при помощи особыхъ музыкантовъ, подъ руководствомъ своего капельмейстера, разыгрывали любимыя въ то время увертюры изъ Калифа Багдадскаго, Лодоиски, Красной шапочки, Весталки и другія музыкальныя произведенія. Потомъ слѣдовало хоральное пѣніе изъ разныхъ оперъ и заключалось, по обыкновенію, прощальными куплетами, въ честь начальства.

Вотъ, для образца нашей кадетской поэзіи, стихи Бальдауфа, написанные имъ для публичнаго акта 1822 года.

Прости, наукъ смиренный храмъ,
Пріютъ любви и попеченья,
Гдѣ истина предстала намъ
Въ лучахъ святаго просвѣщенья.

Друзья! къ чему печальный видъ?
Судьба насъ броситъ въ бурю свѣта, —
Но бурный свѣтъ не измѣнитъ
Ни насъ, ни нашего обѣта.

Съ надеждой взоры къ небесамъ!
Всю святость вѣры — Провидѣнью;
Покорность — праведнымъ властямъ;
Признательность — къ благотворенью.

Къ кому же нашъ смиренный гласъ?
Кто счастья нашего виною?
Кто просвѣтилъ, споконлъ насъ —
И славный далъ примѣръ собою? (*)

ХОРЪ.

Хвала, хвала, нашъ Меценатъ!
Тебя, безсмертный, мудрый геній,
Благословенья осѣнятъ
Въ вѣкахъ грядущихъ поколѣній.

Кто сладкихъ слезъ не проливалъ
Въ честь добродѣтели священной?

(*) Кадетъ, пѣвшій соло этого куплета, сдѣлалъ два шага впередъ и обратился къ графу Дмитрію Александровичу Гурьеву, бывшему въ то время министромъ финансовъ.

Дѣла — достойныя похвалъ,
Достойны памяти вселенной!

Лишь только умолкалъ послѣдній звукъ музыки, вмигъ уносили пульпитры и музыкальные инструменты — и начиналось фехтованіе на рапирахъ и эспадонахъ. Вечеръ торжественнаго акта всегда оканчивался танцами. Кадеты, въ своемъ бальномъ нарядѣ, проходили длиннымъ полонезомъ мимо посѣтителей, привѣтствуя ихъ почтительнымъ поклономъ; изъ полонеза составлялся придворный минуэтъ à la reine, съ гавотомъ; потомъ танцовали, въ костюмахъ, матло съ флагами и саботьеръ, въ деревянныхъ башмакахъ. Бывали и другіе разнохарактерные, національные танцы.

Разъѣздъ гостей освѣщался блистательнымъ бенгальскимъ огнемъ.

Оканчиваю мои кадетскія воспоминанія разсказомъ объ одномъ событіи въ корпусѣ, которое навсегда останется у насъ въ памяти.

Въ послѣднихъ числахъ апрѣля 1822 года стояли чудные, весенніе дни. Въ саду, на горахъ нашихъ, трава уже ярко зеленѣла; молодая зелень показывалась и на деревьяхъ и на кустахъ, такъ и тянуло подышать ароматнымъ воздухомъ наступавшей весны. Многимъ изъ насъ хотѣлось бы погулять въ этомъ заповѣдномъ саду, доступномъ только *первокласснымъ* счастливцамъ, но пришлось покуда довольствоваться Смоленскимъ полемъ.

Въ одинъ изъ такихъ прекрасныхъ дней, 30 апрѣля, вечеромъ, возвращались мы съ обычной прогулки нашей по Смоленскому полю, и когда подошли къ Большому Проспекту двадцать второй линіи, то увидѣли приближающуюся къ намъ золотую карету, запряженную шестью сѣрыми красивыми конями, цугомъ; на запяткахъ два исполина-гусара. «Государыня, Государыня ѣдетъ!» раздалось въ рядахъ кадетъ. «Стой! смирно!» скомандовалъ нашъ офицеръ. Мы второпяхъ выстроились, сняли фуражки; царская карета остановилась противъ нашего фронта. Увидя Императрицу Марію Ѳеодоровну, мы почтительно поклонились. Государыня подозвала къ себѣ нѣкоторыхъ малолѣтнихъ кадетъ, съ ними подошелъ къ каретѣ и дежурный офицеръ. Ея Величество, спросивъ, изъ какого мы заведенія, изволила сказать намъ: «Я на дняхъ пріѣду къ вамъ въ корпусъ; до свиданія, дѣти!»

Намъ такъ и хотѣлось крикнуть ура! такъ и рвалась душа выразить свою радость, но не смѣли, — боялись, что скажетъ начальство, и потому на милостивыя слова Государыни мы отвѣчали только низкимъ поклономъ.

На другой день министръ финансовъ, графъ Гурьевъ, извѣстилъ нашего директора, что Императрица изволитъ посѣтить корпусъ 5 мая.

Поднялась страшная суматоха. Весь корпусъ перевернули вверхъ дномъ. Началась переноска и переборка мебели. Классы тогда еще находились въ прежнемъ неблагоустроенномъ видѣ, были тѣсны, грязны, а потому, для этого неожиданнаго случая, рѣшились перемѣстить ихъ въ спальни втораго, или средняго возраста, какъ болѣе видныя и благообразныя комнаты, а кровати и всю нашу мебель перенесли на время въ классы. Вездѣ мыли, чистили, красили; стѣны, полы, рамы и двери, чтобы скорѣе высохли, покрыли клеевою краскою....

Четыре дня сряду корпусъ представлялъ живую картину всеобщаго смятенія и страшной тревоги. Бѣгутъ плотники съ своими топорами, маляры съ кистями и ушатами, штукатуры съ лопатами и ведрами; спѣшатъ служители съ кроватями, столами, комодами; раздаются громкія приказанія и бранные крики распорядителей, и въ то же самое время кадеты маршируютъ въ залахъ, гремитъ воинственный маршъ, ревутъ трубы и фаготы, стучатъ литавры и барабаны, заглушающіе команду, ну, — точно нашествіе непріятеля или отчаянный штурмъ.

Наступилъ день пятаго мая, и нашего корпуса нельзя было узнать. Какая восхитительная чистота! Какой отличный во всемъ порядокъ! Начиная съ ярко-выбѣленныхъ колоннъ и статуй на крыльцѣ, до самой послѣдней комнаты младшаго отдѣленія, все красовалось блистательною, свѣжею чистотою. Самый воздухъ въ корпусѣ вездѣ напитанъ былъ благоуханіемъ лучшихъ французскихъ духовъ. Одни только опальные классы, загроможденные несвойственною имъ мебелью, были чужды общаго преобразованія, и потому они были искусно скрыты отъ вниманія всякаго посторонняго посѣтителя, хотя скрыть девять большихъ комнатъ — трудная задача; но какъ бы то ни было, задача эта рѣшена, и нашихъ классовъ до поры, до времени, никто не увидитъ.

Мы одѣлись въ новые мундиры, синее сукно которыхъ, какъ теперь помню, сильно пачкало намъ лицо и руки, мы безпрестанно ходили въ умывальную; потомъ, для избѣжанія бѣготни, велѣно было служителямъ подавать намъ мокрыя полотенца. Привели насъ въ новые временные классы. Мы съ любопытствомъ разсматривали ихъ, и насилу узнали наши спальныя комнаты. Свѣтлозеленыя стѣны, чистые бѣлые потолки, блестящіе желтые полы, учебные столы и скамьи, выкрашенные темнозеленою краскою и покрытые лакомъ,

свѣтлыя оловянныя чернильницы—все это было такъ ново и пріятно для глазъ.

Явились на новоселье и наши учителя, всѣ разодѣтые въ парадные мундиры. Директоръ Евграфъ Ильичъ Мечниковъ и другіе начальники и офицеры суетились, хлопотали. Стали разсаживать кадетъ въ новыхъ классахъ—по достоинству наружнаго ихъ вида; такимъ образомъ, кадеты покрасивѣе лицомъ заняли мѣста впереди. При этомъ принято было въ соображеніе и то, чтобы сидящіе на первыхъ мѣстахъ умѣли говорить по-французски.

Въ первомъ часу по-полудни прибылъ въ корпусъ министръ финансовъ, графъ Д. А. Гурьевъ, въ парадномъ, богато-вышитомъ мундирѣ, съ андреевскою лентою чрезъ плечо; обошелъ всѣ классы, поздоровался съ кадетами и объявилъ, что императрица Марія Ѳеодоровна пріѣдетъ къ намъ съ великою княгинею Маріею Павловною и супругомъ ея, наслѣднимъ принцомъ саксенъ-веймарскимъ.

Вскорѣ мы увидѣли изъ оконъ и знакомую намъ золотую карету. Министръ и всѣ начальники поспѣшили на крыльцо встрѣчать высокихъ гостей.

Входитъ государыня. Величественный видъ ея, истинно царская осанка и вмѣстѣ съ тѣмъ неизъяснимо-кроткій взглядъ и привѣтливая улыбка — навсегда остались въ нашей памяти.

Рядомъ съ императрицею шла великая княгиня Марія Павловна, за ними слѣдовали наслѣдный принцъ саксенъ-веймарскій, оберъ-гофмаршалъ Александръ Львовичъ Нарышкинъ и великолѣпная свита русскаго и веймарскаго дворовъ; министръ финансовъ и директоръ корпуса сопровождали августѣйшихъ посѣтителей.

Императрица и великая княгиня, удостоивъ нѣкоторыхъ кадетъ своимъ разговоромъ и обойдя всѣ классы, изволили обозрѣвать все заведеніе, и покуда августѣйшіе гости осматривали великолѣпные музеи и примѣрные рудники, наши танцоры успѣли одѣться по бальному и собрались въ танцовальной залѣ. Эта зала, какъ я уже говорилъ, соединялась съ огромнымъ конференцъ-заломъ, куда высокіе гости должны были войти изъ музеума. Лишь только императрица, великая княгиня и принцъ сѣли отдохнуть на особо приготовленныя для нихъ кресла, — загремѣла музыка и кадеты вошли въ конференцъ-залъ своимъ обычнымъ полонезомъ; послѣ чего танцовали гавотъ и мазурку; потомъ разыграли увертюру изъ оперы «Мегюля: «Два слѣпца въ Толедо», и пропѣли, помнится мнѣ, хоръ Козловскаго изъ Фингала.

Императрица, изъявивъ признательность начальству за доставленное ей удовольствіе, изволила благодарить и кадетъ; наконецъ

императрица простилась съ нами, при громкихъ восклицаніяхъ нашихъ: *«счастливо оставаться*, Ваше Императорское Величество.»

На другой день государыня прислала намъ конфектъ и фруктовъ, а директоръ былъ приглашенъ къ обѣденному столу Ея Величества. Послѣ царскаго угощенія, насъ отпустили домой на три дня.

По возвращеніи въ корпусъ, мы увидѣли тамъ опять все по старому; вошли въ прежніе свои классы, — и недавнее событіе представлялось намъ какимъ-то продолжительнымъ, чуднымъ сновидѣніемъ....

17 февраля 1859 г.

АРДАЛІОНЪ ИВАНОВЪ.

ПОЗЕМЕЛЬНЫЙ КРЕДИТЪ

И ЕГО СОВРЕМЕННАЯ ОРГАНИЗАЦІЯ ВЪ ЕВРОПѢ.

IV (*).

КРЕДИТНЫЯ ТОВАРИЩЕСТВА ЗЕМЛЕВЛАДѢЛЬЦЕВЪ.

(Окончаніе).

Галиційскій сословный гипотечный банкъ. — Гипотечное отдѣленіе вѣнскаго національнаго банка. — Дворянская кредитная компанія въ Лейпцигѣ. — Сословный гипотечный банкъ въ Лузаціи (въ Бауценѣ). — Дворянское кредитное общество въ Мекленбургѣ. — Земская кредитная касса въ Гессенъ-Касселѣ; ея операціи по выкупу крестьянскихъ повинностей. — Ревизія поземельнаго кредита въ Даніи; общія обязательныя основанія, принятыя датскимъ закономъ для частныхъ компаній поземельнаго кредита. — Норвегія. — Земское кредитное общество Царства Польскаго.

Въ настоящей статьѣ мы должны окончить обозрѣніе учрежденій поземельнаго кредита, основанныхъ на началахъ товарищества землевладѣльцевъ или преслѣдующихъ преимущественно интересы послѣднихъ, а не капиталистовъ.

Къ этой категоріи вполнѣ принадлежитъ *сословный гипотечный банкъ* (или товарищество землевладѣльцевъ) *въ Галиціи (Ga-*

(*) См. «Современникъ» № II и VI.

lizische standische Hypotheken-Bank), главное учрежденіе поземельнаго кредита въ Австріи (*).

Гипотечная часть находится въ Австріи въ большомъ порядкѣ; особыя книги или *регистры*, заведенныя въ присутственныхъ мѣстахъ, содержатъ въ себѣ подробное и точное описаніе всѣхъ недвижимыхъ имуществъ и обозначеніе всѣхъ состоящихъ на нихъ долговъ. Но процентъ, по которому заключаются займы подъ имѣнія, въ Австріи весьма высокъ, сравнительно съ другими странами, хотя правительство употребляло многія мѣры къ содѣйствію нуждамъ земледѣлія, занимающаго весьма важное мѣсто въ народной дѣятельности Австріи. Несмотря на то, галиційское гипотечное товарищество признается однимъ изъ самыхъ лучшихъ между европейскими учрежденіями этого рода.

Галиційское товарищество основано было въ 1841 г., по вызову собранія представителей мѣстныхъ сословій (штатовъ); оно устроено и дѣйствуетъ въ точности на основаніяхъ, принятыхъ прусскими земскими институтами, которые подробно описаны нами въ первой статьѣ; потому мы и не будемъ много о немъ распространяться, а вкратцѣ укажемъ только на его особенности. Оно состоитъ изъ всѣхъ землевладѣльцевъ-заемщиковъ, которыхъ вступленіе въ компанію есть совершенно добровольное. Оно выдаетъ закладные листы землевладѣльцамъ-заемщикамъ, обращаетъ ихъ продажею въ деньги, получаетъ проценты и погасительные ежегодные платежи отъ заемщиковъ, уплачиваетъ проценты владѣльцамъ закладныхъ листовъ и ежегодно выкупаетъ, на счетъ погасительнаго фонда, листы изъ обращенія. Его кредитъ обезпеченъ ручательствомъ всѣхъ мѣстныхъ галиційскихъ сословій; но эта гарантія болѣе нравственная, чѣмъ экономическая, и сдѣлалась чисто номинальною, а не дѣйствительною. Она замѣнила въ мысляхъ учредителей пособіе казны, оказываемое для подобныхъ учрежденій въ другихъ странахъ, и должна была внушить довѣріе къ облигаціямъ, или закладнымъ листамъ, при первыхъ ихъ выпускахъ. Самый меньшій размѣръ ссудъ, производимыхъ галиційскою компаніею, есть

(*) Для поземельнаго кредита въ Австріи служили намъ источниками: *Royer, des institutions de crédit foncier etc., p. 198 — 222; Josseau, des institutions de crédit foncier, etc. p. 231 — 242; Hübner, Banken; Wilhelm Liebreich, Beleuchtung der Hauptgrundsätze hypothecarischer Creditinstitute etc. Wien, 1856; Rau, Die ländliche Urproduction und der Real-Credit, Wien 1857. I. B. Zugschwert, die Wahl eines Hypotheken-Institutes für Oesterreich, Wien, 1856.*

1,000 флориновъ (*). Долги лежатъ на самомъ имѣніи, а не на ихъ владѣльцахъ; потому они не препятствуютъ свободному переходу имѣнія изъ однихъ рукъ въ другія; всякій пріобрѣтатель имѣнія, заложеннаго въ компанію, тѣмъ самымъ дѣлается ея членомъ.

Владѣлецъ закладнаго листа (Pfandbrief) не имѣетъ права требовать уплаты капитала, но компанія можетъ всегда его выкупить, по первоначальной или номинальной цѣнѣ, объявивъ о томъ за шесть мѣсяцевъ впередъ. Выкупъ производится по тарифу. Закладные листы выпускаются различной стоимости — отъ 100 до 10,000 флор. Компанія уплачиваетъ по закладнымъ листамъ ежегодно 4%, въ два срока; этотъ процентъ выше, нежели во всѣхъ другихъ странахъ. Но есть еще другое преимущество галиційскихъ облигацій, составляющее ихъ особенность. Каждая облигація снабжена купонами для полученія по ней процентовъ въ теченіе 10 лѣтъ; по истеченіи десяти лѣтъ выдаются новые купоны, и т. д. до погашенія всего долга или выкупа облигацій. Это въ Пруссіи, какъ вездѣ. Но купоны галиційской компаніи обращаются независимо отъ облигацій, и по выкупѣ послѣднихъ, по купонамъ уже выданнымъ, продолжаютъ выдаваться проценты. Такимъ образомъ владѣлецъ облигацій, даже выкупленныхъ по тиражу и потому получившихъ обратно свои капиталы, продолжаетъ получать до истеченія каждаго десятилѣтія проценты. Чтобы быть въ состояніи ихъ уплачивать (система погашенія именно основана здѣсь, какъ и вездѣ, на прекращеніи платежа процентовъ заимодателямъ или на сложныхъ процентахъ) компанія удерживаетъ у владѣльцевъ выкупаемыхъ облигацій изъ слѣдующаго имъ капитала сумму процентовъ, которые они будутъ отъ нея получать по купонамъ. При этомъ компанія имѣетъ въ свою пользу проценты на эти проценты или авансы.

Каждый землевладѣлецъ, желающій получить ссуду, подписываетъ особый закладной актъ, выдаваемый имъ компанія на свое имѣніе. Но облигаціи, выпущенныя компаніею, не носятъ на себѣ названія имѣнія, подъ которое выпущены, а обезпечиваются всею совокупностью ссудъ и залоговъ.

Каждый заемщикъ уплачиваетъ компаніи: 1) проценты, 2) на погашеніе 1%; 3) на расходы управленія 1/4%, и 4) единовременно при заключеніи займа 3% на весь капиталъ, для состав-

(*) Австрійскій флоринъ = 58 коп.

ленія запаснаго фонда. Всѣ ежегодные платежи вносятся въ два срока, и первый разъ впередъ за одинъ срокъ. При устроенной въ галиційской компаніи системѣ погашенія, долги погашаются землевладѣльцами въ теченіе 41 года.

Компанія принимаетъ впередъ всякіе платежи и во всякое время, списывая соотвѣтствующую долю долга; но должникъ обязанъ при этомъ внести на эту сумму проценты за наступающее полугодіе. Во всякомъ случаѣ, когда погашена $^1/_4$ всего капитальнаго долга, должникъ можетъ получить разсрочку остающихся на немъ $^3/_4$, на такой періодъ времени, какъ если бы этотъ заемъ былъ вновь имъ заключенъ. Это послѣднее правило очень важно по тѣмъ облегченіямъ, которыя оно предоставляетъ землевладѣльцамъ.

Галиційская компанія вообще выдаетъ ссуды только подъ имѣнія свободныя отъ всякихъ долговъ или подъ *первую ипотеку*, и потому ея взысканія имѣютъ преимущество передъ всякими другими, кромѣ государственныхъ податей; но компанія, по ближайшемъ удостовѣреніи, можетъ производить ссуды и подъ имѣнія уже заложенныя, лишь бы такія ссуды не превосходили $^1/_{20}$ убыли имѣнія. Эта особенность не встрѣчается рѣшительно ни въ одномъ подобномъ учрежденіи.

Всѣми дѣлами компаніи завѣдуетъ комитетъ; недовольные его рѣшеніями могутъ искать удовлетворенія административнымъ порядкомъ или судебнымъ. При всякой неисправности со стороны компаніи въ платежѣ процентовъ по облигаціямъ, на нее могутъ быть подаваемы жалобы въ Лембергскій судъ или же владѣлецъ облигаціи можетъ *требовать наложенія секвестра на одно изъ имѣній, заложенныхъ въ компаніи*. Послѣднее есть также особенность галиційскаго учрежденія, — сколько намъ извѣстно, рѣшительно чуждая всѣмъ другимъ странамъ.

Кромѣ собственныхъ капиталовъ, накопляющихся изъ погасительныхъ процентовъ и разныхъ излишковъ, остающихся отъ операцій, компанія имѣетъ въ своемъ распоряженіи пособіе отъ галиційскихъ сословій (landstände): 1) остатки *отъ формированія полковъ императорскихъ улановъ*, 2) нѣкоторую долю капитала, собраннаго для обезпеченія народнаго продовольствія. Всѣ капиталы и сбереженія городскихъ кассъ, корпорацій, благотворительныхъ заведеній и проч. должны быть обращаемы въ земскія облигаціи. Наконецъ галиційскія сословія обязались всегда открывать кредитъ компаніи изъ своихъ общественныхъ сборовъ.

Болѣе нельзя сказать о галицiйской компанiи ничего, что не было бы уже извѣстно изъ описанiя прочихъ учрежденiй поземельнаго кредита. Несмотря на многiя достоинства галицiйской компанiи и услуги, оказанныя ею мѣстному сельскому хозяйству, она не удовлетворяетъ потребностямъ въ кредитѣ всѣхъ австрiйскихъ земель и процентъ ссудъ подъ недвижимыя имущества тамъ очень высокъ. Для содѣйствiя земледѣлiю открыто было въ 1856 г. *гипотечное* отдѣленiе при вѣнскомъ *привиллегированномъ нацiональномъ банкѣ*. Собственно оно не входитъ въ кругъ разсматриваемыхъ нами теперь учрежденiй и прямо относится къ гипотечнымъ банкамъ, основаннымъ не землевладѣльцами, а капиталистами, т. е. къ той второй группѣ, о которой мы будемъ говорить позже. Но говоря о поземельномъ кредитѣ въ Австрiи, мы кстати хотѣли упомянуть и объ этомъ учрежденiи, тѣмъ болѣе — что о немъ достаточно сказать нѣсколько словъ.

Гипотечное отдѣленiе вѣнскаго нацiональнаго банка весьма мало удовлетворяетъ потребностямъ и цѣли поземельнаго кредита (*). Достаточно указать на то, что система постепеннаго погашенiя долговъ ежегодными процентными взносами вовсе исключена изъ плана операцiй гипотечнаго отдѣленiя и даже объявлена въ его уставѣ весьма неудобною, *преимущественно въ отношенiи къ счетоводству* (!). Послѣднее воззрѣнiе, подлѣ безчисленнаго множества земскихъ кредитныхъ учрежденiй, съ успѣхомъ дѣйствующихъ на основанiи системъ процентнаго погашенiя, слишкомъ напоминаетъ общiй характеръ австрiйскихъ законодательныхъ воззрѣнiй, постоянно признающихъ неудобными тѣ именно учрежденiя, которыя признаются особенно удобными въ другихъ странахъ, при тѣхъ же самыхъ данныхъ условiяхъ. Гипотечное отдѣленiе выдаетъ ссуды подъ имѣнiя на неопредѣленные сроки, деньгами или закладными листами. Далѣе—процентъ ссудъ весьма высокъ, и именно 5%; самыя стѣснительныя правила наблюденiя за неприкосновенностью залоговъ и немедленнаго наложенiя на нихъ секвестра въ случаѣ малѣйшихъ ущербовъ въ имѣнiяхъ предоставлены отдѣленiю и даютъ поводъ къ злоупотребленiямъ и произволу. Впрочемъ дѣятельность вѣнскаго банка по поземельному кредиту была до

(*) *W. Liebreich. Beleuchtung der Hauptgrundsätze hypothecarischer Creditinstitute, p. 21.*

сихъ поръ крайне ничтожна; онъ слишкомъ озабоченъ финансовыми операціями и затрудненіями казны, для вспомоществованія которой онъ собственно и былъ созданъ.

Переходимъ къ Саксонскому королевству. Здѣсь существуютъ два учрежденія поземельнаго кредита, принадлежащія къ разсматриваемой нами категоріи: *дворянская кредитная компанія въ Лейпцигѣ* (Der erbländische (*) ritterschaftliche Creditverein) и *сословный ипотечный банкъ въ Бауценѣ* (Die landständische Hypotheken-Bank der König. Sächsischen Ober-Lausitz) (**).

Дворянская компанія въ Лейпцигѣ была основана въ 1844 г. и начала свои дѣйствія съ 1-го января 1845. Она имѣла въ виду открытіе кредита, преимущественно для крупныхъ дворянскихъ поземельныхъ владѣній. При этомъ надо замѣтить, что въ Саксоніи всѣ имѣнія раздѣляются на *дворянскія* и *крестьянскія;* но тотъ или другой характеръ не сообщается имѣнію его владѣльцемъ: всѣ безъ изъятія земли могутъ быть пріобрѣтаемы всѣми подданными, и дворянское имѣніе, купленное крестьяниномъ, сохраняетъ всѣ свои преимущества и сообщаетъ ихъ своему пріобрѣтателю. Экономическія условія жизни новѣйшаго времени вынудили и Германію подчинить свое законодательство требованіямъ промышленнаго духа; не всѣ еще германскія государства рѣшились вовсе разстаться съ нѣкоторыми остатками сословныхъ разчисленій, такъ глубоко въѣвшимися въ исторію и понятія Германіи. Несмотря на свое происхожденіе, Лейпцигская компанія допускаетъ на себя займы и подъ залогъ крестьянскихъ имѣній, приносящихъ не менѣе 333 талеровъ чистаго дохода.

Компанія не производитъ ссудъ менѣе 1,000 тал. одному лицу; каждая ссуда должна быть не выше половины стоимости залога, по оцѣнкѣ. Основаніемъ оцѣнки принята таксація поземельной подати. Каждый заемщикъ уплачиваетъ ежегодно проценты, какіе выдаются компаніею по выпущеннымъ для каждой ссуды закладнымъ листамъ, расходы управленія и погасительныя доли капитала. Слѣдующіе такимъ образомъ отъ заемщика еже-

---

(*) Подъ названіемъ *erbländer* разумѣются въ Саксоніи округи: Мейссина, Ерцгенирга, Лейпцига и Фогтланда.

(**) Для поземельнаго кредита въ Саксоніи мы руководствовались слѣдующими сочиненіями: *Josseau, Des institutions de crédit foncier; Hübner. Die Banken. — B. Miller. Die gegenwärtigen Zustände des hypothecarischen credit, in Deutschland. Leipzig. 1857.—A. Berndt. Der Credit für den ländlichen Grundbesitz. Berlin. 1858.*

годные платежи вносятся имъ каждые 6 мѣсяцевъ, за три мѣсяца до уплаты процентовъ, со стороны компаніи, владѣльцамъ закладныхъ листовъ.

Закладные листы компаніи — всѣ безъименные, цѣною отъ 500 до 25 тал. Проценты, уплачиваемые компаніею по закладнымъ листамъ, и потому также землевладѣльцами въ компанію,—различны; они соображаются по ходячему проценту, опредѣляются передъ выпускомъ листовъ, которые потому раздѣляются на серіи. Каждая серія, имѣя извѣстное количество листовъ, выпускаемыхъ вслѣдствіе поступившихъ требованій на ссуды, имѣетъ свой процентъ. По истеченіи 5 лѣтъ съ основанія компаніи начался ежегодный тиражъ листовъ, выкупаемыхъ изъ обращенія на счетъ погасительнаго фонда, который образуется изъ погасительныхъ процентовъ, вносимыхъ заемщиками. Каждая серія листовъ имѣетъ свой особый погасительный и резервный фондъ, пропорціонально наличности котораго и производятся тиражъ и выкупъ. Хотя каждая серія составляетъ одно цѣлое, и недоимки первоначально пополняются изъ резервнаго фонда той же серіи, но въ случаѣ надобности могутъ быть переводимы наличныя суммы и изъ одной серіи въ другую; и платежи, и имѣнія по всѣмъ серіямъ отвѣтствуютъ за исправность уплаты компаніею процентовъ по всѣмъ выпущеннымъ ею листамъ.

Изъ всей суммы ежегодно получаемыхъ компаніею прибылей $^2/_3$ отдѣляются въ погасительный фондъ, а $^1/_3$ въ резервный, до тѣхъ поръ, пока послѣдній составитъ 5% на весь выданный въ ссуду капиталъ; послѣ того всѣ погасительные проценты и вообще всякія прибыли, такъ же какъ и проценты, нарастающіе на резервный фондъ, идутъ въ погасительный капиталъ. Резервный капиталъ предназначенъ преимущественно на случай недоимокъ. На капиталъ резервнаго фонда пріобрѣтаются государственныя облигаціи и собственные закладные листы компаніи; изъ него же могутъ быть производимы операціи *эсконта* или учета закладныхъ листовъ, находящихся въ обращеніи.

Закладныхъ листовъ, выпущенныхъ компаніею, было:

въ 1845 г.	789,200 тал.
» 1846 »	1,025,358 »
» 1847 »	1,078,853 »
» 1848 »	1,145,075 »
» 1849 »	1,192,175 »
» 1853 »	2,000,800 »

Въ 1853 году было заложено имѣній: дворянскихъ 77 и крестьянскихъ 62, — всего 139.

Заемщиками уплачивается ежегодно:

по I и II серіямъ	(1845—1849)	$3^1/_3\%$ процен.	и $^1/_2\%$	на погашеніе и управленіе.
III —	(1849—1852)	$4^1/_2\%$ —	и $^1/_3\%$	
IV —	(1852—)	$3^2/_3\%$ —	и $^2/_3\%$	

Управленіе обходится ежегодно въ 3,000 талеровъ, но вслѣдствіе прибылей, получаемыхъ отъ уплатъ заемщиками процентовъ прежде срока, уплатъ процентовъ по закладнымъ листамъ и идущихъ на управленіе, оно требуетъ ежегодно только 1,300 тал., — замѣчательно дешевое управленіе, на которое нельзя не обратить особеннаго вниманія.

Всѣ заемщики суть члены компаніи. Ими избирается правленіе, состоящее изъ 8 директоровъ (по 2 изъ землевладѣльцевъ каждаго округа) и предсѣдателя, избираемаго директорами изъ членовъ компаніи. Каждый годъ выходятъ по очереди три директора, которые могутъ быть снова избраны. При правленіи состоитъ *синдикъ*, назначаемый имъ изъ юристовъ; всѣ чиновники канцеляріи опредѣляются также правленіемъ. Канцелярія завѣдуется *повѣреннымъ* компаніи, который подчиненъ только ему и не можетъ имѣть никакихъ другихъ занятій. Правленіе распоряжается всѣми дѣлами и операціями компаніи и отвѣчаетъ за соблюденіе въ точности устава. Оцѣнка каждаго имѣнія производится первоначально директорами того округа, въ которомъ оно находится, и потомъ утверждается правленіемъ. Общее собраніе, состоящее изъ всѣхъ членовъ компаніи, собирается ежегодно разъ. Въ общемъ собраніи каждый членъ долженъ подавать голосъ лично; нѣсколько владѣльцевъ одного и того же имѣнія, заложеннаго въ компаніи, избираютъ отъ себя одного уполномоченнаго. Женщины и несовершеннолѣтніе также назначаютъ своихъ уполномоченныхъ. Общее собраніе разсматриваетъ отчетъ и производитъ вообще контроль надъ дѣйствіями правленія. Всѣ дѣла рѣшаются абсолютнымъ большинствомъ голосовъ; члены, вносящіе ежегодно по своимъ долгамъ отъ 40 до 200 тал., имѣютъ по одному голосу, отъ 201 до 400 т.—2 голоса, отъ 401 до 600—3, отъ 601 до 1200—4, болѣе 1200—5. Всякій споръ между общимъ собраніемъ и правленіемъ рѣшается третейскимъ судомъ, на который не можетъ быть апелляціи.

Гипотечный банкъ въ Бауценѣ былъ основанъ въ 1844 году сословіями Верхней Лузаціи. Онъ учрежденъ былъ въ сущности на тѣхъ же самыхъ началахъ, какъ всѣ землевладѣльческіе банки, какъ и лейпцигскій банкъ. Но въ состоятельности его ручаются мѣстныя сословія, представители которыхъ потому и производятъ надъ нимъ контроль. Погашеніе облигацій производится по мѣрѣ накопленія резервнаго фонда, *безъ штрафа*. Ссуды выдаются на половину цѣны имѣній, по оцѣнкѣ, основанной на поземельной подати. Чистый доходъ умножается на 25, что̀ и составляетъ цѣну имѣнія. Всѣ землевладѣльцы, пользующіеся какими либо крестьянскими повинностями, *изъятыми изъ общаго выкупа*, могутъ ихъ на половину закладывать въ банкѣ, т. е. имъ выдается наличный капиталъ, а банкъ получаетъ ежегодно слѣдующія повинности. Банкъ выдаетъ ссуды не менѣе 100 т. одному лицу; поэтому лузацкій банкъ дѣйствуетъ въ пользу самыхъ мелкихъ землевладѣльцевъ.

Заемщики вносятъ ежегодно, кромѣ процентовъ, $^1/_8\%$ на составленіе резервнаго фонда; собственно погашеніе не было организовано, а должники могли во всякое время вносить, по произволу, всякія суммы въ уплату капитала.

Операціи лузацкаго банка, въ началѣ его существованія, были весьма неудачны. Къ концу 1847 г. онъ выпустилъ облигацій на 444,880 тал., истратилъ большія суммы на управленіе и долженъ былъ остановить свои дѣйствія, вслѣдствіе прекращенія требованій на ссуды. Изъ сказаннаго очевидны недостатки устройства лузацкаго банка; въ немъ не было организовано ни постепенное ежегодное погашеніе долговъ со стороны заемщиковъ ($^1/_8\%$ въ пользу резервнаго фонда была слишкомъ ничтожна), ни постепенный, правильный выкупъ изъ обращенія облигацій.

Въ 1850 году лузацкій банкъ былъ значительно преобразованъ; цѣль преобразованія заключалась въ оживленіи его операцій, приспособленіемъ къ собственно гипотечному кредиту другихъ кредитныхъ операцій. Банкъ получилъ право выпускать (кромѣ земскихъ облигацій) собственные денежные знаки или циркуляціонные банковые (безпроцентные) билеты, обезпеченные всякій разъ на одну треть звонкою монетою въ кассѣ. Дѣйствія банка были распространены на всю Саксонію. При немъ была образована сберегательная касса, которая принимаетъ депозиты и открываетъ счетъ вкладчикамъ. Кромѣ того, лузацкій

банкъ выдаетъ ссуды подъ государственные фонды и облигаціи разныхъ корпорацій и публичныхъ учрежденій. Лузацкія сословія предоставили банку капиталъ въ 500,000 тал. въ постоянное пользованіе, за $3^1/_2\%$. Всѣ выпущенныя банкомъ кредитныя бумаги не могутъ превосходить цифру *недвижимыхъ* капиталовъ, въ немъ заложенныхъ. Банкноты или билеты не могутъ превосходить $^1/_5$ этой цифры. Земскія облигаціи не могутъ быть предъявляемы къ размѣну; банкноты постоянно подлежатъ размѣну въ кассѣ банка. Процентъ по ссудамъ можетъ быть различенъ. По сведеніи счетовъ и баланса за каждый годъ выдается изъ чистой прибыли $^2/_8$ директорамъ и служащимъ, $^3/_8$ въ пользу провинціальной кассы и $^3/_8$ въ капиталъ банка. Земскія облигаціи выпускаются не ниже 10 тал., банкноты не ниже 5 тал.

Съ преобразованіемъ лузацкаго банка, операціи его значительно оживились. До настоящаго времени онъ уже выдалъ съ 1850 г. до 3 мил. тал. въ ссуду землевладѣльцамъ и владѣльцамъ домовъ, въ томъ числѣ мильонъ крестьянамъ. Несмотря на все это, нельзя особенно похвалить устройство лузацкаго банка; въ немъ все-таки недостаетъ прочно организованной системы погашенія обязательными ежегодными взносами, что̀ составляетъ необходимую принадлежность поземельнаго кредита. Всѣ же прочія его кредитныя операціи нисколько не входятъ въ кругъ дѣйствій собственно гипотечнаго учрежденія и не могутъ оказывать особенныхъ благодѣяній для поземельнаго кредита, хотя дѣйствительно и могутъ его на нѣкоторое время оживить.

Кромѣ этихъ двухъ учрежденій поземельнаго кредита, въ Саксоніи есть *банкъ поземельныхъ доходовъ*, для выкупа крестьянскихъ повинностей и земель. Но о немъ мы будемъ говорить позже, при разсмотрѣніи вообще выкупныхъ операцій въ Германіи.

Въ великихъ герцогствахъ Мекленбургъ-Шверинскомъ и Мекленбургъ-Стрелицкомъ существуетъ *дворянское кредитное общество* (Ritterschaftlicher Credit-Verein), совершенно подобный прусскимъ. Но его назначеніе — служить только дворянскимъ или рыцарскимъ имѣніямъ, которыя отличаются въ Мекленбургѣ отъ крестьянскихъ, — не по званію владѣльцевъ, а по своему происхожденію въ феодальный періодъ. Мекленбургское общество — одно изъ самыхъ старыхъ учрежденій поземельнаго кредита въ Германіи, ибо происхожденіе его относится къ XVIII столѣтію. Но въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія уставъ его былъ

пересмотрѣнъ и потомъ вновь преобразованъ въ 1840 г. Мекленбургское общество состоитъ изъ владѣльцевъ заложенныхъ въ немъ дворянскихъ имѣній, несущихъ круговую отвѣтственность за всѣ обязательства общества передъ его кредиторами. Оно дѣйствуетъ выдачею заемщикамъ закладныхъ листовъ. Ссуды выдаются на половину цѣны имѣній. По закладнымъ листамъ выплачивается по первоначальному уставу $3^1/_2$ %, но впослѣдствіи эта цифра измѣнена и опредѣленіе процента предоставлено самому обществу, смотря по обстоятельствамъ времени,—обыкновенно 3 %. Отъ воли заемщика зависитъ получить закладные листы или часть ихъ чистыми деньгами; въ такомъ случаѣ общество само выпускаетъ въ обращеніе листы на соотвѣтствующую сумму. Каждый заемщикъ или членъ общества можетъ во всякое время изъ него выйти, уплативъ сполна свой капитальный долгъ закладными листами, о чемъ обязанъ только предупредить общество за 8 недѣль. Но если на обществѣ состоятъ долги (независимо отъ закладныхъ листовъ), то онъ обязанъ прежде своего выхода внести часть этихъ долговъ, пропорціональную его имѣнію. Управленіе дѣлами общества сосредоточивается въ 3 директорахъ (по одному для каждаго округа), главной дирекціи (изъ 3 членовъ), ревизіонной коммиссіи синдика и общемъ собраніи всѣхъ членовъ. Всѣ главныя должностныя лица избираются общимъ собраніемъ и утверждаются правительствомъ. Директоръ, состоящій въ родствѣ съ лицомъ, чье производится дѣло, не принимаетъ участія въ его разсмотрѣніи. Въ общемъ собраніи каждый членъ имѣетъ только одинъ голосъ. Общее собраніе ежегодно разсматриваетъ отчетъ; всякое измѣненіе въ уставѣ должно получить предварительное его согласіе. Измѣненіе въ уставѣ, касающееся интересовъ кредиторовъ общества, подлежитъ предварительному обсужденію представителей всѣхъ сословій. Черезъ 8 дней по накопленіи недоимки со стороны заемщика, общество можетъ требовать чрезъ мѣстный судъ производства взысканія съ имѣнія; взысканіе приводится въ исполненіе черезъ три дня послѣ требованія. Закладные листы выкупаются изъ обращенія по тиражу два раза въ годъ, по мѣрѣ накопленія погасительнаго фонда, образующагося изъ ежегодно вносимыхъ всѣми заемщиками погасительныхъ процентовъ. Каждый заемщикъ уплачиваетъ единовременно, при заключеніи займа, расходы по выдачѣ свидѣтельствъ изъ гипотечныхъ книгъ государства и $^1/_2$ % съ капитальной суммы въ резервный фондъ.

Ежегодно (въ полугодовые сроки) уплачивается имъ $^1/_4$ % на расходы управленія. Все, что остается свободнымъ отъ этихъ двухъ взносовъ, причисляется къ погасительному фонду. Погасительные взносы не могутъ быть менѣе $^1/_4$ % въ годъ и не болѣе 5% капитала; отъ воли заемщиковъ зависитъ уплачивать то или другое количество погасительныхъ процентовъ. Мекленбургское общество состоитъ изъ 112 членовъ (1852 г.). Оно выпустило по 1852 г. закладныхъ листовъ на 10,830,000 тал.

Обозрѣніе устройства поземельнаго кредита въ Германіи, мы заключимъ гессенскими землями. Здѣсь мы встрѣчаемся съ весьма любопытнымъ для насъ учрежденіемъ въ курф. Гессенъ-Кассельскомъ: *Земская кредитная касса* (*Landes-Kredit Kasse*) она учреждена въ 1832 г. для выкупа кредитныхъ повинностей, которыхъ гнетъ былъ здѣсь особенно чувствителенъ. Задачу свою исполнила кассельская кредитная касса чрезвычайно удовлетворительно и потому заслуживаетъ особеннаго нашего вниманія. *Земская кредитная касса* находится въ г. Касселѣ, учреждена правительствомъ и состоитъ подъ наблюденіемъ министровъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ и собранія государственныхъ сословій. Послѣднее избираетъ постоянный комитетъ для контроля надъ операціями кассы и одного изъ ея директоровъ. Кредитъ кассы обезпеченъ всѣмъ достояніемъ государства, которое отвѣтствуетъ за всѣ обязательства. Земская касса заключаетъ, для производства своихъ ссудъ на выкупъ повинностей и для другихъ цѣлей, займы въ депозитныхъ и сберегательныхъ кассахъ, у разныхъ корпорацій, правительства и частныхъ лицъ, съ уплатою процентовъ, которые никогда не могутъ превышать $3^1/_2$ %. Всѣ депозитныя кассы обязаны отдавать ей свои капиталы, по 3 %, если не предвидится никакого скораго ихъ употребленія. Кромѣ того государственное казначейство обязано во всякое время выдавать подъ облигаціи кассъ (за $3^1/_2$ %) суммы, которыя окажутся ей совершенно необходимы. Касса производитъ ссуды не только для выкупа крестьянскихъ повинностей, (на основаніи особаго закона 1832 г. о выкупѣ), но и вообще подъ залогъ недвижимыхъ имѣній. Для всякихъ иныхъ цѣлей, кромѣ выкупа, она выдаетъ ссуды не менѣе 100 тал. каждый разъ, по 4 % на продолжительные сроки и по $4^1/_2$ % на срокъ менѣе года; для выкупа повинностей, ссуды производятся отъ $3^1/_2$ % до 2%. Облигаціи, ею выпускаемыя, именныя и безъименныя, отъ 50 до 1000 тал. Земская касса можетъ употреблять для сво-

ихъ дѣлъ, *безвозмездно*, всѣхъ чиновниковъ министерства финансовъ. Всѣ платежи въ кассу сбираются отъ заемщиковъ сборщиками податей, наравнѣ съ послѣдними; сборщики получаютъ въ вознагражденіе 2% со всѣхъ поступившихъ въ ихъ руки денегъ. Въ случаѣ недоимокъ, сборщикъ черезъ двѣ недѣли обязанъ повѣстить должника, и если онъ окажется неисправнымъ, то чрезъ слѣдующія двѣ недѣли недоимки взыскиваются съ него, въ порядкѣ взысканія недоимокъ по государственнымъ податямъ. Занятые капиталы могутъ быть возвращаемы единовременно въ теченіе года или разсрочиваются посредствомъ ежегодныхъ погасительныхъ процентовъ. Срокъ и потому процентъ погашенія зависятъ отъ выбора заемщика; но ежегодный погасительный процентъ не можетъ быть ни въ какомъ случаѣ ниже ½%. Взносъ погашенія съ процентами долженъ быть одинаковъ во всѣ годы. Хотя земская касса учреждена вообще для гипотечнаго кредита, но она обязана была, до окончательнаго выкупа всѣхъ крестьянскихъ земель, всегда *предпочтительно* производить ссуды для выкупа повинностей. Кромѣ того, при всѣхъ другихъ равныхъ условіяхъ, должно быть даваемо предпочтеніе мелкимъ займамъ передъ крупными. Заемщики могутъ во всякое время дѣлать всякіе взносы въ счетъ будущихъ своихъ платежей, но если они не предупредили кассу о своемъ желаніи за 3 мѣсяца, то съ нихъ взыскивается 2% на производимые ими взносы. Казна постоянно даетъ въ ссуду кассѣ капиталы, выручаемые отъ продажи государственныхъ имуществъ, отъ оброчныхъ статей, отъ разныхъ сборовъ и доходовъ съ казенныхъ земель и проч.

Облигаціи, выпускаемыя кассою, могутъ быть *всегда предъявляемы къ обмѣну на чистыя деньги*, т. е., касса обязана возвращать занятые ею капиталы, по востребованію. Вообще касса обязана произвести обмѣнъ черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ объявленія, но сберегательныя кассы удовлетворяются ею черезъ 4 недѣли. Это правило объ обязательности возвращенія вкладовъ, хотя и опирающееся нѣкоторымъ образомъ на филантропическій характеръ земской кассы и гарантію правительства, встрѣтило однако въ своемъ исполненіи много затрудненій. Администрація кассы нѣсколько разъ ходатайствовала объ отмѣнѣ этого правила, но правительство не соглашалось. Несмотря на то, всѣ операціи кассельской земской кассы сопровождались большимъ успѣхомъ; она съ точностью выполняла всѣ свои обязатель-

ства и оказала большія услуги странѣ. Въ періодъ времени, послѣ 1848 г. были нѣкоторыя замѣшательства, вклады обращались въ кассу нѣсколько тише, но и затрудненія этого тревожнаго времени побѣждены съ успѣхомъ.

Съ 1832 по 1848 г. земская касса произвела всего ссудъ до 17,600,000 тал.; изъ нихъ до 9,000,000 вообще подъ недвижимыя имущества, а остальное на выкупъ крестьянскихъ повинностей. Всѣ повинности денежныя и натуральныя нынѣ при помощи земской кассы выкуплены въ Гессенъ-Касселѣ, т. е., помѣщики ею окончательно удовлетворены. Для ускоренія этой операціи, дозволено было крестьянамъ уплачивать въ кассу не деньгами, а земледѣльческими продуктами. Но независимо отъ этого государственнаго преобразованія, касса содѣйствовала вообще развитію кредита въ сельскомъ хозяйствѣ и пониженію процента.

Къ 1848 г. суммы, выданныя кассою въ ссуду, распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

1) На выкупъ барщины	по 2% (*). . . .	933,804 тал.
	— 3%.	273,745 —
2) На выкупъ десятинъ	— 3%	3,321,895 —
	— 3½%. . . .	1,137,225 —
3) На выкупъ разныхъ повинностей	— ¼%	1,276,118 —
	— 3%	712,360 —
4) На выкупъ выгоновъ, пастбищъ и проч.	— 3¾% . . .	132,478 —
5) На постройку общинами училищъ	— 3½% . . .	483,201 —
6) Разныя ссуды	— 4%	9,315,710 —
	Всего . . .	17,586,536 тал.

Облигаціи кассъ постоянно пользовались большимъ довѣріемъ публики, такъ что онѣ были въ обращеніи съ преміею въ 2%. Касса не только не нуждалась во вкладахъ, но, напротивъ, принуждена была часто отказывать въ пріемѣ. Въ послѣднее время спекуляція имѣла и здѣсь, какъ вездѣ, вліяніе на нѣкоторое уменьшеніе вкладовъ. До 1849 г. облигаціи никогда не падали ниже своей нарицательной цѣны. Замѣчательно, что гарантія

(*) Закономъ о выкупѣ были опредѣлены различные размѣры процентовъ для различныхъ категорій повинностей, *обязательные* какъ для крестьянъ, такъ и для помѣщиковъ.

правительства, содѣйствовавшая кредиту земской кассы, до сихъ поръ оставалась только номинальною, и касса ни разу не прибѣгала къ ней. Выкупъ повинностей шелъ такъ блистательно, что въ послѣднее время процентъ по этого рода ссудамъ былъ пониженъ до $1\frac{1}{2}\%$. Кассельская земская касса стоитъ, по удостовѣренію знатоковъ организаціи поземельнаго кредита, въ ряду лучшихъ учрежденій этого рода, хотя по самымъ свойствамъ своего первоначальнаго назначенія она имѣетъ особенный характеръ, не совсѣмъ соотвѣтствующій всѣмъ промышленнымъ условіямъ свободныхъ и частныхъ кредитныхъ сдѣлокъ.

Послѣ Германіи мы должны сдѣлать очеркъ учрежденій поземельнаго кредита той же группы въ другихъ государствахъ Европы. Такъ мы представимъ нѣкоторыя свѣдѣнія о развитіи поземельнаго кредита въ Даніи, особенно заслуживающія нашего вниманія, вслѣдствіе операцій по выкупу крестьянскихъ земель и обращенія общинныхъ земель въ личную собственность.

Данія (*) по преимуществу земледѣльческая страна; земледѣліе даетъ большіе доходы и потому землевладѣльцы находятъ весьма выгоднымъ закладывать свои имѣнія. — Поземельный кредитъ весьма распространенъ въ Даніи.

Феодальный періодъ оставилъ все пространство Даніи раздѣленнымъ на весьма обширныя дворянскія имѣнія, въ которыхъ жило земледѣльческое населеніе въ крѣпостной зависимости отъ помѣщиковъ. Къ концу XVIII-го столѣтія были предоставлены въ постоянное пользованіе крестьянъ усадьбы и нѣкоторое количество земли. Зависимость отъ помѣщиковъ и нѣкоторыя обязанности попечительства послѣднихъ остались. Правительство стало принимать мѣры къ улучшенію земледѣлія и быта крестьянъ и признало причинами неудовлетворительнаго ихъ положенія феодальную зависимость крестьянъ отъ помѣщиковъ и общинное владѣніе землею (**) между крестьянами; къ устраненію этихъ причинъ правительство и направило всѣ свои дѣйствія. — И въ отношеніи къ общинному владѣнію были употреблены мѣры столь энергическія, что вѣроятно онѣ не встрѣтятъ сочувствія даже со стороны всѣхъ противни-

---

(*) *Josseau. Des institutions de crédit foncier, etc. ch. X.*

(**) Судя по описанію Жоссо, общинное владѣніе въ Даніи было сходно съ нашимъ. Въ то время тамъ, какъ и у насъ преобладало трехпольное хозяйство.

ковъ общиннаго владѣнія. Датское правительство не остановилось ни передъ какими препятствіями со стороны издавна вкоренившагося обычая и всего основаннаго на немъ быта крестьянъ; въ 1781 г. былъ изданъ законъ, повелѣвавшій *уничтоженіе общиннаго владѣнія* и раздробленіе крестьянскихъ земель на личные участки. Первымъ затрудненіемъ представилась необходимость возведенія новыхъ крестьянскихъ дворовъ и усадебъ, потому что до того времени крестьянскіе дворы были скучены около однихъ центровъ или деревень, какъ у насъ. Но правительство не остановилось даже передъ этимъ огромнымъ расходомъ. Тѣмъ же закономъ было предоставлено право получать *безвозвратно* изъ казны отъ 50 до 100 тал. всякому крестьянскому семейству, которое перенесетъ свой дворъ изъ деревни на выдѣленный для него участокъ. — Въ 1801 г. выдача этого вспомоществованія была прекращена.

Въ 1806 г. датское правительство учредило *кредитную кассу* для вспомоществованія земледѣлію. — Она была снабжена на счетъ казны значительнымъ погасительнымъ капиталомъ и обязана была производить ссуды за $2^0/_0$, въ слѣдующихъ случаяхъ:

1) Для улучшенія обработки земель, отданныхъ въ арендное содержаніе (въ видахъ поощренія къ развитію фермерства).

2) Для водворенія нѣсколькихъ семействъ земледѣльцевъ на обширныхъ пустопорожнихъ пространствахъ.

3) Землевладѣльцамъ и арендаторамъ, когда ими заключены арендные контракты, на весьма продолжительные сроки.

4) Компаніямъ, устроившимся изъ помѣщиковъ для искорененія между крестьянами общиннаго владѣнія и вообще для улучшенія земледѣлія.

5) Для возведенія плотинъ противъ морскихъ наводненій.

6) Для улучшенія и осушенія почвы.

Вмѣстѣ съ тѣмъ кредитная касса выдавала ссуды арендаторамъ и крестьянамъ на пріобрѣтеніе въ собственность земли, находящейся въ ихъ владѣніи (съ уплатою наличныхъ денегъ) или пользованіи (съ исправленіемъ денежныхъ повинностей или барщины). Долги эти погашались постепенными ежегодными взносами извѣстнаго процента съ капитала.—Правительство поощряло заключеніе многолѣтнихъ арендныхъ контрактовъ и возникновеніе всякаго рода агрономическихъ обществъ, и потому кредитная касса всегда должна была отдавать предпочтеніе землямъ, отданнымъ въ многолѣтнюю аренду, и поручительствамъ компаній.

Кредитная касса получила изъ казны 750,000 тал. въ видѣ разныхъ государственныхъ кредитныхъ бумагъ. Если этого капитала недоставало для ссудъ, то касса могла заключать займы у частныхъ лицъ (не выше, какъ по 7%, и казна обязывалась доплачивать всѣ расходы свыше 2%, вносимыхъ заемщиками кассы. — Впослѣдствіи кредитная касса не могла продолжать своихъ операцій при 2%, тѣмъ болѣе, что приливали со всѣхъ сторонъ просьбы крестьянъ, желавшихъ воспользоваться легкими условіями выкупа; потому процентъ по ссудамъ былъ вообще повышенъ до 3¾ и 4%, и по 2% выдавались ссуды лишь въ чрезвычайныхъ случаяхъ. Къ концу XVIII столѣтія всѣ ссуды простирались до 3½ мил. тал. Въ 1798 г. касса получила разрѣшеніе на заемъ 5 мил. тал., съ гарантіею правительства. Послѣ того начались войны и касса была закрыта въ 1816 г.

Датское правительство продолжало и въ послѣдующіе годы оказывать большое содѣйствіе поземельному кредиту. — Всѣ свободные капиталы постоянно отдавались казною и разными публичными учрежденіями (напримѣръ, пенсіонный капиталъ) подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ, за умѣренные проценты. Національный датскій банкъ производитъ также гипотечныя ссуды, въ довольно значительныхъ размѣрахъ.

Датская кредитная касса, какъ учрежденіе, основанное въ видахъ правительства, совершила свое дѣло: оживила сельское хозяйство, облегчила выкупъ крестьянскихъ земель и положила основаніе развитію поземельнаго кредита. Послѣ ея закрытія, стали обнаруживаться въ Даніи стремленія частныхъ лицъ къ образованію земскихъ кредитныхъ компаній, и въ 1850 г. изданъ былъ законъ, которымъ дозволялось, на опредѣленныхъ основаніяхъ, учрежденіе, съ разрѣшенія министерства внутреннихъ дѣлъ, частныхъ компаній для поземельнаго кредита.

Эти основанія, признаваемыя датскимъ закономъ, какъ обязательныя для каждой учреждающейся компаніи, — слѣдующія:

1) Складочный компанейскій капиталъ не менѣе 3 мил тал.

2) Заложенныя имущества должны находиться въ одной и той же мѣстности, предназначенной для круга дѣйствій компаніи.

3) Ссуды не должны превосходить ⅔ цѣны заложенныхъ имѣній.

4) Облигаціи, выпущенныя для производства ссудъ, никогда не должны превосходить сумму всѣхъ ссудъ.

5) Круговая отвѣтственность компаньоновъ.

6) Облигаціи не могутъ быть мельче 50 тал.

7) Постепенное ежегодное погашеніе долговыхъ капиталовъ.

8) Представленіе министру внутреннихъ дѣлъ отчета чрезъ каждое трехлѣтіе.

9) Взысканіе долговъ съ просроченныхъ имѣній съ ускоренною процедурою, и продажа ихъ въ пользу компаніи безъ всякаго судебнаго разбирательства.

10) Компаніи не стѣсняются никакимъ законнымъ размѣромъ процентовъ по своимъ ссудамъ и займамъ.

11) Всѣ государственныя и публичныя учрежденія обязаны помѣщать свои свободные капиталы въ компаніяхъ.

Образованіе компаній въ Даніи, на этихъ основаніяхъ, шло весьма успѣшно.

Въ Норвегіи (*) существуетъ гипотечный банкъ, дѣйствующій по такимъ точно правиламъ, какъ всѣ германскія земскія общества, уже достаточно извѣстныя читателямъ.

Мы сдѣлали очеркъ всѣхъ учрежденій поземельнаго кредита (сколько нибудь существенно важныхъ) въ западной Европѣ, въ кругу развитія кредита преимущественно для удовлетворенія землевладѣльческихъ и земледѣльческихъ интересовъ. Теперь намъ остается обратиться къ близкимъ намъ странамъ: Царству Польскому и Остзейскимъ губерніямъ, изъ которыхъ первое занимаетъ въ этомъ отношеніи одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ.

Устройство кредита въ Царствѣ Польскомъ (**) уже давно обращаетъ на себя справедливое вниманіе государственныхъ и финансовыхъ людей западной Европы и признается во многихъ отношеніяхъ образцовымъ.

Послѣ продолжительныхъ войнъ и внутреннихъ переворотовъ, въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтій, недвижимыя имѣнія въ Польшѣ были обременены огромными долгами, поставившими и должниковъ-землевладѣльцевъ, и кредиторовъ — въ самое затруднительное положеніе. Для облегченія этого положенія учреждено было сеймомъ и Высочайше утверждено, въ

(*) *Hübner. Die Banken, p. 218.*

(**) Относительно устройства поземельнаго кредита въ Царствѣ Польскомъ, см. *Josseau, Des institutions de crédit foncier. Ch. I.* — *Чайковскаго*. О земскомъ кредитномъ обществѣ Царства Польскаго. 1856. *Колаковскаго*. О поземельномъ кредитѣ въ Царствѣ Польскомъ. (Сел. Благ. 1858 г. №№ 9, 10 и 12).

1825 году, *земское кредитное общество Царства Польскаго*. Первоначальная цѣль учрежденія общества состояла въ томъ, чтобы: 1) оказать пособіе обремененнымъ долгами землевладѣльцамъ пониженіемъ процента долга и разсрочкою уплаты капитала; 2) обезпечить права заимодавцевъ, которые теперь имѣли уже, на мѣсто прежнихъ должниковъ, цѣлое общество, съ его совокупною гарантіею. Слѣдовательно главнѣйшая и первоначальная цѣль общества была — не открытіе кредита земледѣлію, а только обращеніе прежнихъ долговъ въ обязательства болѣе выгодныя для владѣльцевъ имѣній и болѣе прочныя для заимодавцевъ.

Поставивъ съ перваго дня своей дѣятельности осторожность главнымъ и непреложнымъ правиломъ всѣхъ своихъ операцій, общество приняло на себя не всѣ долги, лежавшіе на недвижимыхъ имѣніяхъ, а подъ слѣдующими условіями:

1) Оно давало ссуды только тѣмъ поземельнымъ владѣніямъ, которыя были внесены въ губернскія гипотечныя книги (то есть которыхъ всѣ долговыя обязательства были опредѣлены точнымъ, формальнымъ порядкомъ и платили по крайней мѣрѣ 15 р. сер. ежегодной подати (офяры).

2) Имѣнія подвергались довольно низкой оцѣнкѣ, и ссуды производились только на $^2/_3$ цѣны каждаго имѣнія.

3) Всѣ постройки въ имѣніи должны быть застрахованы.

4) Общество получило отъ правительства привиллегію производить свои взысканія не судебнымъ порядкомъ, сопряженнымъ съ формальностями и проволочками, а посредствомъ быстрыхъ административныхъ мѣръ.

Членами общества дѣлались всѣ тѣ владѣльцы имѣній въ Царствѣ Польскомъ, которые получали отъ него ссуды. Въ началѣ своихъ дѣйствій, общество вынуждено было дѣйствовать, въ виду чрезвычайныхъ обстоятельствъ, *принудительнымъ* образомъ. Каждый землевладѣлецъ могъ, получивъ ссуду изъ общества *закладными листами*, уплатить ими причитающуюся часть своихъ долговъ своему кредитору, если даже послѣдній и не былъ на это согласенъ. Въ то же время заимодавецъ могъ требовать отъ своего должника уплаты долга закладными листами и потому могъ его принудить вступить въ общество.

Всѣ ссуды, выданныя обществомъ при его учрежденіи, были разсрочены на 28 лѣтъ. Въ теченіе этого срока каждый заемщикъ долженъ былъ вносить въ общество ежегодно 4% и

еще 2% на погашеніе капитала, въ полугодовые сроки. По закладнымъ листамъ, до выкупа ихъ изъ обращенія, уплачивались обществомъ 4%; 2% шли на составленіе погасительнаго капитала, на счетъ котораго ежегодно выкупается изъ обращенія по тиражу часть закладныхъ листовъ. Въ тиражѣ участвуютъ предпочтительно закладные листы, представленные къ обмѣну ихъ владѣльцами. Закладные листы выпускаются разнаго достоинства, отъ 3,000 р. (20,000 злот.) до 30 р. с. (200 злот.), безъименные и именные, по желанію получающихъ. Къ листамъ приложены купоны для полученія процентовъ, въ полугодовые сроки. Первое время курсъ закладныхъ листовъ стоялъ въ публикѣ и на биржахъ невысоко, ниже номинальной своей цѣны; предвидя это обстоятельство, весьма естественное въ то время, когда не только въ Польшѣ, но и вообще въ Европѣ, гипотечныя облигаціи были цѣнностью совершенно новою въ обращеніи, общество прибѣгло къ обязательному курсу закладныхъ листовъ (*cours forcé*) то есть, къ той мѣрѣ принужденія въ пріемѣ ихъ заимодавцами, о которой мы говорили выше. Очевидно, эта мѣра однозначуща съ *cours forcé*, потому что заимодавцы обязаны были принимать листы въ уплату сдѣланныхъ ими ссудъ, по номинальной или выпускной ихъ цѣнѣ. Такую мѣру, съ точки зрѣнія экономической теоріи, вообще нельзя оправдывать; но въ чрезвычайныхъ общественныхъ и государственныхъ обстоятельствахъ экономическая теорія должна дѣлать уступки. Такія чрезвычайныя обстоятельства были и въ Польшѣ, при учрежденіи земскаго кредитнаго общества. Должники пришли въ совершенную несостоятельность, и какъ имъ, такъ и ихъ кредиторамъ, угрожало конечное разореніе. Для обоихъ былъ единственный спасительный выходъ—разсрочка долговъ чрезъ посредство общества. Но при этомъ не должно забывать, что всякое лицо и учрежденіе, пользующееся какою либо *чрезвычайною* мѣрою, беретъ на себя большую долю отвѣтственности, которую не всегда легко нести. Чрезвычайная мѣра, насилующая естественное, свободное развитіе отправленій общественной жизни, обязываетъ пользующагося ею дѣйствовать *единственно* въ интересахъ людей, которыхъ свобода нарушена. Земское кредитное общество честно исполнило свой долгъ: всѣ его операціи были разсчитаны исключительно для удовлетворенія интересовъ, имъ затронутыхъ. Курсъ закладныхъ листовъ постоянно подымался и кредиторы ничего не проиграли. Въ 1826 году курсъ былъ

75 злотыхъ за 100 (то есть 11 руб. 25 коп. за 15 р. с.); въ 1838 г., 13 р. $57^1/_2$ к. за 15 р.; въ 1853 г., 14 р. 49 к. за 15 р., и наконецъ въ послѣдніе года за 15 р. давали 15 р. 27 к. Не должно упускать изъ виду, что даже въ періодъ низкихъ курсовъ кредиторы, удержавшіе въ своихъ рукахъ закладные листы, получили сполна свои капиталы изъ общества, при выходившей для нихъ по тиражу очереди. Этотъ примѣръ близкой намъ страны долженъ служить для насъ полезнымъ воспоминаніемъ для будущаго времени; первоначальный курсъ кредитныхъ бумагъ при выпускѣ ихъ рѣдко остается тотъ же; часто самыя блестящія биржевыя преміи улетучиваются, какъ дымъ, и плохіе курсы, возникшіе при новизнѣ дѣла, поправляются. За исключеніемъ 1831 г., который по политическимъ обстоятельствамъ совершенно выходитъ изъ общаго уровня, польскіе закладные листы никогда не претерпѣвали слишкомъ значительныхъ пониженій; они такъ хорошо принялись въ публичномъ обращеніи, что требованіе на нихъ перешло границы Польши, и весьма значительное число ихъ продавалось на иностранныхъ биржахъ, особенно берлинской и бреславской.

Въ 1838 году первоначальный законъ *объ обязательности* вступленія должниковъ въ члены земскаго общества и пріема кредиторами закладныхъ листовъ былъ отмѣненъ, то есть, всякій принудительный курсъ уничтоженъ, что, какъ мы видѣли, не имѣло никакого неблагопріятнаго вліянія на курсы.

Согласно первоначальному своему уставу, общество должно было прекратить свои дѣйствія въ 1854 г., (то есть, по истеченіи 28 лѣтъ); но въ 1834 г., дозволенъ былъ еще одинъ (второй) выпускъ закладныхъ листовъ, также на 28 лѣтъ. Условія ссудъ остались тѣже, только дозволены были ссуды подъ имѣнія мелкопомѣстныя, платящія менѣе $7^1/_2$ р. с. подати (прежній minimum) и кромѣ новыхъ займовъ, заемщики перваго выпуска могли получить дополнительныя ссуды (или возобновленныя) тѣхъ частей долга, которыя были ими уже погашены. Въ 1853 году дозволенъ обществу третій выпускъ закладныхъ листовъ, также на 28 лѣтъ, то есть, по 1881 годъ. Слѣдуетъ замѣтить это различіе въ выпускѣ листовъ между польскимъ обществомъ и большею частію германскихъ, которыя не имѣютъ никакихъ періодовъ для выпуска, а изготовляютъ и выдаютъ земскіе листы постоянно, по мѣрѣ требованія ссудъ. Мы не можемъ не отдать предпочтенія послѣдней системѣ, хотя понимаемъ, что она

представляетъ болѣе затрудненій для безошибочной комбинаціи погасительныхъ и выкупныхъ операцій.

Всякій, получившій отъ общества ссуду, то есть, членъ его,— отвѣчаетъ за свой долгъ своимъ залогомъ, или имѣніемъ, подъ которое произведена ссуда; дальнѣйшая отвѣтственность лицомъ и имуществомъ здѣсь не имѣетъ мѣста. Но вмѣстѣ съ тѣмъ каждое имѣніе, заложенное въ обществѣ, несетъ на себѣ не только отвѣтственность за свой собственный, спеціальный долгъ, но и общую отвѣтственность по всѣмъ долгамъ или ссудамъ общества; эта общая *круговая* отвѣтственность членовъ должна быть, согласно 23 ст. устава, въ случаѣ привлеченія къ ней частныхъ имѣній членовъ, распредѣляема пропорціонально долгамъ, лежащимъ на каждомъ имѣніи. Еслибъ по истеченіи 28 лѣтъ (срока погашенія каждаго выпуска закладныхъ листовъ), всѣ листы того выпуска не были выкуплены изъ обращенія, въ такомъ случаѣ имѣніе каждаго члена, хотя бы его спеціальный долгъ былъ уже погашенъ, продолжаетъ выплачивать приходящуюся на его долю сумму процентовъ по непогашеннымъ долгамъ общества, до окончательнаго ихъ погашенія. Таково значеніе круговой отвѣтственности членовъ земскаго общества. Впрочемъ въ настоящее время эта отвѣтственность только номинальная, потому что общество имѣетъ свой собственный резервный капиталъ въ банкѣ, до трехъ мильоновъ руб. сер., который составляетъ общую собственность всѣхъ его членовъ и можетъ служить весьма достаточнымъ обезпеченіемъ противъ всякихъ случайностей. Общество не имѣетъ основаніемъ для своихъ операцій никакого разсчета на барышъ, и старается доставлять своимъ членамъ капиталъ по тѣмъ самымъ процентамъ, какіе оно само выплачиваетъ вкладчикамъ (владѣльцамъ листовъ); но означенный капиталъ накопился изъ незначительнаго излишка ежегодно выплачиваемаго членами (около 51 коп. на 30 р. с.); изъ пеней за просрочку платежей и изъ сбереженій по расходамъ управленія.

Управленіе общества состоитъ изъ главной и окружныхъ дирекцій. Предсѣдатель главной дирекціи назначается высочайшею властію; всѣ прочіе члены дирекцій избираются обществомъ. Окружныя дирекціи, поставленныя наравнѣ съ губернскими присутственными мѣстами, принимаютъ объявленія отъ желающихъ вступить въ общество, приготовляютъ закладные листы, составляютъ въ гипотечныхъ книгахъ закладныя записи;

исключаютъ изъ нихъ погашенные долги и взимаютъ всѣ сборы и платежи въ пользу общества. Дѣйствія окружныхъ дирекцій находятся подъ наблюденіемъ прокуроровъ гражданскихъ губернскихъ трибуналовъ. Высшее управленіе сосредоточивается въ главной дирекціи въ Варшавѣ. Окружныя дирекціи составляются изъ мѣстныхъ членовъ общества; главная дирекція—изъ депутатовъ отъ каждаго округа. Главная дирекція разсматриваетъ и разрѣшаетъ представленія окружныхъ дирекцій о выдачѣ ссудъ, производитъ тиражъ закладныхъ листовъ и платежи процентовъ по невыкупленнымъ листамъ и капиталовъ по выкупаемымъ, наконецъ—вообще разрѣшаетъ всѣ вопросы и сомнительные случаи. За дѣйствіями главной дирекціи имѣетъ наблюденіе прокуроръ апелляціоннаго суда, который можетъ приносить на нее жалобы особому комитету общества. Комитетъ составляетъ высшую инстанцію общества и избирается имъ изъ своей среды, на окружныхъ собраніяхъ. Комитетъ не имѣетъ никакой власти распорядительной, а только высшее наблюденіе за общимъ ходомъ дѣлъ и направленіе ихъ къ цѣли, указанной уставомъ. Кромѣ всѣхъ этихъ учрежденій, есть еще комитетъ, состоящій изъ владѣльцевъ закладныхъ листовъ; онъ охраняетъ ихъ интересы, не имѣетъ никакого вмѣшательства въ дѣла общества и можетъ только представлять о встрѣчающихся недоумѣніяхъ и приносить жалобы на распоряженія общества.

Указываютъ на недостатки принятаго обществомъ способа оцѣнки имуществъ, отдаваемыхъ въ залогъ; но оцѣнка есть вообще дѣло весьма трудное и всюду сопровождающееся многими несовершенствами. Она производится въ Царствѣ Польскомъ, какъ и вездѣ, только приблизительно. Основаніемъ ея здѣсь служитъ подать, извѣстная подъ именемъ *офяры*. Сумма этой подати, получаемая съ каждаго имѣнія, должна быть умножена на 5 и потомъ на 20; произведеніе этихъ чиселъ и принимается за цѣну имѣнія. Замѣчаютъ, что множитель 5, представляющій собою пропорцію подати къ ежегодному чистому доходу имѣнія, невѣренъ; но при отсутствіи кадастра это было единственно-возможное основаніе для оцѣнокъ общества.

Каждая изъ нашихъ остзейскихъ губерній (*) имѣетъ свой дворянскій гипотечный банкъ; банки эти называются *кредитными системами* (Creditsystemen). Эти банки учреждены мѣстнымъ дворянствомъ, на основаніи Высочайшаго указа 1802 года, послѣдовавшаго вслѣдствіе ходатайства о томъ лифляндскихъ и эстляндскихъ дворянъ. Въ устройствѣ своемъ они весьма сходны съ германскими кредитными обществами землевладѣльцевъ.

Назначеніе всѣхъ остзейскихъ дворянскихъ кредитныхъ обществъ — содѣйствовать выпускомъ обязательствъ, обезпеченныхъ совокупнымъ ручательствомъ всѣхъ ихъ членовъ, кредиту каждаго изъ нихъ, точно такъ же, какъ и въ германскихъ земскихъ компаніяхъ. Мы разскажемъ устройство лифляндскаго общества, самаго старѣйшаго изъ трехъ.

Каждый владѣлецъ дворянскаго имѣнія въ Лифляндіи можетъ быть членомъ или заемщикомъ общества. Закладные листы (Pfandbriefe), выпускаемые дирекціями общества, обезпечиваются какъ относительно возврата капиталовъ, такъ и уплаты процентовъ владѣльцамъ ихъ, имѣніями всѣхъ членовъ; потому въ случаѣ неисправности кого либо изъ заемщиковъ, владѣлецъ листовъ, выпущенныхъ подъ залогъ его имѣнія, не имѣетъ надобности искать удовлетворенія съ этого имѣнія, а продолжаетъ безостановочно получать проценты изъ кассы общества и обезпеченъ въ возвратѣ капитала ручательствомъ всего общества. Закладные листы надписываются на владѣльца ихъ и на то имѣніе, подъ которое выпущены. Каждый владѣлецъ закладнаго листа можетъ посредствомъ бланковой надписи открыть свободное для него обращеніе отъ одного лица къ другому или посредствомъ объявленія въ дирекцію общества перевести его на другое имя. Закладные листы въ 100 р. с. цѣнности обращаются безъ всякихъ передаточныхъ надписей, то есть, считаются собственностью того, въ чьихъ рукахъ каждый разъ находятся. Управленіе дѣлами общества сосредоточено въ главной и подчиненныхъ ей уѣздныхъ дирекціяхъ; но всѣ дирекціи (главная и уѣздныя) непосредственно подчинены рѣшеніямъ общаго собранія членовъ общества. Закладные листы общества принимаются

(*) *S. v. Himmelstiern. Das livländische Creditsystem, Riga 1838. — Das Ehstländische Creditsystem. Reval. 1846. — Grundsätze zur Taxation der Güter bei der Ehstländischen adeligen Credit-Casse. Reval. 1843. — Hübner. Die Banken. p. 229. — Josseau. Des institutions, etc. p. 5.* — Уставы всѣхъ остзейскихъ банковъ находятся въ Полномъ Собраніи Законовъ.

въ залогъ казною по всѣмъ казеннымъ подрядамъ, поставкамъ, откупамъ, арендамъ и проч. Таковы главныя основанія лифляндскаго дворянскаго банка. Войдемъ въ нѣкоторыя подробности его организаціи.

Общія собранія происходятъ въ одно время и въ связи съ собраніями дворянства (ландтагъ); кромѣ того могутъ быть созываемы и чрезвычайныя общія собранія по приглашенію главной дирекціи. Членъ, не являющійся въ общее собраніе безъ всякихъ законныхъ причинъ, подлежитъ штрафу въ 100 р. с. Въ случаѣ болѣзни, занятій по службѣ и прочихъ законныхъ причинъ, отсутствующій можетъ подать голосъ письменно. Объ открытіи каждаго общаго собранія доводится черезъ депутатовъ до свѣдѣнія начальника губерніи. Открывается общее собраніе главнымъ директоромъ, но въ предсѣдатели избирается, по большинству голосовъ, каждый разъ другое лицо, которое не можетъ быть въ тоже время членомъ дирекціи. Общее собраніе разсматриваетъ докладъ главной дирекціи: о распоряженіяхъ, сдѣланныхъ ею въ исполненіе рѣшеній послѣдняго общаго собранія, о положеніи дѣлъ общества, о новыхъ требующихъ разрѣшенія вопросахъ, о поступившихъ жалобахъ и просьбахъ, о заявленныхъ посторонними лицами желаніяхъ. Всякое предложеніе общему собранію представляется предсѣдателю, который передаетъ его на предварительное разсмотрѣніе особой коммиссіи или частнаго собранія членовъ (Enge-Ausschuss). Затѣмъ общее собраніе само возбуждаетъ разные вопросы и даетъ наставленія въ руководство главной дирекціи или въ измѣненіе существующаго порядка операцій, если такое измѣненіе не противно уставу. Наконецъ общее собраніе избираетъ членовъ дирекцій и частнаго собранія. Это частное собраніе, обработывающее всѣ дѣла для общаго собранія, состоитъ изъ пяти членовъ. Въ засѣданіяхъ частнаго собранія присутствуютъ всѣ директоры общества и предсѣдатель общаго собранія, но не имѣютъ права голоса. Общее собраніе должно непремѣнно состоять изъ 15 наличныхъ членовъ. Помѣщики, непринадлежащіе къ обществу, могутъ присутствовать въ общихъ собраніяхъ, но безъ права участія въ сужденіяхъ. Члены общества женскаго пола могутъ передавать свой голосъ мужьямъ или, въ случаѣ смерти послѣднихъ, совершеннолѣтнимъ сыновьямъ. Всѣ тѣ владѣльцы закладныхъ листовъ, которые принадлежатъ къ лифляндскому дворянству, имѣютъ также право голоса въ общихъ собраніяхъ. Члены общества, имѣнія кото-

торыхъ вслѣдствіе взысканія недоимокъ находятся подъ секвестромъ, не имѣютъ права голоса въ общихъ собраніяхъ. Всѣ дѣла рѣшаются здѣсь по большинству голосовъ; противъ такихъ рѣшеній не допускается никакихъ жалобъ и протестовъ со стороны членовъ. Несогласные могутъ лишь подать особое мнѣніе.

Въ члены дирекціи избираются члены общества, *не опорочившіе себя* никакими предосудительными поступками и *не разстроившіе своихъ имѣній* безпорядочнымъ хозяйствомъ. Члены дирекціи не могутъ въ тоже время занимать никакой другой должности въ коронной или земской службѣ. Въ этомъ отношеніи допускается исключеніе только для ландратовъ, когда они не имѣютъ впрочемъ еще какой либо должности. Никто изъ членовъ общества не имѣетъ права отказываться отъ должности, въ которую будетъ избранъ. Въ выборахъ членовъ главной дирекціи участвуютъ всѣ члены общаго собранія; а въ выборахъ для уѣздныхъ дирекцій только члены, принадлежащіе каждому округу. Всѣ члены дирекціи и ихъ должностныя лица получаютъ содержаніе отъ общества.

Главная дирекція (въ Ригѣ) состоитъ изъ главнаго директора (*Ober Director*) и двухъ совѣтниковъ; при ней особый синдикъ изъ ученыхъ юристовъ. Членами главной дирекціи могутъ быть только тѣ лифляндскіе дворяне, на имѣніяхъ которыхъ состоитъ долговъ не болѣе $^2/_3$ по ихъ цѣнѣ. Они состоятъ въ должности три года, по истеченіи которыхъ могутъ быть вновь избраны. Всѣ три члена главной дирекціи, должны непремѣнно быть въ Ригѣ, во время общихъ собраній и засѣданій коммиссіи, къ срокамъ платежей и процентовъ; въ остальное время они могутъ чередоваться. Главная дирекція руководитъ всѣми операціями общества и наблюдаетъ за окружными дирекціями; къ ней поступаютъ всѣ жалобы на должностныхъ лицъ общества, и она рѣшаетъ всѣ дѣла противъ нихъ административнымъ порядкомъ, ни въ какомъ случаѣ не прибѣгая къ формѣ процесса. Недовольные ея рѣшеніями могутъ обращаться въ общее собраніе, которое составляетъ высшую инстанцію. Главная дирекція разрѣшаетъ недоразумѣнія въ окружныхъ дирекцій относительно оцѣнки имѣній, и вообще всякія ихъ недоразумѣнія. Она ежегодно производитъ ревизію ихъ кассъ.

Каждая уѣздная дирекція (*Districts-Direction*) состоитъ изъ одного директора и трехъ ассессоровъ. Уѣздныхъ дирекцій двѣ; въ Ригѣ и Дерптѣ. Въ члены каждой уѣздной дирекціи избира-

ются: члены общества, имѣнія которыхъ находятся въ томъ округѣ. Всѣ они должны проводить большую часть года при своей должности, въ которую избираются на три года. На обязанности уѣздной дирекціи лежитъ вообще завѣдываніе операціями общества въ своемъ уѣздѣ и охраненіе въ его предѣлахъ всѣхъ интересовъ общества. Въ особенности же занятія уѣздныхъ дирекцій состоятъ въ слѣдующемъ: 1) изслѣдованіе состоятельности помѣщиковъ, желающихъ заложить свои имѣнія; 2) изготовленіе, надписаніе и выдача закладныхъ листовъ; 3) оцѣнка имѣній, подъ которыя выдаются ссуды; 4) пріемъ платежей отъ должниковъ и уплата процентовъ владѣльцамъ закладныхъ листовъ; 5) взысканіе недоимокъ и наложеніе необходимыхъ для того секвестровъ; 6) надзоръ за имѣніями, находящимися подъ секвестромъ и завѣдываніе отчетностью по нимъ; 7) наблюденіе за общимъ ходомъ хозяйства въ заложенныхъ имѣніяхъ и своевременное принятіе мѣръ къ предупрежденію всякихъ злоупотребленій, могущихъ нанести ущербъ залогамъ общества. Съ этою цѣлію уѣздныя дирекціи должны освѣдомляться о всѣхъ арендахъ по заложеннымъ имѣніямъ и требовать отъ помѣщиковъ устраненія арендъ, разстроивающихъ имѣнія. Въ этомъ случаѣ помѣщики могутъ приносить жалобы на уѣздныя дирекціи въ главную дирекцію. Послѣ каждаго платежнаго срока (два раза въ годъ: въ маѣ и ноябрѣ), дирекціи составляютъ полную вѣдомость о состояніи своихъ оборотовъ для главной дирекціи.

На одного изъ ассессоровъ возлагается спеціально завѣдываніе осеквестрованными имѣніями и въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ назначается даже кураторомъ къ имѣнію, вмѣсто найма посторонняго лица.

Кромѣ главной дирекціи, состоитъ въ обществѣ особый контрольный комитетъ подъ названіемъ кредитъ-конвентъ (*Kredit-Konvent*). Члены его: главный директоръ общества, ландраты, губернскій предводитель дворянства и окружные депутаты отъ дворянства. Кредитъ-конвентъ собирается въ іюнѣ и декабрѣ, и передъ общими собраніями. Онъ разсматриваетъ дѣйствія главной дирекціи, имѣетъ нѣкоторымъ образомъ контроль надъ нею и преимущественно печется о состояніи денежныхъ суммъ и финансовой части общества. Въ крайнихъ случаяхъ онъ можетъ замѣнить собою общее собраніе. Впрочемъ, вообще неясно представляется значеніе этой инстанціи, безъ которой легко было бы обойтись.

Общее собраніе избираетъ изъ своей среды трехъ коммиссаровъ, которые по истеченіи каждаго года разсматриваютъ дѣйствія главной дирекціи и представляютъ свои отчеты кредитъ-конвенту.

Изъ всего изложеннаго видно, что устройство управленія лифляндскаго общества довольно сложно и, сколько намъ кажется, безъ всякой надобности загромождено лишними инстанціями, каковы: кредитъ-конвентъ, частное собраніе и коммиссары. Всѣ они могли бы быть замѣнены одною ревизіонною коммиссіею, если промежутки времени между общими собраніями слишкомъ продолжительны. Всѣ инстанціи общества, кромѣ того, имѣютъ при себѣ большое число чиновниковъ, которое внушаетъ подозрѣніе, не было ли здѣсь излишняго увлеченія бюрократическимъ духомъ, соблазны котораго не слишкомъ далеки отъ остзейскихъ провинцій.

Ссуды и закладные листы могутъ быть выдаваемы только подъ частныя имѣнія, (въ томъ числѣ и подъ майораты и фидеикоммиссы); потому они никакъ не могутъ быть выдаваемы подъ казенныя, городскія и всякія иныя публичныя имущества. Если одно имѣніе принадлежитъ нѣсколькимъ лицамъ, то каждое изъ нихъ, съ согласія остальныхъ, можетъ получить ссуду подъ свою часть, если только она по оцѣнкѣ не ниже 4,500 р. Мелкія имѣнія (менѣе одного гакена) и отдѣльные дворы не могутъ получать ссудъ. Въ большихъ имѣніяхъ, принадлежащихъ одному помѣщику, не можетъ быть закладываемо только извѣстное количество земли, съ оставленіемъ свободною отъ залога остальной земли. Это послѣднее правило, кажется, намъ излишнимъ стѣсненіемъ, вовсе не необходимымъ для прочности открываемаго кредита. Если оно поставлено изъ опасенія, что, въ случаѣ неисправности заемщика, раздробленныя части его имѣнія не будутъ имѣть настоящей цѣны при продажѣ, то это затрудненіе можетъ быть устранено особенно низкою оцѣнкою такихъ частей. Каждое имѣніе получаетъ закладныхъ листовъ не болѣе, какъ на $^2/_3$ своей цѣны, по оцѣнкѣ. Каждый лифляндскій дворянинъ можетъ вступить въ члены общества и не требовать въ тоже время ссуды подъ свое имѣніе, а предоставить себѣ это право для будущаго времени; онъ можетъ также получить ссуду или закладные листы и сохранять ихъ у себя, не выпуская въ обращеніе, до тѣхъ поръ, пока не встрѣтитъ въ томъ надобности. Но въ послѣднемъ случаѣ, онъ все-таки уплачиваетъ проценты, слѣдую-

щіе съ него, какъ съ заемщика, хотя въ тоже время получаетъ проценты, слѣдующіе ему, какъ владѣльцу закладныхъ листовъ. Каждый заемщикъ можетъ во всякое время выплатить часть своего долга взносомъ въ кассу закладныхъ листовъ, выпущенныхъ подъ его имѣніе, или же всякихъ другихъ листовъ общества; если онъ желаетъ внести чистыми деньгами, то обязанъ заявить о томъ за 6 мѣсяцевъ; пропорціонально такому взносу уменьшаются и ежегодно слѣдующіе съ него проценты. Это весьма важное облегченіе; мы видимъ, что не всѣ земскіе банки допускаютъ эту льготу; во всякомъ случаѣ они требуютъ предварительнаго заявленія желанія уплатить часть долга. Закладные листы въ Лифляндіи выдаются такого достоинства, какъ желаютъ заемщики, отъ 1000 до 100 р. каждый. Мелкихъ закладныхъ листовъ (ниже 500 р.) выдается всякій разъ не менѣе какъ на $^1/_{20}$ всей ссуды. Ко всѣмъ закладнымъ листамъ прилагаются особые купоны для полученія процентовъ. Каждый закладной листъ можетъ быть предъявленъ въ кассу общества къ обмѣну на чистыя деньги, которыя и выдаются владѣльцу закладнаго листа черезъ 6 мѣсяцевъ послѣ его требованія; значитъ — вкладчики могутъ всегда требовать возврата своихъ капиталовъ. Это обстоятельство, какъ мы уже знаемъ, очень важное въ планѣ операцій всякаго гипотечнаго банка; большею частію германскія гипотечныя учрежденія не допускаютъ у себя востребованія капиталовъ, и вмѣсто того сами ежегодно выкупаютъ по тиражу извѣстную часть закладныхъ листовъ. Прусскіе институты (въ Силезіи) не выдержали обязанности возврата капиталовъ по требованію вкладчиковъ, и рядомъ важныхъ финансовыхъ затрудненій пришли къ необходимости закрыть обмѣнъ закладныхъ листовъ на деньги.

Каждый помѣщикъ, желающій получить ссуду подъ свое имѣніе, обращается о томъ съ просьбою въ главную дирекцію, которая сперва допускаетъ его въ члены общества, если онъ еще не членъ. Послѣ того производится главною дирекціею публикація (въ теченіе 3 мѣсяцевъ) въ вѣдомостяхъ съ вызовомъ всѣхъ кредиторовъ такого помѣщика, котораго долги не вписаны въ гипотечныя книги по его имѣнію и вообще съ вызовомъ всякихъ могущихъ возникнуть претензій противъ заключенія новаго займа. Эта формальность, кажется намъ, совершенно излишнею, ибо всякая ссуда общества имѣетъ преимущество (первой гипотеки) передъ всѣми долгами по имѣнію, не обезпеченными

посредствомъ закладнаго акта. Послѣ публикаціи производится, по просьбѣ заемщика, уѣздною дирекціею мѣстное обслѣдованіе его имѣнія. Затѣмъ представляются уѣздной дирекціи всѣ документы на право владѣнія имѣніемъ; эти документы передаются на храненіе въ главную дирекцію. Всѣ собранныя свѣдѣнія относительно имѣнія и его оцѣнки уѣздная дирекція представляетъ въ главную. Заемщикъ составляетъ закладной актъ на имѣніе установленнымъ порядкомъ и вмѣстѣ съ инвентарною описью представляетъ въ уѣздную дирекцію, а послѣдняя въ главную. Окончательное рѣшеніе о выдачѣ ссуды зависитъ отъ главной дирекціи. На выдаваемыхъ закладныхъ листахъ судебныя мѣста (Hofgerichte) совершаютъ надпись о внесеніи ихъ въ гипотечныя книги. Наконецъ закладные листы, по окончаніи всѣхъ формальностей, которыя мы указали здѣсь только бѣглымъ образомъ, выдаются изъ уѣздной дирекціи заемщику или кому онъ поручитъ. Вмѣсто закладныхъ листовъ общество выдаетъ заемщику, когда признаетъ это для себя удобнымъ, и чистыя деньги, отъ принятія которыхъ онъ не можетъ отказываться.

Величина процента по ссудамъ лифляндскаго общества опредѣляется главною дирекціею, съ утвержденія кредитъ-конвента или общаго собранія. Процентъ вносится заемщиками въ кассу уѣздныхъ дирекцій или главной дирекціи (которая выдаетъ квитанцію для заявленія въ уѣздныя дирекціи) два раза въ годъ. При просрочкѣ процентныхъ взносовъ въ теченіе одного мѣсяца заемщики уплачиваютъ $\frac{1}{2}\%$ пени (на слѣдующія суммы); при просрочкѣ болѣе одного мѣсяца взыскивается 3% пени. Всѣ взносы производятся чистыми деньгами, *и именно серебряными рублями*.

Въ тѣ же сроки, въ которые поступаютъ взносы процентовъ отъ должниковъ, уплачиваются обществомъ проценты владѣльцамъ закладныхъ листовъ. Кромѣ того, послѣдніе могутъ получать проценты и послѣ срока, во всякое время. Проценты по каждому закладному листу выдаются безъ различія въ кассѣ каждой дирекціи.

Въ случаѣ неисправности своихъ должниковъ, общество налагаетъ на имѣнія ихъ секвестръ. Окружная дирекція можетъ прибѣгнуть къ этой мѣрѣ даже тотчасъ по истеченіи платежныхъ сроковъ. Подлежащія судебныя мѣста, къ которымъ обращаются требованія дирекцій, обязаны немедленнымъ и безпрекословнымъ ихъ исполненіемъ. Если по изслѣдованію уѣзд-

ной дирекціи окажутся обстоятельства, причинившія неисправность должниковъ и совершенно независѣвшія отъ ихъ предъусмотрѣнія, то такимъ должникамъ дѣлаются отсрочки. Уѣздныя дирекціи не могутъ давать отсрочекъ болѣе, чѣмъ на 6 мѣсяцевъ; болѣе продолжительныя отсрочки разрѣшаются кредитъ-конвентомъ. За неправильныя отсрочки отвѣтствуютъ члены уѣздныхъ дирекцій. Секвестръ имѣнія заключается въ безусловной передачѣ всего хозяйства и наличнаго имущества по имѣнію въ руки лица, уполномоченнаго обществомъ. Управленіе арестованнымъ имѣніемъ можетъ быть поручено и прежнему управителю имѣнія, съ отвѣтственностью передъ обществомъ. Всякій уполномоченный отъ общества для управленія имѣніемъ получаетъ денежное вознагражденіе. Секвестръ продолжается до тѣхъ поръ, пока общество покроетъ изъ доходовъ имѣнія всѣ свои недоимки и расходы. Вообще секвестръ съ управленіемъ отъ общества не долженъ продолжаться болѣе одного года; по истеченіи года, если недоимки не покрыты, имѣніе отдается въ многолѣтнюю аренду. Неисправный помѣщикъ можетъ оставаться на жительствѣ и въ арестованномъ имѣніи, безъ всякаго вмѣшательства въ хозяйство; но если присутствіе его неудобно для правильнаго хода управленія, то онъ удаляется вовсе изъ имѣнія. Въ послѣднемъ случаѣ общество выдаетъ ему отъ 50 до 150 руб. въ годъ квартирныхъ денегъ и кромѣ того на содержаніе въ небольшомъ количествѣ разные припасы въ натурѣ: (около $7^1/_2$ четвериковъ ржи, $1^1/_4$ четверикъ гречневой крупы, $^1/_2$ чет. гороха, $7^1/_2$ четв. овса, и сѣна на 6 коровъ ежемѣсячно). Къ наблюденію за секвестрованнымъ имѣніемъ и его управленіемъ приглашается одинъ изъ сосѣднихъ помѣщиковъ-членовъ общества, въ качествѣ куратора или попечителя. Отъ этой обязанности никто изъ членовъ не можетъ отказываться. Попечитель отвѣчаетъ своимъ имуществомъ за всѣ ущербы по имѣнію; онъ получаетъ 5% чистаго дохода въ вознагражденіе за свои труды. Всѣ отчеты по арестованному имѣнію сообщаются его владѣльцу, который можетъ дѣлать уѣздной дирекціи всякія представленія относительно управленія имѣніемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ имѣетъ всегда право на полученіе всякихъ свѣдѣній о состояніи своего имѣнія. Вообще же попечитель и управитель ни въ чемъ не подчиненъ владѣльцу, который не иначе входитъ съ ними въ соприкосновеніе, какъ чрезъ дирекцію. Всякое неудовольствіе на уѣздную

дирекцію можетъ быть владѣльцемъ представляемо главной дирекціи, которая производитъ изслѣдованіе. Наконецъ онъ можетъ обращаться съ жалобами и въ кредитъ-конвентъ, и въ общее собраніе. Если арестованное имѣніе такъ разстроено, что доходы съ него не покрываютъ слѣдующихъ процентовъ, то взысканіе недоимокъ обращается на прочее имущество должника. Если же и эта мѣра оказывается недостаточною, то проценты покрываются изъ собственныхъ фондовъ общества, или же имъ заключается заемъ. И при исправныхъ взносахъ процентовъ со стороны заемщика, имѣніе его можетъ быть арестовано обществомъ, когда на него предъявляются взысканія со стороны постороннихъ его кредиторовъ. Никакое взысканіе не можетъ быть обращено на имѣніе, заложенное въ обществѣ, помимо его; всѣ такія взысканія удовлетворяются обществомъ по очищеніи собственныхъ его недоимокъ. Если никакія мѣры (хозяйственнаго управленія или отдачи въ аренду), принимаемыя обществомъ относительно арестованнаго имѣнія, не удовлетворяютъ состоящимъ на немъ долгамъ, то имѣніе продается съ публичнаго торга.

Мы сказали, что лифляндское общество обязано производить обмѣнъ закладныхъ листовъ на чистыя деньги, чрезъ 6 мѣсяцевъ по предъявленіи; то же самое право имѣетъ и само общество на выпущенные имъ листы, т. е. оно всегда можетъ выкупить ихъ изъ обращенія, заявивши о своемъ намѣреніи 6 мѣсяцевъ впередъ. Общество имѣетъ слѣдующіе способы къ возврату капиталовъ по предъявляемымъ ему листамъ: 1) выкупъ листовъ заемщиками, подъ имѣнія которыхъ они выпущены и которые изъявили желаніе получить ихъ обратно, т. е. погасить часть своего долга чистыми деньгами; 2) собственный фондъ общества; 3) денежные вклады въ общество. Собственный фондъ общества, на счетъ котораго производятся всѣ его расходы, составляется изъ слѣдующихъ источниковъ: 1) пошлина на изготовленіе закладныхъ листовъ, взыскиваемая съ каждаго заемщика, при выдачѣ ему ссуды, и именно за каждый листъ въ 500 р. и выше по 2 р. 5 к., и въ 100 р., по 1 р. 5 к.; 2) пошлина съ заемщиковъ за квитанціи въ полученіи полугодовыхъ процентовъ, каждый разъ по 5 к. съ каждаго листа. (Такимъ образомъ мелкіе листы обходятся заемщикамъ гораздо дороже крупныхъ.) 3) Пошлина за полученіе званія члена, по 10 руб. съ каждаго гакена; 4) сборъ на расходы по управленію, ежегодно распредѣляе-

мый на всѣхъ заемщиковъ, пропорціонально ихъ долгамъ. Общество принимаетъ вклады, превышающіе 27,000 руб. только съ разрѣшенія общаго собранія, и лишь въ крайнихъ случаяхъ,— съ разрѣшенія кредитъ-конвента. Вкладчикамъ выдаются по возможности закладные листы, предъявленные къ обмѣну; но могутъ быть, въ случаѣ надобности, заключаемы обществомъ займы и съ выдачею отъ его имени другихъ долговыхъ обязательствъ. Общество заключаетъ такіе займы на продолжительное время, по возможности на 10 лѣтъ. Общество принимаетъ вклады и съ условіемъ уплаты вкладчикамъ процентовъ на проценты, но послѣднее не иначе, какъ если вклады сдѣланы закладными листами. Такіе вклады могутъ быть возвращаемы обществомъ по востребованію, но уже не чистыми деньгами, а закладными листами.

Лифляндское общество принимаетъ также въ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ случаяхъ *депозиты*, въ закладныхъ листахъ или въ монетѣ, то есть, капиталы частныхъ лицъ для храненія въ своихъ помѣщеніяхъ.

Въ лифляндскомъ кредитномъ обществѣ не постановлено обязательнаго погашенія занятыхъ капиталовъ ежегодными процентными платежами; но, конечно, каждый заемщикъ, имѣя во всякое время право вносить всякія суммы въ уплату своего капитальнаго долга и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣя право на соразмѣрное этимъ взносамъ уменьшеніе суммы слѣдующихъ съ него процентовъ, можетъ самъ устроить для себя постепенное погашеніе своего долга, который, при его исправности, никогда не требуется отъ него разомъ.

Всѣ остзейскіе дворянскіе банки устроены на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, какъ и лифляндскій. Въ послѣднее время эстляндское общество (называющееся Garantirende Gesellschaft, также Esthländische adelige Credit-Casse) установило у себя обязательное ежегодное погашеніе по $^2/_3$ $^0/_0$. Кромѣ того въ уставѣ эстляндскаго общества болѣе опредѣлительно выражено круговое обезпеченіе закладныхъ листовъ всѣми имѣніями его членовъ (на $^2/_3$ ихъ цѣны, то есть, въ той части, въ какой они заложены). Въ лифляндскомъ обществѣ, точно такъ же какъ и въ остальныхъ двухъ, каждый закладной листъ обезпеченъ ручательствомъ всего общества; но не опредѣлено — въ какихъ границахъ лежитъ это обезпеченіе на членахъ, и потому оно какъ будто является болѣе нравственнымъ, чѣмъ вещественнымъ.

Изъ всего сказаннаго видно, что остзейскіе гипотечные банки имѣютъ исключительный сословный характеръ, закрывающій доступъ къ кредиту мелкимъ поземельнымъ собственникамъ и всѣмъ лицамъ, не принадлежащимъ къ остзейскому дворянству. Мы уже замѣтили правило о постоянномъ обмѣнѣ въ кассѣ общества закладныхъ листовъ по востребованію и совершенное отсутствіе системы постепеннаго выкупа листовъ изъ обращенія на счетъ особаго погасительнаго фонда. Мы не совсѣмъ понимаемъ возможность правильнаго движенія операцій гипотечнаго учрежденія, допустившаго у себя возвратъ вкладовъ по востребованію; по убѣжденію членовъ остзейскихъ обществъ это необходимо для поддержанія курса закладныхъ листовъ въ публичномъ обращеніи. Но всякій гипотечный банкъ, дѣйствующій на этомъ основаніи и поставленный сколько нибудь въ соприкосновеніи съ оживленною промышленною дѣятельностію и всемірными кредитными рынками, не могъ бы выдержать долго такой обязанности. Разумѣется, остзейскіе банки дѣйствуютъ при иныхъ экономическихъ условіяхъ; они удовлетворяютъ потребностямъ нѣсколько замкнутыхъ мѣстностей (исключая впрочемъ Риги), потребностямъ хозяйства и людей, весьма постоянныхъ въ своихъ привычкахъ и весьма не быстро измѣняющихся (*).

Кромѣ дворянскихъ банковъ, существуетъ въ остзейскихъ губерніяхъ *крестьянскій банкъ*, для выкупа крестьянскихъ земель. Мы будемъ говорить о немъ ниже.

Остзейскими губерніями мы закончимъ нашъ обзоръ землевладѣльческихъ гипотечныхъ учрежденій, и въ будущей статьѣ перейдемъ къ гипотечнымъ банкамъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, то есть, къ кредитнымъ учрежденіямъ, дѣйствующимъ въ кругу поземельнаго кредита, въ видахъ прибылей для банка или капиталистовъ.

ВЛАДИМІРЪ БЕЗОБРАЗОВЪ.

(*) Мы пользуемся этимъ случаемъ, чтобы высказать нашу благодарность эстляндскому предводителю дворянства, графу Кейзерлингу, обязательно сообщившему намъ нѣкоторыя свѣдѣнія относительно остзейскихъ обществъ; намъ недостаетъ ближайшихъ данныхъ объ ихъ оборотахъ и финансовомъ положеніи, которое *при отсутствіи печатныхъ отчетовъ* не можетъ быть, къ крайнему сожалѣнію, доступно обсужденію публики.

УСТРОЙСТВО БЫТА ПОМѢЩИЧЬИХЪ КРЕСТЬЯНЪ.

№ X.

БИБЛІОГРАФІЯ ЖУРНАЛЬНЫХЪ СТАТЕЙ ПО КРЕСТЬЯНСКОМУ ВОПРОСУ.

«РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ», НОЯБРЬ, КНИЖКА ВТОРАЯ.

Въ этой книжкѣ между прочимъ находится статья г. Покорскаго-Жоравко, предводителя дворянства Мглинскаго уѣзда Черниговской губерніи: «Что стоило намъ крѣпостное право.» Авторъ, не признавая безправности крѣпостнаго состоянія, котораго законность, по мнѣнію его, родилась въ Россіи велѣніемъ Бориса Годунова, разсматриваетъ это учрежденіе сначала съ нравственной стороны, и весьма справедливо выводитъ изъ него почти все, что̀ мы находимъ дурнаго, какъ въ существующихъ отношеніяхъ между крестьянами и помѣщиками, такъ и въ отдѣльномъ характерѣ обоихъ сословій: съ одной стороны ложное пониманіе цѣнности труда и безотчетное употребленіе его; затѣмъ раздражительность, презрѣніе къ подвластному сословію и жестокость; съ другой стороны, вслѣдствіе отсутствія права распоряжаться своимъ трудомъ и непрочности самой собственности, отвращеніе отъ работы, всевозможные обманы для уклоненія отъ нея и лѣность, не оставляющая крестьянина и на домашней работѣ. Затѣмъ, обращаясь къ цѣнѣ, въ которую обходился помѣщику трудъ крѣпостнаго крестьянина, г. Покорскій-Жоравко говоритъ, что за эту цѣну мы бы могли купить правильный, честный и хорошо вознагражденный трудъ, и распоряжаться имъ съ чистымъ сердцемъ и неповинными руками, а въ подтвержденіе такого сужденія дѣлаетъ слѣдующій разсчетъ.

Въ имѣніи, состоящемъ изъ 200 душъ, поселенныхъ въ 75 дворахъ, и выставляющемъ ежедневно на господскую работу 50 мужчинъ и 50 женщинъ, помѣщикъ даетъ крестьянамъ:

1) Топливо.

2) По двѣ десятины на дворъ (тоже, что въ великороссійскихъ губерніяхъ тягло) пахатной земли.

3) По двѣ десятины сѣнокосной земли и

4) По одной десятинѣ огорода.

Помѣщику это вознагражденіе стоитъ:

Топливо на 75 печей, по 1 сажени въ мѣсяцъ, цѣною въ 2 руб. сереб.	1800 руб.
Пахатная земля по 2 р. 50 к. за десятину, принимая плату только за четыре десятины изъ шести	750 —
Сѣнокосная земля по 6 р. 70 к. за десятину . . .	1005 —
Огородная земля по 30 р. сер. за десятину	2250 —
Итого . . .	5805 руб

Между тѣмъ, по существующимъ цѣнамъ для вольнаго найма, 50 работниковъ и 50 работницъ стоили бы, полагая на мужчину платы по 30 руб., а на женщину по 20 руб. сер, въ годъ, и на харчи каждому лицу по 18 руб. сер., не болѣе 4300 руб. сер., такъ что по этому разсчету помѣщикъ переплачиваетъ за крѣпостной трудъ, сравнительно съ свободнымъ, 1505 руб., т. е. по 15 руб. на каждаго работника и работницу. Отъ этого излишка платы, по мнѣнію автора, происходитъ убыточность большей части промышленныхъ предпріятій нашего дворянства, основанныхъ на крѣпостномъ правѣ, такъ какъ въ хозяйствѣ земледѣльческомъ дефицитъ маскируется невыдачею денегъ, а въ фабричномъ выражается очевиднымъ убыткомъ и вслѣдствіе того упадкомъ заведенія.

При внимательномъ разсмотрѣніи разсчета, сдѣланнаго г. Покорскимъ-Жоравко, оказывается, что не только его нельзя признать правильнымъ выраженіемъ стоимости крѣпостнаго труда вообще въ земледѣльческихъ имѣніяхъ Россіи, но и для Черниговской губерніи сомнительно, чтобы принятыя въ немъ основанія могли быть признаны вѣрными. Конечно, въ имѣніи, подобномъ приведенному авторомъ, хотя и было бы по великороссійской нормѣ отъ 70 до 90 тяглъ, изъ которыхъ ежедневно исправляла бы пригонъ только половина, но съ лишними или сгоновыми днями, существовавшими во всѣхъ почти хозяйствахъ, составилось бы кругомъ немногимъ менѣе 50 человѣкъ рабочихъ каждаго пола; за то въ другихъ цифрахъ, выражающихъ получаемое крестьянами вознагражденіе за обязательный трудъ, при сравненіи приводимыхъ авторомъ условій съ

существующими въ другихъ краяхъ, оказывается огромная разница. Снабженіе крестьянъ дровами, по сажени на дворъ или на тягло въ мѣсяцъ, авторъ оцѣниваетъ въ огромную сумму 1800 р. сер., между тѣмъ какъ въ большей части имперіи 900 саж. дровъ полѣнныхъ могутъ быть куплены на городскихъ рынкахъ, слѣдовательно со включеніемъ въ продажную цѣну стоимости привоза,—за сумму отъ 500 до 800 руб. сер. Весьма сомнительно, чтобы въ Черниговской губерніи отопленіе крестьянскихъ избъ производилось столь цѣнными дровами, такъ какъ въ лѣсныхъ мѣстностяхъ для этого употребляется валежникъ, сухіе сучья, въ совершенно безлѣсныхъ — солома, бурьянъ и приготовляемые изъ навоза кирпичи. Равнымъ образомъ и за луговую землю, авторъ полагаетъ такую наемную плату, которая за пустошные луга, какими большею частію владѣютъ крестьяне, почти нигдѣ не получается, и едва не доходитъ до платы за поемные луга. Наконецъ за десятину огородной земли и наемъ усадьбы г. Покорскій-Журавко назначаетъ примѣрную плату по 30 руб. сер. на томъ основаніи, что за огороды, отдаваемые въ наемъ постороннимъ лицамъ, землевладѣльцы получаютъ иногда до 60 рублей серебромъ съ десятины; но въ настоящее время почти всѣ согласны съ тѣмъ, что огородныя земли крестьянъ, какъ получившія высшую противъ полевыхъ земель цѣнность единственно отъ потребленнаго ими труда и удобренія, безъ всякаго участія помѣщика, должны быть цѣнимы по размѣру пространства наравнѣ съ полевыми, — слѣдовательно и при оцѣнкѣ вознагражденія за крѣпостной трудъ огороды должны быть принимаемы съ тою только цѣнностью, которую они имѣли, когда были отведены крестьянамъ. Что же касается до строеній, то ихъ можно было бы считать полною собственностью помѣщика, отдаваемою крестьянамъ въ наемъ, только въ такомъ случаѣ, если бы помѣщикъ прежде заплатилъ крестьянину за употребленный на возведеніе ихъ трудъ, — чего, разумѣется, никогда не бывало, — или покрайней мѣрѣ на соотвѣтствующее число дней уволилъ его отъ барщины,—что хотя и встрѣчалось, но весьма рѣдко.

Измѣнивъ, согласно съ этими замѣчаніями, выведенныя авторомъ цифры, мы нашли бы итогъ получаемаго крестьянами вознагражденія за крѣпостной трудъ несравненно меньшій противъ цѣнности самого труда, и этотъ итогъ подтвердилъ бы мнѣніе, нынѣ всѣми принятое, что при крѣпостномъ состояніи крестьяне, даже въ хорошо управляемыхъ имѣніяхъ, давали работою несравненно болѣе цѣнности отведенныхъ имъ угодій. Въ извѣстной степени равновѣсіе могло возстановиться обязанностью помѣщика кормить своихъ крестьянъ въ неурожайные годы, но мы знаемъ, какъ эта

обязанность исполнялась: въ такіе годы, благодаря всеобщей безразсчетливости, помѣщикъ большею частію находился въ невозможности даже удовлетворить нуждамъ своего семейства — и только разрѣшаемыя правительствомъ ссуды выручали бѣдствующій край, вовлекая его въ тоже время въ неоплатимыя недоимки на будущіе годы. Если, кромѣ вредныхъ нравственныхъ послѣдствій, крѣпостное состояніе имѣло вредное вліяніе и на матеріальное благосостояніе класса помѣщиковъ, то это произошло черезъ посредство нравственныхъ причинъ, такъ какъ возможность вести хозяйства почти безъ всякихъ расходовъ и растрачивать безразсчетно время и трудъ человѣческій произвела въ помѣщикахъ безпечность и расточительность, а эти пороки, какъ естественное послѣдствіе, привели за собою почти всеобщее разстройство денежныхъ дѣлъ и самыхъ имѣній.

Во второй декабрьской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» помѣщена между прочимъ статья г. Ржевскаго: «Опытъ разрѣшенія вопроса о выкупѣ земли.» Прежде изложенія своего проэкта, авторъ считаетъ необходимымъ разрѣшить четыре вопроса:

1) Желаютъ ли крестьяне купить, а помѣщики согласны ли продать землю, предоставляемую крестьянамъ въ пользованіе?

2) Какимъ образомъ опредѣлить размѣръ и цѣну этой земли?

3) Гдѣ взять капиталовъ на ссуду крестьянамъ для покупки земли?

4) Чѣмъ можно обезпечить возвратъ этой ссуды, то есть, какимъ образомъ устроить, чтобы крестьяне исправно уплачивали проценты и капиталъ въ тѣ сроки, которые будутъ назначены?

Обращаясь сначала къ первому изъ этихъ вопросовъ, авторъ говоритъ, что крестьяне будутъ желать пріобрѣтенія въ собственность предоставленной имъ въ пользованіе земли только въ такомъ случаѣ, если отъ этого не увеличится сумма ежегодныхъ повинностей или платежей, и если они увидятъ на самомъ дѣлѣ примѣры удобства подобной сдѣлки. Помѣщики же будутъ желать продажи крестьянамъ означенныхъ земель въ такомъ только случаѣ, если имъ будетъ предложенъ капиталъ, относящійся къ получаемому отъ этихъ земель доходу, такъ какъ относится обыкновенно покупной капиталъ къ получаемымъ въ видѣ дохода процентамъ. На основаніи этихъ соображеній, г. Ржевскій полагаетъ необходимымъ поставить правиломъ, чтобы за основаніе разсчета, какъ постоянная величина, была принимаема та сумма, которую крестьяне могутъ безъ затрудненія вносить ежегодно въ видѣ уплаты процентовъ и капитала, чтобы эта сумма могла быть уменьшаема только въ такомъ случаѣ, если они пожелаютъ купить земли менѣе, нежели

сколько предоставлено имъ будетъ въ пользованіе, и вообще, чтобы ни покупка ни продажа не были обязательны.

Въ опредѣленіе размѣра и цѣны земель, имѣющихъ перейти въ собственность крестьянъ, правительству, по мнѣнію автора, вступаться не слѣдуетъ: оно должно только удостовѣриться въ томъ, что договоръ дѣйствительно заключается съ полнаго согласія обѣихъ сторонъ, для чего г. Ржевскій предлагаетъ постановить, чтобы повѣрка производилась на мѣстѣ нѣсколькими лицами, другъ отъ друга независящими, и чтобы утвержденныя условія публиковались и могли быть обсуживаемы въ журналахъ.

Затрудненіе въ пріисканіи капиталовъ для уплаты помѣщикамъ за крестьянскія земли, по мнѣнію автора, частію устранится тѣмъ, что выкупъ будетъ производиться постепенно, и потому однѣ и тѣ же деньги, оборотившись, могутъ послужить къ выкупу болѣе нежели одного селенія,— или можетъ быть избѣгнуто выдачею помѣщикамъ, вмѣсто денегъ, свидѣтельствъ, по которымъ они будутъ получать проценты до уплаты капитала. Для доставленія же помѣщикамъ возможности удобнѣйшимъ образомъ продавать выданныя имъ свидѣтельства, которыя г. Ржевскій называетъ выкупными листами, онъ полагаетъ раздробить ихъ на небольшія суммы въ 1,000 или 500 р. сер., принимать ихъ въ залоги по казеннымъ подрядамъ, и допустить залогъ ихъ въ мѣстныхъ банкахъ и приказахъ общественнаго призрѣнія въ $^4/_5$ номинальной цѣны.

Обращаясь наконецъ къ 4 вопросу—о томъ, чѣмъ можетъ быть обезпеченъ возвратъ ссуды, г. Ржевскій сначала опровергаетъ примѣръ, на которомъ многіе основываютъ свое убѣжденіе, что крестьяне неспособны исправно уплачивать проценты на ссужаемый имъ капиталъ, а именно: накопленіе недоимокъ на крестьянахъ государственныхъ имуществъ. По мнѣнію автора, недоимки накопляются неизбѣжно въ слѣдующихъ случаяхъ: a) если мѣста и лица, обязанныя взыскивать срочные платежи, не исполняютъ своей обязанности, или по какимъ бы то ни было причинамъ находятъ для себя выгоднымъ допускать накопленіе недоимокъ; b) если сроки платежей слишкомъ отдалены одинъ отъ другаго, а потому и суммы, требуемыя къ уплатѣ въ одинъ срокъ, слишкомъ значительны; и наконецъ c) если взысканіе производится по правиламъ круговой поруки, которая представляетъ какъ бы премію за несостоятельность въ платежѣ податей, и притомъ можетъ служить болѣе или менѣе дѣйствительнымъ обезпеченіемъ исправнаго поступленія только въ соединеніи съ временнымъ рабствомъ — кабалой, или съ крѣпостнымъ состояніемъ.

По нашему, мнѣнію круговая порука, въ особенности при предстоящей нынѣ самостоятельной организаціи сельскихъ мірскихъ обществъ, не можетъ имѣть того вреднаго вліянія, котораго ожидаетъ отъ нея г. Ржевскій. На первый взглядъ можетъ показаться весьма выгоднымъ для каждаго отдѣльнаго крестьянина, чтобы другіе уплачивали за него подати; но въ дѣйствительности положеніе недоимщика до такой степени незавидно, что едва ли кто, за исключеніемъ людей совершенно порочныхъ, которыхъ не исправитъ и никакая личная отвѣтственность, себя поставитъ въ это положеніе, если только имѣетъ какую нибудь возможность его избѣгнуть. Обмануть помѣщика притворною бѣдностью было возможно, и во многихъ случаяхъ даже легко; но обмануть міръ, знающій о каждомъ приходѣ и расходѣ своихъ членовъ, невозможно. Притомъ дѣйствительный, безвозвратный платежъ исправныхъ крестьянъ за недоимщиковъ можетъ встрѣтиться лишь весьма рѣдко: въ большинствѣ случаевъ міръ безъ сомнѣнія найдетъ возможнымъ принудить неплательщиковъ какими нибудь общественными работами, напримѣръ отбываніемъ за все селеніе дорожной повинности и т. п., вознаградить сдѣланное для нихъ пожертвованіе, а между тѣмъ отъ подобнаго обязательнаго труда по мірскому приговору весьма далеко до кабалы. Самъ авторъ, считая необходимымъ устранить круговую поруку, говоритъ, что ее должно замѣнить нѣсколько усиленною личною отвѣтственностью, не прибѣгая однакоже ни къ мѣрамъ жестокости, ни къ такимъ, которыя могли бы привести къ пролетаріату; но при полной личной отвѣтственности съ человѣкомъ, накопившимъ неоплатныя недоимки и не старающимся объ очищеніи ихъ, невозможно принять другую окончательную мѣру, кромѣ лишенія его поземельнаго участка и слѣдовательно обращенія въ пролетаріатъ, или, что почти тоже, насильственнаго переселенія. Предположить же, какъ дѣлаетъ г. Ржевскій, отдѣльную отъ мірскаго управленія власть, которая имѣла бы право распорядиться принятіемъ строгихъ мѣръ противъ неплательщика или взятіемъ въ свое вѣдѣніе его поземельнаго участка, — неизбѣжное послѣдствіе отмѣны круговой поруки, — значило бы окончательно уничтожить всякую надежду на самостоятельное развитіе сельскихъ обществъ. Впрочемъ и г. Ржевскій, такъ горячо возстающій противъ круговой поруки, не могъ обойтись безъ того, чтобы не ввести въ свой проэктъ, какъ мы увидимъ ниже, нѣкоторыя мѣры, отчасти основанныя на этомъ началѣ.

Самый проэктъ г. Ржевскаго состоитъ въ слѣдующемъ:

По введеніи срочно обязаннаго положенія, крестьянамъ и помѣщикамъ предоставляется заключать между собою добровольныя условія о цѣнѣ и количествѣ покупаемой земли. Совершеніе подобныхъ

сдѣлокъ ни для той, ни для другой стороны не обязательно. Условіе излагается на бумагѣ, по возможности въ краткихъ и понятныхъ крестьянамъ выраженіяхъ, и разсматривается уѣзднымъ и губернскимъ предводителями дворянства, начальникомъ губерніи, предсѣдателемъ палаты государственныхъ имуществъ и наконецъ приказомъ общественнаго призрѣнія. Получивъ условія и планы къ 1-му сентября, приказъ, не позже 1-го декабря, объявляетъ, согласенъ ли онъ сдѣлать ссуду или нѣтъ, и по какимъ причинамъ; затѣмъ, разсчитавъ ссуду съ 1-го января наступающаго года, выдаетъ помѣщику слѣдующее ему вознагражденіе выкупными листами въ 500 р. сер. каждый, а сумму, меньшую 500 р., деньгами; если имѣніе заложено въ кредитномъ учрежденіи, то приказъ уплачиваетъ долгъ и удерживаетъ соотвѣтствующую часть выкупныхъ листовъ. Срокъ займа—33 лѣтній; крестьяне платятъ 4% интереса, $1\frac{1}{2}$% на погашеніе капитала и $\frac{1}{2}$% въ пользу приказа, на усиленіе его состава. При самомъ заключеніи условія, крестьяне обязаны представить въ обезпеченіе сумму, равняющуюся годовому платежу, а затѣмъ вносятъ проценты помѣсячно, за каждый мѣсяцъ впередъ; по окончаніи же заемнаго срока взнесенная предварительно сумма зачитается въ уплату послѣдней части капитала. Наблюденіе за платежемъ крестьянами процентовъ возлагается ближайшимъ образомъ на самый приказъ общественнаго призрѣнія, который между тѣмъ, независимо отъ поступающихъ къ нему платежей, ежегодно послѣ 1-го января выдаетъ по 4% предъявителямъ закладныхъ листовъ, и сверхъ того, изъ полученныхъ имъ процентовъ погашенія уплачиваетъ по извѣстному числу этихъ листовъ капиталъ, руководствуясь старшинствомъ нумеровъ, а для предварительнаго извѣщенія владѣльцевъ публикуетъ въ вѣдомостяхъ обѣихъ столицъ списокъ нумерамъ, назначеннымъ къ уплатѣ; такой же списокъ выставляется и во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ губерніи. Проценты на билеты, заложенные владѣльцами въ приказѣ (какъ выше сказано за $\frac{4}{5}$ капитальной суммы), зачисляются въ пользу приказа, а когда эти листы поступятъ на очередь къ уплатѣ, то приказъ доплачиваетъ на нихъ владѣльцамъ остальные сто рублей.

Слѣдующіе отъ крестьянъ взносы распредѣляются помѣсячно и зачисляются приказомъ по каждому селенію отдѣльно, сначала въ уплату процентовъ до составленія полной годовой суммы ихъ, а потомъ въ погашеніе капитала; въ самыхъ же селеніяхъ назначаются изъ крестьянъ по выбору общества и съ утвержденія, окружнаго начальника, особые сборщики, которымъ чрезъ окружное правленіе выдаются ежегодно контромарки для раздачи лицамъ, внесшимъ причитающіяся съ нихъ части платежа; о неплательщикахъ окружной

начальникъ обязываетъ сельскій сходъ сдѣлать приговоръ, для побужденія ихъ къ платежу зависящими отъ него мѣрами. Приказъ ежемѣсячно сообщаетъ палатѣ о всѣхъ недоимкахъ по сбору, и если къ 1-му января наступающаго года на какомъ либо селеніи останется за истекшій годъ недоимка, то онъ пополняетъ ее изъ суммы обезпеченія, а когда она истощится, то увѣдомляетъ объ этомъ палату, для принятія болѣе строгихъ мѣръ взысканія. Палата предписываетъ волостному начальству отдать наиболѣе неисправныхъ плательщиковъ въ заработки къ частнымъ лицамъ, которыя пожелаютъ ихъ взять, съ уплатою всей условленной за работу суммы впередъ. Срокъ отдачи въ заработки не долженъ быть болѣе одного года, а за побѣгъ отъ хозяина до окончанія срока работникъ наказывается по военнымъ законамъ, о чемъ ему объявляется при самой отдачѣ. Въ случаѣ недостаточности этой мѣры къ пополненію недоимки, палатѣ предоставляется отдать часть угодій селенія въ наемъ посторонним лицамъ на болѣе или менѣе продолжительные сроки, а если количество недоимокъ накопится до общей суммы сдѣланной первоначально ссуды, то приказъ имѣетъ право назначить половину всей земли въ продажу съ публичнаго торга, которая признается дѣйствительною и утверждается только тогда, когда предложенная сумма будетъ равняться двумъ третямъ всей ссуды; остальная же часть обезпечивается остальною половиною земли, и платежи за нее назначаются прежнимъ порядкомъ. Если наконецъ за продажею половины земли селеніе окажется слишкомъ малоземельно, то палата государственныхъ имуществъ дѣлаетъ распоряженіе о выселеніи въ дальнія губерніи тѣхъ изъ крестьянъ, которые были наиболѣе виновны въ накопленіи недоимокъ.

На первый изъ предлагаемыхъ авторомъ настоящей статьи вопросовъ—желаютъ ли помѣщики продать, а крестьяне купить землю, г. Ржевскій отвѣчаетъ за обѣ участвующія стороны: «да, если только цѣна будетъ безобидная.» Мы полагаемъ, что это согласіе, кромѣ справедливаго назначенія цѣны, можетъ зависѣть и отъ другаго обстоятельства, по вліянію котораго или помѣщикъ можетъ быть вынужденъ взять за извѣстное количество земли гораздо менѣе дѣйствительной стоимости его, или крестьяне могутъ согласиться дать гораздо болѣе. Это обстоятельство есть будущая организація срочно обязаннаго положенія. Смотря потому, въ пользу которой стороны на самомъ дѣлѣ сложится эта организація, та или другая сторона будетъ имѣть явное преимущество въ переговорахъ объ окончательной сдѣлкѣ. Далѣе авторъ говоритъ, что за основаніе разсчета, какъ постоянная величина, должна быть принята сумма, которую крестьяне могутъ безъ затрудненія ежегодно платить, въ видѣ уплаты про-

центовъ и капитала,—и хотя онъ не договариваетъ, но какъ мысль безъ этого добавленія не полна, то мы полагаемъ, что означенная сумма, въ мысли г. Ржевскаго, должна быть признаваема нормою справедливаго вознагражденія за количество земли, вполнѣ обезпечивающее благосостояніе крестьянъ. По нашему мнѣнію, эта норма слишкомъ неопредѣленна, понятіе о затрудненіи совершенно относительное (въ нѣкоторыхъ, богатыхъ промышленностью, мѣстностяхъ, крестьяне могутъ, безъ слишкомъ большаго стѣсненія, платить ежегодно, какъ и платятъ нынѣ, суммы, далеко превосходящія цѣнность отведенныхъ имъ угодій) и по невозможности во всѣхъ тѣхъ краяхъ, которыхъ населеніе живетъ не исключительно земледѣліемъ, опредѣлить, какое именно количество земли составитъ достаточное обезпеченіе. Проще было бы принять за основаніе доходъ, дѣйствительно получающійся отъ отдачи въ наймы разнаго рода земель и по разсчету процентовъ, какъ говоритъ нѣсколько выше самъ г. Ржевскій, вычислить продажную цѣну.

Относительно денежныхъ средствъ, необходимыхъ для выкупа, г. Ржевскій полагаетъ, что сумма ихъ должна значительно уменьшиться отъ того, что выкупъ будетъ не понудительный, а основанный на добровольныхъ сдѣлкахъ, и слѣдовательно даетъ время возврату и обороту капиталовъ. Намъ кажется, что подобный оборотъ могъ бы произойти въ такомъ только случаѣ, если бы назначеніе ссудъ раздѣлено было на нѣсколько десятковъ лѣтъ; но такое предположеніе едва ли возможно допустить, а надобно полагать напротивъ, что если только сопряженныя съ выкупомъ повинности не будутъ слишкомъ стѣснительны, и въ особенности, если онѣ, какъ вѣроятно и будетъ, не превысятъ установленныхъ по срочно-обязанному положенію, то въ теченіе какихъ нибудь трехъ или четырехъ лѣтъ во всѣхъ имѣніяхъ крестьяне, обязанные и безъ того выкупить усадьбы и пробыть 12 лѣтъ въ срочно-обязанномъ состояніи, изъявятъ желаніе выкупить землю, кромѣ развѣ нѣкоторыхъ исключительно промышленныхъ селеній, которыхъ жители и теперь не занимаются земледѣліемъ, да и тѣ, если бы отказались отъ выкупа земли, то сдѣлали бы весьма вредную для будущности ихъ самихъ и ихъ потомства ошибку. Къ изъявленію этого желанія побудитъ крестьянъ даже и самое, сопряженное съ полученіемъ ссуды, освобожденіе отъ личной зависимости. Конечно могутъ быть, и дѣйствительно есть, въ селеніяхъ отдѣльныя личности, которымъ, по особенной способности ихъ къ ремесламъ или торговлѣ, вообще къ промысламъ городскимъ, выгодно какъ можно скорѣе и проще разорвать связь, прикрѣпляющую ихъ къ землѣ; но чтобы цѣлому селенію могло быть полезно отказаться отъ выкупа земель, могущаго

положить прочное основаніе благосостоянію его на нѣсколько поколѣній, — мы никакъ допустить не можемъ. Весьма трудно также предположить, чтобы крестьяне, отказавшись отъ выкупа той земли, которая имъ была отведена въ пользованіе, безъ пособія кредита, пріобрѣли землю въ другомъ, болѣе выгодномъ для нихъ мѣстѣ; такъ, что вопросъ заключается единственно въ томъ: выкупить имъ эти земли, или остаться вовсе безъ поземельной собственности? Между тѣмъ даже въ тѣхъ краяхъ, гдѣ теперь земля имѣетъ весьма малую цѣнность и гдѣ хлѣбопашество почти исключительно производится женщинами и дѣтьми, пріобрѣтеніе земли весьма важно для крестьянъ, такъ какъ оно доставитъ имъ возможность, отправляясь на заработки въ столицу, самымъ дешевымъ образомъ обезпечивать свои семейства, которыхъ содержаніе въ городѣ стоило бы несравненно дороже, а со временемъ, при увеличеніи населенія, земля должна пріобрѣсти еще большую цѣнность; разумѣется однакоже, что въ этихъ краяхъ выкупная цѣна ея будетъ несравненно ниже, чѣмъ въ губерніяхъ земледѣльческихъ.

На сколько, по нашему мнѣнію, крестьянамъ выгоденъ въ настоящее время выкупъ отводимыхъ имъ полевыхъ земель, — конечно за умѣренную цѣну, — настолько же выгодно было бы помѣщикамъ оставить ихъ за собою, совершенно независимо отъ той цѣны, которая можетъ быть за нихъ получена. Удержаніе земель въ рукахъ помѣщиковъ, въ особенности въ густо населенныхъ губерніяхъ, и если бы на это рѣшились нѣсколько самыхъ значительныхъ владѣльцевъ, совершенно измѣнило бы то отношеніе, которое должно образоваться между сословіями помѣщиковъ и крестьянъ, и поставило бы послѣднихъ въ столько же почти стѣснительную зависимость отъ произвола первыхъ, какая существовала при крѣпостномъ состояніи. Поэтому, хотя конечно отъ выкупа земель стало бы уклоняться только меньшинство помѣщиковъ, но во всякомъ случаѣ, чтобы произволъ одного лица, движимаго своекорыстными разсчетами, не могъ лишить нѣсколько семей, а можетъ быть и нѣсколько тысячъ человѣкъ, тѣхъ прочныхъ основъ благосостоянія, которыя доставляются всему сословію, намъ казалось бы справедливымъ сдѣлать уступку полевыхъ земель въ какомъ нибудь опредѣленномъ размѣрѣ, составляющемъ minimum надѣла, и за опредѣляемую посредниками изъ обѣихъ сословій цѣну обязательною для помѣщика.

Для удержанія предполагаемыхъ г. Ржевскимъ выкупныхъ листовъ въ надлежащей цѣнности, онъ между прочимъ считаетъ возможнымъ допустить залогъ ихъ въ приказахъ общественнаго призрѣнія, съ выдачею чистыхъ денегъ, въ $^4/_5$ нарицательной ихъ цѣны, но едва ли средства приказовъ окажутся достаточными какъ

для этого оборота, такъ и для уплаты другимъ кредитнымъ установленіямъ за всѣ заложенныя въ нихъ имѣнія. Впрочемъ и безъ этого права, если только взиманіе процентовъ на выкупной капиталъ будетъ хорошо организировано, и платежи будутъ поступать безнедоимочно, нѣтъ причины предполагать, чтобы выкупные листы, принимаемые въ залогъ правительствомъ, не сохранили своей цѣны и въ сдѣлкахъ между частными лицами, подобно облигаціямъ разныхъ земскихъ банковъ въ Германіи, въ числѣ которыхъ многія выпущены были для той же цѣли, т. е. для выкупа крестьянскихъ повинностей.

Главную черту въ предполагаемой г. Ржевскимъ организаціи взысканія съ крестьянъ выкупныхъ платежей составляетъ непосредственное участіе въ дѣлахъ сельской общины мѣстнаго управленія государственныхъ имуществъ. Намъ кажется, что при образованіи общины болѣе всего надобно стараться о томъ, чтобы поставить ее по возможности въ самостоятельное положеніе и оградить ее не только отъ произвола помѣщика, у котораго для нея выкупаются земли, но и отъ всякаго излишняго вмѣшательства мѣстной администраціи. Что такого рода self-governement у насъ возможенъ, доказывается примѣрами многихъ оброчныхъ имѣній, въ которыхъ владѣльцы и управители не бываютъ по нѣскольку лѣтъ, а между тѣмъ крестьяне, подъ управленіемъ выбираемыхъ ими самими старостъ, которые только для формы утверждаются помѣщикомъ, безнедоимочно уплачиваютъ какъ подати, такъ и лежащій на нихъ оброкъ иногда довольно тяжелый, и сверхъ того не рѣдко достигаютъ значительной степени благосостоянія. Особенно счастливымъ обстоятельствомъ для подобныхъ имѣній бываетъ то, если владѣлецъ занимаетъ болѣе или менѣе значительное мѣсто въ службѣ или носитъ особенно громкое имя, такъ какъ въ этомъ случаѣ имя его ограждаетъ крестьянъ отъ притѣсненія мѣстныхъ властей, которымъ иногда бывало довольно одного какого нибудь повода, — совершеннаго въ деревнѣ преступленія или даже найденаго на землѣ ея мертваго тѣла, — чтобы обременить всю деревню. Если при крѣпостномъ состояніи крестьяне, предоставленные самимъ себѣ, умѣли такъ хорошо вести свои дѣла тамъ, гдѣ имъ никто не мѣшалъ, то тѣмъ болѣе можно ожидать счастливаго результата отъ самоуправленія ихъ, когда, сдѣлавшись членами самостоятельной общины, они почувствуютъ свое достоинство и поймутъ, что лица, ими избранныя въ представители, назначаются не къ тому, чтобы быть безотвѣтными орудіями въ рукахъ непосредственно надъ ними стоящей власти и въ случаѣ нужды отвѣчать за міръ спиною или карманомъ, а къ тому, чтобы дѣйствительно управлять мірскими дѣлами для общей

пользы. Это убѣжденіе заставитъ крестьянъ совершенно иначе смотрѣть на право выбора должностныхъ лицъ, чѣмъ до сихъ поръ смотрѣли тѣ изъ нихъ, которымъ это право было предоставлено. Старшинами, старостами, вообще подъ какимъ бы то ни было названіемъ представителями общины—будутъ самые умные и дѣятельные люди ея, и если бы даже міръ когда нибудь ошибся въ выборѣ, то необходимость отдавать отчетъ мірской сходкѣ, и въ важнѣйшихъ случаяхъ дѣйствовать съ ея утвержденія, пресѣчетъ въ самомъ началѣ могущія произойти злоупотребленія. Слишкомъ близки всѣмъ этимъ людямъ интересы, которые будутъ поручены выборнымъ, чтобы можно было предположить равнодушіе общины къ дурному управленію ими. Такое равнодушіе является только тогда, когда или дѣла, поручаемыя избраннымъ лицамъ, не до всѣхъ избирателей равно касаются, или когда избиратели увѣрены, что кого ни назначь, никто не будетъ въ состояніи принести истинную пользу; а это убѣжденіе вселяется въ нихъ только тогда, когда надъ выборными лицами слишкомъ близко стоитъ другая, чуждая общинѣ власть. Конечно, для самоуправленія, покрайней мѣрѣ при томъ положеніи, въ которое будутъ поставлены наши сельскія общины, необходимо существованіе въ томъ или другомъ видѣ круговой поруки; но мы старались доказать, что это начало въ дѣйствительности не имѣетъ тѣхъ дурныхъ сторонъ, которыя въ немъ находятъ нѣкоторые теоретики. Болѣе того, мы даже убѣждены, что при хорошей организаціи мірскаго управленія,—а первою чертою такой организаціи мы признаемъ самостоятельность его внутри самой общины,—и при умѣренномъ размѣрѣ платежей за выкупъ земли, вовсе не представится надобности въ тѣхъ крайнихъ мѣрахъ, какія предполагаетъ г. Ржевскій относительно селеній, на которыхъ накопятся значительныя недоимки, и что міръ самъ съумѣетъ справиться съ недоимщиками. Необходимо только, *чтобъ ему не мѣшали.*

«БИБЛІОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ» 1858, ДЕКАБРЬ.

Въ декабрьской книжкѣ «Библіотеки для Чтенія» оконченъ начавшійся еще въ іюнѣ рядъ статей г. Тернера, подъ заглавіемъ «Очерки современныхъ сельско-хозяйственныхъ вопросовъ.» Въ этихъ очеркахъ, раздѣленныхъ на 13 отдѣловъ, авторъ сначала обозрѣваетъ и обсуживаетъ по каждому изъ частныхъ вопросовъ, на которые распадается общій вопросъ объ устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ, мнѣніе другихъ писателей, а потомъ излагаетъ свои мысли о спорномъ предметѣ. Мы не будемъ слѣдовать за г.

Тернеромъ въ этомъ обозрѣніи, заключающемъ въ себѣ довольно полный сводъ всего, что было писано въ послѣднее время о крестьянскомъ вопросѣ, а ограничимся извлеченіемъ изъ всего ряда очерковъ главныхъ его мнѣній.

Необходимою предварительною мѣрою къ освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости г. Тернеръ признаетъ введеніе срочно-обязаннаго состоянія, которое, по его мнѣнію, должно имѣть весьма важное нравственное значеніе: оно пріучитъ обѣ участвующія въ немъ стороны къ почитанію взаимныхъ правъ и исполненію своихъ обязанностей, увеличитъ привершенность крестьянина къ отводимой ему землѣ и сдѣлаетъ его достойнымъ предстоящаго ему новаго положенія. Независимо отъ того, срочно-обязанное состояніе предотвратитъ — какъ необходимость въ единовременномъ выкупѣ, такъ и недостатокъ рабочихъ рукъ, могущій произойти отъ внезапнаго прекращенія барщины.

Необходимую принадлежность этого положенія составляетъ выкупъ усадебъ и отводъ крестьянамъ полевыхъ земель въ пользованіе; для достиженія же притомъ и другомъ должной правильности, нужны справедливыя оцѣнки — какъ съ одной стороны усадебъ и полевыхъ земель, такъ съ другой стороны и самой работы. Относительно оцѣнки усадебъ, г. Тернеръ полагаетъ, что строенія должны быть включаемы въ нее только въ такомъ случаѣ, если они возведены съ помощью денежной ссуды отъ помѣщика; если на купленный имъ за свои деньги лѣсъ — тогда къ оцѣнкѣ усадебной земли можетъ быть прибавлено отъ 30 до 90 %; самую же землю авторъ считаетъ нужнымъ цѣнить значительно выше полевой, уже и потому, что она на дѣлѣ въ настоящее время стоитъ гораздо дороже. Въ тѣхъ краяхъ, гдѣ усадьбы имѣютъ промысловое значеніе, по мнѣнію г. Тернера, для правильной оцѣнки слѣдуетъ отдѣлить отъ получаемаго нынѣ помѣщиками оброка часть, приходящуюся на полевыя земли,—она будетъ большею частію весьма незначительна,— а остальное капитализировать, или даже, для сокращенія разсчетовъ, капитализировать вмѣстѣ весь оброкъ, и обязать крестьянъ, примѣрно въ теченіе 30 лѣтъ, платежемъ сверхъ оброка или процентовъ интереса одного процента погашенія, выплатить составившійся капиталъ. (Хорошо улучшеніе быта: заставить крестьянина, платящаго нынѣ 25 руб. въ годъ, платить въ продолженіе тридцати лѣтъ — цѣлаго поколѣнія — по 29 рублей!). Для оцѣнки полевыхъ земель авторъ считаетъ лучшимъ способомъ исчислить три главные элемента, а именно: 1) продажную цѣну десятины или наемную плату при непринужденномъ договорѣ; 2) могущій получаться съ десятины доходъ натурою, и 3) средній оброкъ или среднюю норму

барщинной повинности; средній результатъ, выведенный изъ всѣхъ трехъ исчисленій, будетъ ближе всѣхъ къ дѣйствительной цѣнѣ земли. Что касается до оцѣнки барщиннаго труда, то г. Тернеръ для исчисленія ея предлагаетъ употребить слѣдующій способъ: взять цифру платимаго въ извѣстной мѣстности средняго оброка и раздѣлить ее на число барщинныхъ дней, — отъ этого получится оцѣнка самая низкая; потомъ — цифру средней наемной платы въ той же мѣстности и умножить ее на дробь, выражающую отношеніе работы барщинника къ наемной работѣ (такъ напр. если 5 барщинниковъ въ день сдѣлаютъ столько же, сколько 3 наемныхъ работника, а поденная плата каждому батраку 40 коп., то на каждаго изъ первыхъ приходится въ день $40 \times {}^3/_5 = 24$); наконецъ сложить это произведеніе съ прежде полученною цифрою и сумму раздѣлить на 2,—послѣдняя цифра и будетъ приблизительно вѣрная цѣна барщиннаго дня.

Независимо отъ этихъ исчисленій, г. Тернеръ признаетъ заслуживающимъ уваженія и предлагаемый многими писателями способъ оцѣнки земель и причитающагося за нихъ вознагражденія по сравненію съ цѣнностью четверти ржи (одно изъ подобныхъ предположеній мы разсмотрѣли въ библіографіи, помѣщенной въ февральской книжкѣ «Современника») — и сверхъ того, совѣтуетъ комитетамъ обратить особенное вниманіе на произведенный министерствомъ государственныхъ имуществъ, при переложеніи податей съ душъ на землю, такъ называемый народный кадастръ. Этотъ способъ, составляющій нѣчто среднее между ученою кадастраціею и эмпирическими средствами оцѣнки, при весьма незначительной стоимости — по 8 коп. сер. съ десятины — далъ возможность министерству оцѣнить весьма скоро и довольно вѣрно всѣ земли государственныхъ имуществъ въ 13 губерніяхъ.

Обращаясь къ конечной цѣли настоящаго преобразованія, г. Тернеръ говоритъ, что при совершеніи его необходимо преимущественно имѣть въ виду:

1) Не развивая бродяжничества—облегчить переселеніе;

2) Развить классъ крестьянъ-собственниковъ.

Для достиженія первой цѣли авторъ считаетъ совершенно достаточнымъ средствомъ выкупъ усадебныхъ осѣдлостей, который, привязавъ въ извѣстной степени крестьянъ къ землѣ, заставитъ ихъ рѣшаться на переселеніе только при очевидной и весьма вѣрной выгодѣ, а притомъ еще дастъ имъ возможность, чрезъ продажу усадебъ, пріобрѣтать денежныя средства на подъемъ. Что же касается до второй цѣли, то г. Тернеръ, признавая, какъ мы видѣли выше, весьма полезнымъ, чтобы въ мѣстностяхъ исключительно

промышленныхъ, гдѣ полевыя земли имѣютъ весьма малую цѣнность, выкупъ ихъ начался одновременно съ выкупомъ усадебъ; для другихъ краевъ считаетъ достаточнымъ въ настоящее время ограничиться послѣднимъ, съ тѣмъ, чтобы потомъ, когда экономическое состояніе крестьянъ улучшится, выкупъ полевыхъ земель былъ ими произведенъ или на собственныя средства, или съ помощью мѣстныхъ банковъ. Относительно существующаго нынѣ почти повсемѣстно общиннаго владѣнія землями, мнѣнія г. Тернера, какъ онъ ихъ кратко выразилъ въ 13-мъ отдѣлѣ своихъ очерковъ, слѣдующія:

1) Общинное владѣніе (отъ котораго впрочемъ совершенно независимо общинное устройство) не имѣетъ въ себѣ элементовъ постепеннаго развитія, и потому постепенно должно перейти въ частную собственность.

2) Этотъ переходъ долженъ совершиться естественнымъ путемъ постепеннаго преобразованія, а потому нельзя и думать о насильственномъ превращеніи общиннаго владѣнія въ личную собственность.

3) Также вредно было бы сдерживать общинное владѣніе насильственными законодательными мѣрами тамъ, гдѣ оно по мѣстнымъ обстоятельствамъ уже стало вырождаться въ личную собственность.

4) Въ большей части мѣстъ переходъ этотъ начнется нескоро и будетъ совершаться цѣлымъ рядомъ переходовъ; но въ нѣкоторыхъ селеніяхъ уже теперь показываются симптомы перехода къ личной собственности.

5) Сдерживать эти переходы значило бы сдерживать естественное развитіе Россіи, потому что производительность земли при общинномъ владѣніи не можетъ быть такъ сильна, какъ при личной собственности; между тѣмъ богатство жителей страны прямо пропорціонально ея производительности, распредѣленіе же богатствъ играетъ только вторую роль, слѣдующую за производствомъ.

Согласно съ этими убѣжденіями г. Тернеръ предлагаетъ, для примѣненія ихъ на практикѣ, принять слѣдующія правила:

1) Поля должны быть выкупаемы, тамъ, гдѣ существуетъ общинное владѣніе, съобща всѣмъ міромъ.

2) По совершеніи выкупа, общинники могутъ переходить постепенно, по собственному желанію, къ системѣ личной собственности на землю; — такой постепенный переходъ можетъ совершиться и до окончательной уплаты долга, если помѣщикъ или кредитное учрежденіе изъявятъ на то согласіе, замѣнивъ круговую поруку поземельною гипотекою.

3) Усадьбы, съ принадлежащею къ нимъ землею, должны выкупаться въ личную собственность крестьянъ, по состоянію ихъ въ настоящее время большею частію въ личномъ потомственномъ владѣніи крестьянскихъ семей.

4) Въ случаѣ, если выкупъ усадебъ происходитъ при посредствѣ кредитнаго учрежденія, при встрѣтившемся неплатежѣ со стороны собственника, круговая порука опять возлагается на міръ; но затѣмъ міру отдается половина огородовъ, коноплянниковъ и вообще всей усадьбы должника на пользованіе, пока доходы съ нея не окупятъ его долга, причемъ эта половина можетъ оставаться въ пользованіи міра или того крестьянина, который внесъ деньги за несостоятельнаго должника, и послѣ окончательнаго выкупа земли отъ помѣщика, до уплаты частнаго долга міру за взнесенныя имъ помѣщику или банку выкупныя за нее деньги (на уплату этого долга идетъ только половина усадьбы, чтобы никогда не оставить крестьянина безъ крова и безъ всякихъ средствъ къ существованію).

5) По окончательномъ выкупѣ усадебъ, собственники имѣютъ право продать ихъ даже постороннему лицу, но только съ согласія міра (впрочемъ произвольные отказы должны быть ограничены) и при согласіи со стороны покупателя подчиниться всѣмъ условіямъ общиннаго устройства и жизни, связаннымъ съ этими клочками земли.

За исходную точку своихъ предположеній объ устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ г. Тернеръ взялъ введеніе срочно-обязаннаго состоянія, о неудобствахъ котораго мы уже неоднократно высказывали свое мнѣніе и потому не считаемъ нужнымъ его здѣсь повторять. Относительно оцѣнки усадебныхъ земель мы полагаемъ, что включать въ нее стоимость строенія, на томъ основаніи, что помѣщикъ на свои деньги купилъ лѣсъ, изъ котораго они построены, было бы тоже самое, что взыскивать съ крестьянъ при освобожденіи ихъ отъ крѣпостной зависимости всѣ деньги, употребленныя на прокормленіе ихъ въ неурожайные годы, или отъ дворовыхъ людей требовать возвращенія суммъ, истраченныхъ на содержаніе ихъ во все время ихъ службы. Помѣщикъ въ той же мѣрѣ былъ обязанъ помогать крестьянамъ въ обстройкѣ усадебъ, какъ и кормить ихъ во время голода, или содержать дворовыхъ людей. Равнымъ образомъ не имѣетъ онъ никакого права на особое вознагражденіе за пріобрѣтенную усадебными землями, безъ всякаго труда и пожертвованія съ его стороны, высшую цѣнность противъ полевыхъ. Что же касается до опредѣленія цѣнности усадебъ въ промышленныхъ краяхъ, посредствомъ капитализаціи получаемаго нынѣ оброка, то о невѣрности этого мѣрила не стоитъ и говорить. Не

упоминая уже о томъ, что въ этихъ именно краяхъ и взимаются тѣ чудовищные оброки, которые мы иначе не можемъ характеризовать, какъ назвавши ихъ *налогомъ на способности*, и слѣдовательно составились бы по многимъ имѣніямъ громадныя оцѣнки; — но чѣмъ виноватъ помѣщикъ, который при крѣпостномъ состояніи, не желая стѣснить своихъ крестьянъ, довольствовался умѣреннымъ оброкомъ, а теперь долженъ быть наказанъ за свою умѣренность полученіемъ меньшаго вознагражденія? Чѣмъ виноваты съ другой стороны крестьяне, платившіе до сихъ поръ оброкъ въ преувеличенномъ размѣрѣ и осужденные именно за это заплатить несоразмѣрный выкупъ,—развѣ только потому, что за освобожденіе отъ бо́льшаго зла и заплатить можно дороже?

Объ русской сельской общинѣ авторъ говоритъ, что она не имѣетъ въ себѣ элементовъ постепеннаго развитія, а потому должна перейти въ личную собственность, и будто бы даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ это преобразованіе началось. По нашему мнѣнію, это заключеніе весьма преждевременно: если до сихъ поръ община не выказала на самомъ дѣлѣ таящихся въ ней началъ высокаго развитія, то это нисколько не доказываетъ, что по снятіи тяготящихъ ее оковъ, она не пойдетъ къ этому развитію быстрыми шагами. Притомъ не очень блистательны вообще и результаты стоящаго рядомъ съ общиной помѣщичьяго хозяйства, которое однако же имѣетъ основою совершенно отдѣльную, личную собственность. Если намъ укажутъ на нѣсколько отдѣльныхъ примѣровъ помѣщичьихъ хозяйствъ, доведенныхъ до высокой степени процвѣтанія, то мы съ своей стороны готовы назвать не мало деревень, въ которыхъ, при общинномъ владѣніи землею, хозяйство крестьянъ находится въ такомъ положеніи, какого только можно желать при настоящихъ экономическихъ условіяхъ земледѣлія. Скажемъ болѣе,—почти вездѣ, гдѣ бремя крѣпостнаго состоянія замѣтно облегчалось, крестьяне, если они только не были совершенно убиты духомъ отъ предшествовавшаго угнетенія, въ скоромъ времени приводили свое хозяйство въ порядокъ и достигали весьма удовлетворительныхъ результатовъ: общинное владѣніе землею повидимому имъ не мѣшало. Почему же невозможно было бы дальнѣйшее развитіе общины въ этомъ направленіи? Если теперь, при мало-мальски благопріятныхъ условіяхъ, хозяйство крестьянъ-общинниковъ не уступаетъ помѣщичьему, то почему съ развитіемъ вообще экономическихъ понятій въ нашемъ народѣ не могли бы привиться къ его хозяйству и дальнѣйшія улучшенія, въ особенности если бы крестьяне увидѣли вокругъ себя примѣры удачнаго примѣненія этихъ улучшеній? Общинное владѣніе совсѣмъ не требуетъ такихъ частыхъ передѣловъ земли, какъ хотятъ дока-

зать противники его; во всякомъ случаѣ они не могутъ быть довольно часты, чтобы служить препятствіемъ къ тому, чтобы крестьянинъ хорошо унавоживалъ и тщательно обработывалъ свою полосу, а тѣмъ болѣе когда, вслѣдствіе возвышенія цѣнъ на землю, обработка ея вообще будетъ несравненно лучше настоящей. Недостатокъ кредита также не составитъ препятствія къ улучшенію хозяйства, потому что, при надлежащемъ развитіи его, круговая порука цѣлаго общества достаточныхъ землевладѣльцевъ будетъ достаточнымъ обезпеченіемъ для довольно значительной ссуды, которая притомъ, по мірскому приговору, можетъ быть обезпечена даже гипотекой на какой нибудь отдѣльный участокъ земли. Вообще мы полагаемъ, что зло, къ которому пришли западные народы, вслѣдствіе чрезмѣрнаго развитія личной собственности и неизбѣжно слѣдующаго за нею пролетаріата, такъ велико, что для избѣжанія его, — если бы мы и не имѣли стольких причинъ, какъ имѣемъ теперь, вѣрить въ будущность нашей сельской общины,—все же слѣдовало бы сдѣлать попытку, и не прежде отчаяться въ успѣхѣ, какъ тогда, когда несостоятельность этого порядка была бы доказана несомнѣннымъ опытомъ.

Что же касается до начавшагося уже, по мнѣнію г. Тернера, перехода отъ общиннаго владѣнія къ личной собственности, котораго признаки авторъ находитъ въ образованіи въ малоземельныхъ селеніяхъ болѣе или менѣе значительнаго числа затяглыхъ, то мы полагаемъ, что этому факту совсѣмъ не слѣдуетъ придавать такого значенія. Затяглые, хотя и не владѣютъ непосредственно землею, но все-таки принадлежатъ къ общинѣ, и по самой принадлежности своей къ семействамъ, которыхъ другіе члены владѣютъ землею, не могутъ считаться пролетаріями, точно такъ, какъ не долженъ быть отнесенъ къ этому разряду неотдѣленный сынъ достаточнаго землевладѣльца. Притомъ, независимо отъ возможности для каждаго затяглаго, при будущемъ передѣлѣ, получить во владѣніе особый участокъ земли, — если съ распространеніемъ лучшихъ понятій о хозяйствѣ, окажется возможнымъ на томъ же количествѣ земли, посредствомъ увеличенія суммы труда прокормить большее число людей, то затяглые могутъ вступать въ непосредственный составъ общины, какъ полноправные ея члены, а не какъ бездомные батраки. Однѣ уже эти черты различія, по нашему мнѣнію, достаточны, чтобы рѣзко отдѣлить положеніе нашихъ затяглыхъ отъ безотраднаго и безъисходнаго положенія западныхъ пролетаріевъ, а слѣдовательно и образовавшуюся въ селеніяхъ, къ которымъ затяглые приписаны, организацію поземельнаго владѣнія — отъ полной личной собственности, обусловливающей существованіе пролетаріата.

«ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ», 1858 Г. ДЕКАБРЬ.

Въ декабрьской книжкѣ журнала министерства внутреннихъ дѣлъ помѣщена весьма любопытная статья, составленная чиновниками министерства гг. Колошинымъ, фонъ-Шульцемъ 1-мъ, барономъ Штакельбергомъ, фонъ-Шульцемъ 2 мъ и фонъ Брадтке, «Объ устройствѣ уѣзднаго управленія и полиціи и о кругѣ дѣйствій мирныхъ судей во Франціи, Англіи и Пруссіи.» Эта статья, вообще весьма добросовѣстно и по лучшимъ источникамъ составленная, между прочимъ заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя свѣдѣнія объ организаціи общинъ въ означенныхъ трехъ государствахъ и объ отношеніяхъ ихъ къ должностнымъ лицамъ, завѣдывающимъ мѣстнымъ управленіемъ. Считаемъ неизлишнимъ привести ихъ въ краткомъ извлеченіи.

Во Франціи пространство общинъ опредѣлено въ 1789 году, на основаніи прежняго раздѣленія на приходы и муниципалитеты. Число жителей въ общинахъ весьма неравномѣрно: въ нѣкоторыхъ менѣе 500, а въ другихъ болѣе 10,000 жителей. Каждая община, въ томъ числѣ и города, за исключеніемъ Парижа и Ліона, управляется мэромъ, назначаемымъ въ главныхъ городахъ и значительныхъ общинахъ императоромъ,—а въ прочихъ префектомъ департамента. Завѣдыванію мэра предоставлена часть исполнительная, а гдѣ нѣтъ особаго полицейскаго коммиссара,—и полицейская. Кромѣ того, учрежденъ въ каждой общинѣ муниципальный совѣтъ изъ членовъ, избранныхъ жителями ея на 5 лѣтъ, числомъ отъ 10-ти до 36-ти. Этотъ совѣтъ, въ которомъ мэръ по званію своему занимаетъ предсѣдательское мѣсто, разрѣшаетъ всѣ вопросы, касающіеся до управленія общественными имуществами, составляетъ общинный бюджетъ и повѣряетъ отчеты мэра о ввѣренныхъ его завѣдыванію суммахъ. Попечителемъ всѣхъ общинъ въ департаментѣ считается префектъ, на разсмотрѣніе котораго восходятъ всѣ дѣла ихъ, даже тѣ, по которымъ муниципальный совѣтъ имѣетъ право давать окончательныя разрѣшенія; въ случаѣ возникновенія жалобъ, которыя префектъ признаетъ справедливыми, онъ имѣетъ право эти рѣшенія своею властью отмѣнять. Вторую административную инстанцію составляетъ подпрефектъ, съ окружнымъ совѣтомъ изъ 9 членовъ по выбору, къ которому онъ стоитъ, за исключеніемъ права предсѣдательства, почти въ тѣхъ же отношеніяхъ, какъ мэръ къ муниципальному совѣту. Третья инстанція — префектъ, съ совѣтомъ префектуры, состоящимъ изъ совѣтниковъ отъ короны, и главнымъ департаментскимъ совѣтомъ, котораго члены избираются всѣмъ департа-

ментомъ по одному отъ каждаго кантона (кантонъ состоитъ изъ нѣсколькихъ общинъ, около 10-ти). Судебная власть въ низшей инстанціи поручается мирному судьѣ, назначаемому правительствомъ изъ числа трехъ кандидатовъ, которыхъ представляетъ президентъ мѣстнаго гражданскаго суда. На каждый кантонъ назначается одинъ мирный судья.

Въ Англіи должности мѣстнаго управленія раздѣляются на исполнительныя и судебно–полицейскія. Къ первому разряду принадлежатъ должности: 1) шерифа, который назначается королемъ изъ числа трехъ кандидатовъ, представляемыхъ собраніемъ высшихъ государственныхъ сановниковъ, и считается первымъ лицомъ въ графствѣ, а на этомъ основаніи предсѣдательствуетъ въ народномъ собраніи его; 2) коронэра, избираемаго народнымъ собраніемъ графства и имѣющаго главнымъ атрибутомъ власть слѣдственную, и наконецъ 3) констэблей, которые раздѣляются на сотскихъ и десятскихъ и избираются общинами; впрочемъ сотскіе констэбли (high constables) нерѣдко назначаются собраніями мирныхъ судей; обязанность констэблей заключается въ ближайшемъ надзорѣ за полицейскимъ порядкомъ и въ сборѣ податей. Составляющіе второй разрядъ должностей, мирные судьи назначаются особою королевскою грамотою; каждый землевладѣлецъ, имѣющій не менѣе 100 фунтовъ стерлинговъ (625 р. сер.) дохода съ собственной или состоящей въ пользованіи его земли, имѣетъ право изъявить желаніе быть мирнымъ судьею. Комплектъ судей не ограниченъ и потому отказа не бываетъ иначе, какъ по какимъ либо особенно важнымъ причинамъ. Кругъ дѣйствія мирнаго судьи двоякій: когда онъ дѣйствуетъ одинъ, то сущность его обязанностей, по объясненію нѣмецкаго юриста Финке, составляетъ общая полиція, вспомоществуемая судебною властью настолько, сколько того требуетъ полное и успѣшное выполненіе полицейскихъ обязанностей; впрочемъ эта власть простирается до права заключать праздныхъ и безпорядочныхъ людей (idle and disorderly persons) въ тюрьму на одинъ мѣсяцъ, а негодяевъ и бродягъ (rogues and vagabonds) до слѣдующаго главнаго засѣданія. Конечно въ статутахъ съ точностью опредѣлено, кого именно слѣдуетъ разумѣть подъ этими названіями. Въ главныхъ засѣданіяхъ, имѣющихъ, кромѣ весьма обширной судебной власти, также и административный характеръ, собраніе всѣхъ мирныхъ судей графства разсматриваетъ отчеты разныхъ полицейскихъ чиновниковъ, опредѣляетъ сумму общаго налога, на удовлетвореніе потребностей графства и распредѣляетъ его между общинами пропорціонально доходу, получаемому ими съ земли. Община, которая почтетъ распредѣленіе неправильнымъ, представляетъ объ этомъ главному за-

сѣданію, или приноситъ жалобу одному изъ государственныхъ судей; при чемъ должна представить сто фунтовъ стерлинговъ въ залогъ уплаты судебныхъ издержекъ, на случай, если жалоба будетъ признана неправильною. Главныя засѣданія также завѣдываютъ расходованіемъ общаго сбора и имѣютъ надзоръ за всѣми содержимыми на счетъ его общественными заведеніями. Сборы на нужды прихода, въ числѣ которыхъ находится подать на содержаніе бѣдныхъ, и всѣ распоряженія, относящіяся къ управленію приходскимъ общественнымъ имуществомъ, опредѣляются собраніемъ всѣхъ прихожанъ, которое избираетъ для завѣдыванія имуществомъ особыхъ старостъ. Вообще выборы производятся не по сословіямъ, а по общинамъ, и всякій землевладѣлецъ, лордъ ли онъ, купецъ или крестьянинъ, — одинаково участвуетъ въ народномъ собраніи. Способъ, употребляемый для самаго акта выборовъ, есть такъ называемый poll, открытое наименованіе избираемаго лица или написаніе его имени.

Пруссія въ административномъ отношеніи раздѣляется на провинціи, которыя подраздѣляются на округи и уѣзды. Части уѣздовъ составляютъ общины. Главное лицо въ уѣздномъ управленіи ландратъ, избираемый изъ числа владѣльцевъ дворянскихъ имѣній собраніемъ представителей уѣзда, которое состоитъ изъ всѣхъ помѣщиковъ, нѣсколькихъ городскихъ и трехъ сельскихъ депутатовъ. Завѣдываніе полицейскимъ управленіемъ города или селенія принадлежитъ самимъ обществамъ, которыя избираютъ изъ своей среды бургомистровъ, членовъ магистрата, шульцовъ и шеппеновъ; въ важнѣйшихъ городахъ, крѣпостяхъ и въ общинахъ, имѣющихъ болѣе 10,000 жителей, мѣстная полиція можетъ быть поручена, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, чиновнику государственной службы, которому и назначается жалованье отъ правительства, всѣмъ же прочимъ лицамъ оно производится изъ собственныхъ средствъ общины. Власти, завѣдывающія мѣстною полиціею, по совѣщанію съ представителями общины, имѣютъ право обнародовывать полицейскія распоряженія и за неисполненіе ихъ налагать штрафы до трехъ талеровъ, а съ разрѣшенія окружнаго правленія и до 10 талеровъ. Всякое распоряженіе мѣстной полиціи можетъ быть отмѣнено окружнымъ правленіемъ, которое при этомъ обязано только въ предписаніи своемъ объяснить причины, побудившія его къ отмѣнѣ. Жалобы на полицію могутъ быть приносимы тому присутственному мѣсту, которому она непосредственно подчинена; а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, къ которымъ относится между прочимъ нарушеніе правъ собственности, дѣйствія полиціи могутъ быть предметомъ гражданскаго иска. Слѣдствія о совершенныхъ въ общинѣ преступленіяхъ и проступкахъ начинаются мѣстною полиціею и за-

тѣмъ передаются особымъ чиновникамъ, называемымъ повѣренными государства (Staatsanwalt), которыхъ обязанность преслѣдовать виновныхъ предъ уѣзднымъ судомъ (Landgericht); для предварительнаго же разсмотрѣнія дѣлъ, равно какъ и для разрѣшенія маловажныхъ споровъ, назначаются въ Рейнской провинціи мирные судьи отъ короны, а въ восточныхъ провинціяхъ чиновники отъ выбора, съ нѣсколько меньшимъ кругомъ дѣйствія, называемые посредниками (Schiedsmänner).

Разсмотрѣвъ эти три различныя организаціи мѣстнаго управленія, мы находимъ въ каждой изъ нихъ свои особенные недостатки. Во Франціи, гдѣ даже представитель общины, мэръ, назначается отъ короны и всякое постановленіе общиннаго совѣта должно быть разсмотрѣно и утверждено префектомъ, община совершенно задавлена административною централизаціей. Въ Англіи, при превосходно развитомъ самоуправленіи въ каждой волости, присвоено слишкомъ сильное преобладаніе классу значительныхъ землевладѣльцевъ, и если бы не либеральный духъ, которымъ проникнуты всѣ учрежденія государства, то это преобладаніе перешло бы въ совершенное самовластіе. То же самое замѣчаемъ и въ сферѣ политической: нѣсколько десятковъ лѣтъ вліяніе землевладѣльцевъ съ успѣхомъ противилось отмѣнѣ законовъ о пошлинѣ на иностранный хлѣбъ, неоднократно подвергавшихъ бѣдное населеніе государства гнету страшной дороговизны на всѣ съѣстные припасы. Въ Пруссіи мы находимъ смѣшеніе обоихъ элементовъ: съ одной стороны ландраты, представители уѣздной власти, избираются собраніемъ всѣхъ владѣльцевъ дворянскихъ имѣній, въ которомъ участвуютъ только три депутата сельскихъ общинъ, съ другой стороны не только общины, но и ландраты совершенно подчинены окружнымъ правленіямъ, состоящимъ изъ коронныхъ чиновниковъ, и даже для завѣдыванія мѣстною полиціею въ значительныя общины назначаются чины отъ короны.— Должно желать, чтобы мы, позже всѣхъ народовъ Европы ставшіе на стезю общественнаго развитія, основаннаго на полноправности всѣхъ гражданъ, избѣжали въ равной мѣрѣ всѣхъ означенныхъ недостатковъ и показали примѣръ административной организаціи, вполнѣ обезпечивающей эту полноправность.

«СЕЛЬСКОЕ БЛАГОУСТРОЙСТВО» № 10-й.

Рекрутская повинность, подати, обезпеченіе народнаго продовольствія и распространеніе грамотности въ крестьянствѣ. Г. Голубцова.

Статья эта касается вопросовъ, которые имѣютъ несомнѣнную важность въ дѣлѣ устройства быта помѣщичьихъ крестьянъ и те-

перь особенно выдвигаются впередъ, когда главныя основанія этого дѣла (надѣлъ крестьянъ землею за выкупъ или въ постоянное пользованіе, впредь до выкупа, за опредѣленныя повинности) уже, можно сказать, почти рѣшены общественнымъ мнѣніемъ. Вопросы о преобразованіи рекрутской повинности и порядка взиманія податей г. Голубцовымъ только слегка затронуты; точнѣе онъ разбираетъ недостатки нынѣшней системы обезпеченія народнаго продовольствія, которые заключаются, по мнѣнію г. Голубцова, въ томъ, что въ сельскіе запасные магазины хлѣбъ засыпается по числу только душъ ревизскихъ, не считая женщинъ, и что ежегодные взносы хлѣба въ магазинъ прекращаются по достиженіи въ магазинѣ извѣстной пропорціи хлѣба, а именно по одной четверти ржи и по получетверти яроваго на каждую душу. Г. Голубцовъ думаетъ, что правильнаго обезпеченія народнаго продовольствія можно бы достигнуть установленіемъ постояннаго, ежегоднаго взноса хлѣба въ магазины съ каждой души, или устройствомъ мірской запашки. Съ этимъ трудно вполнѣ согласиться. Если пропорція хлѣба, указанная въ настоящее время, мала (г. Голубцовъ доказываетъ, что ея можетъ быть достаточно, въ случаѣ голода, на прокормленіе крестьянъ лишь въ теченіе трехъ мѣсяцевъ), то можно доказывать необходимость увеличить ее; но изъ этого еще не слѣдуетъ, что нужно отмѣнить всякое указаніе нормальнаго количества хлѣба, какое должно накопиться въ магазинахъ для достиженія предположенной цѣли, а сбирать хлѣбъ постоянно, сколько бы его ни накопилось и хотя бы количество его и превышало уже дѣйствительную надобность. Намъ случилось, года два тому назадъ, лично убѣдиться въ невыгодныхъ послѣдствіяхъ такого порядка. Въ одной губерніи, по какому-то административному недоразумѣнію, сборъ хлѣба въ магазины продолжается ежегодно, хотя въ магазины давно уже засыпано указанное его количество. Что же выходитъ? Крестьяне, не видя конца сбору, не понимая, къ чему ведетъ такое накопленіе хлѣба, когда имъ въ ссуду выдаютъ все-таки не болѣе четверти наличнаго хлѣба, а остальной лежитъ такъ, смотрятъ на взносъ хлѣба, какъ на новую повинность, и стараются подъ всѣми возможными предлогами и всѣми законными и незаконными путями избѣжать исполненія ея. Мѣрные магазины, построенные соотвѣтственно законной пропорціи хлѣба, не могутъ вмѣщать лишняго засыпа, который ссыпается въ амбарахъ, гдѣ повѣрить количество его невозможно; а какъ по магазиннымъ книгамъ весь хлѣбъ, засыпанный, какъ въ магазинѣ, такъ и въ амбарахъ, записывается вмѣстѣ, то повѣрить по книгамъ наличное количество хлѣба тоже невозможно. Въ магазинѣ хлѣба мало: вамъ скажутъ, что сверхъ того въ амбарахъ столько-то (а правда это или

нѣтъ — неизвѣстно) и что магазинный хлѣбъ розданъ въ ссуду крестьянамъ... Вообще всякое требованіе, основанное на здравыхъ соображеніяхъ и на справедливости, должно быть опредѣленно и ясно; неопредѣленное требованіе всегда представится произвольнымъ.

По нашему мнѣнію, одно изъ главныхъ неудобствъ нынѣшней системы запасныхъ магазиновъ заключается въ затрудненіяхъ и формальностяхъ, съ которыми сопряжено, для крестьянъ, полученіе въ ссуду хлѣба. Тамъ, гдѣ законъ строго соблюдается, гдѣ въ дѣйствительности, а не на бумагѣ только, магазины наполнены указнымъ количествомъ хлѣба (то есть далеко не вездѣ) тамъ, какъ мы лично имѣли случай убѣдиться, крестьяне считаютъ запасный магазинъ неприкосновеннымъ казеннымъ имуществомъ. Ссуды получать изъ него такъ трудно, что независимо отъ такъ называемаго крестьянами *казеннаго* магазина крестьяне сами устраиваютъ свой *общественный* магазинъ, куда засыпаютъ хлѣбъ добровольно, но за то и получаютъ оттуда ссуды безъ всякаго правительственнаго контроля. Это мы видѣли въ нѣсколькихъ оброчныхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ, гдѣ крестьяне были ввѣрены собственному своему управленію и дѣлали это безъ всякаго побужденія со стороны помѣщика. Стало быть, крестьяне легко могутъ понять пользу *общественныхъ* запасныхъ магазиновъ, а не любятъ собственно *казенныхъ*.

На это могутъ сказать, что предоставленіе распоряженія хлѣбными запасами крестьянскимъ обществамъ, безъ правительственнаго надзора, не можетъ обезпечить народнаго продовольствія на случай общаго голода, что крестьяне будутъ заботиться объ удовлетвореніи ежегодныхъ своихъ нуждъ, будутъ брать хлѣбъ весною и засыпать осенью, но не позаботятся о составленіи большаго запаса на случай совершеннаго неурожая. Это можетъ быть и справедливо; но тогда лучше всего отдѣлить обезпеченіе народнаго продовольствія въ крайнихъ случаяхъ (что̀ должно составлять предметъ заботливости правительства) отъ обезпеченія ежегодныхъ нуждъ крестьянъ, что̀ можетъ быть вполнѣ предоставлено обществамъ, съ указаніемъ имъ только нѣкоторыхъ правилъ, для устройства сельскихъ магазиновъ, но безъ обремененія крестьянъ, при выдачѣ ссудъ, обязанностью испрашивать разрѣшенія у начальства... На случай же голода могутъ быть устроены правительствомъ, въ извѣстныхъ пунктахъ, особые запасные магазины, которые должны находиться подъ постояннымъ надзоромъ начальства и откуда ссуды должны допускаться лишь во время голода. Съ улучшеніемъ путей сообщенія, общественное продовольствіе можетъ быть значительно обезпечено запасными капиталами, съ помощью которыхъ, при мѣстныхъ неурожаяхъ, можно будетъ выписывать хлѣбъ изъ другихъ губерній.

Г. Голубцовъ вполнѣ сознаетъ необходимость распространенія между крестьянами грамотности. Съ этою цѣлію онъ предлагаетъ вмѣнить въ обязанность каждому сельскому обществу дѣлать ежегодно денежный сборъ, опредѣленный заранѣе мірскимъ приговоромъ и достаточный на устройство сельской школы. На это, по мнѣнію г. Голубцова, потребуется незначительная сумма. Изба, нужная для сельской школы, легко найдется; книгъ, бумаги и чернилъ потребуется не много; учителя за 25 руб. въ годъ можно найти въ сельскомъ священникѣ или его причтѣ. Многія жены, сестры и дочери помѣщиковъ, какъ полагаетъ г. Голубцовъ, съ готовностью примутъ со временемъ на себя обязанности сельскихъ учительницъ. Курсъ ученія будетъ начинаться осенью, послѣ уборки полей и кончаться великимъ постомъ, потому что весною и лѣтомъ даже дѣти нужны и полезны въ крестьянскомъ хозяйствѣ.

Отвѣты по устройству быта помѣщиковъ и крестьянъ г. Шепелева.

Характеръ и направленіе статьи этой будутъ достаточно ясны, если мы приведемъ изъ нея буквально нѣкоторыя мѣста. Буквально мы считаемъ нужнымъ привести ихъ для того, чтобы насъ не заподозрили (какъ-то сдѣлалъ разъ г. Протасьевъ по поводу разбора его статьи) въ преувеличеніи несправедливыхъ въ отношеніи къ крестьянамъ предположеній автора-помѣщика; да и въ самомъ дѣлѣ, выраженіе подобныхъ идей въ настоящее время довольно неправдоподобно: le vrai quelquefois n'est pas vraisemblable. «Теперь наши крестьяне поселены, по большей части, подлѣ помѣщичьихъ усадебъ, что было весьма удобно при крѣпостномъ правѣ; но, по освобожденіи крестьянъ, близость эта только послужитъ поводомъ къ частымъ непріятнымъ столкновеніямъ и тяжбамъ. Помѣщику должно быть предоставлено право указать крестьянамъ мѣсто для ихъ новаго поселенія; а никакъ нельзя при этомъ основываться на обоюдномъ соглашеніи помѣщика и крестьянъ. Конечно, крестьяне пожелаютъ остаться на теперешнихъ своихъ мѣстахъ, ибо помѣщики, для поселенія крестьянъ, своихъ крѣпостныхъ, а не свободныхъ, избирали лучшія мѣста въ своихъ дачахъ; но помѣщики не могутъ согласиться уступить эти мѣста свободнымъ крестьянамъ и перейти съ своими, часто многоцѣнными, усадьбами въ мѣста, не столь удобныя. Можно положить за правило, чтобы помѣщикъ назначалъ для новаго поселенія крестьянъ два или три мѣста, изъ которыхъ крестьянамъ предоставить право выбора».

«Перенесеніе крестьянскихъ усадебъ вообще должно совершиться на счетъ самихъ крестьянъ, коимъ помѣщики даруютъ свободу».

«Собственно осѣдлость крестьянскую въ нашихъ мѣстахъ составляютъ не болѣе 200 кв. саж. на душу; но кромѣ того крестьянину нужно имѣть выгонъ и полезно имѣть хотя небольшую полевую запашку. Для всего этого, въ нашихъ мѣстностяхъ, достаточно одной десятины на ревизскую душу, больше чего помѣщики удѣлить и не могутъ. Такое количество земли обезпечитъ крестьянское продовольствіе и выполненіе обязанностей предъ правительствомъ.

«Половина крестьянъ можетъ уходить для заработковъ въ дальнія мѣстности, а другая половина будетъ наниматься въ батраки у ближайшихъ помѣщиковъ. Такимъ способомъ они пріобрѣтутъ для своихъ домовъ до 1,400 р. с. въ годъ. 40 тягловыхъ работницъ, въ нашихъ мѣстностяхъ, нанимаясь жать и вязать хлѣбъ, какъ это и теперь дѣлается, выработаютъ болѣе 100 четвертей ржи; ихъ поля и огороды легко обработаются затяглыми.»

Короче сказать,—г. Шепелевъ предлагаетъ: сдѣлать изъ крестьянъ-земледѣльцевъ не землевладѣльцевъ, а батраковъ. Хорошее улучшеніе быта! И какая польза крестьянамъ въ ихъ усадьбахъ и огородахъ, если цѣлая половина ихъ, для снискиванія себѣ пропитанія, должна, по отзыву самого автора, уходить ежегодно въ дальнія мѣста? Ужь тогда лучше бы не навязывать имъ и усадебъ; тогда эта половина крестьянъ совсѣмъ переселилась бы въ тѣ дальнія мѣста и пріобрѣла бы тамъ осѣдлость на болѣе выгодныхъ условіяхъ. Понятно еще, что можно говорить о надѣленіи однѣми усадьбами батраковъ тамъ, гдѣ они теперь есть (напр. въ тѣхъ уѣздахъ Витебской губерніи, гдѣ землею пользуются не всѣ крестьяне, а только хозяева, или фермеры, обработывающіе свои 20-десятинные участки съ помощію батраковъ); но рѣшиться предлагать образованіе батрачества тамъ, гдѣ его не было, отнятіе у крестьянъ той земли, которою они пользовались и которую они орошали своимъ потомъ не одно столѣтіе, и присоединеніе земли этой къ господскимъ полямъ, для образованія какихъ-то огромныхъ плантацій — это ужь что-то слишкомъ странно! А что, если помѣщику вздумается запустить часть этихъ плантацій подъ лѣсъ: куда дѣнутся тогда крестьяне съ своимъ трудомъ и съ своими дорого выкупленными усадьбами? При фермерномъ хозяйствѣ, батраку перейти отъ одного фермера къ сосѣднему не далеко, да и фермеръ, обязанный платить ренту, не можетъ сократить своего хозяйства. А помѣщику, имѣющему 20,000 десятинъ земли, не трудно отдѣлить изъ нихъ подъ лѣсъ хоть 300 и оставить безъ работы соотвѣтственное число крестьянъ, которымъ придется или бросить усадьбы, или ходить далеко на заработки, разлучаясь безпрестанно съ семьею. А г. Шепелевъ остается своимъ предположеніемъ совершенно доволенъ и говоритъ еще, что помѣщики при-

носятъ великую жертву, освобождая личность крестьянъ. Хороша жертва! Всякому извѣстно, что свободный и голодный ирландецъ работаетъ лучше и стоитъ дешевле, чѣмъ негръ, работающій изъ подъ палки.

Странно было намъ увидѣть подобную статью въ «Сельскомъ Благоустройствѣ.» Впрочемъ издатель помѣстилъ ее съ оговоркою, что онъ вполнѣ не согласенъ съ авторомъ.

Соображенія по улучшенію быта крестьянъ. Г. Еремѣева.

Въ небольшой статьѣ этой авторъ весьма основательно доказываетъ, что въ Кіевской губерніи уменьшеніе существующаго надѣла крестьянъ землею не только будетъ разорительно для крестьянъ, но и для всѣхъ другихъ сословій. Далѣе г. Еремеевъ представляетъ оцѣнку рабочихъ дней и дѣлаетъ нѣкоторыя, къ сожалѣнію невполнѣ развитыя, предположенія о превращеніи натуральныхъ повинностей въ денежныя.

О поземельномъ кредитѣ въ царствѣ Польскомъ. Главы II и III.

Первая глава статьи этой, излагающая сущность и значеніе гипотечныхъ постановленій, дѣйствующихъ въ царствѣ Польскомъ, была помѣщена въ 9 № «Сельскаго Благоустройства» и разобрана нами въ ноябрьской книжкѣ «Современника» прошлаго года. Во второй и третьей главахъ изложены довольно подробно правила о производствѣ обезпеченій по гипотечной системѣ и о порядкѣ, по которому удовлетворяютъ права, обезпеченныя гипотекою.

«СЕЛЬСКОЕ БЛАГОУСТРОЙСТВО» № 11.

Предположеніе объ устройствѣ быта крестьянъ. Н. П.

Въ примѣчаніи къ этой статьѣ издатель «Сельскаго Благоустройства» объясняетъ, что подъ буквами Н. П. скрывается имя опытнаго хозяина, извѣстнаго своими многосторонними свѣдѣніями.

Разсказавши, въ началѣ статьи, неудавшуюся ему попытку перевести крестьянъ своихъ съ поденной барщины на круговое обязательство всего міра обработать въ его пользу извѣстное пространство земли, г. опытный хозяинъ Н. П. излагаетъ слѣдующія предположенія.

За выкупъ усадебъ онъ полагаетъ назначить съ тягла по 105 руб. сер.; потому для выкупа усадебъ въ теченіе переходнаго двѣнадцатилѣтняго срока, крестьянамъ пришлось бы уплачивать ежегодно по 7 руб. 75 коп. съ тягла; а какъ такая уплата была бы для нихъ слишкомъ обременительна, то авторъ предлагаетъ предоставить усадьбы крестьянамъ въ постоянное пользованіе, пока они будутъ

оставаться въ составѣ общества, съ уплатою за то по 2 руб. въ годъ; сверхъ того взимать съ каждаго двора по 2 руб. страховой преміи; деньги эти вносить въ уѣздное казначейство, которое, обращаясь такимъ образомъ въ страховое отъ огня общество, обязано было бы выдавать по 100 руб. на каждый сгорѣвшій дворъ. Крестьянъ надѣлить землею въ пользованіе въ количествѣ двухъ десятинъ на ревизскую душу въ многоземельныхъ имѣніяхъ, 1½ десят. въ среднеземельныхъ и 1 десят. въ малоземельныхъ. Этотъ нормальный надѣлъ назначить въ тѣхъ видахъ, чтобы крестьяне имѣли право пріобрѣсти его въ полную собственность, когда правительство сочтетъ возможнымъ совершить выкупъ земли; на переходное же время оставить въ пользованіи крестьянъ всю ту землю, какою они владѣли до настоящаго времени. Землю раздѣлить по числу наличныхъ тяголъ, съ оставленіемъ нѣсколькихъ запасныхъ тягольныхъ участковъ для прибылыхъ душъ.

Всѣ казенныя, денежныя и натуральныя повинности распредѣлить не по душамъ, а по поземельнымъ участкамъ, кромѣ рекрутской повинности, которая должна лежать на крестьянахъ и дворовыхъ людяхъ и исполняться по очередному порядку, по каждому селенію особо. Для уравненія между семействами тягости рекрутскаго набора, которая вся ложится на тѣ семьи, гдѣ есть рослые и здоровые мужики и не касается тѣхъ, гдѣ члены семейства имѣютъ какіе либо тѣлесные недостатки, авторъ предлагаетъ: при объявленіи набора взимать со всѣхъ тяголъ денежный сборъ на сумму, которая составила бы по 300 руб. сер. на каждаго слѣдующаго съ общества рекрута. Изъ этой суммы производить всѣ расходы при сдачѣ рекрутъ; за тѣмъ четвертую часть суммы вручать отданнымъ въ военную службу, а остальное ихъ семействамъ.

При надѣлѣ земли по 7 десятинъ на тягло, требовать съ крестьянъ барщину по три дня въ недѣлю, т. е. по 140 дней въ году, или оброкъ въ 30 руб. сер.; при меньшемъ же надѣлѣ соотвѣтственно уменьшать повинности. Работы отправлять по урочному положенію и обезпечить исправное выполненіе повинностей круговою порукою міра. Дворовымъ выдавать, во время обязательной службы ихъ, сверхъ пищи и одежды, жалованье по состоянію и быту ихъ; срокъ обязательной службы дворовыхъ ограничить 60-ти-лѣтнимъ возрастомъ; но новорожденныхъ послѣ IX ревизіи считать уже свободными; если же помѣщикъ приметъ на себя попеченіе о нихъ въ малолѣтствѣ, то они должны прослужить ему отъ 5 до 6 лѣтъ по обоюдному согласію.

Мірское полицейское управленіе составить изъ старосты съ помощникомъ. Распредѣленіе повинностей и разрѣшеніе разныхъ хо-

зяйственныхъ вопросовъ, касающихся общества, производить на мірскихъ сходкахъ. Для разбора жалобъ и проступковъ крестьянъ учредить мірской судъ изъ старосты и двухъ выборныхъ. Полицейскую власть, начальство надъ обществомъ и право утвержденія мірскихъ приговоровъ, предоставить помѣщику.

Вполнѣ признавая, что статья эта изобличаетъ въ авторѣ опытнаго хозяина и помѣщика, мы не можемъ не замѣтить, что онъ весьма справедливо и основательно назвалъ свою статью предположеніями *объ устройствѣ* быта крестьянъ, а не вздумалъ, какъ нѣкоторые другіе помѣщики, называть статьи подобнаго содержанія предположеніями объ *улучшеніи* быта крестьянъ. Гдѣ же тутъ въ самомъ дѣлѣ улучшеніе? Прежде крестьяне пользовались усадьбами даромъ; г. Н. П. предлагаетъ имъ платить за пользованіе усадьбами по 2 р. въ годъ. Прежде крестьяне работали по три дня въ недѣлю безъ уроковъ и круговой поруки; по предложеніямъ г. Н. П. они должны впредь работать тѣ же три дня, но по урокамъ и съ круговою порукою, что будетъ стоить добрыхъ четырехъ дней. Дворовые остаются на обязательной службѣ до 60 лѣтъ, а освобождаются отъ нея только родившіеся послѣ 9-й ревизіи. Г. Н. П. забываетъ, что по истеченіи 12-лѣтняго срока всѣ дворовые и не достигшіе 60-лѣтняго возраста освободятся, по волѣ правительства, отъ обязательной службы; немедленное же освобожденіе рожденныхъ послѣ IX ревизіи составляло бы только освобожденіе помѣщиковъ отъ обязанности призрѣвать малолѣтнихъ, потому что къ концу переходнаго срока едва ли кто изъ дворовыхъ, рожденныхъ послѣ IX ревизіи, т. е. послѣ 1851 года, успѣетъ достигнуть совершеннолѣтія.

О крестьянскомъ поземельномъ надѣлѣ. Г. Троцины.

Болѣе, нежели самая статья эта, заслуживаетъ вниманіе напечатанное, въ выноскѣ къ ней, письмо, при которомъ статья доставлена къ издателю «Сельскаго Благоустройства.»

Приводимъ небольшую выписку изъ этого письма, гдѣ весьма мѣтко очерчены тѣ побужденія, подъ вліяніемъ которыхъ составляются помѣщиками предположенія о возможно меньшемъ надѣлѣ крестьянъ землею:

«Въ прежнее время, надѣляя крестьянина средствами къ жизни, въ видѣ ли земли или чего инаго, мы не принимали строго въ разсчетъ ни труда крестьянина, ни его услугъ; собственныя наши соображенія были мѣриломъ въ этихъ случаяхъ; назначалось такому-то столько, такому-то столько; большею частью было общее убѣжденіе, что крестьянину нужно очень мало, и если, вслѣдствіе

недостаточнаго обезпеченія, крестьянинъ вынужденъ бывалъ обращаться къ помѣщику съ просьбой о пособіи, то мы смотрѣли на оказываемую ему помощь, не какъ на свою обязанность въ отношеніи къ нему, а какъ на актъ великодушія. Обязанностей своихъ къ крестьянину помѣщикъ не признавалъ почти никакихъ, развѣ какихъ-то общихъ, въ которыхъ не отказывается и всякому постороннему человѣку. Отъ этой-то старой привычки смотрѣть на крестьянина, какъ на обязываемаго нами, а не какъ на имѣющаго права, мы и теперь не можемъ вполнѣ освободиться. При рѣшеніи многихъ вопросовъ объ улучшеніи быта крестьянъ, мы все еще отчасти дѣйствуемъ подъ вліяніемъ прежнихъ взглядовъ и убѣжденій. Напримѣръ, при опредѣленіи количества земли, которымъ крестьяне должны быть надѣлены, мы прежде всего разсчитываемъ, довольно ли ея останется у насъ. Съ этимъ бы еще можно согласиться; естественно, что собственный интересъ ближе всего; но бѣда въ томъ, что насъ трудно удовольствовать; намъ все кажется, что сколько ни удѣляй себѣ, для крестьянъ останется слишкомъ много; не легко успокоить насъ въ этомъ опасеніи: правда, до сего времени мы предоставляли крестьянамъ гораздо болѣе земли, чѣмъ сколько теперь мы хотимъ имъ дать, но тогда крестьяне были наши, говоримъ мы, а теперь не то. Основываясь на какомъ-то внутреннемъ чувствѣ, котораго я не умѣю назвать, большинство склоняется въ пользу самаго ограниченнаго надѣла. Такому соглашенію много помогаетъ недостатокъ сознанія, — каковы тѣ нужды крестьянина, которыя должны быть обезпечены землею. Многіе, даже хорошо расположенные къ вопросу люди опасаются, что крестьяне при достаточномъ количествѣ земли, удовлетворясь ею, не будутъ имѣть побужденія къ заработкамъ, отчего мы лишимся рабочихъ: такъ, всѣ соглашаются въ томъ, что обязательной работы будетъ недостаточно. Посреди такого-то довольно распространеннаго расположенія къ надѣлу, по моему мнѣнію, недостаточному, я написалъ прилагаемую статью.»

Въ началѣ своей статьи, г. Троцина доказываетъ, что улучшенія быта крестьянъ должно стараться достигнуть: во 1-хъ, надѣленіемъ крестьянъ землею въ количествѣ, достаточно ихъ обезпечивающемъ; въ 2-хъ, установленіемъ правильной соразмѣрности между трудомъ крестьянъ и предоставляемымъ имъ за него вознагражденіемъ, и въ 3-хъ предоставленіемъ имъ болѣе свободнаго времени для собственныхъ работъ.

Послѣ всего этого можно было ожидать отъ автора безобидныхъ для крестьянъ предположеній о размѣрѣ поземельнаго надѣла. Между тѣмъ, — выведя подробными вычисленіями, что $1^3/_4$ десятины

на душу едва ли будетъ достаточно для полнаго прокормленія крестьянина и обезпеченія его обязанностей передъ правительствомъ, и что такой размѣръ надѣла можетъ быть принятъ лишь за minimum, — авторъ приходитъ къ заключенію, что надѣлъ въ 2 десят. на душу можетъ быть принятъ за норму и будетъ совершенно достаточенъ. Но неужели такая слабая прибавка къ наименьшему, *едва ли достаточному*, надѣлу можетъ привести къ общей, вездѣ достаточной нормѣ надѣла? Для опредѣленія размѣра надѣла мало общихъ теоретическихъ вычисленій, надо принять въ разсчетъ и существующій надѣлъ. Если оставить при прежнемъ надѣлѣ крестьянъ, у которыхъ было по 5 десятинъ на тягло, то они конечно будутъ въ относительно лучшемъ положеніи, нежели тѣ, у которыхъ прежде было 10 десятинъ и у которыхъ отняли бы половину. Большій размѣръ надѣла рѣдко происходитъ безъ основанія, по одному произволу помѣщика. Въ многоземельныхъ имѣніяхъ земля вообще хуже; притомъ, такъ какъ ее слишкомъ много, то на всю не хватаетъ навоза. Скоро ли многоземельные крестьяне, у которыхъ бы отняли часть ихъ земли, успѣли бы довести свои поля до той степени плодородія, до какой по необходимости доведены поля у малоземельныхъ крестьянъ; а покуда — чѣмъ стали бы питаться лишенные части своихъ угодій крестьяне? Уменьшать существующій надѣлъ можно только въ крайнихъ случаяхъ, т. е. тогда, когда въ пользованіи крестьянъ числилось болѣе земли, нежели они дѣйствительно могли обработать. Это правило принято было правительствомъ при составленіи инвентарныхъ правилъ; напримѣръ, въ инвентарныхъ правилахъ, введенныхъ въ Витебской губерніи (въ пунктѣ 5 отдѣла I) сказано, что если крестьяне имѣли, при введеніи правилъ, земли менѣе $4^3/_4$ десят. на тягло, то имъ долженъ быть дополненъ надѣлъ до этого количества (вотъ справедливое значеніе наименьшаго надѣла, который, по выводамъ, г. Троцины, можно опредѣлить для Полтавской губерніи въ 2 десят. на душу); если же крестьяне имѣли отъ $4^3/_4$ до 9 десятинъ на тягло, то надѣлъ остается прежній; излишнее же количество земли, противъ 9 десятинъ на тягло, помѣщикъ можетъ или отдѣлить себѣ, или оставить въ пользованіи крестьянъ по добровольному съ ними условію.

Если бы примѣнить подобныя правила къ Полтавской губерніи и принять за наименьшій надѣлъ по 2 десят. на душу, то высшимъ нормальнымъ надѣломъ слѣдовало бы назначить по крайней мѣрѣ $4^1/_2$ десят. на душу, т. е. норму, принятую въ извѣстныхъ случаяхъ существующими законами.

О цѣнности крестьянскихъ усадебъ, г. Раковича.

Въ этой небольшой статьѣ авторъ доказываетъ, что крестьянскія усадьбы de facto и по обычаю всегда почитались собственностью крестьянина, что онѣ помѣщику прежде никакого дохода не приносили и въ цѣну не ставились, а что если «уже непремѣнно надобно положить цѣну пріобрѣтенію этой мнимой собственности,»— то нельзя цѣнить десятину усадебной земли дороже, чѣмъ вдвое противъ полевой.

Упраздненіе крестьянскаго права и устройство отношеній между помѣщиками и крестьянами въ Пруссіи. Ю. Ѳ. Самарина. Статья IV.

Первыя три статьи замѣчательнаго сочиненія г. Самарина о крѣпостномъ правѣ и позсмельныхъ отношеніяхъ въ Пруссіи помѣщены были въ 1, 2 и 4 №№ «Сельскаго Благоустройства» за 1858 годъ. Мы довольно пространно говорили уже, въ прошлогодней іюльской книжкѣ «Современника,» объ этихъ статьяхъ, гдѣ такъ живо и вѣрно представлены были мѣры, принятыя Штейномъ къ установленію между помѣщиками и крестьянами правильныхъ и справедливыхъ отношеній.

Въ настоящей, не менѣе занимательной и поучительной статьѣ, г. Самаринъ говоритъ о мѣрахъ, принятыхъ въ Пруссіи, по крестьянскому дѣлу, въ позднѣйшее время. Любопытно прослѣдить, какъ законодательство о поземельныхъ отношеніяхъ помѣщиковъ и крестьянъ въ Пруссіи, безпрестанно дополняемое и измѣняемое послѣ 1814 года, подъ вліяніемъ измѣнившагося политическаго направленія и болѣе успѣшной оппозиціи дворянъ, постепенно усложнялось и запутывалось, и вмѣсто того, чтобы привести, посредствомъ правильнаго выкупа крестьянскихъ повинностей, къ удовлетворительному для обѣихъ сторонъ разрѣшенію вопроса, къ устраненію, для общей пользы, всѣхъ обветшалыхъ остатковъ феодальныхъ преимуществъ, стѣснявшихъ и раздражавшихъ крестьянъ, не принося помѣщикамъ соотвѣтственной выгоды,—послужило однимъ изъ главныхъ поводовъ къ смутамъ 1848 года. Вслѣдствіе этихъ смутъ, 20-го апрѣля 1848 г. обнародованъ манифестъ къ поселянамъ, которымъ правительство принимало на себя обязательство, въ самомъ непродолжительномъ времени, пересмотрѣть законы объ отношеніяхъ крестьянъ къ помѣщикамъ, съ цѣлью ускорить и удешевить упраздненіе повинностей. Опасность была такъ очевидна, что тѣ самые помѣщики, которые прежде всѣхъ успѣшнѣе противодѣйствовали

мѣрамъ правительства, теперь сами просили порѣшить вопросъ о повинностяхъ и удовлетворить крестьянъ.

Въ государственной конституціи, обнародованной въ 1850 году, объявлено крестьянамъ право неограниченнаго распоряженія недвижимою собственностью и выкупа повинностей, безвозмездное упраздненіе вотчинной юрисдикціи и полицейской расправы, а также и сохраненныхъ нѣкоторыми владѣльцами вотчинныхъ правъ, основанныхъ на феодальной подчиненности имъ сельскихъ обывателей. 2-го марта 1850 года утверждено, замѣнявшее собою всѣ прежнія постановленія, новое положеніе: вмѣстѣ съ тѣмъ указана финансовая операція, для окончательнаго освобожденія крестьянъ отъ личной зависимости и представленія имъ полной поземельной собственности, посредствомъ выкупа поземельныхъ повинностей, лежавшихъ на владѣемыхъ ими участкахъ. Съ этою цѣлью учреждены въ каждой провинціи, за исключеніемъ лѣваго берега Рейна, *рентные банки*.

«СЕЛЬСКОЕ БЛАГОУСТРОЙСТВО» № 12.

Мысли о крестьянскомъ дѣлѣ, г. Ладыженскаго.

Въ статьѣ этой авторъ излагаетъ весьма дѣльныя мысли и соображенія о томъ, что для обезпеченія благосостоянія крестьянъ необходимо:

1) По возможности сократить переходное время, для скорѣйшаго освобожденія труда и личности крестьянина отъ зависимости помѣщика и дозволенія крестьянамъ свободно выбирать мѣста и занятія для своего труда, не стѣсняя ихъ, при переходахъ, излишними формальностями.

2) Соразмѣрить повинности крестьянъ съ предоставленными имъ въ пользованіе угодьями; при чемъ уравнять барщинныя работы съ оброкомъ, а не оброкъ съ работами, потому что трехъ-дневная барщина и сгоны, произвольно прежде налагаемые, не могутъ служить мѣриломъ для оброка, иначе настоящій оброкъ долженъ вдвое увеличиться, а это не покажется улучшеніемъ для крестьянъ.

3) Надѣлить крестьянамъ всей земли не менѣе $4^1/_2$ десятинъ на душу, предоставивъ имъ, по собственному усмотрѣнію, принять эту землю въ общинное пользованіе или раздѣлить ее по участкамъ въ личное пользованіе отдѣльныхъ семействъ.

4) Обезпечить крестьянъ противъ притѣсненій и несправедливостей властей, назначенныхъ для ихъ управленія.

5) Принять мѣры для распространенія между крестьянами грамотности.

Баронъ Шульцъ фонъ Амераденъ и докторъ Меркель, г. Самарина.

Начало этой статьи, гдѣ описана замѣчательная и заслуживающая полнаго уваженія дѣятельность барона Шульца по вопросу объ освобожденіи крестьянъ въ Лифляндіи, помѣщено въ 5 № «Сельскаго Благоустройства.» Мы уже говорили о статьѣ этой въ библіографіи, помѣщенной въ 10 № «Современника» за прошлый годъ. Во второй части своей статьи, г. Самаринъ говорилъ о докторѣ Меркелѣ, который своими сочиненіями много содѣйствовалъ развитію въ Лифляндіи мысли объ уничтоженіи крѣпостнаго права. Будучи сыномъ сельскаго пастора, Меркель съ дѣтства насмотрѣлся на возмутительные примѣры злоупотребленій помѣщичьей власти. Накипѣвшее въ немъ справедливое негодованіе отразилось въ его сочиненіяхъ. Сперва онъ выражалъ свое сочувствіе крестьянамъ стихотвореніями. Но вскорѣ онъ почувствовалъ необходимость серьёзно заняться вопросомъ объ освобожденіи крестьянъ; изучивъ на мѣстѣ бытъ несчастныхъ латышей, онъ отправился въ Германію и тамъ напечаталъ замѣчательное сочиненіе, въ которомъ ярко выставилъ вредное вліяніе и жалкія послѣдствія крѣпостной зависимости, и въ тоже время разобралъ постановленіе лифляндскаго ландтага 1765 года, указавшаго только полумѣры, которыя не въ состояніи были обезпечить благосостояніе крестьянъ. Сочиненіе это произвело глубокое впечатлѣніе въ Германіи, подѣйствовало на многихъ находившихся тамъ молодыхъ лифляндцевъ и подготовило будущихъ дѣятелей для предстоявшей реформы. Въ самой же Лифляндіи оно, разумѣется, было принято дворянствомъ очень неблагосклонно. Но сѣмена здравыхъ идей были все таки посѣяны и принесли, со временемъ, свой плодъ. Этимъ и послѣдующими сочиненіями докторъ Меркель возбудилъ въ литературѣ живое участіе къ вопросу объ уничтоженіи крѣпостнаго права; въ этомъ отношеніи докторъ Меркель своими литературными трудами не менѣе содѣйствовалъ освобожденію крестьянъ, чѣмъ баронъ Шульцъ, который дѣйствовалъ своими рѣчами на дворянскихъ ландтагахъ и собственнымъ примѣромъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ЛОНДОНСКІЯ ЗАМѢТКИ.

II.

СИТИ.

Будь я кровный англійскій джентльменъ, чисто выбритый, приглаженный и съ остроконечными воротничками въ полщеки, живи я въ средѣ безусловнаго уваженія къ кодексу десяти тысячъ джентльменскихъ церемоній, или даже имѣй только поползновеніе быть знакомымъ съ настоящими джентльменами, — репутація моя была бы сгублена навсегда. И заглянуть-то въ этотъ грязный торговый омутъ, называемый лондонскимъ Сити, — не джентльменское дѣло; а ужь поселиться тутъ въ гостинницѣ — это все равно, что навѣки опозорить себя, навѣки исключить свое имя изъ списка истинныхъ джентльменовъ.

Къ счастію, я вовсе не джентльменъ, бороды не брѣю, ношу воротнички à la Кавуръ (самые неприличные воротнички), хожу по воскресеньямъ въ театръ и даже въ трактиры, генеалогіи своей не знаю; притомъ же я — foreigner, иностранецъ. Стало быть, мнѣ можно было удовлетворить своему желанію — прожить нѣсколько дней въ самой шумной, самой дѣятельной и самой характеристической части Лондона. Foreigner могъ бы еще и не тò себѣ позволить, и никого бы не удивилъ. На то онъ foreigner. Это почти бранное слово у

англичанъ, какъ у древнихъ грековъ было слово «варваръ.» Foreigner не можетъ имѣть ни порядочныхъ манеръ, ни приличнаго обращенія (въ особенности французъ, foreigner по преимуществу), слѣдовательно и жить можетъ, гдѣ угодно.

— Гдѣ вы живете?

— Въ Ironmonger Lane, Cheapside, City.

Это совершенно равняется такому вопросу и такому отвѣту:

— Гдѣ вы остановились?

— Въ Щербаковомъ переулкѣ.

Вся разница между петербургскимъ и лондонскимъ Щербаковыми переулками въ чистотѣ тротуаровъ и мостовыхъ и въ высотѣ домовъ; шириною они поспорятъ другъ съ другомъ.

Будь Ironmonger Lane грязенъ, шуменъ и вѣчно полонъ прохожими и проѣзжими, тутъ бы никто не рѣшился выстроить гостинницу. Мѣсто гостинницы должно быть спокойное, тихое; въ улицѣ не должно быть ни лавки, ни магазина, которые бы привлекали толпы народа. Иначе кто же остановится въ гостинницѣ?

Всѣмъ этимъ условіямъ переулокъ вполнѣ удовлетворяетъ, и вотъ въ немъ воздвиглась, рядомъ съ башнею какой-то скромной церкви, громадная гостинница съ нѣсколькими сотнями нумеровъ и съ вѣчнымъ приливомъ и отливомъ постояльцевъ.

Англійскія гостинницы вовсе не похожи на французскія и нѣмецкія. Комната, отводимая вамъ, не представляетъ тѣхъ удобствъ, къ какимъ пріучили васъ континентальные отели. Предполагается, что въ гостинницѣ человѣкъ остается два-три дня; зачѣмъ же ему иныя удобства, кромѣ хорошей постели? И дѣйствительно, все въ комнатѣ устроено только чтобы въ ней ночевать, а ужь никакъ не сидѣть днемъ. Главное мѣсто занимаетъ монументальныхъ размѣровъ кровать, которая въ Германіи могла бы прослыть за четыре постели,—по 10 грошей каждая. Надъ нею соразмѣрной величины балдахинъ; четыре толстые столба поднимаютъ чуть не подъ самый потолокъ его четыреугольный плафонъ. Кромѣ того въ комнатѣ, разумѣется, есть умывальный столъ, комодъ и туалетъ съ зеркаломъ; но больше ужь ничего не требуйте! Кресло къ камину есть уже роскошь. Вы можете посидѣть передъ огнемъ и на стулѣ, если зажигаете огонь вечеромъ. Столика къ постели тоже не спрашивайте. Какъ необтесанный foreigner, вы усвоили себѣ вредную привычку читать на сонъ грядущій: отвыкайте отъ нея въ странѣ здоровья и комфорта. Притомъ, къ монументальной постели, данной вамъ, и столъ нуженъ монументальный; онъ только лишнее мѣсто займетъ. Не вздумайте также расио-

ложиться писать въ нумерѣ. Развѣ вы отличаетесь способностью превращать въ письменный столъ доску надъ каминомъ и возите съ собой чернильницу, песочницу и прочіе такъ называемые канцелярскіе припасы.... Ну, тогда другое дѣло!... По континентальной привычкѣ, вы, пожалуй, захотите и завтракать у себя въ комнатѣ, и гостя тутъ принять. Гость придетъ къ вамъ только развѣ нетуземный, такой же, какъ вы, foreigner. Корридорная дѣвушка, если вы скажете ей принести вамъ кофе, откроетъ глаза такъ широко, съ такимъ изумленіемъ воскликнетъ: Up stairs? Impossible! (На верхъ? не можетъ быть!), что вы разомъ почувствуете, какъ неприлично ваше требованіе.

Только семейному человѣку, съ женой, съ дѣтьми, позволяется считать свой нумеръ не только спальней, но и сидѣть тамъ, и обѣдать. За то онъ долженъ занять уже не одну, а двѣ комнаты: спальню и гостиную, sitting room, или цѣлый apartment.

Для одинокаго человѣка есть въ гостинницѣ общій кабинетъ, общая столовая, общая гостиная. Вы встаете съ постели, умываетесь, одѣваетесь и идете по корридорамъ и лѣстницамъ ослѣпительной чистоты, по поламъ, обитымъ блестящею клеенкой, внизъ, въ первый этажъ. Противъ большой, двустворчатой двери въ общую залу цѣлая стѣна, выходящая на лѣстницу, занята раздвижными рамами со стеклами, за которыми вы видите всю администрацію гостинницы. Бѣлокурыя миссъ ведутъ тамъ счеты въ громадныхъ фоліантахъ, вынимаютъ изъ-подъ прессовъ и складываютъ высокими стопами снѣжно-бѣлыя салфетки и скатерти, считаютъ тарелки, чашки и блюдечки, гремятъ грудами ложекъ, ножей и вилокъ, отдаютъ приказаніе, разставляютъ на блестящихъ подносахъ приборы, которые принимаютъ въ створы огромнаго окна лакеи безстрастнаго вида въ черныхъ фракахъ и бѣлыхъ галстухахъ, съ салфетками въ петлицѣ. Тутъ только встрѣчаете вы мужскую прислугу, которой не увидите ни въ вашей спальнѣ, ни въ корридорѣ, куда выходитъ вашъ нумеръ. Вдоль всей стѣны, за окнами, тянется широкій прилавокъ. Слѣва рама немного отодвинута, и на прилавкѣ разложены письма, телеграфическія депеши, визитныя карточки. Каждый жилецъ гостинницы, отправляясь въ высшую залу изъ дому, или возвращаясь домой, подходитъ къ прилавку, пересматриваетъ адресы и беретъ свои письма. Платить ему ничего не приходится, потому что англичанинъ считаетъ верхомъ неприличія нефранкировать своихъ писемъ. Развѣ какому нибудь foreigner'у придется разсчитаться съ одною изъ бѣлокурыхъ миссъ за письмо съ континента. Не смотрите вы каждый разъ, проходя мимо прилавка, нѣтъ

ли къ вамъ письма, письмо можетъ пролежать тутъ Богъ знаетъ сколько времени. Въ нумеръ къ вамъ его не принесутъ: вѣдь во всемъ домѣ нѣтъ человѣка, который бы зналъ ваше имя; никто не спрашивалъ у васъ ни паспорта, ни визитной карточки: никому нѣтъ дѣла, кто вы такой, откуда и зачѣмъ; вамъ не приносятъ, какъ въ Германіи, разграфленной книги, чтобы вы росписались въ ней во всѣхъ своихъ чинахъ и должностяхъ, сказали, гдѣ родились, чѣмъ занимаетесь, какой у васъ Stand und Charakter; не несутъ вашего паспорта въ полицію и не выдаютъ вамъ за извѣстное число грошей вида на жительство, Aufenthalts-Karte, хотя бы вы оставались въ городѣ всего два-три дня. Для хозяевъ и прислуги отеля вы просто № 98 или № 116, и этого довольно. Рядомъ съ окномъ въ «присутствіе» гостинницы, на другой стѣнѣ другое окно — въ кухнѣ. Оно красиво убрано связками зелени, повѣшенными за ноги зайцами, курами и разною дичью, большими распластанными рыбами на блюдахъ и маленькими живыми рыбками въ наполненныхъ водою вазахъ.

Вы взяли съ прилавка письмо на ваше имя, слуга распахнулъ передъ вами дверь въ общую залу и спрашиваетъ, чего вы хотите, чаю или кофе. Общая зала никогда не бываетъ пуста, тѣмъ менѣе утромъ, когда надо позавтракать, прочесть газету, письмо, написать отвѣтъ. За длинцымъ, покрытымъ бѣлою скатертью, столомъ посрединѣ комнаты потребляется черный чай, холодный ростбифъ, клейкіе пуддинги, пироги съ телятиной, пироги съ яблоками и проч., хотя всего восемь часовъ утра. Кто въ ожиданіи завтрака, кто позавтракавъ, нѣсколько человѣкъ стоятъ и сидятъ у огромнаго камина, въ которомъ на ярко пылающемъ смолистомъ углѣ легко бы можно было устроить классическій вокальный концертъ трехъ отроковъ. У рѣдкаго изъ всѣхъ этихъ господъ нѣтъ въ рукахъ газеты. Нумера Times'а разобраны по четыремъ рукамъ: кому нужны парламентскія пренія, кому торговыя объявленія, кому извѣстія о театрахъ и всякаго рода зрѣлищахъ, кому о биржѣ, и, единожды разлучившись, четыре листа газеты уже не соединяются во все продолженіе дня. Тутъ же у камина одинъ изъ постояльцевъ бесѣдуетъ съ раннимъ гостемъ. Вдоль стѣны у оконъ стоятъ письменные столы съ большими свинцовыми чернильницами и песочницами, съ бѣлой бумагой и конвертами всѣхъ форматовъ, и за каждымъ столомъ навѣрное сидитъ хоть одинъ господинъ, торопливо строча дѣловое письмо, сводя счеты или дѣлая какія нибудь выкладки. Чтобы отправить письмо, не нужно дѣлать шагу изъ дому; почти у самой двери общей залы, въ стѣнѣ лѣстницы утвержденъ ящикъ для писемъ, и въ из-

вѣстный часъ дня почталіонъ придетъ отперетъ его и вынуть письма для разноски и разсылки по принадлежности.

Съ непривычки къ лондонскому воздуху, первое, что вы почувствуете, проснувшись въ первый разъ въ своемъ нумерѣ, это запахъ каменнаго угля; первое, что поразитъ васъ, это сѣрый угольный колоритъ вашей комнаты. Вамъ кажется, что вы угорите, если ужь не угорѣли, и хочется дохнуть воздухомъ посвѣжѣе. Не думайте, что всему виной тѣснота вашей спальни. Въ большой общей залѣ такъ же сѣро и такъ же пахнетъ углемъ; дальніе углы комнаты будто въ дыму, точно тутъ много курили, и курево не успѣло еще все вылетѣть въ окна. А между тѣмъ курить тутъ не позволяется. И не только тутъ, даже проходя изъ своего нумера по лѣстницѣ на улицу съ зажженою сигарой, вы можете встрѣтить недовольный взглядъ одной изъ миссъ за прилавкомъ. Вамъ ничего не скажутъ, но межь собой вѣроятно замѣтятъ: «какой неприличный господинъ! вѣрно иностранецъ.» Не думайте, впрочемъ, чтобы прилично было курить и на улицахъ Сити. Это позволительно развѣ на крышѣ омнибусовъ. Англичане какъ будто боятся, чтобы табачный дымъ не омрачилъ ихъ ясной атмосферы. Пусть около самаго окна вашей комнаты будетъ жерло дымовой трубы, съ утра до вечера наполняющей вашу комнату чадомъ и копотью — это ничего; но легкій запахъ табаку въ ней — это совсѣмъ неприлично; shocking! shocking!

На обратномъ пути изъ Лондона, въ Фокстонѣ, я переночевалъ въ гостинницѣ, гдѣ на всѣхъ стѣнахъ красовались объявленія, что курить нельзя даже и въ своемъ собственномъ нумерѣ, что на то есть особое мѣсто— smoking room, курильная комната.

Еще одна особенность англійскихъ гостинницъ. Континентальный путешественникъ привыкъ къ печатнымъ предостереженіямъ въ отеляхъ беречь свои вещи и запирать, когда уходитъ, свою комнату. Напуганный описаніями лондонскихъ мошенничествъ, пріѣзжій прежде всего поражается отсутствіемъ ключа въ своей двери.

— Гдѣ же ключъ? спрашиваетъ онъ у корридорной дѣвушки: — я иду со двора.

— Ключа нѣтъ, отвѣчаетъ она равнодушно, и уже хочетъ идти дѣлать свое дѣло.

Но отъ напуганнаго путешественника не такъ-то скоро отдѣлаешься. Притомъ, если это французъ, то станетъ еще горячиться, и придется успокоивать его.

— Какъ нѣтъ ключа? спрашиваетъ онъ: — такъ мнѣ значитъ и уходить нельзя.

Дѣвушка еще не вдругъ понимаетъ, чего хочетъ джентльменъ.

— Вотъ задвижка, объясняетъ она, входя въ нумеръ: — когда джентльменъ ложится спать, можетъ запереть, — вотъ!

— Да я это знаю, не отстаетъ путешественникъ — *отсюда* вотъ нѣтъ ключа, снаружи. Этакъ все у меня вытащатъ.

— Ключей не бываетъ, отвѣчаетъ дѣвушка. — Джентльменъ можетъ запереть комодъ, чемоданъ; а дверь не надо. Ее слѣдуетъ отворить для воздуха.

— А унесутъ что нибудь?

— Не бойтесь!

И служанка спокойно удаляется.

Путешественникъ все-таки боится, хотя и видитъ, что всѣ двери отворены въ корридоръ и что дѣвушки то-и-дѣло спускаются по корридору, такъ что никакого рунда не нужно. Все это хорошо, но какъ же не смутиться мыслью: «паспортовъ не спрашиваютъ; дверей не запираютъ. Да это долженъ быть адъ неурядицы!» Въ самомъ дѣлѣ, то ли дѣло какое нибудь благоустроенное германское государство, съ прописками, съ ключами! Впрочемъ, у меня особенно вышли изъ вѣры знаменитыя нѣмецкія качества: честность и акуратность. Въ честномъ и скромномъ Карлсруэ, гдѣ такъ тщательно справляются о чинѣ, имени и фамиліи пріѣзжаго, и такъ крѣпко запираютъ двери, ключъ не помѣшалъ добрымъ людямъ обокрасть меня среди бѣлаго дня, въ то время, какъ я обѣдалъ въ общей комнатѣ. И это не единственный случай со мной въ Германіи, тогда какъ въ мошенническомъ, безпаспортномъ Лондонѣ у меня не пропало ни одного мѣднаго пенни.

Переулокъ Ironmonger Lane выходитъ однимъ концомъ своимъ на Чипсайдъ, шумнѣйшую и многолюднѣйшую изъ всѣхъ улицъ Сити. «Посылайте въ Лондонъ философовъ, говоритъ Гейне въ своихъ отрывкахъ объ Англіи: — но ради Бога не посылайте туда поэтовъ! Приведите туда философа и поставьте его на углу Чипсайда: онъ научится тутъ больше, чѣмъ изъ всѣхъ книгъ послѣдней лейпцигской ярмарки; по мѣрѣ того, какъ вкругъ него будутъ все шумнѣй и шумнѣй гудѣть эти волны людей, цѣлое море мыслей станетъ вскипать передъ нимъ; вѣчный духъ, витающій тутъ, обвѣетъ его своимъ дыханіемъ; самыя сокровенныя тайны общественнаго порядка внезапно откроются предъ нимъ; онъ ясно услышитъ и увидитъ жизненный пульсъ міра.... Если Лондонъ—правая рука міра,

руна дѣятельная и могучая, то эту улицу, идущую отъ биржи къ Downing-Street'у, можно назвать большою артеріей.... Но не посылайте въ Лондонъ поэта! Эта серьёзность наличныхъ денегъ, печать которой лежитъ на всемъ, это колоссальное однообразіе, это громадное механическое движеніе, этотъ пасмурный видъ самой веселости, этотъ эксцентрическій Лондонъ душитъ воображеніе и терзаетъ сердце; а приди вамъ въ голову мысль послать туда поэта нѣмецкаго, мечтателя, останавливающагося передъ малѣйшимъ явленіемъ, напримѣръ, передъ нищею въ лохмотьяхъ или передъ блестящею лавкою золотыхъ дѣлъ мастера — о! дѣло можетъ кончиться плохо! Ему надаютъ толчковъ со всѣхъ сторонъ; а пожалуй что и совсѣмъ свалятъ съ ногъ съ любезнымъ goddam. Goddam! проклятые толчки! Я скоро замѣтилъ, что у этого народа много дѣла. Онъ живетъ на большую ногу, и хотя пища и одежда у него дороже, чѣмъ у насъ, онъ все-таки хочетъ и ѣсть и одѣваться лучше нашего. У него большіе долги, какъ у всѣхъ порядочныхъ людей, но это не мѣшаетъ ему по временамъ чваниться и бросать за окно свои гинеи, и платить другимъ народамъ, чтобы они занялись дракой, побоксировали для его личной потѣхи.... Вотъ и выходитъ, что Джону Булю надо работать денно и нощно, и добывать денегъ на подобныя издержки; денно и нощно приходится ему истязать свой мозгъ и изобрѣтать новыя машины. Онъ сидитъ и считаетъ въ потѣ лица; онъ бѣгаетъ, онъ летаетъ, не обращая ни на что вниманія, отъ пристани къ биржѣ, отъ биржи на Страндъ, и наскочи онъ на углу Чипсайда на бѣднаго нѣмецкаго поэта, стоящаго на дорогѣ и глазѣющаго передъ магазиномъ эстамповъ, очень простительно отбросить его не совсѣмъ ласково въ сторону: goddam!»

Увы! это можетъ случиться не съ однимъ поэтомъ, но и со всякимъ пріѣзжимъ въ Лондонъ, хотя бы онъ не только не писалъ, но и не читалъ стиховъ. Только едва ли, побывавши въ Парижѣ, станешь глазѣть въ Лондонѣ на окна магазиновъ. Англичанинъ — мастеръ пустить пыль въ глаза какимъ нибудь чудовищнымъ объявленіемъ, какою нибудь эксцентричной вывѣской, но продать товаръ лицомъ, какъ французъ, разложить его за зеркальными стеклами такъ артистически, чтобы каждая вещь выиграла втрое, вчетверо отъ постановки, отъ освѣщенія, чтобы каждый прохожій поневолѣ застоялся передъ окномъ, — этого англичанинъ не умѣетъ. Напротивъ, онъ часто, точно нарочно, разложитъ все на окнахъ такъ, что хорошая вещь покажется плохою, и богатый магазинъ вы примете за довольно скудный, тогда какъ въ Парижѣ дрянная лавчонка въ Палерояле, которая все, что въ ней есть, выложила на единствен-

ное свое окно, поневолѣ заставитъ васъ остановиться передъ этимъ окномъ, а часто и выбрать что нибудь, и купить. Какъ у англичанъ всесильны объявленія, недаромъ занимающія половину газетныхъ листовъ (а часто и больше), такъ у французовъ всесильны выставки, и въ Парижѣ есть артисты, существующіе исключительно раскладкою вещей въ окнахъ лавки. Нѣсколько магазиновъ нанимаютъ такого артиста, и онъ обязанъ каждое утро явиться, раскинуть пышнымъ, радужнымъ каскадомъ во всю ширину оконнаго стекла новыя матеріи и ленты, составить роскошные букеты и гирлянды изъ искуственныхъ цвѣтовъ, съ разсчитанной небрежностью нагромоздить груды серебряныхъ и золотыхъ вещей, и проч. и проч. Понятно, что такой господинъ долженъ отличаться тонкимъ вкусомъ.

Все это говорю я вовсе не съ тѣмъ, чтобы бранить англичанъ за ихъ любовь къ простотѣ и хвалить французовъ за ихъ пристрастіе къ наружному блеску. Я хотѣлъ только сказать, что въ Лондонѣ вообще, и на Чипсайдѣ въ особенности, не засмотришься, какъ на парижскихъ бульварахъ и большихъ улицахъ, на окна лавокъ. Если бурный потокъ людей собьетъ васъ тутъ съ ногъ, такъ вѣрно вы остановились въ созерцательномъ изумленіи не передъ картиной, выставленной въ магазинѣ эстамповъ, а передъ живою картиной безустаннаго уличнаго движенія.

Нигдѣ это движеніе не поразитъ васъ такъ, какъ на Лондонскомъ мосту и по краямъ Чипсайда. Въ самомъ дѣлѣ, у англичанъ видно много дѣла. Тротуары непроходимы для человѣка, идущаго тихимъ шагомъ и глазѣющаго по сторонамъ. Надо бѣжать съ этой занятой, молчаливой толпой, такъ спокойно и безстрастно, безъ словечка извиненія обдѣляющей всѣхъ встрѣчныхъ толчками въ бокъ, толчками въ спину и грудь. Зато никто тутъ и не ходитъ тихо — развѣ попадется бородатый foreigner, въ первый разъ прибывшій въ британскую метрополію, которому слѣдовало бы «для прогулокъ подальше выбрать закоулокъ....» Зато и достанется ему!... Да еще попадется вамъ порою прямой, какъ аршинъ, хладнокровный господинъ съ длиннымъ лицомъ и рыжими бакенбардами, въ лощеной шляпѣ, въ длиннополомъ кафтанѣ, перетянутый ремнемъ, или въ однобортномъ застегнутомъ фракѣ съ остроконечными узенькими фалдочками. Этому будто и горя мало, что все вокругъ его мчится, какъ угорѣлое. Онъ важно и медленно выступаетъ, пріостанавливается даже, пріосанивается, поправляетъ ремень на поясѣ, и съ удивительнымъ тактомъ избѣгаетъ не только толчковъ, но и самаго прикосновенія прохожихъ. Но вѣдь это полисменъ, и искусство ла-

вировать въ этомъ омутѣ пріобрѣтено имъ годами нытья боковъ и мозолей.

— Какъ мнѣ пройти къ банку?

— Все прямо, сэръ, отвѣчаетъ онъ холодно, но въ тоже время, видя вашу чужестранную безпомощность, вѣжливо отстраняетъ отъ васъ несущагося на всѣхъ парусахъ дѣтину съ ловко поставленнымъ на плечо громаднымъ деревяннымъ ящикомъ, острый уголъ котораго, безъ предупредительности полицейскаго, навѣрное угодилъ бы вамъ въ лобъ.

Носильщики, идущіе вамъ навстрѣчу съ тюками, коробами и ящиками, еще не такъ опасны, какъ тѣ, что переносятъ разный товаръ изъ лавокъ къ громаднымъ фурамъ, стоящимъ около тротуара. Эти молодцы ломятъ прямо поперегъ волнующейся на тротуарѣ толпы, безъ оклика, безъ предостереженія, и бѣда тутъ зазѣваться. Но привычный глазъ лондонскаго жителя видитъ, кажется, все и сквозь черную толпу: гдѣ нужно, онъ непремѣнно наклонится, вильнетъ въ бокъ, своротитъ съ тротуара, наткнется тутъ пожалуй на медленно шагающаго старика въ рваной шляпѣ съ доской на груди и съ доской на спинѣ, возвѣщающей крупными буквами о какомъ нибудь спектаклѣ, концертѣ, митингѣ, и останется-таки цѣлъ и невредимъ.

На каждыхъ десяти шагахъ вамъ попадется на глаза такой старикъ съ такими объявленіями. Черныя буквы на бѣлой бумагѣ такъ ярки, что вы и налету невольно прочтете, что нужно. И какая хитрая выдумка, что у старика и спереди и сзади афиша! И встрѣчный прочтетъ, и кто обгонитъ, прочтетъ. За шиллингъ и за шиллингъ съ двумя-тремя пенсами всегда найдется желающій прогуливаться цѣлый день въ такой афишечной бронѣ по улицѣ, вдоль тротуара, потому что на самомъ тротуарѣ собственно прогулки для прогулокъ, какъ вы знаете, совершенно невозможны.

Не думайте, что въ извѣстную улицу, гдѣ много проѣзжихъ и прохожихъ, отряжается одинъ такой объявитель. Что значитъ прочитать объявленіе одинъ разъ? Надо, чтобы оно намозолило вамъ глаза. И вотъ — вы идете по улицѣ и прочитали разъ на груди старика, положимъ, хоть вотъ что: «St.-James's Hall — M. Wieniawski — tonight», или: «Madame Tussaud — Count de Montalembert». Вы можетъ быть и забыли бы, что прочитали; но немного погодя у васъ опять передъ глазами имена Венявскаго и графа Монталамбера, немного погодя опять и опять, и почемъ знать, можетъ быть, дойдя до конца улицы, вы заинтересуетесь ими и рѣшитесь даже пойдти въ St.-James's Hall послушать, хорошо ли

играетъ Венявскій, или въ кабинетъ восковыхъ фигуръ г-жи Тюссо посмотрѣть, каковъ на видъ графъ Монталамберъ, про котораго всякій англичанинъ готовъ сказать: «достойный человѣкъ! жаль, что foreigner!»

Куда только не забираются объявленія! Отъ нихъ нигдѣ не спасешься. Они бросаются вамъ въ глаза — на стѣнахъ домовъ, на временныхъ заборахъ и загородкахъ около новыхъ построекъ, на потолкахъ и стѣнахъ омнибусовъ, на холщевыхъ покрышкахъ и кожаныхъ запонахъ громадныхъ фуръ, развозящихъ товары изъ магазиновъ къ ихъ потребителямъ, подъ сводами туннеля, на стѣнахъ пароходовъ, на фонарныхъ столбахъ, на большихъ доскахъ, прислоненныхъ къ стѣнамъ и крыльцамъ, въ таинственныхъ будочкахъ, которыя здѣсь, впрочемъ, рѣдки и гораздо скромнѣе парижскихъ, и даже на аркахъ мостовъ!... Проѣзжая на лодкѣ или на пароходѣ подъ мостомъ, вы можетъ быть вздумаете взглянуть вверхъ, на темный сводъ моста. Надо, чтобы любопытство ваше не пропало даромъ, и вы узнали, что тамъ-то есть складъ каменнаго угля, или, что тамъ-то можно запастись за дешевую цѣну готовымъ платьемъ.

Кромѣ стариковъ съ афишами на груди и за спиной, тоже чуть не на каждыхъ десяти шагахъ, подъ прикрытіемъ домоваго угла или подъѣзда къ магазину, стоятъ довольно оборванные джентльмены, съ пачками объявленій въ рукахъ. Они только показываютъ вамъ пачку и лишь тогда подадутъ вамъ листокъ, когда вы сами протянете за нимъ руку, а не суютъ вамъ его подъ носъ, какъ въ Парижѣ. Здѣсь это и неудобно бы было: того и гляди, носъ расквасишь, глазъ подобьешь или зубы вышибешь. Всѣ такъ торопятся! Вечеромъ, чтобы его не упустили изъ виду, оборванный джентльменъ надѣнетъ на голову высокую шляпу изъ цвѣтной проклеенной бумаги, прилѣпитъ къ темени восковой огарокъ, зажжетъ его и освѣтитъ изнутри шляпу. Оно и красиво, и оригинально, и цѣлесообразно, zweckmässig, какъ говорятъ нѣмцы.

Иногда объявленія дѣлаются съ большою торжественностью: воздвигаются небывалаго вида экипажи съ транспарантами со всѣхъ сторонъ, движущіяся пирамиды, снаряжаются цѣлыя процессіи со знаменами и вывѣсками на длинныхъ шестахъ. Иногда все берется крикомъ и скандаломъ.

Разъ, когда я уже переѣхалъ изъ Сити и поселился въ тихомъ пріютѣ у Россель-Сквера, мирный кварталъ нашъ былъ смущенъ ночью оглушительными, изступленными криками. Было уже часовъ одиннадцать; дождь лилъ какъ изъ ведра; фонари чуть мерцали въ

темной улицѣ. Весь домъ у насъ переполошился. Человѣкъ пять-шесть выбѣжало на крыльцо, забывъ захватить зонтики. Крики продолжались все съ большей и большей энергіей. Порой они переходили въ какіе-то раздирательные вопли, и можно было подумать, что на улицѣ происходитъ рѣзня. Стюардъ нашъ помчался узнавать, что̀ случилось. Между тѣмъ въ вопляхъ и крикахъ и сами мы начинали различать слова:

— Great revolution in Paris! great revolution in Paris! (Большая революція въ Парижѣ!)

Я ужъ и повѣрилъ-было, и рѣшилъ съ первымъ поѣздомъ и съ первымъ пароходомъ ѣхать въ Парижъ посмотрѣть на great revolution; но листы какого-то Herald'а или Star'а, купленные нами у крикуновъ за двойную цѣну, скоро успокоили мое волненіе. Даже слова-то revolution въ нихъ ни разу не встрѣчалось!

Продавцы между тѣмъ, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжали вопить въ источный голосъ, смущая мирныхъ жителей Montegu Place'а:

— Great revolution in Paris!

Не меньшаго крику наслушался я разъ на аукціонѣ картинъ въ Сити, въ лавкѣ около Св. Павла.

Крикунъ, стоявшій у дверей, чуть не насильно впихнулъ меня въ лавку. Тамъ стонъ стоялъ. Человѣкъ десять толпилось передъ возвышеннымъ столомъ, за которымъ сидѣлъ съ молоткомъ купецъ; отъ всѣхъ разило водкой, и они не жалѣли горла. Картина, изъ-за которой шелъ этотъ крикъ, годилась бы развѣ на цырульную вывѣску на Пески или на Петербургскую сторону.

— Три фунта!

— Сорокъ фунтовъ!

— Сто фунтовъ!

— Сто одинъ фунтъ! За мной!

— За вами, сэръ! Сто одинъ фунтъ!

Молотокъ ударилъ объ столъ, но въ одно время съ этимъ ударомъ раздался рѣзкій крикъ:

— Сто два фунта! За мной! За мной картина!

— Нѣтъ, за мной! сто одинъ фунтъ! вы сказали послѣ послѣдняго удара.

— Нѣтъ, за мной!

— Нѣтъ, за мной! Я не позволю.

Крики усиливаются; покупщики налетаютъ другъ на друга съ кулаками; того и жди, начнутъ боксировать. Всѣ остальные раздѣляются на партіи, — одни становятся на сторону одного, другіе

на сторону другаго, и остается только зажать уши и бѣжать вонъ.

Нечего, я думаю, и объяснять, что все это комедія, и комедія очень грубая. Но видно, есть простаки, которые и на эту удочку попадаются; иначе, зачѣмъ бы надрывать грудь?

Здоровую грудь надо имѣть здѣсь и кондукторамъ омнибусовъ. Стоя на неровной доскѣ запятокъ и оборачиваясь то въ ту, то въ другую сторону, каждый возглашаетъ главный пунктъ, куда ѣдетъ омнибусъ, и имена всѣхъ мѣстъ и улицъ по дорогѣ. На Чипсайдѣ и на другихъ многолюдныхъ улицахъ, гдѣ между экипажами яблоку негдѣ упасть, кондукторы только и ограничиваются крикомъ да подыманьемъ кверху руки; но только что подъѣзжаютъ къ углу площади, или къ менѣе людной улицѣ, они быстро соскакиваютъ со своихъ запятокъ и кричатъ еще въ ухо чуть не каждому прохожему, куда ѣдутъ, а подчасъ и силой тащатъ его въ свой ковчегъ, понимая какимъ-то инстинктомъ, что человѣкъ дѣйствительно разсчитывалъ, не сѣсть ли ему въ омнибусъ.

Меня не мало удивляла эта неусыпная забота кондукторовъ объ интересахъ своихъ хозяевъ. Я думаю, не пользуются ли они какимъ нибудь процентомъ съ каждаго пассажира.

— Можетъ быть и пользуются, замѣтилъ мнѣ одинъ изъ моихъ спутниковъ въ омнибусѣ, когда я выразилъ ему свое удивленіе. — А главное, я думаю, вотъ что: такъ у нихъ запятки устроены.

— Какъ запятки?

— Да, скверно запятки устроены. Стоять нельзя долго.

— Такъ что жь изъ этого?

— Какъ что̀? Помилуйте! Часто проминаться надо. Сѣсть ему тутъ негдѣ; а все стоять—ноги отстоишь.

— Я, признаюсь, все-таки не понимаю.

— Устанетъ стоять, соскочитъ промяться; не просто же ему гулять. Это будетъ имѣть видъ, какъ будто человѣкъ не исполняетъ своей обязанности. Вотъ онъ и зазываетъ встрѣчныхъ и поперечныхъ.

Пожалуй, что это и правда. Даже когда омнибусъ полонъ, когда въ немъ и на немъ полный комплектъ пассажировъ — девятнадцать человѣкъ (не считая кондуктора и кучера), кондукторъ часто соскакиваетъ съ своихъ неудобныхъ запятокъ и бѣжитъ пѣтушкомъ сзади, если въ улицѣ не тѣсно. И не то, чтобы ему нужно было подтормозить колеса, что̀ требуется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, или размѣнять серебро на мѣдь у уличнаго мальчишки; нѣтъ, — такъ бѣжитъ, проминается. Искательный и вѣжливый во всякое другое

время, онъ тутъ чуть не обидится, если вы, не замѣчая, что омнибусъ полонъ, начнете кричать ему: bus! bus! (чтò значитъ въ сокращеніи: omnibus). Можетъ случиться, что онъ и крѣпкое словцо ввернетъ, если вы ужь очень неотвязчивы.

Куда ѣдетъ омнибусъ, кондуктору можно бы и не кричать. Главные пункты, между которыми онъ ходитъ, написаны на немъ такими крупными и чоткими буквами, что издали видно, и притомъ написаны нѣсколько разъ: во-первыхъ съ обѣихъ сторонъ на самомъ корпусѣ этого громаднаго ящика, — потомъ на обѣихъ сторонахъ длинной жестяной доски, укрѣпленной высоко надъ его крышей, посреди скамеекъ для воздушныхъ пассажировъ, потомъ на двери сзади, въ которую входятъ и выходятъ пассажиры, потомъ на черномъ зановѣ (тутъ бѣлыми буквами), которымъ кучеръ и сидящіе около него на козлахъ пассажиры закрываютъ себѣ ноги отъ пыли или дождя. Кромѣ того, и всѣ побочныя улицы, куда можетъ завезти васъ омнибусъ, значатся на немъ, и цѣны за поѣздку, доведенныя до баснословной дешевизны.

Лондонскому старожилу, не имѣющему своего экипажа и разъѣзжающему въ общественныхъ каретахъ, не нужно и надписей. Онъ узнаетъ по цвѣту, какимъ окрашенъ омнибусъ, куда онъ ѣдетъ, тогда какъ пріѣзжаго скорѣе собьетъ съ толку это разнообразіе цвѣтовъ.

Форма у всѣхъ омнибусовъ одна — это продолговатый четыреугольный ящикъ, выкрашенный подъ лакъ зеленой, бѣлой или желтой краской, съ окнами по обѣимъ длиннымъ сторонамъ, съ каретной дверью сзади, съ узкой дощечкой около нея, на которой трясется кондукторъ, показывая свою голову пассажирамъ на крышѣ, и только ноги пассажирамъ въ самой каретѣ. Немного сзади кучерскихъ козелъ и немного пониже — еще козлы, гдѣ тоже помѣщаются пассажиры и не рѣдкость увидать даже даму. И вся эта громада съ двумя десятками путниковъ, при первомъ крикѣ кондуктора: au right! уносится довольно быстро парою лошадей; правда, лошади огромныя и напоминаютъ своими мускулами и широкими костями времена допотопныя, но все-таки должно быть тяжело для нихъ везти эту громаду.

Одинъ за другимъ, одинъ за другимъ, справа налѣво и слѣва направо движутся по улицѣ эти громадные ковчеги, превышая всѣ остальные экипажи. Пассажиръ на крышѣ съ сигарой во рту или съ коротенькой трубочкой смотритъ равнодушно на волнующееся съ обѣихъ сторонъ, впереди и сзади его, людское море, и даже под-

смѣивается подъ часъ надъ паническимъ страхомъ пѣшехода, перебѣгающаго улицу.

По моему, не смѣяться, а скорѣе удивляться слѣдуетъ отвагѣ и рѣшимости человѣка — перейти съ одного тротуара на другой посреди этой давки. На перекресткахъ и площадяхъ такіе переходы хоть немного облегчены. Тамъ около фонарныхъ столбовъ посрединѣ нѣсколько поднята мостовая, такъ что колеса экипажей не могутъ вскатываться на нее. Угрожаемый дышломъ съ одной стороны и оглоблями съ другой, пѣшеходъ кидается на этотъ островъ спасенія, и въ безопасности выжидаетъ минуты пуститься сначала хоть до другаго такого острова, а потомъ и дальше, на самый тротуаръ.

Такого множества омнибусовъ, какъ на Чипсайдѣ, не встрѣтишь нигдѣ. Это и понятно. Чипсайдъ выходитъ къ банку и биржѣ, центру ихъ отправленія. Изъ другихъ экипажей съ омнибусами могутъ поспорить только страшныя фуры, въ которыхъ разсылаютъ свои товары по всѣмъ частямъ города разные торговые дома. И этихъ фуръ здѣсь больше, чѣмъ гдѣ нибудь, потому что главныя складочныя мѣста, оптовые магазины и проч.—большею частью всѣ въ Сити. Обыкновенно эти фуры обтянуты со всѣхъ сторонъ или парусиной, или лощенымъ холстомъ; на запонахъ этихъ буквами въ полъаршина написаны адресъ купца или депо, которому принадлежитъ фура, и названіе товара, который въ нихъ развозится. И холстъ, и буквы, разумѣется, всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ—и желтые, и черные, и красные.

Между омнибусами и фурами тѣснятся не столь большіе, но столь же пестрые возы булочниковъ, мясниковъ, торговцевъ рыбой и зеленью. Всѣ эти подвижныя лавки тоже украшены огромными всѣхъ цвѣтовъ надписями, потому что безъ надписи слѣдовало бы за экипажъ заплатить пошлину, какъ за предметъ роскоши, которою здѣсь никто не пользуется безнаказанно. Между надписями невольно бросятся въ глаза крупныя слова: Dogs and cats meat. Даже продавецъ объѣдковъ для собакъ и кошекъ имѣетъ въ Лондонѣ средства разъѣзжать въ такой красивой фурѣ.

Всю эту пестроту въ серединѣ улицы оттѣняютъ черные кэбы, четырехколесныя кареты и hansom'ы, двухколесные крытые кабріолеты съ кучеромъ на запяткахъ, пробирающіеся съ большою ловкостью въ промежуткахъ огромныхъ фуръ и омнибусовъ.

Кучера незанятыхъ кэбовъ еще издали показываютъ вамъ кулакъ, подымая руку кверху. Глядя на ихъ красныя, налившіяся джиномъ и портеромъ лица, невольно подумаешь, что каждый изъ нихъ не прочь сшибить вамъ очки и разбить кулакомъ носъ, какъ это слу-

чилось съ знаменитымъ Пиквикомъ. Положимъ, этого не случится, но ужь навѣрное можно сказать, что каждый извощикъ сдеретъ съ васъ вдвое противъ таксы. Вы проѣхали милю, онъ станетъ васъ увѣрять, что вы проѣхали двѣ, если двѣ — четыре и такъ далѣе, непремѣнно вдвое.

Лондонскіе жители умѣютъ толковать съ извощиками, знаютъ въ точности разстоянія, припугнутъ при случаѣ полиціей; но пріѣзжему некогда приноровиться, и ему приходится долго торговаться передъ тѣмъ, какъ сѣсть въ разваливающуюся карету или животрепещущій кабріолетъ. Спасибо хоть и за то, что ѣздятъ они скорѣе, чѣмъ французскіе и нѣмецкіе извощики. Впрочемъ, иначе и не возможно при громадныхъ лондонскихъ разстояніяхъ: и то никуда во время не поспѣешь.

Суета на улицѣ кажется еще суетливѣе, еще страшнѣе для непривычнаго глаза отъ сѣраго тумана и чада, который и тутъ, какъ на Темзѣ, облекаетъ всѣ предметы. Этотъ туманъ томитъ васъ постоянно, и безпрестанно мучитъ васъ мысль: «да когда же проглянетъ солнце? да скоро ли же разсѣется туманъ?» Солнце и проглянетъ, пожалуй, и скользнетъ вдали по куполу св. Павла, по золотымъ литерамъ высоко прибитой вывѣски; но взглядъ его такъ мимолетенъ, такъ безсиленъ, что въ васъ начинаетъ только сильнѣе и сильнѣе кипѣть досада.

Туманъ придаетъ еще болѣе жалкій видъ жалкимъ оборванцамъ, въ черныхъ лохмотьяхъ, стоящимъ мѣстами передъ окнами магазиновъ и вѣроятно съ большой завистью разсматривающимъ выставленныя тамъ богатства. Говоря о движеніи на тротуарахъ, я забылъ объ этихъ единственныхъ фланёрахъ Сити, которымъ нечего дѣлать, да за то и ѣсть нечего. Голодные и томимые жаждой, они съ особеннымъ вниманіемъ читаютъ налѣпленныя на окнахъ тавернъ и dining rooms исчисленія приготовленныхъ въ этотъ день суповъ и другихъ кушаній, и жадно смотрятъ на разложенные тутъ съѣстные припасы. Словно на смѣхъ надъ этимъ оборваннымъ и испитымъ народомъ, котораго здѣсь больше, чѣмъ гдѣ либо въ Лондонѣ, и самыя-то улицы носятъ тутъ названія съѣстныхъ припасовъ: Poultry, Bread-Street, Milk-Street (*).

(*) Какъ не вспомнить извѣстныхъ стиховъ:

Onward, onward, with hasty feet,
They swarm — and westward still —
Masses born to drikk and eat,
But starving amidst Whitechapel's meat,
And famishing down Cornhill!

По Чипсайду вы можете судить и о другихъ большихъ улицахъ Сити. Вся разница лишь въ нѣсколько мѐньшей толкотнѣ.

Глядя на шумное ихъ движеніе, забываешь обратить вниманіе и на то, какими домами онѣ обстроены. Впрочемъ, дома почти сверху до низу покрыты вывѣсками, а изъ-за вывѣсокъ глядятъ черные, закоптѣлые кирпичи. Кой-гдѣ попадаются такія же черныя и закоптѣлыя колонны, ни къ селу, ни къ городу; кой-гдѣ притязанія на архитектурную игривость, на изящество, но самаго изящества нечего искать.

Я говорю, конечно, лишь объ общемъ характерѣ улицъ. У Сити есть и монументальная красота. Вѣдь и соборъ св. Павла въ Сити.

Through the Poultry — but still unfed —
Christian charity, hang your head!
Hungry — passing the Street of Bread;
Thirsty — the Street of Milk;
Ragged — beside the Ludgate Mart,
So gorgeous, through Mechanic-Art,
With cotton, and wool, and silk!

МИХ. МИХАЙЛОВЪ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ТЕМНОЕ ЦАРСТВО.

(Сочиненія А. Островскаго. Два тома. Спб. 1859 г.)

I.

> Что жь за направленье такое, что не успѣешь поворотиться, а тутъ ужь и выпустятъ исторію, — и хоть бы какой нибудь смыслъ былъ.... Однако жь разнесли, стало быть, была же какая нибудь причина.
>
> *Гоголь.*

Ни одинъ изъ современныхъ русскихъ писателей не подвергался, въ своей литературной дѣятельности, такой странной участи, какъ Островскій. Первое произведеніе его («Картина Семейнаго Счастія») не было замѣчено рѣшительно никѣмъ, не вызвало въ журналахъ ни одного слова — ни въ похвалу, ни въ порицаніе автора. Черезъ три года явилось второе произведеніе Островскаго: «Свои люди — сочтемся»; авторъ встрѣченъ былъ всѣми, какъ человѣкъ совершенно новый въ литературѣ, и немедленно всѣми признанъ былъ писателемъ необычайно-талантливымъ, лучшимъ, послѣ Гоголя, представителемъ драматическаго искусства въ русской литературѣ. Но, по одной изъ тѣхъ странныхъ, для обыкновенна-

го читателя и очень досадныхъ для автора, случайностей, которыя такъ часто повторяются въ нашей бѣдной литературѣ, — пьеса Островскаго не только не была играна на театрѣ, но даже не могла встрѣтить подробной и серьёзной оцѣнки ни въ одномъ журналѣ. «Свои Люди», напечатанные сначала въ «Москвитянинѣ», успѣли выйдти отдѣльнымъ оттискомъ, но литературная критика и не заикнулась о нихъ. Такъ эта комедія и пропала, — какъ будто въ воду канула, на нѣкоторое время. Черезъ годъ Островскій написалъ новую комедію: «Бѣдная Невѣста». Критика отнеслась къ автору съ уваженіемъ, называла его безпрестанно авторомъ «Своихъ Людей», и даже замѣтила, что обращаетъ на него такое вниманіе болѣе за первую его комедію, нежели за вторую, которую всѣ признали слабѣе первой. За тѣмъ, каждое новое произведеніе Островскаго возбуждало въ журналистикѣ нѣкоторое волненіе, и вскорѣ по поводу ихъ образовались даже двѣ литературныя партіи, радикально противоположныя одна другой. Одну партію составляла молодая редакція «Москвитянина», провозгласившая, что Островскій «четырьмя пьесами создалъ народный театръ въ Россіи», что онъ —

Поэтъ, глашатай правды новой,
Насъ міромъ новымъ окружилъ,
И новое сказалъ намъ слово,
Хоть правдѣ старой послужилъ, —

и что эта старая правда, изображаемая Островскимъ —

Простѣе, но дороже,
Здоровѣй дѣйствуетъ на грудь,

нежели правда шекспировскихъ пьесъ.

Стихи эти напечатаны въ «Москвитянинѣ» (1854 г. № 4) по поводу пьесы «Бѣдность не порокъ», и преимущественно по поводу одного лица ея, Любима Торцова. Надъ ихъ эксцентричностью много смѣялись въ свое время, но они не были піитической вольностью, а служили довольно вѣрнымъ выраженіемъ критическихъ мнѣній партіи, безусловно восхищавшейся каждою строкою Островскаго. Къ сожалѣнію, мнѣнія эти высказывались всегда съ удивительной заносчивостью, туманностью и неопредѣленностью, такъ что для противной партіи невозможенъ былъ даже серьёзный споръ. Хвалители Островскаго кричали, что онъ сказалъ *новое слово*; но на вопросъ: «въ чемъ же состоитъ это новое слово?» — долгое время ничего не отвѣчали, а потомъ сказали, что это *новое слово* есть не что иное, какъ — что бы вы думали? — *народность!* Но народность эта была такъ неловко вытащена на сцену по поводу Любима

Торцова и такъ сплетена съ нимъ, что критика, неблагопріятная Островскому, не преминула воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, высунула языкъ неловкимъ хвалителямъ и начала дразнить ихъ: «такъ ваше *новое слово* — въ Торцовѣ, въ Любимѣ Торцовѣ, въ пьяницѣ Торцовѣ! Пропоица Торцовъ — вашъ идеалъ» и т. д. Это показыванье языка было, разумѣется, не совсѣмъ удобно для серьёзной рѣчи о произведеніяхъ Островскаго; но и то нужно сказать, — кто же могъ сохранить серьёзный видъ, прочитавъ о Любимѣ Торцовѣ такіе стихи:

Поэта образы живые
Высокій комикъ въ плоть облекъ....
Вотъ отчего теперь *впервые*
По всѣмъ бѣжитъ единый токъ:
Вотъ отчего театра зала
Отъ верху до низу однимъ
Душевнымъ, искреннимъ, роднымъ
Восторгомъ вся затрепетала.
Любимъ Торцовъ предъ ней живой
Стоитъ *съ поднятой* головой,
Бурнусъ напяливъ обветшалый,
Съ растрепанною бородой,
Несчастный, пьяный, исхудалый,
Но съ русской, чистою душой.

—

Комедія ль въ немъ плачетъ передъ нами,
Трагедія ль хохочетъ вмѣстѣ съ нимъ, —
Не знаемъ мы и вѣдать не хотимъ!
Скорѣй въ театръ! Тамъ ломятся толпами,
Тамъ по душѣ теперь гуляетъ быть родной,
Тамъ пѣсня русская свободно, звонко льется,
Тамъ человѣкъ теперь и плачетъ и смѣется,
Тамъ цѣлый міръ, міръ полный и живой.
И намъ, простымъ, смиреннымъ чадамъ вѣка,
Не страшно, весело теперь за человѣка!
На сердцѣ такъ тепло, такъ вольно дышетъ грудь,
Любимъ Торцовъ душѣ такъ прямо кажетъ путь! (куда?)
Великорусская на сценѣ жизнь пируетъ,
Великорусское начало торжествуетъ,
Великорусской рѣчи складъ
И въ присказкѣ лихой, и въ пѣснѣ *игреливой,*
Великорусскій умъ, великорусскій взглядъ,
Какъ Волга матушка, широкій и *гульливый.*
Тепло, привольно, любо намъ,
Уставшимъ жить болѣзненнымъ обманомъ!...

За этими стихами слѣдовали ругательства на Рашель и на тѣхъ, кто ею восхищался, обнаруживая тѣмъ *духъ рабскаго, слѣпаго подражанья*. Пусть она и талантъ, пусть геній, — восклицалъ авторъ стихотворенія:—«но намъ *не ко двору* пришло ея искусство!» Намъ, говоритъ, нужна правда, не въ примѣръ другимъ. И при сей вѣрной оказіи стихотворный критикъ ругалъ Европу и Америку и хвалилъ Русь въъ слѣдующихъ поэтическихъ выраженіяхъ:

Пусть будетъ фальшь мила Европѣ старой
Или Америкѣ *беззубо-молодой,*
Собачьей старостью больной....
Но наша Русь крѣпка! Въ ней много силы, жара;
И правду любитъ Русь; *и правду понимать*
Дана ей Господомъ святая благодать;
И въ ней одной теперь пріютъ находитъ
Все то, что человѣка благородитъ!...

Само собою разумѣется, что подобные возгласы, по поводу Торцова, о томъ, что человѣка благородитъ, не могли повести къ здравому и безпристрастному разсмотрѣнію дѣла. Они только дали критикѣ противнаго направленія справедливый поводъ придти въ благородное негодованіе и воскликнуть въ свою очередь о Любимѣ Торцовѣ.

«И это называется у кого-то *новое слово,* это поставляется на видъ, какъ лучшій цвѣтъ всей нашей литературной производительности за послѣдніе годы! За что же *такая невѣжественная хула* на русскую литературу? Дѣйствительно, такого *слова* еще не говорилось въ ней, такого героя никогда и не снилось ей, благодаря тому, что въ ней еще свѣжи были старыя литературныя преданія, которыя не допустили бы такого искаженія вкуса. *Любимъ Торцовъ могъ явиться на сценѣ во всемъ безобразіи* лишь въ то время, когда они начали приходить въ забвеніе.... Удивляетъ и непріятно поражаетъ насъ то, что пьяная фигура какого нибудь Торцова могла вырости до идеала, что ею хотятъ гордиться, какъ самымъ чистымъ воспроизведеніемъ народности въ поэзіи, что Торцовымъ мѣряютъ успѣхи литературы и навязываютъ его всѣмъ въ любовь, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ-де намъ «свой», что онъ у насъ «ко двору!» *Не есть ли это искаженіе вкуса и совершенное забвеніе всѣхъ чистыхъ литературныхъ преданій? Но вѣдь есть же стыдъ, есть литературныя приличія,* которыя остаются и послѣ того, какъ лучшія преданія утрачены. *За что же мы будемъ срамить себя,* называя Торцова «своимъ» и возводя его въ наши поэтическіе идеалы?» (От. Зап. 1854 г. № VI).

Мы сдѣлали эту выписку изъ «Отечествен. Записокъ» потому, что изъ нея видно, какъ много вредила всегда Островскому полеми-

ка между его порицателями и хвалителями (*). «Отечеств. Записки» постоянно служили непріятельскимъ станомъ *для* Островскаго, и большая часть ихъ нападеній обращена была на критиковъ, превозносившихъ его произведенія. Самъ авторъ постоянно оставался въ сторонѣ, до самаго послѣдняго времени, когда «Отечеств. Записки» объявили, что Островскій, вмѣстѣ съ г. Григоровичемъ и г–жею Евгеніею Туръ, — уже *закончилъ свою поэтическую дѣятельность* (см. «Отечеств. Записки» 1859 г. № VI). А между тѣмъ все–таки на Островскаго падала вся тяжесть обвиненій въ поклоненіи Любиму Торцову, во враждѣ къ европейскому просвѣщенію, въ обожаніи нашей допетровской старины, и пр. На его дарованіе ложилась тѣнь какого–то старовѣрства, чуть не обскурантизма. А защитники его все толковали о *новомъ словѣ*, — не произнося его однакожь, — да провозглашали, что Островскій есть первый изъ современныхъ русскихъ писателей, потому что у него какое–то *особенное міросозерцаніе*.... Но въ чемъ состояла эта особенность, они объясняли тоже очень запутанно. Большею частію отдѣлывались они фразами, напр. въ такомъ родѣ:

«У Островскаго, одного въ настоящую эпоху литературную, есть *свое прочное, новое и вмѣстѣ идеальное міросозерцаніе, съ особеннымъ оттѣнкомъ* (!), обусловленнымъ какъ данными эпохи, такъ, можетъ быть, и данными натуры самого поэта. Этотъ оттѣнокъ мы назовемъ, *нисколько не колеблясь*, кореннымъ русскимъ міросозерцаніемъ, здоровымъ и спокойнымъ, юмористическимъ безъ болѣзненности, прямымъ безъ увлеченій въ ту или другую крайность, идеальнымъ наконецъ въ справедливомъ смыслѣ идеализма, безъ фальшивой грандіозности или столько же фальшивой сантиментальности (Москв. 1858 г. № 1).

«Такъ онъ писалъ — темно и вяло» — и нимало не разъяснялъ вопроса объ особенностяхъ таланта Островскаго и о значеніи его въ современной литературѣ. Два года спустя, тотъ же критикъ предположилъ цѣлый рядъ статей «о комедіяхъ Островскаго и ихъ значеніи въ литературѣ и на сценѣ» (Москв. 1855 г. № 3); но остановился на первой статьѣ, да и въ той выказалъ болѣе претензій и широкихъ замашекъ, нежели настоящаго дѣла. Весьма безцеремонно нашелъ онъ, что нынѣшней критикѣ *пришелся не по плечу* талантъ Островскаго, и потому она стала къ нему въ положеніе очень комическое; онъ объявилъ даже, что и «Свои Люди» не были разобраны потому только, что и въ нихъ уже высказалось *новое слово*, которое

(*) Впрочемъ читатели могутъ съ большимъ удовольствіемъ пропустить всю исторію критическихъ мнѣній объ Островскомъ, и начать нашу статью со второй ея половины. Мы сводимъ на очную ставку критиковъ Островскаго болѣе за тѣмъ, чтобы они сами на себя полюбовались.

критика хоть и видитъ, да *зубомъ неймется*.... Кажется, ужь причины-то молчанія критики о «Своихъ Людяхъ» могъ бы знать положительно авторъ статьи, не пускаясь въ отвлеченныя соображенія!.. Затѣмъ, предлагая програму своихъ воззрѣній на Островскаго, критикъ говоритъ, въ чемъ, по его мнѣнію, выражалась *самобытность таланта*, которую онъ находитъ въ Островскомъ, — и вотъ его опредѣленія. «Она выражалась — 1) *въ новости быта*, выводимаго авторомъ и до него еще непочатаго, — *если исключить нѣкоторые очерки Вельтмана и Луганскаго*. (Хороши предшественники для Островскаго!!); 2) *въ новости отношенія* автора къ изображаемому имъ быту и выводимымъ лицамъ; 3) *въ новости манеры* изображенія, 4) *въ новости языка*—въ его *цвѣтистости* (!), *особенности* (?).» Вотъ вамъ и все. Положенія эти не разъяснены критикомъ. Въ продолженіи статьи брошено еще нѣсколько презрительныхъ отзывовъ о критикѣ, сказано, что *«солонъ ей этотъ бытъ* (изображаемый Островскимъ), *солонъ его языкъ, солоны его типы, — солоны по ея собственному состоянію»*, — и затѣмъ критикъ, ничего не объясняя и не доказывая, преспокойно переходитъ къ Лѣтописямъ, Домострою и Посошкову, чтобы представить «обозрѣніе отношеній нашей литературы къ народности.» На этомъ и покончено было дѣло критика, взявшагося быть адвокатомъ Островскаго противъ противоположной партіи. Вскорѣ потомъ сочувственная похвала Островскому вошла уже въ тѣ предѣлы, въ которыхъ она является въ видѣ увѣсистаго булыжника, бросаемаго человѣку въ лобъ услужливымъ другомъ: въ первомъ томѣ «Русской Бесѣды» напечатана была статья г. Тертія Филиппова о комедіи: «Не такъ живи, какъ хочется.» Въ Современникѣ было въ свое время выставлено дикое безобразіе этой статьи, проповѣдующей, что жена должна съ готовностью подставлять спину бьющему ее пьяному мужу, и восхваляющей Островскаго за то, что онъ будто бы раздѣляетъ эти мысли и умѣлъ рельефно ихъ выразить.... Въ публикѣ статья эта была встрѣчена общимъ негодованіемъ. По всей вѣроятности и самъ Островскій (которому опять досталось тутъ изъ-за его непризванныхъ комментаторовъ) не былъ доволенъ ею; по крайней мѣрѣ съ тѣхъ поръ онъ уже не подалъ никакого повода — еще разъ наклепать на него столь милыя вещи.

Такимъ образомъ восторженные хвалители Островскаго не много сдѣлали для объясненія публикѣ его значенія и особенностей его таланта; они только помѣшали многимъ прямо и просто взглянуть на него. Впрочемъ восторженные хвалители вообще рѣдко бываютъ истинно-полезны для объясненія публикѣ дѣйствительнаго значенія писателя; порицатели въ этомъ случаѣ гораздо надежнѣе: выискивая

недостатки (даже и тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ), они все-таки представляютъ свои требованія и даютъ возможность судить, насколько писатель удовлетворяетъ или не удовлетворяетъ имъ. Но въ отношеніи къ Островскому, и порицатели его оказались не лучше поклонниковъ. Если свести въ одно всѣ упреки, которые дѣлались Островскому со всѣхъ сторонъ, въ продолженіе цѣлыхъ десяти лѣтъ, и дѣлаются еще доселѣ, то рѣшительно нужно будетъ отказаться отъ всякой надежды понять, чего хотѣли отъ него и какъ на него смотрѣли его критики. Каждый представлялъ свои требованія и каждый при этомъ бранилъ другихъ, имѣющихъ требованія противоположныя: каждый пользовался непремѣнно какимъ нибудь изъ достоинствъ одного произведенія Островскаго, чтобы вмѣнить ихъ въ вину другому произведенію, и наоборотъ. Одни упрекали Островскаго за то, что онъ измѣнилъ своему первоначальному направленію и сталъ, вмѣсто живаго изображенія жизненной пошлости купеческаго быта, представлять его въ идеальномъ свѣтѣ. Другіе, напротивъ, похваляя его за идеализацію, постоянно оговаривались, что «Своихъ Людей» они считаютъ произведеніемъ недодуманнымъ, одностороннимъ, фальшивымъ даже (*). При послѣдующихъ произведеніяхъ Островскаго, рядомъ съ упреками за приторность въ прикрашиваньи той пошлой и безцвѣтной дѣйствительности, изъ которой бралъ онъ сюжетъ для своихъ комедій, слышались также съ одной стороны восхваленія его за самое это прикрашиванье (**), а

(*) Такъ въ разборѣ «Бѣдность не порокъ», одинъ критикъ упрекалъ Островскаго за то, что въ первомъ своемъ произведеніи онъ «былъ чистымъ сатирикомъ: ничто противодѣйствующее не было выставлено имъ на ряду съ доказаннымъ зломъ». (Москв. 1854 г. № 5). Критикъ «Русской Бесѣды» объяснялся еще рѣзче. Разбирая пьесу: «Не такъ живи, какъ хочется», онъ отозвался о «Своихъ Людяхъ» слѣдующимъ образомъ: «Свои Люди» — есть, конечно, такое произведеніе, на которомъ лежитъ печать необыкновеннаго дарованія, но оно задумано подъ сильнымъ вліяніемъ отрицательнаго воззрѣнія на русскую жизнь, отчасти смягченнаго еще художественнымъ исполненіемъ, и въ этомъ отношеніи должно отнести его, какъ ни жалко, къ послѣдствіямъ *натуральнаго направленія*» («Рус. Бес.» 1856 г. № 1).

(*) Одинъ изъ критиковъ отдалъ преимущество комедіи «Бѣдность не порокъ»—предъ «Своими Людьми», за то, что въ «Бѣдности не порокъ» «Островскій является уже не одинимъ сатирикомъ, — что рядомъ со зломъ фальшивой цивилизаціи здѣсь ему видится въ томъ же быту благодушная, простая, крѣпко связанная съ родными преданіями и обычаями жизнь, и все сочувствіе его, при столкновеніи такихъ двухъ враждебныхъ началъ, естественно склоняется на сторону послѣдняго.» (Москв. 1854 г., № 5). Критикъ «Русской Бесѣды» также одобряетъ Островскаго за то, что послѣ «Своихъ Людей» *отрицательное* отношеніе къ жизни смѣнилось у него *сочувственнымъ*, и вмѣсто мрачныхъ изображеній, какія мы видѣли въ «Своихъ Людяхъ», появляются образы, созданіе которыхъ внушено другими, лучшими впечатлѣніями отъ жизни.»

съ другой упреки въ томъ, что онъ дагеротипически изображаетъ всю грязь жизни (*). Этой противоположности въ самыхъ основныхъ воззрѣніяхъ на литературную дѣятельность Островскаго, было бы уже достаточно для того, чтобы сбить съ толку простодушныхъ людей, которые бы вздумали довѣриться критикѣ въ сужденіяхъ объ Островскомъ. Но противорѣчіе этимъ не ограничивалось; оно простиралось еще на множество частныхъ замѣтокъ о разныхъ достоинствахъ и недостаткахъ комедій Островскаго. Разнообразіе его таланта, широта содержанія, охватываемаго его произведеніями, безпрестанно подавали поводъ къ самымъ противоположнымъ упрекамъ. Такъ напр, за «Доходное мѣсто» упрекнули его въ томъ, что выведенные имъ взяточники *не довольно омерзительны* (**); за «Воспитанницу» осудили, что лица, въ ней изображенныя, *слишкомъ ужь омерзительны* (***). За «Бѣдную Невѣсту», «Не въ свои сани не садись», «Бѣдность не порокъ» и «Не такъ живи, какъ хочется» Островскому приходилось со всѣхъ сторонъ выслушивать замѣчанія, что онъ пожертвовалъ выполненіемъ пьесы для своей основной задачи (****); и за тѣ же произведенія при-

---

(*) Такъ въ «Отеч. Запискахъ», при разборѣ той же комедіи «Бѣдность не порокъ», Островскій заслужилъ упрекъ въ томъ, что у него «самыя грязныя стороны дѣйствительности *не только списаны подлинными ея красками*, но и возведены въ достоинство идеаловъ.» Видно, что критику не понравилось самое списыванье грязныхъ сторонъ дѣйствительности. Упрекъ за это постоянно слышался, рядомъ съ упрекомъ въ идеализаціи, и въ недавнее время выраженъ былъ даже въ такой формѣ: «комедія подъ перомъ г. Островскаго измѣнила своему художественному значенію и сдѣлалась простою копіею дѣйствительной жизни.» («Атен.» 1859 г., № 8).

(**) «Эти лица, выведенныя на сцену, должны бы возбудить въ читателѣ или зрителѣ отвращеніе къ себѣ, но они сами по себѣ возбуждаютъ только сострадание. Взяточничество, эта общественная язва, — не очень омерзительно и ярко выставлено въ ихъ поступкахъ.... А можно было бы показать, какъ взяточники и казнокрады всякаго рода терзаютъ, безобразятъ и губятъ всюду, внутри и внѣ, нашу многострадальную, родную матушку Россію.» (Атен. 1858 г., № 10).

(***) «Всѣ лица «Воспитанницы», кромѣ Нади, — вовсе не лица, а какія-то отвлеченныя и фильтрированныя дозы разнаго рода человѣческой грязи, отъ которыхъ на душѣ у читателя остается самое тяжелое и непріятное впечатлѣніе». (Весна, статья г. Ахшарумова).

(****) «Увлеченный благородствомъ и новостью *своихъ задачъ*, авторъ не выносилъ ихъ достаточно въ душѣ, не далъ имъ дозрѣть до надлежащей полноты и ясности представленія.... Сожми Островскій свою драму въ болѣе тѣсныя рамы, умѣрь нѣсколько свои въ высокой степени *благородныя и широкія задачи*, не выброси онъ за-разъ всего, что передумано, перечувствовано имъ въ отношеніи къ избранному драматическому положенію, созданіе получило бы стройность и цѣлость, хотя, можетъ быть, утратило бы нѣсколько своей энергіи». (Москв. 1853 г., № 1, разборъ «Бѣдной Невѣсты».)

велось автору слышать совѣты въ родѣ того, чтобы онъ не довольствовался рабской подражательностью природѣ, а постарался *расширить свой умственный горизонтъ* (*). Мало того — ему сдѣланъ былъ даже упрекъ въ томъ, что вѣрному изображенію дѣйствительности (т. е. исполненію) онъ отдается слишкомъ исключительно, не заботясь объ *идеѣ* своихъ произведеній. Другими словами — его упрекали именно въ отсутствіи или ничтожествѣ *задачъ*, которыя другими критиками признавались ужь слишкомъ широкими, слишкомъ превосходящими средствами самаго ихъ выполненія (**).

«Избравъ для разрѣшенія *своей задачи* драматическую форму, авторъ тѣмъ самымъ принялъ на себя обязанность удовлетворить всѣмъ требованіямъ этой формы, т. е. прежде всего произвести впечатлѣніе на читателя или зрителя драматическою коллизіею и движеніемъ, и этимъ путемъ напечатлѣть въ немъ основную идею комедіи. *Въ этомъ отношеніи мы не можемъ остаться совершенно довольны новою пьесою г. Островскаго*, и пр.» (Москв. 1854 г., № 5, разборъ «Бѣдности не порокъ»).

«Въ произведеніяхъ г. Островскаго *задачи* не только правильны, но и полны глубокаго смысла и всегда здравы въ нравственномъ отношеніи.... и нельзя не пожалѣть, что именно это произведеніе (Не такъ живи, какъ хочется), такъ прекрасно задуманное и такъ прекрасно въ драматическомъ отношеніи расположенное, по исполненію слабѣе всѣхъ другихъ, дотолѣ писанныхъ произведеній г. Островскаго («Рус. Бес.» 1856 г., № 1).

(*) «Рабская подражательность — не въ языкѣ только новой комедіи, но и во всемъ почти ея содержаніи, какъ въ концепціи цѣлаго, такъ и въ подробностяхъ. Напрасно стали бы вы искать въ ней хоть одной идеальной черты: ея нѣтъ ни въ лицахъ, ни въ самомъ дѣйствіи.... Мы прежде всего желали бы автору выдти изъ того тѣснаго круга, въ которомъ онъ до сихъ поръ заключилъ свою дѣятельность, и нѣсколько поболѣе расширить свой умственный горизонтъ («От. Зап.» 1854 г., № 6).

(**) Въ особенности выразилось это въ начальной статьѣ, недавно напечатанной въ Атенеѣ. Заключительное слово критики таково: «произведенія г. Островскаго, выражая жизнь дѣйствительную, сами по себѣ не имѣютъ никакой жизни; въ нихъ нѣтъ *ни идеи*, ни дѣйствія, ни характеровъ истинно поэтическихъ... Надобно отдать справедливость автору въ томъ отношеніи, что онъ, умѣлъ представить въ нихъ (въ комедіяхъ изъ купеческаго быта) довольно вѣрную, дѣйствительную картину купеческаго и мѣщанскаго быта — и только. Одно произведеніе вышло изъ ряду ихъ, именно: «Бѣдная Невѣста», но зато она и хуже всѣхъ. Что касается до *богатства мыслей*, разнообразія характеровъ, то въ этомъ отношеніи мы не можемъ сказать ничего утѣшительнаго. Довольно узнать только то, что одно произведеніе служило, такъ сказать, поводомъ другому, по какому нибудь противоположенію. Такъ напр. комедія «Свои люди — сочтемся» имѣетъ въ себѣ въ *pendant* драму: «Не такъ живи, какъ хочется», которую можно назвать также: «Свои люди — сочтемся». «Бѣдная Невѣста» дала поводъ написать комедію: «Не въ свои сани не садись», или «Богатую Невѣсту»; къ нимъ очень близка комедія «Бѣдность не порокъ», которую можно назвать совершенно справедливо: «Бѣдный Женихъ». *Изъ этого видно, на сколько богата фантазія г. Островскаго запасомъ идей и образовъ для ихъ выраженія*».

Словомъ—трудно представить себѣ возможность середины, на которой можно было бы удержаться, чтобы хоть сколько нибудь согласить требованія, въ теченіе десяти лѣтъ предъявлявшіяся Островскому разными (а иногда и тѣми же самыми) критиками. То — зачѣмъ онъ слишкомъ чернитъ русскую жизнь, то — зачѣмъ бѣлитъ и румянитъ ее? То—для чего предается онъ дидактизму, то—зачѣмъ нѣтъ нравственной основы въ его произведеніяхъ?.. То — онъ слишкомъ рабски передаетъ дѣйствительность, то — невѣренъ ей; то — онъ очень ужь заботится о внѣшней отдѣлкѣ, то—небреженъ въ этой отдѣлкѣ. То—у него дѣйствіе идетъ слишкомъ вяло, то—сдѣланъ слишкомъ быстрый поворотъ, къ которому читатель недостаточно подготовленъ предъидущимъ. То—характеры очень обыкновенны, то—слишкомъ исключительны... И все это часто говорилось, по поводу однихъ и тѣхъ же произведеній, критиками, которые должны были сходиться, повидимому, въ основныхъ воззрѣніяхъ. Если бы публикѣ приходилось судить объ Островскомъ только по критикамъ, десять лѣтъ сочинявшимся о немъ, то она должна была бы остаться въ крайнемъ недоумѣніи о томъ: что же наконецъ думать ей объ этомъ авторѣ? То онъ выходилъ, по этимъ критикамъ, квасным патріотомъ, обскурантомъ, то прямымъ продолжателемъ Гоголя въ лучшемъ его періодѣ; то славянофиломъ, то западникомъ; то создателемъ народнаго театра, то гостинодворскимъ Коцебу; то писателемъ съ новымъ особеннымъ міросозерцаніемъ, то человѣкомъ, нимало не осмысливающимъ дѣйствительности, которая имъ копируется. Никто до сихъ поръ не далъ не только полной характеристики Островскаго, то даже не указалъ тѣхъ чертъ, которыя составляютъ существенный смыслъ его произведеній.

Отчего произошло такое странное явленіе? «Стало быть, была же какая нибудь причина?» Можетъ быть, дѣйствительно Островскій такъ часто измѣняетъ свое направленіе, что его характеръ до сихъ поръ еще не могъ опредѣлиться? Или, напротивъ, онъ съ самаго начала сталъ, какъ увѣряла критика «Москвитянина», на ту высоту, которая превосходитъ степень пониманія современной критики? Кажется, ни то, ни другое. Причина безалаберности, господствующей до сихъ поръ въ сужденіяхъ объ Островскомъ, заключается именно въ томъ, что его хотѣли непремѣнно сдѣлать представителемъ извѣстнаго рода убѣжденій, и затѣмъ карали за невѣр-

Припомнимъ, что долгое время хвалители Островскаго удивлялись именно неисчерпаемому богатству его фантазіи въ созданіи множества новыхъ типовъ и драматическихъ положеній, и намъ будетъ ясно, какъ ничтожна была сочувственная ему критика для уясненія значенія этого писателя.

ность этимъ убѣжденіямъ или возвышали за укрѣпленіе въ нихъ, и наоборотъ. Всѣ признали въ Островскомъ замѣчательный талантъ, и вслѣдствіе того всѣмъ критикамъ хотѣлось видѣть въ немъ поборника и проводника тѣхъ убѣжденій, которыми сами они были проникнуты. Людямъ съ славянофильскимъ оттѣнкомъ очень понравилось, что онъ хорошо изображаетъ русскій бытъ, и они безъ церемоніи провозгласили Островскаго поклонникомъ *благодушной руской старины»* въ пику тлетворному западу. Какъ человѣкъ дѣйствительно знающій и любящій рускую народность, Островскій дѣйствительно подалъ славянофиламъ много поводовъ считать его «своимъ», а они воспользовались этимъ такъ неумѣренно, что дали противной партіи весьма основательный поводъ считать его врагомъ европейскаго образованія и писателемъ ретрограднаго направленія. Но въ сущности Островскій никогда не былъ ни тѣмъ, ни другимъ, покрайней мѣрѣ въ своихъ произведеніяхъ. Можетъ быть, вліяніе кружка и дѣйствовало на него, въ смыслѣ признанія извѣстныхъ отвлеченныхъ теорій; но оно не могло уничтожить въ немъ вѣрнаго чутья дѣйствительной жизни, не могло совершенно закрыть предъ нимъ дороги, указанной ему талантомъ. Вотъ почему произведенія Островскаго постоянно ускользали изъ-подъ обѣихъ, совершенно различныхъ мѣрокъ, прикидываемыхъ къ нему съ двухъ противоположныхъ концовъ. Славянофилы скоро увидѣли въ Островскомъ черты, вовсе не служащія *для* проповѣди смиренія, терпѣнія, приверженности къ обычаямъ отцовъ и ненависти къ западу, и считали нужнымъ упрекать его — или въ недосказанности, или въ уступкахъ *отрицательному* воззрѣнію. Самый нелѣпый изъ критиковъ славянофильской партіи очень категорически выразился, что у Островскаго все бы хорошо; «но у него иногда недостаетъ рѣшительности и смѣлости въ исполненіи задуманнаго: ему какъ будто мѣшаетъ ложный стыдъ и робкія привычки, воспитанныя въ немъ *натуральнымъ* направленіемъ. Отъ того нерѣдко онъ затѣетъ что нибудь *возвышенное или широкое*, а память о *натуральной* мѣркѣ и спугнетъ его замыслъ; ему бы слѣдовало дать волю счастливому внушенію, а онъ какъ будто испугается высоты полета, и образъ выходитъ какой-то недодѣланный.» (Рус. Бес.). Въ свою очередь, люди, пришедшіе въ восторгъ отъ «Своихъ Людей», скоро замѣтили, что Островскій, сравнивая старинныя начала руской жизни съ новыми началами европеизма въ купеческомъ быту, постоянно склоняется на сторону первыхъ. Это имъ не понравилось и самый нелѣпый изъ критиковъ такъ называемой *западнической* партіи выразилъ свое сужденіе, тоже очень категорическое, слѣдующимъ образомъ: «дидактическое направленіе, опредѣляющее характеръ этихъ

произведеній, не позволяетъ намъ признать въ нихъ истинно-поэтическаго таланта. Оно основано на тѣхъ началахъ, которыя называются у нашихъ славянофиловъ народными. Имъ-то подчинилъ г. Островскій въ комедіяхъ и драмѣ мысль, чувство и свободную волю человѣка» (Атеней, 1859 г.). Въ этихъ двухъ противоположныхъ отрывкахъ можно найдти ключъ къ тому, отчего критика до сихъ поръ не могла прямо и просто взглянуть на Островскаго, какъ на писателя, изображающаго жизнь извѣстной части русскаго общества, а все смотрѣла на него, какъ на проповѣдника морали, сообразной съ понятіями той или другой партіи. Отвергнувши эту, заранѣе приготовленную мѣрку, критика должна была бы приступить къ произведеніямъ Островскаго просто для ихъ изученія, съ рѣшительностью—брать то, что даетъ самъ авторъ. Но тогда нужно было бы отказаться отъ желанія завербовать его въ свои ряды, нужно было бы поставить на второй планъ свои предубѣжденія къ противной партіи, нужно было не обращать вниманія на самодовольныя и довольно наглыя выходки противной стороны.... а это было чрезвычайно трудно и для той, и для другой партіи. Островскій и сдѣлался жертвою полемики между ними, взявши въ угоду той и другой нѣсколько неправильныхъ аккордовъ, и тѣмъ еще болѣе сбивши ихъ съ толку.

Къ счастію, публика мало заботилась о критическихъ переборахъ, и сама читала комедію Островскаго, смотрѣла на театрѣ тѣ изъ нихъ, которыя допущены къ представленію, перечитывала опять, и такимъ образомъ довольно хорошо ознакомилась съ произведеніями своего любимаго комика. Благодаря этому обстоятельству, трудъ критика значительно облегчается теперь. Нѣтъ надобности разбирать каждую пьесу порознь, разсказывать содержаніе, слѣдить развитіе дѣйствія сцена за сценой, подбирать по дорогѣ мелкія неловкости, выхвалять удачныя выраженія, и т. п. Все это читателямъ уже очень хорошо извѣстно: содержаніе пьесъ всѣ знаютъ, о частныхъ промахахъ было говорено много разъ, удачныя, мѣткія выраженія давно уже подхвачены публикой и употребляются въ разговорной рѣчи, въ родѣ поговорокъ. Съ другой стороны — навязывать автору свой собственный образъ мыслей тоже не нужно, да и неудобно (развѣ при такой отвагѣ, какую выказалъ критикъ «Атенея», г. Н. П. Некрасовъ, изъ Москвы): теперь уже для всякаго читателя ясно, что Островскій не обскурантъ, не проповѣдникъ плетки, какъ основанія семейной нравственности, не поборникъ гнусной морали, предписывающей терпѣніе безъ конца и отреченіе отъ правъ собственной личности,—равно какъ и не слѣпой, ожесточенный пасквилянтъ, старающійся, во что бы то ни стало, выставить

на позорище грязныя пятна русской жизни. Конечно, вольному воля: недавно еще одинъ критикъ пытался доказать, что основная идея комедіи «Не въ свои сани не садись,» состоитъ въ томъ, что безнравственно купчихѣ лѣзть замужъ за дворянина, а гораздо благонравнѣе выдти за ровню, по приказу родительскому. Тотъ же критикъ рѣшилъ (очень энергически), что въ драмѣ «Не такъ живи, какъ хочется,» Островскій проповѣдуетъ, будто «полная покорность волѣ старшихъ, слѣпая вѣра въ справедливость изстари предписаннаго закона и совершенное отреченіе отъ человѣческой свободы, отъ всякаго притязанія на право заявить свои человѣческія чувства, гораздо лучше, чѣмъ самая мысль, чувство и свободная воля человѣка.» Тотъ же критикъ весьма остроумно сообразилъ, что «въ сценахъ «Праздничный сонъ до обѣда» осмѣяно суевѣріе въ сны (*)... Но вѣдь теперь два тома сочиненій Островскаго — въ рукахъ у читателей, — кто же повѣритъ такому критику?

Итакъ, предполагая, что читателямъ извѣстно содержаніе пьэсъ Островскаго и самое ихъ развитіе, мы постараемся только припомнить черты, общія всѣмъ его произведеніямъ или большей части ихъ, свести эти черты къ одному результату и по нимъ опредѣлить значеніе литературной дѣятельности этого писателя. Исполнивши это, мы только представимъ въ общемъ очеркѣ то, что и безъ насъ давно уже знакомо большинству читателей, но что у многихъ, можетъ быть, не приведено въ надлежащую стройность и единство. При этомъ считаемъ нужнымъ предупредить, что мы не задаемъ автору никакой программы, не составляемъ *для* него, никакихъ предварительныхъ правилъ, сообразно съ которыми онъ долженъ задумывать и выполнять свои произведенія. Такой способъ критики мы считаемъ очень обиднымъ *для* писателя, талантъ котораго всѣми признанъ и за которымъ упрочена уже любовь публики и извѣстная доля значенія въ литературѣ. Критика, состоящая въ показаніи того, что *долженъ* былъ сдѣлать писатель и насколько хорошо выполнилъ онъ свою *должность*, бываетъ еще умѣстна изрѣдка, въ приложеніи къ автору начинающему, подающему нѣкоторыя надежды, но идущему рѣшительно ложнымъ путемъ и потому нуждающемуся въ указаніяхъ и совѣтахъ. Но вообще она непріятна, потому что ставитъ критика въ положеніе школьнаго педанта, собравшагося проэкзаменовать какого нибудь мальчика. Относительно такого писателя, какъ Островскій, нельзя позволить себѣ этой схоластической критики. Каждый читатель съ полной основательностью можетъ намъ замѣтить: «зачѣмъ вы убиваетесь надъ соображеніями о томъ, что вотъ

(*) Это все въ «Атенеѣ».

тутъ нужно было бы то-то, а здѣсь недостаетъ того-то? Мы вовсе не хотимъ признать за вами право давать уроки Островскому; намъ вовсе не интересно знать, какъ бы по вашему мнѣнію слѣдовало сочинить пьесу, сочиненную имъ. Мы читаемъ и любимъ Островскаго, и отъ критики мы хотимъ, чтобы она осмыслила передъ нами то, чѣмъ мы увлекаемся часто безотчетно, чтобы она привела въ нѣкоторую систему и объяснила намъ наши собственныя впечатлѣнія. А если, уже послѣ этого объясненія, окажется, что наши впечатлѣнія ошибочны, что результаты ихъ вредны, или что мы приписываемъ автору то, чего въ немъ нѣтъ, — тогда пусть критика займется разрушеніемъ нашихъ заблужденій, но опять-таки на основаніи того, что даетъ намъ самъ авторъ». Признавая такія требованія вполнѣ справедливыми, мы считаемъ за самое лучшее, примѣнить къ произведеніямъ Островскаго критику *реальную*, состоящую въ обозрѣніи того, что намъ даютъ его произведенія. Здѣсь не будетъ требованій въ родѣ того, зачѣмъ Островскій не изображаетъ характеровъ такъ, какъ Шекспиръ, зачѣмъ не развиваетъ комическаго дѣйствія такъ, какъ Гоголь (*) и т. п. Всѣ подобныя требованія, по нашему мнѣнію, столько же ненужны, безплодны и неосновательны, какъ и требованія того, напр., чтобы Островскій былъ комикомъ страстей и давалъ намъ мольеровскихъ тартюфовъ и гарпагоновъ, или чтобъ онъ уподобился Аристофану и придалъ комедіи политическое значеніе. Конечно, мы не отвергаемъ того, что лучше было бы, если бы Островскій соединилъ въ себѣ Аристофана, Мольера и Шекспира; но мы знаемъ, что этого нѣтъ, что это невозможно, и все-таки признаемъ Островскаго замѣчательнымъ писателемъ въ нашей литературѣ, находя, что онъ и самъ по себѣ, какъ есть, очень недуренъ и заслуживаетъ нашего вниманія и изученія....

Точно такъ же реальная критика не допускаетъ и навязыванья автору чужихъ мыслей. Предъ ея судомъ стоятъ лица, созданныя авторомъ, и ихъ дѣйствія; она должна сказать, какое впечатлѣніе производятъ на нее эти лица, и можетъ обвинять автора только за то, ежели впечатлѣніе это неполно, неясно, двусмысленно. Она никогда не позволитъ себѣ, напр. такого вывода: это лицо отличается привязанностью къ стариннымъ предразсудкамъ; но авторъ выставилъ его добрымъ и не глупымъ, слѣдственно авторъ желалъ выставить въ хорошемъ свѣтѣ старинные предразсудки. Нѣтъ, для реальной критики здѣсь представляется прежде всего фактъ: авторъ выводитъ добраго и неглупаго человѣка, зараженнаго старинными

(*) Эти замѣчанія дѣйствительно дѣлались Островскому мудрыми критиками.

предразсудками. Затѣмъ критика разбираетъ, возможно ли и дѣйствительно ли такое лицо; нашедши же, что оно вѣрно дѣйствительности, она переходитъ къ своимъ собственнымъ соображеніямъ о причинахъ, породившихъ его, и т. д. Если въ произведеніи разбираемаго автора эти причины указаны, критика пользуется и ими, и благодаритъ автора; если нѣтъ, не пристаетъ къ нему съ ножемъ къ горлу, — какъ, дескать, онъ смѣлъ вывести такое лицо, не объяснивши причинъ его существованія? Реальная критика относится къ произведенію художника точно такъ же, какъ къ явленіямъ дѣйствительной жизни: она изучаетъ ихъ, стараясь опредѣлить ихъ собственную норму, собрать ихъ существенныя, характерныя черты но вовсе не суетясь изъ-за того, зачѣмъ-это овесъ — не рожь и уголь — не алмазъ.... Были, пожалуй, и такіе ученые, которые занимались опытами, долженствовавшими доказать превращеніе овса въ рожь; были и критики, занимавшіеся доказываніемъ того, что если бы Островскій такую-то сцену такъ-то измѣнилъ, то вышелъ бы Гоголь, а если бы такое-то лицо вотъ такъ отдѣлалъ, то превратился бы въ Шекспира.... Но надо полагать, что такіе ученые и критики не много принесли пользы наукѣ и искусству. Гораздо полезнѣе ихъ были тѣ, которые внесли въ общее сознаніе нѣсколько скрывавшихся прежде или не совсѣмъ ясныхъ фактовъ изъ жизни или изъ міра искусства, какъ воспроизведеніе жизни. Если въ отношеніи къ Островскому до сихъ поръ не было сдѣлано ничего подобнаго, то намъ остается только пожалѣть объ этомъ странномъ обстоятельствѣ и постараться поправить его, насколько хватитъ силъ и умѣнья.

Но чтобы покончить съ прежними критиками Островскаго, соберемъ теперь тѣ замѣчанія, въ которыхъ почти всѣ они были согласны и которыя могутъ заслуживать вниманія.

Во первыхъ — всѣми признаны въ Островскомъ даръ наблюдательности и умѣнье представить вѣрную картину быта тѣхъ сословій, изъ которыхъ бралъ онъ сюжеты своихъ произведеній.

Во вторыхъ всѣми замѣчена (хотя и не всѣми отдана ей должная справедливость) мѣткость и вѣрность народнаго языка въ комедіяхъ Островскаго.

Въ третьихъ, по согласію всѣхъ критиковъ, почти всѣ характеры въ пьесахъ Островскаго совершенно обыденны и не выдаются ничѣмъ особеннымъ, не возвышаются надъ пошлой средою, въ которой они поставлены. Это ставится многими въ вину автору, на томъ основаніи, что такія лица, дескать, необходимо должны быть безцвѣтными. Но другіе справедливо находятъ и въ этихъ будничныхъ лицахъ очень яркія типическія черты.

Въ четвертыхъ, всѣ согласны, что въ большей части комедій Островскаго «недостаетъ (по выраженію одного изъ восторженнѣйшихъ его хвалителей) экономіи въ планѣ и въ постройкѣ пьесы», и что вслѣдствіе того (по выраженію другаго изъ его поклонниковъ) «драматическое дѣйствіе не развивается въ нихъ послѣдовательно и безпрерывно, интрига пьесы не сливается органически съ идеей пьесы и является ей какъ бы нѣсколько посторонней.»

Въ пятыхъ, всѣмъ не нравится слишкомъ крутая, *случайная*, развязка комедій Островскаго. По выраженію одного критика, въ концѣ пьесы «какъ будто смерчъ какой проносится по комнатѣ и разомъ перевертываетъ всѣ головы дѣйствующихъ лицъ.»

Вотъ, кажется, все, въ чемъ доселѣ соглашалась всякая критика, заговаривая объ Островскомъ.... Мы могли бы построить всю нашу статью на развитіи этихъ, всѣми признанныхъ положеній, и, можетъ быть, избрали бы благую часть. Читатели, конечно, поскучали бы немного; но за то мы отдѣлались бы чрезвычайно легко, заслужили бы сочувствіе эстетическихъ критиковъ и даже, — почему знать? — стяжали бы, можетъ быть, названіе тонкаго цѣнителя художественныхъ красотъ и таковыхъ же недостатковъ. Но, къ сожалѣнію, мы не чувствуемъ въ себѣ призванія — *воспитывать эстетическій вкусъ публики*, и потому намъ самимъ чрезвычайно скучно браться за школьную указку съ тѣмъ, чтобы пространно и глубокомысленно толковать о тончайшихъ оттѣнкахъ художественности. Предоставляя это гг. Алмазову, Ахшарумову и имъ подобнымъ, мы изложимъ здѣсь только тѣ результаты, какіе даетъ намъ изученіе произведеній Островскаго, относительно изображаемой имъ дѣйствительности. Но предварительно сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній объ отношеніи художественнаго таланта къ отвлеченнымъ идеямъ писателя.

Въ произведеніяхъ талантливаго художника, какъ бы они ни были разнообразны, всегда можно примѣчать нѣчто общее, характеризующее всѣ ихъ и отличающее ихъ отъ произведеній другихъ писателей. На техническомъ языкѣ искусства принято называть это *міросозерцаніемъ* художника. Но напрасно стали бы мы хлопотать о томъ, чтобы привести это міросозерцаніе въ опредѣленныя логическія построенія, выразить его въ отвлеченныхъ формулахъ. Отвлеченностей этихъ обыкновенно не бываетъ въ самомъ сознаніи художника; не рѣдко даже въ отвлеченныхъ разсужденіяхъ онъ высказываетъ понятія, разительно противоположныя тому, что выражается въ его художественной дѣятельности, — понятія, принятыя

имъ на вѣру или добытыя имъ посредствомъ ложныхъ, наскоро, чисто-внѣшнимъ образомъ составленныхъ силлогизмовъ. Собственный же взглядъ его на міръ, служащій ключемъ къ характеристикѣ его таланта, надо искать въ живыхъ образахъ, создаваемыхъ имъ. Здѣсь-то и находится существенная разница между талантомъ художника и мыслителя. Въ сущности, мыслящая сила и творческая способность обѣ равно присущи и равно необходимы — и философу, и поэту. Величіе философствующаго ума и величіе поэтическаго генія равно состоятъ въ томъ, чтобы при взглядѣ на предметъ, тотчасъ умѣть отличить его существенныя черты отъ случайныхъ, затѣмъ — правильно организовать ихъ въ своемъ сознаніи и умѣть овладѣть ими такъ, чтобы имѣть возможность свободно вызывать ихъ для всевозможныхъ комбинацій. Но разница между мыслителемъ и художникомъ та, что у послѣдняго воспріимчивость гораздо живѣе и сильнѣе. Оба они почерпаютъ свой взглядъ на міръ изъ фактовъ, успѣвшихъ дойти до ихъ сознанія. Но человѣкъ съ болѣе живой воспріимчивостью, «художническая натура», сильно поражается самымъ первымъ фактомъ извѣстнаго рода, представившимся ему въ окружающей дѣйствительности. У него еще нѣтъ теоретическихъ соображеній, которыя бы могли объяснить этотъ фактъ; но онъ видитъ, что тутъ есть что-то особенное, заслуживающее вниманія, и съ жаднымъ любопытствомъ всматривается въ самый фактъ, усвоиваетъ его, носитъ его въ своей душѣ сначала какъ единичное представленіе, потомъ присоединяетъ къ нему другіе, однородные факты и образы, и наконецъ создаетъ типъ, выражающій въ себѣ всѣ существенныя черты всѣхъ частныхъ явленій этого рода, прежде замѣченныхъ художникомъ. Мыслитель, напротивъ, не такъ скоро и не такъ сильно поражается. Первый фактъ новаго рода не производитъ на него живаго впечатлѣнія; онъ большею частію едва примѣчаетъ этотъ фактъ и проходитъ мимо него, какъ мимо странной случайности, даже не трудясь его усвоить себѣ. (Не говоримъ, разумѣется, о личныхъ отношеніяхъ: влюбиться, разсердиться, опечалиться — всякій философъ можетъ столь же быстро, при первомъ же появленіи *факта*, какъ и поэтъ). Только уже потомъ, когда много однородныхъ фактовъ наберется въ сознаніи, человѣкъ съ слабой воспріимчивостью обратитъ на нихъ наконецъ свое вниманіе. Но тутъ обиліе частныхъ представленій, собранныхъ прежде и непримѣтно покоившихся въ его сознаніи, даетъ ему возможность тотчасъ же составить изъ нихъ общее понятіе и такимъ образомъ немедленно перенести новый фактъ изъ живой дѣйствительности въ отвлеченную сферу разсудка. А здѣсь уже пріискивается для новаго понятія надлежащее мѣсто въ ряду другихъ идей,

объясняется его значеніе, дѣлаются изъ него выводы и т. д. При этомъ мыслитель, — или, говоря проще, человѣкъ разсуждающій, — пользуется, какъ дѣйствительными фактами, и тѣми образами, которые воспроизведены изъ жизни искусствомъ художника. Иногда даже эти самые образы наводятъ разсуждающаго человѣка на составленіе правильныхъ понятій о нѣкоторыхъ изъ явленій дѣйствительной жизни. Такимъ образомъ совершенно яснымъ становится *значеніе художнической дѣятельности въ ряду другихъ отправленій общественной жизни:* образы, созданные художникомъ, собирая въ себѣ, какъ въ фокусѣ, факты дѣйствительной жизни, весьма много способствуютъ составленію и распространенію между людьми правильныхъ понятій о вещахъ.

Отсюда ясно, что главное достоинство писателя-художника состоитъ въ *правдѣ* его изображеній; иначе изъ нихъ будутъ ложные выводы, составятся по ихъ милости ложныя понятія. Но какъ понимать *правду* художественныхъ изображеній? Собственно говоря, *безусловной неправды* писатели никогда не выдумываютъ: о самыхъ нелѣпыхъ романахъ и мелодрамахъ нельзя сказать, чтобы представляемыя въ нихъ *страсти* и пошлости были безусловно-ложны, т. е. невозможны, даже какъ уродливая случайность. Но *неправда* подобныхъ романовъ и мелодрамъ именно въ томъ и состоитъ, что въ нихъ берутся случайныя, ложныя черты дѣйствительной жизни, не составляющія ея сущности, ея характерныхъ особенностей. Они представляются ложью и въ томъ отношеніи, что, если по нимъ составлять теоретическія понятія, то можно придти къ идеямъ совершенно ложнымъ. Есть напр. авторы, посвятившіе свой талантъ на воспѣваніе сладострастныхъ сценъ и развратныхъ похожденій; сладострастіе изображается ими въ такомъ видѣ, что, если имъ повѣрить, то въ немъ одномъ только и заключается истинное блаженство человѣка. Заключеніе, разумѣется, нелѣпое, хотя, конечно, и бываютъ дѣйствительно люди, которые по степени своего развитія и неспособны понять другаго блаженства, кромѣ этого.... Были другіе писатели, еще болѣе нелѣпые, которые превозносили доблести воинственныхъ феодаловъ, проливавшихъ рѣки крови, сожигавшихъ города и грабившихъ вассаловъ своихъ. Въ описаніи подвиговъ этихъ грабителей не было прямой лжи; но они представлены въ такомъ свѣтѣ, съ такими восхваленіями, которыя ясно свидѣтельствуютъ, что въ душѣ автора, воспѣвавшаго ихъ, не было чувства человѣческой правды. Такимъ образомъ всякая односторонность и исключительность уже мѣшаетъ полному соблюденію правды художникомъ. Слѣдовательно художникъ долженъ — или въ полной неприкосновенности сохранить свой простой, младенчески-непосред-

ственный взглядъ на весь міръ, или (такъ какъ это совершенно невозможно въ жизни) спасаться отъ односторонности возможнымъ расширеніемъ своего взгляда, посредствомъ усвоенія себѣ тѣхъ общихъ понятій, которыя выработаны людьми разсуждающими. Въ этомъ можетъ выразиться связь знанія съ искусствомъ. Свободное претвореніе самыхъ высшихъ умозрѣній въ живые образы, и вмѣстѣ съ тѣмъ полное сознаніе высшаго, общаго смысла во всякомъ, самомъ частномъ и случайномъ фактѣ жизни—это есть идеалъ, представляющій полное сліяніе науки и поэзіи и доселѣ еще никѣмъ не достигнутый. Но художникъ, руководимый правильными началами въ своихъ общихъ понятіяхъ, имѣетъ все-таки ту выгоду предъ неразвитымъ или ложно развитымъ писателемъ, что можетъ свободнѣе предаваться внушеніямъ своей художнической натуры. Его непосредственное чувство всегда вѣрно указываетъ ему на предметы; но когда его общія понятія ложны, то въ немъ неизбѣжно начинается борьба, сомнѣнія, нерѣшительность, и если произведеніе его и не дѣлается оттого окончательно фальшивымъ, то все-таки выходитъ слабымъ, безцвѣтнымъ и нестройнымъ. Напротивъ, когда общія понятія художника правильны и вполнѣ гармонируютъ съ его натурой, тогда эта гармонія и единство отражаются и въ произведеніи. Тогда дѣйствительность отражается въ произведеніи ярче и живѣе, и оно легче можетъ привести разсуждающаго человѣка къ правильнымъ выводамъ и слѣдовательно имѣть болѣе значенія для жизни.

Если мы примѣнимъ все сказанное къ сочиненіямъ Островскаго и припомнимъ то, что говорили выше о его критикахъ, то должны будемъ сознаться, что его литературная дѣятельность не совсѣмъ чужда была тѣхъ колебаній, которыя происходятъ вслѣдствіе разногласія внутренняго художническаго чувства съ отвлеченными, извнѣ усвоенными понятіями. Этими-то колебаніями и объясняется то, что критика могла дѣлать совершенно противоположныя заключенія о смыслѣ фактовъ, выставлявшихся въ комедіяхъ Островскаго. Конечно, обвиненія его въ томъ, что онъ проповѣдуетъ отреченіе отъ свободной воли, идіотское смиреніе, покорность и т. д., должны быть приписаны всего болѣе недогадливости критиковъ; но все-таки значитъ и самъ авторъ недостаточно оградилъ себя отъ подобныхъ обвиненій. И дѣйствительно, въ комедіяхъ «Не въ свои сани не садись», «Бѣдность не порокъ» и «Не такъ живи, какъ хочется»,—существенно дурныя стороны нашего стариннаго быта обставлены въ дѣйствіи такими случайностями, которыя какъ будто заставляютъ не считать ихъ дурными. Будучи положены въ основу названныхъ пьесъ, эти случайности доказываютъ, что авторъ придавалъ имъ болѣе значенія, нежели онѣ имѣютъ въ самомъ дѣлѣ, и эта невѣрность

взгляда повредила цѣльности и яркости самыхъ произведеній. Но сила непосредственнаго художническаго чувства не могла и тутъ оставить автора, и потому частныя положенія и отдѣльные характеры, взятые имъ, постоянно отличаются неподдѣльной истиною. Рѣдко-рѣдко увлеченіе идеей доводило Островскаго до натяжки въ представленіи характеровъ или отдѣльныхъ драматическихъ положеній, какъ, напримѣръ, въ той сценѣ въ «Не въ свои сани не садись», гдѣ Бородкинъ объявляетъ желаніе взять за себя опозоренную дочь Русакова. Во всей пьесѣ Бородкинъ выставляется благороднымъ и добрымъ по старинному; послѣдній же его поступокъ вовсе не въ духѣ того разряда людей, которыхъ представителемъ служитъ Бородкинъ. Но авторъ хотѣлъ приписать этому лицу всевозможныя добрыя качества, и въ числѣ ихъ приписалъ даже такое, отъ котораго настоящіе Бородкины, вѣроятно, отреклись бы съ ужасомъ. Но такихъ натяжекъ чрезвычайно мало у Островскаго: чувство художественной правды постоянно спасало его. Гораздо чаще онъ какъ будто отступалъ отъ своей идеи, именно по желанію остаться вѣрнымъ дѣйствительности. Люди, которые желали видѣть въ Островскомъ непремѣнно сторонника своей партіи, часто упрекали его, что онъ недостаточно ярко выразилъ ту мысль, которую хотѣли они видѣть въ его произведеніи. Напримѣръ, желая видѣть въ «Бѣдности не порокъ» апоѳеозу смиренія и покорности старшимъ, нѣкоторые критики упрекали Островскаго за то, что развязка пьесы является не необходимымъ слѣдствіемъ нравственныхъ достоинствъ смиреннаго Мити. Но авторъ умѣлъ понять практическую нелѣпость и художественную ложность такой развязки, и потому употребилъ для нея случайное вмѣшательство Любима Торцова. Такъ точно за лицо Петра Ильича въ «Не такъ живи, какъ хочется», автора упрекали, что онъ не придалъ этому лицу той широты натуры, того могучаго размаха, какой, дескать, свойственъ русскому человѣку, особенно въ разгулѣ. Но художническое чутье автора дало ему понять, что его Петръ, приходящій въ себя отъ колокольнаго звона, не есть представитель широкой русской натуры, забубенной головы, а довольно мелкій трактирный гуляка. За «Доходное Мѣсто» тоже слышались довольно забавныя обвиненія. Говорили,—зачѣмъ Островскій вывелъ представителемъ честныхъ стремленій такого плохаго господина, какъ Жадовъ; сердились даже на то, что взяточники у Островскаго такъ пошлы и наивны, и выражали мнѣніе, что «гораздо лучше было бы выставить на судъ публичный тѣхъ людей, которые *обдуманно и ловко* созидаютъ, развиваютъ, поддерживаютъ взяточничество, холопское начало, *и со всей энергіей* противятся всѣмъ, чѣмъ могутъ, проведенію въ государственный и общественный организмъ

свѣжихъ элементовъ». При этомъ, прибавляетъ требовательный критикъ, «мы были бы самыми напряженными, страстными зрителями, то бурнаго, то ловко выдерживаемаго столкновенія двухъ партій» (Ат. 1858 г. № 10). Такое желаніе, справедливое въ отвлеченіи, доказываетъ однако, что критикъ совершенно не умѣлъ понять то темное царство, которое изображается у Островскаго и само предупреждаетъ всякое недоумѣніе о томъ, отчего такія-то лица пошлы, такія-то положенія случайны, такія-то столкновенія слабы. Мы не хотимъ никому навязывать своихъ мнѣній; но намъ кажется, что Островскій погрѣшилъ бы противъ правды, наклепалъ бы на русскую жизнь совершенно чуждыя ей явленія, если бы вздумалъ выставлять нашихъ взяточниковъ, какъ правильно организованную, сознательную партію. Гдѣ вы у насъ нашли подобныя партіи? въ чемъ открыли вы слѣды сознательныхъ, обдуманныхъ дѣйствій? Повѣрьте, что еслибъ Островскій принялся выдумывать такихъ людей и такія дѣйствія, то какъ бы ни драматична была завязка, какъ бы ни рельефно были выставлены всѣ характеры пьесы, произведеніе все-таки въ цѣломъ осталось бы мертвымъ и фальшивымъ. И то уже есть въ этой комедіи фальшивый тонъ въ лицѣ Жадова; но и его почувствовалъ самъ авторъ, еще прежде всѣхъ критиковъ. Съ половины пьесы онъ начинаетъ спускать своего героя съ того пьедестала, на которомъ онъ является въ первыхъ сценахъ, а въ послѣднемъ актѣ показываетъ его рѣшительно неспособнымъ къ той борьбѣ, какую онъ принялъ-было на себя. Мы въ этомъ не только не обвиняемъ Островскаго, но, напротивъ, видимъ доказательство силы его таланта. Онъ, безъ сомнѣнія, сочувствовалъ тѣмъ прекраснымъ вещамъ, которыя говоритъ Жадовъ; но въ тоже время онъ умѣлъ почувствовать, что заставить Жадова *дѣлать* всѣ эти прекрасныя вещи, значило бы исказить настоящую русскую дѣйствительность. Здѣсь требованіе художественной правды остановило Островскаго отъ увлеченія внѣшней тенденціей и помогло ему уклониться отъ дороги гг. Соллогуба и Львова. Примѣръ этихъ бездарныхъ фразеровъ показываетъ, что смастерить механическую куколку и назвать ее *честнымъ чиновникомъ*, вовсе не трудно; но трудно вдохнуть въ нее жизнь и заставить ее говорить и дѣйствовать по-человѣчески. Занявшись изображеніемъ честнаго чиновника, и Островскій не вездѣ преодолѣлъ эту трудность; но все-таки въ его комедіи натура человѣческая много разъ сказывается изъ-за громкихъ фразъ Жадова. И въ этомъ умѣньи подмѣчать натуру, проникать въ глубь души человѣка, уловлять его чувства, независимо отъ изображенія его внѣшнихъ, оффиціальныхъ отношеній,—въ этомъ мы признаемъ одно изъ главныхъ и лучшихъ свойствъ таланта Островска-

го. И поэтому мы всегда готовы оправдать его отъ упрека въ томъ, что онъ въ изображеніи характера не остался вѣренъ тому основному мотиву, какой угодно будетъ отыскать въ немъ глубокомысленнымъ критикамъ.

Точно такъ же, — мы оправдываемъ Островскаго въ случайности и видимой неразумности развязокъ въ его комедіяхъ. Гдѣ же взять разумности, когда ея нѣтъ въ самой жизни, изображаемой авторомъ? Безъ сомнѣнія, Островскій съумѣлъ бы представить для удержанія человѣка отъ пьянства какіе нибудь резоны болѣе дѣйствительные, нежели колокольный звонъ; но что же дѣлать, если Петръ Ильичъ былъ таковъ, что резоновъ не могъ понимать? Своего ума въ человѣка не вложишь, народнаго суевѣрія не передѣлаешь. Придавать ему смыслъ, котораго оно не имѣетъ, значило бы искажать его и лгать на самую жизнь, въ которой оно проявляется. Такъ точно и въ другихъ случаяхъ: — создавать непреклонные драматическіе характеры, ровно и обдуманно стремящіеся къ одной цѣли, придумывать строго соображенную и тонко веденную интригу — значило бы навязывать русской жизни то, чего въ ней вовсе нѣтъ. Говоря по совѣсти, никто изъ насъ не встрѣчалъ въ своей жизни мрачныхъ интригановъ, систематическихъ злодѣевъ, сознательныхъ іезуитовъ. Если у насъ человѣкъ и подличаетъ, такъ больше по слабости характера; если сочиняетъ мошенническія спекуляціи, такъ больше оттого, что окружающіе его очень ужь глупы и довѣрчивы; если и угнетаетъ другихъ, то больше потому, что это никакого усилія не стоитъ: — такъ всѣ податливы и покорны. Наши интриганы, дипломаты и злодѣи постоянно напоминаютъ мнѣ одного шахматнаго игрока, который говорилъ мнѣ: «это вздоръ, будто можно разсчитать заранѣе свою игру; игроки только напрасно хвалятся этимъ; а въ самомъ-то дѣлѣ больше трехъ ходовъ впередъ невозможно разсчитать». И этотъ игрокъ многихъ еще обыгрывалъ: другіе, стало быть, и трехъ-то ходовъ не разсчитывали, а такъ только—смотрѣли на то, что у нихъ подъ носомъ. Такова и вся наша русская жизнь: кто видитъ на три шага впередъ, тотъ уже считается мудрецомъ и можетъ надуть и оплести тысячи людей. А тутъ хотятъ, чтобы художникъ представлялъ намъ въ русской кожѣ какихъ нибудь Тартюфовъ, Ричардовъ, Шейлоковъ! По нашему мнѣнію, такое требованіе совершенно нейдетъ къ намъ и сильно отзывается схоластикой. По схоластическимъ требованіямъ, произведеніе искусства не должно допускать случайности; въ немъ все должно быть строго соображено, все должно развиваться послѣдовательно изъ одной данной точки, съ логической необходимостью *и въ тоже время есте-*

ственностью! Но если *естественность* требуетъ отсутствія *логической послѣдовательности?* По мнѣнію схоластиковъ, не нужно брать такихъ сюжетовъ, въ которыхъ случайность не можетъ быть подведена подъ требованія логической необходимости. По нашему же мнѣнію, для художественнаго произведенія годятся всякіе сюжеты, какъ бы они ни были случайны, и въ такихъ сюжетахъ нужно для естественности жертвовать даже отвлеченною логичностью, въ въ полной увѣренности, что жизнь, какъ и природа, имѣетъ свою логику и что эта логика можетъ быть, окажется гораздо лучше той, какую мы ей часто навязываемъ.... Вопросъ этотъ, впрочемъ, слишкомъ еще новъ въ теоріи искусства, и мы не хотимъ выставлять свое мнѣніе, какъ непреложное правило. Мы только пользуемся случаемъ высказать его по поводу произведеній Островскаго, у котораго вездѣ на первомъ планѣ видимъ вѣрность фактамъ дѣйствительности и даже нѣкоторое презрѣніе къ логической замкнутости произведенія, — и котораго комедіи, несмотря на то, имѣютъ и занимательность, и внутренній смыслъ.

Высказавши эти бѣглыя замѣчанія, мы, прежде чѣмъ перейдемъ къ главному предмету нашей статьи, должны сдѣлать еще слѣдующую оговорку. Признавая главнымъ достоинствомъ художественнаго произведенія жизненную правду его, мы тѣмъ самымъ указываемъ и мѣрку, которою опредѣляется для насъ *степень достоинства* и значенія каждаго литературнаго явленія. Судя по тому, какъ глубоко проникаетъ взглядъ писателя въ самую сущность явленій, какъ широко захватываетъ онъ въ своихъ изображеніяхъ различныя стороны жизни, — можно рѣшить и то, какъ великъ его талантъ. Безъ этого всѣ толкованія будутъ напрасны. Напримѣръ, у г. Фета есть талантъ, и у г. Тютчева есть талантъ: какъ опредѣлить ихъ относительное значеніе? Безъ сомнѣнія не иначе, какъ разсмотрѣніемъ сферы, доступной каждому изъ нихъ. Тогда и окажется, что талантъ одного способенъ во всей силѣ проявиться только въ уловленіи мимолетныхъ впечатлѣній отъ тихихъ явленій природы; а другому доступна кромѣ того — и знойная страстность, и суровая энергія, и глубокая дума, возбуждаемая не одними стихійными явленіями, но и вопросами нравственными, интересами общественной жизни. Въ показаніи всего этого и должна бы собственно заключаться оцѣнка таланта обоихъ поэтовъ. Тогда читатели и безъ всякихъ эстетическихъ (обыкновенно очень туманныхъ) разсужденій поняли бы, какое мѣсто въ литературѣ принадлежитъ и тому и другому поэту. Такъ мы полагаемъ поступить и съ произведеніями Островскаго. Все предъидущее изложеніе привело насъ до сихъ поръ къ признанію того, что вѣрность дѣйствительности, жизненная правда — по-

стоянно соблюдаются въ произведеніяхъ Островскаго и стоятъ на первомъ планѣ, впереди всякихъ задачъ и заднихъ мыслей. Но этого еще мало: вѣдь и г. Фетъ очень вѣрно выражаетъ неопредѣленныя впечатлѣнія природы, и однакожь отсюда вовсе не слѣдуетъ, чтобы его стихи имѣли большое значеніе въ русской литературѣ. Для того, чтобы сказать что нибудь опредѣленное о талантѣ Островскаго, нельзя, стало быть, ограничиться общимъ выводомъ, что онъ вѣрно изображаетъ дѣйствительность; нужно еще показать, какъ обширна сфера, подлежащая его наблюденіямъ, до какой степени важны тѣ стороны фактовъ, которыя его занимаютъ, и какъ глубоко проникаетъ онъ въ нихъ. Для этого-то и необходимо реальное разсмотрѣніе того, что есть въ его произведеніяхъ.

Общія соображенія, которыя въ этомъ разсмотрѣніи должны руководить насъ, состоятъ въ слѣдующемъ.

Островскій умѣетъ заглядывать въ глубь души человѣка, умѣетъ отличать *натуру* отъ всѣхъ извнѣ принятыхъ уродствъ и наростовъ; оттого внѣшній гнетъ, тяжесть всей обстановки, давящей человѣка, чувствуются въ его произведеніяхъ гораздо сильнѣе, чѣмъ во многихъ разсказахъ, страшно возмутительныхъ по содержанію, но внѣшнею, офиціальною стороною дѣла совершенно заслоняющихъ внутреннюю, человѣческую сторону.

Комедія Островскаго не проникаетъ въ высшіе слои нашего общества, а ограничивается только средними, и потому не можетъ дать ключа къ объясненію многихъ горькихъ явленій, въ ней изображаемыхъ. Но тѣмъ не менѣе она легко можетъ наводить на многія аналогическія соображенія, относящіяся и къ тому быту, котораго прямо не касается; это оттого, что типы комедій Островскаго не рѣдко заключаютъ въ себѣ не только исключительно купеческія или чиновничьи, но и общенародныя черты.

Дѣятельность общественная мало затронута въ комедіяхъ Островскаго, и это безъ сомнѣнія потому, что сама гражданская жизнь наша, изобилующая формальностями всякаго рода, почти не представляетъ примѣровъ настоящей дѣятельности, въ которой свободно и широко могъ бы выразиться *человѣкъ*. За то у Островскаго чрезвычайно полно и рельефно выставлены два рода отношеній, къ которымъ человѣкъ еще можетъ у насъ приложить душу свою,—отношенія *семейныя* и отношенія *по имуществу*. Немудрено поэтому, что сюжеты и самыя названія его пьесъ вертятся около семьи, жениха, невѣсты, богатства и бѣдности.

Драматическія коллизіи и катастрофы въ пьесахъ Островскаго всѣ происходятъ вслѣдствіе столкновенія двухъ партій—*старшихъ* и *младшихъ*, *богатыхъ* и *бѣдныхъ*, *своевольныхъ* и *безотвѣтныхъ*. Ясно,

что развязка подобныхъ столкновеній, по самому существу дѣла, должна имѣть довольно крутой характеръ и отзываться случайностью.

Съ этими предварительными соображеніями вступимъ теперь въ этотъ міръ, открываемый намъ произведеніями Островскаго, и постараемся всмотрѣться въ обитателей, населяющихъ это *темное царство*. Скоро вы убѣдитесь, что мы не даромъ назвали его *темнымъ*.

II.

> Гдѣ больше строгости, тамъ и грѣха больше. Надо судить по человѣчеству.
>
> *Островскій.*

Передъ нами грустно-покорныя лица нашихъ младшихъ братій, обреченныхъ судьбою на зависимое, страдательное существованіе. Чувствительный Митя, добродушный Андрей Брусковъ, бѣдная невѣста—Марья Андреевна, опозоренная Авдотья Максимовна, несчастная Даша и Надя—стоятъ передъ нами, безмолвно-покорныя судьбѣ, безропотно-унылыя... Это міръ затаенной, тихо вздыхающей скорби, міръ тупой, ноющей боли, міръ тюремнаго, гробоваго безмолвія, лишь изрѣдка оживляемый глухимъ, безсильнымъ ропотомъ, робко замирающимъ при самомъ зарожденіи. Нѣтъ ни свѣта, ни тепла, ни простора; гнилью и сыростью вѣетъ темная и тѣсная тюрьма. Ни одинъ звукъ съ вольнаго воздуха, ни одинъ лучъ свѣтлаго дня не проникаетъ въ нее. Въ ней вспыхиваетъ по временамъ только искра того священнаго пламени, которое пылаетъ въ каждой груди человѣческой, пока не будетъ залито наплывомъ житейской грязи. Чуть тлѣется эта искра въ сырости и смрадѣ темницы, но иногда на минуту вспыхиваетъ она и обливаетъ свѣтомъ правды и добра мрачныя фигуры томящихся узниковъ. При помощи этого минутнаго освѣщенія мы видимъ, что тутъ страдаютъ наши братья, что въ этихъ одичавшихъ, безсловесныхъ, грязныхъ существахъ можно разобрать черты лица человѣческаго, — и наше сердце стѣсняется болью и ужасомъ. Они молчатъ, эти несчастные узники, — они сидятъ въ летаргическомъ оцѣпенѣніи и даже не потрясаютъ своими цѣпями; они почти лишились даже способности сознавать свое страдальческое положеніе; но тѣмъ не менѣе они чувствуютъ тяжесть, лежащую на нихъ, они не потеряли способности ощущать свою боль. Если они безмолвно и неподвижно переносятъ ее, такъ это потому, что каждый крикъ, каждый вздохъ, среди этого смраднаго омута, захватываетъ имъ горло, отдается колючею болью въ груди, каждое

движеніе тѣла, обремененнаго цѣпями, грозитъ имъ увеличеніемъ тяжести и мучительнаго неудобства ихъ положенія. И не откуда ждать имъ отрады, негдѣ искать облегченія: надъ ними буйно и безотчетно владычествуетъ безсмысленное *самодурство*, въ лицѣ разныхъ Торцовыхъ, Брусковыхъ, Уланбековыхъ и пр., не признающее никакихъ разумныхъ правъ и требованій. Только его дикіе, безобразные крики нарушаютъ эту мрачную тишину и производятъ пугливую суматоху на этомъ печальномъ кладбищѣ человѣческой мысли и воли.

Но не мертвецы же всѣ эти жалкіе люди, не въ темныхъ же могилахъ родились и живутъ они. Вольный Божій свѣтъ разстилался когда-то и передъ ними, хоть на короткое время, въ давнюю пору ранняго, беззаботнаго дѣтства. Воспоминаніе объ этой золотой порѣ не оставляетъ ихъ и въ смрадной тюрьмѣ, и въ горькой кабалѣ самодурства. Грубые, необузданные крики какого нибудь самодура, широкіе размахи руки его напоминаютъ имъ просторъ вольной жизни, гордые порывы свободной мысли и горячаго сердца, — порывы, заглушенные въ несчастныхъ страдальцахъ, но погибшіе не совсѣмъ безъ слѣда. И вотъ черный осадокъ недовольства, безсильной злобы, тупаго ожесточенія начинаетъ шевелиться на днѣ мрачнаго омута, хочетъ всплыть на поверхность взволнованной бездны и своимъ мутнымъ наплывомъ дѣлаетъ ее еще безобразнѣе и ужаснѣе. Нѣтъ простора и свободы для живой мысли, для задушевнаго слова, для благороднаго дѣла; тяжкій самодурный запретъ наложенъ на громкую, открытую, широкую дѣятельность. Но пока живъ человѣкъ, въ немъ нельзя уничтожить стремленія жить, то есть проявлять себя какимъ бы то ни было образомъ во внѣшнихъ дѣйствіяхъ. Чѣмъ болѣе стремленіе это стѣсняется, тѣмъ его проявленія бываютъ уродливѣе; но совсѣмъ *не быть* они не могутъ, пока человѣкъ не совсѣмъ замеръ. И такова сила самодурства въ этомъ темномъ царствѣ Торцовыхъ, Брусковыхъ и Уланбековыхъ, что много людей дѣйствительно замираетъ въ немъ, теряетъ и смыслъ, и волю, и даже силу сердечнаго чувства — все, что составляетъ разумную жизнь, — и въ идіотскомъ безсиліи прозябаетъ, только совершая отправленія животной жизни. Но есть и живучія натуры: тѣ глубоко внутри себя собираютъ ядъ своего недовольства, чтобы при случаѣ выпустить его, а между тѣмъ неслышно ползутъ, подобно змѣѣ, съеживаются, извиваются и перевертываются ужомъ и жабою.... Они безмолвны, неслышны, незамѣтны; они знаютъ, что всякое быстрое и размашистое движеніе отзовется нестерпимой болью на ихъ закованномъ тѣлѣ; они понимаютъ, что рванувшись изъ своихъ желѣзъ, они не выбѣгутъ изъ тюрьмы, а только вырвутъ куски мяса изъ своего

тѣла. И вотъ они принимаются за работу, глухую и тихую: изгибаясь, вертясь и сжимаясь, они пробуютъ всѣ возможные манеры — нельзя ли втихомолку высвободить руки, чтобы потомъ распилить свои цѣпи.... Начинается воровское, урывчатое движеніе, съ оглядкою, чтобы кто нибудь не подмѣтилъ его; начинается обманъ и подлость, притворство и зложелательство, ожесточеніе на все окружающее и забота только о себѣ, о достиженіи личнаго спокойствія. Тутъ нѣтъ злобно-обдуманныхъ плановъ, нѣтъ сознательной рѣшимости на систематическую, подземную борьбу, нѣтъ даже особенной хитрости; тутъ просто невольное, вынужденное внѣшними обстоятельствами, вовсе не обдуманное и ни съ чѣмъ хорошенько не соображенное проявленіе чувства самосохраненія. Какъ у насъ невольно и безъ нашего сознанія появляются слезы отъ дыма, отъ умиленія и хрѣна, какъ глаза наши невольно щурятся при внезапномъ и слишкомъ сильномъ свѣтѣ, какъ тѣло наше невольно сжимается отъ холода, — такъ точно эти люди невольно и безсознательно принимаются за плутовскую, лицемѣрную и грубо-эгоистическую дѣятельность, при невозможности дѣла открытаго, правдиваго и радушнаго.... Нечего винить этихъ людей, хотя и не мѣшаетъ остерегаться ихъ: они сами не вѣдаютъ, что творятъ. Подъ страхомъ нагоняя и потасовки, рабски воспитанные, — съ безпрестаннымъ опасеніемъ остаться безъ куска хлѣба, рабски живущіе, они всѣ силы свои напрягаютъ на пріобрѣтеніе одной изъ главныхъ изъ рабскихъ добродѣтелей — безсовѣстной хитрости. И чего же имъ совѣститься, какую правду, какія права уважать имъ? Вѣдь самодурство властвуетъ надъ ними, давитъ и убиваетъ ихъ—совершенно безправно, безсмысленно, безсовѣстно! Въ людяхъ, воспитанныхъ подъ такимъ владычествомъ, не можетъ развиться сознаніе нравственнаго долга и истинныхъ началъ честности и права. Вотъ почему безобразнѣйшее мошенничество кажется имъ похвальнымъ подвигомъ, самый грубый обманъ—ловкою штукой. Они могутъ васъ надувать, обкрадывать, подводить подъ ножъ, и при всемъ этомъ оставаться искренно радушными и любезными съ вами, сохранять невозмутимое добросердечіе и множество истинно добродѣтельныхъ качествъ. Въ ихъ натурѣ вовсе нѣтъ злости, нѣтъ и вѣроломства; но имъ нужно какъ нибудь выплыть, выбиться изъ гнилаго болота, въ которое погружены они сильными самодурами; они знаютъ, что выбраться на свѣжій воздухъ, которымъ такъ свободно дышутъ эти самодуры, можно съ помощью обмана и денегъ; и вотъ они принимаются хитрить, льстить, надувать, начинаютъ и по мелочи, и большими кушами, но всегда тайкомъ и рывкомъ, закладывать въ свой карманъ чужое добро. Что за дѣло, что оно чужое?

Вѣдь у нихъ самихъ отняли все, что они имѣли, *свою волю* и *свою мысль;* какъ же имъ разсуждать о томъ, что̀ честно и что̀ безчестно? какъ не захотѣть надуть другаго для своей личной выгоды?

Такимъ образомъ наружная покорность и тупое, сосредоточенное горе, доходящее до совершеннаго идіотства и плачевнѣйшаго обезличенія, переплетаются въ темномъ царствѣ, изображаемомъ Островскимъ, съ рабскою хитростью, гнуснѣйшимъ обманомъ, безсовѣстнѣйшимъ вѣроломствомъ. Тутъ никто не можетъ ни на кого положиться: каждую минуту вы можете ждать, что пріятель вашъ похвалится тѣмъ, какъ онъ ловко обсчиталъ или обворовалъ васъ; компаньонъ въ выгодной спекуляціи — легко можетъ забрать въ руки всѣ деньги и документы и засадить своего товарища въ яму за долги; тесть надуетъ зятя приданымъ; женихъ обочтетъ и обидитъ сваху; невѣста-дочь проведетъ отца и мать, жена обманетъ мужа. Ничего святаго, ничего чистаго, ничего праваго въ этомъ темномъ мірѣ: господствующее надъ нимъ самодурство, дикое, безумное, не правое, прогнало изъ него всякое сознаніе чести и права.... И не можетъ быть ихъ тамъ, гдѣ повержено въ прахъ и нагло растоптано самодурами человѣческое достоинство, свобода личности, вѣра въ любовь и счастье, и святыня честнаго труда.

А между тѣмъ тутъ же, рядомъ, только за стѣною, идетъ другая жизнь, свѣтлая, опрятная, образованная.... Обѣ стороны темнаго царства чувствуютъ превосходство этой жизни и то пугаются ея, то привлекаются къ ней. Но основы этой жизни, ея внутренняя сила — совершенно непонятны для жалкихъ людей, отвыкшихъ отъ всякой разумности и правды въ своихъ житейскихъ отношеніяхъ. Только самыя грубыя и внѣшнія, бьющія въ глаза, проявленія этой образованности понятны для нихъ, только на нихъ они нападаютъ, ежели вздумаютъ *невзлюбить* образованность, и только *ихъ подражаютъ*, ежели увлекутся страстью жить *по благородному*. Старикъ-самодуръ сбрѣетъ бороду и станетъ напиваться шампанскимъ, вмѣсто водки; дочь его будетъ пѣть *жестокіе* романсы и увлекаться офицерами; сынъ начнетъ кутить и покупать дорогія платья и шали танцовщицамъ: вотъ и весь кодексъ ихъ образованности.... За то и тѣ, которые боятся новаго свѣта, — если имъ попадется дурачокъ Вихоревъ или Бальзаминовъ, рады принять его за представителя образованности, и по поводу его излить свое негодованіе на новые порядки.... И такъ черезъ всю жизнь *самодуровъ*, черезъ все страдальческое существованіе *безотвѣтныхъ* проходитъ эта борьба съ волною новой жизни, которая конечно зальетъ когда нибудь всю издавна накопленную грязь и превратитъ топкое болото въ свѣтлую и величавую рѣку, но которая теперь еще только вздымаетъ эту грязь и сама въ нее

всасывается, и вмѣстѣ съ нею гніетъ и смердитъ.... Теперь новыя начала жизни только еще тревожатъ сознаніе всѣхъ обитателей темнаго царства, въ родѣ далекаго привидѣнія или кошмара. Даже для тѣхъ, которые рѣшаются сами *подражать новую моду*, она все-таки тяжела, такъ какъ тяжелъ бываетъ всякій кошмаръ, хотя бы въ немъ представлялись видѣнія самыя прелестныя. И точно какъ послѣ кошмара, даже тѣ, которые повидимому успѣли уже освободиться отъ самодурнаго гнета и успѣли возвратить себѣ чувство и сознаніе, — и тѣ все еще не могутъ найтись хорошенько въ своемъ новомъ положеніи, и не понявъ ни настоящей образованности, ни своего призванія, не умѣютъ удержать и своихъ правъ, не рѣшаются и приняться за дѣло, а возвращаются опять къ той же покорности судьбѣ, или къ темнымъ сдѣлкамъ съ ложью и самодурствомъ.

Таково общее впечатлѣніе комедій Островскаго, какъ мы ихъ понимаемъ. Чтобы нѣсколько рельефнѣе выставить нѣкоторыя черты этого блѣднаго очерка, напомнимъ нѣсколько частностей, долженствующихъ служить подтвержденіемъ и поясненіемъ нашихъ словъ. Въ настоящей статьѣ мы ограничимся представленіемъ того нравственнаго растлѣнія, тѣхъ безсовѣстно-неестественныхъ людскихъ отношеній, которыя мы находимъ въ комедіяхъ Островскаго, какъ прямое слѣдствіе тяготѣющаго надъ всѣми самодурства.

Раскрываемъ первую страницу «Сочиненій Островскаго». Мы въ домѣ купца Пузатова, въ комнатѣ, меблированной безъ вкуса, съ портретами, райскими птицами, разноцвѣтными драпри и бутылками настойки. Марья Антиповна, девятнадцати-лѣтняя дѣвушка, сестра Пузатова, сидитъ за пяльцами и поетъ: «*Черный цвѣтъ, мрачный цвѣтъ*». Потомъ она говоритъ сама съ собой:

«Вотъ ужь и лѣто проходитъ, и сентябрь на дворѣ, а ты сиди въ четырехъ стѣнахъ, какъ монашенка какая нибудь, и къ окну не подходи. Куда какъ антиресно!»

Дѣйствительно, жизнь дѣвушки не очень интересна: въ домѣ властвуетъ самодуръ и мошенникъ Пузатовъ, братъ Марьи Антиповны; а когда его нѣтъ, такъ подглядываетъ за своею дочерью и за молодой женой сына — ворчливая старуха, мать Пузатова, богомольная, добродушная и готовая за грошъ продать человѣка. Съ этими людьми нѣтъ ни отрады, ни покоя, ни раздолья для молодыхъ женщинъ; онѣ должны умереть съ тоски и съ огорченія на безпрестанное ворчанье старухи да на капризы хозяина. Поневолѣ начинаютъ они изыскивать для себя тайныя развлеченія и, разумѣется, находятъ. Вотъ что говоритъ Марья Антиповна тотчасъ послѣ жалобы на судьбу свою:

«Что жь, пожалуй, не пускайте, запирайте на замокъ! тиранствуйте! А мы съ сестрицей отпросимся ко всенощной въ монастырь, разодѣнемся, а сами въ паркъ отличимся, либо въ Сокольники. *Надо какъ нибудь на хитрости подыматься....*»

Вотъ вамъ первый образчикъ этой невольной, ненужной хитрости. Какъ сложилось въ Марьѣ Антиповнѣ такое разсужденіе, отъ какихъ частныхъ случайностей стала развиваться наклонность къ хитрости,—что намъ за дѣло!... Мы знаемъ *общую* причину такого настроенія, указанную намъ очень ясно самимъ же Островскимъ, и видимъ, что Марья Антиповна составляетъ не исключительное, а самое обыкновенное, почти всегдашнее явленіе въ этомъ родѣ. Болѣе намъ ничего и не нужно для объясненія ея ранней испорченности. Но Островскій вводитъ насъ въ самую глубину этого семейства, заставляетъ присутствовать при самыхъ интимныхъ сценахъ, и мы не только понимаемъ, мы скорбно чувствуемъ сердцемъ, — что тутъ не можетъ быть иныхъ отношеній, какъ основанныхъ на обманѣ и хитрости съ одной стороны, при дикомъ и безсовѣстномъ деспотизмѣ съ другой. Сцены Марьи Антиповны съ Матреной Савишной, женой Пузатова, и ихъ обѣихъ съ кухаркой — объясняютъ всю гнусность разврата, на которомъ все держится въ этомъ домѣ. Матрена Савишна объясняетъ Машѣ, что ненужно пріучать офицеровъ подъ окнами ѣздить, потому, что слава дурная пойдетъ, и послѣ не развяжешься. Между тѣмъ у нихъ ужь послана кухарка къ какимъ-то молодцамъ, которые зовутъ ихъ въ Останкино и просятъ захватить бутылку мадеры. Разумѣется, и это дѣлается втихомолку и съ трепетомъ, потому что, хоть Пузатова и нѣтъ дома, но мать его за всѣмъ подсматриваетъ и всему мѣшаетъ. Еще только увидавши въ окно возвращающуюся Дарью, Машенька пугливо восклицаетъ: «ахъ, сестрица, какъ бы она маменькѣ не попалась!» И Дарья дѣйствительно попалась; но она сама тоже непромахъ, — умѣла отвертѣться: «за шолкомъ, говоритъ, въ лавочку бѣгала.» Надсмотрщицу провели на этотъ разъ. Но вотъ, среди разговора молодыхъ женщинъ съ кухаркой, раздается маленькій шумъ за сценой; кухарка пугливо прислушивается и говоритъ: «никакъ, матушка, *самъ* пріѣхалъ....» И дѣйствительно, еще изъ передней раздается голосъ Пузатова: «жена! а, жена! Матрена Савишна!...» Жена подходитъ къ дверямъ и спрашиваетъ: «что такое?» Мужъ отвѣчаетъ: «здравствуй! А ты думала, Богъ знаетъ что!...» Этотъ приступъ даетъ уже вамъ мѣрку супружескихъ отношеній Антипа Антипыча и Матрены Савишны. Ясно, что жена для него въ родѣ резинковой куколки, которою забавляются дѣти: то ноги ей вытянутъ, то голову сплющатъ или растянутъ, и смотрятъ, какой изъ этого *видъ* будетъ. Ни малѣйшаго сознанія ея

человѣческихъ правъ и ни малѣйшей мысли объ уваженіи ея нравственной личности — никогда и не бывало у Пузатова. Его отношенія къ ней ограничиваются животными побужденіями и потѣхой своего самодурства. Онъ говоритъ, что жена его, «какъ разрядится, такъ лучше всякой барыни, — вальяжнѣй, ей-богу! Вѣдь тѣ все мелочь; съ позволенія сказать, взглянуть не на что нашему брату. А она у меня таки-тово.... То есть я — на счетъ тѣлеснаго сложенія.... Ну, и все такое....» И свои обязанности къ женѣ, для пріобрѣтенія любви ея, онъ ограничиваетъ тѣмъ же. Вотъ его отзывъ: «чтобъ она меня, молодца такого, да промѣняла на кого нибудь,—красавца-то этакого!...» А въ чемъ его красота? Вотъ его собственное опредѣленіе: «то ли дѣло купецъ хорошій, гладкій да румяный, — вотъ, какъ я. Ужь и любить-то есть кого, не то что стракулистъ чахлый».... Впрочемъ, въ этомъ онъ, можетъ быть, и правъ: не даромъ же у насъ рисуются каррикатуры пышныхъ камелій во фракахъ, господъ, живущихъ на счетъ чужихъ женъ!.. И если Матрена Савишна потихоньку отъ мужа ѣздитъ къ молодымъ людямъ въ Останкино, такъ это, конечно, означаетъ частію то, что ея развитіе направилось нѣсколько въ другую сторону, частію же и то, что ей ужь очень тошно приходится отъ самодурства мужа. А самодурство это вотъ какъ напр. выражается. Антипъ Антипычъ, въ ожиданіи чая, сидитъ и смотритъ по угламъ, наконецъ отпускаетъ, отъ нечего дѣлать, слѣдующую штуку.

Антипъ Антипычъ *(грозно)*. Жена! Поди сюда!

Матрена Савишна. Что еще?

Антипъ Антипычъ. Поди сюда, говорятъ тебѣ *(ударяетъ кулакомъ по столу)*.

Матрена Савишна. Да что ты, очумѣлъ, что ли?

Антипъ Антипычъ. Что я съ тобой сдѣлаю *(стучитъ по столу)*.

Матрена Савишна. Да что съ тобой? *(робко)* Антипъ Антипычъ!...

Антипъ Антипычъ. А? испугалась! *(смѣется)*. Нѣтъ, Матрена Савишна, это я такъ — шутки шучу *(вздыхаетъ)*. Что же чайку-то-съ?

Видите, это онъ со скуки такія *шутки шутитъ!* Ему скучно стало чаю дожидаться.... Понятно, какія чувства можетъ питать къ такому мужу самая невзыскательная жена.

Но Антипъ Антипычъ—еще прогрессивный и гуманный человѣкъ въ сравненіи съ своей матушкой. Онъ считаетъ удобнымъ побить жену только во хмѣлю, да и то не совсѣмъ одобряетъ. Выдавая сестру за Ширялова, онъ спрашиваетъ: «ты вѣдь во хмѣлю смирный? не дерешься?» А матушка его, Степанида Трофимовна, такъ и этого не признаетъ: она бранитъ сына, зачѣмъ онъ жену въ страхѣ не

держитъ. «Мой покойникъ,—говоритъ,—какъ меня ни любилъ, какъ ни голубилъ, а въ спальнѣ на гвоздикѣ плетка висѣла про всякій случай.» У сына ея нѣтъ плетки, и это она считаетъ уже за упадокъ нравственности.... Но жена и безъ плетки видитъ необходимость лицемѣрить передъ мужемъ: она съ притворной нѣжностью цалуетъ его, ласкается къ нему, отпрашивается у него и у матушки къ вечернѣ да ко всенощной, хотя и сама обнаруживаетъ нѣкоторую претензію на самодурство и говоритъ, что «не родился тотъ человѣкъ на свѣтъ, чтобы ее молчать заставилъ.» Обманъ и притворство полноправно господствуютъ въ этомъ домѣ и представляютъ намъ какъ будто какую-то особенную религію, которую можно назвать *религіею лицемѣрства.*

Отставши отъ жены, Пузатовъ переходитъ къ сестрѣ и начинаетъ сватать ей жениховъ. При этомъ дѣлаются опять разные скромные намеки на счетъ тѣлеснаго сложенія, отъ которыхъ не менѣе скромная дѣвушка убѣгаетъ изъ комнаты. Затѣмъ начинается о судьбѣ ея интимный совѣтъ между матерью и сыномъ. Мать предлагаетъ въ женихи Ширялова, котораго рекомендуетъ такъ: «онъ хоть и старенькій, и вдовый, да денегъ-то, Антипушка, больно много — куры не клюютъ. Ну, да и человѣкъ-то степенный, набожный, примѣрный купецъ, въ уваженіи.» Сынъ отвѣчаетъ на это лаконически: «только, матушка, *ужь больно плутъ.*» Подумаешь, что Пузатовъ уважаетъ честность и не любитъ мошенничества. Ничуть не бывало. У него есть свои особенныя понятія, по которымъ плутовать слѣдуетъ, но только до какихъ-то предѣловъ, хотя, впрочемъ, онъ и самъ хорошенько не знаетъ, до какихъ именно.... А такъ, покажется ему, что этотъ человѣкъ еще *не больно плутъ*, а вотъ этотъ такъ ужь *больно плутъ*. И если ужь больно плутъ, такъ у него какъ будто и совѣсть зазритъ. А впрочемъ послѣдствій особенныхъ и это чувство не имѣетъ. Вотъ что говорятъ мать и сынъ относительно своихъ нравственныхъ понятій. На замѣчаніе сына о плутовствѣ Ширялова, Степанида Трофимовна отвѣчаетъ:

«Ахъ, батюшки мои! Да чѣмъ же онъ плутъ, скажи пожалуйста! *Каждый праздникъ онъ въ церковь ходитъ, да придетъ-то раньше всѣхъ; посты держитъ*; *великимъ постомъ и чаю не пьетъ съ сахаромъ*, — все съ медомъ, либо съ изюмомъ. Такъ-то, голубчикъ! не то, что ты.... *А если и обманетъ кого, такъ что за бѣда! Не онъ первый, не онъ послѣдній; человѣкъ коммерческій: тѣмъ, Антипушко, и торговля-то держится*. Не помимо пословица-то говорится: «не обмануть — не продать.»

Антипъ Антипычъ. Что говорить! *Отчего не надуть пріятеля, коли рука подойдетъ*. Ничего. Можно. Да ужь, матушка, вѣдь *иногда и*

[illegible] [illegible] (чешетъ затылокъ). Право слово. *И смертный часъ вспомнишь.* (Молчаніе). *Я* и самъ, гдѣ трафится, не хуже его кого-то подведу. *Да вѣдь я и скажу потомъ:* вотъ, молъ, я тебя такъ и такъ, помазалъ маленько. Вотъ въ прошломъ году, Савву Саввича, при разсчетѣ, рубликовъ на пятьсотъ поддѣлъ. Да вѣдь я послѣ сказалъ ему: вотъ, молъ, Савва Сиввичъ, промигалъ ты полтысячки, да ужь теперь, братъ, поздно, говорю; *а ты, молъ, не зѣвай. Посердился немножко, да и опять пріятели.* Что за важность.»

Вы видите, что Пузатовъ не считаетъ свои мошенничества дурнымъ дѣломъ, не считаетъ даже обманомъ, а просто — ловкой, умной штукой, которой даже похвалиться можно. И тѣ, кого онъ обдуваетъ, держатся того же мнѣнія: Савва Савичъ посердился на то, что допустилъ оплести себя, но потомъ, когда оскорбленное самолюбіе угомонилось, онъ опять сталъ пріятелемъ съ Антипомъ Антипычемъ. Обманъ тутъ—явленіе нормальное, необходимое, какъ убійство на войнѣ. Бытъ этого темнаго царства такъ ужь сложился, что вѣчная вражда господствуетъ между его обитателями. Тутъ всѣ въ войнѣ: жена съ мужемъ—за его самовольство, мужъ съ женою—за ея непослушаніе или неугожденіе; родители съ дѣтьми за то, что дѣти хотятъ жить своимъ умомъ, дѣти съ родителями за то, что имъ не даютъ жить своимъ умомъ; хозяева съ прикащиками, начальники съ подчиненными — воюютъ за то, что одни хотятъ все подавить своимъ самодурствомъ, а другіе не находятъ простора для самыхъ законныхъ своихъ стремленій; дѣловые люди воюютъ изъ-за того, чтобы другой не перебилъ у нихъ барышей ихъ дѣятельности, всегда разсчитанной на эксплуатацію другихъ; праздные шатуны бьются, чтобы не ускользнули отъ нихъ тѣ люди, трудами которыхъ они задаромъ кормятся, щеголяютъ и богатѣютъ. И всѣ эти люди воюютъ общими силами противъ людей честныхъ, которые могутъ открыть глаза угнетеннымъ труженикамъ и научить ихъ громко и настоятельно предъявить свои права. Вслѣдствіе такого порядка дѣлъ, всѣ находятся въ осадномъ положеніи, всѣ хлопочутъ о томъ, какъ бы только спасти себя отъ опасности и обмануть бдительность врага. На всѣхъ лицахъ написанъ испугъ и недовѣрчивость; естественный ходъ мышленія измѣняется, и на мѣсто здравыхъ понятій вступаютъ особенныя, условныя соображенія, отличающіяся скотскимъ характеромъ и совершенно противныя человѣческой природѣ. Извѣстно, что логика войны совершенно отлична отъ логики здраваго смысла. Военная хитрость восхваляется, какъ доказательство ума, направленнаго на истребленіе своихъ ближнихъ; убійство превозносится, какъ лучшая доблесть человѣка; удачный грабежъ,—отнятіе лагеря, отбитіе обоза и пр.,—возвышаетъ человѣка въ глазахъ

его согражданъ. А между тѣмъ во всѣхъ законодательствахъ есть наказанія — и за обманъ, и за грабежъ, и за убійство. Мало того, во всѣхъ законодательствахъ признаются смягчающія обстоятельства, и иногда самое убійство извиняется, если побудительныя причины его были слишкомъ неотразимы. А между тѣмъ какія смягчающія обстоятельства имѣются, напримѣръ, для венгерца или славянина, идущаго на войну противъ итальянцевъ для того, чтобы Австрія могла попрежнему угнетать ихъ? Какою страшною казнію нужно бы казнить каждаго венгерскаго и славянскаго офицера или солдата за каждый выстрѣлъ, сдѣланный имъ по французскимъ и сардинскимъ полкамъ! Но такова сила повальнаго ослѣпленія, неизбѣжно заражающаго людей въ извѣстныхъ положеніяхъ; — что за убійства и грабежи на войнѣ не только не казнятъ никого, но еще восхваляютъ и награждаютъ! Точно въ такомъ безумномъ ослѣпленіи находятся всѣ жители темнаго царства, возстающаго передъ нами изъ комедій Островскаго. Они въ постоянной войнѣ со всѣмъ окружающимъ, и потому не требуйте и не ждите отъ нихъ раціональныхъ соображеній, доступныхъ человѣку въ спокойномъ и мирномъ состояніи. Пузатовъ дѣлаетъ такой военный силлогизмъ: «если я тебя не разобью, такъ ты меня разобьешь; такъ лучше же я тебя разобью». И что же сказать противъ такого силлогизма? И не раждается ли онъ самъ собою у всякаго человѣка, поставленнаго въ затруднительное положеніе выбирать между побѣдою и пораженіемъ? Нечего и удивляться, что, разсказывая о томъ, какъ не додалъ денегъ нѣмцу, представившему счетъ изъ магазина, Пузатовъ разсуждаетъ такъ: «а то всѣ ему и отдать? да за что это? Нѣтъ, ужъ опосля честь будетъ. *Они тамъ ломятъ цѣну, какую хотятъ, а намъ съ дуру-то и вѣрятъ. И въ другой разъ тоже сдѣлаю, коли векселя не возьметъ*». Вы видите, что здѣсь идетъ самая обыкновенная игра: кто лучше играетъ, тотъ и остается въ выигрышѣ.

Но Пузатовъ самъ не любитъ собственно обмана, обмана безъ нужды, безъ надежды на выгоду; не любитъ между прочимъ и потому, что въ такомъ обманѣ выражается не солидный умъ, занятый существенными интересами, а простое легкомысліе, лишенное всякой основательности. Ширялова же, у котораго плутовство переходитъ всякія границы, онъ не одобряетъ больше потому, что ужъ тотъ ни войны, ни мира не разбираетъ, — то во время перемирія стрѣлять начнетъ, то даже по своимъ ударитъ. «Это, — говоритъ Пузатовъ: — словно жидъ какой: отца роднаго обманетъ. Право. Такъ вотъ въ глаза и смотритъ всякому. А вѣдь святошей прикидывается.» Впрочемъ и неодобреніе Пузатова нельзя въ этомъ случаѣ принимать серьёзно: въ самую минуту его брани на Ширялова, купецъ этотъ

является къ Антипу Антипычу въ гости. Антипъ Антипычъ не только очень любезно принимаетъ его, не только внимательно слушаетъ его разсказы о кутежѣ сына-Сеньки, вынуждающемъ старика самого жениться, и о собственныхъ плутовскихъ штукахъ Ширялова, но въ заключеніе еще сватаетъ за него сестру свою, и тутъ же, безъ согласія и безъ вѣдома Марьи Антиповны, окончательно слаживаетъ дѣло. Что его побудило къ этому? Отвѣтъ высказывается въ нѣсколькихъ словахъ, произносимыхъ имъ по уходѣ Ширялова. «Экой воръ мужикъ-то, самъ съ собой разсуждаетъ Ширяловъ, подмигивая глазомъ. — Тонкая бестія! Вѣдь какимъ лазаремъ прикинется! Вишь ты, Сенька виноватъ!... А ужь что, братъ, толковать: просто на старости блажь пришла.... Чтò жь, мы съ нашимъ удовольствіемъ! Ничего, можно-съ!... *Только, Парамонъ Ферапонтычъ, насчетъ приданаго-то кто кого обманетъ, — дѣло темное-съ. Мы тоже съ матушкой на свою руку охулки не положимъ....»* Дѣло, стало быть, очень просто: представилась возможность *выгодно* сбыть сестру; какъ же не воспользоваться случаемъ? Для сестры же тутъ доброе дѣло выходитъ: все-таки будетъ пристроена!...

Таковы люди, таковы людскія отношенія, представляющіяся намъ въ «Семейной Картинѣ», первомъ по времени произведеніи Островскаго. Въ немъ уже находятся задатки многаго, что полнѣе и ярче раскрылось въ послѣдующихъ комедіяхъ. По крайней мѣрѣ видно, что уже и въ это время авторъ былъ пораженъ тѣмъ непріязненнымъ и мрачнымъ характеромъ, какимъ у насъ большею частію отличаются отношенія самыхъ близкихъ между собою людей. Здѣсь же намѣчены отчасти и причины этой мрачности и враждебности: безсмысленное самодурство однихъ и робкая уклончивость, бездѣятельность другихъ. Тутъ же чрезвычайно ярко и рельефно выставлены и послѣдствія такого неестественнаго порядка вещей — всеобщій обманъ и мошенничество, и въ семейныхъ, и въ общественныхъ дѣлахъ.

Въ «Своихъ Людяхъ» мы видимъ опять туже религію лицемѣрства и мошенничества, тоже безсмысліе и самодурство однихъ и туже обманчивую покорность рабскую хитрость другихъ, но только въ большемъ развѣтвленіи. Здѣсь намъ представляется нѣсколько степеней угнетенія, указывается нѣкоторая система въ распредѣленіи самодурства, дается очеркъ его исторіи. Самый главный самодуръ, деспотъ всѣхъ къ нему близкихъ, не знающій себѣ никакого *удержу*, есть Самсонъ Силычъ Большовъ. И какой же страхъ онъ внушаетъ всему дому! Аграфена Кондратьевна, жена его, грозитъ своей взрослой дочери, что «отцу пожалуется»; а та отвѣчаетъ: «васъ на то Богъ и создалъ, чтобы жаловаться; сами-то вы не очень для меня значи-

тельны». На вторичную угрозу, она огрызается еще рѣзче: «только и ладитъ, что отца да отца; бойки вы при немъ разговаривать-то, а попробуйте-ко сами!» Видно, что Самсонъ Силычъ и для жены и для дочери представляется чѣмъ-то въ родѣ пугалы, и онѣ обѣ, хотя и стращаютъ имъ другъ друга, но составляютъ противъ него глухую, затаенную, само собою образовавшуюся оппозицію. Аграфена Кондратьевна, по своей крайней недальности, не можетъ сама привести въ ясность своихъ чувствъ, и только охами да вздохами выражаетъ, что ей тяжело. Но Липочка очень безцеремонно говоритъ: «у маменьки семь пятницъ на недѣлѣ; тятенька — какъ не пьянъ, такъ молчитъ, а какъ пьянъ, такъ прибьетъ, того и гляди.... Каково это терпѣть образованной барышнѣ!» Служащіе въ домѣ всѣ насквозь пропитаны тѣми же мрачно-робкими чувствами: мальчикъ Тишка жалуется на вытрепки, получаемыя имъ отъ хозяина; кухарка Ѳоминишна имѣетъ слѣдующій разговоръ съ Устиньей Наумовной, свахой, пріискивающей жениха Липочкѣ, дочери Большова.

Устинья Наумовна. Садись, Ѳоминишна, — ноги-то старыя, ломаныя.

Ѳоминишна. И, мать! некогда. Вѣдь какой грѣхъ-то: самъ-то что-то изъ городу не ѣдетъ, всѣ подъ страхомъ ходимъ; того и гляди, пьяный пріѣдетъ. А ужь какой благой-то, Господи! Зародится же вѣдь этакій озорникъ!

Устинья Наумовна. Извѣстное дѣло: съ богатымъ мужикомъ, что съ чортомъ, нескоро сообразишь.

Ѳоминишна. Ужь мы отъ него страсти-то видѣли. Вотъ на прошлой недѣлѣ ночью пьяный пріѣхалъ: раззоевался такъ, что на-поди. Страсти, да и только! Посуду колотитъ.... «У! — говоритъ, — такія вы и этакія, убью сразу».

И дѣйствительно, Самсонъ Силычъ держитъ всѣхъ, можно сказать, въ страхѣ Божіемъ. Когда онъ показывается, всѣ смотрятъ ему въ глаза, и съ трепетомъ стараются угадать, — что, каковъ онъ. Вотъ небольшая сцена, изъ которой видно, какой трепетъ отъ него распространяется по всему дому. Въ комнату вбѣгаетъ Ѳоминишна и кричитъ:

Ѳоминишна. Самсонъ Силычъ пріѣхалъ, да никакъ хмѣльной!...

Тишка. Фю! попались!

Ѳоминишна. Бѣги, Тишка, за Лазаремъ; голубчикъ, бѣги скорѣй!...

Аграфена Кондратьевна *(показывается на лѣстницѣ)*. Что, Ѳоминишна, матушка, куда онъ идетъ-то?

Ѳоминишна. Да никакъ, матушка, сюда! Охъ, запру и двери-то, ей-богу запру; пускай его къ верху идетъ, а ужь ты, голубушка, здѣсь посиди.

И къ довершенію всего, оказывается вѣдь, что Самсонъ Силычъ вовсе и не пьянъ; это такъ только показалось Ѳоминишнѣ. Но замѣчательно, какъ смѣшиваетъ всѣ понятія, уничтожаетъ всѣ различія этотъ, надъ всѣми безъ разбора тяготѣющій, деспотизмъ: мать, дочь, кухарка, хозяйка, мальчишка-слуга, прикащикъ — все это въ трудную минуту сливается въ одно — въ угнетенную партію, заботящуюся о своей защитѣ. Ѳоминишна, которая въ другое время бьетъ Тишку и помыкаетъ имъ, упрашиваетъ его и называетъ голубчикомъ; Аграфена Кондратьевна съ жалобнымъ видомъ обращается къ своей кухаркѣ съ вопросомъ: «что, Ѳоминишна, матушка».... Ѳоминишна смотритъ на нее съ состраданіемъ и готовится оказать ей покровительство запоромъ дверей.... Только прикащикъ Лазарь Подхалюзинъ, связанный какимъ-то темнымъ, неусловленнымъ союзомъ съ своимъ хозяиномъ, и готовящійся самъ быть маленькимъ деспотомъ, стоитъ нѣсколько въ сторонѣ отъ этого страха, раздѣляемаго всякимъ, кто вступаетъ въ домъ Большова. Въ Подхалюзинѣ намъ является другая низшая инстанція самодурства, подавленнаго до сихъ поръ подъ тяжелымъ гнетомъ, но уже начинающаго поднимать свою голову.... Разсуждая съ Подхалюзинымъ, сваха говоритъ ему: «вѣдь ты самъ знаешь, каково у насъ чадочко Самсонъ-то Силычъ; вѣдь онъ, неровенъ часъ, и чепчикъ помнетъ». А Подхалюзинъ самоувѣренно отвѣчаетъ: «ничего не помнетъ-съ». Въ отвѣтѣ Тишкѣ, который грозитъ пожаловаться хозяину на подзатыльники Лазаря, онъ еще рѣшительнѣе. «Хозяину скажу! Что мнѣ твой хозяинъ! Я, коли на то пошло....» начинаетъ онъ, но не договариваетъ. Видно, что и онъ таки не забылъ еще, каково чадочко Самсонъ Силычъ. Впрочемъ и Подхалюзинъ такъ куражится уже тогда, когда въ его рукахъ вся механика, подведенная Большовымъ для объявленія себя банкротомъ. Онъ чувствуетъ себя въ положеніи человѣка, успѣвшаго толкнуть своего тюремщика за ту дверь, изъ-за которой самъ успѣлъ выскочить. Но у тюремщика остались ключи отъ воротъ острога: надо ихъ еще вытребовать, и потому Подхалюзинъ, чувствуя себя уже не въ тюрьмѣ, но зная, что онъ еще и не совсѣмъ на свободѣ, безпрестанно переходитъ отъ самодовольной радости къ безпокойству и мѣшаетъ наглость съ раболѣпствомъ. Онъ уже получилъ домъ и лавки Большова; нужно ему окончательно овладѣть имѣніемъ старика, да еще и жениться на его дочери, которая пришлась ему очень по нраву. Успѣхъ своихъ надеждъ Подхалюзинъ основываетъ именно на самодурствѣ Большова. Не употребляя долгихъ исканій и не дѣлая особенно злостныхъ плановъ, онъ только подбиваетъ сваху отговорить прежняго жениха Липочки, изъ благород-

ныхъ, а самъ подделывается къ Большову раболѣпнымъ тономъ и выраженіемъ своего участія къ нему. Предварительныя соображенія его очень нехитры. Онъ говоритъ самъ себѣ: «а знавши-то характеръ Самсона Силыча, каковъ онъ есть, это и очень можетъ случиться. У нихъ такое заведеніе: коли имъ что попало въ голову, ужъ ничѣмъ не выбьешь оттедова. Все равно, какъ въ четвертомъ году захотѣли бороду обрить: сколько ни просили Аграфена Кондратьевна, сколько ни плакали, — нѣтъ, говоритъ, послѣ опять отпущу, а теперь поставлю на своемъ: взяли да и обрили. Такъ вотъ и это дѣло: потрафь я по нихъ, или такъ взойди имъ въ голову — завтра же подъ вѣнецъ, и баста, и разговаривать не смѣй». Ясно, что тутъ весь разсчетъ очень немногосложенъ; весь онъ бьетъ на деспотическій характеръ Большова. Тутъ, разумѣется, хитрости особенной и не можетъ быть, потому что и всякому дураку законъ не писанъ, а самодуру — и подавно, слѣдовательно съ нимъ ничего *не сообразишь*, по выраженію Устиньи Наумовны. Подхалюзинъ такъ и знаетъ, что онъ идетъ на авось. «Потрафь, говоритъ, — я по нихъ, *или такъ взойди имъ въ голову*», — оба шанса равно вѣроятны и равно невѣроятны. А что касается до *потрафленья*, такъ тутъ опять немного нужно соображенья: ври о своей покорности, благодарности, о счастіи служить такому человѣку, о своемъ ничтожествѣ передъ нимъ, — больше ничего и не нужно для того, чтобы ублажить глупаго мужика деспотическаго характера. Изъ всѣхъ родовъ житейской дипломатики — это самый низшій, это не болѣе, какъ разсчетъ перваго слѣдующаго хода въ шахматной игрѣ. Большовъ поддается на эту нехитрую штуку, потому что своевольныя привычки давно уже отняли въ немъ всякую сообразительность, лишили всякой возможности смотрѣть на вещи прямо и здраво. Себя самого онъ ставитъ единственнымъ закономъ и средоточіемъ всего, до чего только достигаетъ его дѣятельность. Въ своемъ семействѣ это онъ выражаетъ съ цинической грубостью. О дочери онъ говоритъ: «мое дѣтище: хочу — съ кашей ѣмъ, хочу — масло пахтаю». Оттого и выдача ея, противъ воли, замужъ за Подхалюзина представляется ему не болѣе, какъ занимательнымъ опытомъ. «А вотъ ты заходи-ко ужо къ невѣстѣ, говоритъ онъ Лазарю: — мы надъ ними *шутку подшутимъ*». Шутка эта состоитъ въ томъ, что онъ внезапно объявляетъ женѣ и дочери, что Лазарь — женихъ Липочки. Всѣ растерялись: и мать, и сваха, и Ѳоминишна, и сама невѣста, которая, впрочемъ, какъ *образованная*, нашла въ себѣ силы выразить рѣшительное сопротивленіе и закричать: «не хочу, не хочу, не пойду я за такого противнаго»! Разумѣется, изъ этого сопротивленія ничего не можетъ выдти: Самсона Силыча не уломаешь. А тутъ еще Подха-

Липочки подмигиваетъ ему, коварно говоря: «видно, тятенька, не бывать-съ по вашему желанію.» Этихъ словъ достаточно, чтобы Большовъ насильно соединилъ руки жениха и невѣсты и возразилъ такимъ манеромъ: «какъ же не бывать, коли я того хочу? *На что же я и отецъ, коли не приказывать?* Даромъ, что ли, я ее кормилъ?» Какъ видите, Большовъ изъ отцовскихъ обязанностей признаетъ только одну: давать приказанія дѣтямъ. А что онъ кормилъ дочь, такъ это ужь благодѣяніе, за которое она должна ему отплатить полнымъ отреченіемъ отъ своей воли. Точно таковъ же онъ и во всей своей дѣятельности. Онъ самъ замѣчаетъ, напримѣръ, что Подхалюзинъ мошенникъ; но ему до этого дѣла нѣтъ, потому что Подхалюзинъ его прикащикъ и объ его пользѣ старается. Безъ малѣйшей застѣнчивости онъ упрекаетъ его въ неблагодарности, указывая на такіе факты: «вспомни то, Лазарь, сколько разъ я замѣчалъ, что ты на руку нечистъ! чтожь? Я вѣдь не прогналъ тебя, не ославилъ на весь городъ. Я тебя сдѣлалъ главнымъ прикащикомъ, тебѣ я все свое состояніе отдалъ, да тебѣ же, Лазарь, я отдалъ и дочь-то своими руками.» И все это въ той надеждѣ, что Лазарь будетъ славно мошенничать и наживать деньги отъ всѣхъ, кромѣ, разумѣется самого Большова. Тоже самое и съ Рисположенскимъ, пьяницей приказнымъ, занимающимся кляузами и дѣлающимъ кое-что по дѣламъ Большова: Самсонъ Силычъ подсмѣивается надъ тѣмъ, какъ его изъ суда выгнали, и очень сурово рѣшаетъ, что его надобно бы въ Камчатку сослать. На вопросъ Рисположенскаго: «за что же въ Камчатку?» Большовъ отрѣзываетъ: «За что! За безобразіе! Такъ неужели жь вамъ потакать?» Но такой строгій взглядъ на дѣятельность выгнаннаго изъ службы чиновника нисколько не мѣшаетъ Самсону Силычу требовать его услугъ въ дѣлѣ замышленнаго имъ злостнаго банкротства. Большовъ какъ будто считаетъ себя совершенно внѣ тѣхъ нравственныхъ правилъ, которыя признаетъ обязательными для другихъ. Это странное явленіе (столь частое однако же въ нашемъ обществѣ) происходитъ оттого, что Большовъ не понимаетъ истинныхъ началъ общественнаго союза, не признаетъ круговой поруки правъ и обязанностей человѣка въ отношеніи къ другимъ, и, подобно Пузатову, смотритъ на общество, какъ на вражескій станъ. «Мнѣ бы самому какъ нибудь получше устроиться; а тамъ кто оттого пострадаетъ, или прибыль получитъ, мнѣ до этого дѣла нѣтъ; коли пострадаетъ, такъ самъ виноватъ: оплошалъ, стало быть.» На такихъ соображеніяхъ держатся всѣ думы Большова, такими соображеніями былъ онъ подвигнутъ и на то, чтобы объявить себя несостоятельнымъ. Островскаго упрекали въ томъ, что онъ не довольно полно и ясно выра-

зилъ въ своей комедіи, какимъ образомъ, вслѣдствіе какихъ особенныхъ вліяній, въ какой послѣдовательности и въ въ какомъ соотвѣтствіи съ общими чертами характера Большова, явилось въ немъ намѣреніе объявить себя банкротомъ. «Злостное банкротство, говорили критики, есть такое преступленіе, которое ужаснѣе простаго обмана, воровства и убійства. Оно соединяетъ въ себѣ эти три рода преступленій; но оно еще ужаснѣе потому, что совершается обдуманно, подготовляется очень долго, требуетъ много коварнаго терпѣнія и самаго нахальнаго присутствія духа. Рѣшиться на такое преступленіе можетъ человѣкъ только при ложныхъ *убѣжденіяхъ*, или вслѣдствіе какихъ нибудь особенно-неблагопріятныхъ нравственныхъ вліяній. У Островскаго не только ничего этого не показано, но даже выставлено банкротство Большова просто какъ прихоть, состоящая въ томъ, что ему *нехочется* платить денегъ.» Всѣ подобныя соображенія, будучи вполнѣ вѣрны въ теоретическомъ отношеніи, оказываются однако же совершенно неприложимыми къ русской жизни. Въ томъ-то и дѣло, что наша жизнь вовсе не способствуетъ выработкѣ какихъ нибудь убѣжденій, а если у кого они и заведутся, то не даетъ примѣнять ихъ. Одно только убѣжденіе процвѣтаетъ въ нашемъ обществѣ,—это убѣжденіе въ томъ, что не нужно имѣть (или по крайней мѣрѣ обнаруживать) нравственныхъ убѣжденій. Но такое-то убѣжденіе и у Самсона Силыча есть, хотя оно и не совершенно ясно въ его сознаніи: вслѣдствіе этого-то убѣжденія онъ и ласкаетъ Лазаря, и ведетъ дѣло съ Рисположенскимъ, и рѣшается на объявленіе себя несостоятельнымъ. Вообще надобно сказать, что только съ помощью этого убѣжденія и поддерживается нѣкоторая жизнь въ нашемъ «темномъ царствѣ:» черезъ него здѣсь и карьеры дѣлаются, и выгодныя партіи составляются, и капиталы наживаются, и общее уваженіе пріобрѣтается. Не будь развито это единственное *убѣжденіе* въ «темномъ царствѣ», въ немъ все бы остановилось, заснуло и замерло. Конечно, и люди съ *твердыми* нравственными принципами, съ *честными* и *святыми* убѣжденіями тоже есть въ этомъ царствѣ; но, къ сожалѣнію, это все люди обломовскаго типа. Они и убѣжденія-то свои пріобрѣли не въ практической дѣятельности, не въ борьбѣ съ житейской неправдой, а въ чтеніи хорошихъ книжекъ, горячихъ разговорахъ съ друзьями, въ восторженныхъ клятвахъ предъ женщинами да въ благородныхъ мечтаніяхъ на своемъ диванѣ. Удалось людямъ не быть втянутыми съ малолѣтства въ практическую дѣятельность, — и осталось имъ много свободнаго времени на обдумыванье своихъ отношеній къ міру и нравственныхъ началъ для своихъ поступковъ! Стоя въ сторонѣ отъ практической сферы, доду-

мались они до прекрасныхъ вещей; но за то такъ и остались негодными для настоящаго дѣла, и оказались совершенно ничтожными, когда пришлось имъ столкнуться кое съ чѣмъ и кое съ кѣмъ въ «темномъ царствѣ». Сначала ихъ было и побаивались, когда они являлись съ лорнетомъ Онѣгина, въ мрачномъ плащѣ Печорина, съ восторженной рѣчью Рудина; но потомъ поняли, что это все Обломовы, и что если они могутъ быть страшны для нѣкоторыхъ барышенъ, то во всякомъ случаѣ для практическихъ дѣятелей никакъ не могутъ быть опасны. Такъ они и остались внѣ жизни, эти люди честныхъ стремленій и самостоятельныхъ убѣжденій, (не рѣдко впрочемъ на дѣлѣ измѣнявшіе имъ, вслѣдствіе своей непрактичности). И если нельзя сказать, чтобъ они остались чисты, какъ голуби, въ своихъ столкновеніяхъ съ окружавшими ихъ хищными птицами, то по крайней мѣрѣ можно сказать утвердительно, что они оказались безсильны, какъ голуби. Что же касается до тѣхъ изъ обитателей «темнаго царства», которые имѣли силу и привычку къ дѣлу, такъ они всѣ съ самаго перваго шага вступали на такую дорожку, которая никакъ ужъ не могла привести къ чистымъ нравственнымъ убѣжденіямъ. Работающему человѣку никогда здѣсь не было мирной, свободной и общеполезной дѣятельности; едва успѣвши осмотрѣться, онъ уже чувствовалъ, что очутился какимъ-то образомъ въ непріятельскомъ станѣ и долженъ, для спасенія своего существованія, какъ нибудь надуть своихъ враговъ, прикинувшись хоть добровольнымъ переметчикомъ А тамъ начинаются хитрости, какъ бы обмануть бдительность непріятелей и спастись отъ нихъ; а ежели и это удается, придумываются непріязненныя дѣйствія противъ нихъ, частію въ отмщеніе частію же для огражденія себя отъ новой опасности. Гдѣ же тутъ развиться правильнымъ понятіямъ объ отношеніяхъ людей другъ ко другу? Гдѣ тутъ воспитаться уваженію человѣческаго достоинства? Здѣсь всѣ въ отвѣтѣ за какую-то чужую несправедливость, всѣ дѣлаютъ мнѣ пакости за то, въ чемъ я вовсе не виноватъ, и отъ всѣхъ я долженъ отбиваться, даже вовсе не имѣя желанія побить кого нибудь. Поневолѣ человѣкъ дѣлается неразборчивъ и начинаетъ бить, кого попало, не теряя даже сознанія, что въ сущности-то никого бы не слѣдовало бить. Невольно повторишь опять сравненіе жизни «темнаго царства» съ ожесточенною войною. На войнѣ вѣдь не бѣда, если солдатъ убьетъ такого непріятеля, который ни одного выстрѣла не послалъ въ нашъ станъ: онъ подвернулся подъ пулю, — и довольно. Солдата-убійцу не будетъ совѣсть мучить. Такъ точно, что за бѣда, если купецъ обманулъ честнѣйшаго человѣка, который никому въ жизни ни малѣйшаго зла не сдѣлалъ? Довольно того, что онъ покупаетъ то-

вѣръ; и торговля все равно, что война: не обманешь — не продашь. Приложите тоже самое къ помѣщику, къ чиновнику «темнаго царства», къ кому хотите, — выйдетъ все тоже: всѣ въ военномъ положеніи, и никого совѣсть не мучитъ за обманъ и присвоеніе чужаго; оттого именно, что ни у кого нѣтъ нравственныхъ убѣжденій, а всѣ живутъ сообразно съ обстоятельствами.

Такимъ образомъ мы находимъ глубоко-вѣрную, характеристически-русскую черту въ томъ, что Большовъ въ своемъ злостномъ банкротствѣ не слѣдуетъ никакимъ особеннымъ *убѣжденіямъ* и не испытываетъ *глубокой душевной борьбы*, кромѣ страха, какъ бы не попасться подъ уголовный... Намъ въ отвлеченіи кажутся всѣ преступленія чѣмъ-то слишкомъ ужаснымъ и необычайнымъ; но въ частныхъ случаяхъ они большею частію совершаются очень легко и объясняются чрезвычайно просто. По уголовному суду человѣкъ оказался и грабителемъ, и убійцею; кажется, долженъ бы быть извергъ естества. А посмотришь, — онъ вовсе не извергъ, а человѣкъ очень обыкновенный и даже добродушный. И никакихъ у него убѣжденій нѣтъ о похвальности грабежа и убійства; и преступленія свои совершилъ онъ безъ тяжкой и продолжительной борьбы съ самимъ собой, а просто такъ, случайно, самъ хорошенько не сознавалъ, что онъ дѣлалъ. Поговорите съ людьми, видавшими много преступниковъ, они вамъ подтвердятъ, что это сплошь да рядомъ такъ бываетъ. Отчего происходитъ такое явленіе? Оттого, что всякое преступленіе есть не слѣдствіе натуры человѣка, а слѣдствіе ненормальнаго отношенія, въ какое онъ поставленъ къ обществу. И чѣмъ эта ненормальность сильнѣе, тѣмъ чаще совершаются преступленія даже натурами порядочными, тѣмъ менѣе обдуманности и систематичности и болѣе случайности, почти безсознательности въ преступленіи. Въ «темномъ царствѣ», разсматриваемомъ нами, ненормальность общественныхъ отношеній доходитъ до высшихъ своихъ предѣловъ, и потому очень понятно, что его обитатели теряютъ рѣшительно всякій смыслъ въ нравственныхъ вопросахъ. Въ преступленіи они понимаютъ только внѣшнюю, юридическую его сторону, которую справедливо презираютъ, если могутъ какъ нибудь обойти. Внутренняя же сторона, послѣдствія совершаемаго преступленія для другихъ людей и для общества — вовсе имъ не представляются. Замышляя злостное банкротство, Большовъ и не думаетъ о томъ, что можетъ повредить благосостоянію заимодавцевъ, можетъ быть пустить нѣсколько человѣкъ по міру. Это ему не приходитъ въ голову даже и тогда, какъ ужь его въ яму посадили. Онъ толкуетъ, что ему страшно на Иверскую взглянуть, проходя мимо Иверскихъ воротъ, жалуется, что на него мальчишки пальцами по-

называютъ, боится, что въ Сибирь его сошлютъ; но о людяхъ, разоренныхъ имъ,—ни слова. Мудрено ли же, что онъ такъ легко рѣшается на преступленіе, котораго существеннѣйшая-то мерзость ему и непонятна! Онъ видитъ только, что *«другіе же дѣлаютъ.»* И это для него не оправдательная фраза, не примѣръ только, какъ утверждалъ одинъ строгій критикъ Островскаго. Нѣтъ, тутъ исходная точка, изъ которой выводится вся мораль Большова. Онъ видитъ, что другіе банкрутятся, зажиливаютъ его деньги, а потомъ строютъ себѣ на нихъ дома съ бельведерами да заводятъ удивительные экипажи: у него сейчасъ и прилагается здѣсь общее соображеніе: «чтобы меня не обыграли, такъ я долженъ стараться другихъ обыграть.» И ужь тутъ нужды нѣтъ, что кредиторы Большова не банкрутились и не дѣлали ему подрыва: все равно, съ кого бы ни пришлось, только бы сорвать свою выгоду. Тутъ, какъ и въ сраженіи, разбирать личности нечего. Вотъ кабы никто не обманывалъ, т. е. кабы войны не было, тогда и Самсонъ Силычъ жилъ бы мирно и честно, никого не надувалъ. А то какъ же ему-то вести себя, когда всѣ кругомъ мошенничаютъ? И кому какая будетъ польза отъ его честности? Не онъ, такъ другіе надуютъ, все единственно. Вотъ разговоръ Большова съ Подхалюзинымъ на этотъ счетъ.

Большовъ. Вотъ ты бы, Лазарь, когда на досугѣ баланцъ для меня сдѣлалъ, учелъ бы розничную по панской-то части, ну, и остальное, что тамъ еще. А то торгуемъ, торгуемъ, братецъ, а пользы ни на грошъ. Али сидѣльцы, что ли, грѣшатъ, таскаютъ роднымъ да любовницамъ; ихъ бы маленечко усовѣщивать. Что такъ, безъ барыша-то небо коптить? Аль сноровки не знаютъ? Пора бы, кажется.

Подхалюзинъ. Какъ же это можно, Самсонъ Силычъ, чтобы сноровки не знать? Кажется, самъ завсегда въ городѣ бываешь и завсегда толкуешь имъ-съ.

Большовъ. Да что же ты толкуешь-то?

Подхалюзинъ. Извѣстное дѣло-съ; стараюсь, чтобы все было въ порядкѣ и какъ слѣдуетъ-съ. Вы, говорю, ребята, не зѣвайте: видишь, чуть дѣло подходящее, покупатель что ли, тумань навернулся, али цвѣтъ съ узоромъ какой фасонистый понравился,—взялъ, говорю, да и накинулъ рубль али два на аршинъ.

Большовъ. *Чай, братецъ, знаешь, какъ нѣмцы въ магазинахъ нашихъ баръ обираютъ. Положимъ, что мы—не нѣмцы, а христіане православные, да тоже пироги-то съ начинкой ѣдимъ.* Такъ—ли, а?

Подхалюзинъ. Дѣло понятное-съ. И мѣрять-то, говорю, надо тоже поестественнѣе: тяни да потягивай, только-чтобъ, Боже сохрани, какъ не лопнуло; вѣдь не намъ, говорю, послѣ носить. Ну, а *зазѣваются, такъ не кто виноватъ*,—можно, говорю, и просто черезъ руку лишній аршинъ махнуть.

Большовъ. *Все единственно: вѣдь портной украдетъ же.* Эхъ, Лазарь, плохи нынче барыши: не прежніе времена.

Ясное дѣло : вся мораль Самсона Силыча основана на правилѣ: чѣмъ другимъ красть, такъ лучше я украду. Правило это, можетъ быть, не имѣетъ драматическаго интереса, — это ужь какъ тамъ угодно критикамъ; но оно имѣетъ чрезвычайно обширное приложеніе во многихъ сферахъ нашей жизни. По этому правилу иной беретъ взятку и кривитъ душой, думая: все равно,—не я, такъ другой возьметъ и тоже рѣшитъ криво. Другой держитъ свои помѣщичьи права, разсчитывая: все равно, — вѣдь если не мой управляющій, то окружной станетъ стѣснять моихъ крестьянъ. Иной подличаетъ передъ начальникомъ, соображая: все равно,—вѣдь если не меня, такъ онъ другаго найдетъ для себя, а я только мѣста лишусь. Словомъ — куда не обернитесь, вездѣ вы встрѣтите людей, дѣйствующихъ по этому правилу: тотъ принимаетъ у себя негодяя, другой обираетъ богатаго простяка, третій сочиняетъ доносъ, четвертый соблазняетъ дѣвушку, — все на основаніи того же милаго соображенія: *«не я, такъ другой.»* Кажется, ясно, что здѣсь такое соображеніе совсѣмъ не имѣетъ значенія примѣра... Оно есть не что иное, какъ выраженіе самаго грубаго и отвратительнаго эгоизма, при совершенномъ отсутствіи какихъ нибудь высшихъ нравственныхъ началъ.

Слѣдуя внушеніямъ этого эгоизма, и Большовъ задумываетъ свое банкротство. И его эгоизмъ еще имѣетъ для себя извиненіе въ этомъ случаѣ: онъ не только видѣлъ, какъ другіе наживаются банкротствомъ, но и самъ потерпѣлъ нѣкоторое разстройство въ дѣлахъ именно отъ несостоятельности многихъ должниковъ своихъ. Онъ съ горечью говоритъ объ этомъ Подхалюзину :

«Вотъ ты и знай, Лазарь, какова торговля-то! Ты думаешь что! Такъ вотъ даромъ и бери деньги. Какъ не деньги, скажетъ, — видалъ, какъ лягушки прыгаютъ. На-ко, говоритъ, вексель. А по векселю-то съ иного что возьмешь, коли съ него взять-то нечего! У меня такихъ-то векселей тысячъ на сто, и съ процентами; только и дѣло, что каждый годъ подкладывай. Хошь, за полцену серебра все отдамъ! Должниковъ-то по нимъ, чай, и съ собаками не сыщешь: которые повымерли, а которые поразбѣжались,—некого и въ яму посадить. А и посадишь-то, Лазарь, такъ самъ не радъ: другой такъ обдержится, что его оттедова куревомъ не выкуришь. Мнѣ, говоритъ, и здѣсь хорошо, а ты проваливай.»

Огражденный такими разсужденіями, Большовъ считаетъ себя совершенно вправѣ съиграть съ кредиторами маленькую штуку.

Сначала въ немъ является только неопредѣленное желаніе — увернуться какъ нибудь отъ платежа денегъ, — ихъ же пришлось много платить въ одно время. Онъ придумываетъ только, «какую бы тутъ механику подсмолить;» но этого ни онъ самъ, ни его совѣтникъ Рисположенскій — не знаютъ еще хорошенько. На вопросъ Большова Рисположенскій отвѣчаетъ: «а тамъ, глядя по обстоятельствамъ.» Но тутъ же они придумываютъ — заставить кредиторовъ пойдти на сдѣлку, — предложить всѣмъ 25 коп. за рубль, если же кто заартачится, такъ прибавить, а то, пожалуй, и всѣ заплатить. Большовъ говоритъ: «это точно, — поторговаться не мѣшаетъ: не возьмутъ по двадцати-пяти, такъ полтину возьмутъ; а если полтины не возьмутъ, такъ за семь гривенъ обѣими руками ухватятся. Все-таки барышъ. Тамъ что хошь говори, а у меня дочь невѣста, хоть сейчасъ изъ полы въ полу да съ двора долой. Да и самому-то, братецъ ты мой, отдохнуть пора: прохлаждались бы мы, лежа на боку, и торговлю всю эту къ черту.» Вы видите, что рѣшеніе Большова очень добродушно и вовсе не обнаруживаетъ сильной злодѣйской натуры: онъ хочетъ кое-что, по силѣ возможности, вытянуть изъ кредиторовъ, въ тѣхъ видахъ, что у него дочь невѣста да и самому ему покой нуженъ. Что же тутъ особенно ужаснаго, отъ чего бы Большовъ долженъ былъ необычайное волненіе душевное испытывать? Онъ смотритъ на свой новый замыселъ, какъ на одинъ изъ тѣхъ оборотовъ, которыхъ немало довелось ему совершить на своемъ вѣку и которые для него находятся рѣшительно въ порядкѣ вещей. Его одно только и смущаетъ нѣсколько — то, что ему, пожалуй, не удастся чистенько обдѣлать свою операцію. Этого онъ отчасти труситъ, и потому все хочетъ устроить съ кредиторами сдѣлку, заплативши имъ по двадцати-пяти копѣекъ. Но Подхалюзинъ говоритъ ему: «а ужь по мнѣ, Самсонъ Силычъ, коли платить по двадцати-пяти, такъ пристойнѣе совсѣмъ не платить», и Большовъ, — безъ всякихъ возраженій, очень легко соглашается. «А что, говоритъ онъ: — оно и правда, *храбростью-то никого не удивишь, а лучше тихимъ-то манеромъ дѣльце обдѣлать. Тамъ послѣ суди Владыко на второмъ пришествіи.* Хлопотъ-то только куча.» И ни слова, ни намека на безнравственность задуманнаго дѣла въ отношеніи къ заимодавцамъ Большова. Только о «судѣ Владычнемъ» вспоминаетъ онъ; но и это такъ больше, для формы; «второе пришествіе» играетъ здѣсь роль не болѣе той, какую даетъ Большовъ и «милосердію Божію», въ извѣстной фразѣ своей: «Бонапартъ Бонапартомъ, а мы пуще всего надѣемся на милосердіе Божіе, *да и не о томъ теперь рѣчь*». Именно — не о томъ теперь рѣчь: Большова занимаетъ не судъ на второмъ пришествіи, а предстоящія хлопоты по дѣлу. Хлопоты эти очень

существенное совсѣмъ вовсе не въ его натурѣ. Надуть равнодушно, хотя бы и самымъ безсовѣстнымъ образомъ, — это ему ничего; но думать, соображать, подготовлять обманъ долгое время, *подводить всю эту механику* — на такую хроническую безсовѣстность его не станетъ, и не станетъ вовсе не потому, чтобы въ немъ мало было безсовѣстности и лукавства, — то и другое находится въ немъ съ избыткомъ, — а просто потому, что онъ не привыкъ серьёзно думать о чемъ нибудь. Онъ самъ это сознаетъ и въ горькую минуту даже высказываетъ Подхалюзину: «то-то вотъ и бѣда, что нашъ братъ, купецъ, дуракъ, — ничего онъ не понимаетъ, а такимъ піявкамъ, какъ ты, это и на руку». Можно сказать даже, что и все самодурство Большова происходитъ отъ непривычки къ самобытной и сознательной дѣятельности, къ которой, однакожъ, онъ имѣетъ стремленіе, при несомнѣнной силѣ природной сметливости. Мы не видимъ изъ комедіи, какъ росъ и воспитывался Большовъ, какія вліянія на него дѣйствовали смолоду; но для насъ ясно, что онъ воспитывался подъ вліяніями тоже неблагопріятными для здороваго, самостоятельнаго развитія. Въ его дѣйствіяхъ постоянно проглядываетъ отсутствіе *своего ума*; видно, что онъ не привыкъ самъ разумно себя возбуждать къ дѣятельности и давать себѣ отчетъ въ своихъ поступкахъ. А между тѣмъ его теперешнее положеніе, да и самая натура его, не сломившаяся окончательно подъ гнётомъ, а сохранившая въ себѣ духъ противорѣчія, требуетъ теперь самобытности, которая и выражается въ упрямствѣ и произволѣ. Извѣстно, что упрямство есть признакъ безхарактерности, точно такъ и самодурство есть вѣрное доказательство внутренняго безсилія и холопства. Самодуръ все силится *доказать*, что ему никто не указъ, и что онъ, что захочетъ, то и сдѣлаетъ; между тѣмъ, человѣкъ дѣйствительно независимый и сильный душою никогда не захочетъ этого доказывать: онъ употребляетъ силу своего характера только тамъ, гдѣ это нужно, не растрачивая ее, въ видѣ опыта, на нелѣпыя затѣи. Большовъ съ услажденіемъ все повторяетъ, что онъ воленъ дѣлать, что хочетъ, и никто ему не указъ; какъ будто онъ самъ все еще не рѣшается вѣрить этому. Видно, что его, можетъ быть, отъ природы и не слабую личность, сильно подавляли въ свое время и отняли-таки у него значительную долю природной силы души. Оттого и вышедши на свою волю, онъ не умѣетъ управлять собою. Онъ самодурствуетъ и кажется страшенъ, но это только потому, что ни съ какой стороны ему нѣтъ отпора; борьбы онъ не выдержитъ... Эта черта очень ясно представлена Островскимъ въ другой его комедіи, и потому мы еще возвратимся къ ней. Но она замѣтна и въ Большовѣ, который, даже рѣшаясь на такой шагъ, какъ

злостное банкротство, не только старается свалить съ себя хлопоты, но просто самъ не знаетъ, что онъ дѣлаетъ, отступается отъ своей выгоды и даже отказывается отъ своей воли въ этомъ дѣлѣ, сваливая все на судьбу... Подхалюзинъ и Рисположенскій, сговорившись между собою, подстраиваютъ такъ, что вмѣсто сдѣлки съ кредиторами, Большовъ рѣшается на объявленіе себя несостоятельнымъ. Но Подхалюзинъ для виду отговариваетъ его отъ такого поступка. Что же отвѣчаетъ Большовъ? Онъ входитъ въ азартъ и говоритъ: «чтожъ, деньги заплатить? Да съ чего же ты это взялъ? Да я *лучше все огнемъ сожгу, а ужъ имъ ни копѣйки не дамъ*. Перевози товаръ, продавай векселя; *пусть тащутъ, воруютъ, кто хочетъ*, а ужъ я имъ не плательщикъ». Подхалюзинъ сожалѣетъ, что «заведеніе у насъ было превосходное, а теперь все должно въ разстройство придти»; а Большовъ кричитъ: «а тебѣ что за дѣло? не твое было... Ты старайся только, — отъ меня забытъ не будешь». Что обуяло его? Подумаешь, что это взрывъ сильной натуры, что ужъ это такая непреклонная воля... Но во первыхъ, что же возбудило въ немъ такую рѣшимость, противную его собственной выгодѣ, и почему воля его выражается только въ крикахъ съ Подхалюзинымъ, а не въ дѣятельномъ участіи въ хлопотахъ? Во вторыхъ, — самъ Большовъ вскорѣ отказывается отъ своей воли. Когда Подхалюзинъ толкуетъ ему, что можетъ случиться «грѣхъ какой», что пожалуй и имѣніе оттянутъ и его самого по судамъ затаскаютъ, Большовъ отвѣчаетъ: «чтожъ дѣлать-то, братецъ: ужъ, знать, такая воля Божія, противъ ея не пойдешь.» Подхалюзинъ отвѣчаетъ: «Это точно-съ, Самсонъ Силычъ»; но въ сущности оно не «точно», а очень нелѣпо. Большовъ не только хочетъ свалить съ себя всякую нравственную отвѣтственность, но даже старается не думать о томъ, что затѣваетъ. Принятое рѣшеніе засѣло въ его головѣ крѣпко, но какъ-то не связалось ни съ чѣмъ въ его мысляхъ и понятіяхъ и осталось для него чуждымъ и мертвымъ. Онъ даже старается увѣрить, что это не онъ собственно рѣшилъ, а что «такова ужъ воля Божія: противъ ея не пойдешь.» Эта черта чрезвычайно распространенная въ нашемъ обществѣ, и у Островскаго она подмѣчена весьма тонко и вѣрно. Она одна говоритъ намъ очень многое и рисуетъ характеръ Большова лучше, чѣмъ могли бы обрисовать его нѣсколько длинныхъ монологовъ. Эта темнота разумѣнія, отвращеніе отъ мышленія, безсиліе воли предъ всякимъ рискованнымъ шагомъ, порождающія этотъ тупоумный, отчаянный фатализмъ и самодурство, противное даже личной выгодѣ, все это чрезвычайно рельефно выдается въ Большовѣ, и очень легко объясняетъ отдачу имъ имѣнія своему прикащику и зятю Подхалюзину, — поступокъ, въ которомъ иные

критики хотѣли видѣть непонятный порывъ великодушія и подражаніе королю Лиру. Въ поступкѣ Большова дѣйствительно есть внѣшнее сходство съ поступкомъ Лира, но именно настолько, насколько можетъ комическое явленіе походить на трагическое. Лиръ представляется намъ также жертвой уродливаго развитія; поступокъ его, полный гордаго сознанія, что онъ *самъ, самъ по себѣ* великъ, а не по власти, которую держитъ въ своихъ рукахъ, поступокъ этотъ тоже служитъ къ наказанію его надменнаго деспотизма. Но если мы вздумаемъ сравнивать Лира съ Большовымъ, то найдемъ, что одинъ изъ нихъ съ ногъ до головы король британскій, а другой—русскій купецъ; въ одномъ все грандіозно и роскошно, въ другомъ все хило, мелко, все разсчитано на мѣдныя деньги. Въ Лирѣ дѣйствительно сильная натура, и общее раболѣпство предъ нимъ только развиваетъ ее одностороннимъ образомъ — не на великія дѣла любви и общей пользы, а единственно на удовлетвореніе собственныхъ, личныхъ прихотей. Это совершенно понятно въ человѣкѣ, который привыкъ считать себя источникомъ всякой радости и горя, началомъ и концомъ всякой жизни въ его царствѣ. Тутъ при внѣшнемъ просторѣ дѣйствій, при легкости исполненія всѣхъ желаній, не въ чемъ высказываться его душевной силѣ. Но вотъ его самообожаніе выходитъ изъ всякихъ предѣловъ здраваго смысла: онъ переноситъ прямо на свою личность весь тотъ блескъ, все то уваженіе, которымъ пользовался за свой санъ; онъ рѣшается сбросить съ себя власть, увѣренный, что и послѣ того люди не перестанутъ трепетать его. Это безумное убѣжденіе заставляетъ его отдать свое царство дочерямъ и чрезъ то изъ своего, варварски-безсмысленнаго положенія перейти въ простое званіе обыкновеннаго человѣка, и испытать всѣ горести, соединенныя съ человѣческою жизнію. Тутъ-то, въ борьбѣ, начинающейся вслѣдъ за тѣмъ, и раскрываются всѣ лучшія стороны его души; тутъ-то мы видимъ, что онъ доступенъ и великодушію, и нѣжности, и состраданію о несчастныхъ, и самой гуманной справедливости. Сила его характера выражается не только въ проклятіяхъ дочерямъ, но и въ сознаніи своей вины предъ Корделіею, и въ сожалѣніи о своемъ крутомъ нравѣ, и въ раскаяніи, что онъ такъ мало думалъ о несчастныхъ бѣднякахъ, такъ мало любилъ истинную честность. Оттого-то Лиръ и имѣетъ такое глубокое значеніе. Смотря на него, мы сначала чувствуемъ ненависть къ этому безпутному деспоту; но слѣдя за развитіемъ драмы, все болѣе примиряемся съ нимъ, какъ съ человѣкомъ, и оканчиваемъ тѣмъ, что исполняемся негодованіемъ и жгучею злобой уже *не къ нему*, а *за него* и за цѣлый міръ—къ тому дикому, нечеловѣческому положенію, которое можетъ доводить до

такого безпутства даже людей подобныхъ Лиру. Не знаемъ, какъ на другихъ, но по крайней мѣрѣ на насъ «Король Лиръ» постоянно производилъ такое впечатлѣніе.

Въ одной изъ критикъ увѣряли, что и Островскій хотѣлъ своего Большова возвысить до подобнаго же трагизма, и собственно для этого вывелъ Самсона Силыча изъ ямы, въ четвертомъ актѣ, и заставилъ его упрашивать дочь и зятя объ уплатѣ за него 25 копѣекъ кредиторамъ. Такое сужденіе обнаруживаетъ полное непониманіе, не только Шекспира и Островскаго, но и вообще нравственнаго свойства драматическихъ положеній. По нашему мнѣнію, въ послѣднемъ актѣ Большовъ нисколько не возвышается въ глазахъ читателя и нисколько не теряетъ своего комическаго характера. Въ послѣднихъ сценахъ есть трагическій элементъ, но онъ участвуетъ здѣсь чисто внѣшнимъ образомъ, такъ какъ есть онъ напр. и въ появленіи жандарма въ «Ревизорѣ»... Но въ чемъ же здѣсь выразился тотъ внутренній трагизмъ, который заставилъ бы страдать за Большова и примирилъ бы съ его личностію? Гдѣ слѣды той душевной борьбы, которая бы очистила и просвѣтлила, заросшую тиной самодурства, натуру Большова? Нѣтъ этихъ слѣдовъ, да и не съ тѣмъ писана комедія, чтобы указать ихъ; послѣдній актъ ея мы считаемъ только послѣднимъ мастерскимъ штрихомъ, окончательно рисующимъ для насъ натуру Большова, которая была остановлена въ своемъ естественномъ ростѣ враждебными, подавляющими обстоятельствами, и осталась равно безсильною и ничтожною, какъ при обстоятельствахъ, благопріятствовавшихъ широкой и самобытной дѣятельности, такъ и въ напасти, опять ее скрутившей. Для насъ и въ послѣднемъ актѣ Большовъ не перестаетъ быть комиченъ: ни одного свѣтлаго луча не проникло въ эту темную душу послѣ переворота, навлеченнаго имъ самимъ на себя. Онъ нимало не сознаетъ гадости своего поступка, онъ не мучится внутреннимъ стыдомъ; его терзаетъ только стыдъ внѣшній: кредиторы таскаютъ его по судамъ, и мальчишки на него показываютъ пальцами. «Каково сидѣть-то въ ямѣ, (говоритъ онъ), каково по улицѣ-то идти съ солдатомъ! Вѣдь меня сорокъ лѣтъ въ городѣ-то всѣ знаютъ, сорокъ лѣтъ всѣ въ поясъ кланялись, а теперь мальчишки пальцами показываютъ.» Вотъ что у него на первомъ планѣ; а на второмъ является въ его мысляхъ Иверская; но и то не надолго: воспоминаніе о ней тотчасъ смѣняется у него опасеніемъ, чтобы въ Сибирь не угодить. Вотъ его слова: «а тамъ мимо Иверской: какъ мнѣ взглянуть на нее, матушку? Знаешь, Лазарь: Іуда, вѣдь онъ тоже Христа за деньги продалъ, какъ мы совѣсть за деньги продаемъ... *А что ему за это было?... Вѣдь я злостный, умышленный... Вѣдь меня въ Сибирь сошлютъ. Господи! Коли*

такъ не дадите денегъ, дайте Христа ради! (плачетъ). — Жаль, что «Своихъ Людей» не даютъ на театрѣ: талантливый актеръ могъ бы съ поразительной силой выставить весь комизмъ этого самодурнаго смѣшенія Иверской съ Іудою, ссылки въ Сибирь съ христарадничествомъ.... Комизмъ этой тирады возвышается еще болѣе предыдущимъ и дальнѣйшимъ разговоромъ, въ которомъ Подхалюзинъ равнодушно и ласково отказывается платить за Большова болѣе десяти копѣекъ, а Большовъ — то попрекаетъ его неблагодарностью, то грозитъ ему Сибирью, напоминая, что имъ обоимъ одинъ конецъ, то спрашиваетъ его и дочь, есть ли въ нихъ христіанство, то выражаетъ досаду на себѣ за то, что опростоволосился, и приводитъ пословицу: сама себя раба бьетъ, коль не чисто жнетъ, — то наконецъ дѣлаетъ юродивое обращеніе къ дочери: «ну, вотъ вы теперь будете богаты, заживете побарски; по гуляньямъ—это, по баламъ, — дьявола тѣшить! А не забудьте вы, Алимпіада Самсоновна, что есть клѣтки съ желѣзными рѣшетками, сидятъ тамъ бѣдные-заключенные... Не забудьте насъ, бѣдныхъ-заключенныхъ». По нашему мнѣнію, вся эта сцена очень близко подходитъ къ той сценѣ въ «Ревизорѣ», гдѣ городничій ругаетъ купцовъ, что они не помнятъ, какъ онъ имъ плутовать помогалъ. Только у Островскаго комическія черты проведены здѣсь нѣсколько тоньше, и притомъ надо сознаться, что внутренній комизмъ личности Большова нѣсколько замаскировывается въ послѣднемъ актѣ несчастнымъ его положеніемъ, изъ-за котораго проницательные критики и навязали Островскому такія идеи и цѣли, какихъ онъ, вѣроятно, никогда и во снѣ не видѣлъ. Хороши должны быть нравственныя понятія критика, который полагаетъ, что Большовъ въ послѣднемъ актѣ выведенъ авторомъ для того, чтобы привлечь къ нему *сочувствіе* зрителей... По нашему мнѣнію, Большовъ къ концу пьесы оказывается пошлѣе и ничтожнѣе, нежели во все ея продолженіе. Мы видимъ, что даже несчастіе и заключеніе въ тюрьму нимало не образумило его, не пробудило человѣческихъ чувствъ и справедливо заключаемъ, что видно онѣ ужь навѣкъ въ немъ замерли, что такъ имъ ужь и спать сномъ непробуднымъ. Онъ и теперь говоритъ, что 25 копѣекъ отдать кредиторамъ — много, да что ужь дѣлать-то, когда меньше не берутъ. «Потомятъ года полтора въ ямѣ-то, да каждую недѣлю будутъ съ солдатомъ по улицамъ водить, а еще, того гляди, въ острогъ перемѣстятъ, такъ радъ будешь и полтину дать». Не явно ли здѣсь комическое безсиліе этой натуры, не могущей ни рѣшиться на смѣлый шагъ, ни воздержаться отъ продолжительной борьбы? Не явно ли и нравственное ничтожество этого человѣка, у котораго ни разу во всей пьесѣ не проявлялось чувство законности и сознанія

долга? Мало этого: въ его грубой душѣ замерли даже чувства отца и мужа; это мы видѣли и въ первыхъ актахъ пьесы, видимъ и въ последнемъ. Горе жены нимало не трогаетъ его, а возмутительная грубость дочери не оскорбляетъ отцовскаго чувства. Олимпіада Самсоновна говоритъ ему: «я у васъ, тятенька, до двадцати лѣтъ жила, — свѣту не видала; что же, мнѣ прикажете отдать вамъ деньги, а самой опять въ ситцевыхъ платьяхъ ходить?» Большовъ не находитъ ничего лучшаго сказать на это, какъ только попрекнуть дочь и зятя невольнымъ благодѣяніемъ, которое онъ имъ сдѣлалъ, передавши въ ихъ руки свое имѣніе: «вѣдь я, говоритъ, — у васъ не милостыню прошу, а свое же добро». Неужели и это отношеніе отца къ дочери не комично? А мораль, которую выводитъ для себя Большовъ изъ всей своей исторіи, — высшій пунктъ, до котораго могъ онъ подняться въ своемъ нравственномъ развитіи: «не гонись за большимъ, будь доволенъ тѣмъ, что есть; а за большимъ погонишься, и послѣднее отнимутъ!» Какую степень нравственнаго достоинства указываютъ намъ эти слова! Человѣкъ, потерпѣвшій отъ собственнаго злостнаго банкротства, не находитъ въ этомъ обстоятельствѣ другаго нравственнаго урока; кромѣ сентенціи, что «не нужно гнаться за большимъ, чтобы своего не потерять!» И черезъ минуту къ этой сентенціи онъ прибавляетъ сожалѣніе, что не умѣлъ ловко обдѣлать дѣльце, — приводитъ пословицу: «сама себя раба бьетъ, коль не чисто жнетъ». Какъ сильно выражается въ этомъ рѣшительная безсмысленность и нравственное ничтожество этой натуры, которая въ началѣ пьесы могла еще кому нибудь показаться сильною, судя по тому страху, какой она внушаетъ всѣмъ окружающимъ!... И нашлись критики, рѣшившіе, что послѣдній актъ «Своихъ Людей» долженъ возбудить въ зрителяхъ сочувствіе къ Большову! *)

(*) Рѣшаемся привести еще выписку изъ курьезной статьи г. Н. П. Некрасова изъ Москвы, помѣщенной въ *послѣднемъ* № Атенея и отчасти объясняющей собою недолговѣчность этого ученаго журнала. «Спрашивается: къ чему было Большову, попавшему за свой обманъ въ тюрьму, являться опять на сцену? Неужели авторъ хотѣлъ возбудить сочувствіе къ нему, показывая, какъ въ дѣйствительности бываетъ стыдно купцу сидѣть въ ямѣ? Но вѣдь всякій имѣетъ полное право спросить: *чѣмъ же Большовъ заслужилъ сочувствіе?*... Къ чему же вся эта *плаксивая* четвертая сцена въ послѣднемъ дѣйствіи? Вѣроятно къ тому, чтобы показать почтеннѣйшей публикѣ: «смотрите, дескать, какъ не подобаетъ купцу обманывать: пожалуй, самого обмануть еще хуже.» Какая прекрасная мысль, какъ великъ ея нравственный принципъ»!...

Критикъ, очевидно, не далеко ушелъ отъ самого Самсона Силыча въ пониманіи нравственныхъ принциповъ, и потому приведенныя нами выше слова Большова: «не гонись за большимъ, чтобъ послѣдняго не потерять», — принимаетъ за основную идею всей пьесы. Смѣшавъ такимъ образомъ понятія Большова съ

Но что же въ самомъ дѣлѣ даетъ намъ это лицо комедіи? Неужели смыслъ его ограничивается тѣмъ, что «вотъ, дескать, посмотрите; какіе бываютъ плохіе люди?» Нѣтъ, этого было бы слишкомъ мало для главнаго лица серьёзной комедіи, слишкомъ мало для таланта такого писателя, какъ Островскій. Нравственный смыслъ впечатлѣнія, какое выносишь изъ внимательнаго разсмотрѣнія характера Большова, гораздо глубже. Мы уже имѣли случай замѣтить, что одна изъ отличительныхъ чертъ таланта Островскаго состоитъ въ умѣньи заглянуть въ самую глубь души человѣка и подмѣтить не только образъ его мыслей и поведенія, но самый процессъ его мышленія, самое зарожденіе его желаній. Это самое умѣнье видимъ мы и въ обработкѣ характера Большова, и находимъ, что результатомъ психическихъ наблюденій автора оказалось чрезвычайно-гуманное воззрѣніе на самыя, повидимому, мрачныя явленія жизни и глубокое чувство уваженія къ нравственному достоинству человѣческой натуры, — чувство, которое сообщаетъ онъ и своимъ читателямъ. Въ Большовѣ, этомъ *злостномъ* банкротѣ, мы не видимъ ничего злостнаго, чудовищнаго, ничего такого, за что его слѣдовало бы считать извергомъ. Авторъ сводитъ насъ съ офиціальной, юридической точки зрѣнія и вводитъ въ самую сущность совершающагося факта, заставляетъ безчестный замыселъ создаваться и рости предъ нашими глазами. И что же мы видимъ въ исторіи этого замысла, столь ужаснаго въ юридическомъ смыслѣ? Ни тѣни сатанинской злобы, ни признака іезуитскаго коварства! Все такъ просто, добродушно, глупо! Самсонъ Силычъ—вовсе не порожденіе ада, а просто грубое жи-

---

идеями самого автора пьесы, критикъ начинаетъ читать слѣдующее наставленіе Островскому: «чувствуетъ ли авторъ, какъ опасно подчинять искусство дѣйствительности? Замѣчаетъ ли онъ, какъ ничтожна нравственная сторона его произведенія? Неужели истинно-художественное произведеніе можетъ быть основано на такомъ житейскомъ правилѣ: «не обманывай, чтобы не быть обманутымъ,» или — «не рой другому яму, — самъ въ нее попадешь,» или еще ближе къ нашей комедіи; — «не обманывай, потому что обманъ не всегда удается.» Въ чемъ же спасено здѣсь нравственное достоинство человѣка? Осмѣянъ ли по крайней мѣрѣ обманъ, какъ пошлая сторона природы человѣческой? Нѣтъ... Комедія не говоритъ, насколько обманъ (въ какомъ бы образѣ онъ ни проявлялся) противенъ нравственной природѣ человѣка, а говоритъ только, что купцы, несмотря на недостатки нашихъ законовъ о долгахъ, иногда попадаются въ своемъ обманѣ, и ихъ за это сажаютъ въ тюрьму и потомъ отсылаютъ въ Сибирь. Да, нельзя не согласиться, — такъ дѣйствительно бываетъ. Чтожъ за необходимость повторять это на сценѣ?»... И непосредственно за напечатанымъ вопросомъ критикъ побѣдоносно восклицаетъ: «такъ примѣнилъ г. Островскій выбранное имъ дѣйствіе къ идеѣ произведенія!.»

Мы полагаемъ, что теперь, по прекращеніи «Атенея», г. «Н. П. Некрасовъ изъ Москвы» могъ бы съ успѣхомъ писать въ «Орлѣ» г. Балашевича.

вотное, въ которомъ смолоду заглушены всѣ симпатическія стороны натуры и не развиты никакія нравственныя понятія. Въ его характерѣ нѣтъ того, что называютъ личной инниціативой или свободнымъ возбужденіемъ себя къ дѣятельности; онъ живетъ такъ, какъ живется, не разсчитывая и не загадывая много. Самодурствуетъ онъ потому, что встрѣчаетъ въ окружающихъ не твердый отпоръ, а постоянную покорность; надуваетъ и притѣсняетъ другихъ потому, что чувствуетъ только, какъ это *ему* удобно, но не въ состояніи почувствовать, какъ тяжело это *имъ*; на банкротство рѣшается онъ опять потому, что не имѣетъ ни малѣйшаго представленія объ общественномъ значеніи такого поступка. Самый законъ является для него не представителемъ высшей правды, а только внѣшнимъ препятствіемъ, камнемъ, который нужно убрать съ дороги. Самая совѣсть является у него не во внутреннемъ голосѣ, а въ насмѣшкахъ прохожихъ, во взглядѣ на Иверскую, въ опасеніи ссылки въ Сибирь. Короче,—въ Большовѣ вы видите ясно, что его преступная, безобразная дѣятельность происходитъ именно оттого, что въ немъ не воспитанъ человѣкъ. Онъ гадокъ для насъ именно тѣмъ, что въ немъ видно почти полное отсутствіе человѣческихъ элементовъ; и въ тоже время онъ пошлъ и смѣшонъ искаженіемъ и тѣхъ зачатковъ человѣчности, какіе были въ его натурѣ. Но эта самая гадость и пошлость, представленная слѣдствіемъ неразвитости натуры, указываетъ намъ необходимость правильнаго, свободнаго развитія и возстановляетъ предъ нами достоинство человѣческой природы, убѣждая насъ, что низости и преступленія не лежатъ въ природѣ человѣка и не могутъ быть удѣломъ естественнаго развитія.

Достиженію этого же результата прекрасно содѣйствуетъ все развитіе пьесы и всѣ остальныя лица, группирующіяся около Большова. Во всей пьесѣ нѣтъ никакихъ особенныхъ махинацій, нѣтъ искусственнаго развитія дѣйствія, въ угоду схоластическимъ теоріямъ и въ ущербъ дѣйствительной простотѣ и жизненности характеровъ. Всѣ лица дѣйствуютъ въ своемъ смыслѣ добросовѣстно и ни одинъ не впадаетъ въ тонъ мелодрамнаго героя. Достиженію постыдной цѣли не служатъ здѣсь лучшія способности ума и благороднѣйшія силы души въ своемъ высшемъ развитіи; напротивъ, вся пьеса ясно показываетъ, что именно недостатокъ этого развитія и доводитъ людей до такихъ мерзостей. Во всѣхъ лицахъ замѣтно одно человѣческое стремленіе—высвободиться изъ самодурнаго гнета, подъ которымъ всѣ выросли и живутъ. Большовъ внѣшнимъ образомъ избавился отъ него; но слѣды воспитанія, стѣсняющаго мысль и волю, остались и въ немъ на всю жизнь и сдѣлали его безсмысленнымъ деспотомъ. И до того заразителенъ этотъ нелѣпый порядокъ

жизни «темнаго царства», что каждая, самая придавленная личность, какъ только освободится хоть немножко отъ чужаго гнета, такъ и начинаетъ сама стремиться угнетать другихъ. Эти дикія отношенія проведены очень искусно по всей комедіи Островскаго; вотъ почему и сказали мы, что въ ней видимъ цѣлую іерархію самодурства. Въ самомъ дѣлѣ, Большовъ безпрекословно царитъ надъ всѣми; Подхалюзинъ боится хозяина, но уже покрикиваетъ на Ѳоминишну и бьетъ Тишку; Аграфена Кондратьевна, простодушная и даже глуповатая женщина,—какъ огня, боится мужа, но съ Тишкой тоже расправляется довольно энергически, да и на дочь прикрикиваетъ, и если бы сила была, такъ непремѣнно бы сжала ее въ ежовыхъ рукавицахъ. Посмотрите, какъ она расходилась, напримѣръ, во второй сценѣ перваго акта.—«Али ты думаешь,—кричитъ она дочери,—что я не властна надъ тобою приказывать? Говори, безстыжіе твои глаза, съ чего у тебя взглядъ-то такой завистливый? Что ты, прытче матери хочешь быть? У меня вѣдь недолго: я и на кухню горшки парить пошлю. Ишь ты! А! Ахъ, матушки вы мои! Посконный сарафанъ сошью, да вотъ на голову тебѣ и надѣну.»

Липочка огрызается, а Аграфена Кондратьевна повторяетъ: «уступи верхъ матери! словечко пикнешь, такъ языкъ ниже пятокъ пришью.» Но Липочка почерпаетъ для себя силы душевныя въ сознаніи того, что она *образованная*, и потому мало обращаетъ вниманія на мать и въ распряхъ съ ней всегда остается побѣдительницей: начнетъ ее попрекать, что она не такъ воспитана, да расплачется, мать-то и струситъ, и примется сама же ублажать обиженную дочку. Липочка явно обнаруживаетъ наклонность къ самому грубому и возмутительному деспотизму. Она говоритъ матери: «я вижу, что я другихъ образованнѣе; что жь мнѣ, потакать вашимъ глупостямъ? какъ же! Есть оказія!» А съ Подхалюзинымъ, при помолвкѣ, они уговариваются: «старики почудили на своемъ вѣку;— *будетъ, теперь намъ пора*»... Одинъ только Тишка не обнаруживаетъ еще никакихъ стремленій къ преобладанію, а напротивъ служитъ мишенью, въ которую направляются самодурныя замашки цѣлаго дома: «у насъ,—жалуется онъ,—коли не тотъ, такъ другой, коли не самъ, такъ сама задастъ вытрепку; а то вотъ прикащикъ Лазарь, а то вотъ Ѳоминишна, а то вотъ.... всякая шваль надъ тобой командуетъ.» Слѣды этого командованья съ безпрестанными вытрепками уже обнаруживаются въ Тишкѣ: онъ уже выучился мошенничать и воровать. А когда наворуетъ денегъ побольше, то и самъ, конечно, примется командовать такъ же безпутно и жестоко, какъ и имъ командовали. Его карьера очень искусно обозначена Островскимъ въ немногихъ словахъ, произносимыхъ Тишкою въ сценѣ, гдѣ онъ

считаетъ свои деньги, оставшись одинъ. «Полтина серебромъ — это Лазарь далъ (за то, что за водкой сходилъ тихонько); да намедни, какъ съ колокольни упалъ, Аграфена Кондратьевна гривенникъ дала, да четвертакъ въ орлянку выигралъ, да третьевось хозяинъ забылъ на прилавкѣ цѣлковый.» Вотъ источники пріобрѣтенія для Тишки; сбѣгать за водкой, упасть съ колокольни, выиграть, украсть. Какое нравственное чувство разовьется въ немъ при такой жизни? Какъ онъ будетъ сочувствовать страданьямъ другихъ, когда его самого утѣшали гривенничками за то, что онъ съ колокольни упалъ! Ясно, что и изъ него со временемъ выйдетъ Подхалюзинъ.... Такова ужь почва этого «темнаго царства», что на немъ другихъ продуктовъ не можетъ вырости!

Но что такое самъ Подхалюзинъ? Вѣдь это сознательный, умный мошенникъ, съ развитыми понятіями? Не составляетъ ли онъ противорѣчія общему впечатлѣнію комедіи, заставляющей насъ признать всѣ преступленія въ этой средѣ слѣдствіемъ темноты разумѣнія и неразвитости человѣчныхъ сторонъ характера? Напротивъ, Подхалюзинъ окончательно убѣждаетъ насъ въ вѣрности этого впечатлѣнія. Въ немъ мы видимъ, что онъ именно настолько и сносенъ еще, насколько коснулось его вѣяніе человѣческой идеи. Онъ не очертя голову бросается въ обманъ, онъ обдумываетъ свои предпріятія, и вотъ мы видимъ, что сейчасъ же въ немъ ужь является и отвращеніе отъ обмана въ нагомъ его видѣ, и стараніе замазать свое мошенничество разными софизмами, и желаніе пріискать для своего плутовства какія нибудь нравственныя основанія и въ самомъ обманѣ соблюсти видимую, юридическую добросовѣстность. Есть вещи, о которыхъ онъ вовсе и не думалъ,—какъ, напримѣръ, обмѣриваніе и надуваніе покупателей въ лавкѣ,—такъ тамъ онъ и дѣйствуетъ совершенно равнодушно, безъ зазрѣнія совѣсти. Но когда вышелъ случай необыкновенный, случай попользоваться большимъ кушемъ изъ имѣнія хозяина, тутъ Подхалюзинъ задумался и началъ себя оправдывать.

«Говорятъ, надо совѣсть знать, разсуждаетъ онъ: — да извѣстное дѣло, *надо совѣсть знать, да въ какомъ это смыслѣ понимать* нужно? Противъ хорошаго человѣка у всякаго есть совѣсть; *а коли онъ самъ другихъ обманываетъ, такъ какая же тутъ совѣсть!* Самсонъ Силычъ купецъ богатѣйшій, и теперича все это дѣло, можно сказать, такъ для препровожденія времени затѣялъ. А я человѣкъ бѣдный! Если и пользуюсь въ этомъ дѣлѣ чѣмъ нибудь лишнимъ, такъ и грѣха нѣтъ никакого; *потому онъ самъ несправедливо поступаетъ, противъ закона идетъ.* А мнѣ

что его жалѣть? Вышла линія, — ну, и не плошай: онъ свою *политику ведетъ, а ты свою статью гони.* Еще то ли бы я съ нимъ сдѣлалъ, да не приходится!»

Видите, что и Подхалюзинъ не извергъ, и онъ совѣсть имѣетъ, только понимаетъ ее по-своему. Онъ, какъ и всѣ прочіе, сбитъ съ толку военнымъ положеніемъ всего «темнаго царства»; обманъ свой онъ обдумываетъ, — не какъ обманъ, а какъ ловкую и въ сущности справедливую, хотя юридически и незаконную штуку; прямой же неправды онъ не любитъ: свахѣ онъ обѣщалъ двѣ тысячи и даетъ ей сто цѣлковыхъ, упираясь на то, что ей не за что давать болѣе. Рисположенскому онъ отдаетъ деньги по мелочи, и только уже передавши ему нѣсколько сотъ, отказывается отъ дальнѣйшей уплаты, находя, что ему «пора ужь и честь знать.» За самого Большова онъ не вовсе отказывается платить кредиторамъ; но только разсчитываетъ, что 25 копѣекъ — много. Притомъ же въ этомъ случаѣ онъ имѣетъ видимое основаніе для своего поведенія: онъ помнитъ, что самъ Большовъ говорилъ ему, и ссылается на его же собственныя слова. Отдавая за него дочь, Самсонъ Силычъ ведетъ такой разговоръ съ будущимъ зятемъ:

Большовъ. Свое добро, самъ нажилъ.... кому хочу, тому даю.... Да что тутъ разговаривать-то! На милость суда нѣтъ! Бери все, только насъ со старухой корми, да кредиторамъ заплати копѣекъ по десяти.

Подхалюзинъ. Стоитъ ли, тятенька, объ этомъ говорить-съ. Нешто я не чувствую? Свои люди — сочтемся.

Большовъ. Говорятъ тебѣ, бери все, да и кончено дѣло! И никто мнѣ не указъ! Заплати только кредиторамъ. Заплатишь?

Подхалюзинъ. Помилуйте, тятенька, первымъ долгомъ-съ.

Большовъ. Только ты смотри — имъ много не давай. *А то ты, чай, радъ сдуру-то все отдать.*

Подхалюзинъ. Да ужь тамъ, тятенька, сочтемся. Помилуйте, свои люди.

Большовъ. То-то же. *Ты имъ больше десяти копѣекъ не давай.* Будетъ съ нихъ.

Подхалюзинъ очень хорошо вошелъ въ эти соображенія и прозрачно напоминаетъ ихъ Большову, когда тотъ является къ нему изъ ямы. Претензіи кредиторовъ на 25 коп. онъ не признаетъ справедливою; напротивъ, онъ находитъ, что они «зазналісь больно: а не хотятъ ли восемь копѣекъ въ пять лѣтъ.» Проникнутый этими мыслями, онъ радушно угощаетъ тестя, вмѣстѣ съ нимъ ругаетъ кредиторовъ, выражаетъ надежду, что «какъ нибудь отдѣлаемся», ибо «Богъ милостивъ»; но заплатить требуемое кредиторами отказы-

честенъ, потому что они «просятъ цѣну, которую совсѣмъ несообразную.» Съ его точки зрѣнія онъ поступаетъ ничуть не безчестно и не жестоко, а только благоразумно и твердо. Онъ даже выказываетъ значительную степень великодушія, соглашаясь платить за Большова 15 копѣекъ вмѣсто 10, и рѣшаясь даже самъ ѣхать къ кредиторамъ, чтобы ихъ упрашивать. Видно, что онъ не лишенъ даже чувства сострадания и нѣкоторой совѣстливости; но ему все хочется отжилить побольше, и онъ надѣется, что авось удастся дѣло повыгоднѣе. Здѣсь-то всего болѣе и высказывается въ Подхалюзинѣ мелкій плутъ, образовавшійся прямо вслѣдствіе деспотическаго гнета, тяготѣвшаго надъ нимъ съ малолѣтства. У него нѣтъ и разбойнической рѣшимости отказаться отъ всякой уплаты и бросить все это дѣло Большова на произволъ судьбы, съ тѣмъ, чтобы рѣшиться на новыя похожденія, съ новыми хлопотами и рискомъ; нѣтъ и умнаго разсчета, отличающаго мошенниковъ высокаго полета и заставляющаго ихъ брать изъ всякой спекуляціи хоть что нибудь, только бы покончить дѣло. Ловкій мошенникъ большой руки, пустившись на такое дѣло, какъ злостное банкротство, не пропустилъ бы случая отдѣлаться 25 копѣйками за рубль; онъ тотчасъ покончилъ бы всю аферу этой выгодной сдѣлкой, и былъ бы очень доволенъ. Да и какъ же не быть довольнымъ, успѣвши задаромъ получить три четверти чужаго имѣнія? Кромѣ русскаго доморощеннаго плута, всякій удовлетворился бы такимъ результатомъ. Настоящій мошенникъ, по призванію посвятившій себя этой специальности, не старается изъ каждаго обмана вытянуть и выторговать себѣ фортуну, не возится изъ-за гроша съ аферой, которая доставила уже рубли; онъ знаетъ, что за теперешней спекуляціей ожидаетъ его другая, за другой представится третья, и т. д., и потому онъ спѣшитъ обдѣлывать одно дѣло, чтобы, взявши съ него, что можно, перейти къ другому. Совсѣмъ не такъ поступаетъ нашъ мелкій плутъ, порожденный и возращенный безсмысленнымъ гнетомъ самодурства. Въ немъ нѣтъ именно этой размашистости, которой такъ всѣ восхищаются почему-то въ русскомъ человѣкѣ, но за то много безтолковаго сквалыжничества. Въ поступкѣ Подхалюзина могутъ видѣть нѣкоторые тоже широту русской натуры: вотъ, дескать, какой, — коли брать изъ чужаго добра, такъ ужь забирай больше, бери не три четверти, а девять-десятыхъ....» Но въ самомъ-то дѣлѣ Подхалюзинъ выказываетъ здѣсь именно отсутствіе предпріимчивости и увѣренности въ себѣ. Онъ пользуется своимъ обманомъ, какъ находкой, которая разъ попалась, а въ другой разъ и не попадется, пожалуй. Поэтому-то онъ и не разстается съ своей аферой, все выжидая, — нельзя ли изъ нея еще чего нибудь вытянуть: не даромъ

же онъ рисковалъ въ самомъ дѣлѣ! Ему такъ непривыченъ, такъ тяжелъ всякій рискъ, что онъ боится и думать о вторичной попыткѣ подобнаго рода.....Теперь ему только бы устроиться, а тамъ онъ пойдетъ ужь на мелкіе обманы, какъ и обѣщается въ заключительномъ обращеніи къ публикѣ, по первому изданію комедіи: «а вотъ мы магазинчикъ открываемъ! Милости просимъ: малаго ребенка пришлете, — въ луковицѣ не обочтемъ-съ.» Это значитъ, что онъ удовольствуется той практикой, которую прежде *объяснялъ* прикащикамъ Большова..... Развѣ опять *подойдетъ линія*, гдѣ будетъ что нибудь плохо лежать: тутъ онъ и побольше стянетъ себѣ, что успѣетъ.

Такимъ образомъ и Подхалюзинъ не представляетъ собою изверга, не есть квинтъ-эссенція всѣхъ мерзостей. Всего гаже онъ въ той сценѣ, гдѣ онъ плачетъ предъ Большовымъ, увѣряя его въ своей привязанности и проч. Но вѣдь тутъ онъ подмазывается къ Самсону Силычу не столько изъ корысти, сколько для того, чтобы выманить у старика обѣщаніе выдать за него Липочку, которую, — надо замѣтить, — Подхалюзинъ любитъ сильно и искренно.... Онъ это ясно доказываетъ своимъ обращеніемъ съ ней въ четвертомъ актѣ, т. е. когда она уже сдѣлалась его женою.... А для любви такія ли хитрости прощаемъ мы самымъ нравственнымъ героямъ, въ самыхъ романическихъ исторіяхъ!

Нечего распространяться о томъ, что общему впечатлѣнію пьесы ни мало не вредитъ и Липочка, при всей своей нравственной уродливости. Находятъ, что ея обращеніе съ матерью и потомъ сцена съ отцомъ въ послѣднемъ актѣ — переходятъ предѣлы комическаго, какъ слишкомъ омерзительныя. Намъ вовсе этого не кажется, потому что мы не можемъ признать святости кровныхъ отношеній въ такомъ семействѣ, какъ у Большова. На Липочкѣ тоже видна печать домашняго деспотизма: только при немъ образуются эти черствыя, бездушныя натуры, эти холодныя, отталкивающія отношенія къ роднымъ; только при немъ возможно такое совершенное отсутствіе всякаго нравственнаго смысла, какое замѣчается у Липочки. А за исключеніемъ того, что осталось въ Липочкѣ, какъ слѣдъ давившаго ее деспотизма, она ни чуть не хуже большей части нашихъ барышень, не только въ купеческомъ, но даже и въ дворянскомъ сословіи. Многія ли изъ нихъ не наполняютъ всей своей жизни одной внѣшностью, не утѣшаются въ горѣ нарядами, не забываются за танцами, не мечтаютъ объ офицерахъ? Если я на своемъ вѣку имѣлъ разговоръ съ тремя образованными барышнями, то отъ двухъ изъ нихъ ужь конечно слышалъ я повтореніе извѣстнаго монолога Липочки: что за дѣло отличаться съ военными! Ахъ, прелесть, восхи-

щеніе! И усы, и эполеты, и мундиръ, а у иныхъ даже шпоры съ колокольчиками!... Ужь какое же есть сравненіе,—военный или штатскій? Военный ужь сейчасъ видно: и ловкость, и все; а штатскій что? Такъ, какой-то неодушевленный»... Какъ же можно барышень, произносящихъ подобные монологи, серьёзно обвинять за что нибудь? Не ясно ли, что Липочка все, что ни сдѣлаетъ, сдѣлаетъ по совершенной неразвитости нравственной и умственной, а никакъ не по злонамѣренности или природному звѣрству? Чѣмъ же возмущаться въ личности этой несчастной?

Вообще, чѣмъ можно возмущаться въ «Своихъ Людяхъ»? Не людьми и не частными ихъ поступками, а развѣ тѣмъ печальнымъ безсмысліемъ, которое тяготѣетъ надъ всѣмъ ихъ бытомъ. Люди, какъ мы видѣли, показаны намъ въ комедіи съ человѣческой, а не съ юридической стороны, и потому впечатлѣніе самыхъ ихъ преступленій смягчается для насъ. Офиціальнымъ образомъ мы видимъ здѣсь злостнаго банкрота, еще болѣе злостнаго прикащика, ограбившаго своего хозяина, ехидную дочь, хладнокровно отправляющую въ острогъ своего отца, — и всѣ эти лица мы клеймимъ именами злодѣевъ и извергов. Но авторъ комедіи вводитъ насъ въ самый домашній бытъ этихъ людей, раскрываетъ передъ нами ихъ душу, передаетъ ихъ логику, ихъ взглядъ на вещи, и мы невольно убѣждаемся, что тутъ нѣтъ ни злодѣевъ, ни извергов, а все люди очень обыкновенные, какъ всѣ люди, и что преступленія, поразившія насъ, суть вовсе не слѣдствія исключительныхъ натуръ, по своей сущности наклонныхъ къ злодѣйству, а просто неизбѣжные результаты тѣхъ обстоятельствъ, посреди которыхъ начинается и проходитъ жизнь людей, обвиняемыхъ нами. Слѣдствіемъ такого убѣжденія является въ насъ уваженіе къ человѣческой натурѣ и личности вообще, смѣхъ и презрѣніе въ отношеніи къ тѣмъ уродливымъ личностямъ, которыя дѣйствуютъ въ комедіи и въ офиціальномъ смыслѣ внушаютъ ужасъ и омерзѣніе, и наконецъ—глубокая, непримиримая ненависть къ тѣмъ вліяніямъ, которыя такъ задерживаютъ и искажаютъ нормальное развитіе личности. Затѣмъ мы прямо переходимъ къ вопросу: что же это за вліянія и какимъ образомъ они дѣйствуютъ? Комедія ясно говоритъ намъ, что всѣ вредныя вліянія состоятъ здѣсь въ дикомъ, безправномъ самовольствѣ однихъ надъ другими. Самый способъ дѣйствія этихъ вліяній объясняется намъ изъ комедіи очень просто. Мы видѣли, что Большовъ вовсе не сильная натура, что онъ неспособенъ къ продолжительной борьбѣ, да и вообще не любитъ хлопотъ; видѣли мы также, что Подхалюзинъ — человѣкъ смѣтливый и вовсе не привязанный къ своему хозяину; видѣли, что и всѣ домашніе не очень-то расположены къ Самсону Си-

лычу, кромѣ развѣ жены его, совершенно ничтожной и глупой старухи. Что же мѣшаетъ имъ составить открытую оппозицію противъ неистовствъ Большова? То, что они матеріально зависятъ отъ него, ихъ благосостояніе связано съ его благосостояніемъ? Но въ такомъ случаѣ отчего Подхалюзинъ, радѣя о пользахъ хозяина, не удерживаетъ его отъ опаснаго шага, на который тотъ рѣшается по неразумію, «такъ, для препровожденія времени?» Потому, конечно, что Подхалюзинъ самъ надѣется тутъ нагрѣть руки? Да, — но здѣсь-то и раскрывается въ полной силѣ весь ужасъ нелѣпыхъ отношеній, изображенныхъ намъ въ «Своихъ Людяхъ». Видите, здѣсь дѣло не въ личности самодура, угнетающаго свою семью и всѣхъ окружающихъ. Онъ безсиленъ и ничтоженъ самъ по себѣ; его можно обмануть, устранить, засадить въ яму наконецъ.... Но дѣло въ томъ, что съ уничтоженіемъ его не исчезаетъ самодурство. Оно дѣйствуетъ заразительно, и сѣмена его западаютъ въ тѣхъ самыхъ, которые отъ него страдаютъ. Безправное, оно подрываетъ довѣріе къ праву; темное и ложное въ своей основѣ, оно гонитъ прочь всякій лучъ истины; безсмысленное и капризное, оно убиваетъ здравый смыслъ и всякую способность къ разумной, цѣлесообразной дѣятельности; грубое и гнетущее, оно разрушаетъ всѣ связи любви и довѣренности, уничтожаетъ даже довѣріе къ самому себѣ и отучаетъ отъ честной, открытой дѣятельности. Вотъ чѣмъ пагубно и опасно оно для общества! Самодура уничтожить было бы не трудно, еслибъ энергически принялись за это честные люди. Но бѣда въ томъ, что подъ вліяніемъ самодурства самые честные люди мельчаютъ и истомляются въ рабской бездѣятельности, а дѣломъ занимаются только люди, въ которыхъ собственно человѣчныя стороны характера наименѣе развиты. И дѣятельность этихъ людей, вслѣдствіе совершеннаго извращенія ихъ понятій подъ вліяніемъ самодурства, имѣетъ тоже характеръ мелкій, частный и грубо-эгоистическій. Цѣль ихъ не та, чтобы уничтожить самодурство, отъ котораго они такъ страдаютъ, а та, чтобы только какъ нибудь повалить самодура и самимъ занять его мѣсто. И вотъ — Большовъ угодилъ въ яму, и вмѣсто него явился Подхалюзинъ, — и благоденствуетъ на тѣхъ же правахъ...(*)

(*) Впрочемъ, въ новомъ изданіи Островскаго и Подхалюзинъ не благоденствуетъ, а уводится къ концу пьесы квартальнымъ имѣя за тѣмъ въ перспективѣ Сибирь. Намъ кажется, что эта прибавка совершенно лишняя. Конечно, авторъ сдѣлалъ ее не по своимъ убѣжденіямъ, а въ угоду нѣкоторымъ, слишкомъ ужь строгимъ, пуристамъ, требовавшимъ, чтобъ порокъ непремѣнно былъ наказанъ. Но мы видѣли, что здѣсь дѣло не въ лицахъ и не во внѣшнемъ фактѣ, а въ самомъ бытѣ, въ самыхъ связяхъ, которыми держится весь этотъ бытъ.

Таковы общіе выводы, представляемые намъ комедіею «Свои люди — сочтемся». Мы остановились на ней особенно долго по многимъ причинамъ. Во первыхъ, о ней до сихъ поръ не было говорено ничего серьёзнаго; во вторыхъ, краткія замѣтки, какія дѣлались о ней мимоходомъ, постоянно обнаруживали какое-то странное пониманіе смысла пьесы; въ третьихъ — сама по себѣ комедія эта принадлежитъ къ наиболѣе яркимъ и выдержаннымъ произведеніямъ Островскаго; въ четвертыхъ, не будучи играна на сценѣ, она менѣе популярна въ публикѣ, нежели другія его пьесы.... Кромѣ того, она требовала болѣе подробнаго разсмотрѣнія и потому, что въ ней изображаются подвижныя плутовскія натуры, развившіяся подъ гнетомъ самодурства. Таковы здѣсь всѣ лица, исключая Аграфены Кондратьевны. Они дѣятельно подчинились самодурству, растлѣли свой умъ, сдѣлались сами участниками гадостей, порождаемыхъ деспотическимъ гнетомъ. Разсмотрѣть это нравственное искаженіе — представляетъ задачу гораздо болѣе сложную и трудную, нежели указать простое паденіе внутренней силы человѣка подъ тяжестью внѣшняго гнета. А именно натуры послѣдняго разряда, сдавленныя, убитыя, потерявшія всякую энергію и подвижность, — представляются намъ главнымъ образомъ въ послѣдующихъ комедіяхъ Островскаго, къ которымъ мы должны теперь обратиться. Въ этихъ послѣднихъ мы уже гораздо короче постараемся прослѣдить мертвящее вліяніе самодурства, и преимущественно остановимся на одномъ его видѣ — на рабскомъ положеніи нашей женщины въ семействѣ. Затѣмъ, въ связи съ тѣмъ же вопросомъ самодурства, и даже въ прямой зависимости отъ него, разсмотримъ значеніе тѣхъ формъ образованности, которыя такъ смущаютъ обитателей нашего «темнаго царства», и наконецъ тѣхъ средствъ, которыя многими изъ героевъ этого царства употребляются для упроченія своего матеріальнаго благосостоянія. Но разсмотрѣніе всѣхъ этихъ вопросовъ и показаніе непосредственной связи ихъ съ самодурствомъ, — какъ

Притомъ же мы знаемъ, что если Подхалюзинъ можетъ подвергнуться наказанію, то развѣ за какую нибудь оплошность свою, — за то, что не совсѣмъ чисто умѣлъ обработать дѣльце. Да притомъ, у него остается еще одинъ ресурсъ: квартальнаго встрѣчаетъ онъ предложеніемъ выпить водочки и поговорить съ нимъ, надѣясь такимъ образомъ уладить дѣло. Квартальный не соглашается и уводитъ его; но мы знаемъ, что не отъ квартальнаго зависитъ судьба Подхалюзина и что не всѣ въ темномъ царствѣ такъ несговорчивы, какъ этотъ необыкновенный квартальный.... Мы даже почти увѣрены, по опущеніи занавѣса, что при существующихъ общественныхъ отношеніяхъ той среды, въ которой дѣйствуетъ Подхалюзинъ, онъ непремѣнно найдетъ легкое средство вывернуться и оправдаться.

оно обнаруживается въ комедіяхъ Островскаго, — должно составить другую статью.

Теперь же мы можемъ, въ заключеніе разбора «Своихъ Людей», только спросить читателей: откажутъ ли они изображеніямъ Островскаго, такъ подробно анализированнымъ нами, въ жизненной правдѣ и въ силѣ художническаго представленія? И если эти лица и могутъ быть вѣрны дѣйствительности, то думаютъ ли читатели, что тѣ стороны русскаго быта, которыя рисуетъ намъ Островскій, — не стоятъ вниманія художника? Рѣшатся ли они сказать, что дѣйствительность, изображаемая имъ, имѣетъ лишь частное и мелкое значеніе и не можетъ дать никакихъ важныхъ результатовъ для человѣка разсуждающаго?... Отвѣтъ на эти вопросы можетъ показать, достигли ли мы своей цѣли, анализируя факты, представлявшіеся намъ въ комедіяхъ Островскаго.... Что касается лично до насъ, то мы никому ничего не навязываемъ, мы даже не выражаемъ ни восторга, ни негодованія, говоря о произведеніяхъ Островскаго. Мы только слѣдимъ за явленіями, имъ изображенными, и объясняемъ, какой смыслъ имѣютъ они для насъ. Читатели, соображаясь съ своими собственными наблюденіями надъ жизнью и съ своими понятіями о правѣ, нравственности и требованіяхъ природы человѣческой, могутъ рѣшить сами — какъ то, справедливы ли наши сужденія, такъ и то, какое значеніе имѣютъ жизненные факты, извлекаемые нами изъ комедій Островскаго.

Н. — бовъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Стихотворенія Я. П. Полонскаго. Дополненіе къ стихотвореніямъ, изданнымъ въ 1855 г. Спб. 1859 г.

Кузнече(и)къ-музыкантъ. Шутка въ видѣ поэмы *Я. П. Полонскаго.* Спб. 1859.

Разсказы Я. П. Полонскаго. Спб. 1859.

Задумчивость очень унылая, но не совершенно безотрадная, и томно-фантастическій колоритъ составляютъ отличительные признаки поэзіи г. Полонскаго. Въ его стихѣ нѣтъ той мрачной, демонической силы, отъ которой человѣкъ можетъ содрогнуться и почувствовать, что сердце его обливается кровью. Нѣтъ въ немъ и того размаха, той пылкости воображенія, при которыхъ поэтомъ создается цѣлый волшебный міръ фантастическихъ образовъ, міръ безконечно-разнообразный, яркій и оригинальный. Но въ застѣнчивомъ, часто неловкомъ и даже не всегда плавномъ стихѣ г. Полонскаго отражается необычайно-чуткая воспріимчивость поэта къ жизни природы и внутреннее сліяніе явленій дѣйствительности съ образами его фантазіи и съ порывами его сердца. Онъ не довольствуется пластикой изображеній, не довольствуется и тѣмъ простымъ смысломъ, который имѣютъ предметы для обыкновеннаго глаза. Онъ во всемъ видитъ какой-то особенный, таинственный смыслъ; міръ населенъ для него какими-то чудными видѣніями, увлекающими его далеко за предѣлы дѣйствительности. Нельзя не сознаться, что подобное настроеніе, не сопровождаемое притомъ могучимъ, гофмановскимъ творчествомъ, очень неблагодарно и даже опасно для успѣха поэта. Оно легко можетъ перейти въ без-

смысленный мистицизмъ, или разсыпаться въ натянутыхъ приноровленіяхъ и аллегоріяхъ. Послѣднее мы нерѣдко видали у нѣкоторыхъ нашихъ поэтовъ, думавшихъ брать свои вдохновенія изъ классической древности. Но г. Полонскій довольно удачно умѣлъ избѣжать и того и другаго: отъ мистицизма избавила его сила образованнаго ума, отъ бездушныхъ аллегорій спасла сила таланта. Во всѣхъ стихотвореніяхъ г. Полонскаго, какъ бы они ни представлялись слабыми или эксцентричными, мы видимъ, что онъ не придумывалъ подобій, не холодно навязывалъ человѣческія думы — и тучамъ, и волнамъ, и утесамъ, и насѣкомымъ, и деревьямъ, не изъ желанія блеснуть оригинальностью разсказывалъ свои фантастическія грезы,—нѣтъ, у него въ самомъ дѣлѣ являлись въ душѣ эти грезы, предъ нимъ въ самомъ дѣлѣ одушевлялись по временамъ всѣ мертвыя явленія природы. Еще въ прежнихъ его стихотвореніяхъ мы видѣли признаки мечтательности, читая въ нихъ фантастическія впечатлѣнія разныхъ періодовъ жизни поэта. Мы слышали, какъ въ дѣтствѣ поэтъ мечталъ объ ангелѣ, сидящемъ у его изголовья, и дѣйствительно чувствовалъ его присутствіе:

И мнилось мнѣ: на ложѣ, близь меня,
Въ сіяньи трепетномъ лампаднаго огня,
Въ блѣдно-серебряномъ сидѣлъ онъ одѣяньи;
И тихо, шопотомъ я повѣрялъ ему,
И мысли, дѣтскому послушныя уму,
И сердцу дѣтскому доступныя желанья.

А въ другія минуты проходятъ предъ его воображеніемъ всѣ страшныя чудеса, разсказываемыя въ нашихъ сказкахъ. Во снѣ видится поэту—и стеклянный дворецъ царь-дѣвицы, и жаръ-птицы, клюющія золотые плоды, и ключи живой и мертвой воды.

И я вижу во снѣ, какъ на волкѣ верхомъ
Ѣду я по тропинкѣ лѣсной —
Воевать съ чародѣемъ царемъ,
Въ ту страну, гдѣ царевна сидитъ подъ замкомъ,
Изнывая за крѣпкой стѣной....

И не только въ разсказахъ няни являлись ему чудеса; вся природа полна была для него таинственной жизни, непонятныхъ призраковъ. Когда-то, безпечнымъ отрокомъ, зашелъ онъ въ лѣсъ, и ему стало странно, что лѣсъ такъ нѣмъ и мраченъ.

Вдругъ свѣжіе листы деревъ со всѣхъ сторонъ,
Какъ будто бабочекъ зеленыхъ милліонъ,
Дрожа задвигались....

Задвигались — и заговорились съ поэтомъ,...

Все возбуждаетъ въ немъ вопросъ, все представляетъ ему загадку, предметъ мечтательныхъ думъ, — и въ мірѣ, и въ жизни. Муза его подобна той дѣвѣ, которой онъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній придаетъ такія думы и вопросы:

Что звенитъ тамъ вдали, — и звенитъ и зоветъ?
И зачѣмъ тамъ, въ степи, пыль столбами встаетъ?
И зачѣмъ та рѣка широко разлилась?
Оттого ль разлилась, что весна началась?
И откуда, откуда тотъ вѣтеръ летитъ,
Что, стряхая росу, по цвѣтамъ шелеститъ,
Дышетъ запахомъ липъ и, концами вѣтвей
Помавая, влечетъ, въ сумракъ влажныхъ аллей?...

Вопросы такого рода задаетъ себѣ нерѣдко и самъ поэтъ; подобные образы рисуетъ онъ нерѣдко очень живыми и привлекательными чертами. Природа представляется ему въ видѣ какого-то загадочнаго, но милаго и очень близкаго существа, съ которымъ онъ очень любитъ разсуждать о различныхъ предметахъ, занимающихъ его воображеніе. То волны разсказываютъ ему про морскія чудеса; то лѣсъ говоритъ ему про какую-то чудную красавицу; то подслушиваетъ онъ «листьевъ осиновыхъ шепотъ ласкающій», которымъ убаюкивается молодой дубокъ; то ночь на пути заглядываетъ къ нему подъ рогожу кибитки, между тѣмъ какъ онъ выслушиваетъ цѣлую поэму въ звукѣ дорожнаго колокольчика; то послѣ грозы является у него вопросъ:

Или у природы,
Какъ у сердца въ жизни,
Есть своя улыбка
И свои невзгоды?...

Замѣчательно, что даже въ разсказахъ своихъ г. Полонскій не удаляется отъ того характера, который мы находимъ господствующимъ въ его стихотвореніяхъ. Г. Полонскій разсказываетъ самыя обыкновенныя, даже отчасти водевильныя приключенія (какъ, напримѣръ, въ «Квартирѣ въ Татарскомъ кварталѣ», гдѣ Хлюстинъ, по незнанію грузинскаго языка и по ошибкѣ въ имени, ведетъ задушевные переговоры вовсе не съ той красавицей, въ которую влюбленъ); но въ нихъ всегда рисуется передъ нами — или какая нибудь оригинальная личность, или странное явленіе душевной жизни, или наконецъ придается какая нибудь таинственность внѣшней обстановкѣ. Одинъ изъ разсказовъ — «Статуя Весны», особенно близко подходитъ къ характеру стихотвореній г. Полонскаго. Выпишемъ

мы изъ него нѣсколько строкъ, въ которыхъ авторъ говоритъ о развитіи фантазіи въ маленькомъ Илюшѣ.

«Онъ любилъ забиться куда нибудь въ уголокъ, и когда задумывался, большіе сѣрые глаза его съ расширенными зрачками долго оставались неподвижными. Рѣдко видѣлъ онъ постороннихъ, еще рѣже выходилъ на улицу.... Фигуры кузнецовъ, прохаживавшихся по двору, всегда въ преувеличенномъ видѣ рисовались въ его воображеніи. Однажды, проходя задней лѣстницей, гдѣ-то въ четвертомъ этажѣ услыхалъ онъ бранчивый крикъ какой-то женщины и плачъ ребенка. Этого было для него достаточно, чтобъ вообразить, что наверху обитаютъ такіе злые люди, которымъ ничего не стоитъ, повстрѣчавшись съ нимъ, отрѣзать ему ухо для собственнаго удовольствія....

«Несмотря на неопредѣленное чувство грусти, имъ испытываемое, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе свыкался онъ съ своимъ одиночествомъ, которое было для него вреднѣе всякой медленной отравы. Голова его искала здоровой питательной пищи и не находила. Воображеніе (огонь, съ которымъ и дѣтямъ играть опасно), развиваясь въ немъ на счетъ другихъ способностей, постепенно создало ему вокругъ него тотъ странный, фантастическій и Гофмана достойный міръ, котораго никто, ниже самъ великій психологъ и философъ, подозрѣвать не могъ.

«Кто объяснитъ, какъ это дѣлалось, что мальчикъ всему, каждой мелочи въ домѣ, умѣлъ придать какое-то особенное, въ зрѣломъ возрастѣ непонятное, невообразимое значеніе? Каждая вещь была для него какъ-то одушевленнымъ, требующимъ отъ него извѣстной степени сочувствія. Стукъ вбиваемаго гвоздя былъ для него крикомъ несчастнаго, которому не хочется лѣзть въ стѣну.... Когда его няня Августа вѣшала салопъ свой, онъ былъ увѣренъ, что и гвоздь это чувствуетъ, и салопъ понимаетъ свое положеніе.

«Кто бы могъ подумать, что природная наблюдательность, самая замѣтная и все-таки никѣмъ не замѣченная черта въ его характерѣ, не только не ослабила, но, такъ сказать, помогла играть его прихотливой, въ высшей степени прихотливой фантазіи?»

Какъ Илюша любовался статуею Весны, бывшею у его отца, какъ онъ разбилъ эту статую и что изъ того произошло въ его пылкой фантазіи и слабенькомъ организмѣ, — изображеніе этого и составляетъ все содержаніе разсказа «Статуя Весны». Эксцентрическій Илюша обрисованъ авторомъ съ большой любовью, и нельзя не замѣтить, что подобные характеры находятся въ соотвѣтствіи съ постояннымъ настроеніемъ самого поэта. Оттого-то, несмотря на свою странность, разсказъ объ Илюшѣ нравится намъ именно своей задушевностью и теплотою. Болѣе просты, но тоже не безъ оттѣнка странности въ характерѣ маленькаго героя, два граціозные разсказа «Груня» и «День въ деревнѣ». Разсказы эти помѣ-

щены были въ «Современникѣ» и, вѣроятно, не забыты нашими читателями, почему мы и считаемъ излишнимъ распространяться о нихъ на этотъ разъ.

Стихотворенія г. Полонскаго, нынѣ изданныя, также большею частію должны быть знакомы нашимъ читателямъ: они были уже помѣщены въ разныхъ журналахъ, послѣ 1855 г., и отчасти въ «Современникѣ». Вникая въ смыслъ этихъ стихотвореній и дополняя ими прежде изданныя, мы теперь яснѣе можемъ опредѣлить значеніе мечтательной задумчивости и неясныхъ грезъ поэта. Онъ не мистикъ, — это ясно изъ многихъ стиховъ его, проникнутыхъ уваженіемъ къ наукѣ и любовью къ реальной правдѣ.

Міру, какъ новое солнце, сіяетъ
Свѣточъ науки, и *только при немъ*
Муза чело украшаетъ
Свѣжимъ вѣнкомъ.

Суевѣрныя впечатлѣнія раннихъ лѣтъ жизни, нелѣпыя сказки нянекъ — онъ прогналъ отъ себя. Онъ сознается, что былъ суевѣренъ въ прежнее время.

Но изъ области мечтаній,
Изъ-подъ власти темныхъ силъ,
Я ушелъ — и волхвованій
Мракъ наукой озарилъ.
Муза стала мнѣ являться
Жрицей мысли, безъ оковъ,
И учила не бояться
Ни живыхъ, ни мертвецовъ.

Но что же влечетъ его безпрестанно въ эту область мечтаній? Отчего онъ не удерживается въ предѣлахъ живой, человѣчески-ясной дѣйствительности? Отвѣтъ довольно положительный находимъ въ нѣкоторыхъ его стихотвореніяхъ. Поэтъ радъ бы жить дѣйствительностью; но она для него такъ безотрадна, скучна и безсмысленна, что онъ невольно стремится отъ нея подальше. Какъ скоро онъ принимается изображать что нибудь изъ жизни, совершающейся передъ его глазами, его стихъ становится такъ унылъ и безотраденъ, что невольно щемитъ сердце. Еслибъ въ талантѣ г. Полонскаго было менѣе мягкости и какой-то стыдливости, то онъ, при своемъ грустномъ настроеніи, могъ бы извлекать изъ своей лиры страшные звуки негодованія и проклятія. Но проклинать онъ не умѣетъ, и недовольство его выражается въ тихой, задумчивой жалобѣ. Сколько мы знаемъ, только однажды уступилъ онъ общему, восторженному

увлеченію прелестями дѣйствительности (мы не видимъ здѣсь въ виду граціозныхъ его стихотвореній, воспѣвающихъ наслажденіе чувствомъ любви)—да и то въ ожиданіи грядущихъ благъ. Это было въ то время, когда всѣ были вдохновлены наступающимъ возрожденіемъ Руси, посредствомъ безъименной гласности и обличительныхъ статеекъ противъ мелкихъ подъячихъ. Въ стихотвореніи, подъ которымъ значится 1855 г., г. Полонскій писалъ:

Поэтъ, въ минуты вдохновенья,
Будь отъ пристрастія далекъ;
Яви насмѣшкою порокъ:
Насмѣшка громче наставленья, —
Когда ее на кару зла
Святая правда родила! и пр.

Настроеніе это, довольно оживленное и бодрое, продолжалось и въ 1856 г., когда г. Полонскій написалъ слѣдующее стихотвореніе, отзывающееся отчасти дидактизмомъ, столь несвойственнымъ его таланту.

НА КОРАБЛѢ.

Стихаетъ. Ночь темна. Свисти, чтобъ мы не спали!...
Еще вчерашняя гроза не унялась:
Тѣ-жъ волны бурныя, что съ вечера плескали,
Не закачавъ, еще качаютъ насъ.
Въ безлунномъ мракѣ мы дорогу потеряли,
Разбитымъ фонаремъ не освѣщенъ компасъ.
Неси огня! звони, свисти, чтобъ мы не спали! —
Еще вчерашняя гроза не унялась...
Нашъ флагъ порывисто и безпокойно вѣетъ;
Нашъ капитанъ въ потьмахъ стоитъ, раздумья полнъ....

Заря!... друзья, заря! Глядите, какъ яснѣетъ—
И капитанъ, и мы, и гребни черныхъ волнъ.
Кто болѣнъ, кто усталъ, кто бодръ еще, кто плачетъ;
Что бурей сломано, разбито, снесено —
Все ясно: Божій день, вставая, зла не прячетъ....
Но — не погибли мы!... и много спасено....
Мы мачты укрѣпимъ, мы паруса подтянемъ,
Мы нашимъ топотомъ встревожимъ праздныхъ лѣнь —
И дальше въ путь пойдемъ, и дружно пѣсню грянемъ....
Господь, благослови грядущій день!

Къ чему привела эта смѣлая претензія—укрѣпить мачты, подтянуть паруса и встревожить лѣнь праздныхъ,—объ этомъ мы много разъ говорили въ «Современникѣ». Кто хочетъ, тотъ можетъ при-

помнить; а намъ теперь нѣтъ надобности распрѣстраняться объ этомъ. Здѣсь насъ занимаетъ то настроеніе, подъ которымъ дѣйствуетъ талантъ г. Полонскаго. Итакъ, мы видимъ, что поэтъ не прочь отъ надеждъ, не прочь отъ общественныхъ интересовъ. Но вѣра въ возстановленіе правды и добра въ общественной жизни, мечта о сильной и горячей общественной дѣятельности, къ сожалѣнію, скоро оставила его, какъ и многихъ другихъ энтузіастовъ недавняго времени, и смѣнилась опять тѣмъ расположеніемъ духа, въ которомъ высокія мечты кажутся ему уже *сумасшествіемъ*, а въ жизни представляется какая-то галиматья. Читатели наши могутъ припомнить стихотвореніе «Сумасшедшій», недавно помѣщенное въ «Современникѣ». А вотъ стихотвореніе «Хандра», напечатанное тоже недавно, въ «Русскомъ Словѣ».

На старый онъ диванъ ничкомъ
Ложился, протянувши ноги,
И говорилъ, дыша съ трудомъ,
Такіе монологи:

«Какая жизнь! о, Боже мой!
Какіе страшные пигмеи!
Добро-бъ глупцы, добро-бъ злодѣи
Неотразимою враждой
Меня терзали!... Нѣтъ! съ глупцами
Я-бъ тратить словъ не сталъ; съ врагами
Я-бъ вышелъ на открытый бой.
Кто безкорыстно правдѣ служитъ,
Кто за себя стоитъ — не тужитъ!
Но какъ бороться съ пустотой,
Полу-слѣпой, полу-глухой,
Которая мутитъ и кружитъ?
Бороться радъ бы — силы нѣтъ....
Подъ бременемъ безплодныхъ лѣтъ
Изнылъ мой духъ, увяла радость,
И весь я сталъ ни то, ни се....
И жизнь подъ часъ такая гадость,
Что не глядѣлъ бы на нее!
Я только вздоръ одинъ предвижу;
Какая-то галиматья
Выходитъ изъ того, что я
Вседневно слышу или вижу!
Не только некого любить,
Мнѣ даже некого сердить,
Мнѣ даже глупо ненавидѣть.
Я точно — личность безъ лица.

Такого даже нѣтъ глупца,
Кто бъ захотѣлъ меня обидѣть!
Я вѣчно ною отъ занозъ,
А разомъ вспыхнуть не умѣю;
Когда я плачу — стыдно слезъ,
Когда смѣюсь — за смѣхъ краснѣю....
Какая жизнь! какой хаосъ!»

Это горестное сознаніе пустоты всего окружающаго, соединенное съ чувствомъ собственнаго безсилія бороться противъ нея, — хоть кого прогонитъ въ міръ мечтаній. И благо человѣку, если еще онъ можетъ хоть тамъ укрыться: тамъ онъ можетъ по крайней мѣрѣ остаться человѣкомъ честнымъ и добрымъ. А въ обществѣ.... Но вотъ взглядъ поэта на общество наше, выраженный въ одну изъ грустныхъ минутъ невольныхъ его столкновеній съ этимъ обществомъ. Мы приведемъ нѣсколько строфъ изъ стихотворенія «На пути изъ гостей».

Славный морозъ. Ночь была бы свѣтла,
Да застилаетъ сіянье
Мѣсяца душу-гнетущая мгла —
Жизни застывшей дыханье.
Слышится города шорохъ ночной,
Снѣгъ подметенный скрипитъ подъ ногой....
Дальнихъ огней вижу мутныя звѣзды,
Да запертые подъѣзды....
Боже мой! Боже мой!
Поздно приду я домой!

Что же въ гостяхъ удержало меня?
Или мнѣ было привольно,
Въ сладкомъ забвеньи безплоднаго дня,
Мучить себя добровольно?
Скучно и глупо безъ цѣли болтать....
И не охотникъ я въ карты играть;
Даже, признаться, не радуетъ ужинъ;
Да и кому я тамъ нуженъ!
Боже мой! Боже мой!
Поздно приду я домой!

Затѣмъ, изобразивъ, какъ была граціозна Мери, — невѣста, ищущая доходнаго мѣста, — какъ Олимпіада ловко играла Листа, а Викторъ читалъ безтолковые стихи, поэтъ продолжаетъ:

Гости бываютъ тамъ разныхъ сортовъ:
Въ домъ пріѣзжаютъ — вертятся,

И комплименть у нихъ мигомъ готовъ,
Изъ дому ѣдутъ — бранятся.
Что занимаетъ ихъ — трудно понять;
Все обо-всемъ они могутъ сказать;
Каждый себя самолюбьемъ измучилъ,
Каждому каждый наскучилъ.
Боже мой! Боже мой!
Поздно приду я домой!

Въ люди какъ будто невольно идешь:
Все будто ищешь чего-то,
Вотъ-вотъ не нынче, такъ завтра найдешь...
Одолѣваетъ забота,
Скука томитъ.... А проклятый червякъ
Въ сердцѣ уняться не хочетъ никакъ:
Или онъ старую рану тревожитъ,
Или онъ новую гложетъ...
Боже мой! Боже мой!
Поздно приду я домой!

Много есть чудныхъ, прекрасныхъ людей,
Свѣтлыхъ умомъ и вполнѣ благородныхъ,
Но и они, въ родѣ блѣдныхъ тѣней,
Меркнутъ душею въ гостиныхъ холодныхъ.
Есть у насъ такъ называемый свѣтъ,
Есть даже люди, а общества нѣтъ:
Русская мысль въ одиночку созрѣла,
Да и гуляетъ безъ дѣла.
Боже мой! Боже мой!
Поздно приду я домой!

Вотъ, вижу дворникъ сидитъ у воротъ,
Въ шубѣ да въ шапкѣ лохматой:
Точно медвѣдь; на усахъ его ледъ,
Снѣгъ въ бородѣ, въ рукавицѣ лопата....
Спитъ ли онъ, такъ ли прижавшись сидитъ,
Думаетъ думу, морозы бранитъ,
Или, какъ я же, безплодно мечтаетъ,
Или меня поджидаетъ?
Боже мой! Боже мой!
Поздно приду я домой!

И все-то въ нашей общественной жизни возбуждаетъ тяжелое чувство въ поэтѣ. И тѣмъ тяжеле для него это чувство, что онъ видитъ необходимость покориться факту; онъ не имѣетъ силъ бороться съ зломъ, его смущаетъ холодная правда даже чужаго безпощаднаго стиха, какъ онъ говоритъ въ посланіи къ И. С. Аксакову:

Когда мнѣ въ сердце бьютъ, звеня, какъ мечъ тяжелый,
Твой жесткій, безпощадный стихъ,
Съ невольнымъ трепетомъ внимаю невеселой,
Холодной правдѣ словъ твоихъ.

Въ негодованіе души твоей вникая,
Собратъ, пойму ли я тебя?
На смѣлый голосъ твой откликнуться желая,
Какимъ стихомъ откликнусь я?

Не внемля шопоту соблазна, строгій геній
Ведетъ тебя инымъ путемъ,
Туда, гдѣ нѣтъ уже ни жаркихъ увлеченій,
Ни примиренія со зломъ.

И если ты блуждалъ, съ тобой мы врознь блуждали.
Я силы сердца не щадилъ,
Ты не щадилъ труда, и оба мы страдали.
Ты больше мыслилъ, я любилъ....

И эта любовь, эта поэтическая кротость производятъ то, что поэтъ находитъ въ себѣ силы только грустить о господствѣ зла, но не рѣшается выходить на борьбу съ нимъ. Самыя дикія, безчеловѣчныя отношенія житейскія вызываютъ на его губы только грустную улыбку, а не проклятіе, исторгаютъ изъ глазъ его слезу, но не зажигаютъ ихъ огнемъ негодованія и мщенья. Для объясненія нашихъ словъ, приведемъ въ примѣръ одно стихотвореніе, которое мы считаемъ однимъ изъ замѣчательныхъ стихотвореній г. Полонскаго. Тема этого стихотворенія — нелѣпый общественный обычай, по которому женщина любящая и любимая — гибнетъ въ общемъ мнѣніи, какъ скоро она забывается и вполнѣ отдается своему чувству; тогда какъ мужчина, бывшій виною ея паденія, преспокойно можетъ обмануть ее и удалиться, извиняясь тѣмъ, что страсть его потухла. Вопль негодованія могъ бы вырваться у другаго поэта, взявшаго подобную тему; мрачная, возмутительная картина могла бы нарисоваться изъ такихъ отношеній человѣческаго сердца къ нелѣпымъ требованіямъ общества. Но вотъ какіе стихи вышли у г. Полонскаго.

На устахъ ея — улыбка;
Въ сердцѣ — слезы и гроза.
Съ упоеніемъ и грустью,
Онъ глядитъ въ ея глаза.
Говоритъ она: обманъ твой
Я предвижу — и не лгу,

Что тебя возненавидѣть
И хочу, и не могу.

Онъ глядитъ все также грустно;
Но лицо его горитъ....
Онъ, къ плечу ея устами
Припадая, говоритъ:
Берегись меня! — я знаю,
Что тебя я погублю,
Оттого что я безумно,
Горячо тебя люблю!...

Вообще, — незлобіемъ и добродушіемъ вѣетъ отъ всѣхъ словъ поэта, къ кому бы ни обращались они, — къ благоухающей ли природѣ, къ печальному ли кладбищу, къ коварной ли женщинѣ. Даже въ своихъ отношеніяхъ къ общественной неправдѣ и угнетенію онъ остается такъ же грустно незлобивъ, какъ и въ своемъ сожалѣніи о прошедшей молодости или досадѣ на дурную погоду. Вотъ отчего грустные стихи г. Полонскаго и проходятъ такъ часто незамѣченными для современныхъ читателей. Намъ теперь нужна энергія и страсть; мы и безъ того слишкомъ кротки и незлобивы; мы не можемъ довольствоваться тѣми поэтами, которые, восхищаясь истиной, раскрытой для нихъ, не дѣлаютъ усилія для того, чтобы поставить ее на высокомъ пьедесталѣ, на видъ всѣмъ своимъ собратьямъ. Въ стихотвореніяхъ г. Полонскаго мы находимъ нѣсколько пьесъ, которыя доказываютъ, что самъ поэтъ сознаетъ это, но, слѣдуя своей природѣ, не рѣшается выйдти изъ своей сферы и измѣнить строй своей лиры. Безъ всякаго сомнѣнія, онъ поступаетъ очень благоразумно, потому что натянутые возгласы о добродѣтели и то уже сбили у насъ съ толку нѣсколькихъ талантливыхъ людей. Немудрено, что на ихъ дорогу попалъ бы и г. Полонскій; приведенное выше стихотвореніе «На кораблѣ», такъ отзывающееся аллегоріей, доказываетъ справедливость этого предположенія. Но, къ счастію, самъ поэтъ лучше другихъ понялъ свои силы и, недовольный окружающей дѣйствительностью, выразилъ свой протестъ противъ нея совершенно особеннымъ образомъ. Онъ нашелъ свою особенную дѣйствительность, населилъ ее своими особыми существами, придалъ имъ мысль и страсти, заставилъ ихъ волноваться, радоваться и страдать почеловѣчески.... И въ этомъ фантастическомъ мірѣ находитъ онъ успокоеніе и отраду отъ житейской пошлости, угнетенія и обмана. Лучшимъ примѣромъ того, какъ г. Полонскій одушевляетъ всю природу, можетъ служить шуточная поэма его о кузнечикѣ-музыкантѣ (котораго, въ пику всѣмъ грамматикамъ, онъ называетъ кузнечикъ). Содержаніе этой

поэмы состоитъ въ томъ, что кузнечикъ влюбился въ бабочку, которая сначала была къ нему неравнодушна, но потомъ влюбилась въ соловья и улетѣла за нимъ въ лѣсъ. Соловей сначала поласкалъ ее, а потомъ клюнулъ, — она и упала мертвая. Кузнечикъ — артистъ, вмѣстѣ съ однимъ изъ своихъ пріятелей, *гулякою*-кузнечикомъ, отправился ночью ее отыскивать, разузналъ все дѣло отъ осы, и наконецъ отыскалъ и похоронилъ молодую сильфиду, которую такъ любилъ.... Какъ видите, здѣсь соловей играетъ роль злодѣя-обольстителя, и въ этомъ, если хотите, выразилась опять оригинальная натура поэта, полная любви и мирнаго расположенія ко всему живущему. Если угодно, по факту, соловей — губитель и негодяй, угнетатель невинности; но вѣдь нельзя же ненавидѣть соловья за его поступокъ съ бабочкой; нельзя винить и бабочку за вѣтренность, а можно только жалѣть ее. Если хотите прилагать это къ человѣческому сердцу (а это приложеніе многіе читатели и читательницы непремѣнно сдѣлаютъ), то и въ этомъ шуточномъ, фантастическомъ разсказѣ вы можете подмѣтить сердечную боль поэта и грустное недовольство міромъ, въ которомъ нигдѣ нѣтъ счастья.... Впрочемъ, мы совѣстимся дѣлать изъ этой поэмки моральные выводы, и рѣшаемся обратить на нее вниманіе читателей, только какъ на образчикъ того, какимъ образомъ и съ какою простотой и любовью г. Полонскій одушевляетъ и очеловѣчиваетъ всю природу. Въ заключеніе же нашей рецензіи представимъ читателямъ окончаніе этой поэмки, въ которомъ заключается описаніе того, какъ кузнечики хоронили мертвую сильфиду-бабочку.

Сдѣлали носилки, положили тѣло,
Подняли и долго поступью несмѣлой
Шли они по травкамъ, шли они по кочкамъ.
Впереди, мелькая яркимъ огонечкомъ,
Шелъ свѣтлякъ,—и сотни разныхъ насѣкомыхъ,
Нашему артисту вовсе незнакомыхъ,
Шумно просыпались въ перелѣскѣ темномъ. —
«А! ба! кто тамъ? что тамъ?» — слышалося въ сонномъ
Царствѣ. Вдругъ во выракѣ жалкій пискъ раздался;
Муравей какой-то подъ ноги попался
Нашему гулякѣ — онъ его и тиснулъ.
Вслѣдъ за этимъ визгомъ — въ рощѣ кто-то свистнулъ.
Комары, проснувшись и поднявшись роемъ,
Затрубили въ трубы, точно передъ боемъ;
Но, слетѣвшись кучей — и увидѣвъ тѣло,
Взяли тономъ ниже (поняли, въ чемъ дѣло....)
И, трубя плачевно, въ разстояньи дальномъ
Огласили воздухъ маршемъ погребальнымъ.

Къ свѣтляку другіе свѣтляки пристали:
Свѣчи ихъ то гасли, то опять мелькали.
Съ жалобнымъ жужжаньемъ подымались мухи,
И, жужжа, другъ другу повѣряли слухи.
Бабочка — Сильфиды прежняя подруга —
Высунула носикъ, блѣдная съ испуга,
И потомъ, спустившись по листочкамъ, сѣла
На холодный камень и — оцѣпенѣла.
Предразсвѣтный вѣтеръ, невидимкой вѣя,
Думалъ, что воскреснетъ молодая фея:
Шевелилъ у мертвой легкими крылами,
И дышалъ въ лицо ей влажными устами;
И потомъ далекимъ проносился стономъ,
И по всѣмъ тропинкамъ отдавался звономъ,
Чашечки лиловыхъ цвѣтиковъ качая.
И роса, какъ слезы, холодно сверкая,
Медленно стекала съ усиковъ цвѣтущей
Повилики, робко по стволамъ ползущей;
И благоухали тысячи растеній;
И сквозь дымъ деревья въ видѣ привидѣній
Головой кивали. — Тихо раздвигая
Облака, вставала зорька золотая, —
И когда все стало ясно отъ улыбки
Пламенной богини, принесли подъ липки
Мертвую Сильфиду — тамъ ее сложили,
Вырыли могилку и похоронили.
И когда надъ этой новою могилой
Думалъ злую думу мой артистъ унылый,
Въ жаркихъ искрахъ солнца за лѣсной куртиной
Звучно раздавался рокотъ соловьиный.

Постороннее вліяніе. Романъ въ четырехъ частяхъ съ эпилогомъ. Сочиненіе князя *Г. В. Кугушева*, автора «Корнета Отлетаева». Москва. 1859.

Ярко блистала звѣзда таланта князя Кугушева; тысячи читателей «Русскаго Вѣстника» жадно впивались въ его повѣсти и оставляли темныя пятна на бѣлыхъ страницахъ журнала. «Корнетъ Отлетаевъ» гремѣлъ въ трехъ книжкахъ, а въ двухъ другихъ чопорно сидѣла блестящая «Пыль», пыль только по названію, въ сущности же болѣе грязь, нежели пыль.... Нѣтъ въ современныхъ повѣстяхъ прежняго энергическаго, удалаго, молодеческаго воздыманія праха летучаго; въ писателяхъ-аристократахъ нѣтъ умѣнья ловко пускать пыль въ глаза, а если и есть что-то похожее, такъ это все натянуто, разсчитано, куплено цѣною золота. Рубли убили все, даже самую

поэзію; за нихъ писатель продаетъ и повѣсть, и романъ, и комедію, и даже лирическое стихотвореніе....

Вы удивлены, что «Современникъ» пишетъ какъ будто не своимъ слогомъ,—и вы правы. Дѣйствительно, это не нашъ слогъ; но иначе теперь писать нельзя. Это — великосвѣтскій слогъ, который нѣсколько лѣтъ былъ заброшенъ въ литературѣ, замаравшей себя мужицкимъ направленіемъ, но теперь опять возстановляется во всей красотѣ своей. Такъ писывалъ во время оно князь Одоевскій; такъ писали позже его графъ Соллогубъ и графиня Евдокія Ростопчина. Гр. Данилевскій и графъ Ржевусскій тоже пишутъ такимъ слогомъ. Тѣмъ же самымъ слогомъ пишетъ и князь Г. В. Кугушевъ, подъ вліяніемъ котораго и написаны нами первыя строки нашей рецензіи. Мы даже боимся, что вліяніе это отразилось на насъ слишкомъ сильно, и что насъ могутъ заподозрить въ простомъ *заимствованіи* изъ князя Кугушева. Чтобы не вышло такого грѣха, мы представляемъ подлинную выписку, увлекшую насъ такъ внезапно на поприще изящнаго слога.

«Ярко блистала зала благороднаго собранія; тысячи огней отражались свѣтлыми пятнами *въ* бѣломъ мраморѣ колоннъ; оркестръ гремѣлъ съ одной эстрады, на другой чопорно сидѣла пестрая цыганская семья, цыганская только по названію, но давно обрусѣвшая и только пародирующая непередаваемую удаль дикаго племени. *Нѣтъ въ* современныхъ хорахъ первобытной ихъ *энергіи, удальства, молодечества*, въ женщинахъ-пѣвицахъ нѣтъ *ни огня, ни увлеченія, ни восторга,* а если и есть мгновенныя вспышки чего-то похожаго на вдохновеніе, то *эти минуты натянуты,* неестественны, куплены цѣною золота. Рубли убили все, даже самую природу; за нихъ цыганка продаетъ и честь, и совѣсть, *и убѣжденія,* (увы!) даже самую любовь къ своему собрату. Ея голосъ, не откликъ души — приманка; пляска, не влеченіе, не страсть — *обязанность, цѣль, средство* (непонятно, но сильно!) Гдѣ же вдохновеніе, гдѣ же поэзія? Они поютъ, а толпа движется туда, сюда, шумъ, визгъ, бряцанье сабель, звяканье шпоръ, шелестъ женскихъ ножекъ по паркету — все это вмѣстѣ походитъ на отдаленный грохотъ медленно падающаго съ уступа на уступъ водопада. Жаръ въ залѣ такой, что кажется, будто тонкое облако пара стоитъ *надъ ликующей толпой* и какъ дымкой застилаетъ безчисленные огни громадныхъ люстръ. Лѣнь обдаетъ каждаго своимъ снотворнымъ обаяніемъ; пары, соединенныя случаемъ, любовью, ревностью, шалостью, всѣмъ на свѣтѣ наконецъ, двигаются медленнѣе, говорятъ отрывистѣе; всякое чувство, кажется, становится мягче, снисходительнѣе; только платки и вѣера постояннымъ движеніемъ освѣжаютъ на мгновенье подъ ревнивымъ картономъ душной шелковой маски раскраснѣвшіяся щечки красавицъ. Время проходитъ незамѣтно. Вотъ и полночь. Волынкинъ стоитъ, прислонившись къ колоннѣ, направо отъ одной изъ эстрадъ, весьма равнодушнымъ взгля-

домъ встрѣчая и провожая мелькающихъ мимо его масокъ.» (Ч. IV, стр. 5, 6 и 7).

Такимъ прекраснымъ слогомъ написанъ весь романъ. Но кто же этотъ *Волынкинъ*, который «стоитъ прислонившись къ колоннѣ, направо отъ одной изъ эстрадъ?» Ахъ, Боже мой, да кто же можетъ стоять прислонившись къ колоннѣ, и пр., какъ не самъ герой романа? Это онъ самый и есть. Видите ли, въ чемъ дѣло.

«Ярко горѣлъ карсель *въ гостиной Степаниды Львовны подъ большимъ цвѣточнымъ абажуромъ*, освѣщая только впрочемъ середину комнаты и оставляя въ тѣни ея окраины». (Ч. I. стр. 7).

У этой самой «Степаниды Львовны подъ большимъ цвѣточнымъ абажуромъ» есть дочь Вѣра, «дѣвушка высокаго роста, съ удивительной таліей, имѣющая блестящіе черные глаза, *осѣненные* длинными рѣсницами.» Эта «дѣвушка съ осѣненными глазами» имѣетъ подругу, Настеньку Дебелину, у которой «темнорусые волосы, густо взбитые на вискахъ и тщательно причесанные, оттѣняютъ еще болѣе прозрачную бѣлизну кожи.» Глаза у «дѣвушки съ оттѣненною еще болѣе бѣлизною кожи» — не блестящи, но за то у ней есть «два ряда блестящихъ и ровныхъ зубовъ», вслѣдствіе чего эта дѣвушка въ продолженіе романа и оказывается дѣйствительно очень зубастою. Она живетъ съ матерью и вертитъ ею, какъ хочетъ, точно такъ же, какъ и своей подругой Вѣрой. Пріѣхавши въ Москву, она вздумала выйдти непремѣнно за Петю Волынкина «молодаго человѣка лѣтъ тридцати, съ коротко остриженными волосами, пробранными сзади и нѣсколько выпукло закрывающими виски.» Для этого она знакомится съ нимъ черезъ своего кузена Сермягина, «молодаго человѣка, бѣлокураго и завитаго, одѣтаго по послѣдней модѣ.» Волынкинъ сначала ухаживаетъ за Настенькой, но потомъ съ нимъ происходитъ странный случай. На вечерѣ у Дебелиныхъ Вѣра Струйская начинаетъ пѣть, и Волынкинъ начинаетъ пѣть. И вдругъ онъ припоминаетъ, что уже слышалъ этотъ голосъ: годъ тому назадъ онъ жилъ въ Петербургѣ у своего дяди, и только черезъ стѣнку отъ него жила пѣвица, съ которою онъ и перекликался, не видавъ ея, впрочемъ, ни разу.... Она въ свою очередь тоже вспомнила его голосъ, и по окончаніи его пѣнія сказала: «такъ это были вы?» Но онъ ей ничего не отвѣтилъ, ибо ея фамилія была — Струйская, а фамилія тетки, съ которой она жила въ Петербургѣ, рядомъ съ Волынкинымъ, была — Ступицына. Обстоятельство это совершенно сбило съ толку Волынкина, и онъ поклялся, во что бы то ни стало, добыть разгадку такой непостижимой тайны.... Между тѣмъ онъ

увидалъ, что Настенька зла и бездушна, и влюбился въ Вѣру, а она въ него. Видя это, Настенька принялась дѣлать имъ разныя пакости. Но ничто не помогало,—Волынкинъ и Вѣра только возненавидѣли ее, и по соображеніямъ Настеньки, дѣло между ними уже близко было къ сватовству. Тогда она отправилась къ Вѣрѣ и разыграла предъ ней сцену съ обморокомъ, въ которой объявила, что любитъ Волынкина, что Вѣра его у нея отбила и вслѣдствіе того она пойдетъ въ монастырь. Вѣра рѣшается на самопожертвованіе для своей подруги и разсказываетъ объ этомъ Силѣ Савичу, старику приживальщику въ ихъ домѣ. Разчувствовавшись, эта достойная дѣвица говоритъ превосходнымъ слогомъ, — не хуже самого князя Кугушева или Гр. Данилевскаго. Тутъ же упоминаетъ она о пѣвцѣ, слышанномъ ею за стѣной, — въ слѣдующихъ краснорѣчивыхъ выраженіяхъ.

«Не знаю, что со мной было,—устала ли я очень, душа ли моя была такъ настроена, только каждая незнакомая нота незнакомаго голоса неизвѣстнаго пѣвца глубоко и больно проникала въ мое сердце. Отъ того-то оно и билось такъ.... Казалось, каждая нота говорила ему: «сердце, ты молодо, ты неопытно, ты хочешь любви. Зачѣмъ же дѣло стало? Люби меня — я молодъ, я обдамъ тебя моимъ обаяніемъ, прожгу тебя насквозь, пропитаю моимъ очарованіемъ, возвышу, облагорожу. Слушай же меня, сердце, и люби меня.» И точно, Сила Савичъ, сердце мое, поддаваясь очарованію, знакомилось со всѣмъ тѣмъ, что, въ извѣстное время, должно, мнѣ кажется, жить въ немъ. Ахъ, этотъ непрошенный гость! Вы понимаете, кто онъ? Любовь, Сила Савичъ. Я не ждала этого гостя, онъ самъ явился, таинственно изъ-за стѣны. Пришелъ и остался безъ церемоніи. Ахъ, что за звучный, молодой и свѣжій голосъ былъ у моего незнакомаго сосѣда! А мысль-то между тѣмъ, а воображеніе работали: шорохъ, звуки принимали форму; мнѣ казалось,—сейчасъ развалится стѣна и къ ногамъ моимъ упадетъ юноша. Однакожъ скоро все стихло, тишина такая сдѣлалась, только сердце мое не умолкло.... нѣтъ.... Какую ночь я провела, если бы вы знали, Сила Савичъ!»

Вслѣдъ за разсказомъ Вѣры, является Волынкинъ, и повѣствуетъ ту же исторію: у меня, говоритъ, былъ пріятель, съ которымъ случилось то и то.... Затѣмъ объясняетъ: «этотъ пріятель, говоритъ, былъ я самъ; а пѣвица — были вы». Но Вѣра, вѣрная своей рѣшимости принести себѣ въ жертву, говоритъ: «нѣтъ, это была не я»,—и уходитъ. Волынкинъ въ отчаяніи; какъ же однако Вѣра сказала мнѣ въ тотъ вечеръ: «такъ это были вы?» думаетъ онъ. Что же это такое.... «Мое положеніе ужасно! Или я брежу, или я съ ума сошелъ? Вѣдь не сонъ же все это? Это не она была, это ясно. Отчего же голосъ тотъ же? Сердце то же говоритъ, что̀ тогда?» и пр. Сила Са-

[illegible] поспѣшаетъ на помощь и на трехъ страницахъ успѣваетъ наконецъ вразумить безтолковаго «молодаго человѣка лѣтъ тридцати». Все объясняется, самопожертвованіе Вѣры оказывается ненужнымъ (ибо она не отбивала Волынкина у Настеньки, а знала его еще раньше, по голосу черезъ стѣнку), и свадьба рѣшена. Въ предотвращеніе всякихъ непріятностей и недоразумѣній въ будущемъ, Волынкинъ даритъ Вѣрѣ молитвенникъ, съ такою пышною рѣчью:

«Съ этимъ, идите смѣло за мною. Здѣсь вы найдете отвѣтъ на всякій вопросъ, который задастъ вамъ жизнь, или вы предложите жизни. Здѣсь вы найдете отраду, если горе васъ постигнетъ; здѣсь же почерпнете утѣшеніе, если когда нибудь во мнѣ ошибетесь. Я хотѣлъ, чтобъ религія была основаніемъ нашего союза. По этому молитвеннику молитесь за меня при жизни, по немъ же молитесь, молитесь и послѣ, когда»....

Несмотря однакоже на восторженность Волынкина и Вѣры, счастіе ихъ оказывается непрочно. Настенька пріискиваетъ новыя средства разстроить свадьбу. У Волынкина есть танцовщица Варенька, дѣвушка, у которой «верхнюю губку покрываетъ легкій, едва замѣтный намекъ на что-то такое, напоминающее усъ.» У этой дѣвушки съ легкимъ намекомъ на что-то такое, напоминающее усъ, есть сынъ отъ Волынкина. Волынкинъ хочетъ обезпечить ее и сына, давши имъ десять тысячъ рублей, но исполненіемъ своего намѣренія медлитъ. А между тѣмъ за Вареньку хлопочетъ Анна Антоновна, покровительница всѣхъ хорошенькихъ содержанокъ. Разузнавъ всю исторію Волынкина, Анна Антоновна посылаетъ къ Настенькѣ Дебелиной одну изъ записокъ Волынкина къ Варенькѣ. Настенька отправляется съ запискою въ маскарадъ, (чудное описаніе котораго привели мы выше), и тамъ показываетъ записку Волынкину и говоритъ, что могла бы разстроить его свадьбу этимъ документомъ, но не хочетъ дѣлать ему непріятностей, потому что сама страстно любитъ его. Волынкинъ и въ этомъ свиданіи оказался такъ глупъ, что на пяти страницахъ, несмотря на всѣ старанія Настеньки открыть ему себя въ разговорѣ, никакъ не могъ догадаться, кто она, пока она не сняла маску. Но послѣ свиданія съ нею, онъ поглупѣлъ еще болѣе, если это возможно. Онъ началъ скрытничать съ Вѣрой и, вообразивъ, что Настенька его ангелъ-хранитель, началъ ее восхваливать предъ Вѣрой; а Настенька на другой день показала записку Вѣрѣ, и Вѣра пришла въ отчаяніе. Не вѣря, что это точно писалъ Волынкинъ, она проситъ его написать ей что нибудь въ альбомъ; онъ пишетъ, и по сличенію рукъ оказывается, что записка точно писана имъ. Вѣра въ ужасѣ; но Сила Савичъ ее успокоиваетъ, говоря, что это ничего

не значитъ, что подобныя амуретки у всякаго бываютъ, и пр. Вѣра повѣрила, но черезъ нѣсколько дней явилась къ ней сама Варенька, недождавшаяся повѣреннаго, который долженъ былъ принести ей деньги отъ Волынкина, и подумавшая, что онъ обманулъ ее. Произошла сцена, послѣ которой Волынкину было отказано. Черезъ годъ потомъ онъ женился на Настенькѣ, а Варенька завела другаго обожателя.

Таково содержаніе краснорѣчиваго романа князя Г. В. Кугушева. Разумѣется, мы тутъ еще пропустили многое, какъ, напримѣръ, сердечную драму княгини Рогожской и Сермягина, который, добившись свиданія у себя въ квартирѣ съ этой аристократкой, встрѣчаетъ ее «въ пестрѣйшемъ шолковомъ халатѣ и греческой фескѣ», вооруженный, притомъ предлиннымъ чубукомъ розоваго дерева, «вѣроятно, съ цѣлію окончательно уподобиться султану», по остроумному соображенію автора. Пропустили мы и много превосходныхъ описаній и разсужденій самого автора, совершенно выкупающихъ глупость героя романа. Напримѣръ, Волынкинъ, возвратившись изъ-за границы стоитъ съ матерью надъ могилой отца и плачетъ о немъ, но въ тоже время улыбается отъ радости, что свидѣлся съ матерью, — дѣло очень обыкновенное. Но авторъ, желая *возвысить* его плачъ, разсуждаетъ, уже самъ отъ себя, слѣдующимъ образомъ:

«Провидѣніе, казалось, стояло въ эту минуту между ними и, указывая на свѣжій дернъ, говорило: не радуйтесь, мнѣ угодно разлучить и васъ, разлучить на вѣки, это необходимо: вы любите другъ друга, вы не вѣрите въ возможность разлуки, пускай же одинъ изъ васъ смирится, пусть извѣдаетъ милосердіе Божіе, посылающее ему свой тяжелый крестъ, пусть носитъ онъ его безропотно, пусть молится и плачетъ: *Блажени плачущіе*.... И дѣйствительно чрезъ годъ Волынкинъ лишился матери, лишился внезапно. Такъ часто громъ, ударяя съ неба, однимъ ударомъ крушитъ молодое, стройное дерево, и оно, опаленное, клонитъ долу свою вершину, но корень живъ еще, вершина засыхаетъ, снизу идутъ новые отпрыски, жизненныя силы вытягиваютъ ихъ, они мужаютъ и снова ждутъ грозы и молніи. Волынкинъ былъ въ отчаяніи, сознавая вполнѣ свое одиночество. Но, несчастный, оплакивая мать, не плакалъ ли онъ о себѣ? Неужели, въ самомъ дѣлѣ, самое искреннее проявленіе грусти, самыя завѣтнѣйшія горьчайшія слезы не что иное, какъ проявленіе эгоизма? Если это такъ — это ужасно! Ужасно потому, что врядъ ли есть человѣкъ, достаточно религіозный, который, испытавъ жесточайшую изъ утратъ, сознавая весь ужасъ своего положенія, не позволилъ бы себѣ произнести ни одной жалобы, пролить ни единой слезы и только съ твердымъ упованіемъ, съ несокрушимою вѣрою сказалъ бы: Господи, благодарю Тебя?

Какое перо! Нельзя не восхищаться имъ, особенно, если принять во вниманіе, что этимъ самымъ перомъ написаны «Корнетъ Отлетаевъ,» и «Пыль,» производившіе такой фуроръ между читателями «Русскаго Вѣстника». Рѣшительно — для насъ князь Кугушевъ долженъ сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ для отцовъ нашихъ былъ графъ Соллогубъ и Н. Ф. Павловъ, какъ беллетристъ. Можно даже сказать болѣе: князь Кугушевъ для насъ долженъ быть тѣмъ, чѣмъ были для нашихъ дѣдовъ Рафаилъ Михайловичъ Зотовъ, Михаилъ Ивановичъ Воскресенскій и Константинъ Петровичъ Масальскій. Пусть только не унываетъ, упражняется и совершенствуется. Въ «Постороннемъ вліяніи» уже замѣтенъ прогрессъ, сравнительно съ прежними его повѣстями: тутъ уже не двѣ и не три, а четыре части; изданіе романа уже не грамотно и опрятно (какъ было въ «Русскомъ Вѣстникѣ»), а небрежно и сѣро; оно принадлежитъ уже не почтенному журналу, а просто книгопродавцу Салаеву. Пройдетъ еще два три года, и князь Кугушевъ можетъ быть издаваемъ уже Манухинымъ, Поляковымъ, или даже удостоится чести быть изданнымъ на иждивеніе г. Лисенкова, издателя сочиненій г. Булгарина. Тогда князь Кугушевъ попадетъ, безъ сомнѣнія, въ число популярнѣйшихъ, не только московскихъ, но и всероссійскихъ сочинителей.

. . . .

Царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный. Историческій драматизированный разсказъ, въ стихахъ. *А. Сухова.* Москва 1859 г.

Нижегородскій гражданинъ Косьма Мининъ, или освобожденіе Москвы въ 1612 г. Историческое повѣствованіе въ стихахъ. Сочиненіе *А. С.* Москва, 1859.

Вотъ этотъ сочинитель (ибо къ чему лукавить? — А. С. и А. Суховъ — одинъ и тотъ же сочинитель; это сейчасъ по слогу видно) — этотъ сочинитель, говоримъ мы, достигъ уже того, на что князь Кугушевъ еще только подаетъ надежды. Сочиненія г. А. Сухова печатаются уже такъ сѣро и безграмотно, что ничего болѣе въ этомъ отношеніи и желать нельзя. Говорить о нихъ не стоило бы; но мы именно хотимъ указать сочинителямъ, подобнымъ князю Кугушеву, на идеалъ, къ которому должны они стремиться, если хотятъ быть популярными. Творенія г. Сухова безъ всякаго сомнѣнія скоро будутъ продаваться вмѣстѣ съ «Бѣсомъ въ Полуштофѣ,» «Ѳомушкою въ Питерѣ,» «Впечатлѣніями Украйны» и другими сочиненіями гг. Татаринова, Муравьева и Нестерова. А между тѣмъ г. Суховъ слогомъ и смысломъ немного развѣ превосходитъ автора «Впе-

читателей Украйны», а съ княземъ Кугушевымъ можетъ развѣ только-что поравняться. Напр. вотъ содержаніе «историческаго драматизированнаго разсказа» объ Іоаннѣ Грозномъ. Малюта Скуратовъ влюбленъ въ Елену, дочь Бѣльскаго; но она влюблена въ князя Воротынскаго и выходитъ за него замужъ. Малюта клянется мстить за это и наговариваетъ Грозному на бояръ; въ это самое время умираетъ Анастасія, и Грозный причитаетъ надъ ея гробомъ и наконецъ падаетъ въ обморокъ. Конецъ. —

Содержаніе небогатое, но слогъ очень хорошъ. Самое начало уже говоритъ въ пользу пера г. Сухова. Начинается тѣмъ, что Елена смотритъ изъ окна въ садъ и говоритъ:

И ты, моя прекрасная луна,
Такъ свѣтло не всегда на землю смотришь,
Не рѣдко и тебя отъ нашихъ глазъ
Скрываютъ черныя, густыя тучи, —
Но дунетъ вѣтръ — и снова ты свѣтла.
А для меня.... ахъ!... Нѣтъ такого вѣтра,
Который бы разнесъ мою печаль....

Елена, по нашему мнѣнію, изяществомъ стиля не уступаетъ Вѣрѣ князя Кугушева. Да еще примите въ соображеніе, что она говоритъ стихами: это будетъ потруднѣе, чѣмъ прозой-то описывать свои чувства!...

Нянюшка Елены и какой-то Размыслъ устроиваютъ свиданіе Елены съ Воротынскимъ, ночью, въ саду. Потолковавши другъ съ другомъ очень страстно, они начинаютъ прощаться, и Воротынскій, какъ сказано у г. Сухова, *бросается къ Еленѣ.* Что у нихъ за тѣмъ происходитъ, неизвѣстно; но Размыслъ, стоя за кустомъ и смотря на нихъ, говоритъ вотъ какіе стихи:

Э-э! Постой! ты не цѣлуй, братъ, сильно,
Вѣдь этакъ *зубы выдавишь* княжнѣ.
Эге! да ты, мой другъ, *изволишь слюзить* —
Вотъ этого ужь я не ожидалъ,
Ну, вотъ прилипъ къ губамъ княжны, голубчикъ!
Обрадовался! съ роду въ первый разъ,
Знать этакимъ, братъ, жирнымъ-то кусочкомъ
Ты угощаешь *свой пустой желудокъ(!?)*
Ну, ужь довольно этого съ тебя....

Затѣмъ онъ уводитъ Воротынскаго, а въ садъ входитъ Бѣльскій, и начинаетъ сокрушаться о томъ, что дочь его опозорена! Глядя на Елену, лежащую безъ чувствъ, онъ восклицаетъ:

И ты, мое дитя, моя надежда,
Дочь князя Бѣльскаго, на что рѣшилась —
Да вѣдь тебя не трудно обольстить...

Мы не совсѣмъ поняли, что именно дѣлалъ Воротынскій съ Еленой, потому что не знаемъ значенія слова *слюзить*, употребленнаго Размысломъ въ самомъ интересномъ мѣстѣ. Но, судя по словамъ Бѣльскаго, нужно полагать, что *слюзить* значитъ обольщать дѣвушку....

Но лучшія мѣста пьесы относятся, разумѣется, къ характеристикѣ главнаго лица — Іоанна. Такъ, напримѣръ, личность Грознаго и весь тогдашній бытъ возстаютъ предъ нами въ пирушкѣ, заданной Іоанномъ по возвращеніи изъ казанскаго похода. Іоаннъ говоритъ здѣсь крылатыя рѣчи, а хоръ ихъ подхватываетъ и продолжаетъ. Напримѣръ:

Іоаннъ.

О, Русскій мечъ! греми по всей вселенной
Страшнѣе, чѣмъ небесный громъ гремитъ!
Пусть каждый врагъ, потупя взглядъ надменный,
Передъ тобой, о русскій мечъ, дрожитъ!

Хоръ.

О, Русскій мечъ, о, мечъ вѣнчанный
Издревле славой и крестомъ!
Будь страшенъ ты въ тревогѣ бранной
Для всѣхъ враговъ, какъ горній громъ!
(Пьютъ).

Но всего лучше рисуется личность Грознаго въ плачѣ, который, по мнѣнію г. Сухова, долженъ онъ произносить предъ гробомъ Анастасіи.

Встань изъ гроба, другъ мой милый,
Очи ясныя открой,
Или въ темную могилу
И меня возьми съ собой!
А одна, въ своей порфирѣ,
Отъ меня не улетай;
Одного въ враждебномъ мірѣ
Ты меня не покидай!
Кто, какъ ты, меня полюбитъ,
Кто, какъ ты, меня пойметъ?
Кто въ печали приголубитъ,

Слезы ласково отереть?
Провожу тебя въ могилу,
Ворочусь опять сюда;
Но другой, супруги милой
Не найду ужь никогда!
Не найду такого друга,
Вѣкъ останусь сиротой!
Встань же, встань, моя супруга,
И возьми меня съ собой!

Извѣстные стихи Пушкина:

Скинь мантилью, ангелъ милый,
И явись, какъ ясный день, и пр.

взяты, должно быть, изъ начала этого плача.

«Историческое повѣствованіе» о Мининѣ тоже очень любопытно. Разсказывать его содержанія мы не станемъ, но приведемъ послѣднюю картину, соединяющую грандіозное съ чувствительнымъ.

Москва. Красная площадь. 22-е октября 1612 г.

«Русское войско, при звукѣ трубъ, вступаетъ на Красную Площадь. Впереди Нижегородскаго ополченія *на бѣломъ конѣ съ золотой булавой въ рукѣ* князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій; *около него* нижегородскій гражданинъ Косьма Миничъ Сухорукій и князь Черкасскій, далѣе братъ князя Пожарскаго, Дмитрій Петровичъ Лопата Бояринъ Образцовъ, Мансуровъ и другіе воеводы. Впереди войска казацкаго, верховный воевода, князь Трубецкой, атаманы и урядники казацкіе. Побѣдители *торжественнымъ маршемъ* приближаются къ Фроловскимъ Воротамъ, изъ которыхъ выходятъ плѣнные бояре Русскіе, и народъ, *блѣдные, исхудалые, оборванные, истомленные голодомъ. Съ радостными криками и слезами умиленія плѣнные падаютъ передъ побѣдителями на колѣна и простирая къ небесамъ руки, славятъ долготерпѣніе и милость Божію.*

У Фроловскихъ Воротъ встрѣчаютъ побѣдителей Авраамій Палицынъ, Троицкій Архимандритъ Діонисій и духовенство съ иконою Владимірской Божіей Матери, съ крестами и хоругвями.

При вступленіи побѣдителей въ Кремль *раздается колокольный звонъ и духовенство соборомъ поетъ:* «Тебе Бога хвалимъ, Тебе небеснаго исповѣдуемъ!»

Колокольный звонъ сливается съ радостными криками народа. Побѣдители идутъ въ Успенскій Соборъ.

По высотѣ и трогательности своей эта картина стóитъ сцены на кладбищѣ и даже тѣхъ возвышенныхъ разсужденій, какія по поводу ея выразилъ князь Г. В. Кугушевъ, въ романѣ «Постороннее вліяніе».

Деревня. Разсказы для юношества о сельской природѣ и сельскомъ бытѣ. Спб. 1859.

Давно уже не встрѣчали мы дѣтской книги, такъ хорошо задуманной и исполненной, какъ «Деревня.» Мысль познакомить дѣтей съ явленіями природы и съ деревенской жизнію въ высшей степени заслуживаетъ одобренія. И видно, что сочинительница книжки (разсказы эти написаны дамой) принялась за свое дѣло съ полнымъ сознаніемъ его важности и пользы. Значеніе книжки всего лучше объясняется ея собственными словами, въ предисловіи.

«Какъ ни странно это, а надобно сознаться, что не только многіе городскіе жители, которые изъ города почти никуда не выѣзжали — развѣ только въ ближайшія окрестности, называемыя дачами, — но даже многіе изъ молодыхъ деревенскихъ жителей, которые и родились и воспитываются въ деревнѣ, — даже и они не знаютъ деревни и быта русскихъ мужичковъ, какъ имъ слѣдовало бы знать. Имъ часто случается проходить или проѣзжать въ экипажѣ мимо полей, случается видать и крестьянъ, работающихъ на полѣ, но они все-таки не знаютъ, что и какъ растетъ въ этихъ поляхъ, какъ они пашутся и засѣваются, какъ производятся разныя крестьянскія работы и какъ живутъ сами крестьяне. Имъ кажется, что имъ и не для чего это знать. Они думаютъ, что только то и занимательно, что происходитъ въ большихъ городахъ да въ иностранныхъ земляхъ, о которыхъ они читаютъ въ книгахъ или слышатъ отъ старшихъ, а на то, что происходитъ каждую минуту передъ ихъ глазами, въ поляхъ, въ лѣсу, въ крестьянскихъ жилищахъ, — и смотрѣть не стоитъ. Имъ кажется, что это нужно знать только крестьянину, который съ дѣтства не учится ничему болѣе, кромѣ сельскихъ работъ, и который въ этихъ работахъ проводитъ всю свою жизнь; а человѣку образованному или готовящемуся быть образованнымъ, человѣку, который учится и разнымъ наукамъ и иностраннымъ языкамъ, зачѣмъ ему знать, какъ пашутся и засѣваются поля, какъ производятся разныя крестьянскія работы, какъ живутъ сами крестьяне? Ему вовсе ненужно и нелюбопытно это знать. Но вѣдь не только то любопытно, что далеко отъ насъ. Много занимательнаго и прекраснаго разсѣяно около насъ на каждомъ шагу, да мы часто проходимъ мимо, и не замѣчаемъ. Мы все думаемъ, что диковинки за морями, за горами; а ихъ можно встрѣтить вездѣ. Природа вездѣ природа; вездѣ она занимательна и разнообразна, на сѣверѣ какъ и на югѣ....

«Но вѣдь въ деревнѣ не одна природа; есть и люди....

«Вотъ чернѣютъ въ концѣ поля за изгородью, которою оно обнесено, бревенчатыя стѣны и тесовыя и соломенныя крыши крестьянскихъ жилищъ. Немногіе изъ этихъ бревенчатыхъ домиковъ, или избъ, какъ

ихъ называютъ,—красивы на видъ: иные ветхи, малы, построены кое-какъ, покосились на бокъ. Но неужели вы думаете, что въ этихъ тѣсныхъ стѣнахъ, подъ этими низкими крышами, не происходитъ ничего хорошаго и занимательнаго, ничего такого, на что стоитъ посмотрѣть всякому, что можно и полюбить отъ души, когда увидишь? Если вы такъ думаете, вы очень ошибаетесь.

«Вѣдь наше отечество не только тотъ городъ, въ которомъ мы живемъ: Петербургъ, Москва, Тверь, Новгородъ, Ярославль или Тула. Русскія села и деревни — тоже наше отечество, русскіе мужички — тоже наши земляки. И мало того, что они наши земляки: они наши кормильцы. Мы каждый день ѣдимъ тотъ хлѣбъ, который они добываютъ изъ земли, въ потѣ лица; ихъ трудомъ мы сыты, ихъ трудомъ богато наше государство.

«Въ Россіи городовъ гораздо меньше, чѣмъ селъ и деревень; горожанъ меньше, чѣмъ сельскихъ жителей — крестьянъ и помѣщиковъ: безъ деревень не могли бы существовать и города; безъ сельскихъ жителей — нечѣмъ было бы кормиться горожанамъ.

«А что въ жизни русскихъ мужичковъ для васъ много незнакомаго, много такого, чего вы не увидите въ жизни горожанъ или людей образованнаго сословія, такъ объ этомъ и говорить нечего.

«И не только жизнь крестьянъ, даже жизнь многихъ помѣщиковъ, которые постоянно живутъ въ деревнѣ и сами хозяйничаютъ въ своихъ помѣстьяхъ, даже и ихъ жизнь и занятія во многомъ отличаются отъ жизни и занятій горожанъ. И въ ихъ жизни найдется кое-что особенное, свое, чего нѣтъ въ жизни городскихъ жителей. А въ жизни крестьянъ этого особеннаго еще больше. Жизнь русскихъ крестьянъ землепашцевъ многимъ отличается и отъ жизни горожанъ, и отъ жизни помѣщиковъ. Это совсѣмъ особенная жизнь, съ особенными занятіями, особенными обычаями. И говоритъ русскій мужичекъ, хоть тѣмъ же русскимъ языкомъ, какъ и мы, да не совсѣмъ такъ: иногда образованный горожанинъ не пойметъ мужичка, иногда мужичекъ не пойметъ горожанина, хоть оба говорятъ по русски. И одѣваются крестьяне и крестьянки не такъ, какъ мы, и жилища у нихъ не такъ устроены, и привычки у нихъ иныя, чѣмъ у насъ.

А между тѣмъ, несмотря на это, мы чувствуемъ, глядя на нихъ и на ихъ житье-бытье и слушая ихъ разговоръ, мы чувствуемъ, что ихъ жизнь и ихъ языкъ не совсѣмъ для насъ чужіе; мы чувствуемъ, что хоть на мужичкѣ сѣрый сермяжный кафтанъ, грубый и неуклюжій, а на насъ тонкое, щеголеватое платье, хоть у него и походка и пріемы совсѣмъ иные, чѣмъ у насъ, а все же, несмотря на эту видимую разницу, онъ намъ сродни и чѣмъ-то на насъ похожъ. Онъ взглянетъ, засмѣется, и намъ понятны и этотъ взглядъ, и этотъ смѣхъ, и у насъ въ отвѣтъ на нихъ что-то зашевелится въ душѣ. Да! гдѣ бы мы ни жили, хоть бы въ самомъ блистательномъ, столичномъ городѣ Петербургѣ, и кто бы мы ни были, хоть бы первые богачи или первые ученые въ городѣ, мы все таки чувствуемъ, что между нами и рус-

самимъ мужичкомъ, въ какомъ бы захолустьѣ онъ ни скрывался, есть много общаго, много сходныхъ, врожденныхъ свойствъ и наклонностей.»

Проникнутая такими мыслями, разскащица сообщаетъ дѣтямъ множество описаній нашей сельской природы, луговъ, лѣсовъ, озера, рѣки и пр., говоритъ о сельскихъ работахъ—о сѣнокосѣ, жнитвѣ, молотьбѣ, изображаетъ жизнь мужиковъ, ихъ труды и отдохновенія и пр. Описанія природы нѣсколько растянуты: видно, что разскащица, думая примѣняться къ смыслу дѣтей, нарочно старалась часто перевертывать для нихъ одну и туже фразу (что замѣтно отчасти и въ приведенномъ нами предисловіи). Это во многихъ мѣстахъ вредитъ полному изяществу и живости описанія. Но за то сельскія работы описаны очепь просто и отчетливо. Кромѣ того, замѣтно, что описанія эти согрѣты теплымъ чувствомъ любви къ крестьянамъ, *кормильцамъ* нашимъ, и полны уваженіемъ къ ихъ невзрачному, но истинно-полезному труду. Одно непріятно поразило насъ въ «Деревнѣ»: нѣсколько идиллическій тонъ, придаваемый разскащицею многимъ описаніямъ. Кто живалъ въ деревнѣ, тотъ знаетъ, напримѣръ, что *помочь*, собираемая помѣщикомъ, вовсе не вездѣ и не всегда бываетъ такъ радушна, исполнена праздничной готовности и преданности, какъ это описывается въ «Деревнѣ». Точно такъ же, людямъ, бывавшимъ на сѣнокосѣ, извѣстно, что эта работа, если и считается легкою, то только сравнительно съ жнитвомъ, а въ самомъ дѣлѣ она также порядочно можетъ намозолить руки. А разскащица описываетъ сѣнокосъ такъ, что по ея изображенію нужно подумать, будто сѣнокосъ есть одна забава, сельскій праздникъ, и болѣе ничего.... Словомъ—мы желали бы, чтобы въ книжкѣ крестьянскій бытъ изображался не въ столь радужномъ цвѣтѣ.

Избѣгая описанія тѣхъ сторонъ сельскаго быта, которыя имѣютъ довольно мрачный характеръ, разскащица, конечно, имѣла свои основанія: она боялась компрометировать крестьянскій бытъ, показавши своимъ юнымъ читателямъ изнанку его. Но намъ кажется, что она могла бы очень удобно изобразить не только горе, нужду и безпомощность крестьянъ, но даже самые пороки ихъ — и при всемъ этомъ не отвратить отъ нихъ сочувствія читателя. Слѣдовало только показать, что̀ и какъ довело и доводитъ крестьянъ до этихъ пороковъ. Тогда отвращеніе и негодованіе читателей само собою перешло бы отъ крестьянъ къ тѣмъ внѣшнимъ обстоятельствамъ, которыя такъ неблагопріятно дѣйствуютъ на ихъ матеріальное довольство и на самую нравственность. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ раз-

сказщица и дѣлаетъ попытки подобныхъ объясненій. Такъ напримѣръ, она довольно основательно говоритъ о томъ, отъ чего зависитъ пьянство, распространенное между мужиками, чѣмъ поддерживается ихъ безпечность, и пр. Но вообще говоря, такихъ указаній въ книжкѣ недостаточно, и это составляетъ ея слабую сторону.

Но все-таки эта книга въ тысячу разъ лучше и полезнѣе всякихъ нравоучительныхъ разсказовъ о смирномъ Ванѣ и непослушномъ Мишѣ, и т. п. Нельзя не пожелать, чтобъ на нее обращено было особенное вниманіе тѣхъ, кому приходится выбирать книги для дѣтскаго чтенія.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

МАЙ И ІЮНЬ 1859 ГОДА.

Время, когда литературная критика ограничивалась важными разсужденіями о слогѣ и грамматической правильности языка разбираемыхъ произведеній, не обращая большаго вниманія на ихъ внутренній смыслъ, давно миновало. Красота стиля, благозвучныя фразы, стройное согласованіе словъ и проч. и проч. — могли, разумѣется, дорого цѣниться въ такую пору, когда языкъ не былъ еще достаточно выработанъ для принятія въ себя серьёзнаго содержанія. Тогда, конечно, могло имѣть значеніе бо̀льшее или меньшее умѣнье покорять своей мысли этотъ еще грубый и неподатливый матеріалъ. Но это время даже для русской литературы — время давнопрошедшее. Теперь никто не способенъ повторять съ восторгомъ, какъ музыку какую нибудь, фразы въ родѣ: «Раздался звукъ вѣчеваго колокола, и дрогнули сердца въ Новѣгородѣ», или восхищаться звукоподражательною красотой стишковъ въ родѣ: «Отъ топота копытъ пыль по полю летитъ». Мало того, никого не удивитъ въ поэмѣ звучность стиха и богатство риѳмы, въ комедіи или романѣ — мѣткость языка дѣйствующихъ лицъ. Заставить говорить въ повѣсти крестьянина крестьянскимъ языкомъ, мѣщанина — мѣщанскимъ, и т. д., не составляетъ уже ровно никакой заслуги въ наше время. Вѣдь я не стану изображать лицъ, которыхъ никогда не видалъ и не слыхалъ. А если я ихъ видѣлъ и слышалъ, да у меня есть хоть малая доля художественнаго такта, то что же тутъ такого особеннаго, что

я крестьянскую дѣвушку не заставляю выражаться языкомъ «Бѣдной Лизы», и что какой нибудь староста Ефимъ у меня просто-напросто староста Ефимъ, а не добродѣтельный Фролъ Силинъ. Надѣюсь, что никто не станетъ осыпать меня за это похвалами. Все это не еще достоинства при извѣстной степени развитія литературы. Предположимъ, что я до тонкости изучилъ, знаю всю обстановку изображаемыхъ мною лицъ, что они говорятъ у меня точь въ точь такъ, какъ въ дѣйствительности, что самый строгій судья отдастъ мнѣ въ этомъ полную справедливость; но если я въ этой обстановкѣ, въ этомъ языкѣ видѣлъ только предметъ для своей копировки и не вдумался въ самую жизнь, проявившуюся и въ томъ и въ другомъ, всякій назоветъ мертвечиной мое изображеніе и скажетъ мнѣ: «ужь лучше бы вы не такъ все подробно разсказывали, а дали мнѣ всего двѣ-три, да самыя яркія подробности; лучше бы вы не такъ рабски-вѣрно передавали эти фразы и выраженія, да я бы узналъ изъ нихъ что нибудь побольше того, что въ Устьсысольскѣ, Царевококшайскѣ или гдѣ тамъ хотите, говорятъ *тоже* вмѣсто *хорошо*, *надысь* вмѣсто *на дняхъ* и т. п.» Изображеніе русскаго быта «Казака Луганскаго» можетъ быть вѣрнѣе въ мелкихъ подробностяхъ изображеній того же быта Тургенева; но за всю кипу сочиненій г. Даля нельзя отдать одного разсказа изъ «Записокъ Охотника». Скажутъ: все зависитъ отъ таланта. Разумѣется, талантъ великое дѣло; но и развитіе въ уровень съ требованіями времени, и пониманіе явленій жизни, а не мелочная ихъ копировка,—что нибудь да значутъ. Или это пустяки?

Къ пластическимъ искусствамъ критика нашего времени можетъ и должна быть еще строже, чѣмъ къ литературѣ. Русской живописи, напримѣръ, нечего трудиться надъ своею матеріальной стороной такъ, какъ трудилась русская литература надъ языкомъ. Въ этомъ отношеніи всѣ народы—земляки, и что сдѣлано по этой части итальянцами, фламандцами, французами, того намъ дѣлать сызнова нечего. Намъ надо продолжать пройденный европейскимъ искусствомъ путь, а не повторять его. Само собою разумѣется, характеръ нашего искусства долженъ быть иной, какъ иная у насъ національность, иная исторія, иныя географическія условія. Космополитизмъ невозможенъ пока еще и въ живописи. Зурбаранъ могъ явиться только въ монашеской Испаніи; Жерарь Доу и Метсу не нашли бы въ Италіи пищи своему тихому вдохновенію. Каковъ будетъ характеръ русской живописи, судить еще нельзя; но что мы не ограничимся только повтореніемъ сдѣланнаго до насъ, въ этомъ намъ порукой картина Иванова, за которою осталось первое мѣсто на выставкѣ, какъ во всемъ, что до сихъ поръ произвела русская живопись.

Странное чувство овладѣло нами, когда отъ «Явленія Мессіи» Иванова мы пошли по остальнымъ заламъ академіи. Отъ произведенія, которое представляетъ послѣдній шагъ современнаго искусства и открываетъ ему новые пути, мы, казалось, перешли къ коллекціи какихъ-то никудабудь. О картинѣ Иванова уже много было у насъ писано, хотя сказано еще далеко не все, что̀ бы слѣдовало. Рѣчь о ней завела бы насъ слишкомъ вдаль и заставила бы забыть о намѣреніи высказать нѣсколько замѣчаній по поводу печальной выставки нынѣшняго года, которой она такъ же чужда, какъ искусство чуждо ремеслу.

Изъ числа выставленныхъ «художественныхъ» произведеній мы будемъ имѣть въ виду только живопись (такъ какъ она занимаетъ главное мѣсто на выставкѣ) и притомъ только картины русскихъ художниковъ. Иностранныхъ присылокъ немного; замѣчательнаго между ними рѣшительно ничего нѣтъ; самое появленіе ихъ на русской выставкѣ — случайно; стало быть, можно оставить ихъ въ сторонѣ. Предоставляемъ также спеціалистамъ оцѣнить достоинство архитектурныхъ проектовъ. Замѣтимъ только, что *одиннадцать* художниковъ посвятили свои труды на составленіе проэктовъ «торговаго дома *для* женскихъ нарядовъ», и *четверо* занялись сочиненіемъ проектовъ «*роскошныхъ* торговыхъ бань». Изъ послѣдняго нумера тегеранскаго «Монитёра» мы узнали, что нашему искусству грозитъ сильное соперничество со стороны Персіи: тамъ не четверо, а сорокъ художниковъ погружены въ творческія думы о возведеніи не просто роскошныхъ, а роскошнѣйшихъ торговыхъ бань. По національной гордости, позволяемъ себѣ думать, что все-таки наша возьметъ и что на слѣдующей выставкѣ мы увидимъ недостающіе для полнаго комплекта тридцать шесть проэктовъ.

Обратимся къ живописи. Первое, что васъ поражаетъ, это совершенная невозможность приложить къ массѣ выставленныхъ произведеній мѣрку современной критики. Этой критикѣ до всѣхъ этихъ слишкомъ двухъ сотенъ картинъ не можетъ быть никакого дѣла. Другая статья, если начать разсуждать (какъ нѣкогда разсуждали о реторическихъ и грамматическихъ тонкостяхъ) о томъ, какъ слѣдуетъ держать кисть, какую краску смѣшивать съ какою, чтобы вышла такая то, что̀ значитъ первый планъ, и что̀ второй, и т. д. и т. д. Затѣмъ можно, пожалуй, поговорить о выраженіи въ живописи страстей, о высокомъ, среднемъ и низкомъ или подломъ стилѣ. Къ первому слѣдуетъ, разумѣется, отнести двѣ прелестнѣйшія по мысли и преимущественно по выполненію картины г. Тютрюмова: *Зарему* съ синими бѣлками, съ синимъ кинжаломъ въ рукѣ, съ синимъ небомъ надъ головой и чуть ли не синими же отъ кипѣнья страсти гу-

бани (какая гармонія внѣшняго міра съ внутреннимъ!), и *Офелію*, у которой глаза можетъ быть уже совсѣмъ выскочили съ тѣхъ поръ, какъ мы ушли съ выставки. Выше этого *стиля* ужъ и быть ничего не можетъ, и передъ двумя этими перлами должны поблѣднѣть и *Раскаяніе итальянскаго художника*, г. академика П. Орлова, и *Любопытство пажа*, г. академика Бутковскаго (ужъ одни сюжеты чего стоятъ!), и *Молодой ваятель*, г. Невзорова, котораго (т. е. ваятеля, а не г. Невзорова) стоило бы признать академикомъ за удивительную чистоту и опрятность при занятіи ваяніемъ; бьетъ молоткомъ и рѣзцомъ, и хоть бы соринку уронилъ; и самъ такой чистенькій, какъ будто только-что изъ бани; воротничекъ бѣленькій; и какая ловкость! какое искусство! На лицѣ написано, что, несмотря на молодыя лѣта, произвести какую угодно статую ему все равно, что выпить стаканъ воды; тяпъ-ляпъ и — Венера Милосская! — Къ среднему стилю можемъ отнести.... Но мы представляемъ это критикамъ, которые сильнѣе насъ въ классификаціи.

Сколько ни старались мы хоть въ чемъ-нибудь изъ всей массы выставленныхъ картинъ найти органическую связь съ общимъ ходомъ и развитіемъ искусства, связи этой мы нигдѣ не видали. Казалось, онѣ создались какъ-то особнякомъ, совершенно отдѣльно отъ всего, что было до нихъ; ничто не пріурочиваетъ ихъ ни къ нашему времени, ни къ нашему обществу; это какія-то случайныя явленія, не вызванныя никакою потребностью. Вездѣ работа руки, нигдѣ работы мысли. Порой вы наталкиваетесь на какія-то смутныя воспоминанія. Такъ — чтобы не перебирать многаго — въ картинѣ г. Хлѣбовскаго: *Императрица Екатерина II принимаетъ депутацію запорожскихъ козаковъ въ Царскосельскомъ дворцѣ*, придворныя дамы налѣво (лучшія фигуры во всей картинѣ) напоминаютъ вамъ маркизъ Ваттó и чуть ли даже не картинки на финифтяныхъ табакеркахъ; *Римскій пастухъ*, г. Худякова (вещь, впрочемъ, очень милая) — какъ будто тоже вашъ старый знакомый, хотя вы и не можете въ точности опредѣлить, гдѣ вы его видѣли, — знаете только, что видѣли много разъ. Мы уже не говоримъ о двухъ истинно замѣчательныхъ, по бездарности и по беззастѣнчивому эклектизму, картинахъ г. пенсіонера Сверчкова: *Чтеніе письма у камина* и *Внутренній* (а намъ кажется, наружный) *видъ лѣстницы среднихъ вѣковъ*. Это, видите ли, нѣчто въ нидерландскомъ вкусѣ, а потому, напримѣръ, женская фигура въ атласномъ платьѣ въ первой картинѣ настолько же принадлежитъ г. Сверчкову, насколько Міерису или Каспару Нечеру.

Кстати объ атласѣ. На каждомъ шагу васъ поражаютъ видимыя и часто очень успѣшныя старанія нарисовать атласъ, сукно, бархатъ, мѣхъ такъ, чтобы купецъ, подойдя къ картинѣ, безъ ошибки

могъ сказать, что атласъ, сукно или бархатъ, изображенныя на ней, стоятъ столько-то рублей аршинъ и даже изготовлены на такой-то фабрикѣ. Это качество, пожалуй, не было бы совершенно лишнимъ, еслибъ на него художники смотрѣли, только какъ на средство къ произведенію большаго эффекта цѣлымъ картины; но въ томъ-то и бѣда, что оно повидимому служитъ часто цѣлью, и при чрезвычайной живости костюма вы не находите никакой жизни въ самыхъ лицахъ. Страннѣе всего видѣть это на портретахъ, гдѣ, кажется, все вниманіе художника должно бы быть обращено на лицо оригинала. Особенной славой по части портретной живописи пользуется у насъ г. Зарянко. Мы никогда не считали портреты его произведеніями, которыя останутся украшеніемъ музеевъ послѣ того, какъ перестанутъ быть домашнею драгоцѣнностью ихъ оригиналовъ, и новый портретъ г. Зарянко, выставленный нынче, не поколебалъ нашего мнѣнія. Опять таже отдѣлка аксесуаровъ, опять таже тщательность и вѣрность въ копировкѣ каждой черты лица подлинника, и опять таже безжизненность. Въ лицахъ г. Зарянко есть что-то очень схожее съ лицами хорошихъ восковыхъ фигуръ. Тоже можно сказать и о г. Маляренкѣ, который довелъ почти до комическаго совершенства недостатки г. Зарянко, недостатки, которые къ несчастію многіе еще до сихъ поръ считаютъ чуть не первоклассными достоинствами. Выставленный г. Маляренко портретъ кажется намъ рѣшительной пародіей на манеру писать сюртуки и шубы вмѣсто лицъ.

Портретовъ на выставкѣ вообще очень много; но почти всѣ они относятся гораздо больше къ ремеслу, чѣмъ къ искусству. Имъ мѣсто скорѣе на окнахъ портретнаго живописца, чѣмъ на художественной выставкѣ. Исключеніями кажутся намъ только — женскій портретъ (г-жи Аладьиной), князя Черкасскаго, нелишенный жизни и выраженія, и въ особенности портретъ генерала Ермолова, написанный г. Дмитріевымъ-Мамоновымъ. Не говоря уже о томъ, что мы видимъ въ послѣднихъ полное отсутствіе рутины, совершенное пренебреженіе всякими аксесуарами, смѣлость и силу рисовки, передъ нами, кромѣ того,—живое, почти говорящее лицо, живое и говорящее именно потому, что художникъ не вырисовывалъ каждаго волоска и каждой морщинки съ тщательностью мелкаго ремесленника, отдѣлывающаго орнаменты къ вещи, назначенія которой онъ совсѣмъ не понимаетъ. Эта пунктуальность, эта мелочная вѣрность — не то же ли самое и въ живописи, какъ въ литературѣ? Напоминаемъ читателю то, что мы сказали въ началѣ нашей статьи. Предаваясь такой тщательной копировкѣ, художникъ мало по малу перестаетъ быть художникомъ. Дѣятельность его превращается въ какое-то машинное производство. Конечно, машинныя

кружева ровнѣе и глаже ручныхъ, да лучше ли онѣ отъ этого и дороже ли цѣнятся? Упомянувъ объ одномъ портретѣ гр. Дмитріева-Мамонова, мы скажемъ два слова и о другомъ. Намъ было неприятно видѣть въ немъ большую претензію на эффектъ; одно лицо безъ всей поэтической обстановки à la Чайльдъ Гарольдъ или à la Печоринъ говорило бы намъ гораздо больше. Зачѣмъ эти осеннія деревья, эта енотовая шуба, когда человѣкъ стоитъ безъ шапки? Претензія испортила портретъ; безъ нея мы имѣли бы очень хорошую вещь (*).

Изъ числа жанровъ, къ которымъ преимущественно примѣняется сказанное нами выше о копировкѣ подробностей безъ вниканія во внутренній смыслъ, можно исключить только два: *Внутренность харчевни*, г. Попова, за которую объявлена ему похвала; и *Пряху*, г. Мясоѣдова, за которую даже и похвалы не объявлено. Въ первой картинѣ видна замѣчательная наблюдательность и стараніе передать не однѣ мелочи обстановки, но и самый характеръ явленій. Старанія эти до извѣстной степени увѣнчались успѣхомъ. Вторая картина полна меланхолической поэзіи нашей деревенской жизни. Хорошенькая дѣвочка, прилавшая къ плечу бабушки, стоила бы золотой медали, если только художникъ нуждается въ этой медали и еще не имѣетъ ея. Мѣриломъ художественныхъ достоинствъ до сихъ поръ, кажется, считается опять-таки умѣнье копировать подробности; а что касается до внутренняго смысла, его можетъ и не быть вовсе. Только въ такомъ случаѣ понятны появленія на выставкѣ жалкихъ, достойныхъ покойнаго «Весельчака» (и то въ послѣдніе дни его существованія) картинъ, какъ *Консультація*, г. Пржецславскаго, или *Ростовщикъ*, г. Шильдера. Что и говорить, — шаль и платье на дамѣ въ послѣдней картинѣ, халатъ на жидѣ въ ней же, и сюртукъ и халатъ въ первой — сдѣлали бы честь любой вывѣскѣ моднаго магазина; но... однимъ словомъ, мы чуть не начали повторять въ десятый разъ того, что уже сказали. Достоинства, какія мы видимъ съ этой точки зрѣнія въ произведеніяхъ гг. Пржецславскаго и Шильдера являются не въ меньшей, если не въ большей степени въ картинѣ г. Якоби: *Казанскіе татары, продавцы халатовъ*. Къ безукоризненной отдѣлкѣ аксессуаровъ здѣсь присоединяется и типичность самыхъ лицъ торгашей, и не будь въ картинѣ вовсе ненужной, сухой фигуры покуп-

(*) На выставкѣ есть портретъ Иванова, автора «Явленія Мессіи», нарисованный г-жею Хвощинской на память послѣ его смерти, такъ какъ при жизни Ивановъ не позволялъ снимать съ себя портрета. Къ сожалѣнію, мы не нашли въ этомъ портретѣ никакого сходства съ покойнымъ художникомъ. Полное игры и жизни лицо его вышло неподвижно и мертвенно. Самыя черты нисколько не напоминаютъ оригиналъ, особенно мутные глаза безъ всякаго выраженія.

щика, мы бы, не обинуясь, назвали ее одною изъ талантливѣйшихъ картинъ нынѣшней выставки. Но, должно быть для рутинерскаго взгляда свидѣтельство въ безвкусіи, подобное помянутой «Консультаціи», равняется этюду г. Якоби, а безвкусіе, соединенное съ претензіями, именующееся «Ростовщикомъ», ставится выше его.

Удачныя фигуры замѣтили мы еще въ нѣкоторыхъ картинахъ, но отдѣльная фигура, какъ бы хороша она ни была, не украситъ цѣлаго, лишеннаго стройности; поэтому мы ничего не скажемъ о картинахъ, выставленныхъ во второй античной галлереѣ, изъ которыхъ большая часть явились вслѣдствіе программъ. Признаемся въ своей глупости: мы никакъ не можемъ понять, чтобы художникъ, даже съ большимъ талантомъ, былъ способенъ выискивать что нибудь, кромѣ своихъ внѣшнихъ, техническихъ сторонъ, въ работѣ по заказу. Къ несчастію, даже въ незаказанныхъ работахъ замѣтно по большей части что-то непроизвольное. Остановясь передъ иною исторической картиной, ясно видишь, что мысль написать ее пришла художнику не вслѣдствіе изученія исторіи, гдѣ воображеніе его затронули какія нибудь яркія черты времени или быта,—вовсе нѣтъ: это тоже своего рода заданная тема; разница только въ томъ, что эту тему задали ему не другіе, а онъ самъ. Дѣлается это обыкновенно такъ. Художникъ говоритъ себѣ: «Надо бы сочинить что нибудь историческое. Взять что нибудь поэффектнѣе. Побольше лицъ, побольше движенія. И драма чтобъ была, да и костюмы чтобъ были яркіе!» И съ этой задачей въ умѣ пересматриваются тощіе томы учебниковъ, гдѣ не безъ труда пріискивается избитый сюжетъ. Если это и не такъ въ дѣйствительности, то не мы виноваты въ нашемъ предположеніи: что̀ дѣлать, если такія предположенія невольно являются въ головѣ передъ нашими историческими картинами? Мы уже не говоримъ о совершенномъ незнакомствѣ съ поэзіей, которая представляетъ такой богатый источникъ вдохновенія для художниковъ европейскихъ. Вспомнимъ хоть Ари Шеффера съ его чудными картинами, можно сказать дополняющими для насъ «Фауста» Гёте, не говоря ужь о Корнеліусѣ и Каульбахѣ. Намъ скажутъ, пожалуй, что мы несправедливы, что вѣдь г. Тютрюмовъ вдохновился же Пушкинымъ и Шекспиромъ, что есть же на выставкѣ и еще двѣ картины, навѣянныя чтеніемъ Пушкина: а именно: *Отецъ Пименъ и Лжедимитрій въ кельѣ Чудова монастыря*, г. Зотова, и *Домикъ въ Коломнѣ*, г. Пескова. Для тѣхъ, кто видѣлъ три помянутыя картины, отвѣта на это замѣчаніе не нужно. Замѣтимъ только, что надо имѣть очень мало художественнаго чутья, чтобъ вдохновиться «Бахчисарайскимъ Фонтаномъ» и выбрать въ сюжеты анекдотъ о переодѣтомъ въ платьѣ кухарки мужчинѣ. Что̀ касается

до Офеліи и до лѣтописца, по нашему мнѣнію, надо вовсе не имѣть не только фантазіи, но и соображенія, чтобы такъ странно представить себѣ и ту, и другаго. Опять-таки случайность, недостатокъ серьёзнаго изученія, серьёзнаго взгляда на искуство.

Нужно ли также повторять, что старинное схоластическое опредѣленіе: «искусство есть украшенное воспроизведеніе природы», давно признано годнымъ развѣ для китайцевъ. Гдѣ-то на вывѣскѣ французскаго парикмахера въ Петербургѣ, не то на Невскомъ, не то на Морской, крупно написано золотомъ по темному фону: L'art embellit la nature. Вотъ куда пошла эта эстетика, и никто не находитъ ея неумѣстной въ девизѣ какого нибудь мосьё Жоржа или Эмиля. И между тѣмъ, передъ многими изъ выставленныхъ картинъ приходилось намъ вспомнить объ этомъ куафёрскомъ лозунгѣ. Савояры въ лентахъ и шелку, крестьянскія дѣти, чистотою и щеголеватостью похожія на тѣхъ куколъ, которыхъ водятъ гулять въ шелковыхъ рубашкахъ и бархатныхъ поддевкахъ по Лѣтнему Саду — все это такъ и мечется въ глаза своей яркой несообразностью. И опять-таки не столько виноватъ недостатокъ наблюдательности или наглядиаго знакомства съ жизнью, сколько недостатокъ серьёзнаго художественнаго образованія. Только оно (разумѣется, при общемъ развитіи) направитъ наблюдательность на достойные предметы и укажетъ въ окружающей художника жизни яркое не однимъ атласомъ и бархатомъ....

До сихъ поръ не рѣдкость увидать изумленное лицо у художника, когда ему говорятъ, что въ его картинѣ нѣтъ мысли. Иной готовъ спросить, какая же можетъ быть мысль, напримѣръ, хоть въ грязныхъ уличныхъ мальчикахъ Мурильйо? Ясно, что онъ разумѣетъ подъ мыслью въ художественномъ произведеніи не жизненную правду его, а какой-то дидактизмъ, вообще несвойственный искуству. Такъ, когда мы замѣтили одному художнику, что выставка нынѣшняго года страждетъ больше всего отсутствіемъ мысли, онъ возразилъ: «Разумѣется, выставка бѣдна; но есть и на ней вещи, отмѣченныя печатью мысли.» И въ подтвержденіе своихъ словъ художникъ указалъ намъ на небольшую, довольно тщательно отдѣланную картину барона М. Клодта: *Больной мужъ;* «надъ нею, видите ли, можно задуматься.» На картинѣ изображена печальная женщина у постели больнаго. Выраженіе лица у нея точно недурно схвачено; но этому выраженію какъ-то странно противорѣчитъ щеголеватость ея одежды, хотя художникъ и оказался настолько проницателенъ, что разстегнулъ у ней лифъ. Все остальное въ картинѣ ниже всякой посредственности, даже по отдѣлкѣ, не говоря уже о томъ, что комната по стѣнамъ нищенская, а по занавѣскамъ барская, что больной

мужъ лежитъ Богъ знаетъ на какой постели, а жена сидитъ рядомъ чуть не въ шелку. Насмотрѣвшись на картину, мы не могли не вспомнить, по поводу замѣчанія нашего знакомаго художника, обломовскаго Захара. Непохоже ли это: «можно задуматься», на Захаровское: «опять жалкія слова говоритъ»?

Мы хотѣли уже перейти къ пейзажной живописи, да вспомнили, что насъ могутъ обвинить въ ужасномъ невниманіи. Въ числѣ историческихъ картинъ есть произведеніе г. профессора Дузи, которому отдаютъ пальму первенства на нынѣшней выставкѣ. Если взять въ соображеніе художественныя ея богатства, такъ нельзя не признаться, что пальма эта не особенно лестна. Что̀ касается лично до насъ, мы не находимъ картину г. Дузи ни лучшею на выставкѣ, ни вообще сколько нибудь замѣчательною. Въ этомъ случаѣ ужь сами мы играемъ роль обломовскаго Захара. Любоваться сочиненнымъ въ послѣдней половинѣ XIX вѣка и притомъ въ русскомъ городѣ Петербургѣ *Собраніемъ у живописца Тинторета XVI вѣка* для насъ такъ же трудно, какъ было трудно Захару не плакать отъ «жалкихъ словъ» Ильи Ильича. «Но посмотрите, какая группировка! какое разнообразіе лицъ и костюмовъ! какія подробности!» Боже мой! опять подробности, опять костюмы! Да вѣдь мы все это видѣли уже тысячу разъ, не только эти подробности и эти костюмы, но и эти группы и эти лица! Все это подергано изъ старыхъ воспоминаній о чужихъ картинахъ и наставлено рядомъ, какъ ставятся куклы дѣтьми въ подражаніе большимъ и ихъ гостямъ. И почему такъ интересенъ вечеръ именно у Тинторета? Какое намъ дѣло до Тинторета? Кому нуженъ Тинторетъ? Даже смѣшно становится.

Г. Моллеръ, авторъ знаменитаго «Поцалуя», выставилъ небольшую картинку, обозначенную въ каталогѣ какъ «Портретъ сына художника». Мы думали, что это Іоаннъ Креститель младенцемъ. Онъ обнимаетъ голыми ручонками барашка. Для начинающаго картинка была бы не дурна, для г. Моллера она, несмотря на объясненіе каталога, сбивается на рутину.

Замѣтимъ кстати, что это единственная на выставкѣ вещь съ голой фигурой. Вѣроятно, прогрессъ заключается для нашихъ художниковъ въ томъ, что они перестали заниматься рисовкою человѣческаго тѣла. Оно и легче, и современнѣе: бобровыя бекеши и атласныя платья давно смѣнили нагую грацію древнихъ Антиноевъ и Венеръ.

Два слова о пейзажахъ. Ихъ много, и большая часть очень не дурны, какъ, напримѣръ, швейцарскіе виды, г. Богомолова и нормандскіе, г. Лагоріо. Успѣхи пейзажной живописи въ Европѣ не прошли безъ слѣда и у насъ, и объ этомъ родѣ мы не скажемъ того,

что сказали про жанръ, про портреты и про историческую живопись. Особенно хороши два пейзажа г. Мещерскаго: *Видъ части озера четырехъ кантоновъ* и *Льды въ Ландекъ*, въ Швейцаріи. Г. Мещерскій — ученикъ Калама, и картины его полны романтической поэзіи его учителя.

Вотъ и все, что мы нашли сказать о выставкѣ нынѣшняго года. Выслушавъ наши придирчивыя сужденія, насъ вѣроятно спросятъ: чего мы хотимъ?

Мы ничего не хотимъ, потому что не имѣемъ притязанія быть законодателями; но желали бы, чтобы наши художники не пренебрегали строгимъ изученіемъ исторіи своего искусства и не возвращались въ своихъ произведеніяхъ изъ XIX вѣка въ XII; чтобы, кромѣ того, современное состояніе просвѣщенія не было для нихъ дѣломъ постороннимъ; чтобы они были гражданами своей страны и своего времени, а не какими-то идеальными космополитами, безъ роду и племени; чтобы предметомъ ихъ искусства былъ человѣкъ, а не халаты, которые онъ носитъ; чтобы ихъ вдохновляли исторія и движеніе современнаго общества, а не отжившій сентиментализмъ, жизнь, а не сказочный міръ; чтобы они оставили битую колею рутины и вышли на просторъ, гдѣ шаги ихъ будутъ тверже и кругозоръ шире; чтобы — однимъ словомъ — они были прежде всего современными людьми, если хотятъ быть современными художниками!

Странно высказывать эти желанія по поводу выставки, на которой находится картина Иванова; но какъ быть? Нигдѣ не видно и слѣда ея вліянія, отъ котораго мы ожидаемъ такъ много! А скоро-ли еще дождемся?

М.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЖИЗНЬ.

ЗАМѢТКИ НОВАГО ПОЭТА.

Путешествіе въ Парижъ.... въ воображеніи. — Мои фантазіи. — Графъ Соллогубъ, превратившійся изъ русскаго во французскаго писателя. — Его комедія «Доказательство Дружбы» на театрѣ *Gymnase*. — Отзывъ объ этой комедіи Жюль-Жанена. — Нѣсколько словъ по этому поводу. — Переводъ «Мертвыхъ Душъ» Гоголя. — Замѣчаніе объ нихъ Филарета Шаля. — Ангажементъ для петербургской итальянской оперы: г-жъ *Шартонъ-Демёръ*, *Паятье-Дидье*, *Эмми Лагра* и для петербургскаго балета г-жи *Розати*. — Парижскіе лѣтніе балы и уничтоженіе знаменитаго Ранелага. — Публичныя засѣданія петербургской Академіи Художествъ и Академіи Наукъ. — Русское музыкальное общество. — Открытіе желѣзной дороги въ Красное Село и спектакли въ Красномъ Селѣ. — Открытіе памятника Императора Николая I-го. — Стрѣльна. — Сергіевскій монастырь. — Отель Огюста, и прочее.

Лѣто въ самомъ разгарѣ. Въ Петербургѣ душно, пыльно и гадко, новостей почти никакихъ нѣтъ. Отправимся на этотъ разъ въ Парижъ, любезный читатель. Это путешествіе мы можемъ совершить очень покойно, сидя подъ какимъ нибудь кустомъ на дачѣ, съ журналами въ рукѣ.

Въ Парижѣ намъ, русскимъ, отлично... Парижскіе магазинщики и ресторагоры смотрятъ на насъ съ большимъ уваженіемъ до сихъ поръ, хотя кредитъ нашъ, мимоходомъ сказать, нѣсколько уже подорванъ въ послѣднее время. Это очень жаль. Прежде всякаго русскаго считали милліонеромъ, обладателемъ золотыхъ, серебряныхъ и желѣзныхъ рудъ въ Сибири. Передъ русскими *боярами* (boyards) всѣ... т. е. именно тѣ, которые намъ нужнѣе всего въ Парижѣ....

магазинщики, рестораторы и дѣвицы, изображаемыя г. Соллогубомъ въ его французской комедіи, о которой мы будемъ говорить ниже, — преклонялись, улыбались и разсыпались. — Слово boyard было равносильно индійскому набабу и англійскому лорду. — Кредитъ былъ безконечный.

Впрочемъ и теперь еще слово boyard имѣетъ магическое значеніе въ этомъ чудномъ городѣ, совершившемъ три демократическія революціи почти на нашихъ глазахъ!

Прослыть за boyard въ Парижѣ очень легко... даже безъ денегъ... (разумѣется, на короткое время), а это все-таки пріятно. Для этого прежде всего необходимо имѣть внушающую внѣшность, нѣкоторую дерзость (я не употребляю слово наглость, потому что это слово ужь очень грубо), извѣстныя манеры, замашки, привычки и обычаи свѣтскаго человѣка,—словомъ, великосвѣтское умѣнье безъ гроша въ карманѣ казаться милліонеромъ... Парижане такъ добродушны и такъ легкомысленны! Они такъ увлекаются блестящею внѣшностію, хотя бы блескъ былъ отъ мишуры, а не отъ золота.

Съ небольшими деньгами и съ небольшою дерзостью... отправимтесь же въ Парижъ... Что за охота, въ самомъ дѣлѣ, прозябать въ Петербургѣ?

Жаль только, что теперь, возвращаясь изъ Парижа въ благословенное отечество, уже нельзя задавать такого тона, какъ въ старое блаженное время, когда отцы наши являлись оттуда, подобно графу Нулину, *съ запасомъ фраковъ и жилетовъ*.... и приводили всѣхъ соотечественниковъ и соотечественницъ въ благоговѣйный трепетъ и восторгъ. Теперь, увы! никого уже не удивишь парижскими фраками и жилетами, теперь даже и *ужасная книга Гизота*, тайкомъ вывезенная Нулинымъ, считается многими на Руси чуть-чуть не отсталой книгой; во всякомъ случаѣ нисколько не *ужасной*, а совершенно благонамѣренной... Времена страшно переходчивы! Къ тому же путешествія сдѣлались такъ дешевы, легки и удобны... Кто нынче не путешествуетъ по желѣзнымъ дорогамъ? Всякій incognito непремѣнно на свой вѣкъ побываетъ въ Парижѣ. Несмотря, однако, на *вульгарный* колоритъ современныхъ путешествій, мы непремѣнно отправимся въ Парижъ, потому что Парижъ имѣетъ для насъ все-таки еще магическое значеніе... Тамъ пріобрѣтаются славы и развозятся потомъ по всей Европѣ.

Вотъ онъ этотъ колоссальный городъ, эта страшная, громадная столица! Вотъ онъ этотъ Парижъ, диктаторски повелѣвавшій всей Франціей, мѣнявшій свои правительства, какъ изношенныя платья, гордый, неугомонный, неукротимый Парижъ, склонившій усталую главу свою передъ Наполеономъ III! — Вотъ онъ! — Его и не узнаешь

теперь.... Гдѣ эти узкія, грязныя улицы, переулки, закоулки и старые закопченые дома?... Все теперь широко, чинно, стройно, благопристойно, вычищено и выглажено, какъ на парадѣ, все разрушено и перестроено, все прошло сквозь арапжиръ и военную дисциплину генерала Эспинаса, нынѣ павшаго въ войнѣ за независимость Италіи! Свобода и генералъ Эспинасъ — странныя противорѣчія въ исторіи!... Куда дѣвались эти четвероугольные историческіе камни парижской мостовой, поднимавшіеся грозными баррикадами? — Ихъ замѣнило гладкое, отличное шоссе.

Я бросаюсь въ этотъ обновленный и набѣленный Парижъ и пропадаю тамъ, какъ капля въ морѣ...

Есть люди, которые безусловно нападаютъ на бѣлилы, на румяны и на риторику. Я самъ не терплю ничего поддѣльнаго, но не много румянъ, съ тонкимъ умѣньемъ пользоваться ими, съ тѣмъ умѣньемъ, которымъ владѣютъ въ высшей степени парижанки—это право не дурно!

Взгляните: въ Парижѣ нѣтъ ни одной женщины безъ румянъ; безъ румянъ нельзя показаться на улицу, точно также, какъ безъ пышныхъ юбокъ и кринолиновъ, но вы и не догадаетесь, что вы непремѣнно примете румяны за здоровье, за свѣжесть, за прекрасный цвѣтъ лица. Нѣтъ спора, что русская наштукатуренная купчиха — отвратительна: дайте ей самыя лучшія румяны парижанки — она не съумѣетъ воспользоваться ими.

Тутъ виноваты ужь не румяны.

Многимъ не нравится обновленный, приведенный въ стройность, украшенный и нѣсколько, если хотите, нарумяненный Парижъ... Можетъ быть онъ дѣйствительно утратилъ свой сумрачный, поэтическій, средневѣковый характеръ, но за то онъ пріобрѣлъ внѣшній блескъ, великолѣпіе, торжественность.... Что за прелесть напримѣръ хоть эти широкіе, безконечные бульвары!

Я убѣжденъ, что тѣ, которымъ не нравится новый, Наполеоновскій Парижъ, принадлежатъ къ партіи ненавистниковъ всякаго *порядка* (l'ordre).... Я тоже не терплю никакихъ стѣсненій, я либералъ, какъ и всѣ, потому что не быть либераломъ въ настоящее время смѣшно, но я поборникъ *разумной свободы и порядка*, вмѣстѣ съ Гизо, де-Саси, Вильменемъ, С. Маркъ-Жирарденомъ, Монталамберомъ, Токвилемъ и другими великими публицистами.... которыхъ я впрочемъ не читалъ. Я вмѣстѣ съ ними скорблю только о томъ, что въ Парижѣ нѣтъ свободной трибуны, потому что смертельно люблю краснорѣчіе... Да! только этого и недостаетъ Парижу; но послѣ того какъ Эспинасъ принужденъ былъ пасть за свободу Италіи, ничего нѣтъ мудренаго, что Наполеонъ III принужденъ

будетъ возобновить свободу трибуны. Я почти даже убѣжденъ въ этомъ....

Краснорѣчіе польется тогда снова широкимъ, блестящимъ потокомъ, громъ ораторскихъ рѣчей изъ Парижа будетъ раздаваться по всей Европѣ.... жаль только, что Ламартинъ устарѣлъ, — послушать бы еще разъ его, а онъ былъ великимъ ораторомъ — это безспорно. Его аристократическій демократизмъ былъ проникнутъ тончайшей поэзіей; въ его рѣчахъ была та изящность, та элегантность, которою владѣютъ только высокорожденные люди, джентльмены, les boyards!...

Одно только меня смущаетъ.... какъ ему не стыдно было ханжить передъ Франціей и выпрашивать милостыню? Въ его положеніи надо было умереть съ голоду.... съ чувствомъ достоинства, какъ настоящему джентльмену.

Noblesse oblige!

Человѣку съ нашими привычками, порядочному человѣку, l'homme du monde впасть въ нищету — это ужасно! А для насъ какіе нибудь 40 тыс. фран. ежегоднаго дохода — это ужь нищета.... Ну что Ламартину эти 400 т. фр., которые собрали для него сантимами, какъ для нищаго?

Теперь ораторскій даръ, краснорѣчіе пріютились только во Французской Академіи, и потому пріемъ новаго члена въ Академію—праздникъ для парижанъ. Я отправляюсь на пріемъ Жюль-Сандо вмѣстѣ со всѣмъ элегантнымъ Парижемъ....

Г. Сандо долженъ превозносить своего предмѣстника г-на Брифо (Brifaut) — автора нелѣпѣйшей трагедіи Нинъ II (Ninus II). Но что бы казалось придумать въ похвалу этому бездарному покойнику? А послушайте-ка, какую краснорѣчивую рѣчь произнесъ въ честь его г. Сандо и въ честь г. Сандо въ свою очередь — г. Вите!... Французы созданы для такихъ tours de force,—надобно отдать имъ справедливость. Публика была въ восторгѣ отъ этихъ рѣчей; журналы напечатали ихъ съ комплиментами и любезностями ораторамъ — и все это разнеслось по всей Европѣ.

Враги всѣхъ преданій (даже самыхъ почтенныхъ, какова Французская Академія) и ненавистники *порядка* — кричатъ, что все это пустая и безтолковая игра во фразы, риторика, пошлая рутина, и прочее.

Я согласенъ, что тутъ есть немножко рутины, немножко риторики, что отъ этихъ рѣчей человѣчество ничего не выигрываетъ; но если Французская Академія, по мнѣнію этихъ господъ, въ наше время уже совершенно безполезное заведеніе, то все-таки она слу-

жить отъ времени до времени пріятнымъ развлеченіемъ для насъ — людей порядочныхъ, умѣющихъ понимать аттическія тонкости и прелесть литературныхъ турнировъ. Я полагаю, что для этого самого возобновлено и въ Москвѣ Общество Любителей Словесности и потому я совершенно сочувствую этой реставраціи.... Жаль только, что у насъ мало ораторовъ!

Нѣтъ, безъ рутины, безъ риторики, безъ румянъ и прикрасъ нельзя еще обходиться; надобно, разумѣется, только пользоваться всѣмъ этимъ умѣючи, такъ какъ французы....

Позѣвавъ въ Академіи съ людьми хорошаго тона (я лучше буду зѣвать съ людьми хорошаго тона, чѣмъ вести умную бесѣду съ людьми серьёзными, но дурнаго тона), я отправляюсь до обѣда шляться по бульварамъ и глазѣть на магазины, принявъ на себя безпечный и равнодушный видъ и вставивъ свое стеклышко въ глазъ.

Не подумайте однако, чтобы за границей я велъ себя такъ недоступно, какъ дома; напротивъ, тамъ я свожу знакомства и даже пріязнь очень легко, особенно въ Парижѣ, потому что парижане вообще всѣ—люди хорошаго тона: всѣ они одѣты безукоризненно, у всѣхъ у нихъ ленточки въ бутоньеркахъ, всѣ они вставляютъ также какъ и я стеклышки въ глазъ, затыкаютъ пальцы за жилетъ, болтаютъ обо всемъ на свѣтѣ бойко, безъ застѣнчивости.... и надобно имѣть уже опытный глазъ, чтобы съ перваго раза отличить *порядочнаго* человѣка (l'homme du monde) отъ какого нибудь chevalier d'industrie. Въ Парижѣ я позволяю себѣ нѣсколько *вульгаризироваться* и даю полную волю своимъ артистическимъ способностямъ — я наблюдаю нравы.... и потому толкаюсь по всѣмъ публичнымъ гульбищамъ: Mabille, Chateau des fleurs, Plé-Catelan, Ranelagh — главные пункты моихъ наблюденій. Тамъ я между прочимъ изучаю женщину, ту женщину, которую нѣкогда пустилъ въ литературу любезный аббатъ Прево и которую возвелъ въ наше время въ апоѳеозу Александръ Дюма-сынъ; которая въ XVIII столѣтіи называлась Манонъ-Леско, а въ наше время получила громкую извѣстность подъ именемъ Маріи Дю-Плесси, и зовется *лореткой*, *камеліей*, *мраморной дѣвицей*, *Марго* и прочее. Еще не всѣ стороны открыты въ ней, еще она не совершенно обнаружена. Она еще ожидаетъ новаго пѣвца, новаго поэта — человѣка беззастѣнчиваго и смѣлаго.... Съ цѣлію наблюденія нравовъ, съ этою высокою цѣлію я свожу дружбу съ второстепенными французскими писателями, съ драматическими фабрикантами и съ директорами парижскихъ театровъ... я черезъ нихъ вхожу въ артистическій міръ, то-есть въ общество актрисъ и танцовщицъ бульварныхъ театровъ, имена которыхъ,

къ стыду нашему, у насъ въ Россіи еще вовсе неизвѣстныя.... Посмотрите, напримѣръ, на M-lle Frédérique... что это за прелесть!... Пятнадцатилѣтняя дикарка, живая, какъ пантера, гибкая, какъ ліана... M-lle Périga, M-lle Châtillon, M-lle Devoyott... въ однихъ этихъ звучныхъ и ласкающихъ ухо именахъ есть что-то уже привлекательное, но надобно видѣть ихъ!... И какъ онѣ одѣваются, Боже! какъ онѣ умѣютъ носить свои пышныя платья, эти неизмѣримые куски различныхъ матерій, живописными складками покрывающіе кринолинъ и безчисленныя юбки! — Какъ соблазнительно трико обтягиваютъ ихъ ноги! Какими газами онѣ окружаютъ себя!...

Жизнь идетъ такъ быстро, такъ весело, такъ незамѣтно... и все въ наблюденіяхъ.... День проходитъ за днемъ,

«. . . а грозный счетъ
Межь тѣмъ невидимо растетъ....»

Какъ-то и съ чѣмъ-то я однако возвращусь въ отечество?

. . . .

Но къ чему мнѣ послужатъ мои наблюденія надъ парижскими трактирщиками, магазинщиками и *Марго?* Что я сдѣлаю со всѣмъ обширнымъ запасомъ свѣдѣній моихъ по этой части?... Написать развѣ русскую повѣсть изъ парижской жизни?,.. Но теперь *всѣ* пишутъ повѣсти, это пошло, и притомъ пріобрѣсти извѣстность въ какой нибудь Вятской, Вологодской или Казанской губерніи.... я не нахожу, чтобы это было забавно! Прочтутъ какой нибудь г. Курмицынъ или г-жа Разтрубина—и имъ понравится: очень лестно!.. Еще пожалуй какой нибудь семинаристъ, не имѣющій понятія объ аттическихъ тонкостяхъ, разругаетъ мою повѣсть въ какомъ нибудь журналѣ....

Говоря откровенно—въ отечественной нашей литературѣ весьма дурной тонъ. Критика въ самомъ жалкомъ состояніи.... Оцѣнить тонкое, свѣтское, остроумное произведеніе никто не въ состояніи... Что же удивительнаго, если пишутъ семинаристы? гдѣжь имъ понимать и оцѣнивать *наши* произведенія? Къ тому же послѣднее время они стали ужасно дерзки....

Если бы я такъ прекрасно владѣлъ французскимъ языкомъ, какъ владѣетъ имъ графъ Соллогубъ, я непремѣнно сталъ бы писать на этомъ элегантномъ и всемірномъ языкѣ и пріобрѣлъ бы очень легко громадную европейскую извѣстность. Въ Европѣ меня оцѣнили бы тотчасъ... Французскіе критики и фельетонисты—люди порядочные, по большей части свѣтскіе люди.... Они очень любезны.... Счастливый графъ Соллогубъ! Я ни чему на свѣтѣ такъ не завидую,

какъ умѣнью владѣть этимъ чуднымъ языкомъ, который даетъ всемірную славу!...

Изъ французскихъ журналовъ мы узнали, что графъ Соллогубъ находится въ Парижѣ, что онъ обратился въ совершеннаго парижанина, что онъ измѣнилъ намъ своимъ собратамъ по русской литературѣ, вступилъ въ ряды французскихъ писателей, изображаетъ парижанамъ ихъ нравы и увѣнчался уже блестящимъ успѣхомъ.... на театрѣ Gymnase....

Объ немъ говорятъ остроумные парижане:

«Voila un succès qui donne à M. Sollohub ses grandes lettres de «naturaliste» français!»

Слава! европейская слава!

Изъ всѣхъ французскихъ фельетонистовъ—одинъ только Жюль-Жаненъ упорствуетъ еще видѣть въ немъ *иностранца*...

Вотъ какъ Жаненъ разсказываетъ о новой пьесѣ нашего талантливаго соотечественника (намъ все еще пріятно называть его соотечественникомъ, несмотря на его измѣну отечественному языку и отечественной литературѣ.)

«Нѣкогда», говоритъ Жаненъ, разсказывая содержаніе новой комедіи г. Соллогуба,—«существовала въ Вѣнѣ.... въ Австріи?—Да, въ Вѣнѣ, въ Австріи, съ вашего позволенія.... любезнѣйшая, прелестнѣйшая и сантиментальнѣйшая австріянка.... Можете себѣ представить, — австріянка! Мнѣ это очень непріятно, но что жь мнѣ дѣлать? такъ сказано въ комедіи, — хорошенькая и очень хорошенькая австріянка. Можетъ быть, впрочемъ, вы обнаружите немного снисходительности къ этой невинной австріянкѣ, хотя все австрійское теперь враждебно намъ, если узнаете, что она влюблена, и даже очень влюблена въ молодаго француза, причисленнаго безъ жалованья къ посольству.... un attaché non salarié.... дипломата талейрановской школы.

Молодой человѣкъ этотъ не обнаруживаетъ, однако, сильной привязанности къ дамѣ, и какъ онъ проницателенъ, подобно самому Меттерниху, — то, вообразите себѣ.... онъ предугадываетъ войну, наши громовые и побѣдоносные удары и оставляетъ Вѣну, преспокойно напѣвая арію Гвидо:

Je reviendrai!...

Онъ скрылся такъ быстро и такъ неожиданно! Молодая австріянка, разумѣется, въ отчаяніи. Она до того все плакала и пѣла:

Il est parti celui que j'aime!

что другая австріянка, болѣе смѣлая (правда, вдова), предпринимаетъ путешествіе въ Парижъ, съ единственною цѣлію притащить невѣр-

наго къ стопамъ плачущей красавицы, приходящей въ отчаяніе оттого, что ее возлюбленный ужъ болѣе не при посольствѣ. Замѣтьте, однако, какое удивительное самопожертвованіе, какая энергія, какое *доказательство дружбы* (preuve d'amitié) въ этой неблагоразумной женщинѣ, молодой, неопытной и совершенно не подозрѣвающей объ тѣхъ опасностяхъ, которымъ легко могутъ подвергаться въ Парижѣ молодыя, хорошенькія, неопытныя женщины!

«Но какъ бы то ни было, дама уѣхала. Нельзя не замѣтить, что она выбрала очень удобную минуту для отъѣзда изъ Вѣны и Австріи. Она прибыла въ Парижъ, гдѣ тотчасъ же, такъ сказать, на самомъ порогѣ (какъ это счастливо!) встрѣчаетъ стараго джентльмена, по фамиліи де-Кебріанъ. Онъ вѣжливо подаетъ ей руку и провожаетъ ее всюду: въ оперу, въ бульварные театры, въ магазины и даже на bal Mabille! Вамъ долженъ быть знакомъ этотъ г. де-Кебріанъ изъ старинныхъ комедій. Это честное и доброе лицо, носящее l'aile de pigeon и классическія пряжки на башмакахъ, все какъ слѣдуетъ. Какъ настоящій бретонецъ (un parfait breton bretonnant), г. де-Кебріанъ совершенно счастливъ, что гуляетъ повсюду съ такой прелестной дамой подъ ручку.

«Онъ начинаетъ свой дебютъ съ нею... съ чего бы вы думали? Съ прескверпаго магазина: magasin de Nouveautés *à prix fixe*, въ которомъ продаютъ различныя дамскія матеріи по неслыханной цѣнѣ различнымъ подозрительнымъ дамамъ. Вотъ какъ совершается этотъ торгъ. Дама... т. е. подозрительная дама, одной рукой покупаетъ товаръ и *ея господинъ* (son monsieur) платитъ за него, а другою рукой она сбываетъ тотчасъ же этотъ товаръ купцу и получаетъ чистыми деньгами разницу. Понимаете?... Въ цѣломъ Парижѣ нѣтъ болѣе скверной лавчонки и графъ де-Кебріанъ поступилъ бы гораздо лучше, если бы привелъ свою даму въ мѣсто болѣе приличное.

«Едва только г-жа де-Серне (имя вѣнской дамы) переступила порогъ пандемоніума всѣхъ этихъ перекупаемыхъ и передаваемыхъ товаровъ, какъ она встрѣчается, и какъ говорятъ, носъ съ носомъ, съ нѣкоею demoiselle Paquetti — Агнесою нижнихъ этажей. Онѣ покупаютъ платье въ одномъ магазинѣ.... и, о, ужасъ! вѣнская аристократка будетъ носить одинакія платья, или, вѣрнѣе, одинаковую ливрею съ какой нибудь парижской Марго.... Только одинъ *иностранецъ*, никто, кромѣ *иностранца*, не могъ придумать всего этого. Въ дѣйствительной парижской жизни этого не бываетъ. Герцогини, графини и тому подобныя великолѣпныя дамы никогда не сталкиваются въ магазинахъ съ Марго и не покупаютъ одинаковыхъ съ ними платьевъ! Между порядочной свѣтской женщиной и такой зловредной шалуньей, какъ Пакетти, не

можетъ быть и нѣтъ ничего общаго. Первая является обыкновенно въ магазинѣ повелительницей. Ей достаточно бросить взглядъ, одинъ взглядъ, чтобы узнать и отличить, что ей нужно, что идетъ къ ея лицу, къ ея росту, къ тому обществу, къ которому принадлежитъ она, къ тому имени, которое носитъ, къ тѣмъ лѣтамъ, которыя имѣетъ и прочее; между тѣмъ, какъ Марго, бѣдная Марго роется до пота лица въ этихъ волнахъ атласа, жаконà, въ этой грудѣ матерій, не зная, что выбрать. Дама покупаетъ тотчасъ, что ей нужно, и уѣзжаетъ, не обращая ни на кого вниманія. Марго уже является послѣ нея и Марго счастлива, она прыгаетъ отъ радости, пріобрѣтая одинаковое съ дамою платье.... О, Марго! о, бѣдное дитя мое! Это платье не скроетъ тебя! И въ этомъ платьѣ ты остаешься все-таки прежней Марго.

«Дѣло-то все въ *оттѣнкѣ* (la nuance): идетъ ли рѣчь о дамскихъ платьяхъ или о комедіяхъ.... отъ оттѣнка зависитъ все.... Что бы вы ни говорили, но эта несчастная Тереза Пакетти, дочь портье и внучка прачки, воспитанная между звонкомъ и лоханью, во-первыхъ никогда не могла встрѣтиться съ г-жею де-Серне; а во вторыхъ, она никогда не носила съ нею *одинаковыхъ* платьевъ, несмотря на то, что эти платья были сшиты изъ одной и той же матеріи, точно также, какъ никогда не говорила съ нею одинаковымъ языкомъ и одинаковымъ выговоромъ.... *Оттѣнки.... выговоръ* (l'accent), покрой, манера носить платье.... вотъ въ чемъ дѣло, повторю я.

«Ничего нѣтъ легче, напримѣръ, какъ скропать юбку, водевиль, комедію, но бѣда въ томъ, что не всякая швея съумѣетъ придать грацію сшитой ею тряпкѣ и не всякій авторъ сможетъ придать тонкость и изящное чувство своему произведенію. *Иностранецъ!* вскрикнула аѳинская торговка, взглянувъ на божественнаго Ѳеофраста. Аѳинянка тотчасъ отличила, что этотъ достойный питомецъ Аристотеля родился на островѣ, далеко отъ Аѳинъ. Тщетно Ѳеофрастъ всю жизнь усиливался, чтобы изгладить слѣды лесбійскаго акцента, а онъ, замѣтьте, написалъ чудное произведеніе, въ которомъ выразилась вся аттическая грація, *Золотую книгу!* И несмотря на это, отъ чуткаго и деликатнаго аѳинскаго уха не укрылся его выговоръ, и простая торговка тотчасъ узнала въ немъ *иностранца!*

«Что же мудренаго, что въ авторѣ водевиля: «Доказательство Дружбы» (онъ вѣрно не разсердится на насъ за это) мы узнали тотчасъ *иностранца*.... конечно, умнаго иностранца. Въ этомъ нѣтъ спора, но все-таки *иностранца!*

«Не странно ли, что госпожа де-Серне, съ привычками и вѣрными взглядами хорошаго общества, не получила мгновенно отвращенія къ этому молодому человѣку, за которымъ она гонятся и на котораго ей указали?

«Вотъ вашъ молодой человѣкъ, этотъ красивый господинъ, котораго вы отыскиваете для своей подруги, онъ здѣсь, въ этомъ отвратительномъ магазинѣ, — и съ кѣмъ? посмотрите. Онъ преслѣдуетъ эту *барышню* и прогуливается съ нею публично! Онъ ей платитъ и она этимъ хвастаетъ; она обираетъ его и губитъ, и онъ открыто сознается въ этомъ. Онъ ужь никуда не годится, онъ ни на что неспособенъ, онъ пропащій человѣкъ! Онъ принадлежитъ къ той жалкой породѣ маленькихъ франтовъ, которые разоряются на такого рода женщинъ; для него только и существуютъ на свѣтѣ лошади, экипажи, вина и азартныя игры».

Одного бы взгляда, казалось, на такого господина было достаточно такой женщинѣ, а она узнала объ немъ гораздо болѣе, чѣмъ хотѣла знать. О, и если бы она хоть сколько нибудь любила свою подругу, она должна бы была поскорѣй скакать назадъ въ Вѣну. «Увы! мой милый другъ (она бы должна была сказать ей), надобно благодарить Бога, что все еще такъ скоро открылось и что этотъ негодяй изобличенъ! Онъ жизнь свою проводитъ въ самомъ постыдномъ обществѣ, онъ другъ всѣхъ Марго Мабильскаго сада и Шато-де-флеръ. Я видѣла его собственными своими глазами, середи бѣлаго дня, въ одной изъ отвратительнѣйшихъ парижскихъ лавокъ, подъ руку съ одной изъ самыхъ презрѣнныхъ женщинъ. Полно же! выкинь его изъ памяти. Повѣрь, лучше быть женою австрійскаго барабанщика.»

«Такъ бы должна была поступить эта честная, умная и добрая женщина, если бы она истинно любила свою подругу. Во сто разъ лучше съ болью вырвать изъ своего слабаго сердца этого обожаемаго молодаго человѣка, чѣмъ преслѣдовать его.

«Здѣсь необходимо сдѣлать *иностранцу* еще одно замѣчаніе. Онъ совсѣмъ растерялся въ своей комедіи, желая быть точнымъ и вѣрнымъ истинѣ. Увлеченный желаніемъ прослыть за вѣрнаго наблюдателя и передавателя французскихъ нравовъ, онъ *подчеркнулъ* (souligné) все то, что именно не нужно было подчеркивать; онъ сорвалъ послѣдній покровъ съ своего чудовища и обнаружилъ его во всей наготѣ; ему не пришла въ голову ни одна изъ тѣхъ предосторожностей, которыя самъ мудрый Соломонъ взялъ на себя трудъ обнаружить, говоря о Пакетти своего вѣка:

«Она сидѣла у дверей своего дома, призывая шопотомъ тѣхъ, которые проходили мимо. Она говорила, безумная: «Скрытно теку-

щія воды имѣютъ бо̀льшую привлекательность и хлѣбъ, съѣдаемый тайно, вкуснѣе всякаго другаго!»

«Когда настоящій парижанинъ, увертливый, тонкій и ловкій, какъ напримѣръ сынъ г. Александра Дюма, — выпускаетъ на сцену эти блудящіе огоньки, онъ нарочно накидываетъ на нихъ покрывала, оставляетъ ихъ или въ тѣни, или въ полусвѣтѣ. Онъ обнаруживаетъ только одну ихъ сторону самую привлекательную, по которой угадываютъ остальное. Онъ бы стыдился, онъ бы боялся выставить этихъ изступленныхъ жрицъ распутства, которыя шляются по угламъ бульваровъ, въ Елисейскихъ Поляхъ, на *поющихъ* балахъ и на музыкальныхъ вечерахъ самаго низшаго разбора, этихъ несчастныхъ, требующихъ *кошелька или жизни!* Онъ съ осторожностію, съ благоразуміемъ, съ тонкимъ тактомъ, дѣлающимъ ему честь, переступилъ за порогъ полусвѣта (demi-monde), намекая на все, не обнаруживая ничего. Тѣмъ лучше для тѣхъ, которые не догадались, въ чемъ дѣло; для тѣхъ же, которымъ извѣстны всѣ закоулки и переулки этого полусвѣта, — не нужны никакія комментаріи, никакія объясненія, прологи и эпилоги. Еще недавно г. Делеклюзъ, говоря о реставрированныхъ нимфахъ Рубенса, замѣтилъ, что эта несчастная реставрація совлекла съ нихъ первый, дѣвственный цвѣтъ живописи, заключающійся въ той неопредѣленности, въ томъ туманѣ, которые какъ бы защищаютъ ихъ отъ наглыхъ и дерзкихъ взглядовъ.

«Но дѣло въ томъ, что тонкою кистію,—кистію, которая умѣетъ *газировать*, что̀ нужно, владѣютъ только истинные живописцы, истинные писатели. Эта тонкость, къ сожалѣнію, дается не всѣмъ. Она исключительная принадлежность великихъ вѣковъ, избранныхъ обществъ. Она родилась во времена Аспазіи и Перикла; она не долго жила при дворѣ Августа; она живая и улыбающаяся воскресла впослѣдствіи въ отель Рамбулье.

«*Иностранецъ*, кажется, не имѣетъ объ ней никакого понятія. Онъ видѣлъ случайно, онъ встрѣтилъ, къ несчастію, въ какихъ-то вертепахъ и за кулисами Cafés chantant какую нибудь изъ этихъ мегеръ, жадныхъ къ монетѣ, гоняющихся за луидорами.—Вотъ находка-то! подумалъ *иностранецъ*,—я покажу парижанамъ это чудовище во всемъ его безобразіи. И онъ дѣйствительно такъ показалъ ее — и все это вѣрно и справедливо. Но, злополучный *иностранецъ*, вы увидѣли у насъ именно то, что̀ вамъ не слѣдовало видѣть! Вы намъ показали именно то, чего не слѣдовало намъ показывать! — Но, возразите вы,—вы сами же говорите, что эта Пакетти—не мой вымыселъ, что она вѣрно снята съ натуры, что это сама истина.

On l'a vu, vu, vous dis-je; on l'a de ses yeux vu....

«Да кто споритъ противъ этого?... Но еще разъ, вы видѣли то, что вамъ не должно было видѣть, и то, что до васъ вовсе не касается. Вы видѣли самое грустное, самое болѣзненное явленіе. Оно не можетъ ни исправлять, ни забавлять никого! Правда, вы хорошо видите, но вы не умѣете выбирать изъ того, что видѣли. Вы бродите по избитымъ тропинкамъ и подбираете обглодки тѣхъ, которые прошли по этой тропинкѣ гораздо прежде васъ.

«Во второмъ актѣ этой странной комедіи, называющейся Preuve d'Amitié, авторъ-*иностранецъ* переноситъ насъ изъ магазина новостей прямо на bal Mabille.... На bal Mabille!... Боже мой! Но если г-жа де-Серис надѣется поймать своего молодаго человѣка на этомъ балѣ и если почтенный г. де-Кебріанъ соглашается провожать ее, честную женщину, въ это непристойное мѣсто, — то должно предположить, что и эта дама и этотъ господинъ (да еще въ его-то лѣта!) забыли всякій стыдъ и всякое приличіе!... Но какъ бы то ни было, а они отправляются туда и принимаютъ участіе въ постыдномъ зрѣлищѣ: они видятъ, какъ эта презрѣнная Тереза Пакетти бросается на всѣхъ мужчинъ и выпрашиваетъ у каждаго изъ нихъ десять тысячъ франковъ для покупки себѣ жемчужнаго ожерелья.... Можетъ ли это быть?... Такъ, вдругъ, не говоря ни слова — прямо, жемчужное ожерелье въ 10 т. франковъ!... Конечно эти дамы не отличаются большимъ умомъ, но онѣ отличаются по крайней мѣрѣ большою хитростію и ловкостію. Онѣ очень хорошо знаютъ, что 10 т. франковъ нельзя найти на землѣ, подъ носкомъ своей ботинки.... Онѣ сначала приготовляютъ сѣти, ловушки.... Ни одна изъ нихъ на балѣ, такъ, ни съ того, ни съ сего, не станетъ выпрашивать 10 т. фр!... Напротивъ...., для этого онѣ пускаютъ сначала входъ различныя галантерейности: взгляды, вздохи, обманы, шутки, ленты, вышивки, пѣсни, прибѣгаютъ къ бальному и винному опьяненію — словомъ, ко всѣмъ адскимъ хитростямъ. Добыть 10 т. фр. безъ всего этого нельзя.... Это азбука кодекса этихъ дамъ. Бросаться вдругъ на людей и требовать 10 т. фр.—это просто грабежъ, скандалъ. Такими поступками занимается уже не комедія, а исправительная полиція.... Нѣтъ! эта Пакетти не знаетъ своего ремесла, она просто воровка съ большой дороги.

«Между тѣмъ молодой человѣкъ, встрѣчая на томъ же балѣ г-жу де-Серне принимаетъ ее натурально за одну изъ милыхъ шалуней и тотчасъ предлагаетъ ей браслетъ. Это жестоко, правда; но г-жа де-Серне вполнѣ заслужила это. «Скажи мнѣ, съ кѣмъ ты знаешься, я скажу тебѣ, кто ты!» Если вы посѣщаете неприличныя мѣста, публичные балы, почему же мнѣ не трактовать васъ, какъ всѣхъ этихъ

барышень легкихъ нравовъ?... Вольно же дамѣ кричать и сердиться, — она сама виновата. — Въ такихъ мѣстахъ строгая добродѣтель не къ лицу, въ такихъ мѣстахъ честныя женщины и порядочные люди не сходятся для законныхъ браковъ, не влюбляются серьёзно другъ въ друга и не приходятъ въ мнимо-поэтическій экстазъ подъ тѣми деревьями, подъ которыми обыкновенно предлагаютъ.... не законный бракъ, а просто — ужинъ.

«Въ эту минуту своей нѣсколько безтолковой комедіи *иностранецъ* вполнѣ обнаруживаетъ себя.... Если бы онъ былъ поопытнѣе, онъ не сдѣлалъ бы такаго промаха.... Браки, заключаемые въ Mabille, не продолжаются болѣе года.... это ужь самый большой срокъ. Да и что это за бракъ между какой-то вѣтреницей и Донъ-Жуаномъ 20-го изданія!

«Увы! Изъ аттической *пушки* не могутъ стрѣлять всѣ. Это надо принять къ свѣдѣнію всѣмъ вообще и прежде всего *иностранцамъ*, проживающимъ въ Парижѣ.... и въ особенности тому *русскому*, тому *иностранцу*, тому bel-esprit, который подарилъ насъ комедіей.

«Въ каждомъ произведеніи искусства есть свой, настоящій языкъ, колеблющійся между *слишкомъ* и слишкомъ мало: движеніе, выраженіе, изящество и тонкость, волненіе, иногда рѣзкость и грубость, счастливые и слегка набросанные образы, умная улыбка, яркій дневной, поражающій свѣтъ и полусвѣтъ, охраняющій идею и контуры.... это-*то* и зовется хорошимъ *стилемъ*. Бываютъ статуи совершенно голыя и другія, на которыя рука артиста слегка и ловко набросила покрывало. И не для того, чтобы сохранить аттическую тонкость (до нея далеко!), но чтобы хоть по возможности не выходить за черту обычаевъ и общепринятыхъ приличій, соблюдаемыхъ въ большихъ городахъ: въ Парижѣ, Римѣ, во Флоренціи, въ Петербургѣ, не довольно написать схожій портретъ, необходимо, чтобъ портретъ былъ вмѣстѣ и картиной; дотрогиваться до истины должно только тонкимъ орудіемъ....

«Вѣроятно, когда г. Соллогубъ откажется отъ водевиля, комедіи, мелодрамы, которыя фабрикуются, начиная съ улицы Ришльё до бульвара Bonne-Nouvelle; когда онъ припомнитъ совѣтъ Лафонтена: «Подними только одинъ кончикъ платка!» (Leve un coin du mouchoir); когда онъ сдѣлается болѣе русскимъ, чѣмъ французомъ (dès qu'il sera beaucoup plus de son pays et beaucoup moins du notre)— онъ при своей веселости, изобрѣтательности и умѣньи говорить — безъ всякаго сомнѣнія попадетъ на слѣдъ настоящей комедіи.

«Комедія г. Соллогуба принята съ одобреніемъ.... Онъ нашелъ въ этомъ Парижѣ, который онъ такъ хорошо.... можетъ быть слишкомъ хорошо.... знаетъ, гостепріимную симпатію.

«Г-жу де Серне играла Розъ-Шери — и она спасла своей игрою опасность положенія этой дамы въ Мабиль.

«Къ сожалѣнію, она уже болѣе не играетъ этой роли. Теперь ее играетъ г-жа Марке (M-lle Marquet), напирая и ставя точки въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ.... Что же касается до дебютантки г-жи Дельваль, (въ ролѣ Пакетти) то эта дебютантка обнаружила еще большую неловкость. Она (—о, верхъ неблаговоспитанности!) подчеркиваетъ, выпечатываетъ, такъ сказать, каждое слово; съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ мнетъ, раздираетъ свое платье, корсетъ, платокъ — тогда какъ она должна приподнимать слегка одинъ только кончикъ платка! . . . .

«Доказательство, по обыкновенію, ведетъ за собой другое доказательство, и черезъ нѣсколько дней послѣ «Доказательства Дружбы» на маленькомъ театрѣ Бомарше давали колкую, умную и тонкую комедію: les Célibataires de Panurge.... Въ этой комедіи и прекрасный языкъ, и тонкость ума.... и прочее, и прочее.»

Если бы графъ Соллогубъ принадлежалъ къ людямъ поверхностнымъ, легкомысленнымъ, онъ вѣроятно бы жестоко обидѣлся этимъ фельетономъ главы французскихъ фельетонистовъ. — Для легкомысленнаго русскаго нѣтъ ничего обиднѣе и язвительнѣе, когда въ Парижѣ въ немъ съ перваго взгляда узнаютъ *иностранца*. Вся гордость такого рода людей заключается именно въ томъ, чтобы походить на француза, на парижанина, какъ двѣ капли воды. Когда парижанинъ принимаетъ такихъ господъ за своихъ земляковъ — онъ внѣ себя отъ восторга; это блаженнѣйшая минута въ жизни!... «Парижанинъ принялъ меня за парижанина!»

Но графъ Соллогубъ, пускаясь во французскую литературу, не думаетъ однако вовсе отрекаться отъ своей національности. *Онъ слишкомъ порядочный человѣкъ для того*, говоря галлицизмомъ. Онъ притомъ патріотъ — и въ своемъ «Тарантасѣ» написалъ намъ прелестную утопію будущаго Россіи, когда русскіе бояре будутъ ходить въ національныхъ платьяхъ, отличаясь отъ людей *средняго рода* и отъ черни вообще великолѣпными охабнями, бобровыми шапками и красными каблуками на сапогахъ. Онъ никакъ не можетъ обидѣться тѣмъ, что Жюль-Жаненъ узналъ въ немъ тотчасъ *иностранца*.

Г. Соллогубъ не стыдится быть русскимъ.... гдѣ бы то ни было: въ Парижѣ, въ Лондонѣ, или въ Вѣнѣ.... мы въ этомъ увѣрены. Онъ выше божественнаго Ѳеофраста уже тѣмъ, что не имѣетъ его мелочныхъ претензій и (мы въ этомъ также убѣждены), что въ новыхъ Аѳинахъ — въ Парижѣ, говоря по-французски,—онъ не усиливается изглаживать (да это и невозможно!) слѣды своего русскаго акцента передъ какимъ-нибудь новымъ аѳиняниномъ — Жюль-Жаненомъ....

Онъ знаетъ, что такое усиліе было бы тщетно; потому что никакой иностранецъ, исключая тѣхъ, которые имѣли счастіе родиться въ Парижѣ, не можетъ достигнуть тонкости парижскаго акцента.

Не скрывая своего происхожденія, напротивъ, гордясь именемъ русскаго, — г. Соллогубъ хотѣлъ именно показать, что талантливый русскій человѣкъ можетъ смѣло вступать въ состязаніе съ парижанами чистой крови, со всѣми извѣстными поставщиками бульварныхъ театровъ: братьями Коньярами, Деннери и имъ подобными; онъ хотѣлъ прославить русское имя въ фельетонѣ парижскихъ журналовъ, и къ своимъ отечественнымъ лаврамъ прибавить европейскіе лавры. Если г. Соллогубъ не съ надлежащею тонкостію изобразилъ парижскіе нравы въ своемъ водевилѣ безъ куплетовъ, (и какъ будто всѣ французскія водевили отличаются тонкостію и аттическимъ остроуміемъ?), то все-таки, по сознанію самого парижскаго критика, онъ съ безпощадною правдою выставилъ эту постыдную героиню Мабиль, которую онъ изучилъ, какъ видно, во всѣхъ подробностяхъ, во всей глубинѣ и ужь во всякомъ случаѣ обнаружилъ несравненно болѣе правды и тонкости въ изображеніи парижскихъ нравовъ, чѣмъ напримѣръ, братья Коньяры (парижане, современные афиняне) въ изображеніи русскихъ нравовъ и русской жизни въ своей знаменитой комедіи съ куплетами: «Иванъ, или Русскій мужикъ» (Ivan ou le moujik russe).

Какъ бы то ни было и что бы ни говорилъ г. Жаненъ о водевилѣ графа Соллогуба и каковъ бы ни былъ дѣйствительно этотъ водевиль — онъ удался, онъ былъ принятъ парижскою публикою съ рукоплесканіями — и нашъ остроумный соотечественникъ возвратится къ намъ изъ Парижа не съ одними *фраками и жилетами*, какъ графъ Нулинъ, но съ лаврами и съ огромною извѣстностію, пріобрѣтенною имъ на пространствѣ отъ улицы Ришльё до бульвара Bonne Nouvelle.... Что жь? и это европейская слава!

Во всякомъ случаѣ, отъ графа Нулина до графа Соллогуба русскіе путешественники совершили большой прогрессъ. Это несомнѣнно.

Слышать рукоплесканія... не публики Александринскаго театра, на которую мы смотримъ съ-высока; которую мы презираемъ..., а парижскихъ хотя бы даже и клакёровъ, видѣть играющую въ своей пьесѣ Розъ-Шери... понимаете ли вы всю прелесть, все высокое наслажденіе этого для автора-*иностранца*?...

«И потомъ, когда всѣ удалились», говоритъ Плутархъ въ жизнеописаніи Тита Квинтія Фламинія, разсказывая о его тріумфѣ послѣ побѣды надъ Греками, «всѣ друзья и сограждане, присутствовавшіе на празднествѣ, кланялись ему, обнимали и цѣловали его, а потомъ

отправились всѣ ужинать и осушать вмѣстѣ кубки. И тамъ, какъ можно себя представить, радость обнаружилась еще сильнѣе....»

Такова, вѣроятно, была и радость нашего соотечественника послѣ перваго представленія его водевиля на театрѣ Gymnase.

Я въ совершенномъ отчаяніи, что не былъ въ эту минуту въ Парижѣ и не могъ участвовать въ этой общей радости....

Должно надѣяться, что «La preuve d'amitié» будетъ дана предстоящею осенью на петербургскомъ французскомъ театрѣ и что здѣсь ожидаютъ автора еще новые лавры....

Что же еще новаго, кромѣ пьесы графа Соллогуба?

— А то, что ваши петербургскіе театры вообще должны необыкновенно оживиться къ осени, разсказываютъ намъ французскіе фельетонисты. S. Exc. M. de Sabourow est un homme habile, et, ce qui vaut mieux encore, un homme heureux dans ce qu'il fait (*).

— Въ чемъ же дѣло?

— Онъ ангажировалъ для вашей Итальянской Оперы г-жу *Шартонъ-Демёръ* (Charton-Demeure) пѣвицу, которой рукоплескали оба полушарія (que les deux mondes ont applaudie), которая начала свою карьеру въ Парижѣ, была идоломъ американцевъ Сѣверныхъ и Южныхъ Штатовъ, и отъ которой еще недавно восторгались въ Вѣнѣ. Она владѣетъ удивительнымъ soprano. Притомъ эта пѣвица хорошаго стиля и превосходная музыкантша. Въ «Розинѣ» Севильскаго Цирюльника она неподражаема. Кромѣ того, къ вамъ ангажирована г-жа *Нантье-Дидье* (Nantier-Didié). У г-жи Нантье контральто, неуступающій почти Альбони.... И въ Лондонѣ и въ Парижѣ она имѣла блистательные успѣхи. Она очень хорошая актриса и также почти прелестна въ мужскихъ костюмахъ, какъ сама Дежазе! Когда она будетъ у васъ въ Петербургѣ, попросите ее, чтобы она спѣла вамъ une chansonnette espagnole. Вы будете благодарны за совѣтъ.

— Непремѣнно.... Чтожь, г-жа Шартонъ должна замѣнить Бозіо?

— Репертуаръ вашей несравненной Бозіо, возражаетъ фельетонистъ,—былъ такъ обширенъ и разнообразенъ, что одна пѣвица не могла бы замѣнить ее. Къ тому же г-жа Шартонъ не драматическая пѣвица. Былъ вопросъ о г-жѣ Пенко, но еще до пріѣзда г. Сабурова она подписала очень выгодной для себя контрактъ съ г. Кальзадо. Г. Сабуровъ чуть было не пришолъ въ отчаяніе, какъ вдругъ онъ узнаетъ о пріѣздѣ въ Парижъ артистки только что прибывшей изъ Ріо-Жанейро. Имя этой артистки *Эмми Лагра* (Emmy Lagrua). Г. Кальзадо, узнавшій объ ея пріѣздѣ и слышавшій ее на вечерѣ у барона

(*) Его превосходительство г. Сабуровъ человѣкъ ловкій и, что еще лучше очень счастливъ въ томъ, что предпринимаетъ.

де Романъ, тотчасъ предложилъ ей блестящія условія.... Тогда начался споръ между г. Сабуровымъ и г. Кальзадо. Первый однако одержалъ блистательную побѣду и въ нынѣшнюю зиму вы будете аплодировать ей въ Петербургѣ, по милости l'habilité toute aimable de M-r de Sabourow, по милости нѣсколькихъ тысячъ серебряныхъ рублей и... также по милости громкой репутаціи диллетантизма, которой пользуется въ артистическомъ европейскомъ мірѣ петербургская публика, вполнѣ оцѣняющая музыкальные таланты....

При этой послѣдней фразѣ, столь лестной для нашего патріотическаго самолюбія, мы пріятно улыбаемся любезному фельетонисту и нѣсколько наклоняемъ голову, въ знакъ благодарности.

Фельетонистъ продолжаетъ:

— Г-жа Лагра будетъ въ Петербургѣ 1-го сентября. — Я не слыхалъ ея голоса, но я видѣлъ ее. Г-жа Лагра — сициліанка. — Она молода, хороша собой, стройна, высока ростомъ, d'une tournure élégante et distinguée; у ней густые черные волосы и блестящіе черные глаза. Въ ея взглядѣ свѣтится ея артистическая душа. Знатоки увѣряютъ, что у ней удивительный голосъ, который она усовершенствовала въ школѣ г-жи Унгеръ-Сабаттье. Г-жа Лагра пѣла въ Германіи, въ Парижѣ, въ Италіи, въ Америкѣ. Она дебютировала въ Парижѣ въ «Робертѣ»; въ Вѣнѣ — пѣла въ «Донъ-Жуанѣ», въ «Цирюльникѣ», въ «Фиделіо»; въ Туринѣ въ «Гугеннотахъ», и въ «Отелло.» Въ Валентинѣ и въ Дездемонѣ она обнаружила замѣчательный драматическій талантъ и была идоломъ туринцевъ.

Америка приняла ее съ энтузіазмомъ и осыпала ее деньгами.... Въ одинъ вечеръ положенъ былъ къ ногамъ ея фанатическими обожателями ея таланта и красоты, — очень массивный лавровый вѣнокъ изъ золота. Она пѣла въ этотъ вечеръ «Норму.»

«Вотъ если бы такими вѣнками награждали (подумалъ я) въ Парижѣ иностранцевъ, пишущихъ французскіе водевили, — это было бы дѣйствительно поощрительно.... Тогда всѣ бы мы принялись писать французскіе водевили, а то какую напримѣръ существенную выгоду принесла графу Соллогубу слава, пріобрѣтенная имъ на парижскихъ бульварахъ?

«Слава, — насъ учили, — дымъ!»

— Но всего этого мало, продолжалъ французскій фельетонистъ: — васъ, петербургскихъ жителей, еще ожидаетъ новость. Прошлую зиму у васъ гостила Феррарисъ, нынѣшнюю зиму будетъ гостить г-жа *Розати*... Знаете ли вы, что такое Розати? Эта сама прелесть, сама грація.... Какая мимика! Какое одушевленное личико! Она — въ пантомимѣ удивительна — въ ней и трагическій и комическій та-

лантъ. Мы, парижане, будемъ въ отчаяніи, если вы ее долго задержите у себя....

«Ну, едва-ли мы долго задержимъ ее» (подумалъ я)... На Феррарисъ, о которой такъ кричали европейскіе фельетонисты, — мы посмотрѣли раза два и нашли, что этого достаточно. Первыя десять представленій съ Феррарисъ были полны, а подъ конецъ сезона балетъ былъ почти пустъ. За исключеніемъ нѣкоторыхъ неизбѣжныхъ балетныхъ фанатиковъ, въ театрѣ никого почти не было; но эти господа не любятъ пріѣзжихъ балетныхъ знаменитостей изъ патріотическаго чувства, боясь, чтобы эти знаменитости не повредили отечественнымъ талантамъ. Балетный патріотизмъ нашъ очень силенъ.»

Затѣмъ французскій фельетонистъ началъ разсыпаться въ похвалахъ щедрости, любезности, увлекательности г. Сабурова и замѣтилъ, что директорамъ парижскихъ театровъ предстоитъ на будущій годъ величайшая опасность, ибо г. Сабуровъ намѣренъ предпринять ангажементъ для французскаго петербургскаго театра.—Въ заключеніе онъ сообщилъ намъ еще слѣдующую новость. Нынѣшнюю зиму дана будетъ въ Петербургѣ новая опера Мейербера, имѣвшая огромной успѣхъ въ Парижѣ въ прошлую зиму: «Прощеніе Плормеля» (Pardon de Ploermel). Самъ маэстро давалъ совѣты г. Сабурову, какъ бы лучше поставить ее. Говорятъ между прочимъ, что Мейерберъ написалъ для г-жи Нантье-Дидье новую Canzonetta. Онъ также далъ нѣсколько совѣтовъ г-жѣ Шартонъ-Демёръ, которая будетъ пѣть въ Петербургѣ роль Диноры и г-ну Дебассини, который будетъ пѣть роль Ноэль (Noël), созданную въ Парижѣ г. Форомъ....

Но обратимся къ Парижу, такъ какъ мы путешествуемъ.

Ужь если теперь почти нельзя узнать въ императорскомъ Парижѣ прежняго Парижа, каковъ онъ былъ 15 лѣтъ назадъ тому, при королѣ Людовикѣ Филиппѣ,—то черезъ нѣсколько лѣтъ онъ будетъ рѣшительно неузнаваемъ.... Впрочемъ кто знаетъ, что будетъ черезъ нѣсколько лѣтъ?... по крайней мѣрѣ ломки и перестройки до сихъ поръ продолжаются въ немъ упорно, несмотря на войну.... А Булонскій лѣсъ?... Похожъ ли онъ теперь на тотъ лѣсъ безъ деревьевъ, который мы знавали нѣкогда?...

Скоро—увы!—исчезнетъ въ немъ послѣдній остатокъ старины—строеніе, принадлежавшее знаменитому заведенію, называвшемуся *Ранелагъ* (Ranelagh). Этотъ старѣйшій изъ публичныхъ баловъ парижскихъ долженъ уступить мѣсто новому бульвару. На мѣстѣ боскета и ротонды Ранелага уже поставленъ шестъ съ надписью: Terrains à vendre. Сколько воспоминаній пробуждаетъ въ парижанинѣ это мѣсто!

— Здѣсь-то, въ Пасси, передалъ мнѣ одинъ парижскій старожилъ со вздохомъ,—былъ знаменитый замокъ (château de la Muette) въ которомъ жили регентъ, его дочь герцогиня Беррійская и молодой Людовикъ XV, привлекавшій весь дворъ на свои веселыя празднества. Танцовали не только въ великолѣпныхъ комнатахъ дворца, но и на травѣ близъ замка. Это мѣсто было любимымъ публичнымъ гуляньемъ парижскихъ жителей въ 1741 г. и актеръ Гранваль написалъ пьесу подъ названіемъ Bal du Passy, въ которой дѣйствіе помѣстилъ подъ тѣнью этихъ деревьевъ.

Нѣкто г. Морисонъ, привратникъ Булонскаго лѣса, вздумалъ на этомъ мѣстѣ устроить заведеніе для баловъ. Онъ получилъ дозволеніе отъ коменданта Мюэтскаго замка Субиза выстроить тутъ Café и залу для спектаклей. Открытіе этого заведенія праздновалось въ 1774 г. 25-го іюля. Оно было названо *Маленькимъ Ранелагъ* (Petit-Ranelagh). Вотъ откуда идетъ это названіе. Лордъ Ранелагъ, пэръ Англіи, большой охотникъ до музыки, велѣлъ построить въ саду своего загороднаго замка великолѣпную залу для концертовъ. — Послѣ его смерти компанія скупила его землю и замокъ и превратила владѣніе лорда въ публичное гулянье, назвавъ это гулянье Ранелагъ, по имени его прежняго владѣтеля. Гулянье это пользовалось огромнымъ успѣхомъ на берегахъ Темзы, и Морисонъ свое заведеніе устроилъ въ подражаніе англійскому.

Въ своемъ посланіи (Epître à Passy) Дюмерсонъ поэтъ, о которомъ теперь знаютъ только библіофилы, такъ говоритъ о Ранелагѣ:

«Ce Ranelagh, dont le nom fut anglais,
A vu jadis et la cour et la ville
Dans son enceinte arriver à la file;
La mode est tout chez le peuple français.»

Новый Ранелагъ пользовался первое время большимъ успѣхомъ. Его посѣщалъ высшій свѣтъ.... Ротонда была постоянно наполнена танцующими. Франклинъ, посланный отъ Соединенныхъ Штатовъ во Францію, долго жилъ въ Пасси и въ одной изъ залъ Ранелага, превращенной въ массонскую ложу, онъ былъ посвященъ въ масоны. Всѣ извѣстные драматическіе авторы того времени считали за особенный почетъ писать піесы для маленькаго театра Булонскаго лѣса.

Морисонъ составлялъ себѣ фортуну, но скоро зависть вооружилась противъ него: ему велѣно было срыть его зданіе, ему грозили даже ссылкою на галеры! Его спасъ Людовикъ XVI, тронувшись его положеніемъ. Онъ принялъ Ранелагъ подъ свое покровительство.

Вскорѣ послѣ того Марія Антуанета переселилась въ замокъ la Muette вмѣстѣ съ графиней Полиньякъ, и 21-го апрѣля 1780 удостоила своимъ посѣщеніемъ ранелагскій балъ.

Съ этого дня Ранелагъ вошелъ въ величайшую моду. Ранелагскіе балы сдѣлались привилегированными балами, на которые доставать билеты было трудно — и Марія Антуанета не разъ присутствовала на нихъ.

Съ конца XVIII столѣтія до нашихъ дней сколько перебывало различныхъ дебютантовъ на маленькой сценѣ Ранелагскаго театра!..

Вмѣстѣ съ Террором элегантные танцоры скрылись изъ Ранелага. На мѣсто ихъ появились *санкюлоты*. Минуэтъ былъ замѣненъ карманьолой.... Морисонъ обанкрутился и долженъ былъ сломать часть своихъ зданій и продать матеріалы.

Ранелагъ снова оживился во время Директоріи. Всѣ франты того времени (les muscadins) сдѣлались его постоянными посѣтителями, и здѣсь-то впервые появились исполинскіе галстуки, чудовищныя палки, всѣ эксцентричности тогдашняго туалета. Эти господа навлекли однако на себя подозрѣніе Директоріи и въ одинъ вечеръ баталіонъ солдатъ ворвался въ залу, разогналъ всѣхъ танцующихъ, и Директорія приказала Морисону во второй разъ закрыть его увеселительное заведеніе.

Ранелагъ однако снова процвѣлъ вмѣстѣ съ Консульствомъ. Его приняли подъ покровительство г-жи Тальенъ (Tallien) и Рекамье. Все снова оживилось въ немъ и заплясало. Антраша знаменитаго Тренитца (Trénitz) стали привлекать въ ротонду Буленскаго лѣса весь Парижъ.

Успѣхъ Ранелага продолжался и во время Имперіи. Морисонъ умеръ въ 1812 году. Преемникомъ его сдѣлался его зять Герни.

Въ 1818 году страшный ураганъ произвелъ въ Ранелагѣ жестокое опустошеніе. Для поправки зданій, надо было заложить часть ихъ. Дѣла Герни были плохи, но Ранелагъ постоянно находилъ покровителей. На этотъ разъ (въ 1820) на помощь ему явилась графиня Корветто — супруга бывшаго министра финансовъ...

Все опять заплясало, запрыгало и заволновалось, но не надолго. Въ 1821 году на привилегію Герни снова напали. Гибель Ранелага, казалось, была близка; но Карлъ X вступился за него, и зала Ранелага была реставрирована и отдѣлана съ большою роскошью и въ этой залѣ открылись балы, подъ покровительствомъ герцогини Беррійской.

Съ тѣхъ поръ Ранелагъ посѣщаемъ былъ самою великосвѣтскою парижскою молодежью (fine fleur) и въ его маленькой ротондѣ впервые появились самыя смѣлыя хореграфическія выдумки на-

шей эпохи; здѣсь знаменитости парижскаго полусвѣта (Demi monde) являлись въ новыхъ великолѣпныхъ туалетахъ, обходившихъ оба полушарія; здѣсь родились — полька и кринолинъ!

— «Вотъ бы, подумалъ я, выслушавъ эту любопытную исторію,— «графу-то Соллогубу вмѣсто Мабиль перенести героевъ и героинь своей комедіи въ Ранелагъ, тѣмъ болѣе, что это заведеніе имѣетъ такія аристократическія преданія!... Здѣсь, подъ этими деревьями все-таки гораздо приличнѣе вести любовныя объясненія... г-жѣ де-Серне и господину при посольствѣ. Кто знаетъ, можетъ быть подъ ними нѣкогда шли любовныя рѣчи между особами несравненно высшими? Не даромъ же такія высокія особы покровительствовали этому Ранелагу!»

Ранелагъ—превосходная тема для вдохновенія... и мы совѣтуемъ графу Соллогубу написать въ честь этого заведенія, нынѣ окончившаго свое существованіе... поэму французскими стихами (мы увѣрены, что онъ владѣетъ французскимъ стихомъ также легко, какъ и прозой)... Сколько лицъ французской династіи можно ввести въ эту поэму: — и какія еще лица! Регентъ, Людовикъ XV, Людовикъ XVI, Марія-Антуанетта... предметъ великолѣпный!

Этой поэмой нашъ даровитый соотечественникъ можетъ окончательно укрѣпить за собою европейскую славу, такъ пріятно улыбнувшуюся ему на бульварномъ театрѣ.

Но всѣ парижскіе успѣхи послѣдняго времени, въ томъ числѣ и успѣхъ гр. Соллогуба на театрѣ Gymnase... совершенно поблѣднѣли передъ успѣхами французскаго оружія. Парижъ ликуетъ въ сію минуту, празднуя побѣды, развѣшиваетъ флаги, устроиваетъ иллюминаціи, стрѣляетъ изъ пушекъ и поетъ Te-Deum!

О комедіи графа Соллогуба — увы! — никто уже не говоритъ...

Для того, чтобы замѣтки эти сколько нибудь соотвѣтствовали своему заглавію, надо же, хоть въ заключеніи ихъ перейти къ петербургской жизни и передать иногородному читателю нѣкоторыя болѣе замѣчательные факты изъ этой жизни.

Начнемъ съ предметовъ серьёзныхъ:

Императорская академія наукъ въ торжественномъ засѣданіи своемъ (5 іюня) присудила Демидовскія преміи за слѣдующія сочиненія:

Полную премію въ 1,428 р. г. Максимовичу за его сочиненіе: Primitiae Floræ Amurensis.

Половинною преміею въ 714 р. награждены за свои сочиненія: г. Савичъ. Иванъ Аксаковъ (Украинскія ярмарки), Мигликкій и Антиповъ (Геогностическое описаніе южной части цѣпи Уральскихъ горъ), М. Куторга (Персидскія войны), Роговъ (Опытъ грамматики пермятскаго языка), Савельевъ (Монеты Джутмидовъ и другія Золотой орды), архимандритъ Савва (Путеводитель сокровищъ Московской патріаршей библіотеки);

Кромѣ того награждены академіею многія лица, способствовавшія академіи къ разсмотрѣнію этихъ сочиненій, золотыми медалями. При этомъ кстати мы должны упомянуть о смерти г. Савельева, который былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ нашихъ оріенталистовъ.

Въ торжественномъ засѣданіи Императорской академіи художествъ былъ прочитанъ отчетъ, изъ котораго мы между прочимъ узнали слѣдующее:

Знаменитая картина Иванова пріобрѣтена Государемъ Императоромъ для Эрмитажа за 15,000 р.

Художникъ Сѣряковъ, граверъ на деревѣ, по Высочайшему повелѣнію посланъ на казенный счетъ для усовершенствованія за границу.

Больному Тыронову назначено 300 р. пенсіи.

Въ прошломъ году посланы за границу:

По части исторической живописи: Сорокинъ и Мартыновъ на 6 лѣтъ; Богомоловъ пейзажистъ на 3 года.

Въ сію минуту находится за границей 29 пансіонеровъ академіи: 11 историческихъ живописцевъ, 4 пейзажиста, 2 батальныхъ, 1 по перспективѣ, 1 морскихъ видовъ (marines) 2 жанровыхъ живописца, 2 акварелиста, 4 архитектора и 2 скульптора. Есть еще живописцы, путешествующіе на собственный счетъ.

Академія лишилась въ прошломъ году: академиковъ Иванова, Козлянинова и Медичи, архитектора Монферана и вольнаго общника графа А. Мордвинова.

Въ Петербургѣ образовалось русское музыкальное общество, статутъ котораго Высочайше утвержденъ 1 мая.

Число членовъ этого общества неограниченно; въ число ихъ могутъ быть принимаемы и дамы. Цѣль общества — развитіе въ Россіи музыкальнаго образованія и покровительство музыкальнымъ отечественнымъ талантамъ. Члены вносятъ по 15 р. сер. въ годъ. Тѣ, которые единовременно пожертвуютъ 1000 р. или обяжутся вносить ежегодно по 100 р. получатъ титло почетныхъ членовъ.

Загородныя увеселенія идутъ своимъ чередомъ: музыки гремятъ повсюду, летаютъ воздушныя шары съ дѣвицами и безъ дѣвицъ,

имя Излера снова блеститъ въ фельетонахъ, — все какъ слѣдуетъ. Всѣ эти виллы и увеселительныя заведенія даютъ теперь вечера въ пользу погорѣвшихъ жителей Песковъ.

Петергофская желѣзная дорога принесла большую выгоду всѣмъ дачамъ по петергофской дорогѣ, начиная отъ Лигова (имѣніе графини Кушелевой) до Стрѣльны. *Средняго рода люди*, не имѣющіе экипажей, не могли прежде жить на этихъ дачахъ по отдаленности отъ Петербурга и по неудобству сообщенія. Теперь всѣ мелкія дачи въ Лиговѣ, около Сергіевскаго монастыря, въ Стрѣльнѣ и въ Стрѣльненской колоніи наполнены дачниками.

14 іюня происходило открытіе вѣтви Петергофской желѣзной дороги на Красное Село. Движеніе по этой новой вѣтви началось 16 іюня. Отъ Лиговской станціи, которая въ 14 верстахъ отъ Петербурга, до Краснаго Села 12 верстъ. Цѣны отъ Петербурга до Краснаго Села въ первыхъ мѣстахъ 75 к., во вторыхъ 55 к., а въ третьихъ 27 к. На Красносельскомъ театрѣ даются представленія русскими артистами комической и оперной труппы.

Говорятъ объ утвержденіи желѣзной дороги изъ Петербурга въ Выборгъ.

Въ Стрѣльнинскомъ саду, во время пребыванія Великаго Князя Константина Николаевича, играетъ музыка гвардейскаго экипажа и у музыки собираются нѣкоторые изъ окрестныхъ обитателей.

Въ Сергіевскомъ монастырѣ и нынѣшнее лѣто продолжаютъ значительныя постройки. Противъ дома настоятеля разбитъ садъ на очень живописномъ мѣстѣ; на великолѣпномъ кладбищѣ появилось еще нѣсколько великолѣпныхъ памятниковъ и часовень.

Близъ монастыря существуютъ двѣ большія гостинницы для пріѣзжающихъ: одна противъ самого монастыря, называемая *Арендаторской*, другая на дачѣ Стобеуса, о которой мы уже говорили — это французская гостинница, содержимая г. Огюстомъ, тѣмъ самымъ, который нѣкогда содержалъ въ Петербургѣ Hôtel de Princes.

Арендаторская гостинница ничѣмъ не отличается отъ обыкновенныхъ русскихъ трактировъ, даже чистотою; не совсѣмъ свѣжія салфетки, подозрительно-тусклое стекло, бивстексъ, для котораго надобно имѣть очень крѣпкіе зубы, съ классическими принадлежностями: хрѣномъ въ стружкахъ и петрушкою, посыпанною сверху, и все въ этомъ родѣ.

У Огюста, напротивъ, все отличается чистотою, все устроено съ величайшимъ вкусомъ: отдѣльныя кабинеты, залы и особенно большая зала, съ рѣзною мебелью изъ простаго, некрашеннаго дерева, съ такими же рамами у зеркалъ, цвѣтниками и прочее. Въ залѣ этой удобно могутъ помѣститься до 100 человѣкъ, здѣсь можетъ быть

устроенъ очень большой балъ. Обѣдъ сервированъ превосходно, поваръ отличный и, что важнѣе всего, за все это вы заплатите очень дешево. Г. Огюстъ дастъ вамъ за 1 р. 50 к. такой обѣдъ, за который вы заплатите въ лучшихъ петербургскихъ ресторанахъ навѣрное вдвое. Мы обращаемъ особенное вниманіе всѣхъ ѣдущихъ въ Сергіевскій монастырь и Стрѣльну на ресторанъ г. Огюста. Они вѣрно будутъ намъ благодарны за это.

25 іюня открытъ памятникъ императору Николаю I. Церемоніалъ этого торжественнаго открытія былъ напечатанъ во всѣхъ петербургскихъ газетахъ.

Въ заключеніе, мы считаемъ долгомъ поздравить нашихъ читателей съ весьма неожиданною и пріятною европейскою новостію — съ *миромъ* и съ освобожденіемъ Ломбардіи отъ австрійцевъ.

ПОЛИТИКА.

ПОХВАЛА МИРУ. — СРАЖЕНІЯ ПРИ МАДЖЕНТѢ И СОЛЬФЕРИНО. — ПРИЧИНЫ СЛАБОСТИ АВСТРІЙСКОЙ АРМІИ. — ПРИЧИНА, ПО КОТОРОЙ БЫЛЪ ЗАКЛЮЧЕНЪ МИРЪ.

Итакъ, миръ!—миръ, заключенный съ такою быстротою, или лучше сказать, торопливостью, что долго не могли опомниться отъ этого внезапнаго, скоропостижнаго факта люди, вѣрившіе въ серьёзность войны, то есть девять человѣкъ изъ десяти читающихъ газеты и разсуждающихъ о политикѣ. Даже и мы, бывшіе изъ числа тѣхъ немногихъ, которые съ самаго начала утверждали, что дѣло ведется только для развлеченія французовъ побѣдоносными фейерверками и должно прекратиться немедленно по «увѣнчаніи французскаго оружія» достаточнымъ числомъ «лавровъ»,—даже и мы, сознаемся, не предполагали, чтобы наше мнѣніе оправдалось такъ скоро, чтобы такъ поспѣшно обращены были силою совершившагося факта къ принятію нашего взгляда люди, которые не отстали отъ наивной привычки измѣрять вѣроятности будущаго только благородствомъ собственныхъ желаній, а не искать мѣрила для результатовъ извѣстнаго дѣла въ характерѣ, въ потребностяхъ и намѣреніяхъ дѣятелей, отъ которыхъ зависитъ судьба дѣла. Надѣемся, теперь перестанутъ осуждать насъ за то, что мы оставались холодны, недовѣрчивы, не полагались на прокламаціи, не ждали отъ войны ничего, кромѣ бойни на поляхъ сраженій, ампутацій и тифа въ госпиталяхъ, тріумфальныхъ процессій въ Парижѣ, да увѣнчанія лаврами французскаго оружія.

Да, миръ, по которому Австрія остается владычицею Венеціи, владѣтельницею крѣпостей на Адидже и Минчіо, дающихъ военное господство надъ всей сѣверной Италіею, — миръ, по которому единство Италіи создается въ формѣ итальянской конфедераціи подъ предсѣдательствомъ папы, то есть, подъ формою еще безсильнѣйшею, нежели нѣмецкій союзъ, — миръ, по которому членомъ этой конфедераціи становится Австрія, то есть, ненормальное тяготѣніе ея надъ другими итальянскими государствами посредствомъ тайныхъ трактатовъ и незаконнаго занятія крѣпостей войсками, — шаткое господство это замѣняется открытымъ, нормальнымъ господствомъ надъ ними, посредствомъ законной формы, гарантируемой Европою, — миръ, по которому Сардинія получаетъ область, не довольно большую для того, чтобы дать ей силу стоять одной противъ Австріи, но достаточно большую для того, чтобы Австрія не могла забыть этой потери и постоянно искала случая возвратить ее, имѣя готовый ключъ къ тому въ своихъ крѣпостяхъ на Минчіо и Адидже, то есть, такой миръ, по которому Сардинія изъ безопаснаго и потому самостоятельнаго государства становится вассальнымъ владѣніемъ Франціи, у которой безусловнымъ послушаніемъ должна покупать милостивое покровительство, служащее для нея защитою отъ Австріи,—итакъ миръ, по которому къ прежнему игу, австрійскому, присоединяется еще новое иго, французское.

Да, таковъ исходъ борьбы, воодушевлявшей пылкими надеждами людей, слишкомъ довѣрчивыхъ въ своемъ благородствѣ. Признаемся, даже мы, не ожидавшіе отъ войны, предпринятой императоромъ французовъ, ничего хорошаго, не ждали такого результата. Онъ превзошелъ самыя грустныя наши опасенія. Нельзя было ждать, чтобы судьба Италіи улучшилась; но покрайней мѣрѣ можно было думать, что она не станетъ хуже. Успѣхи союзниковъ будутъ или быстры и рѣшительны, или нѣтъ; кажется, этими двумя положеніями истощалась вся область возможнаго. Въ послѣднемъ случаѣ австрійское иго остается тяготѣть надъ Италіею; въ первомъ оно замѣняется французскимъ преобладаніемъ, — что жь, это не хуже, даже нѣсколько лучше. Кажется, умозаключеніе было непогрѣшительно; но воля, располагавшая событіями, устроила такъ, что вышло нѣчто неправдоподобное. Успѣхи союзниковъ были неимовѣрно быстры, страшно рѣшительны — и исполнилась часть дилеммы, говорившая, что въ этомъ случаѣ Италія подпадаетъ французскому господству; но не исполнилась та часть, которая говорила, что владычество Австріи падаетъ въ этомъ случаѣ — нѣтъ, оно не упало. Рука, поражавшая австрійцевъ, постаралась сама поддержать ихъ; воля, вздумавшая избрать поводомъ къ войнѣ освобожденіе Италіи, нашла

удобнѣйшимъ замѣнить простое иго — сложнымъ, такъ сказать двухъ-этажнымъ игомъ: первымъ пластомъ оставила она лежать надъ Италіею Австрію; но на Австрію и Италію вмѣстѣ положила она тяжесть французскаго ярма. Прежде, для того, чтобы Италія могла стать свободною, довольно было, чтобы на нѣкоторое время какими нибудь обстоятельствами связаны были руки у Австріи; тѣ, которые опасались, что нынѣшняя война не освободитъ Италію, а только замѣнитъ австрійское господство французскимъ, могли думать, что довольно будетъ какого нибудь переворота въ Франціи для паденія этой новой зависимости. Теперь, благодаря условіямъ, устроено такъ, что ни то ни другое уже не достаточно для освобожденія Италіи. Теперь, если ослабѣваетъ Австрія, это ведетъ только къ усиленію французскаго господства; если Франція потеряетъ силу или охоту тяготѣть надъ Италіею, это ведетъ только къ усиленію господства Австріи. Отлично устроилось дѣло: вмѣсто одного якоря, державшаго Италію въ состояніи неподвижной неволи, теперь держится она въ такомъ положеніи на двухъ якоряхъ. Такая развязка превосходитъ даже наши ожиданія; и признаемся, мы не чувствуемъ особенной радости, говоря людямъ, осуждавшимъ наше маловѣріе: видите теперь, господа, мы говорили правду, — мы говорили даже меньше, нежели оказалось теперь грустною правдою.

А между тѣмъ вѣдь имѣли же эти люди какія нибудь данныя для своей надежды? Да, имѣли, и данныя эти никогда не подлежали ни малѣйшему сомнѣнію. Да, разумѣется, могъ всякій, кому было угодно, основываясь на безспорныхъ данныхъ, ожидать отъ войны совершеннаго изгнанія австрійцевъ изъ Италіи, могъ ожидать даже разрушенія всей Австріи и Богъ знаетъ какъ много другихъ прекрасныхъ вещей. Да, разумѣется, Франція имѣла достаточно силы, чтобы прогнать австрійцевъ за Тальяменто, за Дунай и за какую угодно границу. Да, разумѣется, Австрія постоянно находится «въ моментѣ распаденія», по выраженію Петруши въ «Родственникахъ». Все, чего ожидали благородные наивные люди, было не только возможно исполнить, было даже очень легко исполнить, — да мы и не знаемъ вообще, есть ли какая нибудь хорошая вещь, какая нибудь истинная потребность какого нибудь народа или просвѣщенныхъ людей въ какомъ нибудь обществѣ, которую бы трудно было исполнить, если бы только находилась, въ комъ нужно, серьёзная охота къ исполненію такихъ вещей. Мало ли чего нѣтъ! Ошибка наивныхъ людей только въ томъ и состоитъ, что они судятъ о другихъ людяхъ по себѣ, предполагаютъ свою охоту, — предполагаютъ по крайней мѣрѣ возможность появленія такой охоты въ другихъ, которые не имѣютъ — и, что главное, не могутъ имѣть ея. Мало ли чего нѣтъ

Въ Испаніи, напримѣръ, — въ той самой странѣ, гдѣ находился Авксентій Иванычъ Поприщинъ, и о которой онъ открылъ, что она собственно не Испанія, а Китай — попробуйте, говоритъ, написать «Китай», то и выйдетъ Испанія, — въ этой странѣ существуютъ, какъ извѣстно, двѣ провинціи, или такъ называемыя по старинному обычаю, потерявшему всякій смыслъ, два королевства,— Кастилія и Аррагонія; въ обѣихъ провинціяхъ есть большія дороги, а на большихъ дорогахъ есть разбойники, которые живутъ нарушеніемъ законовъ о собственности и личной неприкосновенности, или, если позволите такъ выразиться, занимаются грабежомъ, а при случаѣ надобности совершаютъ и убійства. Прекрасно, — то есть то, что есть тамъ разбойники и они занимаются грабежомъ и убійствомъ, это очень дурно, а «прекрасно» мы сказали къ тому, что намъ удалось очень хорошо положить основаніе разрѣшенію вопроса; впрочемъ и то, что существованіе разбойниковъ, грабежа и убійствъ дурная вещь, это думаемъ мы съ вами, читатель, а сами кастильскіе и аррагонскіе разбойники находятъ, что это очень и очень не дурно, — они даже полагаютъ, что они очень хорошіе и честные люди, гораздо честнѣе насъ съ вами,—если хотите узнать, какъ они доказываютъ это, можете прочесть у Шиллера въ трагедіи die Räuber, и въ безчисленныхъ другихъ книгахъ. По всей вѣроятности, вы даже читали многія изъ книгъ, излагающихъ эту штуку. Но вѣроятно вы не читали одной препотѣшной нѣмецкой брошюры: Die kastilisch-arragonische Räuberfrage, der liberal-gemässigten Weltanschauung gemäss dargestellt und gelöset, von einem Freunde der gesetzlichen Freiheitsentwickelung, то есть «Вопросъ о кастильско-аррагонскихъ разбойникахъ, изложенный и разрѣшенный сообразно либерально-умѣренному міросозерцанію другомъ законнаго развитія свободы» (только нѣмецкій умъ способенъ придумывать такія заглавія). Что же предлагаетъ къ разрѣшенію вопроса почтенный авторъ? Онъ предлагаетъ воспользоваться раздорами, какіе существуютъ между шайками, и склонить кастильскихъ разбойниковъ къ очищенію аррагонской области отъ злодѣевъ, ее безпокоящихъ. Занявшись такимъ благороднымъ дѣломъ, говоритъ онъ, сами кастильскіе разбойники исправятся и перестанутъ грабить кастильцевъ. Оно, если хотите, очень основательно. Если въ самомъ дѣлѣ предположить, что въ кастильскихъ разбойникахъ пробудится охота наблюдать за безопасностью аррагонскихъ дорогъ, то безъ всякаго сомнѣнія исполнятся заботы всѣхъ благомыслящихъ людей въ Аррагоніи, Кастиліи и въ цѣлой Испаніи о прекращеніи ужаснаго зла, угнетающаго бѣдныя эти страны. Но, простите насъ, благородный читатель: мы улыбались, читая брошюру, проникнутую превосходнѣйшими намѣреніями.

Съ улыбкою мы закрыли ее — и на обертке увидели напечатанныя мелкимъ шрифтомъ слова, которыхъ не заметили сначала: von der toledanischen Universal-Räuberbekehrungsgesellschaft approbirt und zum praktischen Gebrauch adoptirt,—то есть «одобрено и принято для практическаго употребленія толедскимъ обществомъ повсеместнаго обращенія разбойниковъ». Когда мы прочли эти слова, мы забыли улыбаться, нами овладела грусть, досада, негодованіе: какъ, это не мечта отдельнаго наивнаго фантазера, это принято целымъ обществомъ людей, вероятно очень почтенныхъ и располагающихъ, какъ видно, средствами для практической деятельности! Боже мой, чего же добраго можетъ ждать бедная Кастилія, бедная Аррагонія, вся Испанія, пока находится въ ней целая толпа людей, серьёзно принимающихъ благородную теорію почтеннаго «друга законнаго развитія свободы?» — Да, только тутъ мы поняли, почему Испанія вообще находится въ такомъ жалкомъ состояніи. Отчего же наша улыбка, отчего наше грустное негодованіе? Неужели мы не хотимъ прекращенія разбоевъ? Или мы не уверены, что раньше или позже разбои въ Испаніи действительно прекратятся? О, нетъ, добрые люди: мы не сомневаемся даже въ томъ, что ихъ можно было бы прекратить въ Испаніи очень легко и скоро, какъ прекращены они въ другихъ странахъ; мы не думаемъ только того, чтобы кастильскими разбойниками могло ныне или когда нибудь овладеть стремленіе къ исполненію нашего съ вами желанія, добрые люди, господинъ «другъ» и проч., и господа члены «общества для» и проч. Мы полагаемъ, что для осуществленія этого желанія необходимо принять меры, которыхъ никакъ не желаютъ, никогда не могутъ желать разбойники, — и что эти меры не могутъ быть проведены иначе, какъ силами какихъ нибудь другихъ людей и сословій, не имеющихъ ничего общаго ни съ кастильскими, ни съ аррагонскими, ни съ какими другими разбойниками. Впрочемъ, насъ совершенно справедливо упрекаютъ за нелепость уклоненій отъ предмета и неуместность произвольныхъ эпизодовъ, нимало неидущихъ къ делу. Вотъ, напримеръ, и теперь мы видимъ, что написали целыя полуторы страницы, что называется ни къ селу ни къ городу, и что даже невозможно извлечь изъ этихъ страницъ никакого порядочнаго смысла. Ну, да что делать, — не всякое лыко въ строку. Вы, читатель, простите намъ невоздержность, заставившую насъ передать вамъ курьёзное впечатленіе отъ забавной немецкой брошюры, а мы съ своей стороны готовы простить кому угодно, что угодно. А впрочемъ, нетъ,—не верьте, нетъ, мы чувствуемъ, что не въ силахъ, ни прощать, ни забывать. Какая, однакоже, безсвязная разбросанность въ нашемъ изложеніи: начали мы смеяться надъ собою за одно отступленіе и вдались въ другое, а сами

не замѣтили, что еще первое отступленіе не кончено; ну, да все равно: въ немъ нѣтъ смысла, стало быть нѣтъ бѣды, что нѣтъ и конца; — вѣдь въ самомъ дѣлѣ, скажите, что интересное можно выжать изъ нашего эпизода о вздорной нѣмецкой брошюрѣ? Возвратимся же наконецъ къ дѣлу.

Мы начали было говорить о томъ, что люди, ожидавшіе отъ нынѣшней войны изгнанія австрійцевъ изъ Италіи, разрушенія Австріи и тому подобныхъ вещей, основывались на нѣкоторыхъ данныхъ, рѣшительно не подлежащихъ сомнѣнію: на превосходствѣ военныхъ силъ французскихъ надъ австрійскими и на готовности почти всѣхъ австрійскихъ областей отпасть отъ государства, которое давитъ ихъ противоестественнымъ единствомъ. Мы говорили, что по нашему мнѣнію эти люди ошибались только въ одномъ, — въ предположеніи, будто сущность дѣла состоитъ въ этихъ данныхъ. Они забывали, что есть еще два элемента, отъ которыхъ зависитъ, до какой степени допустится осуществленіе результата, который могъ бы быть произведенъ дѣйствіемъ этихъ данныхъ, при предоставленіи полнаго простора ихъ дѣйствію. Столь несправедливо забываемые элементы теперь напомнили о себѣ видоизмѣненіемъ, какой придали результату войны, — это воля императора французовъ и стремленія европейской дипломатіи. Собственно нельзя и сказать, что люди, ожидавшіе неисполнившагося результата, забывали о нихъ — мы такъ выразились только для краткости, — по настоящему слѣдовало бы сказать, что они не хотѣли только думать о возможности неодинаковости между стремленіями этихъ чисто практическихъ элементовъ съ одной стороны и съ другой — идеальными воззрѣніями на судьбу Италіи и на желанія австрійскихъ провинцій. Италія должна быть свободна; національности, подавляемыя австрійскимъ противоестественнымъ единствомъ, должны получить самостоятельность; — Франція имѣетъ силу сдѣлать это; слѣдовательно сдѣлаетъ. Поставлять вопросъ такимъ образомъ значитъ быть наивнѣйшимъ идеалистомъ. Вопросъ былъ не въ силахъ Франціи, а въ томъ, найдетъ ли императоръ французовъ удобнымъ отнимать у Австріи всѣ ея итальянскія владѣнія, и захотятъ ли тѣ внѣшнія силы, поддержкою которыхъ лѣпится на свѣтѣ австрійское государство, отнять отъ него подпорки, которыя до сихъ поръ мѣшали распаденію порывающихся распасться частей этого противоестественнаго существа, прозябающаго искусственною жизнью въ интернаціональной теплицѣ политическаго равновѣсія и дипломатическаго консерватизма. Мы думали, что на этотъ вопросъ слѣдуетъ отвѣчать «нѣтъ.» Другіе называли насъ закоснѣлыми, отсталыми скептиками и вредными охладителями благородныхъ стремленій за то, что мы не вѣрили въ основательность ихъ соображеній

свободѣ Италіи, паденіи Австріи, торжествѣ принципа національностей и другихъ благодатныхъ послѣдствіяхъ нынѣшней войны. Императоръ французовъ и европейскіе дипломаты показали теперь, кто изъ насъ справедливѣе понималъ ихъ характеръ.

Мало ли чего нѣтъ! О, если бы императоръ французовъ руководился желаніями и совѣтами многочисленныхъ друзей, которыхъ пріобрѣлъ въ лагерѣ своихъ прежнихъ ненавистниковъ посылкою войскъ въ Италію, тогда, конечно, было бы легко исполниться ихъ надеждамъ. Но императоръ французовъ очень хорошо понимаетъ, что новые друзья его — приверженцы, вовсе не надежные для него: онъ и они смотрятъ на свѣтъ совершенно различными глазами, имѣютъ несогласимые между собою политическіе принципы, и потому онъ не можетъ ожидать себѣ ничего добраго отъ этихъ временныхъ друзей: нынѣ желали они ему побѣдъ надъ австрійцами, — это хорошо; но только допусти онъ ихъ взять себя за руку, и завтра они объявятъ, что не выпустятъ эту руку изъ своихъ рукъ и поведутъ его за нее туда, куда ему вовсе не хочется идти. Потому натурально, что онъ не находитъ полезнымъ для себя слишкомъ хлопотать объ исполненіи ихъ желаній. Притомъ у него, какъ мы сказали, есть свои особенныя надобности, и если онѣ противорѣчатъ желаніямъ людей, которые вчера были и завтра опять будутъ его врагами, то натурально, что онъ долженъ пожертвовать этими чуждыми ему желаніями для соблюденія собственнаго интереса. Такъ и оказалось при заключеніи мира. Мы всегда предрекали такую развязку дѣла, и можемъ теперь сказать только, что сущность поднятой нынѣшнею весною войны выказалась фактами еще съ большею силою, нежели какъ мы ожидали. Изгнать австрійцевъ изъ Италіи и разрушить Австрію было гораздо легче, нежели предполагали даже мы, рѣшительно отвергающіе всякую внутреннюю устойчивость въ тѣхъ элементахъ, на которыхъ Австрія созидаетъ свое могущество, а война кончилась быстрѣе и выгоднѣе для Австріи, нежели полагали опять-таки даже мы, всегда утверждавшіе, что императоръ французовъ не имѣетъ намѣренія ни заходить слишкомъ далеко въ ея веденія, ни наносить Австріи серьёзнаго вреда. Гораздо легче, нежели мы думали, можно было императору французовъ сдѣлать все, чего надѣялись европейскіе либералы, и гораздо меньше онъ сдѣлалъ, нежели было уже въ его власти сдѣлать даже ровно безъ всякихъ дальнѣйшихъ усилій. Изъ сопоставленія этихъ двухъ сторонъ дѣла кажется ясно слѣдуетъ, что дѣйствительно не было и не могло быть въ немъ желанія не только самому сдѣлать, но и допустить другихъ сдѣлать что нибудь похожее на результаты, какихъ ожидали отъ войны западно-европейскіе либералы. Это служитъ

стотысячнымъ подтвержденіемъ тому простому правилу житейскаго благоразумія, что не слѣдуетъ предполагать въ человѣкѣ желаній и намѣреній, которыхъ не можетъ онъ имѣть по своему положенію и взгляду на вещи, и что стало быть не слѣдуетъ ожидать отъ него исполненія такихъ желаній. Кажется, вещь очень ясная, а между тѣмъ чуть ли не вся исторія состоитъ только въ безпрерывномъ нарушеніи этой простой житейской истины благородными людьми, которые искони вѣковъ массою помогали людямъ, не имѣвшимъ съ ними ничего общаго, постоянно отдавали свои силы на совершеніе дѣлъ, по совершеніи которыхъ говорили: «какъ жаль! вышло совсѣмъ не то, чего мы надѣялись! Если бы мы знали, что такъ кончится, мы не стали бы и помогать. Ахъ, какъ мы обманулись! Жаль, очень жаль!»—Да, очень жаль, потому что именно только вашимъ легковѣріемъ, вашимъ ослѣпленіемъ торжествовало зло. Сами по себѣ, дурные люди безсильны: ихъ мало на свѣтѣ, безъ помощи честныхъ людей они могли бы заниматься развѣ только мелкимъ плутовствомъ, кражею носовыхъ платковъ изъ кармановъ. Изъ кого состоитъ масса, выводящая злыхъ людей въ такія положенія, на которыхъ они могутъ подавлять все благородное, убивать всякую истину, всякое добро,—изъ кого состоитъ масса, выводящая ихъ въ эти положенія и поддерживающая ихъ въ такихъ положеніяхъ? Изъ васъ она состоитъ, благородные довѣрчивые люди. Зачѣмъ же вы такъ наивно обольщаетесь словами, обѣщаніями, увѣреніями? Зачѣмъ вы такъ простодушно забываете прошедшее человѣка, забываете его характеръ, потребности его положенія, несогласныя съ вашими потребностями, его взглядъ на вещи, противоположный вашему, — зачѣмъ вы такъ ребячески забываете все, о чемъ велитъ помнить разсудокъ, лишь только какой бы то ни было этонетъ вздумаетъ загребать жаръ вашими руками? Помните ли, какъ русскіе города отворяли ворота Батыю, увѣрявшему, что пришелъ съ любовью и льготами? Вы вѣчно дѣлаете тоже самое; нѣтъ, вы дѣлаете хуже. Батый имѣлъ свою силу, а ваши враги становятся гибельны для васъ только тою самою силою, которую вы даете имъ. Вы виновники всего зла, которое терпятъ люди. Слова наши жестоки; вы — благородные люди, вы истинно желаете добра, можно ли такъ горько укорять васъ? Такъ, вы честны и хороши, но черезъ ваше непростительное легковѣріе гибнетъ все, чего желаете вы сами, черезъ васъ вѣчно страдаютъ народы. Научитесь же хотя сколько нибудь опытомъ, будьте осмотрительнѣе, не ввѣряйтесь и не увлекайте другихъ ввѣряться людямъ, которые не могутъ ни понимать, ни желать добра, не будьте ихъ помощниками на собственную вашу гибель.

Впрочемъ, къ чему мы говоримъ все это? Развѣ историческій опытъ научалъ когда нибудь благоразумію тѣхъ, которые не успѣли житейскою наблюдательностью научиться ему, дожишь до усовъ и бороды, или даже до сѣдыхъ волосъ? Нѣтъ, видно большинство людей всегда будетъ готовымъ орудіемъ на чужую и свою бѣду въ рукахъ интригантовъ, всегда готово будетъ вѣрить каждому, кто захочетъ обманывать. Оставимъ же безплодную дидактику и станемъ разсказывать голые факты, которые сами по себѣ поучительнѣе всякой дидактики; впрочемъ, и разсказывать ихъ скучно, тяжело, когда впередъ знаешь, что они почти никого, почти ничему не научатъ. Нынѣ рыба поймана на одну удочку, а завтра все-таки пойдетъ на другую.

Мы говорили, что изгнаніе австрійцевъ изъ Италіи оказалось дѣломъ гораздо болѣе легкимъ, нежели какъ можно было предполагать, даже при самомъ невыгодномъ понятіи о военной силѣ Австрійской имперіи. Австрійцы оказались въ военномъ дѣлѣ просто неспособными ни къ чему, кромѣ того, чтобы быть битыми. Даже и тамъ, гдѣ не было повидимому никакой возможности не одержать имъ побѣду, они съ неимовѣрною оригинальностью успѣвали устроить дѣло такъ, что оставались побиты. Находить себѣ пораженіе тамъ, гдѣ никакая другая армія не могла бы потерпѣть его, это оказалось ихъ спеціальностью, въ которой достигли они чрезвычайнаго мастерства. Мы разсказывали о первой половинѣ похода въ прошедшей книжкѣ и остановились на краткихъ извѣстіяхъ объ отступленіи австрійцевъ послѣ сраженія при Маджентѣ, обѣщаясь привести въ нынѣшній разъ подробный разсказъ объ этой битвѣ. По прежнему, мы будемъ пользоваться письмами, которыя получалъ «Times» отъ своего корреспондента при главной квартирѣ союзниковъ, потому что изъ всего напечатаннаго до сихъ поръ, эти письма составляютъ самый подробный и лучшій матеріалъ для исторіи нынѣшняго похода. По прежнему, мы просто переводимъ ихъ, чтобы не надѣлать ошибокъ и путаницы, прибавляя къ нимъ клочки изъ другихъ источниковъ, не столь точныхъ и связныхъ.

Послѣднее изъ переведенныхъ нами въ прошедшей книжкѣ писемъ корреспондента Times'а, находящагося при союзной арміи, заключало краткій очеркъ битвы при Маджентѣ, набросанный наскоро въ первыя минуты по окончаніи битвы. Переводимъ теперь слѣдующія письма того же корреспондента, излагающія ходъ сраженія самымъ подробнымъ образомъ. Читатель замѣтитъ, что этимъ обстоятельнымъ разсказомъ совершенно подтверждаются впечатлѣнія, производившіяся первымъ короткимъ очеркомъ: планъ битвы дѣйствительно былъ составленъ союзниками въ такую минуту, когда различные корпуса ихъ арміи находились еще слишкомъ далеко отъ

боевой линіи; диспозиція обнимала собою цѣлыя десятки верстъ и грѣшила многосложностью. Отряды, двигавшіеся по ней иногда за цѣлыя двадцать верстъ къ полю сраженія, разумѣется, не могли явиться на столь отдаленные пункты съ математической точностью, какую предполагала диспозиція, и потому въ первую половину сраженія подвергались страшной опасности тѣ французскіе полки, которые должны были начать нападеніе собственно съ той цѣлью, чтобы отвлечь вниманіе непріятеля отъ другихъ пунктовъ, на которыхъ должны были явиться другіе сильнѣйшіе отряды для нанесенія рѣшительнаго удара. Эти отряды, совершившіе слишкомъ далекій обходъ, были задержаны отдаленностью и трудностью пути гораздо дольше, чѣмъ предполагала диспозиція, и такимъ образомъ австрійцы едва не истребили французскаго корпуса, открывшаго битву. Храбрость отборныхъ солдатъ этой первой колонны и сообразительность Макъ-Магона, догадавшагося отступить отъ диспозиціи сообразно съ измѣнившимися обстоятельствами, избавили императора французовъ отъ пораженія, даже доставили ему побѣду. Но ошибки диспозиціи, составленной французскимъ штабомъ, все-таки спасли австрійскую армію отъ совершенной погибели: она отступила съ поля сраженія въ порядкѣ и не былъ отрѣзанъ ей путь отступленія къ Мантуѣ, — а надобно полагать, что союзники могли бы отрѣзать ей отступленіе, еслибы повременили начатіемъ битвы до той минуты, пока успѣютъ придвинуть свои войска къ непріятелю на надлежащее разстояніе. Начинаемъ нашъ переводъ.

«Ponte di Magenta. 5 іюня.

«Въ тотъ самый день, когда союзники придвинулись къ переходу черезъ Тичино у Турбиго, 2 іюня, другая колонна была послана по главному новарско-миланскому шоссе къ Ponte di Buffalora. Гвардіи была предоставлена честь первой перейти рѣку. Дивизія вольтижоровъ, командуемая генераломъ Каму, пошла на Ponte di Turbigo, а дивизія гвардейскихъ гренадеровъ и зуавовъ, командуемая генераломъ Вимпфеномъ, двинулась къ Ponte di Buffalora. Этотъ мостъ составляетъ большую дорогу изъ Турина въ Миланъ, потому владѣть имъ было чрезвычайно важно для обѣихъ сторонъ. Чтобы обезпечить его за собою, австрійцы, пока еще были въ фортификаціонномъ расположеніи духа, устроили на сардинской сторонѣ моста страшное предмостное укрѣпленіе (tête de pont) на высотахъ Сенъ-Мартино, у гостинницы этого имени. Земледѣліе, столь дорожащее каждымъ вершкомъ земли въ этой богатой равнинѣ, прекращается съ приближеніемъ къ Тичино и къ Сенъ-Мартинской гостинницѣ. Вмѣсто хлѣбныхъ и рисовыхъ полей, является тутъ

поле, поросшее дикою травою и отчасти кустарниками. Вся окрестность, сколько видитъ ее глазъ, составляетъ непрерывную равнину, по которой далѣе тянутся опять рисовыя поля съ рядами деревьевъ. Единственное возвышеніе — небольшой холмъ въ половинѣ мили на сѣверъ; у подошвы его течетъ одинъ изъ канализированныхъ рукавовъ Тичино. Недавно построенная проселочная дорога идетъ подлѣ самаго холма, пересѣкаетъ рукавъ каменнымъ мостомъ и, круто поворачивая у самаго берега на югъ, выводитъ на шоссе къ Буффалорскому мосту. Этотъ маленькій мостъ на проселочной дорогѣ былъ взорванъ австрійцами и такимъ образомъ отрѣзанъ одинъ изъ путей къ Буффалорскому мосту. На главномъ шоссе было построено очень сильное предмостное укрѣпленіе; начинаясь передъ крутымъ спускомъ съ террасы къ рѣкѣ, оно обнимаетъ желѣзную дорогу, идущую направо отъ шоссе, обнимаетъ Сенъ-Мартинскую гостинницу и рядъ таможенныхъ зданій, построенныхъ подлѣ нея, потомъ идетъ въ видѣ длинной куртины футовъ на полтораста къ сѣверу до отдѣльнаго зданія, служившаго прежде караульнымъ домомъ; у него построенъ другой редутъ, соотвѣтствующій сдѣланному на другомъ концѣ укрѣпленія; весь этотъ рядъ укрѣпленій снабженъ рвомъ, брустверомъ и амбразурами для пушекъ и занимаетъ площадь болѣе половины квадратной мили (болѣе версты). Сообщаю вамъ это подробное описаніе, для того, чтобы показать, какъ твердо хотѣли австрійцы держаться на піэмонтской сторонѣ Тичино: вы видите, что не по доброй волѣ должны были они оставить укрѣпленіе, надъ которымъ столько трудились.

«Какъ бы то ни было, съ приближеніемъ союзниковъ они покинули это укрѣпленіе и ушли за рѣку, оставивъ на сардинской сторонѣ 15 пушекъ. Въ этомъ пунктѣ (Ponte di Buffalora) ведетъ черезъ Тичино великолѣпный мостъ, построенный на аркахъ изъ огромныхъ гранитныхъ камней такой крѣпости, чтобы могли служить онѣ для желѣзной дороги. Отступая, австрійцы хотѣли взорвать мостъ и заложили мину во второмъ быкѣ отъ ломбардскаго берега, чтобы разрушить мостъ между второю и третьею арками. Мина была взорвана и разрушила верхнюю часть быка; но арки, лежавшія на немъ, вмѣсто того, чтобы упасть въ рѣку,—только опустились на нижнюю часть быка и теперь лежатъ на ней. Онѣ расшатались, но все еще остались такъ крѣпки, что можетъ проходить по нимъ не только пѣхота и кавалерія, но даже обозъ и артиллерія. Между камнями образовались щели, но ихъ покрыли досками и мостъ служитъ хорошо.

«Когда явились первыя колонны союзниковъ и заняли мостъ, въ тотъ же день была сдѣлана рекогносцировка на небольшое про-

странство къ Ponte di Magenta на ломбардской сторонѣ, гдѣ каналъ Naviglio Grande идетъ параллельно съ рѣкою. Мостъ былъ найденъ занятымъ австрійцами, которые обнаружили себя нѣсколькими пушечными выстрѣлами изъ орудій, поставленныхъ на шоссе и на желѣзной дорогѣ, идущихъ тутъ не вдалекѣ другъ отъ друга. Когда другая колонна перешла рѣку у Турбиго въ достаточномъ числѣ войскъ для содѣйствія нападенію на правый флангъ непріятеля у Буффалоры и Мадженты, генералъ Вимпфенъ вчера, 4 іюня, въ девять часовъ утра получилъ приказаніе двинуться впередъ съ гвардейскими полками зуавскимъ и 3 гренадерскимъ. Единственною цѣлью этого движенія было прикрыть наведеніе другаго моста черезъ Тичино. Вимпфенъ дебушировалъ по шоссе только съ своею бригадою и двумя пушками гвардейской конной артиллеріи. Исходнымъ пунктомъ движенія съ моста служили четыре крѣпкіе каменные домика, въ которыхъ жили шоссейные сторожа и инженеры. Дорога идетъ тутъ прямою линіею къ Маджентскому мосту (ponte di Magenta), ведущему черезъ каналъ; Маджентскій мостъ находится въ трехъ киллометрахъ (около 3 верстъ) отъ Тичино (Буффалорскаго моста). Шоссе между этими пунктами идетъ по чрезвычайно высокой насыпи, возвышающейся почти вездѣ отъ 20 до 30 футовъ надъ прекрасно орошенными полями, которыя, очевидно, были прежде русломъ рѣки во время разливовъ и ограждены отъ затопленій уже человѣческимъ искусствомъ. Каналъ Naviglio Grande, построенный для оплодотворенія этой низменности, идущей внизъ по Тичино до Аббіате Грассо, даетъ воду для орошенія полей, на которыя проведенъ маленькими насыпями въ нѣсколько футовъ шириною; эти насыпи служатъ межами и усажены, по обыкновенію, неизбѣжными ивами и тополями.

«Насыпь, по которой предполагаютъ положить желѣзную дорогу, выходитъ прямо съ Буффалорскаго моста, точно также какъ и насыпь шоссе; эта насыпь желѣзной дороги идетъ отъ моста направо прямою линіею, но потомъ, не доходя полумили (три четверти версты) до канала, круто поворачиваетъ налѣво и переходитъ черезъ каналъ всего только въ 150 ярдахъ (65 саженъ) отъ шоссе. Самый каналъ выходитъ изъ Тичино у Оледжіо и Фернаменто и идетъ по такой линіи, гдѣ мѣстность на ломбардской сторонѣ уже нѣсколько возвышается, такъ чтобы уровень воды въ немъ былъ достаточенъ для орошенія низменностей. Эта линія нѣкотораго возвышенія мѣстности очевидно образовала берегъ прежняго русла рѣки, съуженной теперь трудомъ человѣка; у Мадженскаго моста подъемъ съ низменности на эту линію очень крутъ. По всему пространству отъ Буффалоры, лежащей налѣво отъ шоссе, до Мад-

жентскаго моста и Робекко, лежащаго направо отъ шоссе, этотъ подъемъ имѣетъ среднюю высоту покрайней мѣрѣ отъ 60 до 70 футовъ и покрытъ виноградниками, расположенными въ нѣсколько крутыхъ террасъ, возвышающихся одна надъ другою. Деревня Буффалора лежитъ около мили ($1\frac{1}{2}$ версты) налѣво отъ шоссе и остается на лѣвой рукѣ нѣсколько позади васъ, когда вы дойдете до Маджентскаго моста. Каналъ и край возвышенности, въ которой прорѣзанъ онъ, принимаютъ у Буффалоры направленіе болѣе на востокъ, и когда вы подниметесь на высоту, то вы увидите, что каналъ и обрывъ высоты идутъ полукругомъ налѣво отъ васъ, отъ Буффалоры къ шоссе. На правой рукѣ они идутъ прямо къ насыпи, приготовленной для желѣзной дороги, и потомъ отходятъ отъ рѣки по направленію къ Робекко.

«Если мое описаніе достаточно ясно, то вы увидите, что эта позиція, которую заняли австрійцы, имѣетъ характеръ гигантской куртины, которая прикрывается Буффалорою, какъ бастіономъ. Подступами къ этой грозной позиціи служатъ: налѣво дорога къ Буффалорѣ, въ центрѣ главное шоссе, идущее прямо отъ ponte di Buffalora къ Маджентскому мосту, а направо насыпь желѣзной дороги. Футахъ въ 300 (саженяхъ въ 40) позади этой позиціи идетъ каналъ, имѣющій футовъ 30 въ ширину и крутые берега, отвѣсная высота которыхъ гораздо меньше высоты подъема съ низменности на террасу, гдѣ находится австрійская позиція и въ которой прорѣзанъ каналъ. Всѣ три дороги постепенно поднимаются на половину высоты всего уступа террасы, а другая половина высоты прорѣзана для нихъ, такъ что по обѣ стороны пути поднимается стѣною. И на главномъ шоссе и на насыпи желѣзной дороги земля для подъема пути съ прибрежной низменности взята изъ прорѣза, сдѣланнаго въ самой террасѣ, и такимъ образомъ шоссе и полотно желѣзной дороги идутъ какъ будто въ два широкія окна, имѣющія одну высоту съ насыпями. Эти два широкіе прорѣза, почти квадратные, похожи на два редута, гигантскими брустверами которыхъ служатъ окраины террасы. Для довершенія сходства австрійцы, занимавшіе вершину высотъ и прикрывавшіе свои резервы за этою вершиною, устроили банкеты, на которыхъ поставили свою пѣхоту. Насыпь желѣзной дороги была перегорожена баррикадою въ томъ мѣстѣ, гдѣ входитъ прорѣзомъ въ террасу и тутъ поставлены были пушки, обстрѣливавшія весь путь по насыпи къ тому мѣсту. На главномъ шоссе, гдѣ входитъ оно въ прорѣзъ террасы, были поставлены только двѣ пушки. Въ обоихъ мостахъ черезъ каналъ были заложены мины, чтобы взорвать ихъ въ случаѣ надобности.

«Такова позиція, противъ которой двинулся генералъ Вимпфенъ съ 3 гренадерскимъ полкомъ (подъ командою полковника Лістмана), поддерживаемымъ двумя пушками конно-гвардейской артиллеріи и гвардейскими зуавами. Эта колонна шла по главному шоссе, а второй гренадерскій полкъ одновременно съ нею шелъ по лѣвой дорогѣ прямо на деревню Буффалору. Эти колонны, посланныя аттаковать австрійскую позицію съ фронта, были встрѣчены непріятельскою артиллеріею; французская конная артиллерія сильно и очень успѣшно отвѣчала на этотъ огонь, какъ показываютъ трупы лошадей и людей, остающіяся на дорогѣ и теперь, послѣ того какъ цѣлыя сутки хоронятъ убитыхъ.

«Несмотря на опасность идти противъ такой страшной позиціи съ такими ничтожными силами, колонна, направлявшаяся по главному шоссе, уже готова была начать аттаку на высоты, съ которыхъ непріятельская артиллерія могла вредить наведенію моста, когда пришелъ приказъ остановиться и отойти. Планъ былъ въ томъ, чтобы обойти позицію съ ея праваго фланга корпусомъ генерала Макъ-Магона, который наканунѣ перешелъ рѣку у Турбиго и теперь долженъ былъ двинуться на Буффалору и Мадженту. Гренадеры и зуавы были отведены назадъ изъ-подъ непріятельскихъ выстрѣловъ и ждали, пока пушечный и ружейный огонь на ихъ лѣвомъ флангѣ покажетъ, что корпусъ Макъ-Магона дошелъ по назначенію и завязалъ бой. Эти выстрѣлы послышались около полудня. Тотчасъ же отданъ былъ приказъ снова двинуться впередъ и храбрая колонна пошла. Чтобы не слишкомъ подвергать людей огню, третій гренадерскій полкъ былъ сведенъ съ насыпи направо, на поля, и безостановочно шелъ впередъ батальонными эшелонами, несмотря на градъ ядеръ, осыпавшій его съ фронта и съ фланга, и на затруднительность прохода по мягкому грунту, пересѣченному канавами. Гренадеры несли большія потери, но это только одушевляло ихъ быстрѣе идти впередъ. Мѣстность бокъ-о-бокъ съ насыпью желѣзной дороги, по лѣвой сторонѣ ея, была избрана пунктомъ аттаки. (Я говорилъ, что желѣзная дорога и шоссе подходятъ на нѣсколько десятковъ ярдовъ другъ къ другу на той мѣстности, гдѣ врѣзываются въ террасу). Подъемъ тутъ былъ еще круче, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, и чрезвычайно удобенъ для защиты; но этотъ пунктъ менѣе подвергался фланговому огню слѣва, который слишкомъ вредилъ бы колоннѣ, если бы она пошла по шоссе.

«Когда войска подошли къ самой террасѣ, составляющей тутъ уголъ отъ пересѣченія насыпью желѣзной дороги, былъ данъ приказъ ударить въ штыки, и гренадеры, сбросивъ свои ранцы, въ одну минуту взобрались на крутой подъемъ, овладѣли его вершиною

и проникли за баррикаду. Первый гренадеръ, достигнувшій вершины, поднялъ свою медвѣжью шапку; съ крикомъ «vive l'empereur!» взбирались на верхъ за нимъ его товарищи и въ нѣсколько минутъ овладѣли позиціей. Непріятель бѣжалъ по желѣзному мосту, ведущему черезъ каналъ; гренадеры преслѣдовали его такъ горячо, что человѣкъ, которому поручено было взорвать мину подъ мостомъ, былъ заколотъ штыками. Пока одни лили воду на порохъ въ каморѣ мины, другіе устремились впередъ, чтобы овладѣть сводомъ, черезъ который желѣзная дорога выходитъ на террасу; тотчасъ же послѣ того было послано два батальона направо и налѣво для прикрытія фланга, а третій батальонъ остался стеречь занятую позицію. Этотъ успѣхъ принудилъ непріятеля оставить высоты и передъ насыпью шоссе, по которой приближались зуавы. Не имѣя времени взорвать моста, непріятель отступилъ въ группу домовъ, стоящихъ за мостомъ и служившихъ таможнею и караульными для австрійцевъ; занялъ также и виноградники, опоясывающіе обѣ дороги въ этомъ мѣстѣ. Виноградныя лозы были густо переплетены по рѣшеткамъ и образовали прекрасное прикрытіе для стрѣлковъ, а пушки, поставленныя австрійцами нѣсколько далѣе къ Мадженте, обстрѣливали обѣ дороги. Положеніе было чрезвычайно критическое: французы занимали теперь позицію почти столь же сильную, какъ прежде занимали австрійцы, но они оставались безъ подкрѣпленія, а непріятель началъ появляться густыми массами со всѣхъ сторонъ. Колонны его, подошедшія изъ Робекко, усиливались взять позицію въ лѣвый флангъ и въ тылъ, гдѣ также были поставлены пушки, громившія ряды гренадеровъ, которые рѣдѣли съ каждою минутою. Съ фронта показывалось все больше и больше непріятельскихъ войскъ, а слѣва изъ группы домовъ сыпался градъ пуль, такъ что съ каждою минутою труднѣе было французамъ удерживать за собою позицію въ этомъ направленіи. Чтобы избавиться, во что бы то ни стало, отъ этого урона, приказано было зуавамъ взять группу домовъ; три роты зуавовъ были посланы подкрѣпить гренадеровъ и обойти дома съ тыла; остальныя роты зуавовъ бросились на непріятельскіе дома въ штыки, выгнали защитниковъ, сами утвердились въ этой группѣ домовъ и даже очистили мѣстность передъ ними, проникнувъ до фермы, лежащей нѣсколько правѣе.

«Было уже около часа, а горсть храбрецовъ оставалась еще безъ поддержки. У непріятеля было довольно силъ останавливать Макъ-Магона, который кромѣ того задерживался въ дорогѣ сломанными мостами, такъ что его диверсія не производила предполагаемаго дѣйствія. Колонны, двинутыя на Буффалору, нашли мостъ черезъ каналъ разрушеннымъ, а войска, посланныя въ подкрѣпленіе, изъ

второй линіи, еще не успѣли прійти на помощь гренадерамъ и зуавамъ. Между тѣмъ непріятель готовился самъ аттаковать ихъ, чтобы отбить потерянную позицію. Все новые и новые батальоны, подвозимые по желѣзной дорогѣ поѣздами, свистъ которыхъ былъ слышенъ, начали двигаться въ аттаку на французовъ. Оставить позицію, столь дорого купленную, значило бы не только признать себя побѣжденными, но и сдѣлать почти невозможнымъ возобновленіе французскаго наступленія съ фронта. Непріятель имѣлъ бы время взорвать мостъ, и такимъ образомъ сдѣлать позицію почти неприступной, а съ тѣмъ вмѣстѣ онъ успѣлъ бы и подвести бóльшее число своихъ войскъ для защиты этой позиціи.

«Потому все заставляло эти два полка, изъ которыхъ каждый при началѣ битвы имѣлъ 1500—1600 солдатъ, держаться въ занятой позиціи до послѣдняго человѣка. И они держались въ ней, какъ слѣдуетъ настоящимъ воинамъ, противу всѣхъ массъ, посылаемыхъ на нихъ непріятелемъ. Австрійцы много разъ ходили въ аттаку, но каждый разъ напрасно: штуцера зуавовъ и гренадеровъ ослабляли ихъ ряды, потомъ французы бросались на нихъ въ штыки и отбивали назадъ, покрывая поле сотнями ихъ труповъ. Виноградники, насажденные передъ группою домовъ, и шоссе, и желѣзная дорога, и ферма на правомъ концѣ площади боя, — всѣ эти мѣста еще завалены австрійскими трупами, хотя уже похоронены цѣлыя массы ихъ. Напрасны были всѣ усилія непріятеля. Гренадеры и зуавы не только успѣли удержать за собою позицію, но даже бросались нѣсколько разъ впередъ, преслѣдуя оттѣсняемыхъ или на встрѣчу новымъ колоннамъ. При одномъ изъ такихъ случаевъ зуавы на лѣвой сторонѣ, гренадеры на правой доходили до самой деревни. На мѣстности, покрытой деревьями, трудно было идти ровными рядами, и когда двѣ французскія пушки были выдвинуты впередъ, чтобы удержать новую австрійскую колонну, она успѣла увезти ихъ. Одна была потомъ отбита назадъ въ деревнѣ Маджентѣ, но другая осталась у непріятеля. Наоборотъ, гренадеры, несмотря на свою малочисленность, успѣли еще до прибытія подкрѣпленій взять у непріятеля одну пушку и одну гаубицу.

«Такое положеніе дѣла длилось до 2 часовъ дня; и уже приближалось время, когда горсть французовъ, при всемъ своемъ геройствѣ, принуждена была бы уступить. Она потерпѣла страшный уронъ, зарядовъ оставалось мало, оставалось мало и физической силы въ людяхъ послѣ двухчасоваго гигантскаго боя съ постоянно возрастающими силами противника. Въ эту минуту облако пыли, явившееся сзади на шоссе, показало прибытіе давно ожидаемыхъ подкрѣпленій и увидѣли, что подходитъ дивизія Рено. Какъ только

она приблизилась, 8-ой егерскій полкъ былъ посланъ направо, къ деревнѣ Робекко, 23-й линейный — на центръ позиціи, а 90-й линейный оставленъ въ резервѣ. Около того же времени корпусъ Макъ-Магона преодолѣлъ затруднительность пути по неудобнымъ мѣстностямъ и напалъ на Мадженту. Скоро сзади, отъ Тичино, сталъ подходить батальонъ за батальономъ, и нѣсколько дивизій было послано въ обходъ, чтобы окружать и задавить австрійцевъ. Эти силы тѣснили непріятеля на всѣхъ пунктахъ и принудили его къ такому поспѣшному отступленію, что болѣе 5,000 плѣнныхъ, въ томъ числѣ 73 офицера, достались въ руки союзниковъ. Кромѣ двухъ пушекъ, которыя взяли гренадеры и которыя видѣлъ я самъ, взято много другихъ, — но иными разсказамъ до 36 (*). Я самъ не видѣлъ ихъ и потому не ручаюсь за достовѣрность разсказа; но если бы столько пушекъ и не было взято, все-таки битва была славною побѣдою для союзниковъ. Изъ числа плѣнниковъ я самъ видѣлъ толпу офицеровъ, числомъ до 50 человѣкъ, и 3,200 человѣкъ солдатъ въ одной массѣ, кромѣ нѣсколькихъ другихъ отрядовъ.

«6 іюня, 11 часовъ утра.

«По разсказамъ плѣнныхъ теперь несомнѣнно, что непріятель дался въ обманъ и сосредоточилъ всѣ свои силы, чтобы защищать По у Кандіи. Кандія стоитъ по дорогѣ къ Валенцѣ и Піаченцѣ. Всѣ войска его, бывшія при Ponte di Magenta пришли туда убійственно форсированными маршами. Они введены были въ битву голодныя и изнуренныя, — нѣкоторые изъ плѣнныхъ говорятъ, что не ѣли цѣлыя сутки; это странная несообразность съ огромными реквизиціями австрійцевъ; да и пришли они на мѣсто битвы не всѣ вдругъ, а подходили постепенно, отрядъ за отрядомъ, такъ что многіе явились только за тѣмъ, чтобы увеличить собою число плѣнныхъ. Потери въ австрійскихъ полкахъ, бывшихъ въ дѣлѣ съ самаго начала, ужасны. Особенно много убито офицеровъ, которые исполняли свою обязанность, какъ говорятъ, превосходно. Солдаты тоже дрались храбро, но изнуренные маршами и голодомъ, они, разумѣется, вовсе не могли устоять противъ союзниковъ, войска которыхъ находятся въ прекраснѣйшемъ состояніи.

«Кромѣ того, и австрійскіе командиры не умѣли, кажется, воспользоваться числительнымъ превосходствомъ своимъ въ началѣ битвы, и подумали объ этомъ тогда, какъ было уже поздно.

(*) Читатель знаетъ, что это оказалось хвастовствомъ французовъ.

«Маджента, іюня 7.

«Подробности о битвѣ при Ponte di Magenta въ моемъ прошедшемъ письмѣ касались сраженія только на одной части поля битвы, именно у моста, ведущаго черезъ каналъ Naviglio Grande по маджентской дорогѣ, и очеркъ былъ бы не полонъ, еслибы я не разсказалъ вамъ, что происходило съ другой стороны поля битвы, у самой деревни Мадженты. Я уже говорилъ, что когда дивизія гвардейскихъ зуавовъ и гренадеровъ аттаковала фронтъ позиціи при Ponte di Magenta и Буффалорѣ, генералъ Макъ-Магонъ, нынѣ герцогъ маджентскій и маршалъ Франціи, получилъ приказаніе двинуться изъ Турбиго съ дивизіями Эспинаса, Ла-Моттружа и дивизіею гвардейскихъ пѣшихъ стрѣлковъ и егерей, чтобы атаковать австрійцевъ, расположенныхъ у Мадженты, съ ихъ праваго фланга и съ тыла. Сардинская армія, нѣсколько дивизій которой уже тогда перешли Тичино у Турбиго, должна была поддерживать этотъ отрядъ. Отъ Турбиго до Мадженты по ближайшей дорогѣ разстояніе не менѣе 12 миль (около 20 верстъ). Эта проселочная дорога, выходящая отъ шоссе, въ большей части мѣстъ такая узкая, что едва могутъ разъѣхаться по ней двѣ телѣги. Мѣстность по обѣ стороны гораздо лѣсистѣе, чѣмъ на сардинской сторонѣ Тичино и кругомъ множество виноградниковъ. Обращаю ваше вниманіе на это, чтобы показать, какъ трудно было солдатамъ Макъ-Магона, корпусу отъ 27 до 30,000 человѣкъ, пройти 12 миль до поля битвы по такой дорогѣ. Вы поймете эту трудность, когда я скажу, что гвардейскіе егеря и стрѣлки, составлявшіе резервъ, пошли изъ Турбиго въ 7 часовъ вечера, а въ сраженіе могла вступить не раньше 4 часовъ вечера, а авангардъ сардинской арміи, дивизія Фанти, достигла поля битвы не ранѣе 7 часовъ вечера, такъ что не могла уже принять никакого участія въ дѣлѣ. Только около полудня подошло достаточное число войскъ, чтобы начать бой. Вы знаете, что нападеніе съ другой стороны на Ponte di Magenta и Буффалору велѣно было начать въ 10 часовъ, потомъ отложить его до 12 часовъ, когда услышаны были пушечные выстрѣлы съ лѣваго фланга (союзниковъ), со стороны Марчелло.

«Я говорилъ съ однимъ раненымъ плѣннымъ австрійскимъ офицеромъ, игравшимъ значительную роль въ дѣлѣ. По его словамъ, австрійцы никакъ не предполагали нападенія на ихъ правый флангъ отъ Турбиго. Вообще, во всю компанію, большимъ неудобствомъ для нихъ былъ недостатокъ свѣдѣній о движеніяхъ союзниковъ. Ни деньгами, ни угрозами не могли они заставить поселянъ разсказать что нибудь; а съ другой стороны бдительность союзниковъ была

такъ велика, что шпіоны не приносили почти никакой пользы. Поэтому-то они никакъ не могли открыть, гдѣ главныя силы союзниковъ и насколько готовы они къ дѣйствію. Этимъ также объясняется смутная неопредѣленность австрійскихъ движеній, такъ изумлявшая Европу. У нихъ не было данныхъ для соображенія плановъ; они принуждены были, подобно слѣпымъ, ощупывать дорогу, сначала къ Турину, потомъ на правомъ берегу По. Результатомъ было, что они толковали о смѣшной бездѣйственности союзниковъ, между тѣмъ, какъ союзники сосредоточивали свои силы на сѣверѣ, и что австрійцы узнали, откуда грозитъ опасность, только тогда, какъ увидѣли союзниковъ вступающими въ Новару и являющимися на Тичино. Тутъ имъ уже было поздно противиться. Правда, они со всевозможной поспѣшностью оставили свои позиціи, очистили Мортару и оставили линію рѣки По; но они уже не успѣли сосредоточить свою армію для защиты линіи Тичино и ломбардской границы. Торопливо собрали они войска, какія только могли, и поставили ихъ въ Маджентѣ и на каналѣ, образующемъ вторую линію, едва ли не болѣе крѣпкую, чѣмъ самъ Тичино. Но хотя они всячески спѣшили, хотя заморили своихъ солдатъ маршами, все таки они успѣли собрать только части перваго корпуса (Кламъ-Галласа), третьяго корпуса (Шварценберга), втораго (Лихтенштейна) и седьмаго (Цобеля). Какъ велики были эти силы, съ достовѣрностью опредѣлить невозможно. Здѣсь (въ главной французской квартирѣ) считаютъ ихъ въ 100 т. человѣкъ; и дѣйствительно, судя по числу полковъ, солдаты которыхъ есть между плѣнными, надобно полагать, что около Мадженты было отъ 70 до 80 т. Командовалъ ими генералъ Кламъ-Галласъ, корпусъ котораго на дняхъ пришелъ изъ Богеміи, но при Маджентѣ былъ далеко не весь; напримѣръ, изъ 72 пушекъ, которыя онъ долженъ имѣть, было тутъ всего только 18, — впрочемъ, малочисленность орудій была обстоятельствомъ не слишкомъ важнымъ, потому что характеръ мѣстности допускаетъ дѣйствіе артиллеріи только въ очень ограниченномъ размѣрѣ. Была у австрійцевъ и дивизія кавалеріи, но она не являлась въ боевой линіи. И Гіулай, и Гессъ были при арміи, но оба они не командовали въ сраженіи. Торопливость, съ которою подводились войска, не позволяла хорошенько позаботиться объ нихъ, такъ что, не говоря уже объ усталости, они должны были голодать, что было новою причиною ихъ слабости. Этому послѣднему обстоятельству надобно приписывать сильнѣйшее вліяніе, потому что относительно утомленія походомъ, надобно сказать, что французско-сардинскія войска въ послѣдніе десять дней дѣлали еще болѣе сильные марши, и напримѣръ, хоть корпусъ герцога

маджентскаго долженъ былъ сдѣлать долгій переходъ подъ знойнымъ солнцемъ прежде, чѣмъ явился на поле битвы.

«Совершенно не зная о движеніяхъ непріятеля и будучи вдвойнѣ обмануты его бездѣйствіемъ со стороны Турбиго и демонстраціей на Буффалору, австрійцы приготовлялись отражать нападеніе въ этомъ послѣднемъ направленіи. Въ рѣшительную минуту они увидѣли, что предмостное укрѣпленіе (tête de pont), построенное ими на сардинской сторонѣ Тичино въ Санъ-Мартино, сооружено очень плохо, такъ что защищать его просто значило бы отдать на жертву поставленныя въ немъ войска; потому они рѣшились покинуть его и взорвать каменный мостъ у Буффалоры. Пять батальоновъ, занимавшіе предмостное укрѣпленіе, были выведены въ ночь съ перваго на второе число и сдѣлана была попытка взорвать мостъ, оказавшаяся, какъ вы знаете, неудачной. Въ неудачѣ надобно, кажется, винить не столько инженеровъ, сколько общее управленіе всѣмъ походомъ. Австрійцы, повидимому, были такъ увѣрены въ успѣхѣ, что не подумали объ отступленіи и не приготовились на случай надобности взрывать мостъ. Миннаго пороха у нихъ вовсе не было подъ руками, а мелкаго пушечнаго пороха было такъ мало, что если бы собрать весь запасъ его изъ зарядныхъ ящиковъ, то не набралось бы и шести центнеровъ (20 пудовъ). Главнокомандующій требовалъ по телеграфу изъ Милана, чтобы ему прислали миннаго пороха, но ему отвѣчали, что и въ Миланѣ его нѣтъ. Вотъ причина, что каменный мостъ черезъ Тичино австрійцы могли только пошатнуть, а два моста черезъ каналъ у Ponte Nuevo di Magenta остались совершенно невредимы. Минныя каморы были приготовлены, но не было пороху, чтобы положить въ нихъ.

«Позиція передъ мостами черезъ каналъ была очень сильна, потому австрійцы рѣшились защищать ее, и не воображая, что нападутъ на ихъ правое крыло, расположили свою позицію отъ Буффалоры черезъ Ponte di Magenta къ Робекко, т. е. какъ можно параллельнѣе съ Тичино и съ каналомъ, а резервы поставили въ деревнѣ Маджентѣ. Со стороны дороги изъ Турбиго не было никакихъ войскъ кромѣ одного батальона, занимавшаго одну изъ большихъ уединенныхъ фермъ направо отъ дороги за деревнею Марчелло, да и этотъ батальонъ былъ поставленъ болѣе для наблюденія, чѣмъ съ мыслью, что придется защищать этотъ пунктъ. Наступленіе гренадеровъ изъ Ponte di Buffalora въ 10 часовъ, т. е. двумя часами раньше появленія колонны Макъ-Магона на дорогѣ изъ Турбиго, было расчитано на то, чтобы утвердить австрійцевъ въ ихъ заблужденіи и они сосредоточили свои войска, чтобы задавить французовъ, двинувшихся отъ Ponte di Buffalora. Показавшись австрійцамъ, этотъ отрядъ, какъ вы помните,

получилъ приказаніе остановиться, чтобы дать Макъ-Магону время подойти съ другой стороны, и началъ рѣшительное наступленіе, только услышавъ выстрѣлы Макъ-Магона.

«При всей своей геройской храбрости французскіе гренадеры и зуавы едва ли успѣли бы овладѣть страшною позиціею на канавѣ, если бы приближеніе Макъ-Магона, попеДшаго въ обходъ, не заставило австрійцевъ обратиться противъ этого неожиданнаго непріятеля. Они должны были отвести назадъ свое правое крыло, такъ что послѣ этой перемѣны фронта лѣвое крыло ихъ осталось въ Робеко, деревня Мадджента сдѣлалась центромъ ихъ позиціи, а Корбетто правымъ флангомъ. Войска, выдвинутыя впередъ защищать позицію на канавѣ, были отведены назадъ, чтобы стать передъ деревнею Мадджентою и направо отъ нея.

«Чтобы имѣть ясное понятіе объ этомъ новомъ расположеніи австрійцевъ, вы должны помнить направленіе трехъ дорогъ: одна изъ Буффалоры въ Мадженту идетъ почти прямо на востокъ; во вторыхъ, главное шоссе, ведущее въ Миланъ, идетъ изъ Ponte Nuovo di Magenta въ Мадженту и наконецъ линія желѣзной дороги, перешедши черезъ каналъ, поворачиваетъ налѣво, пересѣкаетъ двѣ другія дороги и потомъ проходитъ по западной сторонѣ деревни Мадженты. Линія желѣзной дороги въ этой части сраженія играетъ роль еще болѣе важную, чѣмъ въ битвѣ на каналѣ; на этой линіи австрійцы встрѣтили атаку Макъ-Магона. Обширное зданіе станціи и сама деревня служили опорою австрійскаго центра, который протягивался по желѣзной дорогѣ до точки ея пересѣченія съ шоссе. Правое крыло опиралось на выдвинутый пунктъ той фермы, направо отъ дороги изъ Турбиго, о которой я упоминалъ.

«Какъ только подошелъ корпусъ Макъ-Магона, онъ построился въ боевую линію насколько позволяла мѣстность. Поставивъ первую дивизію налѣво, вторую направо, а нѣсколько пушекъ на узкой дорогѣ и гвардейскихъ егерей и стрѣлковъ въ резервѣ, онъ отважно двинулся на непріятельскую позицію. Пѣхота, какъ только подошла на видъ къ непріятелю, должна была развертываться по полямъ и виноградникамъ. Мѣстность такъ наполнена виноградниками и деревьями, что линія не могла подвигаться плотнымъ строемъ, а принуждена была принять болѣе растянутое построеніе, среднее между разсыпнымъ стрѣлковымъ строемъ и развернутымъ строемъ линейной пѣхоты. Ферма, образовавшая выдвинутый впередъ пунктъ, сдѣлалась предметомъ кровопролитнаго боя. Непріятель сосредоточилъ около нея и въ ней значительную массу войскъ и противъ нихъ былъ посланъ второй полкъ иностраннаго легіона, произведшій атаку съ большою стремительностью. Непріятель, видя

опасность потерять этотъ ключъ позиціи своего праваго крыла, послалъ колонну направо обойти во флангъ аттакующихъ и, если можно, отрѣзать ихъ. На лѣвомъ крылѣ Макъ–Магона должны были находиться австрійцы, чтобы служить резервомъ и охранять его отъ подобнаго движенія, а съ тѣмъ вмѣстѣ, чтобы пытаться обойти австрійцевъ съ праваго фланга и съ тыла и отрѣзать имъ отступленіе. Но затруднительности узкой дороги, они не могли прійти во-время и результатомъ было, что 2-й полкъ иностраннаго легіона сильно потерпѣлъ, но былъ наконецъ избавленъ изъ этого положенія приближеніемъ резерва. Какъ только резервъ подошелъ, вся линія двинулась впередъ, шагъ за шагомъ оттѣсняя врага. По всей длинѣ линій шелъ рукопашный бой на ружьяхъ и штыкахъ. Артиллерія негдѣ было поставить, кромѣ дороги. Но французы имѣли нѣсколько ракетныхъ батарей, которыми успѣшно дѣйствовали противъ врага. Въ такомъ бою обнаружилось превосходство штуцера надъ простымъ ружьемъ, которымъ были вооружены австрійцы. Надобно прибавить, что защищавшія позицію войска держались по возможности тѣснымъ строемъ, такъ что каждый выстрѣлъ ихъ противниковъ находилъ себѣ цѣль. Вы никогда не видывали такой страшной рѣзни, какая происходила на всемъ этомъ пространствѣ, которое австрійцы защищали шагъ за шагомъ, но напослѣдокъ должны были уступить. Это мѣсто походитъ теперь на то, какъ будто былъ тутъ большой базаръ тряпья. Каски, ранцы, ружья, мундиры, бѣлье, сапоги покрываютъ поле, и все это изломано, изорвано, все покрыто кровью и до сихъ поръ свидѣтельствуетъ объ упорствѣ сопротивленія, хотя большая часть раненыхъ уже убрана и почти всѣ убитые похоронены. Сколько драмъ геройства и свирѣпости, сколько трагедій страданія и погибели должно было происходить здѣсь! Но самый отчаянный бой былъ далѣе, на желѣзной дорогѣ, у станціи, стоящей за ней, и въ деревнѣ, подлѣ нея. Оттѣсняемые по всей линіи австрійцы сосредоточили здѣсь всѣ свои усилія отбиться отъ врага. Противъ станціи и нѣсколько протягиваясь на обѣ стороны отъ нея, передъ линіею рельсовъ идетъ широкій длинный ровъ, образовавшійся отъ вынимания земли для насыпи полотна. Гдѣ кончается ровъ, тамъ идетъ съ того и другаго конца довольно длинною линіею крѣпкая деревянная рѣшетка, выкрашенная желтою краскою и служившая къ тому, чтобы нельзя было переходить черезъ желѣзную дорогу. Кромѣ того, само полотно желѣзной дороги, составляя довольно высокую насыпь, образуетъ родъ естественнаго бруствера, нѣсколько прикрывавшаго обороняющихся. Станція, сосѣднія строенія и крѣпкая колокольня были наполнены стрѣлками, а линейныя войска стали густою массою передъ ними. Тутъ были выдвинуты ав-

стрѣлцами впередъ свѣжіе отряды, пришедшіе на смѣну утомленныхъ товарищей. Гвардейскіе егеря и стрѣлки были посланы взять эту крѣпкую позицію. Они ринулись впередъ, сбили враговъ и гнали ихъ до рѣшетки, которая остановила ихъ стремительное движеніе. Нѣсколькими пушечными выстрѣлами легко было бы свалить рѣшетку, но не было мѣста, откуда бы можно было стрѣлять по ней; потому оставалось употребить только саперовъ съ топорами. Они срубили рѣшетку и колонна вошла въ деревню. Тутъ каждый домъ обратился въ цитадель, защищаемую отчаяннымъ гарнизономъ; только правильною битвою можно было взять его, и цѣлый рядъ писемъ легко было бы наполнить эпизодами, которыхъ были исполнены эти отдѣльныя битвы. Надобно признаться, что австрійцы отчаянно продолжали сражаться и тогда, какъ все было уже потеряно; ихъ офицеровъ было тутъ убито и ранено невѣроятно много, и солдаты остались безъ всякаго руководства въ этихъ изолированныхъ позиціяхъ, изъ которыхъ не было отступленія. Имъ было сказано прежде, что пощады не должны они ждать, что у союзниковъ есть правило убивать всѣхъ плѣнныхъ и раненыхъ, потому они дрались съ мечтательною непреклонностью, считая себя погибшими людьми. Раненые залѣзали въ погреба и прятались, гдѣ только могли, чтобы не попасться въ руки свирѣпаго врага, и умирали жалкимъ образомъ. Множество ихъ найдено было спрятавшимися; одни были мертвы, другіе такъ истощены, что едва ли могутъ поправиться. Еще и теперь, чрезъ три дня послѣ битвы, находятъ очень многихъ, и несутъ ихъ или въ госпиталь, или въ могилу. Я самъ нынѣ поутру видѣлъ, какъ вытащили изъ погреба станціи двухъ несчастныхъ, тирольскаго стрѣлка, легко раненаго, и линейнаго солдата, полумертваго отъ страха и истощенія. Они въ своемъ убѣжищѣ слышали на верху выстрѣлы изъ ружей, находимыхъ заряженными на полѣ битвы, и, вѣроятно, думали, что это разстрѣливаютъ ихъ товарищей. Но вовсе не такова ихъ судьба. Къ плѣнникамъ французы едва ли даже не сострадательнѣе, чѣмъ къ своимъ солдатамъ. Они ухаживаютъ за ранеными австрійцами, какъ за дѣтьми, съ материнскою заботливостью, и дѣлаютъ все, что только могутъ, для облегченія ихъ страданій.

«Но воротимся къ сраженію. Въ 8 часовъ Макъ-Магонъ исполнилъ свое дѣло: Мадлжента была взята. Какъ начало его атаки на эту деревню спасло полки, нападавшіе на Ponte Nuovo di Magenta, такъ наступленіе этой колонны, подкрѣпленной сильными резервами, содѣйствовало довершенію его побѣды и увеличенію числа плѣнныхъ. Почти нѣтъ возможности опредѣлить цифру ихъ, потому что ежеминутно приводятъ новыхъ, — но всего ихъ должно быть не ме

нѣе 8,000; числю убитыхъ и раненыхъ во всемъ сраженіи должно полагать тысячъ въ 10, потому что французы сами признаютъ свою потерю въ 4,000 человѣкъ.

«Что побѣда была блистательная и рѣшительная, это несомнѣнно. Взяты знамена двухъ австрійскихъ полковъ и три пушки въ этой части сраженія. Почему такъ мало взято пушекъ, объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что австрійцы немногимъ больше и могли выставить ихъ противъ непріятеля, да и выставляли ихъ съ большою осторожностью, какъ будто предвидѣли несчастье.

«Лучшимъ доказательствомъ великости побѣды служитъ ея результатъ: австрійцы въ ту же ночь оставили Миланъ, бросивъ 100,000 лиръ и 3,000 ружей въ цитадели. Ихъ отступленіе было такъ поспѣшно, что они не успѣли даже испортить желѣзную дорогу или увезти локомотивы,—на слѣдующее утро миланцы прислали поѣздъ за ранеными въ Мадженту, которая служитъ послѣднею станціею по желѣзной дорогѣ къ Тичино.»

Слѣдующее письмо нашъ корреспондентъ Times'а посвящаетъ Милану. Мы переводимъ почти вполнѣ и этотъ разсказъ.

«Миланъ, 8 іюня.

«Если бы кто сказалъ мнѣ, что на девятый день по моемъ пріѣздѣ въ лагерь при Верчелли я пріѣду по желѣзной дорогѣ въ Миланъ, я назвалъ бы его просто сумасшедшимъ. А между тѣмъ такъ случилось. Тотчасъ по уходѣ австрійцевъ миланцы, какъ я говорилъ вамъ въ прежнемъ письмѣ, прислали поѣздъ за ранеными. Двѣ роты 1-го егерскаго гвардейскаго полка, подбиравшія раненыхъ, приносили ихъ на станцію; тамъ собрались доктора, и, сдѣлавъ первую перевязку, отправляли ихъ въ Миланъ. Поѣзды безпрестанно приходили и уходили. Они состояли исключительно изъ вагоновъ 3-го класса, частью закрытыхъ, частью открытыхъ. Легко раненые, которые могли ходить, отправлялись въ пассажирскихъ вагонахъ; тяжело раненыхъ клали въ товарные вагоны, которымъ было придано возможное по обстоятельствамъ удобство настилкою соломы и сѣна. Туда приносили несчастныхъ, мучительно страдавшихъ отъ движенія. Подлѣ нихъ стоялъ боченокъ съ прохлаждающимъ питьемъ изъ воды и сиропа и другой боченокъ съ виномъ, для утоленія палящей жажды, возбуждаемой ранами.

«Станція и самые поѣзды представляли потрясающія сцены, ужаснѣе которыхъ ничего невозможно вообразить; это было темною стороною блестящей побѣды, взглядомъ за кулисы при дневномъ свѣтѣ. Раненые, находившіеся во всѣхъ степеняхъ страданія и агоніи, полуодѣтые, въ изорванномъ платьѣ, запыленные, лежали об-

литы собственною кровью. Священники ходили между нихъ съ св. дарами, причащая умирающихъ. Оледенѣлый взоръ смерти въ глазахъ одного показывалъ, что онъ пересталъ страдать; безпокойно вращающіеся глаза другаго и колѣнопреклоненный передъ нимъ священникъ показывали, что стоны его скоро прекратятся; подлѣ него лежалъ третій, котораго вы почли бы умершимъ, если бы не слабое подергиванье его руки или ноги судорогами. Вы невольно умолкали, входя въ эти мѣста, и снимали шляпу при видѣ такого страданія. Даже неугомонные французскіе солдаты, прислуживавшіе этимъ бѣднымъ страдальцамъ, стали задумчивы, и мертвое молчаніе перерывалось по временамъ только торжественными словами священника, слабымъ вздохомъ, пронзительнымъ крикомъ боли. Вы почти забывали о побѣдѣ, искупающей эту мрачную сцену, вы думали, что эти люди, которые мирно занимались бы своими промыслами, были призваны подвергнуться такимъ ужасамъ на защиту дѣла, которое не касается ихъ, котораго они не знаютъ, о которомъ никогда не думали. Да, тяжела такая судьба.

«Но рѣшительно невозможно передать тѣхъ минутъ, когда раненые переносились въ вагоны. Какіе крики, какія блѣдныя лица, искаженныя страданіемъ, какіе изувѣченные члены! Солдаты, переносившіе ихъ, казалось, забывали обо всемъ на свѣтѣ, кромѣ заботы облегчить мученія страдальцевъ. Филантропа растрогала бы такая сострадательность, а циникъ улыбнулся бы отъ мысли, что тѣ самые люди, которые нанесли раны, стараются теперь исцѣлить ихъ, чтобы потомъ стараться наносить ихъ вновь. Передъ тѣмъ, какъ поѣздъ двинулся, вновь разнесли раненымъ прохладительное питье, котораго они жаждали. Наконецъ поѣздъ его тронулся, шумъ его заглушилъ всѣ другіе звуки и въ нѣсколько поворотовъ колеса унесли насъ изъ виду станціи. Когда мы пріѣхали въ Миланъ, тамъ уже насъ ждали женщины, добровольно явившіяся ухаживать за ранеными; онѣ подали имъ лимонадъ для утоленія жгучей жажды послѣ переѣзда, продолжавшагося болѣе часа.

«Вы прыгаете изъ вагона и нѣсколько шаговъ переносятъ васъ въ совершенно иной міръ, отъ сценъ ужаса къ сценамъ счастія, отъ блѣдныхъ лицъ къ смѣющимся, отъ нѣсколькихъ страдальцевъ къ цѣлому народу, упоенному радостью, отъ вагоновъ, наполненныхъ изувѣченными, въ обширный городъ, разукрашенный по праздничному: окна убраны коврами, французскими и итальянскими флагами, балконы наполнены красавицами, привѣтствующими каждый новый мундиръ, проходящій мимо ихъ, бросающими цвѣты на всѣхъ солдатъ безъ различія; улицы наводнены народомъ, онъ кричитъ «evviva» и апплодируетъ каждому солдату или офицеру, на всѣхъ италь-

янскія кокарды, съ прибавкою синей полоски изъ французской кокарды. Въ толпѣ вы видите французскихъ солдатъ, — каждаго изъ нихъ окружаютъ, провожаютъ его съ тріумфомъ нѣсколько горожанъ; въ каретахъ сидятъ новые гости вмѣстѣ съ хозяевами; идутъ люди въ статскомъ платьѣ съ кокардами на груди, съ ружьями на плечахъ, съ бумагою, пришитою къ шляпѣ, — на ней слова «порядокъ и безопасность», Ordine e sicurezza. Это новая муниципальная гвардія изъ волонтеровъ, вооружившихся ружьями, найденными въ цитадели, и взявшихся охранять полицейскій порядокъ.

«Словомъ, Миланъ торжествовалъ удаленіе австрійцевъ и вступленіе французовъ, вошедшихъ сюда нынѣ по утру (8 іюня—27 мая).

«Нынѣ австрійцы очистили Миланъ не такъ, какъ въ 1848 году: тогда продолжалась пять дней борьба, а теперь они ушли изъ города среди молчанія ночи. По опыту 1848 года австрійцы знали, что нельзя имъ удержаться въ Миланѣ, имѣя передъ собою союзниковъ, и одинъ изъ офицеровъ, взятыхъ въ плѣнъ при Маджентѣ, уже нѣсколько дней назадъ говорилъ мнѣ, что они ожидали революціи въ Миланѣ еще до ухода ихъ къ Маджентѣ. Побѣда эта избавила городъ отъ нужды въ революціи, и австрійцы умно рѣшились оставить ненавидящій ихъ городъ. Еще до полученія извѣстій о пораженіи австрійцевъ, наружность ихъ солдатъ, возвращающихся изъ битвы, показала горожанамъ, что австрійскія дѣла плохи. Возвращавшіеся австрійцы значительно измѣнили свою прежнюю господскую осанку, и по суетливому ихъ движенію было видно, что они готовятся къ выступленію. Правда, они еще водили по улицамъ семь человѣкъ зуавовъ, которыхъ взяли въ битвѣ, но вошедши въ одни ворота, они черезъ цитадель вышли въ другія ворота. Вмѣстѣ съ ними удалился миланскій подеста, — по своей непопулярности, онъ не могъ остаться въ городѣ безъ нихъ. По утру, увидѣвъ, что австрійцы ушли, муниципальный совѣтъ взялъ на себя управленіе дѣлами и принялъ мѣры для предупрежденія безпорядковъ. Три тысячи ружей были розданы надежнымъ молодымъ людямъ, которые стали стеречь всѣ общественныя зданія и ходить патрулями по городу. Это было достаточно для сохраненія тишины, и не произошло ни малѣйшаго безпорядка. Сначала толпа, вспоминая 1848 годъ, вздумала ломать мостовую для постройки баррикадъ; но ее тотчасъ же остановили, и народъ держалъ себя самымъ спокойнымъ образомъ, точно также, какъ и въ Тосканѣ. Это показываетъ, что итальянцы, если только оставить имъ свободу, прекрасно умѣли бы управлять своими дѣлами.

«Съ учрежденіемъ временнаго правительства, если можно такъ назвать новую администрацію, исчезъ весь механизмъ стѣсненія: полицейское господство, и т. п., водворилась свобода мысли и

жизни, но не было ничего похожаго на буйныя столкновенія. Совѣтъ обнародовалъ прокламацію о преобразованіи прежней національной гвардіи; другая приглашаетъ жителей сдѣлать хорошій пріемъ арміи; третья объявляетъ о прибытіи императора и короля; радость отъ полученія давно желанной свободы и встрѣча освободителей — этими фактами затмѣвается все остальное въ Миланѣ. Городъ, упоенный восторгомъ—вотъ нынѣшній характеръ Милана. Со вчерашняго утра, когда пришли французы, миланцы до сихъ поръ не могутъ опомниться отъ восхищенія. Меня не было въ городѣ при первой встрѣчѣ, но какова она была, можно судить по тому, что видишь и теперь; повсюду сыплются на французовъ букеты, раздаются апплодисменты, крики и evviva, — миланцы превосходятъ по этой части всѣхъ итальянцевъ, которыхъ я видѣлъ до сихъ поръ. Карнавалъ продолжался до поздней ночи, и жители импровизировали иллюминацію, выставивъ на балконы всѣ свѣчи, бывшія въ комнатахъ.

«Эффектъ былъ поразителенъ, потому что весь городъ освѣтился въ одинъ мигъ, разомъ, безъ всякихъ предувѣдомленій, такъ что это внезапное согласіе лучше всего показывало, какимъ единодушіемъ проникнуты миланцы, по крайней мѣрѣ въ эту минуту.»

Послѣ этого корреспондентъ подробно описываетъ въѣздъ императора французовъ и короля сардинскаго въ Миланъ; мы думаемъ, что читатели не нуждаются въ переводѣ этой части письма, — всѣ подробности, ею сообщаемыя, легко могутъ быть угаданы соображеніемъ.

Послѣ пораженія подъ Маджентою, австрійцы поспѣшно отступали назадъ, бросая всѣ свои крѣпости, запасы, думая только о томъ, чтобъ безъ новыхъ пораженій добраться до Минчіо и своихъ крѣпостей, отъ которыхъ грозили отрѣзать ихъ быстро наступавшіе враги. До самаго сраженія при Сольферино (24 — 12 іюня), цѣлыя три недѣли всѣ извѣстія съ театра войны ограничивались только новостями о томъ, какъ французско-сардинскія войска переходятъ безпрепятственно одну рѣку за другою, занимаютъ одинъ городъ за другимъ. Единственнымъ сколько нибудь замѣтнымъ исключеніемъ изъ этой монотонной исторіи уступокъ и завоеваній безъ боя служило сраженіе при Меленьяно, 8 іюня, на дорогѣ отъ Милана къ тому пространству, по которому австрійцы должны были отступать отъ Мадженты къ Мантуѣ. На первый разъ союзникамъ показалось, что корпусъ Бенедека, встрѣченный ими у Меленьяно, былъ поставленъ тутъ съ цѣлію, чтобы задержать наступленіе союзниковъ, чтобы дать другимъ австрійскимъ корпусамъ время отступить. Но ничего подобнаго этому разсчету или какому бы то ни было разумному плану со стороны австрійцевъ не ока-

зывается по точнѣйшимъ извѣстіямъ: австрійцамъ пришлось сразиться у Меленьяно единственно только по той же безтолковой нелѣпости всѣхъ ихъ дѣйствій въ нынѣшнемъ походѣ, которая была причиною ихъ столкновеній съ союзниками и пораженій при Монтебелло, Палестро и Маджентѣ. Въ доказательство приводимъ слѣдующій отрывокъ изъ письма вѣнскаго корреспондента Times'а:

«Долго никто здѣсь не могъ понять, зачѣмъ Бенедекъ, стоявшій въ Ломелло, когда союзники переходили Тичино, очутился въ Меленьяно, между Миланомъ и Лоди (1). Наконецъ тайна эта разъяснилась. 4-го числа (2) графъ Гіулай послалъ Бенедеку приказъ идти со всевозможною поспѣшностью на помощь ему, Гіулаю, къ Маджентѣ (3). Получивъ приказаніе, Бенедекъ, никогда не манкирующій исполненіемъ обязанности, пошелъ форсированнымъ маршемъ къ мѣсту дѣйствія. Но еще не дошелъ онъ до него, какъ Гіулай, увидѣвъ 5 числа, что не можетъ удержаться въ своей позиціи у Мадженты, началъ отступать на Павію (4). Гіулай, надобно думать, забылъ сообщить Бенедеку о своемъ отступленіи къ Аддѣ, и вотъ Бенедекъ 6 числа явился у окрестности Аббіате-Грассо (5). Не извѣстно, какъ успѣлъ онъ пройдти отъ этого мѣста до Меленьяно, (6) но этотъ переходъ вѣроятно былъ чрезвычайно труденъ, потому что многіе солдаты его падали отъ изнуренія и, покидаемые на дорогѣ, были подбираемы преслѣдующимъ его непріятелемъ. По французскимъ извѣстіямъ, союзники взяли 1,200 плѣнныхъ — безъ всякаго сомнѣнія, это были изнемогшіе и отставшіе отъ корпуса солдаты.»

Австрійскіе солдаты, по признанію самихъ враговъ, очень храбро дрались во всѣхъ сраженіяхъ, но благодаря совершенно оригинальному способу распоряженій ихъ предводителей, всѣ сраженія были устроены такъ мило, что союзная армія по совѣсти едва ли даже можетъ хвалиться своими побѣдами, несмотря на храбрость непріятельскихъ солдатъ и крѣпость занятыхъ ими позицій: пусть позиціи были страшны, но главныя силы непріятеля бродили около нихъ безъ всякаго толку и смыслу, оставляя безъ поддержки тѣ свои от-

---

(1) То есть очень далеко на сѣверъ отъ той дороги, по которой слѣдовало бы ему отступать.

(2) То есть въ тѣ минуты, когда шла битва при Маджентѣ.

(3) То есть на сѣверъ отъ Ломелло.

(4) То есть по дорогѣ отъ Мадженты прямо на югъ, такъ что Бенедекъ остался на сѣверо-западѣ отъ него, продолжая идти къ мѣстамъ, оставленнымъ австрійцами и уже занятымъ союзниками.

(5) Тамъ, гдѣ 4 іюня была главная квартира Гіулая, и откуда Гіулай уже давно ушелъ; вмѣсто своего стана, онъ нашелъ непріятельскій лагерь.

(6) То есть избѣжать враговъ, въ средину которыхъ попалъ по непростительной небрежности Гіулая, оставившаго его безъ извѣстій о своемъ отступленіи.

ряды, которые защищали позицію, а эти отряды были поставлены на позицію изнуренные форсированнымъ маршемъ, и въ теченіе цѣлыхъ сутокъ, полутора, даже двухъ сутокъ оставались безъ всякой пищи, да и въ битвѣ стояли также не имѣя ни куска хлѣба для подкрѣпленія изнуренныхъ силъ. При каждой битвѣ мы слышимъ объ австрійскихъ солдатахъ одну и туже исторію, которую разсказываетъ вѣнскій корреспондентъ Times'а о битвѣ при Маджентѣ:

«Солдаты, не имѣвшіе времени поѣсть, падали на землю совершенно истощенные зноемъ, голодомъ и жаждою. Медикъ, находящійся при арміи, говоритъ мнѣ, что раненые, приносимые въ госпитали, прежде всего просятъ, чтобы ихъ накормили и напоили.»

Каковы бы ни были солдаты, выставляемые на битву въ подобномъ состояніи, побѣда надъ ними должна быть такъ несомнѣнна, что побѣдители едва ли могутъ и гордиться ею. Прибавимъ къ этому нелѣпость распоряженій и стратегическихъ и тактическихъ, и мы убѣдимся, что за свои побѣды союзники должны благодарить не столько самихъ себя, сколько своихъ противниковъ.

Нелѣпость плановъ, по которымъ австрійцы наступали и отступали, сражались и оставляли безъ боя свои позиціи, всего яснѣе высказывается сраженіемъ при Сольферино, которое затмило своею громадностью и самую битву при Маджентѣ, — сраженьемъ, подобнаго которому по числу войскъ не бывало со времени битвы подъ Лейпцигомъ. У австрійцевъ была чрезвычайно крѣпкая позиція на Минчіо; другую, передъ нею, тоже довольно крѣпкую, представляла рѣка Кіэзе, текущая параллельно съ Минчіо, верстахъ въ 20 — 25 отъ него на западъ. Всѣ военные люди въ одинъ голосъ говорили, что австрійцы могутъ защищаться на Кіэзе и непремѣнно должны защищаться на Минчіо, — австрійцы почли полезнымъ доказать на фактѣ, что они гораздо выше всѣхъ соображеній, представляемыхъ здравымъ смысломъ, который, какъ извѣстно, не имѣетъ оффиціальнаго значенія въ австрійскомъ государствѣ. Они перепустили непріятеля безъ боя черезъ Кіэзе, и отступили на восточный берегъ Минчіо, какъ будто собираясь всѣми силами защищать переправу черезъ эту рѣку. Всѣ того и ожидали, что австрійцы остановятъ непріятеля на этой рѣкѣ. Но австрійцы вдругъ, ни съ того, ни съ сего, обратно перешли Минчіо, чтобы встрѣтить врага между Кіэзе и этою рѣкою, — зачѣмъ же было отступать, зачѣмъ дѣлать лишніе переходы, изнурявшіе солдатъ и разстроивавшіе аммуниціонный обозъ передъ рѣшительнымъ сраженіемъ? Такимъ-то манеромъ, 24 (12) іюня сочинили они битву въ такой позиціи, которую сами бросили за два дня передъ этимъ. Разумѣется, исходъ сраженія совершенно соотвѣтствовалъ обдуман-

ности ихъ дѣйствій. Чтобы подробнѣе познакомить читателя съ этою битвою, самою колоссальною изъ всѣхъ сраженій нынѣшней войны, мы прибѣгаемъ опять къ разсказу корреспондента «Times'a», находящагося при главной квартирѣ союзной арміи. Мы переводимъ всѣ его письма, относящіяся къ битвѣ при Сольферино. Въ первомъ, сдѣланномъ наскоро, описаніи вкрались у него ошибки, которыя исправляетъ онъ самъ въ слѣдующихъ письмахъ, и есть у него нѣсколько повтореній, которыхъ можно было избѣжать, передѣлавъ его письма въ одинъ непрерывный разсказъ; но мы не рѣшаемся передѣлывать этихъ писемъ, не желая жертвовать свѣжестью и точностью сообщаемыхъ ими свѣдѣній, для приданія имъ внѣшняго единства. Начинаемъ переводъ отрывкомъ письма, въ которомъ онъ, за нѣсколько дней передъ сраженіемъ, изображаетъ мѣстность, гдѣ потомъ произошло оно. Читатель знаетъ, что краеугольными камнями австрійскаго военнаго господства въ сѣверной Италіи служатъ огромныя крѣпости Верона и Мантуа съ двумя меньшими крѣпостями, Пескьерою и Леньяно; что эти крѣпости составляютъ четыреугольникъ; что западную сторону его образуетъ рѣка Минчіо, на сѣверномъ концѣ которой лежитъ Пескьера, а на южномъ Мантуа. Минчіо вытекаетъ изъ юго-восточнаго угла Гардскаго озера. Полемъ сраженія была мѣстность на югъ и на юго-западъ отъ Пескьеры и Гардскаго озера. Вотъ подробности о ея характерѣ:

«Брешія. Іюня 19 (7).

«Южные берега Гардскаго озера опоясаны рядомъ невысокихъ холмовъ, начинающимся у Гавардо на Кіэзе и идущимъ на югъ къ Лонато и Кастильйоне (¹); потомъ эти холмы поворачиваютъ на юго-востокъ къ Вольтѣ (²), далѣе оборачиваются на сѣверъ черезъ Валеджіо и Соммакомпанья (³), и доходятъ до Адидже у Буссоленго (⁴).

(¹) Лонато—верстахъ въ 4 на западъ отъ юго-западнаго конца Гардскаго озера; Кастильйоне—верстахъ въ 8 прямо на югъ отъ Лонато.

(²) Вольта верстахъ въ 15 по прямой линіи отъ Кастильйоне, на юго востокъ; она почти прямо на югѣ отъ Пескьеры и юго-восточнаго конца Гардскаго озера, верстахъ въ 4 отъ Минчіо на западъ.

(³) Валеджіо лежитъ верстахъ въ 6 отъ Вольты на сѣверо-востокъ, уже на восточномъ берегу Минчіо. Соммакомпанья еще далѣе на сѣверо-востокъ отъ Вольты, верстахъ въ 10. Вольта, Валеджіо и Соммакомпанья образуютъ прямую линію, длина которой верстъ 15.

(⁴) Буссоленго лежитъ на 8 верст. прямо на сѣверъ отъ Соммакомпаньи, на юго-западномъ берегу Адидже, въ томъ мѣстѣ, гдѣ эта рѣка поворачиваетъ съ сѣвера на востокъ. Адидже течетъ сначала почти параллельно восточному берегу Гардскаго озера и поворачиваетъ почти прямо на востокъ съ небольшимъ уклоненіемъ къ югу, нѣсколько не доходя параллели южнаго берега Гардскаго озе-

Почти каждое изъ этихъ именъ напоминаетъ о какомъ нибудь сраженіи, а въ серединѣ треугольника, между этими его окраинами и Гардскимъ озеромъ, почти нѣтъ деревни, которая не была бы театромъ боя въ прежнихъ войнахъ новаго времени. Это потому, что холмы, идущіе на югъ отъ Гардскаго озера, охраняютъ пути къ Минчіо и переходы черезъ него и, такъ сказать, составляютъ передовое укрѣпленіе знаменитаго четыреугольника австрійскихъ крѣпостей.

«Черезъ Минчіо ведутъ три большія дороги. Одна на югѣ изъ Павіи въ Мантую, идетъ вдоль По и входитъ прямо въ крѣпость. Двѣ другія на сѣверѣ; обѣ выходятъ изъ Брешіи. Та, которая идетъ сѣвернѣе, проходитъ прямою линіею черезъ Лонато, извивается по холмамъ вдоль южнаго края Гардскаго озера, переходитъ черезъ Минчіо въ Пескьерѣ, гдѣ рѣка эта вытекаетъ изъ озера, и потомъ ведетъ въ Верону. Другая дорога, идущая южнѣе, переходитъ черезъ Кіэзе у Монтекьяро, и входитъ въ холмистый треугольникъ у Кастильйоне, потомъ ведетъ на юго-востокъ до Гоито, гдѣ переходитъ черезъ Минчіо. Кромѣ этихъ главныхъ путей, есть двѣ или три проселочныя дороги черезъ Минчіо; онѣ выходятъ изъ Лонато или Кастильйоне и переходятъ рѣку у Валеджіо, Монцамбано и Саліонцо (*).

«Я такъ подробно разсказываю вамъ объ этихъ дорогахъ потому, что онѣ составляютъ значительный элементъ въ оборонительной системѣ крѣпостнаго четыреугольника; онѣ устроены съ такимъ характеромъ, чтобы ограничить доступы къ нему по возможности немногими пунктами. Природа мѣстности очень благопріятствовала осуществленію такого плана. Начать съ того, что болѣе половины Минчіо, — вся нижняя часть его отъ Гоито до устья,

---

ра. Такимъ образомъ, основаніе холмистаго треугольника (сѣверную сторону его) составляетъ линія отъ Лонато на западѣ до Буссоленго на востокѣ; эта линія имѣетъ около 25 верстъ длины, и въ средней части своей идетъ по южному берегу Гардскаго озера. Южный конецъ треугольника — Вольта, лежитъ верстахъ въ 20 отъ Лонато (юго-западнаго угла) и верстахъ въ 22 отъ Буссоленго (юго-восточнаго конца). Минчіо сѣвернымъ теченіемъ своимъ проходитъ по этому треугольнику, который большею половиною своею лежитъ на западъ отъ рѣки, а небольшимъ кускомъ на востокъ отъ нея.

(*) Саліонцо лежитъ на Минчіо, верстахъ въ 4 ниже (южнѣе) Пескьеры; Монцамбано еще версты на 3 далѣе къ югу; Валеджіо еще южнѣе версты на 4. Отъ Пескьеры до Мантуи, по прямому направленію, всего верстъ 30 (по извилинамъ рѣки, конечно, болѣе). Проселочныя дороги всѣ три переходятъ рѣку въ верхней части, и самая южная изъ нихъ (у Валеджіо) не далѣе 10 верстъ отъ Пескьеры по прямому направленію. Изъ трехъ большихъ дорогъ двѣ переходятъ рѣку въ крѣпостяхъ Пескьерѣ и Мантуѣ, а третій путь, черезъ Гоито, находится отъ Мантуи верстахъ въ 10, а отъ Пескьеры верстахъ въ 20.

такъ окружена болотами, что для устройства перехода нужны тутъ колоссальныя сооруженія. Въ центрѣ этой части теченія лежитъ крѣпость Мантуа, составляющая единственный пунктъ переправы.

«На сѣверѣ всѣ большія дороги сосредоточены въ Бреші и оттуда къ Минчіо проложены по холмистому округу, описанному мною. Армія, желающая достичь рѣки, не можетъ миновать этой гористой мѣстности. Холмы эти настолько круты, что даютъ опору обороняющемуся, но не такъ утесисты, чтобы затруднять его собственныя движенія, — словомъ сказать, это мѣстность самая выгодная для обороны. Пока заняты холмы, и въ особенности край западнаго ряда ихъ у Лонато и Кастильйоне, непріятель не можетъ идти къ Минчіо, не подвергая чрезвычайной опасности своего тыла. Но даже и потерявъ эти двѣ крайнія позиціи, храбрый защитникъ въ холмистой мѣстности по обѣ стороны Минчіо почти на каждомъ шагу находитъ новыя позиціи, въ которыхъ можетъ задерживать непріятеля съ фронта и съ фланга. Если помните, въ 1848 году всѣ упорнѣйшія битвы австрійцевъ съ піэмонтцами происходили тутъ. И прежде и послѣ того эта мѣстность была любимымъ мѣстомъ австрійскихъ маневровъ при ежегодномъ лагерномъ сборѣ ихъ войскъ въ началѣ осени. Сообразивъ это все, натурально было бы ждать, что австрійцы встрѣтятъ насъ при Лонато и Кастильйоне главными силами, выдвинувъ свой авангардъ къ Монтекьяро на Кьезе.»

Австрійцы два раза покидали эту позицію, уходили за Минчіо и потомъ опять возвращались; въ первый разъ такой странный оборотъ сдѣлали они около 19 (7) іюня, во второй разъ перешли на западную сторону Минчіо 23 (11) іюня, чтобы рано поутру напасть на врага, котораго предполагали застать врасплохъ — предположеніе, нелѣпость котораго должна была являться ясною каждому въ ихъ лагерѣ, имѣвшему понятіе о томъ, какъ осторожно двигаются впередъ союзники. По какой причинѣ австрійцы возвращались назадъ послѣ перваго отступленія, мы не знаемъ хорошенько; но кажется, что тутъ странный маневръ этотъ былъ произведенъ только отдѣльнымъ корпусомъ, и имѣлъ характеръ сильной рекогносцировки. Второе, рѣшительное движеніе впередъ всѣми силами было, какъ теперь извѣстно, слѣдствіемъ мысли самого Франца Іосифа, который увлекся личнымъ соперничествомъ съ Наполеономъ III и хотѣлъ показать, что умѣетъ быть главнокомандующимъ не хуже императора французовъ. Начинаемъ снова переводить разсказъ корреспондента «Times'a».

«Кавріана, 25 (13) іюня, 4 часа вечера.

«Еще новое имя прибавилось къ числу мѣстностей маленькаго треугольника между Кіэзе и Минчіо, прославленныхъ военными событіями. Сольферино — названіе, еще вчера неизвѣстное никому, кромѣ антикваріевъ, имѣетъ нынѣ значеніе во всемірной исторіи: оно соотвѣтствуетъ одной изъ величайшихъ битвъ нашего вѣка. Тутъ въ первый разъ встрѣтились полными силами двѣ великія арміи, борьбою которыхъ рѣшается судьба Италіи. Во всѣхъ прежнихъ битвахъ онѣ выставляли въ поле или по крайней мѣрѣ вводили въ дѣло только часть своихъ силъ; вчера обѣ онѣ ввели въ битву всѣ силы, какія только могли. Стало быть, тутъ былъ первый случай судить объ ихъ сравнительномъ достоинствѣ и могуществѣ. Оба императора были во главѣ войскъ, окруженные всѣми опытнѣйшими своими совѣтниками.

«Каковъ будетъ непосредственный результатъ этого гигантскаго состязанія, вы давно уже будете знать по телеграфическимъ депешамъ, когда прійдетъ къ вамъ мое письмо. Каково бываетъ вліяніе великой битвы на общую судьбу похода, разъясняется тотчасъ по окончаніи сраженія только въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда одна изъ армій совершенно разсѣяна; а сраженіе при Сольферино не принадлежитъ къ числу такихъ битвъ, хотя составляетъ великую и рѣшительную побѣду. Австрійцы были разбиты, оттѣснены съ одной позиціи за другою,—но могутъ ли они противостать намъ еще разъ въ открытомъ полѣ, или нѣтъ, этого мы теперь еще не знаемъ.

«Въ австрійскихъ военныхъ планахъ есть какой-то элементъ, непостижимый для насъ и придающій дѣйствіямъ ихъ въ нынѣшнемъ второмъ періодѣ похода такую же сбивчивость и шаткость, какою отличался и первый періодъ кампаніи. Въ понедѣльникъ (20 — 8 іюня) они находятся въ полномъ отступленіи за Минчіо, а въ четвергъ опять выступаютъ впередъ всѣми своими силами, занимаютъ позиціи, укрѣпляютъ ихъ, приготовляются встрѣчать насъ. Не предположить ли, что отступленіе было уловкой? Но если такъ, они считали своего непріятеля слишкомъ довѣрчивымъ, думая спрятать отъ него 180 или 200 тысячную армію. Все повидимому показывало, что австрійцы хотятъ уйти за Минчіо, не принимая битвы на западной сторонѣ его, а думая всѣми своими силами защищать переходъ черезъ эту рѣку; но мы все-таки двигались впередъ съ такою осторожностью, какъ будто бы ежеминутно ожидали встрѣтить врага. Отряды правильно подвигались съ позиціи на позицію, одинъ заступалъ мѣсто, оставленное другимъ, на право и на лѣво посылались партіи для развѣдыванія непріятеля.

«Когда союзники, перешедши Кіэзе, приблизились къ той мѣстности, гдѣ скорѣе всего можно было ждать отпора, если готовился отпоръ, они стали подвигаться точно въ такомъ порядкѣ, какъ будто бы шли на поле битвы. Каждый корпусъ занималъ положеніе, которое слѣдовало бы ему занимать въ сраженіи. Это было видно при объѣздѣ по линіи союзныхъ войскъ наканунѣ битвы: тутъ, какъ и во все время наступленія, лѣвое крыло было нѣсколько впереди праваго, а на крайнемъ правомъ крылѣ былъ отдѣльный корпусъ, шедшій въ тылу для прикрытія этого фланга, но такъ близко къ передовой линіи, что при случаѣ битвы можно было ввести его въ боевую линію.

«Наканунѣ сраженія позиція союзниковъ протягивалась отъ Дезенцано на берегу Гардскаго озера (1) вдоль по западному краю холмистаго треугольника, черезъ Лонато до Кастильйоне, потомъ линія расположенія поворачивала назадъ къ Карпенедоло, гдѣ касалась рѣки Кіэзе. Самъ императоръ съ гвардіею, составлявшею резервъ, былъ въ Монтекьяро, а штабъ-квартира сардинскаго короля находилась въ Лонато (2).

«Въ этотъ день (23) была сдѣлана рекогносцировка къ Сольферино (3) и наткнулась на австрійскіе аванпосты; это показало, что Сольферино занято австрійцами, но не разъяснило, отдѣльный ли тутъ отрядъ ихъ, оставленный для наблюденія за союзниками, или авангардъ всей австрійской арміи. Дѣло показалось подозрительно. По всей окрестности было то глубокое молчаніе, которое почти всегда замѣчается въ подобныхъ обстоятельствахъ; единственными признаками жизни и движенія служили облака пыли по направленію къ переходамъ черезъ Минчіо у Гоито и Мантуи. Вечеромъ воздухоплаватель Годдаръ долженъ былъ подняться на аэростатѣ съ одного изъ холмовъ находящихся позади Кастильйоне (4). Мнѣ нужно было

---

(1) Дезенцано лежитъ на юго-западномъ углу Гардскаго озера, верстахъ въ 4 отъ Лонато, которое находится на юго-западѣ отъ озера.

(2) Читатель помнитъ, что союзники вообще подвигались лѣвымъ крыломъ нѣсколько впередъ; сардинцы были на лѣвомъ крылѣ. Лонато отъ Кіэзе находится верстахъ въ 6 на востокъ (впередъ къ непріятелю); Кастильйоне, какъ мы говорили, верстахъ въ 8 прямо на югъ отъ Лонато; Карпенедоло верстахъ въ 5 на юго-западъ отъ Кастильйоне; эта деревня (Карпенедоло) лежитъ около 1½ версты на востокъ отъ Кіэзе. Прямое разстояніе между Дезенцано и Карпенедоло верстъ 13. Монтекьяро лежитъ на Кіэзе, верстахъ въ 7 на западъ отъ Кастильйоне и занимаетъ центръ дуги, образуемой Лонато, Кастильйоне и Карпенедоло.

(3) Верстахъ въ шести на востокѣ отъ Кастильйоне.

(4) Этотъ извѣстный воздухоплаватель, находящійся при главной квартирѣ императора французовъ, очень помогалъ своими восхожденіями полученію свѣ-

уѣхать изъ Кастильйоне до начала этой операціи, почему не умѣю вамъ сказать, удалась ли она и разъяснила ли положеніе непріятеля. Какъ бы то ни было, вечеромъ въ Кастильйоне все еще оставалось неподвижно — и гвардія, и императорская квартира.

«Наконецъ, вчера въ 5 часовъ утра громъ пушекъ показалъ, что положеніе непріятеля извѣстно: сильная рекогносцировка со стороны союзниковъ обнаружила его силы. Менѣе нежели въ часъ гвардія построилась и выступила. Еще не прошелъ другой часъ, уже готова была диспозиція къ атакѣ. Не знаю, была ли эта диспозиція составлена по вдохновенію минуты, или императоръ заранѣе зналъ, на какую позицію прійдутъ австрійцы защищать переходъ черезъ Минчіо; но судя по видимому, казалось, что весь планъ атаки составили экспромтомъ, и приказанія были отданы уже въ самыя послѣднія минуты.

«Прежде чѣмъ говорить объ этихъ диспозиціяхъ, постараюсь дать вамъ понятіе о расположеніи австрійской арміи.

«Минчіо, выходя изъ Гардскаго озера, течетъ прямо на югъ, а гряды холмовъ на обоихъ берегахъ идутъ почти перпендикулярно къ нему. На правомъ (западномъ) берегу, который одинъ для насъ нуженъ, холмы идутъ съ сѣверо-запада на югъ до Кастильйоне, потомъ, дѣлая поворотъ, упираются въ Минчіо по направленію на юго-востокъ. Такимъ образомъ гористая мѣстность тутъ образуетъ довольно правильный параллелограммъ, направленный отъ сѣверо-востока на юго-западъ; четырьмя углами его служатъ Лонато, Пескьера, Вольта и Кастильйоне (*); длиною этотъ параллелограммъ холмовъ около 12 миль (18 верстъ), а широта—около 9 миль (14 верстъ) (**) и почти по самой срединѣ раздѣленъ рѣчкою, текущею въ Минчіо. Холмы поднимаются легкими возвышеніями отъ береговъ озера, достигаютъ самой большой высоты своей около источника этой рѣчки, потомъ опять понижаются къ Минчіо. Источникъ рѣчки почти въ самомъ центрѣ параллелограмма; налѣво отъ нея (на сѣверъ) лежатъ Ронделетто и Поццоленго, а налѣво (на югъ) — Сольферино, Монте-Оливето и Кавріана. Эти пункты австрійцы вы-

---

дали о расположеніи непріятельскихъ силъ; по крайней мѣрѣ, такъ увѣряютъ корреспонденты французскихъ газетъ. Читатель помнитъ, что еще въ концѣ прошлаго вѣка генералы французской республики пытались пользоваться этимъ новымъ тогда открытіемъ для обозрѣванія непріятельскихъ позицій.

(*) Лонато на сѣверномъ, Кастильйоне на южномъ углу западной (союзнической) стороны; Пескьера на сѣверномъ, Вольта на южномъ концѣ восточной (австрійской) стороны.

(**) Длина тутъ считается по направленію отъ Лонато къ Пескьерѣ, а широта по восточной и западной сторонамъ.

браз[illegible] своей позиціи; позиція ихъ тянулась отъ Пескьеры, на которую они опирались правымъ флангомъ, черезъ этотъ крѣпкій центръ въ равнину рѣки Минчіо, пересѣкаемую шоссе, идущимъ въ Гоито. Вся длина ихъ позиціи имѣла не менѣе 12 миль (18 верстъ). Центромъ этой линіи была Кавріана, гдѣ императоръ австрійскій расположилъ свою главную квартиру, а Сольферино былъ ключъ всей позиціи (1). Такою позиціею прикрывались всѣ доступы къ Минчіо; но именно мысль о необходимости прикрыть всѣ дороги, ведущія къ этой рѣкѣ, заставила австрійцевъ растянуть свою позицію на такое огромное пространство и позиція была ослаблена своею излишнею длиною. Надобно притомъ замѣтить, что чѣмъ далѣе отступать къ востоку, тѣмъ болѣе возрастаетъ эта ослабляющая длина позиціи, потому что главный путь черезъ Минчіо, шоссе, ведущее въ Гоито, идетъ изъ Кастильйоне къ рѣкѣ съ большимъ отклоненіемъ на югъ.

«Эту слабость позиціи союзники замѣтили и составили свой планъ сообразно съ нею. Вмѣсто того, чтобы брать позицію съ фронта, откуда она страшно крѣпка, вся сила атаки была устремлена на фланги; съ тѣмъ чтобы, если возможно, прорвать австрійскую линію и овладѣть однимъ изъ доступовъ къ Минчіо или по крайней мѣрѣ заставить непріятеля покинуть крѣпкую позицію на холмахъ.

«Поэтому четвертый корпусъ, генерала (нынѣ маршала) Ніэля, подкрѣпленный частью резерва и артиллеріею, получилъ приказаніе оперировать въ равнинѣ, по направленію къ Гоито (2). Первый корпусъ, маршала Барагэ д'Илье, долженъ былъ идти по дорогѣ ведущей изъ Кастильйоне вдоль холмовъ у ихъ подошвы, мимо деревушки Гроле, на Сольферино. Одна изъ дивизій корпуса герцога маджентскаго (Макъ-Магона; его корпусъ второй) должна была атаковать Сольферино по горной дорогѣ, съ фронта, а другія совершенно съ тыла, отъ деревни Санъ-Кассіано (3). 3-й корпусъ, маршала Канробера, не былъ поставленъ въ первой линіи; — онъ оставался нѣсколько назади, по направленію къ Кастель-Онзаго (4), а сардинской арміи назначено было совершить на лѣвомъ (сѣверномъ) крылѣ фланговое движеніе, соотвѣтственное подобному движенію на правомъ крылѣ (то есть движенію 4-го корпуса) и стараться прорвать линію между Пескьерою и Поццоленго, чтобы овладѣть одною

(1) Кавріана лежитъ верстахъ въ трехъ на юго-востокъ отъ Сольферино.

(2) Читатель помнитъ, что дорога въ Гоито лежала на лѣвомъ флангѣ австрійской позиціи.

(3) Санъ-Кассіано лежитъ на юго-востокъ отъ Сольферино, на версту съ небольшимъ.

(4) На сѣверо-западъ отъ Сольферино.

изъ дорогъ на Минчіо, находящихся въ этомъ направленіи. Гвардія оставалась въ резервѣ, подъ личнымъ начальствомъ императора, управлявшаго всѣмъ наступленіемъ.

«Холмистый видъ мѣстности довольно благопріятенъ для наблюдателя, но линія была такъ растянута, что не было возможности обозрѣвать всю ее, а одновременность наступленія на многихъ пунктахъ отнимала возможность слѣдить за подробностями въ каждой отдѣльной мѣстности. Потому ограничусь только главными чертами, насколько я самъ видѣлъ дѣло или успѣлъ разузнать о немъ.

«Атака началась почти одновременно на правомъ крылѣ и въ центрѣ: въ то самое время, какъ ружейный огонь и наступленіе колоннъ къ Сольферино показали, что битва завязалась въ центрѣ, послышался громъ піэмонтскихъ пушекъ съ лѣваго фланга и Ніэлевой артиллеріи съ праваго, со стороны Санъ-Виджиліо и Медоле (*).

«Холмъ, около котораго построена деревня Сольферино,—самый возвышенный пунктъ во всей окрестности. Онъ имѣетъ форму конуса, а на вершинѣ его стоитъ высокая четырехъугольная башня, называющаяся Spia d'Italia (Шпіонка Италіи), потому что съ верху ея видна вся равнина Верхней Италіи отъ Альпъ до По. Этотъ холмъ стоитъ отдѣльно отъ остальнаго хребта и отъ него идутъ три возвышенныя террасы: одна къ озеру, другая въ долину, третья къ деревнѣ Кавріанѣ. Такимъ образомъ, онъ составляетъ какъ будто цитатель съ тремя бастіонами, и всѣ дороги, ведущія къ нему, идутъ по ущельямъ между террасами. Со всѣхъ сторонъ, кромѣ одной обращенной въ равнину, террасы очень круты, и сами дороги восходятъ по такому крутому возвышенію, что называются «лѣстницами», Scale di Solferino. Съ равнины подъемъ на холмъ не крутъ до первыхъ домовъ селенія, но тутъ получаетъ такую же обрывистую крутизну, какъ подъемы съ другихъ сторонъ. Этотъ подъемъ со стороны равнины и былъ выбранъ пунктомъ атаки. Австрійцы ждали того и приготовились къ встрѣчѣ противниковъ. Обѣ стороны дороги до самаго села покрыты виноградниками; въ нихъ были введены густыя массы пѣхоты; мѣстность по своему характеру давала ихъ стрѣлкамъ прикрытіе и свободу дѣйствія. Артиллерію они также приготовили: поставили пушки не только на дорогѣ, но и по обѣ стороны ея на разныхъ возвышенныхъ пунктахъ, которыхъ много въ верхней половинѣ дороги, близъ деревни. Бой начался почти съ самой равнины, въ томъ мѣстѣ, гдѣ дорога изъ Кастильйоне пово-

(*) Эти деревни лежатъ верстахъ въ 4 и въ 7 на югъ (направо по французскому фронту) отъ Кастильйоне; Санъ-Кассіано, куда Ніэль долженъ былъ двинуться, чтобы атаковать Сольферино съ тыла, лежитъ между Медоле и Сольферино.

рачивается на гору къ деревнѣ и пересѣкаетъ другую дорогу, ведущую изъ деревни на гоитское шоссе. Двѣ дивизіи перваго корпуса (дивизіи Форе и Базена) должны были выбивать непріятеля съ позиціи; дивизія втораго корпуса должна была напасть на деревню съ тыла, отъ Санъ-Кассіано. Австрійскіе стрѣлки были прогнаны; двѣ дивизіи 2-го корпуса двинулись впередъ и послѣ жаркой перестрѣлки успѣли оттѣснить непріятеля къ деревнѣ. Но настоящій бой именно только въ деревнѣ и начался. Входъ въ нее былъ загороженъ баррикадами, и въ высокихъ стѣнахъ садовъ, идущихъ по обѣ стороны, были продѣланы бойницы для ружей, а съ возвышенія направо освѣщала дорогу картечью батарея. Входъ въ деревню сдѣлался мѣстомъ отчаяннѣйшей битвы; наконецъ французы пробились черезъ него, и тогда началось одно изъ тѣхъ сраженій въ улицахъ, которыя составляютъ отличительную черту нынѣшней кампаніи: въ каждомъ домѣ были сдѣланы бойницы, каждый былъ занятъ непріятелемъ. Въ домахъ этихъ нѣтъ на дворахъ выходовъ съ задней стороны, потому въ каждомъ засѣвшіе въ него солдаты должны были драться до послѣдняго человѣка или сдаваться. Первая дивизія 1-го корпуса два раза успѣвала прорываться до церкви, ограда которой находится у самой подошвы большаго коническаго холма, и два раза принуждена была отступать передъ резервами, подводимыми непріятелемъ. Бой длился болѣе двухъ часовъ, и силы солдатъ начали изнемогать. Въ эту минуту, около 8 часовъ утра, гвардейскіе вольтижеры и егеря получили приказаніе смѣнить ихъ. Въ то же время дивизія 2-го корпуса съ тюрками или алжирскими туземными стрѣлками успѣшно произвела атаку отъ Санъ-Кассіано, а другая дивизія 1-го корпуса достигла высотъ налѣво отъ дороги. Менѣе, чѣмъ въ полчаса непріятель былъ выбитъ изъ своей крѣпости и отступилъ, оставивъ 12 пушекъ побѣдителямъ. Онъ удалялся къ Кавріанѣ, но шагъ за шагомъ. Смотря съ Сольферино къ Кавріанѣ, видишь рядъ холмовъ, безпрестанныхъ подъемовъ и спусковъ, изъ которыхъ каждый былъ мѣстомъ новой схватки.

«По взятіи Сольферино бой получилъ характеръ правильнаго сраженія, въ которомъ стало играть роль тактическое искусство,—взятіе Сольферино было болѣе дѣломъ храбрости, нежели искусства. Сраженіе часто сравниваютъ съ шахматною игрою. Вѣрность этого сравненія никогда не поражала меня такъ, какъ вчера при видѣ наступленія отъ Сольферино къ Кавріанѣ, когда одинъ нашъ отрядъ выдвигался за другимъ, а непріятель шагъ за шагомъ уступалъ. Въ этомъ боѣ особенно обнаружилось превосходство новой французской нарѣзной пушки. Легкость орудій этихъ такова, что ихъ можно было поднимать на холмы, на которые по крутизнѣ ихъ даже пѣхотѣ труд-

но было взбираться. А между тѣмъ далекость и вѣрность ихъ стрѣльбы почти невѣроятны. Видно было, какъ ихъ бомбы лопаются среди непріятельскихъ батарей и пѣхоты, между тѣмъ какъ ядра австрійскихъ пушекъ, бросаемыхъ подъ самымъ большимъ угломъ возвышенія, не долетали или лопались въ воздухѣ. Атака на этотъ рядъ позицій, занимаемыхъ одна за другою, произведена была одновременно и съ высотъ и изъ долины; общею цѣлью нападенія было взять высоты Кавріаны, бывшей центромъ австрійской позиціи. Между тѣмъ какъ одна колонна подымалась по дорогѣ, ведущей вдоль подошвы холмовъ къ Кавріанѣ, главныя силы шли поперегъ горъ и ложбинъ, къ Кавріанской башнѣ, по мѣстности почти непроходимой.

Въ то время, какъ совершалась такимъ образомъ атака на мѣстѣ, которое сдѣлалось теперь центромъ позиціи, развивалась и атака производимая 4-мъ корпусомъ въ равнинѣ на правомъ крылѣ. Близъ Кастильйоне направо и налѣво отъ дороги мѣстность покрыта виноградниками и тутовниками,—лозы и деревья насаждены не очень густо, но такъ, что все-таки составляютъ достаточное прикрытіе для движеній кавалеріи и артиллеріи. Мили черезъ двѣ, деревья по обѣ стороны отходятъ отъ дороги, и отъ подножья холмовъ, чрезъ шоссе до окрестностей Медоле, простирается почти обнаженная отъ деревьевъ равнина, отчасти обращенная въ лугъ, отчасти засѣянная хлѣбомъ. Эта равнина, протягивающаяся до Кавріаны, Гвидиццоло и Черезоле (*), стала сценою самаго горячаго кавалерійскаго и артиллерійскаго боя, очень смертоноснаго, какъ видно было въ телескопъ съ высотъ. Пѣхота участвовала въ немъ только на правомъ краю равнины, у Медоле и Черезоле, занимая лежащіе у входа въ равнину виноградники, откуда непріятельская пѣхота была выгнана. Какъ только генералъ Ніэль могъ дебушировать въ равнину съ правой стороны, побѣда была рѣшена, потому что безмѣрное превосходство французской артиллеріи заставило уступить австрійскихъ артиллеристовъ, которые, надобно признаться, дрались очень храбро. Это было около 4 часовъ вечера. Центръ дошелъ до кавріанскихъ холмовъ и пока одна колонна взлѣзала на обрывистый гребень, подъ которымъ идетъ дорога, другая была послана по дорогѣ въ деревню. По быстротѣ, съ которою подвигались колонны, было видно, что австрійцы покинули мысль продолжать сопротивленіе въ этой позиціи и думали только о томъ, чтобы совершить отступленіе въ порядкѣ. На кавріанской позиціи, которая почти также страшна, какъ сольферинская, они держались только до той поры, пока могли увести другія свои войска, и она была нако-

(*) То есть, верстъ на 9 на югъ отъ Сольферино.

нецъ взята съ незначительною потерею. Въ равнинѣ австрійская артиллерія очень хорошо отступала эшелонами, а кавалерія ихъ была выслана впередъ задерживать союзниковъ. Тутъ африканскіе егеря (chasseurs d'Afrique) сдѣлали нѣсколько блестящихъ атакъ, но непріятель все-таки удержалъ за собою дорогу въ Гоито. Къ 5 часамъ въ центрѣ и на правомъ крылѣ было почти все кончено. Окончаніе было ускорено проливнымъ дождемъ, который пошелъ около этого времени.

«Разсказъ о томъ, что происходило на лѣвомъ крылѣ, я долженъ оставить до другаго письма, потому что не могъ наблюдать за сраженіемъ въ тѣхъ мѣстахъ, и не имѣлъ еще времени ни разспросить о подробностяхъ, ни осмотрѣть поля битвы. Но когда битва на правомъ флангѣ кончилась, началась сильная канонпада на лѣвомъ; это, вѣроятно, было или возобновленіе атаки для овладѣнія Ponte di Monzambano, или нападеніе на часть австрійской арміи, отступавшую къ Пескьерѣ. Было, кажется, сдѣлано нѣсколько залповъ изъ этой крѣпости; судя по звуку, нѣкоторые выстрѣлы должны были быть изъ тяжелыхъ крѣпостныхъ орудій.

«Результатъ побѣды — то, что австрійцы прогнаны съ позиціи, которую они сами выбрали и всячески укрѣпили, такъ, что сдѣлали ее почти неприступною. Это такое доказательство превосходства французовъ, сильнѣе котораго не можетъ и быть.

«Поццоленго, 26 іюня.

«Я почти жалѣю, что писалъ вамъ вчера по первому впечатлѣнію битвы; эта поспѣшность могла придать извѣстный мѣстный колоритъ разсказу, но была во вредъ его точности. Въ маленькомъ сраженіи, гдѣ вы сами можете наблюдать каждое движеніе и каждый фазисъ дѣла, записывать свои первыя впечатлѣнія, конечно, — лучшій методъ; въ такой большой битвѣ, какая была 24 іюня, приходится собирать подробности постепенно, и только познакомившись съ ними всѣми, начинаешь понимать истинный видъ сраженія и становишься способнымъ вѣрно изобразить его. О дѣлахъ, подобныхъ сольферинскому сраженію, отдавать отчетъ въ первую же минуту — почти опрометчивость; потому что самъ главнокомандующій затруднился бы пересказать факты такого сраженія. Черезъ пять часовъ по его окончаніи, онъ самъ еще не зналъ бы ихъ хорошенько. Я вижу однако, что мое первое впечатлѣніе было справедливо, и что съ нашей стороны не ожидали сраженія. Извѣстно было, что аррьергардъ австрійской арміи, корпусъ Бенедека (8-й корпусъ), сражавшійся у Меленьяно и потомъ прикрывавшій отступленіе остальной арміи, воротился на эту сторону Минчіо, 19 числа. Онъ получилъ прика-

заніе остановиться въ Кастильйоне и приготовиться къ оборонѣ этой деревни; но едва началъ онъ исполнять предписаніе, какъ получилъ противное приказаніе, отзывавшее его опять за Минчіо. Потому онъ перешелъ рѣку у Монцамбано, оставивъ только малочисленные аванпосты за собою. Итакъ, очевидно, что австрійцы въ это время думали довольствоваться только обороною линіи Минчіо. Между 19 и 22 числомъ ихъ планъ измѣнился — это, можетъ быть, объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что Гіулай только 22 числа простился съ арміею. Прощаніе состояло въ очень лаконическомъ приказѣ по арміи, говорившемъ только, что императоръ далъ ему другое назначеніе, и что потому онъ уѣзжаетъ. На мѣсто его начальникомъ штаба итальянской арміи былъ назначенъ генералъ Шликъ, бывшій прежде гусаромъ и составившій себѣ имя въ венгерской войнѣ 1848—49 годовъ. Главную команду надъ арміею лично принялъ императоръ. Судя по всему, кажется, что слишкомъ много было мастеровъ при вареніи этой браги, потому что очень много соперничества между австрійскими генералами, изъ которыхъ каждый воображаетъ себя имѣющимъ право быть главнокомандующимъ. Напримѣръ, генерала Бенедека, который считается, — по крайней мѣрѣ въ своемъ корпусѣ,—способнѣйшимъ командовать, Гіулай обвиняетъ за то, что онъ пришелъ на маджентское поле позднѣе, чѣмъ слѣдовало, хотя вѣроятнѣе то, что будучи на другой сторонѣ По, онъ не имѣлъ времени прійти ко времени битвы.

«Какъ бы то ни было, императоръ лично принялъ команду для того, чтобы прекратились всѣ эти раздоры, на которыя очень досадуетъ армія. Это было 22 числа. 23-го армія получила приказаніе быть готовою къ выступленію въ 7 часовъ утра, и все громадное войско, состоявшее изъ 1-го, 2-го, 3-го, 5-го, 7-го, 8-го и 9-го корпусовъ, перешло въ этотъ день Минчіо и до наступленія вечера всѣ отряды его заняли назначенныя позиціи. Эта масса, къ которой надобно прибавить 12 лучшихъ кавалерійскихъ полковъ (отъ ихъ дѣйствія на равнинѣ медольскаго поля ожидали многаго) не могла имѣть менѣе, какъ 180—200 тысячъ человѣкъ. Кромѣ того, двинутъ былъ за рѣку сильный паркъ тяжелыхъ орудій.

«Подумавъ о томъ, что такая масса въ одинъ день успѣла перейти рѣку и прійти на позиціи, изъ которыхъ нныя находились въ 10 — 12 миляхъ (15 — 18 верстъ) отъ берега, невозможно не удивиться обнаруженной тутъ дѣятельности, и невозможно удержаться отъ заключенія, что австрійскій главнокомандующій не умѣлъ воспользоваться качествами своей арміи въ началѣ компаніи.

«Эта огромная армія собралась не столько для того, чтобы защищать позиціи на холмахъ, сколько за тѣмъ, чтобы напасть на союз-

ныя арміи и прогнать ихъ изъ Ломбардіи. Увѣренность въ этомъ была, надобно думать, велика, потому что занятіе Брешіи и Милана стало обыкновеннымъ разговоромъ офицеровъ. Императоръ пріѣхалъ въ тотъ же вечеръ и рано на слѣдующее утро осмотрѣлъ сольферинскую позицію.

«Возвращеніе австрійцевъ было такъ внезапно, что извѣстіе о немъ не дошло до союзной арміи. По причинамъ, о которыхъ я теперь не могу говорить, союзники преднамѣренно шли впередъ медленно и не старались заходить слишкомъ далеко, чтобы не вести дѣла поспѣшнѣе, нежели какъ нужно было для ихъ цѣли. Вы, конечно, замѣтили это по короткимъ переходамъ и долгимъ остановкамъ въ движеніи союзниковъ за Брешіею. 24 числа они вовсе не хотѣли двигаться впередъ. Весь планъ этого дня состоялъ у нихъ въ томъ, чтобы піэмонтцы, линія которыхъ шла отъ Дезенцано на берегу озера по краю холмовъ до Эзенты (*), послали два отряда для рекогносцировки: одинъ къ Пескьерѣ, а другой къ Поццоленго, по дорогѣ къ Саліонцскому мосту, а 1-й французскій корпусъ (Бараге д'Илье), занимавшій остальную половину дороги къ Кастильйоне, также долженъ былъ послать два отряда для рекогносцировки: къ Madonna del Monte, по дорогѣ изъ Кастильйоне къ Поццоленго и другой къ Сольферино.

«Вы помните, мнѣ представлялось, что битва завязалась отъ встрѣчи этихъ рекогносцировавшихъ отрядовъ съ непріятелемъ. Относительно піэмонтцевъ это такъ, но не вѣрно относительно французовъ: еще до выступленія изъ отрядовъ на рекогносцировку, линія ихъ аванпостовъ была уже атакована въ равнинѣ отъ Медоле къ Санъ-Кассіано. Планъ непріятеля состоялъ, кажется, въ томъ, чтобы, отставая правымъ крыломъ, нанести рѣшительный ударъ лѣвымъ, чтобы подвергнуть опасности или совсѣмъ отрѣзать линію отступленія союзникамъ. Съ этою цѣлью 8-й корпусъ (Бенедека), перешедшій Минчіо, былъ поставленъ на высотахъ у Поццоленго, а остальная армія была собрана между Сольферино и Медоле, Кавріаною и Черезоле. Это движеніе въ обходъ праваго фланга союзниковъ было возможно только подъ условіемъ удержать за собою высоты Сольферино: потерявъ ихъ, армія, если бы продолжала держаться въ равнинѣ, подвергалась опасности быть разрѣзанною на двое и потерять одинъ изъ переходовъ черезъ Минчіо или даже два.

«Императоръ, прибывшій, какъ вы помните, черезъ часъ послѣ первыхъ выстрѣловъ, тотчасъ же увидѣлъ эту опасность и необходимость овладѣть ключемъ позиціи. Существенною задачею было:

(*) На половинѣ дороги между Ловато и Кастильйоне.

задержать непріятельскія силы, направленныя на наше правое крыло, и оттѣснять его въ равнинѣ, пока ключъ позиціи будетъ взятъ. Для этого 1-й корпусъ получилъ приказаніе идти по дорогамъ, опоясывающимъ холмы со стороны равнины; 2-й корпусъ сталъ на право отъ 1-го, а еще правѣе 1-го былъ поставленъ 4-й корпусъ; 3-й былъ оставленъ назади, по направленію къ краю праваго крыла, чтобы служить резервомъ 4-му въ случаѣ надобности, предотвратить всякое фланговое движеніе непріятеля и атаковать его лѣвый флангъ, если онъ покусится на фланговое движеніе. Гвардейская пѣхота была поставлена резервомъ для 1-го и 2-го корпусовъ, а вся кавалерія находилась въ готовности двинуться впередъ, какъ только непріятель будетъ оттѣсненъ въ открытую равнину Campo di Medole. Упорство австрійцевъ удержать Сольферинскія высоты равнялось только стремительности, съ которою усиливались они сбить наше правое крыло и, если возможно, обойти его.

«Я описывалъ вамъ сольферинскую позицію. Увѣряю васъ, она принадлежитъ къ тѣмъ, о которыхъ можно вполнѣ сказать: «чѣмъ долѣе всматриваешься, тѣмъ неправдоподобнѣе становится». Невозможно вообразить себѣ ничего крѣпче этого форта на холмѣ съ его высокими утесистыми бастіонами и дорогою, идущею по ущельямъ, которыя фланкированы маленькими террасами, именно такой высоты и на такомъ разстояніи, какъ нужно для дѣйствія артиллеріи. Австрійцы, знавшіе каждый дюймъ этой любимой мѣстности своихъ маневровъ, отлично воспользовались всѣми ея выгодами. Но особенно позаботились они о томъ, чтобы всевозможно укрѣпить входы въ село и домы. Домы построены на спускѣ крутаго холма, потому они и ихъ сады стоятъ какъ будто на высокихъ насыпяхъ, а ихъ заборы образуютъ родъ крѣпостной стѣны вокругъ села. Въ каждомъ заборѣ были устроены бойницы, за каждою бойницею стояло по одному и по два хорошихъ стрѣлка, вооруженныхъ штуцерами, и солдаты, стоявшіе позади стрѣлковъ постоянно подавали имъ новые заряженные штуцера. Врываясь въ деревню, французы понесли большую потерю. Мѣстность передъ нею была совершенно очищена, такъ что штурмующіе были безъ всякаго прикрытія отъ огня. Лѣстницъ у нихъ не было, а ворота такъ высоки, что нельзя было просто перелѣзть ихъ; потому 1-й полкъ зуавовъ (отличавшійся и въ сраженіи при Меленьяно) составилъ пирамиду изъ людей, и ставшіе въ нижнемъ ряду подверглись убійственному непрерывному огню, чтобы дать перелѣзть стѣну своимъ товарищамъ. Но самая страшная бойня была, по обыкновенію, около церквей (ихъ двѣ: одна стоитъ какъ разъ подлѣ высокой квадратной башни, Spia d'Italia, о которой я такъ часто говорилъ, а другая на

одномъ изъ отроговъ, выходящихъ отъ горы къ озеру) и наконецъ около самой Spia d'Italia. Эта квадратная башня и разрушенная стѣна вокругъ нея построена, какъ я говорилъ вамъ, на высокой конусообразной горѣ, пускающей три отрога: на равнину, къ Кастильйоне и къ озеру. Идущій въ равнину — наименѣе крутой и самый широкій, на его вершинѣ стоитъ большая церковь съ оригинальнымъ куполомъ, а обширный дворъ ея обнесенъ высокими стѣнами. Одна изъ дорогъ спускается отсюда въ равнину по довольно крутой улицѣ, но по выходѣ изъ деревни спускъ становится отлогимъ. Слѣва эта дорога фланкирована высокою отдѣльною террасою, а справа господствуетъ надъ нею длинный отрогъ съ плоскою вершиною, идущій отъ башни къ Кастильйоне и образующій главную черту этого пейзажа, благодаря двумъ-тремъ десяткамъ высокихъ тополей, посаженныхъ на немъ въ рядъ. Третій отрогъ, ниже двухъ первыхъ, вознаграждаетъ свою невысокость своею утесистою крутизною. Церковь, построенная на краю его, также составляетъ одну изъ главныхъ чертъ картины. По самому соединенію этого отрога съ горою очень круто спускается дорога, ведущая въ Кастильйоне. Часть деревни, построенная въ этихъ мѣстахъ, называется верхнею деревнею. Съ Кавріанской стороны гора имѣетъ очень обрывистый спускъ и у подошвы ея построена тутъ нижняя деревня, дорога къ которой ведетъ черезъ Санъ-Кассіано.

«Всѣ дороги идутъ между этими отрогами горы, такъ что каждая изъ нихъ составляетъ дефиле. Потому главныя усилія штурмующихъ были обращены на взятіе высотъ, господствующихъ надъ дорогами. Почти всѣ эти отроги въ своей верхней части такъ круты, что очень трудно взобраться на нихъ даже человѣку необремененному никакою тяжестью; послѣ этого можете вообразить себѣ, каково было достичь вершинъ французскимъ солдатамъ въ аммуниціи, съ ранцами на плечахъ. Австрійцы, стоявшіе на верху, сложили съ себя ранцы и ждали непріятеля, облегчивъ себя такимъ образомъ. Ко всѣмъ этимъ трудностямъ прибавьте палящее іюньское солнце, нѣсколько непріятельскихъ батарей, осыпающихъ картечью, и густую массу австрійской пѣхоты, стрѣляющей съ верху изъ штуцеровъ. Только послѣ полудня успѣли французы взойти на высоты. Двѣ бригады, — одна изъ 1-ой, другая изъ 2-ой дивизіи 1-го корпуса, напрягали всѣ свои усилія, чтобы овладѣть высотами, но были оттѣснены назадъ. Тогда-то императоръ, управлявшій движеніями съ одного изъ малыхъ холмовъ, сказалъ, какъ говорятъ: «Надобно взять этотъ пунктъ; онъ ключъ позиціи. Прикажите двинуться впередъ гвардейскимъ гренадерамъ», — потомъ, какъ будто вспоминая, что они уже отбыли свой чередъ подъ Мадженгою, сказалъ.

«Нѣтъ, пошлите 1-ую бригаду вольтижеровъ.» Пришли гвардейскіе егеря и 1-е батальоны 1-го и 2-го вольтижерскихъ полковъ, и съ разбѣга взяли высоты съ 12 пушками, стоявшими на нихъ. Ихъ стремительная атака была такъ великолѣпна, что императоръ и за нимъ весь штабъ сняли шляпы и закричали: «Bravo, les voltigeurs!»

«Я прибылъ на эту позицію вскорѣ послѣ ея взятія и долженъ признаться, что никогда не видѣлъ столькихъ труповъ на такомъ тѣсномъ пространствѣ. Можно было понять, чего стоилъ бой обѣимъ сторонамъ, посмотрѣвъ на число и на лица людей въ полкахъ, дравшихся тутъ. Но удивительно для меня все-таки то, какъ французы могли взять эту позицію. Австрійцы, охранявшіе деревню у подошвы горы, были взяты въ плѣнъ: они имѣли приказаніе защищать это мѣсто до послѣдняго человѣка.

«Атака втораго корпуса, какъ вы помните, происходила направо отъ мѣста атаки перваго корпуса. Второму корпусу было поручено очистить равнину налѣво отъ гоитской дороги, у подножія холмовъ; ему пришлось одолѣть не меньшія трудности, хотя другаго рода. По природѣ эта мѣстность ровна, какъ столъ, но пересѣчена дорогами, изгородями, рядами деревъ, рвами и насыпями. Каждая изъ этихъ искусственныхъ преградъ становилась для непріятеля новымъ средствомъ сопротивленія; ему чрезвычайно благопріятствовало множество отдѣльныхъ фермъ, которыми наполнена равнина и каждая изъ которыхъ стала теперь маленькою цитаделью, требовавшею приступа.

Четвертый корпусъ точно также дѣйствовалъ направо отъ гоитской дороги. Часть его была послана исполнить фланговое движеніе отъ Медоле и дебушировать къ Гвидиццоло, около кавріанскихъ высотъ. Бой былъ чрезвычайно упоренъ, особенно въ фермахъ, потому что австрійцы, видя себя въ опасности потерять гоитскую дорогу и быть отброшенными къ холмамъ, не щадили никакихъ усилій для задержанія четвертаго корпуса. Несмотря на то, обѣ колонны вечеромъ дебушировали на медольскую поляну (Campo di Medole). Безъ сомнѣнія, взятіе Сольферино много помогло французамъ на этомъ флангѣ, потому что австрійцы послѣ того сражались только для прикрытія своего отступленія. Очевидецъ, бывшій въ томъ дѣлѣ, гдѣ находился императоръ австрійскій, разсказываетъ, что когда Францъ Іосифъ увидѣлъ отступленіе своихъ войскъ съ Кавріанской башни, у него показались слезы на глазахъ.

«Пока дѣла шли такимъ образомъ на правомъ флангѣ (союзниковъ), піэмонтцы, по условію, двинули отряды на рекогносцировку. Одна бригада пятой дивизіи съ 12 пушками пошла къ Пескьерѣ, и одна бригада третьей дивизіи, съ 4 пушками, къ Поццоленго. Первая

шла полемъ прямо къ Пескьерѣ, вторая сначала по желѣзной дорогѣ, ведущей изъ Дезенцано въ Пескьеру, а дошедши до пересѣченія желѣзной дороги съ шоссе, повернула къ Поццоленго.

«Мѣстность на югъ отъ Серміонскаго полуострова (*), идетъ легкимъ возвышеніемъ къ холмамъ на югѣ, образуя какъ будто бассейнъ между озеромъ и треугольникомъ холмовъ. Она густо усажена деревьями и неудобна для обзора. Сардинцы, не подозрѣвая близости непріятеля, дошли въ своей рекогносцировкѣ до Санъ-Мартино (**), стоящаго на возвышенности, обрывисто поднимающейся надъ низменною окрестностью. Эта обрывистая терраса имѣетъ нѣсколько тысячъ квадратныхъ футовъ и у ея подошвы разсѣяно между деревьями множество фермъ. Офицеру генеральнаго штаба, бывшему при рекогносцирующемъ отрядѣ, показалось, что онъ видитъ фигуры, двигающіяся къ противоположной сторонѣ въ одно время съ піэмонтцами, но онъ думалъ, что это поселяне. Потому колонна продолжала идти мимо террасы, пославъ на нее нѣсколько застрѣльщиковъ; они были встрѣчены штуцерными пулями изъ домовъ у подошвы террасы. Колонна повернулась и, поставивъ свои пушки по направленію къ деревьямъ, пошла къ террасѣ. Она успѣла овладѣть возвышенностью, хотя не безъ большихъ потерь, пославъ извѣстіе слѣдующей бригадѣ, чтобы она спѣшила на подкрѣпленіе къ ней; но вторая бригада еще не успѣла подойти, какъ австрійцы уже подвели свѣжія войска и піэмонтцы были вытѣснены изъ взятой ими позиціи. Когда подошла къ нимъ новая бригада, они сдѣлали вторую попытку овладѣть высотами, но она не удалась, и піэмонтцы отступили, чтобы перестроить свои ряды и подождать новыхъ подкрѣпленій. Эти подкрѣпленія, двѣ бригады, Аосты и Каму, пришли около четырехъ часовъ вечера, и тогда произведена была новая атака. Всѣ пушки были соединены въ одну большую батарею для разрушенія домовъ у подошвы террасы, и построены были для атаки три колонны. Несмотря на чрезвычайное изнуреніе отъ поспѣшнаго марша, они взобрались на высоты, и не только удержались окончательно въ этой позиціи, но и преслѣдовали непріятеля до самаго Поццоленго. Потеря ихъ была очень велика, до 4,000 убитыми и ранеными. Они имѣли противъ себя весь восьмой корпусъ (Бенедека), то есть страш-

---

(*) Южный, широкій конецъ Гардскаго озера разрѣзанъ по срединѣ своего протяженія (нѣсколько ближе къ западной сторонѣ) узкимъ и длиннымъ полуостровомъ, на углу котораго, вдающемся въ озеро, лежитъ Серміоне.

(**) На половинѣ дороги между озеромъ и Поццоленго, верстахъ въ трехъ на сѣверъ отъ Поццоленго и на югъ отъ общей линіи южнаго берега, прямо на югъ отъ Серміонскаго полуострова, глубоко врѣзывающагося въ озеро къ сѣверу.

ное превосходство въ силахъ у непріятеля. Нѣтъ сомнѣнія, что борьба для нихъ была бы еще тяжелѣе, если бы не успѣхъ французовъ у Сольферино и Кавріаны, необходимо заставлявшій австрійцевъ отступить и правымъ крыломъ. Двое изъ піэмонтскихъ генераловъ были тутъ ранены.

«Пока еще продолжался бой, было получено съ другаго крыла требованіе послать одну дивизію къ Сольферино на подкрѣпленіе войскамъ, бывшимъ тамъ.

«На этомъ мѣстѣ я долженъ остановится въ своемъ разсказѣ, потому что отходитъ почта. Продолженіе до завтра.

«Кавріана, 27 іюня.

«Сколько помнится, мой вчерашній разсказъ остановился на описаніи боя на лѣвомъ крылѣ союзниковъ, между піэмонтцами и корпусомъ генерала Бенедека. Съ нашей стороны дѣло при Санъ-Мартино надобно считать совершенно отдѣльною битвою, не входящею въ общій планъ сраженія. Только около полудня, незадолго передъ взятіемъ Сольферино, было, какъ я сказалъ, потребовано содѣйствіе съ нашего лѣваго фланга другимъ пунктамъ. Имѣя двѣ съ половиною дивизіи уже сражающимися противъ непріятеля, превосходившаго ихъ числомъ, и предвидя наступленіе еще другихъ, свѣжихъ австрійскихъ войскъ отъ Пескьеры, сардинцы не имѣли возможности сдѣлать требуемаго движенія къ Сольферино.

«Съ австрійской стороны, напротивъ, битва по всему протяженію ихъ линіи имѣла общій планъ. Но великимъ затрудненіемъ для нихъ было давать необходимую связь движеніямъ на пространствѣ отъ 12 до 16 миль (около 20 верстъ) въ длину. Пока могли прибыть приказанія изъ Кавріаны, положеніе дѣлъ часто совершенно измѣнялось, а выбрать для движенія благопріятную минуту — это составляетъ одно изъ самыхъ важнѣйшихъ условій для успѣха битвы. При страшной растянутости линіи, правое крыло австрійцевъ въ Поццоленго находилось совершенно отдѣльно отъ остальной арміи, да и движеніями на лѣвомъ крылѣ несовсѣмъ удобно было распоряжаться изъ средины позиціи. Растянутость линіи затрудняла также употребленіе резервовъ, и вообще производила разрозненность, которая могла бы сдѣлаться еще болѣе гибельна для австрійцевъ, если бъ они не стали очень заблаговременно думать объ отступленіи. Всѣ эти важныя ошибки отчасти вознаграждались многочисленностью линій отступленія, бывшихъ у австрійцевъ; но эта выгода была важна только въ концѣ, когда она спасла ихъ отъ участи быть совершенно пораженными. Въ продолженіе битвы любопытно было наблюдать послѣдствія слишкомъ большаго протяженія ихъ линіи и возни-

вавшей изъ того слабости ея. Французы, съ тою стремительностью, какую всегда имѣютъ въ первомъ нападенiи, повсюду успѣвали прорвать или отбить назадъ ту часть линiи, которую атаковали, и прежде чѣмъ приходили резервы къ австрiйцамъ, они обыкновенно успѣвали зайти во флангъ тѣмъ отрядамъ, которые еще сохраняли свою позицiю и такимъ образомъ принуждали ихъ отступать. Несмотря на общее свое численное превосходство, австрiйцы почти вездѣ оказывались слишкомъ малочисленными въ рѣшительномъ пунктѣ и въ рѣшительную минуту, такимъ образомъ они были оттѣсняемы шагъ за шагомъ. Чѣмъ далѣе они отступали, тѣмъ длиннѣе становилась растянутость ихъ линiи и происходящая изъ того невыгода, потому что дорога въ Гоито, составлявшая линiю отступленiя ихъ лѣваго крыла и въ тоже время имѣвшая жизненную важность какъ одинъ изъ главныхъ путей черезъ Минчiо, идетъ подъ косымъ угломъ къ рѣкѣ, все болѣе отходя на югъ. Отвратить эту невыгоду, разумѣется, было не въ ихъ власти, но очевидно не должны были они выбирать боевой линiи, имѣвшей такое неудобство. Они имѣли шесть переправъ черезъ Минчiо: въ Пескьерѣ, Салiонцо, Монцамбано, Боргетто, Валеджiо и Гоито; они должны были защищать всѣ эти шесть переходовъ. Подобно курицѣ съ многочисленными цыплятами, они растянули свои крылья, чтобы прикрыть всѣхъ ихъ. Они по всей вѣроятности были очень увѣрены въ успѣхѣ, и разсчитывали, что чѣмъ далѣе будутъ подвигаться впередъ, тѣмъ короче будетъ становиться ихъ линiя. Это совершенно вѣрно, потому что Лонато и Кастильйоне, изъ которыхъ выходятъ всѣ пути, ведущiе къ Минчiо, находятся не далѣе какъ въ 4 или 5 миляхъ (верстахъ въ 7) другъ отъ друга, и оттѣсняя непрiятеля, они могли надѣяться обойти его съ праваго фланга (съ юга) своимъ лѣвымъ крыломъ. Таковъ очевидно былъ ихъ разсчетъ, но разсчетъ, оказавшiйся ошибочнымъ. Если армiя достовѣрно полагается на побѣду, она можетъ занимать такую боевую позицiю, которая дѣлала бы побѣду наиболѣе рѣшительной, а пораженiе врага наиболѣе полнымъ; но всѣ предшествовавшiя событiя этого похода были таковы, что едва ли оправдывали несомнѣнный разсчетъ австрiйцевъ на побѣду, даже при численномъ превосходствѣ; потому благоразумiе требовало бы отъ нихъ большей умѣренности въ предположенiяхъ.

«Стараясь забрать слишкомъ много, они ослабили свои силы въ рѣшительномъ пунктѣ, и стараясь дѣйствовать наступательно своимъ лѣвымъ крыломъ, они потеряли Сольферино, ключъ своей позицiи. Правда, можно извинить имъ то, что при тогдашнихъ своихъ укрѣпленiяхъ и силѣ поставленнаго въ немъ отряда, Сольферино казалось имъ непобѣдимою позицiею; но въ войнѣ существуетъ

только большая или меньшая вѣроятность, а не абсолютная достовѣрность.

«Потерявъ Сольферино, имъ не оставалось ничего больше, какъ думать объ отступленіи. Удержаться въ равнинѣ, по которой идетъ дорога въ Гоито, не стало уже возможности, потому что ее можно было взять во флангъ съ отроговъ холмистаго хребта, и если бы они стали слишкомъ долго отстаивать ее, они подверглись бы опасности быть взятыми во флангъ также и отъ Медоле и потерять отступленіе на Гоито. Центръ ихъ не могъ поддержать ихъ здѣсь, потому что, подаваясь направо, онъ терялъ бы свою собственную линію отступленія, — дорогу на Валеджіо.

«При такомъ положеніи дѣлъ, линію отступленія на Гоито можно было удержать за собою только съ величайшими пожертвованіями, и по справедливости надобно сказать, что австрійцы нѣсколько загладили ошибки, которыхъ надѣлали въ своемъ наступленіи, мастерствомъ, съ которымъ совершили свое отступленіе при очень неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. Я уже говорилъ о медольской полянѣ (Campo di Medole), но долженъ возвратиться къ ея описанію, потому что она играла главную роль при отступленіи австрійскаго лѣваго крыла.

«Эта поляна — открытая мѣстность, совершенно лишенная деревьевъ. Она образуетъ почти правильный параллелограммъ, четырьмя углами которому служатъ: Санъ-Кассіано, подошва Кавріанскихъ холмовъ, Медоле и Піурс; четыреугольникъ этотъ имѣетъ мили $2\frac{1}{2}$ (версты 4) въ длину и мили 2 (версты 3) въ ширину и по ширинѣ своей перерѣзанъ гоитскою дорогою, проходящею черезъ Гвидиццоло; она, въ свою очередь, пересѣкается дорогою изъ Медоле въ Санъ-Кассіано, идущею у самаго начала поляны (*). Эта открытая мѣстность почти вся занята скудными хлѣбными нивами, еще не созрѣвшими. Края поляны усажены рядами виноградныхъ лозъ и множествомъ шелковичныхъ деревьевъ.

«Когда австрійцамъ пришлось отступать съ первой позиціи, они стали, не доходя края этой поляны, передъ деревнею Гвидиццоло, которая лежитъ на одну треть мили (на полверсты) отъ поляны. Они стояли по обѣ стороны гоитской дороги. Тутъ они должны были выдерживать, съ 2 часовъ дня до сумерекъ, страшнѣйшія концентрированныя атаки. 1-й и 2-й корпуса и гвардія начали около 2 часовъ всходить на кавріанскія высоты и подвигаться по нижнимъ отрогамъ холмовъ къ полянѣ; 4-й корпусъ (Ніэля), не участвовав-

(*) То есть, къ западному краю ея.

шій въ наступленіи до взятія Сольферино, началъ дебушировать изъ лѣсовъ съ кастильйонской стороны поляны и проселочной дороги, ведущей изъ Піуре въ Гвидиццоло. Гвардейская кавалерія и нѣсколько полковъ африканскихъ егерей (chasseurs d'Afrique) выходили по шоссе, ведущему изъ Кастильйоне въ Гоито. Такимъ образомъ, австрійская позиція была атакована съ трехъ сторонъ. Нигдѣ не принесло такъ много пользы превосходство французской артиллеріи, какъ здѣсь. Дальность и вѣрность ея стрѣльбы были изумительны: видно было, что каждая бомба, каждый штрапнель нарѣзныхъ орудій ударяются и разрываются среди рядовъ непріятельской пѣхоты и среди его батарей, между тѣмъ, какъ непріятельская артиллерія не могла наносить французамъ почти никакого вреда. Эта разница была особенно поразительна въ началѣ боя, когда разстояніе между враждебными линіями оставалось еще велико. Австрійскія ядра и бомбы не долетали; бомбы, пущенныя подъ очень большимъ угломъ возвышенія, лопались въ воздухѣ, не достигая французскихъ рядовъ. Не смотря на эту невыгоду, австрійцы ставили на позицію одну пушку за другою, и интересно было смотрѣть, съ какою быстротою французы заставляли молчать почти каждую изъ нихъ. Я дивился тому, что австрійцы не старались вознаградить числомъ орудій слабость ихъ въ дальности и прицѣльности стрѣльбы. У нихъ никогда не выставлялось разомъ больше трехъ или четырехъ орудій, да и тѣ ставили они почти только на шоссе, хотя открытая поляна благопріятствовала маневрированію артиллеріею. Можно предположить развѣ то, что они жалѣли потерять пушки и отправили заранѣе свою артиллерію къ Минчіо, оставивъ только необходимѣйшее число орудій,—по моему, это экономія фальшивая, потому что они понесли въ людяхъ потерю, отъ которой сберегали пушки. Поле по обѣ стороны дороги передъ Гвидиццоло было усѣяно убитыми и ранеными. Требуетъ разъясненія еще другое обстоятельство: почему они не воспользовались огромною массою кавалеріи (12 полковъ), которую перевели черезъ Минчіо и которая, будучи искусно направляема, могла бы принести значительную пользу прикрываніемъ ихъ отступленія. Причиною ея бездѣйствія была тоже повидимому бережливость,—иначе можно развѣ предположить, что они не могли вывести всю свою кавалерію на дорогу, загроможденную отступающими войсками. Какъ бы то ни было, я не видѣлъ на полѣ битвы ничего похожаго на 12 кавалерійскихъ полковъ, изъ которыхъ каждый долженъ имѣть въ походѣ болѣе 1,000 лошадей. Были только двѣ небольшія атаки, произведенныя нѣсколькими эскадронами уланъ противъ африканскихъ конныхъ егерей. Схватки эти имѣли очень воинственный видъ, но не принесли значительной пользы ни той, ни другой

сторонѣ. Всю тяжесть нападеній должна была выносить австрійская пѣхота, ея отпоръ нельзя не назвать твердымъ.

«Если я успѣлъ довольно ясно изобразить расположеніе обѣихъ армій, то вы видите, что съ нашей стороны,—піэмонтскую битву я оставляю безъ вниманія, потому что она не имѣла никакой связи съ операціями на этомъ пунктѣ,—вы видите, что съ нашей стороны все нападеніе было произведено двумя большими колоннами: лѣвая состояла изъ 1-го и 2-го корпуса и гвардейской пѣхоты; правая — изъ 4-го корпуса, поддерживаемаго 3-мъ корпусомъ, и оставленными на право отъ него эшелонами. Обѣ эти колонны двинулись съ равнины, и цѣлью своихъ операцій имѣли Кавріану, бывшую центромъ австрійской позиціи. Этого пункта должны были онѣ достичь двумя большими фланговыми движеніями, чтобы проникнуть на хребетъ холмовъ съ лѣва и, прорвавъ австрійскую линію, отрѣзать центръ, стоявшій въ Кавріанѣ, отъ лѣваго крыла, стоявшаго у Гвидиццоло и Черезоле. Для того 1-й корпусъ, бывшій на лѣво и поддерживаемый гвардіею, прошелъ впередъ, вдоль ложбины холмовъ до Сольферинской дороги, потомъ оборотился налѣво и взялъ эту позицію. Сдѣлавъ это, онъ опять принялъ прежнее направленіе и дошелъ по грядѣ холмовъ до Кавріаны. 2-й корпусъ, бывшій направо отъ нея, шелъ впередъ, очищая равнину и спуски холмовъ до Санъ-Кассіано, потомъ также оборотился налѣво и пошелъ на высоты, которыя одновременно съ нимъ атаковала лѣвая колонна, уже взошедшая на холмы.

«Четвертый корпусъ не отклонялся отъ своего первоначальнаго направленія по лѣвой сторонѣ гоитской дороги, пока поровнялся съ Гвидиццоло. Онъ сталъ грозить крайнему лѣвому крылу непріятеля и пути отступленія этого крыла изъ Медоле, а потомъ также направился къ холмамъ, чтобы врѣзаться между центромъ и лѣвымъ крыломъ непріятельской арміи.

«Взятіе Сольферино и это движеніе нашей правой колонны (4-го корпуса), направленное къ тому, чтобы отрѣзать лѣвое крыло непріятеля отъ центра—это двѣ главныя черты битвы. До 5 часовъ вечера этотъ второй фазисъ боя оставался еще нерѣшеннымъ. Въ это самое время разразилась сильная гроза, продолжавшаяся болѣе получаса и бывшая временемъ поворота въ ходѣ сраженія. Между тѣмъ, какъ 4-ый корпусъ продолжалъ свою атаку на Гвидиццоло, придвинута была дивизія 3-го корпуса и, обошедши позади 4-го корпуса, вдвинулась промежду Кавріанскихъ холмовъ и Гвидиццоло. Въ то же время артиллерія дѣйствовала во флангъ австрійцамъ, съ послѣднихъ отроговъ Кавріанскихъ холмовъ. Этимъ рѣшилось дѣло и скоро австрійская линія была прорвана.

«Матеріальными результатами побѣды были, какъ вы знаете по реляціямъ, нѣсколько пушекъ и нѣсколько тысячъ плѣнныхъ; но это еще не важно въ сравненіи съ нравственнымъ результатомъ ея. Стратегическій выигрышъ состоитъ въ томъ, что мы овладѣли линіею Минчіо. Но, по несчастію, невозможно было въ тотъ же день захватить какого нибудь перехода черезъ рѣку. Правда, непріятель былъ разбитъ, но, опасаясь за свою линію отступленія, онъ началъ отступать очень заблаговременно и въ довольно хорошемъ порядкѣ. Была уже совершенная ночь, когда успѣли его вытѣснить изъ Гвидиццоло и Кавріаны. Отъ этихъ мѣстъ до Минчіо около 10 миль (15 верстъ), а войска были на ногахъ и сражались не ѣвши съ самаго разсвѣта. Даже и тѣ отряды, которые не входили въ бой, были изнурены усталостью, голодомъ и жаромъ. Идти въ Минчіо значило бы убивать ихъ чрезмѣрнымъ усиліемъ.»

Послѣ сраженія при Сольферино, австрійцы отступили до самаго Адидже и сосредоточились около него, уступивъ безъ обороны переправу черезъ Минчіо и оставивъ только гарнизоны въ Пескьерѣ и Мантуѣ. Изгнаніе ихъ изъ Италіи уже не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію: берега Адидже съ Вероною и Леньяно составляютъ послѣднюю оборонительную линію ихъ передъ врагомъ, наступающимъ съ запада. Области, лежащія на востокъ отъ Адидже, между Вероною, Леньяно и Венеціею, лишены всякихъ крѣпкихъ позицій и безъ боя переходятъ въ руки того, кто владѣетъ линіею Адидже. А то, что союзники скоро и даже безъ особенныхъ трудовъ прогонятъ австрійцевъ съ Адидже, было ясно. Если бы нападеніе на эту линію ограничивалось одною атакою съ фронта (съ запада) и тутъ австрійцы не могли бы долго удержаться въ полѣ,—ихъ армія, разстроенная и деморализированная, уже не способна была дать новую битву, — она должна была или отступить на сѣверъ, вонъ изъ Италіи, или запереться въ Веронѣ. Въ томъ и другомъ случаѣ, въ нѣсколько дней вся страна между Минчіо и Венеціею очищалась отъ прежнихъ поработителей, и союзникамъ оставалось только взять Мантую и Пескьеру, Верону и Леньяно, чтобы ни одного австрійца не оставалось въ Италіи. Изъ этихъ четырехъ крѣпостей двѣ, Пескьера и Леньяно, не имѣютъ сами по себѣ большой силы; Мантуя очень крѣпка противъ штурма, но за то и не стѣснительна для непріятеля: расположенная на островѣ рѣки Минчіо въ ея нижней части, она окружена на далекое пространство непроходимыми гнилыми болотами, такъ что возможный входъ въ нее или выходъ изъ нея ограничивается тремя или четырьмя чрезвычайно длинными и узкими плотинами. Если осаждающему трудно проник-

нуть въ крѣпость, за то очень легко даже съ малыми силами запереть въ ней какой угодно сильный гарнизонъ, которому останется только неподвижно ждать смерти отъ заразительныхъ испареній своего болотнаго убѣжища. Итакъ, Мантуя не была неизбѣжною остановкою для дальнѣйшаго развитія наступательныхъ дѣйствій: нужно было только блокировать ее небольшимъ корпусомъ и дорога къ Веронѣ становилась безопасна.

Верона—дѣло иное; она могла казаться новымъ Севастополемъ по обширности объема, представляющаго съ своими многочисленными отдѣльными фортами не столько крѣпость въ тѣсномъ смыслѣ слова, сколько укрѣпленный лагерь для громаднѣйшей арміи, пожалуй хотя для 200,000 человѣкъ. Но дѣло въ томъ, что укрѣплена она своими фортами и стѣнами по разсчету дальности дѣйствія прежнихъ простыхъ пушекъ, а теперь, когда нарѣзная система, введенная во французскую артиллерію, дала возможность обстрѣливать предметъ съ батарей, стоящихъ на 2 или даже на 3 версты далѣе, чѣмъ надобно было ставить прежнія простыя орудія, около большей части крѣпостей находятся пункты, нимало не защищенные, оставленные въ распоряженіе осаждающаго врага и между тѣмъ при постановкѣ на нихъ нарѣзныхъ батарей господствующіе надъ укрѣпленіями; которыя, если вооружены только простыми орудіями, должны молча подвергаться огню нарѣзныхъ орудій, осыпающихъ ихъ бомбами сверху и съ дистанціи недостижимой для ихъ ядеръ. Когда союзники начали осаду Пескьеры, такихъ пунктовъ нашлось около крѣпости много. Какая нибудь гора въ трехъ верстахъ отъ крѣпости была прежде, при простыхъ орудіяхъ у осаждающаго, совершенно безвредна для нея. Теперь эта гора, занимаемая французскими нарѣзными пушками, становится къ крѣпости въ такое же отношеніе, какъ цитадель къ городу, лежащему подъ нею. Съ первыхъ рекогносцировокъ союзники увидѣли, что при помощи нарѣзныхъ орудій ничего не будетъ стоить имъ взять Пескьеру, хотя она и очень много укрѣплена была по сравненію съ 1848 годомъ, когда взялъ ее послѣ трудной осады Карлъ Альбертъ. То же самое неминуемо должно было оказаться и при осадѣ Вероны: эта крѣпость, представлявшая страшную твердыню противъ простыхъ пушекъ, должна была явиться очень слаба передъ нарѣзными батареями, для которыхъ нашлись бы вокругъ нея позиціи, господствующія надъ укрѣпленіями.

Кромѣ этого залога вѣрной побѣды надъ крѣпостью, прежде столь сильною, было еще другое обстоятельство, чрезвычайно облегчавшее задачу. Главнымъ источникомъ силы Севастополя было то, что онъ черезъ свою сѣверную сторону оставался совершенно открытъ

всѣмъ подвозамъ и подкрѣпленіямъ. Это была не осада крѣпости, а борьба противъ колоссальнаго редута, за которымъ стояли всѣ силы русской арміи, остававшейся во владѣніи путями сообщенія съ своимъ государствомъ и всѣми его продовольственными и боевыми средствами. Въ этомъ должна была состоять и главная сила Вероны. Вся неодолимость ея основывалась на томъ обстоятельствѣ, что непріятель, подходящій къ ней съ запада, не можетъ обложить ее войсками своими по обширности круга ея укрѣпленій;—а пока остается свободна восточная сторона крѣпости, она черезъ венеціанскія области продолжаетъ имѣть безпрепятственныя сообщенія съ Австріею и можетъ получать постоянно свѣжія войска, новые запасы оружія, боевыхъ снарядовъ и продовольствія. Въ нынѣшней войнѣ эта главная выгода обороны не должна была существовать. Господствуя на морѣ, французы могли высадить сколько имъ угодно войска на венеціанскомъ берегу, и почти безпрепятственно овладѣть всѣми землями на востокъ отъ Вероны, гдѣ австрійскіе отряды были очень слабы, отрѣзать Верону съ востока отъ сообщеній съ Австріею. Подобно Антею, оторванная отъ родной земли австрійская крѣпость становилась жертвою врага.

Надобно вспомнить еще и о томъ, что слава знаменитаго четыреугольника крѣпостей происходитъ отъ предположенія о взаимной поддержкѣ ихъ и о томъ, что въ центрѣ ихъ будетъ стоять австрійская армія, которая, опираясь то на ту, то на другую, будетъ отбивать непріятеля, съ какой бы стороны ни захотѣлъ онъ вторгнуться въ четыреугольникъ, бастіонами которому служатъ четыре крѣпости. Благодаря удачнымъ своимъ распоряженіямъ, австрійцы безъ боя потеряли эту выгоду центральнаго положенія между четырьмя крѣпостями: союзники безпрепятственно перешли Минчіо и врагъ явился въ томъ центрѣ, который слѣдовало занимать защитникамъ. Четыре крѣпости были отрѣзаны одна отъ другой; австрійская армія отступила за крайнюю изъ нихъ на сѣверо-востокѣ. Взаимная связь твердынь не существовала, а австрійская армія, бросившая три изъ числа четырехъ своихъ опоръ, лишилась той свободы маневрированія между ними, которая составляла главную надежду ея на возможность задержать наступающаго врага передъ Адидже.

Такимъ образомъ быстрое паденіе Вероны было достовѣрно; нужно было едва ли нѣсколько недѣль, чтобы овладѣть этою крѣпостью, оттѣснить австрійскую армію за сѣверную границу Италіи. Занимая центръ знаменитаго четыреугольника, главная союзная армія уже начала осаду Пескьеры своимъ лѣвымъ (сѣвернымъ) крыломъ, а массою силъ своихъ подвигалась на Верону, предоставивъ

блокированіе сильной, но безвредной Мантуи корпусу принца Наполеона, послѣ долгаго бездѣйствія въ Тосканѣ подошедшему наконецъ въ началѣ іюля съ юга къ театру войны. У венеціанскаго берега уже явился французскій флотъ съ сильнымъ десантомъ, который готовъ былъ безпрепятственно сойти на берегъ и въ нѣсколько дней отрѣзать Верону отъ сообщенія съ внутренними австрійскими владѣніями черезъ венеціянскія земли.

Не только выгодность стратегическаго положенія ручалась союзникамъ за скорое достиженіе цѣли, объявленной для войны прокламаціями императора французовъ: союзники уже знали по опыту, что каждое столкновеніе ихъ съ врагомъ, каковъ бы ни былъ боевой исходъ его, имѣетъ на ходъ войны точно такое же вліяніе, какъ бы австрійская армія была разбита на голову. Да, самая рѣзкая черта компаніи заключалась въ томъ, что союзники вовсе не нуждались въ побѣдахъ чтобы гнать непріятеля и отнимать у него область за областью, одну линію обороны за другою: австрійцы вели войну такъ, что казалось, будто они даютъ сраженія собственно только для формы, въ угожденіе военному обычаю, напередъ рѣшившись отдавать свои позиціи и области, хотя бы непріятель и не могъ отнять ихъ силою, а главное, рѣшившись не дѣлать ничего такого, что могло бы вести къ побѣдѣ надъ врагомъ. Дѣйствительно, оба главныя сраженія, — при Маджентѣ и при Сольферино, — разстраивали армію союзниковъ такъ, что она долго, — 24 часа, 48 часовъ послѣ битвы, оставалась рѣшительно обезсиленною, не могла ничего сдѣлать, отступала или стояла неподвижно, — а у австрійцевъ находилось много свѣжихъ войскъ подъ рукою, и стоило имъ двинуть эти войска, чтобы обратить нерѣшительную битву, нѣсколько склонявшуюся къ выгодѣ союзниковъ, въ совершенное пораженіе союзниковъ; но австрійцы отступали безъ оглядки, хотя имѣли полную возможность сами гнать врага. Послѣ сраженія при Маджентѣ союзники отступили за Тичино; къ австрійцамъ подошло больше свѣжихъ, нежели сколько войскъ было въ битвѣ, — стоило двинуть свѣжія войска на непріятеля, и онъ былъ бы пораженъ, — австрійцы сами разсудили удаляться отъ отступавшаго врага, и онъ, нечего дѣлать, пошелъ себѣ впередъ, какъ будто побѣдитель. По окончаніи битвы при Сольферино повторилась та же самая исторія. Не говоримъ уже о томъ, что битвы давались со стороны австрійцевъ самымъ нелѣпымъ образомъ: они какъ будто нарочно заботились, чтобы войска ихъ являлись въ сраженіе изнуренныя голодомъ, не имѣли пищи для поддержанія своихъ силъ во время боя и чтобы непріятель имѣлъ полный, безпрепятственный просторъ совершить маневры, нужныя для раздробленія ихъ арміи,

для отрѣзанія корпусовъ, защищающихъ ключъ позиціи, отъ резервовъ. Это особенно хорошо видно изъ отчетовъ самихъ австрійцевъ и корреспондентовъ, находившихся при ихъ главной квартирѣ. Переведенныя нами письма корреспондента «Times'a», бывшаго въ главной квартирѣ союзниковъ, придаютъ ходу дѣлъ колоритъ совершенно вѣрный относительно результатовъ, какіе слѣдовали за каждымъ сраженіемъ; въ этомъ отношеніи, каждая битва дѣйствительно равнялась для союзниковъ полнѣйшей побѣдѣ. Но такой характеръ придавался ей только дѣйствіями австрійцевъ по ея окончаніи, то есть тѣмъ, что австрійцы шли потомъ очень далеко назадъ, какъ будто лишенные всякой возможности продолжать сопротивленіе. А сами по себѣ, битвы были вовсе не таковы: черезъ четверть часа по прекращеніи боя можно было сказать, что побѣда перейдетъ въ руки австрійцевъ, если только они захотятъ возобновить битву. Это видно, если вникнуть и въ подробности писемъ, помѣщенныхъ нами въ текстѣ, но совершенно ясно изъ писемъ тѣхъ корреспондентовъ, которые, находясь въ австрійской главной квартирѣ, ближе видѣли количество и расположеніе австрійскихъ силъ. Чтобы читатель могъ самъ провѣрить это впечатлѣніе, мы помѣщаемъ въ приложеніи отчетъ о битвѣ при Маджентѣ, составленный другимъ корреспондентомъ той же газеты «Times», находившимся въ главной квартирѣ австрійцевъ. Читатель увидитъ, какъ не далеки были отъ побѣды австрійцы въ этомъ сраженіи, оставшемся для нихъ равносильнымъ самому безнадежному пораженію.

Мы не говоримъ уже о томъ, какъ странны были диспозиціи австрійскихъ войскъ во всѣхъ битвахъ, какъ вообще неудачно выбиралось время для битвъ. Напримѣръ, при переходѣ союзниковъ черезъ Тичино, разсѣянные корпуса австрійской арміи могли сосредоточиться 5 іюня; но австрійцы дали битву 4 іюня, когда на поле битвы успѣло къ началу ея прійти лишь нѣсколько одинокихъ отрядовъ, потомъ одинъ за другимъ подходили опять одинокіе отряды, и французы постепенно били ихъ, одинъ за другимъ. Сраженіе при Сольферино было устроено такъ удачно, что цѣлые два корпуса пропадали Богъ знаетъ гдѣ во все время битвы. За сутки передъ тѣмъ, армія была сосредоточена, — вмѣсто того, чтобы ждать врага, отдыхая въ сосредоточенномъ положеніи, она была двинута ему на встрѣчу и раздробилась по разнымъ дорогамъ.

Эти странныя качества, выказывавшіяся австрійцами неизмѣнно во все продолженіе похода, во всѣхъ сраженіяхъ, не были какими нибудь случайными явленіями, зависѣвшими отъ временныхъ обстоятельствъ. Нѣтъ, причины всѣхъ недостатковъ, уничтожавшихъ всякую пользу отъ храбрости войска, лежатъ въ самой организаціи

австрійской арміи. Говоря о ея характерѣ, мы прежде всего приведемъ отрывокъ изъ того же самаго корреспондента «Times'а», письмами котораго уже такъ много пользовались.

«Никто изъ знавшихъ воюющія арміи не сомнѣвался въ превосходствѣ французскихъ и сардинскихъ войскъ надъ австрійскими и тогда, когда оно еще не было засвидѣтельствовано результатами сраженій. Племена, изъ которыхъ состоитъ австрійская армія, не уступаютъ французамъ и піэмонтцамъ физическою крѣпостью, и не разъ доказывали, что не уступаютъ имъ мужествомъ; но разница въ томъ, что французскія и сардинскія войска — національныя войска, а австрійская армія только произведеніе искусной военной организаціи. Французская или піэмонтская армія подобна цѣльному камню, вырѣзанному изъ сердца скалы, австрійская — груда кусковъ, плохо связанныхъ цементомъ.

«Надобно видѣть доказательство великаго таланта организированія у австрійскаго правительства въ томъ, что оно съумѣло хотя какъ нибудь связать въ одно цѣлое тѣ разнородные элементы, изъ которыхъ состоитъ его армія. Австрія обязана этимъ сословію своихъ офицеровъ, которое удивительно по чрезвычайной силѣ корпоративнаго духа. Австрійскій офицеръ, какого бы ни былъ онъ племени, прежде всего и болѣе всего — австрійскій офицеръ. На австрійскомъ офицерѣ черно-желтая кокарда составляетъ какъ будто талисманъ, подъ которымъ сглаживаются всѣ различія, подъ которымъ умираютъ всѣ чувства, кромѣ служебной обязанности быть вѣрнымъ императору. Никогда привязанность вассала къ феодальному сюзерену не превосходила преданности австрійскаго офицера императору, — она безгранична и готова на всякія пожертвованія.

«Объясненіемъ этого качества служитъ то, что австрійскій офицеръ, изъ какого бы класса онъ ни происходилъ, становится привилегированнымъ существомъ съ той минуты, какъ надѣваетъ эполеты. Онъ составляетъ часть отдѣльной корпораціи, и принадлежитъ къ могущественному въ государствѣ цѣлому. Онъ становится въ обществѣ равенъ дворянину, а въ государствѣ съ исключительно-аристократическими тенденціями это крѣпчайшія узы, какія только могутъ существовать. Сыновьямъ офицеровъ всячески облегчается удобство слѣдовать примѣру своихъ отцовъ, и потому ни въ какой странѣ нѣтъ такого множества военныхъ родовъ, какъ въ Австріи, — они считаютъ почти своимъ правомъ принадлежать къ арміи. Они пріобрѣтаютъ, можно сказать, особенную физіономію и ихъ легко узнаешь уже по виду.

«Преданнымъ классомъ офицеровъ австрійское правительство связываетъ разнородные элементы, составляющіе его армію. Чтобы увеличить разстояніе между офицеромъ и солдатомъ, чтобы не допустить въ солдатѣ родиться мысли, будто онъ можетъ что нибудь значить безъ офицера, принято за правило, какъ можно рѣже помѣщать офицера въ полки изъ людей одной націи съ нимъ. Такимъ образомъ солдатъ вдвойнѣ отдѣленъ отъ офицера: исключительнымъ положеніемъ офицера и его національностью. Въ этомъ заключается и главный источникъ слабости всей системы. Все идетъ превосходно, пока войско въ казармахъ и на плацъ-парадѣ, гдѣ солдатъ учится механически исполнять извѣстныя движенія при звукѣ извѣстныхъ словъ; но когда дѣло переходитъ на поле битвы, никакой примѣръ самоотверженія со стороны офицеровъ, никакая выучка не въ состояніи сдѣлать солдатъ одушевленными. Солдатъ чувствуетъ себя одинокимъ и безпомощнымъ, видя передъ собою людей, съ которыми связываетъ его только команда и наказаніе. Напрасно истощаетъ свои усилія офицеръ: онъ не можетъ одушевить безжизненную массу.

«Вотъ причина превосходства союзныхъ армій; оно останется за нами, пока нынѣшняя военная организація будетъ существовать въ Австріи. Теперь австрійскіе солдаты могутъ подъ гнетомъ дисциплины стоять на мѣстѣ, но никогда не могутъ поровняться съ союзниками въ бою.»

Намъ кажется, что тутъ есть только одна ошибка или скорѣе неточность выраженія: говоря о томъ, что разнородные элементы австрійской арміи соединяются въ одно цѣлое корпусомъ офицеровъ, который воодушевленъ совершенно особеннымъ духомъ, не имѣющимъ ничего общаго съ мыслями разноплеменныхъ народовъ Австрійской имперіи, писатель, которымъ мы пользуемся, представляетъ, какъ будто бы нѣчто дѣйствительно выгодное для арміи — этотъ странный духъ касты, уничтожающій въ австрійскихъ офицерахъ всякія чувства, кромѣ привязанности къ отвлеченному понятію знамени и мундира. Но изъ его же собственныхъ словъ мы видимъ далѣе, что дисциплинарнымъ духомъ касты уничтожается всякая энергія въ массѣ солдатъ: они исполняютъ маневры, они стоятъ на мѣстѣ, куда ихъ поставили, но они неспособны сражаться съ тѣмъ увлеченіемъ, безъ котораго невозможно устоять противъ непріятеля, одушевленнаго энтузіазмомъ. Вся организація австрійской арміи направлена только къ тому, чтобы выдрессировать солдатъ для механическаго исполненія начальственныхъ требованій. Какъ бы ни были храбры племена, составляющія такое войско, оно всегда будетъ

побѣждаемо непріятелемъ, солдаты котораго не мертвыя машины, а живыя существа.

Организація австрійской арміи, дѣлающая сословіе офицеровъ особенною привилегированною кастою, которая имѣетъ къ солдату только одно отношеніе — отдаваніе механическихъ приказаніе, наблюденіе за исполненіемъ формалистики, наказываніе за проступки противъ правилъ военной механики, эта организація служитъ примѣненіемъ къ военному быту того начала, на которомъ одномъ построено все государственное зданіе, которое одно пользуется привилегіею быть законнымъ основаніемъ и единственною рамкою гражданской жизни въ Австріи,—мы говоримъ о бюрократіи. Другія бюрократическія государства успѣли до нѣкоторой степени охранить отъ этого мертвящаго своего принципа покрайней мѣрѣ армію; они какъ будто понимали, что должны оставить нѣкоторый просторъ жизни, то есть нѣкоторый залогъ внутренней силы, хотя въ этомъ учрежденіи, служащемъ опорою ихъ мертвому формалистическому существованію. Въ Австріи, бюрократія не есть прихоть нелѣпаго произвола, размѣры которой могутъ по произволу ограничиваться тѣмъ же самымъ произволомъ; нѣтъ, бюрократія въ Австріи составляетъ дѣйствительную необходимость для поддержки государства, которое распалось бы отъ представленія простора внутренней жизни принадлежащаго ей разноплеменнаго населенія; потому австрійское правительство не въ силахъ устроить ни одной своей отрасли иначе, какъ по бюрократическому принципу, по началу мертвой формалистики, все подчиняющей холодному механизму, сосредоточивающей всю жизнь въ рукахъ чиновной касты, убивающей всякую индивидуальность, всякое развитіе личности, стало быть и живаго соображенія. Австрія не могла устроить и свою армію на болѣе живомъ основаніи, и безсиліе, которымъ такъ страшно отличалась ея громадная, превосходная со стороны формалистики армія, можетъ служить новымъ примѣромъ — если только нужны на это новые примѣры, — къ убѣжденію насъ въ томъ, что бюрократія приводитъ лишь къ одному результату: къ полнѣйшему внутреннему разслабленію того самаго механизма, которому приноситъ она въ жертву все.

Изъ бюрократическаго принципа, на которомъ основано устройство австрійской арміи, дѣйствительно происходитъ совершенное разстройство всѣхъ существенныхъ частей военнаго механизма ея подъ фальшивымъ лоскомъ наружной исправности. Мы возьмемъ въ примѣръ только одну сторону военнаго быта, продовольственную часть. На бумагѣ, государство въ изобиліи снабжаетъ солдата всѣмъ нужнымъ; на бумагѣ, все выдается ему своевременно, по-

всюду огромные запасы всего нужнаго. Что же оказывается на дѣлѣ? при огромныхъ запасахъ, солдаты въ каждое сраженіе являлись голодными. Мы уже приводили нѣсколько свидѣтельствъ тому. Представимъ еще одно подлинными словами очевидца, чтобы нельзя было подозрѣвать насъ въ преувеличеніи фактовъ. Вотъ что говоритъ одинъ изъ австрійскихъ офицеровъ о сраженіи при Маджентѣ:

«Если вы узнаете, что двѣ трети бывшихъ въ этомъ дѣлѣ солдатъ были очень утомлены длинными форсированными маршами, и не ѣли въ продолженіе 36 или даже 48 часовъ, то вы признаетесь, что мужество, съ которымъ они дрались, было изумительно.»

Да, мы совершенно согласны изумляться мужеству бѣднаго австрійскаго солдата, — то есть славянскаго, венгерскаго или нѣмецкаго простолюдина, который, будучи насильно одѣтъ въ австрійскій мундиръ, сражается самъ не знаетъ за что, сражается голодный, измученный, обворованный. Но мы думаемъ, послѣ приведенной нами выписки, что напрасны были всѣ предшествовавшіе подробные разсказы о войнѣ. Всю ее, со всѣми ея битвами, можно было разсказать въ двухъ словахъ: «союзники имѣли противъ себя несчастныхъ обворованныхъ, умирающихъ съ голоду солдатъ, которыхъ начальники воодушевляли къ битвѣ только страхомъ наказаній; не стоитъ и говорить о томъ, что такое войско было принуждено быстро покидать всѣ тѣ области, завоевать которыя находилась охота у союзниковъ.» Да, намъ нѣтъ надобности долго говорить о томъ, какъ и почему оказывается безплоднымъ геройское мужество забитаго машинальною дрессировкою и обворованнаго солдата,—это исторія хорошо извѣстная каждому.

Но мы не можемъ пропустить безъ вниманія еще одной черты австрійскаго веденія войны. Мы уже такъ часто указывали на нелѣпость всѣхъ стратегическихъ и тактическихъ австрійскихъ распоряженій въ нынѣшнемъ походѣ, что нѣтъ надобности перечислять здѣсь вновь эти нелѣпости; — да и какъ перечислять ихъ? Каждая битва представляется рядомъ ошибокъ отъ расположенія войскъ передъ началомъ ея и выбора минуты для ней до постыднаго отсутствія резервовъ въ рѣшительную минуту въ рѣшительномъ пунктѣ и тупоумнаго неумѣнья двинуть въ дѣло свѣжія войска, которыхъ оказывается потомъ огромное множество по окончаніи битвы. Думали сначала, что въ этомъ виноватъ былъ собственно Гіулай; мы сами, грѣшные люди, вѣрили, что онъ особенно плохъ. Но его удалили — и дѣло не пошло ни на волосъ лучше; значитъ, и другіе были не лучше Гіулая, то есть были тоже образцами совершеннѣйшей бездарности. Дѣйствительно, человѣкъ сколько нибудь даровитый составляетъ между австрійскими командирами странное исклю-

ченіе; онъ, можно сказать, неумѣстенъ, не соотвѣтствуетъ своей обстановкѣ сверху и снизу, потому на него косятся, да и онъ не въ состояніи сдѣлать ничего путнаго,—во первыхъ, не выпроситъ разрѣщенія сверху, во вторыхъ, не найдетъ порядочныхъ исполнителей въ непосредственныхъ своихъ помощникахъ. Разумѣется, эта бездарность командировъ также въ значительной степени производится бюрократическимъ порядкомъ. Человѣкъ состоитъ на бумагѣ въ извѣстномъ чинѣ, удовлетворяетъ на бумагѣ и на парадахъ формальнымъ условіямъ хорошаго офицера, постепенно повышается по заведенному бумажному порядку, и если онъ обладаетъ умѣньемъ пользоваться бюрократическими пружинами повышенія, есть притомъ у него деньжонки, собранныя соблюденіемъ строгой бумажной отчетности, да связишки, то почему же ему не дойти и до командованія корпусомъ или даже цѣлою арміею, когда Богъ продлилъ жизнь для выслуги числа лѣтъ, нужнаго для прохода по всѣмъ степенямъ бумажнаго производства въ чины? Благодаря этому бумажному порядку выслуги и повышеній, австрійская армія представила въ началѣ нынѣшняго похода фактъ, неимовѣрно милый: главнокомандующимъ ея былъ человѣкъ, никогда не бывавшій въ походахъ не только въ сраженіяхъ! Да, графъ Гіулай дослужился до главнокомандующаго, будучи знакомъ съ дѣйствительною военною службою столько же, какъ вы, читатель, знакомы съ кохинхинскимъ языкомъ.

Но бюрократія служитъ только однимъ источникомъ подобныхъ феноменовъ, являющихся командирами австрійскихъ бригадъ, корпусовъ и армій; другимъ источникомъ того же служитъ аристократія. Есть мнѣніе, будто бюрократія враждебна аристократіи; оно можетъ быть и основательно по какой нибудь идеальной теоріи того или другаго принципа; но въ дѣйствительности оба они уживаются вмѣстѣ превосходно, по правилу: рука руку моетъ. Такъ напримѣръ, нѣтъ государства, въ которомъ все такъ исключительно подведено было бы подъ бюрократію, какъ въ Австріи; съ тѣмъ вмѣстѣ нѣтъ государства, которому Австрія уступала бы своею аристократичностью. Не знаемъ, возможно ли такое примиреніе бюрократическаго устройства съ аристократическимъ по возвышеннымъ теоріямъ объ идеальномъ значеніи бюрократіи, но въ дѣйствительности оно существуетъ очень удобно, напримѣръ, въ Австріи, и основывается на слѣдующемъ очень простомъ правилѣ: каждый аристократъ, если угодно ему поступить на службу, имѣетъ по своему роду, родству и связямъ неотъемлемое право занять важную должность въ бюрократическомъ механизмѣ, и почти всѣ важныя должности заняты аристократами; а если какой нибудь человѣкъ незнат-

наго рода, благодаря своей ловкости, богатству или покровительству сильнаго аристократа, добьется до полученія важнаго мѣста въ бюрократическомъ механизмѣ, онъ уже имѣетъ право считаться полуаристократомъ, хотя бы не имѣлъ приличныхъ высшему кругу манеръ; если же имѣетъ ихъ — хорошо говоритъ по французски, и т. д., — то онъ уже считается почти настоящимъ аристократомъ, а дѣти его во всякомъ случаѣ уже истинные аристократы. Такому порядку дѣлъ подчинена и армія. Командиры корпусовъ ея, какъ видимъ, князь Лихтенштейнъ, князь Шварценбергъ и т. д. — Это наслѣдственные полководцы. О ихъ способности для командованія войсками нечего спрашивать: отрицать ее значило бы, по австрійскимъ понятіямъ, отрицать наслѣдство, быть врагомъ общественнаго спокойствія, человѣкомъ достойнымъ Шпильберга.

Таковы-то причины безсилія австрійской арміи: онѣ выше всякой случайности лицъ и обстоятельствъ, онѣ лежатъ въ самомъ устройствѣ государственнаго организма, — въ бюрократическо-аристократическомъ характерѣ всего управленія. Онѣ выше даже побѣдъ и пораженій: трудно побѣдить австрійскому войску, но если бы оно и одержало какую нибудь побѣду, отъ этого нимало не перемѣнился бы ходъ войны: солдаты и послѣ побѣды все-таки остались бы тѣ же солдаты, изнуренные необдуманными маршами, забитые муштрованіемъ, голодные, безсильные поддержать борьбу на завтра; командиры остались бы тѣ же бездарные люди, неумѣющіе ничѣмъ распорядиться, неспособные воспользоваться побѣдою, случайно имъ доставшеюся, какъ постоянно не умѣютъ пользоваться никакими благопріятными обстоятельствами. Подъ Маджентою французы были скорѣе побѣжденными, нежели побѣдителями, а все-таки черезъ четыре дня вступили въ Миланъ; и если бы они были разбиты при Сольферино, все-таки черезъ недѣлю осадили бы они Мантую и Пескьеру.

Но мало того, что австрійская армія была безсильна выдерживать борьбу по характеру своей организаціи: уже развивались внутри Австрійской имперіи факты, которые уничтожили бы эту армію безъ усилій со стороны французовъ; уже раскрывались бездны, которыя поглотили бы всю эту массу и истощили бы всѣ источники для ея возсозданія. Намъ нечего распространяться о глубокомъ страшномъ негодованіи на австрійскія притѣсненія во всѣхъ славянскихъ областяхъ имперіи: онѣ всѣ ждутъ только первой возможности, чтобы своими возстаніями разрушить весь составъ нынѣшней Австрійской имперіи и создать на ея мѣстѣ нѣчто совершенно новое, непохожее на Австрію, которая Прагѣ и Загребу столь же ненавистна, какъ Милану. Въ 1848 году австрійское правительство спаслось

враждою между славянами и венграми: теперь едва ли повторилась бы со стороны венгровъ ошибка, возстановившая противъ нихъ славянъ, и со стороны славянъ ошибка, предавшая ихъ движенie въ руки австрiйцевъ. Уже въ концѣ венгерской войны венгры хлопотали о примиренiи съ славянами, предлагали имъ условiя, которыми они могли совершенно удовлетвориться. Уже тогда было время, что въ Прагѣ ждали появленiя венгерскихъ войскъ съ восторгомъ. Можно полагать, что съ того времени десятилѣтнiй тяжелый опытъ развилъ понятie о необходимости взаимнаго согласiя для преодолѣнiя врага, который равно безпощаденъ оказался и къ обманутымъ славянамъ, ему предавшимся, и къ побѣжденнымъ венграмъ. Но все равно, успѣли ли бы славяне и венгры поладить между собою,—этотъ вопросъ важенъ только для исхода ихъ собственныхъ дѣлъ, а не для судьбы австрiйской армiи въ Италiи: въ согласiи между собою или нѣтъ возстали бы славяне и венгры,—все равно, они возстали бы противъ вѣнскаго правительства, все равно оно должно было бы обратить свои войска на борьбу съ ними, и все равно солдаты этихъ войскъ разошлись бы изъ-подъ австрiйскихъ знаменъ каждый подъ свое родное знамя. Это время было уже очень близко: Венгрiя уже начинала волноваться, уже со дня на день ждала Кошута, у котораго уже былъ готовъ легiонъ венгерскихъ волонтеровъ, — еще двѣ-три недѣли, и Венгрiя охватывалась возстанiемъ, и за нею не замедлили бы послѣдовать тѣмъ же путемъ славянскiя области. Въ газетахъ было напечатано письмо какого-то венгерца, увѣряющаго, что возстановленie старинной конституцiи, существовавшей до 1848 года, удовлетворило бы Венгрiю, и что Кошутъ вовсе не любимецъ венгерскаго народа. Другie говорили, что венгерскiе поселяне вовсе не имѣютъ ненависти къ Австрiи. Авторы такихъ смѣлыхъ свидѣтельствъ о смиренiи и миролюбiи венгровъ достойны удивленiя современниковъ и потомства за наглость, съ какою утверждаютъ невозможную небывальщину. Такie факты, какъ возстанie 1848 года, славныя побѣды надъ австрiйцами, свирѣпыя казни, слѣдовавшiя за подавленiемъ возстанiя, — такie факты не забываются народомъ не только въ десять, не забываются и въ пятьдесятъ лѣтъ. Если вы хотите судить о томъ, какую встрѣчу нашелъ бы Кошутъ между соотечественниками, можете предугадывать это по восторгу, съ которымъ встрѣчали его даже чужеземцы. Вся Францiя готовилась привѣтствовать его такъ, чтобы отъ границы до границы ея путь венгерскаго правителя былъ непрерывнымъ трiумфальнымъ шествiемъ. Разумѣется, этого не дозволили. Но вотъ народный трибунъ Венгрiи достигъ Италiи, гдѣ, по недавности своего пребыванiя, французскiе освободители еще не успѣли довести

надзоръ за общественнымъ порядкомъ до того образцоваго совершенства, какъ во Франціи, — вотъ Кошутъ явился въ Италіи, и хотитс знать, какъ онъ былъ встрѣченъ? Мы только переведемъ разсказъ «холоднаго» англичанина изъ Weekly Times, да и то пропуская самыя яркія мѣста.

«Съ той минуты (говоритъ англійская газета), какъ нога Кошута ступила на итальянскую землю, его встрѣчаетъ восторгъ и торжество повсюду, гдѣ онъ ни является. По всей дорогѣ, на каждой станціи, толпы итальянцевъ собирались привѣтствовать его. Разъ встрѣтился ему конвой венгерцевъ, взятыхъ въ плѣнъ; —узнавши великаго вождя своей родины, они привѣтствоваеи его виватами, eljen, eljen. Въ другомъ мѣстѣ пробился свозь толпу раненый италіанецъ: въ 1848 году онъ принадлежалъ къ итальянскому легіону Монти въ Венгріи и хотѣлъ выразить свой восторгъ, что видитъ знамена Италіи и Венгріи снова соединенными. Въ Астѣ самъ военный комендантъ былъ предводителемъ толпы, привѣтствовавшей Кошуша восторженными криками. Въ Алессандріи Кошутъ долженъ былъ произнести итальянскую рѣчь собравшемуся народу. Послѣ двухъ долгихъ свиданій съ Кавуромъ въ Туринѣ, венгерскій изгнанникъ отправился съ повѣреннымъ другомъ сардинскаго министра въ Парму, главную квартиру принца Наполеона. До самой Страделлы, гдѣ кончается желѣзная дорога, повторялись тѣже сцены энтузіазма, какъ по дорогѣ до Турина. Но за Страделлою итальянцы, разумѣется, потеряли слѣдъ Кошута. Прибывши вечеромъ въ Піаченцу, онъ успѣлъ спокойно проѣхать въ отель, не будучи узнанъ. Но во время завтрака служитель принесъ книгу, гдѣ останавливающіеся въ гостинницѣ записываютъ свои имена, и, увидѣвъ имя «Кошутъ», бросился изъ комнаты, какъ сумасшедшій. Не прошло пяти минутъ, и всѣ 30,000 жителей Піаченцы знали, кто ихъ гость, и какъ будто по звуку набата сбѣжались подъ его окна съ восторженнѣйшими криками «evviva». Подеста (мэръ) города со всѣмъ муниципальнымъ начальствомъ явился въ его комнату съ привѣтствіями и предложеніями услугъ.

«Парма была празднично разукрашена въ ожиданіи пріѣзда принца Наполеона. Спутникъ Кошута былъ узнанъ однимъ итальянцемъ, стоявшимъ передъ отелью; онъ спросилъ его: «Это графъ Кавуръ?» —«Нѣтъ», отвѣчалъ Кошутъ, —вдругъ глаза итальянца засверкали, и онъ закричалъ: «Кошутъ! evviva Кошутъ!» Въ нѣсколько минутъ весь городъ взволновался отъ этой вѣсти; толпы собрались передъ отелемъ; посѣтители наводнили комнату, и почетный караулъ былъ поставленъ у дверей.»

Кто имѣетъ хотя нѣкоторое понятіе о венгерскихъ событіяхъ 1848—1849 года и тяготѣющей съ тѣхъ поръ надъ Венгріею реакціи, тотъ не можетъ сомнѣваться, что появленіе Кошута хотя бы только съ нѣсколькими стами человѣкъ на границѣ Венгріи должно было стать сигналомъ общаго поголовнаго возстанія между мадярами,—такого возстанія, сладить съ которымъ едва ли могло бы австрійское правительство и при полной безопасности за всѣ другія провинціи. А, повторяемъ, славянскія области имѣютъ слишкомъ основательныя причины питать къ австрійскому правительству тѣже самыя чувства, какъ мадяры, и не замедлили бы послѣдовать ихъ примѣры. Но что говорить о славянахъ и мадярахъ, когда даже нѣмецкія области смотрятъ на австрійское правительство, какъ на врага, которому не могутъ желать побѣды? Если читатель не вѣритъ этому, пусть онъ прочтетъ слѣдующій отрывокъ изъ письма, присланнаго въ Times ея вѣнскимъ корреспондентомъ отъ 25 іюня.

«Жители Вѣны ожидаютъ, что австрійская армія одержитъ преимущество надъ союзниками, но очень многіе изъ нихъ думаютъ, что дурно бы было для государства, если бы она одержала рѣшительную побѣду. Если французы будутъ разбиты, высокомѣріе австрійскаго правительства, конечно, станетъ еще больше, нежели каково было до начала войны, и оно опять станетъ пренебрегать общественнымъ мнѣніемъ. Теперь, когда правительство терпитъ несчастье, всѣ члены его сознаются, что нынѣшняя система не хороша; но опытъ доказалъ, что языкъ огромнаго большинства австрійскихъ сановниковъ измѣняется съ обстоятельствами. Состояніе общественнаго мнѣнія почти по всѣхъ провинціяхъ очень дурно и должно остаться такимъ, потому что не сдѣлано никакихъ улучшеній для удовлетворенія ему. По письмамъ изъ Тироля, мы знаемъ, что сильное неудовольствіе господствуетъ въ этой вѣрнѣйшей изъ австрійскихъ земель, и что народъ не показываетъ ни малѣйшаго желанія браться за оружіе для защиты страны.»

Въ Западной Европѣ покажется ненатуральнымъ и невѣроятнымъ, чтобы даже австрійскіе нѣмцы считали несчастіемъ для государства тотъ случай, когда ихъ правительство одержало бы побѣду, и надѣялись добра только отъ пораженій своей арміи. Но мы совершенно понимаемъ это чувство.

Итакъ, вотъ каково было положеніе вещей около 5 іюня новаго стиля: австрійская армія въ Италіи была такъ сокрушена ужасными битвами, а еще больше голодомъ, которому подвергала ее безпорядочность администраціи, и безнадежностью, въ которую повергалась она бездарностью и безтолковостью команды, — она была такъ разслаблена этими бѣдствіями, что неспособна была дер-

жаться противъ непріятеля въ открытомъ полѣ, и могла надѣяться нѣсколько замедлить его наступленіе, только оставаясь подъ прикрытіемъ знаменитыхъ австрійскихъ крѣпостей. Но нелѣпость команды отдала въ руки врагу центръ четыреугольника, и была уже разорвана всякая связь крѣпостей, составлявшая главный источникъ ихъ силы, и австрійская армія была оттѣснена изъ крѣпкой позиціи между крѣпостями за восточную границу ихъ. Такимъ образомъ, Мантуя осталась окружена союзниками, стала безсильнымъ болотнымъ убѣжищемъ гарнизона, который принужденъ былъ бездѣйственно ждать времени, когда зараза и голодъ принудятъ его сдаться спокойно стерегущему его врагу; Пескьера и Леньяно оказывались слабы противъ новой страшной артиллеріи, противъ которой не была разсчитана система ихъ укрѣпленій. Остановкою для союзниковъ оставалась только одна Верона, да и та не могла долго противиться нарѣзнымъ орудіямъ, тѣмъ болѣе, что лишившись одного источника своей силы — связи съ Мантуею и Пескьерою, она должна была черезъ какую нибудь недѣлю лишиться и другаго источника грозности — французы готовились подойти къ ней съ востока и отрѣзать ее отъ сообщеній съ внутреннею Австріею. Скорое паденіе Вероны не подлежало сомнѣнію, и австрійская армія близко уже видѣла необходимость идти за итальянскую границу. Австрійское правительство было безсильно бороться съ однимъ врагомъ, а теперь предстояло ей имѣть другихъ враговъ еще болѣе страшныхъ; — венгры готовились возстать, славяне послѣдовать ихъ примѣру, — ихъ соотечественники въ австрійской арміи ждали только перваго случая сорвать австрійское знамя въ своихъ полкахъ, замѣнить его своимъ національнымъ знаменемъ и присоединиться къ своимъ возставшимъ соотечественникамъ для низверженія австрійской тиранніи. Да, еще нѣсколько недѣль, и австрійская армія не только очистила бы Италію, — она не существовала бы, распалась бы на свои составныя части, изъ которыхъ каждая столь же враждебна австрійскому игу, какъ ломбардцы и венеціане. И не оставалось бы у австрійскихъ притѣснителей нигдѣ опоры, — ни даже въ нѣмецкихъ провинціяхъ ихъ имперіи, потому что самая Вѣна ждала облегченія своей судьбы отъ несчастій, постигающихъ австрійское правительство.

Да, правы были благородные довѣрчивые люди, предсказывавшіе, что нынѣшняя война должна привести угнетенныя національности австрійской имперіи къ освобожденію отъ тяжелаго, ненавистнаго ига, должна имѣть своимъ результатомъ распаденіе Автріи. Скорѣе, нежели могли надѣяться самые пылкіе изъ нихъ, дошла война до этого фазиса: черезъ два мѣсяца по открытіи военныхъ дѣй-

ствій настала уже минута кризиса, и союзникамъ не нужно было никакихъ новыхъ усилій, — имъ нужно было только простоять еще мѣсяцъ, много полтора мѣсяца, простоять это недолгое время хотя бы сложа руки, и австрійская армія исчезала, и освобождалась нетолько Италія,—освобождалась и Венгрія, и всѣ австрійскія провинціи.

Но именно въ эту минуту и былъ заключенъ миръ. Воля, отъ которой требовалось не какое нибудь новое усиліе, не какія нибудь новыя жертвы, требовалось только бездѣйственное согласіе, чтобы освободились десятки милліоновъ людей, — она поспѣшила остановить погибель угнетенія и спасла Австрію отъ разрушенія. Она такъ спѣшила спасти уничтожавшагося врага, что дала ему условія мира, неудовлетворявшія собственнымъ увѣреніямъ этой воли о цѣляхъ войны, не соотвѣтствовавшія великости пріобрѣтеннаго превосходства надъ врагомъ.

Миръ состоялся такъ быстро, что намъ не было и времени поговорить о близости его и представить читателю еще новый примѣръ той, къ сожалѣнію, слишкомъ легкой способности предугадывать неизбѣжное, которая почерпается изъ невысокаго мнѣнія о людяхъ и принципахъ, давно оказавшихся недостойными довѣрія и сочувствія, — этой предусмотрительности, которой мы, — пусть проститъ намъ читатель, — несмотря на ея чрезвычайную легкость, мы гордились съ какимъ-то негодующимъ самодовольствомъ, потому что видимъ, какъ люди, быть можетъ превосходящіе насъ умомъ и знаніемъ и всѣми лестными качествами, оказываются лишены этой, можно сказать, пошлой способности — предвидѣть, чѣмъ кончится дѣло, выставляющее себя прекраснымъ и благимъ, и постоянно оказываются обманутыми въ своей благородной довѣрчивости, между тѣмъ какъ мы съ насмѣшкою, въ которой слышатся стоны, имѣемъ право говорить имъ: вотъ, вы не изволили соглашаться съ нами, а теперь видите, вышло точно такъ, какъ мы предрекали съ самаго начала.

Да, жаль, что миръ не повременилъ хотя бы недѣли, — мы уже набирали громадную массу доказательствъ въ дополненіе къ прежнимъ нашимъ словамъ о томъ, чѣмъ кончится эта война. Кому только угодно было не закрывать глазъ, тотъ могъ видѣть съ каждымъ днемъ больше и больше фактовъ, показывавшихъ, каковы будутъ условія мира. Уже давно было извѣстно, что сардинскій король и его министръ находятся въ немилости у своего союзника за то, что обнаруживаютъ наклонность понимать цѣль войны нѣсколько серьёзнѣе, нежели онъ, и принимать мѣры къ дѣйствительному освобожденію Италіи отъ австрійцевъ; уже давно стало ясно,

что сбылись опасенія, по которымъ мы предполагали въ прошломъ мѣсяцѣ, что графъ Кавуръ началъ видѣть себя обманутымъ и сталъ раскаяваться; уже давно было ясно, что сардинское правительство принуждено повиноваться политикѣ, исполнять распоряженія, служить планамъ, которые противны его собственнымъ желаніямъ. Теперь мы считаемъ уже напраснымъ перечислять эти признаки, указывавшіе исходъ войны, потому что совершился тотъ роковой фактъ, приближеніе котораго они предвѣщали. Займемся исключительно имъ, этимъ миромъ, по которому Италія, не освобождаясь отъ австрійцевъ, подчиняется еще новому игу, французскому, и по которому уничтожается самостоятельность единственнаго государства, которое пользовалось въ Италіи самостоятельностью и свободою.

Зачѣмъ заключенъ миръ? О, Боже мой, прокламація императора французовъ передъ началомъ войны, эта прокламація, на которой довѣрчивымъ людямъ угодно было основывать свою вѣру въ освобожденіе Италіи, уже указывала причину, по которой не можетъ быть допущено изгнаніе австрійцевъ изъ Италіи: «Мы идемъ въ Италію (говорила прокламація, объявлявшая о войнѣ съ Австріею) не покровительствовать безпорядкамъ, не колебать престолъ папы.» Мы тогда же говорили, какой выводъ указывается этими словами. Скоро явились факты, подтверждавшіе заключеніе, и безъ того, впрочемъ, слишкомъ ясное. Когда Жюль-Фавръ спрашивалъ, будутъ ли возстановлены великій герцогъ тосканскій и герцогиня пармская,—его вопросъ оставленъ былъ безъ отвѣта, хотя онъ говорилъ, что неполученіе отвѣта онъ сочтетъ равносильнымъ подтвержденію его опасеній за характеръ войны. Потомъ въ оффиціальныхъ газетахъ явились статьи, говорившія, что война, которую Франція ведетъ съ Австріей, не имѣетъ ничего общаго съ революціонными движеніями, какія обнаруживаются въ разныхъ областяхъ Италіи, незанятыхъ французскими войсками, что Франція вездѣ, гдѣ только можетъ, препятствуетъ такимъ безпорядкамъ. Эти слова не имѣли бы особеннаго вѣса, если бы не подтверждались фактами; но французское правительство дѣйствительно вездѣ, гдѣ имѣло войска, поддерживало такую же образцовую тишину, какъ австрійцы въ занятыхъ ими областяхъ. Лучшимъ примѣромъ тому служатъ образъ дѣйствій генерала Гойона въ Римѣ. Мы уже говорили объ этомъ. Вотъ еще новый случай того же рода, — онъ произошелъ, когда римляне хотѣли поздравить французовъ съ побѣдою при Сольферино. Переводимъ изъ «Times'а:»

«Каждое воскресенье римская молодежь собирается у дверей церкви S. Luigi del Francesi, и ставши въ два ряда, съ поклонами и другими молчаливыми знаками симпатіи провожаетъ генерала Гойона

до его коляски послѣ военной миссы. Въ субботу (25 іюня) депутація этихъ молодыхъ людей явилась къ генералу предупредить его, что завтра собраніе будетъ многочисленнѣе обыкновеннаго и что онъ не долженъ удивляться, если демонстрація будетъ сопровождаться криками «viva l'Italia, viva l'imperatore del Francesi e Vittorio Emmanuele!» и если даже будутъ развѣваться итальянскія знамена. «Господа, сказалъ генералъ, если такъ, мы выходимъ за границы мирной демонстраціи. Я не могу допустить этого, — я долженъ запретить это, и предупрежу это во что бы то ни стало.» На слѣдующее утро генералъ Гойонъ наполнилъ площадь передъ церковью огромнымъ количествомъ войска, загородилъ горожанамъ всѣ входы на площадь и, садясь въ карету, тихо сказалъ своимъ офицерамъ: «Мы въ Римѣ среди трехъ партій: первая состоитъ изъ честныхъ либераловъ, которые убѣждены, что Франція хочетъ добра этой странѣ — ихъ мы должны любить; вторая партія — приверженцы Австріи; ихъ, пока они остаются въ справедливыхъ границахъ мнѣнія, которое свободно, мы должны уважать; третья партія состоитъ изъ мацциниcтовъ — ихъ должно задавить, il faut écraser», — и пожавъ руки полковникамъ и другимъ штабнымъ офицерамъ, генералъ уѣхалъ съ площади.»

Поддерживая безмятежную тишину въ занятыхъ ими мѣстахъ, французы старались по возможности удержать отъ возстаній и всѣ другія части Италіи, а гдѣ, несмотря на ихъ старанія, населеніе возставало, они устроивали такъ, что жители лишались возможности организовать военную силу для борьбы съ австрійцами. Мы уже говорили въ прошлый разъ, что главной заботою французской политики было воспрепятствовать образованію самостоятельныхъ итальянскихъ войскъ, которыя помѣшали бы императору французовъ остановить войну, когда ему будетъ угодно, и помириться съ австрійцами, на какихъ будетъ ему угодно условіяхъ. Въ этомъ отношеніи усилія французовъ увѣнчались самымъ блистательнымъ успѣхомъ. Тосканскія войска, напримѣръ, совершенно были лишены возможности видѣть врага и были доведены до разслабленія преднамѣренною деморализаціею. Въ другихъ областяхъ не дано было и устроиться военной силѣ. Одному только Гарибальди не успѣли помѣшать составить отрядъ волонтеровъ, да то единственно оттого, что отрядъ былъ уже готовъ, когда французы явились въ Италію. За то отняты были у этого отряда средства усиливаться, и способъ къ тому нашелся самый простой: волонтеровъ оставили безъ оружія. Такимъ образомъ волонтеры Гарибальди могли только удивлять Европу отважностью своихъ подвиговъ, но не могли усилиться на столько, чтобы Италія имѣла черезъ нихъ хотя какой нибудь голосъ при рѣшеніи своей

судьбы. Мы не можемъ теперь и говорить здѣсь объ этомъ отрядѣ, оставшемся безъ всякаго вліянія на ходъ событій, — но вѣроятно читатели сочувствуютъ этимъ героямъ и хотѣли бы знать о нихъ, какъ можно больше; потому помѣщаемъ въ приложеніи письмо одного изъ волонтеровъ, помѣщенное въ Pensiero ed Azione — оно имѣетъ совершенно оригинальный характеръ, напоминающій народныя эпопеи, гомеровы рапсодіи, сербскія пѣсни: этотъ отрядъ—не безразличная толпа людей, слитыхъ въ одну бездушную боевую машину,—нѣтъ, каждый боецъ имѣетъ имя, извѣстное и дорогое его соотечественникамъ, каждый знаменитъ своими подвигами, каждый долженъ въ благодарной памяти многихъ составлять предметъ гордости своего роднаго города или села. Посмотрите, какое тутъ множество людей, дѣйствительно замѣчательныхъ: знаменитые ученые, отличные медики, адвокаты, богатые купцы — всѣ они стали въ ряды простыми солдатами. Отрядъ героевъ и людей честныхъ, ты одинъ могъ бы служить вѣрною надеждою родины, но за то тебя и оставили не имѣющимъ ни палатокъ, ни плащей, не дали тебѣ оружія, отняли у тебя средства усилиться, выдали тебя безпомощнымъ врагу — ты побѣдилъ его, прославилъ себя и Италію, и не твоя была вина, если ты не успѣлъ спасти свою родину.

Дивная энергія, выказанная волонтерами Гарибальди, была выраженіемъ народныхъ силъ Италіи. Несмотря на всѣ страшныя препятствія и отъ враговъ и отъ союзниковъ, итальянцы начинали выступать на сцену дѣйствія. Въ Тосканѣ, въ Пармѣ, въ Моденѣ національная партія, требующая единства, начинала торжествовать надъ интригами, устроенными за тѣмъ, чтобы эти земли, по окончаніи войны, могли быть возвращены къ прежнему положенію. Въ римскихъ областяхъ одинъ городъ за другимъ вооружался на защиту національнаго дѣла. Перуджія пострадала за него, но по всей Италіи пронесся крикъ мести, и жители Болоньи, Анконы, Феррары готовились наказать злодѣевъ, виновныхъ въ гибели Перуджіи. Подходило время, когда уже невозможно было бы остановить развитіе народныхъ силъ Италіи. Потому то и поспѣшили заключеніемъ мира.

Читатель знаетъ, какъ онъ былъ заключенъ. Среди побѣдъ, при несомнѣнной увѣренности въ легкомъ изгнаніи австрійцевъ изъ Италіи, императоръ французовъ предложилъ австрійскому императору перемиріе, съ тѣмъ вмѣстѣ предлагая ему условія мира гораздо болѣе выгодныя, нежели какъ могъ ожидать Францъ Іосифъ. Разумѣется, предложеніе было принято съ благодарностью, и тогда Наполеонъ пригласилъ Франца Іосифа пріѣхать на личное свиданіе съ нимъ для порѣшенія вопроса объ окончательномъ мирѣ. 11 іюля (29 ію-

ня) на этомъ свиданіи, безъ всякаго участія сардинскаго короля или его министровъ, былъ заключенъ миръ. Читатель знаетъ его условія: Австрія сохраняетъ Венецію и крѣпости на Минчіо и Адидже; но уступаетъ Ломбардію Франціи, которая передаетъ ее по своей милости во владѣніе сардинскому королю. Такимъ образомъ Сардинія получаетъ увеличеніе владѣній въ такой формѣ, которая уже сама по себѣ ясно указываетъ, что отнынѣ сардинскій король долженъ быть вассаломъ Наполеона III. Кавуръ, видя всѣ свои планы разрушенными, вышелъ въ отставку, и тѣмъ окончательно разъяснилось значеніе мира для людей, все еще не хотѣвшихъ разстаться съ мечтами. Во всей остальной Италіи все должно остаться по старому, какъ было до войны, и гдѣ произведены были «безпорядки», напримѣръ, въ Тосканѣ, Пармѣ и Моденѣ, тамъ возстановляется законный порядокъ, нарушившійся во время войны. Мы говоримъ, что все должно остаться по старому; конечно, въ условіяхъ мира есть фразы объ учрежденіи итальянской федераціи, также и о внутреннихъ реформахъ. Но состоится ли итальянская федерація на дѣлѣ, или останется только «желаніемъ высокихъ примирившихся державъ» это еще неизвѣстно, а если состоится она, то будетъ служить только органомъ для французскаго и австрійскаго господства надъ итальянскими государствами. Что же касается до внутреннихъ реформъ, то десятилѣтнее владычество французовъ въ Римѣ и ходъ дѣлъ въ Неаполѣ, находящемся нынѣ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Франціею, должны служить ручательствомъ за то, что Франція не станетъ принуждать папу и неаполитанское правительство къ произведенію реформъ, а будетъ спокойно ждать, пока они добровольно проникнутся стремленіемъ къ реформированію, а сама до той поры будетъ ограничиваться только выраженіемъ «желаній», которыя, впрочемъ, выражены Наполеономъ III еще въ 1849 году въ знаменитомъ письмѣ его. Къ сожалѣнію, они вотъ уже десять лѣтъ остаются «желаніями», хотя французы всѣ эти десять лѣтъ господствовали въ Римѣ.

Впрочемъ, устройство итальянской конфедераціи и внутреннія реформы — не болѣе какъ второстепенныя подробности, опредѣленіе которыхъ будетъ идти обыкновеннымъ дипломатическимъ порядкомъ; стало быть намъ представится еще много случаевъ разсуждать объ этихъ прекрасныхъ вещахъ, осуществленіе которыхъ теперь несомнѣнно, благодаря столь поспѣшно заключенному между Франціею и Австріею миру.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

А. БИТВА ПРИ МАДЖЕНТѢ ПО РАЗСКАЗУ КОРРЕСПОНДЕНТА TIMES'А, НАХОДЯЩАГОСЯ ПРИ АВСТРІЙСКОЙ ГЛАВНОЙ КВАРТИРѢ.

Бинаско, 5 іюня.

«Услышавъ вчера въ Маджентѣ перестрѣлку между аванпостами, я никакъ не думалъ, что буду свидѣтелемъ одной изъ упорнѣйшихъ битвъ нашего столѣтія: я зналъ, что австрійцы слишкомъ утомлены, такъ что не захотятъ нападать, а что французы имѣютъ уже достаточныя силы для нападенія, я вовсе не зналъ. А между тѣмъ, наканунѣ они овладѣли широкимъ каменнымъ мостомъ черезъ Тичино, между Санъ-Мартино и Буффалорою, который остался почти неповрежденъ отъ минъ, взорванныхъ въ немъ австрійцами, и навели кромѣ того два понтонныхъ моста, такъ что могли вчера по утру собрать на восточной сторонѣ рѣки до 60,000 пѣхоты и большую массу артиллеріи; съ этими силами поспѣшили они напасть на утомленныхъ и раздробленныхъ австрійцевъ. Тѣмъ менѣе колебались они напасть, что имѣли большіе резервы въ Трекате, часахъ въ двухъ пути отъ поля битвы. Австрійскіе корпуса были на нѣсколько часовъ задержаны въ своемъ движеніи къ назначеннымъ позиціямъ совѣщаніемъ между графомъ Гіулаемъ и генераломъ Гессомъ, и потому не дошли до опредѣленныхъ имъ мѣстъ. Такимъ образомъ, три бригады корпуса Клама и три бригады корпуса Лихтенштейна были единственными войсками, дѣйствительно сосредоточенными для сопротивленія французамъ, шедшимъ отъ Турбиго и Трекате. Они стояли въ Буффалорѣ и Маджентѣ. Корпусъ Цобеля (четыре бригады) былъ въ Кастеллотто, близь Аббіате Грассо, корпусъ Шварценберга—въ Аббіате Грассо, а Стадіона (пять бригадъ) въ Фаллавеккіа Бенедекъ былъ такъ далеко, что его нельзя брать и въ разсчетъ, а

Урбанъ, стоявшій въ Каларате, не былъ призванъ въ битву. Одинъ только корпусъ Цобеля двинулся вчера до начала битвы; онъ шелъ на Корбетту. Генералъ Кламъ не могъ знать, что мина, подложенная подъ мостомъ, совершенно не подѣйствовала: еслибъ онъ зналъ это, онъ огородился бы окопами и укрѣпился бы другими способами въ Буффалорѣ и разрушилъ бы мосты черезъ большой каналъ, проходящій мимо этого села, почти параллельно Тичино. Этихъ мостовъ пять: 1) у Бернаты, 2) у Буффалоры, 3) на шоссе изъ Милана въ Новару, 4) на желѣзной дорогѣ, 5) старый мостъ у деревни, которая называется *Ponte di Magenta*. Эти мосты были чрезвычайно полезны для французовъ. Ниже по каналу былъ еще одинъ мостъ у Робекко, оказавшійся полезнымъ для австрійцевъ.

«Битва началась въ 11 часовъ тѣмъ, что французы взяли Буффалору, четыре первые моста изъ перечисленныхъ мною и деревню *Ponte di Magenta*, въ которой тотчасъ же окопались. Немедленно послѣ того они двинулись далѣе, къ Мадлжентѣ, потому что австрійцы поставили батарею у станціи желѣзной дороги, зная, что главнымъ предметомъ усилій непріятеля будетъ овладѣть желѣзною дорогою, и французы были отбиты съ большимъ урономъ отъ Мадженты. Отрядъ корпуса Клама, въ 6 или 7 тысячъ человѣкъ, былъ оттѣсненъ ими къ сѣверу отъ Буффалоры и почти отрѣзанъ, но генералъ-майоръ Лебцельтернъ пришелъ изъ Корбетты съ своею бригадою (корпуса Цобеля) и отбилъ у французовъ Буффалору съ ближайшимъ къ ней мостомъ. Самъ Лебцельтернъ сошелъ съ лошади, лично водилъ свои войска въ атаку и былъ тяжело раненъ. Графъ Гіулай пріѣхалъ въ Мадженту въ ту самую минуту, какъ вносили туда Лебцельтерна. «*Es lebe der Kaiser*! сказалъ раненый генералъ: рапортую вашему высокопревосходительству, что моя бригада отбила Буффалору, но не можетъ удержаться въ ней, если не будетъ подкрѣплена. Я немного оцарапанъ», прибавилъ онъ, падая въ обморокѣ на землю.

«Но подкрѣпленій готовыхъ не было: генералъ-лейтенантъ Рейбахъ посланъ былъ атаковать *Ponte di Magenta* со всѣми войсками, какія нашлись въ Мадлжентѣ, одна изъ дивизій корпуса Цобеля была оставлена въ Корбеттѣ охранять путь отступленія на случай несчастія; одна изъ бригадъ корпуса Лихтенштейна (бригада генералъ-маіора Кинцеля съ итальянскимъ пѣхотнымъ полкомъ эрцгерцога Сигизмунда) была должна занимать Робекко, за мостомъ,—на этомъ пунктѣ ожидали черезъ часъ или два увидѣть корпусъ Шварценберга, которому уже послали приказаніе двинуться изъ Аббіате Грассо.

«Графъ Гіулай послалъ одного изъ своихъ любимыхъ адъютантовъ, молодаго англичанина Невилля, просить князя Шварценберга пріѣхать къ нему, и самъ съ своимъ штабомъ поѣхалъ въ Робекко ждать его. Едва онъ въѣхалъ въ деревню, какъ прискакалъ офицеръ и поднесъ ему пушечный патронъ изъ зарядваго ящика, взятаго въ *Ponte di Magenta* генераломъ Рейбахомъ, вмѣстѣ съ нарѣзною французскою пушкою; онъ рапортовалъ, что *Ponte di Magenta* отбита у непріятеля, но бѣд-

ный Рейбахъ, самъ водившій свою пѣхоту въ атаку, тяжело раненъ. Шварценбергъ еще не прибылъ, но Гіулай послалъ полкъ эрцгерцога Сигизмунда по западной сторонѣ канала напасть на французовъ во флангъ между *Ponte di Magenta* и Тичино.

«Тутъ я взошелъ на колокольню Робеккской церкви — оттуда было хорошо видно поле битвы. Я видѣлъ, что дивизія Рейбаха уже вытѣснена изъ Мадженты; головы корпуса Шварценберга вступали въ Робекко; арріергардъ его, разумѣется, еще не двигался. На сѣверозападѣ шелъ впередъ полкъ Сигизмунда, но далѣе простымъ глазомъ было можно различить, какъ батальонъ за батальономъ идутъ французы навстрѣчу ему. По желѣзной дорогѣ до самаго Трекате и по Новарской дорогѣ облака пыли показывали, что идутъ подкрѣпленія къ нимъ. Судьба Сигизмундова полка не подлежала сомнѣнію — онъ не имѣлъ подкрѣпленій. Скоро подвергся онъ страшной потерѣ, но своею атакою на французскій флангъ отбилъ назадъ войска, вступавшія въ Мадженту.

«Корпусъ Шварценберга занялъ позицію во время сильной грозы. Бригада Рамминга была у канала, по восточному его берегу, бригада Дунфельда по западному, бригада Гартунга ближе къ Тичино; всѣ три онѣ атаковали *Ponte di Magenta*, ключъ французской позиціи. Пять разъ эта деревня переходила изъ рукъ въ руки. Одинъ только гессенскій полкъ (бригады Гартунга) ходилъ въ атаку девять разъ; князь Шварценбергъ, сошедши съ лошади, самъ водилъ его, съ своимъ адъютантомъ, Сеченымъ, у котораго плащъ весь былъ пробитъ пулями, но самъ Сеченый остался невредимъ. Послѣ трехчасоваго отчаяннаго боя французы отступили на всѣхъ пунктахъ и 10,000 свѣжихъ австрійцевъ довершили бы рѣшительную побѣду. Но не было ни одного человѣка въ резервѣ, потому что 4-ая бригада корпуса Шварценберга была услана атаковать французовъ съ тыла, отъ Тичино. 5-й корпусъ, графа Стадіона, шелъ изъ Фаллавеккіи, но еще и половина его не прошла Аббіате Грассо. Дорога тутъ была только одна, потому онъ растянулся такъ, что авангардъ его былъ на нѣсколько миль отъ арріергарда. Между тѣмъ и съ сѣвера и съ запада подходили свѣжія французскія войска и линія боя снова подвигалась къ востоку, и снова французы взяли *Ponte di Magenta* и шли на Робекко. Въ эту минуту, когда все казалось потеряннымъ, эскадронъ гусарскаго короля прусскаго полка попросилъ дозволенія идти въ атаку и, получивъ его, бросился на зуавовъ съ такою стремительностью, что разсѣялъ ихъ и отбросилъ въ деревню; за нимъ вошелъ гессенскій пѣхотный полкъ. Эта атака тѣмъ болѣе удивительна, что произведена была черезъ виноградники. Передъ самыми сумерками я видѣлъ, что многочисленныя французскія войска отступаютъ по желѣзной дорогѣ и когда въ сумерки сошелъ я съ своего высокаго наблюдательнаго поста и сталъ говорить съ офицерами генеральнаго штаба, стоявшими подъ колокольнею, то намъ всѣмъ казалось, что битва кончается успѣшно, и что имѣя свѣжіе корпуса Бенедека и Стадіона и дивизію Урбана, мы не можемъ сомнѣ-

ваться, что побѣда останется за нами. Дивизія Паумгартена (изъ корпуса Стадіона) начинала тогда проходить Робекко; но было уже слишкомъ поздно. Французы продолжали бой до 9 часовъ вечера и кончили тѣмъ, что удержали за собою *Ponte di Magenta*. Весь корпусъ Шварценберга, — то есть, остатки его, — былъ отозванъ назадъ въ Робекко, чтобы занять позицію для битвы, которой ожидали на слѣдующій день. Войска Стадіона, по мѣрѣ того какъ подходили, также становились въ позицію для ожидаемой битвы; остатки корпусовъ Клама и Лихтенштейна собрались въ Корбеттѣ. Въ Маджентѣ австрійцы держались до 10 часовъ вечера, когда отправили послѣдній поѣздъ раненыхъ по желѣзной дорогѣ въ Миланъ.

«Но надеждамъ австрійцевъ не суждено было исполниться. Видно было, что французы отступали съ позицій своихъ по фронту, — ихъ огонь имѣлъ характеръ перестрѣлки, производимой арріергардомъ при отступленіи. У австрійцевъ, по всей вѣроятности, было наготовѣ больше свѣжихъ войскъ, нежели у французовъ. Но лично изслѣдовавъ и осмотрѣвъ положеніе дѣлъ, графъ Гіулай долженъ былъ признать справедливость рапорта Клама, что часть его корпуса, бывшая въ дѣлѣ, перестала быть дисциплинированнымъ войскомъ. Былъ такой батальонъ, въ которомъ не осталось ни одного офицера; другой былъ такъ раздробленъ, что вовсе никуда не годился: часть его была оттѣснена на югъ, другая на сѣверъ. Корпусъ Лихтенштейна былъ почти въ такомъ же состояніи, корпусъ Шварценберга едва ли въ лучшемъ. Необходимо было день или два, чтобы оправиться имъ. Графу Гіулаю приходилось рѣшать, давать ли битву нынѣ, или нѣтъ. Изъ четырехъ три шанса было, что мы побѣдимъ, но пораженіе было бы совершенною погибелью всей арміи, потому что отступленіе на Верону съ разбитыми войсками среди враждебнаго населенія было бы невозможно. Потому Гіулай рѣшился на отступленіе и оставилъ одну изъ бригадъ корпуса Шварценберга прикрывать его. Въ половинѣ 5-го часа нынѣ поутру (5 іюня) эта бригада, — опять гессенскій полкъ, — атаковала *Ponte di Magenta*, овладѣла деревнею и увидѣла, что у французовъ остался на этой сторонѣ Тичино только арріергардъ: они также отступили! Да, ночью обѣ арміи отступили въ совершенномъ изнуреніи силъ.

«Вероланова, 12-го іюня (31-го мая).

«Французская реляція о битвѣ при Маджентѣ дошла до насъ. Французы говорятъ, что они побѣдили при Трафальгарѣ, потому не слѣдуетъ удивляться, что по случаю Маджентскаго сраженія они сдѣлали иллюминацію въ Парижѣ. Но остается тотъ фактъ, что они отступили за Тичино, «чтобы дать отдохнуть арміи и реорганизировать ее.» Австрійскіе отчеты о числѣ убитыхъ и раненыхъ еще не готовы, но включая въ это число взятыхъ въ плѣнъ и пропавшихъ безъвѣсти, я думаю, что потеря у нихъ не менѣе 10,000 человѣкъ. Французы брали и теряли главныя позиціи ровно столько же разъ, какъ австрійцы, по-

тому трудно вѣрить ихъ словамъ, будто бы у нихъ потеря меньше. Наполеонъ можетъ благодарить судьбу за совѣщаніе между Гіулаемъ и Гессомъ въ Берегуардо на канунѣбитвы: это совѣщаніе спасло его отъ совершеннаго пораженія, потому что въ теченіе цѣлыхъ четырехъ часовъ, пока оно тянулось, войска были остановлены въ своемъ движеніи и такимъ образомъ очень поздно пришли на ночевку, стало быть запоздали и пришли болѣе утомленными на другой день на поле сраженія. Французы говорятъ, что австрійцевъ было 120,000 человѣкъ, — это для того, чтобы оправдать свою потерю, которая больше, чѣмъ хочется имъ показать полученною отъ сраженія съ 25 или 30 тысячнымъ непріятелемъ; но я положительно знаю, что на полѣ битвы никогда не бывало одновременно болѣе 30,000 австрійцевъ. Надобно сказать, что со стороны австрійцевъ было большою ошибкою принимать битву, имѣя войска столь разбросанныя. Исторія о томъ, почему Буффалорскій мостъ остался не разрушенъ, сколько извѣстно, состоитъ вотъ въ чемъ: Вѣнскій инженерный департаментъ прислалъ въ армію подробные рисунки минъ, которыя слѣдуетъ устроить, и разсчеты о количествѣ пороха, нужнаго на нихъ. Артиллерійское депо, бывшее въ Павіи, доставило назначенное количество пороха, и мины были устроены въ точности по рисункамъ. Но 3-го числа инженерный офицеръ, распоряжавшійся въ Буффалорѣ, получилъ приказаніе взорвать два или три малыхъ моста черезъ каналъ, и употребилъ на это часть полученнаго пороха, думая, что получитъ новую партію его изъ Милана къ тому времени, когда будетъ нужно. Онъ напрасно ждалъ нѣсколько часовъ этой присылки, но не получилъ ничего, и когда вечеромъ въ тотъ же день приказали ему взорвать Буффалорскій мостъ, пороху у него не достало.»

B. ПИСЬМО О ДѢЙСТВІЯХЪ ГАРИБАЛЬДИ.

«Получивъ прибавленіе къ № 17 *Pensiero ed Azione*, объявляющее о возобновленіи правильныхъ выпусковъ этой газеты, посылаю вамъ нѣкоторыя свѣдѣнія о блистательной и смѣлой экспедиціи отряда Гарибальди, потому что, сколько знаю, ни въ одной изъ итальянскихъ или иностранныхъ газетъ не было еще помѣщено связнаго разсказа объ этомъ походѣ. Отрядъ первоначально состоялъ изъ 4,500 человѣкъ. Сардинскій министръ обѣщалъ Гарибальди 10,000 человѣкъ, хорошо вооруженныхъ, съ батареею артиллеріи и эскадрономъ конницы, но заблагоразсудилъ измѣнить своему слову, прекративъ наборъ волонтеровъ, оставивъ Гарибальди безъ пушекъ и безъ конницы, кромѣ нѣсколькихъ конныхъ проводниковъ. Отрядъ раздѣленъ на четыре части или полка. 1-мъ полкомъ командуетъ полковникъ Энрико Ковенцъ, воспитанникъ военной неаполитанской школы, чрезвычайно искусный и храбрый артиллерійскій офицеръ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ защитниковъ Венеціи въ 1849 году; 2-мъ командуетъ полковникъ Джако-

ко Медичи, знаменитый защитою позиціи *Vascello* въ Римѣ, осажденномъ французами; 3-мъ — полковникъ Никола Ардоино, старый офицеръ испанской междоусобной войны; 4-мъ — полковникъ Камилло Больдони, уважаемый артиллерійскій офицеръ, товарищъ Козенца по защитѣ Венеціи. Другіе штабъ-офицеры: Сакки, Липари, Черони, Биксіо, Фриджеріо и Форести. Лѣта солдатъ вообще отъ 20 до 30. Каждая итальянская область имѣетъ тутъ своихъ представителей. Есть у насъ нѣсколько десятковъ калабрійцевъ, прошедшихъ большую часть своего пути къ соединенію съ другими волонтерами по Аппенинскому хребту. Ломбардскій и тосканскій элементы составляютъ большинство. Есть тутъ и взводъ генуэскихъ карабинеровъ, — всѣ они члены «Общества національной стрѣльбы», вооруженные на собственный счетъ превосходными штуцерами и удивительные стрѣлки. Къ нимъ присоединился англійскій джентльменъ, зрѣлыхъ лѣтъ, молчаливый, рѣшительный и неутомимый. Вообще отрядъ плохо экипированъ и имѣетъ посредственныя ружья. Солдаты одѣты въ легкій зеленый казакинъ (*casacca*), безъ верхняго платья, носятъ беретки (*berettino*) съ козырькомъ; есть у нихъ ранцы и патронташи, но нѣтъ ни плащей, ни шерстянаго платья, ни палатокъ. Офицеры, начиная съ генерала, носятъ сардинскій мундиръ. Около четвертой части солдатъ принадлежатъ къ зажиточному и образованному сословію: между ними есть богатые владѣльцы, медики, инженеры, адвокаты, студенты, негоціанты, артисты. Изъ медиковъ и хирурговъ, пошедшихъ волонтерами въ этотъ отрядъ, извѣстнѣйшіе: Агостино Бертани, одинъ изъ самыхъ уважаемыхъ операторовъ Италіи, бывшій военнымъ штабъ-хирургомъ во время защиты Рима; Піэтро Ринари, который также во время защиты Рима былъ хирургомъ при легіонѣ Гарибальди; какъ безтрепетно умѣетъ онъ стоять передъ врагомъ, также непреклонно вынесъ онъ семь лѣтъ заключенія въ папской тюрьмѣ въ Паліано, изъ которой вышелъ съ сѣдыми волосами; Мадриліо Мароцци, который былъ при защитѣ Венеціи; Піэтро Маэстри, знаменитый писатель, членъ миланскаго комитета обороны въ 1848 году; Акилле Сакки, храбрый офицеръ, еще страдающій отъ жестокой раны въ лѣвомъ плечѣ, которую получилъ въ одной изъ битвъ подъ Римомъ.

Гарибальди съ своимъ малочисленнымъ отрядомъ, называющимся альпійскими егерями, не могъ открыть себѣ прохода между австрійцами, вторгнувшимися въ Піэмонтъ линіею, которая простиралась отъ Піаченцы до Лаго-Маджіоре; но 17 мая искусно вышедши изъ Біэллы и форсированными маршами обошедши вдоль Ортскаго озера (*lago d'Orta*), въ ночь съ 20 на 21 мая онъ перешелъ Тичино у Сесто Календе, взявъ въ плѣнъ 40 австрійскихъ солдатъ, и вступилъ въ Комскую область. Капитанъ Карло де-Кристофорисъ былъ оставленъ охранять Сесто Календе съ двумя ротами; 23 мая на него напали 800 австрійцевъ, хотѣвшихъ овладѣть этою переправою. Отрядъ де-Кристофориса, имѣвшій около 225 человѣкъ, храбро встрѣтилъ ихъ такимъ живымъ огнемъ, что обратилъ ихъ въ бѣгство и взялъ 20 плѣнниковъ.

«Гарибальди 25 числа занялъ Варезе, городъ, имѣющій 5000 жителей. Оттуда коммиссаръ сардинскаго короля, Эмиліо Висконти Веноста пригласилъ верхнюю Ломбардію возстать, провозглашая королемъ своимъ Виктора Эммануила. 26 числа фельдмаршалъ Урбанъ, командовавшій румунскими волонтерами противъ венгровъ въ 1848 году, приблизился къ Варезе съ 6,000 пѣхоты, эскадрономъ кавалеріи и четырьмя пушками. Гарибальди построилъ въ Варезе баррикады, вооружилъ горожанъ и оставилъ съ ними для защиты города 200 своихъ стрѣлковъ. Они стали у воротъ. Бой начался и продолжался четыре часа, а пока городъ защищался, Гарибальди вдругъ напалъ на Урбана и разбилъ его. Взводъ генуэскихъ стрѣлковъ дѣлалъ тутъ чудеса храбрости. Генералъ собралъ ихъ на городской площади и въ присутствіи жителей провозгласилъ храбрецами. У насъ былъ убитъ Роллеро, молодой студентъ, котораго по свѣдѣніямъ, характеру и храбрости считали товарищи предназначеннымъ къ блестящей будущности; Бурландо, молодой негоціантъ, былъ раненъ въ голову; графъ Бельджійозо убитъ. Камилло Сталло, основатель общества генуэскихъ стрѣлковъ и самъ превосходнѣйшій стрѣлокъ, видя, что выстрѣлы нѣкоторыхъ штуцерниковъ, направленные на канонировъ австрійской батареи, не попадаютъ въ цѣль, поставилъ пятерыхъ изъ нихъ подлѣ себя, сказавъ, чтобы они только заряжали и подавали ему штуцера, а что онъ одинъ берется очистить батарею; онъ сдѣлалъ пять выстрѣловъ, и пять артиллеристовъ упали; при пятомъ выстрѣлѣ остальные канониры вскочили на лошадей и ускакали съ пушками. Пѣхота, прикрывавшая батареи, была въ ту же минуту аттакована нашими въ штыки и бѣжала въ безпорядкѣ. Сталло былъ сдѣланъ офицеромъ на полѣ сраженія.

«27 числа Гарибальди настигаетъ врага по дорогѣ въ Комо, выбиваетъ его изъ Бинаго, потомъ сходитъ съ большой дороги, беретъ дорогу налѣво, по горамъ, и 28 числа неожиданно является передъ Комо. Непріятель, усилившійся до 8,000 человѣкъ съ 8 орудіями, занималъ высоты передъ Комо, отъ Санъ-Феруно до Камерлаты, станціи на желѣзной дорогѣ, ведущей изъ Комо въ Монцу и Миланъ. Волонтеры стремительно напали на высокій холмъ Санъ-Фермо, защищаемый двумя батальонами. «Мы,—разсказывалъ Карло Монно, двадцатилѣтній студентъ, — мы, генуэзцы, были впереди и я съ 28 стрѣлками зашелъ далеко впередъ остальнаго отряда; жаръ боя какъ будто опьянилъ насъ и мы гнали снизу вверхъ австрійцевъ. Вѣроятно, и направо и налѣво отъ насъ были стрѣлки и другія наши колонны, но мы этого не знали, потому что по горѣ въ разныхъ мѣстахъ есть кустарники, и полагали, что мы одни противъ всей этой массы. Однакоже у насъ горѣла душа побѣдить ихъ, и мы гнали ихъ изъ ущелья въ ущелье, указывая ихъ другъ другу криками, какъ будто на охотѣ за зайцами: «вотъ ихъ трое въ этой рытвинѣ;»—«вотъ, смотрите, двое на лѣво; вы берите себѣ того длиннаго, а я буду стрѣлять въ другаго.» И такимъ манеромъ, дальше и дальше, дошли мы до самой вершины, а потомъ погнались за ними и по спуску до самой равнины къ горо-

ду. Батальонъ стоялъ въ долинѣ *Prà Pasque*, загораживая дорогу въ городъ. Не теряя времени на перестрѣлку, стрѣлки взялись за штыки, и батальонъ отступилъ до предмѣстья Вико, гдѣ остановился, получивъ подкрѣпленія. Выгнанный и отсюда, непріятель отступилъ въ Камерлату; оттуда отряды его, сбитые съ своихъ позицій, собрались къ станціи, чтобы имѣть путь отступленія на Миланъ. Тутъ начался новый бой, и опять на штыкахъ. Наконецъ, не будучи въ состояніи удержаться ни въ одной позиціи, Урбанъ приказалъ отступать къ Маріано. Волонтеры, которые съ 17 числа безъ отдыху шли, а съ 26 шли и сражались, могли вечеромъ отдохнуть въ Комо. Комо—городъ съ 20,000 воинственнаго населенія, которое въ 1848 году возстало, билось четыре дня, взяло штурмомъ три казармы и захватило въ плѣнъ 1,500 австрійцевъ, — Комо, — такое дѣйствіе произвели воззванія партіи умѣренныхъ къ благоразумію, — не шевельнулся во все то время, пока шелъ бой у его воротъ: волонтеры были предоставлены однѣмъ своимъ силамъ во время штурма, и Комо оживился только тогда, какъ непріятель бѣжалъ. Тогда начались иллюминаціи, крики *evviva*, посыпались цвѣты и проч. Въ ночь съ 28 на 29, и поутру 29 Гарибальди провозгласилъ королемъ Виктора Эммануила, учредилъ національную гвардію, организовалъ муниципальную власть, отправилъ на озеро пароходы для набиранія волонтеровъ и къ вечеру выступилъ изъ Комо.

«Онъ выступилъ изъ Комо 29 мая, а 2 іюня опять вернулся туда. Еще неизвѣстно хорошенько, зачѣмъ онъ уходилъ изъ Комо, гдѣ былъ и что съ нимъ было въ это время. Извѣстно только, что онъ съ двумя ротами штурмовалъ фортъ Лавено на Лаго-Маджоре, занятый 500 человѣкъ гарнизона съ артиллеріею, и что по чрезвычайному неравенству силъ штурмъ не удался.

«Урбанъ снова занялъ Варезе и Комо. Три или четыре дня считали отрядъ Гарибальди погибшимъ, истребленнымъ или принужденнымъ бѣжать въ Швейцарію. Уже говорили, что, убѣдивъ его стать въ это фальшивое положеніе обѣщаніемъ поддержать его другими войсками и измѣнивъ своему слову, хотѣли просто погубить человѣка, который могъ сдѣлаться опаснымъ, убить въ общественномъ мнѣніи репутацію волонтеровъ, такимъ образомъ отнять у націи увѣренность, что она можетъ побѣждать врага сама, своимъ оружіемъ. Пораженіе корпуса Гарибальди надолго уничтожило бы возможность національной войны. Уже вспоминали о тосканцахъ, выданныхъ на смерть при Куртаноне, и разсказывали, что въ главной французской квартирѣ съ удовольствіемъ говорятъ о погибели этого отборнаго отряда патріотовъ. Разсматривая дѣло только съ военной точки зрѣнія, кажется, что одной изъ піемонтскихъ дивизій слѣдовало бы соединиться съ Гарибальди: тогда лѣвое крыло союзниковъ подвинулось бы на столько, что стало бы серьезно угрожать непріятелю и принудило бы его ослабить центръ и лѣвое свое крыло посылкою подкрѣпленій на правое (сѣверное), такъ что съ увѣренностью можно было бы напасть на него у Піаченцы и Валенцы; а если бы непріятель не захотѣлъ измѣнять расположенія лѣваго союзнаго крыла,

то можно бы обратить фальшивую атаку въ настоящую и совершить 1 и 2 іюня тотъ переходъ массою черезъ Тичино, который былъ совершенъ только 4-го. Вѣроятно, что посылку подкрѣпленій къ Гарибальди замедлило движеніе Гіулая на Палестро 31 числа, и Гарибальди, предоставленный собственнымъ силамъ, подвергся бы большой опасности, если бы Гіулай, предвидя близость большаго сраженія, не собралъ въ боевую линію всѣ силы, которыми могъ располагать.

«Гарибальди послалъ къ озеру Изео отрядъ съ полковникомъ Турби и майоромъ Камоцци поднять комскія долины и овладѣть австрійскими пароходами на озерѣ. Эти два офицера дѣйствительно успѣли выйти на дорогу къ Брешіи съ нѣсколькими сотнями тамошнихъ поселянъ. Самъ Гарибальди 9 іюня разбилъ въ Палаццуоло 2,000 австрійцевъ, шедшихъ изъ Брешіи и не воображавшихъ, что Бергамо уже въ рукахъ волонтеровъ. Потомъ онъ сдѣлалъ чрезвычайно искусный маневръ и, совершенно скрывъ свои слѣды отъ непріятеля, перешелъ въ Романо, а оттуда бросился на Брешію необыкновенно быстрымъ и долгимъ переходомъ, въ то время, какъ австрійцы, еще бывшіе въ Брешіи, полагали, что Бергамо находится въ ихъ рукахъ. Въ Брешіи альпійскіе егеря были приняты съ величайшимъ энтузіазмомъ.

«Заслуживая энтузіазма, съ которымъ смотрятъ на него соотечественники, Гарибальди служитъ ужасомъ для непріятеля. *Bund* гризонская газета, разсказываетъ, что въ Тауферсѣ (въ нѣмецкомъ Тиролѣ, на сѣверъ отъ дефиле Стельвіо) увидѣли ночью сосѣднихъ гризонскихъ горцевъ изъ Валь-Монастеріо, бродившихъ ночью съ факелами,—вѣроятно они искали какую нибудь заблудившуюся корову,—нѣмцы вообразили, что это отрядъ Гарибальди и начали бить въ набатъ. Тауферсъ навѣрное будетъ въ 200 миляхъ отъ Бергамо. Вотъ случай, еще интереснѣйшій: 8 іюня начальникъ инншрукскаго округа (Инншрукъ, столица Тироля, еще дальше отъ Бергамо, нежели Тауферсъ) обнародовалъ прокламацію, изъ которой представляю отрывокъ въ переводѣ: «Волонтеры Гарибальди, по вѣрнымъ свѣдѣніямъ, угрожаютъ границамъ нашего любезнаго отечества. Со дня на день можетъ явиться Гарибальди, принося ужасы войны въ наши мирныя долины. Въ виду такой опасности должны умолкнуть всѣ другія заботы и всякая медлительность должна уступить мѣсто живѣйшей дѣятельности. Соединитесь въ стрѣлковыя роты и спѣшите на границу, и врагъ побѣжитъ, ужаснувшись вашего грознаго появленія. Докажите императору и Германіи, что вы достойные сыны вашихъ мужественныхъ отцовъ. Коммиссаръ инншрукскаго оборонительнаго комитета, Бартъ.»

«Въ сраженіи при Комо были убиты: капитанъ де-Кристофорисъ, офицеры Батталья, Каироли, Педотти и Феррини. Де-Кристофорисъ былъ убитъ сабельнымъ ударомъ въ голову. Онъ поручилъ своему другу Корти передать саблю его его матери, а кольцо съ руки передать его милой. У Каироли было въ войскѣ три брата, — они дѣти знаменитаго хирурга Каироли,

«Зачѣмъ вы не остались въ госпиталѣ? спрашивали у Бурландо, который съ раненою, перевязанною головою сталъ въ ряды, чтобы идти съ другими изъ Комо въ Лекко.

«— Я нахожу себя безопаснѣе въ полѣ, чѣмъ въ госпиталѣ. Я уже вижу, что умно поступилъ, не послушавшись хирурга, который тоже хотѣлъ удержать меня въ госпиталѣ въ Варезе: если бы я его послушался, австрійцы, когда воротились въ Варезе, взяли бы меня въ постели.»

«При штурмѣ Лавено, генуэзецъ Мосто, видя торчащіе изъ бойницъ въ стѣнѣ концы австрійскихъ штуцеровъ, схватился за одинъ изъ нихъ, чтобы по нему взобраться на стѣну. Онъ долженъ былъ бросить эту мысль, по приказанію офицера.

«Одинъ изъ волонтеровъ, взятый въ плѣнъ, былъ спрошенъ генераломъ Урбаномъ о дѣйствительной силѣ своего отряда. «2,000 человѣкъ», отвѣчалъ онъ, и, оборотившись къ горожанамъ, прибавилъ на мѣстномъ нарѣчіи: «вотъ оселъ австріецъ! думаетъ, что я скажу ему правду!»

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ газетѣ Le Nord напечатано и въ нѣкоторыхъ русскихъ газетахъ повторено извѣстіе, что «Современникъ» съ слѣдующаго года будетъ издаваться гг. Плетневымъ и Лакіеромъ, а нынѣшніе издатели «Современника» будутъ издавать «Временникъ».

Издатели «Современника» съ своей стороны извѣщаютъ, что они и въ слѣдующемъ году будутъ издавать тотъ же «Современникъ», а что̀ будутъ издавать гг. Плетневъ и Лакіеръ и будутъ ли что нибудь издавать — имъ неизвѣстно.

ЛОНДОНСКІЯ ЗАМѢТКИ.

III.

МОНУМЕНТАЛЬНЫЙ ЛОНДОНЪ.

Чтобы видѣть монументальную сторону Лондона, надо отправиться бродить по улицамъ его въ воскресенье, когда британская столица сдерживаетъ на двадцать четыре часа свою неугомонную суету и предается офиціальному умиленію.

Все, чего вы не замѣчали и прежде, развлекаясь шумомъ и гамомъ со всѣхъ сторонъ, можно вамъ осмотрѣть теперь совершенно спокойно. Останавливаться на тротуарахъ уже не опасно; переходить черезъ улицу — тоже. Правда, омнибусы не прекращаютъ своего движенія, кэбы тоже снуютъ по улицамъ очень усердно; но ѣзда ихъ какъ-будто скромнѣе, какъ-будто менѣе гремятъ колеса, не такъ громко кричатъ кондукторы, подъ-стать безстрастно-спокойнымъ лицамъ своихъ пассажировъ. Тротуаровъ и совсѣмъ не узнаешь. Гдѣ эта озабоченная толпа, бѣгущая куда-то стремглавъ, сбивающая васъ съ ногъ, какъ прорвавшій плотину потокъ? Всѣ идутъ такъ тихо, такимъ ровнымъ и мирнымъ шагомъ; и безъ того длинныя лица стали какъ будто еще угловатѣе. Подумаешь, что всѣ, кто ни идетъ по улицѣ, отправляются на похороны. Какъ-разъ кстати, то тамъ, то сямъ дребезжатъ траурныя, обитыя чернымъ сукномъ кареты, которыхъ не встрѣтишь въ будни: кучерà, съ обмотанными вкругъ черныхъ круглыхъ шляпъ бѣлыми

полотенцами, качаются на высокихъ кóзлахъ: лакеи въ черныхъ ливреяхъ, съ такими же бѣлыми полотенцами на шляпахъ, трясутся на высокихъ запяткахъ; сквозь каретныя стекла виднѣются траурныя платья лэди и джентльменовъ. Какъ не сочувствовать печали этихъ лэди и джентльменовъ, когда, кажется, весь городъ сочувствуетъ? Ну, не похоронныя ли лица вездѣ, направо, налѣво, спереди, сзади? Вотъ даже круглолицый извощикъ, красный отъ водки, какъ вареный ракъ, какъ будто отираетъ слезу. Можетъ быть, это капля пота, капля тумана; по тѣмъ не менѣе онъ ее отираетъ грязнымъ клѣтчатымъ платкомъ, и это не мало способствуетъ общему впечатлѣнію унылой картины. И туманъ кажется въ воскресенье гуще, и угольный чадъ сѣрѣе, и темныя кирпичныя стѣны домовъ чернѣе; окна и двери магазиновъ и лавокъ такъ плотно закрыты; черныя ставни такъ черны, и бѣлыя буквы надписей на нихъ такъ бѣлы! Трауръ, совершенный трауръ!

И какой заунывный звонъ стоnетъ надъ всѣмъ городомъ! Надо вѣроятно съ дѣтства наслушаться этихъ колоколовъ, чтобы находить въ ихъ странномъ, похожемъ на рявканье, отрывистомъ звукѣ нѣчто поэтическое, какъ находитъ Диккенсъ, и конечно не одинъ Диккенсъ. Воскресный звонъ, какъ и самое воскресенье, должны быть впрочемъ очень пріятны для богатаго англичанина, окруженнаго дома комфортомъ и отдыхающаго отъ треволненныхъ будничныхъ дней. Если притомъ ипокризія вошла уже въ плоть и кровь, то предаваться заказному благоговѣнію и питать свой умъ чтеніемъ назидательныхъ книгъ, чтобы завтра, въ будни, съ удвоенной энергіей заняться эксплуатаціей ближняго и преимущественно нищей братіи, должно дѣлать изъ мирнаго воскреснаго дня истинный праздникъ для всякаго почтеннаго негоціанта, для всякаго филантропическаго лорда. Я увѣренъ, что даже Барнумъ, читающій по буднямъ публичныя лекціи о надуваньи ближнихъ и объ искусствѣ набивать карманъ, просвѣтляется душой въ воскресное утро, беретъ въ руки вмѣсто бумажника небольшую книжечку въ красномъ сафьянномъ переплетѣ съ золотымъ обрѣзомъ и идетъ въ свой приходъ. Нельзя поручиться даже, что онъ не дастъ стараго, стертаго, какъ солдатская пуговица, пенни жалкому старику въ лохмотномъ пальто, продранныхъ сапогахъ и проломленной шляпѣ, или босоногому грязному мальчику въ печальныхъ отрепьяхъ, — съ голой грудью, подставленной сырому вѣтру,—или злосчастной салопницѣ, которые стоятъ на всѣхъ перекресткахъ съ метлами въ рукахъ и разметаютъ грязь на улицѣ для умиленныхъ пилигримовъ и пилигримокъ. Какъ извѣстно, для того, чтобы предаваться воскресному умиленію, надо быть въ чистыхъ

сапогахъ и башмакахъ. Грязь можетъ оставаться развѣ гдѣ нибудь въ темныхъ закоулкахъ, въ сердцѣ напримѣръ, въ какомъ нибудь уголкѣ мозга. Вы можете, пожалуй, удобно сидя съ золотообрѣзной книжечкой, разсчитывать, какъ бы понизить фабричную заработную плату, какъ бы отнять у несчастнаго работника лишній часъ отдыха, и т. п.; все это не касается нравственности и не наноситъ ей никакой обиды. Но ходить въ грязныхъ сапогахъ, это — shocking! Прелестное, непереводимое словечко, стоящее французской цензуры и китайскаго свода общественныхъ приличій. Лица разметальщиковъ и разметальщицъ уличной грязи едва ли не самыя ясныя и привѣтливыя лица изъ всѣхъ встрѣчаемыхъ вами на улицахъ въ воскресное утро. Народъ идетъ, все такъ празднично, такъ человѣколюбиво настроенный, все съ сафьянными книжечками, и рѣдкій изъ благоговѣйныхъ прохожихъ не захватилъ двухъ–трехъ пенсовъ для нищей братіи. Оттого такъ ласково улыбается и такъ увѣренно подставляетъ сложенную на подобіе ложки руку трясущійся старикашка на углу сквера; оттого такъ привѣтливо присѣдаетъ середь грязи сухая старушонка въ шляпкѣ временъ первой французской имперіи, занимающаяся обметаньемъ перехода черезъ улицу; оттого съ такою истинно–танцмейстерской ловкостью скачутъ передъ вами задомъ, размахивая въ обѣ стороны метлой, чуть не во всю длину площади, голенастые мальчуганы. «Милостивые джентльмены! одинъ пенни бѣдному мальчику!» Эти слова, сопровождаемыя ловкими пируэтами, звучатъ на этотъ разъ гораздо веселѣе, чѣмъ въ будни....

За то далеко не такъ хорошо, какъ въ будни, идутъ въ воскресенье дѣла у мальчиковъ, выростающихъ словно изъ земли передъ каждымъ прохожимъ, вынимающимъ изъ кармана сигару. Обыкновенно вы не успѣете откусить у сигары конца или даже и вынуть ее изъ сигарочницы, какъ съ обѣихъ сторонъ передъ вами машутъ голыми по локоть руками грязные мальчишки: у каждаго шипитъ въ рукахъ благовонный трутъ или душистая, негаснущая на воздухѣ спичка. Закуривайте сигару и доставайте пенни! Доставайте впрочемъ, пожалуй, хоть шиллингъ: мальчикъ вамъ размѣняетъ. У кондукторовъ омнибусовъ, которымъ такъ нужны мелкія деньги, нѣтъ другихъ мѣнялъ во время ѣзды. Кондуктору стоитъ мигнуть, чтобы такой мѣняла ухватился съ цѣпкостью векши за его запятки и размѣнялъ на мѣдь его серебро. Можетъ, онъ даже и за промѣнъ возьметъ: почемъ знать? Въ Лондонѣ услуги не оказываются даромъ. Въ воскресные дни впрочемъ едва ли продавцы спичекъ и труту такъ богаты, чтобы получать проценты со своихъ капиталовъ. Прохожіе, у которыхъ бываютъ лишніе пенсы, направляются

на этотъ разъ въ церковь; въ рукахъ у нихъ молитвенники, а не сигарочницы. Развѣ какой нибудь foreigner ходитъ, не зная, куда дѣться, по опустѣвшимъ (сравнительно) и безжизненнымъ улицамъ, и вооружается съ горя сигарой. За то отъ мальчишекъ ему нѣтъ отбою.

Если этотъ foreigner вышелъ осматривать городъ, ему слѣдовало бы, разумѣется, начать обозрѣніе достопримѣчательностей съ собора св. Павла, взобраться на самую вышку — взглянуть на живую понораму Лондона, и опуститься въ подземелье — посмотрѣть на могилу Веллингтона. Положимъ, Веллингтона можно и пропустить, но какъ же не видать Лондона «съ птичьяго полета», à vol d'oiseau? И чѣмъ же лучше начать обзоръ? Какъ, пріѣхавъ въ Парижъ, прежде всего взбираются на Nôtre-Dame, на Пантеонъ, въ Москвѣ—на Ивана Великаго, чтобы имѣть понятіе объ общемъ впечатлѣніи города, такъ здѣсь роль Nôtre-Dame и Ивана Великаго играетъ св. Павелъ. Но любознательный путешественникъ, начинающій свои странствія по городу въ воскресенье, можетъ осматривать знаменитый соборъ только снаружи, если не хочетъ оказаться нарушителемъ общаго благоговѣнія. По воскресеньямъ ходятъ въ церковь молиться, осматривать же надо идти въ понедѣльникъ, во вторникъ, однимъ словомъ въ будни. Соборъ св. Павла считается англичанами чуть ли не равнымъ по величію (не по величинѣ) и красотѣ римскому собору Петра; знатоки дѣла говорятъ однакожь, что первому такъ же далеко до послѣдняго, какъ подражанію до оригинала. Знатокамъ и книги въ руки; но тѣмъ не менѣе лондонскій соборъ — зданіе грандіозное, прекрасное, даже независимо отъ его громадныхъ размѣровъ, которые играютъ такую важную роль въ его оцѣнкѣ. Одно убавляетъ у него впечатлѣнія на зрителя: это то, что онъ воздвигнутъ не на широкой и, пожалуй, возвышенной площади, гдѣ глазъ могъ бы обнимать его во всей цѣлости, а не по частямъ, которыя потомъ приходится соединять въ умѣ. Готическимъ соборамъ, по моему мнѣнію, не такъ вредитъ тѣснота: только бы главный фасъ былъ открытъ. Мелочь орнаментовъ, тонкія и хрупкія линіи пропадали бы на широкой площади, какъ пропадаетъ на тѣсномъ пространствѣ гармонія круглыхъ куполовъ и колоннъ. Готическая архитектура хороша вблизи; классическимъ постройкамъ нужно нѣкоторое отдаленіе для полноты впечатлѣнія. Точно ли классическое зданіе св. Павелъ,—мнѣнія раздѣлены; но едва ли кто нибудь не согласится съ тѣмъ, что постройки въ греческомъ и итальянскомъ вкусѣ не совсѣмъ подъ-стать лондонскому небу и климату. И между тѣмъ нигдѣ не встрѣтите вы такого пристрастія къ колоннамъ, къ классическимъ фронтонамъ, какъ здѣсь. Англичане вообще не отличаются способностями къ пластическимъ искус-

ствамъ: у нихъ и живопись, и ваяніе, и архитектура—подражательныя; они въ этомъ случаѣ руководствуются извѣстнымъ правиломъ: «Je prends mon bien partout, où je le trouve». Всегда ли они нападаютъ именно на то, чтò имъ кстати, чтò для нихъ ловко и удобно усвоить—это другой вопросъ, рѣдко разрѣшаемый въ ихъ пользу. Вотъ чтò говоритъ объ англійскомъ архитектурномъ вкусѣ Віардо въ своей прекрасной книгѣ о лондонскихъ музеяхъ.

«Нѣтъ ничего хуже этого смѣшенія родовъ, этого насильственнаго введенія архитектуры одного климата въ другой. Англія вполнѣ подтверждаетъ эту слишкомъ пренебрегаемую истину. Всѣми, напримѣръ, признано, что колонны — благороднѣйшая и прекраснѣйшая часть архитектуры. Въ Лондонѣ ихъ употребляютъ съ невѣроятной расточительностью, такъ что въ иномъ приходѣ, въ иной улицѣ насчитаешь колоннъ больше, чѣмъ въ цѣломъ Римѣ. Неужто думаютъ, что онѣ украшаютъ и облагороживаютъ городъ? Неужто думаютъ, что эта куча капителей — дорическихъ, іоническихъ, коринѳскихъ, смѣшанныхъ, — придаютъ красу зданіямъ и домамъ? Вовсе нѣтъ; по моему, нѣтъ ничего страннѣе и печальнѣе. Отчего? Оттого, что колонна въ Лондонѣ — нелѣпость. Колонна, греческая или арабская, свойственна лишь странамъ, гдѣ она изобрѣтена, востоку; она должна сохранить подъ темною синевой яснаго неба бѣлизну мрамора или алебастра. Но вообразите себѣ колонны кирпичныя или чугунныя, безпрестанно пачкаемыя туманомъ, который покрываетъ ихъ своей сыростью, и дымомъ каменнаго угля, который льнетъ къ нимъ и чернитъ ихъ! Что можетъ быть въ нихъ похожаго на колонны Парѳенона? Странный видъ ихъ произвелъ на меня сразу, съ перваго взгляда, непріятное впечатлѣніе; потомъ впечатлѣніе это утвердилось во мнѣ, когда я увидѣлъ ясно физическія причины, отъ которыхъ онѣ обезображены. Туманъ и дымъ, дѣйствуя на нихъ соединенными силами, превращаютъ ихъ въ совершенно черныя спереди и оставляютъ лишь сѣрыми сзади. Такимъ образомъ тѣнь находится на первомъ планѣ, а свѣтъ на второмъ; иначе сказать, передъ колонны какъ будто сзади, а задъ какъ будто спереди. Это—полное извращеніе законовъ перспективы и законовъ свѣта; это — чудовищность. Единственная архитектура, возможная въ англійскомъ климатѣ, это архитектура феодализма и средневѣковой вѣры: широкія башни, толстыя стѣны, зубцы, подземные мосты, или, пожалуй, высокіе нефы, стрѣльчатые своды, теряющіяся въ воздухѣ колокольни, однимъ словомъ — архитектура крѣпостей и церквей, Виндзора и Вестминстера. Но зодчество дворцовъ и храмовъ, легкихъ сооруженій, свойственныхъ климату теплому и сухому, народу, при-

выкшему жить подъ открытымъ небомъ и грѣться лишь на солнцѣ, такое зодчество, можно сказать, — совсѣмъ непозволительно англичанамъ. А между тѣмъ, за нѣсколькими разсудительными исключеніями, какъ, напримѣръ, Penitentiary, Bedlam, Mint (монетный дворъ), даровая школа Christ Church, новый пріютъ для слѣпыхъ, и др., всѣ ихъ общественныя и частныя зданія представляютъ неловко-замаскированныя подражанія зданіямъ юга. Такъ колонеумъ есть неуклюжая копія съ Пантеона Агриппы; такъ, соборъ св. Павла почти скопированъ съ римскаго собора св. Петра, такъ что за нимъ остается развѣ одно достоинство — громадность и крѣпость постройки; да и это достоинство — наружное; внутри же онъ совершенно голъ, въ немъ нѣтъ ни мраморныхъ половъ, ни статуй, ни позолоты, ни мозаикъ, ни фресковъ, ни расписныхъ оконъ. Это — протестантскій храмъ съ наружностью католической церкви».

Какъ ни громаденъ соборъ св. Павла теперь, онъ былъ еще громаднѣе до знаменитаго лондонскаго пожара въ 1666 году. Съ виду кажется, будто онъ простоялъ чуть не тысячелѣтіе: такъ затемнила и зачернила его лондонская копоть. Лишь мѣстами, какъ на бо̀льшей части здѣшнихъ зданій, сквозятъ обмытыя дождемъ мѣста, и издали сѣрыя стѣны и колонны представляются какъ будто покрытыми въ нѣкоторыхъ частяхъ снѣгомъ. На мой взглядъ, эти просвѣты придаютъ большую картинность массивнымъ стѣнамъ св. Павла. Около этой громады, довольно жалкій памятникъ королевы Анны, въ коронѣ и со скипетромъ въ рукахъ, кажется едва замѣтною кучкой. Тѣмъ не менѣе его непремѣнно замѣтишь, какъ онъ ни жалокъ, потому что смотрѣть на соборъ можно только вблизи; нѣтъ такого пункта, откуда онъ видѣлся бы хоть сколько нибудь сносно въ цѣломъ. Хорошо еще, что онъ отгороженъ отъ проѣзжей мостовой чугунной или желѣзной рѣшеткой, за которою помѣщалось, да едва ли не помѣщается и теперь, кладбище; а то и того бы не увидать. Нижніе этажи домовъ, окружающихъ площадь, всѣ заняты магазинами, лавками, аукціонами, пирожными и проч.; къ площади сходятся, какъ къ центру, многолюдныя улицы, и вокругъ собора постоянная ѣзда и толкотня.

Внутренность собора дѣйствительно очень пустынна и замѣчательна только громадностью размѣровъ; но на отсутствіе статуй нельзя пожаловаться. Если Віардо въ отрывкѣ, который я привелъ, разумѣетъ статуи на алтаряхъ, какъ въ церквахъ католическихъ, то онъ правъ; но за то вокругъ стѣнъ бѣлѣютъ разныя фантастическія и не фантастическія изваянія — все памятники разнымъ знаменитостямъ, преимущественно морскимъ и военнымъ. Всѣ они изъ бѣлаго мрамора, и отъ пыли и копоти, лежащихъ на нихъ, издали отлива-

ютъ какъ атласъ. Трудно вообразить что нибудь болѣе безвкусное, топорное и бездарное: Венеры и Флоры нашего Лѣтняго сада передъ ними—перлы граціи и художественности. Любопытнѣе всего то, что многіе генералы, память которыхъ увѣковѣчена тутъ, изображены совсѣмъ по-классически, «въ голомъ одѣяніи», какъ выражался одинъ губернскій маляръ. Тутъ какой-то воинъ, во всей откровенности Аполлона Бельведерскаго, сваливается съ лошади, и богиня побѣды подаетъ ему вѣнокъ; въ другомъ углу другой герой умираетъ самъ въ полной формѣ, но за то, умирая, опускается на руки обнаженной мужской фигуры, въ которой художникъ хотѣлъ представить, разумѣется, не баньщика, какъ можно подумать съ перваго разу, а аллегорическое олицетвореніе доблести покойнаго, его valour. Даже почтенный лексикографъ Самуилъ Джонсонъ — и тотъ выглядываетъ настоящимъ купидономъ изъ-подъ классической тоги. Безъ аллегорическихъ группъ нѣтъ почти ни одного памятника: вездѣ слава или побѣда съ лавровыми вѣнками, Британія въ видѣ богини, британскій левъ. На одномъ памятникѣ Британія плачетъ надъ убитымъ героемъ, на другомъ показываетъ британскимъ юнощамъ, какъ на примѣръ воинскихъ доблестей, на геройскаго сына своего. Этимъ послѣднимъ дѣйствіемъ занимается она, между прочимъ, на монументѣ Нельсона. Имя трафальгарскаго героя — единственное имя, остающееся въ памяти послѣ обзора этихъ, чуть ли не сорока, памятниковъ въ честь разныхъ славныхъ героевъ на сушѣ и на морѣ. Да развѣ еще имя генерала сэра Джона Мура вспомнишь — не по его военнымъ подвигамъ, а по знаменитой одѣ Вольфа на смерть его, безъ которой не обходится ни одна англійская хрестоматія и которая всѣмъ извѣстна и у насъ по удачному переводу Козлова...

Не билъ барабанъ передъ смутнымъ полкомъ,
Когда мы вождя хоронили,
И трупъ не съ ружейнымъ прощальнымъ огнемъ
Мы въ нѣдра земли опустили... и проч.

Въ число генераловъ, адмираловъ и прочихъ военныхъ чиновъ, изъ мирной области гражданскихъ дѣлъ, науки и искусства замѣшались, кажется, только трое: докторъ Джонсонъ, Джошуа Рейнольдсъ да Джонъ Говардъ. И знаменитый живописецъ, и великій филантропъ изображены не такъ нескромно, какъ ученый грамматикъ: оба въ одеждѣ, по которой, однакожь, можно подумать, что Рейнольдсъ былъ ученымъ юристомъ, а Говардъ — римскимъ сенаторомъ.

Едва успѣли вы приподнять тяжелую портьеру у входныхъ дверей въ соборъ, какъ передъ вами является развязный джентльменъ

съ предложеніемъ показать всѣ достопримѣчательности. Опытный глазъ его узнаетъ сразу, что вы пришли въ соборъ впервые и хотите осмотрѣть его. Самъ онъ не пойдетъ провожать васъ: его спеціальность — не проглядѣть ни одного любопытнаго у входа въ соборъ и снабдить его за извѣстное число шиллинговъ и сикс-пенсовъ билетами. Чтобы видѣть въ соборѣ рѣшительно все, отъ маковки до подвала, надо пожертвовать слишкомъ три шиллинга. Куда бы вы ни шли въ Лондонъ, шиллингъ за обозрѣніе обыкновенная цѣна; но это такъ только кажется, что шиллингъ, а въ сущности ихъ набирается полтора, два и даже три, какъ въ св. Павлѣ. Какъ же это такъ? Обыкновенно, взявши съ васъ шиллингъ, покажутъ они не все, а скажутъ, что требуется для дальнѣйшаго осматриванія приплатить еще шесть пенсовъ добавочныхъ; очень часто и этого оказывается еще мало: вамъ говорятъ, что есть еще очень любопытныя вещи, — вотъ, напримѣръ, за этою дверью, но войти туда нельзя, не заплативъ еще шести пенсовъ или шиллинга. Любопытный путешественникъ, разумѣется, не постоитъ за такой ничтожной платой, идетъ за таинственную дверь и часто идетъ лишь для того, чтобы сказать другимъ, что туда ходить не стоитъ. Добавочные сикс-пенсы составятъ порядочную сумму, если захотѣть непремѣнно осматривать *все* въ Лондонѣ; признаюсь, я пожалѣлъ трехъ шиллинговъ, осмотрѣвъ рѣшительно все въ св. Павлѣ. Въ чемъ заключается это *все*, я постараюсь сказать какъ можно короче. Главное — въ лѣстницахъ одна другой длиннѣе, одна другой утомительнѣе; лѣстницы узкія и широкія, каменныя и деревянныя, съ высокими и съ низенькими ступеньками — всякія лѣстницы. Самая лучшая изъ всѣхъ этихъ лѣстницъ—такъ называемая геометрическая; лучшая она потому, что по ней не нужно ни подниматься, ни опускаться. Ее показываютъ, какъ первую въ этомъ родѣ лѣстницу, выстроенную въ Англіи, и за это, разумѣется, взимаютъ нѣсколько добавочныхъ пенсовъ. Тутъ пенсы спасаютъ по крайней мѣрѣ отъ лазанья, тогда какъ во всѣхъ другихъ случаяхъ ихъ число предполагаетъ извѣстное число ступенекъ, которыя надо пройти; а ступеньки считаются тутъ не десятками, а сотнями. Вамъ, разумѣется, и въ голову не прійдетъ считать ихъ — это удвоило бы усталость; но изъ маленькой книжонки, которую вы купили у входа въ соборъ, можете узнать, что всѣхъ ступенекъ — 612. Первый отдыхъ на этомъ длинномъ пути представляетъ библіотека, въ которой впрочемъ смотрѣть вовсе нечего. Она помѣщается въ одной комнатѣ, и путеводитель, отпирающій вамъ ея дверь, показываетъ тутъ преимущественно на портретъ епископа, который правилъ лондонскою епархіей во все время постройки собора. Портретъ—какъ портретъ, и

епископъ—какъ епископъ. Видя, что тутъ нѣтъ ничего замѣчательнаго, вы идете дальше, опять-таки по лѣстницамъ, и достигаете до такъ называемой Whispering Gallery, что можно перевести хоть «галлереей шопота». Эта галлерея огибаетъ внутри куполъ въ самомъ его основаніи. Она показалась мнѣ гораздо любопытнѣе тѣмъ, что отсюда яснѣе всего представляется громадность размѣровъ собора, нежели своею спеціальностью — шопотомъ. У маленькой дверки, отворяющейся на галлерею, стоитъ старикъ для произведенія акустическихъ опытовъ, и не давая подойти къ желѣзной балюстрадѣ и оглядѣть куполъ, торопитъ васъ обойти галлерею вокругъ и сѣсть на той сторонѣ, прямо противъ входной двери, на диванъ и приложить ухо къ стѣнѣ. Вы обходите, садитесь, прикладываете ухо, старикъ утыкается носомъ въ стѣну около двери и начинаетъ шептать, тогда, какъ вамъ кажется, что онъ кричитъ: «She Whispering gallery is so constructed, that the least whisper is heard on the opposite side....» или что-то въ этомъ родѣ, касающееся галлереи и ея постройки.

Гораздо интереснѣе внѣшняя, такъ называемая каменная галлерея, съ которой вы можете посмотрѣть на городъ, если онъ не совсѣмъ затопленъ туманомъ. Въ тотъ день, какъ я лазилъ на соборъ, на мое счастье было яркое солнце, и туманъ не такъ одолѣвалъ свѣтъ, какъ въ остальные дни моего лондонскаго пребыванія; но панорама, открывшаяся передо мной, все-таки была какъ будто задернута сѣрою дымкой. Только ближайшія улицы да Темза со своими мостами проглядывали сквозь нее; дальше все гуще и сѣрѣе вставалъ не то дымъ, не то туманъ, и изъ него черными иглами вырѣзывались только сотни башенъ и колоколенъ, которыхъ такъ много въ Лондонѣ и которыя придаютъ ему такой характеристическій видъ. Здѣсь, на каменной галлереѣ св. Павла, я, кажется, больше, чѣмъ гдѣ либо, досадовалъ на туманную атмосферу Лондона. Еще разъ можно взглянуть сверху внизъ съ верхней галлереи, которая называется золотою. Она идетъ вкругъ фонарика, на которомъ водруженъ крестъ. Но этою галлереей не оканчивается еще восхожденіе для любознательнаго путешественника. Онъ входитъ въ дверку фонарика, оставляетъ тутъ у сторожа свою шляпу, палку, пальто, если оно тяжело, и пускается въ наиболѣе неудобную экскурсію. Приходится, съ опасностью завязнуть, взбираться по крутой и неловкой лѣстницѣ между четырьмя желѣзными устоями, о которые можно изорвать себѣ платье и ссадить руки. Взлѣзать тутъ можно только поодиночкѣ. Добравшись до золотой галлереи, откуда Лондонъ представляется уже не городомъ почти, а старымъ, закоптѣлымъ планомъ города, я рѣшилъ взобраться и подъ крестъ. Въ узкомъ

проходѣ между желѣзными жердями мнѣ пришлось подождать. Передо мной полѣзъ туда англичанинъ, осматривавшій св. Павла, какъ и я, въ первый разъ. Я закинулъ голову и слѣдилъ за нимъ глазами. Высунувшись по поясъ на воздухъ подъ сквозную кровельку, надъ которою стоитъ крестъ, онъ осмотрѣлся вокругъ; но едва ли что̀ видѣлъ: вѣтеръ косматилъ и сбивалъ на глаза его длинные волосы. Поправить ихъ было невозможно, потому что руками приходилось крѣпко держаться. Я ждалъ, что онъ станетъ тотчасъ же спускаться и дастъ мнѣ пропускъ; но англичанинъ сталъ изловчаться и пристроиваться на краишкѣ фонарика, чтобы освободить одну руку. Послѣ немалыхъ усилій это ему удалось. Онъ опустилъ руку въ карманъ, вынулъ оттуда не то карандашъ, не то ножикъ, и принялся увѣковѣчивать свое имя на стѣнкѣ, нисколько не смущаясь вѣтромъ, который не только поставилъ у него на головѣ овиномъ всѣ волосы, но грозилъ даже развязать и унести его галстухъ. Что за важность! Онъ, казалось, былъ совершенно счастливъ, какъ Юпитеръ на Олимпѣ, державно взирающій съ облачныхъ высотъ на людской муравейникъ....

He seemed on Mount Olympus' top,
Among the Gods, by Jupiter! and let drop
His eyes from the empyreal clouds
On mortal crowds.

Мнѣ, напротивъ, это блаженство казалось самоотверженіемъ, и я едва высунулъ макушку изъ фонарика, какъ тотчасъ же и сталъ спускаться, боясь нажить себѣ насморкъ, на холодномъ пронзительномъ вѣтру. Спрашивается, зачѣмъ я лазилъ? Этотъ же вопросъ, казалось, выражалъ взглядомъ и почтительной улыбкой сторожъ, ожидавшій меня съ моей шляпой и съ платяною щоткой въ рукахъ, и съ надеждой на три пенса въ сердцѣ.

— Мало интереснаго, сэръ? замѣтилъ онъ, обмахивая съ меня щеткою пыль.

— Да, немного, отвѣчалъ я.

— А любопытствуютъ многіе, сэръ; даже дамы....

— Будто ужь и дамы?

— Увѣряю васъ, сэръ. Не дальше, какъ на прошлой недѣлѣ, одна молодая лэди взбиралась.

— Ну, и что же?

— Ничего, сэръ; благополучно.... Thank you, sir; very much obliged, добавилъ онъ, принимая отъ меня, вмѣсто жданныхъ трехъ, шесть пенсовъ.

Спускаться съ лѣстницъ, какъ всякому извѣстно, гораздо пріятнѣе, чѣмъ подыматься на нихъ; притомъ нечего уже останавливаться по дорогѣ, смотрѣть интересныя библіотеки, колокола и проч., и вы минутъ въ пять можете очутиться изъ «царства тучъ», говоря поэтическимъ слогомъ, въ подземномъ царствѣ — именно въ склепѣ, гдѣ стоитъ великолѣпная мраморная гробница Веллингтона, съ горящими по четыремъ ея угламъ, на высокихъ канделабрахъ, яркими газовыми рожками. Подъ сводами, рядомъ — не столь великолѣпная гробница Нельсона. Тутъ же въ скромномъ уголкѣ схороненъ и зодчій св. Павла — Ренъ (Wren). Говоря о статуяхъ собора, я забылъ упомянуть о памятникѣ этого человѣка, какъ многіе забываютъ и взглянуть на него, потому что онъ не обращаетъ на себя вниманія ни аллегорическими фигурами, ни затѣйливыми орнаментами. Это простая мраморная плита, на которой только написано имя да годъ смерти Рена, и прибавлено: si monumentum requiris, circumspice! (ты ищешь монумента — погляди вокругъ!)

Невдалекѣ отъ св. Павла, близъ Лондонскаго моста, есть и другой монументъ, сочиненный тѣмъ же Реномъ, который вообще проектировалъ множество построекъ въ Лондонѣ. Этотъ монументъ такъ и слыветъ у лондонцевъ подъ названіемъ *монумента* по преимуществу. Воздвигнутъ онъ въ память большаго лондонскаго пожара, чтò явствуетъ не столько изъ надписей на немъ, сколько изъ водруженной на верхушкѣ, весьма безобразной урны, съ еще безобразнѣйшимъ въ ней пламенемъ. И самая колонна, которая считается между прочимъ самою древнею, да кромѣ того и самою высокою изъ всѣхъ существующихъ колоннъ, не отличается вовсе красотою. Она и тяжела, и неуклюжа. Охотники любоваться Лондономъ сверху могутъ взобраться по лѣстницамъ внутри ея и на вершину колонны, но, побывавъ на куполѣ св. Павла, лазить на нее не стоитъ.

Вообще памятники въ Лондонѣ, которыхъ насчитать можно не мало, не стòятъ особеннаго вниманія иностранца: у нихъ нѣтъ никакой художественной цѣны, за исключеніемъ развѣ статуи Карла I на Чарингъ-Кроссѣ, да и то работы не англійской, а француза Лесюёра. Особенной неуклюжестью отличаются памятники Веллингтону; ихъ, кажется, три (говорю: кажется, потому что ихъ пожалуй и больше). Впрочемъ, художники можетъ быть именно и хотѣли передать въ своихъ изображеніяхъ эту неповоротливость, прямолинейность и безстрастность знаменитаго герцога, которая заслужила ему прозвище Jron duke (желѣзный герцогъ).

Отъ св. Павла, по ровнымъ, прямымъ и красивымъ улицамъ, идущимъ вверхъ по Темзѣ, почти параллельно съ нею, вы доходите, не уклоняясь въ стòроны, прямо къ другому, столь же знаменитому

въ архитектурномъ и историческомъ отношеніяхъ памятнику Лондона, какъ и соборъ, воздвигнутый Реномъ, — къ Вестминстерскому аббатству. Небольшая улица Ludgate Hill выводитъ отъ площади св. Павла на Fleet-Stréet, которая вдали заканчивается воротами Temple-Bar, границею сити въ эту сторону. Отличительный характеръ какъ этой улицы, такъ и слѣдующей за воротами — Странда — множество книжныхъ лавокъ и журнальныхъ конторъ. Тутъ и контора Понча, передъ окнами которой вѣчно стоитъ толпа, забавляясь каррикатурами на Луи-Наполеона. Но главное средоточіе книжной торговли—узенькій и довольно неопрятный переулокъ Paternoster-Row, параллельный одной сторонѣ площади св. Павла. Онъ почти весь занятъ лавками и печатнымъ товаромъ, и тутъ же въ одной изъ тавернъ сходятся обыкновенно лондонскіе книгопродавцы потолковать за стаканомъ эля о своихъ дѣлахъ. На улицѣ Ludgate помѣщается между прочимъ и администрація Times'а, стóящая, по жизни и дѣятельности въ ней, нѣсколькихъ министерствъ иного государства, соединенныхъ вмѣстѣ. Нигдѣ книжныя лавки не отличаются такимъ красивымъ видомъ, какъ въ Англіи. Англичанинъ не покупаетъ книгъ безъ переплета или по крайней мѣрѣ безъ прочной папки, и окна магазиновъ сіяютъ позолотой и разноцвѣтными корешками переплетовъ.

Улица Страндъ (которую, скажу мимоходомъ, въ одномъ изъ русскихъ переводовъ Диккенса перевели «набережной») кончается у Трафальгарской площади, красивѣйшей изъ всѣхъ лондонскихъ площадей, какъ думаютъ англичане. Площадей въ Лондонѣ вообще очень мало, всѣ онѣ очень тѣсны и застроены не совсѣмъ красивыми зданіями, а потому и не трудно играть между ними первую роль. Но сравнительно съ парижской площадью Согласія или съ Петербургской Исакіевской площадью — Trafalgar-Square весьма жалка въ художественномъ отношеніи. Посрединѣ ея возвышается колонна въ честь Нельсона. Массивная каменная терасса съ двумя фонтанами, которыми такъ бѣденъ Лондонъ, ведетъ къ приземистому зданію Національной галлереи, столь же скудной снаружи, какъ и внутри, хотя и украшенной, вслѣдствіе непонятной страсти англичанъ къ классицизму, кирпичною колоннадой.

Ужь если непремѣнно нужно подражать чему нибудь, то за предметами для подражанія англичанамъ нечего бы, кажется, ходить такъ далеко: у нихъ подъ бокомъ Вестминстерское аббатство, одно изъ прекраснѣйшихъ произведеній готическаго зодчества, полное гармоніи и оригинальности въ цѣломъ, несмотря на то, что оно строилось не сразу, не въ одинъ пріемъ, а съ остановками и измѣненіями въ планѣ, какъ и большая часть средневѣковыхъ зда-

ній. Съ перваго взгляда Вестминстеръ напоминаетъ парижскую Nôtre-Dame; но по моему онъ грандіознѣе и законченнѣе.

Чтобы пройти отъ Трафальгарской къ Вестминстерской площади, на которой стоитъ и громадное, оригинальное зданіе Парламента,— рѣшительно лучшее изо всего, что выстроили англичане,—надо миновать улицу Чарингъ-Кроссъ, гдѣ въ двухъ воротахъ конногвардейскихъ казармъ стоятъ конные часовые въ красныхъ мундирахъ, и Парламентскую улицу, не широкую и ничѣмъ не замѣчательную. Вестминстерская площадь, какъ всѣ почти лондонскія площади, занята прекраснымъ скверомъ; тутъ стоитъ памятникъ Каннингу.

Узкій переулочекъ или, лучше сказать, корридоръ, образованный стѣнами аббатства со стороны зданія Парламента, ведетъ къ маленькой двери въ церковь. Едва отворивъ ее, вы очутитесь какъ н кладбищѣ, которое кажется тѣмъ величественнѣе и тѣмъ болѣе производитъ впечатлѣніе, что подъ нимъ не синѣетъ небо, что эти могильные памятники не осѣнены деревьями. Вся внутренность церкви представляется одною большой могилой. Отъ стѣнъ и половъ вѣетъ холодомъ съ сыростью; свѣтъ скудно проходитъ въ стрѣльчатыя окна, сквозь расписныя стекла. Васъ даже не поразитъ здѣсь такъ непріятно, какъ подъ свѣтлымъ сводомъ св. Павла, не только нехудожественность, но часто и просто безобразіе многихъ памятниковъ, которыми заняты всѣ углы, всѣ закоулки, всѣ стѣны. Нѣкоторые изъ нихъ представляютъ цѣлыя мраморныя сцены и лѣпятся по стѣнѣ такъ высоко, что надо закидывать голову, чтобы разсмотрѣть ихъ въ подробности, да и это не всегда удается при сумракѣ, господствующемъ въ церкви, и при мелкотѣ орнаментовъ и деталей. Потеря не велика, потому что чѣмъ огромнѣе памятники, чѣмъ затѣйливѣе ихъ аллегоріи, тѣмъ менѣе извѣстны внѣ Англіи лица, памяти которыхъ они посвящены, тѣмъ часто незначительнѣе они и въ самой Англіи.

Почти у самаго входа скромный уголъ съ наиболѣе скромными памятниками посвященъ людямъ, составляющимъ славу и честь англійской литературы, и здѣсь поневолѣ застоишься больше, чѣмъ, передъ пышными аллегоріями, старающимися обратить вниманіе зрителя на малоизвѣстныя или часто и вовсе незамѣчательныя ничѣмъ, кромѣ рода или богатства, имена. Скромный уголокъ называется угломъ поэтовъ poet's corner. Надписи на памятникахъ воскрешаютъ передъ вами всю богатую исторію англійской литературы, и тѣмъ чувствительнѣе здѣсь недостатокъ двухъ-трехъ именъ, хоть бы, напримѣръ, Байрона и Вальтера Скотта. Но за то сколько другихъ именъ, и какихъ именъ! Бенъ Джонсонъ, Чосеръ, Спенсеръ, Шекспиръ, Мильтонъ, Грей, Ботлеръ, Конгревъ, Драйденъ, Попъ,

Адиссонъ, Оливеръ Гольдсмитъ, Томсонъ, Шериданъ.... Мильтону посвященъ едва ли не скромнѣйшій памятникъ. Это простая мраморная доска почти у самаго входа. Памятникъ Шекспира и достойнѣе великаго поэта, и художественнѣе. Не отъ того ли такъ плохи большею частью англійскіе монументы, что художникамъ въ нихъ вдохновляться-то было нечѣмъ? Неподалеку отъ Шекспира и великій поклонникъ его Давидъ Гаррикъ, такъ полно воспроизводившій на сценѣ созданныя поэтомъ лица. Неизвѣстно, почему въ число литературныхъ знаменитостей замѣшался человѣкъ, отличавшійся только своей долгой жизнью и не оставившій по себѣ никакой иной памяти въ мірѣ: въ этомъ же углу аббатства лежитъ нѣкто Томасъ Парръ, который прожилъ на бѣломъ свѣтѣ слишкомъ полтораста лѣтъ и видѣлъ десять царствованій въ Англіи.

Перечислять имена военныхъ и государственныхъ людей Англіи, допущенныхъ въ этотъ національный пантеонъ, было бы трудомъ большимъ и неблагодарнымъ; надо самому пройтись по этому великолѣпному кладбищу и пожалѣть, что не вездѣ память людей, оказавшихъ истинно важныя услуги родинѣ, цѣнится съ такимъ благоговѣніемъ, какъ въ Англіи. Нельзя однакожь не припомнить нѣкоторыхъ именъ, которыя сами собою подвертываются подъ перо, когда говоришь о Вестминстерѣ. Воиновъ здѣсь можетъ быть и больше, чѣмъ въ св. Павлѣ, но изъ нихъ не удерживается въ памяти ни одного имени. За то изъ числа государственныхъ людей какъ не назвать лордовъ Стенгопа и Мансфильда (памятникъ послѣдняго — произведеніе Флаксмана), Питта и Фокса, Каннинга, графа Чатама, отца Питта?... Не скоро посреди этихъ безчисленныхъ мавзолеевъ отыскиваешь памятники людей, дорогихъ столько же Англіи, сколько и всему просвѣщенному міру; но за то, отыскавши ихъ, съ большимъ благоговѣніемъ останавливаешься передъ ними. Въ Вестминстерѣ схоронены: химикъ Гомфри Дэви, Джемсъ Ваттъ, наконецъ Ньютонъ, которому, какъ и Шекспиру, поставлена очень удачная статуя.

Всѣ эти памятники посѣтитель Вестминстера можетъ осматривать и, если хочетъ, изучать—безданно–безпошлинно, если въ церкви не совершается въ то время богослуженія; но не ими одними ограничиваются достопримѣчательности аббатства. Чтобы видѣть остальныя, надо вынимать кошелекъ и отсчитывать шиллинги и сикспенсы. Длиннополый причетникъ, получивъ по таксѣ, что̀ слѣдуетъ, поведетъ васъ въ древнѣйшую часть зданія, сохранившуюся въ первоначальномъ видѣ, именно въ капеллу основателя аббатства, Эдуарда Исповѣдника, и примется офиціальнымъ голосомъ и слогомъ разсказывать вамъ и исторію и назначеніе каждаго предмета.

Посреди капеллы стоитъ гробница Эдуарда. Она была когда-то пышно изукрашена. На обнаженныхъ и дряхлыхъ стѣнахъ ея до сихъ поръ замѣтны слѣды дорогой мозаики изъ финифти и цѣнныхъ каменьевъ. Такой мозаикой была покрыта вся гробница, и одинъ матеріалъ, независимо отъ искусной работы, цѣнился въ пятьдесятъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Политическія и религіозныя революціи не пощадили ее. Кромѣ гробницы Эдуарда, въ капеллѣ не мало и еще гробницъ, небогатыхъ и жалкихъ. Онѣ размѣщены вкругъ могилы Исповѣдника. Тутъ лежатъ — жена его Эдиөь, Генрихи IV и V, Эдуарды I и III со своими женами, и Ричардъ II съ женой своей Анной. Тутъ же чичероне покажетъ вамъ и кожаный щитъ Генриха V и шпагу Эдуарда I, которой и вдвоемъ не подниметь.

Все это не такъ, разумѣется, интересно, для большинства посѣтителей Вестминстера, какъ кресла или троны, на которыхъ вѣнчаютъ на царство британскихъ королей и королевъ. Они также хранятся въ капеллѣ Эдуарда Исповѣдника.

Въ 1297 году Эдуардъ I привезъ изъ Шотландіи очень замѣчательный камень. Съ виду онъ не представлялъ ничего особеннаго — камень какъ камень; но, по словамъ преданія, онъ служилъ подушкой Іакову, когда тому снился извѣстный символическій сонъ. На этомъ камнѣ съ незапамятныхъ временъ короновались короли шотландскіе; со времени пріѣзда камня въ Лондонъ, на немъ стали короноваться и англійскіе владыки. Его не оставили однакожь въ первобытномъ видѣ: обдѣлали въ видѣ скамьи съ треугольною спинкой и съ довольно неуклюжими ручками. Другое такое кресло понадобилось сдѣлать для Маріи, жены Вильгельма III, и оно употребляется при коронованіи для королевы, если король женатъ. Чтò касается Викторіи — она короновалась на подушкѣ Іакова.

Изъ другихъ капеллъ аббатства (а всѣхъ ихъ десять или двѣнадцать) самая обширная и самая пышная — капелла Генриха VII. Къ ней ведетъ лѣстница изъ чернаго мрамора и три позолоченныя бронзовыя двери тонкой искусной работы. Еще цѣннѣе въ художественномъ отношеніи самая гробница основателя капеллы, стоящая посрединѣ. На гробницѣ изваяны Генрихъ съ женою, лежащіе рядомъ на похоронныхъ подушкахъ, съ закрытыми глазами и съ обращеннымъ кверху лицомъ. Это одинъ изъ памятниковъ пребыванія въ Англіи знаменитаго флорентинскаго скульптора Піетро Торриджіано, соперника Микель-Анджело. Кромѣ этого главнаго украшенія, капелла стòитъ вниманія и по множеству изящныхъ небольшихъ фигуръ на стѣнахъ, изображающихъ пророковъ, патріарховъ, святыхъ мучениковъ, и проч. Въ этой капеллѣ происходитъ посвященіе въ

кавалеры ордена Бани, и вкругъ стѣнъ идутъ въ два ряда скамьи для членовъ этой церемоніи. Надъ скамьями развѣшано разное древнее оружіе и знамена съ гербами и именами кавалеровъ ордена.

Обойдя другія королевскія могилы, путешественникъ уноситъ съ собой въ памяти преимущественно фигуры великой Елизаветы и Маріи Стюартъ. У каменной Елизаветы, съ круглыми, какъ у птицы, глазами и съ ястребинымъ носомъ, очень непріятная наружность.

МИХ. МИХАЙЛОВЪ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ОБЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ИЗУЧЕНІИ РУСС. ЯЗЫКА.

(Опытъ исторической грамматики русскаго языка. Учебное пособіе для преподавателей. Составлено *Ѳ. Буслаевымъ*. Въ двухъ частяхъ. Москва. 1858.)

Еще свѣжо въ памяти всѣхъ то время, когда самая живая часть педагогіи — отечественное языкознаніе осуждалось на безусловное окаменѣніе и неподвижность. Для человѣка, понимающаго дѣло, поразительна та узкость взгляда на языкъ, которая тогда господствовала, тѣ нелѣпыя и безумныя претензіи на законодательство въ дѣлѣ его изученія, которыя торжественно высказывала жалкая бездарность. Къ несчастію, не одно поколѣніе выросло подъ вліяніемъ этой мертвящей рутины, которая вела почти къ презрѣнію роднаго живаго слова. Эту мертвенность порождала сухая формальная грамматика, кричавшая о томъ, что она заключаетъ въ себѣ всѣ богатства языка, а на самомъ дѣлѣ подавлявшая ихъ своей тяжелой лапой. Но, кромѣ грамматики, живой духъ живаго слова подавлялся также разными теоріями (прозы, поэзіи и литературы) и семинарскимъ методомъ преподаванія. Выучить наизусть грамматику, напримѣръ, г. Греча, вызубрить реторики Кошанскаго или подобныя имъ убогія изданьица, набить руку писаніемъ хрій и кропаніемъ стишковъ; знать формулярные списки писателей, которые заставляли учениковъ обращать вниманіе на то, что, напримѣръ, Пушкинъ былъ то-

класса теоретическое изученіе сравнительно-филологической исторической грамматики, при чемъ необходимо и возможно познакомить воспитанниковъ съ элементами исторіи языка. Могутъ возразить, что такія занятія будутъ не подъ силу мальчикамъ 13—14-лѣтняго возраста. Хотя мы и по опыту знаемъ, что подъ силу, но, соглашаясь съ возраженіемъ, спросимъ въ свою очередь: почему не отнести подобныхъ занятій въ одинъ изъ старшихъ классовъ, подвинувъ преподаваніе словесности на годъ впередъ, къ болѣе высшему классу? Преподаваніе словесности будетъ тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ въ старшемъ возрастѣ будутъ находиться воспитанники. Дѣло въ томъ, что безусловно практическое изученіе грамматики, при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ въ настоящее время находятся преподаватели (а какого рода эти условія, — доказываетъ необходимость для нихъ руководства), не приведетъ къ желаннымъ результатамъ: дѣло можетъ ограничиться однимъ разборомъ предложеній и частей рѣчи, болѣе остальнаго не требуется.

Между тѣмъ эти современныя условія и эти современные взгляды гг. преподающихъ, какъ нельзя лучше высказываются во множествѣ руководствъ, вышедшихъ по русской грамматикѣ съ 1852 г., съ разными названіями: *пособій для военно-учебныхъ заведеній, составленныхъ по программѣ военно-учебныхъ заведеній, для низшихъ классовъ военно-учебныхъ заведеній*; — руководствъ, или поющихъ пѣсню на старый ладъ, или имѣющихъ цѣлію озадачить учащихся глубиною философскихъ воззрѣній на языкъ, или переливающихъ изъ пустаго въ порожнее, какъ мы знаемъ одно изъ нихъ, составленное для I-го класса и трактующее о разборѣ предложенія и частей рѣчи на 10 листахъ убористой печати. Всѣ эти, вызванныя на свѣтъ Божій программами военно-учебныхъ заведеній, руководства доказываютъ одно: господа ихъ составители, дѣйствительно, принадлежатъ къ новымъ преподавателямъ: они горячо ратуютъ за *практическую* грамматику и *философски* смотрятъ вообще на нее. Но современность ихъ однимъ этимъ и ограничивается: ни одинъ изъ нихъ не высказалъ необходимости историческаго изученія языка; ни одинъ не пошелъ далѣе практичности.

Среди этихъ *одностороннихъ* увлеченій, явилось такъ давно ожиданное сочиненіе г. Буслаева. Нельзя не поблагодарить начальство военно-учебныхъ заведеній, что оно поручило составленіе *необходимаго для преподавателей* руководства исторической грамматики г. Буслаеву. Конечно, самое назначеніе *руководства для преподавателей* есть фактъ во всякомъ случаѣ печальный; но что дѣлать, если необходимость его оправдывается вышеуказанными обстоятельствами!

Г. Буслаевъ у насъ пока единственный историкъ языка, превосходящій въ этомъ отношеніи и г. Срезневскаго, спеціальность котораго, какъ извѣстно, составляютъ славянскія нарѣчія, то-есть языкъ, литература и древности этихъ народовъ. Г. Буслаевъ первый началъ проводить у насъ гриммовскія идеи и первый плодотворно примѣнилъ ихъ къ нашему языку, литературѣ и древностямъ. Можно не соглашаться съ нѣкоторыми его взглядами; можно отвергать пользу нѣкоторыхъ его статей, имѣющихъ предметомъ нашу древнюю этнографію; но никакъ нельзя отрицать научной важности его сочиненій, относящихся до исторіи языка и литературы. Г. Буслаевъ оказалъ неоцѣненныя услуги нашей древней и народной словесности, расширивъ ея границы, заключавшія въ себѣ доселѣ одни произведенія духовныхъ писателей, и отыскавъ поэтическій элементъ тамъ, гдѣ прежде его и не подозрѣвали. Наконецъ, — болѣе, чѣмъ кѣмъ нибудь, сдѣлано г. Буслаевымъ и для исторической русской грамматики: его сочиненіе *«О преподаваніи отечественнаго языка»* и статьи, помѣщавшіяся въ періодическихъ изданіяхъ, представляютъ, если не богатый, то, вмѣстѣ съ сочиненіемъ г. Срезневскаго, *«Мысли объ исторіи русскаго языка»*, единственный матеріалъ для этой науки.

Намъ нѣтъ надобности распространяться о пользѣ историческаго изученія языка. Исторія языка состоитъ изъ исторіи словъ или понятій, претерпѣвшихъ естественныя, необходимыя измѣненія съ теченіемъ времени, и изъ исторіи грамматическихъ формъ, подвергнувшихся такимъ же перемѣнамъ. Собственно исторія языка, по выраженію г. Срезневскаго, дописываетъ бѣлыя, начальныя страницы исторіи, которыя безъ нея вѣчно бы и остались бѣлыми. И въ самомъ дѣлѣ, на какой бы жалкой степени образованія ни находился извѣстный народъ, пускай суждено ему жить и умереть безвременнымъ, слѣдовательно, не имѣть никакой литературы, никакихъ историковъ; но прошлая жизнь его, по крайней мѣрѣ въ главнѣйшихъ своихъ отправленіяхъ, не пропадаетъ безслѣдно для науки, если только живъ еще языкъ его. Языкъ — это скрижаль, на которой чертитъ народъ крупные факты своей стародавней жизни во всѣхъ ея видахъ — исторію, миѳологію, право, этнографію, поэзію и т. п. Глубокая древность сохраняетъ въ языкѣ народа множество словъ и выраженій, которыя ясно говорятъ о прошлой его жизни; можно указать, напримѣръ, на слѣдующія: *чуръ меня, челобитье, Батыева дорога* (или *Бакъева-дорога*, такъ называется *млечный путь* въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ нарѣчіяхъ), *[illegible], татарникъ, мордовникъ* (провинціальныя названія растеній) и т. п. Всѣми подобными данными современная наука умѣла воспользоваться для своихъ

цѣлей. Исторія языка — источникъ живой и неиссякаемый; долго еще будетъ черпать изъ него наука новые факты; много еще придется его расчищать и изслѣдовать. Это изслѣдованіе тогда только будетъ плодотворно, если число изслѣдующихъ будемъ считать не единицами, какъ теперь, а десятками и сотнями. Но достигнуть такихъ утѣшительныхъ результатовъ возможно будетъ тогда, когда исторіей языка будутъ заниматься въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Когда это сдѣлать, — предоставляется усмотрѣнію преподавателя; какъ сдѣлать, — объ этомъ мы думаемъ сказать нѣсколько словъ. По нашему мнѣнію, если не измѣнять существующаго расположенія учебныхъ предметовъ, — упражненія по исторіи языка всего удобнѣе производить: для кадетскихъ корпусовъ въ III общемъ классѣ, въ которомъ по прежнимъ программамъ проходилась отдѣльно и историческая грамматика; для гимназій... но мы не знаемъ, будетъ ли въ нихъ и въ какомъ объемѣ будетъ введенъ историческій методъ? Откладывать же подобныя упражненія до старшихъ классовъ, то есть до того времени, когда начинается изученіе литературы, значитъ гнаться за двумя зайцами: при изученіи литературы, если ее не ограничивать одними духовными сочиненіями, и преподавателю и воспитанникамъ, при теперешнихъ нашихъ научныхъ средствахъ, будетъ столько работы, что некогда и думать о языкѣ.

Для упражненія въ исторіи языка нѣтъ надобности составлять особеннаго руководства, да оно и невозможно; потому что, при современномъ состояніи источниковъ, самая исторія языка, какъ наука, обнимающая всю совокупность явленій прошлой, доисторической жизни извѣстнаго народа, возможна только по идеѣ, а не по исполненію: возможенъ очеркъ доисторической судьбы народа, составленный на основаніи изслѣдованій о языкѣ; возможна многознаменательная исторія какого-нибудь народа; возможна общая характеристика первобытной поэзіи, но и только. Даже знаменитое произведеніе Якова Гримма «Geschichte der deutschen Sprache» не подходитъ подъ истинный идеалъ лингвистической исторіи. А между тѣмъ посмотрите, какія богатыя данныя указалъ языкъ Я. Гримму и Шафарику при составленіи ихъ классическихъ произведеній «*Исторіи нѣмецкаго языка*» и «*Славянскихъ древностей*.» Но если невозможно руководство по исторіи языка, то необходимы для нашихъ преподавателей, по причинамъ, выше указаннымъ, наставленія, какъ имъ заниматься историческими упражненіями. Эти наставленія были бы весьма умѣстны въ подобномъ сочиненіи, какъ историческая грамматика, куда также было бы весьма не безполезно внести побольше элементовъ историческихъ. Занятія по исторіи языка всего легче и удобнѣе дѣлать при чтеніи и переводахъ съ древняго русскаго языка; для этой цѣли

можетъ служить пособіемъ хоть историческая хрестоматія, составленная г. Галаховымъ. Положимъ, вы напримѣръ, принимаетесь за чтеніе лѣтописи Несторовой по Лаврентьевскому списку. Конечно, прежде всего, вы обращаете вниманіе на языкъ лѣтописи, сходный, по своимъ грамматическимъ формамъ съ языкомъ церковно-славянскимъ, а по своему духу, т. е., по поэтической изобразительности, съ языкомъ народнымъ. Объяснивъ подробнѣе этотъ духъ и эти формы, вы переходите къ объясненію нѣкоторыхъ словъ, историческаго ихъ измѣненія, и къ сравненію ихъ съ словами простонародными. Ваше вниманіе, напр., могутъ остановить слѣдующіяслова: *переклюкать* — перехитрить, употребляющіяся и теперь въ Новгородской губ., (см. *Опытъ област. Велико-рус. слов.*), *скора* — шкура, отсюда *скорнякъ*; *товары* — обозъ, войско и *гуртъ рогатаго скота* въ губ. Воронеж., Курск., Орловск.; отсюда теперешнее товарищъ; *гобино* — рожь, *обилье* — тоже и *всякій немолоченный хлѣбъ* въ Арханг. губ.; *котора* — ссора, вражда, употребляемое съ тѣмъ же значеніемъ въ Пермской губ.; *истобка*—изба и *чердакъ*, *верхъ избы* въ Симбирск. губерніи; *опрати*—вымыть, *опреня*—щеголь въ Калуж. губ.; *прать*—бить колотить въ Смоленск. губ.; *сколота* — дѣло, продѣлки; *сколоты* — хозяйственныя хлопоты въ Вологодск. губ., и т. п.

Приведенныя слова мы сближали съ простонародными; можно найдти множество словъ, которыя дадутъ богатые матеріалы для исторіи языка; таковы взятыя нами на выдержку; *тризна*, *вои*, *дружина*, *боляры* (бояринъ, баринъ); *князь* (*князекъ* — матица въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ нарѣчіяхъ), *старцы* (старики,—въ народной мірской сходкѣ), *мужъ*, *мужи* (отсюда мужчина, мужикъ) *христіане и крестьяне* (переходъ понятія религіознаго къ понятію сословному) и многія другія. Словомъ, чѣмъ болѣе знакомъ самъ преподаватель съ матеріалами для исторіи языка (а безъ этого знакомства безплодны будутъ его занятія), тѣмъ легче для него найдти средства — возбудить любознательность въ воспитанникахъ. — Никакое руководство, никакія наставленія не снабдятъ преподавателей достаточнымъ запасомъ матеріаловъ для исторіи языка, если они сами не познакомятся съ наибольшимъ числомъ памятниковъ нашей древней словесности, преимущественно поэтическихъ и юридическихъ. —Подобныя упражненія, связывающія языкъ съ исторіей, этнографіей и миѳологіей, могутъ быть занимательны и не безполезны для воспитанниковъ; во-первыхъ потому, что онѣ возбуждаютъ ихъ любознательность, а слѣд. не наводятъ скуки, чѣмъ отличался старый методъ преподаванія отечественнаго языка; во-вторыхъ потому, что пріохочиваютъ ихъ къ собственнымъ занятіямъ — обстоятельство, очень важное впослѣдствіи, какъ при составленіи сочиненій по

источникамъ, такъ и въ пріобрѣтеніи новыхъ дѣятелей по нашей русской наукѣ.

Ежели историческое изученіе языка ограничить однѣми перемѣнами въ формахъ, которыя испыталъ языкъ въ теченіи времени, то оно далеко не можетъ сравниться въ пользѣ съ занятіями, о которыхъ мы говорили выше. Исторія грамматическихъ формъ, хотя представляетъ болѣе занимательности, чѣмъ держащаяся до сихъ поръ чисто-форменная грамматика, но и она тѣмъ не менѣе отличается сухостію формализма, мало дающаго пищи любознательности, мало удовлетворяющаго умъ и фантазію.

Этимъ мы не думаемъ однакоже отвергать пользу чисто-формальной исторической грамматики, не думаемъ ставить ее въ параллель съ грамматикой формально-теоретической: она имѣетъ огромную пользу въ практическомъ отношеніи—для правописанія, и все-таки не безполезна и въ историко-лингвистическомъ отношеніи, уже по одному тому, что ей приходится имѣть дѣло съ языкомъ старымъ и народнымъ.

Для оживленія грамматики формально-исторической, оживленія, необходимаго при современномъ состояніи у насъ науки отечественнаго языкознанія, въ нее необходимо включить элементы, собственно относящіеся до исторіи, происхожденія и составныхъ частей языка. Историческая грамматика (разумѣя подъ этимъ именемъ исторію грамматическихъ формъ) можетъ быть изучаема или въ связи съ грамматикой теоретической, или какъ отдѣльный предметъ. И тотъ и другой способъ ея изученія имѣетъ свои удобства и неудобства: первый способъ удобнѣе будетъ въ послѣдствіи времени; второй теперь, когда существуетъ необходимость въ составленіи руководства исторической грамматики для самихъ преподавателей. Изучаемая вмѣстѣ съ грамматикой теоретической, историческая можетъ быть ограничена одною формальностью; изучаемая отдѣльно, она должна принять въ себя и посторонніе элементы. По нашему крайнему разумѣнію, вотъ программа, которой долженъ слѣдовать современный составитель учебнаго руководства, для кого бы оно ни предназначалось — для учителей или учениковъ. 1) О происхожденіи языка и о первоначальномъ вещественномъ, поэтическомъ значеніи словъ; отсюда естественный переходъ къ народной поэзіи, предшествующей прозѣ. Нѣсколько словъ о значеніи исторіи языка для народной доисторической жизни. 2) О языкахъ славянскихъ. 3) О языкѣ церковно-славянскомъ, какъ старѣйшемъ славянскомъ литературномъ нарѣчіи, и о важности его для языка русскаго. Характеристика церковно-славянскаго нарѣчія. 4) Элементы языка русскаго: а) языкъ литературный; b)

языкъ разговорный; c) языкъ старый; d) языкъ народный. 5) Общее обозрѣніе трехъ періодовъ въ исторіи грамматическихъ формъ: а) доисторическаго, b) періода превращеній; c) позднѣйшаго (съ XIV и XV столѣтія). 6) Исторія формъ этимологическихъ, и 7) исторія синтаксическихъ особенностей. Удовлетворительно составленная по такой программѣ историческая грамматика въ живой наглядности представитъ предметъ, еще такъ мало у насъ знакомый.

Г. Буслаевъ составилъ свой *Опытъ Исторической Грамматики* по другому плану. Его сочиненіе имѣетъ двоякое назначеніе: 1) для учащихъ служитъ пособіемъ въ преподаваніи, при объясненіи грамматическихъ правилъ; и 2) для учащихся предлагаетъ справочную книгу, въ которой они могутъ находить рѣшеніе затруднительныхъ вопросовъ грамматическихъ, встрѣчающихся имъ на практикѣ; а именно: при чтеніи произведеній церковно-славянской и русской литературы, учащіеся могутъ справляться съ этою книгою, для объясненія отдѣльныхъ словъ и цѣлыхъ выраженій; при собственныхъ же письменныхъ упражненіяхъ могутъ руководствоваться ею въ правильномъ употребленіи языка.» (Предисловіе. Стр. XXIX).

Предполагая въ учащихся первоначальныя свѣдѣнія въ отечественной грамматикѣ, авторъ не счелъ нужнымъ начать свое сочиненіе ни логическимъ разборомъ предложенія, ни синтаксическимъ объясненіемъ значенія частей рѣчи и ихъ принадлежностей. Авторъ строго отдѣляетъ этимологію отъ синтаксиса, придавъ первой значеніе практическаго руководства и включивъ въ нее ученіе о правописаніи. Въ синтаксисѣ г. Буслаевъ излагаетъ: отношеніе логики къ грамматикѣ (во введеніи), составъ предложенія и значеніе частей рѣчи, историческую часть словосочиненія, состоящую въ синтаксическомъ разборѣ не только предложеній, но и отдѣльныхъ грамматическихъ формъ, каковы: залоги, виды, времена и проч.; во многихъ §§ этой части авторъ сравниваетъ отечественный языкъ съ иностранными, преимущественно новѣйшими, въ синтаксическомъ отношеніи. Слѣдуя лучшимъ сочиненіямъ въ литературѣ грамматической, авторъ *имѣлъ осторожность* постоянно сврять свой *Опытъ* съ прежними учебниками, для того, чтобы непрестанно имѣть въ виду практическую цѣль въ изученіи роднаго языка. (Предисловіе. Стр. XXIX — XXXII).

Нельзя не остановиться нѣсколько на самомъ планѣ нашего автора. Прежде всего поражаетъ читателя двойственность назначенія сочиненія: въ названіи книги мы читаемъ: «учебное пособіе для *преподавателей*», а въ предисловіи говорится, что «*Опытъ Исторической Грамматики для учащихся*» предлагаетъ справочную книгу, и т. д. Считаемъ нужнымъ замѣтить, что вторая цѣль автора не достигаетъ

своего назначенія. Для какого возраста, для какого класса учащихся г. Буслаевъ назначаетъ свою книгу? Если для III общаго класса кадетскихъ корпусовъ, какъ можно догадываться по одному мѣсту предисловія (стр. XXX сверху), то смѣло можетъ завѣрить, что его почтенный объемистый трудъ нисколько не годится для учащихся въ томъ возрастѣ, въ которомъ находятся воспитанники III-го класса. Если для учениковъ старшихъ классовъ, оканчивающихъ курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ,—то очень и очень не многіе возьмутся изъ любознательности за его книгу: въ положеніи оканчивающихъ курсъ — не до грамматическихъ занятій, не до книгъ, хотя истинно полезныхъ, но скучныхъ по мелочнымъ подробностямъ. Итакъ, на грамматику г. Буслаева слѣдуетъ смотрѣть—только, какъ на руководство для преподавателей. Съ этой точки и мы будемъ разсматривать трудъ почтеннаго автора, предоставляя болѣе свѣдущимъ насъ спеціалистамъ подвергнуть его строго-ученому филологическому разбору.

Мы уже заявили наше уваженіе къ филологическимъ трудамъ профессора Буслаева. Его *Опытъ Исторической Грамматики* отличается несомнѣнными учеными достоинствами. Это сочиненіе представляетъ богатѣйшій матеріалъ для исторіи лингвистическихъ формъ, и нѣсколько интересныхъ данныхъ (во II-й части) для исторіи языка: будущій историкъ русской грамматики многое долженъ почерпнуть изъ сочиненія почтеннаго автора. Нельзя не удивляться богатству источниковъ, которыми пользовался г. Буслаевъ для своего труда, нельзя не изумляться терпѣнію, съ которымъ почтенный профессоръ собиралъ въ этомъ множествѣ источниковъ такіе факты, которые легко могли ускользнуть отъ менѣе пытливаго вниманія. Для исторіи формъ (грамматическихъ) почти нечего дѣлать теперь, послѣ г. Буслаева. Но независимо отъ этого, мы съ удовольствіемъ можемъ указать на нѣкоторыя мѣста *Опыта*, удовлетворяющія болѣе живой любознательности; къ числу ихъ принадлежатъ: введеніе ко II-й части, *объ отношеніи языка къ мышленію*; превосходная статья «*Выраженіе представленія и понятія въ отдѣльномъ словѣ*», трактующая объ эпитетахъ, синонимахъ и тропахъ, и весьма богатая историко-лингвистическимъ элементомъ; *описательныя формы склоненія*; *залогъ страдательный* и вообще вся 2-я глава II-й части сочиненія, болѣе живой и интересной, чѣмъ 1-я; но и въ 1-й нельзя не указать на прекрасную статью объ *образованіи словъ* (стр. 72—82). Вообще, сочиненіе г. Буслаева, какъ первый опытъ въ историческомъ родѣ, какъ сочиненіе ученое, отличается несомнѣнными достоинствами. Беремъ на себя самую неблагодарную задачу — указать на недостатки его, какъ труда педагогическаго.

Огромное большинство нашихъ преподавателей, какъ мы сказали выше, нуждается въ пособіи, подобномъ «Опыту Исторической Грамматики». Но, къ сожалѣнію, сочиненіе г. Буслаева далеко не удовлетворяетъ своему назначенію въ этомъ отношеніи. Преподаватели, уже нѣсколько знакомые съ историческимъ методомъ, еще съумѣютъ воспользоваться матеріалами, которыми богатъ «Опытъ»; но что должны дѣлать съ нимъ тѣ изъ учителей, для которыхъ историческое изученіе языка еще terra incognita? Они рѣшительно запутаются въ лабиринтѣ параграфовъ, мелочей, ненужныхъ формальностей. Г. Буслаевъ написалъ свою книгу по плану, котораго съ педагогической точки зрѣнія никакъ нельзя одобрить: онъ, можетъ быть, превосходенъ для ученой исторической грамматики, но никакъ не для руководства. Авторъ упустилъ изъ виду, что онъ долженъ былъ имѣть дѣло не съ наукою, а съ людьми, желающими научиться; множество же параграфовъ, на которые раздѣляется его сочиненіе, нисколько не способствуетъ легкости этого изученія. Этотъ планъ, это изобиліе рубрикъ не сдѣлали сочиненіе картиннымъ и увлекательнымъ, какимъ оно могло и должно бы быть, а скучнымъ и утомительнымъ.

Странное дѣло, — г. Буслаевъ какъ будто хлопоталъ о томъ, чтобы не сдѣлать своего сочиненія занимательнымъ, какъ будто преднамѣренно обходилъ вопросы, имъ же рѣшенные въ другомъ мѣстѣ и рѣшенные прекрасно! Увлекшись сырымъ матеріаломъ историко-грамматическихъ формъ, г. Буслаевъ забылъ о прежнихъ своихъ трудахъ, не воспользовался или недостаточно воспользовался не только исчисленными имъ на нѣсколькихъ страницахъ источниками, но и собственными изслѣдованіями, идеи которыхъ въ настоящее время, у насъ, необходимо было провести въ историческую грамматику. Правда, что эти идеи тамъ и сямъ проглядываютъ въ «Опытѣ»; но чтобы вытянуть ихъ изъ-подъ груды сыраго матеріала, требуется величайшее усиліе и уже привычная сноровка, а возможно ли, скажите, этого требовать, напримѣръ, отъ молодаго преподавателя? «Опытъ» г. Буслаева представляетъ всѣ данныя для построенія сочиненія по плану, предложенному нами; но данныя эти во-первыхъ отличаются не догматическимъ, а параграфнымъ изложеніемъ, а во-вторыхъ, разбросаны по разнымъ мѣстамъ книги.

Считая достаточнымъ запасъ свѣдѣній учащихся, г. Буслаевъ обѣщалъ, повидимому, исключить изъ своего сочиненія все, относящееся до грамматики теоретической; въ преподавателяхъ авторъ былъ обязанъ предполагать основательное знаніе теоріи языка, а между тѣмъ онъ пускается въ такія ненужныя формальныя подробности, которыя только безполезно утолстили его книгу: безъ этого она могла бы умѣститься на 20—25 печатныхъ листахъ, а не

на 40 слишкомъ, какъ теперь. Скажите, развѣ не формальности, напримѣръ, слѣдующія вещи: *законы и правила языка* (стр. 10. I), *опредѣленіе гласныхъ и согласныхъ звуковъ* (стр. 25. 52. I), *раздѣленіе слова по слогамъ*, въ которомъ такъ и просится въ любую изъ формальныхъ грамматикъ слѣдующее правило: «когда слово не умѣщается къ концу строки, тогда, для переноса буквъ въ другую сторону, раздѣляютъ оное по слогамъ, руководствуясь слѣдующими правилами». Слѣдуютъ правила, удивительно идущія къ исторической грамматикѣ (стр. 70. I). Что такое, какъ не излишняя формальность, — опредѣленія частей рѣчи, мелочныя классификаціи, множество параграфовъ, утомительныя ссылки на нихъ? Къ чему въ исторической грамматикѣ толки о согласованіи и управленіи словъ? Къ чему слѣдующая замѣтка: «глаголъ *быть*, какъ часть составнаго сказуемаго, въ настоящемъ времени у насъ опускается. Напримѣръ, говоримъ: «праздность вредна» вм. «есть вредна» (стр. 23. II)? Зачѣмъ въ историческую грамматику попали такія статьи, какъ *разстановка и соединеніе словъ на письмѣ*, гдѣ, между прочимъ, попадается слѣдующее, очень важное для исторіи языка правило: «сложныя съ предлогомъ *по* пишутся различно: и соединяются, напр. *посвойски*, *подружески*; и раздѣляются чертою: *по-свойски*; *по-дружески* (!). Кто пишетъ въ началѣ прилагательныхъ, произведенныхъ отъ собственныхъ именъ, прописную букву, тотъ долженъ отдѣлять чертою предлогъ *по*, сложенный съ этими прилагательными въ нарѣчіяхъ; напр. *по-Французски*, *по-Нѣмецки* (!!), потому что среди слова прописная буква не ставится: по-Нѣмецки. Но кто начинаетъ эти прилагательныя строчною буквою, тотъ можетъ писать слитно нарѣчія, отъ нихъ произведенныя и сложенныя съ предлогомъ *по*; напр. *пофранцузски*, *понѣмецки* и проч.» (стр. 108. II)? Зачѣмъ зашли въ историческую грамматику правила о разстановкѣ знаковъ препинанія и прописныхъ буквъ, предписывающія даже слова *господинъ* и *госпожа* передъ собственными именами писать большою буквою, напр. не г. Буслаевъ, а Г. Буслаевъ (см. стр. 116. II)?

Можно бы еще много сдѣлать автору вопросовъ, по чему и *для чего* ввелъ онъ *то и то* въ свою историческую грамматику; но довольно уже и сдѣланныхъ. Г. Буслаевъ увлекся практичностію (вотъ почему у него на такомъ видномъ мѣстѣ стоитъ *правописаніе*), желаніемъ научить несмысленныхъ. Прекрасное желаніе; но только, пожалуйста, не безпокойтесь научать тому, чего отъ васъ никто не желаетъ и не ожидаетъ въ данномъ мѣстѣ. Если уже автора соблазняла теоретическая часть языка, онъ бы гораздо лучше сдѣлалъ, если бы составилъ грамматику теоретически-историческую, и съ

философски-историческую. Конечно, книга могла бы выйти еще полезнѣе, но это было бы не бѣда и во всякомъ случаѣ лучше, чѣмъ куча формальнаго хлама, которымъ набилъ теперь авторъ свой почтенный трудъ. Несмотря на несовершенную состоятельность лингвистическихъ идей *Беккера*, въ чемъ мы совершенно согласны съ авторомъ, во всякомъ случаѣ не мѣшало бы больше распространить ихъ въ нашей педагогической литературѣ; академическій «Опытъ общесравнительной грамматики русскаго языка» воспользовался ими слишкомъ недостаточно. Если невозможно отвергать, что языкъ создается подъ вліяніемъ разума (философіи), фантазіи (поэзіи) и самой жизни (исторіи), то нѣтъ ни малѣйшей возможности отвергать пользу (хотя бы и относительную) беккеровскихъ идей: онѣ плодотворны уже потому, что — *идеи*, что во всякомъ случаѣ возбуждаютъ живое воззрѣніе на языкъ. «Опытъ Исторической Грамматики» г. Буслаева не чуждъ философскихъ идей, особенно во II-й части; такъ мы съ удовольствіемъ можемъ указать на статью «Значеніе частей рѣчи, каждой въ особенности» (ч. II, стр. 84—98). Но жаль, что ихъ мало, сравнительно съ ненужностями, которыми наполненъ учебникъ автора. Стоя на исторической почвѣ, авторъ не могъ увлечься философскими идеями, а между тѣмъ очень бы не мѣшало, напримѣръ, представить болѣе догматическое изложеніе *о значеніи флексій и объ отношеніи ихъ къ служебнымъ частямъ рѣчи, о значеніи мѣстоименій, числительныхъ, предлоговъ и союзовъ*. Странное дѣло! Опять нельзя не сказать: обо всемъ этомъ можно прочесть въ прежнихъ сочиненіяхъ г. Буслаева; мы помнимъ, что хотя и есть объ этомъ, но не болѣе какъ *кое-что*. Нельзя не пожалѣть, что почтенный профессоръ, щедрый на формальности, такъ поскупился на идеи. Можетъ быть, автору лучше было бы оставить въ покоѣ и теоретическую, и философскую часть, а заняться одною историческою. Но жаль, что избранный имъ планъ, преимущественно формальный, и тутъ помѣшалъ дѣлу, введя автора въ нѣкоторыя заблужденія. Если бы г. Буслаевъ послѣдовалъ плану, предложенному г. Срезневскимъ, относительно раздѣленія исторіи языка на періоды, и представилъ бы въ общихъ чертахъ характеристику каждаго, то сочиненіе его вышло бы вѣроятно занимательнѣе и цѣлесообразнѣе. Въ такомъ періодическомъ подраздѣленіи всего болѣе нуждается языкъ книжный.

Вначалѣ нашъ литературный языкъ былъ не что иное, какъ нарѣчіе церковно-славянское. Съ теченіемъ времени въ него не могли не входить, и дѣйствительно входили, живые элементы русской разговорной рѣчи. Но это оживленіе шло путемъ чрезвычайно медленнымъ, далеко отставая даже отъ медленнаго движенія впередъ народной жизни. Слѣдствіемъ этой медленности было то, что наша

книжный языкъ все болѣе и болѣе мертвѣлъ и отдалялся отъ живой народной рѣчи; высшій моментъ этого омертвѣнія представляютъ письменные памятники XVI и XVII столѣтій; исключеніе составляетъ языкъ юридическій, замѣчательно близкій къ народному, но по бѣдности содержанія, также застывшій въ неподвижности. Настаетъ XVIII столѣтіе, вѣкъ реформъ какъ въ жизни, такъ и въ языкѣ. Явился Ломоносовъ. Онъ только указалъ путь, по которому должна была идти лингвистическая реформа; но этотъ путь для языка не былъ путемъ жизни, а въ самомъ себѣ носилъ зародыши разложенія. Нельзя не видѣть замѣчательной аналогіи между политическою реформою Петра и лингвистическою Ломоносова: и та и другая обошли народъ и дѣйствовали помимо его. Не касаясь первой, оправдывая историческую необходимость второй, мы только замѣтимъ, что послѣдняя въ отношеніи языка представляетъ самое печальное явленіе, болѣе безотрадное, чѣмъ предшествующая окаменѣлая, если такъ можно выразиться, эпоха (важности литературнаго значенія ломоносовскаго періода мы не думаемъ оспоривать). Языкъ народа, какъ языкъ черни, какъ *подлый языкъ*, признается никуда негоднымъ. Представляется поистинѣ странное явленіе: мы видимъ какую-то мастерскую, въ которой трудолюбивые рабочіе, кто съ чѣмъ попало — съ топоромъ, пилой и молотомъ, изъ всѣхъ силъ бьется надъ заданнымъ урокомъ — смастерить во что бы то ни стало такую машину, которую можно бы было назвать *россійскимъ діалектомъ*. И вотъ состряпали машину, уродливую и безобразную. Нисколько не думая отвергать исторической необходимости подобной работы, мы однакоже должны замѣтить, что, если предшествующій Ломоносову періодъ книжнаго языка отличается неподвижностію и окаменѣніемъ, то ломоносовскій — страшнымъ наплывомъ варваризмовъ и неологизмовъ, и множествомъ произвольныхъ и несвойственныхъ языку элементовъ, ибо въ то время всякій молодецъ писалъ на свой образецъ. Этотъ печальный періодъ уродливости литературнаго языка продолжался до тѣхъ поръ, пока политическая реформа носилась въ туманѣ высшихъ сферъ; но когда начали, хотя смутно, конечно, сознавать значеніе массы народа, когда обратились къ изученію прошедшихъ судебъ его, тогда явилась реакція, до сихъ поръ еще работающая надъ оживленіемъ и сближеніемъ литературнаго языка съ народнымъ. Эту новую эпоху можно раздѣлить на три періода: Карамзинскій, Пушкинскій и новѣйшій. Историкъ русскаго языка обязанъ обратить особенное вниманіе на то, чтобы рѣзкими чертами опредѣлить характеристику каждаго изъ отдѣловъ литературнаго нарѣчія отъ Ломоносова до настоящаго времени и не забывать, что оно въ XVIII столѣтіи представляло безсмысленное

множество аномалій, которыя никакъ нельзя считать естественными, раціональными явленіями въ языкѣ, обыкновенно создаваемыми его геніемъ; историкъ долженъ помнить, что эти аномаліи далеко не могутъ сравниться по важности съ особенностями, замѣченными имъ въ языкѣ XVI — XVII столѣтія, только окаменѣломъ, какъ мы выразились, но не безобразномъ.

Не такъ поступилъ г. Буслаевъ въ новомъ своемъ сочиненіи: онъ указываетъ на безчисленное множество аномалій, встрѣчающихся у писателей XVIII и первой четверти XIX вѣка, безъ всякихъ оговорокъ, какъ будто онѣ представляютъ нѣчто законное. Вотъ примѣры: «нарѣчіе *кромѣ* употребляется иногда съ предлогомъ *о* (?) въ формѣ *окромѣ*, не только въ разговорной, но и въ книжной рѣчи; напр. у Державина «*окромѣ* Бога самого» 1, 51; у Дмитріева «они богаты всѣмъ, *окромѣ* разума и вкуса» 1, 89. (Стр. 138, 1); но въ приведенныхъ примѣрахъ *окромѣ* употребляется, очевидно, *для* стиха.—«Въ языкѣ нынѣ употребительныхъ церковныхъ книгъ встрѣчается введенное въ позднѣйшее время окончаніе 1-го лица двойственнаго числа — *ма* вм. *вѣ*. Напр. «азъ и отецъ едино *есма*.» (Стр. 162, 1); не сказано, что это аномалія, введенная позднѣйшими исправителями книгъ или переписчиками.—Въ примѣръ опущенія суффиксовъ *ее* и *ен* приводятся стихи Державина, Дмитріева, Крылова, Грибоѣдова и Пушкина: «сынъ *время*, случая, судьбины;» «(зрю) въ дыму и въ *пламѣ* страшну сѣчу» и т. п.; но авторъ забылъ, что не все то законъ, что дѣлалось для стиха и риѳмы у прежнихъ, даже геніальныхъ поэтовъ. — «Въ нашемъ правописаніи принято уклоненіе отъ общаго правила въ формѣ род. падежа множ. числа: *сѣмянъ* (вм. *сѣменъ*);» не сказано, что это уклоненіе нелѣпо, а только говорится: «впрочемъ образцовые писатели (надобно бы прибавить: неимѣющіе понятія объ исторической грамматикѣ, на которой основывается правописаніе) употребляютъ и *времянъ* и *временъ*» (Стр. 196 — 197, 1); но въ приведенныхъ примѣрахъ изъ Пушкина и Батюшкова слова *времянъ* взято *для* риѳмы къ словамъ: *славянъ, обезьянъ*. — «Именительный падежъ множ. числа *для* именъ муж. рода (прилагательныхъ) принято оканчивать на *е*, а *для* именъ женск. и сред. рода на *я*» (Стр. 231, 1); не сказано, что это *принято* есть нелѣпость. — *Для* доказательства употребленія безличнаго глагола *нѣлзя* вм. *не льзя* приводятся примѣры изъ стиховъ Дмитріева, Крылова, Жуковскаго и Цыганова: «навѣрно *лѣзя* сказать, не дѣлая обиды» и проч. (Стр. 176. 11). — *Для* доказательства употребленія отвлеченныхъ и умственныхъ именъ во множественномъ числѣ (*вреды, воображенія, поведенія, совѣсти* и проч.) приводятся примѣры изъ журналовъ прошлаго столѣтія. (См. стр. 220 — 221, 1).

Вообще, авторъ особенно благоволитъ къ языку прошлаго столѣтія, или вѣрнѣе,—къ періоду Ломоносовско-Карамзинскому, основывая на немъ многія изъ своихъ положеній. «Образованные писатели употребляютъ иногда въ полномъ окончаніи такія прилагательныя, которыя обыкновенно ходятъ въ краткомъ; напр. у Пушкина: «онъ, *должный* быть отцемъ и другомъ;» и наоборотъ, въ краткомъ такія, которыя обыкновенно имѣютъ полное; напр. у Крылова: «кто *дѣломъ* истинно — тихъ часто на словахъ.» (Стр. 227, II); не оговорено, что эти аномаліи никуда негодны. Странно считать чѣмъ-то особенно важнымъ очевидныя ошибки противъ генія языка, встрѣчающіяся у образцовыхъ писателей! Можно бы было и еще представить не мало подобныхъ ненужныхъ примѣровъ, только безполезно увеличивающихъ объемъ книги; но и приведенныхъ довольно. Сверхъ того, въ сочиненіи г. Буслаева мы замѣтили слѣдующіе недостатки:

Говоря о важности церковно-славянскаго языка для русскихъ, авторъ не сказалъ, что этотъ языкъ до сихъ поръ служитъ намъ богатѣйшимъ источникомъ для составленія новыхъ словъ. Странно читать у современнаго филолога такія фразы, какъ *высокій слогъ*, *рѣчь возвышенная*, сказанныя безъ всякихъ оговорокъ, напримѣръ, «подъ именемъ книжнаго языка, она (истор. грамм.) разумѣетъ не только *слогъ высокій*, (чѣмъ ограничивалась старинная практическая грамматика), но и рѣчь разговорную» (предисловіе стр. XX Ч. I). Не менѣе странно читать слѣдующую замѣтку, представленную авторомъ, какъ Богъ знаетъ, какое открытіе: «союзъ *ибо*, болѣе свойственный важной рѣчи, допускается и въ легкомъ разсказѣ, напримѣръ, въ прозѣ Лермонтова:» «я пригласилъ своего спутника выпить вмѣстѣ стаканъ чаю, *ибо* со мной былъ чугунный чайникъ». (Стр. 146—1). Удивительно нужно было рыться въ сочиненіяхъ Лермонтова, чтобы отыскать такую находку!

Если г. Буслаевъ заговорилъ о склоненіи именъ существительныхъ, то долженъ былъ бы больше сказать объ этомъ предметѣ, весьма важномъ для исторической грамматики. Авторъ не представилъ, какъ бы слѣдовало, въ живой наглядности различія церк.-славянск. склоненія отъ теперешняго, при чемъ нужно бы было объяснить порчу падежей, особенно во множественномъ числѣ въ словахъ мужескаго рода. Слѣдовало бы также указать на странное колебаніе нѣкоторыхъ словъ, принимающихъ то старыя окончанія (пять *турокъ*, *англичанъ*, *кадетъ*), то новыя (пять *французовъ*, *гимназистовъ*; также: много *дѣлъ* и много *дѣловъ*, въ провинціальномъ говорѣ), колебанія, лучше всего объясняющія такъ называемыя ис-

ключенія. Какой особенный смыслъ имѣетъ выраженіе автора: *мѣстоименіе себя* (цер. слав.) не имѣетъ именительнаго падежа» (см. стр. 187. I), когда не только учителю, для котораго составлена книга, но и каждому ученику извѣстно, что оно есть нечто иное, какъ страдательный предметъ всякаго изъ личныхъ мѣстоименій? Просто смѣшна такая фраза въ исторической грамматикѣ! Говоря о значеніи союзовъ, авторъ ничего не сказалъ ни о соотвѣтствіи ихъ съ наклоненіями въ древнемъ русскомъ языкѣ, ни о незначительномъ и однообразномъ ихъ употребленіи въ языкахъ старомъ и народномъ. Говоря о согласованіи въ древнемъ языкѣ съ родомъ грамматическимъ, а не естественнымъ, авторъ ограничивается однимъ словомъ: *слуга;* слѣдуетъ прибавить слово *голова*, очень часто встрѣчающееся въ разрядныхъ книгахъ, напримѣръ, *ссадная* голова (начальникъ войска, защищающаго городъ отъ нападенія непріятелей) *вышла* изъ города».

Говоря о согласованіи сказуемаго въ единственномъ числѣ при нѣсколькихъ подлежащихъ, соединенныхъ союзомъ совокупительнымъ, (стр. 264, II) авторъ не объясняетъ этого исключенія поэтическою изобразительностію языка. Объ этой и подобныхъ особенностяхъ слѣдовало бы сказать вообще въ отдѣльной рубрикѣ — *о изобразительности первобытнагоязыка*, которой мы не находимъ въ «Опытѣ Исторической Грамматики».

Вмѣсто безчисленнаго множества примѣровъ (что, конечно, дѣлаетъ честь начитанности автора), относящихся до древняго согласованія и управленія слова, г. Буслаевъ поступилъ бы несравненно цѣлесообразнѣе, если бы, на основаніи разбора нашихъ старинныхъ письменныхъ памятниковъ, представилъ въ общихъ характеристическихъ чертахъ конструкцію рѣчи. Для этой цѣли всѣ письменные памятники до-петровскаго времени служатъ превосходнымъ матеріаломъ, но самымъ превосходнѣйшимъ — языкъ юридическій. Языкъ нашихъ старыхъ законовѣдцевъ—рѣшительно живая, народная рѣчь, правда, въ свою очередь нѣсколько застывшая подъ вліяніемъ подьячества. Языкъ юридическій представляетъ туже простоту и, такъ сказать, наивность конструкціи, туже бѣдность философскаго мышленія, но зато такое же богатство живой изобразительности, поэтическихъ пріемовъ, какъ и рѣчь народная. Представь все это г. Буслаевъ, ему не было бы надобности вдаваться въ формальности и мелочи, можетъ быть, интересныя въ наукѣ, но нисколько не интересныя въ учебникѣ.

Общій выводъ нашего разбора *Опыта Исторической Грамматики* г. Буслаева тотъ, что книга эта, какъ сочиненіе ученое, имѣетъ важныя, неоспоримыя достоинства; какъ сочиненіе учебное, напи-

санное для руководства преподавателей, оно также содержитъ въ себѣ богатые матеріалы; но ими могутъ пользоваться только не многіе, а большинству придется рыться въ этихъ матеріалахъ, чтобы добыть изъ нихъ живое воззрѣніе на языкъ, — трудъ, какъ извѣстно, подъ силу не всякому; какъ сочиненіе учебное, какъ руководство для учащихся, оно совершенно не годится, и наша педагогическая литература безотлагательно нуждается въ другомъ трудѣ, составитель котораго, конечно, воспользуется матеріалами, представляемыми грамматикою г. Буслаева.

Въ заключеніе нельзя не сказать, что внѣшность *Опыта Исторической Грамматики* чрезвычайно неудовлетворительна: изданіе сѣрое, безобразное и дорогое.

Іюль 1859 г.
Воронежъ.

М. ДЕ-ПУЛЕ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Постановленія о литераторахъ, издателяхъ и типографіяхъ. Спб. 1859.

Давно уже замѣчено одно изъ качествъ, не совсѣмъ съ хорошей стороны характеризующее нашу публику. Это качество состоитъ въ совершенномъ равнодушіи къ познанію тѣхъ законовъ, подъ которыми мы живемъ. Юридическое образованіе распространено у насъ такъ мало, что нерѣдко приходится встрѣчать людей, спеціально интересующихся какой нибудь частью и не имѣющихъ понятія о законахъ, къ ней относящихся. Объясняютъ это тѣмъ, что у насъ всѣ общественные дѣятели раздѣляются на два разряда: одни дѣйствуютъ не своимъ умомъ, а по чужому указанію, слѣдовательно, не имѣютъ надобности справляться съ законами; другіе привыкли въ своихъ дѣйствіяхъ руководствоваться произволомъ и личными соображеніями, болѣе или менѣе посторонними закону, слѣдовательно, въ законныхъ соображеніяхъ тоже мало имѣютъ нужды. Но если мы и примемъ въ извѣстной мѣрѣ справедливость этого объясненія, все-таки мы не вполнѣ еще объяснимъ вопросъ. Объясненіе это можетъ относиться только къ лицамъ служащимъ. Но не надо забывать, что большинство населенія въ государствѣ составляютъ не тѣ, *которые* примѣняютъ законы, а тѣ, *съ которыми* по законамъ поступаютъ. Эти-то послѣдніе почему же не интересуются законами? Или и они держатся того мнѣнія, что главное дѣло — воля исполнителей, по пословицѣ: «не бойся суда, а бойся судьи»?... Но вѣдь такое мнѣніе не должно бы существовать въ благоустроенномъ об-

ществѣ. Если же оно существуетъ, то общество само же должно позаботиться о томъ, чтобы уничтожить его. Но какъ уничтожить?...

«Самое вѣрное, самое дѣйствительное средство — литература», кричатъ въ послѣднее время. Мы бы согласились съ этимъ, если бы замѣтили въ кричащихъ болѣе серьёзное изученіе условій и принадлежностей литературной дѣятельности въ нашемъ обществѣ. А то вѣдь и въ отношеніи къ литературѣ у насъ существуетъ то же совершенное юридическое невѣдѣніе, какъ и о множествѣ другихъ предметовъ. Говорятъ о литературѣ, восхищаются ея успѣхами, бранятъ ее, и все это такъ, по капризу, съ вѣтру; никто не хочетъ заняться серьёзнымъ изученіемъ предмета, вникнуть въ сущность его, никто не любопытствуетъ даже заглянуть въ законы, которыми литература ограждается! А всѣ кричатъ на разные лады, — то ужь очень неблагопріятно для литераторовъ и журналистовъ, то черезъчуръ ужь лестно для общаго развитія и громаднаго вліянія литературы. Кто самъ пишетъ — а кто же теперь не пишетъ?—тотъ большею частію смотритъ нѣсколько мрачно: зачѣмъ его статья не напечатана? зачѣмъ долго не помѣщается? отчего не въ томъ видѣ явилась она въ свѣтъ, какъ онъ желалъ? Я, говоритъ, изложилъ лучшія свои соображенія, самыя завѣтныя мои думы, именно въ этихъ строкахъ; а ихъ-то и нѣтъ въ напечатанной статьѣ, и пр. Другіе, напротивъ, ужасно довольны современной литературой: какіе вопросы подымаются, какія благородныя мысли высказываются; какъ расширился кругъ дѣйствія литературы, какое вліяніе имѣетъ она на исправленіе существующихъ недостатковъ, на направленіе общественнаго мнѣнія и т. д. и т. д. И все это говорится большею частію по наслышкѣ, безъ серьёзнаго вниканія въ дѣло, потому что кричатъ нынѣ о литературѣ даже такіе господа, которые ничему не учились и ничего не читали. Иной выписываетъ журналы только для того, чтобъ имѣть удовольствіе каждый мѣсяцъ бранить издателей за то, что журналы поздно выходятъ. «Нѣтъ никакой возможности выписывать: небрежно ведутъ дѣло, чуть не мѣсяцемъ всегда опаздываютъ!... Опаздываютъ, опаздываютъ!...» кричитъ онъ, — и болѣе знать ничего не хочетъ.... А другой считаетъ обязанностью восхищаться тѣмъ, что много новыхъ журналовъ появляется, и готовъ ожидать отъ этого коренныхъ улучшеній.... Разноголосица страшная, и никто не хочетъ уяснить себѣ дѣло серьёзнымъ изученіемъ тѣхъ незыблемыхъ основаній, безъ которыхъ у насъ не можетъ существовать никакая литературная дѣятельность. Постыдное равнодушіе къ изученію законовъ обнаруживается и здѣсь, во всей своей силѣ....

При такомъ положеніи дѣлъ истиннымъ благодѣяніемъ можетъ служить книжечка «Постановленія о литераторахъ» и пр. Она со-

ставляетъ не что иное, какъ извлеченіе важнѣйшихъ правилъ изъ цензурнаго устава и дополнительныхъ къ нему постановленій, вошедшихъ въ *первое продолженіе* «Свода Законовъ». Такое извлеченіе чрезвычайно облегчаетъ знакомство съ цензурными постановленіями, если кто захочетъ узнать ихъ существенныя основанія. Не всякому захочется, да и не всѣмъ удобно рыться въ «Сводѣ Законовъ» и въ его продолженіяхъ, чтобы изучить всѣ подробности узаконеній, относящихся къ литературѣ. А здѣсь, въ маленькой книжечкѣ предлагаются публикѣ главныя статьи этихъ узаконеній, вполнѣ достаточныя для того, чтобы ознакомиться съ характеромъ нашей цензуры. Конечно, въ дѣлахъ человѣческихъ никогда не бываетъ полнаго соотвѣтствія съ идеаломъ, и потому знаніе того, что *должно* дѣлаться, еще не вполнѣ соотвѣтствуетъ наглядному познанію того, что *дѣлается*. Но во всякомъ случаѣ—то, что дѣлается, не находя себѣ оправданія въ законѣ, есть только случайное уклоненіе, истинный же характеръ извѣстной дѣятельности всегда болѣе или менѣе опредѣляется законодательствомъ. Вотъ почему изданіе книжки «Постановленія о литераторахъ», мы считаемъ очень важнымъ и полезнымъ для распространенія въ публикѣ истинныхъ понятій о настоящихъ условіяхъ нашей литературной дѣятельности.

Желая по возможности содѣйствовать распространенію этихъ понятій, мы представимъ здѣсь извлеченіе нѣкоторыхъ правилъ, напечатанныхъ въ книжкѣ, относительно цензурныхъ условій напечатанія статей и книгъ.

По общему цензурному правилу, дозволяются къ печатанію «книги и статьи всякаго рода, на всѣхъ языкахъ», равно какъ «эстампы, рисунки, чертежи, планы, карты, а также и ноты съ присовокупленіемъ словъ»; могутъ быть они запрещены только въ слѣдующихъ случаяхъ: (§ 3).

«Когда въ оныхъ содержится что либо, клонящееся къ поколебанію *ученія Православной Церкви, ея преданій и обрядовъ, или вообще истинъ и догматовъ Христіанской вѣры.*»

«Когда въ оныхъ содержится что либо нарушающее *неприкосновенность Верховной Самодержавной Власти, или уваженіе къ Императорскому* Дому, и что либо *противное кореннымъ государственнымъ постановленіямъ.*»

«Когда въ оныхъ *оскорбляются добрые нравы и благопристойность;* и

«Когда въ оныхъ *оскорбляется честь какого либо лица непристойными выраженіями* или предосудительнымъ *обнародованіемъ того, что относится до его нравственности или домашней жизни,* а тѣмъ болѣе *клеветою.*»

Руководствуясь этими правилами, цензура «обращаетъ особенное вниманіе на видимую цѣль и намѣреніе автора; и въ сужденіяхъ сво-

ихъ принимаетъ всегда за основаніе явный смыслъ рѣчи, не дозволяя себѣ произвольнаго толкованія оной въ другую сторону». Ограждая этимъ благонамѣренныхъ авторовъ, уставъ цензурный даетъ имъ еще болѣе льготы, даже на случай неясности или неловкости ихъ выраженій: въ статьѣ 7-й постановлено, что «цензура не дѣлаетъ привязки къ словамъ и отдѣльнымъ выраженіямъ»; а въ статьѣ 19-й,—«что цензоръ, не имѣя права перемѣнять что либо въ представляемыхъ на его разсмотрѣніе рукописяхъ и печатныхъ книгахъ, тѣмъ еще менѣе можетъ прибавлять къ онымъ отъ себя какія либо примѣчанія или толкованія». Отмѣтивши краснымъ карандашемъ запрещаемое мѣсто, цензоръ долженъ возвратить рукопись автору или издателю—для перемѣнъ; впрочемъ, для сокращенія времени, особенно въ срочныхъ изданіяхъ, авторъ или издатель «можетъ ввѣрить и самому цензору исправленіе замѣченныхъ имъ мѣстъ, по его усмотрѣнію».

Для того, чтобы еще опредѣленнѣе показать цензору, что онъ можетъ пропускать, Цензурный Уставъ даетъ еще, въ дополненіе къ общимъ, слѣдующія частныя правила:

«Цензура обязана отличать благонамѣренныя сужденія и умозрѣнія, основанныя на познаніи Бога, человѣка и природы, отъ дерзкихъ и буйственныхъ мудрствованій, равно противныхъ истинной вѣрѣ и истинному любомудрію» (§ 6).

«Въ разсматриваніи сочиненій историческихъ и политическихъ, цензура ограждаетъ неприкосновенность Верховной Власти, строго наблюдая, чтобы въ оныхъ не содержалось ничего оскорбительнаго какъ для Россійскаго правительства, такъ и для правительствъ, состоящихъ въ дружественныхъ съ Россіею сношеніяхъ. Равно наблюдаетъ цензура, чтобы на изданіе всякаго сочиненія, въ коемъ описывается событіе, относящееся до Его Императорскаго Величества и Августѣйшей Фамиліи, и при сообщеніи въ газетахъ и журналахъ извѣстій объ Особѣ Императорскаго Величества и Членахъ Императорской Фамиліи, о придворныхъ торжествахъ и съѣздахъ, было испрошено Высочайшее разрѣшеніе чрезъ Министра Императорскаго Двора; изъ сего правила исключены только извѣстія о пріѣздѣ и отъѣздѣ Членовъ Императорской Фамиліи, для коихъ сего разрѣшенія не требуется. При семъ, кромѣ статей, помѣщенныхъ въ газетахъ и журналахъ о Государѣ Императорѣ и Членахъ Августѣйшей Фамиліи, о придворныхъ торжествахъ и съѣздахъ, доставляются Цензурными Комитетами на разсмотрѣніе Министра Двора только выписки изъ книгъ тѣхъ мѣстъ, въ коихъ описывается какое либо событіе или разсказывается анекдотъ, до сихъ Августѣйшихъ Особъ относящійся. — Дозволяется выпускъ изданій съ скопированными почерками рукъ и подписями Особъ Императорской Фамиліи въ Бозѣ почивающихъ, но сіе дозволеніе не распространяется на подписи и почерки Августѣйшихъ Особъ здравствующихъ.»

Въ отношеніи къ научнымъ свѣдѣніямъ, дозволяется «всякое общее описаніе или свѣдѣніе касательно исторіи, географіи и статистики Россіи, если только изложено съ приличіемъ и безъ нарушенія общихъ цензурныхъ правилъ»; только запрещается чиновникамъ обнародовать дѣла и свѣдѣнія, ввѣренныя имъ по службѣ. Также допускаются къ печати «всѣ описанія происшествій и дѣлъ, и собственныя о нихъ разсужденія автора, если только сіи описанія и разсужденія не противны общимъ цензурнымъ правиламъ»; можно печатать также всякіе документы и записки, «если только они согласны съ общими правилами и не содержатъ въ себѣ изложенія дѣлъ тяжебныхъ и уголовныхъ.»

Вообще — разсужденіямъ и описаніямъ авторовъ дается по цензурному уставу весьма значительный просторъ касательно всѣхъ «предметовъ, относящихся къ наукамъ, словесности и искусствамъ». Дозволяется разсуждать: — и о вновь выходящихъ книгахъ, и о представленіяхъ на публичныхъ театрахъ, и о другихъ зрѣлищахъ, и о новыхъ общественныхъ зданіяхъ, и объ улучшеніяхъ по части народнаго просвѣщенія, земледѣлія, фабрикъ, и т. п., — если только сіи разсужденія непротивны общимъ правиламъ цензуры. Запрещается же говорить только «о потребностяхъ и средствахъ къ улучшенію какой-либо отрасли государственнаго хозяйства въ имперіи, когда подъ средствами разумѣются мѣры, зависящія отъ правительства, и вообще сужденія о современныхъ правительственныхъ мѣрахъ» (§ 10. Ценз. Уставъ, ст. 12).

Полагая столь умѣренныя и благоразумныя правила, Цензурный Уставъ дѣлаетъ оговорку, дающую авторамъ еще болѣе возможности сохранить свою литературную самостоятельность: по статьѣ 15-й Ценз. Уст., цензоръ не долженъ входить въ разборъ частныхъ мнѣній писателя, если только они не противны общимъ правиламъ цензуры, и не имѣетъ права исправлять слогъ автора, если только явный смыслъ рѣчи не подлежитъ запрещенію (§ 13).

Но всего болѣе дается свободы повѣствователямъ и вообще беллетристамъ. По ст. 13-й «въ вымыслахъ не требуется той строгой точности, каковая свойственна описанію предметовъ высокихъ и сочиненіямъ важнымъ» По статьѣ же 14-й, «цензура, охраняя личную честь каждаго отъ оскорбленій, и подробности домашней жизни отъ нескромнаго и предосудительнаго обнародованія, не препятствуетъ, однако же, печатанію сочиненій, въ коихъ подъ общими чертами осмѣиваются пороки и слабости, свойственныя людямъ въ разныхъ возрастахъ, званіяхъ и обстоятельствахъ жизни» (§ 12).

Для того, чтобы каждое вновь выходящее сочиненіе подвергалось, кромѣ общей цензуры, еще сужденію людей спеціально знако

мыхъ съ дѣломъ, о которомъ идетъ рѣчь въ сочиненіи, въ послѣднее время постановлено, чтобы всѣ книги и статьи, имѣющія отношеніе къ административной, законодательной или финансовой дѣятельности, поступали на разсмотрѣніе тѣхъ вѣдомствъ, къ которымъ они, по премету своему, относятся. Постановленіе это приведено въ § 29 «Постановленій», изъ 42-й статьи Цензурнаго Устава, по первому продолженію, въ такомъ видѣ.

«Сочиненія по части законодательства, теоретическаго или историческаго содержанія, или заключающія въ себѣ собственныя разсужденія самихъ авторовъ, разсматриваются въ общей цензурѣ. Тѣ изъ сихъ сочиненій, въ которыхъ теорія законодательства или финансовой и административной науки примѣняется авторомъ къ существующимъ собственно у насъ учрежденіямъ, когда они, по содержанію 41 статьи, не подлежатъ разсмотрѣнію Втораго Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, предварительно разсмотрѣнія ихъ въ общей цензурѣ, препровождаются сею послѣднею въ тѣ правительственныя мѣста и учрежденія, до которыхъ сіи сочиненія по предмету своему относятся, а именно къ довѣреннымъ чиновникамъ, назначеннымъ для непосредственныхъ по сему предмету сношеній съ С.-Петербургскимъ цензурнымъ комитетомъ, цензорами и редакціями періодическихъ изданій въ С.-Петербургѣ. Сіи довѣренные чиновники назначаются отъ министерствъ: Императорскаго Двора, военнаго, морскаго, внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, государственныхъ имуществъ, юстиціи, главнаго управленія путей сообщеній и публичныхъ зданій, главнаго штаба Его Императорскаго Величества по военно-учебнымъ заведеніямъ и третьяго отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. Довѣренные отъ министерствъ и главныхъ управленій чиновники, состоя въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ цензорами и редакціями періодическихъ изданій въ С.-Петербургѣ, получаютъ прямо отъ нихъ подлежащія ихъ разсмотрѣнію сочиненія и статьи и, по разсмотрѣніи, возвращаютъ оныя со своими отзывами; въ случаѣ же сомнѣнія, испрашиваютъ разрѣшенія своего главнаго начальства для передачи онаго цензурѣ или редакціи. Сіи отзывы принимаются цензурою за главное къ заключенію своему основаніе при окончательномъ разсмотрѣніи сочиненій; въ случаѣ же какихъ либо сомнѣній, цензурный комитетъ испрашиваетъ разрѣшенія главнаго управленія цензуры. Цензурныя учрежденія вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, находящіяся не въ С.-Петербургѣ, представляютъ сочиненія и статьи, подлежащія заключенію постороннихъ вѣдомствъ, министру народнаго просвѣщенія, по распоряженію котораго сіи статьи передаются довѣреннымъ отъ министерствъ и главныхъ управленій чиновникамъ, и заключенія сихъ послѣднихъ, или надписи на сочиненіяхъ, ими сдѣланныя, сообщаются цензурнымъ учрежденіямъ, по принадлежности, которыя затѣмъ поступаютъ порядкомъ, предписаннымъ для С.-Петер-

бургскаго цензурнаго комитета. На разрѣшеніе главнаго управленія цензуры представляются цензурными комитетами всѣ сомнѣнія, встрѣчаемыя ими при окончательномъ разсмотрѣніи сочиненій. Если главное управленіе цензуры не согласится съ заключеніемъ сторонняго вѣдомства, то разногласіе представляется министромъ народнаго просвѣщенія, вмѣстѣ съ мнѣніемъ подлежащаго министра или главноуправляющаго, на Высочайшее разрѣшеніе.»

Такимъ образомъ всѣ выходящія въ Россіи сочиненія вполнѣ гарантируются не только отъ всякихъ богохульныхъ и противозаконныхъ мыслей, но даже и отъ всякихъ разсужденій, могущихъ быть вредными для порядка или оскорбительными для тѣхъ мѣстъ и лицъ, къ которымъ сочиненіе относится.

Впрочемъ, такъ какъ подобное разсмотрѣніе всякаго сочиненія, особенно трактующаго о предметахъ сложныхъ, отнимаетъ много времени и можетъ задерживать изданіе въ свѣтъ книги или статьи, то цензурный уставъ дѣлаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ значительное снисхожденіе авторамъ. Такъ, напримѣръ, «книги медицинскія и ветеринарныя, наравнѣ съ прочими, до наукъ относящимися, разсматриваются общею цензурою»; въ медицинскую же цензуру отправляются только тѣ изъ нихъ, «которыя содержатъ въ себѣ лѣчебныя постановленія или правила для составленія лѣкарствъ съ приложеніемъ къ болѣзнямъ». (§ 30). Точно такъ же, — могутъ не подвергаться цензурѣ духовной «книги, относящіяся къ нравственности вообще, даже и тѣ, въ коихъ разсужденія будутъ подкрѣпляемы ссылкою на священное писаніе»; духовной же цензурѣ подвергаются изъ нихъ только нѣкоторыя «мѣста совершенно духовнаго содержанія» (§ 25).

Постановляя правила, ограждающія общество отъ безпорядочной и произвольной литературной дѣятельности, несоотвѣтствующей видамъ правительства, законъ опредѣляетъ и наказаніе за ихъ нарушеніе. По различнымъ статьямъ цензурнаго устава, преступившіе его правила подвергаются наказаніямъ, смотря по важности преступленія, начиная отъ трех-дневнаго ареста и доходя до наказанія плетьми и ссылки въ каторжную работу на 10 — 12 лѣтъ (см. §§ 54 — 64). Наказаніямъ этимъ подвергаются равно, какъ авторы предосудительныхъ статей, такъ и редакторы журналовъ, издатели книгъ и содержатели типографій.

Таковы главнѣйшія изъ дѣйствующихъ нынѣ постановленій о литераторахъ, издателяхъ и содержателяхъ типографій! Многія изъ любопытныхъ подробностей, изображающихъ порядокъ и ходъ дѣлъ въ цензурныхъ комитетахъ, мы предоставляемъ любознательнымъ читателямъ найти въ самыхъ «Постановленіяхъ». Вообще съ

этой книжкой не мѣшаетъ познакомиться многимъ, интересующимся литературою. А то у насъ такъ много есть людей, которые толкуютъ о высокой важности литературы, о ея значеніи для общества, о ея вліяніи на разныя отрасли государственной дѣятельности и государственнаго хозяйства, и пр., а сами между тѣмъ не хотятъ ознакомиться даже съ узаконеніями, подъ вліяніемъ которыхъ существовала и существуетъ доселѣ наша литературная дѣятельность. Такое легкомысліе и равнодушіе непростительно!

Сватовство Ченскаго или матеріализмъ и идеализмъ. Спб. 1859 г.

О неизбѣжности идеализма въ матеріализмѣ, *Ю. Савича.* (Атеней, 1859 г. № 7.)

«Сватовство Ченскаго» нельзя иначе объяснить, какъ статьею г. Савича, а статьи г. Савича нельзя оцѣнить безъ «Сватовства Ченскаго». Вотъ почему и рѣшились мы соединить оба эти произведенія, хотя одно изъ нихъ — московское, а другое, по наружности, петербургское. Впрочемъ, «не судите по наружности,» — говорятъ идеалисты, и нельзя не согласиться съ этой стороной ихъ ученія. Очень можетъ быть, что «Сватовство Ченскаго» принадлежитъ Москвѣ, какъ и статья г. Савича, какъ и самый «Атеней». Очень можетъ быть и то, что Москва, несмотря на свою хлѣбосольную славу, — ужаснѣйшая идеалистка. Вѣдь извѣстно, что

Пріятно къ пышному обѣду
Прибавить мудрую бесѣду.

И о чемъ же лучше бесѣдовать, какъ не объ идеализмѣ и матеріализмѣ, въ то время, когда вся почтенная бесѣда сыта и довольна?... Идеализмъ и матеріализмъ! О, сколько условій для пріятнаго разговора соединяетъ въ себѣ эта прекрасная тема!... Тутъ, во-первыхъ, человѣкъ удаляется въ область чистой мысли, гдѣ ничто нечистое, ничто дѣйствительное не смущаетъ его.... Ничто, потому что самый *матеріализмъ* вовсе не есть *реализмъ*; нѣтъ, это есть не болѣе, какъ милое отвлеченіе, въ родѣ хорошенькой модели паровоза, на которой, конечно, нельзя ѣхать, но для которой зато ненужно ни воды, ни дровъ, ни рабочихъ.... Во-вторыхъ, бесѣда объ идеализмѣ и матеріализмѣ пріятна тѣмъ, что здѣсь можно изощрять свое остроуміе и діалектику въ показаніи антагонизма этихъ двухъ началъ. Въ-третьихъ, хороша она потому, что споры съ противниками, не доходя до существенныхъ, житейски-важныхъ раздраженій, могутъ

однакожь слегка щекотать самолюбіе собесѣдниковъ и чрезъ-то пріятно поддерживать разговоръ. Короче, — говоря словами Бальзаминова въ пьесѣ Островскаго,—«это самый пріятный для общества разговоръ». *Антиресный* его можетъ быть развѣ только обсужденіе вопроса, предлагаемаго Устенькой, въ той же пьесѣ: «*что тяжеле— ждать и не дождаться, или — имѣть и потерять*».

Но зачѣмъ же еще пишутъ люди такъ важно и глубокомысленно объ идеализмѣ и матеріализмѣ? Пусть бы ихъ толковали-себѣ въ гостиныхъ о столь антиресномъ предметѣ, и оставили бы въ покоѣ литературу. А то, пожалуй, насъ постигнетъ опять наводненіе статей въ родѣ: «О неизбѣжности классицизма въ романтизмѣ», «Любовь таинственнаго незнакомца къ красавицѣ, скрывающей свое имя, — или номинализмъ и реализмъ,» «Сравнительный разборъ значенія *сихъ* и *этихъ* для общества,» и т. п. Неужели и объ этомъ еще не довольно говорили, неужели и это еще не слишкомъ нелѣпо для нашей литературы въ настоящее время, когда заря будущаго?... и пр. Намъ казалось, что мы съ дуализмомъ давно уже порѣшили; мы надѣялись, что теперь только развѣ въ психологіи г. Кикодзе можетъ быть разрываемо человѣческое нераздѣльное существо.... Мы думали, что недостойно образованнаго человѣка заниматься теперь серьёзно антагонизмами двухъ противоположныхъ началъ въ мірѣ и въ человѣкѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ распространилась общеизвѣстная нынѣ истина, что сила есть неизбѣжное свойство матеріи и что матерія существуетъ для нашего сознанія лишь въ той мѣрѣ, какъ обнаруживаются въ ней какія нибудь силы, — съ этихъ поръ мы считали совершенно ненужными всѣхъ этихъ Ормуздовъ и Ариманов.... Но нѣтъ, — г. Ю. Савичъ доказываетъ намъ противное. Онъ вообразилъ, что у насъ сильно распространенъ матеріализмъ, — не въ смыслѣ признанія силы, какъ неизбѣжнаго свойства матеріи, — а въ смыслѣ отрицанія всякой силы. Вслѣдствіе этого, онъ ратуетъ страшно противъ матеріалистовъ, во имя идеализма. Зачѣмъ? Это мы можемъ объяснить себѣ только предположеніемъ, что г. Савичу не удавалось развивать своихъ идей словесно въ мудрой бесѣдѣ, равно какъ и автору «Сватовства Ченскаго» (если это не одно и тоже лицо....), и они хотятъ наверстать это на литературѣ. Отсутствіе непосредственнаго знакомства съ предполагаемыми противниками замѣтно даже въ пріемахъ обоихъ авторовъ, равно какъ и во взглядѣ ихъ на сущность своего предмета. Ихъ основное положеніе таково: «кто дуракъ, тотъ матеріалистъ; слѣдовательно матеріалисты дураки». И затѣмъ начинается очень остроумное развитіе этого силлогизма. Но вы, можетъ быть, не вѣрите, чтобы въ ученомъ журналѣ, ученая статья

могла быть построена на такомъ силлогизмѣ? Вы даже подозрѣваете, что и въ комедіи «Сватовство Ченскаго», силлогизмъ этотъ не совсѣмъ таковъ, какъ мы представляемъ? Мы беремся доказать наши слова. Начнемъ съ «Сватовства».

Содержаніе комедіи состоитъ въ томъ, что Ченскій, отставной ротмистръ, имѣетъ связь съ княгиней Лапиной, очень богатой старухой. Онъ успѣлъ отъ нея нажить себѣ состояніе, и кромѣ того взялъ у нея подъ заемное письмо нѣсколько милліоновъ, которые и пустилъ въ торговые обороты. Между тѣмъ, однажды поѣхавши гулять со старухой, онъ вывалилъ ее изъ экипажа, отчего она скоро и умерла, оставивъ завѣщаніе въ пользу своей племянницы Ѳниной. Но по смерти старухи, Ченскій завладѣваетъ всѣми ея бумагами, скрываетъ завѣщаніе и свое заемное письмо, и пишетъ другое завѣщаніе, которымъ все имѣніе отказывается въ его пользу. Дѣло, стало-быть, кончено. Но Ченскій матеріалистъ, слѣдовательно долженъ быть дуракомъ. Вслѣдствіе этого — онъ никакъ не можетъ сообразить, что̀ ему дѣлать теперь съ завѣщаніемъ старухи и съ заемнымъ письмомъ. Наконецъ, въ качествѣ матеріалиста, т. е. дурака, онъ придумываетъ слѣдующую штуку, для того, чтобы уладить дѣло: онъ рѣшается жениться на племянницѣ старухи,—дочери бѣднаго профессора. Тогда, разсуждаетъ онъ, все будетъ прикрыто, и совокупнымъ владѣніемъ возстановится законность; заемное письмо на три милліона пойдетъ вмѣсто приданаго бѣдной дѣвушкѣ. Не правда ли, какой матеріальный (разумѣй: глупый) разсчетъ?

Итакъ, Ченскій является къ Онинымъ. Здѣсь-то и встрѣчаетъ онъ идеализмъ. Отецъ дѣвушки, отставной профессоръ Онинъ, проповѣдуетъ все о какихъ-то противоположныхъ началахъ и говоритъ:

«Все зависитъ отъ началъ: они—основаніе нашихъ поступковъ. Человѣкъ, повинующійся духовному началу, бываетъ благороденъ въ своихъ дѣйствіяхъ и способенъ къ величайшимъ самопожертвованіямъ: онъ какъ будто не чувствуетъ нашего бреннаго тѣла. Человѣкъ чувственный склоненъ къ грубымъ удовольствіямъ, себялюбивъ и способенъ ко всякаго рода низостямъ. Все зло у насъ происходитъ отъ недостатка живаго чувства, живой вѣры. Въ грубыхъ массахъ народа неосмысленный формализмъ — явленіе обыкновенное: тамъ еще человѣкъ не выработался, тамъ еще царствуетъ животное; самое простое человѣческое чувство должно тамъ принимать матеріальную форму, чтобъ сдѣлаться доступнымъ; но если таже форма переходитъ, только какъ форма, и въ высшіе слои общества, если чувство сознательное не беретъ тамъ перевѣса, или...

Но что же мы дѣлаемъ? Начали выписывать слова Онина изъ «Сватовства Ченскаго» (стр. 70), а кончили выпискою изъ статьи

г. Савича (стр. 277).... Впрочемъ, разницы-то вѣдь никакой нѣтъ; пусть ужь такъ останется... А можетъ быть, читатели и сами разберутъ, гдѣ оканчиваетъ Онинъ и гдѣ начинаетъ г. Ю. Савичъ??...

Такъ—Онинъ идеалистъ; у него въ домѣ есть сестра, ученая дама, занимающаяся египетскими древностями. Сама дочь Онина—тоже идеалистка. Ясно, что Ченскій не долженъ имъ нравиться. Но всего хуже то, что у Лизы Ониной есть уже женихъ Молвинъ, тоже идеалистъ отчаянный. Этотъ говоритъ:

«Мы знаемъ, что свойства матеріи употребляются не какъ нибудь, что они неизбѣжно направлены по заранѣе указанной цѣли, которая опредѣляется *идеей организаціи*. Мнѣ могутъ сказать, что эта идея вытекаетъ изъ свойствъ самой матеріи, хотя бы органической клѣточки, которая, будучи поставлена въ извѣстныя условія, можетъ развиваться насчетъ окружающей среды *только такъ, а не иначе*. Согласенъ и на это. Но если она можетъ развиваться *только такъ, а не иначе*, то *идея*, которая лежитъ въ образованіи этихъ условій, уже опредѣлила образъ будущаго индивидуума со всѣми мельчайшими подробностями его послѣдующаго строенія. Слѣдовательно, индивидуумъ этотъ прямо вытекаетъ изъ *идеи*, которая въ немъ реализируется, принимая форму матеріи, *подчиняя себѣ матерію*, обращая ее въ орудіе свое» (Атен. 283).

Что же это, однако? Мы опять сдѣлали выписку изъ г. Савича, вмѣсто «Сватовства Ченскаго».... Но что же дѣлать, ежели они такъ сходны?... Молвинъ говоритъ то же самое, только короче и даже толковѣе. Вотъ его слова:

«Всему основаніемъ служитъ идея. Она необходимо раждается въ душѣ нашей; мы ее вносимъ въ природу; по ней разсуждаемъ, по ней исправляемъ все.»

Разница между Молвинымъ и г. Ю. Савичемъ, стало-быть, состоитъ только въ томъ, что Молвинъ признаетъ идею за произведеніе человѣка, вносимое имъ въ природу, а по г. Савичу идея есть какое-то особенное животное, существующее само по себѣ, независимо отъ человѣческаго сознанія, и подчиняющее себѣ матерію. Кто благоразумнѣе изъ этихъ двухъ идеалистовъ, рѣшить не трудно. Но будемъ продолжать разсказъ о сватовствѣ Ченскаго.

Ченскій является къ Онинымъ и начинаетъ съ того, что дѣлаетъ Лизѣ такіе комплименты.

Ченскій. Вы въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ. Щочки—какъ двѣ сдобныя булочки.

Онина. Какое сравненіе!

Ченскій *(усмѣхаясь)*. А я хотѣлъ сказать,—какъ двѣ поджаренныя котлетки.»

Ченскій долженъ такъ говорить, потому что у него матеріальный (т. е. глупый) взглядъ на вещи. Но авторъ заставляетъ его доходить до такихъ вещей, которыя уже такъ матеріальны (т. е. глупы), что заставляютъ подозрѣвать, не увлекся ли самъ авторъ матеріализмомъ (въ его же собственномъ смыслѣ). Ченскій при первомъ же свиданіи начинаетъ говорить Онииной, что ему очень нравится «ея плечо полуоткрытое», и старается дотронуться до него; потомъ выражаетъ свое восхищеніе тѣмъ, что у нея «такой тонкій станъ, и притомъ какая полнота!», при чемъ бросается на колѣни. Въ этомъ положеніи застаетъ его Молвинъ, которому онъ тотчасъ же предлагаетъ, чтобъ тотъ уступилъ ему свою невѣсту за 50 тысячъ. Молвинъ, разумѣется, отказывается, и тогда Ченскій начинаетъ дѣйствовать на отца Лизы. Нужно сказать, что бѣдный профессоръ занялъ нѣкогда у своей родственницы, княгини Лапиной, 30 тысячъ рублей серебромъ на воспитаніе своей дочери. На что ему понадобилась такая пропасть денегъ, и какъ онъ могъ сдѣлать такой заемъ при своихъ ничтожныхъ средствахъ? Отвѣтъ на это одинъ: Онинъ — идеалистъ. Извѣстно, что идеалисты не умѣютъ экономически тратить денегъ. Немудрено поэтому, что Онинъ истратилъ на воспитаніе своей дочери 30 тысячъ и все-таки не выучилъ ее даже тому, что не слѣдовало бы ей наединѣ съ Ченскимъ, при первомъ свиданіи, играть на арфѣ и пѣть слѣдующій романсъ:

Оставьте заботы, оставьте вы трудъ,
Склонитеся къ милой на бѣлую грудь.
Отъ страсти всесильной въ ней чувства нѣмѣютъ
И свѣтлые взоры любовью теплѣютъ.
Когда же на арфѣ она заиграетъ,
Носясь *и волнуясь въ желаньяхъ живыхъ,*
Мечта той порою въ напѣвахъ слетаетъ
Со струнъ золотыхъ.

Тутъ, конечно, кромѣ плохихъ стиховъ, есть тоже идеализмъ; но только видно, что Лиза Онина понимаетъ его немножко по своему....

Пользуясь тѣмъ, что Онинъ долженъ княгинѣ, Ченскій, какъ ея наслѣдникъ, требуетъ немедленной уплаты долга, въ противномъ же случаѣ грозитъ посадить Онина въ тюрьму. Тутъ-то высказывается весь идеализмъ Онина. Онъ начинаетъ съ того, что резонируетъ: «уплачивать долги непремѣнно нужно; *не уплачивать ихъ—значитъ воровать особеннымъ образомъ*». Но вслѣдъ за тѣмъ, когда Ченскій обращается къ нему съ требованіемъ уплаты, Онинъ умиленно возра-

жаетъ: *«позвольте вамъ сказать, что если бы княгиня жила, то она простила бы мнѣ долгъ*. Она часто намекала мнѣ объ этомъ въ письмахъ». Ну, скажите, не восхитительный ли это идеализмъ! Ничего не имѣя, занимать у богатой родственницы 30 тысячъ, съ тою надеждою, что она проститъ долгъ! Это такая высота идеализма, до которой, кромѣ Онина, только и могъ возвыситься г. Ю. Савичъ въ «Атенеѣ». Г. Савичъ, съ своей стороны, тоже находитъ, что есть такой предѣлъ, за которымъ ни разсчета, ни ума не нужно, а нужно только какое-то чувство, безформенное и безпредѣльное. Вотъ его слова:

«Тамъ, гдѣ оканчивается умъ человѣческій, начинается чувство, какъ продолженіе ума, какъ настойчивое, но *тщетное* (увы!) стремленіе его къ фигуральному (по реторикѣ Кошанскаго?) выраженію какой нибудь идеи, по свойству своему *несовмѣстимой ни съ чѣмъ, что предполагаетъ ограниченіе*, и переходящей поэтому въ нѣчто безформенное и безпредѣльное». (Ясно ли: отдача долга предполагаетъ ограниченіе идеи займа; поэтому въ чувствахъ Онина уплата и несовмѣстима съ займомъ!) «Оно не ищетъ фактовъ, не требуетъ теорій; въ самомъ себѣ несетъ оно истину, вѣру (въ то, что долгъ простятъ), любовь, и вѣритъ, и любитъ, безъ отрицанія, безъ поясненій (Дѣйствительно, Онинъ вѣрилъ прощенію долга по однимъ намекамъ въ письмахъ княгини)».

Такъ вотъ этимъ-то высокимъ чувствомъ (неизвѣстно почему называемымъ у г. Савича *религіознымъ*) и руководится Онинъ. Но Ченскій, въ качествѣ матеріалиста, соглашается простить долгъ только въ такомъ случаѣ, ежели Онинъ отдастъ за него дочь. Онинъ уговариваетъ дочь, но та не соглашается. Вслѣдствіе того, задолжавшаго профессора тащутъ въ тюрьму. Но тутъ является бывшая горничная княгини Лапиной, Дарья Семеновна Тюмина, съ которою Ченскій, живя у княгини, имѣлъ связь — *для дешевизны*, какъ онъ выражается, и съ которою прижилъ семерыхъ дѣтей. Эта Тюмина, узнавъ о сватовствѣ Ченскаго, приходитъ къ Онинымъ, ругаетъ его и изображаетъ его матеріализмъ въ самыхъ ужасныхъ чертахъ. Напримѣръ, она разсказываетъ о слѣдующемъ поступкѣ его: «у насъ былъ слуга Өедоръ, говоритъ она, — огромнаго роста, который выѣзжалъ съ княгиней и ходилъ за ней, когда она прогуливалась. Разъ, когда Ченскій говѣлъ и уже отъисповѣдался, Өедоръ не угодилъ ему чѣмъ-то; что же Ченскій? Ну его колотить, такъ что долженъ былъ отказаться отъ святаго причастія; и это случилось три недѣли сряду, и Ченскій проговѣлъ три недѣли» (стр. 47).

Столь ужасный *матеріализмъ* возмущаетъ всѣхъ, и вслѣдъ затѣмъ Тюмина, чтобъ помѣшать женитьбѣ Ченскаго и отомстить ему, сламываетъ его шкатулку, достаетъ оттуда заемное письмо его, завѣ-

щаніе княгини и подложное завѣщаніе, составленное самимъ Ченскимъ, и все это приноситъ къ Онинымъ въ ту самую минуту, какъ Лиза, испуганная участью отца, соглашается уже выйти за Ченскаго. Тутъ, разумѣется, присутствуетъ и Молвинъ, и еще полицейскій офицеръ, который теперь, вмѣсто Онина, долженъ тащить въ тюрьму Ченскаго. Но всѣ присутствующіе, какъ истинные идеалисты, оказываются столь великодушны, что не только не подвергаютъ его суду, но даже оставляютъ ему всѣ деньги, пріобрѣтенныя имъ въ торговыхъ оборотахъ, ограничиваясь лишь тѣмъ, что заставляютъ его жениться на Тюминой. Такимъ образомъ идеалисты пріобрѣтаютъ довольство и счастіе, вполнѣ вознагражденные за свое поклоненіе идеѣ, а матеріалистъ остается въ дуракахъ, что и доказать надлежало....

Кажется, очевидно: Ченскому ничего нельзя сказать въ заключеніе, кромѣ дурака, и если идеалисты въ «Сватовствѣ» тоже оказываются достаточно-глупыми, такъ тѣмъ хуже для Ченскаго. Значитъ онъ-то еще глупѣе, чѣмъ они, если далъ имъ провести себя.

Но вы, вѣроятно, несмотря на предъидущія выписки изъ «Атенея», все еще не вполнѣ убѣждены, что и г. Савичъ обошелся съ матеріалистами такъ же точно, какъ авторъ «Сватовства Ченскаго». Нѣтъ,—именно такъ. Онъ, видите, съ самаго начала постановилъ вопросъ такимъ образомъ: чтобы система философская могла проникнуть въ глубину общаго сознанія, нужно, чтобъ она «въ своей сущности и въ приложеніяхъ была *доказательна безъ доказательствъ, силою одной только истины*». Затѣмъ онъ спрашиваетъ: «гдѣ же такая система?» Оказывается, что всѣ системы сильны доказательствами, а бездоказательныхъ нѣтъ. Изъ этого для г. Савича ясно, что «истина не дается мудрецамъ» и что нужно искать другую, *всеобщую*, *универсальную истину*, которой бы не только нельзя было доказать, но противъ которой были бы всѣ вѣроятности, представляемыя близорукимъ разумомъ. Затѣмъ слѣдуютъ ругательства на тѣхъ, кто ищетъ доказательной истины путемъ опыта, а не путемъ вѣры въ универсальную, бездоказательную истину. «Наше время, съ горечью говоритъ г. Ю. Савичъ, сдѣлалось особенно требовательнымъ и взыскательнымъ; на-слово нынче не вѣрятъ, на всѣ умозрѣнія махнули рукой (quelle horreur!), и наше—только то, что наука или опытъ сдѣлаютъ доказательнымъ и нагляднымъ (оррёръ, оррёръ!)... Молодое поколѣніе гордится своими новыми убѣжденіями; оно *будто бы* взяло ихъ изъ науки.... У насъ впереди идетъ наука, а мы, не разсуждая много, молча слѣдуемъ за ней и только указываемъ на новые источники свѣта желающимъ просвѣтиться по модѣ, на скорую руку. Нынче на все готовое мода; готовыя убѣжденія еще легче пріоб-

рѣтаются, чѣмъ готовое платье, и тѣмъ болѣе нравится, что приходятся всякому по головѣ. Въ чемъ состоятъ эти убѣжденія? Въ отрицаніи всего, что не можетъ быть строго доказано опытомъ....» (стр. 256).

Пересчитавши ужасы, происходящіе отъ подобнаго довѣрія къ опыту, г. Савичъ восклицаетъ потомъ: «Не перечесть всего зла, да и къ чему? Каждый изъ новыхъ людей чувствуетъ самъ, что ему недостаетъ чего-то, что онъ утратилъ что-то, очень для себя дорогое! Холодно смотритъ впередъ молодое поколѣніе, холодно вокругъ озирается, но не вѣрьте этому сильному равнодушію, не называйте его зрѣлостью», и пр.... Далѣе г. Савичъ объясняетъ, что молодое поколѣніе — только такъ, прикидывается, будто вѣритъ наукѣ и опыту, а въ самомъ-то дѣлѣ жаждетъ «универсальной, бездоказательной истины».

Да и помилуйте, — что такое наука, чтобы ей ввѣриться? Послушайте-ка г. Ю. Савича: въ важнѣйшихъ вопросахъ о мірѣ и человѣкѣ, по его словамъ, — «пылкіе адепты науки, упоенные успѣхами, спѣшатъ высказать свои надежды и, увлекаясь все больше и больше, произносятъ съ комической важностью рѣшительный приговоръ, — *такой грубый, такой безобразный, такой безчеловѣчный приговоръ!*... Вы удивляетесь, читатель (замѣчаетъ *самъ* г. Ю. Савичъ), вамъ странно слышать такое рѣзкое сужденье надъ тѣмъ, *что называютъ успѣхами науки*, (то есть здѣсь разумѣются, вѣроятно, все тѣже *современныя идеи*, на которыя такъ вооружаются гг. Барковъ и Кульжинскій, съ братіею?) Но успокойтесь! въ сокровищницахъ ея много есть всякаго хлама, и стараго и новаго, — не все же принимать за золото». (Стр. 273). Но что же именно надо принять за золото и что за хламъ? Какъ это узнать? Вѣдь всякія *доказательства* и *внѣшніе признаки* г. Савичъ отвергаетъ и презираетъ!... А вотъ слушайте:

«Только то останется истиннымъ сокровищемъ, дорогимъ достояніемъ науки, что выйдетъ чистымъ изъ горнила душевнаго, изъ сознанія нашего, — единственно возможной пробы, когда дѣло идетъ о предметахъ высшаго духовнаго значенія. Но если вамъ выдаютъ за истину такія понятія, которыя противорѣчатъ вашему сознанію, разуму, чувству, — неужели вы примете ихъ, потому только, что сулятъ вамъ ихъ во имя науки? Не можетъ быть, если вы человѣкъ не легкомысленный и не тщеславный», и пр.

Переведемъ эти идеальныя фразы на простой языкъ; онѣ будутъ значить вотъ что.

«Вы хотите учиться, потому что сознаете себя недостаточнообразованнымъ. Но не думайте, что наука должна разширить вашъ

взглядъ, иначе сгруппировать знакомые вамъ предметы, представить ихъ вамъ въ новомъ свѣтѣ, сдѣлать доступными вашему сознанію такіе предметы, которыхъ вы прежде не сознавали, возбудить въ васъ новыя сочувствія и новыя антипатіи, невѣдомыя вамъ прежде. Нѣтъ, вовсе нѣтъ! Вы должны принимать изъ науки только то, что постоянно будетъ согласоваться съ вашимъ *сознаніемъ*, *разумомъ*, *чувствомъ*, — на той степени, на которой они стоятъ при началѣ вашихъ занятій наукой. Поэтому, ежели вамъ говорятъ, что земля движется вокругъ солнца, что солнце больше земли, а нѣкоторыя звѣзды, видимыя вами, еще больше солнца, и т. п., — «неуже ли вы повѣрите этому, потому только, что все это говорятъ вамъ во имя науки? Не можетъ быть, если вы человѣкъ не легкомысленный и не тщеславный». Точно такъ и въ мірѣ нравственныхъ началъ, — ежели вы стоите на той степени развитія, до которой дошелъ г. Дыммапъ въ своей «Наукѣ Жизни», или г. Миллеръ-Красовскій въ своей педагогикѣ, —то пожалуйста и оставайтесь при своемъ, ежели только вы человѣкъ не легкомысленный и пр. Пусть наука толкуетъ вамъ о разныхъ филантропическихъ понятіяхъ въ воспитаніи, пусть представляетъ теоріи новыхъ общественныхъ отношеній, основанныхъ на честности и правдѣ, а не на угожденіи всякому и не на обезличеніи самого себя. Вы не должны принимать подобныхъ внушеній, потому что въ вашемъ сознаніи есть уже противоположныя начала; а если вы имъ измѣните, то покажете, что вы человѣкъ легкомысленный или тщеславный».

Какое торжество для г. Дыммана, для г. полковника П. С. Лебедева, для г. Баркова, для всѣхъ нелюбящихъ науку и ея успѣхи! Господинъ Ю. Савичъ въ «Атенеѣ» разрѣшаетъ имъ неучиться, невѣрить наукѣ, презирать ее, если только она осмѣлится сказать что нибудь вопреки ихъ единичному сознанію и чувству. Если сознаніе и чувство откупщика заставляетъ его считать гибельнымъ распространеніе трезвости; если сознаніе и чувство американскаго плантатора велитъ ему считать святымъ и неприкосновеннымъ дѣломъ угнетеніе негровъ; если взяточникъ находитъ въ своемъ сознаніи и чувствѣ уголовныя обвиненія противъ людей, порицающихъ взятки; то правы эти люди, отвергая всякія логическія убѣжденія, выработанныя общественными науками! По г. Савичу, слѣдуетъ восхищаться ими, какъ людьми не легкомысленными и не тщеславными. Да что ужь говорить объ этихъ людяхъ! Авторитетъ г. Савича разрѣшаетъ всякому недорослю — не учиться и презирать науку. Зачѣмъ же въ самомъ дѣлѣ учиться, ежели я изъ науки не смѣю и не долженъ принимать ничего, несогласнаго съ тѣмъ что *теперь* я знаю и чувствую? Въ чемъ же будетъ состоять мое пріобрѣтеніе? Гораздо лучше

довольствоваться *универсальной*, *бездоказательной* истиной, которой, къ такому огорченію г. Савича, не оказывается ни въ одной философской системѣ, да заняться *самосознаніемъ*, «въ которомъ выражается высшее органическое единство сознательной идеи», — какъ выражается не совсѣмъ понятно *г. Савичъ* на стр. 286. (*)

Вообще г. Ю. Савичъ въ своемъ идеализмѣ заносится такъ далеко, что совершенно теряетъ изъ виду человѣческія потребности и всякія условія здраваго смысла. Онъ ужасно крѣпко держится на своей бездоказательной истинѣ, и въ самомъ дѣлѣ нисколько не доказываетъ ее. Зато реторика у него въ большомъ ходу, и онъ прибѣгаетъ къ ней даже тамъ, гдѣ вовсе этого не нужно. Напр., неужели нельзя было объяснить достоинство человѣка проще и спокойнѣе, чѣмъ какъ дѣлаетъ это г. Савичъ въ слѣдующихъ строкахъ (Ат. стр. 284).

«Не можетъ быть ничего прекраснѣе, ничего выше и благороднѣе человѣка! Всмотритесь только поглубже въ него, и вы согласитесь со мною; всмотритесь, какъ свѣтлый лучь Божественной сущности прошелъ черезъ матерію въ безконечныхъ миріадахъ жизненныхъ формъ, все подчиняя *безусловно и безотчетно* непреложнымъ законамъ своимъ, и только въ лицѣ человѣка, самъ озаривъ *себя свѣтомъ своимъ*, узрѣлъ, распозналъ себя, *почувствовалъ Бога* (*) — сталъ человѣкомъ. Сколько свѣта льется отсюда!... Такъ вотъ гдѣ душа человѣка — завѣтная колыбель добра, правосудія, разума и любви!... Но, Боже праведный! какъ отступились отъ Тебя люди Твои, какъ дурно пользуются они свободой и разумомъ — лучшими дарами Твоими!... Сколько втунѣ протекло вѣковъ, ничѣмъ себя не отмѣтившихъ, или постыдно прославленныхъ сомозабвеніемъ человѣка, непониманіемъ Божественныхъ истинъ, злоупотребленіемъ свободы и разума.... Да, много зла вопіетъ о правосудіи, и было бы, кажется, довольно одной исторіи человѣчества, чтобъ получить право отрицать въ человѣкѣ и душу, и разумъ Божественный.... Самъ затопталъ себя въ грязь человѣкъ, самъ отвер-

(*) Вотъ его слова, со всѣми его курсивами. «Идея — *непосредственное* произведеніе всеобъемлющаго разума, *недѣлимаго* въ своей сущности, но *безконечно производительнаго;* такъ что природа вся, весь видимый міръ — живая книга, въ которой высочайшій разумъ запечатлѣлъ свои божественныя истины. Отсюда, поэтому, слѣдуетъ, что изученіе и раскрытіе законовъ разума, выраженныхъ во всемъ эмпирическомъ мірѣ, составляетъ сущность науки. Идея, олицетворенная человѣкомъ и *живущая въ немъ*, составляетъ сущность его разума, какъ сознательной идеи разума Божественнаго, которая достигаетъ въ человѣкѣ высшаго органическаго единства, выраженнаго *самосознаніемъ*».

Читателю предостовляется рѣшить, что преобладаетъ въ этомъ отрывкѣ — краснорѣчіе или туманность изложенія. Впрочемъ оба эти качества находятся въ такомъ близкомъ родствѣ между собою!...

(*) Курсивъ у самого автора.

нулся отъ Бога своего и отрекся отъ себя, а истина все-таки свѣтитъ въ душѣ его, и не закрыть ее никакими софизмами. Но пора проснуться! пора заглянуть намъ поглубже въ себя, пора намъ развѣдать, откуда намъ этотъ свѣтъ и отчего, хоть при случайно-вызванномъ блескѣ его, такъ *тревожно* бьется сердце, такъ *робко* шепчутся страсти, смиряется дерзкая мысль, и *смутно, неловко* становится человѣку, какъ будто *стыдно* самого себя.... *Счастливыя* (*) минуты! кто васъ не знаетъ, кто не отмѣтилъ васъ хоть разъ въ своей жизни?....

Вмѣстѣ съ краснорѣчіемъ, г. Савичъ отличается и замысловатостью, которая въ иныхъ мѣстахъ грозитъ даже перейти въ глубокомысліе. Напр. послушайте какъ г. Савичъ объясняетъ отношеніе разума къ матеріи — числовыми сравненіями.

«Отнимите одну часть отъ единицы, и единица превратится въ часть; отнимите всѣ части, и единица превратится въ 0, гдѣ вы не найдете ни конца, ни начала. Такъ и здѣсь: *единичность*, съ одной стороны, *безграничная общность*, съ другой, а части являются посредниками между тѣмъ и другимъ, между всеобщимъ и единичнымъ. Читатель, пожалуй въ шутку, можетъ упрекнуть меня, что я привелъ къ нулю безграничную общность разума: но если, оставивъ шутки, всмотрѣться въ значеніе нуля, то не трудно будетъ убѣдиться, что нуля не существуетъ, ни въ смыслѣ цѣлаго, ни въ смыслѣ частей, *хотя его непостижимое существованіе не менѣе того реально*».

Не угодно ли въ самомъ дѣлѣ всмотрѣться въ «непостижимое реальное существованіе несуществующаго нуля»? Какая прекрасная задача послѣ сытнаго обѣда, для лучшаго пищеваренія! И какое торжество для бездоказательной, универсальной истины, открытой г. Савичемъ въ Атенеѣ!... Недаромъ же онъ восклицаетъ въ своей статьѣ: «здѣсь истина, здѣсь она — во всемъ величіи красоты и могущества своего! А мы, какъ слѣпцы, бродили вокругъ», и проч.... Опять слѣдуютъ тѣже увѣренія, что всѣ, ищущіе доказательствъ для истины — дураки круглые....

И однако — странное дѣло! — у этихъ самыхъ дураковъ, у этихъ несчастныхъ, не понимающихъ универсальной истины, г. Савичъ нашелъ теорію, которая ему не нравится только потому, что она слишкомъ ужь высока и идеальна!... Вы, конечно, не вѣрите этому, потому мы еще разъ приведемъ слова самого г. Савича. Онъ излагаетъ теорію, которую принимаютъ, по его словамъ, матеріалисты

(*) Счастье-то, подумаешь, въ чемъ заключается!... Когда человѣку *стыдно, неловко, смутно, тревожно*, тогда онъ и счастливъ!... О г. Савичъ! Не даромъ же разсуждалъ онъ еще въ прошлогоднемъ Атенеѣ, — «объ отношеніи идеала человѣческаго блаженства къ идеалу счастья собачьего!»

(разумѣй: глупцы), — и вотъ какъ заставляетъ онъ ихъ высказывать свои убѣжденія (стр. 275).

«У насъ теперь, какъ недавно выражался кто-то, на первомъ планѣ стоитъ человѣкъ и его прямое существенное благо. *Мы убѣдились(!)*, что абсолютнаго ничего нѣтъ, а все имѣетъ значеніе и достоинство только относительное. А чтобъ мы были честны, великодушны и справедливы, намъ довольно только знать, что мы находимся въ кровномъ родствѣ съ человѣчествомъ; не нужно намъ для этого ни вашихъ принциповъ, ни душъ, съ какими-то врожденными понятіями о добрѣ и злѣ. Это все для насъ слишкомъ абстрактно. Добро и зло — понятія относительныя; не то хорошо, что нравится мнѣ одному, но то, что и вамъ и всѣмъ приходится по сердцу; а гдѣ всѣмъ хорошо, тамъ, повѣрьте, и намъ съ вами будетъ не дурно. Вотъ вамъ и абсолютно-хорошее, и тѣмъ же путемъ можете найдти даже и абсолютно-злое, о чемъ наши философы, кажется, и не догадывались. Дѣйствовать каждому за всѣхъ и всѣмъ за каждаго, — вотъ нашъ принципъ, и ведетъ онъ насъ не къ ложному счастью».

Изложивъ мысли противниковъ, г. Савичъ представляетъ и свои опроверженія, — вотъ въ какомъ родѣ.

«Прекрасное правило, если это дѣйствительно правило, а не просто громкая фраза; но ею прикрывается, къ несчастью, такая пустота, такая *tabula rasa*, что мы рѣшаемся разоблачить ее и показать изнанку той блестящей мантіи, въ которую драпируется нашъ вѣкъ. Мы никогда не сомнѣвались въ такомъ чувствѣ, которое забываетъ о себѣ для всѣхъ, которое предпочитаетъ благо общее своимъ собственнымъ интересамъ; *мы вѣрили всегда въ плодотворность подобнаго чувства, но знали его только какъ исключеніе изъ общаго правила, тщательно отмѣчаемое въ числѣ рѣдкихъ историческихъ примѣровъ; никто бы никогда не рѣшился основать на немъ солидарность человѣческихъ отношеній, и слѣдуетъ для этого искать другаго, болѣе надежнаго основанія»*.

Смыслъ этого возраженія, кажется, ясенъ. Другими словами, это будетъ вотъ что: «Вы, господа матеріалисты, хотите основать общее благо на круговой порукѣ интересовъ, на естественной наклонности людей участвовать въ дѣлахъ общихъ. Въ теоріи вы справедливы; но ваши надежды слишкомъ идеальны. Мы, идеалисты, подобное сліяніе личнаго интереса съ общимъ считаемъ лишь блестящимъ исключеніемъ, которое, какъ рѣдкость, отмѣчается въ исторіи. Не смѣйте же насъ увѣрять, что ваша наука, ваша теорія довели васъ до такихъ результатовъ; этого быть не можетъ.... Это ужъ слишкомъ хорошо и высоко.... Гдѣ же дойти до этого вашей наукѣ? Тутъ непремѣнно нужно другое основаніе.... Вотъ мы, идеалисты, могли бы еще вывести столь благотворные результаты, да

и то не выводимъ, считая ихъ лишь исключительными, рѣдкими явленіями. Куда же, послѣ этого, вы-то суетесь?»

Такимъ образомъ роли перемѣняются, и *матеріалисты* упрекаются въ томъ, что они слишкомъ ужь *идеальны*. Что тутъ дѣлать бѣднякамъ, которыхъ сначала обругали, а потомъ обличаютъ въ неспособности дойти до того, до чего они ужь дошли! Это опять повтореніе стараго анекдота о педагогѣ, который ругалъ мальчика за то, что тотъ слишкомъ скоро рѣшилъ его задачу. «Какъ ты могъ рѣшить ее, когда я самъ еще не успѣлъ окончить вычисленія?» — Да я по другому способу рѣшалъ ее. «Какіе могутъ быть у тебя другіе способы, когда ты еще дуракъ, мальчишка, ничего не понимаешь. Это у меня можетъ явиться другой способъ, ибо я учитель.... Да и то, вотъ видишь, я рѣшаю по старому способу.... Куда жь тебѣ?» — Однако же я рѣшилъ вашу задачу, и совершенно удовлетворительно. — «Вздоръ, врешь; это только такъ кажется, — потому что всѣ доказательства подведены и выводъ сдѣланъ вѣрный.... А въ самомъ то дѣлѣ гдѣ же тебѣ? Тутъ надобно универсальную истину, чтобы безъ доказательствъ было доказательно, безъ смысла умно,» и проч.

Какъ прикажете толковать съ этакимъ наставникамъ? Не лучше ли оставить его въ блаженномъ убѣжденіи, что у него одного только ключъ къ истинѣ и что всякій, кто несогласенъ съ нимъ, совершенно глупъ? Не лучше ли и намъ покончить тѣмъ же съ г. Савичемъ,— столь краснорѣчивымъ и послѣдовательнымъ г. Савичемъ?

Но разставаясь съ нимъ и съ авторомъ комедіи «Сватовство Ченскаго» (если это не одно и тоже лицо....), воспользуемся случаемъ сдѣлать нѣсколько общихъ выводовъ объ идеалистахъ и матеріалистахъ, какъ они рисуются у разсмотрѣнныхъ нами авторовъ.

1) По «Сватовству Ченскаго» идеалисты любятъ жить на чужой счетъ, занимая деньги безъ отдачи.

2) Матеаріалисты бываютъ очень строги къ своей нравственности и сурово наказываютъ себя за проявленія вспыльчивости характера. (См. стр. 267).

3) Идеалисты любятъ вѣрить намекамъ, особенно когда эти намеки обѣщаютъ имъ прощеніе долга.

4) По «Сватовству Ченскаго» и по г. Савичу, — матеріалисты составляютъ синонимъ дурака; они составляютъ фальшивыя завѣщанія и хранятъ ихъ вмѣстѣ съ подлинными, составленными противъ нихъ; они держатъ у себя въ цѣлости украденныя ими заемныя письма на нихъ же....

5) По г. Савичу, «каждый индивидуумъ идеалиста прямо вытекаетъ изъ идеи, которая въ немъ реализируется, принимая форму вещественности».

6) Матеріалисты никуда не годятся главнымъ образомъ потому, что они слишкомъ идеальны, такъ что признаютъ общимъ нравственнымъ требованіемъ то, чему идеалисты могутъ только удивляться, какъ рѣдкому исключенію.

7) Изъ всего этого слѣдуетъ, что идеализмъ неизбѣженъ въ матеріализмѣ по понятіямъ г. Савича, и что оба эти начала чрезвычайно перепутаны и перемѣшаны,—если не въ мірѣ, то въ головахъ г. Савича и автора «Сватовства Чевскаго» (если это не одно и тоже лицо...).

Лучи и тѣни. Сорокъ пять сонетовъ. *Д. фонъ-Лизандера.* Москва. 1859.

Стихотворенія *В. Бажанова.* Спб. 1859.

Стихотворенія *Александрова.* Москва. 1859.

Господинъ Д. фонъ-Лизандеръ пріобрѣлъ уже себѣ почетную извѣстность въ нашей литературѣ, какъ участникъ знаменитаго протеста противъ поступка «Иллюстраціи». Въ 22-й книжкѣ «Русскаго Вѣстника» за прошлый годъ — имя его красуется въ числѣ протестантовъ, между именами Я. Савурскаго и Ѳ. Тимирязева съ одной и Д. Хитрова, Д. Хомякова, И. Хомякова и С. Хомякова — съ другой. Слѣдовательно, нѣтъ никакой надобности говорить о возвышенности и благородствѣ чувствованій, которыми должны быть проникнуты сорокъ-пять сонетовъ г. фонъ-Лизандера. Правда, высокія качества своего нравственнаго характера г. фонъ-Лизандеръ заявилъ еще во время восточной войны, когда написалъ весьма грозное патріотическое стихотвореніе «Нашимъ врагамъ». Но это обстоятельство все еще было не столь блистательно и рѣшительно, какъ то, когда г. фонъ-Лизандеръ сталъ въ ряды побѣдоносной арміи, такъ громогласно ополчившейся на защиту гг. Чацкина и Горвица отъ страшнаго «Знакомаго Человѣка». Этотъ послѣдній подвигъ замѣтно отразился на самомъ характерѣ сонетовъ г. фонъ-Лизандера, большая часть которыхъ писана въ 1858 г. Бродитъ ли онъ по лѣсу, — ему тотчасъ представляется грамматическая темнота въ извѣстной фразѣ «Иллюстраціи», темнота, освѣщаемая только протестомъ... Эта поэтическая мысль возбуждаетъ въ немъ слѣдующее обращеніе къ *душѣ*, подъ которою можно разумѣть душу несчастнаго, оклеветаннаго «Знакомымъ Человѣкомъ».

О душа! Какъ ни столпились плотно
Вкругъ тебя *печали—великаны* (1),
Но и въ тьмѣ (2), съ нихъ льющей и подъ ноги
И на грудь, все блещутъ искрометно,
То какихъ-то свѣтлыхъ думъ поляны (3),
То къ какимъ-то звучнымъ днямъ дороги (4).

Мы полагаемъ, что эти стихи именно относятся къ *клеветѣ и обличенію* «Иллюстраціи», потому что только при такомъ объясненіи и можно найти въ нихъ нѣкоторый смыслъ.

Къ этому же знаменитому дѣлу относятся, вѣроятно, и тѣ стихи, въ которыхъ г. Д. фонъ-Лизандеръ увѣряетъ, что морозъ не препятствуетъ ему предаваться благороднымъ порывамъ. Извѣстно, по словамъ Гоголя, «всякому даже не учившемуся въ семинаріи», — что поступокъ «Иллюстраціи» совершился въ ноябрѣ. Вслѣдствіе того, г. фонъ-Лизандеръ и пишетъ, что прежде любовь согрѣвала его въ зимній холодъ;

Но теперь — не то. *Иныя пѣнья* (5)
Въ эту *ночь* (6) мой зрѣлый слухъ внимаетъ.
Тѣни думъ въ блестящія видѣнья
Тайный звукъ предъ сердцемъ претворяетъ
И роскошный пламень вдохновенья (7)
И въ морозъ — грудь жаромъ обливаетъ....

На «Иллюстрацію» же, кажется, написалъ г. фонъ-Лизандеръ и слѣдующій сонетъ:

Сѣрый день *блеститъ темно и кисло* (8).
Пятна лужъ покрыли грязный дворъ,
Мокрый бикъ глядитъ на нихъ безъ смысла,
Цѣпь *воронъ* покрыла весь заборъ (9).

---

(1) Намекъ на большой форматъ «Иллюстраціи».

(2) Злая иронія надъ самымъ названіемъ «Иллюстраціи», которое значитъ: «освѣщеніе».

(3) Здѣсь, вѣроятно, разумѣются «Московскія Вѣдомости», открывшія у себя поляны, т. е. страницы, для протеста.

(4) Этотъ стихъ, должно быть, относится къ «Русскому Вѣстнику», который звучно показывалъ дорогу протестантамъ.

(5) Нужно разумѣть — пѣвчія прокламаціи «Русскаго Вѣстника».

(6) Метафорическое выраженіе, коимъ обозначаются обыкновенно невѣжество и нечистота сердца; а вмѣстѣ съ тѣмъ опять и колкость «Иллюстраціи».

(7) Возбужденнаго подпиской противъ «Знакомаго человѣка».

(8) Очевидно, здѣсь намекъ на рисунки, помѣщающіеся въ «Иллюстраціи», равно какъ и въ слѣдующемъ стихѣ, гдѣ говорится о *пятнахъ*.

(9) Эти два стиха, при всей своей художественной прелести, составляютъ не слишкомъ лестный комплиментъ читателямъ «Иллюстраціи».

У колодца чье-то коромысло
Позабыто, и ужь съ давнихъ поръ
На бадьѣ приподнятой повисло....
Вотъ и все, что видитъ праздный взоръ ([1]).
Да не больше пищи и для слуха
Развлекла его бѣдняжка муха
Смертной пѣсней въ лапахъ паука ([2]).
Но и сердце тянетъ пѣсню туже:
И его облапила не хуже,
Чѣмъ паукъ, смертельная тоска ([3]).

Если мы не ошибаемся въ смыслѣ, какой даемъ этому стихотворенію, то г. фонъ-Лизандеръ обладаетъ замѣчательнымъ сатирическимъ талантомъ. Впрочемъ, мысль свою — основную мысль почти всѣхъ его произведеній — о томъ, что не нужно клеветать и вообще лгать, — г. фонъ-Лизандеръ выражаетъ не только въ юмористическомъ тонѣ, но и въ звучныхъ диѳирамбахъ. Напримѣръ, вотъ заключенія стихотворенія «Во храмѣ», такъ же написаннаго подъ вліяніемъ мысли гнусности клеветы.

О! да, да. Пусть хоть разъ и этотъ блескъ лампадный ([4]),
И дымъ кадилъ, и хоръ, и сонмъ святыхъ громадный
Всѣмъ этимъ дѣтямъ лжи хоть разъ воскликнутъ грозно,
Что здѣсь, предъ Божествомъ — *не мѣсто фарисейству,*
А мѣсто ханжеству, разврату и злодѣйству (sic!)
Покаяться всѣмъ сплошь да плакать слезно, слезно.

Въ послѣднихъ стихахъ недостаетъ смысла; но этотъ недостатокъ легко искупается избыткомъ благородныхъ чувствованій.... по крайней мѣрѣ въ глазахъ многихъ протестантовъ!

Впрочемъ подвиги гражданской доблести не проходятъ даромъ поэтамъ. Одаренный, какъ видно, пылкимъ воображеніемъ, г. фонъ-Лизандеръ, послѣ совершенія своего благороднаго дѣла, подвергся весьма безпокойнымъ мечтаніямъ. Онъ представилъ себѣ, что ложь, въ видѣ «Знакомаго Человѣка», гонится за нимъ, и, одержимый паническимъ страхомъ, г. фонъ-Лизандеръ бѣжитъ, скачетъ... «Знакомый Человѣкъ» за нимъ, и г. фонъ-Лизандеръ въ мрачномъ безпокойствѣ восклицаетъ своему ямщику:

([1]) Это нужно относить къ бѣдности рисунковъ въ «Иллюстраціи».

([2]) Очевидно, здѣсь олицетворяется беззащитное положеніе оклеветаннаго «Знакомымъ Человѣкомъ».

([3]) Здѣсь поэтически выражается тоскливое чувство, произведенное во всѣхъ друзьяхъ прогресса поступкомъ «Иллюстраціи», хуже котораго они ничего не видали на Руси.

([4]) *О, да, да. Пусть хоть разъ....* Замѣчательный спондей, могущій поспорить съ извѣстнымъ образцовымъ спондеемъ: «Галлъ, Грекъ, Персъ» и пр.

Погоняй! По колеямъ, по глади,
Погоняй! Во весь опоръ скачи!
Отъ того, что мчится тутъ же, сзади,
О, скорѣй, скорѣй меня умчи!

Ложь въ устахъ, ложь и обманъ во взглядѣ,
Всѣхъ надеждъ померкшіе лучи,
Мой кумиръ (*), но въ площадномъ нарядѣ —
Вотъ что сзади.... Сердце, помолчи!

Тройка вскачь, во весь опоръ несется.
Я лечу, какъ молнія летитъ....
Что ни мигъ, все дальше остается

Эта ложь.... Но чтожь меня умчитъ
Отъ моихъ слезъ, жгучихъ язвъ, стенаній,
Отъ твоихъ, о память, содроганій?...

Послѣдніе стихи достойно заключаютъ это стихотвореніе, превосходно выражающее необычайный страхъ, наводимый на поэта мыслью, что за нимъ гонится «Знакомый Человѣкъ» съ рисунками «Иллюстраціи.»

Зная теперь, какой страхъ испыталъ г. фонъ-Лизандеръ, мы не удивимся, узнавъ отъ него, что и самый протестъ, подъ которымъ онъ подписался, не доставляетъ ему наслажденія, а напротивъ *казнитъ* его. Въ отчаяніи г. фонъ-Лизандеръ восклицаетъ:

Казнитъ меня все, все: дни силъ и дни безсилья,
Казнитъ и то, чѣмъ жилъ, и то, чѣмъ я не жилъ,
Казнитъ и то, куда я еле двинулъ крылья,
Казнитъ и то, къ чему во всю ихъ мочь спѣшилъ.

Послѣдній стихъ очевидно указываетъ на тотъ благородный энтузіазмъ, съ которымъ всѣ друзья нашей гласности и прогресса спѣшили стать въ ряды защитниковъ гг. Чацкина и Горвица... Грустно видѣть психологическій результатъ, оставленный этимъ блистательнымъ дѣломъ въ сердцѣ и умѣ г. Д. фонъ-Лизандера!... Вмѣсто гордаго наслажденія и могучаго самодовольства, онъ испытываетъ и выражаетъ въ своихъ стихахъ лишь малодушныя мечты разстроеннаго воображенія. То у него «ужасъ и кручина — дыбомъ волосы поднимутъ на челѣ»; то ему «въ глаза слой ржавчины голодной глядитъ, и мглы черпѣй»; то представляются ему «десятки палачей и топоръ въ размахѣ»; то снится ему, —

(*) Какъ видно, г. фонъ-Лизандеръ въ прежнее время любилъ «Иллюстрацію», въ которой, кажется, помѣщалъ даже свои стихотворенія.

Что онъ уснулъ и спитъ подъ райскими кудрями
Какихъ-то райскихъ жонъ, и видитъ, упоенный,
Какъ херувимовъ рой, сквозь шолкъ ихъ, благосклонно
Взираетъ на него сапфирными очами....

То онъ испытываетъ странное чувство во время прогулки, и вдругъ, *какъ опьяненный*, садится не пень и въ этомъ поэтическомъ положеніи размышляетъ:

Я присѣлъ на пень, какъ опьяненный.
Свѣтлый воздухъ, зноемъ пропоенный,
Легъ, какъ ласка милой, на плечахъ....

О, Творецъ! Ужь если здѣсь такая
Нѣга есть, — чтожь тамъ насъ ждетъ, сіяя
Въ благодатныхъ этихъ небесахъ?...

Пылкое воображеніе г. фонъ-Лизандера доходитъ до того, что подвергаетъ его слѣдующей непріятности. У поэта былъ во владѣніи лѣсъ. «Деревьевъ вѣковыхъ наслѣдникъ небогатый», онъ продалъ ихъ на срубъ. Но когда стали ихъ рубить, то ему вообразилось вотъ что:

...Точь въ точь передо мною губятъ
Не лѣсъ,—моихъ друзей, и головы имъ рубятъ....

Богъ знаетъ, до чего бы могло дойти разстроенное воображеніе г. фонъ-Лизандера, если бы не успокоилъ его «ангелъ-хранитель» такою пѣсенкой:

Спи, бѣдный, спи! *Усыпленье безпечное —*
Лучшее благо сердцамъ.
Въ немъ ты поймешь усыпленіе вѣчное,
То, что могила дастъ вамъ.»

И г. фонъ-Лизандеръ спитъ, и можно сказать — спитъ на лаврахъ, послѣ знаменитаго протеста. Въ просонкахъ пишетъ онъ стихи, большею частію лишенные смысла и всегда нескладные; но «когда же складны сны бываютъ?» Будемъ довольны и тѣмъ, что въ сонныхъ стихахъ г. фонъ-Лизандера все-таки увѣковѣчена для потомства исторія знаменитаго протеста (*).

(*) Очень можетъ быть, что г. фонъ-Лизандеръ, или кто нибудь другой за него (изъ протестантовъ), просвется вновь и сочинитъ протестъ противъ насъ, въ которомъ докажетъ, что въ «Лучахъ и Тѣняхъ» нѣтъ ни малѣйшаго намека на «Иллюстрацію» и «Знакомаго Человѣка», и что наши предположенія составляютъ ни болѣе, ни менѣе, какъ «бездоказательное посягательство на мысль поэта,—это священнѣйшее достояніе души человѣческой». Если такой протестъ (какъ мы ожидаемъ) состоится, то заранѣе просимъ дозволенія напечатать его въ «Свисткѣ.» «Свистокъ» будетъ очень счастливъ, если удостоится этой чести!

Что касается до характера поэтическаго генія г. Бажанова, то мы надѣемся опредѣлить его довольно вѣрно, сказавши, что въ семъ піитѣ представляется намъ суровый пуританинъ, одержимый эротическими страстями. Съ одной стороны — вотъ какія обличенія и совѣты:

О смертный! не ропщи на свой удѣлъ;
Вооружись терпѣніемъ и вѣрой,
Неси свой крестъ покорно, — и Господь
Сторицею воздастъ тебѣ въ той жизни
За здѣшнія лишенія твои....
Все тлѣнъ: богатство, почести и слава;
Ты ничего съ собою не возьмешь
Въ тотъ неизбѣжный часъ, какъ Ангелъ смерти
Отъ тяжкихъ узъ тѣлесныхъ разрѣшитъ
Безсмертью предназначенную душу; —
Тогда предъ неумытнымъ Судіей
Предстанетъ не вельможа знаменитый
И не богачъ, — предстанетъ человѣкъ,
Съ порочными иль добрыми дѣлами,
И приметъ мзду, заслуженную имъ....
Благоговѣй, смирись предъ Провидѣньемъ
Его рука путемъ тернистымъ бѣдствій
Къ небесному блаженству насъ ведетъ....
Здѣсь только тотъ и счастливъ и покоенъ.
Кто, жребіемъ довольствуясь своимъ,
Съ терпѣніемъ удары рока сноситъ.

А съ другой стороны вотъ какія «Воспоминанія Старушки:»

Ахъ, — и я была когда-то молода,
И слыла въ селѣ красавицей тогда!...
Какъ пойду, бывало, павой въ хороводъ,
Мною весь честной любуется народъ....
Парни-молодцы, какъ мухи къ меду, льнутъ
И проходу красной дѣвкѣ не даютъ....
Только слышишь: Мареа, — спой да попляши!
У те голосъ, — у те ножки хороши!...
Кто орѣшковъ, кто гостинцевъ мнѣ сулитъ,
Кто колечкомъ, кто платочкомъ подаритъ, —
А Степанъ, — лихой, удалый молодецъ,
Заручилъ меня, младую, подъ вѣнецъ....
Подъ вѣнцомъ я рдѣла, словно маковъ цвѣтъ,
Говорили: краше дѣвки въ свѣтѣ нѣтъ....
А теперь гдѣ ты, — скажи, моя краса?...
Посѣдѣла темнорусая коса;

По селу едва-едва брожу съ клюкой, —
Одолѣла старость съ хворостью лихой, и пр.

И опять — съ одной стороны сѣтованія на порочность всего міра:

Насъ обуялъ корысти духъ лукавый,
Его рабы, — мы съ самыхъ юныхъ лѣтъ,
До гроба ищемъ тлѣнныхъ благъ и славы,
Какъ будто въ насъ души нетлѣнной нѣтъ, и пр.

А съ другой — восхищеніе женскимъ локономъ и разсказъ о поцалуѣ, «полномъ нѣги безмятежной.» Да еще это бы не бѣда, — хотя, конечно, и локонъ подходитъ къ разряду *тлѣнныхъ* благъ. Ну, да ужь положимъ, что имъ еще можно утѣшаться, потому что волосы все-таки не такъ скоро истлѣютъ, какъ остальныя части тѣла.... Но вѣдь дѣло въ томъ, что г. Бажановъ въ своемъ пристрастіи къ локону заходитъ ужь слишкомъ далеко. Онъ восклицаетъ:

Ты *одинъ* души томленье,
Думы скорбныя мои,
Въ грустный часъ уединенья
Услаждаешь, даръ любви!

Эти стихи находятся въ совершенномъ противорѣчіи съ назидательнымъ настроеніемъ г. Бажанова, ихъ нельзя признать законными дѣтьми его пуританской музы. *Одинъ* локонъ услаждаетъ его томленье и скорбь! Каково это вамъ покажется? Какъ будто этотъ локонъ — нетлѣнный! Какъ будто нѣтъ для человѣка высшихъ утѣшеній!

Какъ будто въ насъ души нетлѣнной нѣтъ !...

Точно такъ же, не можемъ мы помирить слѣдующихъ противорѣчій музы г. Бажанова. Въ стихотвореніи «1-е января 1858 г.» онъ бросаетъ высоко-благородныя и нравственныя обличенія въ лицо развратному свѣту. Здѣсь онъ говоритъ, между прочимъ :

Прошла гроза, — мы весело, безпечно,
Проводимъ дни въ забавахъ и пирахъ,
Всѣмъ жертвуя для жизни скоротечной,
Изгнавъ изъ сердца стыдъ и страхъ.

А между тѣмъ, при такомъ обличительномъ направленіи, г. Бажановъ занимается воспѣваніемъ того, какъ молодая нѣмка Мальвина поджидаетъ молодаго француза Проспера, который къ ней,

Забывая покой,
Въ часъ безмолвный, ночной,
На свиданье любви поспѣшаетъ....

Для всякаго другаго это было бы ничего; но г. Бажанову — непростительно! Конечно, поэтъ можетъ проникаться сатирическимъ духомъ и изображать пустоту и развратъ свѣта очень ярко. Поэтому мы не упрекаемъ въ нескромности, напримѣръ, пьесу «Выборъ Жениха», въ которой невѣстою предпочтенъ всѣмъ сѣдой князь,

Въ крестахъ, въ звѣздахъ,
На костыляхъ.

Здѣсь мы видимъ тотъ же духъ, который внушилъ поэту слѣдующіе грозные стихи противъ звѣздъ (въ стихотвореніи «Звѣздочка»):

Такъ забудь же миріады
Звѣздъ блестящихъ и большихъ,
И тоскующіе взгляды
Отврати скорѣй отъ нихъ....

Имъ понятны наслажденья,
А печаль для нихъ чужда;
Въ нихъ участья, сожалѣнья
Не найдешь ты никогда....

Такіе строго-обличительные стихи совершенно соотвѣтствуютъ общему направленію поэта, и за нихъ можно только хвалить г. Бажанова. Но когда онъ утѣшается тлѣннымъ локономъ и съ наслажденіемъ рисуетъ сцену ночнаго свиданія француза Проспера съ нѣмкой Мальвиной, или представляетъ игривую амуретку корнета съ Наташей (въ стихотвореніи «Мать и Дочь»),—то нельзя не упрекнуть его музу въ легкомысліи и въ измѣнѣ тѣмъ убѣжденіямъ, которыя должны бы лежать краеугольнымъ камнемъ всей поэзіи г. Бажанова. Возвышенный строй его лиры далъ намъ такія стихотворенія, какъ «Молитва», «Крестъ», «Не ропщи», «На кончину Императора Николая I-го», «Печаль и Отрада Россіи»—стихотвореніе, не уступающее высотою чувствованій извѣстному произведенію кн. Вяземскаго «Плачъ и Утѣшеніе». Въ этой сферѣ собственно и долженъ былъ бы оставаться г. Бажановъ, и тогда мы почти не имѣли бы возможности упрекнуть его. Но, къ сожалѣнію, слабость природы человѣческой превозмогаетъ силу самыхъ крѣпкихъ пуританскихъ убѣжденій. Рѣзвый купидонъ — говоря миѳологически — увлекаетъ самого Зевеса-громовержца; немудрено, что онъ и г. Бажанова увлекъ къ сочиненію игривыхъ стишковъ о тлѣнномъ локонѣ, принадлежащемъ, можетъ быть, той самой нѣмкѣ Мальвинѣ, которая «въ часъ ночной» поспѣ-

шала на свиданіе съ французомъ Просперомъ.... Что дѣлать? Эротическія расположенія овладѣваютъ, вѣрно, и суровыми пуританами, подобными тому, какимъ выставляется г. Бажановъ въ своихъ *возвышенныхъ* стихотвореніяхъ. Не будемъ судить за это слишкомъ строго: говорятъ, что отъ стрѣлъ купидона никто не можетъ укрыться, и въ доказательство указываютъ даже на г. Розенгейма. Ужь какой, кажется, обличитель, — а и тотъ писалъ эротическіе стишки, еще почище (не по языку и не по стиху впрочемъ), чѣмъ г. Бажановъ. Притомъ же—что нападать на г. Бажанова, когда онъ самъ уже осудилъ такъ строго свою нравственность, на первой же страницѣ своей книжки:

Гори яснѣй, моя лампада,
Молись теплѣй, душа моя....
Я рабъ страстей, стяжанье ада,—
И вѣчныхъ мукъ достоинъ я....

Смотрю въ жизнь прошлую съ боязнью;
Въ ней тщетно добрыхъ дѣлъ ищу;
И, какъ преступникъ передъ казнью,
Томлюсь, страдаю, трепещу....

Моя душа охолодѣла,
Не внемлетъ истинѣ святой,
Живая вѣра оскудѣла
И съ ней сокрылся мой покой....

Бѣдный г. Бажановъ! Хоть бы пришелъ къ нему тотъ утѣшитель, который поетъ г. фонъ-Лизандеру:

«Спи, бѣдный, спи! Усыпленье сердечное —
Лучшее благо сердцамъ!...» и пр.

Стихотворенія г. Александрова тоже нуждаются въ подобномъ утѣшителѣ, ибо авторъ ихъ — необычайный страдалецъ. Половину книжки занимаетъ разсказъ о нѣкоемъ господинѣ Задоринѣ и о его дочери Эммѣ, которую *поэтъ*, какъ отважно называетъ себя г. Александровъ, рисуетъ съ большой любовью и съ отступленіями въ родѣ слѣдующаго:

Но къ счастью, ни умомъ,
Ни душею, старшая ея дочь Эмма
Не была похожа на свою мать.
Но я вижу, что вы начинаете терять
Терпѣніе, что такъ вяло идетъ къ концу поэма.
Я надѣюсь, что вы не будете бранить *поэта*

За неправильное названье это;
Тутъ поэмы нѣтъ нисколько,
А просто это одинъ разсказъ,
Которымъ хотѣлъ я васъ
Занять на часъ. И только....
И отъ того такъ назвалъ,
Что я риѳмы къ Эмма не сыскалъ.

Въ этихъ-то отступленіяхъ, которыя уже сами по себѣ составляютъ страданіе, равно какъ и вся поэма и даже вся книжка г. Александрова, безпрестанно встрѣчаются такого рода жалобы:

Теперь нигдѣ отрады не нахожу,
И, какъ путникъ заблудившійся, брожу
Межь ненавистныхъ мнѣ людей,
Межь пошлыхъ и холодныхъ богачей, и пр....

Или:

Давно погибли мои надежды и мечты,
Жизнь моя полна душевной пустоты;
Я теперь живу воспоминаньемъ однимъ, и пр.

Въ одномъ изъ мелкихъ стихотвореній, г. Александровъ такъ же жалуется:

Время юности живой
Промчалось быстро отъ меня,
Съ глубокой мрачною тоской
Теперь ни на мигъ не разстаюся я;
Страданія и мученія больной души
Меня тревожатъ часто среди ночной тиши....

Въ другомъ стихотвореніи объясняется:

Давно во мнѣ уснули страсти
Сномъ холоднымъ мертвеца,
И глубокія морщины избраздили
По всѣмъ направленьямъ лице;
Холодъ, голодъ и многія напасти,
Душевный жаръ истощили, и пр....

Въ стихотвореніи «Дума» говорится:

Съ глубокой думою сижу я подъ окномъ;
И все я думаю только объ одномъ:
Что я лучшія движенья сердца утратилъ

Безплодно, и святыя чувства я растратилъ
Въ тяжкомъ и позорномъ бездѣйствіи и снѣ....

Вотъ начало стихотворенія «Ожиданіе».

Холодъ, голодъ и нищета,
Отъ погибшей юности мечта,
Мои спутники до гроба,
Порой тоска, ненависть злоба
Меня въ жизни сопровождаютъ,
Часто быструю радость отравляютъ....

И такъ далѣе, — все одно и тоже.... Страданіе, да и только! Мы сочли нужнымъ прежде всего указать на это читателямъ, потому что авторъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ:

Ты меня опрометчиво не проклинай,
Лучше ты мои страданія узнай....

Конечно, страданія г. Александрова не могутъ имѣть особенной важности и интереса для публики; но столь настойчивое напоминаніе собственныхъ страданій заставило насъ подумать о причинахъ, по которымъ страдалъ г. Александровъ. Мы предались было даже мечтаніямъ въ родѣ тѣхъ, какимъ предавался Павелъ Ивановичъ Чичиковъ, просматривая списокъ мужиковъ, купленныхъ у Собакевича. Кто такой г. Александровъ? Гдѣ и какъ протекла его юность? За что тѣшилась надъ нимъ злая судьба? Изъ книжки видно, что г. Александровъ — какой-то самоучка; не только о версификаціи, но даже о правописаніи онъ не имѣетъ никакого понятія; но въ то же время онъ разсуждаетъ объ устройствѣ общества, о взяткахъ, о бильбокетахъ и понтерахъ, о балахъ и бокалахъ, упоминаетъ даже о Рафаэлѣ и Перуджино.... Трудно разобрать, что такое представляетъ собою авторъ этихъ стихотвореній.... Бѣдный ли онъ чиновникъ, на старости лѣтъ лишившійся мѣста по неблагонадежности или вслѣдствіе сокращенія штатовъ? Помѣщикъ ли какого нибудь захолустья, заглянувшій разъ въ жизни въ столицу, увидавшій тамъ двухъ литераторовъ и вслѣдствіе того возгорѣвшій стремленіемъ къ литературной славѣ? Или онъ отставной инвалидъ, покоящійся на лаврахъ и посвящающій свои досуги служенію музамъ? А можетъ быть это — самоучка-мѣщанинъ, какихъ такъ много нынѣ развелось на Руси? Можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ не посчастливилось ему въ жизни, и «голодъ, холодъ, нищета» — можетъ быть составляютъ для него не стихотворную фразу, а дѣйствительныя лишенія, которыя онъ испыталъ.... Но въ такомъ случаѣ — зачѣмъ онъ тол-

куетъ о бокалахъ, выпитыхъ имъ на пирахъ, о красавицахъ, съ которыми онъ танцовалъ на блестящихъ балахъ, и пр?... Ради ли стихотворной вольности, или тоже по дѣйствительному опыту жизни?... И что наконецъ привело его къ описанію этихъ страданій? Кто и какъ рѣшился издать эту безобразную книжечку, сѣрую, неопрятную, напечатанную рѣшительно безъ всякой корректуры!...

Праздные, забавные вопросы, если смотрѣть на нихъ съ обще-литературной точки.... Но нельзя отъ нихъ удержаться, когда подумаешь, сколько добродушія и совершеннѣйшей нищеты духа долженъ имѣть авторъ книжечки, подобной стихотвореніямъ г. Александрова. Тутъ внутренняя ничтожность и вздорность ничѣмъ не прикрыта: ни звучнымъ стихомъ, ни блестящими современными фразами, ни гордыми претензіями на званіе общественнаго дѣятеля, такъ часто принимаемыми у насъ за признакъ внутренней силы.... Видно, что авторъ не принадлежитъ къ высоко-образованной фалангѣ протестантовъ противъ «Иллюстраціи», какъ г. фонъ-Лизандеръ, и даже не проникнутъ такою выспреннею назидательностью, какъ г. Бажановъ. И однако — въ стихахъ его всегда можно добиться смысла, чего часто недостаетъ сонетамъ г. фонъ-Лизандера; въ книжкѣ г. Александрова нѣтъ и того страннаго «служенія Богу и мамонѣ», какое замѣтили мы у г. Бажанова. Ясно, что если бъ г. Александровъ поучился, узналъ бы хоть грамматику и версификацію, да чуть-чуть усвоилъ бы себѣ пріемы литературные, онъ бы никакъ ужь не написалъ такихъ безсмыслицъ, какія находимъ у гг. фонъ-Лизандера и В. Бажанова.... А между тѣмъ теперь даже и эти господа, которыхъ ученье привело только къ правильному стопосложенію и къ совершеннѣйшей темнотѣ разумѣнія, — даже и эти господа посмотрятъ, пожалуй, съ пренебреженіемъ на г. Александрова!... Да и какъ иначе? Господинъ фонъ-Лизандеръ *имѣетъ имя* въ литературѣ, онъ участвовалъ въ блистательнѣйшихъ литературныхъ экспедиціяхъ; г. Бажановъ тоже—если еще не имѣетъ, то будетъ имѣть имя: по крайней мѣрѣ стихотворенія его помѣщались въ нѣкоторыхъ журналахъ, считающихъ себя весьма серьёзными и значительными.... А г. Александровъ презрѣнъ вездѣ и всѣми, за то собственно, что говоритъ только о своихъ страданіяхъ, да и тѣхъ не умѣетъ изложить хорошенько, — по строгимъ правиламъ искусства.... Бѣдный г. Александровъ! Такъ ужь ему вѣрно судьбой назначено — во всемъ быть страдальцемъ: въ жизни страдалъ онъ; когда стихи свои писалъ, — тоже, должно быть, страдалъ и мучился надъ ними неимовѣрно; да и напечатавши свою книжечку, — ничего, вѣроятно, не получилъ и не получитъ отъ нея, кромѣ огорченій и страданія....

Разсказы и очерки *С. Вахновской*. **М. 1859.**

Какъ разнообразны способы, которыми пріобрѣтается слава! Слава г-жи Вахновской упрочена теперь, благодаря тому, что г-жа Кохановская писала хорошія повѣсти и печатала ихъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», а г. Н. Н. вообразилъ, будто *Кохановская* есть псевдонимъ *Вахновской*, и объявилъ о томъ въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». Случай, и даже глупый случай.... но онъ прославилъ не столько г. Н. Н., сколько саму г-жу Вахновскую, о которой по этому случаю напечатаны «Замѣтки» въ нѣсколькихъ газетахъ и журналахъ. Въ одной изъ этихъ замѣтокъ г-жа Вахновская названа даже «посредственностью, не представляющею ничего замѣчательнаго»; но тѣмъ не менѣе ее замѣтили, о ней заговорили.... Сначала всѣ были увѣрены, что ея разсказы очень хороши, потому что — помилуйте, какъ же? — г-жа Кохановская! Это такой талантъ!... О, книжка г-жи Вахновской должна быть превосходна, потому что г-жа Кохановская не можетъ написать ничего дурнаго!... Но потомъ, когда оба имени отдѣлились одно отъ другого, многіе пришли въ недоумѣніе и стали спрашивать: что же, однако, хороши или дурны разсказы г-жи Вахновской, и что въ нихъ есть любопытнаго?... Спѣшимъ отвѣтить на этотъ вопросъ самымъ любезнымъ объясненіемъ.

По нашему крайнему разумѣнію, г-жа Вахновская не нуждалась даже въ опрометчивости г. Н. Н., чтобы пріобрѣсти себѣ громкую извѣстность. Книга ея замѣчательна уже тѣмъ, что даетъ гораздо больше, нежели обѣщаетъ на заглавномъ листкѣ. И что—вы думаете — прибавляетъ она? Женщину!... Да, цѣлую женщину!... На заглавномъ листѣ, подъ общимъ заглавіемъ «Очерковъ и Разсказовъ», находимъ мы и перечень всѣхъ пяти разсказовъ, помѣщенныхъ въ книжкѣ. Второй разсказъ называется въ этомъ перечнѣ: «Двѣ Женщины». Но откройте книгу, и вы увидите на 25-й страницѣ: «Три Женщины, романъ въ письмахъ, посвящается Е. Н. Кротковой». Итакъ *три* женщины, не считая самой сочинительницы и той, кому посвященъ романъ; — во всякомъ случаѣ, одна лишняя противъ обѣщаннаго,—и одно ужь это чего стоитъ!...

Но количество ничего не значитъ въ сравненіи съ качествомъ. А каковы качества женщинъ изображенныхъ г-жею Вахновскою,— это легче почувствовать, нежели передать словами... Какъ онѣ пишутъ, какъ говорятъ! Боже, какъ говорятъ!... Особенно въ интимныхъ разговорахъ!... Я никогда не имѣлъ интимныхъ разговоровъ съ женщинами и—признаюсь—никакъ не ожидалъ, чтобъ онѣ могли такъ хорошо говорить. Но теперь,—о, теперь я только о томъ и думаю, чтобы.... не подумайте — самому завести.... нѣтъ, я на это

никогда не рѣшусь, а просто.... *подслушать* интимный разговоръ женщины!... Какъ это должно быть восхитительно, и какъ должно дѣйствовать на мужчинъ!... При всей своей неодушевленности и безчувственности, я бы, кажется, съ ума сошелъ, если бы прекрасная женщина сказала мнѣ то, что говоритъ Любинька Гордунова Владиміру Петровичу:

«Я бы не удовольствовалась (говоритъ она) бѣглыми поклоненіями свѣтскихъ львовъ, которыми они надѣляютъ такъ много женщинъ; блестящая пустота лести не могла бы, кажется, наполнить мое сердце. Оно жаждетъ другого».

Тутъ Любинька почувствовала, что голова ея горитъ, ей представился рядъ волшебныхъ, заманчивыхъ призраковъ, и она продолжала *съ увлеченіемъ* (Даже съ увлеченіемъ! И все это слышалъ Владиміръ Петровичъ! Счастливый Владиміръ Петровичъ!):

«Оно (т. е. сердце) жаждетъ пламенной, глубокой, безкорыстной любви, не подверженной капризамъ людей, не основанной на кокетствѣ и самолюбіи, любви одного достойнаго человѣка, котораго мнѣніе было бы для меня дороже всего свѣта!... И какъ бы я его любила, какъ бы тихо и какъ счастливо *протекла* бы для насъ жизнь! И какъ оживилось бы мое уединеніе!... Я шла бы съ нимъ *легкою стопою* (даже и стопа-то у нея не тяжелая! Не совершенство ли эта дѣвушка?!), рука объ руку, душа въ душу (что еще?), и онъ бы зналъ всѣ сокровеннѣйшія мысли мои.... отъ всякаго чувства, заставляющаго биться мое сердце, забилось бы и его.... О, онъ бы понялъ меня, и проч».... (стр. 71).

Любинька договорилась такимъ манеромъ до обморока, и Владиміръ Петровичъ упалъ къ ногамъ ея и заговорилъ ей: *ты*. Но вдругъ она охладѣла и начала увѣрять его, что она совершенно ничего, только у нея голова закружилась, и проч. Вскорѣ потомъ (вообразите мое-то разочарованіе!) она вышла замужъ за Ивана Ларцева, котораго до сихъ поръ третировала очень свысока, и была очень довольна своей участью.... Она, видите, нашла, что ошибалась во Владимірѣ и ошибалась въ Ларцевѣ: Ларцевъ оказался отличнымъ, покорнымъ мужемъ, а Владиміръ пристрастился къ охотѣ и совершенно потерялъ всякое расположеніе къ своей женѣ, которую прежде очень любилъ.

Такова одна изъ трехъ женщинъ. Другая,—жена этого самаго Владиміра, — не столь замѣчательна: это обыкновенная кокетка, впрочемъ совершенно безхарактерная и не отличающаяся даже краснорѣчіемъ. Но зато третья — Адель — еще удивительнѣе первой, Любиньки. Она до того идеальна, что въ ней исказаются

самые основные законы физической природы, касающіеся женскаго организма. Представьте себѣ: отъ *15-го іюля* она пишетъ своей подругѣ, что рѣшилась согласиться на предложеніе графа Лавацкаго выдти за него замужъ; отъ *10-го августа* сообщаетъ: «вотъ десять дней, какъ я замужемъ и счастлива»; отъ *12-го сентября* пишетъ: «я чувствую себя больною и слабою, вслѣдствіе ли моего положенія (я беременна), вслѣдствіе ли душевныхъ волненій» (стр. 105); отъ *20-го марта* мужъ Адели уже увѣдомляетъ ея подругу, что у нихъ родился преждевременно сынъ, и что здоровье Адели все еще очень плохо (стр. 113). Какъ оказывается изъ внимательнаго разсмотрѣнія дѣла, авторъ не безъ намѣренія изложилъ въ такомъ видѣ исторію этихъ неестественныхъ родовъ. Здѣсь, какъ и въ «Воспоминаніяхъ Лѣкаря», онъ хотѣлъ показать, какъ вредно женщинѣ сантиментальничать и предаваться неумѣренной идеальности: тотчасъ здоровье разстроишь и будешь родить семимѣсячныхъ выкидышей! Замѣчаніе весьма дѣльное, хотя съ неменьшею основательностью оно прилагается и къ противоположному направленію—матеріальному. Въ комедіи «Сватовство Ченскаго» г-жа Дальнева говоритъ идеальной Лизанькѣ Ониной: «а дѣти у тѣхъ, которые женятся по разсчету, выходятъ какіе безобразные! Блѣдные, желтые, несчастные!» Съ этимъ впрочемъ согласна, должно быть, и г-жа Вахновская, желающая, повидимому выставить вредъ односторонностей и пользу примиренія теоріи съ практикою (иначе сказать: «неизбѣжность идеализма въ матеріализмѣ) въ своихъ «Трехъ Женщинахъ». Марія Сергинская—легкомысленная кокетка, свѣтская женщина, не понимающая возвышенныхъ чувствъ и завлекающая Ивана Ларцева, который вовсе не стоитъ ея мужа. Зато и выходитъ, что и Ларцевъ ее не полюбилъ, и мужъ разлюбилъ, и она живетъ въ деревнѣ да скучаетъ.... Адель Пельская—экзальтированная женщина, увѣряющая, что она ни за что не полюбитъ человѣка, который будетъ ей представленъ съ обычными формальностями, и ревнующая своего мужа къ первой женѣ его, давно уже умершей. Зато и выходитъ, что она безпрестанно падаетъ въ обмороки, разстроиваетъ свое здоровье и родитъ семимѣсячныхъ дѣтей. Любинька Гордунова, напротивъ, — дѣвушка, полная идеальнѣйшихъ достоинствъ, говорящая такъ, какъ выше показано, — влюбляется во Владиміра, мужа своей подруги Маріи, но пересиливаетъ свое сердце и выходитъ замужъ за Ларцева, котораго сама описываетъ такимъ образомъ, въ письмѣ къ сестрѣ своей:

«Это одинъ изъ тѣхъ тысячныхъ людей, про которыхъ сказать нечего. Самая наружность его безцвѣтна: онъ ростомъ не высокъ и не малъ, онъ не толстъ, но сложенія плотнаго; его маленькіе глаза не то сѣ-

раго, не то зеленаго цвѣта, а выраженія ихъ разглядѣть нельзя, потому что онъ ихъ страшно щуритъ, когда говоритъ. Рыжеватые усы почти скрываютъ его губастый ротъ, а свѣтлые волосы всегда тщательно напомажены и приглажены, по воскресеньямъ же онъ ихъ завиваетъ. Разговоръ его не замѣчателенъ, но спасибо и за то, что онъ не остритъ и не пускается въ чувствительность, а говоритъ просто; *словомъ, мой милый другъ, въ моемъ положеніи, съ моимъ маленькимъ состояніемъ, такому жениху мнѣ отказать бы не слѣдовало, если бы онъ посватался*».

Столь благоразумныя разсужденія высказываетъ восхитительная Любинька при самомъ началѣ знакомства съ Ларцевомъ. Узнавъ, что Владиміръ Петровичъ любитъ ее, она исполняется презрѣніемъ къ Ларцеву, особенно при видѣ его ухаживаній за Маріею. Но когда Ларцевъ за нее посватался, она выходитъ за него, родитъ дѣтей не семи, а девяти-мѣсячныхъ, какъ и слѣдуетъ, и находитъ, что мужъ ея прекрасный человѣкъ. Черезъ годъ послѣ замужества она пишетъ: «какъ глупо и какъ смѣшно мнѣ кажется теперь прошедшее! И какъ я понимаю, что мое настоящее призваніе — семейная жизнь, мое назначеніе—быть женою, матерью, хозяйкой... и что это назначеніе и выше, и благороднѣе, и лучше всѣхъ сентиментальныхъ бредней и пустыхъ теорій».

Читателю предоставляется рѣшить, которая изъ трехъ женщинъ лучше. Что касается до насъ, то намъ ни одна изъ нихъ не нравится, а Любинька, очаровавшая насъ сначала своимъ краснорѣчіемъ, теперь внушаетъ намъ даже отвращеніе своимъ хозяйственнымъ самодовольствомъ. Въ ней мы видимъ олицетвореніе (правда, очень блѣдное и слабое; но это ужь зависитъ отъ таланта автора) житейской пошлости, не только убивающей въ человѣкѣ благородныя и чистыя стремленія, но еще научающей радоваться ихъ лишенію.... На нашъ взглядъ Марья Сергинская—женщина не безукоризненная, не серьёзная, но все-таки очень удовлетворительная *въ извѣстномъ смыслѣ*, очень хорошая *для извѣстнаго вкуса и направленія*. Она не развила нѣкоторыхъ сторонъ своей натуры; что дѣлать? Но она вѣрна себѣ, она отличается извѣстнымъ характеромъ, и кто желаетъ имѣть женою какую нибудь неземную фею или ундину, или

Семинариста въ жолтой шали,
Иль академика въ чепцѣ, —

тотъ и не бери ее... Адель—тоже одностороние развитая дѣвушка; но она несчастна своимъ развитіемъ, о ней нужно сожалѣть... Она больна, и на нее нельзя сердиться ужь и за то, что она довольно терпѣливо сноситъ свою болѣзнь. Но Любинька—это какой-то сидѣлецъ изъ

жинальной лавки, нарядившiйся въ кринолинъ и позаимствовавшiйся слогомъ у Марлинскаго или у князя Кугушева; это кукушка, усиливающаяся пѣть соловьемъ; это буренка, издающая нѣжное мычанiе и протягивающая рыло къ клоку гнилаго сѣна.... Мы очень сожалѣемъ, что позволили было себѣ увлечься ея краснорѣчiемъ, и не поздравляемъ автора, ежели его собственное мнѣнiе, (какъ представляется изъ хода повѣсти) — въ пользу этой женщины...

Впрочемъ мы не хотимъ навязывать автору мыслей, которыхъ онъ, можетъ быть, не имѣлъ. «Три Женщины» — романъ въ письмахъ, слѣд. авторъ тутъ ничего не говоритъ отъ себя. Да и во всей книжкѣ — г-жа Вахновская разсказываетъ не отъ себя, а отъ лица то старика, то лѣкаря, то какого-то молодаго человѣка... Легко можетъ быть, что она вовсе не раздѣляетъ ихъ мыслей. По крайней мѣрѣ о тенденцiяхъ лѣкаря она замѣчаетъ отъ себя, — что онъ «пускается въ крайность.» А тенденцiи его состоятъ въ томъ, что не нужно учить дѣвочекъ ничему, кромѣ хозяйства. Убѣжденiя эти основываетъ онъ на томъ, что одну дѣвушку совсѣмъ изморили за философiей полковника Вейсса.... Но кто же говоритъ о Вейссѣ? Самъ г. де-Жеребцовъ порицаетъ дамъ, зараженныхъ полковникомъ Вейссомъ: но изъ этого вовсе не слѣдуетъ необходимость бросить всякое ученье.... И едва ли много найдется мужей, которые согласятся съ слѣдующими мыслями лѣкаря: «мужу нужна хозяйка, мать его дѣтей; онъ уже счастливъ комфортомъ, доставленнымъ ею (что здѣсь разумѣется подъ комфортомъ, *доставленнымъ ею?), — а умственныя потребности, если онъ у него есть, онъ можетъ удовлетворить иначе — чтенiемъ, или въ обществѣ умныхъ людей.»* Почему бы, подумаешь, женѣ-то его не быть въ этомъ же обществѣ умныхъ людей? Не потому ли ужь, что «курица — не птица, женщина — не человѣкъ»?...

Изъ пяти произведенiй, напечатанныхъ въ книжкѣ г-жи Вахновскiй, «Три Женщины» и «Воспоминанiя Лѣкаря»—самыя длинныя и скучныя. Сцена «Лучше умная хула, чѣмъ глупая хвала» — коротка, но совершенно безцвѣтна. У графини-вдовы есть два жениха,— одинъ бѣдный и угодливый, а другой богатый и брюзгливый; она отказываетъ бѣдняку, который ей льститъ, и выходитъ за богатаго, который бранитъ ее. Это и называется: «лучше умная хула, чѣмъ глупая хвала»; можно бы назвать ее такъ: «богатымъ все позволяется.»

О разсказѣ: «И умъ не спасетъ стараго человѣка» — умолчимъ, такъ какъ его пошлость можетъ выставить въ очень невыгодномъ свѣтѣ талантъ г-жи Вахновской.

Но зато пятый и послѣдній разсказъ насъ очень утѣшилъ!... Читатель ужь ждетъ, что мы скажемъ: «тѣмъ, что онъ послѣдній.» Но эта острота слишкомъ стара, и мы не повторимъ ее. Да притомъ же разсказъ, и независимо отъ этого обстоятельства, имѣетъ дѣйствительныя достоинства. Ведется онъ отъ лица молодаго человѣка, называется «Современные Толки», и изображаетъ, какъ толкуютъ въ гостиныхъ и на дворянскихъ выборахъ — объ освобожденіи крестьянъ, (или, какъ г-жа Вахновская выражается, — *объ эмансипаціи.*) Чтобы познакомить читателей собственно съ литературной стороной таланта г-жи Вахновской, которой мы до сихъ поръ не касались,— мы приведемъ нѣсколько коротенькихъ открывковъ изъ этого небольшаго разсказа.

Сначала молодой человѣкъ изображаетъ, что онъ слышалъ въ гостиныхъ, и описываетъ одинъ вечеръ у графини П., въ Ѳ.... губерніи. (стр. 272).

«Всѣ наперерывъ толковали объ эмансипаціи, кто *за*, кто *противъ*— дамы не уступали мужчинамъ, и оказывались самыми ревностными поборницами, въ поддержкѣ крестьянскихъ правъ. Молодые люди повторяли общія мѣста изъ общаго газетнаго репертуара. — Старики качали головой и потихоньку замѣчали: «что жили мы, дескать, до «сихъ поръ и безъ эманснпаціи, и жили хорошо и привольно, а теперь «по міру пустятъ...» Одинъ баринъ лѣтъ 45, съ взъерошенными волосами и слезливыми глазами, ходилъ отъ одного къ другому, всѣхъ задиралъ, и когда ему удавалось обратить на себя чье нибудь вниманіе, начиналъ постоянно свою рѣчь одной и той же фразой:

— Я все удивляюсь одному: — общему спокойствію..... «*Nous marchons sur un volcan*,» и никто этого не замѣчаетъ, никто не подумаетъ объ этомъ....

— «*Monsieur est alarmiste*,» — сказалъ ухмыляясь тоненькій блондинъ съ лорнетомъ, — но дѣло въ томъ, прибавилъ онъ, принимая важный видъ, — что всякій просвѣщенный дворянинъ долженъ радоваться, что намъ дано наконецъ средство, что представляется случай— сбросить съ себя варварство, и оправдаться передъ образованной Европой....

Отпустивъ эту фразу, молодой человѣкъ самодовольнымъ взглядомъ окинулъ все общество, но не нашелъ себѣ отвѣта.... Артемій Богдановичъ отправился дальше.... И скоро послышалась въ томъ концѣ гостиной обычная фраза: «я удивляюсь одному, удивляюсь общему спокойствію, «*quand nous marchons sur un volcan*.» Но на этотъ разъ онъ обращался къ дамамъ — его встрѣтили насмѣшливыми улыбками...: дамы всегда очень храбры предъ мнимой опасностію....»

Затѣмъ еще пересказывается разговоръ молодаго человѣка съ однимъ почтеннымъ господиномъ, передъ выборами. Молодой чело-

вѣкъ, между прочимъ, спрашиваетъ: «неужели бываютъ личныя причины на исканіе депутатскаго званія?» И вотъ что отвѣчаетъ ему почтенный господинъ (стр. 279):

— А вы что думаете? — Неужели вы полагаете, что двигателемъ тутъ одинъ національный вопросъ?.... Вотъ этотъ баринъ съ бородой и лорнетомъ, котораго голосъ раздается надъ всѣми другими, имѣетъ самое высокое мнѣніе о своихъ ораторскихъ способностяхъ и надѣется имѣть случай, если его выберутъ, выказать свое краснорѣчіе, но онъ имѣетъ не много партизановъ, потому что мало кто любитъ слушать; — вотъ этотъ смирный господинъ, который все время молча сидитъ въ углу, услышалъ, что депутатамъ даютъ 150 руб. жалованья въ мѣсяцъ, а при маленькомъ состояніи — это большая помощь.... въ другихъ уѣздахъ есть богачи, которые желаютъ изъ себя дѣлать фигуру, имѣть открытый домъ въ городѣ, а депутатство по крайней мѣрѣ — уважительный предлогъ...

Самые выборы описываются молодымъ человѣкомъ очень живо, съ юморомъ очень мѣткимъ, и въ тонѣ нѣсколько различномъ отъ экзальтированныхъ, приторныхъ возгласовъ нашихъ либеральныхъ публицистовъ. По словамъ молодаго человѣка, первое собраніе было очень серьёзно: всѣ хлопотали за себя или за своихъ кандидатовъ, употребляли замысловатые маневры, чтобы привлечь къ себѣ партію, и пр. На второмъ совѣщаніи было уже нѣчто другое.

«На слѣдующій день, когда дворяне собрались для втораго совѣщанія, я замѣтилъ другое настроеніе духа. — Они казались какъ бы утомленными, послѣ серьезныхъ вопросовъ, о которыхъ спорили наканунѣ, и вѣроятно чувствовали потребность отдохнуть отъ нихъ. Заговорили объ *увеселеніяхъ*, по случаю выборовъ: надлежало выразить губернскому предводителю уваженіе и благодарность къ нему дворянъ. Онъ дѣйствительно человѣкъ хорошій, и понравился мнѣ на выборахъ: спокойный, достойный старикъ, внушающій всеобщее уваженіе, не вмѣшивающійся въ мелочныя интриги....»

«Такъ какъ было всеобщее желаніе выразить ему признательность дворянства, я думалъ, что этотъ вопросъ очень скоро рѣшится, но не такъ-то было: возникъ споръ о томъ: дать-ли балъ или обѣдъ? и споръ этотъ сдѣлался очень горячимъ, и занялъ все это утро. Спорили съ жаромъ, скажу-почти съ огнемъ и увлеченіемъ, — многіе довольно краснорѣчиво и даже юмористически поддерживали свое мнѣніе. Одинъ высокій, плѣшивый баринъ какъ-то особенно стоялъ за балъ, горячо доказывая, «что обѣды сдѣлались пошлы, что всѣмъ даютъ обѣды, а балъ будетъ болѣе блестящее, болѣе радостное выраженіе дворянскихъ чувствъ, въ этотъ торжественный случай.»

— Помилуйте, громко перебилъ его маленькій, широкоплечій, бородатый помѣщикъ, въ очкахъ, — съ чего же намъ плясать? Мы бу-

денъ похожи на рыбокъ, которыя прыгаютъ, когда ихъ жарятъ на сковородѣ....

«Многіе разсмѣялись, но одинъ серьезный баринъ, изъ числа тѣхъ, которые считаютъ преступленіемъ улыбнуться на такихъ сборищахъ и педантически серьезно разсуждаютъ о самыхъ пустыхъ вопросахъ, важно объявилъ, что онъ также совѣтуетъ дать обѣдъ.

— Мы должны, сказалъ онъ, — употребить всѣ усилія, чтобы въ этомъ важномъ случаѣ оставить неприкосновенными всѣ священные обычаи, которые ведутся изстари въ нашемъ отечествѣ; замѣтьте, что мы собрались теперь не для преобразованія народнаго быта, а для *улучшенія быта крестьянъ*.... Наши предки не давали баловъ, — но славились своими боярскими пирами или обѣдами; — итакъ, господа, мнѣ кажется, что обѣдъ будетъ, съ нашей стороны, самое приличное изъявленіе нашей признательности къ почтенному и благородному предводителю, и выразитъ собою консервативное направленіе дворянства въ настоящее время....

Рѣшились дать обѣдъ.»

Какъ ни простъ этотъ очеркъ, какъ ни обыкновенны мысли и замѣтки, высказанныя въ немъ, — но онъ, (правда, что только онъ одинъ) — доказываетъ намъ, что у г-жи Вахновской есть и талантъ, и очень свѣтлый взглядъ на нѣкоторыя явленія жизни. Трудно повѣрить, чтобъ «Современные Толки» были написаны тѣмъ же лицомъ, которымъ сочиненъ «Разсказъ Старика» и пр. Спокойствіе и правильность сужденій о томъ, отъ чего всѣ кругомъ мечутся, какъ угорѣлые, умѣнье узнать сущность вещи подъ блестящими личинами, открыть пошлость дѣла подъ величавостью фразъ, искусство ярко и живо очертить лица и сцену дѣйствія, постоянно оставаясь на своей точкѣ зрѣнія, — всѣ эти достоинства несомнѣнно находятся въ «Современныхъ Толкахъ» г-жи Вахновской. За этотъ очеркъ мы готовы примириться со всѣми остальными разсказами, и даже съ коварнымъ краснорѣчіемъ пошленькой Любиньки, такъ заинтересовавшей насъ сначала, но потомъ такъ рѣшительно обманувшей наши ожиданія....

Объяснительный словарь иностранныхъ словъ, употребляемыхъ въ русскомъ языкѣ. Издалъ *В. Н. Угловъ*. Спб. 1859.

Объясненіе 1000 иностранныхъ словъ, употребляющихся въ русскомъ языкѣ. Составилъ и издалъ *А. С.* Москва. 1859.

Краткій Политико-Экономическій словарь. Спб. 1859.

Пошла мода на справочные словари! Теперь вышло три маленькихъ, а недавно объявляли и объ изданіи большаго.... Это значитъ,

что мы наконецъ возъимѣли желаніе понимать нѣкоторыя слова, которыя до сихъ поръ читали въ книгахъ и газетахъ безъ всякаго смысла. Въ самомъ дѣлѣ — всѣ три словаря, названные нами, составленны съ цѣлію помогать читателямъ, не знающимъ иностранныхъ языковъ, при чтеніи газетъ и журналовъ. Въ подобномъ пособіи, безъ сомнѣнія, многіе нуждаются, и потому хорошій справочный словарь былъ бы у насъ истиннымъ одолженіемъ. Къ сожалѣнію, изъ трехъ указанныхъ нами, только словарь г. Углова (до 6000 словъ) можетъ быть названъ хоть сколько нибудь удовлетворительнымъ. Опредѣленія его кратки, но довольно вѣрны; важнѣйшія понятія изъ политическихъ наукъ не забыты; кромѣ простаго опредѣленія словъ, сообщаются также нѣкоторыя положительныя свѣдѣнія, къ нимъ относящіяся.... Но оба другіе словаря — могутъ, конечно, служить для развлеченія любознательныхъ читателей и доставлять имъ веселыя минуты, но никакъ не помогутъ къ уразумѣнію смысла газетныхъ статей и т. п. «Политико-Экономическій словарь» заключаетъ въ себѣ до 1500 словъ, и занимается объясненіемъ, напр., такихъ терминовъ: «аэронавтика, аэронавтъ, аэростатъ, ботаника, бѣдность, геогнозія, геодезія, дюжина, физика, химія, и т. п. Тутъ же толкуется о томъ, что такое гривенникъ, пятиалтынный, и пр. А рядомъ съ этимъ встрѣчаются объясненія мѣстныхъ словъ, которыхъ нигдѣ, кромѣ «Областнаго Словаря», и не прочитаешь. Напр. *ястео, якунить, юрюкъ, юкола, ъмины, шибайла, чевалить, хабарно, тереза*, и пр. И какое же значеніе имѣютъ эти слова? *Тереза* — вѣсы, *чевалить* — приготовлять ягоды на зиму, *юкола* — сушоная рыба изъ рода лососей, и т. п. Что тутъ общаго съ политической экономіей? И много ли мѣста остается въ словарѣ для объясненія собственно-экономическихъ терминовъ?.. Да еще надо прибавить, что составитель словаря не довольствуется простымъ объясненіемъ словъ, а присоединяетъ отъ себя нравственныя сентенціи. Напримѣръ: «*Бѣдность* — состояніе нуждающагося въ первыхъ потребностяхъ жизни; *бываетъ слѣдствіемъ скудости природы, лѣности и безпечности человѣка* и часто непониманія экономическихъ законовъ, когда стараются водворить въ общежитіи искусственныя начала народнаго хозяйства». «*Благотворительность*, какъ вспомоществованіе нуждающемуся ближнему, должна быть основана на сознаніи нравственнаго долга, а потому не всякое подаяніе заслуживаетъ этого названія, тѣмъ менѣе помощь, облеченная въ форму юридической обязанности; оттого благотворительность, въ строгомъ значеніи этого слова, не составляетъ предмета науки.» — Курьезныхъ опредѣленій, подобныхъ этому, не мало найдется въ

«Политико-Экономическомъ Словарѣ». За то мы не нашли въ немъ словъ *запросъ*, *пошлина*, *поручительство*, *цензъ* и пр.

Но *тысячу словъ* г. А. С. можно «съ пріятностью прочесть». Объясненія словъ искать тутъ нечего, хотя г. А. С. въ предисловіи и увѣряетъ, что объясненіемъ своихъ тысячи словъ, «наиболѣе употребляющихся въ русской литературѣ», онъ хотѣлъ быть полезнымъ читателемъ журналовъ и газетъ въ объясненіи непонятныхъ имъ иностранныхъ словъ. Чего бы вы ни стали искать у г. А. С., — можно почти навѣрное сказать, что не найдете. Мы искали напр. — нѣсколько словъ, безпрерывно попадающихся теперь въ газетахъ: аристократы, демократы, модерантисты, реакціонеры, тори и виги, хартисты, либералы легитимисты, конгрессъ, нота, вотировать, и пр. и пр. Ничего нѣтъ!... то есть — если хотите, три слова изъ исчисленныхъ нами и есть въ словарѣ, да что въ томъ толку. Судите сами:

«*Либералъ* — свободно мыслящій человѣкъ, человѣкъ, преданный свободѣ правленія.

«*Легитимистъ* — приверженецъ законной династіи.

«*Реакція*. Отпоръ, воздѣйствіе, т. е. дѣйствіе, вызванное другимъ; напримѣръ, когда одно тѣло ударяется о другое, — это другое оказываетъ ему отпоръ (реакцію); такъ напримѣръ, первый ударъ языка въ колоколъ труднѣе для ударяющаго, нежели второй — въ противоположный край; потому что при второмъ ударѣ звонарю уже помогъ край колокола, оттолкнувъ языкъ въ противоположную сторону. — Въ жизни умственной и нравственной, такъ же какъ и въ физической природѣ, что нибудь, доведенное до крайности, вызываетъ реакцію.»

Не хотите ли съ подобными объясненіями уразумѣть смыслъ, въ какомъ различныя партіи называются въ журналахъ и газетахъ *либералами*, *реакціонерами*, *легитимистами* и пр.

Вообще, объясненія г. А. С. очень курьезны. Напр. *логика*, по его мнѣнію, — «наука правильно мыслить и доказывать»; *лиризмъ* — «возвышенность мыслей и языка»; *реализмъ* — «тоже что и матеріализмъ, — вещественное направленіе философіи; *матеріализмъ* же.... но позвольте выписать сполна объясненіе г. А. С., такъ какъ ужь пошла невзгода на матеріализмъ.... Отъ г. А. С. достается ему, какъ увидите, не менѣе, чѣмъ и отъ г. Ю. Савича и отъ автора «Сватовство Ченскаго».

«*Матеріализмъ*. Философія, основанная на изученіи природы и въ позднѣйшее время не признающая въ ней духовнаго начала. Она явилась въ лицѣ Бэкона, какъ противодѣйствіе безплодному, замкнутому направленію идеализма. Въ предшествующее ей время метафизики, от-

повергнувъ всякое знаніе матеріи, *парили въ безвоздушныхъ пространствахъ, забывъ что они живутъ еще на землѣ*, и что не мѣшаетъ подчасъ оглянуться — нѣтъ ли и тамъ чего нибудь достойнаго вниманія. При такомъ состояніи ума, *погруженнаго въ самого себя*, разумѣется не могло процвѣтать естествознаніе и вмѣстѣ съ тѣмъ не могло совершенствоваться образованіе массы народной: философія, какъ неприступными стѣнами, оградила себя отъ большинства своими высокренними воззрѣніями и своимъ хитросплетеннымъ образомъ выраженія; — наука была достояніемъ немногихъ, и эти немногіе не умѣли извлечь изъ нея никакой существенной пользы. Отпоръ былъ приготовленъ и не замедлилъ явиться въ лицѣ Бэкона Веруламскаго. Этотъ замѣчательный человѣкъ увидѣлъ необходимость круто повернуть направленіе умовъ, чтобы возбудить ихъ къ полезной дѣятельности: онъ ввелъ новый методъ (способъ изученія) въ философію, направилъ умы на естествовѣдѣніе, отвергъ многія укоренившіяся положенія и сталъ искать новыхъ въ изслѣдованіи природы; но въ пылу противорѣчія зашелъ, самъ того не подозрѣвая, дальше, чѣмъ бы слѣдовало, и унижилъ разумъ человѣка, поставивъ опытъ выше его. «*Должно*, говоритъ онъ, *собравъ нѣсколько фактовъ разнаго рода, извлекать изъ нихъ познаніе причинъ и началъ*», какъ будто этотъ узкій путь случайнаго приведетъ не къ причинамъ второстепеннымъ, а къ идеи сущности, *если она заранѣе не существовала въ душѣ человѣка?* — «*Лучшее изъ всѣхъ доказательствъ*, говоритъ онъ же, *есть безъ сомнѣнія опытъ*» — и самъ противорѣчитъ себѣ въ этихъ словахъ, предпосылая идею опыту, потому что *для доказыванія чего нибудь нужно, чтобы о томъ уже существовала идея.* — Самъ вооружаясь противъ близорукаго эмпиризма, (философіи, отвергающей всѣ доказательства, кромѣ опыта), нехотя посѣялъ онъ этими словами ложную мысль, которая позднѣйшими послѣдователями его была доведена до нелѣпости: Локкъ, Кондильякъ и другіе признавали только то, что могли доказать опытомъ, какъ будто можно отвергнуть все, не подлежащее вѣсамъ, мѣрѣ, или химической очевидности? — Возьмемъ примѣръ изъ физической природы, какъ подлежащей опыту: пусть милліоны народа станутъ измѣрять количество воды въ морѣ, — сколько бы времени ни провели они за этимъ занятіемъ, — цѣли они никогда не достигнутъ, потому что убыль воды будетъ вознаграждаться прибылью новой, значитъ опытъ невозможенъ, а между тѣмъ все таки въ данное время въ морѣ содержится извѣстное количество ведеръ воды, *положимъ билліоны билліоновъ, взятые столько же разъ, но фактъ существуетъ;* а доказать его, по недостаточности нашихъ средствъ, нѣтъ возможности. — Несмотря на всю очевидную несостоятельность односторонняго матеріализма, послѣдователи Бэкона распространили его вмѣстѣ съ насмѣшками надъ идеализмомъ; правда, что человѣку, расположенному смѣяться, матеріалисты тоже напоминаютъ одинъ анекдотъ, *который, съ позволенія читателей, разскажу имъ въ заключеніе статьи, вышедшей немного слишкомъ* (1) *серьезной для карманнаго словаря.* Одинъ докторъ эмпирикъ лечилъ портнаго отъ горячки; больной былъ при послѣднихъ

минутахъ — надежды на спасеніе никакой не было, — вдругъ паціентъ пожелалъ ветчины; докторъ, видя что смерть неизбѣжна, велѣлъ дать ему, и больной выздоровѣлъ; медикъ, вѣрный своему направленію, записалъ себѣ на память: *Ветчина — прекрасное средство отъ горячки*. Черезъ нѣсколько времени ему пришлось лечить тоже больнаго горячкой сапожника, — идея леченья была уже почерпнута изъ опыта: думать не о чемъ; онъ началъ лечить его ветчиной, но на другой же день больной умеръ; — докторъ, привыкшій по фактамъ составлять идею, нисколько не потерялся и только дополнилъ прежнее замѣчаніе словами: *Для портныхъ, а не для сапожниковъ*. (Анекдотъ этотъ разсказанъ въ сочиненіи князя Одоевскаго: *Русскія ночи)*».

Въ самомъ дѣлѣ — для словарика во 120 страничекъ разгонистой печати, въ 16-ю долю листа, такое разглагольствованіе *немногослишкомъ* пространно, тѣмъ болѣе, что свѣдѣній-то въ немъ все-таки *не слишкомъ много*.... Самый анекдотъ о докторѣ мало помогаетъ дѣлу, а только ставитъ г. А. С., въ пониманіи философскихъ истинъ, на одну доску съ г. Ю. Савичемъ....

Нельзя не пожалѣть, что такими пошлостями начинается у насъ дѣло, столь полезное и рѣшительно-необходимое для распространенія въ массѣ публики необходимыхъ научныхъ свѣдѣній. У насъ, впрочемъ, все такъ: или ужь задумаютъ махину въ 50 томовъ, которые будутъ издаваться десять лѣтъ и все-таки не дойдутъ до конца, или ужь съ плеча выпустятъ такую ничтожность, что на нее посмотрѣть совѣстно, — а такъ только развѣ, ради смѣха, можно повертѣть въ рукахъ.... Отчего бы не издать у насъ справочнаго словаря, тома въ три или четыре, — въ родѣ того, напримѣръ, какъ издаются словари Буилье? Въ европейской публикѣ подобные словари расходятся сотнями тысячъ; новыя изданія дѣлаются чуть не каждый годъ. Въ нашей читающей публикѣ потребность въ справочномъ словарѣ, особенно по части политическихъ и историческихъ наукъ, должна быть болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь въ Европѣ; потому что общее образованіе у насъ развито гораздо меньше. Правда, что и масса читателей у насъ ничтожна, сравнительно съ количествомъ читающихъ людей въ какомъ бы то ни было государствѣ Европы. Но вѣдь поддерживался же у насъ, (пока не потерялъ кредитъ въ публикѣ) «Энциклопедическій Лексиконъ» Плюшара, расходился же «Справочный Словарь» Старчевскаго, и теперь затѣяно же новое предпріятіе — «Энциклопедическій Словарь» въ 45 томовъ. Судя по этому, можно ожидать вѣрнаго успѣха для небольшаго, но добросовѣстно-составленнаго словаря, тома въ четыре или даже въ шесть. Для начала даже просто можно бы издать по-русски словари Буилье, прибавивши къ нимъ то, что касается соб-

ственно Россіи, — нашей исторіи, географіи, литературы, и пр. Мы даже слышали, что подобное изданіе уже готовится, и, безъ всякаго сомнѣнія, оно будетъ принято съ благодарностью въ нашей публикѣ, такъ часто нуждающейся въ научныхъ справкахъ и не имѣющей почти никакихъ средствъ удовлетворить своей любознательности.

Краткое историческое обозрѣніе дѣйствій главнаго педагогическаго института, 1828 — 1859 г. Спб. 1859.

Невозможно безъ чувста глубочайшаго омерзѣнія смотрѣть на людей, ругающихся надъ потерявшимъ силу человѣкомъ, предъ которымъ они падали до ногъ въ то время, какъ онъ былъ силенъ, и которому своимъ раболѣпствомъ даже помогали въ достиженіи его цѣлей. Нужды нѣтъ, что онъ былъ, можетъ быть, величайшій злодѣй и негодяй; нужды нѣтъ, что онъ по своимъ нравственнымъ качествамъ заслуживаетъ, можетъ быть, самаго страшнаго поруганія. Все-таки отвратительно смотрѣть на осла, который лягаетъ безсильнаго льва, приговаривая: «пускай ослиное копыто знаетъ». Тотъ, кто и прежде, въ дни силы этого льва, выходилъ на борьбу съ нимъ и не преклонялся предъ нимъ, — тотъ еще имѣетъ право, хотя уже и безплодное, — позорить его и во дни его одряхлѣнія: онъ по крайней мѣрѣ можетъ сказать, что руководствуется началомъ чистой справедливости и всегда равно возстаетъ противъ своего врага, не обращая вниманія на его положеніе.... Но чѣмъ можетъ оправдать себя тотъ, кто подличалъ и пресмыкался предъ неправою силою, пока могъ отъ нея ожидать себѣ чего нибудь, а потомъ, когда она сломлена и уничтожена, вдругъ выпрямляется и начинаетъ обличать то зло, которое этою силою было произведено!... Такіе люди, позднимъ своимъ возстаніемъ, только увеличиваютъ то презрѣніе, которое и безъ того возбуждается въ душѣ всякаго порядочнаго человѣка раболѣпствомъ ихъ предъ сильною неправдою. Подобное раболѣпство можетъ еще находить нѣкоторое извиненіе себѣ въ слабой степени умственнаго развитія раболѣпствующихъ: они могутъ не понимать всей нелѣпости и зловредности дѣйствій сильнаго лица, которому подчиняются; они могутъ добродушно вѣрить ему, благоговѣть предъ его системою и оставаться вѣрными ей постоянно, даже послѣ его паденія. О такихъ людяхъ можно душевно сострадать, можно ихъ неуважать, какъ людей крайне ограниченныхъ; но не за что питать къ нимъ озлобленія и отвращенія. Совершенно противное расположеніе возбуждаютъ люди, доказывающіе, послѣ паденія сильнаго негодяя (котораго они были орудіемъ), что они никогда не со-

чувствовали его дѣйствіямъ, что ихъ образъ мыслей совершенно противоположенъ тому, что они принуждены были дѣлать прежде. Подобнымъ объявленіемъ эти люди обнаруживаютъ только то, что они до сихъ поръ были подлы по разсчетамъ, раболѣпны изъ видовъ, содѣйствовали дурнымъ затѣямъ сильнаго бездѣльника совершенно сознательно, очень хорошо понимая всю ихъ мерзость.... Такіе люди гнусны и презрѣнны до послѣдней степени; нѣтъ въ русскомъ языкѣ столь крѣпкаго слова, которое могло бы вполнѣ выразить всю силу презрѣнія, которое долженъ питать къ нимъ всякій порядочный человѣкъ.

Всѣ эти мысли пришли намъ въ голову по поводу многихъ легкомысленныхъ толковъ, сопровождавшихъ закрытіе главнаго педагогическаго института. Люди, которые прежде не говорили о немъ ни одного слова, или даже всячески восхваляли его, принялись теперь бранить его, на чемъ свѣтъ стоитъ. Начали толковать о его коренной несоотвѣтственности съ требованіями здравой педагогіи, о ложности системы, господствовавшей въ немъ въ послѣднее время, о недостаткахъ его административнаго и хозяйственнаго устройства, и т. п. Положимъ, что эти толки даже и справедливы, положимъ, что недостатковъ было дѣйствительно много.... Но зачѣмъ же молчали о нихъ во все время существованія института, — зачѣмъ только въ послѣднее время заговорили о нихъ и въ обществѣ, и въ администраціи, и въ литературѣ? Сколько намъ помнится, до закрытія института, только одинъ насмѣшливый голосъ раздался противъ мелочности и формальности, слишкомъ уже укоренившихся въ немъ. Голосъ этотъ раздался, ровно три года тому назадъ, въ «Современникѣ», и на него въ свое время обратили вниманіе многіе изъ интересующихся дѣломъ; но потомъ, разумѣется, и о немъ забыли, а новыхъ голосовъ не было слышно.... И вдругъ теперь поднялись съ возгласами противъ педагогическаго института даже тѣ, которые еще очень недавно ницъ падали предъ его совершенствами.... «Современникъ» не послѣдуетъ ихъ примѣру: онъ теперь не будетъ ни смѣяться, ни ругаться *надъ умершимъ*, а только представитъ спокойное и безпристрастное изложеніе исторіи института, по отчету составленному и недавно обнародованному ученымъ секретаремъ, старшимъ надзирателемъ и адъюнктомъ института, А. Смирновымъ.

Главный педагогическій институтъ основанъ въ 1828 г. Первымъ директоромъ его былъ, до 1847 г., Ѳ. И. Миддендорфъ, вторымъ, — до 1859 г. (до самаго рѣшенія о закрытіи) академикъ И. Давыдовъ. При Ѳ. И. Миддендорфѣ особая забота была обращена на приготовленіе наставниковъ особенно практическимъ методомъ, и потому при основныхъ, спеціально-педагогическихъ отдѣленіяхъ института

были тогда учреждены три прибавочныхъ отдѣленія, собственно для практики молодыхъ педагоговъ. Все ученіе продолжалось девять лѣтъ, въ трехъ курсахъ, каждый по три года: 1) *малолѣтное* отдѣленіе, изъ дѣтей 12-14 лѣтъ, 2) *предварительный* курсъ, соотвѣтствовавшій общему университетскому, и 3) *окончательный*, собственно педагогическій курсъ, студенты котораго занимались практическимъ преподаваніемъ въ малолѣтнемъ отдѣленіи и въ учрежденномъ при институтѣ съ 1838 г. «Второмъ Разрядѣ института», назначенномъ собственно для приготовленія приходскихъ и уѣздныхъ учителей. Такимъ образомъ прямая цѣль института—приготовленіе учителей—постоянно имѣлась въ виду, хотя и ученое образованіе воспитанниковъ не оставлялось безъ вниманія. Изъ пяти выпусковъ, бывшихъ при Ѳ. И. Миддендорфѣ, до 400 воспитанниковъ поступили на педагогическую службу, въ томъ числѣ въ высшія учебныя заведенія поступили—35. При выбытіи Ѳ. И. Меддендорфа изъ института, въ немъ было до 170 воспитанниковъ; а въ кассѣ института до 60 тысячъ рублей экономической суммы.

Съ поступленіемъ въ институтъ новаго директора, начался новый періодъ его существованія. *Самъ отчетъ* признается нынѣ, что періодъ этотъ гораздо слабѣе предъидущаго, вслѣдствіе перемѣнъ, произведенныхъ въ немъ новымъ директоромъ. Къ сожалѣнію, обозрѣніе г. Смирнова сдѣлано слишкомъ на-скоро, и потому въ немъ нѣтъ надлежащей подробности и отчетливости. Даже больше: почти весь отчетъ о второмъ періодѣ института взятъ *почти буквально*, съ небольшими (по мѣстамъ, впрочемъ, довольно характеристическими) измѣненіями,—изъ «Историческаго Обозрѣнія перваго двадцатипятилѣтія института», читаннаго тѣмъ же г. Смирновымъ, на актѣ юбилея института, въ 1853 году. Мы рѣшаемся представить здѣсь сличеніе нѣкоторыхъ мѣстъ, подчеркивая только тѣ мѣста, въ которыхъ сдѣланы измѣненія.

АКТЪ 1853 г., стр. 26.

Таково было направленіе и устройство Главнаго Педагогическаго Института до увольненія перваго директора *онаго, Дѣйствительнаго Ст. Сов. Ѳ. И. Миддендорфа, который, по преклонности лѣтъ и разстройству здоровья, Всемилостивѣйше уволенъ отъ должности, 23 октября 1846 г., при чемъ онъ пожалованъ чиномъ Тайнаго Совѣтника. Во все время управленія Институтомъ, онъ былъ душею всей его дѣятельности; всѣ приращенія къ*

ОБОЗРѢНІЕ 1859 г., стр. 8.

Таково было направленіе и устройство Главнаго Педагогическаго Института при первомъ директорѣ *его* Ѳ. И. Миддендорфѣ. Воспитанники его времени, обязанные своимъ наставникамъ развитіемъ своихъ способностей и пріобрѣтенными познаніями въ наукахъ, одолжены преимущественно ему своимъ практическимъ умѣньемъ передавать ученикамъ въ классахъ познанія, *приноравливаясь* къ ихъ возрасту и понятіямъ, и развивать умственныя способ-

оному происходили не безъ его желанія и участія и возбуждали въ немъ самое живѣйшее сочувствіе. Воспитанники его времени, обязанные своимъ наставникамъ пріобрѣтенными теоретическими познаніями въ наукахъ и развитіемъ своихъ способностей, одолжены преимущественно ему своимъ практическимъ умѣньемъ передавать ученикамъ въ классахъ познанія *въ мѣру возраста и постиженіемъ способовъ* развивать умственныя способности дѣтей. *Польза его дѣятельности оправдывается полезною и похвальною службою его питомцевъ.*

пости дѣтей. *При выбытіи его изъ Института, въ стѣнахъ сего заведенія воспитывалось до 170 студентовъ и воспитанниковъ; а въ кассѣ Института было до 59,344 руб. 96 коп. экономической суммы. Одобрительные отзывы бывшаго тогда Министромъ народнаго просвѣщенія С. С. Уварова объ основательности и хорошемъ направленіи преподаванія въ Институтѣ, неоднократно сдѣланные во всеподданнѣйшихъ отчетахъ (1841—1848 годовъ) свидѣтельствуютъ, что устройство Института въ то время соотвѣтствовало цѣли учрежденія.*

Къ первому періоду Института относятся пять выпусковъ, причисляя сюда выпускъ 1847 года. Въ теченіе этого времени поступило на педагогическую службу до 400 питомцевъ Института изъ разныхъ отдѣленій; изъ этого числа, по окончаніи курса въ факультетахъ, докончили высшее образованіе за границею и поступили въ высшія учебныя заведенія 21, по особенномъ приготовленіи въ самомъ Институтѣ, поступили въ высшія учебныя заведенія 14, прочіе опредѣлены въ старшіе и младшіе учители Гимназій, въ уѣздные и весьма малое число въ приходскіе учители и въ комнатные надзиратели.

Нельзя не замѣтить, что въ послѣднемъ отчетѣ представлено болѣе фактовъ, свидѣтельствующихъ о процвѣтаніи института прежъ поступленіемъ въ него новаго директора, хотя въ «Обозрѣніи» 1853 г. тѣже самыя фразы, и даже съ добавленіями, еще болѣе громкими. Въ отчетѣ о второмъ періодѣ, заимствованій еще больше; измѣненія еще незначительнѣе.

Актъ 1853 г., стр. 27.

Со вступленіемъ въ управленіе Главнаго Института *нынѣшняго Директора; Д. С. С. Ивана Ивановича Давыдова, начался въ Исторіи Института новый періодъ. До него Институтъ, 1)* увеличиваясь въ числѣ курсовъ и воспитанниковъ, *несоразмѣрно истощалъ средства содержанія онаго и бѣд-*

Обозрѣніе 1859 г., стр. 9.

По вступленіи въ управленіе Главнымъ Педагогическимъ Институтомъ И. И. Давыдова, *измѣнилось устройство Института и направленіе его дѣятельности. Новый директоръ нашелъ, что Институтъ* 1) увеличивалсь въ числѣ курсовъ и воспитанниковъ, *долженъ былъ слишкомъ ограничивать се-*

нѣлъ въ хозяйственномъ отношеніи; 2) обращая все вниманіе на практику молодыхъ педагоговъ, *упускалъ изъ виду современное быстрое движеніе наукъ, благодаря ихъ развѣтвленію, и, въ нѣкоторомъ смыслѣ, слабѣлъ въ сравненіи съ Университетами, преобразованными Уставомъ 1835 года, такъ что питомцы Института, по окончаніи ученія, затруднялись съ такою увѣренностію и честію стремиться къ пріобрѣтенію высшихъ ученыхъ степеней,* по Положенію 1837 г., какъ Студенты Университетовъ, къ курсамъ которыхъ это положеніе было примѣнено. *Прежде въ этомъ случаѣ помогала Студентамъ Института посылка ихъ въ заграничные Университеты, для усовершенствованія въ наукахъ; но, съ теченіемъ времени, эта посылка сдѣлалась чрезвычайно затруднительною, и наконецъ совершенно отмѣнена. Студенты Института могли бы усиленнымъ трудомъ, при помощи своихъ знаменитыхъ Профессоровъ, восполнить и этотъ недостатокъ; но употребляя много времени на приготовленіе къ преподаванію наукъ въ двухъ прибавочныхъ отдѣленіяхъ Института и на самое преподаваніе, они не имѣли времени на самодѣятельное обработываніе факультетскихъ предметовъ, на ознакомленіе съ литературою наукъ и на письменныя упражненія, а посему должны были ограничиться честію хорошихъ учителей Гимназій; высшая же, почетнѣйшая честь—быть достойнымъ профессоромъ, оставалась недостижимою.*

ба въ статьяхъ содержанія студентовъ и воспитанниковъ, 2) обращая все вниманіе на практику молодыхъ педагоговъ, *еще не вполнѣ приготовленныхъ къ своему дѣлу, слишкомъ развлекалъ студентовъ и не позволялъ имъ съ надлежащею самодѣятельностію заниматься изученіемъ литературы избранныхъ наукъ и письменными упражненіями,* 3) что въ Институтѣ *распредѣленіе предметовъ по факультетамъ не соотвѣтствовало университетскому и было неудобоприложимо къ положенію объ испытаніяхъ на ученыя степени.*

И здѣсь вы встрѣчаете почти однѣ и тѣ же фразы; только въ отчетѣ 1853 г., писанномъ еще при директорствѣ г. И. Давыдова, изложено все дѣло нѣсколько пространнѣе и краснорѣчивѣе. Посмотримъ далѣе:

АКТЪ 1853 г., стр. 28.

И. И. Давыдовъ, посвятившій всю жизнь педагогическому званію и указавшій уже не одной тысячѣ молодыхъ людей путь въ самое высшее святили-

ОБОЗРѢНІЕ 1859 г., стр. 10.

Желая возвысить уровень педагогическаго образованія питомцевъ института распространеніемъ круга ихъ субъективнаго образованія, онъ неоднократ-

ще наукъ, будучи притомъ самъ уже заслуженнымъ Профессоромъ и Ординарнымъ Академикомъ, при самомъ вступленіи въ свою настоящую должность, увидѣлъ недостатки въ устройствѣ Гл. Пед. Инст., и быстро сообразивъ средства къ приведенію его въ соотвѣтственное Уставу значеніе, немедленно приступилъ къ исполненію оныхъ. По его представленію, Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, Графъ *Сергій Семен. Уваровъ,* исходатайствовалъ, 26 іюля 1847 г., Высочайшее соизволеніе на преобразованіе Г. П. Института *на слѣдующихъ основаніяхъ.*

Такъ какъ, съ одной стороны, при нынѣшнемъ отличномъ состояніи Гимназій, Уѣздныя училища уже достаточно *снабжаются* учителями изъ учениковъ Гимназій *и тѣми изъ воспитанниковъ предварительнаго курса, которые не имѣютъ отличныхъ способностей, чтобы сдѣлаться достойными Профессорами или Учителями Гимназій,* — съ другой стороны, *является много* изъ окончившихъ курсъ въ гимназіяхъ желающихъ поступить въ институтъ, для спеціальнаго педагогическаго образованія; то Второй Разрядъ и малолѣтное отдѣленіе Института, съ принадлежащимъ къ оному классомъ оплупансіонеровъ, *исполнившіе временное свое назначеніе, стали болѣе ненужными.*

ствовалъ, чрезъ г. министра народнаго просвѣщенія, графа Уварова, Высочайшее соизволеніе 26 іюля 1848 г. на преобразованіе института *въ такомъ видѣ:*

Полагая, что уѣздныя училища достаточно *могутъ снабжаться* учителями изъ учениковъ гимназій и что лучшіе воспитанники гимназій *съ охотою будутъ* поступать въ Институтъ для высшаго педагогическаго образованія, *онъ нашелъ* второй разрядъ и малолѣтное отдѣленіе Института, съ принадлежавшимъ къ послѣднему классомъ полупансіонеровъ, *излишними.*

Далѣе — цѣлыхъ двѣ страницы взяты прямо изъ отчета 1853 г., такъ что ихъ и сравнивать нечего. Затѣмъ слѣдуетъ опять маленькая разница, которую мы отмѣтимъ.

АКТЪ 1853 г., стр. 32.

Въ скоромъ времени, *по соображеніи общаго устройства учебныхъ заведеній, представилась возможность произвести новое преобразованіе въ курсахъ института.* Такъ какъ средніе учебныя заведенія, при однообразіи и опредѣлительности своихъ программъ и руководствъ, *нынѣ* достаточно *приготовляютъ* лучшихъ своихъ воспитанниковъ къ слушанію высшихъ наукъ;

ОБОЗРѢНІЕ 1859 г., стр. 11.

Въ скоромъ времени, *желая привлечь въ Институтъ лучшихъ воспитанниковъ гимназій, начальство нашло нужнымъ привести устройство Института еще къ большему спеціализированію.* Такъ какъ среднія учебныя заведенія министерства народнаго просвѣщенія, при однообразіи и опредѣлительности своихъ программъ и руководствъ, *могли* достаточно *приготов-*

то предварительный курсъ, для сей цѣли при институтѣ существовавшій, оказывался излишнимъ, и пр.

влять своихъ воспитанниковъ къ слушанію высшихъ наукъ; то предварительный курсъ, для сей цѣли существовавшій при институтѣ, оказывался излишнимъ, и пр.

Далѣе, буквально сходно въ обоихъ отчетахъ, разсказывается объ уничтоженіи предварительнаго курса и объ ограниченіи времени ученья въ институтѣ четырьмя годами, вмѣсто шести. Затѣмъ дѣлаются выводы:

АКТЪ 1853 г., стр. 32.

Курсы приняли надлежащій специальный видъ, и главный педагогическій институтъ могъ теперь надежнѣе приступить къ довершенію высшаго педагогическаго образованія юношей, посвящающихъ себя званію наставниковъ, съ надлежащимъ приготовленіемъ и полнымъ сознаніемъ своихъ силъ и своего важнаго назначенія.

ОБОЗРѢНІЕ 1859 г., стр. 11.

Эта мѣра, сокративъ время педагогическаго приготовленія, не вполнѣ достигла ожидаемаго успѣха: воспитанниковъ гимназій съ этого времени поступало въ институтъ не больше прежняго; можетъ быть, причиною тому былъ продолжительный срокъ обязательной службы за институтское образованіе, а еще болѣе, кажется, правила закрытаго заведенія, каковъ былъ въ строгомъ смыслѣ, по уставу своему, институтъ.

Затѣмъ въ «Обозрѣніи» г. А. Смирновъ разсказываетъ перемѣны въ институтѣ, происшедшія уже послѣ 1853 г. Всѣ эти перемѣны вели къ бо́льшему специализированію занятій студентовъ и къ возвышенію уровня ихъ образованія, съ цѣлію приготовить изъ нихъ не только отличныхъ учителей гимназіи, но и достойныхъ профессоровъ университета. Къ сожалѣнію, мѣры эти не были вполнѣ удачны, такъ что изъ студентовъ послѣднихъ выпусковъ, образованныхъ по новой системѣ, только *двое* поступили въ высшія учебныя заведенія (изъ прежнихъ выпусковъ — 35). Самое количество воспитанниковъ въ институтѣ постоянно уменьшалось, и вмѣсто полнаго по штату числа 154 дошло до 94. Причинами этого «Обозрѣніе» полагаетъ, между прочимъ, то, что «быстро возраставшая въ послѣднее время дороговизна на жизненные припасы, улучшеніе нѣкоторыхъ хозяйственныхъ статей и отнесеніе значительныхъ издержекъ на экономическую сумму института, истощая средства заведенія, не позволяли попрежнему увеличивать число питомцевъ института (стр. 17).

Въ 1853 г. отчетъ г. А. Смирнова оканчивался слѣдующими знаменательными строками, выражавшими тѣ надежды, какія питало начальство заведенія, въ бытность директоромъ его г. И. Давыдова: (стр. 36).

«Преобразованія Главнаго Педагогическаго Института, совершившіяся съ 1847 года, принесли уже утѣшительные плоды: институтъ, въ хозяйственномъ отношеніи, достигъ блестящаго состоянія; объемъ курсовъ его и направленіе преподаванія дали ему возможность образовать молодыхъ педагоговъ, изъ которыхъ нѣкоторые, прямо по выпускѣ изъ заведенія, съ честію заняли въ университетахъ и главномъ педагог. институтѣ профессорскія каѳедры; не утративъ своего практическаго спеціальнаго направленія, институтъ съ честію опять (?!) сталъ на почетное мѣсто въ ряду высшихъ учрежденій по части народнаго просвѣщенія». (стр. 36).

Но, къ сожалѣнію, какъ видно изъ нынѣшняго «Обозрѣнія», надежды эти не оправдались. Опытъ послѣднихъ лѣтъ доказалъ несостоятельность всѣхъ мѣръ, какія были принимаемы новымъ директоромъ института. Видя, что всѣ доселѣ сдѣланныя преобразованія такъ неудачны, г. И. Давыдовъ самъ рѣшился отказаться отъ нихъ и опять обратиться къ тому же устройству, какое было при Мидендорфѣ. Желая провести эту мысль, онъ въ декабрѣ 1857 г. подалъ г. министру народнаго просвѣщенія записку о новомъ преобразованіи института. Вотъ что, между прочимъ, приводится изъ этой записки въ «Обозрѣніи» г. А. Смирнова.

«Несмотря на пользу, доставляемую Институтомъ въ нынѣшнемъ его состояніи, до котораго доведенъ онъ путемъ опыта и указаніемъ потребностей, представляется возможность придать ему характеръ, совер- совершенно отличный отъ всѣхъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній и тѣмъ содѣйствовать *новому его совершенствованію.*»

«Главное затрудненіе въ учебномъ образованіи будущихъ наставниковъ юношества нынѣ встрѣчаетъ институтъ въ недостаточномъ приготовленіи для этой цѣли поступающихъ въ институтъ питомцевъ изъ гимназій и семинарій. Для ученаго образованія необходимо основательное изученіе древнихъ языковъ и новыхъ иностранныхъ, вмѣстѣ съ словесностію и исторіею, или всего круга знаній, называемыхъ *studia humaniora*; это — тщательно воздѣланная почва, которой можно повѣрять всѣ добрыя сѣмена; безъ этого приготовительнаго общаго ученія нельзя ожидать вѣрныхъ успѣховъ отъ высшихъ спеціальныхъ курсовъ; ни мало не помогутъ и педагогическія практическія занятія тѣмъ, которые слабо приготовлены въ начальномъ ученіи.

«Для восполненія недостатка приготовительнаго изученія древнихъ и новыхъ иностранныхъ языковъ, нужныхъ для ученаго образованія, необходимо четырехъ-годичное ученіе институтское обратить въ шестилѣтнее и раздѣлить его на три двухъ-годичные курса: 1-й курсъ — общій (*humaniora*), 2-й — спеціальный или факультетскій и 3-й — практическій. Въ первомъ курсѣ студенты должны преимущественно заниматься изученіемъ языковъ древнихъ и новыхъ иностранныхъ, русской словесно-

сти, элементарной математики и историческихъ наукъ. Тутъ всѣ учащіеся, поступающіе изъ разныхъ заведеній, могутъ сравняться въ знаніяхъ по всѣмъ преподаваемымъ предметамъ. Во второмъ курсѣ студентовъ предполагалось распредѣлять по факультетамъ историко-филологическому и физико-математическому. Въ третьемъ они должны были заниматься факультетскими предметами практически и упражняться въ педагогикѣ въ общемъ курсѣ, подъ руководствомъ преподавателей. — При этомъ раздѣленіи курса ученія, выпуски изъ института предполагалось производить черезъ каждые два года.»

«Такимъ образомъ, говоритъ г. Смирновъ (стр. 19), институтъ нашелъ необходимымъ возвратиться къ устройству 1828 и 1848 годовъ и положить въ основаніе педагогическаго образованія то, чѣмъ такъ особенно дорожилъ и прежній директоръ Ѳ. И. Миддендорфъ, —основательное изученіе древнихъ и новыхъ языковъ. Въ этомъ новое направленіе института сходилось со старымъ. Но такой педагогической практики, если она оказалась необходимою, при новомъ предполагавшемся образованіи института, питомцы онаго не могли имѣть, какъ имѣли при старомъ устройствѣ 1832—1847 годовъ».

Но при развитіи новыхъ педагогическихъ понятій и требованій и при измѣненіи взгляда на дѣятельность института во второмъ періодѣ, ошибочность которой сознаіъ самъ ея виновникъ, предложеніе г. И. Давыдова не было принято. «Главное правленіе училищъ, (говоритъ г. Смирновъ) въ засѣданіи 21 октября 1858 г., по разсмотрѣніи дѣла о преобразованіи главнаго педагогическаго института, нашло, что недостатки сего заведенія заключаются въ двухъ главныхъ основаніяхъ его настоящей организаціи: 1) въ условіяхъ *пріема* студентовъ, при которыхъ можетъ нерѣдко случиться, что въ институтъ поступятъ молодые люди, кои не окажутъ въ послѣдствіи ни наклонности, ни достаточныхъ способностей къ званію, къ которому готовятся; и 2) въ самомъ *курсѣ*, лишенномъ практическаго, въ необходимыхъ размѣрахъ, примѣненія преподаваемыхъ студентамъ теоріи. Для устраненія этихъ недостатковъ главное правленіе училищъ, обсудивъ основные только вопросы, такъ какъ всѣ дальнѣйшія затѣмъ подробности предполагаемыхъ преобразованій должны зависѣть отъ ближайшихъ соображеній министерства, полагало сообразнымъ съ цѣлію, *упразднивъ главный педагогическій институтъ, устроить, въ замѣнъ онаго, особые педагогическіе курсы*, въ которые будутъ принимаемы молодые люди, окончившіе уже курсъ въ университетѣ и избирающіе, слѣдовательно, предлежащее имъ педагогическое поприще сознательно; съ другой стороны, начальство педагогическихъ курсовъ можетъ уже имѣть достаточное ручательство въ знаніяхъ и природныхъ ихъ способностяхъ. Педагогическіе курсы,

соединяя факультетское образованіе съ спеціальнымъ и практическимъ, будутъ продолжаться по два года; они должны быть заведеніями открытыми».

Вскорѣ послѣ этого рѣшенія, директоръ института, г. И. Давыдовъ назначенъ въ Правительствующій Сенатъ въ Москву; въ институтѣ остались начальствующими, подъ главнымъ наблюденіемъ г. попечителя Спб. учеб. округа, И. Д. Делянова, г. Тихомандрицкій, самъ бывшій воспитанникомъ института, перваго выпуска, и служившій въ немъ инспекторомъ съ 1848 г., и г. А. Смирновъ, тоже давнишній воспитанникъ института, служившій въ немъ старшимъ надзирателемъ съ 1840 года. Такимъ образомъ они, — можно сказать, — видѣли начало института, участвовали въ его дѣятельности во второмъ ея періодѣ, и теперь видѣли закрытіе этого заведенія....

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЖИЗНЬ.

ЗАМѢТКИ НОВАГО ПОЭТА.

Современный умникъ, оптимистъ и джентльменъ. (Портретъ, составленный изъ нѣсколькихъ оригиналовъ). — Большой морской смотръ въ Кронштатѣ. — Шоссе отъ Петербурга до Сестербека. — Улучшенія въ технологическомъ институтѣ. — Слухи о преобрвзованіяхъ въ академіи художествъ. — Извѣстія печатаемыя изъ Россіи въ «Нордѣ». — Праздники на различныхъ виллахъ. — (Конскія скачки въ Красномъ Селѣ. Мои похожденія по этому случаю). — Нѣсколько словъ по поводу прекратившихся журналовъ. — Сочиненія Бѣлинскаго, Томъ II. — Письмо въ редакцію «Современника» по поводу рецензіи «Основныхъ Законовъ Воспитанія», г. Миллера Красовскаго.

— О Панглоссъ!—восклицаетъ въ одномъ мѣстѣ Вольтеровскій Кандидъ», — и ты не понялъ этой гнусности? — Нѣтъ, я отказываюсь отъ твоего оптимизма.

— А что это такое оптимизмъ? спросилъ Какамбо.

— Увы! отвѣчалъ Кандидъ, — это безуміе поддерживать мнѣніе что все на свѣтѣ прекрасно, тогда какъ....

— У меня есть другъ, одержимый такимъ оптимизмомъ.

— *Другъ!*...

Это святое слово, любезный читатель, на нашемъ свѣтскомъ языкѣ, въ нашихъ свѣтскихъ нравахъ, имѣетъ значеніе довольно легкое, потому что мы истинные джентльмены смотримъ, какъ всѣмъ извѣстно, на жизнь вообще чрезвычайно легко. Мы ненавидимъ все глубокое и серьёзное и повсюду ищемъ одной забавы и развлеченія: въ литературѣ, въ театрѣ, въ дѣйствительной жизни — вездѣ.

Мы сходимся очень легко съ людьми, даже совершенно противоположными нашимъ убѣжденіямъ, или съ людьми, неимѣющими

вовсе никакихъ убѣжденій.... за хорошимъ обѣдомъ, за бутылкой *добраго* вина.... и называемъ потомъ такихъ господъ *друзьями*.

Отношенія наши къ такого рода друзьямъ.... совершенно свободны и ни къ чему насъ не обязываютъ. Оттого мы пріятно улыбаемся и льстимъ имъ въ глаза, а за глаза не только отпускаемъ на ихъ счетъ язвительные и оскорбительные остроты, но даже просто очень забавно клевещемъ на нихъ.... Все это однако не мѣшаетъ намъ слыть истинными джентльменами между такими же джентльменами, какъ мы. Мнѣніемъ *черни* мы презираемъ....

Такъ я сказалъ, что у меня есть другъ, подобно Панглоссу весь свѣтъ и все на свѣтѣ видящій въ розовомъ цвѣтѣ.

О, какой это милый человѣкъ, если бы вы знали! Какой джентльменъ! Всѣ *мы* и *наши* отъ него въ восторгѣ, хотя это не мѣшаетъ намъ тайкомъ отзываться объ немъ, какъ объ отсталомъ человѣкѣ, какъ о *гнилой* натурѣ и прочее.

Но это ничего, потому что онъ все-таки *нашъ*, онъ хвалитъ насъ во всеуслышаніе такъ же какъ и мы хвалимъ его, и наша дружба поддерживается этой *лицемѣрной* (какъ бы сказали вульгарные люди), взаимной хвальбой, хотя тутъ дѣло вовсе не въ лицемѣріи, а въ тонкомъ разсчетѣ.

Нашъ другъ имѣетъ нѣкоторое значеніе: онъ человѣкъ образованный, онъ много читалъ умныхъ и веселыхъ книгъ, онъ обладаетъ обширною памятью, усвоиваетъ себѣ чужія мысли очень легко и выдаетъ ихъ за свои собственныя безъ всякой застѣнчивости; онъ говоритъ изящно и гладко, держитъ себя умно и прилично, исполненъ чувства собственнаго достоинства и *мѣры*, (онъ всегда и во всемъ держится золотой середины) и съ восхитительнымъ ожесточеніемъ нападаетъ на всѣ *крайнія* мнѣнія, остроумно замѣчая, что такія мнѣнія имѣютъ только *семинаристы*, съ которыми джентльмены не должны имѣть ничего общаго....

Казалось бы, чтò намъ въ похвалѣ такого господина, намъ—которые почитаемъ себя людьми, съ широкими и смѣлыми взглядами, и которые пожалуй не прочь сочувствовать во многомъ тѣмъ, которыхъ онъ зоветъ семинаристами?

Казалось бы, чтò ему въ нашей похвалѣ: вѣдь онъ инстинктивно долженъ чувствовать, что между его золотою серединою и нашими смѣлыми стремленіями нѣтъ примиренія?

А между тѣмъ мы разсыпаемся другъ передъ другомъ въ комплиментахъ, съ чувствомъ пожимаемъ другъ другу руки и даже иногда бросаемся другъ другу въ объятія. Какіе мы слабые люди!

Это фактъ. Объясненіе его повело бы насъ слишкомъ далеко и могло бы бросить на насъ непріятную тѣнь и потому мы оставимъ этотъ фактъ лучше безъ объясненій.

Нашъ другъ — неисключительное явленіе современной петербургской жизни, напротивъ — такого рода джентльменовъ развелось у насъ въ послѣднее время очень много.... Вотъ почему я обращаю на него особенное вниманіе читателя.

Не знаю, съумѣю ли я вамъ представить хоть въ легкомъ очеркѣ это милое явленіе.

Для этого необходимъ тонкій карандашъ великосвѣтскаго артиста, и я останавливаюсь передъ моимъ трудомъ съ нѣкоторою боязнію....

Однако почему же не попытаться?...

Если лицо не будетъ мною очерчено вполнѣ и такъ остроумно, какъ бы оно того заслуживало, то я представлю его по крайней мѣрѣ хоть въ общихъ чертахъ, такъ чтобы читатель понялъ, на какой разрядъ людей я хочу намекнуть. Я убѣжденъ, что у всякаго читателя есть знакомый, похожій на того господина, котораго я хочу изобразить.... и остроумный читатель добавитъ къ этому бѣглому очерку недосказанное мною.

Вотъ портретъ моего идеала:

Онъ не хорошъ и не дуренъ, черты лица у него правильныя, но строго холодныя и никогда не одушевляющіяся внутреннимъ огнемъ; онъ неспособенъ ничѣмъ тронуться глубоко, почувствовать что нибудь энергически и сильно, но онъ можетъ умиляться очень часто отъ самыхъ пустыхъ и незначительныхъ фактовъ, и если польстить его самолюбію, строгая физіономія его вдругъ умягчается до сладости, глазки покрываются масломъ, движенія становятся какъ-то особенно круглы и пріятны, и онъ начинаетъ говорить своимъ друзьямъ самыя льстивыя и вкрадчивыя рѣчи....

Онъ ходитъ обыкновенно серьёзно и важно, гордой, ровной и осторожной поступью, или, лучше сказать, *носитъ себя*, какъ драгоцѣнный хрустальный сосудъ, заключающій въ себѣ эссенцію человѣческой мудрости и какъ будто боится расплескать ее даромъ передъ невѣждами. Невѣждами же онъ считаетъ почти всѣхъ, внѣ того замкнутаго кружка, въ который онъ заключилъ себя.

Когда онъ является среди людей малознакомыхъ или вовсе незнакомыхъ, онъ поражаетъ съ перваго взгляда робкихъ важностію и мудростью своей осанки, своего выраженія, своихъ немногихъ словъ, произносимыхъ имъ всегда съ необыкновеннымъ вѣсомъ и достоинствомъ. Глядя на него, можно подумать, что онъ исчерпалъ всѣ человѣческія знанія и рѣшилъ всѣ задачи жизни, а въ сущности онъ

прочелъ только, и то довольно поверхностно, кое-что изъ сочиненій энциклопедистовъ и англійскихъ деистовъ XVIII вѣка, кое-что изъ англійской литературы, начиная съ Шекспира, «Исторію цивилизаціи» Гизо, сочиненіе Баранта о французской литературѣ, «Американскую Демократію» Токвиля и нѣсколько новѣйшихъ политическихъ брошюръ.

Что жь? для насъ вѣдь и это ученость. Мы учились такъ плохо и читали такъ мало! — говоря откровенно.

Если эти неосторожныя слова, нечаянно сорвавшіяся у меня съ языка, будутъ прочтены моимъ другомъ, тѣмъ лицомъ, которое я такъ неискусно рисую передъ вами, онъ исполнится противъ меня негодованіемъ, въ этомъ я убѣжденъ.

«Какъ! воскликнетъ онъ: можно ли дойти до такой безтактности, чтобы осмѣлиться называть себя малоучеными и малоначитанными передъ толпою. Развѣ все, что думаешь, можно высказывать вслухъ?... Мы, напротивъ, должны себя держать такъ, чтобы толпа благоговѣла передъ нами и подозрѣвала въ насъ бездну знаній и премудрости. Какъ передовые люди, мы должны повелѣвать ею. Мы — каста современныхъ жрецовъ. Когда же жрецы открывали свои тайны?... Въ тайнѣ заключается наше значеніе и сила! Мы не должны унижать своего сословія!»

И чего добраго, пожалуй, еще мои пріятели, всѣ *наши*, люди съ свободными и широкими взглядами, присоединятся къ этому голосу и закидаютъ меня каменьями!

Но, господà, Бога ради! чѣмъ же я виноватъ?

Вы сами безпрестанно твердите объ *искренности* въ искусствѣ и въ жизни....

Да, это правда, но *тактъ, тактъ*!... повторяютъ пріятели.

Между собою мы можемъ быть откровенны, точно также, какъ человѣкъ дома можетъ ходить въ халатѣ. Нельзя же, однако, въ халатѣ показываться передъ публикою. Передъ ней мы обязаны всегда являться въ парадѣ, съ нѣкоторою торжественностію. Дома, между собою, мы болтаемъ и объ Шарлоттахъ, и объ Каролинахъ, и объ Эмиліяхъ и объ разномъ вздорѣ, передаемъ другъ другу наши шалости, наши забавныя похожденія, но при постороннихъ мы обязаны сейчасъ принимать важный видъ и заговаривать о чемъ нибудь серьёзномъ.... хоть, напримѣръ, о мемуарахъ Гизо....

Этимъ-то тактомъ владѣетъ въ высшей степени джентльменъ, изображаемый мною.

Онъ умѣетъ соединять, какъ никто, пріятное съ полезнымъ, мудрость съ шалостями, Гизо съ Каролиной!

Кому бы пришло въ голову, что этотъ человѣкъ, такъ мудро разсуждающій сегодня о величіи Гизо, о геніальности Шекспира, о безпутствѣ Жоржъ Сандъ (къ Жоржъ Сандъ онъ имѣетъ особенное предубѣжденіе и почитаетъ ея сочиненія глубоко-безнравственными, несмотря на всѣ наши увѣренія въ противномъ).... кому бы пришло въ голову, что этотъ мудрецъ, этотъ герой нравственности, вчера напримѣръ, цѣлый день предавался самымъ эксцентрическимъ шалостямъ съ какой нибудь Каролиной, или съ Идою?... Мало этого, онъ можетъ обидиться, если о которой нибудь изъ этихъ дамъ отзовутся его пріятели, какъ о безнравственной женщинѣ....

Въ такихъ случаяхъ онъ вдругъ измѣняется въ лицѣ, закусываетъ нижнюю губу и сухо произноситъ:

— Нисколько! это женщина очень порядочная и приличная, и сердце у нея совсѣмъ неиспорченное.

Все это можетъ показаться противорѣчивымъ и страннымъ толпѣ... Толпа не можетъ судить людей исключительныхъ, избранныхъ, къ которымъ, безъ сомнѣнія, принадлежитъ мой джентльменъ....

Да и что жь тутъ страннаго?

Когда женщина, какая бы она ни была, прикидывается влюбленной въ насъ,—она такъ льститъ нашему самолюбію, что мы сейчасъ же готовы оправдать ее во всемъ на свѣтѣ. Закупить самолюбіе великаго человѣка можетъ быть еще легче, чѣмъ самолюбіе дюжиннаго человѣка, потому что у такихъ великихъ людей, какъ мой другъ, бываютъ самолюбія огромныя и необыкновенно раздражительныя. А реторически негодовать на безнравственность—нетрудно. Жизнь сама по себѣ, а рѣчи сами по себѣ. Это у насъ джентльменовъ такъ водится.

Мой другъ, несмотря на его качества джентльмена, не терпитъ, напримѣръ, людей великосвѣтскихъ и отзывается о нихъ съ презрѣніемъ, хотя самъ насквозь проникнутъ великосвѣтскими и плантаторскими началами и убѣжденъ, что будущее можетъ быть разумно устроено только тою кастою, къ которой принадлежитъ онъ; но если самый пустой и ничтожный человѣкъ изъ высшаго общества обнаружитъ уваженіе къ его особѣ и торжественно признаетъ его геній, онъ дружески протягиваетъ ему руку, вводитъ его въ свой кружокъ, находитъ въ немъ небывалыя достоинства, сердится, если ему противорѣчатъ...

«Это исключеніе изъ этого тупаго общества, *перлъ!*» повторяетъ онъ упорно, указывая на него.

Мой джентльменъ не терпитъ великосвѣтскость, аристократизмъ, не потому, чтобы аристократическіе принципы возмущали его, а

оттого, что аристократы смотрятъ на него свысока, тогда какъ ему хотѣлось бы смотрѣть на всѣхъ свысока.

Для этого онъ, по примѣру французскихъ энциклопедистовъ и новѣйшихъ доктринеровъ, усиливается создать свой аристократическій кружокъ, въ которомъ бы основою аристократизма былъ прежде всего умъ и талантъ. Если къ этому примѣшается дворянское старое имя, или какой нибудь титулъ, разумѣется, тѣмъ лучше. Аристократизмъ ума и таланта — это конёкъ, на которомъ онъ красуется. Себя онъ считаетъ главой этой современной аристократіи, потому что онъ почитаетъ себя умнѣе и талантливѣе всѣхъ....

Въ этотъ избранный кружокъ, существующій впрочемъ покуда въ его фантазіи, допускались бы только ésprit fort (въ великосвѣтскомъ смыслѣ), ésprit fin и bel ésprit,—но умъ проницательный, глубокій, смѣлый, здравый умъ, неподчиняющійся блестящимъ авторитетамъ, не идущій по реторической рутинѣ современныхъ умниковъ, этотъ безпокойный и опасный умъ не только не былъ бы допускаемъ въ кружокъ моего друга, но мой другъ джентльменъ старался бы всячески унижать и осмѣивать такого рода умы.

Снисходительный, мягкій, уступчивый относительно всякой посредственности, даже восторгающійся посредственностію, онъ былъ бы жестокъ, неумолимъ, безпощаденъ относительно умовъ, выходящихъ изъ-подъ общаго уровня золотой посредственности. Людей, обладающихъ такими умами, онъ клеймилъ бы именами: безумныхъ утопистовъ, жалкихъ и пустыхъ крикуновъ, несчастныхъ соціалистовъ, и прочее; онъ презрительно называлъ бы ихъ героями сумасшедшаго дома и если бы имѣлъ власть, истребилъ бы ихъ *для блага человѣчества*, то есть для собственнаго блага. Человѣчество моего джентльмена заключается въ немъ самомъ и въ избранномъ кружкѣ его. Онъ очень хорошо понимаетъ, что при господствѣ здравыхъ умовъ, ему было бы не такъ ловко.... Онъ принадлежитъ къ тѣмъ людямъ, про которыхъ сказалъ Руссо:

«Наслаждаясь роскошнымъ обѣдомъ, они убѣждены, что лжетъ тотъ, который говоритъ, что есть на землѣ люди голодные.»

А если мой джентльменъ иногда и признаетъ существованіе на землѣ такого рода несчастныхъ, то онъ хладнокровно готовъ сказать имъ то, что у поэта вырвалось въ минуту горя и озлобленія:

«Душѣ противны вы, какъ гробы.
Для вашей глупости и злобы
Имѣли вы до сей поры
Бичи, темницы, топоры....
Довольно съ васъ, съ рабовъ безумныхъ:
Во градахъ вашихъ съ улицъ шумныхъ

Сметаютъ соръ.... Полезный трудъ!
Но, позабывъ свое служенье,
Алтарь и жертвоприношенье,
Жрецы ль у васъ метлу берутъ?....»

Мой джентльменъ питаетъ непреодолимое отвращеніе къ черни, то есть ко всѣмъ голоднымъ людямъ и еще болѣе къ ихъ защитникамъ, потому что они своими воплями нарушаютъ прелестную гармонію, созданную его фантазіей, и мѣшаютъ нѣсколько его пищеваренію и удовольствіямъ.

Изъ всего этого однако не слѣдуетъ заключать, что онъ раздѣляетъ вполнѣ образъ мыслей тѣхъ старыхъ, невѣжественныхъ и совершенно отсталыхъ людей, которые хотятъ тупо держаться всякой мысли въ какихъ бы то ни было исправленіяхъ и улучшеніяхъ. Нисколько! Мой джентльменъ считаетъ себя либераломъ, прогрессистомъ, онъ хочетъ не только бо́льшей свободы, но и разныхъ привиллегій и почестей для себя, для своихъ друзей и вообще для людей избранныхъ и образованныхъ.

Если бы онъ изобразилъ свою утопію будущаго, какъ графъ Соллогубъ, — онъ непремѣнно нарядилъ бы всѣхъ умниковъ и талантовъ, начиная разумѣется съ самого себя, въ какой нибудь особенный блестящій костюмъ и къ сапогамъ ихъ придѣлалъ бы непремѣнно красные каблуки, для отличія отъ простыхъ смертныхъ.

Эти красные каблуки безусловно должны бы были господствовать надъ толпою: они ораторствовали бы, писали бы стихи, сочиняли бы похвальныя рѣчи другъ другу и предавались бы другимъ пріятнымъ и невиннымъ занятіямъ, — а толпа должна бы была благоговѣйно слушать всё это и безусловно удивляться всему.

Отъ этихъ великихъ людей на красныхъ каблукахъ, зависило бы раздавать дипломы на талантъ, охранять знаменитые европейскіе авторитеты (подъ знаменитыми авторитетами должно подразумѣвать всѣхъ умѣренныхъ публицистовъ и французскихъ доктринеровъ новѣйшаго времени, начиная съ мудраго Гизо до г. Аллури, пишущаго premier Paris въ Journal des Débats) отъ грубыхъ и невѣжественныхъ нападковъ тѣхъ, которые симпатизируютъ голодной толпѣ и возбуждаютъ къ ней неблагородное состраданіе и направлять неуклонно въ собственную пользу и въ выгоду умниковъ на красныхъ каблукахъ тѣ постоянныя стремленія и ту благородную жажду улучшеній, которыя пробудились въ настоящее время во всѣхъ классахъ общества.

Зависть — чувство низкое и рабское, и нѣтъ никакой возможности подозрѣвать ее въ томъ джентльменѣ, котораго я описываю; поэтому я никакъ не назову завистію то безпокойное и непріятное

ощущеніе, которое пробуждается въ немъ всякій разъ при чужихъ успѣхахъ, даже при успѣхахъ тѣхъ, которые принадлежатъ къ его кружку и которыхъ онъ при всякомъ удобномъ случаѣ торжественно и публично величаетъ друзьями своими. Наружно онъ радуется этому успѣху и какъ будто вполнѣ сочувствуетъ ему.... Онъ изъявляетъ это сочувствіе друзьямъ своимъ объятіями, пожатіями рукъ, обѣдами въ честь ихъ, похвалами, но къ этимъ похваламъ всегда примѣшаетъ нѣсколько ядовитыхъ словъ и замѣчаній, сказанныхъ вскользь и дающихъ этому успѣху нѣкоторый не совсѣмъ выгодный и отчасти комическій колоритъ....

Этимъ замѣчаніемъ я никакъ не хочу бросить тѣнь на моего джентльмена. Извѣстно, что успѣхи Монтескьё и Жанъ-Жака Руссо производили на ихъ друга Вольтера не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе, а Вольтеръ былъ человѣкъ геніальный.... И если я нахожу какія нибудь общія черты у Вольтера съ моимъ героемъ, то это ужь во всякомъ случаѣ можетъ быть обидно для перваго, но никакъ не для послѣдняго.

Кстати о Вольтерѣ.

Если этого геніальнаго человѣка упрекаютъ люди строгіе, положительные и серьёзные въ нѣкоторомъ легкомысліи, потворствѣ и угодничествѣ сильнымъ міра сего, то я смѣло послѣ этого могу замѣтить, что мой джентльменъ имѣетъ воззрѣнія также довольно легкомысленныя.

Въ искусствахъ, въ литературѣ, въ жизни — вездѣ онъ ищетъ только комфорта для себя и себѣ подобныхъ, пріятнаго и милаго сочетанія наслажденій чувственныхъ съ духовными, отдавая перевѣсъ первымъ передъ послѣдними, внѣшней изящной свѣтскости съ удовольствіями физическими. Въ этомъ же упрекаютъ и Вольтера, но такъ какъ мой джентльменъ, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, все-таки не имѣетъ Вольтерова генія, то эту теорію онъ довелъ до крайности.... я бы сказалъ до пошлости, еслибы я не боялся такимъ вульгарнымъ словомъ оскорбить моего друга.

Онъ хотѣлъ бы превратить и искусства, и литературу и все въ забаву, въ милую шутку, безъ всякой цѣли, безъ всякаго направленія.... Въ этомъ случаѣ онъ уже совершенно расходится съ Вольтеромъ, для котораго шутка и остроуміе служили орудіями другихъ высшихъ цѣлей....

Мой джентльменъ любитъ шутку для шутки, забаву для забавы; искусство для искусства.

Несмотря на свой строгій видъ, на свою внушающую наружность, онъ хочетъ веселиться и забавляться, во что бы то ни стало.

Надобно замѣтить, что онъ членъ разныхъ ученыхъ обществъ, которыя онъ впрочемъ рѣдко удостоиваетъ посѣщеніемъ. Когда его товарищъ по одному изъ этихъ обществъ наивно спросилъ его:

— Отчего онъ не былъ въ послѣднемъ засѣданіи?

Мой джентльменъ иронически улыбнулся и отвѣчалъ:

— Я ѣзжу только туда, гдѣ нахожу что нибудь забавное, а въ вашемъ обществѣ забавнаго мало!

И странное дѣло! Отъ этого человѣка, вѣчно толкующаго о веселіи, постоянно стремящагося забавляться, вѣетъ какою-то злобною скукою....

Онъ обратилъ веселье и забаву въ теорію, но эта теорія вовсе какъ-то не примѣняется у него къ практикѣ и совсѣмъ нейдетъ къ его важной, строгой и холодной физіономіи. Въ его забавахъ есть что-то мертвое; во время самыхъ шаловливыхъ и веселыхъ его разсказовъ лицо его остается постоянно сухимъ, недвижнымъ и во всей его фигурѣ не бываетъ ни малѣйшаго признака одушевленія. Разсказы эти обыкновенно заключаетъ онъ насильственнымъ, старческимъ смѣхомъ, который не только не въ состояніи сообщить веселость слушателямъ, но скорѣе навести на нихъ мучительную тоску.

Онъ ровнымъ, гладкимъ, текучимъ языкомъ толкуетъ о изящномъ, это одинъ изъ любимыхъ его предметовъ, — и слыша его можно нещутя подумать, что онъ обладаетъ тонкимъ эстетическимъ вкусомъ; онъ обыкновенно пересыпаетъ эти толки для блеска великими именами. Но я не знаю человѣка, который бы окруженъ былъ съ такимъ отсутствіемъ всякаго изящества. Послѣдній сидѣлецъ въ лавочкѣ толкучаго рынка, или жидъ, мозольный операторъ, торгующій въ Пассажѣ случайными вещами, безъ всякаго труда можетъ сбыть ему какой нибудь старый завалявшійся пейзажъ, въ родѣ тѣхъ, которые украшаютъ стѣны русскихъ трактировъ, за настоящаго Карла Вернета, или кокого нибудь амура съ корниловскаго завода за viex-Saxe... И если мой джентльменъ внутренно и убѣдится въ обманѣ, онъ ни за что не сознается въ этомъ и будетъ доказывать вамъ съ пѣною у рта, что этотъ пейзажъ, или этотъ амуръ—драгоцѣнность.

То-что однажды обратилось въ его собственность, возводится имъ уже въ перлъ созданія. Чувство собственности — не рѣдкость; всѣ собственники въ сильной степени обладаютъ этимъ чувствомъ; но такого горячаго и преувеличеннаго чувства собственности, какъ въ моемъ джентльменѣ, я не встрѣчалъ ни въ комъ.

Каждая картина, висящая у него на стѣнѣ, — непремѣнно Рембрандъ, или Рубенсъ, или Тиціанъ; каждая сорная травка, ростущая на его землѣ — необходимое и вмѣстѣ цѣлебное растеніе; палисад-

никъ передъ домомъ—садъ или роща; домишка въ три окна — большой домъ; избушка, въ родѣ шалаша—флигель и такъ далѣе.

Я не укоряю моего друга за это чувство и нисколько не думаю обратить его въ смѣшное. Только тѣ несчастные, которые никогда не имѣли никакой собственности могутъ подсмѣиваться надъ этимъ.

Напротивъ, для оправданія этого чрезвычайно натуральнаго чувства, я сдѣлаю здѣсь откровенное признаніе моему читателю.

Моя собственность очень ограничена. Вся она заключается въ кое-какой мебели и вещахъ. Между этими вещами есть женская, почти дѣтская головка въ чепцѣ и съ книгой въ рукѣ.... Картина очень милая, хорошо и тонко написанная. Мнѣ продали ее за Грёза и она дѣйствительно походитъ на Грёза.

Лишь только я повѣсилъ ее на стѣну своего кабинета, убѣжденіе, что это настоящій Грёзъ сдѣлалось для меня теперь, несокрушимо, — и тотъ, кто сталъ бы разувѣрять меня, что я нахожусь въ заблужденіи, и что мой Грёзъ не Грёзъ, а только удачная копія съ Грёза, сдѣлался бы мнѣ (по крайней мѣрѣ въ ту минуту, когда онъ сталъ бы разувѣрять меня) почти моимъ врагомъ.

Чувство собственности — сильно и врожденно всякому джентльмену, и обращать его въ смѣшное я считаю не только безтактностію, но неприличіемъ.

Только безумцы, подобные Прудону, могутъ нападать на собственность и не понимать чувства, возбуждающаго ее.

Съ тѣхъ поръ, какъ я пріобрѣлъ Грёза, я сдѣлался самымъ ярстнымъ защитникомъ собственности....

Въ политикѣ мой джентльменъ имѣетъ взглядъ, который крайніе люди, или, какъ онъ говоритъ, семинаристы, назвали бы узкимъ, пошлымъ и ограниченнымъ и который всѣ мы, его друзья, болѣе или менѣе столбовые дворяне, не можемъ назвать широкимъ. Взглядъ этотъ почерпнутъ имъ изъ двухъ источниковъ, изъ сочиненій Гизо и политическихъ брошюръ Монталамбера. Онъ преклоняется передъ краснорѣчіемъ Монталамбера и считаетъ Гизо олицетвореніемъ высочайшей современной мудрости. Мы также отдаемъ справедливость блестящимъ фразамъ католическаго оратора; уму, знаніямъ, талантамъ сухаго и строгаго протестанта, знаменитаго министра Людовика-Филиппа (несмотря на то, что зданіе, надъ которымъ онъ трудился и которое почиталъ такъ прочнымъ, рухнуло вдругъ, къ его удивленію, отъ легкаго дуновенія, какъ карточный домикъ); но мы не войдемъ въ азартъ, какъ нашъ джентльменъ, если кто нибудь замѣтитъ при насъ, что время уже далеко опередило Гизо, что его мудрость поизносилась и пообвѣтшала значительно, и не назовемъ за это такого смѣльчака — мальчишкой и невѣждой.

Надо сознаться впрочемъ, что вообще наши политическіе взгляды не имѣютъ никакой самостоятельности и очень шатки. Поэтому всѣ рѣчи о политикѣ даже нашихъ умниковъ и образованныхъ людей иногда напоминаютъ нѣсколько знаменитыя разсужденія о политикѣ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ.

Какъ большая часть образованныхъ современныхъ джентльменовъ, мой джентльменъ толкуетъ о свободномъ духѣ, о независимости: онъ ненавидитъ австрійцевъ, симпатизируетъ итальянцамъ, становится на колѣни передъ англійскими учрежденіями и проч.; но въ сущности ужасно боится этого свободнаго духа, которымъ такъ восхищается издалека.... Онъ опасается, что если откупоритъ стклянку съ этимъ духомъ, міръ сейчасъ же перевернется вверхъ дномъ, наступитъ хаосъ и въ этомъ хаосѣ, разумѣется, погибнутъ.... о ужасъ! его Рембранты, Рубенсы, Тиціаны, Верветы, vieux-Saxe съ фарфороваго завода, его земли, дома, флигеля, сады, рощи, огороды — и проч. и проч.

Вотъ почему къ этому духу, проявляющемуся въ его любимыхъ англійскихъ учрежденіяхъ, къ этому духу, заставляющему его симпатизировать итальянцамъ, онъ питаетъ такую же боязнь, какую питалъ къ нему.... незабвенной памяти князь Меттернихъ, государственную мудрость котораго онъ не можетъ не признавать, хотя и не сочувствуетъ его идеямъ. Мой джентльменъ принадлежитъ къ тѣмъ людямъ, про которыхъ такъ мѣтко замѣтилъ Дидро:

«Есть люди, про которыхъ никакъ нельзя сказать, что у нихъ въ сердцахъ страхъ Божій, но которые просто запуганы.»

Въ себѣ и своихъ онъ, впрочемъ, такъ увѣренъ, что готовъ вынюхать вдругъ весь этотъ опасный духъ изъ стклянки, и давать его вынюхивать своимъ друзьямъ, зная, что ни на нихъ, ни на него онъ не подѣйствуетъ и не совратитъ его съ путей истины.

Въ этомъ случаѣ онъ совершенно сходенъ съ Меттернихомъ.... Въ 8 томѣ своихъ воспоминаній (Denkwürdigkeiten und vermischte Schriften) Варнгагенъ фонъ-Энзе, передавая свои дружескіе разговоры съ Меттернихомъ.... въ Баденѣ, между прочимъ говоритъ, что графъ Зичи жаловался при немъ Меттерниху на своего книгопродавца, который никакъ не хотѣлъ ему продать одно изъ сочиненій Дамене́.

При этомъ кто-то изъ присутствовавшихъ замѣтилъ, что одинъ господинъ получилъ дозволеніе выписывать «National».

— О, что касается до этого господина, замѣтилъ другой, то кажется на его счетъ ужъ можно быть покойну! Это самый благонадежный изъ всѣхъ австрійцевъ.

— Что же касается до его образа мыслей, прибавилъ улыбаясь Меттернихъ: — то «National» для него журналъ еще слишкомъ умѣренный....

Великосвѣтскіе либералы и прогрессисты имѣютъ особенный, рѣдкій даръ въ одно и то же время угождать на дѣлѣ друзьямъ преданія и порядка (l'ordre) — Меттернихамъ; ужасать рѣчами своими друзей свободы и порядка — Дюшателей и Гизо и при этомъ обвинять Карелей и Армановъ Маррастовъ, въ умѣренности!

Таковы они были въ концѣ двадцатыхъ годовъ, таковы же они и теперь, наканунѣ 60 года.

И есть люди, которые, считаютъ такихъ господъ опасными.

Я убѣжденъ, что и моего джентльмена считаютъ такие человѣкомъ опаснымъ....

Если бы мой джентльменъ вздумалъ идти по административной карьерѣ, если бы онъ былъ одержимъ чиномобіемъ и крестолюбіемъ, при своемъ умѣ, тонкости и ловкости, онъ могъ бы достигнуть высокихъ ступеней. — Жаль, что онъ не пошелъ по этой карьерѣ.

Я живо представляю себѣ, какъ бы онъ дѣлалъ эту карьеру.

Онъ, какъ молодой человѣкъ кое-что читавшій, не много разсуждавшій и порывавшійся выйдти изъ рутины, непремѣнно прослылъ бы за либерала.

Либерализмъ его заключался бы въ слѣдующемъ:

1) Имѣть до извѣстной степени чувство собственнаго достоинства, — то есть, не совсѣмъ кувыркаться и раболѣпствовать.

2) Быть убѣждену въ томъ, что правда вообще лучше лжи, безкорыстіе лучше корысти, а умъ—лучше глупости. Вслѣдствіе этого довольно свободно отзываться о дуракахъ, взяточникахъ, рутинерахъ и проч., несмотря на ихъ чинъ и званіе.

3) Видѣть необходимость нѣкоторыхъ исправленій, смазокъ и улучшеній по административной части.

4) Читать иностранныя книги, особенно по части политической экономіи; слѣдить вообще за политикой хоть по Journal des Débats и Times и свободно разсуждать о палатскихъ преніяхъ, обнаруживая къ нимъ сочувствіе.

Старшіе, нюхавшіе табакъ изъ бумажныхъ табакерокъ, покачивая головой, говорила бы про него:

— У! какая голова!... только съ *фанаберіей*.... жаль,—а голова, голова!

Старшіе, нюхавшіе изъ золотой табакерки *рококо*, отзывались бы объ немъ такъ:

— C'est un jeune homme distingué... но зараженъ, къ сожалѣнію, этими либеральными идеями, которыя хороши можетъ быть *тамъ*, но у насъ ни къ чему не могутъ вести, не могутъ имѣть никакого примѣненія.

Начальство ближайшее къ нему съ бумажными табакерками побаивалось бы моего джентльмена, не терпѣло бы его и всячески старалось бы заградить ему дорогу впередъ; но начальство съ золотою табакеркою рококо за его изящныя манеры, французскій языкъ и вообще *порядочность* смотрѣло бы сквозь пальцы на его либерализмъ, и даже иногда удостоивало бы его своего благосклоннаго вниманія.

Мой джентльменъ всѣми силами старался бы достигнуть того, чтобы имѣть личныя сношенія съ золотою табакеркою, до чего, разумѣется, усиливались бы не допускать его бумажныя табакерки. Цѣли онъ своей достигнулъ бы конечно не вдругъ и не безъ большихъ препятствій (я предполагаю, что мой джентльменъ не имѣетъ протекціи), но все-таки достигнулъ бы непремѣнно.

Преодолѣвъ всѣ препятствія и ставъ лицомъ къ лицу съ обладателемъ золотой табакерки, онъ крѣпко уцѣпился бы за него и какъ человѣкъ умный и ловкій проникнулъ бы въ самые сокровенные изгибы его высокихъ помышленій, предначертаній и плановъ, что при умѣ моего джентльмена, врожденной хитрости и нѣкоторомъ образованіи, было бы не трудно. Онъ вскорѣ втерся бы въ довѣренность обладателя золотой табакерки, и мало по малу проводилъ бы черезъ него свои кое-какія либеральныя идейки и убѣжденьица, показывая видъ, что онъ только слѣпой и ревностный исполнитель его воли. Такимъ незамѣтнымъ образомъ онъ получалъ бы все бо̀льшее вліяніе и вѣсъ, и господинъ съ золотою табакеркою рококо началъ бы вытягивать его вверхъ.

Мой джентльменъ лѣтъ въ 35 достигнулъ бы уже довольно видной степени и украсился бы знаками отличія, что придало бы ему, безъ сомнѣнія, почтенный и солидный видъ.

Съ каждою ступенью повышенія, съ каждымъ новымъ знакомъ отличія онъ становился бы мягче и уступчивѣе и все болѣе и болѣе примирялся бы съ рутиной, которая бы входила въ него незамѣтно для него самого.

Но либеральная репутація его нисколько бы не умалялась отъ этого. Въ глазахъ рутинеровъ онъ все-таки оставался бы человѣкомъ опаснымъ, точно такъ же, какъ въ глазахъ слѣпыхъ и пошлыхъ учителей и наставниковъ,—ученикъ, сначала обнаружившій прилежаніе, слыветъ постоянно до конца за отличнаго и прилежнаго ученика, хотя бы впослѣдствіи онъ ничего не дѣлалъ....

Никакіе факты не могли бы еще долго поколебать его либеральной репутаціи; — ни то, что онъ возвышаясь, какъ слѣдуетъ, становился бы холоднѣе къ друзьямъ своей либеральной юности и отдалялся бы отъ нихъ; ни то, что онъ заводилъ бы новыя связи и дружбы съ людьми нужными ему и имѣющими великосвѣтское значеніе; ни то, что онъ принялъ бы относительно своихъ подчиненныхъ тѣ начальническія манеры, на которыя онъ прежде нападалъ съ ожесточеніемъ.

Старовѣры упорно кричали бы: «На это смотрѣть нечего, онъ человѣкъ тонкій, хитрый и если допустить его до такого мѣста, на которомъ онъ будетъ имѣть вліяніе, — онъ переломаетъ все.... Это ужаснѣйшій либералъ! опаснѣйшій человѣкъ!»

А между тѣмъ годы шли бы и юношескія либеральныя воззрѣнія моего джентльмена, казавшіяся во время оно ужасными, входили бы въ жизнь, опошливались и въ свою очередь превращались бы въ рутину.

Каждая новая особа, замѣнявшая особу его покровителя съ золотою табакеркою рококо, смотрѣла бы на моего джентльмена сначала съ предубѣжденіемъ, но онъ умѣлъ бы расположить къ себѣ всѣхъ ихъ, сдѣлался бы необходимымъ лицомъ для всѣхъ ихъ и пріобрѣлъ бы окончательное общественное положеніе, превратился бы самъ въ *особу* съ тѣми украшеніями, надъ которыми онъ подсмѣивался въ началѣ и на которыя смотрѣлъ потомъ съ нѣкоторымъ завистливымъ уваженіемъ....

Онъ можетъ быть усвоилъ бы на своей высотѣ всѣ тѣ привычки и манеры, которыя возмущали и приводили въ негодованіе его человѣческое чувство въ молодости: сдѣлался бы недоступнымъ, преслѣдовалъ бы въ свою очередь молодыхъ людей за либерализмъ, называлъ бы ихъ пустыми вредными мальчишками и крикунами; жаловался бы на литературу, остановился бы упорно на своихъ маленькихъ улучшеніяхъ и кое-какихъ преобразованьицахъ и считалъ бы неуживчивыми тѣхъ, которые хотѣли бы идти далѣе его, и сталъ бы къ нимъ въ такое же положеніе, въ какомъ находились относительно его рутинеры и старовѣры его времени.

Заведя по своему положенію великосвѣтскія пріязни и дружбы, очерствѣвъ въ эгоизмѣ, погрязши въ мелкомъ честолюбіи, заразившись внѣшнею пустотою и тщеславіемъ, превратясь въ отчаяннаго оптимиста, онъ уже не заботился бы ни о чемъ болѣе, какъ о собственномъ возвышеніи и о поставленіи своей особы въ такое положеніе, въ которомъ бы можно было свободно пользоваться всѣми благами міра сего....

Но Боже! куда увлекла меня моя фантазія?....

Мой джентльменъ никогда не былъ администраторомъ; онъ не имѣетъ никакого соприкосновенія съ золотыми табакерками рококо; онъ даже отзывается объ самыхъ лучшихъ изъ нихъ съ ядовитою насмѣшкою.... Въ немъ не было никогда замѣтно тѣни чиновничьяго честолюбія и самолюбія.

Его самолюбіе выше всего этого. Оно заключается въ томъ, чтобы быть руководителемъ вкуса, проповѣдникомъ изящнаго, диктаторомъ въ области искусствъ, раздавателемъ дипломовъ на таланты, образователемъ выступающаго на сцену юношества, подающаго, по его мнѣнію, надежды, карателя и преслѣдователя всякихъ вредныхъ, то есть слишкомъ смѣлыхъ идей.

Я никогда не слыхалъ, какъ онъ говоритъ съ юношами, подающими надежду, но я живо воображаю это и какъ бы слышу его краснорѣчивыя диктаторскія слова, обращенныя къ нимъ:

«О, юноши! (говоритъ онъ, или такъ непремѣнно долженъ говорить онъ) вы обладаете несомнѣннымъ дарованіемъ, которое можетъ превратиться въ замѣчательные таланты, если вы будете идти по прямому, по единственному пути, который ведетъ всѣхъ артистовъ къ безсмертію, если вы будете служить только одному искусству, отдаваясь свободно только собственнымъ внутреннимъ порывамъ и не развлекая своего вдохновенія криками, доходящими до васъ извнѣ... Помните, что тотъ, кто обнаруживаетъ сочувствіе къ этимъ крикамъ и воплямъ, измѣняетъ искусству. Чтобы вѣрно служить ему, надобно быть глухимъ и нѣмымъ... Возьмите, юноши! въ примѣръ птицъ небесныхъ, незаботящихся ни о чемъ и не принужденно поющихъ на своихъ вѣткахъ!

«Будьте птицами, взвивайтесь на крыльяхъ вашихъ мыслей также высоко, какъ они, и чѣмъ выше вы взвовьетесь, тѣмъ пѣснь ваша будетъ чище, возвышеннѣе, вдохновеннѣе, объективнѣе и художественнѣе. Тамъ, на этихъ высотахъ, въ поднебесныхъ пространствахъ, все ежедневное, преходящее, житейское, пошлое, насущное, называемое современными вопросами и другими хитрыми именами, не будетъ доходить до васъ и съ той высоты, на которой вы будете парить, покажется вамъ смѣшнымъ, мелкимъ и жалкимъ, не заслуживающимъ вашего высокаго вниманія. Одно общее, вѣчное, непреходящее будетъ предметомъ вашихъ пѣснопѣній....

— Но, осмѣлится замѣтить, вѣроятно, который нибудь изъ этихъ юношей побойчѣе, — но, мудрѣйшій изъ учителей! Въ поднебесныхъ пространствахъ, куда вы приказываете намъ взвиваться, пусто и холодно; къ тому же мы не имѣемъ крыльевъ, какъ птицы, или какія нибудь миѳологическія существа... Мы рождены на землѣ, мы любимъ землю и все земное, мы не можемъ не принимать участія

во всемъ томъ, что вамъ, о мудрый учитель! угодно называть мелочами, пустяками, преходящимъ и ничтожнымъ. Изъ всего этого составляется жизнь наша. Какъ же вы хотите, чтобы мы отрѣшились отъ жизни?... Да и сами вы, о глубокомысленнѣйшій наставникъ! любите эту землю, о которой вы отзываетесь въ минуты реторическаго экстаза съ такимъ презрѣніемъ.... Да! вы ее любите, потому что вы восхищаетесь живописцами и поэтами, воспроизводящими нашу земную природу, изображающими человѣка въ его величіи или въ его паденіи, въ его смѣшныя или роковыя минуты.... Вы любите земную пластическую красоту въ картинѣ, въ статуѣ, а еще болѣе въ самой натурѣ. Глазки ваши, я замѣтилъ это, подергиваются всякій разъ масломъ при встрѣчѣ съ такою красотою и все лицо ваше принимаетъ видъ разслабленнаго умиленія. Вы такъ крѣпко держитесь за тотъ клочекъ земли, который вы зовете своею собственностію, и такъ страстно къ нему привязаны, что каждая соринка на вашей землѣ кажется вамъ драгоцѣнностію.... Вы не прочь отъ земнаго комфорта, вы объ немъ говорите съ такимъ увлеченіемъ, и такъ хорошо устроили себя въ жизни.... Вы, наконецъ, — простите меня за откровенность, учитель! — такъ преданы всякимъ земнымъ и матеріальнымъ наслажденіямъ, такъ любите говорить о забавахъ и веселіи, такъ мило проповѣдуете иногда прелесть эпикуреизма въ литературѣ и въ жизни, что я совершенно недоумѣваю, — зачѣмъ вы насъ хотите непремѣнно отправлять въ воздушныя пространства и отрѣшать отъ всего земнаго и человѣческаго....

— Вы не поняли меня, — строго возразитъ мой джентльменъ съ недовольнымъ видомъ, потому что онъ не любитъ, чтобы ему возражали или противорѣчили въ чемъ нибудь *мальчишки*, ученики....

— Вы неумѣстно перебили меня и не дали мнѣ докончить моей рѣчи, въ которой должна была выразиться моя мысль вполнѣ, такъ что всякія возраженія не имѣли бы уже мѣста.

Слушайте-же....

— Слушайте! Слушайте! повторятъ молодые люди, подающіе надежды.

И навострятъ уши.

— Я вовсе не хочу отрѣшать васъ совсѣмъ отъ земли.... это было бы нелѣпо.... Я хотѣлъ только сказать, что истинный художникъ, истинный поэтъ, человѣкъ служащій искусству для искусства долженъ стоять выше толпы и ея мелочныхъ насущныхъ интересовъ, и чѣмъ выше тѣмъ лучше. Онъ долженъ помнить, что

Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ,

Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ!

Оставьте насущные ежедневные, преходящіе интересы толпѣ, черни. Чернь создана для борьбы и горе художнику, который вмѣшается въ эту борьбу, съ которой искусство не должно имѣть ничего общаго. Для черни горшокъ, въ которомъ она варитъ длясебя кашу, дороже Венеры Милосской. Какое дѣло вамъ, людямъ избраннымъ, до этой тупой черни?.. Не слушайте ея криковъ, повторяю вамъ, не обращайте вниманія на ея нелѣпыя требованія. Идите своею дорогою и помните, что одно только обще-человѣческое должно занимать васъ, если вы хотите прочной славы.... Посмотрите на Гомеровъ, на Шекспировъ....

— Но, несравненный учитель! снова возразитъ бойкій юноша: — куда намъ до Гомеровъ и до Шекспировъ!... Къ тому же — искусство нашего времени не можетъ творить равнодушно: оно не можетъ уже имѣть того величаваго спокойствія, которое является въ произведеніяхъ геніальныхъ людей прошедшаго... Они не имѣли понятія о тѣхъ требованіяхъ, которыя возникаютъ теперь отовсюду; они не видѣли вокругъ себя пробуждающагося сознанія къ новой, лучшей, болѣе человѣческой жизни.... О мудрый наставникъ! Нельзя же намъ въ самомъ дѣлѣ смотрѣть равнодушно на страданія нашихъ братьевъ, не протягивая имъ руку помощи....

— Нѣтъ!

При этомъ юноша можетъ быть одушевится негодованіемъ и воскликнетъ:

— Да предастся вѣчному забвенію ваше безжалостное искусство, если оно только заботится въ такія минуты, какія переживаемъ мы, о себѣ самомъ, о собственной красотѣ и о доставленіи удовольствія людямъ богатымъ и празднымъ. Я не хочу служить такому себялюбивому и безжалостному искусству. Какое мнѣ дѣло до славы?... Если мой ближній будетъ умирать передо мною въ тоскѣ и мученьяхъ голода, а я, насыщенный утонченными блюдами, буду передъ нимъ пѣть равнодушно сладкія пѣсни, не обращая на умирающаго никакого вниманія, я позволю себя назвать самымъ презрѣннѣйшимъ изъ людей, если бы даже имѣлъ талантъ Шекспира!

О, если бы въ самомъ дѣлѣ произнесена была такая рѣчь передъ моимъ джентльменомъ, особенно въ ту минуту, когда бы онъ собирался по приглашенію обѣдать съ друзьями у Дюссо или у Донона и его воображенію рисовались бы пулярки съ трюфелями, драгоцѣн-

ныя вина, утонченная и умная бесѣда избранныхъ друзей, онъ не могъ бы, несмотря на свою натуру джентльмена, подавить въ себѣ страшнаго взрыва негодованія, злобы и боязни, которыя бы должны были пробудить въ немъ эти слова....

Онъ навѣрно осмотрѣлъ бы съ презрительной ироніей съ головы до ногъ смѣлаго юношу и произнесъ бы задыхаясь:

— Я вижу, милостивый государь, что вы заражены нелѣпыми теоріями разныхъ безумныхъ ученій.... и потому съ вами мнѣ и говорить безполезно. Мы не поймемъ другъ друга.... Я долженъ вамъ замѣтить только, что эти ученія съ презрѣніемъ отвергнуты самыми высокими умами и они уже обратились въ смѣшное.... Ихъ серьёзно могутъ принимать только мальчишки.... Вы что̀: соціалистъ, коммунистъ, красный?

— Ни то, ни другое, ни третье, — могъ бы отвѣчать покойно юноша: — я не зараженъ никакими ученіями, я не слѣдую никакимъ теоріямъ; но мой здравый разсудокъ заставляетъ меня различать добро отъ зла, а сердце сочувствовать страданіямъ бѣдныхъ, слабыхъ, притѣсненныхъ и страждущихъ.... Я знаю еще, что всякія истины встрѣчаютъ упорное препятствіе въ рутинѣ и общихъ мѣстахъ....

— Что вы разумѣете подъ рутиной, подъ общими мѣстами; гдѣ вы видите притѣсненныхъ и страждущихъ? Все это нелѣпость, все это выдумки мальчишекъ или безпокойныхъ людей, враговъ порядка.... Для страждущихъ устроены больницы, для бѣдныхъ — общество благотворительности, для слабыхъ умомъ — сумасшедшіе дома.... Передѣлывать человѣчество по теоріямъ, сударь, нельзя.... Оно развивается разумно постепенно и осторожно подъ направленіемъ, надзоромъ и вліяніемъ высшихъ административныхъ и литературныхъ умовъ, которые имѣютъ законное право распоряжаться невѣжественною толпою и дисциплинировать ее, зная, что̀ ей полезно и вредно.... Чистому же искусству во всякомъ случаѣ въ эти дѣла вмѣшиваться не слѣдуетъ. Чистое искусство имѣетъ свой особенный, отдѣльный, замкнутый, независимый міръ....

Послѣ этого мой джентльменъ можетъ быть смягчился бы нѣсколько и снисходительно произнесъ бы въ заключеніе:

— Перестаньте, милый мой, умничать, накидывать на себя страданіе, порываться къ невозможному. Въ жизни, повѣрьте мнѣ, все устроено разумно и прекрасно, всему своя череда, все улучшается понемногу и совершенствуется временемъ. Время умнѣе насъ съ вами. Что же касается до искусства, то Бога ради не унижайте его до служенія временнымъ, ничтожнымъ общественнымъ интересамъ.

Это святотатство.... Если вы не рождены быть художникомъ въ высшемъ значеніи слова, но имѣете литературное дарованіе,—пишите веселыя повѣсти, забавные и острые фельетоны, развлекайте, смѣшите, забавляйте насъ и оставьте въ покоѣ всѣхъ этихъ, какъ вы говорите, угнетенныхъ, страждущихъ и всѣ эти пошлыя книжонки, сочувствующія имъ: все это старо, пошло и отзывается дурнымъ тономъ, — простите за откровенность.... Пора теперь разстаться намъ и съ этой такъ называемой *обличительной* литературой! Довольно съ насъ этихъ обличеній! Вашими карами и изобличеніями вы не сдѣлаете вдругъ людей совершенными и добродѣтельными. Всякое явленіе имѣетъ свою причину, все идетъ къ лучшему, въ этомъ нельзя сомнѣваться. О чемъ же вы безпокоитесь?...

Въ самомъ дѣлѣ, о чемъ же безпокоиться?

Еще мудрый наставникъ Кандида, — Панглоссъ училъ, что ничто не можетъ быть иначе, какъ есть; что все совершается къ лучшему; что носы созданы для очковъ, ноги для обуви, камни для того, чтобы ихъ обтесывать и строить изъ нихъ дворцы и замки; богатые и сильные бароны для того, чтобы жить въ роскоши.... и такъ далѣе, словомъ — все прекрасно и все къ лучшему....

Да здравствуетъ же оптимизмъ Панглосса и всѣ современные Панглоссы, которыхъ развилось у насъ въ послѣднее время такъ много! Имъ хорошо жить на свѣтѣ!...

Теперь поговоримъ о чемъ нибудь другомъ. Намъ еще надобно сообщить читателямъ то, что занимало и развлекало петербургскихъ жителей въ теченіе іюля мѣсяца....

Начнемъ съ морскаго смотра въ Кронштатскомъ рейдѣ, бывшаго 11 іюля.

Смотръ этотъ представлялъ великолѣпное зрѣлище.

Не болѣе, какъ четыре года назадъ тому — только четыре! русскій флотъ имѣлъ одни парусные карабли.... О винтовыхъ или паровыхъ судахъ и помину не было. Онъ представлялъ тогда, надо сознаться, довольно печальный анахронизмъ, потому что нѣсколько великолѣпныхъ императорскихъ пароходовъ не имѣли другаго назначенія, какъ перевозить Императора, императорскую фамилію и дворъ.... Правда, былъ одинъ винтовый фрегатъ, называвшійся *Полканомъ*, одиноко и печально стоявшій въ 1854 г. на кронштадтскомъ рейдѣ передъ могущественнымъ флотомъ, въ которомъ было до 12 подобныхъ фрегатовъ.

Нынѣшнее лѣто Государь дѣлалъ смотръ своему флоту, и флотъ этотъ весь состоялъ уже изъ паровыхъ судовъ и по большей части изъ винтовыхъ.... Всего кораблей и фрегатовъ было 21 на

этомъ смотру. Мы не считаемъ многочисленную флотилію, состоящую изъ канонерскихъ лодокъ, тоже винтовыхъ, и тѣ корабли, фрегаты, клиперы и корветы, которые въ отсутствіи.

Флотъ былъ построенъ въ двѣ линіи, начиная отъ новаго строющагося форта до того порта, на которомъ находится таможня.... Погода была удивительная. Солнце затопляло своимъ блескомъ рейдъ и городъ. Рама, въ которой вставлена была эта картина, была прекрасна. Къ югу живописные берега Петергофа и Ораніенбаума съ ихъ зданіями, лѣсами и лугами. Къ востоку куполъ Исакіевскаго собора, Петропавловскій шпицъ, линія бѣлѣющихся зданій Петербурга. Къ западу заливъ, сливающійся съ горизонтомъ; къ сѣверу огромныя массы гранита, изъ-за котораго выглядывали тысячи пушекъ, — Кронштатъ, окруженный безчисленными мачтами судовъ, принадлежащихъ различнымъ націямъ.

Вотъ въ какомъ порядкѣ выстроены были карабли для смотра:

Корабли:	Фрегаты, корветы и проч.
Цесаревичь.	Грозящій, — колесный фрегатъ.
Прохоръ.	Храбрый, — тоже.
Вола.	Калевала, — корвертъ.
Константинъ.	Посадникъ, — тоже.
Синопъ.	Камчатка, — колес. и винтов. фрегатъ.
Выборгъ.	Илья-Муромецъ, — винтовый фрегатъ.
Орелъ.	*Генералъ-Адмиралъ*, — тоже.
	Свѣтлана, — тоже.
	Олафъ, — колесный фригатъ.
	Разбойникъ, — клипперъ.
	Наѣздникъ, — тоже.
	Штандартъ, — Императорская яхта.

Надобно замѣтить, что *Генералъ-Адмиралъ* фрегатъ, недавно приведенный изъ Америки, подъ командою капитана Шестакова, надзиравшаго тамъ за его постройкою, — отличается удивительною отдѣлкою, внѣшнею красотою и удобствами, и, говорятъ, быстротою хода. Это самый большой изъ военныхъ паровыхъ фрегатовъ нашихъ.

Я имѣлъ случай осмотрѣть его черезъ нѣсколько дней послѣ смотра, въ подробности.

Я пріѣхалъ въ Кронштатъ именно съ этою цѣлію, не зная впрочемъ навѣрно, удастся ли мнѣ эта цѣль, потому что я не имѣлъ въ Кронштатѣ никого знакомыхъ. — Извощикъ довезъ меня до

гавани и указалъ на Генералъ-адмирала. Остановясь передъ нацщною громадою, я обратился къ часовому и спросилъ его:

— Можноли осмотрѣть фрегатъ?

— Не знаю, отвѣчалъ онъ: — надобно спросить у вахтеннаго офицера....

Я обратился къ офицеру и просилъ его позволенія, назвавъ свое имя.

— Сдѣлайте одолженіе, отвѣчалъ онъ съ утонченною вѣжливостію: — я очень радъ, что узналъ, кто вы; но мы дозволяемъ осматривать нашъ фрегатъ рѣшительно всѣмъ, кому угодно. Намъ очень пріятна такая любознательность.

Черезъ минуту послѣ этого, онъ смѣнился съ вахты и любезно предложилъ мнѣ свои услуги быть моимъ чичероне.

Обзоръ нашъ продолжался около трехъ четвертей часа....

Мы то спускались, то подымались по чугуннымъ очень удобнымъ лѣстницамъ, и я, по милости моего чичероне, не пропустилъ ничего сколько нибудь замѣчательнаго на фрегатѣ. Онъ съ такимъ радушіемъ посвящалъ меня во всѣ таинства этого пловучаго огромнаго дома, въ которомъ болѣе 600 обитателей, съ такою любовію знакомилъ меня съ морскою жизнію, что я готовъ бы былъ пойти въ моряки.... еслибъ не мои преклонныя лѣта и не морская болѣзнь, которой я подверженъ.

Когда у насъ зашла рѣчь о морской болѣзни, я замѣтилъ моему обязательному чичероне, что я знаю такого счастливца, (и притомъ вовсе не моряка) у котораго во все его плаваніе кругомъ свѣта даже голова не закружилась ни разу.

— Кто же это? спросилъ меня офицеръ.

— Гончаровъ.

— О! Да это правда. Я вѣдь ходилъ кругомъ свѣта вмѣстѣ съ Иваномъ Александрычемъ.

Всего любопытнѣе, разумѣется, показалось мнѣ на Генералъ-адмиралѣ, какъ человѣку непонимающему никакого толка въ морскомъ дѣлѣ, капитанскія каюты, отдѣланныя съ величайшимъ вкусомъ и комфортомъ; каюты Генералъ-Адмирала, которыя впрочемъ въ гораздо меньшемъ размѣрѣ, и кухня, въ которой приготовляется разомъ на 600 человѣкъ.... Но обратимся къ морскому смотру.

Въ половинѣ двѣнадцатаго часа, Государь, въ сопровожденіи Великаго Князя Константина Николаевича и многочисленной свиты, отправился въ Кронштатъ на Императорскомъ пароходѣ *Александрія*, который постоянно стоитъ у Петергофской дворцовой при-

стави. На другихъ двухъ пароходахъ, *Стрѣлька и Фонтанка*, отправились особы Двора. Когда эта небольшая флотилія приблизилась къ двойной линіи кораблей, по данному сигналу, всѣ матросы побѣжали по вантамъ. По другому сигналу разбѣжались по реямъ и образовали изъ себя живыя гирлянды. Все это было выполнено съ быстротою и ловкостію необыкновенною.

Императорскій пароходъ пошелъ по линіи кораблей и фрегатовъ, Государь здоровался съ экипажемъ каждаго изъ нихъ и съ каждаго корабля раздавалось троекратное ура!... Когда поднятъ былъ на Императорскомъ пароходѣ штандартъ, съ флоту и фортовъ раздалась страшная, оглушительная канонада: тысячи пушечныхъ выстрѣловъ послѣдовали одинъ за другимъ, — и когда бѣлый дымъ разсѣялся въ воздухѣ, корабли и фрегаты явились украшенными разноцвѣтными флагами. Это было необыкновенно живописно. Затѣмъ Государь осмотрѣлъ корабли Константинъ и Синопъ и отправился обратно въ Петергофъ въ 3 часа и три четверти.

Говорятъ, что изъ Петербурга въ Сестербекъ проведется скоро шоссе. Шоссе это пойдетъ черезъ Новую и Старую деревню и Лахту. — Это прекрасно.

Шоссе — вещь очень хорошая, если только оно хорошо устроено и содержится, какъ слѣдуетъ.

По Шлиссельбургской дорогѣ также шоссе. Чего бы казалось лучше?

Но, Боже мой! если бы вы могли вообразить, въ какомъ видѣ находилось это шоссе прошлой осенью и въ мартѣ и апрѣлѣ 1859 года, — и замѣтьте еще въ чертѣ города, у самаго Императорскаго стекляннаго завода!

Щебенки не оставалось слѣдовъ, провалы и ямы были на каждомъ шагу.... и въ этихъ ямахъ кучами наваленный хворостъ. Извощики или вовсе туда не ѣхали, или брали втрое.

А между тѣмъ Шлиссельбургскій трактъ одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ трактовъ; онъ проходитъ у самаго берега Невы, и здѣсь на разстояніи 15 верстъ отъ Петербурга находятся: Императорскіе стеклянный и фарфоровый заводы со слободами, Александровскій чугунно-литейный заводъ, Александровская фабрика и множество частныхъ заводовъ, бумаго-прядильныхъ и другихъ фабрикъ.

Технологическій институтъ въ Петербургѣ вскорѣ, говорятъ, получитъ совершенное преобразованіе.

Вотъ нѣкоторыя любопытныя подробности касательно этого преобразованія, заимствованныя нами изъ газетъ:

1. Курсъ теоретическихъ занятій продолжится пять лѣтъ; шестой годъ будетъ посвященъ практическимъ фабричнымъ и другимъ промышленнымъ занятіямъ.

2. Въ институтѣ будутъ принимаемы дѣти всѣхъ свободныхъ состояній, начиная съ 15-лѣтняго возраста до 18, включительно. Для вступленія необходимы слѣдующія предварительныя знанія: переводить съ русскаго на французскій и нѣмецкій языки, часть алгебры и геометріи, всеобщая исторія и въ особенности исторія русская, географія и преимущественно географія Россіи, умѣнье рисовать и чертить.

3. Курсъ занятій будетъ раздѣленъ на курсъ пріуготовительный и курсъ спеціальный, съ подраздѣленіями. Въ первомъ ученики будутъ обучаться алгебрѣ, геометріи, физикѣ, зоологіи, батаникѣ, минералогіи, горному искусству, статистикѣ, политической экономіи, законодательству, относящемуся до коммерціи и мануфактуръ, знакомству съ товарами и веденію бухгалтерскихъ книгъ. Кромѣ этого — Закону Божію и языкамъ: французскому и нѣмецкому (при такой роскоши обученія не мѣшало бы ввести ужь и англійскій языкъ, не безполезный для человѣка коммерческаго).

Въ спеціальныхъ классахъ будетъ преподаваться: органическая и неорганическая, аналитическая и промышленная химія, техническая физика, механика, технологія, архитектура и строительное искусство.

Часть практическая остается на прежнемъ основаніи. Для возможнаго усовершенствованія въ практическихъ знаніяхъ, предполагается учрежденіе техническаго музея, по примѣру парижскаго и лондонскаго.

4. Воспитанники по окончаніи полнаго курса будутъ награждаемы званіемъ почетныхъ гражданъ, и по истеченіи 5 лѣтъ тѣ изъ нихъ, которые напишутъ ученый трактакъ, — если этотъ трактакъ будетъ одобренъ конференціею института, — получатъ право на наслѣдственное почетное гражданство.

Этому преобразованію — институтъ будетъ обязанъ нынѣшнему министру финансовъ, А. М. Княжевичу.

Носятся слухи о многихъ преобразованіяхъ въ Академіи Художествъ. Дай Богъ, чтобы онѣ были къ лучшему. Мы впрочемъ не имѣемъ права сомнѣваться въ этомъ, потому что вице-президентомъ академіи назначенъ теперь человѣкъ, любящій искусство и самъ прекрасный артистъ — князь Гагаринъ; непремѣннымъ секретаремъ, вмѣсто г. Григоровича, — знатокъ и любитель искусства Ѳ. Ѳ.

Львовъ, дѣятельности котораго много обязано Общество поощренія художниковъ.

Объ этомъ обществѣ и его постоянной выставкѣ мы надѣемся скоро поговорить подробно.

Кстати объ искусствахъ. Журналъ: «Le Nord» увѣдомляетъ, что превосходная статуя Морской Венеры, нѣсколько лѣтъ тому найденная въ бывшихъ садахъ Юлія Цезаря, пріобрѣтена для С.-Петербургскаго Музея (Эрмитажа?) за 50,000 франковъ Многіе изъ знатоковъ искусства предпочитаютъ эту Венеру Венерѣ Медицейской.

За достовѣрность этого, впрочемъ, мы не отвѣчаемъ, потому что «Nord» сообщаетъ часто извѣстія, неимѣющія никакого основанія. Къ такимъ извѣстіямъ особенно относятся присылаемыя изъ Россіи. Мы совѣтовали бы редакціи этого журнала обратить на это вниманіе и попросить своихъ петербургскихъ корреспондентовъ быть нѣсколько осторожнѣе въ выборѣ извѣстій и не довѣряться безотчетно всѣмъ нелѣпымъ слухамъ, Богъ знаетъ откуда доходящимъ до нихъ. Мы протестовали въ прошедшемъ нумерѣ противъ одного изъ такихъ извѣстій, касающагося собственно до насъ. Прежде чѣмъ извѣщать о томъ, будто (неизвѣстно почему) гг. Плетневъ и Лакіеръ вдругъ станутъ съ будущаго года издавать журналъ, двѣнадцать лѣтъ издаваемый Панаевымъ и Некрасовымъ, а Панаевъ и Некрасовъ будутъ издавать (также неизвѣстно почему) какой-то *Временникъ*, — г. корреспонденту стоило бы потрудиться навести справку объ этомъ въ редакціи «Современника».... Мы не понимаемъ, что̀ за охота распространять слухи, неимѣющіе никакого смысла!...

О загородныхъ удовольствіяхъ въ іюлѣ мѣсяцѣ мы много распространяться не будемъ. Всѣ эти виллы, воксалы, минеральныя воды и проч. если не процвѣтаютъ, то по крайней мѣрѣ посѣщаются усердно любителями увеселеній, особенно съ половины лѣта, когда вечера сдѣлались темнѣе. Тамъ поютъ цыгане, французскіе пѣвцы, тирольцы, показываются карлики, великаны и великанши, зажигаются разноцвѣтные фонари, пускаются фейерверки, оттуда летаютъ шары съ барышнями и безъ барышень... все какъ слѣдуетъ. Обо всемъ этомъ такъ подробно и такъ хорошо разсказываютъ разные фельётонисты, что намъ ужь ничего не остается сказать. Эти остроумные господа называютъ минеральныя воды фамильярно *минералками* и продолжаютъ отзываться съ величайшими похвалами объ изобрѣтательности, вкусѣ и дѣятельности несравненнаго г. Излера, прибавляя, что у него очень много почитателей и прочее.

Этотъ неизбѣжный Излеръ, его почитатели и остроумные фельетонисты, каждое лѣто восхваляющіе его однѣми и тѣми же фразами — все это такъ старо, пошло и такъ (вѣроятно) надоѣло читателямъ, что наконецъ становится стыдно и неприлично даже упоминать объ этихъ загородныхъ увеселеніяхъ.

Перейдемъ лучше къ скачкамъ, происходившимъ 31 іюля въ Красномъ Селѣ, въ присутствіи Государя Императора.

Два приза было назначено для этихъ скачекъ: одинъ императорскій, другой отъ администраціи государственнаго коннозаводства.

a) Двумъ верховымъ лошадямъ, наилучше выдрессированнымъ.

b) Для лошадей тяжелой кавалеріи—дистанція одна верста.

c) Для лошадей легкой кавалеріи, піонеровъ и конной артиллеріи—одна верста.

d) Для steeple-chase различныхъ лошадей—дистанція три версты.

Третій призъ любителей — курсъ двѣ версты для различныхъ лошадей.

Въ $8\frac{1}{2}$ часовъ утра я пріѣхалъ на дебаркадеръ петергофской желѣзной дороги, чтобы отправиться въ Красное Село, а изъ Краснаго Села въ Петергофъ. Со мною были вещи, которыя я хотѣлъ отослать прямо въ Петергофъ.

Я обратился къ одному изъ кондукторовъ желѣзной дороги и спросилъ его:

— Какимъ образомъ это устроить?

— Поѣздъ въ Петергофъ, отвѣчалъ онъ мнѣ,—отправляется теперь въ 10 часовъ и 10 минутъ. Вещи ваши мы отправимъ на этомъ поѣздѣ къ петергофскому кассиру, и вы ихъ получите въ цѣлости отъ него.

— И это вѣрно?... Мнѣ необходимо, чтобы эти вещи были въ Петергофѣ къ моему пріѣзду — только къ 4 часамъ.

— Да они будутъ непремѣнно въ 11 часовъ въ Петергофѣ. Не угодно ли вамъ пожаловать сюда, написать ерлычекъ и вашу фамилію, а ужь тамъ не безпокойтесь.

Служитель привелъ меня въ комнату, гдѣ устроенъ телеграфъ, связалъ мои вещи веревкою и прицѣпилъ къ ней ерлычекъ, прибавивъ: «ужь будьте благонадежны».

Я заплатилъ ему за его услугу, взялъ билетъ въ Красное Село и тотчасъ же сѣлъ въ карету, совершенно успокоенный касательно моихъ вещей.

Вѣтвь желѣзной петергофской дороги, идущая въ Красное Село, начинается отъ первой станціи, то есть отъ Лигова (имѣніе графи-

ни Кушелевой), и идетъ верстъ 8 по ровной мѣстности (всего пути 12 верстъ), вправо поле, покрытое кустарниками и деревьями, влѣво большое открытое пространство, на которомъ вдали изрѣдка мелькаютъ деревни. Приближаясь къ Красному Селу, почва значительно поднимается, такъ что локомотивъ проходитъ между двухъ довольно высокихъ насыпей и останавливается на минуту у мостковъ, нарочно устроенныхъ недалеко отъ мѣста скачки. Отсюда виденъ на возвышеніи царскій павильонъ и длинная галлерея для зрителей, украшенная разноцвѣтными флагами.

Здѣсь нѣсколько человѣкъ вышли изъ вагоновъ и отправились прямо къ мѣсту скачекъ. Былъ десятый часъ въ началѣ, скачки должны были начаться въ $^1/_2$ 12 часа. Слѣдовательно еще оставалось 2 часа. Провести два часа въ открытомъ полѣ и при начинавшемся довольно холодномъ зефирѣ, было бы не совсѣмъ пріятно и удобно, поэтому я отправился далѣе съ поѣздомъ.

Дебаркадеръ желѣзной дороги Краснаго Села небольшой, деревянный, очень красиво и удобно расположенный, построенъ противъ самаго села, почти на разстояніи полуторы версты отъ него, противъ того мѣста, гдѣ расположенъ на скатѣ возвышенности царскій садъ. Вправо отъ дебаркадера на верху изъ кущи деревьевъ этого сада выглядываютъ дома, въ которыхъ помѣщается Государь Императоръ и Высочайшая Фамилія во время пребыванія въ Красномъ Селѣ; немного вправо красносельская церковь и далѣе самое село, которое тянется на довольно большое пространство. Влѣво отъ дебаркадера бѣлѣются безчисленныя палатки лагеря.

Въ числѣ пассажировъ, прибывшихъ въ Красное Село съ нашимъ поѣздомъ, было много дамъ.

Я пошелъ къ кассѣ, касса оказалась запертою. Здѣсь, въ комнатѣ, имѣющей видъ ротонды, расположилось между прочимъ семейство, состоявшее изъ пожилой барыни съ нѣсколькими барышнями. Офицеръ, стоявшій у запертаго окна кассы, тщетно вызывавшій кассира и острившій на его счетъ, обратился наконецъ назадъ, встрѣтился глазами съ пожилою барынею, очень пышно разодѣтою, и раскланялся съ нею.

— Вообразите себѣ, m-r N., произнесла она, сжимая губы и любезно улыбаясь: — мы въ отчаяніи. Отсюда до скачекъ двѣ версты, мои сыновья обѣщали выслать намъ сюда экипажъ, и экипажа нѣтъ до сихъ поръ. *Сетъ афре!* Я не понимаю, что это значитъ.... Что мы будемъ дѣлать теперь?... Представьте себѣ — имѣть сыновей двухъ кавалерійскихъ офицеровъ, и быть въ такомъ положеніи! Не тащиться же намъ пѣшкомъ, согласитесь.... *се тре дезагреабль!*

— *Вуй*, *севре*, *ме* — отвѣчалъ офицеръ и докончилъ фразу по-русски: — но вѣроятно вамъ экипажъ вышлютъ.... теперь еще рано.

Затѣмъ офицеръ юркнулъ въ толпу, а барыня обратилась съ тѣмъ же къ другому господину, незнакомому ей, и все повторяла: «у меня два сына, оба въ кавалеріи, и вообразите — быть въ такомъ положеніи»....

Черезъ нѣсколько минутъ офицеръ закусывалъ въ буфетѣ, на ставкѣ котораго стояли водки и неизбѣжные бутерброды съ горькимъ масломъ, чорствымъ языкомъ и мещерскимъ сыромъ; офицеръ кричалъ:

— Да гдѣ же кассиръ? Да что же не открываютъ кассу? Какъ мнѣ отсюда попасть въ Петергофъ? Мнѣ непремѣнно надо быть въ пятомъ часу въ Петергофѣ!

На крики эти явился комиссаръ желѣзной дороги и успокоилъ офицера, объявивъ ему, что онъ очень легко можетъ попасть въ Петергофъ на томъ поѣздѣ, который выходитъ изъ Петербурга въ 3 часа 40 минутъ, если онъ отправится изъ Краснаго въ Лигово въ $3^1/_2$ часа.

Мнѣ также надобно было быть въ Петергофѣ къ 5 часамъ, и это объявленіе меня успокоило.

— Но билеты! что жь билеты?... возражалъ офицеръ.—Скажите кассиру, чтобы мнѣ выдали билетъ.... Возьмите деньги.

— Билета не нужно. Мы всѣхъ петергофскихъ захватимъ послѣ скачекъ....

Послѣ этого офицеръ исчезъ, пріѣхавшая публика начинала расходиться и разъѣзжаться, и я отправился пѣшкомъ къ мѣсту скачекъ.

Дорога туда была довольно грязная (іюль мѣсяцъ отличался ежедневными дождями), и я былъ очень радъ попавшемуся мнѣ на встрѣчу извощику, который спросилъ съ меня рубль за $1^1/_2$ версты и согласился послѣ долгихъ разсужденій везти за 40 копѣекъ.

Билета въ галлерею у меня не было. Билеты (безденежные) надобно было получать, какъ замѣтилъ мнѣ господинъ съ торжествомъ державшій билетъ, въ Петербургѣ.... Нечего было дѣлать: я пріютился близь галлереи, вѣтеръ въ это время усилился, и меня начало продувать насквозь. До скачекъ оставался еще часъ.

Однако черезъ четверть часа появился офицеръ съ билетами.

Человѣкъ двадцать бросились къ нему съ требованіями.

Онъ у каждаго спрашивалъ:

— Для кого вамъ билетъ?

— Для себя.

— Въ такомъ случаѣ извините. Если для дамы — это другое дѣло.

Я дрожалъ отъ холода и для спасенія жизни рѣшился на обманъ и смѣло подошелъ къ офицеру:

— Позвольте мнѣ билетъ *для* дамы, сказалъ *я*, прямо глядя ему въ глаза.

Офицеръ любезно улыбнулся мнѣ и сказалъ:

— Съ большимъ удовольствіемъ.

Я отправился въ галлерею отогрѣваться. Половина галлереи оказалась пустою. Для чего жь было такъ дорожить билетами?...

Порядокъ испытанія офицерскихъ лошадей отдѣльнаго гвардейскаго корпуса (какъ сказано въ афишѣ, напечатанной на отличной веленевой бумагѣ; афиши раздавали всѣмъ желающимъ) открылся въ половинѣ двѣнадцатаго ѣздою высшей школы въ нарочно устроенномъ для сего манежѣ противъ царскаго павильона. Изъ галлереи ѣзды этой видѣть не было никакой возможности. Говорятъ, первый императорскій призъ получилъ корнетъ кавалергардскаго полка *Гаряиновъ*. Лошадь «Мирза» 8 л. 4 верш. завода Арапова. Кто выѣзжалъ ее, — неизвѣстно.

Въ 12 часовъ прибылъ Государь Императоръ съ Государынею Императрицею и вслѣдъ затѣмъ открылись:

1) Скаковые призы для фронтовыхъ лошадей: легкой кавалеріи, конной артиллеріи и конно-піонеровъ. Состязателей было 8, первый призъ въ 250 р. отъ государственнаго коннозаводства взятъ полковникомъ уланскаго полка *Дохтуровымъ*. Лошадь «Маргунъ» 7 л. $2^1/_2$ верш. завода Петровскаго.

2) Скаковые призы для фронтовыхъ лошадей тяжелой кавалеріи. Состязателей было четверо. Первый призъ въ 250 р. отъ государственнаго коннозаводства взялъ корнетъ *Озеровъ*. Лошадь «Веста» 9 л. 4 вершк. завода князя Барятинскаго.

3) Призы для скачки съ препятствіями. Состязателей было 10. Прежде всѣхъ дошла лошадь корнета, графа Воронцова-Дашкова, — «Лаки-Бардъ» (Loocky-Bird), — $2^1/_2$ верш; привезена изъ Англіи; скакалъ на ней корнетъ Базилевскій. Но перваго приза лошадь эта, говорятъ, не получила, потому что не перескочила препятствія.

5) Состязаніе съ оружіемъ верхами. Состязаніе это не было продолжительно и не представляло особеннаго интереса.

Наконецъ 6) въ заключеніе были призы *для* частной двухверстной скачки. Состязателей было 15. Первый призъ въ 450 р. взятъ—

штабсъ-ротмистромъ уланскаго Его Величества полка *Болдаревымъ*. Лошадь «Желанный» $2^3/_4$ вершк. завода государ. кон. Чесменскаго.

Скачки окончились около 2 часовъ.

Я отправился къ мосткамъ, устроеннымъ противъ скачекъ по желѣзной дорогѣ. На мосткахъ было уже довольно ожидающей публики: однимъ надо было отправиться въ Петергофъ, другимъ въ Петербургъ. По случаю стеченія публики въ этотъ день, администрація петергофской желѣзной дороги пригласила кондукторовъ съ варшавской желѣзной дороги, которые не знали положительно ни часовъ отправленія, ни порядковъ.... На вопросы: — остановится ли первый поѣздъ, который пойдетъ изъ Краснаго въ Петербургъ, въ Лиговѣ?—они отвѣчали утвердительно, что всякій поѣздъ непремѣнно останавливается въ Лиговѣ.

Вслѣдствіе этого всѣ тѣ, которымъ надо было ѣхать въ Петергофъ, доѣхали без билетовъ до Краснаго Села, съ поѣздомъ, шедшимъ изъ Петербурга и остановившимся у мостковъ.

Въ Красномъ Селѣ я потребовалъ билетъ до Лигова, спросивъ сначала у кассира, остановится ли поѣздъ въ Лиговѣ; я разсчитывалъ, что я лучше въ Лиговѣ подожду трехъ-часоваго поѣзда, идущаго изъ Петербурга въ Петергофъ. — Кассиръ отвѣчалъ мнѣ положительно, что поѣздъ остановится въ Лиговѣ, и выдалъ мнѣ билетъ до *Лигова*.

Несмотря на эти увѣренія и на билетъ, выданный мнѣ *до Лигова*, къ непріятному изумленію всѣхъ, отправлявшихся въ Петергофъ, поѣздъ промчался мимо Лигова и привезъ насъ въ Петербургъ. Слѣдовательно, пространство отъ Лигова до Петербурга, отправлявшіеся въ Петергофъ, проѣхали *даромъ*.

Дѣлать было нечего: къ счастію, мы поспѣли къ поѣзду, выходящему изъ Петербурга въ 3 часа 40 минутъ.

О вещахъ моихъ я не считалъ нужнымъ справляться на петербургской станціи, будучи увѣренъ, что эти вещи находятся давно въ Петергофѣ у кассира.

Въ $^1/_2$ 5-го я наконецъ достигъ Петергофа и отравился къ кассиру за моими вещами.—Кассира не было.—Я обратился къ кондуктору, который повелъ меня въ кассирскую комнату. Мы обшарили всѣ углы, — вещей моихъ не оказалось.... Тогда кондукторъ отправился на квартиру къ кассиру и черезъ четверть часа возвратился, объявивъ, что кассиръ никакихъ вещей изъ Петербурга на мое имя не получалъ.

Вещи были необходимы мнѣ въ этотъ же день. Надо было спросить по телеграфу: «что сталось съ этими вещами?»

Я отправился къ телеграфщику, но онъ оказался въ отсутствіи, и несмотря на всѣ хлопоты кондукторовъ, его не могли сыскать.

Комиссаръ былъ въ Красномъ Селѣ, я не зналъ что дѣлать; но около меня собралось нѣсколько кондукторовъ, которые обѣщали мнѣ непремѣнно доставить мои вещи рано на другой день, если онѣ отыщутся на петербургской станціи.

На другой день я, однако, тщетно ждалъ вещей до 12 часовъ и отправился наконецъ въ Петергофъ для узнанія, какая участь постигла эти вещи.

Вещи были возвращены мнѣ въ цѣлости. Онѣ привезены были на другой день съ 10-часовымъ поѣздомъ изъ Петербурга. Дѣло было очень просто: петербургскій кондукторъ взялъ съ меня деньги, а вещи забылъ отправить....

Эти похожденія мои, по случаю скачекъ, я передалъ въ подробности для того, чтобы обратить вниманіе администраціи петергофской желѣзной дороги на нѣкоторыя неисправности, которыя она легко можетъ усмотрѣть изъ моего разсказа.

Намъ кажется, что 1) кондукторы не должны принимать никакихъ вещей отъ пассажировъ, а адресовать въ такихъ случаяхъ пассажировъ къ кассирамъ. Кассиры же должны отвѣчать за исправность доставленія пассажирскихъ вещей — и выдавать имъ контрамарки на отправленныя вещи.

2) Телеграфщикъ долженъ неотлучно находиться при телеграфѣ, по крайней мѣрѣ полчаса, или часъ послѣ пріѣзда поѣзда.

3) Объявленія въ такихъ исключительныхъ случаяхъ, каковъ былъ 31 іюля, объ отправленіи поѣздовъ должны печататься опредѣленнѣе и яснѣе, публиковаться заранѣе во всѣхъ ежедневныхъ газетахъ, прибиваться въ большомъ количествѣ на всѣхъ станціяхъ и дебаркадерахъ, чтобы не вводить въ сомнѣніе пассажировъ....

Мы надѣемся, что администрація петергофской желѣзной дороги не будетъ сѣтовать на насъ за эти небольшія замѣчанія.

Въ заключеніе нашихъ замѣтокъ скажемъ нѣсколько словъ о журналахъ, преждевременно окончившихъ въ нынѣшнемъ году свое существованіе.

Къ таковымъ принадлежатъ, за исключеніемъ «Паруса» и «Польскаго Слова», прекратившихся по независящимъ отъ редакцій обстоятельствамъ, сколько мы помнимъ:

1) «Атеней».
2) «Русскій Дневникъ».
3) «Весельчакъ».
4) «Мода».
5) «Гудокъ».

«Атеней», *истощивъ въ борьбѣ съ равнодушіемъ публики*, какъ онъ выражается, *свои скудныя средства*, прекращаетъ свое изданіе единственно по этой причинѣ. Но редакція его принимаетъ на себя *обязанность*, какъ и слѣдуетъ въ такомъ случаѣ всякой честной редакціи, вознаградить *немногихъ* своихъ подписчиковъ за недоданныя книжки журнала, или деньгами по разсчету, или, кто пожелаетъ, тѣми изданіями, которыя редакція предпринимаетъ, именно — переводомъ одного изъ лучшихъ курсовъ всеобщей исторіи.

Мы искренно сожалѣемъ о преждевременной кончинѣ этого журнала, не лишеннаго нѣкоторыхъ достоинствъ, какъ сознаетъ сама редакція. Дѣйствительно, въ «Атенеѣ» было напечатано много дѣльныхъ и замѣчательныхъ статей; но это былъ не журналъ съ опредѣленнымъ направленіемъ, а періодическій сборникъ, въ которомъ сама редакція обнаруживала очень мало дѣятельности. Не въ этомъ ли заключается причина паденія «Атенея»?

Существованіе «Русскаго Дневника» всегда было ненадежно.... Могъ ли прочно существовать журналъ, составленный единственно изъ смѣси (Faits divers), изъ которой обыкновенно выбирались коекакія, самыя любопытныя, извѣстія для другихъ газетъ и журналовъ?... Послѣ такой выборки самъ «Дневникъ» становился уже совершенно ненужнымъ. Редакція, приступая къ своему изданію, вѣроятно, не сообразила этого и потому такъ быстро окончилось это необдуманно-затѣянное предпріятіе....

Объявляя о прекращеніи своего «Дневника», редакторъ (г. Мельниковъ, котораго одного публика знала и которому одному довѣряла) говоритъ, что хотя онъ завѣдывалъ въ изданіи одною только литературною частью, *тѣмъ не менѣе* считаетъ своею *личною* обязанностію (я думаю! Публикѣ вѣдь не объявлены были другіе редакторы) удовлетворить гг. подписчиковъ за недоданные нумера изданія, подъ которымъ онъ подписывалъ свое имя.

Но г. Мельниковъ не имѣетъ возможности удовлетворить своихъ подписчиковъ *немедленно*. Онъ употребитъ только всѣ свои силы и зависящія отъ него средства, чтобы въ теченіе 1860 года удовлетворить подписчиковъ *посредствомъ* выпуска историческо-статистическихъ сочиненій о Россіи.

Подписавшіеся на второе полугодіе «Дневника» получаютъ свои деньги обратно.

А подписавшіеся на цѣлый годъ, если они не пожелаютъ имѣть выпуска историческо-статистическихъ сочиненій, могутъ ли получить свои деньги за второе несостоявшееся полугодіе обратно?... Это неизвѣстно.

Намъ кажется, что въ такихъ случаяхъ необходима большая опредѣленность и ясность.

Мы, впрочемъ, убѣждены, что г. Мельниковъ удовлетворитъ вполнѣ и какъ слѣдуетъ всѣхъ своихъ подписчиковъ.

Только какіе нибудь «Весельчаки», «Моды», «Гудки», «Общезанимательные Вѣстники», и тому подобныя безграмотныя и пошлыя спекуляціи вдругъ прекращаютъ свои изданія и ужь нисколько не заботятся о своихъ подписчикахъ, преспокойно забравъ съ нихъ деньги.... Но какъ же называются такого рода поступки?...

Вышелъ 2-й томъ сочиненій *Бѣлинскаго*. Вотъ его содержаніе.

1836. ТЕЛЕСКОПЪ и МОЛВА. 1) Критика: Ничто о ничемъ или отчетъ издателю «Телескопа» за послѣднее полугодіе (1835) русской литературы.—О критикѣ и литературныхъ мнѣніяхъ «Московскаго Наблюдателя».—2) Библіографія: Постоялый Дворъ; записки покойнаго Горянова. — О характерѣ народныхъ пѣсенъ у славянъ задунайскихъ, Юрія Венелина. — Всеобщее путешествіе вокругъ свѣта, составленное Дюмонъ-Дюрвилемъ. — Вастола или желанія, повѣсть въ стихахъ. — Пѣсни Т. м. ф. а. — Елизавета Кульманъ, фантазія Т. м. ф. а. — Стихотворенія Александра Пушкина. Ч. 4.—Естество міра.—Устроеніе вселенной.— Очертательность естества.—Движимость естества. — Провинціяльныя бредни и записки Дормедона Васильевича Прутикова.—Прекрасная астраханка. — Отелло, фантастическая повѣсть Гауфа. — Русская исторія для первоначальнаго чтенія, соч. Н. Полеваго. — Дѣтская книжка на 1835 годъ, сост. Вл. Бурнашевымъ. — Предки Калимероса. — Александръ Филипповичъ Македонскій, соч. Вельтмана.—Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ. Соч. Ксен. Полеваго.—Лѣтопись факультетовъ на 1835 годъ, изд. А. Галичемъ и В. Плаксинымъ.—Стихотворенія Вл. Бенедиктова. — Ночь, соч. С. Темнаго. — Страсть сочинять, водевиль Ѳ. Кони.—Святочные вечера или разсказы моей тетушки.—О жителяхъ луны.—3) Журнальная всячина: Нѣсколько словъ о «Современникѣ». — Отъ Бѣлинскаго. — Вторая книжка «Современника».

1838. МОСКОВСКІЙ НАБЛЮДАТЕЛЬ. 1) Критика: Гамлетъ, принцъ Датскій, соч. Шекспира, пер. Н. Полеваго.—Полное собраніе сочиненій Фонъ-Визина.—Юрій Милославскій, соч. Загоскина.— 2) Библіографія: Литературная хроника.—Невѣста подъ замкомъ, водевиль Н. Соколова. — Библіотека дѣтскихъ повѣстей и разсказовъ. Совѣты для дѣтей. Зимніе вечера. Прогулка съ дѣтьми по

С.-Петербургу, соч. Бурьянова. — Дѣтскій альбомъ на 1838 г., А. Попова. — Современникъ 1838 г. № 1. — Елена, поэма Бернета.— Стихотворенія Вл. Бенедиктова.—Уголино, драматическое представленіе, соч. Н. Полеваго.—Краткая исторія Франціи, соч. Мишле.— Повѣсти и разсказы Каменскаго. — Турлуру, романъ Поль-де-Кока. Сѣдина въ бороду, романъ, его же.—Повѣсти Евгенія Сю.— Современникъ. Т. X. — Сказки русскія, разсказываемыя Иваномъ Ваненко.—Русскія народныя сказки, собранныя Броницынымъ.—Сочиненія Н. Греча.—Литературныя поясненія, его же.—3) Журнальная всячина: Литературная тяжба.—Литературное объясненіе.—Журнальная замѣтка. — 4) Театръ: Гамлетъ, драма Шекспира, и Мочаловъ въ ролѣ Гамлета. — Каратыгинъ на московской сценѣ. — Сосницкій на московской сценѣ.—Московскій театръ. — Объ артистѣ. Петровскій театръ. — Списокъ книгъ, отзывы о которыхъ, по незначительности ихъ, не вошли въ это собраніе.

Первый томъ изданія Бѣлинскаго весь разошелся съ неслыханною быстротою. Ни одно замѣчательное изданіе послѣдняго времени не имѣло такого успѣха.

Это замѣчательный фактъ, дѣлающій честь русской публикѣ.

Вышли въ Москвѣ первые четыре тома сочиненій Д. В. Григоровича, изданіе г. Солдатенкова. Нѣтъ сомнѣнія, что изданіе сочиненій автора «Антона-Горемыки», «Рыбаковъ» и проч. ожидаетъ блестящій успѣхъ.

Редакція «Современника» получила на дняхъ слѣдующее письмо:

«Въ іюньской книжкѣ «Современника» помѣщенъ критическій отзывъ о сочиненіи Н. А. Миллера-Красовскаго «Основные Законы Воспитанія».

«Почтенный рецензентъ, между прочимъ, выразилъ весьма естественное предположеніе, что авторъ названнаго сочиненія, служащій классным надзирателемъ при Николаевскомъ Гатчинскомъ Сиротскомъ Институтѣ, руководствуется своими педагогическими воззрѣніями при исполненіи служебныхъ обязанностей.

«Это предположеніе, къ счастію, невѣрно: самъ Н. А. Миллеръ-Красовскій можетъ засвидѣтельствовать, что если бы онъ и желалъ, то не имѣлъ бы *никакой возможности* примѣнить «позорныя нелѣпости» своего сочиненія къ воспитанникамъ гатчинскаго института, потому что до этого не допустилъ бы его даже нижеподписавшійся его сослуживецъ, безъ согласія котораго онъ, въ качествѣ класснаго надзирателя при 16—18-ти лѣтнихъ молодыхъ людяхъ, ничего предпринять не можетъ и который всегда со всею откровенностью признавалъ подобныя нелѣпости позорными. Слѣдовательно, «Основные Законы Воспитанія» Н. А. Миллеръ-Красовскій въ теченіе 12 лѣтъ провѣрялъ опытомъ внѣ института, гдѣ, впрочемъ, онъ состоитъ на службѣ менѣе двухъ лѣтъ.

«Редакція «Современника», надѣюсь, уважитъ просьбу: напечатать это объясненіе на страницахъ ея журнала.

П. Цейдлеръ.»

ПОЛИТИКА.

Неосновательность упреков, дѣлаемыхъ императору французовъ за Виллафранкскій миръ. Рѣчь императора въ Сенъ-Клу. Негодованіе во Франціи и Италіи. Напрасныя надежды итальянскихъ патріотовъ. Урокъ для либераловъ.

Въ государствахъ, имѣющихъ судопроизводство съ адвокатами, когда дѣло какого нибудь господина, подлежащее судебному рѣшенію, слишкомъ неблаговидно, ни одинъ адвокатъ не соглашается защищать его; но «никто не долженъ оставаться безъ защитника», потому назначается въ этихъ случаяхъ самимъ президентомъ суда defenseur d'office, «защитникъ по предписанію». Ни онъ самъ, ни одинъ человѣкъ изъ публики не надѣется, чтобы его старанія увѣнчались оправданіемъ обвиненнаго, но все-таки онъ усердно исполняетъ свою неблагодарную обязанность, и общество тѣмъ выше чтитъ его самоотверженные труды, чѣмъ очевиднѣе ихъ напрасность.

На какое же глубокое уваженіе имѣемъ право разсчитывать мы, добровольно, безъ всякаго приказанія, даже наперекоръ многочисленнымъ предостереженіямъ холодныхъ, благоразумныхъ людей, взявшіе на себя обязанность быть постояннымъ defenseur d'office всѣхъ дѣлъ, единогласно признающихся неимѣющими извиненія! Сколько намъ помнится, примѣровъ такого гражданскаго геройства не видѣлъ міръ съ той поры, когда г. Гречъ защищалъ г. Булгарина противъ Пушкина, злонамѣренно отрицавшаго правдивое увѣреніе г. Булгарина, что лучшія мѣста въ «Евгеніѣ Онѣгинѣ» заимствова-

ны изъ «Ивана Выжигина». Но и самъ г. Гречъ только однажды въ свою долголѣтнюю жизнь отважился совершить такой подвигъ, да и то больше по дружбѣ; а мы въ теченіе какого нибудь полугода совершили ихъ уже десятки. Кого и чего только не защищали мы изъ безвозвратно всѣми осуждавшихся лицъ и дѣлъ! Мы защищали многое и многихъ, даже повара, поселяющаго раздоры между мужемъ и женою за обѣденнымъ столомъ, и наконецъ, — что требовало наибольшей дозы мужества,—защищали австрійцевъ in natura, цѣликомъ, гуртомъ, безъ всякой очистки и исключеній....

Зная такое наше самоотверженное геройствованіе, читатель предугадываетъ, что теперь мы должны покинуть на время всѣхъ этихъ мелкихъ кліентовъ, чтобы посвятить всѣ наши способности защитѣ лица, далеко превосходящаго ихъ всѣхъ вмѣстѣ вліяніемъ на ходъ событій въ такъ называемомъ цивилизованномъ мірѣ. Все просвѣщенное человѣчество жестоко порицаетъ теперь императора французовъ за миръ, заключенный съ австрійцами будто бы слишкомъ преждевременно и будто бы неоправдывающій надеждъ, несоотвѣтствующій цѣлямъ, для которыхъ была начата война. Въ прошедшій разъ мы лишь слегка коснулись этого предмета и, къ сожалѣнію, сами выразили нѣкоторое недовольство.... Что дѣлать?—всѣ люди, всѣ могутъ заблуждаться; но сознаніемъ ошибки искупается половина ея, а другая половина ея можетъ быть легко намъ извинена въ томъ соображеніи, что и самъ императоръ французовъ на первый разъ былъ смущенъ всеобщностью возбужденнаго имъ неудовольствія. Возвращаясь изъ Италіи, онъ не хотѣлъ въѣзжать въ Парижъ: онъ зналъ, какой холодный пріемъ найдетъ онъ въ своей столицѣ,—онъ укрылся отъ публики въ Сенъ-Клу, и рѣчь, произнесенная имъ въ отвѣтъ на поздравленія «великихъ государственныхъ корпорацій», лишена самодовольства, которымъ отличались всѣ прежнія рѣчи его; онъ оправдывается, онъ извиняется. «Я прекратилъ войну, говоритъ онъ, потому что она становилась слишкомъ затруднительна. Приходилось осаждать Мантую и Верону, — это предпріятіе трудное; но трудность предпріятія не поколебала бы моей рѣшимости и не остановила бы стремленіе моей арміи (продолжаетъ императоръ французовъ), если бы средства не были непропорціональны съ результатами, которыхъ предстояло достичь. Надобно было рѣшиться отважно разрушить препятствія, противопоставлявшіяся нейтральными территоріями и въ такомъ случаѣ принять войну не на одномъ Адидже, но и на Рейнѣ. Надобно было повсюду открыто подкрѣпляться пособіемъ революціи. Итакъ, я остановился не по утомленію или изнуренію, и не потому, чтобы покинулъ благородное дѣло, которому хотѣлъ служить, но потому, что въ моемъ сердцѣ говорило нѣчто еще

высшее, — интересъ Франціи. Скажите, развѣ не тяжело было мнѣ удержать пылкость солдатъ, экзальтированныхъ побѣдою, сильнѣйшимъ желаніемъ которыхъ было—идти впередъ? Скажите, развѣ не тяжело было мнѣ формально, передъ лицомъ Европы выпустить изъ моей програмы территорію, лежащую между Минчіо и Адріатическимъ моремъ? Скажите, развѣ не тяжело было мнѣ видѣть, что разрушаются въ честныхъ сердцахъ благородныя иллюзіи, исчезаютъ патріотическія надежды? Служа дѣлу итальянской независимости, я велъ войну противъ желанія Европы; но едва настала минута, когда судьбы моей страны могли быть въ опасности, я заключилъ миръ».

Читатель, привыкшій къ дипломатической манерѣ, легко переведетъ эти фразы на обыкновенный языкъ. «Средства были непропорціональны съ результатомъ»—это значитъ: «я увидѣлъ, что не въ силахъ исполнить своего обѣщанія».—«Надобно было принять войну не на одномъ Аддидже, но и на Рейнѣ» — это значитъ: противъ Франціи составлялась коалиція, то есть исполнялось предсказаніе орлеанистовъ-республиканцевъ, высказавшихъ еще до начала войны черезъ «Journal des Débats» и черезъ Жюля Фавра, что Европа возстанетъ противъ Франціи, и императорская Франція должна будетъ отступить передъ коалиціею. «Я остановился не по изнуренію и не потому, чтобы покинулъ благородное дѣло, которому хотѣлъ служить»—это значитъ: «я не могу не сознаться, что почти всѣ думаютъ иначе».—«Хотѣлъ служить»—эта фраза доказываетъ невозможность просто сказать «служилъ», то есть, самъ императоръ французовъ не отважился сказать, что дѣйствительно оказалъ услуги дѣлу итальянской независимости. «Развѣ не тяжело было мнѣ удерживать пылкость солдатъ» и т. д.—это признаніе въ томъ, что армія была не довольна миромъ. — «Развѣ не тяжело было мнѣ передъ лицомъ Европы выпустить изъ моей программы территорію, лежащую между Минчіо и Адріатическимъ моремъ?»—это значитъ: «вся Европа говоритъ, что Италія не удовлетворена мною». — Какое же извиненіе представляется всему этому? — «Судьбы моей страны могли быть въ опасности»—это значитъ: «Франція подверглась бы вторженію иностранцевъ; то есть, самъ императоръ французовъ опять подтверждаетъ мысль Жюля Фавра, что императорская Франція была безсильна передъ опасностями, сопряженными съ итальянскою войною».

«Скажите, развѣ не тяжело мнѣ было»—три раза повторяетъ Луи-Наполеонъ въ порывѣ чувства. Дѣйствительно, тяжело было ему, до сихъ поръ говорившему только о своей безошибочности и полномъ достиженіи своихъ цѣлей, сознаваться въ томъ, что онъ принужденъ былъ отступить, что Европа видѣла его отказывающимся отъ своей программы; еще тяжеле было признаваться, что въ

арміи пробуждено недовольство; еще затруднительнѣе была необходимость говорить народу, столь гордому своею силою, какъ французы, что они должны бояться иностраннаго вторженія. Неловкость такихъ признаній и вразумленій очевидна; что же могло заставить императора французовъ говорить вещи, столь невыгодныя для него самого?

Отвѣтъ одинъ: негодованіе, овладѣвшее Франціею, Италіею и всею Европою при извѣстіи объ условіяхъ Виллафранкскаго мира, было такъ сильно, что даже Наполеонъ III смутился, и въ смущеніи хватался за всякія мысли, которыя могли быть представлены въ извиненіе миру, не разбирая того, какъ подѣйствуютъ эти мысли на гордость французской націи. Конечно, онъ не предвидѣлъ, что негодованіе будетъ такъ сильно; заключая миръ, онъ надѣялся, что ему можно будетъ говорить: «Виллафранкскій трактатъ освободилъ Италію», и объяснить свою предшествовавшую войнѣ прокламацію въ томъ самомъ смыслѣ, какой мы при самомъ ея появленіи читали въ ней между строкъ, наполненныхъ сильными обѣщаніями (См. «Современникъ», № V), такъ, чтобы она представлялась совершенно и даже съ излишкомъ выполненною условіями міра. Но неразумные люди, неумѣющіе, подобно намъ, понимать красотъ дипломатическаго языка, имѣли неосторожность принять въ буквальномъ смыслѣ фразу прокламаціи: «Италія должна быть свободна отъ Альпъ до Адріатическаго моря» и даже имѣли безумство забыть изъ-за этой одной фразы обо всемъ остальномъ содержаніи прокламаціи; потомъ, когда фраза эта не исполнилась по условіямъ мира въ грубомъ матеріальномъ смыслѣ, какой они ей придавали, они подняли съ нею такой крикъ, котораго ничѣмъ невозможно было заглушить: «Италія должна была освободиться до Адріатическаго моря! Вы сами это говорили! До Адріатическаго моря, припомните ваши обѣщанія! Они не сдержаны!» и т. д. — Вотъ этотъ оглушительный крикъ незнакомыхъ съ дипломатическимъ языкомъ людей, нелѣпо вообразившихъ себя обманутыми, — вотъ онъ-то и смутилъ Луи-Напалеона, неждавшаго такой неблагодарности. Въ смущеніи онъ, какъ мы видѣли, думалъ лишь о томъ, какъ бы набрать побольше извиненій.... Но слова, произносимыя человѣкомъ смущеннымъ, не всегда могутъ быть вполнѣ удачны, и мы принимаемъ рѣчь императора французовъ только какъ свидѣтельство о состояніи духа, въ которое повергнутъ былъ онъ неудовольствіемъ неразсудительныхъ людей, а вовсе не какъ изложеніе фактовъ, выдерживающее повѣрку. Дѣйствительно, Луи-Наполеонъ въ своемъ разстроенномъ расположеніи духа сказалъ много такого, чего самъ не захотѣлъ бы признать, не только сказать въ спокойномъ состоя-

нія души. Мы попробуемъ исправить эти ошибки, отстраненіе которыхъ нужно для исполненія задачи, взятой нами на себя, для оправданія императора французовъ, неосновательно осуждаемаго теперь людьми, одобрявшими его за три или четыре мѣсяца передъ тѣмъ. Когда обвиняемый скажетъ по неосторожности или взволнованности что нибудь невыгодное для самого себя, обязанность адвоката требуетъ доказать судьямъ, что этихъ словъ не должно слушать, не должно основывать на нихъ никакихъ заключеній къ невыгодѣ обвиняемаго, потому что онъ ошибся, говоря ихъ. Такъ обязаны поступить и мы.

Война становилась трудна, говоритъ Наполеонъ III: «мнѣ приходилось атаковать съ фронта непріятеля, ставшаго въ окопахъ, за великими крѣпостями, защищеннаго отъ всякой диверсіи съ фланговъ нейтральностью территорій, окружавшихъ его; и начиная долгую и безплодную войну осадъ, я находилъ передъ собою вооруженную Европу, готовую оспоривать наши успѣхи или усугублять наши неудачи.» Далѣе опять: «надобно было рѣшиться отважно разрушить препятствія, противопоставлявшіяся нейтральными территоріями, и въ такомъ случаѣ принять войну не на одномъ Аддидже, но и на Рейнѣ».

Адвокатъ не можетъ оставить судей въ неблагопріятномъ для обвиняемаго заблужденіи, производимомъ этими словами. Въ нихъ больше неосторожной заботливости о многочисленности извиненій, нежели хладнокровной обдуманности.

«Атаковать съ фронта непріятеля, защищеннаго отъ всякой диверсіи съ фланговъ;» — если бы и такъ, остается кромѣ фланговъ еще тылъ, ровно ничѣмъ не защищенный; и мы говорили въ прошедшій разъ, что уже готовилась высадка на венеціанскомъ берегу для атаки съ тыла. Это рѣдкое счастье давало полководцамъ возможность занять его, а Наполеонъ III имѣлъ полную свободу пользоваться имъ. Да и выраженіе «съ фланговъ» опять неточно: съ праваго своего фланга австрійцы были дѣйствительно защищены тѣмъ, что нужно было бы тутъ проходить черезъ ихъ области, принадлежащія къ нынѣшнему союзу, который могъ обидѣться этимъ; но съ лѣваго, горнаго фланга чѣмъ они были защищены? Нейтральностью папскихъ владѣній? Неужели Европа серьёзно увидѣла бы нѣчто особенное въ проходѣ французскихъ войскъ по этимъ землямъ, по которымъ съ полною свободою расхаживали австрійцы во время войны? Область, открытая войскамъ одного изъ противниковъ, открыта войскамъ другаго,—сердиться на это никто не можетъ. Притомъ, развѣ и французы уже давнымъ давно не занимали войсками папскихъ владѣній? Итакъ о нейтральности этихъ земель нечего говорить:

она не служила препятствіемъ. Такимъ образомъ непріятель защищенъ былъ только съ одного фланга, а не «съ фланговъ»; нападать на него можно было не съ одного фронта, а съ фронта, съ лѣваго фланга и съ тыла — какое великолѣпное положеніе для атакующаго! Ни одному изъ великихъ полководцевъ новаго времени не давалась такая громадная выгода, достававшаяся Наполеону III. До тѣхъ поръ, союзники тѣснили непріятеля только съ фронта; теперь могли тѣснить его съ трехъ сторонъ. Въ этомъ отношеніи, война становилась для нихъ не труднѣе, а гораздо легче прежняго.

«Приходилось атаковать непріятеля, ставшаго за великими крѣпостями, — начинать долгую и безплодную войну осадъ.» Во-первыхъ, замѣтимъ повтореніе прежней неточности въ употребленіи единственнаго и множественнаго чиселъ: «войну осадъ» (guerre de sièges), — «за великими крѣпостями». Мы уже говорили въ прошлый разъ, что дѣйствительную важность представляла только *одна* осада только *одной* крѣпости, Вероны. Пескьера и Леньяно вовсе не важны, и лишались всякой силы, будучи уже отрѣзаны одна отъ другой и отъ Мантуи, а Мантую не было надобности ни брать, ни осаждать: довольно было блокировать отдѣльнымъ обсерваціоннымъ корпусомъ это болотное логовище, выйти изъ котораго такъ же трудно, какъ и войти въ него. Итакъ, надобно было говорить не объ «осадахъ», а объ «осадѣ», не о «крѣпостяхъ», а о «крѣпости». Пусть бы только числа смѣшивались; но имена прилагательныя также навлекаютъ на себя упрекъ за неправильность: «мнѣ слѣдовало начинать долгую и безплодную войну осадъ». — Почему же «долгую» и «безплодную» (stèrile)? Мы видѣли въ прошлый разъ, что осада Вероны (объ остальныхъ трехъ крѣпостяхъ не станемъ говорить) не могла быть продолжительна: какимъ образомъ укрѣпленія, разсчитанныя для обороны противъ слабаго дѣйствія прежнихъ орудій, могли бы долго противиться страшнымъ нарѣзнымъ пушкамъ, которыя въ осадѣ, въ разрушеніи стѣнъ находятъ самое блистательное употребленіе себѣ? Онѣ стрѣляли бы съ такихъ дистанцій, до которыхъ не беретъ крѣпостная артиллерія, и она должна была бы молчать, стѣны являлись бы все равно, что лишенными орудій; нарѣзныя батареи стрѣляли бы по этимъ безотвѣтнымъ стѣнамъ съ пунктовъ, господствующихъ надъ крѣпостью, — какъ же тутъ могла быть осада «долгою»? На какомъ основаніи она могла быть «безплодна», — это ужь рѣшительно непонятно. Быстрое отнятіе у непріятеля пунктовъ, на которыхъ опирается его стратегическое значеніе въ Италіи, конечно было бы дѣйствіе не безплодное, а самое богатое послѣдствіями, въ тысячу разъ болѣе важное, нежели всѣ побѣды при Маджентѣ и Сольферино.

Но пусть осада Вероны была бы «долга» и «безплодна»,—неужели полководецъ, выказавшій умѣнье пользоваться новыми идеями науки, могъ не знать, что со временъ его дяди крѣпости перестали считаться неизбѣжными остановками на пути арміи, побѣдившей въ открытомъ полѣ? Нынѣ крѣпость осаждаютъ только тогда, если не хотятъ заняться ничѣмъ инымъ, кромѣ ея осады; а если армія имѣетъ какое нибудь другое назначеніе, она идетъ мимо крѣпости, оставляя только корпусъ для наблюденія за нею.

«Я находилъ передъ собою вооруженную Европу»; далѣе: «надобно было принять войну не на одномъ Аддидже, но и на Рейнѣ».—«Европу»,—но развѣ вся Европа готовилась воевать съ Франціею? Россія была далека отъ этой мысли. Англія дѣйствительно вооружалась; но каждому извѣстно, что она думала только о собственной защитѣ и никогда не хотѣла вмѣшиваться въ войну, если не принудитъ ея къ тому сама Франція. Нынѣшнее министерство было очень далеко отъ сочувствія австрійцамъ. Первымъ дѣломъ его было пріостановить вооруженія, производившіяся торійскимъ министерствомъ; не только само оно не хотѣло вступаться за Австрію,—оно сильнѣйшимъ образомъ совѣтовало и Пруссіи не ввязываться въ это дѣло. Итакъ, вмѣсто громкаго слова «Европа» надобно поставить только «Германія.» Германія дѣйствительно вооружалась. Но во-первыхъ, что̀ было причиною вооруженій, предназначавшихся ею противъ Франціи? Никакъ не собственная охота, а только распоряженія самого императора французовъ. Зачѣмъ онъ первый составилъ «восточную армію», явно угрожавшую Германіи? Зачѣмъ онъ, назначивъ командиромъ этой арміи знаменитѣйшаго изъ французскихъ генераловъ, маршала Пелиссье, заставилъ Германію и всю Европу думать, что войну въ Италіи хочетъ сдѣлать только предлогомъ, началомъ, диверсіею для войны на Рейнѣ? Если Германія вооружалась, это было только отвѣтомъ на произвольныя угрозы самой Франціи. Но все равно, кѣмъ бы ни была принуждена Германія къ вооруженіямъ. Извѣстно, что Германія безъ Пруссіи ровно ничего не значитъ, а Пруссія до послѣдней минуты вовсе не имѣла охоты помогать австрійцамъ. Даже въ то время, когда ея предполагаемое вмѣшательство послужило императору французовъ предлогомъ къ заключенію мира, она предлагала Австріи помириться съ Франціею на условіяхъ, гораздо болѣе выгодныхъ для Италіи, нежели каковы условія, составленныя самимъ императоромъ французовъ. По всему было очевидно, что Пруссія вооружается противъ собственной воли, принуждаемая къ тому только желаніями мелкихъ юго-западныхъ нѣмецкихъ государствъ, что вооруженія служатъ только маскою для ихъ успокоенія, что она рѣшилась до послѣдней крайности удерживаться отъ

войны, а если бы когда (когда,—еще не было и видно, такъ далека была возможность войны) и начала ее, то безъ всякаго усердія, только для формы, въ родѣ того, какъ въ 1812 году она и Австрія вели войну противъ Россіи, или Россія въ 1809 году противъ Австріи. Такіе враги, выставляющіе войско только для формы, а въ душѣ нимало не желающіе помогать своему мнимому союзнику, котораго ненавидятъ, пораженія которому желаютъ, вовсе не опасны. Но все равно,—положимъ, что Германія начала бы воевать серьёзно, а не только для соблюденія формы. Ея вооруженія въ началѣ іюля были еще такъ неполны, что она могла начать войну не раньше, какъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Чего нельзя было сдѣлать въ эти мѣсяцы! Можно было не только взять цѣлый десятокъ Веронъ, можно было взять самую Вѣну, — и если дѣйствительно грозила война на Рейнѣ, то уже никакъ не одновременно съ войною на Аддидже. Австрійцы были бы давно прогнаны далеко за Тальяменто, пожалуй, за Дунай, къ тому времени, какъ нѣмцы собрались бы воевать на Рейнѣ. Но пусть успѣхи противъ австрійцевъ были бы и не такъ быстры, какъ слѣдовало ожидать, а нѣмцы начали бы войну раньше, чѣмъ казалось вѣроятнымъ, пусть бы даже и не взята была Верона, все-таки Франціи уже не было надобности бороться въ одно время противъ двухъ враговъ: если бы открылась война на Рейнѣ, она могла передвинуть туда всѣ свои силы, предоставивъ Аддидже и Верону однимъ итальянцамъ. Въ самомъ дѣлѣ, если итальянцы въ апрѣлѣ были слишкомъ слабы, чтобы устоять противъ австрійцевъ, въ августѣ они легко могли считать у себя больше силъ, нежели у враговъ, если бы имъ хотя только за двѣ, за три недѣли дано было отъ союзника позволеніе развивать свои силы безпрепятственно. Сардинская армія имѣла 100,000; Ломбардія давала ей по крайней мѣрѣ 50,000; Тоскана имѣла 20,000 и хотѣла имѣть болѣе 30,000; Гарибальди требовалъ только ружей, чтобы имѣть столько же, если не больше; Парма и Модена давали 10,000; Легатства имѣли 20,000, — итого, 240,000 человѣкъ чисто итальянскаго войска было наготовѣ. Австрійцы не могли имѣть въ Италіи больше, и, какъ мы говорили въ прошлый разъ, уже приближалось время, когда съ каждымъ днемъ тысячи изъ этихъ солдатъ должны были уходить изъ-подъ австрійскихъ знаменъ подъ свои родныя, венгерскія или славянскія, знамена, враждебныя австрійцамъ. А итальянскія силы быстро увеличивались бы, росли бы съ каждымъ днемъ. Итакъ вопросъ разрѣшался очень легко: если нужны Франціи войска на Рейнѣ, она выводитъ всѣ свои войска изъ Италіи,—итальянцы и одни уже могли выдерживать борьбу съ австрійцами на первый мѣсяцъ, на второй были сильнѣе ихъ, а на третій австрійская армія въ Италіи исчезала!...

Къ чему же говорить о необходимости французамъ выдерживать войну на Аддидже и Рейнѣ, когда они могли спокойно оставить Италію защитѣ самихъ итальянцевъ, и сосредоточить свои силы исключительно на Рейнѣ? Зачѣмъ же было пугаться войны съ Германіею, если бы даже эта война въ самомъ дѣлѣ была близка,—чего еще не было,—и серьезна,—чего никакъ не слѣдовало предполагать? Неужели Франція не въ силахъ защитить свои границы отъ нѣмцевъ? Это что-то неслыханное. Неужели Ганноверъ и Баварія могутъ завоевать Францію? Ганноверъ и Баварія, говоримъ мы, потому что Пруссія, даже въ случаѣ начатія войны, никакъ не хотѣла вести войну наступательную. Зачѣмъ обманывать себя страшными призраками? Развѣ не было извѣстно, какой характеръ должна была имѣть война на Рейнѣ по непремѣнному плану Пруссіи (если только Пруссія не успѣла бы удержать Германію отъ войны)? Нѣмецкій Союзъ выставлялъ бы армію для защиты Рейна, и только всего; если бы французы не захотѣли нападать, армія эта не тронула бы ихъ волоскомъ. Какая же «опасность» грозила «судьбамъ Франціи», какая «несоразмѣрность» могла существовать «между ея средствами и результатами», стремленіе къ которымъ было провозглашено при началѣ войны?

Мы были обязаны разсѣять неблагопріятный для императора французовъ взглядъ на положеніе дѣлъ, предшествовавшее миру, и для достиженія этой цѣли должны были обнаружить неточности, находившіяся въ его рѣчи. Теперь читатель знаетъ, что продолженіе войны не угрожало ровно никакими опасностями для «судебъ Франціи», стало быть не существовало и причины, которою извинялось бы согласіе императора на неудовлетворительныя условія; а изъ этого надобно заключать, что условія мира были очень удовлетворительны — иначе онъ не согласился бы на нихъ. Именно такъ и говоритъ президентъ законодательнаго корпуса, Морни. Послушайте, какою славою покрываетъ императора французовъ этотъ миръ:

«Государь,

«Въ три мѣсяца сколько чудесъ!

«Когда война была объявлена, мы не имѣли ни одного солдата въ Италіи. Австрія тамъ обладала многочисленною арміею въ страшныхъ позиціяхъ, давно ею изученныхъ. Ея притязательное вліяніе тяготѣло надъ всѣми итальянскими правительствами. Черезъ нѣсколько дней, пять побѣдъ, непрерывно слѣдовавшихъ одна за другою, прибавили славнѣйшую страницу къ нашей военной исторіи, и политическая цѣль, вами предположенная, была достигнута.

«Но прекраснѣйшая изъ всѣхъ побѣдъ—та, которую вы одержали надъ самимъ собою. Въ упоеніи торжества вы явились непріятелемъ столь же великодушнымъ, сколь вѣрнымъ и безкорыстнымъ

союзникомъ; окруженный побѣдоносными и воспламененными солдатами, вы думали только о сохраненіи драгоцѣнной ихъ крови. Вы возвратили Италіи истинную свободу, освободивъ ее отъ деспотизма и воспретивъ ей революціонные пути.

«Я знаю, государь, что выражая эти чувства я служу органомъ законодательнаго корпуса.»

Вотъ человѣкъ, понимающій, что̀ и какъ надобно говорить. Мы охотно отдаемъ его взгляду на характеръ мира предпочтеніе передъ понятіемъ самого Наполеона. «Политическая цѣль, вами предположенная, государь, достигнута» — говоритъ онъ. Да, вполнѣ достигнута. Въ самомъ дѣлѣ, что было цѣлью войны? — Освобожденіе Италіи. Ну-съ, Италія теперь получила свободу, по словамъ того же Морни, — даже нѣчто лучшее, нежели просто свободу: она получила «истинную свободу.» Прекрасно, мы этому вполнѣ вѣримъ и очень рады.

Безъ всякаго сомнѣнія, самъ императоръ французовъ, когда успокоится отъ первоначальнаго смущенія, увидитъ, что онъ заблуждался, признаваясь, будто измѣнилъ своей программѣ и не освободилъ Италіи, и что Морни былъ совершенно правъ, называя его основателемъ «истинной свободы» въ Италіи. Трудно не согласиться съ Морни, — такъ правдивы всѣ его слова. Особенно удачно выраженіе: «вы явили себя вѣрнымъ союзникомъ.» Правда, миръ съ Австріею былъ заключенъ отдѣльно, безъ участія Сардиніи, безъ воли или лучше противъ воли сардинскаго короля и его министра,— но чтожь за важность? Неужели, въ самомъ дѣлѣ, императоръ французовъ обязанъ церемониться съ такимъ небольшимъ государствомъ, какъ Сардинія?

Ободряемые мужественными словами Морни, — «мужественными», говоримъ мы, потому что нуженъ совершенно особенный, такъ сказать, спартанскій закалъ души для изреченія раздраженной Европѣ столь упорно отвергаемыхъ ею истинъ о характерѣ Виллафранкскаго мира, — ободряемые мужественнымъ примѣромъ Морни, столь извѣстнаго непоколебимою приверженностью къ правдѣ, мы осмѣлимся изложить теперь читателю, безъ всякой утайки, нашъ взглядъ на характеръ послѣдней войны и связанныхъ съ нею событій. До сихъ поръ мы высказывали его только на-половину, боясь слишкомъ раздражить людей съ «благородными иллюзіями», по выраженію императора французовъ. Теперь, подъ щитомъ благороднаго Морни, мы становимся отважнѣе. Надѣемся, что читатель, если согласится съ этимъ взглядомъ, перестанетъ винить императора французовъ и признается, что онъ не могъ дѣйствовать иначе, нежели какъ дѣйствовалъ.

Нынѣ очень много говорятъ о національностяхъ. Но какъ ни сильны симпатіи и антипатіи, возникающія изъ нихъ, еще сильнѣе чувства, внушаемыя каждому его личными выгодами и потребностями. По выгодамъ, все европейское общество раздѣлено на двѣ половины: одна живетъ чужимъ трудомъ, другая своимъ собственнымъ; первая благоденствуетъ, вторая терпитъ нужду. Это раздѣленіе общества, основанное на матеріальныхъ интересахъ, отражается и въ политической дѣятельности. Есть люди, въ которыхъ умственное и нравственное развитіе достигаетъ такой силы, что видъ несправедливости и беззаконія мучитъ ихъ; они желаютъ преобразованій, но потребность эта, ощущаемая и массою народа — только въ матеріальномъ примѣненіи къ вопросу о распредѣленіи продуктовъ труда и средствъ къ производительному труду (земля, капиталъ), сознается ими въ размѣрѣ болѣе обширномъ. Они находятъ, что для поддержки справедливыхъ отношеній по имуществу, нужны разныя гарантіи въ гражданскихъ правахъ. Само собою разумѣется, что сами по себѣ такіе люди не очень сильны: ихъ мало; но они желаютъ того, что нужно для благосостоянія массы, и естественно стараются опереться на нее, растолковать ей, какимъ образомъ можетъ она пріобрѣсти то, чего ищетъ. Но реформы, нужныя для массы, противны выгодамъ людей, благосостояніе которыхъ связано съ нынѣшнимъ порядкомъ вещей. Они понимаютъ, что поддержать его можно только отнятіемъ у реформаторовъ возможности дѣйствовать на массу. Такимъ образомъ, консерваторы принуждены обращаться въ реакціонеровъ и обскурантовъ, чтобы охранить свои выгоды отъ гибельнаго для нихъ союза реформаторовъ съ массою. При такомъ положеніи дѣлъ, реформаторы, смотря по различію темпераментовъ, привязанности къ своимъ идеямъ и проницательности, раздѣляются на двѣ партіи. Одни, видя что горсть людей, пользующихся нынѣшнимъ положеніемъ вещей, задерживаетъ всѣ ихъ усилія, и сама имѣетъ силу управлять общественными дѣлами, какъ ей угодно, думаютъ, что надобно убѣдить этихъ людей дѣйствовать иначе и содѣйствовать тѣмъ цѣлямъ, какія имѣютъ въ виду они, реформаторы. Къ этому разряду въ обыкновенныя времена принадлежитъ огромное большинство реформаторовъ. Другіе находятъ, что краснорѣчіе и правда безсильны надъ человѣкомъ, когда противны его выгодамъ, и потому объявляютъ, что никакими доводами нельзя людей, находящихъ свою выгоду въ реакціи и обскурантизмѣ, обратить въ друзей прогресса, и что прогрессисты должны стоять къ такимъ людямъ въ одномъ неизмѣнномъ отношеніи, въ отношеніи непримиримой вражды; это революціонеры. Реформаторы, надѣящіеся обратить реакціонеровъ въ прогрессистовъ, думаютъ, что именно только

вражда революціонеровъ, а не инстинктъ собственныхъ выгодъ возстановляетъ реакціонеровъ противъ реформъ, и за то преслѣдуютъ революціонеровъ, какъ людей вредныхъ дѣлу реформы. Этихъ реформаторовъ, проповѣдующихъ вражду противъ революціонеровъ, назовемъ хоть модерантистами, по выраженію конца XVIII вѣка.

Читатель вѣроятно будетъ такъ деликатенъ, что не станетъ спрашивать, какая изъ этихъ трехъ партій болѣе нравится намъ,—а если бы онъ сталъ требовать отвѣта на такой вопросъ, мы были бы поставлены въ самое щекотливое положеніе, потому что отвѣтъ нашъ очень компрометировалъ бы нашу репутацію «въ настоящее время, когда»....—Въ настоящее время, когда каждый стыдится называть себя человѣкомъ нелиберальнымъ, врагомъ реформы и прогресса, мы принуждены были бы сказать, что всего выгоднѣе намъ съ вами обоимъ, читатель, примкнуть къ партіи реакціонеровъ и обскурантовъ: они люди самые надежные и основательные. Да и какое мнѣ дѣло до пользы другихъ? Было бы мнѣ тепло, и чужой голодъ не ощущается моимъ желудкомъ. Что же касается такъ называемыхъ высшихъ стремленій и благородныхъ, безкорыстныхъ потребностей,—самое вѣрное дѣло: не вѣрить серьёзности ихъ ни въ другихъ, ни въ самомъ себѣ, а смотрѣть на нихъ, какъ на праздную игру въ слова, бросаемую при первомъ столкновеніи съ положительными личными выгодами!

А впрочемъ, какъ хотите. Бываютъ на свѣтѣ люди, служащіе исключеніемъ изъ общаго правила, — люди, которымъ чужое горе щемитъ сердце такъ же мучительно, какъ свое личное горе; люди, которые не могутъ чувствовать себя счастливыми, когда знаютъ, что другіе несчастны. Быть можетъ, вы изъ такихъ людей; ну, тогда поступайте, какъ велитъ вамъ ваша честная натура. Но во всякомъ случаѣ, не забывайте одного: одной честности мало для того, чтобы быть правымъ и полезнымъ; нужна также послѣдовательность въ идеяхъ.—Если вы приняли принципъ, не отступайте передъ его послѣдствіями; нужна прежде всего разсудительность во взглядѣ на стремленія другихъ, иначе васъ обманутъ и употребятъ орудіемъ на совершеніе самыхъ нечистыхъ дѣлъ, хотя бы вы были чистѣйшимъ человѣкомъ. Эта разсудительность первымъ своимъ правиломъ ставитъ: словъ не слушай, а смотри на дѣла и на то, въ чемъ состоятъ потребности человѣка, и ввѣряйся только тому, который смотритъ на міръ такими же глазами, какъ ты, только тому, у котораго потребности одинаковы съ твоими. Довѣрчивость ко всякому чаще всего губила доброе дѣло.

Но все это отступленіе, какъ мы теперь замѣчаемъ, совершенно лишнее. Кому нужно наше мнѣніе? Мы обязаны только излагать

факты, предоставляя читателю самому судить о фактахъ, какъ ему угодно.

Итакъ, мы сказали, что по всему материку Западной Европы общество въ тѣсномъ смыслѣ слова,—сословія, участвующія до нѣкоторой степени въ просвѣщеніи и благосостояніи,—распадается на три партіи: реакціонеровъ, модерантистовъ и революціонеровъ. Каждый примыкаетъ къ той или другой партіи, смотря по своимъ личнымъ потребностямъ; такимъ образомъ, связь по принадлежности къ одной и той же партіи гораздо крѣпче, нежели связь по національности, а вражда по различію партій — выше недовѣрія, внушаемаго иноземцами. По всему материку Западной Европы реакціонеры составляютъ нѣчто въ родѣ стариннаго Мальтійскаго ордена, въ которомъ были люди всѣхъ національностей и всѣ стояли другъ за друга, и всѣ стояли за свой орденъ. Точно тоже и модерантисты, и революціонеры. Кавуръ, напримѣръ, бывшій представителемъ итальянскихъ модерантистовъ возбуждалъ въ сердцѣ каждаго французскаго модерантиста, (напримѣръ, орлеаниста) гораздо больше симпатіи, нежели французъ реакціонеръ, и случись, напримѣръ, столкновеніе между Кавуромъ и Морни (реакціонеромъ), каждый орлеанистъ пожелалъ бы побѣды Кавуру и сталъ бы помогать ей всѣми средствами, какія можетъ принять. Наоборотъ, Кавуръ и Маццини были другъ отъ друга гораздо дальше, нежели, напримѣръ, Кавуръ отъ французскихъ орлеанистовъ или Маццини отъ французскихъ революціонеровъ.

Партій, мы сказали, три. Но борьба требуетъ только двухъ лагерей: собственно борьбу ведутъ между собою только двѣ изъ трехъ партій, болѣе сильныя, а третья должна примыкать къ одной изъ нихъ на то время, пока онѣ вмѣстѣ одолѣютъ третью, чтобы уже потомъ раздѣлаться между собою. Изъ шести возможныхъ тутъ сочетаній, каждое случилось въ дѣйствительности. Напримѣръ, легитимисты (реакціонеры) во Франціи при Луи-Филиппѣ поддерживали республиканцевъ; въ первой половинѣ 1848 года они поддерживали партію умѣренныхъ противъ ультра-республиканцевъ. Модерантисты (орлеанисты) поддерживали во Франціи въ 1849 году реакціонеровъ (бонапартистовъ), а теперь поддерживаютъ революціонеровъ. Революціонеры въ Испаніи при Наполеонѣ поддерживали реакціонеровъ въ борьбѣ противъ «офранцузившихся» (afrancesados) или умѣренныхъ прогрессистовъ; теперь въ Бельгіи, (гдѣ впрочемъ революціонеры очень малочисленны, благодаря тому обстоятельству, что король Леопольдъ — человѣкъ и честный и вмѣстѣ съ тѣмъ умный) они поддерживаютъ конституціонистовъ.

Какіе изъ этихъ многочисленныхъ сочетаній между разнородными партіями могутъ быть названы соотвѣтствующими логикѣ идей, какіе союзы могутъ не имѣть своимъ слѣдствіемъ раскаянія? Пока остаешься въ сферѣ отвлеченныхъ идей, вопросъ очень ясенъ. Реакціонеры съ одной стороны, модерантисты и революціонеры съ другой—различаются между собою существенною противоположностью цѣлей: реакціонеры хотятъ застоя, и для того чтобы сохранить нынѣшній порядокъ отъ прогресивныхъ реформъ, принуждены тянуть ходъ исторіи назадъ; модерантисты и революціонеры одинаково хотятъ прогресивныхъ реформъ и разнятся между собою только въ понятіи о средствахъ къ успѣшнѣйшему ихъ осуществленію. Изъ такого отношенія понятій необходимо слѣдуетъ, что если модерантисты или революціонеры становятся союзниками реакціонеровъ, они помогаютъ дѣлу, существенно-противоположному ихъ собственнымъ стремленіямъ, и въ результатѣ увидятъ себя обманувшимися. Напротивъ, реформы, которыхъ желаютъ модерантисты и революціонеры, въ сущности факта одинаковы, и разнятся между собою только процессомъ своего осуществленія; стало быть, результатомъ союза между модерантистами и революціонерами бываетъ произведеніе измѣненій, одинаково нужныхъ обоимъ союзникамъ, и споръ о способѣ осуществленія самъ собою исчезаетъ, когда дѣло исполнено тѣмъ или другимъ способомъ.

Таково естественное отношеніе партій по существеннымъ ихъ стремленіямъ. Только одинъ союзъ между модерантистами и революціонерами можетъ быть названъ существенно-удовлетворительнымъ для обѣихъ соединяющихся партій. Напротивъ того, если модерантисты или революціонеры будутъ помогать реакціонерамъ, они въ результатѣ непремѣнно найдутъ разочарованіе или, по выраженію императора французовъ, «разрушеніе иллюзій», которыми вовлеклись въ противоестественный союзъ.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній, намъ легко видѣть, что отношенія партій въ Италіи были совершенно неправильныя, несогласныя не только съ логикою понятій, но и съ первымъ элементарнымъ условіемъ сколько нибудь правильнаго хода борьбы. Сардинія была центромъ, изъ котораго вышло движеніе послѣдней войны, и потому обратимъ главное вниманіе на нее.

Не надобно думать, чтобы сардинскіе реакціонеры (клерикальная партія, или правая сторона палаты депутатовъ, имѣвшая своимъ предводителемъ графа Соларо делла Маргариту) измѣнили общему принципу, по которому иноземцы одного и того же политическаго направленія милѣе соотечественниковъ, держащихся противнаго направленія. Они продолжали, и до войны, и во время войны, сочув-

ствовать австрійцамъ, вѣрнѣйшимъ приверженцамъ реакціи. Въ этомъ клерикальная партія была совершенно логична, и какъ бы ни судили мы о ея стремленіяхъ, надобно признать въ ея образѣ дѣйствій ловкость и вѣрность разсчета. Революціонеры также выдержали вѣрность принципу во время войны: они говорили, что не могутъ присоединиться къ дѣлу, въ которомъ главною силою, дѣйствующею противъ австрійцевъ, является бонапартизмъ, который имѣетъ тѣ же самыя стремленія, какъ и австрійская политика; но модерантисты, — или, по итальянскому своему названію, конституціонная или піемонтская партія, имѣвшая своимъ предводителемъ графа Кавура, — дѣйствовали иначе. Они противъ Австріи, то есть реакціи, вздумали опереться на бонапартизмъ, то есть на туже самую реакцію, и пренебрегли основнымъ правиломъ политической тактики, по которому одинаковыя партіи во всѣхъ странахъ взаимно поддерживаютъ другъ друга и, несмотря ни на какія случайныя столкновенія, не могутъ желать вреда одна другой. По этому правилу, бонапартизмъ никакъ не могутъ сдѣлать вреда Австріи, чего хотѣла піемонтская партія. Онъ могъ на время, по случайнымъ своимъ надобностямъ, стать съ Австріею въ формальную вражду, но и во время этой формальной борьбы не могъ забыть, что въ сущности дѣло Австріи есть его собственное дѣло, что подрывая австрійскую, т. е. реакціонную силу онъ вредилъ бы самому себѣ. Потому война между бонапартизмомъ и Австріею, по существенному характеру и интересу обоихъ противниковъ, никакъ не могла имѣть иной натуры, какъ натуры турнира, рыцарскаго состязанія, при которомъ дерутся вовсе не съ намѣреніемъ повредить другъ другу, а только съ безвредною для противника мыслью поспорить о томъ, кто кого сильнѣе, кто долженъ занять первое мѣсто за дружескимъ пиромъ, за который сядутъ благородные противники тотчасъ по окончаніи боя. Пренебреженіе этимъ неизбѣжнымъ фактомъ было бы неизвинительно въ піемонтской партіи, если бы мы не знали, что за союзъ съ бонапартизмомъ она схватилась только въ крайности. Первоначально она старалась дѣйствовать сообразно правилу политической тактики и не щадила никакихъ пожертвованій, чтобы найти себѣ опору въ Англіи, т. е. также въ партіи конституціоннаго модерантизма. Для этого она, въ угоду англичанамъ, послала войско въ Крымъ, принесла въ жертву нѣсколько тысячъ солдатъ и нѣсколько десятковъ милліоновъ денегъ. Но на парижскомъ конгрессѣ Англія нелѣпымъ образомъ сблизилась съ Австріею, и тогда бѣдная піемонтская партія, покинутая своею естественною союзницею, приняла предложенія, дѣлавшіяся ей бонапартизмомъ. Если бы въ политической борьбѣ возможна была та хладнокровность, съ какою ведется шахматная игра, то надобно было бы

сказать, что лучше, нежели принимать такую помощь, было повременить, выжидая той поры, когда Англія увидитъ свою ошибку, если во Франціи возьметъ верхъ партія прогресса. Но положеніе Италіи было такъ тяжело, что трудно произнесть надъ піемонтскою партіею за эту ошибку приговоръ съ тою строгостью, какой требуетъ грубость ошибки и великость вреда, ею принесеннаго. Но какъ бы то ни было, извинителенъ или неизвинителенъ былъ союзъ піемонтской партіи съ бонапартизмомъ, онъ отнялъ у республиканской партіи возможность соединиться въ рѣшительную минуту съ конституціонистами. Обыкновенно говорятъ, что Маццини, въ своемъ фанатизмѣ, не хочетъ признавать ничего хорошаго въ людяхъ иначе, какъ на томъ условіи, чтобы они совершенно приняли его идеи. Но кто хотя нѣсколько знакомъ съ исторіею этого агитатора, тотъ знаетъ, что постоянно, повсюду онъ искалъ союзниковъ, не останавливаясь никакими разногласіями, лишь бы нашлось соотвѣтствіе въ одномъ, — въ желаніи освободить Италію. Онъ обращался съ этою надеждою и къ папѣ, и къ Карлу Альберту, и наконецъ онъ сталъ удерживать свою партію отъ подобныхъ надеждъ и союзовъ только потому, что увидѣлъ ошибочность своей собственной прежней мысли о пользѣ ихъ для дѣйствительнаго освобожденія Италіи.

Такимъ образомъ, въ Италіи даже не успѣли образоваться два лагеря, — осталось цѣлыхъ три враждебныхъ лагеря, по невозможности соединенія маццинистовъ, не вѣрившихъ бонапартизму, съ піемонтскою партіею, основавшею на немъ свои надежды.

Теперь графъ Кавуръ палъ, и тѣ люди, мнѣніе которыхъ измѣняется сообразно съ успѣхомъ или неудачею, конечно находятъ теперь большую легкость порицать ошибки этого государственнаго дѣятеля, которому недавно поклонялись. Мы не восхищались политикою графа Кавура, когда счастье было повидимому на его сторонѣ, за то теперь не станемъ осыпать его упреками. Напротивъ мы скажемъ въ оправданіе ему, что слишкомъ легко было ему, человѣку замѣчательнаго ума, разсчитывать на свое умственное превосходство надъ союзникомъ.... Онъ могъ вообразить, что будетъ держать этого человѣка въ рукахъ, сдѣлаетъ его орудіемъ своихъ цѣлей. Это было очень натурально. Не въ упрекъ Кавуру, а въ объясненіе факта, мы замѣтимъ, что онъ тутъ забылъ только одно: инстинктъ эгоизма такъ ловокъ и разсчетливъ, что человѣкъ, руководящійся исключительно имъ, можетъ перехитрить какого угодно геніальнаго министра....

Съ самаго начала Кавуръ холодностью и молчаливостью своего союзника былъ введенъ въ ту ошибку, что вообразилъ, будто бы

только онъ нуждается въ Наполеонѣ III, между тѣмъ, какъ въ сущности, самъ императоръ французовъ гораздо больше нуждался въ немъ. Въ началѣ года, когда шли въ газетахъ толки о конгрессѣ и разныхъ дипломатическихъ посредничествахъ, отъ которыхъ ожидали предотвращенія войны, мы нѣсколько разъ подробно излагали факты, дѣлавшіе для императора французовъ войну необходимостью. Желающіе могутъ найти ихъ въ нашихъ прежнихъ обозрѣніяхъ.

Война въ Италіи, безотлагательная война, потому что каждая ночь, каждый день до ея объявленія грозитъ опасностями, — такова была потребность Наполеона III. Но онъ не говорилъ объ этомъ, держалъ себя холодно; потому Кавуръ сталъ думать, что нужно всяческими уступками склонять его къ войнѣ. Въ сущности, Кавуръ могъ диктовать условія союза, потому что Франція не могла провозгласить намѣренія освобождать Италію отъ австрійцевъ, иначе, какъ опираясь на Сардинію. Положимъ, Кавуру также была нужна война, но у него не было необходимости начинать ее тотчасъ же, непремѣнно въ нынѣшнюю весну: онъ могъ подождать и годъ, и два, какъ ждалъ шесть или семь лѣтъ. Для Наполеона отсрочка была невозможна. Но Каавуръ въ горячности своего патріотизма думалъ, что союзникъ оказываетъ Сардиніи великодушную помощь, склоняемый краснорѣчіемъ и умомъ его, Кавура, къ дѣлу, въ которомъ самъ не имѣетъ надобности. Такимъ образомъ Сардинія бросилась въ войну, не гарантировавъ ничѣмъ свободы своихъ дѣйствій подлѣ союзника, подавлявшаго ее громадностью своихъ силъ.

Но какими же способами можно было гарантировать независимость сардинской политики? Развѣ неизвѣстно, что никакія обѣщанія не гарантируютъ противъ превосходства силы? Такъ, обѣщанія ненадежны, и въ томъ именно и заключалась ошибка, что Сардинія ограничилась ими. Нужно было принять другія мѣры для огражденія своей самостоятельности. Во-первыхъ, французскимъ войскамъ надобно было назначить театръ дѣйствій, различный отъ театра дѣйствій сардинской арміи, такъ чтобы она составляла совершенно отдѣльное цѣлое; во-вторыхъ, нужно было оговорить, что внутренніе вопросы въ Тосканѣ, Пармѣ, Моденѣ, Легатствахъ не должны нимало относиться до французовъ. То и другое, и все что угодно, Наполеонъ принялъ бы: Кавуръ могъ тогда предложить ему какія-угодно условія союза. А онъ, напротивъ, считалъ себя облагодѣтельствованнымъ, принимая помощь безъ всякихъ гарантій. Ему гарантіи казались невозможны, потому что онъ не замѣчалъ, что война Наполеону III нужнѣе, нежели ему самому; онѣ казались ему не нужны, потому что онъ считалъ помощь слѣдствіемъ великодушія Наполеона III и своего вліянія на него, то есть дѣломъ, которое Наполеонъ будетъ и по

доброй волѣ вести сообразно его видамъ; онѣ казались ему излишни, потому что онъ, надѣясь на свое умственное превосходство, воображалъ, что будетъ управлять Наполеономъ III.

При такомъ безусловномъ ввѣреніи хода и характера войны Наполеону III, при отдачѣ сардинской арміи въ распоряженіе Наполеона III, война необходимо должна была имѣть конецъ въ томъ родѣ, какой дѣйствительно получила. Это было съ самаго начала ясно для всѣхъ проницательныхъ публицистовъ, и мы тогда же передавали ихъ предсказанія читателю. Спрашивается, кто былъ причиною безусловно-владычествующаго положенія, занятаго въ ней Наполеономъ III? Кто призвалъ его въ Италію? Кто отдалъ ему въ команду сардинскую армію и всѣ другія итальянскія войска? Кто не принялъ никакихъ предосторожностей для доставленія итальянцамъ вліянія на рѣшеніе ихъ судьбы? Піемонтская партія, модерантисты, и глава ихъ—графъ Кавуръ. Наполеонъ III только воспользовался даннымъ ему отъ нихъ положеніемъ сообразно съ своими видами: — что̀ тутъ особеннаго, если человѣкъ заботится о своихъ выгодахъ, и за что̀ тутъ винить его? «Смотри, кому въ руки отдаешься», и «не сваливай свою вину на другаго», сказали бы мы графу Кавуру и его приверженцамъ, если бы они, бѣдные, не заслуживали теперь скорѣе состраданія, чѣмъ гнѣва.

А гнѣва они заслуживали своею непредусмотрительностью, которая отозвалась теперь, по выраженію Наполеона III, «разрушеніемъ благородныхъ надеждъ». «Но, скажетъ иной читатель, кто же могъ предполагать такую измѣну? Кто могъ ожидать, что союзникъ соединится съ врагами противъ друзей?»

Послѣ предъидущихъ объясненій намъ легко отвѣчать на это возраженіе, основывающееся только на запутанности понятій, истинное отношеніе которыхъ мы старались показать. Да, только изъ запутанности понятій проистекали всѣ обвиненія Наполеона III въ измѣнѣ друзьямъ. Кто смотритъ на вещи правильно, тотъ не станетъ винить въ такихъ пустякахъ императора французовъ, а напротивъ — скажетъ, что онъ поступилъ совершенно такъ, какъ ему слѣдовало поступить по тѣмъ принципамъ, постояннымъ защитникомъ которыхъ онъ былъ.

Припомнимъ раздѣленіе общества на три партіи и взглянемъ на то, къ какимъ изъ нихъ принадлежатъ императоръ французовъ, австрійское правительство и графъ Кавуръ.

Владычество бонапартизма во Франціи основано на реакціи. Австрія также представительница реакціи. Изъ этого ясно, что существенные интересы бонапартизма и Австріи одинаковы, что эти силы должны поддерживать одна другую, что ослабленіе одной изъ

нихъ грозитъ опасностью и для другой. Конечно, и между самыми родственными элементами могутъ возникать случайныя столкновенія, но взаимный интересъ требуетъ, какъ можно скорѣе, прекращать ихъ, чтобы дружно противиться общему врагу.

Кто не упускалъ изъ виду этого основнаго факта, — одинаковости между существенными интересами бонапартизма и Австріи, тотъ очень хорошо видѣлъ, что считать Наполеона III врагомъ Австріи значило совершенно не понимать его. Такимъ образомъ, оказывается клеветою та часть обвиненія, которая возникаетъ изъ расположенія Наполеона какъ можно скорѣе заключить миръ съ Австріею, и притомъ на самыхъ выгоднѣйшихъ для нея условіяхъ.

Остается другая часть обвиненія: «онъ измѣнилъ выгодамъ своихъ друзей, сардинцевъ»;—читатель видитъ, что тутъ слово «друзья» такъ же несправедливо, какъ и слово «враги» относительно австрійцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто такой былъ Кавуръ, на чемъ была основана его сила, къ чему стремилась его партія? Партія, вошедшая въ союзъ съ Наполеономъ черезъ Кавура была, какъ всѣмъ извѣстно, партія приверженцевъ конституціоннаго устройства. Теперь спрашивается, кому не извѣстны отношенія Наполеона III къ конституціонному принципу? Конституціонисты — злѣйшіе враги бонапартизма; онъ держится только подавленіемъ ихъ. Какимъ же образомъ злѣйшихъ враговъ называть друзьями? Прискорбная необходимость могла заставить Наполеона III принять на время содѣйствіе, предлагавшееся ему итальянскими конституціонистами; но коренная, непримиримая враждебность этихъ двухъ элементовъ оставалась неизгладима, и Наполеонъ III былъ бы просто неразсчетливъ, если бы забылъ о ней. Онъ хорошо чувствовалъ, что служить Кавуру значило бы усиливать конституціонную партію въ Италіи, а усиливать ее въ Италіи значило бы оживлять ее во Франціи, то есть вредить самому себѣ. Такого безразсудства не слѣдовало и ожидать отъ человѣка, хорошо понимающаго свое положеніе и умѣющаго соблюдать свои выгоды. Потому-то проницательные публицисты съ самаго начала и говорили, что цѣли Кавура не могутъ быть цѣлями Луи-Наполеона. Просимъ читателя припомнить выписки изъ англійскихъ рѣчей и статей въ прежнихъ нашихъ обзорахъ.

Послѣ этого нѣтъ нужды распространяться о совершенной неумѣстности неблаговиднаго термина «измѣнникъ», которымъ многіе характеризуютъ тотъ очень натуральный фактъ, что Наполеонъ III заключилъ отдѣльный миръ съ Австріею, противъ выгоды и воли Сардинцевъ. «Измѣна», «предательство» — какія грубыя, несвѣтскія понятія! Понятіе «предательства» не должно существовать въ умѣ свѣтскаго человѣка, а тѣмъ болѣе въ умѣ диплома-

та, и кто позволяетъ себѣ жаловаться на предательство, тотъ обнаруживаетъ только собственную неприготовленность къ веденію важныхъ дѣлъ. На самомъ дѣлѣ исторія была самая невинная. Положимъ, напримѣръ, что вы хотите ѣхать изъ Рязани въ Петербургъ, а я въ Москву; вамъ извѣстно, что дальше Москвы я не поѣду; но вамъ угодно было имѣть меня своимъ спутникомъ. Теперь спрашиваю васъ: если, доѣхавъ до Москвы, я останусь тамъ и предоставлю вамъ продолжать путь, какъ вы сами знаете, или остаться въ Москвѣ, когда вы не можете ѣхать одни, — если я сдѣлаю это, неужели вы имѣете право называть меня измѣнникомъ? У васъ, быть можетъ, наивныя понятія; быть можетъ, вы, зная что мнѣ нужно быть только въ Москвѣ, вынудили у меня какое нибудь двусмысленное слово, что я охотно побывалъ бы и въ Петербургѣ, и повѣрили этому слову, — ну, чтожь мнѣ изъ того? Какой же практическій человѣкъ вѣритъ словамъ? Мало ли что говорятъ, такъ вотъ всему вы и станете вѣрить! Вы должны разсчеты ваши основывать на томъ, что̀ мнѣ нужно, а не томъ, что̀ я говорю; иначе вы на каждомъ шагу будете оставаться въ проигрышѣ.... — Но, повѣрьте мнѣ, — никого вы не называйте за это измѣнникомъ, а называйте только сами себя слишкомъ наивнымъ простякомъ, а лучше всего, постарайтесь отучиться отъ вашей плебейской наивности.

Луи-Наполеонъ не притворялся какимъ нибудь конституціонистомъ; онъ не скрывалъ своего принципа, принципа реакціи; онъ не скрывалъ своей непримиримой враждебности къ конституціонизму. Теперь, — итальянскимъ конституціонистамъ было угодно вручить ему свою судьбу. Я спрашиваю: состояніе открытой вражды, въ которой онъ находится съ конституціонистами, не уполномочивало ли его воспользоваться ослѣпленіемъ враговъ, чтобы запутать ихъ въ ихъ собственныя сѣти? Да, Кавуръ всегда былъ врагомъ ему, потому что былъ конституціоннымъ министромъ, главою партіи, единомышленники которой во Франціи — смертельные ненавистники Луи-Наполеона. Съ какой же поры военная ловкость, пользующаяся ошибками непріятеля, стала называться измѣною? Повѣрьте, — вѣдь не даромъ же говорятъ у французовъ: à la guerre — comme à la guerre, на войнѣ по военному и дѣлается.

Не знаемъ, до какой степени удалось намъ убѣдить читателя, что императоръ французовъ поступилъ очень естественно, заключивъ отдѣльный миръ съ Австріею на самыхъ выгодныхъ для нея и самыхъ невыгодныхъ для Италіи условіяхъ, и что винить его тутъ ровно не за что. Намъ кажется, что логика нашего оправданія неопровержима. Вотъ оно вкратцѣ.

Итальянская независимость составляетъ предметъ желанія для итальянскихъ революціонеровъ (Мацдини) и конституціонистовъ или модерантистовъ (графъ Кавуръ и піемонтская партія). Партія итальянскихъ реакціонеровъ смертельно боится освобожденія Италіи. Австрія—представительница принципа реакціи. Бонапартизмъ держится реакціею. Элементы реакціи, модерантизма и революціи разлиты по всѣмъ странамъ западной Европы, и паденіе или усиленіе какого нибудь изъ этихъ элементовъ въ одной странѣ непремѣнно облегчаетъ подобную перемѣну во всѣхъ другихъ странахъ. Поэтому усиленіе конституціонной партіи въ Италіи, — а исполнить ея желаніе, освободить Италію, значило бы усилить ее, — необходимо вело къ усиленію конституціонной партіи въ самой Франціи. Ослабленіе Австріи также вело бы къ ослабленію реакціи во Франціи. То и другое было бы равнозначительно погибели бонапартизма. Итакъ, ясно было, что Наполеонъ III, принужденный вести войну въ Италіи, долженъ употребить всѣ свои усилія на то, чтобы покончить эту войну такимъ миромъ, который не освобождалъ бы Италію, не былъ бы вреденъ могуществу австрійцевъ, съ которыми прочные и существенные интересы у него одинаковы, и не принесъ бы пользы итальянскимъ конституціонистамъ, помощью которыхъ онъ могъ воспользоваться на минуту, по одному случайному дѣлу, но партія которыхъ находится по своей натурѣ въ смертельномъ противорѣчіи съ условіями его собственнаго существованія.

Кажется, это просто и неопровержимо. А если дѣйствительно такъ, то надобно сознаться, что всѣ обвиненія противъ Наполеона III за Виллафранкскій миръ — пустыя фразы, порождаемыя только непониманіемъ сущности бонапартизма. Наполеонъ III поступилъ сообразно требованію своего жизненнаго принципа, пожертвовавъ своими врагами сардинцами своимъ друзьямъ австрійцамъ.

Но если мы находимъ, что дѣйствительно война, въ которой главнымъ дѣятелемъ былъ Наполеонъ III, не могла привести ни къ чему иному, кромѣ Виллафранкскаго мира, и если императоръ французовъ поступилъ, при заключеніи этого мира, совершенно послѣдовательно и основательно съ своей точки зрѣнія, то само собою разумѣется, что мы вовсе не намѣрены скрывать неудовольствія, пробужденнаго условіями этого мира въ людяхъ и партіяхъ, имѣющихъ принципы не одинаковые съ бонапартизмомъ. Напротивъ, именно съ того мы и начали, что упомянули объ этомъ недовольствѣ, объясняя имъ неточности въ изложеніи фактовъ и побужденій, склонившихъ къ миру императора французовъ, по его словамъ. Нашедши теперь истинную причину выгодныхъ для Австріи условій договора,

мы подробнѣе займемся впечатлѣніемъ, какое онъ произвелъ въ различныхъ странахъ.

Англичанъ упрекали въ холодности къ итальянскому вопросу за ту недовѣрчивость, съ которою они смотрѣли на войну. Дѣйствительно, война была непріятна имъ, потому что не обѣщала ничего, кромѣ побѣдъ Наполеона III, то есть увеличенія его могущества, и утвержденія его въ мысли, что онъ можетъ счастливо приводить къ концу какую угодно войну. Они думаютъ, что все это можетъ приблизить минуту, когда онъ вздумаетъ объявить, что долженъ отомстить Англіи за своего дядю. Но негодованіе, овладѣвшее англійскою публикою при извѣстіи о Виллафранкскомъ мирѣ, показало, какъ велико сочувствіе англичанъ къ дѣлу итальянской независимости (просимъ читателя не забывать, что мы говоримъ объ англійской публикѣ, а не объ англійскомъ правительствѣ, — эти два понятія далеко не одинаковые даже и въ приложеніи къ Англіи). Сожалѣніе о бѣдной Италіи пересилило въ нихъ даже радость о томъ, что уменьшилась опасность для нихъ самихъ быть запутанными въ разорительную войну. Въ примѣръ мы приводимъ статью, которою встрѣтилъ извѣстіе о мирѣ Times. (*)

«Миръ послѣдовалъ за перемиріемъ быстрѣе, нежели даже можно было предполагать. Великій волшебникъ нашего вѣка далъ три битвы и поговорилъ часъ времени съ побѣжденною Австріею, и вотъ, въ концѣ этой короткой конференціи, Ломбардія вдругъ уступлена Франціи, и Италія становится конфедераціею подъ почетнымъ предсѣдательствомъ папы. Перемѣны такъ быстры, что рябили въ глазахъ. Не успѣли мы уловить черты картины, представляющейся нашему зрѣнію, а предметъ уже исчезъ и на мѣстѣ его явился другой. Нѣсколько недѣль тому назадъ, мы разсуждали о конгрессѣ для предотвращенія войны. Недѣлю тому назадъ, свѣтъ толковалъ о шансахъ для Австріи успѣшно бороться противъ Франціи. Періодъ битвъ прошелъ. Грозный четыреугольникъ крѣпостей поглотилъ собою всѣ мысли. Но вчера исчезли всѣ размышленія и догадки объ арміяхъ, всякое вниманіе къ пушкамъ, и явились на свѣтъ два новыя государства, созданныя въ нѣсколько часовъ, вошедшія въ знакомство съ публикою сотрясеніемъ телеграфной проволоки. «Императоръ австрійскій уступаетъ королевство Ломбардское императору фран-

---

(*) Просимъ читателей не приписывать намъ нѣсколько саркастическаго тона, какимъ англійская газета отзывается о Наполеонѣ III; наше мнѣніе о дѣйствіяхъ французскаго императора мы высказали достаточно выше, а настоящую статейку переводимъ только для показанія, какое впечатлѣніе произвелъ въ Англіи Виллафранкскій миръ.

цузовъ». Итакъ Австрія совершенно выбита изъ колеи своего стариннаго упорства. Пескьера и Верона, Мантуя и Леньяно, линія Аддидже и венеціанскія лагуны — все покинуто, все уступлено.... Францъ Іосифъ немедленно уходитъ изъ Италіи съ 300,000 своихъ солдатъ, и Италія, освобожденная отъ этого давленія, преобразуется въ независимое государство. Какъ мы покажемся теперь свѣту съ такими новостями на нашихъ широкихъ листахъ? Что теперь скажетъ Times въ защиту своихъ неблагородныхъ подозрѣній? Какъ намъ извиняться передъ столь жестоко оклеветаннымъ императоромъ французовъ? Съ какимъ лицомъ встрѣтить намъ теперь торжество и презрѣніе друзей свободы, предостерегать которыхъ имѣли мы малодушіе? Униженное отреченіе одно только остается намъ. Соединимся же съ радикалами Англіи, карбонари Италіи и великимъ политическимъ оракуломъ Венгріи въ воспѣваніи славы Наполеона III! (*) Забудемъ мы, послѣдніе изъ прозелитовъ и едва ли достойные назваться прозелитами, — забудемъ со стыдомъ всѣ наши неблагородныя опасенія, и возрадуемся, теперь, когда Италія, и не на однихъ словахъ, а на самомъ дѣлѣ стала свободна отъ Альпъ до Адріатическаго моря!

Но — погодите! Въ этомъ потокѣ телеграфическихъ депешъ, въ этомъ сонмѣ быстрыхъ извѣстій, приносящихся со всѣхъ сторонъ свѣта и соединяющихъ въ себѣ отголоски всѣхъ европейскихъ столицъ, есть звуки, дисгармонирующіе съ всеобщею радостью. Что значитъ это новое извѣстіе? Что это за горькая капля, отъ которой пропадаетъ пѣнистое кипѣніе эн-

---

(*) Здѣсь сарказмъ *Times'a* невѣренъ. Англійскіе радикалы не ожидали ничего хорошаго отъ войны. Читатель можетъ вспомнить рѣчь Робека и отчетъ самаго *Times'a* о митингѣ по итальянскому вопросу въ Гайдъ Паркѣ (Соврем. № V). Маццинисты также не одобряли Кавура за союзъ съ Наполеономъ III и говорили, что поспѣшное образованіе народныхъ войскъ, независимыхъ ни отъ Франціи, ни отъ Кавура, одно можетъ спасти Италію, судьбу которой предрекали. Кошутъ не выхвалялъ Наполеона III и долго, упорно не соглашался на его предложеніе содѣйствовать венгерскому возстанію, и когда наконецъ рѣшился на это, то полагался не на его увѣренія, а на то, что австрійскихъ войскъ въ Венгріи оставалось мало. Читатель вспомнитъ его слова (Совр. № VI) «Венгрія такъ далека отъ Франціи, что ее нельзя обратить во французскіе департаменты»: — кажется, это выраженіе мало свидѣтельствуетъ о вѣрѣ въ императора французовъ. Маццини, Кошутъ и англійскіе радикалы говорили только одно: Англія не должна вступаться за Австрію. *Times*, у которой были иногда порывы воинственности, — впрочемъ, не изъ любви къ Австріи, — а изъ опасенія замысловъ Наполеона противъ Германіи и самой Англіи, сердится на всѣхъ этихъ людей за противорѣчіе ея воззваніямъ о необходимости самыхъ энергическихъ вооруженій, которыя неминуемо вовлекли бы Англію въ войну, если бы война продлилась хоть до слѣдующей весны.

тузіазма, охлаждаются наши теплыя симпатіи? Италія должна быть свободна, потому что такъ говоритъ императоръ французовъ, — а кто, кромѣ невѣрующаго, неблагороднаго Times'а колеблется вѣрить императору? — Но это воцареніе папы, это возстановленіе великаго герцога Тосканскаго, это оставленіе Венеціи и Минчіо за Австріею, — всѣмъ этимъ видоизмѣняется первое извѣстіе, пришедшее отъ императора французовъ. Да, Италія свободна, но она свободна не въ демократическомъ, не въ конституціонномъ, не въ обыкновенномъ смыслѣ, а въ Наполеоновскомъ смыслѣ слова. Свобода — слово принимаемое въ разныхъ значеніяхъ, и часто цвѣтъ его заимствуется отъ оттѣнка интересовъ человѣка, его употребляющаго. Свобода въ Спартѣ не значила того, чтобы илоты не были убиваемы, когда становились слишкомъ многочисленны или безпокойны. Свобода въ Италіи не значитъ, чтобы жители Италіи имѣли какой нибудь голосъ въ своемъ управленіи. Италія свободна, но свободна на французско-императорскихъ условіяхъ. Ломбардія, завоеванная Франціею, отдается королю сардинскому. Никто не можетъ сказать, что Ломбардія не свободна. Она могла имѣть свои понятія о возстановленіи прежняго герцогства, какъ самостоятельнаго государства, и Миланъ можетъ имѣть возраженія противъ того, чтобы стать удѣломъ Турина; но съ нынѣшняго времени Ломбардія лучше молчать объ этихъ сумасбродствахъ. Она свободна и должна быть довольна. Венеція также свободна. Она свободна подъ австрійскимъ господствомъ. Чего же больше можетъ она хотѣть? Навѣрное, она не имѣетъ сумасбродства мечтать о временахъ Дандоло! Или Венеція недовольна? Такъ она не знаетъ что̀ такое свобода, какъ понимаетъ ее Наполеонъ. Но пусть она потише говоритъ о своемъ безумномъ недовольствѣ. Только кусокъ Ломбардіи переданъ Сардиніи: «Ломбардія до линіи Минчіо». Между «линіею» Минчіо и Венеціею текутъ двѣ большія рѣки въ По, и земля, орошаемая этими рѣками, усѣяна первоклассными крѣпостями. Это старинныя австрійскія желѣзныя ворота, черезъ которыя Австрія входила въ Италію, когда хотѣла. Это кровъ австрійскаго деспотизма, подъ которымъ становится онъ каждый разъ, когда была опасность въ равнинахъ. Отсюда онъ могъ высылать десятки тысячъ своихъ солдатъ для подавленія каждаго признака недовольства въ самомъ зародышѣ. Вы, свободные сардинскіе ломбардцы, наслаждающіеся свободою подъ тѣнью западныхъ стѣнъ этихъ великихъ крѣпостей, и вы, освобожденные венеціанцы, которые можете, обработывая свои земли на материкѣ, любоваться на пушки, смотрящія съ ихъ восточныхъ бастіоновъ, не ведите слишкомъ громко своихъ свободныхъ рѣчей. Эта земля также свободна. Она лежитъ между Альпами и Адріатиче-

скимъ моремъ, стало-быть непремѣнно она свободна. Она раздѣляетъ съ Венеціею честь быть свободной подъ австрійскимъ господствомъ. Но она свободна, какъ чисто австрійское владѣніе, какъ аванпостъ Тироль, подобно ножу врѣзывающійся въ тѣло сѣверной Италіи. Она попрежнему наполнена войсками и оружіемъ, и изъ нея арміи могутъ быть посланы по желѣзнымъ дорогамъ и въ нѣсколько часовъ быть въ Миланѣ или Венеціи. Австрія еще владѣетъ и по трактату будетъ продолжать владѣть этимъ страшнымъ четырехъ-угольникомъ. Потому въ этихъ городахъ лучше потише говорить о новопріобрѣтенной свободѣ и шопотомъ поздравлять другъ друга съ достославнымъ совершеніемъ обѣщанія освободить ее отъ Альповъ до Адріатическаго моря. Тоскана и Модена также свободны. Онѣ свободны собственнымъ своимъ дѣломъ, потому что изгнали своихъ герцоговъ и послали къ императору Наполеону половину своихъ молодыхъ людей волонтерами. Свободные граждане Тосканы и Модены сражались противъ своихъ изгнанныхъ государей при Сольферино и помогали императору Наполеону побѣдить ихъ. Это было ошибкою съ обѣихъ сторонъ. Истинная свобода, за которую сражались тосканцы и моденцы, состоитъ въ томъ, чтобы принять обратно своихъ прежнихъ правителей, и если бы герцоги понимали свою настоящую выгоду они были бы не въ лагерѣ австрійскаго императора, а во французскомъ лагерѣ. Гиппіасъ возвращается въ Аѳины, — свобода Аѳинъ нуждается въ его возстановленіи.

«Гуэтли (*) утверждаетъ, что половина ссоръ на свѣтѣ проистекаетъ отъ невниманія къ законамъ логики: люди не думаютъ объ опредѣленіяхъ.» Въ этомъ причина разнорѣчія, раздѣлявшаго насъ съ людьми, сочувствовавшими итальянской войнѣ. Если бы они опредѣлили, что̀ такое разумѣли подъ свободою Италіи, и опредѣлили въ томъ смыслѣ, какой мы видимъ нынѣ, мы никогда не усомнились бы въ намѣреніи Луи-Наполеона дать свободу Италіи. Не доходя до чрезвычайности въ нашей симпатіи къ Италіи, мы должны однакоже признаться, что если бы мы послали лорда Страффорда или лорда Кларендона на конгрессъ—сдѣлать для Италіи, что̀ можетъ сдѣлать для нея Англія, и если бы лордъ Страффордъ или лордъ Кларендонъ возвратился, размахивая шляпою и восклицая «Италія свободна!», и оказалось бы, что онъ оставилъ австрійцевъ въ Пескьерѣ, въ Мантуѣ и въ Венеціи и силою возвратилъ герцоговъ въ Тоскану и Модену, и что это называетъ онъ свободою Италіи, — мы почувствовали бы большое искушеніе громко потребовать, чтобы

(*) Авторъ знаменитыхъ изслѣдованій о законахъ мышленія.

лордъ Страффордъ или лордъ Кларендонъ былъ преданъ суду, какъ измѣнникъ. Если бы мы знали, что таковы были желанія г. Кошута и бирмингэмскихъ джентльменовъ (*) и другихъ поклонниковъ императора Наполеона, то мы, кажется, могли бы вытребовать у Австріи исполненіе ихъ желаній, не усѣивая Италію трупами и не наполняя госпиталей бѣдными изуродованными солдатами. Во всемъ этомъ нѣтъ ничего такого, чего бы нельзя было вынудить у Австріи силою дипломаціи. Все это не можетъ оскорблять ея гордости и значительно увеличиваетъ ея силу. Она избавлена отъ хлопотъ управлять безпокойною и убыточною провинціею и удерживаетъ силу опустошать ее, когда только захочетъ. Она теперь стоитъ въ Италіи, какъ мечъ-рыба подлѣ кита. Австрія — вся покрыта оружіемъ, Италія вся — добыча ей. Австрія уступила только то, что можетъ, когда ей угодно, взять назадъ, чего вѣроятно не захочетъ она и брать назадъ. Сардинія пріобрѣла провинцію, которую можетъ сохранять только по милости Австріи и которую, въ случаѣ нападенія, не можетъ защитить. Когда австрійскіе сатрапы будутъ возстановлены въ Тосканѣ и Моденѣ, сама Австрія будетъ стоять вооруженная съ ногъ до головы, непреодолимо господствующая въ итальянской конфедераціи. Австрія будетъ въ Италіи такъ сильна, какъ никогда еще не была. Если бы Англія имѣла безстыдство предложить ей такія условія до начала войны, Австрія не могла бы отказать въ нихъ, и тогда 100,000 человѣкъ остались бы живы, а Италія не меньше нынѣшняго была бы «свободна отъ Альпъ до Адріатическаго моря». Таковы бываютъ послѣдствія, когда люди не согласятся между собою въ смыслѣ словъ, ими употребляемыхъ. Но мы въ оправданіе себя должны замѣтить, что мы не одни ошибались. Тотъ человѣкъ, который лучше всѣхъ въ Европѣ долженъ былъ бы понимать императора Наполеона, тотъ человѣкъ, который лучше всѣхъ знаетъ итальянскій вопросъ, тотъ человѣкъ, котораго Италія прославляла, какъ лучшаго своего государственнаго дѣятеля, какъ лучшаго своего защитника, — графъ Кавуръ, — подобно намъ ошибался. Свободная Италія, о которой думалъ онъ, была ни мало не похожа на ту свободную Италію, которую изобрѣли императоръ французовъ съ императоромъ австрійскимъ, — и съ гнѣвомъ онъ удалился съ высокаго поста, который столь долго занималъ, не находя въ себѣ силъ выдерживать укоризны тѣхъ, надежды которыхъ возбудилъ и негодованія которыхъ такъ справедливо онъ долженъ опасаться».

(*) То есть Брайта и манчестерской школы. Читатель припомнитъ, что говорили мы въ прежнемъ примѣчаніи о ихъ довѣріи къ намѣреніямъ Наполеона: они только требовали, чтобы Англія не помогали Австріи.

Если съ такою силою охватило негодованіе англичанъ, людей называемыхъ холодными и во всякомъ случаѣ бывшихъ посторонними этому дѣлу, то легко представить себѣ, какъ закипѣли злобою французы, именемъ и оружіемъ которыхъ такъ жестоко воспользовались для подобнаго мира. Взрывъ чувства былъ такъ силенъ, что даже между газетами нашлись нѣкоторыя, отважившіяся, подъ прикрытіемъ общаго говора, выразить свое мнѣніе нѣсколько внятнымъ голосомъ. Особенно ѣдкую форму придалъ своему протесту Siècle, газета умѣренныхъ республиканцевъ, служившая органомъ тѣмъ близорукимъ надеждамъ, которыя были, столь внезапно для легковѣрныхъ, разрушены условіями мира. Въ тотъ день, когда пришла въ Парижъ телеграфическая депеша о мирѣ, Siècle помѣстилъ горячую статью, которая перечисляла, какъ неправдоподобные слухи, всѣ дѣйствительныя условія мира, и послѣ каждаго изъ нихъ прибавляла: «нѣтъ, такого условія не будетъ, потому что оно было бы безстыдно, безславно, безчестно». — За тѣмъ слѣдовалъ пробѣлъ, а за пробѣломъ короткія и холодныя слова: «предъидущая статья была уже написана, когда телеграфическая депеша извѣстила насъ объ условіяхъ мира; вотъ они»—и читатель видѣлъ, что миръ имѣетъ всѣ тѣ условія, которыя за нѣсколько строкъ предъ тѣмъ были объявлены невозможными по безпримѣрной безчестности. Даже изъ полуоффиціальныхъ газетъ, состоящихъ на подкупѣ у правительства, не всѣ отважились на первый разъ вымолвить обязанное свое слово въ похвалу мирному договору.

Въ парижскомъ населеніи условія мира вызвали сцены, напомнившія о временахъ давно запрещенныхъ. По улицамъ стояли толпы народа, громко выражая свое негодованіе. Въ Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьѣ блузники подняли страшный шумъ, такъ что потребовалось вмѣшательство полиціи. Объявленія, содержавшія телеграфическую депешу объ условіяхъ трактата, были срываемы со стѣнъ, сожигаемы на позорныхъ кострахъ. И не одно парижское населеніе, не одни безоружные, охраняемые артиллеріею фортовъ и казармъ блузники были раздражены: что гораздо хуже, это чувство волновало и армію, подвиги которой послужили къ тому, чтобы подвергнуть Италію такой судьбѣ. Солдаты ходили съ ругательствами по лагерю, офицеры ломали шпаги, говоря, что онѣ обезчещены....

Иной либералъ, привыкшій принимать свои желанія за факты, и два мѣсяца тому назадъ предвидѣвшій неизбѣжность освобожденія Италіи Наполеономъ III, теперь, пожалуй, вообразитъ, что это неудовольствіе опасно для власти Наполеона III, и назвавъ его предателемъ, прибавитъ съ сладкою увѣренностію, что близко наказаніе ему за предательство. Мы никакъ не можемъ назвать основательнымъ

и этого предсказанія. Мало ли чѣмъ, мало ли сколько разъ бываютъ недовольны!... Противъ Наполеона III сильное неудовольствіе существуетъ уже много лѣтъ, а онъ все-таки продолжаетъ держаться на своемъ мѣстѣ, и если можно сказать, что съ каждымъ годомъ неудовольствіе растетъ, то нельзя еще сказать навѣрное, чтобы невозможно было ему длиться и рости еще довольно долго, не производя никакого внѣшняго результата; и если развязка итальянской войны Виллафранкскимъ миромъ придала новую значительную дозу гнѣва къ прежнимъ причинамъ неудовольствія, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы нельзя было Наполеону III пріискать и новыхъ клапановъ для выпуска паровъ, грозящихъ его системѣ. Уже говорятъ, что онъ готовится къ войнѣ на Рейнѣ — едва ли это достовѣрно, по крайней мѣрѣ относительно настоящей минуты; но то не подлежитъ сомнѣнію, что онъ не замедлитъ пріискать новыя дипломатическія разногласія и потомъ выведетъ изъ нихъ новыя какія нибудь военныя столкновенія, для того, чтобы снова отвлечь вниманіе французовъ отъ вопросовъ о внутреннихъ правительственныхъ формахъ.

Точно тоже надобно сказать и о надеждахъ на исправленіе условій Виллафранкскаго мира силою негодованія самихъ итальянцевъ. Само собою разумѣется, что въ Италіи неудовольствіе еще во сто разъ жарче, нежели во Франціи,—но что жь изъ того? Читатель уже могъ убѣдиться фактами, какимъ забавнымъ самообольщеніемъ были слухи, разнесшіеся въ первые дни по заключеніи мира, будто бы Гарибальди не хочетъ слагать оружія, будто бы король сардинскій хочетъ не покоряться трактату, столь убійственному для него по содержанію, столь оскорбительному по презрѣнію къ Сардиніи, которое ознаменовало форму его заключенія. Надѣемся, читатель понимаетъ, что не меньше, нежели въ этихъ слухахъ, находится забавнаго, ребяческаго простодушія и въ надеждѣ на силу тѣхъ фактовъ неудовольствія и волненія, которые совершились въ разныхъ итальянскихъ городахъ при полученіи извѣстій о заключеніи мира. Безъ всякаго сомнѣнія, король сардинскій глубоко оскорбленъ. Не спросясь его, заключили миръ, какъ будто онъ былъ лишенъ всякой самостоятельности. Вмѣсто всей Ломбардіи, Венеціи, Тосканы, Пармы и Модены, которыя были у него уже, можно сказать, въ рукахъ, ему позволили пріобрѣсти только часть Ломбардіи, да и ту дали ему такимъ унизительнымъ образомъ, что, кажется, лучше онъ согласился бы вовсе не брать этого милостиваго подарка отъ великодушнаго союзника, если бы только могъ отважиться на отказъ. Но что жь изъ того? Именно въ томъ и дѣло, что король сардинскій, 100,000 солдатъ котораго раздроблены между 300,000 солдатъ императора

французовъ, не смѣетъ и подумать о непослушаніи великодушному и, что гораздо важнѣе, слишкомъ могущественному союзнику. Гарибальди, конечно, раздраженъ еще гораздо глубже, нежели король сардинскій. Но у Гарибальди только 10,000 солдатъ, и хотя каждый изъ нихъ стоитъ пятерыхъ, все-таки сопротивленіе было бы гибельнымъ сумасбродствомъ. А если Гарибальди и самъ король сардинскій не могутъ не повиноваться необходимости, выражаемой цифрою 300,000 французскихъ штыковъ, то смѣшно и говорить о той возможности поддержать свои желанія, противныя условіямъ мира, какую имѣютъ жители Тосканы, Модены и Легатствъ. Они могутъ кипѣть какимъ угодно негодованіемъ, могутъ принимать какія имъ угодно рѣшенія,—на это имъ полная воля въ тѣ немногіе дни, какіе нужны для передвиженія французскихъ войскъ съ бывшаго театра войны къ ихъ областямъ. А когда войска подойдутъ, они должны будутъ, волею или неволею, успокоиться. Никакой разсчетъ не дозволяетъ имъ и дѣлать попытку къ сопротивленію; а если благородный патріотизмъ заставитъ ихъ жертвовать жизнью въ безнадежномъ сопротивленіи для сохраненія чести, это будетъ имѣть своимъ результатомъ только погибель отважныхъ защитниковъ, преданныхъ итальянской независимости. Мы надѣемся, что не найдется между нашими читателями такого неопытнаго въ житейскихъ дѣлахъ, который захотѣлъ бы повторять вопросъ разныхъ газетъ: «Но кто же будетъ усмирять итальянцевъ, если они въ Тосканѣ, въ Моденѣ, въ Легатствахъ скажутъ, что оружіемъ готовы защищать пріобрѣтенную независимость? Неужели дозволятъ австрійцамъ въ Италіи снова подавлять вооруженною рукою всѣ попытки къ реформѣ въ областяхъ, куда они не имѣютъ права входить? Неужели французы, черезъ два мѣсяца послѣ того, какъ называли себя защитниками итальянской свободы, рѣшатся штыками усмирять тѣхъ итальянцевъ, которые повѣрили имъ?»—Какое наивное «неужели»!—Безъ всякаго сомнѣнія, если французы найдутъ нужнымъ, они не только дозволятъ, но и прямо поручатъ австрійцамъ усмирить Легатства и другія папскія области. Безъ всякаго сомнѣнія, они сами усмирятъ штыками тосканцевъ и моденцевъ, если эти несчастные вздумаютъ дѣйствительно противиться возстановленію того порядка дѣлъ, какой былъ у нихъ до начала войны. А можетъ быть, — это еще лучше, — французы прикажутъ сардинцамъ исполнить за нихъ эту обязанность, и если вздумаютъ приказать, вы увидите, что сардинцы должны будутъ исполнить приказаніе.

Такимъ образомъ негодованіе, овладѣвшее всѣми итальянцами, и приготовленія ихъ противиться исполненію условій Виллафранкскаго мира въ тѣхъ странахъ, которыя должны утратить свободу, пріоб-

рѣтенную въ то время, пока освободители Италіи, французы, были заняты войною въ долинѣ По, — эти приготовленія могутъ имѣть только одно значеніе, — значеніе свидѣтельства, что патріотизмъ и благородство обязываетъ иногда людей жертвовать своею жизнью для спасенія, если не свободы, то по крайней мѣрѣ для спасенія чести и славы своего мужества. Съ грустнымъ чувствомъ, какъ смотрѣли мы на подвиги волонтеровъ Гарибальди, смотримъ мы теперь на приготовленія жителей Тосканы, Модены и Легатствъ противиться исполненію судьбы, предназначенной для нихъ Виллафранкскимъ трактатомъ. Мы изложимъ здѣсь то, что извѣстно до сихъ поръ о благородныхъ и единодушныхъ усиліяхъ итальянскихъ патріотовъ отстоять свою независимость, — усиліяхъ, которымъ, безъ сомнѣнія, не суждено увѣнчаться успѣхомъ.

Тоскана, Модена и Парма, услышавъ о томъ, что рѣшено относительно ихъ судьбы въ Виллафранкѣ, встрепенулись: исчезли всѣ мелкія несогласія въ ихъ населеніи, исчезли всѣ слишкомъ справедливыя ихъ неудовольствія противъ легковѣрной и слабой политики сардинскаго министерства, давшаго связать себя необдуманнымъ союзомъ; какъ одинъ человѣкъ, жители Тосканы и Модены рѣшили принять всѣ, какія только могутъ, мѣры для того, чтобы отстоять хотя первый шагъ къ созданію итальянскаго единства, отстоять хотя свое соединеніе съ Сардиніею, которая выдавала ихъ въ то время, пока можно было еще сдѣлать что нибудь съ успѣхомъ. Тосканцы послали приказаніе своимъ войскамъ, уведеннымъ французами въ Сѣверную Италію,—какъ можно скорѣе возвратиться для защиты родины отъ французовъ и возстановляемаго ими великаго герцога; они объявили, что онъ можетъ быть возвращенъ къ нимъ только военнымъ насиліемъ, и что они присоединяются къ Сардиніи; они назначили какъ можно скорѣе произвесть выборы конституціоннаго тосканскаго собранія, которое облекло бы эту волю тосканскаго народа въ правильную форму.

Тосканскій «Мониторъ», призывая тосканцевъ къ выборамъ, говорилъ, между прочимъ: «ничего не можетъ быть важнѣе этихъ выборовъ для народа. Здѣсь дѣло идетъ о томъ, чтобы сказать Европѣ: мы не хотимъ, мы не можемъ болѣе хотѣть австрійской династіи; мы не хотимъ ея, потому что она противна итальянской національности, за которую мы бились при Сольферино; мы не можемъ хотѣть ея, потому что если бы она возвратилась, обагренная кровью Сольферинской, то могла бы только составить вѣчное несчастіе наше и возмутить навсегда миръ всей Италіи. Итакъ вы видите, какое важное значеніе имѣетъ голосъ, который вы теперь должны подать!

Кто поступитъ при этомъ легкомысленно, тотъ — или глупецъ, или предатель.»

Въ тоже время обнародована была прокламація къ войскамъ тосканскимъ, которымъ поручалась теперь «защита священнѣйшаго права Тосканы, — права свободно выразить свои желанія относительно національной независимости и конституціоннаго устройства.» Тосканцы объявили, что будутъ защищать это право, во что бы то ни стало. Въ сильной статьѣ помѣщенной въ Тосканскомъ Мониторѣ противъ великаго герцога Леопольда, говорилось между прочимъ: «да, Тоскана вооружается и она должна вооружиться, потому что ей предстоитъ прогнать злѣйшаго врага своего, побѣжденнаго при Сольферино, если бы онъ захотѣлъ снова взойти на тосканскій престолъ. Но *вооруженіе* еще не значитъ *возмущеніе*, какъ хотятъ представить тайные агенты низверженной династіи: безъ всякаго возстанія, Тоскана имѣетъ уже противъ этого врага вооруженныхъ солдатъ; у ней есть войско; скоро будетъ и національная гвардія. — Города должны вооружаться, и когда ударитъ тревога, жители деревень также должны будутъ вооружаться всѣмъ, что только найдется подъ рукою во всемъ населеніи, которое съ презрѣніемъ отвергаетъ побитаго при Сольферино. Пусть знаетъ Европа, что образованный народъ, каковъ народъ тосканскій, не можетъ потерпѣть безчестія имѣть своимъ монархомъ того, кто, не далѣе какъ вчера, сражался въ лагерѣ австрійскаго императора, противъ итальянскихъ войскъ.»

Вслѣдствіе такихъ энергическихъ рѣшеній, муниципальный совѣтъ Флоренціи выразилъ формальнымъ образомъ слѣдующее желаніе націи:

«Муниципалитетъ выражаетъ желаніе, чтобы Тоскана могла составить часть большаго итальянскаго государства подъ властью короля Виктора-Эммануила II, сохранивши административныя различія, которыя наиболѣе согласны съ интересами этой страны.

«Въ случаѣ же, если высшія политическія соображенія воспрепятствуютъ исполненію этого желанія, муниципалитетъ, настаивая на непремѣнномъ исключеніи династіи лотарингской, равно какъ и бурбонской, выражаетъ желаніе призвать къ управленію страною принца изъ савойскаго дома.»

Это рѣшеніе положено повергнуть на усмотрѣніе короля сардинскаго и императора французскаго, на согласіе котораго тосканцы еще надѣялись. Тѣмъ не менѣе они продолжали свое дѣло; сократившии всѣ, установленные закономъ сроки, они назначили совѣщанія народнаго собранія, а между тѣмъ собирали мнѣнія городскихъ общинъ. 24-го іюля, изъ 141 города, въ числѣ которыхъ находятся

Флоренція, Ливорно и другіе большіе города Тосканы, получено выраженіе желанія присоединиться къ Сардиніи, большинствомъ 809 голосовъ противъ 15. Рѣшенія эти, тотчасъ же представленныя черезъ министра внутреннихъ дѣлъ, г. Рикасоли, сардинскому чрезвычайному коммиссару въ Тосканѣ, выражали интересы и желанія 1,135,863 жителей. «Нѣкоторыя города, прибавлено въ тосканскомъ журналѣ, помѣстившемъ это извѣстіе, — ожидають еще составленія особеннаго собранія для произнесенія своего рѣшенія; но можно предсказать, что онѣ утвердятъ рѣшеніе остальныхъ, и что желанія Тосканы выразятся единодушно. И нѣтъ сомнѣнія, что желанія страны, такимъ образомъ выраженныя и утвержденныя національнымъ собраніемъ, будутъ приняты во вниманіе державами, которыя должны опредѣлить новое устройство Италіи.»

Эти надежды на то, что голосъ націи будетъ уваженъ, продолжались довольно долго, и у нѣкоторыхъ продолжаются до сихъ поръ. Сначала онѣ были съ особенною силою поддержаны извѣстіемъ, что императоръ Наполеонъ обѣщалъ положительнымъ образомъ, — что не употребитъ военнаго насилія для возстановленія низверженныхъ государей Италіи. Но потомъ стали ходить другіе слухи, которые однако же не смутили тосканцевъ, объявившихъ, что они «не побоятся никакого рода вмѣшательства и не отстанутъ отъ своего рѣшенія.» Назначены были общіе выборы народнаго собранія 7-го августа (26-го іюля), долженствовавшіе окончательно утвердить рѣшеніе городскихъ общинъ. Между тѣмъ, за недѣлю до начала этихъ выборовъ, разнесся слухъ, вскорѣ оказавшійся справедливымъ, — что Леопольдъ II отказался отъ престола въ пользу своего сына. Извѣстіе это принято было многими очень благопріятно, какъ облегчавшее развязку итальянскаго вопроса. Надѣялись, что тосканцы, имѣвшіе достаточныя причины лично ненавидѣть стараго герцога не будутъ столь несговорчивы въ отношеніи къ его сыну. Предположеніе это казалось тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что молодой герцогъ, какъ слышно было, намѣревался войти въ свои владѣнія не иначе, какъ предшествуемый конституціею, весьма либеральною. Но тосканцы не поддались и на это: отреченіе Леопольда ни въ чемъ не измѣнило ихъ рѣшенія относительно лотарингской династіи. Во время выборовъ, стѣны домовъ во Флоренціи покрыты были объявленіями съ надписью: «да здравствуетъ Викторъ-Еммануилъ, нашъ король». Энтузіазмъ къ народному дѣлу не уменьшался, несмотря на то, что Сардинія вела себя въ этомъ дѣлѣ слишкомъ осторожно и даже робко. Предъ началомъ выборовъ, сардинскій чрезвычайный комиссаръ Бонкомпаньи былъ отозванъ изъ Флоренціи, чтобы не подать повода къ подозрѣ-

нію въ тайномъ вліяніи Сардиніи на рѣшеніе тосканской націи. Временное правительство осталось въ рукахъ министра внутреннихъ дѣлъ Риказоли. По послѣднимъ извѣстіямъ, національное собраніе уже открыто, въ присутствіи уполномоченныхъ отъ Англіи, Франціи, Россіи и Пруссіи; президентомъ собранія избранъ Тито Коппи. Это избраніе считаютъ доказательствомъ умѣренности собранія, потому что Коппи не принималъ никакого участія въ послѣднихъ политическихъ событіяхъ. Несмотря на эту умѣренность, первымъ дѣломъ собранія, по предложенію депутата Джинори, было — провозгласить, что Лотарингская династія отнынѣ невозможна въ Тосканѣ. Предложеніе это было принято единодушно, всѣми 168 голосами собранія, при громкихъ рукоплесканіяхъ публики. Вторымъ предложеніемъ, принятымъ въ собраніи было: «тосканская нація твердо рѣшилась — составить часть одного сильнаго итальянскаго государства, подъ конституціоннымъ правленіемъ короля Виктора Эммануила».

Но къ чему можетъ повести все это единодушіе, вся эта рѣшимость, кромѣ доставленія новыхъ жертвъ дѣлу итальянскаго единства, и такъ уже имѣвшему столько жертвъ?

Не въ видахъ французской политики — допустить образованіе итальянскаго государства, на широкихъ основаніяхъ національной свободы. Теперь уже нѣтъ нужды дѣлать предположенія и соображенія о видахъ французскаго императора: посольство графа Резе достаточно объяснило ихъ. Изъ дѣйствій этого посланника видно, что если не возвращеніе прежняго герцога, то покрайней мѣрѣ всевозможное противодѣйствіе дѣлу итальянской независимости рѣшено непоколебимо въ умѣ Луи-Наполеона. Г. Резе началъ съ того, что увѣрялъ всѣ итальянскіе города, низвергнувшіе своихъ владѣтелей, въ истинномъ расположеніи императора и въ его дружеской заботливости о судьбѣ народа. Между тѣмъ въ то же время во французскомъ Монитерѣ появилась статья, въ которой и Леопольду и Фердинанду придавался титулъ великаго герцога тосканскаго. Это принято было за нѣчто въ родѣ avertissement'а, адресованнаго къ тосканцамъ. Вслѣдъ за тѣмъ сдѣлались извѣстны требованія, предложенныя г. Резе королю сардинскому. Онъ требовалъ: 1) чтобы сардинскій комиссаръ былъ отозванъ изъ Пармы, такъ какъ отозваны уже комиссары изъ Флоренціи, Модены и Болоньи; 2) чтобы затѣмъ Сардинія не имѣла никакого, ни прямаго, ни косвеннаго вліянія на населеніе этихъ областей и предоставила имъ самимъ выразить ихъ желанія; 3) чтобы сардинское правительство оказало свое содѣйствіе къ возстановленію изгнанныхъ принцевъ.—Надобно замѣтить, что не за долго предъ тѣмъ почти не сомнѣвались относитель-

но оставленія Пармы за Піемонтомъ. Сардинское правительство полагало, что такъ какъ Парма не была включена въ условія Виллафранкскаго договора, то о возстановленіи герцогини не должно быть и рѣчи. Но вышло не то: умолчаніе Виллафранкскаго трактата ни мало не стѣснило императора французовъ, когда дѣло пошло о торжествѣ порядка надъ произволомъ народнымъ. Сардинія должна была согласиться, и графу Пальяри, сардинскому чрезвычайному комиссару въ Пармѣ, немедленно посланъ былъ приказъ возвратиться въ Туринъ. Пармскіе жители были очень огорчены этимъ и рѣшились представить императору свои желанія относительно присоединенія къ Сардиніи: пармскій подеста Линати отправился въ Парижъ, чтобы поднести императору постановленія пармскихъ общинъ, требующихъ присоединенія къ Сардиніи.

Второе требованіе Резе было также принято Сардиніею безпрекословно. Да впрочемъ оно отзывается даже отчасти придиркою: Сардинія еще ранѣе этого, сама по себѣ (по крайней мѣрѣ такъ увѣряли оффиціально....) отказалась отъ всякаго вліянія на выборы; а теперь этого отказа требуетъ отъ нея французскій посланникъ!

Но третье предложеніе встрѣтило пока сильное сопротивленіе въ Сардиніи. Говорятъ, что Викторъ-Эммануилъ остался непоколебимъ въ своемъ рѣшеніи — не мѣшать дѣлу итальянской независимости, и отвѣчалъ графу Резе, съ нѣкоторымъ одушевленіемъ: «я могу не противиться тѣмъ распоряженіямъ, которыя вамъ поручено произвести въ итальянскихъ государствахъ, уже признавшихъ мою власть; я могу оставить собственнымъ силамъ народы, которымъ обѣщался покровительствовать; но никогда въ жизни я не протяну руки для того, чтобы помочь войти въ Италію врагамъ народа». Если эти слова дѣйствительно были сказаны, они очень хорошо изображаютъ положеніе сардинскаго правительства въ виду требованій своего союзника и благодѣтеля.

Впрочемъ, если Сардинія и не согласится участвовать въ возстановленіи изгнанныхъ герцоговъ, положеніе дѣла мало отъ того измѣнится. Луи-Наполеонъ рѣшилъ, что итальянскому независимому государству не бывать, и онъ найдетъ средства достигнуть своей цѣли. Французскіе солдаты, бывшіе въ Италіи, не всѣ еще возвратились.... Близь Ливорно давно уже явилась французская эскадра, которая въ случаѣ надобности можетъ бомбардировать этотъ городъ, служащій Тосканѣ однимъ изъ главныхъ центровъ энтузіазма къ дѣлу итальянскаго единства. Рѣшеніе оставить въ Италіи 50-тысячную армію уже обнародовано въ Монитерѣ. А въ одно время съ извѣстіемъ объ открытіи національнаго собранія въ Тосканѣ, сдѣла-

лось извѣстнымъ распоряженіе императора объ остановкѣ возвращенія французскихъ войскъ изъ Италіи.

Какъ бы въ видѣ поясненія этихъ мѣръ, графъ Резе положительно объявилъ Тосканѣ, что о присоединеніи ея къ Сардиніи не можетъ быть и рѣчи. Но въ видѣ милости, онъ прибавилъ, что всякое другое желаніе націи, выраженное въ національномъ собраніи, можетъ быть принято во вниманіе при рѣшеніи судьбы Италіи.

Что тутъ дѣлать тосканцамъ? Говорятъ, что они склоняются къ мысли предложить власть принцу Наполеону. Въ этомъ избраніи находятъ средство примирить враждебные интересы французско-сардинскіе, такъ какъ принцъ Наполеонъ, будучи кузеномъ императора, въ тоже время, по женѣ своей, близокъ и къ сардинской династіи. Притомъ же, говорятъ въ утѣшеніе себѣ нѣкоторые тосканцы, фамилія Бонапартовъ имѣетъ нѣкоторое притязаніе на флорентинское происхожденіе!...

Вслѣдствіе ли такихъ соображеній, или скорѣе отъ очевидной безвыходности своего положенія, тосканцы начали писать на стѣнахъ домовъ во Флоренціи: «viva Napoleone-Jerolamo, re d' Etruria». (да здравствуетъ Іеронимъ-Наполеонъ, царь Этруріи). Нѣкоторыя газеты увѣряютъ, что императоръ Наполеонъ и самъ принцъ не согласятся на такое избраніе, какъ весьма деликатные и совѣстливые люди. Но съ другой стороны нельзя не вспомнить, что еще до окончанія войны говорили о замыслѣ французскаго правительства — устроить для принца Наполеона какой нибудь престолъ въ Италіи.... Во всякомъ случаѣ любопытно и то, что народный энтузіазмъ принужденъ уже склоняться къ результатамъ, столь пріятнымъ для Франціи....

Послѣ Тосканы, едва ли нужно много распространяться о положеніи Модены, Пармы и Болоньи. Энтузіазмъ и тамъ проявился не менѣе сильно и рѣшительно, чѣмъ въ Тосканѣ. Тотчасъ по полученіи извѣстія о мирѣ, въ Пармѣ сдѣлана была общая демонстрація въ пользу присоединенія къ Піемонту; демонстрація эта принята была очень благосклонно піемонтскимъ губернаторомъ въ Пармѣ, объявившимъ, что король будетъ ею очень доволенъ, и что относительно присоединенія Пармы къ Сардиніи не можетъ быть никакого сомнѣнія. Но прошло двѣ недѣли, и Парма оставлена Сардиніею; выѣздъ сардинскаго комиссара произвелъ весьма непріятное впечатлѣніе въ Пармѣ; впрочемъ она не отказалась отъ своихъ требованій и отправила адресъ, за подписью, говорятъ, 20,000 человѣкъ, для заявленія своихъ желаній....

Въ Моденѣ немедленно послѣ того, какъ узнали о мирѣ, рѣшено было составить корпусъ національной гвардіи для защиты

страны. Кромѣ того, объявлено было о формированіи корпуса волонтеровъ, которое тотчасъ же и началось съ большимъ успѣхомъ. Въ тоже время произведена была народная демонстрація въ пользу Виктора-Эммануила и противъ возстановленія Франциска V. Составилось множество адресовъ, подписанныхъ тысячами лицъ разныхъ сословій, и вмѣстѣ съ тѣмъ издана прокламація, пригдашавшая гражданъ оставаться спокойными и доказать Европѣ, что ихъ рѣшеніе серьёзно и благоразумно, и вовсе не походитъ на какое нибудь безпорядочное движеніе. И дѣйствительно, энтузіазмъ моденцевъ былъ твердъ и спокоенъ; вотъ что, напримѣръ, писалъ о немъ одинъ изъ итальянскихъ корреспондентовъ «Independance Belge» Болонецъ, пріѣзжавшій въ Модену на одинъ день.

«Болонья, 22 іюля.

«Я хотѣлъ воспользоваться открытіемъ желѣзной дороги, которая теперь соединяетъ насъ съ Моденой, чтобы побывать въ этомъ городѣ. Я провелъ тамъ вчерашній вечеръ и ночь. Только—что возвратившись въ Болонью, я берусь за перо, спѣша разсказать вамъ впечатлѣнія моего путешествія.

«Какой энтузіазмъ, какія манифестаціи, какой духъ народности, какое единодушіе въ чувствованіяхъ, и въ особенности какое непоколебимое рѣшеніе—скорѣе умереть, нежели допустить возвращеніе герцога! Сколько разъ я ни заговаривалъ, въ различныхъ мѣстахъ, о возвращеніи Франциска V, я постоянно слышалъ въ отвѣтъ: piuttosto morire (лучше умереть!), и въ тонѣ этихъ словъ слышалось столько истины....

«Говоря безъ всякихъ прикрасъ, я долженъ вамъ сказать, что проведши нѣсколько часовъ въ Моденѣ, я убѣдился въ нравственной невозможности возвращенія герцога, — развѣ только онъ будетъ возстановленъ сильною армію (если подобный образъ дѣйствій требуется видами европейскихъ державъ). Но упроченіе его на тронѣ все-таки невозможно, какъ только эта армія выйдетъ изъ Италіи.

«Предметомъ всѣхъ разговоровъ въ кафе,на гуляньяхъ, въ театрахъ, въ частныхъ собраніяхъ — служитъ здѣсь уже не возвращеніе герцога:—здѣсь всѣ мужчины, женщины и дѣти давно рѣшили, что всѣ пойдутъ на смерть, чтобы только воспрепятствовать этому; — предметъ общихъ разговоровъ составляетъ присоединеніе къ Сардиніи, котораго желаетъ единодушно вся нація. Если это соединеніе не состоится, жители считаютъ возможною одну только мѣру—повальное переселеніе въ Сардинію.

«Но оставляя въ сторонѣ выраженія воли народной, протестаціи и адресы, безпрерывно возобновляемые, я скажу вамъ объ одномъ

дѣлѣ, поднятомъ временнымъ правительствомъ. Дѣло идетъ объ открытіи нѣкотораго рода процесса съ Францискомъ V. Особая коммиссія будетъ наряжена для разысканія въ архивахъ, доказательствъ злоупотребленій власти, совершенныхъ Францисками IV и V, послѣдними принцами изъ дома Эстовъ. Эти слѣдственныя разысканія будутъ служить основаніемъ для обвинительнаго акта герцога предъ европейскими державами».

Герцогъ однако же не потерялъ присутствія духа. По достовѣрнымъ извѣстіямъ, онъ намѣренъ возвратиться въ Модену силою. У него въ распоряженіи находилось, по извѣстію въ «Patrie», до 5,000 человѣкъ. По другому извѣстію, герцогъ моденскій, не имѣющій недостатка въ деньгахъ, навербовалъ себѣ до 7,000 наемниковъ, которыхъ называетъ «арміей Эстовъ». Въ Моденѣ считается хорошо вооруженныхъ людей до 10,000, и они твердо рѣшились сопротивляться до послѣдней крайности.

27-го (15 іюля) Фарини, бывшій чрезвычайнымъ коммиссаромъ сардинскимъ въ Моденѣ, сложилъ съ себя это званіе, и вслѣдъ затѣмъ избранъ былъ диктаторомъ. Принявши это избраніе, Фарини немедленно объявилъ, что онъ намѣренъ приступить къ непосредственному созванію народныхъ комицій для разсужденій объ установленіи правительства, а между тѣмъ обѣщалъ заботиться объ усиленіи вооруженій и вообще военныхъ силъ страны.

Вскорѣ потомъ обнародованы и правила выборовъ: избирателями призваны всѣ граждане, достигшіе 21 года и умѣющіе читать и писать; число депутатовъ — 73.

16-го августа и въ Моденѣ открылись засѣданія національнаго собранія, и Фарини сложилъ съ себя диктатуру. — Тоже самое и въ Легатствахъ. Они рѣшили, какъ можно поспѣшнѣе формировать свою армію, которая могла бы защитить ихъ отъ возстановленія папскаго владычества французскими или швейцарскими штыками. — Быть можетъ, они и устояли бы противъ однихъ швейцарцевъ, но швейцарцамъ въ случаѣ надобности помогутъ французы или пошлютъ помогать австрійцевъ.

Вообще папскимъ владѣніямъ угрожаетъ еще большая опасность со стороны всѣхъ друзей *порядка*, нежели остальнымъ герцогствамъ. Вопросъ жизни и смерти для Легатствъ — избавленіе отъ власти папы, а не присоединеніе къ Сардиніи; такъ ли, иначе ли ихъ бы устроили, — лишь бы отдѣлили отъ папы, — они были бы довольны. Но именно этого-то и не хочетъ освободитель Италіи, держащій судьбы ея въ своихъ рукахъ.... Онъ такъ почитаетъ Пія XI, такъ давно защищаетъ его отъ самовольства его подданныхъ, такъ недавно создалъ для него новую политическую

роль — предсѣдателя итальянскаго союза!... Потерпитъ ли онъ отложеніе нѣкоторыхъ областей отъ намѣстника св. Петра, допуститъ ли онъ такіе безпорядки!... И дѣйствительно, на всякое обнаруженіе народной воли въ Легатствахъ смотрятъ, какъ на *безпорядки*. А между тѣмъ неудовольствіе здѣсь очень сильно и нерѣдко выражается такими манифестаціями, которыя папское правительство и французскіе агенты рѣшительно называютъ мятежными. Вообще, ничего нѣтъ легче и удобнѣе теперь, какъ исказить характеръ народнаго движенія, передавая извѣстія о событіяхъ въ Италіи. Недавно распространился же слухъ, что въ Пармѣ провозглашена красная республика, подъ вліяніемъ маццинистовъ, и подеста Линати долженъ былъ особымъ объясненіемъ разувѣрить Европу въ этихъ слухахъ. Въ нѣкоторыхъ газетахъ напечатано даже было, что есть агенты, нарочно подстрекающіе итальянцевъ, въ различныхъ мѣстностяхъ, къ буйствамъ, для того, чтобы потомъ Франція или Австрія имѣли предлогъ употребить противъ нихъ вооруженную силу. Нельзя опредѣлить, въ какой степени достовѣрны эти извѣстія; но что они не лишены основанія, это доказывается той настойчивостью, съ которою временныя правительства въ Италіи убѣждаютъ гражданъ вести себя спокойно и серьезно.... Въ нѣкоторыхъ изъ итальянскихъ прокламацій попадается выраженіе: «чтобы не подать Европѣ повода къ недовѣрію.» Само собою разумѣется, что подъ Европою тутъ нужно понимать собственно Францію....

Неудовольствіе обнаружилось въ папскихъ областяхъ, какъ и во всей Италіи, непосредственно послѣ заключенія мира. Но здѣсь оно было сильнѣе, потому что имѣло еще нѣкоторыя особенныя причины. Одна изъ нихъ состояла въ томъ, что амнистію, названную въ условіяхъ мира *всеобщею*, папа объявилъ подлежащею многимъ ограниченіямъ и измѣненіямъ. Это произвело въ Римѣ такое волненіе, что генералъ Гойонъ испугался и счелъ нужнымъ принять нѣкоторыя мѣры на случай возстанія. При этомъ произошли, разумѣется, арестаціи, продолжавшіяся и потомъ нѣсколько времени. Между прочимъ взяты подъ стражу въ Римѣ два капуцинскіе монаха, давно уже производившіе сношенія съ главами революціонной партіи; у нихъ найдено письмо Маццини.... Подобнаго рода тайное движеніе замѣчено было въ Анконѣ; вслѣдствіе чего съ начала іюня тамъ и водворены папскія войска разныхъ корпусовъ, занимающіяся безпрерывными арестаціями Дошло до того, что запретили ходить по улицамъ двумъ человѣкамъ рядомъ, и хватали всякаго, кто поздно возвращался домой.

Относительно же Романьи, отложившейся отъ папы во время войны, подъ покровительствомъ сардинцевъ, прежде всего произошло

любопытное объясненіе папскаго правительства съ императорскимъ. Папа жаловался, что сардинскія войска вошли въ его владѣнія, что Викторъ Эммануилъ послалъ своего комиссара Массимо-д'Азеліо — въ Болонью, что берсальеры и часть бригады, Нави рѣшились даже оказать сопротивленіе папскимъ войскамъ, высланнымъ для надлежащаго наказанія мятежниковъ. Въ отвѣтъ на эту жалобу, Луи-Наполеонъ поручилъ своему посланнику, г. Граммону—оправдать предъ папою сардинскаго короля и объяснить, что принимая военную диктатуру, и посылая войска въ Церковную область, Викторъ Эммануилъ имѣлъ въ виду только направить силы Романьи противъ Австріи и «предупредитъ внутреннія столкновенія, которыя легко могли возникнуть, особенно послѣ произшествій въ Перуджіи».... Папа долженъ былъ остаться доволенъ такимъ объясненіемъ, которымъ императоръ французовъ еще разъ доказалъ ту послѣдовательность своего образа дѣйствій, которую мы такъ подробно защищали.

Но и о Легатствахъ, относительно образа проявленія ихъ стремленій, надо сказать тоже, что о герцогствахъ: они постарались о всевозможной осторожности и скромности въ выраженіи своего энтузіазма къ дѣлу національной свободы. Болонья — центръ защитниковъ народнаго дѣла — показала въ этомъ случаѣ примѣръ благоразумія. Во все время, пока въ ней существуетъ временное правленіе, спокойствіе ни разу не было нарушено, хотя и представлялись къ тому нѣкоторые поводы. Ни заключеніе мира, ни сущность его условій, ни внезапное удаленіе д'Азеліо, отозваннаго въ Туринъ, — ничто не вывело болонцевъ изъ границъ, предписываемыхъ благоразуміемъ. Все было спокойно и шло путемъ законности. По отъѣздѣ Азеліо, власть осталась въ рукахъ полковника Филикона, который издалъ декретъ объ учрежденіи въ легатствахъ государственнаго совѣта изъ 15 членовъ, подъ предсѣдательствомъ чрезвычайнаго комиссара сардинскаго. Вскорѣ потомъ Филиконъ передалъ правленіе этому совѣту, который избралъ главою временнаго правленія полковника Чипріани, и пригласилъ гражданъ составить національное собраніе, которое бы въ законной формѣ выразило желанія націи относительно постояннаго правительства. Энергія и дѣятельность Чипріани оживили ходъ дѣлъ въ Болоньи: въ ожиданіи національнаго собранія, послѣдовали одинъ за другимъ адресы противъ папскаго правительства, организовались военныя силы, устроился національный заемъ, на сумму трехъ милліоновъ франковъ.

Между тѣмъ какъ составлялись національныя собранія, — и военный энтузіазмъ съ одинаковою силою поддерживался въ Ита-

ліи. Въ концѣ іюля генералъ Меццокапо, съ частію тосканскихъ войскъ, перешелъ пограничную линію Легатствъ. Оставивши часть своихъ силъ въ Римини, онъ 1-го августа перешелъ въ Форли, каждый день увеличивая свои войска новыми волонтерами. По извѣстіямъ изъ Болоньи, въ теченіе одной недѣли, отъ 27 іюля до 4-го августа, армія его возрасла отъ 11,000 до 16,000. Часть войскъ Меццокапо должна была направиться къ Урбино, а другая къ Анконѣ, чтобы черезъ Абруцскія горы перенести революцію въ Неаполь. По послѣднимъ извѣстіямъ, Гарибальди вышелъ изъ сардинской службы и принимаетъ начальство надъ войсками средней Италіи. Патріоты основываютъ на этомъ большія надежды. Но благоразумнѣйшіе изъ нихъ уже и теперь не скрываютъ, что дѣло ихъ независимости болѣе нежели сомнительно. Надежды на мирное разрѣшеніе дѣла почти исчезли. Неизвѣстно, на чемъ порѣшилъ императоръ французовъ съ папою; но извѣстно, что папа, прежде принятія почетнаго предсѣдательства въ итальянскомъ союзѣ, требовалъ возвращенія себѣ Легатствъ; извѣстно и то, что Наполеонъ еще прежде обѣщалъ папѣ неприкосновенность его владѣній....

Послѣдняя надежда для итальянскихъ патріотовъ осталась въ непоколебимомъ единодушіи и вѣрности общему дѣлу, и послѣднія извѣстія все болѣе и болѣе подтверждаютъ слухи о сближеніи между собою всѣхъ возставшихъ областей. Первое извѣстіе о выраженіи сочувствія городовъ другъ другу было около 25 іюля, изъ Пармы. Вотъ что писалъ объ этомъ корреспондентъ «Independance Belge».

Парма, 25 іюля.

«Нѣсколько дней тому назадъ, намъ объявили, что многіе сосѣдніе съ нами города, какъ-то Піаченца, Модена, Реджіо, Болонья, — предполагали прислать къ намъ депутаціи, для засвидѣтельствованія намъ ихъ сочувствія. Нечего говорить, что мысль эта принята была здѣсь съ восторгомъ, и что мы считали истиннымъ праздникомъ для себя это посѣщеніе, долженствовавшее соединить за однимъ столомъ членовъ единаго семейства, такъ давно разрозненныхъ.

«Вчера, въ воскресенье, съ самаго утра весь городъ былъ на ногахъ, готовясь достойно встрѣтить своихъ гостей. Случилось, можетъ быть не безъ умысла, что всѣ они явились въ одно время, съ разныхъ концовъ, и вступили въ городъ, въ числѣ 1,200 человѣкъ. Тотчасъ начались объятія, съ повторенными криками: «Viva l'Italia!»

«Я не въ состояніи описать того глубокаго впечатлѣнія, какое произведено было въ сердцахъ всѣхъ этимъ первымъ національнымъ торжествомъ.

«Члены городскаго совѣта, дворянство, высшіе чиновники и самъ губернаторъ пармскій, графъ Пальери — всѣ сошлись на площади Общины, и здѣсь опять начались объятія, при восторженныхъ кликахъ: «да зравствуетъ Италія! Да здравствуетъ Викторъ-Эммануилъ! Сардинская армія! Франція! Сольферино!»

«Каждый пармскій житель овладѣлъ тогда однимъ изъ гостей, чтобы угостить его. Весь городъ превратился какъ будто бы въ одинъ большой домъ: двери каждаго дома, равно какъ и всѣ общественныя и частныя заведенія, были открыты для всякаго.

«Публичный садъ назначенъ былъ мѣстомъ для обѣда. Но число нашихъ гостей не позволяло усадить ихъ за одинъ столъ, какъ думали сначала; должны были удовольствоваться устройствомъ двадцати столовъ, на 100 человѣкъ каждый. Но и этого не хватило, потому что явились еще новые гости, въ числѣ которыхъ находились солдаты тосканскіе, сардинскіе и французскіе; ихъ присутствіе придавало еще болѣе торжественности и трогательности этому празднику. Въ числѣ этихъ солдатъ оказалось много раненыхъ, и они сдѣлались особеннымъ предметомъ самыхъ предупредительныхъ попеченій со стороны прекраснаго пола. Я видѣлъ, что дамы, принадлежащія къ высшей пармской аристократіи, разговаривали съ неизвѣстными солдатами такъ дружелюбно, какъ будто это были ихъ братья или сыновья.

«Множество знаменъ итальянскихъ и французскихъ украшало городъ; патріотическіе тосты раздавались безпрерывно; послѣ обѣда, продолжавшагося пять часовъ, былъ устроенъ импровизированный балъ; городъ былъ блистательно иллюминованъ.... Гости отправились отъ насъ только на другой день, утромъ.

«За обѣдомъ читана была энергическая протестація Піаченцы противъ герцогскаго правительства. Тутъ же предложены были листы, и можно сказать навѣрное, что на нихъ подписались всѣ граждане Пармы, громко протестовавшіе противъ возвращенія герцогини и ея сына.»

Таково было одно изъ публичныхъ проявленій взаимнаго сочувствія итальянскихъ городовъ. Вскорѣ обнаружились отношенія болѣе серьезныя. Отъ 31-го іюля изъ Флоренціи сообщали о предполагаемомъ союзѣ между Тосканою и Моденою, съ цѣлію общими силами отстаивать независимость страны противъ прежнихъ владѣ-

телей, ежели они рѣшатся вступить въ страну съ вооруженной силой. Къ этому союзу приглашалась и Болонья; но ея рѣшеніе сдѣлалось извѣстно только позже. По этому поводу корреспондентъ «Indépendance Belge» сообщаетъ слѣдующіе факты.

Болонья, 8-го августа.

Въ вашей флорентинской корреспонденціи упомянуто было недавно о проэктѣ военнаго союза между Тосканою, Моденою и Легатствами. Это извѣстіе совершенно вѣрно; основанія этого проэкта были предметомъ долгихъ разсужденій; теперь, если мои свѣдѣнія вѣрны, эти основанія приняты всѣми правительствами, заинтересованными въ дѣлѣ, и предположенный союзъ близокъ къ осуществленію, благодаря энергіи нашего теперешняго правителя — полковника Чипріани.

«Дѣло идетъ объ общемъ дѣйствіи армій трехъ странъ, для отпора внѣшнему нападенію, съ какой бы стороны оно ни произошло. Такимъ образомъ силы Италіи возвысятся до 40,000 войска, и это число будетъ еще въ скоромъ времени увеличено поступленіемъ въ армію во Флоренціи и особенно въ Болоньѣ всѣхъ нашихъ соотечественниковъ, возвращающихся изъ Ломбардіи. Эта армія могла бы составить четыре дивизіи, въ каждой съ особой кавалеріей и артиллеріей, такъ чтобы каждая могла дѣйствовать отдѣльно вездѣ, гдѣ случится надобность.

«Мнѣ извѣстно, что главное начальство надъ этими арміями предложено генералу Гарибальди, и уже принято имъ; его же усмотрѣнію представленъ и планъ организаціи войска, сейчасъ упомянутый мною.

«Кстати прибавлю, что виды правительства относительно сосредоточенія начальства надъ войсками въ рукахъ Гарибальди, были, кажется, непріятны сначала генералу Меццокапо, и онъ даже просилъ отставки. Но полковникъ Чипріани, въ длинномъ разговорѣ, нисколько не стѣсняя доброй воли генерала касательно отставки, умѣлъ разсѣять его нерасположеніе и пріобрѣлъ въ немъ себѣ друга и дѣятельнаго помощника. Генералъ Меццокапо остается начальникомъ войскъ въ Легатствахъ.»

Изъ всѣхъ этихъ приготовленій ясно, что итальянцы уже начинаютъ понимать свое положеніе и догадываются, чего имъ слѣдуетъ ждать отъ Франціи. Они ничего не говорятъ еще; но самое предположеніе о возвращеніи низверженныхъ владѣтелей съ вооруженною силою — показываетъ, что Италія надѣется въ своихъ сосѣдяхъ

найти скорѣе враговъ, нежели защитниковъ ея національнаго дѣла. Въ самомъ дѣлѣ — съ чьей же силою возвратится Леопольдъ, или Фердинандъ, или Францискъ? Конечно, съ французской или съ австрійской, — не иначе. Италія понимаетъ это, но все еще не хочетъ покориться своей тяжелой участи и готовится къ борьбѣ....

Такимъ образомъ, вся средняя Италія рѣшилась противиться исполненію Виллафранкскаго трактата; но при всемъ своемъ энтузіазмѣ, что могли бы сдѣлать эти небольшія области съ 4 милліонами населенія, лишенныя готовыхъ войскъ, какъ Легатства, или потерпѣвшія, благодаря французской предусмотрительности, дезорганизацію въ своихъ войскахъ, какъ Тоскана? Что могли бы сдѣлать противъ безчисленной французской арміи эти области, лишенныя всѣхъ средствъ къ оборонѣ, которая по страшному неравенству силъ, не могла бы быть успѣшна и при самой полной организаціи?

Исполненіе тѣхъ условій Виллафранкскаго трактата, которыя относятся къ возстановленію прежняго порядка дѣлъ въ инсуррекціонныхъ областяхъ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію: оно опирается на французскіе отряды....

Такимъ образомъ въ Италіи должно возстановиться прежнее состояніе дѣлъ, кромѣ одной той перемѣны, что восточная часть Ломбардіи передана императоромъ французовъ сардинскому королю. Посмотримъ же теперь, какой смыслъ можетъ имѣть эта перемѣна и каковы тѣ итальянскія правительства, которыя спасены отъ погибели, возвращены къ новой болѣе самоувѣренной жизни трактатомъ, за который наивные легковѣры, очаровавшіеся войною, обвиняютъ теперь императора французовъ, столь полно и основательно защищеннаго нами отъ всѣхъ порицаній за это дѣло.

Въ судьбѣ восточной Ломбардіи, уступленной императоромъ французовъ королю сардинскому, мы видимъ новое доказательство въ пользу оправдываемаго нами дѣла императора Наполеона III: если мы захотимъ узнать, сколько выиграла эта часть Ломбардіи отъ присоединенія къ Сардиніи, то убѣдимся, что остальная часть Ломбардіи и Венеціи не имѣютъ слишкомъ сильныхъ причинъ завидовать перемѣнѣ, которая миновала ихъ.

Если читатель не принадлежитъ къ счастливцамъ, у которыхъ денегъ «куры не клюютъ», къ счастливцамъ, которые могутъ постоянно носиться душою въ возвышенныхъ сферахъ чисто идеальныхъ созерцаній о прекрасномъ всякаго рода, отъ трюфлей до составленія собственныхъ картинныхъ галлерей, будучи избавлены хорошимъ наслѣдствомъ отъ презрѣнныхъ мыслей о прокормленіи се-

мейства, — то читатель знаетъ по опыту, что презрѣнные матеріальные разсчеты о кускѣ хлѣба, о тяжести налоговъ и тому подобныхъ пошлостяхъ сильно примѣшиваются къ самымъ возвышеннымъ чувствамъ, и напримѣръ съ понятіемъ національной независимости у итальянцевъ должна была соединяться мысль, что національное правительство не будетъ давить ихъ такими ужасными поборами, какъ давили иноземные властители. Мы положительно увѣрены, и имѣемъ на то несомнѣнныя доказательства, что главнымъ источникомъ ненависти къ австрійцамъ въ Ломбардіи служили не политическія преслѣдованія, а обременительность ихъ управленія въ отношеніи налоговъ и поборовъ всякаго рода. Эти фискальныя тягости справедливо казались раззорительными, невыносимыми. Что же теперь сдѣлало сардинское правительство въ этомъ отношеніи съ доставшеюся ему частью Ломбардіи? — Ровно ничего; всѣ тяжести, мучившія ломбардцевъ при австрійцахъ, попрежнему лежатъ на ломбардцахъ. Мы не хотимъ сами говорить объ этомъ, — представляемъ просто выписку изъ «Indépendance Belge», которую нельзя упрекнуть въ нерасположеніи къ сардинской политикѣ. Вотъ что пишетъ одинъ изъ корреспондентовъ Indépéndance Belge въ Италіи о той системѣ управленія, которая учреждена теперь сардинскимъ правительствомъ въ Ломбардіи:

«Изъ текста декрета о новомъ правительственномъ устройствѣ Ломбардіи, посланнаго вчера мною, вы могли видѣть, что въ администраціи не измѣнено по возможности ничего: забота была не о томъ, чтобы придумать возможно-наилучшую администрацію, а только о томъ, чтобы немедленно имѣть готовую администрацію. Потому-то только ту перемѣну и сдѣлали, что удалили множество иностранцевъ (т. е. не итальянцевъ), занимавшихъ должности при австрійскомъ правительствѣ и сосредоточили управленіе въ рукахъ отвѣтственныхъ лицъ съ значительною властью, вмѣсто коллегіальныхъ административныхъ мѣстъ, бывшихъ такимъ вреднымъ недостаткомъ при австрійскомъ управленіи.

«Въ финансовой организаціи страны послѣдовали той же самой системѣ, какъ въ политической. Вотъ два декрета, относящіеся къ финансовому устройству:

«Викторъ Эммануилъ и проч. и проч. и проч.

«Сообразно нашему декрету отъ 8-го числа настоящаго мѣсяца, принимая въ уваженіе потребности національной войны и въ силу чрезвычайной власти, данной намъ закономъ 25-го апрѣля текущаго года, по предложенію нашего совѣта министровъ, мы повелѣли и повелѣваемъ нижеслѣдующее:

«1) Прямые и косвенные налоги, существующіе нынѣ въ ломбардскихъ провинціяхъ, впредь до послѣдующихъ распоряженій удерживаются, исключая постановляемаго слѣдующею статьею измѣненія.

«2) Относящіяся до продажи товаровъ, принадлежащихъ къ регаліямъ (Regia privativa) (*), до почтъ, телеграфовъ, и таможень, пошлины, законы и правила, дѣйствующія нынѣ въ другихъ частяхъ королевскихъ владѣній, будутъ примѣнены къ Ломбардіи по особеннымъ распоряженіямъ губернатора.

«По совершеніи этого уподобленія, таможенная линія между Ломбардіею и другими провинціями будетъ уничтожена.

«Другой декретъ опредѣляетъ, что во время войны пограничныя и городскія таможни не должны взимать никакихъ пошлинъ съ товаровъ, идущихъ на потребленіе арміи.

Такимъ образомъ, съ очень небольшими исключеніями, Ломбардія будетъ управляться нынѣ по тѣмъ же самымъ формамъ, какія существовали прежде; ломбардцы будутъ платить тѣже самые налоги, какъ прежде, — и вы увидите странное зрѣлище, что вещи, бывшія несносными при австрійскомъ правительствѣ, будутъ выноситься (и уже выносятся) съ охотою при правительствѣ, которое сами себѣ избрали. Каждому кажется это натурально, и если понадобятся и большія жертвы, они также перенесутъ ихъ съ готовностью.»

Итакъ, для облегченія тѣхъ сословій, которыя чувствовали тягость австрійскихъ наборовъ въ Ломбардіи, не сдѣлано ровно ничего. Мы не сомнѣваемся въ томъ, что когда нибудь будутъ произведены сардинскимъ правительствомъ облегченія налоговъ въ Ломбардіи, какъ будутъ конечно произведены и въ самой Сардиніи, гдѣ налоги также доведены до чрезвычайной обременительности для поддержанія давнишней воинственности.... Мы не сомнѣваемся, что сардинскій правительственный принципъ, при всѣхъ своихъ своихъ несовершенствахъ, при всѣхъ современныхъ уклоненіяхъ отъ заботы объ облегченіи матеріальной участи народа, все таки въ милліонъ — разъ лучше австрійскаго, который по натурѣ своей соединенъ съ угнетеніемъ народа и въ матеріальномъ отношеніи, какъ основанъ на угнетеніи его въ нравственномъ, и умственномъ отношеніяхъ, между тѣмъ какъ сардинскій принципъ существенно принужденъ обращаться къ улучшенію народнаго быта, хотя бы по временамъ и уклонялся отъ этой обязанности по случайнымъ обстоятельствамъ. Мы толь-

(*) Правительственныя монополіи: соль, табакъ, порохъ и проч.

ко хотимъ сказать, что нынѣшняя война была соединена съ однимъ изъ такихъ временныхъ забвеній объ облегченіи народныхъ бѣдствій, что сардинская политика въ то время, когда пріобрѣтали Ломбардію, была такъ же недальновидна по финансовой части, какъ и по дипломатической.

Мы уже говорили, что поселяне сѣверной Италіи далеко не раздѣляли энтузіазма, съ которымъ желали изгнанія австрійцевъ горожане и высшія сословія. Мы говорили, что причина этой холодности поселянъ къ національному дѣлу заключается въ поземельныхъ отношеніяхъ, по которымъ поселянинъ, зависимый не прямо отъ правительства, а отъ богатаго землевладѣльца, останавливаетъ на этомъ ближайшемъ посредникѣ своей бѣдности чувство нелюбви, которое уже не доходитъ до отдаленнѣйшей и коренной виновницы бѣдствій—до правительственной системы, принуждающей землевладѣльца обирать поселянина для уплаты налоговъ и съ тѣмъ вмѣстѣ защищающей землевладѣльца въ его господствѣ надъ поселяниномъ. Поселянинъ знаетъ, что онъ много отдаетъ землевладѣльцу; — о томъ, что землевладѣлецъ много изъ этой добычи долженъ отдавать правительству, онъ не знаетъ, не знаетъ и того, что оно не даетъ возможности ни землевладѣльцу уменьшить повинности, лежащія на мужикѣ, ни мужику возвыситься до независимости въ своихъ поземельныхъ отношеніяхъ. Такимъ образомъ и въ Ломбардіи поселяне умѣютъ только нелюбить землевладѣльцевъ, не понимая, что должны были бы за все винить австрійское правительство, которое не имѣло съ ними непосредственнаго дѣла, а угнетало ихъ только черезъ посредство землевладѣльцевъ. Вотъ подробности объ этомъ положеніи вещей, найденныя нами у того же корреспондента Times'a, которому мы были обязаны описаніемъ войны:

«Справедливость требуетъ сказать, что поселянамъ (въ Ломбардіи) нечего было жаловаться на австрійское правительство: въ самомъ дѣлѣ, вы удивитесь, если я скажу, что, за исключеніемъ косвенныхъ налоговъ по монополіямъ соли, табаку, по гербовой бумагѣ и по таможеннымъ пошлинамъ, поселянинъ не платитъ здѣсь ничего, и прямыхъ налоговъ никакихъ на немъ не лежало. Всѣ налоги лежатъ на землевладѣльцѣ. Большая часть этого округа (сѣверо-восточная часть Ломбардіи) состоитъ изъ большихъ имѣній, владѣльцы которыхъ почти всѣ живутъ въ городахъ, только осенью пріѣзжая на нѣсколько недѣль въ свои помѣстья. Мелкой поземельной собственности, которая обработывается самими владѣльцами, здѣсь чрезвычайно немного, и почти всѣ поселяне просто фермеры или работники. Имѣющіе четырехъ и больше воловъ бываютъ фермерами;

фермеръ получаетъ, сообразно съ своими рабочими силами, извѣстный участокъ земли съ домомъ, который содержится землевладѣльцемъ. Фермеръ дѣлаетъ посѣвъ изъ своихъ сѣмянъ и обработываетъ землю; изъ произведеній ему принадлежатъ двѣ трети, а третья часть отдается владѣльцу, который, какъ собственникъ, долженъ изъ этой трети уплачивать тяжелый поземельный налогъ (prediale). Неимѣющіе скота нанимаются въ годовые работники. Они получаютъ готовый домъ со всѣмъ обзаведеніемъ, извѣстное число воловъ, сообразно пространству отдаваемой имъ въ обработку земли, соразмѣрному съ числомъ работниковъ въ семьѣ. Весь сборъ произведеній поступаетъ къ землевладѣльцу, который даетъ извѣстную плату деньгами, хлѣбомъ, рисомъ, сѣномъ, виномъ, дровами и проч. этимъ своимъ работникамъ (bovarii). Едва ли нужно говорить, что и тутъ поземельный налогъ уплачивается землевладѣльцемъ.

«Шелководство совсѣмъ особое дѣло. Землевладѣлецъ составляетъ такъ называемое «общество», società. Каждому семейству даетъ онъ извѣстное количество сѣмени шелковичнаго червя и для прокормленія червей назначаетъ соотвѣтствующее число шелковичныхъ деревъ. Онъ даетъ семьѣ также домъ, если она не получила уже дома по фермерству или найму въ земледѣльческую работу у него. Продуктъ дѣлится по-ровну между землевладѣльцемъ и его компаньономъ. Налогъ платитъ опять землевладѣлецъ, какъ собственникъ шелковичныхъ деревъ. Но это еще не все: онъ долженъ нести и весь рискъ, а въ послѣдніе годы рискъ въ шелководствѣ былъ великъ. «И знаете, что бываетъ? — говоритъ человѣкъ, сообщавшій мнѣ эти свѣдѣнія, простодушный, но умный приходскій священникъ, — компаньонъ приходитъ къ владѣльцу и говоритъ: падроне (или по здѣшнему выговору парронъ) мнѣ нужно поленты, чтобы кормить мою семью. — Вотъ вамъ полента, говоритъ владѣлецъ. — Приходитъ другой и говоритъ: парронъ, мнѣ нужно дровъ, потому что погода холодная, и черви перемрутъ, если не топить для нихъ. — Вотъ вамъ дрова, говоритъ владѣлецъ. — Опять приходитъ третій и проситъ денегъ заплатить людямъ, которые обрываютъ и переносятъ къ червямъ листья съ деревъ, и получаетъ одну или двѣ мѣдныхъ монеты отъ владѣльца. Такъ все и идетъ, и владѣлецъ долженъ нести самъ всѣ издержки производства. Приходитъ galette, сборъ коконовъ, — и вотъ тебѣ! — коконы не сотканы червями: владѣлецъ — мало-того, что не получилъ шелку, онъ долженъ еще платить подати, а въ придачу пропали даромъ и дрова, и полента, и деньги».

«Этотъ очеркъ нѣсколько объясняетъ расположеніе умовъ ломбардскаго сельскаго населенія, и показываетъ почему поселяне въ

равнинахъ до сихъ поръ оставались довольно равнодушны къ дѣлу удаленія австрійцевъ. Они только поставляли рекрутъ, да платили косвенные налоги на соли и табакѣ, а кромѣ того не платили ничего. Подобно сельскому населенію въ другихъ странахъ, они не поднялись до идей выше мыслей о ѣдѣ, питьѣ, приумноженіи человѣческаго рода и смерти. Смѣшно было бы ожидать отъ нихъ энтузіазма безъ предложенія имъ какихъ нибудь матеріальныхъ выгодъ. Съ этою цѣлью новое правительство рѣшило сдѣлать значительное пониженіе въ цѣнѣ соли, надѣясь, и быть можетъ не безъ основанія, пріобрѣсти расположеніе сельскаго населенія въ равнинахъ. Въ горахъ, гдѣ больше мелкихъ собственниковъ и гдѣ стало-быть массъ народа страдаетъ отъ тяжелой поземельной подати, наложенной австрійскимъ правительствомъ, поселянинъ такъ же сильно желаетъ низверженія австрійскаго правительства, какъ по всей Ломбардіи желаютъ этого высшіе классы горожанъ».

Такимъ образомъ, мы теперь знаемъ слѣдующіе факты: поселяне въ Ломбардіи не понимали, что австрійцы поддерживали невыгодныя для нихъ поземельныя отношенія, и обременяя землевладѣльцевъ налогами, служили истинными виновниками ихъ бѣдности; но они жили бѣдно, будучи въ совершенной зависимости отъ землевладѣльцевъ, и если желали перемѣнъ, то не въ правительствѣ, а въ своихъ поземельныхъ отношеніяхъ. Сардинское правительство ничего не сдѣлало и по этому вопросу. Итакъ поселяне, не понимавшіе, что должны винить за свою бѣдность австрійцевъ, не получили причинъ быть расположенными къ сардинцамъ больше, нежели къ австрійцамъ. Высшіе классы и горожане, чувствовавшіе австрійское угнетеніе, не получили облегченій отъ Сардиніи; поселяне не имѣвшіе ненависти къ австрійцамъ, оставлены въ прежнемъ положеніи.

Теперь читатель видитъ, почему мы, сказавъ въ началѣ статьи, что въ каждой западно-европейской націи существуютъ двѣ основы раздѣленія на партіи, — матеріальныя отношенія и политическія потребности, говорили потомъ только о трехъ партіяхъ, возникающихъ изъ разногласія въ политическихъ стремленіяхъ, не упоминая о четвертомъ отдѣлѣ, состоящемъ изъ массы народа, которая равнодушна къ понятіямъ реакціи, модерантизма и политическаго революціонерства, и носитъ въ себѣ только недовольство чисто матеріальными отношеніями извѣстнаго порядка вещей. Эта темная, почти нѣмая, почти мертвая въ обыкновенныя времена масса не играетъ роли въ нынѣшнихъ итальянскихъ событіяхъ, какъ не играетъ и въ большей части другихъ политическихъ дѣлъ Западной Европы.

Гиухія, цѣлыя стремленія этой массы такъ непохожи на историческія стремленія друзей реформы въ образованныхъ сословіяхъ, что модерантисты никогда, и даже революціонеры очень рѣдко отваживаются прямо опираться на удовлетвореніе этимъ стремленіямъ, и масса, не находя въ ихъ программахъ соотвѣтствія съ своими мыслями, остается обыкновенно равнодушна къ реформаторамъ; мало того, она даже обыкновенно имѣетъ расположеніе проникаться нелюбовью къ нимъ, досадою на нихъ за то, что въ общественной тишинѣ, доставляющей ежедневное скудное пропитаніе массѣ, реформаторскія партіи производятъ нарушеніе для цѣлей, не кажущихся достаточно благотворными для массы. Оставаясь равнодушна къ реформаторамъ, не видя въ ихъ дѣлѣ своего дѣла, масса даже предается въ руки реакціонеровъ, которые по крайней мѣрѣ обѣщаются охранять внѣшній порядокъ, дающій массѣ насущный скудный хлѣбъ ежедневнымъ трудомъ....

Такъ было и въ Италіи. Сардинія, Ломбардія, Венеція, Тоскана, Парма и Модена, Легатства, — эти земли вмѣстѣ имѣютъ болѣе 15 милліоновъ населенія; какая армія въ состояніи бороться противъ 15 мильоновъ людей? Пошлите противъ нихъ хотя мильонъ солдатъ, и тысячи человѣкъ изъ этого мильона не возвратятся на родину.... Но гдѣ же въ Италіи было участіе массы? Дѣйствовали образованныя сословія да нѣкоторые классы горожанъ, то есть горсть людей, только сотни тысячъ, а остальные четырнадцать съ половиною милліоновъ, покинутые безъ вниманія къ ихъ потребностямъ предводителями движенія, равнодушно смотрѣли на это движеніе къ цѣлямъ, не затрогивавшихъ бѣдныхъ потребностей бѣдной массы—ихъ поселянъ и городскихъ простолюдиновъ, и говорили: «пусть раздѣлываются между собою, какъ знаютъ, это не наше дѣло; о насъ никто не заботится, намъ никто не желаетъ пользы, — что же намъ-то хлопотать о нихъ?»....

Да, — это мы видимъ теперь, — страшная судьба ждетъ патріотовъ Италіи. Каковы бы ни были правительства, ими низвергнутыя, прежнія гоненія будутъ ничтожны передъ мщеніемъ, которому подвергнутся образованные классы отъ реставраціи. Тоскана, Парма, Модена долго будутъ доставлять газетамъ матеріалы для пошлыхъ, глупыхъ филиппикъ противъ жестокостей реакціи, какъ будто бы реакція можетъ обходиться безъ крутыхъ средствъ!... Что будетъ въ Италіи дѣлаться возстановленными правительствами, можемъ мы знать по примѣру, который дало папское правительство въ Перуджіи.

Мы не возьмемъ на себя обязанности разсказывать перуджіанское дѣло, происходившее передъ сольферинскою битвою; ограничимся

выпискою изъ газеты, которую никто не заподозритъ въ преувеличеніи фактовъ съ неблагонамѣренною цѣлью, и переводомъ письма, присланнаго въ «Times» американцемъ, который самъ былъ очевидцемъ подвиговъ торжествующей реакціи. Вотъ это письмо, изъ котораго Европа впервые узнала о томъ, какъ возстановленъ былъ порядокъ въ Перуджіи, увлекшейся нечестивыми либеральными наклонностями:

«Флоренція, 25 іюня.»

«Считаю обязанностью очевидца извѣстить васъ о свирѣпостяхъ, совершенныхъ папскимъ правительствомъ въ Перуджіи 20 (8) числа нынѣшняго мѣсяца (іюня), когда швейцарскія войска послѣ форсированнаго марша успѣли вступить въ этотъ городъ, одолѣвъ храброе сопротивленіе жителей, которые въ предъидущій вторникъ (14—2 іюля) мирно, но твердо и единодушно возстали противъ легата и принудили его съ немногочисленными папскими солдатами, бывшими въ Перуджіи, оставить ихъ городъ.

«Во всю эту недѣлю были слухи, что правительство послало изъ Рима два полка; но телеграфъ молчалъ. Горожане составили изъ себя національную гвардію, собрали оружіе и загородили ворота св. Петра, находящіяся въ концѣ той улицы, гдѣ стоитъ Hôtel de France, въ которомъ жилъ я съ моимъ семействомъ.

«Насъ увѣряли, что мы будемъ за нѣсколько часовъ предупреждены о приближеніи войскъ; но они шли день и ночь проселочными дорогами, не проходя ни черезъ одинъ городъ, стоящій на обыкновенной дорогѣ, такъ что совершенно неожиданно явились подъ стѣнами города и перелѣзли черезъ нихъ.

«Они требовали покорности, но горожане, страдавшіе отъ несправедливостей, о которыхъ вы такъ часто и хорошо говорили Европѣ, отвѣчали съ твердостью, какую давала имъ великая надежда, что ихъ груди будутъ вторымъ оплотомъ противъ войскъ.

«Тогда была сдѣлана самая бѣшеная и, разумѣется, успѣшная атака на иррегулярное и необученное войско горожанъ; полтора часа непрерывно продолжалась перестрѣлка у воротъ.

«Солдатъ гнали къ Перуджіи день и ночь, выдавая имъ очень мало пищи; пятеро или шестеро изъ нихъ умерли на дорогѣ. Прибывши въ маленькую деревню близъ Santa Maria degli Angeli (около города Ассизи), гдѣ они, вѣроятно, въ первый разъ выступили на большую дорогу, они вошли въ дома и принудили жителей отдать имъ все вино, какое было въ деревнѣ, такъ что къ Перуджіи пришли они пьяные, обезумѣвшіе отъ вина и усталости.... Какъ прискорбно, что швейцарцы, могутъ наниматься на совершеніе такихъ злодѣйствъ,— злодѣйствъ, говорю я, потому что, вошедши въ городъ, они стали

дѣйствовать, какъ убійцы. Они входили въ дома, стрѣляли направо и налѣво въ лавки и въ дома, и часа черезъ два, послѣ начала атаки, мы услышали, что они выламываютъ двери нашего отеля, потомъ услышали мы выстрѣлы въ домѣ, хотя хозяинъ отеля былъ безоруженъ, оставался нейтральнымъ и не оказывалъ никакого сопротивленія. У дверей они застрѣлили двухъ служителей, кричавшихъ имъ, что это гостинница. По свирѣпымъ крикамъ и выстрѣламъ узнавъ, что намъ грозитъ большая опасность, всѣ мы ушли въ заднюю комнату во второмъ этажѣ; когда бѣшеные солдаты стали приближаться къ ней, мы спрятались въ длинный, узкій чуланъ, въ концѣ котораго поставили хозяйку дома, ея мать и одну изъ служанокъ. Наше семейство состояло изъ одного мужчины, четырехъ женщинъ и съ нами было двое слугъ, такъ что всего 10 человѣкъ забились въ эту клѣтку, имѣвшую не болѣе двухъ футовъ ширины. Мы приготовлялись къ смерти. Прошло десять минутъ мучительной неизвѣстности, и солдаты вошли въ комнату; отворивъ дверь чулана, они направили въ нее штыки; три раза они грозили намъ; они походили на дикихъ звѣрей. Мы всѣ кричали по-итальянски: «мы американцы, иностранцы....» Одна изъ дамъ упала на колѣни и штыкъ былъ устремленъ на нее, когда сердце одного изъ швейцарцевъ смягчилось: онъ бросился впередъ съ крикомъ: «стыдно убивать женщинъ», сталъ между нами и своими товарищами, помогъ намъ укротить ихъ, увѣряя, что мы отдадимъ все, что у насъ есть. Взявъ наши часы и бывшія съ нами деньги, они ушли изъ комнаты. Добрый солдатъ, Конрадъ, сказалъ, что будетъ защищать насъ и что его товарищи обезумѣли отъ вина, утомленія и голода. Полчаса прошло спокойно; потомъ мы услышали, что бѣгаетъ по дому другая толпа; въ ту самую минуту, когда они были готовы ворваться въ нашу комнату, добрый солдатъ, которому мы были обязаны жизнью, вбѣжалъ въ другую дверь, съ крикомъ: «прячьтесь, прячьтесь! въ чуланъ, въ чуланъ!» — и опять мы спрятались на цѣлый часъ.

«Солдаты совершенно опустошили домъ. Они убили хозяина дома (человѣка безоружнаго, старавшагося успокоить ихъ) передъ тою комнатою, гдѣ мы были, и убили его самымъ жестокимъ образомъ. Въ цѣломъ городѣ совершались убійства. Одному изъ солдатъ помѣшалъ заколоть штыкомъ двухъ женщинъ его товарищъ, который боролся съ нимъ, пока женщины убѣжали къ намъ.

«Два раза мы должны были возвращаться въ нашъ чуланъ. До 9 часовъ солдатамъ было дано грабить и опустошать городъ. Между прочимъ, они убили бѣднаго малютку за то, что на него была надѣта его матерью итальянская кокарда. Они убили семь женщинъ....

Многіе изъ жителей разорены. Въ нашемъ отелѣ (Hôtel de France) не осталось ни одной цѣлой вещи: столы, стулья, зеркала, — все изломано и разбито въ мелкіе куски. Наши чемоданы были разломаны и все изъ нихъ взято. Потерявши все, мы едва спасли свою жизнь, благодаря нашимъ паспортамъ, которые по счастію были у меня въ карманѣ: намъ было дозволено уѣхать изъ города, — города смерти, по улицамъ котораго, когда мы уѣзжали на другой день поутру, лежали трупы.»

А вотъ и выписка изъ «Journal des Débats», который, какъ извѣстно, вовсе не расположенъ чернить охранителей порядка:

«Извѣстно, что вся Романья, многіе города маркграфства и нѣкоторые города Умбріи объявили себя въ пользу войны за независимость. Движеніе повсюду имѣло одинаковый характеръ. Граждане, самые почтенные по знатности, богатству или личнымъ достоинствамъ, объявляли легату или делегату, что лучше будетъ ему удалиться, потому что городъ рѣшился помогать своими деньгами и силою своихъ молодыхъ людей войнѣ, которую ведутъ союзники противъ австрійцевъ. Повсюду делегаты удалились безъ сопротивленія.

«Юнты, составлявшіяся изъ самыхъ почетныхъ людей въ каждомъ городѣ, немедленно учреждались и первымъ ихъ дѣломъ было посылать депутатовъ въ монастыри, коллегіумы, воспитательные домы іезуитовъ и другихъ орденовъ — увѣрить эти корпораціи, что всѣ онѣ могутъ быть совершенно спокойны за свое существованіе и свою собственность, что движеніе имѣло исключительно народный итальянскій характеръ, а вовсе не характеръ революціи.

«Перуджія — самый близкій къ Риму изъ городовъ, въ которыхъ обнаружилось это движеніе. Правительство рѣшилось возвратить ее къ повиновенію. «Римская газета», три дня тому назадъ (21 іюня новаго стиля), извѣстила насъ, что городъ покоренъ и г. полковникъ Шмидтъ произведенъ въ генералы за услуги, оказанныя при этомъ дѣлѣ. Намъ очень непріятно, но мы должны сообщить подробности этого покоренія. Было послано 1,000 человѣкъ тѣхъ наемныхъ солдатъ, которые называются швейцарцами, но въ сущности состоятъ изъ людей всякихъ націй, особенно изъ нѣмцевъ; къ нимъ въ Фулиньи присоединилось нѣсколько карабинеровъ, — этотъ корпусъ назначенъ быть жандармами, но состоитъ изъ грабителей. Присоединили къ нимъ еще нѣсколько ротъ обыкновеннаго папскаго войска, и полковникъ Шмидтъ, набравъ такимъ образомъ до 2,500 человѣкъ солдатъ, явился передъ Перуджіею.

На требованіе сдаться, муниципальная юнта отвѣчала просьбою дать ей нѣсколько часовъ времени для успокоенія особенно горячихъ

людей и принятія нужныхъ мѣръ. Поста, секретарь юнты, пошелъ въ лагерь просить этой отсрочки, передъ нимъ несли бѣлое парламентерское знамя. Едва только вышедши за городскія ворота, онъ упалъ, пораженный шестью пулями. Потомъ были убиты четыре сына его, и мы слышали, что мать ихъ сошла съ ума. Въ одну минуту ядра разбили ворота, и войска ворвались въ предмѣстье св. Петра. Тутъ было убито 70 человѣкъ, множество другихъ ранено, начался грабежъ, и солдаты зажгли городъ. Изъ монастыря Бенедиктинцевъ было взято 14,000 скуди (21,000 р.). Въ семействахъ Темперини, Самптаремси, Таббанони, Бельцуни почти всѣ были перерѣзаны, даже маленькія дѣти. Изъ комнатъ, гдѣ хотѣли укрыться эти несчастные, всѣ дорогія вещи и все серебро взяли солдаты.

«Магдалена Темперини, богатая и уважаемая дама, была убита въ своей спальнѣ. Ирена Джоя Полидори, модистка, была убита. Въ Hôtel de France, американецъ, жившій съ своимъ семействомъ.... (слѣдуютъ подробности, которыя мы уже знали изъ его письма).

«Послѣ такой побѣды, городъ немедленно былъ подвергнутъ всей строгости жесточайшихъ военныхъ законовъ, и было велѣно два дня иллюминовать его. Солдаты были роскошно угощаемы на счетъ города и стали получать по три паоли въ день; на городскую общину была наложена контрибуція въ 231,000 франковъ и на одного изъ членовъ юнты, г. Гуардабали, штрафъ въ 107,000 франковъ.

«У инсургентовъ было только 80 ружей.

«Вчера (23 іюня н. с.) было здѣсь (въ Римѣ) большое торжество.»

Вотъ еще отрывокъ изъ письма корреспондента «Indépendance Belge»:

«Списокъ злодѣйствъ, совершенныхъ въ Перуджіи, слишкомъ длиненъ. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

«У модистки Серри, солдаты ранили или убили восемь дѣвушекъ и ребенка, которые на колѣняхъ умоляли о пощадѣ.

«Въ домѣ г. Лагарини убиты его жена, теща и ребенокъ.

«Въ домѣ табачнаго купца Франчески, убита штыками въ постели больная женщина.

«У г. Темперини взято 2,000 скуди.

«Въ домѣ г. Сальватори убиты два служителя.

«Привожу только немногіе факты. Не могу не упомянуть объ одномъ совершенно оригинальномъ.

«Между разными монастырями, существуетъ вражда. Доминиканскіе монахи, помогавшіе солдатамъ войти въ городъ, обратили ихъ ярость на монастырь св. Петра, который называли пристанищемъ

манцинистовъ. Солдаты убили одного изъ монаховъ и ранили нѣсколькихъ другихъ.»

Папское правительство, выразивъ свою благодарность усмирдителямъ Перуджіи (защитники которой, какъ мы видѣли, имѣли только 80 ружей) и наградивъ генеральскимъ чиномъ ихъ командира, объявило въ «Римской газетѣ», что очень глупо поступаютъ люди, удивляющіеся совершившимся въ Перуджіи фактамъ, какъ чему-то необыкновенному, что напротивъ, иначе никогда не бываетъ и не можетъ быть. Мы не судимъ о томъ, до какой степени хорошо или дурно рѣзать дѣвушекъ, дѣтей и больныхъ женщинъ, но должны признаться, что папское правительство понимаетъ характеръ своего положенія лучше нежели тѣ наивные люди, которые удивляются перуджіанскимъ событіямъ и въ своемъ простодушіи даже требуютъ, чтобы подобныхъ вещей не совершалось.

ОГЛАВЛЕНІЕ

СЕМЬДЕСЯТЪ ШЕСТАГО ТОМА.

СЛОВЕСНОСТЬ, НАУКИ и ХУДОЖЕСТВА.

Стр.

АВГУСТЪ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Августа 15 дня 1859 года.

Цензоръ *И. Обертъ*.